

Л. П. Крысин

РУССКОЕ СЛОВО,
СВОЁ И ЧУЖОЕ

STUDIA PHILOLOGICA

S T U D I A   P H I L O L O G I C A

Л. П. Крысин

РУССКОЕ СЛОВО,
СВОЁ И ЧУЖОЕ

Исследования
по современному русскому языку
и социолингвистике

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.2Рус
К 85

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16009

Крысин Л. П.

К 85

Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-183-7

В этой книге собраны работы, написанные автором в 60—90-е годы XX в. и посвященные исследованию лексики, семантики и стилистики русского языка, а также социальному контексту его существования. В первом разделе опубликована изданная в 1968 году книга «Иноязычные слова в современном русском языке», дополненная рядом статей, написанных в последующие годы и также посвященных проблемам иноязычного заимствования. Второй раздел содержит статьи по проблемам правильности русской речи и стилистики; третий — републикацию книги «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка» (1989 год) и ряд статей на социолингвистические темы. Четвертый раздел книги составляют очерки об известных ученых-лингвистах и о писателе Корнее Чуковском как исследователе русского языка. Завершает сборник раздел «Языкознание и школа», в котором помещены две научно-популярные работы автора, адресованные старшеклассникам и учителям-словесникам: «Язык в современном обществе» и «Жизнь языка».

Книга адресована в первую очередь специалистам в области изучения современного русского языка и социолингвистам, а также всем, кто интересуется нынешним состоянием русского языка, условиями его функционирования в разных сферах общения.

ББК 81.2Рус

Тираж 700. Заказ 1130

ГП Псковской области «Великолукская городская типография»
Комитета по средствам массовой информации. 182100, Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12
Тел./факс: (811-53) 3-62-95. E-mail: VTL@MART.RU

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-183-7

© Л. П. Крысин, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

9 785944 571830 >

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	10
-----------------	----

Раздел I

ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ, СЕМАНТИКА

Предисловие	13
Некоторые теоретические вопросы заимствования	15
О заимствовании как языковом процессе	17
Разработка теории заимствования в лингвистической литературе	18
Определение понятия «заимствование». Виды заимствования	24
Причины и предпосылки лексического заимствования	26
Внешние причины	26
Внутренние (языковые) причины	27
Об условиях заимствования	33
«Заимствованное слово» = «иноязычное слово»?	35
Этапы освоения иноязычного слова	37
Признаки ассимилированности чужого слова в языке — необходимые и избыточные	44
Словообразовательные возможности иноязычных неологизмов	51
Типы иноязычных слов	57
Заимствованные слова и интернациональные термины	57
Иноязычные вкрапления и экзотическая лексика	59
О критериях определения вероятного источника заимствования	64
Заимствование или словообразование?	66
Заимствование иноязычной лексики русским языком XX века	72
Несколько общих замечаний о процессе лексического заимствования в конце XIX—XX в.	72
Иноязычная лексика в русской речи конца 10-х — начала 20-х годов XX в.	75
Заимствование иноязычной лексики во второй половине 20-х — 30-е годы	94

Слова — обозначения новых предметов и явлений	97
Слова, не связанные с обозначением новых реалий	113
Слова, структурно совпадающие с их иноязычными прототипами	115
Слова, оформленные грамматическими средствами русского языка	121
Особенности использования и заимствования иноязычной лексики	
в 40-е — начале 50-х годов	128
Иноязычная лексика в русской речи	
периода Великой Отечественной войны	129
Специфика использования иноязычной лексики	
во второй половине 40-х — начале 50-х годов	139
Активизация процесса заимствования иноязычной лексики	
во второй половине 50-х — начале 60-х годов	150
Иноязычная лексика, связанная с обозначением новых предметов	
и понятий	153
Иноязычная лексика, не связанная с обозначением новых предметов	
и понятий	167
Иноязычное слово в контексте общественной жизни конца XX века	184
Условия активизации употребления иноязычной лексики	184
Еще раз о причинах заимствования	188
Особенности функционирования иноязычной лексики	
в русской речи 80—90-х годов	197
Новые иноязычные аналитические прилагательные и явление хиатуса	202
Представление иноязычного слова в толковом словаре:	
типы лексикографической информации об иноязычном слове	210
Калькирование в русском языке конца XX века	221

Раздел II

СТИЛИСТИКА, КУЛЬТУРА РЕЧИ

К типологии лексических «неправильностей»	229
Социолингвистический аспект изучения речевых «неправильностей»	238
Гипербола в русской разговорной речи	244
1. Предварительные замечания	244
2. Гипербола и причины ее появления в разговорной речи	247
3. Условия гиперболизации	250
4. Средства гиперболизации	251
Эвфемизмы в современной русской речи	262
1. Предварительные замечания	262
2. Определение понятия «эвфемизм»	265
3. Темы и сферы эвфемизации	268
4. Эвфемизмы в социальных сферах деятельности человека	269
Цели эвфемизации речи	269
Сферы социальной жизни, в которых используются эвфемизмы	277
Языковые способы и средства эвфемизации	280

Социальные различия между говорящими в создании и использовании эвфемизмов	282
Маркирование эвфемизмов в тексте	285
Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально- стилистической парадигме русского литературного языка	287

Раздел III

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Предисловие	293
Проблема социальной обусловленности языка в современной лингвистике	296
1. Предварительные замечания	296
2. Социальная дифференциация языка	300
3. Социальные условия развития и функционирования языка	310
Социальная и функциональная дифференциация современного русского языка	323
1. Историческая изменчивость языковой и социальной природы подсистем русского национального языка и их границ	323
2. Литературный язык	325
3. Территориальные диалекты	340
4. Городское просторечие	346
5. Профессиональные жаргоны	362
6. Групповые жаргоны	369
7. Молодежный жаргон	372
Социально обусловленные процессы: взаимодействие и взаимовлияние языковых подсистем	376
1. Взаимоотношения литературного языка и территориальных диалектов ...	376
2. Взаимоотношения литературного языка и просторечия	383
3. Взаимоотношения литературного языка и профессиональных жаргонов .	394
4. Взаимоотношения литературного языка и групповых жаргонов	398
5. Взаимоотношения некодифицированных языковых подсистем	400
6. О варьировании русского языка в инонациональных условиях	404
Социальный аспект владения языком	411
1. Понятие «владение языком» в современной лингвистике	411
2. Уровни владения языком	416
3. Речевое общение и социальные роли коммуникантов	425
Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц	437
1. Предварительные замечания	437
2. Социальные компоненты в семантике языковых единиц	439
3. Социальные ограничения в сочетаемости языковых единиц	458
Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии	468
О речевом поведении человека в малых социальных общностях	475
1. Виды малых групп	476
2. Структура малой группы	478
3. Речевая гомогенность группы	480

4. Групповые шаблоны речи	482
5. Диглосность членов малой группы	483
6. Некоторые особенности устной речи при внутригрупповом общении	484
Социальная маркированность языковых единиц	486
1. Социальная маркированность фонетических явлений	487
2. Социальная маркированность акцентных явлений	491
3. Социальная маркированность словоизменительных форм	494
4. Социальная маркированность словообразовательных моделей и отдельных производных	495
5. Социальная маркированность синтаксических конструкций	498
Из истории употребления слов <i>особый</i> и <i>специальный</i>	503
Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета	510
1. Предварительные замечания	510
2. Неоднородность объекта	512
3. Особенности набора языковых единиц	514
3.1. Фонетика	514
3.2. Лексика, словоупотребление	517
4. Особенности речевого поведения	520
4.1. Формулы общения	520
4.2. Прецедентные феномены	523
4.3. Языковая игра	524

Раздел IV ПЕРСОНАЛИИ

Дмитрий Николаевич Ушаков	529
Александр Александрович Реформатский	536
Дмитрий Николаевич Шмелёв	540
Михаил Викторович Панов	545
Корней Чуковский — исследователь языка	549

Раздел V ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

Необходимые пояснения	561
Язык в современном обществе	
Для чего человеку язык?	562
Многообразное единство	569
Язык и география	570
Каждый на свой лад	579
Профессия и речь	581
Социальные жаргоны	585

Язык «правильный» и «неправильный»	592
Норма	593
Краски слова и стили речи	598
Речевое общение	613
Смотря по обстоятельствам	613
Как в театре	626
«Путь в общество» и усвоение языка	642
Общение в социальной группе	656
Необходимая вежливость	670
У всех по-разному	671
Русский речевой этикет	677
Могущество местоимений	677
<i>Гражданин, господин</i> и другие	684
Формулы вежливости	688
Слово и жест	692
И тут различия	694
Жесты — помощники слов	700
Заключение	706
Жизнь слова	
Читателям о книге	708
Как живет слово в языке	710
Звук и смысл	719
Слово и его производные	729
Когда слагаемые не равны сумме	738
В глубине и на поверхности	750
Словесные блоки	751
«Параметры» слова	755
«Вселенная в алфавитном порядке»	768
Согласование смыслов	780
Загадки глагольного вида	791
Слово и высказывание	802
Хитрости управления	807
«Увязать и согласовать»	821
Место слова в предложении	831
Список сокращений	843
Словоуказатель	844
Библиография	853

ОТ АВТОРА

В этой книге собраны работы, написанные мной за сорок лет занятий современным русским языком и социолингвистикой. Одни из этих работ — исследовательские: книги «Иноязычные слова в современном русском языке» и «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка», статьи, посвященные лексике, стилистике и социальной обусловленности фактов русского языка. Они составляют содержание разделов «Лексикология, лексикография, семантика», «Стилистика, культура речи», «Социолингвистика». Другие работы — научно-популярные, адресованные школьникам и учителям-словесникам. Это две книги — «Язык в современном обществе» и «Жизнь слова». Они помещены в разделе «Языкознание и школа».

Тексты книг и статей публикуются в том виде, в каком они впервые увидели свет; изменения и исправления касаются лишь некоторых стилистически неудачных мест.

Раздел I

**ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ,
СЕМАНТИКА**

ПРЕДИСЛОВИЕ *

Среди процессов, связанных с пополнением словаря русского литературного языка советской эпохи, определенное место занимает заимствование иноязычной лексики как один из способов номинации новых явлений, а также замены существующих (преимущественно описательных) наименований.

В современной лингвистической литературе вопросы заимствования иноязычных слов русским языком последнего полувека не получили сколько-нибудь удовлетворительного разрешения. Между тем необходимость освещения этих вопросов (например, выяснение состава, количества, характера новых заимствований, их типов, особенностей их ассимиляции на русской почве и т. д.) вытекает из общей проблематики изучения развития русского языка в послеоктябрьскую эпоху. Поэтому разработка настоящей темы представляется актуальной.

Вместе с тем решение ряда конкретных проблем, связанных с этой темой, наталкивается на некоторые трудности теоретического характера, обусловленные невыясненностью отдельных сторон процесса заимствования в современном языкознании. Так, например, весьма неопределенны исходные пункты, а именно: что называть заимствованием? что называть заимствованным словом? что значит «переход слов из одного языка в другой»? каковы причины, побуждающие слово «переходить» из одного языка в другой? Ответы на эти и другие подобные вопросы даются в разных работах, посвященных лингвистическому заимствованию, по-разному. Естественно, что при таком положении возникает необходимость, прежде чем приступить к анализу конкретного материала, однозначно определить исходные понятия и термины (или по крайней мере остановиться на известных определениях).

---

* Большую часть этого раздела занимает книга «Иноязычные слова в современном русском языке» (М.: Наука, 1968), которая дополнена статьями на тему о заимствованиях, написанными в более позднее время (статьи снабжены соответствующими библиографическими ссылками на их первую публикацию).

Наше исследование иноязычных слов состоит из двух основных частей. В первой, играющей роль теоретического введения, освещаются основные проблемы лексического заимствования, приводятся, насколько это необходимо, различные мнения по поводу тех или иных вопросов и т. д. Намечаются также типы иноязычных слов, различающиеся некоторыми структурными и функциональными признаками.

Вторая часть представляет собой исторический очерк заимствования иноязычной лексики русским языком XX в. Она состоит из нескольких глав, в которых процесс заимствования и сам заимствуемый лексический материал рассматриваются в историко-хронологическом плане. Выделяются некоторые периоды, характеризующиеся разными чертами в осуществлении заимствования и в функционировании иноязычной лексики в русской литературной речи.

Материал для исследования черпался из словарей (см. библиографию), а также из текстов газетно-публицистических и научно-популярных жанров. В меньшей степени использовалась художественная (в том числе переводная) литература. Такой подбор источников иллюстративного материала — с сосредоточением основного внимания на газетно-журнальной публицистике — не случаен. Как показывают исследования, пресса в современных условиях представляет собой один из основных «посредников» в миграции слов из одного языка в другой.

В связи с этим заслуживает внимания следующее утверждение А. В. Исаченко: «В настоящее время... господствующими жанрами литературного языка, так или иначе затрагивающими быт (а следовательно, и язык) каждого гражданина, являются жанры публицистические: язык газеты, радиовещания, язык техники и науки. Следовательно, для современных литературных языков могут быть в высшей степени показательными именно те лексические элементы, которые непосредственно отражают наиболее активные проявления современной жизни. Такими элементами являются те слова, которые, весьма условно, можно назвать “терминологическими”» [Исаченко 1958: 336].

Заметим, что многие иноязычные слова, появившиеся в русском литературном языке в XX в., представляют собой как раз такую «условно терминологическую» лексику.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Изучение иноязычной лексики и, шире, языкового заимствования имеет большую традицию как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Чисто лингвистические вопросы, связанные с этой областью, во многих работах рассматриваются в совокупности с проблемами культурных и социально-экономических контактов стран и народов, в связи с вопросами «чистоты» словаря.

Начиная примерно со второй половины XVIII в., а точнее — со времени, когда в недрах Российской академии был задуман первый толковый «славено-русский словарь»¹, русские историки, филологи, общественные деятели, писатели, критики живо интересовались процессами вхождения в наш язык иностранной лексики и ее употреблением, высказывали свои соображения по поводу принятия или непринятия тех или иных слов, причем очень часто эти высказывания и споры выходили далеко за пределы узколингвистической сферы — в область идеологии, политики, социологии².

Даже в работах собственно лингвистических, более поздних по времени появления (см., например, статьи и книги А. И. Соболевского, М. Р. Фасмера, Е. Ф. Карского, Ф. Е. Корша, И. И. Огиенко и др.) глубокий объективно-научный (преимущественно этимологический) анализ фактов словаря иногда перемежался высказываниями нормативно-пуристического характера, прогнозами по поводу судьбы тех или иных конкретных заимствований. Так, например, Е. Ф. Карский говорил в 1910 г.: «...не следует прибегать к иностранным словам, когда есть более точные понятные слова собственные. Зачем, например, иностранное *тезис*, когда есть русское *положение*, иностранное *монумент*, когда мы имеем *памятник*; к чему французское *депо*, когда у нас есть слово

---

¹ См.: Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 5. СПб., 1880; Вып. 7. СПб., 1885.

² Подробнее о борьбе пуристских и антипуристских направлений в русской филологической мысли см. [Виноградов 1938; Левин 1964; Сорокин 1965].

склад; следует ли прибегать к латинскому абсурд, когда у нас есть около десяти однозначных слов: чушь, нелепость, нелепица, бестолочь, ахинея, бессмыслица и т. п.? Не странно ли говорить “в подтверждение своей мысли он ссылается на следующие аргументы”, когда у нас есть выражение “он приводит следующие доказательства, доводы”»³. Несмотря на то, что сейчас вполне очевидна невозможность одними логическими доводами (подобными тем, на которые ссылался акад. Е. Ф. Карский) воздействовать на число и характер заимствуемых слов, такие высказывания — крупных лингвистов, а не дилетантов в вопросах языка — чрезвычайно показательны. Они свидетельствуют о том, что проблема заимствования единиц одного языка другими сложна и многоаспектна. И важное место здесь занимают вопросы чистоты языка: насколько необходима иноязычная лексика? возможна ли регулировка процесса заимствования? возможна ли (и окажется ли плодотворной) борьба с конкретными иноязычными словами, которые большинству авторитетов в области языка могут казаться излишними, ненужными, засоряющими речь? Эти и многие другие вопросы, связанные с функционированием иноязычных слов в речи, с их необходимостью или, напротив, нежелательностью, ставятся и более или менее успешно решаются во многих пособиях по практической стилистике, книгах о культуре речи, популярных изданиях о языке⁴.

Однако значит ли это, что каждый раз, когда мы обращаемся к языковому заимствованию, мы обязательно должны рассматривать и нормативно-стилистический аспект этой проблемы? По-видимому, нет. Все зависит от задач, которые ставит перед собой исследователь: этимолог, интересующийся происхождением тех или иных иноязычных слов, может и даже обязан — в интересах целостности и целенаправленности научного анализа — не отвлекаться на решение других вопросов, имеющих непосредственное отношение к проблеме заимствования и к функционированию в языке иностранной лекси-

³ Карский Е. Ф. К вопросу об употреблении иностранных слов в русском языке. Варшава, 1910; см. также: Брандт Р. Ф. Несколько замечаний об употреблении иностранных слов. М., 1882.

⁴ Перечень работ по культуре речи см. в обзоре «Проблемы культуры русской речи» (Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1961. № 5). Из исследований, посвященных нормализации других языков и вопросам употребления в них иностранных слов, см., например, Faulseit D. Gutes und schlechtes Deutsch (глава: «Fach- und Fremdwörter»). Leipzig, 1965; статьи и заметки в журналах «Le français moderne» и «Vie et langage», отражающие борьбу с английскими заимствованиями во французском языке; дискуссию о культуре словацкого языка на страницах журнала «Kultúrny život» (Bratislava, май — ноябрь 1961); Doroszewski W. O kulturę słowa. Warszawa, 1962. С. 18—21, 274—275, 292, 561; Wierzbicka A. O języku dla wszystkich. Warszawa, 1965 (глава «Kontakt i wymiana») и др.

ки, но не имеющей никакого (во всяком случае — прямого) отношения к его конкретной задаче — установить происхождение слова. Точно так же историк языка исследует заимствованную и заимствуемую лексику с точки зрения путей ее проникновения в язык, ассимиляции и функционирования в нем, обращает основное внимание на процессы, которые происходят в лексике в связи с вхождением в нее иноязычных элементов. Конечно, коль скоро заимствование языковое имеет сложные связи с контактами в области социально-политической и культурной жизни, он должен обращаться и к экстралингвистическим проблемам — постольку, поскольку от их решения зависит решение проблем лингвистических. Но в его задачу, по-видимому, не входит оценка процесса и результатов заимствования в каждый данный период развития языка с точки зрения «нужности—ненужности» и других нормативно-стилистических, а вернее — вкусовых, категорий. Это вопрос особый и весьма специфический⁵.

Основываясь на этих соображениях, целесообразно определить задачу предлагаемого исследования как историко-лексикологическую и отграничить ее от вопросов, связанных с нормативно-стилистическими рекомендациями относительно употребления тех или иных иноязычных слов.

О ЗАИМСТВОВАНИИ КАК ЯЗЫКОВОМ ПРОЦЕССЕ

Общая проблема заимствования элементов одного языка другим включает в себя сложный комплекс вопросов различного, в частности нелингвистического, характера. Наиболее актуальными из них и важными для настоящей работы представляются следующие:

- какое языковое явление называется заимствованием;
- причины заимствования;
- виды или типы мигрирующих элементов;
- виды или типы иноязычных слов как наиболее часто и регулярно заимствуемых языковых единиц;
- освоение слова в заимствующем языке и разные стороны этого освоения;
- признаки освоения иноязычного слова, позволяющие считать его заимствованным (т. е. вопрос об определении заимствованного слова, вычлениении этого понятия из понятия «иноязычное слово»).

---

⁵ Менее всего, по-видимому, исследователь языкового заимствования должен заниматься различного рода предсказаниями и прогнозами относительно недолговечности или, напротив, живучести тех или иных входящих в язык иностранных слов. Как показывает история, многие и многие высказывания такого рода, при всей их убедительности и логичности, не оправдали себя.

Разработка теории заимствования в лингвистической литературе

По мере того, как на протяжении XIX — первой трети XX в. накапливались глубокие и ценные по самому своему существу наблюдения лингвистов над теми или иными иноязычными словами и группами слов (в каждом конкретном языке), собирался материал, касающийся взаимодействия различных языков, — все четче вырисовывались задачи, связанные с общетеоретическим осмыслением лексического заимствования как процесса, свойственного в большей или меньшей степени всем естественным языкам. От исследования интересных, но в общем случайных и разрозненных фактов ученые обратились к проблемам, решение которых должно было определить место заимствования в сложной картине социально-экономических, политических, культурно-исторических и языковых контактов разных народов.

Для работ конца XIX — начала XX в., посвященных заимствованию, характерно рассмотрение лингвистических вопросов в тесной связи с вопросами культурными. При этом меньшее внимание уделялось таким сторонам заимствования, как динамика этого процесса, соотношение лексического и других видов заимствования, анализу семантических сдвигов, происходящих при заимствовании, вопросам структурно-семантической эквивалентности (заимствованного слова и его иноязычного прототипа), функционирования иноязычных слов в заимствующем языке и т. п.

В указанный период наиболее плодотворно проблемой заимствования занимались немецкие лингвисты. Основным объектом их исследования была иноязычная лексика. В соответствии с этим сам термин «заимствование» (который, правда, не обладал еще достаточной определенностью, чтобы быть *термином*) понимался только как лексическое заимствование.

Уже в самых ранних работах немецких исследователей по языковому заимствованию этот процесс рассматривался в связи с контактированием соседних языков. Так, например, Г. Пауль отмечал, что заимствованные слова укрепляются в языке после некоторого минимума двустороннего контакта языков. Поэтому анализ заимствований должен начинаться с исследования поведения двуязычно говорящих людей [Пауль 1960: 460 и след.]; на двуязычие как основу заимствования указывал также Л. В. Щерба [Щерба 1958: 52]. Эта идея, впоследствии развитая и конкретизированная в работах английских и американских лингвистов [Emanuel 1962; Naugen 1950; Hoenigswald 1962; Weinreich 1963], для которых в силу некоторых специфических причин историко-географического характера (необходимость исследования многочисленных билингвальных койне, возникающих как в территориально локализованной, так и в социально замкнутой среде — ср. различные англо-туземные диалекты в колониях, сме-

шение различных языков среди американцев, выходцев из Европы, и т. д.) характерно внимание к изучению проблем двуязычия, в языкознании начала и первой половины XX столетия не получила реального развития, а если и поддерживалась, то чисто декларативно.

Основное внимание в работах этого периода уделяется вопросам ассимиляции иноязычного слова в заимствующем языке и выяснению причин заимствования без достаточно четкой дифференциации собственно языковых и внешних, неязыковых причин.

Так, например, в работе Э. Рихтер [Richter 1919] указывается, что основной причиной заимствования слов является необходимость в наименовании вещей и понятий. Здесь же перечисляются и другие причины, различные по своему характеру — языковые, социальные, психические, эстетические и т. д., потребность в новых языковых формах, потребность в расчленении понятий, в разнообразии средств и в их полноте, в краткости и ясности, в удобстве и т. п. Такая недифференцированность в определении причин заимствования становится вполне понятной, если учесть, что сам процесс языкового заимствования рассматривался в неразрывной связи с культурными и всякими иными контактами двух разных языковых обществ и как часть и результат этих контактов. Однако в отличие от более поздних работ здесь не ставился вопрос о двуязычии как об одном из основных источников и как об условии заимствования. Некоторые положения, содержащиеся в книге Э. Рихтер, получили отклик в последующих работах лингвистов, обращавшихся к вопросам заимствования. Так, Кр. Мёллер в своей обширной статье, посвященной методике исследования иноязычной лексики [Møller 1933], постоянно опирается на положения работы Э. Рихтер, на ее классификацию причин заимствования и типов иноязычных слов в зависимости от степени их освоенности в языке.

Как известно, в связи с изучением вопросов ассимиляции иноязычных слов в системе заимствующего языка немецкие лингвисты выдвинули идею деления всей иноязычной лексики по степени ее освоенности в языке на *Lehnwörter* и *Fremdwörter*, т. е. на слова усвоенные и иностранные, «чужие». Эта классификация укрепилась в традиционном языкознании и отразилась, в частности, в некоторых работах русских ученых (см., например [Огиенко 1915]). До последнего времени она была господствующей в исследованиях, посвященных языковому заимствованию.

В 1950 г. Э. Хауген выдвинул идею структурной дифференциации заимствуемых слов. Он выделяет три типа иноязычных слов:

- 1) слова без морфологической субституции (*loanwords*), т. е. полностью соответствующие их прототипам в языке-источнике;
- 2) слова с частичной морфологической субституцией (*loan-blends*), или гибриды, т. е. слова, лишь частично состоящие из иноязычных элементов;

3) слова с полной морфологической субституцией, т. е. кальки (loan-shifts), или семантические заимствования (semantic loans) [Haugen 1950]⁶.

В русском языке к первому типу могут быть отнесены только имена, главным образом существительные и неизменяемые прилагательные, поскольку заимствование слов, принадлежащих ко всем другим классам, сопряжено с необходимостью грамматического оформления и, следовательно, с заменой иноязычных аффиксов своими — ср. заимствование глаголов.

Во втором и третьем типах могут быть представлены все грамматические классы слов.

В последнее время наметилось критическое отношение к классификации иноязычной лексики по принципу ее освоенности в языке, поскольку, как справедливо замечает, например, О. Б. Шахрай [Шахрай 1961], сам метод деления слов на *Lehnwörter* и *Fremdwörter* основан на смешении формального (ассимиляция слов в языке) и функционального (употребительность) признаков. Кроме того, критерии отнесения слов к той или другой группе недостаточно определены и строги. Однако взамен этой классификации не предложено ничего позитивного⁷.

⁶ Ср. с этим виды иноязычных элементов, намеченные в книге Э. Рихтер: «1) заимствование чужой формы и чужого значения; 2) заимствование чужой формы для выражения своего значения и 3) заимствование чужого значения в родной форме», т. е. калькирование [Richter 1919: 86].

Разграничение типов иноязычных слов по характеру их освоения в языке делалось еще Я. К. Гротом. Так, в «Филологических разысканиях» (Т. 1. СПб., 1889) он называл следующие виды заимствования:

- усвоение чужих слов без всякого изменения (кроме окончаний, по требованиям языка);
- переделка слова по-своему: *церковь, налой, кадило* и т. п.;
- перевод слова, составленный по чужому образцу. Для Грота несущественно, были ли слова, относящиеся ко второму типу, «переделаны» при заимствовании или эта переделка — результат многолетнего или даже многовекового употребления слов в заимствовавшем их языке.

Материал, исследуемый в нашей работе, почти совершенно исключает факты изменения в облике иноязычных слов, являющиеся результатом длительного употребления их в речи: ведь подавляющее большинство слов стало известно говорящим по-русски совсем недавно. Поэтому в данном случае мне кажется более подходящей классификация, предложенная Хаугеном, которая сделана на структурной и синхронной (точнее — вневременной) основе.

⁷ Деление всех заимствований на заимствованные слова, заимствованные морфемы и заимствованные значения (Э. Хауген) осуществлено на основе совершенно иного, структурного принципа и отражает не функционирование иноязычной лексики в язы-

В связи с этим интересна предпринятая И. Крейн попытка формализовать определение ассимилированного и неассимилированного слова [Крейн 1963]⁸, основанная на количественно-статистическом сопоставлении фонемных, графемно-фонемных и морфологических признаков, с одной стороны, исконных слов английского языка, а с другой — французских заимствований в английском языке XIX в.

Сущность методики заключается в следующем. Из английского словаря была отобрана исконная лексика (ее исконность определялась на основании Большого этимологического словаря У. Смита). Путем описания фонемных, графемных и морфологических свойств этой лексики была составлена шкала критериев, соответствие или несоответствие которым определяет, по мнению автора, степень ассимиляции заимствований. Если иноязычное слово отвечало определенному признаку, в соответствующей графе ставилось 1, если не отвечало, ставился 0; неполное соответствие обозначалось как 0,5. Таким образом, для каждого слова получалась некоторая сумма, деление которой на число критериев дает коэффициент ассимиляции (q). Слова, у которых $q = 1$, считаются полностью ассимилированными, слова с $q = 0$ — иностранными вкраплениями.

Не останавливаясь на подробном анализе методики, предложенной И. Крейн, и на некоторых ее недостатках⁹, необходимо сказать, что в принципе такой подход к изучению заимствований представляется плодотворным, хотя, безусловно, не единственно возможным.

Количественно-статистические критерии в определении заимствований позволяют отграничивать лексику, освоенную языком в фонетическом и морфологическом отношениях, от слов, не вполне освоенных, и от варваризмов, т. е. слов, чуждых языку по своей структуре. Однако это связано с рядом существенных трудностей. Так, например, встает вопрос о способах формализации таких категорий, как употребительность слова в речи, степень его словообразователь-

---

ке-заимствователе, а скорее, возможности и разновидности, в которых может осуществляться переход лексических единиц из одного языка в другой.

⁸ Ср. также: *Herdan G. How can quantitative methods contribute to our understanding of language mixture and language borrowing? // Statistique et analyse linguistique. Colloque de Strasbourg. Paris, 1966.*

⁹ К их числу принадлежит, по моему мнению, довольно грубая оценка наличия и отсутствия того или иного признака, свойственного исконному слову, у слова заимствованного, а также ограничение понятия «ассимиляция» освоением иноязычного слова в фонетическом, графемном и морфологическом отношениях (освоение слова в семантическом и словообразовательном отношениях считается показателем активности иноязычного слова, но не его ассимилированности в языке). Кроме того, в работах И. Крейн не учитывается функционирование иноязычного слова в речи, что, как кажется, немаловажно для определения степени его ассимилированности.

ной активности, виды различных семантических и синтаксических связей его с другими словами и т. п. Без учета этих категорий невозможно, как мне кажется, достаточно удовлетворительное определение понятия «заимствованное слово».

С другой стороны, сейчас уже очевидно, что традиционные определения заимствованного слова с использованием таких критериев, как «приноровление» слова к фонетической и грамматической системам языка, словообразовательная и фразеологическая активность, способность приобретать переносные значения и т. п. (см. [Сорокин 1965: 62—63; Евреинова 1965: 367]), которые сами нуждаются в определении, плохо удовлетворяют необходимости четко дифференцировать всю иноязычную лексику, с тем чтобы, опираясь на это, делать какие-то выводы относительно различных сторон процесса лексического заимствования (таких, например: как влияет вхождение иноязычной лексики на систему заимствующего языка, всякое ли слово *способно* к «переселению» из одного языка в другой, каковы причины определенных структурных и семантических ограничений в составе заимствованных слов и т. д.).

Для работ второй половины XX в. характерно несколько отличное от традиционного понимание термина «заимствование». Как уже говорилось, заимствование рассматривалось в исследованиях конца XIX — начала XX в. как перемещение слов или, реже, перемещение слов и отдельных элементов слова из одного языка в другой. В этом смысле термин «заимствование» употреблялся и употребляется в подавляющем большинстве работ, причем некоторые исследователи настаивают на разграничении собственно заимствования и калькирования как качественно различных процессов (см., например [Ефремов 1959; 1959a]).

В связи с изучением проблем двуязычия и языковых контактов высказываются мысли о взаимодействии двух языков не только на лексическом, но и на других уровнях — т. е. о глубоком структурном взаимовлиянии разных языковых систем. В 30-е гг. Р. Якобсон¹⁰ отметил черты фонологического сходства,

---

¹⁰ См. его доклад «Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues», прочитанный на конференции в Копенгагене (1936) и перепечатанный в приложении к французскому переводу книги Н. С. Трубецкого «Основы фонологии» (*Troubetzkoy N. Principes de phonologie*. Paris, 1949. P. 351—365). Ср. с этим выводы Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, сделанные ими из анализа фонологической системы индоевропейских языков (в сопоставлении с фонологической системой картвельских языков). Вслед за Е. Куриловичем, исследовавшим в таком аспекте семитские языки («L'Арофоніе en sémitique», 1961), они считают, что структурное сходство неродственных языков может объясняться как длительными контактами и взаимовлиянием этих языков, так и действием в них общих структурных тенденций (*Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры*. Тбилиси, 1965. С. 474).

которое может наблюдаться в двух соседних языках, и сделал в связи с этим вывод о том, что взаимное влияние и обусловленное им структурное сходство двух соседствующих языков может оказаться сильнее их генетической неродственности¹¹.

В некоторых современных работах по двуязычию лексическое заимствование не выделяется как особый процесс, а рассматривается в совокупности с перемещением или интерференцией других языковых элементов [Diebold 1961]. Кроме того, заимствование из соседнего, контактирующего языка иногда понимается как внутреннее заимствование (*intimate borrowing*), в противовес всем иным видам заимствования: «...*Intimate borrowing occurs when two languages are spoken in what is topographically and politically a single community*» [Bloomfield 1933: 461].

Наиболее широкого взгляда на заимствование придерживался С. О. Карцевский, который понимал под этим процессом не только вхождение в язык иноязычного слова, но и «проникновение слов из какого-нибудь специального языка (технического, жаргона или говора какой-нибудь социальной группы, областного языка и т. д.) в язык общий» [Карцевский 1923].

Этот беглый обзор мнений о самом процессе заимствования и о типах заимствуемой лексики, мнений, явно или имплицитно выраженных в различных исследованиях, достаточно убедительно показывает отсутствие единства в истолковании основных понятий, связанных с процессом миграции языковых элементов из одной системы в другую, — понятий «заимствование» и «заимствованное слово»¹².

Это связано с различием в задачах, целях и в методах исследований, в том, какую роль в них играет вопрос о заимствовании — подчиненную, вспомогательную или же он находится в центре внимания исследователя. Так, в работах по билингвизму заимствование выступает как один из результатов контактирования двух языков. Функционированию иноязычной лексики в каждом из этих языков обычно уделяется меньше внимания. С другой стороны, рассмотрение процесса миграции языковых элементов с точки зрения заимствующего, воспринимающего языка обуславливает иное понимание самого термина «заимствование» — в ряде случаев, как мы видели, довольно широкое и неопреде-

---

¹¹ Ср. иное мнение по этому поводу, которое, очевидно, противоречит фактам, накопленным в литературе по языковым контактам: «Степень влияния одного языка на другой... в значительной мере зависит от языкового фактора, а именно, от степени близости взаимодействующих языков, т. е. от того, являются ли они близкородственными или нет» [Арнольд 1959: 209].

¹² Я говорю — «понятий», потому что при таком разнообразии мнений и противоречивости в толковании «заимствования» и «заимствованного слова» последние нельзя отнести к терминам.

ленное. В соответствии с этим и словосочетание «заимствованное слово» понимается и употребляется также по-разному. Между тем, подобная терминологическая нечеткость представляет собой серьезное методологическое препятствие.

Определение понятия «заимствование».

Виды заимствования

По-видимому, расхождения в понимании процесса заимствования легче привести «к общему знаменателю» (чем расхождения в толковании «заимствованного слова»), так как основное различие здесь — в большей или меньшей широте определения.

Представляется целесообразным называть заимствованием процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой. Под различными элементами понимаются единицы различных уровней структуры¹³ языка — фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики. В соответствии с этим необходимо ограничивать термин «заимствование» в тех случаях, когда речь идет о перемещении элементов одного уровня: например, «лексическое заимствование».

Таким образом, мы можем говорить о заимствовании слова — наиболее частый и типичный случай заимствования; заимствовании фонемы — наиболее редкий и частный случай, зависящий от степени контакта двух языков; заимствовании морфемы (обычно в составе слова; выделение морфемы происходит на основе словесного ряда, состоящего из слов с общим лексическим значением, характеризующихся повторяемостью какого-либо структурного элемента — ср. *бизнесмен, бармен, спортсмен* и т. п.¹⁴); о заимствовании синтаксическом или структурно-синтаксическом, когда конструирование фраз в языке испытывает влияние иноязычных синтаксических конструкций — ср., например, в этом плане влияние английских газетных клише, главным образом заголовков, на заголовки современной русской прессы, — и, наконец, о заимствовании семантическом (появление в слове значения «под давлением» иноязычного образца — калькирование)¹⁵.

¹³ Понятия «система» и «структура» языка употребляются здесь в соответствии с тем, как они истолкованы А. А. Реформатским [Реформатский 1960].

¹⁴ Е. Д. Поливанов считал возможным выделение иноязычных основных морфем при условии «чередования данной основы в двух, по крайней мере, русских “иностранных словах”» [Поливанов 1931].

¹⁵ Ср. различение фонемного, акцентуационного, смыслового и синтаксического (помимо лексического) видов заимствования (*emprunt de phonèmes, emprunt d'accents, emprunt de sens, emprunt de tournures syntaxiques*) в работе [Deroы 1956: 87—110].

Все эти виды заимствования находятся в некоторой иерархической взаимосвязи.

Лексическое заимствование является как бы первой ступенью иноязычного влияния. Специфика его, как известно, заключается в том, что слово заимствуется «не целиком, как полное, законченное, грамматически оформленное слово, а только, так сказать, как более или менее бесформенный кусок лексического материала, получающий новую оформленность лишь в системе и средствами другого языка, языка заимствовавшего» [Смирницкий 1956: 235]. Грамматические связи, которые приобретает заимствованное слово в языке, устанавливаются путем включения его в определенную парадигму. При этом происходит подчинение слова тем или иным грамматическим категориям — например, в русском родовая соотнесенность слов в зависимости от их формального облика (слова на согласную, как правило, относятся к мужскому роду, слова на *-о*, *-е*, *-и*, *-у* — к несклоняемым существительным среднего рода и т. д.). Кроме того, иноязычное слово может приобретать такие синтаксические связи, которые характерны для соответствующего исконного слова. В наибольшей степени это явление свойственно нелитературной речи, где влияние синонимических отношений слов на их управление и согласование в предложении мало сдерживается какими-либо нормативными рекомендациями. Ср.: *ликвидировать из колхоза* (под влиянием *исключить*, *выгнать из*); *лидировать гонку* (под влиянием *возглавлять*) — в профессиональной речи спортсменов; *аннулировать из комсомола* (Комсомольская правда. 1925. 7 окт., в прямой речи) и т. п.

Однако использование «чужих» слов в речи не обязательно ведет к заимствованию на других уровнях. Напротив, морфологическое заимствование невозможно без заимствования лексического, без накопления в языке иностранной лексики, характеризующейся определенными общими структурными признаками¹⁶. В еще большей степени это относится к фонетическому влиянию одного языка на другой.

Калькирование и структурно-синтаксическое заимствование также предполагают хорошее знакомство с языком, в частности с его лексико-семантической системой и синтаксическим строем.

Специальное рассмотрение этих вопросов не входит в задачу данной работы. В дальнейшем речь будет идти о проблемах, связанных с лексическим заимствованием.

---

¹⁶ «Слова заимствуются всегда целиком, отдельные словообразовательные суффиксы и окончания никогда не заимствуются. Однако при заимствовании большого пласта слов, содержащих один и тот же суффикс, эти слова точно так же, как и слова родного языка с одинаковым суффиксом, могут образовать группу, которая со временем может стать продуктивной» [Пауль 1960: 469].

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

Выше упоминалось, что в работах конца XIX — начала XX вв. языковые и неязыковые причины заимствования рассматривались нерасчлененно. Однако сам перечень причин был намечен в целом верно, поскольку в действительности заимствование представляет собой процесс, обусловленный сложным комплексом лингвистических и экстралингвистических причин¹⁷.

Внешние причины

К внешним, неязыковым причинам заимствования слов одного языка другим следует отнести наличие более или менее тесных политических, экономико-промышленных и культурных связей между народами — носителями языков.

Известно, что лексика — это область языка, в наибольшей степени «открытая» для всякого рода внешних влияний, область, в которой находят отражение все изменения, происходящие в социальной жизни общества. Естественно, что интенсификация или, напротив, ослабление связей данного народа с другими народами определенным образом отражаются на процессе лексического заимствования. Правда, следует иметь в виду, что, несмотря на общепринятость положения о непосредственном воздействии социальных факторов на словарь языка, воздействие социально-политических и прочих контактов на заимствование лексики осуществляется не прямолинейно, а подчас довольно сложными путями.

Другими словами, интенсификация политических, экономических и других связей может и не сопровождаться активизацией процесса заимствования слов,

---

¹⁷ Ср.: «Среди причин, которые лежат в основе лексических переходов из одного языка в другой, ученые выделяют главным образом ряд связанных между собою факторов, которые для удобства можно назвать психологическим климатом заимствования» [Норе 1962: 120].

Я рассматриваю лишь некоторые причины и предпосылки заимствования, причём основное внимание обращено на языковые предпосылки. Многие факторы, которые можно интерпретировать как разного рода (психологические, этические и др.) причины перехода слов из одного языка в другой и их укоренения в заимствующем языке, здесь даже не затрагиваются. К ним относится, например, стремление к эвфемистичности, которое в ряде случаев (главным образом в медицинской и юридической терминологиях, но не только там) приводит к необходимости использовать иностранные слова. Подробнее об этом см. [Шор 1926: 70—71; Møller 1933: 19—20; Hawers 1946: 128—132; Paratesi 1964: 38—39].

а ослабление указанных связей не сразу и не обязательно ведет к затуханию этого процесса. Так, при хорошо налаженных культурно-экономических контактах может и не быть интенсивного перемещения лексики из одного языка в другой. Например, взаимоотношения современного русского и славянских языков характеризуются «однаправленностью» процесса заимствования: из русского в славянские языки и в значительно меньшей степени — в противоположном направлении.

С другой стороны, интенсивное заимствование возможно при сравнительно более слабых экономических, промышленных, культурных и т. п. связях, но при активном влиянии других факторов: политическая роль страны и языка, постоянное обновление лексических средств путем образования слов, называющих новые, актуальные в тех или иных отношениях явления, и т. п. Ср. в связи с этим распространение «американизмов», которые находятся по существу на положении интернациональной лексики, поскольку они употребляются во многих языках, хотя и ощущаются в них иногда как нечто чужеродное (*буклет, стриптиз, герлз, бестселлер, комикс* и т. п.).

Конкретизируя проблему влияния внешних социально-экономических, политических и т. п. связей общества на процесс лексического заимствования, можно сказать, что наиболее типичной формой такого влияния является заимствование наименования вместе с заимствованием вещи, понятия¹⁸. Лексика, заимствованная таким образом, составляет в каждом языке значительную группу слов. Однако указанное влияние может проявляться и в том, что в язык начинают проникать слова — параллели к уже имеющимся наименованиям. В этом случае устранение дублетности идет путем семантической и стилистической дифференциации синонимических пар. Ср. в этом отношении слова *удобство — комфорт, обслуживание — сервис, слуга — портье, ограничивать — лимитировать, существенный — релевантный* и т. п.

При этого рода заимствовании причины надо искать, по-видимому, не только вне языка — т. е. во влиянии внешних социальных контактов на процесс заимствования, — но и в самом воспринимающем языке.

Внутренние (языковые) причины

Заимствованное слово обычно легче укореняется в языке, если в лексической системе последнего есть своего рода предпосылки к заимствованию. Что это значит?

Заимствование иноязычного слова может происходить вследствие тенденции к устранению полисемии исконного слова, упрощению его смысловой

---

¹⁸ «...Заимствование языковое имеет ближайшей причиной заимствование культурное» [Булич 1886].

структуры. Кроме того, часто причиной заимствования служит потребность уточнить или детализировать соответствующее понятие, разграничить некоторые смысловые оттенки, прикрепив их к разным словам (ср. *джем* — при русском *варенье*, *сексуальный* — при русском *половой*, *репортаж* — при исконном *рассказ* и ранее заимствованном *информация*, *тотальный* — при русском *всеобщий*, *хобби* — при русских *страсть*, *увлечение* и т. п.). Таким образом, уже существующее в языке слово и вновь заимствуемое как бы делят сферы своего семантического влияния, причем эти сферы могут в большей или меньшей степени пересекаться, но никогда не совпадают полностью.

Существенным фактором, стимулирующим или во всяком случае облегчающим заимствование, является действие в заимствующем языке тенденции к образованию структурно аналогичных слов или наличие класса слов, структурно однотипных с воспринимаемой лексической единицей¹⁹. Так, например, в XX в. русский язык заимствовал из французского, немецкого и других языков слова-усечения типа *кино*, *авто*, *такси*, *метро*. Освоение этих слов облегчалось тем обстоятельством, что в самой системе русского языка этого времени была сильна тенденция к усечению слов и словосочетаний, в результате чего возникали слова, сходные с заимствованными по своей структуре. Ср., например, такие слова, как *национал*, *универсал*, *интеллектуал* и т. п., образованные в русском языке путем усечения соответствующих иноязычных прилагательных, и *оригинал*, *потенциал* и некоторые другие, по-видимому, заимствованные из других языков (ср. франц. *original*, нем. *Potential*).

В ряде случаев бывает даже трудно решить, что перед нами — заимствованное слово или новообразование, полученное путем усечения слова или стяжения словосочетаний: ср. такие слова, как *интим*, *гуманитар*:

Ведущий, *гуманитар* по образованию, то и дело жонглирует именами: Бетховен, Толстой, Ван-Гог... (Молодая гвардия. 1964. № 11; ср. франц. *humanitaire*),

артезиан:

Женщины ушли и стали водить лошадей по улицам. Потом сводили к *артезиану* на водопой (С. Третьяков. «Бабий бунт»; ср. франц. *artésien*) и т. п.

В связи с этим заслуживает внимания мнение Л. Гальди [Гальди 1958: 59 и след.], который настаивает на безусловном и обязательном разграничении заимствованных слов и аналогичных по структуре собственных языковых ново-

¹⁹ Ср.: «...Словарное заимствование... далеко не всегда является результатом обмена предметами и понятиями (“вещами”). В значительной степени словарное заимствование есть проявление, в условиях межъязыковых отношений, на инородном языковом материале лексических отношений и тенденций, проявляющихся также на собственном материале этого языка...» [Якубинский 1926: 1].

образований²⁰. Действительно, там, где это возможно сделать, такое разграничение, бесспорно, важно и ценно в научном отношении. Но в ряде случаев можно с равной вероятностью предполагать как заимствование слова, так и образование его в данном языке на базе существующих лексических и словообразовательных элементов. Так, например, Л. Гальди относит к бесспорным заимствованиям слово *демократизм*, приводя в качестве единственного аргумента французское *democratisme*. Но почему бы не предположить, что *демократизм* — слово, образованное в русском языке от уже существовавших в нем слов того же корня, тем более, что суффикс *-изм* весьма продуктивен (ср. слова *большевизм*, *ленинизм*, *хвостизм*, *отзовизм* и т. п., появившиеся примерно в одно время со словом *демократизм*)? Ссылка на предполагаемый источник не всегда бывает достаточна для того, чтобы с уверенностью утверждать, что то или иное слово заимствовано, и заимствовано именно из этого языка, а не из другого. Здесь, по-видимому, необходимо привлечение каких-то дополнительных данных как языкового, так и неязыкового характера (см. об этом ниже).

Возвращаясь к рассмотрению причин и предпосылок, которые способствуют проникновению иностранного слова в язык, интересно отметить следующую закономерность: если в языке утверждаются заимствования, которые можно объединить в некоторый лексический ряд, основываясь на их общем значении и повторяемости какого-либо одного структурного элемента, то заимствование или по крайней мере употребление нового иноязычного слова, однотипного со словами этого ряда, значительно облегчается. Так, в современном русском языке существует ряд слов, заимствованных из английского языка, имеющих общее значение лица и общий элемент *-мен*: *джентльмен*, *полис-*

---

²⁰ Ср. иное мнение по этому поводу, выраженное в рецензии Г. Хютль-Ворт на книгу [Сорокин 1965]. Автор рецензии делает акцент на невозможности с точностью доказать, что то или иное слово, состоящее из иноязычных элементов, является словообразовательным дериватом, а не самостоятельным заимствованием. «...любой член данного (словообразовательного. — Л. К.) гнезда может быть одновременно или отдельно заимствован из языка-источника, или же через целый ряд посредников. В очень редких случаях можно установить с уверенностью независимую деривацию, а именно, когда параллели отсутствуют во французском, немецком и английском языках» (Вопросы языкознания. 1966. № 3. С. 106).

Однако и при наличии параллелей в некоторых случаях, как это будет показано ниже, достаточно определенный вывод о заимствованности слова или же о его «деривативном» происхождении сделать трудно. Это объясняется тем, что на современном уровне развития языков, которые на протяжении многих веков находятся в состоянии регулярного обмена лексическими и иными элементами, в данном языке возможно обусловленное системой данного языка появление единиц, которые по структуре аналогичны единицам, используемым в другом языке.

мен, спортсмен, рекордсмен, конгрессмен и т. п. В XIX — начале XX в. в употреблении было только два первых слова. Постепенно ряд начал пополняться; появились слова *спортсмен, рекордсмен*; по мере пополнения лексического ряда усиливался приток новых слов этого типа: *бизнесмен, конгрессмен, кроссмен, бармен, клубмен* и даже *супермен*, хотя структура и значение последнего несколько отличаются от структуры и значения остальных слов этого рода²¹.

К языковым причинам заимствования следует отнести также тенденцию к соответствию нерасчлененности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначающего. Другими словами, если обозначаемое представляет собой единое целое («одну вещь», «один предмет», «одно явление» и т. п.), то язык стремится назвать его одним словом, а не словосочетанием, или же заменить описательное (двучленное) наименование наименованием одночленным. «...В лексике каждого языка, — писал А. В. Исаченко [Исаченко 1958: 339], — постоянно протекают процессы, обусловленные необходимостью устранить внутренние противоречия между расчлененностью формы и единством, монолитностью обозначаемого предмета мысли... утрата формальной и семантической расчлененности наименования является одним из законов развития лексики...»

Заимствование — один из путей замены двучленного наименования одночленным; поэтому, вероятно, можно утверждать, что иноязычное слово предпочитается исконному описательному обороту²², если оба они служат наименованиями нерасчлененного понятия. Ср. *снайпер* — вместо ‘меткий стрелок’, *турне* — вместо ‘путешествие по круговому маршруту’, *мотель* — вместо ‘гостиница для автотуристов’, *спринт* — вместо ‘бег на короткие дистанции’ и т. п.

Следует, однако, заметить, что тенденция к замене исконного словосочетания иноязычным словом не имеет силы закона. При рассмотрении вопросов о том, укоренится ли данное слово в языке, каковы его «возможности» в этом отношении, как оно соотносится с уже имеющимися, синонимически близки-

²¹ Ср. также употребление окказиональных слов с элементом *-мен-*:

Давно уже известно, что группировка «ультра», известная под названием *минитменов*, имеет в своем распоряжении значительные запасы оружия и регулярно проводит боевые учения (англ. *minuteman* — букв. ‘человек, всегда готовый к действию’) (Известия. 1964. 12 нояб.); Впрочем, шумному поведению этих господ — их называют *трэйдсменами* — легко найти оправдание... (англ. *tradesman* ‘торговец, лавочник’) (Литературная газета. 1964. 12 нояб.); — Позор, — комментировал это событие [свадьбу куклуксклановцев] один из присутствовавших. — Слава богу, что *клансмены* не играют в нашей общине ведущей роли (Литературная газета. 1965. 19 июня).

²² Некоторые исследователи полагают, что заимствование предпочитается не только описательному обороту, но и словообразованию как способу наименования нового предмета или явления (см., например, указанные выше работы Л. П. Ефремова).

ми лексическими единицами и т. д., важно иметь в виду факторы, характеризующие систему заимствующего языка, точнее — микросистемы, т. е. определенные совокупности наименований, объединяемых по «тематическому» принципу: например, наименования частей механизма, наименования видов определенной (однородной в том или ином отношении) продукции и т. п. Внутри таких микросистем иногда наблюдаются общие структурные признаки, которые, помимо принадлежности данных слов к той или иной тематической сфере, и позволяют рассматривать эти слова как множество соотносительных и взаимно связанных единиц.

Так, названия той или иной микросистемы могут быть описательными (двучленными); в этом случае возможность замещения одного из названий иноязычным заимствованием того же значения часто не реализуется, ибо такое замещение вызывает нарушение системных соотношений внутри данной группы. Например, термин *тонфильм*, появившийся с изобретением звукового кино (нем. *Tonfilm*), не был воспринят, так как в русском языке уже успела сложиться микросистема, состоящая из словосочетаний, в которых в явной форме противопоставлены по смыслу обозначаемые объекты: *немой фильм — звуковой фильм, немое кино — звуковое кино*²³.

Другой пример. В «Словаре иностранных слов» (М., 1964) зафиксировано слово *оранжад*, восходящее к соответствующему французскому слову и обозначающее 'прохладительный напиток с апельсиновым соком'. Это слово обычно употребляется в переводах²⁴; в оригинальных русских текстах оно возможно только в случае, если появится обозначаемая им реалья. Однако как однословный заменитель словосочетания *апельсиновый сок* (подобные семантические сдвиги при заимствовании — явление обычное и часто наблюдаемое) *оранжад* вряд ли приживется, так как для обозначения различных соков в русском языке сложилась система из описательных терминов «определение + слово *сок*»: *апельсиновый сок, абрикосовый сок, вишневый сок* и т. п.²⁵.

Названия, объединяемые в ту или иную совокупность по структурным и тематическим признакам, могут быть однословными. В таком случае иноязычное слово, обозначающее какую-либо деталь или оттенок, до сих пор не имевшее особого наименования, вероятно, обладает определенными возможностя-

---

²³ В дальнейшем необходимость в постоянном разграничении этих двух видов кино перестала быть актуальной, поскольку звуковое кино стало преобладающей формой киноискусства.

²⁴ См., например, роман Г. Грина «Тихий американец» в переводе Е. Голышевой и Б. Изакова.

²⁵ Слова на *-ка* типа *вишневка* употребляются для обозначения настоек и наливок, но не соков.

ми укорениться в языке, так как структурно оно не выпадает из уже сложившейся терминологической микросистемы.

И, наконец, названия могут быть смешанными — и однословными, и описательными. В этом случае проникающие иноязычные слова также, по-видимому, будут иметь шансы на сохранение в языке, так как это вполне согласуется с указанной выше тенденцией к замене описательных наименований однословными.

В связи с заимствованием слова, замещающего исконный описательный оборот, встает вопрос о так называемом принципе экономии в языке. Наличие и действие этого принципа, как известно, показано в работах Е. Д. Поливанова (главным образом — в фонетических изменениях) [Поливанов 1928б], Г. Ципфа [Zipf 1949], А. Мартине [Мартине 1960] и др. Однако механизм действия этого принципа в таких областях языка, как морфология, синтаксис, лексика, далеко не выяснен; дискутируется также характер самого принципа: закон ли это языкового развития или одна из его тенденций, проявляющаяся неравномерно на разных уровнях языка.

Заимствование слова, замещающего исконный описательный оборот, как будто можно рассматривать как проявление принципа экономии выразительных средств. Такое заимствование ведет к изменениям в наборе лексических единиц, используемых при коммуникации. Но любопытно, что эти изменения дают противоречивые результаты, которые плохо согласуются с принципом экономии, если понимать его действие в лексике, целиком исходя из интерпретации с его помощью фонетических процессов (т. е., грубо говоря, уменьшение длины текста при неизменности содержания передаваемого сообщения).

Действительно, с одной стороны, заимствованное слово короче описательного оборота — значит, происходит чисто количественное укорочение номинативной единицы. Кроме того, набор лексических единиц, или словарь, в каком бы объеме мы его ни рассматривали — в объеме всех слов данного языка или в объеме терминов одной тематической группы — приобретает черты более четко организованной совокупности, где устанавливаются такие отношения, при которых каждое самостоятельное значение выражается самостоятельной единицей, а не описывается с помощью лексем, используемых для выражения других значений.

С другой стороны, заимствование увеличивает набор единиц. А использование единиц-инноваций в речи связано с необходимостью в некоторой расшифровке их значений, т. е. с удлинением текста. Например:

Что такое *концессия*? Слово это иностранное, происходящее от глагола *уступаю*. Предоставить концессию одному лицу или группе лиц — значит уступить им право на использование (эксплуатацию) тех или иных природных богатств страны (Гудок. 1920. 3 дек.);

Проблема *денацификации*, т. е. выкорчевывания корней нацизма, удаления фашистов с административных постов — главная проблема и для самих немцев, и для союзных оккупационных властей (Известия. 1946. 12 апр.);

Потом на площадку ринга выпрыгнул весь в белом *рефери* (судья) (Крокодил. 1948. № 17).

Таким образом, более экономное и систематичное построение кода (словаря) в рассматриваемом нами случае означает увеличение набора единиц, используемых в нем, с чем связано удлинение речевой цепи, в которую включаются инновации (т. е. менее экономное, чем раньше, построение речи).

Это противоречие может быть понято в более широком аспекте, а именно, в аспекте антиномии «говорящий — слушающий». Говорящий (или, в другой терминологии, отправитель речи) стремится к максимально свернутым формам высказываний, вкладывая в них всю ту информацию, которую он хочет передать; слушающий (получатель речи) заинтересован в максимально быстром понимании текста, которое тем легче достигается, чем более подробно говорится о предмете речи²⁶. В связи с этим заметим, что если бы можно было разделить владеющих данным языком на две постоянные группы — говорящие и слушающие, — то во всех инновациях, способствующих экономии речи, в том числе и в заимствовании иноязычных слов, заменяющих номинативные словосочетания, оказались бы «повинны» говорящие. (На самом деле, как мы знаем, каждый носитель языка выступает и в роли «отправителя», и в роли «получателя» речи.)

ОБ УСЛОВИЯХ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Следует различать причины, вследствие которых происходит заимствование слов, и условия, необходимые для перехода²⁷ слова из одного языка в другой.

Распространенным среди лингвистов является мнение, что главное условие, необходимое для заимствования, — это двуязычие²⁸.

---

²⁶ Ср. с этим известное положение теории информации, согласно которому понятность сообщения обратно пропорциональна его информативности [Моль 1966: 103].

²⁷ Термин «переход» (слов из одного языка в другой), конечно, условен. Никакого перехода, в буквальном смысле, при заимствовании не происходит; просто в языке появляется слово, сходное по форме и по значению со словом другого языка. Задача исследователя состоит, в частности, в том, чтобы доказать, что либо появление слова в первом языке вызвано влиянием второго языка, либо это новое слово является продуктом словообразования.

²⁸ См. указанные выше работы Г. Пауля, Э. Хаугена, А. Дайболда, а также книгу У. Вайнрайха [Weinreich 1963].

«Я полагаю, — пишет венгерский исследователь Б. Шулан, — что основным методическим принципом в исследовании словарного заимствования должно быть то, что двуязычие есть основа и посредник заимствования слов... Для того, чтобы слово было заимствовано из иностранного языка и акклиматизировалось в новом языке, необходимо, чтобы члены перенимающего языкового общества были более или менее хорошо знакомы с передающим языком. Они должны стоять по крайней мере на ступени частичного билингвизма; иначе они не поймут значения слова, и заимствования не произойдет, во всяком случае такого заимствования, когда в заимствующем языке утверждается оригинальное значение» [Sulan 1963: 14]. Ср. с этим мнение Ч. Хокетта, который также считает необходимым условием заимствования определенную степень знакомства носителей заимствующего языка с языком — источником заимствования [Hockett 1960, chap. 47].

Однако двуязычие не следует понимать здесь как результат территориального контакта двух соседствующих народов. Как известно, географическая разобщенность языков не влияет на лексическое заимствование: оно может быть весьма интенсивным при территориальной удаленности языка-заимствователя от языка — источника заимствования и, напротив, быть слабо выраженным при соседстве этих языков²⁹. Двуязычие может возникнуть при соприкосновении нескольких (и даже — одного) носителей данного языка с иной языковой средой. Поэтому, безусловно, прав Б. Шулан, когда он следующим образом описывает «технику» заимствования: «Большинство словарных заимствований возникает в двуязычной среде, иноязычное слово сначала употребляется двуязычно говорящими людьми, известно только в их среде, а затем распространяется в более широкие круги языковой сферы. Наконец, слово попадает в письменную речь и захватывает, таким образом, всю область языка» [Sulan 1963: 13—14]. Следует только обратить внимание на то, что в современных условиях двуязычие проявляется не только (и, может быть, не столько) в устном общении, но и при чтении иностранных текстов (книг, газет), в переводческой деятельности и т. п. Другими словами, двуязычие может иметь место без непосредственного контакта носителей двух различных языков, а заимствованные слова, как результаты двуязычия, сразу попадают в письменную речь, минуя ту стадию употребления только в устной практике двуязычно говорящих людей, о которой пишет венгерский исследователь.

Итак, знакомство с передающим языком, некоторый минимум двуязычия — главное условие лексического заимствования.

---

²⁹ С. Булич еще в 1886 г. писал об этом: «Географические условия не играют большой роли в истории заимствования...» [Булич 1886: 4].

Однако этого, по-видимому, недостаточно, чтобы иностранное слово укоренилось в языке, для укрепления слова в заимствующем языке, вероятно, необходимы какие-то условия, которые касаются только системы заимствующего языка. И здесь мы должны остановиться на характеристике мигрирующего лексического материала и ответить на вопрос: в равной ли мере все иноязычные слова могут усваиваться лексической системой заимствующего языка или существуют определенные факторы, которые препятствуют вхождению некоторых разрядов иноязычных слов в эту систему?

«ЗАЙМСТВОВАННОЕ СЛОВО» = «ИНОЯЗЫЧНОЕ СЛОВО»?

Казалось бы, в соответствии с тем пониманием заимствования (и дифференциацией различных его видов), которое дано выше, легко определить значение, вкладываемое в термин «заимствуемый элемент» и, в частности, «заимствованное слово».

Однако между терминами «лексическое заимствование» (в значении — процесс перемещения слов из одного языка в другой) и «заимствованное слово» нет однозначного соответствия. Это объясняется тем, что на признак «перемещение слов из одного языка в другой» — единственный, послуживший основанием для определения термина «лексическое заимствование» — в применении к понятию «заимствованное слово» наслаиваются такие немаловажные для всякого слова, в том числе и для иноязычного, признаки, как функционирование в языке, соотношение с различными и, в частности, лексическими, элементами его системы, степень регулярности появления в речи и, в связи с этим, соотношение «системного», регулярного, и «речевого», узуального, применительно к каждому новому слову и т. д.

В настоящее время, как мы видели, не существует общепринятого понимания того, что такое заимствованное слово, чем этот термин отличается от терминов «иноязычное слово», «иноязычное вкрапление», усвоенная или освоенная иноязычная лексика и др.³⁰ Иногда, в обход теоретического обоснования такого определения, предлагается считать заимствованным всякое иноязычное слово, зарегистрированное в словарях³¹. Однако, если учесть методику состав-

---

³⁰ Некоторые исследователи и не ставят вопроса о таком разграничении, делая упор на структурных отличиях и совершенно обходя проблему функционирования иноязычных слов в языке, на соотношении иноязычного слова с синонимически близкими единицами и связанной с этим семантической дифференциацией и т. п. Например, Ч. Хоккетом заимствованное слово (loanword) определяется как «новая форма, воспринимаемая заимствователем вместе с вещью или обычаем» [Hockett 1960: 408].

³¹ См.: например, доклад И. Крейн, прочитанный ею на конференции по формализации семантики языка (М., 1963).

ления словарей и ее несовершенства, а также существенные различия в подаче одних и тех же слов в разных словарях, это предложение нельзя признать в качестве решения вопроса о том, что называть заимствованным словом.

Одна из основных трудностей здесь заключается в том, что критерии, которые могут послужить основанием для определения заимствованного элемента, относятся к разным планам: одни — к диахроническому, другие — к синхроническому.

В самом деле, освоение слов в языке — диахроническая проблема, поскольку освоение протекает во времени; само выделение заимствованных слов (т. е. слов, находящихся в определенных отношениях с системой заимствующего языка) из иноязычной лексики (т. е. из числа слов иноязычного происхождения, употребляемых в данном языке) также связано с этимологическими, историческими аспектами. С другой стороны, при рассмотрении таких вопросов, как частотность иноязычного слова в речи, лексико-семантические отношения его со словами одного тематического или семантического поля, наблюдаемые в одном синхронном срезе, не возникает необходимости обращаться к истории слов, к путям их проникновения в язык, их хронологизации и т. д.

Наконец, отношение к иноязычному слову говорящих, различная оценка заимствованных слов разными лицами или социальными группами (чаще — оценка таких слов как инородных, «чуждых» языку и т. д.) далеко не всегда связаны со знанием истории отдельных слов, времени их заимствования и т. п.

В общей проблеме заимствования, таким образом, оказываются перекрещенными настолько разные аспекты, что их смешение привело бы лишь к путанице. Тем не менее, эти разные аспекты должны учитываться и изучаться в связи друг с другом в той мере, в какой это необходимо для исследования процесса и результатов заимствования.

Другая трудность в определении заимствованного слова связана с более общей проблемой определения слова вообще и в частности с разрешением такого вопроса: можем ли мы указать на определенные критерии, когда утверждаем принадлежность (или, напротив, непринадлежность) того или иного слова к лексической системе данного языка? [Шмелев 1964: 6]. Можно довольно точно указать на грамматические и фонетические признаки, свидетельствующие о том, что слово принадлежит данной языковой системе. Но, как показывает изучение иноязычных слов, этих признаков недостаточно для того, чтобы сказать, в каком языке то или иное слово употребляется (ср. французские, английские и т. п. слова в речи говорящих по-русски). В то же время найти чисто лексические, или лексико-семантические, критерии, которые позволили бы избежать этой недостаточности, чрезвычайно трудно.

Однако пути преодоления этих трудностей, по-видимому, есть. Один из них, как мне кажется, состоит в отборе из числа признаков, которые приводятся в

качестве обязательных критериев освоенности слова, таких, которые действительно необходимы и в то же время достаточны для того, чтобы считать данное слово заимствованным, т. е. вошедшим в лексическую систему языка.

Этапы освоения иноязычного слова*

Исследование контактов между языками неизбежно приводит нас к заключению, что заимствование слов — естественный и необходимый результат подобных контактов. Это один из каналов пополнения лексики новыми словами (наряду с созданием слов на основе внутренних словообразовательных — корневых и аффиксальных — ресурсов языка и посредством семантических изменений).

Как же проникает иностранное слово в язык? Как укрепляется в нем? Что способствует или, напротив, препятствует его вхождению в речевой оборот? Ответы на эти и подобные вопросы давно интересуют лингвистов и составили не один том специальных исследований. Здесь мы рассмотрим лишь то, какие этапы проходит иноязычный элемент на пути его укоренения в языке.

1. Начальный этап — употребление иноязычного слова в тексте в его исконной орфографической (в устной речи — фонетической) и грамматической форме, без транслитерации и транскрипции, в качестве своеобразного вкрапления. Например, в произведениях А. С. Пушкина мы встречаем такие случаи вкраплений:

Пред ним *roast-beef* окровавленный
И трюфли³², роскошь юных лет.

(«Евгений Онегин»);

[Онегину]

Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова...

(Там же);

* Впервые опубликовано в журнале «Русский язык в школе», 1991, № 2.

³² Это слово употреблено А. С. Пушкиным по норме XIX в.; в современном литературном языке *e* в финальной части слова при его изменении по падежам и числам сохраняется: *трюфель* — *трюфеля*, *трюфели* (и *трюфеля*), *трюфелей* и т. д. (см.: Орфоэпический словарь русского языка. М., 1989 и последующие годы издания).

В Петрополь едет он теперь
 С запасом фраков и жилетов,
 Шляп, вееров, плащей, корсетов,
 Булавок, запонок, лорнетов,
 Цветных платков, чулков *à jour*...

(«Граф Нулин»).

Roast-beef, beef-steaks — это прототипы нынешних слов *ростбиф* и *бифштекс*, а чулки (кстати, во времена Пушкина можно было говорить и писать *чулков*, а современная норма в род. пад. мн. ч. рекомендует только форму *чулок*) *à jour* давно превратились в чулки *ажурные*. Ср. также в пушкинской прозе:

Никто не плакал: слезы были бы — *une affectation*. Графиня так была стара, что смерть ее никого не могла поразить... («Пиковая дама»).

Здесь французское слово *une affectation* означает ‘неестественность, притворство’; ср. современное *аффектация*, которое в словарях определяется как «неестественная, обычно показная возбужденность в поведении, в речи» («Словарь русского языка» С. И. Ожегова).

Вставляя в текст незнакомое русскому читателю слово, да еще в иноязычном обличье, автор может сопроводить такое слово пояснением, касающимся его смысла и употребления. Например:

Никто не мог ее прекрасной
 Назвать, но с головы до ног
 Никто бы в ней найти не мог
 Того, что модой самовластной
 В высоком лондонском кругу
 Зовется *vulgar* (не могу...
 Люблю я очень это слово,
 Но не могу перевести;
 Оно у нас покамест ново
 И вряд ли быть ему в чести...)

(«Евгений Онегин»).

Прогноз Пушкина («...вряд ли быть ему в чести») не оправдался: это слово вошло в русский язык в виде прилагательного *вульгарный*.

Разумеется, далеко не всякое иноязычное слово, употребленное в качестве вкрапления в текст (даже если этот текст принадлежит большому мастеру), с течением времени осваивается языком. Многие писатели, общественные деятели, дипломаты, ученые прошлого, хорошо зная европейские языки — французский, английский, немецкий, итальянский (плюс к этому латынь и древнегреческий, основательно изучавшиеся в гимназиях и лицеях), свободно обра-

щались к иноязычному лексическому материалу. Перелистайте, например, страницы сочинений А. И. Герцена и И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, исторических трудов В. О. Ключевского и воспоминаний знаменитого юриста А. Ф. Кони — вы сразу же обратите внимание на отдельные слова и целые выражения, взятые из других языков. Например, у А. И. Герцена в «Письмах об изучении природы»: *divide et impera* (лат. 'разделяй и властвуй'), *contradictio in adjecto* (лат. 'противоречие в определении, внутреннее противоречие'), *c'est le mot de l'énigme всей философии* (франц. 'это слово — разгадка всей философии'), *esprit de conduite* (франц. 'линия поведения') и т. п.; у Тургенева в «Отцах и детях»: *европейское «shake hands»* (англ. 'рукопожатие'), *bien publique* (франц. 'общественное благо'), *живопись al fresco* (итал. 'настенная'), *suum cuique* (лат. 'каждому свое').

Конечно, это не всегда означает, что авторы не могли найти подходящих слов в родном языке, что иноязычное слово точнее передавало определенный смысл³³, — скорее, это свидетельствовало о хорошем знакомстве пишущего с иным языком и иной культурой, об отсутствии своеобразного порога, превращающего иной язык и иную культуру в чужие и даже чуждые. В диалогах же и вообще в речи персонажей иноязычные вкрапления нередко служат характеристикой изображаемого лица, его языковых привычек, уровня образованности и т. п.

2. Второй этап освоения иноязычного слова — приспособление его к системе заимствующего языка: транслитерация или транскрипция (*roast-beef* превращается в *ростбиф*, *afféctation* — в *аффе́ктацию* и т. д.), отнесение к определенной части речи с соответствующим морфологическим и (иногда) словообразовательным оформлением: *ростбиф*, *бифштекс* — существительные мужского рода, *аффе́кция* — существительное женского рода (причем употребляется преимущественно в единственном числе); *a jour*, *vulgar* оформились как прилагательные *ажур-н-ый*, *вульгар-н-ый* с использованием суффикса прилагательных *-н-* и т. д. Даже когда слово не вполне освоено грамматической системой языка (например, существительное не склоняется, а прилагательное еще и не изменяется по родам: *депо*, *шимпанзе*; *хаки*, *плиссе*), при своем употреблении в составе предложения оно подчиняется синтаксическим нормам заимствующего языка: *Построили новое депо* (т. е. слово *депо* — среднего рода, ведущее себя как неодушевленное существительное; ср.: *Начали новое дело*), *взрослый, взрослая шимпанзе*, *Поймали еще одного (еще одну) шимпанзе* (т. е.

³³ Хотя и такие случаи встречаются: например, И. А. Гончаров, оценивая картину Гвидо Рени «Христос», писал: «В Христе Гвидо Рени является одна черта во взоре, обращенном к небу, — это сила страдания и того, для чего нет русского слова, *résignation*» (франц. *résignation* 'смирение, покорность судьбе').

слово *шимпанзе* — мужского или женского рода, в зависимости от того, идет ли речь о самце или самке; в форме мужского рода это слово ведет себя синтаксически по типу одушевленных существительных; ср.: *Поймали еще одного медведя*), *рубашка хаки*, *юбка плиссе* (иноязычные слова употребляются в качестве несогласованных определений к существительным; ср.: *белая рубашка*, *короткая юбка*).

Теряя внешние признаки иноязычности (и, с другой стороны, приобретая новые для себя свойства, «навязываемые» системой воспринимающего языка), слово начинает употребляться не как вкрапление, а как более или менее органичный элемент русского текста. Однако факты говорят о том, что написать иноязычное слово русскими буквами и начать изменять его по образцу исконных слов — необходимое, но недостаточное условие вхождения иноязычного элемента в русский язык, освоения его говорящими. Слово так и может остаться индивидуальным, авторским нововведением и не перейти в общее употребление. Ср. у Герцена:

Яков Бём... имел мужество принимать *консеквенции* [т. е. выводы, следствия — от лат. *consequens* (*consequentis*)], страшные для боязливой совести того века («Письма об изучении природы»).

Иногда же слово хоть и осваивается, но не в том или не совсем в том значении, в котором оно употреблялось в начале своего появления в языке. Таково, например, слово *пальто*. Сейчас оно обозначает верхнюю одежду, одежду «для улицы» (ср. словосочетания *осеннее*, *зимнее пальто*, *демисезонное пальто*), а в середине XIX в. оно употреблялось в значении ‘сюртук’, что ближе к французскому оригиналу (*paletot*); ср.:

[Галахов] приехал на званый вечер; все были во фраках... Галахова не звали, или он забыл, но он явился в *пальто*; посидел, взял свечу, закурил сигару, говорил, никак не замечая ни гостей, ни костюмов (Герцен).

Из контекста ясно, что Галахов явился, конечно же, не в той «уличной» одежде, которая сейчас обозначается словом *пальто*, а одетым не так, как этого требовал светский этикет: не во фраке.

Будучи освоенным фонетической и грамматической системами языка, имея определенное значение, иноязычное слово, тем не менее, может восприниматься говорящими как чужое или, во всяком случае, не вполне привычное для русского языкового сознания. Об этом свидетельствуют, в частности, разного рода сигналы, сопровождающие употребление иноязычного слова в тексте: кавычки, оговорки и комментарии типа *как сейчас принято выражаться*, *говоря профессиональным языком* и т. п. (в устной речи такое слово нередко выделяется еще и интонационно). Ср.:

— Послезавтра в дворянском собрании большой бал. Советую съездить: здесь не без красавиц. Ну, и всю нашу *интеллигенцию* увидите.

Мой знакомый, как человек, некогда обучавшийся в университете, любил употреблять выражения ученые (Тургенев)³⁴;

Поехали за фельдшером, чтобы он шел как можно скорее подать какую-нибудь помощь или, как нынче красиво говорят, *констатировать* смерть (Лесков).

А вот как эмоционально комментирует слово *эвакуация* и обозначаемое им действие А. Н. Толстой:

— Эвакуация! Эвакуация! — донесся до Семена Ивановича дикий рокот голосов с перекрестка...

Выдумали же люди такое отвратительное слово — «эвакуация». Скажи — отъезд, всеобщая перемена жительства, — никто бы не стал, вылупив луковицами глаза, ухватив узлы и чемоданы, скакать без памяти на подводах и извозчиках в одесский порт, как будто сзади за ним гонятся львы.

«Эвакуация» в переводе на русский язык значит — «спасайся кто может». Но если вы — я говорю для примера — остановитесь на людном перекрестке и закричите во все горло: спасайся кто может! — вас же и побьют в лучшем случае.

А вот — не шепните даже, прошевелите одними губами магическое ибиксово слово: «эвакуация», — ай, ай, ай!.. Почтенный прохожий уже побелел и дико озирается, другой врос столбом, будто нос к носу столкнулся с привидением. Третий ухватил четвертого:

— Что такое? Бежать? Опять?

— Отстаньте. Ничего не знаю.

— Куда же теперь? В море?

И пошло магнитными волнами проклятое слово по городу. Эва-ку-ация — в трех этих слогах больше вложено переживаний, чем в любой из трагедий Шекспира... («Похождения Невзорова, или Ибиксус». Кн. 3).

3. Когда носители языка перестают ощущать непривычность иноязычного слова, оно теряет сопроводительные сигналы и комментарии и начинает употребляться «на равных» с другими словарными единицами родного языка. Од-

³⁴ Слово *интеллигенция* и однокоренные с ним слова в XIX веке вообще довольно часто служили объектом иронических и критических замечаний. Но, споря о словах, нередко имели в виду обозначаемые ими понятия. Например, сто с лишним лет назад «Пермские епархиальные ведомости» напечатали такую резолюцию: «Объявить через «Епархиальные ведомости», чтобы пермское духовенство в официальных бумагах не употребляло слов: интеллигент, интеллигентный... Эти слова характеризуют людей, живущих одним только разумом, но не заботящихся иметь Бога в разуме. А такие люди не могут быть истинными членами православной церкви» (цит. по: [Боровой 1963: 316—317]).

нако в этом употреблении могут сохраняться жанрово-стилистические, ситуативные и социальные особенности: например, слово оказывается более употребительным в одних стилистических условиях и почти не встречается в других, тяготеет к одним типам коммуникативных ситуаций, характеризует речевую практику лишь некоторых социальных групп и т. д.

Так, например, термины *аутентичный*, *денонсировать*, *ратификация* и под. обычны для дипломатических документов и сравнительно редко встречаются в иных контекстах.оборот *продолжить договор* (от франц. *prolonger* 'продолжать, удлинять') работник издательства может употребить в служебной ситуации, но при общении с людьми, не принадлежащими к данному профессиональному кругу, он заменит это специальное выражение более понятным *продлить договор*. Сравнительно недавно заимствованное русским языком из английского словосочетание *уик-энд* ('конец недели; отдых в конце недели') распространено преимущественно в речи интеллигенции (это не значит, что оно неизвестно представителям других социальных слоев и групп, но там оно используется менее активно).

Интересно, что те или иные узуально-стилистические и социальные ограничения в употреблении иноязычного слова отражаются на характере и степени его освоения в воспринимающем языке. Это касается прежде всего фонетических особенностей слов и их словообразовательной активности. Ср., с одной стороны, слова типа *болеро*, *консоле*, *несесер*, которые произносятся с сохранением [о] неударного и с твердым согласным перед *e*: [бо]леро́, [ко]нсо[мэ], [нэсэ́сэр] и не имеют производных, и, с другой, — слова типа *боксер*, *депо*, *секрет*, произношение которых согласуется с правилами произношения русских слов: [ба]ксёр, [д'и]ло́, [с'икр'эт] и которые имеют словообразовательные дериваты: *боксерский*, *деповский*, *деповцы*, *секретный*, *секретик*, *секретничать*.

4. Адаптация иноязычного слова в русском языке может проходить еще один этап — утраты жанрово-стилистических, ситуативных и социальных ограничений в употреблении. Это происходит далеко не всегда: многие иноязычные лексические элементы являются специальными терминами и в качестве таких сохраняют достаточно узкую сферу употребления. Кроме того, слова, взятые из других языков, могут оставаться приметами словоупотребления определенной социальной среды: ср., например, многочисленные англицизмы в молодежном жаргоне 60—70-х гг. — типа *френд* 'друг', *герла* 'девушка', *шузы* 'ботинки, обувь вообще' и т. п.

И все же преодоление ситуативно-стилистических и социальных ограничений является одной из характерных тенденций в процессе освоения иноязычных заимствований. «Слово, уже акклиматизировавшееся в одной социальной

среде, переходит в более широкий круг, причем обычно теряет или видоизменяет свой специальный характер, а нередко, кроме того, под влиянием событий, еще окрашивается и эмоционально», — писал в 1923 г. известный русский языковед С. О. Карцевский [Карцевский 1923: 14].

На этапе выхода иноязычного слова за рамки специальной сферы или какой-либо социально ограниченной среды окончательно формируется его семантика. Разумеется, и на предшествующих этапах оно употребляется, как правило, в достаточно определенном смысле, однако еще возможны последовательные во времени смещения в его значении (как в приведенном выше слове *пальто*), колебания и варианты в его осмыслении: так было, например, в начале употребления англицизма *бульдозер* — этим словом называли то нож, которым эта машина ровняет землю, то саму машину с таким ножом.

Стабилизация значения — один из факторов, определяющих судьбу заимствования в языке. Важный компонент этого процесса — семантическая дифференциация исконных и заимствованных слов, близких по смыслу и употреблению. Ср., например, различия в значениях слов *водитель* — *шофер*, *всеобщий* — *тотальный*, *заграничный* — *импортный* и т. п. Эти различия наиболее наглядно проявляются в сочетаемости каждого из слов, составляющих подобные пары, с другими лексическими единицами: *шофер*, *водитель автомобиля*, *автобуса*, *такси*, но только *водитель троллейбуса* (не **шофер троллейбуса*); *тотальная война*, но, по-видимому, не *всеобщая война*; *всеобщее избирательное право*, но не **тотальное избирательное право*; *импортный костюм*, *заграничный паспорт*, но не **импортный паспорт*.

Стабилизация семантики происходит как в словах, ситуативно, стилистически или социально ограниченных по своему употреблению, так и в общеупотребительных. При снятии ограничений, при переходе слова в общий речевой оборот могут происходить семантические изменения, обусловленные расширением его связей с другими словами. Это можно видеть на примере специальных терминов, выходящих за пределы чисто профессионального употребления. Ср., например, такие метафорические по своей природе словосочетания, как *орбита славы*, *инфляция слов*, *вирус равнодушия* и т. п., употребительные в языке современной публицистики³⁵.

³⁵ Примеры взяты из книги «Русский язык и советское общество» (М., 1968. Кн. 1. С. 177). Статьи говоря, расширение сферы употребления специального термина и особенно использование его публицистами нередко делает этот термин «модным»: это произошло, например, на наших глазах с дипломатическим термином *консенсус*, который в начале 90-х гг. XX в. применялся не только к ситуациям переговоров, парламентской борьбы и т. п., но и к разного рода бытовым компромиссам и соглашениям (юмористы призывали к *консенсусу между покупателем и продавцом, жильцами дома и жэком* и т. д.). — Примечание 2003 года.

Если термин используется в составе метафорических словосочетаний достаточно регулярно, то у него может появиться переносное значение, фиксируемое толковыми словарями. Так произошло, например, с термином *орбита* (от лат. *orbita* 'колея, дорога'). В современных словарях у этого слова помимо специального значения отмечается и переносное: «сфера действия, деятельности» (см., например: «Словарь русского языка» С. И. Ожегова. 21-е изд. М., 1989).

5. Регистрация иноязычного слова в толковом словаре — завершающий этап его освоения: ведь подавляющее большинство словарей являются нормативными, их словники состоят из наиболее регулярно употребляющихся, укоренившихся в языке лексических средств. Поэтому факт фиксации слова в толковом словаре сам по себе знаменателен: он указывает на то, что слово признается принадлежащим лексико-семантической системе данного языка.

К описанию иноязычного слова в толковом, а также в других типах словарей предъявляются определенные требования. Это диктуется тем, что иноязычные слова нередко вызывают известные трудности у носителей языка: как слово пишется и произносится? какие грамматические формы имеет? Что в точности значит? Откуда оно к нам пришло? Для того, чтобы дать ответы на все подобные вопросы, необходимо осуществить комплексное лексикографическое описание иноязычного слова. Однако это уже другая тема, заслуживающая самостоятельного обсуждения³⁶.

Признаки ассимилированности чужого слова в языке — необходимые и избыточные

Обычно считают, что для вхождения слова в систему заимствующего языка требуются следующие условия:

- 1) передача иноязычного слова фонетическими и графическими средствами заимствующего языка;
- 2) соотнесение слова с грамматическими классами и категориями заимствующего языка;
- 3) фонетическое освоение иноязычного слова;
- 4) грамматическое его освоение;
- 5) словообразовательная активность слова;
- 6) семантическое освоение иноязычного слова: определенность значения, дифференциация значений и их оттенков между существовавшими в языке словами и появившимся иноязычным словом;

³⁶ Эта тема рассматривается нами ниже — см. с. 210 — 221.

- 7) регулярная употребляемость в речи: для слова, не прикрепленного к какой-либо специальной стилистической сфере, — в различных жанрах литературной речи; для термина — устойчивое употребление в той терминологической области, которая его заимствовала, наличие определенных парадигматических и «значимостных»³⁷ отношений с терминами данного терминологического поля.

Очевидно, не все из перечисленных признаков являются необходимыми для вхождения иностранного слова в язык и функционирования в нем. Так, к факкультативным признакам, по моему мнению, могут быть отнесены такие, как фонетическая и грамматическая ассимиляция иностранного слова³⁸ и его словообразовательная активность. Например, в современном русском языке существуют и активно употребляются слова с нехарактерными для русского произношения фонетическими чертами и не ассимилированными грамматической системой: фонетически не освоенные (или, точнее, не вполне освоенные): *джем*, *джемпер*, *джигит*, *в колледже* (произношение звукосочетания [чж (дж)] характерно для русского языка только на стыке морфем — ср. произношение слов *отжил*, *от жены*); *фланг*, *шланг*, *демпинг*, *пеленг*, *блюминг*, *ринг* и т. п. (сочетание [нк] в конце слова не характерно для русских слов); *бонтон*, *досье*, *оазис*; *болеро*, *модерато* и т. п. (произношение [о] в первом и во втором предударных слогах на месте *a* и редуцированного в подобных по слоговой структуре русских словах); произношение твердого согласного перед *e*: *адан*[тэ]р, *бифш*[тэ]кс, *ш*[тэ]псель, [дэ]каданс, [дэтэ]ктив, [дэ]льта, *мо*[дэ]ль, *то*[нэ]ль, *а*[нэ]ксия, [сэ]писис, [нэсэсэр] и т. п.³⁹; грамматически не освоенные: *филе*, *желе*, *пике*, *драже*, *атташе*, *кофе*, *жюри*, *алиби*, *коми*, *пальто*, *лассо*, *инкогнито*;

³⁷ Значимость понимается как ценность (*valeur*) знака (термина), определяемая его соотношением с другими знаками (терминами) данной системы. Ср. различия в таких отношениях у терминов, могущих одновременно принадлежать разным терминологическим системам: например, *монотип* в полиграфии соотносится с такими терминами, как, с одной стороны, *монотипия*, *монотипист*, а с другой — *линотип* и даже *дагеротип*; в биологии, где этот термин означает тип организмов, представленный только одним видом, его соотношения с терминологической системой совершенно иные (ср. понятие «терминологического поля» в работе [Реформатский 1959]).

³⁸ Кр. Мёллер высказывала мысль о необязательной зависимости фонетико-грамматического приспособления заимствованного слова к новой системе и степени его употребительности. Она писала, что «процесс ассимиляции и процесс укоренения слова в языке протекает не параллельно. Слово может вполне приспособиться (в звуковом отношении) и в то же время быть совершенно неукоренившимся или «ненародным» (*unvolkstümlich*). Напротив, неприспособившееся (*unangepasste*) слово может быть укрепившимся и народным» [Møller 1933: 45].

³⁹ Бóльшая часть примеров взята из кн.: *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М., 1950.

кенгуру, табу, рагу, меню, ревью, инженерю; алоэ; беж, бордо, эпонж и т. п.; не освоенные фонетически и грамматически: пенсне, турне, шоссе, фойе, кафе; койнэ, консоме; интервью, рандеву и т. п.

В связи с рассмотрением слов, не освоенных русским языком в том или ином отношении, необходимо сделать одно существенное замечание.

Следует принципиально различать фонематическую субституцию (т. е. передачу иноязычного слова фонемными средствами заимствующего языка ⁴⁰), которая неизбежна при лексическом заимствовании, и фонетическое освоение заимствованного слова, приспособление его к фонетической системе языка-заимствователя, которое наблюдается уже в процессе функционирования иноязычного элемента в речи и не является признаком, характеризующим всякое заимствованное слово (ср. смягчение согласных *т, д, с, н* перед *е* в одних словах и сохранение твердого произношения в других: [тэз'ис], [дэмп'инк], [сэр-в'ис], [нэйрбн] — и [т'экст], [д'эмьн], [с'экть], [нэ'итрбн] и т. п.).

Точно так же, на наш взгляд, различаются грамматическое оформление иноязычного слова в заимствующем языке, составляющее неотъемлемую часть процесса лексического заимствования, и грамматическое освоение, приспособление заимствования к грамматической системе языка. Очевидно, что, например, слово *жюри* имеет определенные грамматические показатели в русском языке (имя существительное, род, число и падеж которого могут быть выражены синтаксически, т. е. все-таки грамматически). Но русской грамматической системе оно чуждо в той мере, в какой чужды ей все несклоняемые и не имеющие морфологически выраженной формы числа иноязычные существительные.

Из такого разграничения можно сделать некоторые выводы, объясняющие те или иные стороны процесса вхождения иностранного слова в язык. Так, например, то, что «процесс фонетического усвоения заимствованных слов протекает менее интенсивно, чем приобретение ими формальных показателей» [Ледяева 1965: 244], объясняется, по-видимому, не только «консервативностью фонетических процессов» [там же], но и различной соотношенностью этих двух аспектов заимствования иноязычных слов с основной функцией слова — коммуникативной. Слово не может употребляться в речи вне грамматических категорий; поэтому «приписывание» того или иного иноязычного лексического элемента к определенной парадигме, выражение — морфологическое или синтаксическое — рода, числа, падежа у существительных, оформление русскими суффиксами заимствованных глаголов и т. п. — это, по существу, не процесс, а единовременный, мгновенный акт, неизбежный, коль скоро встает вопрос об

⁴⁰ Сведения о русско-иноязычных фонемных соответствиях содержатся в «Грамматике иностранных слов» Н. В. Юшманова (см.: Словарь иностранных слов. М., 1933. С. 1434 и след.).

употреблении в русском тексте иноязычного слова не как чужеродного вкрапления, а как единицы, связанной с другими элементами текста нормальными для русского языка синтагматическими отношениями. Фонетическое же усвоение иноязычного слова, «подгонка» его под типичные для русской фонетической системы звукосочетания (произнесение *a* на месте *o* в первом предударном слоге, смягчение твердых согласных перед *e*, устранение групп согласных и т. д.) — это длительный исторический процесс. Его осуществление не диктуется непосредственно коммуникативными задачами: общение между людьми, говорящими по-русски, возможно и в том случае, когда они произносят [тэмп], [дэпо], [сонэт], и в том, когда они употребляют более русифицированные формы: [т'эмп], [дэ'по], [сан'эт].

Многие из приведенных выше слов и им подобных — главным образом с окончанием на гласную — непродуктивны или почти непродуктивны как производящие основы, и, таким образом, их словообразовательная активность в большинстве случаев равна нулю (ср., впрочем, образования от наиболее частотных слов: *пальтишко*, *пальтецо*, *пальтовый*, *деповский*, *деповцы*, *шоссейный*, *кофейный*, *кофеек* и некоторые другие)⁴¹.

Что касается других признаков освоения иноязычного слова, то они, по-видимому, необходимы как критерии «заемствованности» слова.

В самом деле, без графической и фонетической передачи иноязычного слова соответствующими средствами оно воспринимается в тексте как иноязычное вкрапление, не связанное с окружающими словами, а если и связанное семантически, то скорее через его подразумеваемый перевод близким по значению исконным словом. Например, некоторые слова и выражения, употребляемые в латинском написании, воспринимаются как изолированные «межъязыковые» элементы (ср. *персона non grata, ergo, dixi, gratis* и т. п. — см. о них ниже).

Иногда одно и то же иноязычное слово употребляется и в «своем», и в «чужом» написании. В таких случаях особенно наглядно выступает изолированность иноязычного варианта и естественность «своего».

Ср., например:

Для горячей и активной оппозиционной работы на словах и в печати — требуется лишь некоторый *минимум* научно-теоретической подготовки... (Речь. 1906. 23 февр.);

Прислуга в отеле доведена до *минимума*, преобладают женщины и мальчики (Речь. 1916. 20 янв.);

⁴¹ Ср. мнение А. Доза, который считал, что словообразовательная активность заимствованного слова (наряду с возможностью для него употребляться в переносном значении) свидетельствует о том, что оно окончательно получило право гражданства в языке (Доза А. История французского языка. М., 1956. С. 138).

Товарищи боялись положиться на К., которого простые партийные дискуссии доводили до иступления. Но во время *Action* он не только оставался в бою ... но ни разу не дал воли разбитым нервам (*Л. Рейснер*. Гамбург на баррикадах. М., 1924);

Можно было бы привести выдержки из ответов некоторых других участников анкеты «Ар», но и приведенных, пожалуй, достаточно, чтобы показать характер неблагоприятной *акции*, предпринятой парижским еженедельником (Литературная газета. 1959. 3 февр.).

Кроме того, сохранение иноязычной графической формы — существенное препятствие для фонетической передачи слова средствами заимствующего языка и для соотнесения его с соответствующими грамматическими категориями.

Однако графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка и его идентификация в этом языке с определенными грамматическими категориями — лишь внешние и, как кажется, довольно очевидные признаки, характеризующие заимствование.

Среди иноязычной лексики много слов, которые, хотя и переданы русской графикой, представляются чуждыми для носителей языка. Это слова типа *крузейро, чидабоба, просперити, вигвам, куадрилья, хартал* и т. п. — т. е. так называемая экзотическая лексика, связанная с обозначением специфических национальных черт (политического уклада, обрядов, особенностей культуры и быта какого-либо народа). Употребление такой лексики обусловлено не языковыми причинами, а тематикой, ситуацией речи: рассказывая о какой-либо стране, автор употребляет слова, обозначающие вещи или явления, которые специфичны для этой страны.

Поскольку экзотические слова в своем большинстве представляют конкретную лексику, то к ним применимо положение, которое ограничивает вхождение иностранных слов в язык и которое можно сформулировать так: слово не может быть заимствовано прежде, чем заимствована вещь, им обозначаемая. Употребляться в языке такое иностранное слово может, но оно будет оставаться «чужим», экзотическим до тех пор, пока чужой и экзотической носителям данного языка будет казаться реалья, обозначаемая этим словом.

Другое дело, когда в языке начинает употребляться слово, которое: а) называет новый предмет (или явление), заимствованный носителями этого языка, и заменяет исконный описательный оборот (ср. *кемпинг* ‘гостиница для автотуристов’, *блюминг* ‘прокатный стан’ и т. п.); б) своим значением вносит дополнительный семантический оттенок (или оттенки) в «поле» значений соответствующей группы исконных слов или одного слова (ср. *комфорт* при исконном *удобство*, *контейнер* при исконных *ящик*, *вместилище*, *импортный* при исконных *заграничный*, *иностранный*, *экспорт* при исконном *вывоз* и т. п.). Во втором случае (б) происходит перегруппировка значений или семантических

дифференциальных признаков в исконном слове под влиянием иноязычного (и наоборот) и, как следствие этого, семантическое размежевание «своего» и «чужого», которые, несмотря на близость значений, начинают различаться некоторыми семантическими признаками, а также сферой употребления.

«Когда новое слово, будь то неологизм или заимствование, — пишет Е. Курилович, — появляется в языке, имеются две возможности. Либо обозначаемый объект также имеет что-то новое (в случае заимствования из области культуры, например *twist*, открытия, например *magnétophone, tonband*), либо — что более интересно для лингвиста — обозначаемый объект уже имел для себя название, которому с некоторых пор стало угрожать новое слово. Здесь очевидны два исхода: полное вытеснение слова *B* словом *B'* — или “раскалывание” семантической зоны, занятой первоначально одним *B*» [Курьюлович 1963]⁴².

Таким образом, и в случае а), и в случае б) мы имеем дело с семантически самостоятельными иноязычными словами, не только принимаемыми лексической системой заимствующего языка, но взаимодействующими с ее элементами.

Семантическая самостоятельность, отсутствие дублетных синонимических отношений с исконными словами языка (это характерно в случае употребления «непереведенных» слов) — важнейший признак заимствованного слова. Он предопределяет функциональную активность слова, регулярность его употребления в речи. Семантически полноценное иноязычное слово необходимо как средство общения, в то время как слово, дублирующее значение другой лексической единицы, легко вытесняется из употребления.

Но как «измерить» функциональную активность иноязычного слова? Обычный подсчет его частоты в тексте, по-видимому, ничего не даст, так как в текстах определенной тематики частотность слова может быть очень высокой, а в других речевых условиях — равной нулю (ср. употребление «экзотизмов»). Указание на то, что чем большее число разных стилей «захватывает» иноязычное слово, тем весомее основания считать его заимствованным [Сорокин 1965: 62], само по себе очень важно, однако довольно неопределенно. В этом случае

---

⁴² Ср.: «Вследствие системного характера языка вообще и лексики в частности никакое новое пополнение словаря заимствованными словами не может пройти бесследно для остального словарного состава. Заимствованное слово обычно принимает на себя одно (или несколько) значений семантически наиболее близких к нему слов, уже раньше существовавших в языке. При этом происходит перегруппировка в их смысловой структуре, т. е. какое-нибудь второстепенное значение может стать центральным, или наоборот. Может также произойти и нередко происходит вытеснение из языка слов, близко совпадающих по значению с новым словом. Происходит это потому, что продолжительное существование в языке абсолютных... синонимов невозможно и всегда ликвидируется либо размежеванием их значений, либо вытеснением из языка ненужных слов» (Арнольд И. В. Лексикология английского языка... С. 211).

имеются в виду исключительно стилистически немаркированные слова. А как быть, например, с лексикой книжной, высокой, употребление которой возможно лишь в жанрах письменной речи, как быть с терминами, присущими лишь какой-то одной определенной терминологии? Ответ на эти вопросы можно, вероятно, найти, идя по такому пути: во-первых, различно оценивать заимствование термина и заимствование общелитературного слова, во-вторых, оценивать функциональную активность иноязычного слова в литературной речи, применяя более дробную «стилистическую градацию», — не по стилям, а по речевым жанрам ⁴³, в которых оно употребляется.

Если для термина характерно «одностильное» функционирование, т. е. регулярное употребление в определенной специальной области, в определенном терминологическом поле, и этого, по-видимому, достаточно, чтобы считать тот или иной иноязычный термин заимствованным данной терминологической системой, то не-термин характеризуется как раз отсутствием прикрепленности его к какой-то одной определенной сфере. Напротив, чем шире возможности его употребления в речи, в различных жанрах, тем больше оснований считать его словом общелитературного языка. Можно сказать, что иноязычный термин заимствован данной терминологической системой, если он регулярно употребляется в речевой сфере, обслуживаемой этой системой; иноязычное слово заимствовано ⁴⁴ лексической системой литературного языка, если оно употребляется в разных, минимум в двух, речевых жанрах.

Итак, из перечисленных выше признаков, которые характеризуют процесс лексического заимствования, мы отобрали лишь те, которые необходимы и в то же время достаточны для того, чтобы считать то или иное иноязычное слово (термин) заимствованным данной лексической (терминологической) системой. Это — а) графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка; б) соотнесение его с определенными грамматическими классами и категориями; в) семантическая самостоятельность слова, отсутствие у него дублетных синонимических отношений со словами, существующими в языке-заимствователе ⁴⁵; г) для слова литературного языка — употребление не

---

⁴³ Речевому жанру можно дать такое рабочее определение: это совокупность текстов одного стиля, реальных или возможных, которые характеризуются одинаковыми принципами использования языковых средств (словарных и грамматических). Подробнее о понятии «речевой жанр», а также перечень различных жанров речи см. в проспекте «Русский язык и советское общество» (Алма-Ата, 1962. С. 97—98).

⁴⁴ При условии соответствия критерию семантической самостоятельности.

⁴⁵ Ср. иную точку зрения С. Пушкарю [Puşcaŕiu 1943: 241 и след.], который считает, что наличие лексических дублетов не препятствует заимствованию и освоению слова в языке-заимствователе. В этом случае «свое» и «чужое» не сосуществуют и не диффе-

менее чем в двух разных речевых жанрах, для термина — регулярное употребление в определенной терминологической сфере.

Словообразовательные возможности иноязычных неологизмов*

Словообразовательная активность иноязычного лексического элемента, его способность служить базой для создания производных слов с помощью аффиксальных средств заимствующего языка — один из показателей укоренения заимствования в этом языке. Эти показатели — фонетическое и графическое освоение заимствования, включение его в систему грамматических форм, стабилизация лексического значения, более или менее широкая и, главное, регулярная употребляемость в речи — в совокупности составляют условия полной адаптации иноязычного слова в языке-реципиенте.

«С точки зрения грамматики, — писал Л. Блумфилд, — заимствованные формы подчиняются системе заимствующего языка как в отношении синтаксиса, так и в отношении облигаторных словоизменительных форм, а также наиболее

ренцируются семантически; происходит замена исконного слова иноязычным, причина которой — в «функциональной слабости» замещаемого слова. Однако, как мне кажется, заимствование потому и происходит, что в языке есть «пустые ячейки», т. е. имеется потребность выразить нечто, но свой лексический материал недостаточно хорошо удовлетворяет эту потребность. Даже в тех случаях, когда налицо, казалось бы, полное семантическое совпадение исконного и иностранного элементов, на самом деле этого совпадения или нет, или оно кратковременно и является фактом речи, а не языка. Здесь возможны следующие варианты:

1) иноязычное слово появляется в употреблении раньше, чем соответствующий исконный дублет; при появлении последнего в речи возникает своеобразная конкуренция, заканчивающаяся обычно либо семантической, либо функционально-стилистической дифференциацией;

2) иноязычное слово появляется в речи рядом с близким по смыслу, но не совпадающим полностью исконным словом; параллельное употребление усиливает их различие, делает более четкими основания для их противопоставления. Часто такое несовпадение исконного и заимствуемого слов не очевидно, выявить его помогает выяснение «валентностей» слова, возможностей его семантической сочетаемости с другими словами. Так, например, семантическая близость слов *сервис* и *обслуживание* не есть их полное тождество, поскольку в плане семантической сочетаемости они обладают разными возможностями. То же самое можно сказать и о других синонимических парах (например, *тотальный* — *всеобщий*, *шофер* — *водитель* и т. п.).

* Опубликовано под названием «О словообразовательных возможностях иноязычных неологизмов» в журнале «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1998, № 3 (в соавторстве с Ю Хак Су).

продуктивных, “живых” конструкций словосложения и словообразования» [Блумфилд 1968: 497].

Адаптация слова к иной языковой системе — процесс постепенный и во многих случаях длительный. Достаточно часто иноязычные элементы так и остаются не до конца освоенными «чужаками»: например, они могут отличаться особенностями произношения (ср. несмягчение согласных перед [э] в словах типа *несесер, сеттер, темп* и под.), не включаются в систему падежного склонения (*депо, какаду, кофе, радио, такси* и под.), не имеют никаких производных.

Последнее обстоятельство — отсутствие производных — особенно характерно для несклоняемых существительных и неизменяемых прилагательных, хотя здесь многое зависит от степени употребительности слова. Так, например, от слова *манто* производные не образуются (во всяком случае, они не зафиксированы в словарях), а морфологически и акцентно сходное с ним *пальто* «обросло» словообразовательными дериватами типа *пальтишко, пальтецо, пальтовый* (преимущественно в профессиональной речи, ср. *пальтовая ткань*); слово *кофе* имеет такие производные, как *кофеёк, кофейня, кофейный, кофейник*, а слово того же тематического ряда и также несклоняемое (правда, имеющее несколько иное фонетическое строение) *какао* производных не образует (фиксируемое «Грамматическим словарем» А. А. Зализняка [Зализняк 1977] прилагательное *какаовый* употребительно, по-видимому, лишь в профессиональной речи). Ср. также другие несклоняемые существительные, по-разному ведущие себя с точки зрения словообразовательной активности: *домино* (*доминошный, доминошник*) — *кимоно* (производных нет), *депо* (*деповский, деповцы*) — *кашпо* (производных нет), *декольте* (*декольтированный, декольтировать*) — *фуэте* (производных нет), *купе* (*купейный*) — *канале* и др., а также разную продуктивность неизменяемых прилагательных типа *беж* (ср. *бежевый*), *бордо* (ср. *бордовый*) — *маренго* (нет производных), *хаки* (нет производных), *электрик* (нет производных).

Если иноязычное слово адаптируется грамматической системой языка: существительные приобретают падежные и числовые формы, включаются в тот или иной класс по признаку грамматического рода, прилагательные приобретают словоизменяемые свойства русских прилагательных, глаголы оформляются по образцу тех или иных глагольных классов и спрягаются по существующим в русском языке моделям, — то это, как правило, расширяет возможности образования производных от таких грамматически освоенных заимствований.

Так, неодушевленные существительные с предметными и вещественными лексическими значениями легко образуют относительные прилагательные с суффиксами *-н(ый)*, *-ов(ый)*: *абажур* — *абажурный*, *каюта* — *каютный*, *май-*

онез — *майонезный*; *бомба* — *бомбовый*, *стенд* — *стендовый*, *грунт* — *грунтовый*; существительные со значением лица образуют относительные прилагательные с суффиксом *-ск(ий)*: *президент* — *президентский*, *шофёр* — *шофёрский*, *дама* — *дамский*; у существительных, обозначающих различные отрасли науки, направления в искусстве, социальные течения и т. п., появляются прилагательные с суффиксами *-ическ(ий)*, *-истск(ий)*: *зоология* — *зоологический*, *абстракционизм* — *абстракционистский*, *пуризм* — *пуристический*, *пуризм* — *пуристский* и т. п.

На базе иноязычных глаголов с суффиксами *-ирова(ть)*, *-изова(ть)*, *-изирова(ть)*, *-фицирова(ть)* образуются существительные с суффиксами *-ани(е)*, *-аци(я)*: *конструировать* — *конструирование*, *стилизовать* — *стилизация*, *экранизировать* — *экранизация*, *электрифицировать* — *электрификация*⁴⁶ и под.

Кроме того, и глаголы, и коррелирующие с ними отглагольные существительные, а также некоторые другие группы иноязычных слов могут образовывать префиксальные производные: *блокировать* — *заблокировать*, *разблокировать*, *деблокировать*; *инфляция* — *гиперинфляция*; *инвестиции* — *реинвестиции* и т. п.

Эти предварительные замечания о словообразовательных возможностях иноязычного слова необходимы для того, чтобы ответить на вопрос: как ведут себя с точки зрения словообразовательной активности новые иноязычные слова, только начинающие осваиваться системой русского языка?

Среди новых иноязычных слов, появившихся в русском языке в последние полтора-два десятилетия XX в., преобладают имена существительные⁴⁷, а из них большая часть — склоняемые. Это, например, общественно-политическая лексика: *брифинг*, *импичмент*, *инаугурация*, *истеблишмент*, *популизм*, *саммит*, *спикер* и др., финансовая и экономическая терминология: *бартер*, *брокер*, *ваучер*, *дилер*, *инвестиции*, *консалтинг*, *маркетинг*, *менеджер*, *менеджмент*, *монетаризм*, *приватизация*, *риелтор*, *спонсор*, *субвенция* и др., технические термины: *дисплей*, *дигитайзер*, *драйвер*, *интерфейс*, *компьютер*, *ксерокс*, *модем*, *мониторинг*, *пейджер*, *принтер*, *сканер*, *телефакс*, *файл*, *хакер* и др., термины спорта: *армрестлинг*, *аэробика*, *бодибилдинг*, *боулинг*, *виндсёрфинг*, *допинг*, *кик-*

⁴⁶ В данном случае мы не рассматриваем вопрос о возможном самостоятельном заимствовании некоторых из подобных существительных (ср., например, франц. *stylisation*, которое могло послужить прототипом русского *стилизация*). Синхронно, с точки зрения словообразовательных отношений в современном русском языке указанные (и подобные им) пары «глагол — отглагольное существительное» должны рассматриваться, по-видимому, как содержащие производящее и производное слово.

⁴⁷ По данным В. Д. Бояркиной, глагольные неологизмы составляют 9% всех новых слов, включая заимствования, см. [Бояркина 1993: 8].

боксинг, мозул, овертайм, скейтборд, сноуборд, фристайл и др., лексика таких сфер деятельности, как мода, шоу-бизнес, музыкальное искусство, кино, художественное творчество: *бутик, имидж, имиджмейкер, клип, клипмейкер, попса, промоутер, римейк, триллер, шоумен* и др., общебытовая лексика: *гамбургер, сауна, скотч, степлер, шоп-тур* и др.

Несклоняемые существительные немногочисленны, однако, несмотря на их грамматическую неосвоенность русским языком, они весьма употребительны: *киви, кутюрье, паблицити, ноу-хау, профи, хиппи, шоу, ток-шоу*; из менее употребительных, но все же встречающихся на страницах прессы, в теле- и радиоэфире: *роялти* 'вид авторского гонорара', *прет-а-порте* 'готовое платье', *уоки-токи* 'портативное переговорное устройство' и нек. др. Наибольшие словообразовательные возможности — у склоняемых существительных-неологизмов с согласным в конце основы. Они легко образуют относительные прилагательные с помощью суффиксов *-н(ый)*, *-ов(ый)*, *-ск(ий)*, например: *бартер* — *бартерный*, *ваучер* — *ваучерный*, *компьютер* — *компьютерный*; *маркетинг* — *маркетинговый*, *консалтинг* — *консалтинговый*, *допинг* — *допинговый*; *брокер* — *брокерский*, *риелтор* — *риелторский*, *спонсор* — *спонсорский*. Существительные, содержащие в своем составе суффикс *-изм*, образуют прилагательные с суффиксом *-истск(ий)*: *монетаризм* — *монетаристский*, *популизм* — *популистский*, существительные с финалью на *-ия* — прилагательные с суффиксом *-онн(ый)*: *инвестиция* — *инвестиционный*, *приватизация* — *приватизационный*, *субвенция* — *субвенционный*, *деноминация* — *деноминационный* и т. п.

Некоторые из склоняемых существительных коррелируют с глаголами, либо образованными от этих существительных в русском языке (например, *компьютер* — *компьютеризовать, компьютеризировать*; ср. также разговорно-профессиональный глагол *ксерить* 'копировать что-либо на ксероксе', образованный с усечением комплекса *-окс* в иноязычной именной основе), либо заимствованными параллельно с однокоренным существительным (например, *сканер* — *сканировать*).

Среди перечисленных выше склоняемых существительных-неологизмов есть и такие, которые «неохотно» образуют производные. Это касается, например, слов с финальным компонентом *-мент*: *импичмент, менеджмент*. Они не имеют производных (однокоренное со словом *менеджмент* — *менеджер* — заимствовано параллельно, два эти слова не находятся в отношениях «производящее — производное»), хотя образование на их основе относительных прилагательных вполне вероятно. Большая часть названий новых видов спорта с финальным комплексом *-инг* также малоактивна в словообразовательном отношении: прилагательные типа *армрестлинговый, боулинговый, виндсёрфинговый* имеют статус лексических раритетов, встречающихся в узкопрофессиональном речевом обиходе.

При реализации словообразовательных возможностей иноязычного неологизма имеет значение не только характер его морфологической структуры и его грамматическая освоенность русским языком, но и то, насколько слово употребительно. Попадая в фокус социального внимания, делаясь частотными в средствах массовой информации и в речевом обиходе, некоторые новые заимствования могут порождать производные гораздо более активно, нежели структурно сходные с ними слова, которые, однако, не столь популярны.

Например, на основе термина *приватизация*, который широко употребляется с начала 90-х гг., создано целое гнездо производных: *деприватизация*, *реприватизация*, *приватизационный*, *приватизатор*, *приватизировать*. Похожая картина — с терминами *ваучер* (*ваучерный*, *ваучеризация*, *ваучеризировать*), *инвестиция* (*инвестиционный*, *инвестор*, *инвестировать*, *реинвестиция*, *реинвестировать*), *деноминация* (*деноминационный*, *деноминировать*), ср. с этим слово с той же финалью, но, несомненно, более редкое — *инаугурация*, которое имеет лишь одно производное — прилагательное *инаугурационный*, но, например, не теоретически возможный глагол **инаугурировать*.

Фактор коммуникативной актуальности слова, его широкой употребительности может оказаться сильнее фактора его грамматической неосвоенности: некоторые несклоняемые иноязычные существительные, попадая в активное употребление (иногда лишь в определенной социальной среде), преодолевают свою грамматическую ущербность и образуют производные. Таково, например, слово *хиппи*, от которого в жаргонно-просторечной среде образовались такие производные, как *хипповый*, *хипповать*, *хиппарь*, *хиппист*, *хиппистка*, *хиппушка*, *хиппизм*, *хиппня*, *хипповский* (см. [Юганов, Юганова 1997: 238 — 239]).

Иногда высокая частотность в речи неизменяемого имени способствует тому, что оно превращается в изменяемое. Так, англицизм *попс*, первоначально имевший в русском языке статус неизменяемого прилагательного (*музыка в стиле попс*), довольно быстро перешел в разряд склоняемых существительных, получив флексию *-á* и включившись в парадигму имен существительных женского рода: *попса́*, *попсы́*, *попсой́* и т. д. В таком статусе этот неологизм уже имеет производные, употребительность которых, правда, ограничена средой музыкантов, деятелей шоу-бизнеса: *попсовый*, *попсовик* (представитель массового, коммерческого искусства), *попсятина* [Юганов, Юганова 1997: 177—178].

Большая часть несклоняемых иноязычных неологизмов, имеющих более или менее ограниченную сферу употребления, неактивна в словообразовательном отношении: они не образуют в русском языке производных (ср. слова типа *бюстье*, *гран-при*, *ноу-хау*, *просперити*, *уоки-токи*, *экстези* и под.).

Своеобразное противоречие между грамматической неосвоенностью иноязычного лексического элемента и его широкой употребительностью может в значительной степени сниматься в случае, когда такой элемент приобретает

свойства словообразовательной морфемы. Это можно проиллюстрировать на примере слова *шоу*. В современном русском языке употребительно не только это несклоняемое существительное, но и сложения с ним: *шоу-бизнес*, *шоу-группа*, *шоу-программа* (включающие комплекс *шоу* слова *шоумен* и *ток-шоу* целиком заимствованы из английского языка, ср. англ. *showman, talk show*).

В других случаях новые словообразовательные морфемы формируются на основе неизменяемых иноязычных прилагательных типа *ретро* (ср.: *стиль ретро* — *ретростиль*) путем вычленения повторяющихся комплексов из состава заимствований, однотипных по своей морфологической структуре, а также путем появления у полнозначного слова функций словообразующей морфемы. Так в русском языке наших дней появились иноязычные морфемы *аудио-* (*аудио-кассета*, *аудиопродукция*), *видео-* (*видеофильм*, *видеопрокат*; ср. употребление *видео* в субстантивном значении: *Купили новое видео*), *рок-* (*рок-музыка*, *рок-опера*; ср. *музыка в стиле рок*; *На сцене — сплошной рок*), *панк-* (*панк-культура*, *панк-мода*, *панк-музыка*; ср.: *панки и представители других молодежных групп*) и нек. др. Эти морфемы пополняют быстро растущий ряд иноязычных морфем типа *авиа-*, *авто-*, *био-*, *гидро-*, *моно-*, *нейро-* (в иной интерпретации это — аналитические прилагательные: см. [Панов 1971]); *-дром*, *-ман*, *-пат*, *-филия*, *-фоб* и др.

Стоит упомянуть также возникающие на наших глазах, совсем «свежие» словообразовательные комплексы *-мейкер* (наряду с состоящими из иноязычных компонентов словами типа *имиджмейкер*, *клипмейкер*, *нюсмейкер* нами зафиксировано полушутливое *слухмейкер* — о том, кто распускает слухи), *-гейт* (ср. *уотергейт* и более поздние по времени *ирангейт*, *кремльгейт* и под.⁴⁸).

Подытожим сказанное.

Иноязычные неологизмы обладают разными словообразовательными возможностями. Наиболее активны существительные, освоенные грамматической системой русского языка, то есть включенные в парадигмы склонения, имеющие числовые и родовые показатели и т. д. Наряду с фактором грамматической освоенности важную роль играет употребительность слова. Частотные иноязычные неологизмы, находящиеся в поле социального внимания (*ваучер*, *приватизация* и т. п.), «обрастают» производными; это может происходить и со словами, недостаточно освоенными грамматически, — например,

⁴⁸ Эти и подобные им словообразовательные морфемы не являются аффиксами в привычном смысле термина, поскольку они сохраняют в значительной мере смысл тех знаменательных слов, на базе которых они возникли, хотя этот смысл может быть извлечен лишь путем «перевода» с соответствующего иностранного языка (ср. *гидро-* — греч. *hydor* 'вода', *-мейкер* — англ. *to make* 'делать' и т. д.). О словах со вторым компонентом *-гейт* см. [Земская 1992: 52].

с имеющими высокую частотность употребления несклоняемыми существительными.

Таким образом, функциональный фактор оказывается более сильным, чем фактор структурный: при необходимости обозначить нечто с помощью словообразовательных дериватов язык преодолевает структурные ограничения, обусловленные недостаточной адаптацией иноязычного элемента к языковой системе.

ТИПЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ

Исходя из определения заимствованного слова на с. 50—51, можно указать основные типы иноязычных слов:

- 1) заимствованные слова;
- 2) экзотическая лексика;
- 3) иноязычные вкрапления.

Между этими типами, главным образом между заимствованными словами, с одной стороны, и экзотизмами и иноязычными вкраплениями — с другой, существуют, как об этом вскользь уже упоминалось выше, структурные и функциональные различия.

Заимствованные слова и интернациональные термины

Заимствованная лексика структурно неоднородна. Здесь могут быть три вида слов:

а) Слова, структурно совпадающие с иноязычными прототипами, т. е. слова, измененные графически и переданные соответствующими фонемными средствами заимствующего языка без каких бы то ни было структурных «добавлений», например: *глицсер* (англ. *glisser*), *комбайн* (англ. *combine*), *лейка* (нем. *Leika*), *силос* (исп. *silos*), *юниор* (франц. *junior*) и т. п. Одни из этих слов оформляются в русском в соответствии с их произносительно-фонетическим обликом в языке-источнике (ср. *комбайн*), форма других свидетельствует о том, что в качестве образца была взята письменно-графическая форма иноязычного слова (*глицсер*, *силос*, *юниор*).

Слова, заимствованные из немецкого, испанского и некоторых других языков, в которых нет большого разрыва между произношением слов и их орфографией, обычно наиболее близки к письменной форме слова-прототипа (ср. *лейка*, *силос*).

б) Слова, морфологически оформленные средствами заимствующего языка, например: *авиет-к(а)*, *танкет-к(а)* (франц. *aviette, tankette*), *бутс-ы*, *джинсы* (англ. *boots, jeans*), *пик-ирова-ть* (франц. *piquer*, нем. *pikieren*), *пилот-ирова-ть* (франц. *piloter*, нем. *pilotieren*), *рентабельн-ый* (нем. *rentabel*), *тоталь-ный* (франц. *total*, нем. *total*) и т. п.

в) Слова с частичной морфологической субституцией (обычно субституируется аффиксальная часть или второй элемент сложного слова); например: *шорт-ы* (англ. *short-s*), *теле-видение* (англ. *tele-vision*).

Второй и третий виды заимствованных слов близки. В ряде случаев оформление слова грамматическими средствами заимствующего языка есть одновременно и замещение иноязычного аффикса своим. Ср. *революция* (франц. *révolution*), *репетиция* (франц. *répétition*), *механический* (франц. *mécanique*), *патетический* (франц. *pathétique*) и т. п.

Особо следует сказать о словах-терминах, состоящих из греческих и латинских элементов (таких, например, как *телефон*, *телеграф*, *магнитофон*, *кинематограф* и т. п.), поскольку от обычных заимствованных слов их отличают некоторые специфические признаки.

Образование научных и технических терминов путем использования греческих и латинских основ и словообразующих элементов чрезвычайно характерно для нашего времени и принято как в большинстве языков, так и в международной практике.

Специфика создаваемых таким путем слов-терминов состоит в том, что они «не имеют родины», живого источника заимствования, подобно большинству иноязычных слов. Эти термины, составляющие в настоящее время в каждом языке значительный лексический слой, свидетельствуют об интернационализации определенных разрядов лексики — тенденции, которая отмечается в лингвистической литературе как специфическая черта, присущая современным взаимоотношениям языков и народов⁴⁹.

Слова-термины, создаваемые из греческих и латинских элементов, интернациональны и не соотносятся с реальной, живой языковой средой, которая обусловила их появление. «...В то время, как старые технические термины, — писала Р. Шор, — обычно сохраняют характер создавшего их национального языка (ср., например, преобладание английских и голландских слов в старой

⁴⁹ См., например: [Акуленко 1962]. В сущности, для современного развития языков характерны две противодействующие тенденции: с одной стороны, все большая интернационализация лексики, в первую очередь — научной и технической терминологии, а с другой — тенденция к сохранению самобытности словарного состава, иногда подкрепляемая субъективным стремлением общества (или отдельных его представителей и групп) ограничить заимствование и употребление иноязычных слов.

терминологии мореплавания), основы новейших наименований обычно заимствуются из мертвого греческого и латинского языков (*автомобиль, аэростат, телефон, телеграф*), лишенных национальной окраски» [Шор 1926: 108]; см. также [Ayers 1965].

Даже в тех случаях, когда речь идет о каком-либо изобретении — открытии и т. п., — т. е. известно, кто «придумал» и ввел в оборот название данного изобретения, — это представляет интерес лишь исторически, но не лингвистически: ведь структура слова не отмечена национальными языковыми чертами (например, немецкими, если речь идет о немецком изобретении, английскими и т. п.), оно создано из «чужого» языкового материала — греческих и латинских морфем. И, переходя из языка в язык, оно лишь иногда фонетически и графически модифицируется.

Эти модификации иногда позволяют определить источник того или иного термина, не обращаясь к истории обозначаемого объекта (ср., например, *теле-тайп* — с характерным для английского языка фонетическим признаком: греческая по происхождению морфема *-type* произносится [taip]). Однако в большинстве случаев лингвистический анализ интернационального «греко-латинского» термина ничего не проясняет в его истории; определяющая роль здесь принадлежит историческим данным о самой обозначаемой реалии (ср. такие слова, как *аэроплан, телеграф, детектор* и мн. др.).

Таким образом, заимствованные слова представляют собой сложную и структурно неоднородную группу; однако лексика, объединяемая в этой группе, обладает некоторыми общими чертами, отличающими ее от экзотизмов и иноязычных вкраплений.

Иноязычные вкрапления и экзотическая лексика

Слова, входящие в эти две группы, «чисто» иноязычны и в системе употребляющего их языка морфологически нечленимы. В экзотических словах изменена только графика; иноязычные вкрапления часто не меняют даже и своего графического облика. Ср.:

Этот Genosse конечно, не совсем Genosse, а только сочувствующий (*Л. Рейснер*. Гамбург на баррикадах. М., 1924. С. 20);

...Христианско-социальная партия чрезвычайно дорожит голосами своих крестьянских выборщиков и подминает под себя христианские профсоюзы. В связи с этим и внутри *христлих-социале* имеются отдельные группировки, которые нередко приходят в столкновение (Правда. 1930. 11 июня).

Основные же различия между заимствованной лексикой и экзотизмами и иноязычными вкраплениями заключаются в их соотношении с системой употребляющего их языка.

Заимствованные слова представляют собой факты языка. Помимо того, что было сказано выше об их связях с лексико-семантической системой языка-заимствователя, необходимо указать также, что в тот или иной момент развития языка можно более или менее точно определить состав и число заимствованных слов, большая часть которых обычно лексикографически зафиксирована. Появление в тексте заимствованного слова, т. е. слова, обладающего определенным лексическим значением, не тождественным значению исконного слова, вызывается необходимостью, вытекающей из коммуникативной функции языка. Чем прочнее связано слово с системой заимствовавшего его языка, чем автономнее его семантика, тем меньше вероятности замены этого слова в тексте описательным оборотом.

Иначе обстоит дело с экзотизмами и иноязычными вкраплениями. Они представляют собой по существу незамкнутые группы слов. Употребление их обусловлено либо тематикой, необходимостью описания обрядов, быта, домашней утвари, обычаев, одежды и т. п. того или иного народа, той или иной страны (экзотизмы), либо степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи (иноязычные вкрапления).

Среди иноязычных вкраплений основное место занимают слова и словосочетания, которые имеют интернациональный характер и могут быть употреблены в текстах любого культурного языка. Это — латинские выражения типа *dixi, ergo, horrible dictu, alter ego, postfactum, terra incognita, ad hoc, pro et contra* и т. п.⁵⁰, а также слова и выражения, принадлежащие живым языкам — французскому, немецкому, английскому и др. Ср., например, такие, как *happy end* (англ.), *c'est la vie* (франц.), *о'кэй, гуд бай, бонжур, пардон, мерси* и т. п.

Эти единицы представляют собой по существу межъязыковой словесно-фразеологический фонд. Одни из них употребляются в книжной, научной, публицистической речи (ср. латинские слова и выражения); другие характерны для непринужденного, шуточного словоупотребления (ср. *о'кэй, мерси* и т. п.).

Кроме того, «вкрапчиваться» в речь могут и другие иноязычные элементы, не принадлежащие к кругу устойчивых и интернациональных. Их использование в тексте часто связано с художественно-стилистическими задачами, а иногда отражает индивидуальное словоупотребление⁵¹. Ср., например, употребление

⁵⁰ Подробнее об этих выражениях см. [Данилов 1938]; см. также [Леонтьев 1966].

⁵¹ В этом отношении любопытен, например, стиль книги Г. Г. Нейгауза «Об искусстве фортепьянной игры» (М., 1961) и его собственные замечания об этом: «...Некоторые... считают, что я напрасно пользуюсь довольно часто иностранными словами и выражениями. Они правы, пожалуй, — все это можно было бы без ущерба для дела сказать по-русски. Повинен в этом, увы, “разговорный” стиль моих записок, а так как я смолodu

галлицизмов *bon vivant*, *résolution* и др. в английском тексте, которые сохраняются и в переводе:

...За одну ночь из вполне заурядного биржевого маклера и несостоятельного *bon vivant* он превратился в энергичного, хотя и не вполне квалифицированного агента-оценщика;

...Нынешние финансовые затруднения заставили меня изменить принятое *résolution* (Дж. Сэлинджер. Голубой период де Домье-Смита).

Ср. также употребление в рассказе Г. Бёля «Даниэль справедливый» слова *ressentiment* 'злопамятность' (франц.), которое играет определенную художественно-характерологическую роль:

Никто так и не узнал, — думал он, — какой ценой мне все досталось, никто, разве что Альфред, но Альфред выразил это глупым словом *ressentiment*... Не бойся, — сказал Хемке, — все будет в порядке, ты... — Он запнулся, ибо то, что Альфред называл *ressentiment* и эмоции, сдавило ему горло... — *Ressentiment* и эмоции, нет, дорогой мой Альфред, этими словами не выразить того, что меня раздирает (Г. Бёль. Город привычных лиц. М., 1964).

Иноязычное слово может вкрапливаться в речь для создания определенного колорита, для выделения какой-нибудь черты, специфика которой в значительной мере утратится, если соответствующее слово заменить его переводом:

В Англии нельзя ходить по частным речкам, по частной траве, по частным лесам. Все это имеет надпись: *Private* (*Прайвйт*) — частная собственность. *Private!* Нельзя: вы ходите по какой-то сплошной запретной зоне... *Private!* Частное шоссе... *Private!* (Вс. Вишневский. В Европе).

Ср. пример иноязычного вкрапления, характеризующего речь персонажа:

Я эту «Ольгу» читал на эстраде. Утром звонок: — Экскюзе, бога ради! Я полурусская... с именем Ольга (А. Вознесенский. Олененок).

Экзотическая лексика и иноязычные вкрапления, в отличие от заимствованных слов, не теряют ничего или почти ничего (ср. графический облик) из черт, присущих им как единицам языка, которому они обязаны своим происхождением. Они не принадлежат, подобно заимствованиям, системе использующего их языка, не функционируют в нем в качестве более или менее прочно связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка единиц.

Однако сказанное не означает, что между заимствованиями, с одной стороны, и экзотической лексикой и иноязычными вкраплениями, с другой, нет ни-

---

знаю несколько языков и привык к известным выражениям на данном именно языке, то я не постеснялся записать эти выражения, как они мне приходили в голову» (С. 8).

каких точек соприкосновения. Напротив, иногда можно говорить о словах, занимающих промежуточное положение, что указывает на отсутствие четкой и, главное, незыблемой, раз и навсегда установленной границы между рассматриваемыми разрядами иноязычной лексики.

Прежде всего, эта граница изменчива исторически. Например, иноязычное вкрапление может в процессе его частого употребления в речи превратиться в полноценное заимствование, оформленное по принятым в языке фонемно-морфологическим моделям и семантически самостоятельное. Ср., например:

Вот, наконец, добрались до Central-Otel'a... с опаской подхожу к конторке *Portier*⁵² (Речь. 1916. 8 янв.);

...Последним в этой серии был дом на Ленинградском шоссе... В первом этаже был запроектирован центральный вестибюль, в нем должны были помещаться: *портье*, коммутатор, сберегательная касса, галантерейный киоск (А. Буров. Об архитектуре. М., 1960);

К тому же теперь слух уже перестал удивляться и жадно реагировать на пышно-красочные пейзажи и музыкальную *nature morte* (Б. В. Асафьев. Книга о Стравинском. Л., 1929);

Художник представил ряд своих ранних *натюрмортов*⁵³ (Советская культура. 1957. 3 июня);

Красоте в жизни полагается лишь одна минута надежды на счастье, пока шляпа с большими полями и *pince-nez* [ср. употребляемую в современном языке форму *пенсне*] ученого склоняются над так и не названным грибом (И. Ф. Анненский. Книга отражений. II. СПб., 1909);

...Благодаря отсутствию *Speck'a* [ср. соврем. *шпик*] (сала, вроде английского *backon'a* [ср. *бекон*]) нечем кормить людей... (Речь. 1916. 4 февр.);

...К ваяемому удовольствию германской печати, пользующейся всяким *lapsus'om* враждебных газет... (Речь. 1916. 10 янв.).

Ср. также любопытный пример из писем С. Рахманинова, отражающий начало употребления слова *менеджер* в речи двуязычно говорящих людей — как иноязычного вкрапления, нуждающегося в переводе:

Есть у меня *menager*, по-русски [разрядка моя. — Л. К.] *импресарио*, с которым работаю в Америке вот уже 19 лет (Письмо В. Р. Вильшау, 7 июня 1937).

Экзотизм с заимствованием самого предмета (или обычая и т. п.), им обозначаемого, также может превращаться в заимствованное слово: ср. такие сло-

⁵² Первая фиксация слова *портье* — в «Словаре иностранных слов» под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Из толковых словарей это слово впервые отметил словарь Ушакова.

⁵³ *Натюрморт* впервые отмечено в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова (Т. 2. 1938).

ва, как *пальто, сюртук, халат; футбол, бокс, регби, гандбол, хоккей; фокстрот, танго* и т. п.

В тематическом и семантическом отношениях они представляют собой очень пеструю картину⁵⁴. Сама «экзотичность» в разной степени присуща разным словам. Так, слова *праймериз, стриптиз, герлс, комикс* и некоторые другие подобные обладают довольно высокой частотой употребления в отдельных жанрах современной речи (например, в публицистике), для русского человека они уже не столь экзотичны, как, скажем, *крузейро* 'денежная единица в Бразилии', *бальса* 'дерево, растущее в Южной Америке', *смог* 'смесь тумана и дыма, характерная для Лондона и других крупных промышленных центров Англии', *бантустан* 'резервация (место насильственного поселения) для африканцев', *бутлегер* 'контрабандист, нарушитель сухого закона в США 20—30-х годов', многочисленные этнонимы — названия народностей в различных частях земного шара — вроде *круменов* в Либерии, *джерма* в Нигерии и т. п.

Некоторые тексты — путевые очерки, научно-фантастическая литература, переводы фольклорных произведений различных народов мира — бывают весьма насыщены подобными экзотическими словами. Ср., например, следующие отрывки из научно-фантастической повести о южноамериканских джунглях (которые носят там название *сельвы*):

К берегу возвращаются перегруженные челноки. Добротные челноки, выдолбленные из цельных стволов *араукарии* [порода дерева]. В них грузы влажно блестящих сокровищ: лазоревые *пиау*, серо-зеленые *пикуды*, огромные жирные *трирао*, толстенькие *пинтадо*, острозубые *пираро* и голубоватые *туканаре* [названия рыб, водящихся в Амазонке]... В *сельве*... я видел тропинки, истоптанные *морсега*, намазанные кураре колышки, поставленные *кулуэни*, слышал посвист *авети* [индейские племена] (*М. Емцев, Е. Парнов. Последнее путешествие полковника Фосетта. М., 1965*).

В русском языке выделяется особая (хотя сама по себе неоднородная) группа экзотизмов — слова, принадлежащие языкам национальностей бывшего Советского Союза. Употребление и употребительность этих слов зависят, как очевидно, от тематики и от ситуации речи. Ср., например, слова *аксакал, арык, пиала, мазар, минарет, бесбармак* и т. п. (см. [Миртов 1941]). Этих слов, строго говоря, нет в лексической системе русского языка; они появляются в тех или иных определенных обстоятельствах (скажем, в речи русского человека, живущего в какой-либо национальной республике, в художественных произведениях соответствующего содержания, при описании быта, обычаев какого-либо народа и т. п.). Например:

⁵⁴ Семантические группы экзотизмов намечены в интересной статье: [Супрун 1958].

Молодежь сбрасывает старые *сакуи* и наряжается в городские костюмы и пальто (Вечерняя Москва. 1957. 7 дек., статья «В таймырской тундре»);

Легко быть первым в *чидаобе* [чидаоба — грузинская борьба]: подножка и кладь на обе! (Советский спорт. 1957. 12 янв.);

Однако это не мешает ему [чабану] производить обмен баранов на водку, резать на *бесбармак* (Известия. 1962. 22 февр.);

Каждый задумался над тем, как во время своей службы в Туве он сможет помочь бывшим кочевникам-*аратам* (Комсомольская правда. 1959. 15 марта).

В ряде случаев чужеродность экзотизмов не исключает (помимо ситуативно и контекстуально обусловленного употребления) и употребления их в качестве своего рода перифрастического средства, окказиональных синонимов к регулярно употребляемым исконным словам. Такое употребление возможно при сходстве сущности, природы, функций и т. п. обозначаемых предметов и явлений. Например:

У нашего микрофона выступала *мэр* города Смоленска — председатель исполкома Дора Васильевна Богачева (радио, 27.X. 1963);

Мой *босс* [то есть начальник, руководитель] сегодня что-то не в духе (запись живой речи);

В заволжских *прериях* (Правда. 1928. 27 ноября, заголовок);

Социалистический *парламент* Российской Федерации (заголовок статьи о сессии Верховного Совета РСФСР. — Труд. 1938. 15 июля)⁵⁵.

Таким образом, граница между заимствованным словом и экзотизмом может стираться (или по крайней мере становиться менее четкой) и вследствие различных семантических и функционально-речевых причин.

О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕРОЯТНОГО ИСТОЧНИКА ЗАИМСТВОВАНИЯ

При рассмотрении конкретного материала — новых иноязычных слов, появившихся в русском литературном языке в XX в. — основное внимание уделяется заимствованным словам как лингвистически наиболее интересным элементам других языков, употребляемым в русском, элементам, появление которых в речи сопряжено не только с внеязыковыми обстоятельствами, но и с некоторыми внутренними тенденциями и закономерностями языка.

⁵⁵ Большая часть подобных слов, которые полвека назад воспринимались как «чужаки», характеризующие жизнь других стран и политических систем, сейчас вполне освоены русским языком, зафиксированы в словарях и регулярно употребляются применительно к реалиям российской действительности. — Примечание 2003 года.

Материал, связанный с использованием экзотической лексики и иноязычных вкраплений, привлекается лишь постольку, поскольку это оказывается необходимым для анализа процесса лексического заимствования в разные периоды развития русского языка и для характеристики заимствованных слов.

В связи с тем, что при анализе заимствованных слов необходимо в первую очередь выяснить источник каждого слова и его иноязычный прототип, следует сказать о критериях, или аргументах, которые позволяют с большей или меньшей степенью достоверности утверждать, что данное слово заимствовано именно из этого языка, а не из какого-либо другого ⁵⁶.

Во-первых, в качестве таких аргументов могут выступать фонетические, морфологические, вообще структурные признаки слова как элемента, принадлежащего определенной языковой системе. Так, например, мы можем с уверенностью утверждать, что слово *кемпинг* заимствовано из английского языка, потому что ему присущи специфически английские фонетические и акцентуационные особенности (конечное звукосочетание *-ing* и ударение на первом слоге).

Слово *балдахин* заимствовано, вероятно, из немецкого, а не из французского, поскольку оно фонетически ближе к немецкой форме *Baldachin*, нежели к французской *baldaquin*; точно так же вероятнее предположить, что слово *балкон* заимствовано из немецкого (*Balkon*) или французского (*balcon*), а не из итальянского (*balcone*) [Гальди 1958: 64].

Кроме того, важно учитывать положение предполагаемого прототипа в системе языка, его взаимоотношения с другими семантически и словообразовательно близкими словами. Так, слово *стенд*, вероятнее всего, заимствовано из английского; на это указывает в первую очередь фонетический облик слова (ср. англ. [stend]) и его явная исконность для английского языка (ср. обширный круг значений слова — как субстантивных, так и глагольных, — а также ряд производных и родственных слов). Французский источник или по крайней мере французское посредство в этом случае маловероятны: ср. изолированность этого слова во французском и его «неправильное» произношение [stand], что свидетельствует о том, что *stand* — слово, заимствованное и во французском языке.

Во-вторых, немаловажное значение имеют данные неязыковые, особенно в тех случаях, когда речь идет о происхождении слова — обозначения какой-либо реалии. Чаще всего исторические сведения о предмете или вещи подтверждают данные лингвистического характера о наименовании этой вещи, но

---

⁵⁶ Речь идет об идентификации преимущественно таких слов, которым есть соответствия в нескольких языках; в тех же случаях, когда заимствованному слову соответствует прототип, принадлежащий только одному определенному языку, никакой проблемы не возникает.

иногда первые не столь очевидно подтверждаются вторыми или даже вступают в противоречие с ними. Так, например, слово *телевидение* следует считать заимствованием из английского (с замещением второй части английского слова *-vision* русским элементом *-видение*), а не собственно русским образованием и не заимствованием, скажем, из французского языка, — поскольку с Англией и Соединенными Штатами Америки связано зарождение телевидения и осуществление первых телевизионных передач⁵⁷.

Слово *детектив*, при всей его формальной акцентуационно-произносительной близости к французскому *détective*, заимствовано, по всей вероятности, все же из английского (куда оно попало из французского же, но изменило ударение: [dítéktiv]), так как появление его в русском языке связано с описанием «американского образа жизни», нравов, порядков в Англии и Америке, а также с жанром детективной литературы (ср. англ. *detective novel* и франц. *roman policier* 'детективный роман').

В-третьих, учитывая языковые и исторические данные о том или ином слове, надо иметь в виду также и то, что иногда язык заимствует не одно слово какого-либо тематического круга, а несколько. Поэтому и рассматривать конкретное заимствование, в особенности если речь идет о наименовании реалии или о специальном термине, следует в связи с другими заимствованными словами того же семантического или терминологического поля. Такое рассмотрение может оказаться существенным при решении вопроса о происхождении слова. Так, если, например, лингвистически и исторически равновероятны два источника какого-либо заимствованного слова, но в отношении всех других слов того же тематического круга бесспорно установлен один из этих источников, то следует, по-видимому, признать, что рассматриваемое слово заимствовано из того языка, откуда пришли все остальные⁵⁸.

Заимствование или словообразование? *

Процессы интернационализации лексики различных языков достигли сейчас такого уровня, при котором многие слова, а также корневые и аффиксаль-

⁵⁷ Первые телевизионные передачи были осуществлены в 1925 г. Ч. Дженкинсом в США и Дж. Бэрдом в Англии; в СССР первая передача была сделана 29 апреля 1931 г. (см.: Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 42, а также: The Encyclopaedia Britannica. London; New York. 14th ed. Vol. 42).

⁵⁸ Ср. замечания Н. С. Авиловой [Авилова 1967] о факторах, которые необходимо учитывать при анализе заимствований; см. также [Cienkowski 1964].

* Впервые опубликовано под названием «Словообразование или заимствование?» в сборнике «Лики языка (К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской)». М., «Наследие», 1998.

ные морфемы оказываются общими для разных языковых систем. По происхождению они либо восходят к греческому и латинскому источникам (ср. *анти-, -ация, видео-, космо-, -метр, супер-* и мн. др.), либо являются заимствованиями из каких-либо современных живых языков (преимущественно из английского: ср. *тайм-, шоу-, -инг, -мен, -гейт* и др.).

Интернационализируется не только словарный состав, но и способы объединения морфем в цельнооформленное слово: ср., например, вполне сопоставимую активность именных суффиксов *-or/-er* в английском и *-(m)op/-(m)er* в русском, глагольных *-ieren, -isieren* в немецком и *-ировать, -изировать* в русском, суффиксов прилагательных *-able* в английском и французском и *-абельн(ый)* в русском и т. д.

В связи с этим исследователи русской лексики довольно часто сталкиваются с необходимостью квалифицировать то или иное слово либо как заимствование, либо как словообразовательное производное.

Например, *кандидатура* — это *кандидат* + суффикс *-ур(a)* или результат заимствования французского (а в истоке — латинского) слова *candidature*? *Дестабилизация* — это образованный присоединением префикса *де-* антоним слова *стабилизация* или это слово целиком заимствовано из английского (*destabilisation*) или французского (*déstabilisation*)? *Атомарный* — это результат заимствования и оформления с помощью суффикса *-н(ый)* немецкого прилагательного *atomar* или производное, полученное присоединением к основе *атом-* суффикса *-арн(ый)*? *Визировать* — результат транспозиции существительного *виза* с помощью суффикса *-ировать* в разряд глаголов или адаптация на русской языковой почве немецкого *visieren* или французского *viser*?

Примеры подобного рода весьма многочисленны.

Многие из этих альтернатив не имеют однозначного решения, и у признания того или иного слова заимствованием столько же оснований, сколько у квалификации его как словообразовательного производного. «Отличить свое от чужого, — пишет в связи с этим В. Г. Гак, — в наши дни подчас очень трудно, так как латинские и греческие корни и морфемы стали источниками формирования терминологии всех европейских языков. По внешней форме не всегда возможно определить, был ли данный термин заимствован или самостоятельно создан из греко-латинских элементов в данной стране. Для этого надо знать историю вещей» [Гак 1977: 53—54]. И это касается не только терминов в строгом смысле слова, но и более широкого круга иноязычных по внешнему облику лексем.

И все же, как кажется, при рассмотрении некоторых фактов мы можем склониться к одному из двух возможных решений, опираясь на комплекс собственно языковых и неязыковых аргументов.

1. Начнем с самых легких случаев.

Существуют так называемые авторские слова и термины, создание которых приписывается известным ученым, изобретателям, литераторам и др. Очевидно, что хотя подобные термины в большинстве своем состоят из греческих и латинских по происхождению морфем, в качестве непосредственного языка-источника, откуда тот или иной термин начал распространяться в другие языки, должен быть назван язык создателя термина.

Например, «авторским» является медицинский термин *гомеопатия*: он введен в употребление в начале XIX в. немецким врачом, основателем этой отрасли медицины С. Ганеманом, и, следовательно, в качестве ближайшего языка-источника должен фигурировать немецкий язык, в котором этот термин был впервые употреблен (ср. нем. *Homöopathie*), а в качестве корней-этимонов — греческие *homoios* ‘однородный’ и *pathos* ‘болезнь’ (ср. этимологизацию этого слова в «Современном словаре иностранных слов» (М., 1992), где указан только греческий источник). Для того, чтобы разграничить гомеопатию и все другие методы лечения, С. Ганеман придумал термин *аллопатия* (нем. *Allopathie*, восходящее к греч. *allos* ‘другой, иной’ и *pathos* ‘болезнь’).

Активно употребляемый в наше время термин *экология* был предложен в 1866 г. немецким биологом Э. Геккелем. Немецкое слово *Ökologie*, «сложенное» из греческих *oikos* ‘дом’ и *logos* ‘учение’, явилось непосредственным прототипом русского *экология*.

Термин *аммиак* был предложен в 1801 г. русским химиком Я. Д. Захаровым вместо существовавшего до этого времени термина *аммониак*, по-видимому, заимствованного из французского языка (ср. франц. *ammoniaque* ‘нашатырный спирт’, восходящее к греч. *hals ammoniakos* — название нашатыря, который получали в оазисе Аммониум Ливийской пустыни).

Разумеется, при отсутствии подобных энциклопедических сведений сходные по структуре термины могут рассматриваться лишь как состоящие из греческих или латинских по происхождению морфем, без отнесения таких терминов к какому-либо из живых языков как непосредственному источнику их распространения.

2. Помимо «авторских», существуют термины, однозначно «привязанные» к стране, где они возникли вместе с соответствующим понятием. Несмотря на то, что в них явно выделяются греческие и латинские морфемы, такие термины должны квалифицироваться как результат заимствования из соответствующего языка, а не как образованные из греко-латинских элементов в русском языке (с тем или иным морфологическим оформлением).

Так, прилагательное *радиоактивный*, по-видимому, должно интерпретироваться как заимствованное из французского языка (ср. франц. *radioactif*), поскольку само явление радиоактивности было открыто носителем французского языка Пьером Кюри. Соответствующие термины, связанные с этим явлени-

ем, впервые зазвучали по-французски и лишь затем были перенесены в другие языки.

Непосредственными прототипами терминов *рентгенология*, *рентгенография*, *рентгеноскопия* следует считать немецкие *Röntgenologie*, *Röntgenographie*, *Röntgenoskopie*, поскольку и соответствующие методы диагностики, называемые этими терминами, впервые были разработаны и применены немецкими учеными и медиками. Интерпретация этих слов как образованных в русском языке от основы *рентген-* с помощью морфем *-логия*, *-графия*, *-скопия* (см. «Современный словарь иностранных слов») не отражает действительной истории их возникновения.

Примеры такого рода можно умножить.

Как видим, квалификация тех или иных лексических единиц, состоящих из иноязычных морфем, как заимствованных из того или иного живого языка возможна при наличии сведений энциклопедического характера. А если таких сведений нет или они недостоверны? В этом случае приходится опираться только на лингвистические соображения.

3. Эти соображения могут касаться как морфемной структуры слова в целом или каких-либо составляющих его частей, так и особенностей их семантики.

Если, например, структура слова не типична для строения слов (данного класса) в том или ином языке, то возникают сомнения в исконности слова и предположение о его иноязычном происхождении.

Сравним прилагательные *атомный* и *атомарный*. Первое образовано от иноязычного *атом* с помощью суффикса *-н-*, а второе содержит иноязычный по происхождению суффикс *-арн-*. Сопоставление слова *атомарный* с франц. *atomaire*, нем. *atomar* позволяют сделать предположение, что *атомарный*, в отличие от *атомный*, — заимствование, а не результат словообразования в русском языке. На чем основано это предположение? На том факте, что комплекс *-арн(ый)* встречается только в составе заимствованных слов типа *авторитарный* (ср. франц. *autoritaire*), *солидарный* (ср. франц. *solidaire*), *стационарный* (ср. франц. *stationnaire*) и под. Наличие его в прилагательном *одинарный*, которое исторически возникло как искажение слова *ординарный* (франц. *ordinaire*) вследствие ложно-этимологического сближения с числительным *один*, — не дает нам достаточных аргументов в пользу того, что этот комплекс превратился (или превращается) в словообразовательную морфему, дающую на русской почве новообразования.

На тех же основаниях прилагательное *молекулярный* должно быть интерпретировано как заимствование из французского языка (франц. *moléculaire*), а не как образованное от существительного *молекула*, так как вычленимый в этом прилагательном комплекс *-ярн(ый)* не может рассматриваться в качестве

словообразующего аффикса (все зафиксированные в словаре А. А. Зализняка [Зализняк 1977] прилагательные, содержащие этот комплекс, — типа *популярный, регулярный* — представляют собой заимствования).

Прилагательные типа *астматический*, мотивированные именами существительными, в основе которых отсутствует формант *-ат-* (*астм-а*; ср. также *догма* — *догматический*, *парадигма* — *парадигматический*, *синтагма* — *синтагматический*, *травма* — *травматический*, *магма* — *магматический*, *проблема* — *проблематический*, *система* — *систематический*, *плазма* — *плазматический* и нек. др.), должны интерпретироваться скорее всего как заимствования, которые вошли в русский язык параллельно с соответствующими однокоренными существительными. В случае их интерпретации как образованных в русском языке от основ *астм-*, *догм-* и т. д. вызывает затруднение квалификация комплекса *-ат-*, предшествующего суффиксу *-ическ(ий)* и не характерного для структуры отсубстантивных прилагательных, образованных в русском языке; ср., с другой стороны, исконные образования типа *проблем-ный, систем-н-ый, плазм-енн-ый*, а также произведенные от существительных с основной на *-т* прилагательные типа *демократ-ическ-ий, телепат-ическ-ий* и под.

Существующие в русском языке близкие по структуре и смежные по значению слова *агрокультура* ‘совокупность приемов по повышению культуры земледелия’ и *агрикультура* — устарелое название земледелия — очевидным образом должны интерпретироваться по-разному: первое образовано в русском языке путем объединения аналитического прилагательного *агро-* и слова *культура* в значении ‘разведение, выращивание какого-н. растения’ (ср. другие сочетания с этим аналитическим прилагательным: *агрокомплекс, агромероприятия* и т. п.), а второе заимствовано через посредство французского языка (ср. франц. *agriculture* ‘земледелие; растениеводство’) из латинского: ср. лат. *agriculture* ‘земледелие, сельское хозяйство’. Квалифицировать слово *агрикультура* именно как заимствование, а не как продукт словообразования нас заставляет фонетическая близость комплекса *агри-* к французскому и латинскому источникам и расхождение его с фонетическим обликом сформировавшегося в русском языке аналитического прилагательного *агро-*.

Особенности семантики слова также могут пролить свет на историю его возникновения. Так, упомянутое выше слово *кандидатура* отчетливо членится на именную основу *кандидат-* и суффиксальный элемент *-ур(а)*. Однако морфемная членимость слова далеко не всегда свидетельствует о том, что оно образовано в данном языке (см. об этом [Лопатин 1972; Крысин 1975]). И на примере слова *кандидатура* мы лишний раз убеждаемся в справедливости этого. Суффикс *-ур(а)*, выделяемый в этом существительном, имеет значение лица, что совершенно не характерно для его омонима *-ур(а)*, с помощью кото-

рого образованы слова разной семантики — типа *адвокатура, аппаратура, рецептура, редакция, докторантура* и т. п.: среди этих слов нет ни одного со значением лица!

В заключение заметим, что во многих случаях, решая вопрос о том, каков статус того или иного слова: является ли оно результатом словообразовательных процессов в русском языке или же целиком заимствовано из какого-либо другого языка, — мы можем делать лишь *вероятностные*, а не категорические утверждения. Иначе говоря, мы можем считать, на основании совокупности языковых и экстралингвистических данных, что то или иное слово скорее всего является заимствованием (или, напротив, скорее всего образовано в русском языке). Наряду с этим имеют место и такие факты, относительно которых равновероятны оба типа интерпретации. Например, глагол *визировать* в значении ‘ставить визу’ (*визировать документ*) можно толковать и как заимствованный, с соответствующим морфологическим оформлением, из немецкого (*visieren*) или французского (*viser*), и как образованный от существительного *виза* с помощью продуктивного (иностранного по своему происхождению) суффикса *-ировать*. Существительное *дестабилизация* при одной интерпретации может быть определено как образованное от существительного *стабилизация* при помощи префикса *де-* (или же как именное образование от глагола *дестабилизировать(ся)*), при другой — как заимствование из французского языка (ср. франц. *déstabilisation*).

Такая двойственность и даже множественность в квалификации одних и тех же фактов языка не является дефектом лингвистического анализа, а отражает объективные свойства языковых единиц, при интерпретации которых вполне допустим так называемый принцип неединственности решений (см. об этом [Мельчук 1971]).

ЗАИМСТВОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКИМ ЯЗЫКОМ XX века

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ О ПРОЦЕССЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОНЦЕ XIX—XX в.

Если сравнивать процесс лексического заимствования в русском языке конца XIX—XX в. с тем же процессом в XVIII в. и в более ранние периоды, обращает на себя внимание ряд различий, и прежде всего в путях заимствования, в источниках (вернее, в жанрово-стилистических «посредниках») заимствования и в типах заимствованных слов.

Для русского языка приблизительно до конца XVIII в. был характерен путь устного (в XVIII — начале XIX в. наряду с постепенно начинающим преобладать письменным путем) заимствования иноязычной лексики, а также заимствования через частную переписку и художественную литературу. В «новое время» иноязычная лексика проникает почти исключительно путем письменным — главным образом, через такие сферы, как газета и научные стили речи.

Прессу как один из основных источников, передающих лексику из одного языка в другой, отмечал еще О. Вайзе [Weise 1881: 236].

Кр. Мёллер в своей работе [Møller 1933] подробно описывает пути заимствования и сферы речи, через которые слова проникают из одного языка в другие. Отмечая, что устное заимствование может иметь место в пограничных областях, а также в среде двуязычно говорящих людей, она писала:

«Новая возможность заимствования появилась с распространением радио и звукового кино.

В наши дни особенно большое число заимствованных слов проникает из письменных иноязычных источников, и главный источник заимствований письменным путем — это иноязычная пресса...

Каждый журналист, который находит в какой-нибудь иностранной газете слово, обозначающее, по его мнению, новое понятие или изящно выражающее старое, может при удачных обстоятельствах навязать это слово всей нации.

Заимствованные слова, которые приходят в наши дни через иноязычную художественную литературу и иностранные письма, составляют немногим более 10% от общего числа слов, заимствуемых письменным путем; напротив, иностранная научная литература является сегодня важным источником заимствований» [Møller 1933: 10—12].

Различие в путях и речевых сферах заимствования иноязычной лексики оказывает влияние на освоение ее в заимствующем языке.

При письменном способе заимствования путь иноязычного слова в общее употребление часто оказывается сложнее, чем при устном заимствовании. Неизбежны своего рода посредники, через которые слово попадает в общий оборот, делается стилистически или жанрово немаркированным: а) специальная терминология; б) газета; в) деловая речь ¹; г) переводы иностранной литературы. Для письменного пути заимствования характерна большая стабильность как в составе заимствуемой лексики, так и в фонологических и морфологических моделях ее освоения в заимствующем языке ². При письменном заимствовании сам этот процесс приобретает в гораздо большей степени системный характер, чем это имеет место при заимствовании лексики устным путем. История иноязычной лексики, заимствованной русским языком советского времени, полностью подтверждает эту закономерность (см. об этом ниже).

Вопросы, связанные с выяснением путей заимствования, не следует смешивать с вопросами передачи графического и фонетического оформления иноязычного слова в заимствующем языке. Если при устном пути перехода слов из одного языка в другой соблюдалось соответствие заимствованной единицы с *произносительной* формой иноязычного прототипа, то при заимствовании из письменных источников возможна как транскрипция, так и транслитерация ³ иноязычных слов. В современном русском языке преобладает транскрипцион-

---

¹ Деловая речь чаще всего служит источником различных калек, в меньшей степени лексических, в большей — синтаксических и фразеологических (см. по этому вопросу [Lundquist 1917]).

² Ср. замечание М. Фасмера: «...Звуковые соответствия в заимствованиях должны быть одинаковы в один и тот же период» [Фасмер 1909, ч. III: IV], которое отражает высказывавшуюся неоднократно мысль о связи заимствования с состоянием системы заимствующего языка на данном этапе в данный период ее развития.

³ Под транслитерацией здесь понимается передача графического облика иноязычного слова эквивалентными графемами заимствующего языка без применения дополнительных знаков и букв, не входящих в алфавит этого языка (ср. иное понимание термина *транслитерация* А. В. Суперанской [Суперанская 1962: 36—37]). Транскрипция понимается как передача графемами заимствующего языка произносительной формы иноязычного слова. Для целей настоящей работы представляется существенным и достаточным такое разграничение этих двух терминов.

ная передача заимствуемых элементов с более или менее точным воспроизведением средствами русской графики произносительной формы прототипа (это особенно наглядно видно на заимствованиях из таких языков, где существует несоответствие между орфографией и произношением, — например, французского и английского). Однако довольно значительное число слов транслитерируется при заимствовании или же передается смешанным способом: одна часть транскрибируется, а другая транслитерируется. Смешанный способ передачи характеризует слова, которые включают в свой состав какие-либо интернациональные или ранее заимствованные русским языком элементы; ср., например: франц. *automobile* [otomob'il'] 'автомобиль', *autogyre* [otožir] 'автожир', англ. *aqualung* [ækwəlŋ] 'акваланг' и т. п., а также побуквенную передачу элементов *-tor*, *super-* и некоторых других при заимствовании соответствующих слов из английского языка (ср. произношение этих морфем в английском: [tə], [sju: pə]).

Если говорить о типах заимствуемых слов, то для русского языка рассматриваемого и непосредственно предшествующего (конец XIX — начало XX в.) периодов характерно освоение иноязычных слов: а) структурно совпадающих с оригиналами; б) морфологически оформленных средствами заимствующего языка, с преобладанием слов первой группы и тенденцией не изменять структурный облик заимствуемых слов. Освоение иноязычной лексики с морфологической субституцией, т. е. с заменой иноязычных морфем русскими, мало характерно для процесса иноязычного заимствования в эти периоды.

Такое соотношение в типах заимствуемой и осваиваемой лексики связано с тем, что, как отмечается исследователями (см., например [Ефремов 1959: 43]), современным языкам свойственна тенденция к обмену главным образом словами-наименованиями, к заимствованию преимущественно имен существительных, от которых затем уже в заимствующем языке образуются по мере необходимости прилагательные и глаголы. Заимствование русским языком существительных, в отличие от заимствования слов других частей речи, возможно без использования морфологических средств заимствующего языка — суффиксов, флексий — или с минимальным их использованием (ср. оформление слов женского рода и слов *pluralia tantum*). Наличие в русском языке категории несклоняемых существительных, сформировавшейся в связи с заимствованием иноязычных слов, структура которых «непривычна» для русской грамматической системы, облегчает заимствование и употребление в языке таких слов, которые относятся к группе «структурно совпадающих с оригиналами».

Калькирование (словообразовательное и семантическое), которое большинством исследователей рассматривается как разновидность лексического заим-

ствования, слабо выражено в русском языке XX в.⁴ Как известно, слова-кальки составляли значительный процент новой лексики в XVIII — начале XIX в. Однако, как отмечает Ю. С. Сорокин [Сорокин 1965: 167], уже в XIX в., сравнительно со второй половиной XVIII, «заметно сокращается число случаев образования калек и изменения значений русских слов под воздействием иноязычных терминов».

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОЙ РЕЧИ КОНЦА 10-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 20-х ГОДОВ XX в.

Как известно, в конце XIX — начале XX в. русский язык пополнился большим числом новых иноязычных слов, относившихся преимущественно к общественно-политической и социально-экономической терминологиям. Это было в значительной степени связано с развитием в России капитализма, а вместе с ним — революционного движения, с проникновением с Запада различных политических и социально-экономических теорий и учений, усвоение которых передовой русской интеллигенцией и наиболее сознательной частью рабочего класса не могло обходиться без использования иноязычных терминов.

В массе своей новые иноязычные слова оставались в социально и стилистически ограниченных сферах употребления — например, в среде марксистов, в речи людей, примыкавших к тем или иным политическим кружкам и направлениям. Однако в начале XX в. и особенно во время и после буржуазно-демократической революции 1905 г. многие иноязычные социально-политические и экономические термины начинают входить в общее употребление — через такие жанры речи, как газета и ораторское выступление.

«Много заимствований, — писал А. М. Селищев, — было введено в широкое употребление уже в 1905—1906 гг.: аграрный, аграрник — “осужден за участие в аграрных беспорядках” — баррикады, бастовать, забастовка, бойкот, бойкотирование, демонстрация, директивы... дискуссия, интернационал, кампания, курия, мандат, манифестация, марксизм, марсельеза, митинг, партия (политическая), петиция, провокатор, прокламация, пролетариат, пропаганда (по-

---

⁴ Из сравнительно поздних калек можно отметить, например, *небоскреб* (англ. *skyscraper*), появившееся у нас в употреблении в 1910-е гг.; *скоросшиватель* (нем. *Schnellhefter*); *пылесос* (нем. *Staubsauger*); *жизнеутверждающий* (нем. *lebensbejahend*) и др. (см. [Флекенштейн 1963]; ср., в связи с этим, мнение Б. Унбегауна, считающего, что русский язык сдержан по отношению к калькам и предпочитает заимствование (см. [Unbegaun 1932: 42]). Подробнее о кальках см. ниже — с. 221—226.

литическая), социализм, социалист, социал-демократ, социал-революционер, фракция, экспроприация и другие» [Селищев 1928: 28].

Конец XIX и в особенности первые полтора десятилетия прошлого века были ознаменованы появлением массы словарей иностранных слов, в которых объяснялись и истолковывались новые заимствования, главным образом общественно-политические термины⁵.

Следует иметь в виду, что многие из этих словарей не представляют собой лингвистически надежного источника (в отношении, например, датировки, прототипов, точного значения заимствованных слов), поскольку их авторы ставили перед собой не сугубо лексикографические, а более широкие цели, сводившиеся чаще всего к задаче объяснить русскому человеку смысл и употребление тех или иных иностранных слов, наиболее частотных в массовых жанрах речи (таких, как газета)⁶.

Словники этих словарей не совпадают друг с другом (хотя многие словари назывались полными), все зависело от целей, которые ставил перед собой составитель при работе над словарем.

Однако словари иностранных слов рассматриваемого периода, при всех их недостатках, сыграли положительную роль — роль своего рода стабилизаторов общественно-политической терминологии, зафиксировавших наиболее устойчивую, основную часть русского политического словаря, базой которого была заимствованная терминология.

К середине 10-х гг. процесс активного проникновения в русский язык иноязычной лексики заметно ослабевает. Война 1914—1918 гг. сыграла определенную роль в ослаблении этого процесса⁷.

⁵ Например: *Павленков Ф. Ф.* Словарь иностранных слов... СПб., 1900; *Попов М.* Полный словарь иностранных слов (с добавлением общественных и научных терминов, вошедших в последнее время). 3-е изд. М., 1907; *Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д.* Полный словарь иностранных слов. 11-е изд. М., 1907; *Смирнов В.* Полный словарь иностранных слов. М., 1908; *Алексеев С. Н.* Самый полный общедоступный слово толкователь иностранных слов. 10-е изд. М., 1909; Словарь иностранных слов / Сост. под ред. А. Н. Чудинова. 3-е изд., перераб. и доп. 1910; *Ефремов Е.* Новый полный словарь иностранных слов / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртене. М., 1911; *Виллиам Г. Я.* Словарь иностранных слов... Пг., 1915 и др.

⁶ Наиболее надежным и высококвалифицированным словарем этого времени следует признать, по-видимому, «Словарь иностранных слов», составленный Е. Ефремовым, под редакцией проф. И. А. Бодуэна де Куртене.

⁷ Ср. замечание А. П. Баранникова о том, как в этот период изгонялись из употребления немецкие слова: вместо *фельдшер* требовали говорить *лекарский помощник*, вместо *плацкарт* (в то время это слово было мужского рода) — *спальное место* и т. д., «однако бутерброд... продолжал называться бутербродом, как ни старались его назы-

«...В период 1914—1922 гг. роль заимствований значительно иная, чем в эпоху 1905 г., — писал С. О. Карцевский. — Политический словарь уже сложился... новых заимствований сделано немного, и относятся они большею частью к политическим вопросам, связанным с войною» [Карцевский 1923: 39].

В конце 10-х — первой половине 20-х гг., таким образом, происходит освоение иноязычных слов, заимствованных в непосредственно предшествующие годы, в различных жанрах литературной и нелитературной речи. Октябрьская революция, пробудившая к политической и общественной деятельности широкие народные массы, сыграла огромную роль, с одной стороны, в демократизации русского литературного языка, а с другой — в приобщении рабочих и крестьянских масс к литературному языку, в овладении ими средствами литературного языка и прежде всего его словарем.

Известно, что первые годы после Октябрьской революции характеризовались в языковом отношении не только появлением массы новых наименований, сложнокращенных слов и т. п. — т. е. явлениями количественного порядка, — но и более глубокими, качественными изменениями.

Внешним фактором по отношению к языковой системе, но имевшим для нее существенное значение, была «социальная метисация» (по терминологии Е. Д. Поливанова) населения, разрушение старых и начало формирования новых классовых группировок. Для языка это имело значение в том смысле, что изменяло состав носителей литературного «стандарта», т. е. литературного языка, а вместе с тем делало весьма неопределенными границы, сущность и сферу распространения этого «стандарта». Об этом достаточно писалось уже в 20-е гг.

«Революция, — писал Е. Д. Поливанов, — неизбежно влечет за собой смену человеческого субстрата литературного языка данной нации, иначе говоря — и качественную перетасовку, и количественное расширение контингента носителей литературного языка, т. е. лиц, говорящих и пишущих на этом языке: именно, к стандартному языку — за годы революции — оказываются привлеченными обширные новые слои населения, принадлежавшие до сих пор к ряду классовых и профессиональных диалектов (не говоря уже о их принадлежности к различным территориальным группам говоров)» [Поливанов 1927: 226].

В качестве субстрата, т. е. состава носителей литературного языка, в 20-е гг. Е. Д. Поливанов называет «революционный актив (в том числе эмиграция предшествующего периода, вернувшаяся после революции), культурные верхи ра-

---

вать хлебом с маслом... Вообще патриотическая борьба той или иной нации вызывает очень часто борьбу с языком (главным образом словарем) врагов...» [Баранников 1919: 74].

бочего класса и прочие элементы, входящие в понятие красной интеллигенции, в том числе и значительные слои прежней интеллигенции, осуществляющие, следовательно, реальную связь со стандартом предшествующей эпохи» [Поливанов 1928: 177—178].

Внутренним языковым процессом, обусловленным, однако, внешними причинами (той же «социальной метисацией», расширением круга носителей литературного языка и связанной с этим неопределенностью понятия «литературный стандарт»), был процесс стилистической интерференции, взаимного проникновения стилей, до тех пор имевших четкие границы и более или менее строгий набор стилистических средств. В конце 10-х — первой половине 20-х гг. на примере разных речевых жанров можно хорошо наблюдать ту связанную с демократизацией языка тенденцию, которую отмечал А. М. Сухотин — использование стилистических противопоставлений на коротких отрезках текста [Сухотин 1939]. Возможно даже, что в этот период использование разных стилистических средств на коротких отрезках текста было более ярко выражено, чем в последующие годы, так как старые нормы были расшатаны, а новые еще не установились.

Поскольку происходила стилистическая интерференция, различные лексические группы или отдельные слова (как и другие единицы, служащие средством формирования того или иного стиля) могли терять или видоизменять прежние стилистические характеристики, расширять или сужать сферу своего применения в речи, утрачивать стилевую прикрепленность и т. п.

Как уже было сказано, во второй половине 10-х — начале 20-х гг. происходило освоение старых иноязычных заимствований народными массами, приобщавшимися к литературному языку. Тот процесс вхождения в употребление новой иноязычной политической терминологии (после 1905 г.), который отмечал А. М. Селищев, теперь значительно активизировался; расширился и состав слов, осваиваемых широкими массами говорящих, и сфера употребления этих слов.

Раньше большая их часть была ограничена и социально, и стилистически. Так, например, общественно-политическая лексика, сфера употребления которой раньше была ограничена в основном газетой и различными «дипломатическими» жанрами, в послереволюционные годы начинает употребляться на гораздо более широком стилистическом поле, значительную часть которого составляют устная речь рабочего и устная речь крестьянина.

То же самое можно сказать и о других группах специальной лексики (например, военной, юридической и т. п. терминологии). Ср.:

В соседнем зале по иску об алименте (содержании для ребенка) ловелас с угрожающим начесом на лоб... доказывал... (30 дней. 1925. № 2);

Алименты. Уже не только юристы, а и рядовой гражданин и грамотная крестьянка употребляют в наши дни это словечко (Известия. 1926. 6 янв.);

...В январе разбирался ряд политических процессов: ...10 января 1880 года, т. е. 40 лет тому назад, покушение на *экспроприацию*, так выражаются теперь, а тогда звали просто «на кражу», из Херсонского казначейства (Красная газета. Пг., 1920. 15 янв.).

Видно, многие не «поняли» ее [Колонтай]. Как это: демократия — да империалистическую войну? Матросы ведь тогда (речь идет о лете 1917 г.) еще не знали «иностранных слов». Это потом научились (П. Е. Дыбенко. Мятеежники. М., 1923).

Ср. любопытные случаи несколько утрированного и стилизованного употребления иноязычных слов для характеристики речи рабочих комсомольцев в рассказах М. Колосова:

— Ну-с, Петя, а теперь опишу я тебе, как у нас хоронили нашего всего мира *авангарда* тов. Ленина, и что у нас было, и какая была моя роль... («Жизнь начинается». М.; Л., 1928);

Вскоре по всему кораблю пошла такая *нация*: матросы говорят меж собой, что командир ищет креп и кричит: — Кто осмелился лезть ко мне в каюту и снимать креп с моего единственного отца? (там же);

— Ну и Пашка! — вздохнул Гриша «Балаган». — *Гегемон*... — сказал Петя — крепкий любитель тезисов и иностранных слов и из всего русского обожавший только рубашку с «разговором», да еще девочек, которые покрасивше (там же).

Характеризуя процесс усвоения иноязычной лексики все более широкими слоями говорящих по-русски, С. Карцевский писал: «...по существу дело сводится лишь к тому, что... слово, уже акклиматизировавшееся в одной социальной среде, переходит в более широкий круг, причем обычно теряет или видоизменяет свой специальный характер, а нередко, кроме того, под влиянием событий, еще окрашивается и эмоционально» [Карцевский 1923: 14]. С. Карцевский, таким образом, отмечает в основном одну сторону — расширение социальной сферы употребления иноязычных слов, лишь намекая на сопровождающую этот процесс стилистическую перестройку, на изменения в соотношенности слова с определенными речевыми стилями.

На повсеместное распространение после революции иноязычной лексики, ранее специально или профессионально ограниченной в употреблении, указывали А. П. Баранников [Баранников 1919], А. М. Селищев [Селищев 1928], А. Мазон [Мазон 1920], Р. Шор [Шор 1929], А. Меромский [Меромский 1930]; см. также [Шпильрейн и др. 1928]. В их работах даны списки наиболее употребительных иностранных слов. Ср.: «В повсюдное употребление проникают слова: *демонстрация, манифестация, революция, революционер, контрреволюционер, агитация, митинг, мандат, резолюция, депутат, делегат, респуб-*

лика, автономия, федерация, аннексия, контрибуция, коалиция, сепаратный, конференция, империализм, милитаризм, национализм, интернационализм, коммуна, капитализм, социализм, комитет, эксплуатация, демократия, буржуазия, пролетариат, буржуй, пролетарий, милиция, комиссар, организация, дезертир, бойкот, саботаж, ордер, купон, талон, категория и т. д. и т. д.» [Баранников 1919: 77].

«Наиболее ходовые заимствования в предреволюционный период, ставшие особенно употребительными после революции 1917 г. — аграрный, активный, бойкот, анархизм, анархист, буржуазия, бюрократия, демократия, демонстрация, директивы, дискуссия, интернационал, кампания, кворум, коллектив, комитет (партийный), конференция, кооперация, кооператор, курия, лозунг, мандат, манифестация, марксизм, марсельеза, митинг, муниципализация, национализация, оратор, организация, пароль, партия, провокатор, прокламация, пролетариат, пролетарий, пропаганда и агитация, район, революция, саботаж (в предреволюционную эпоху редкое, но в 1918 г. активно употреблявшееся), социализм, социалист-революционер, террор, фракция, центр и периферия⁸ (партийные), штрейкбрехер (проникло через “Бунд” из немецкого рабочего жаргона), экспроприация, эмигрант и т. д.» [Карцевский 1923: 22—23].

А. М. Селищев приводит следующий список иноязычных слов, наиболее употребительных в первой половине 20-х гг.:

<i>авуалированный</i>	<i>лимитрофы</i>
<i>ажютаж</i>	<i>люмпен</i>
<i>альянс</i>	<i>модус</i>
<i>гегемон</i>	<i>монолитность, -ный</i>
<i>генеральный</i>	<i>ориентироваться</i>
<i>дауэсизация</i>	<i>пакт</i>
<i>деклассированный</i>	<i>рационализация</i>
<i>дискредитация</i>	<i>ревизия</i>
<i>диспропорция</i>	<i>рентабельность</i>
<i>картель</i>	<i>ревю</i>
<i>коммунике</i>	<i>солдафонство</i>
<i>конста(н)тировать</i>	<i>солидаризация</i>
<i>лаборизация</i>	<i>стабилизация</i>
<i>лимит, лимитный</i>	<i>стандартизация</i>

⁸ Ср. позднейшую активизацию этого слова в речи и дифференциацию его в семантическом и оценочно-стилистическом отношении со словом *провинция*, — дифференциацию, которая более отчетливо наблюдается в производных прилагательных *периферийный* и *провинциальный*. Ср.:

Мы [горьковцы] создаем автомобили, телефоны, станки для всей страны. А наша культура еще во многом даже не *периферийная*, а *провинциальная* (Правда. 1935. 4 июня).

стационарка
стимулировать
филчал
финиш

флуктуация
фордизация
функционер
шеф...

[Селищев 1928: 30—35]

В словаре, составленном П. Х. Спасским [Спасский 1924], содержатся следующие наиболее употребительные иноязычные слова: *акциз, арбитраж, блокада, бюро, вотировать, декрет, депо, деталь* («подробность, второстепенная часть целого»), *дефект, дефицит, де-факто, де-юре, инструктор, кондиции, лидер, ликвидация, прецедент, реабилитация, реализация, рецидив, спец, фактура, чек.*

Интересно, что приведенные списки совпадают в очень немногом. Это может служить косвенным указанием на широту самого круга усваивавшихся иноязычных слов, на их многочисленность.

Выход иноязычной терминологии за пределы специальных стилей, определенных социальных и профессиональных групп означал в конечном счете повышение частотности иноязычных терминов в речи в целом.

Следует, однако, иметь в виду, что это увеличение частотности иноязычных слов было неодинаковым в разных жанрах. Так, незначительно возрос процент иноязычной терминологии в некоторых газетных жанрах. Например, общественно-политическая иноязычная лексика в жанре передовой статьи на внутриполитическую тему составляет 8,85% для дореволюционной газеты «Речь» (1913) и 11,31% для послереволюционной «Правды» (1923)⁹. Правда, обращает на себя внимание тот факт, что сравниваются тексты, разделенные довольно незначительным отрезком времени (1913—1923). Однако характерно, что в жанрах, которым в общем не свойственно «увлечение» иноязычной лексикой, именно после революции произошло резкое повышение употребительности иностранных слов (например, в некоторых жанрах устной речи рабочих, крестьян).

Сравнивая тексты одного жанра, относящиеся к разным периодам, по количеству встречающихся в них иноязычных слов, мы не решаем и не можем решить таким путем задачу о составе той или иной исследуемой лексической группы. Надо иметь в виду тот факт, что, несущественно различаясь по частоте иноязычных слов, употребляемых в текстах разного времени, некоторые жанры могут иметь значительные различия в составе самих этих слов. Так, например, после революции чрезвычайно распространенными стали слова *комис-*

⁹ Интуитивно эта разница в частотности общественно-политических иноязычных терминов в газетах «Речь» и «Правда» не кажется существенной. Однако с помощью методов математической статистики можно показать, что это различие значимо и им нельзя пренебречь. См. об этом [Крысин 1965].

сар, партия, гегемон, диктатура и т. п. В то же время употребительность терминов, связанных с обозначением старого административного и государственного аппарата, резко понизилась. В целом же частотность употребления слов, объединяемых в группу иноязычной общественно-политической лексики, могла не измениться или повыситься незначительно в том или ином речевом жанре.

Таким образом, исследование частоты иноязычной лексики и изучение ее состава (в сопоставительно-историческом плане) — самостоятельные задачи, требующие применения разных методических и исследовательских приемов при их решении.

Каковы же новые заимствования, появившиеся в употреблении в первое десятилетие после революции?

В этот период в нашем языке появились некоторые технические иностранные термины, слова, связанные с политикой, культурой, спортом, в меньшей степени слова бытовые. Вот список наиболее употребительных новых заимствований: *блюминг* (начинает входить в употребление с середины 20-х гг.) (англ. *blooming*), *концерн* (нем. *Konzern*), *оккупант* (нем. *Okkupant*), *такси* (франц. *taxi*), *фашист* и *фашизм* (итал. *fascista, fascismo*), *конферансье* (франц. *conférencier*), *фокстрот* (*фокс-тротт*) (англ. *foxtrot*), *шезлонг* (франц. *chaise longue*), *свитер* (англ. *sweater*) и др.¹⁰

В ряде случаев определение источника заимствования сопряжено с известными трудностями, особенно когда речь идет о словах, имеющих интернациональный характер. Так, в 20-е гг. в русском языке появились слова *кино, радио, фильма, авто*. Возможно, что первые два из них — *кино* и *радио* — распространились в другие языки из немецкого (нем. *Kino, Radio*); слово *фильма*¹¹, позднее *фильм*, — из английского, а на появление слова *авто* в значении 'автомобиль' повлияло наличие подобной усеченной формы во французском (*auto*). Однако здесь возможны были различные языковые посредства, о чем косвенно свидетельствуют и некоторые формальные изменения в заимствованном материале (ср. ударение в словах *Kíno* и *кинó*, а также морфологическую характеристику англ. *film* и русск. *фильма*), или же самостоятельное образование слова, аналогичного иностранному образцу (ср. графический облик слов *auto* и *авто* при их разном звучании).

¹⁰ Для установления времени заимствования этих слов проводилось сопоставление словарей иностранных слов 1900—1917 гг. и словарей иностранных слов М. Е. Левберг (1923) и И. Вайсблита (1926); принимался во внимание также материал, почерпнутый из газет и различных изданий 20-х гг.

¹¹ Конечное *-а* в этом слове появилось в результате освоения его русским языком, возможно, не без влияния формы синонимичного *лента*, которое в 20-е гг. регулярно употреблялось наряду с этим новым заимствованием.

Обращает на себя внимание случайность и малочисленность новых заимствований. Чем это объясняется? Казалось бы, в связи с крупнейшими социальными сдвигами, происшедшими в русском обществе после революции, с коренной ломкой и перестройкой старого жизненного уклада язык должен испытывать острую потребность в новых лексических средствах для выражения новых понятий и отношений, для замены старых наименований, связанных с ушедшим строем и соответствующим образом окрашенных эмоционально, новыми словами. И эта потребность действительно существовала. Однако удовлетворялась она не путем заимствования иноязычной лексики, а путем использования внутренних лексических и словообразовательных ресурсов, которое выражалось в двух формах — в словообразовании по различным моделям и в переосмыслении, семантическом изменении старых слов.

В рассматриваемый период активизируются самые различные типы словообразования, в том числе — и главным образом — образование сложносокращенных слов. Возможно, что интенсивное производство и широкое употребление аббревиатур явилось фактором, в известной мере «разгрузившим» язык от необходимости иноязычного заимствования (эта мысль была высказана Д. Н. Шмелевым, в устной беседе).

Процесс заимствования не прекратился совершенно, но стал значительно слабее; его пульс был едва заметен на фоне бурных изменений, происходивших в это время в языке. Поэтому и слова, заимствуемые в этот период, так немногочисленны и в целом периферийны по отношению к основному ядру новой лексики.

Любопытно, что некоторые из вошедших в это время в русский язык заимствований воспринимаются как словообразовательные дериваты от уже имевшихся в языке слов. Так, например, слово *коллектив* в значении ‘группа людей, объединенных общностью интересов, общей деятельностью и т. п.’, впервые отмечено в словаре М. Е. Левберг (М., 1923), тогда как в более ранних (дореволюционных) словарях есть и *коллективный* и *коллективизм*, и *коллективистский*¹². *Коллектив* — заимствование из немецкого языка, вошедшее в русское словоупотребление в конце 10-х гг.; на несколько десятилетий раньше из немецкого же языка было заимствовано прилагательное *коллективный* (немецкие прилагательное и существительное совпадают по форме: *kollektiv* и *Kollektiv*). Установить факт самостоятельного заимствования каждого из слов можно лишь с помощью словарей и первых датированных случаев их употребления¹³. Син-

¹² См. словарь П. Стояна (3-е изд., 1916) и «Словарь иностранных слов» под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ.

¹³ Такая чисто «историческая» методика в некоторых случаях может быть дополнена и данными синхронного порядка, характеризующими те или иные участки системы

хронно же с точки зрения речи 20-х гг. (а тем более — современной) два эти слова воспринимались как единицы, связанные отношением производности (*коллектив* → *коллективный*).

Путем диахронного анализа, привлекая данные словарей и текстов, можно показать, что и в других случаях наблюдалось подобное явление.

Слова, содержащие общий корень и с современной точки зрения составляющие своего рода словообразовательную матрицу (ср. приведенные выше *коллектив* — *коллективный* — *коллективизм* — *коллективистский*), исторически оказываются не связанными отношением производности, поскольку они представляют собой либо заимствованные в разное время лексические единицы, либо слова, образованные в разное время независимо, т. е. исторически не состоящие в отношении «производящее — производное». Ср. *автомобиль*, появившееся в русском языке в конце XIX в., и *авто*, первые случаи употребления которого относятся к самому началу 20-х гг. (оба слова заимствованы из французского); *компостер* (нем. *Komposter*), впервые отмеченное в Словаре Академии наук 1912 г., и *компостировать* (нем. *kompostieren*), зафиксированное лишь в словаре Ушакова (1935); пучок слов *конструкция* — *конструктивный* — *конструировать*, регулярно отмечавшийся дореволюционными толковыми словарями (например, словарем П. Стояна) и словарями иностранных слов (см., например, словарь под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ), — и слово *конструктор*, по-видимому, искусственно созданное (не заимствованное) в 20-е гг.; *патетический*, зафиксированное еще в «Новом словотолкователе» Яновского (1806) (от франц. *pathétique*), и *патетика*, начавшее употребляться лишь в XX в. и впервые отмеченное словарем Ушакова; *репортер*, отмеченное словарем Толля (1866), и *репортаж*, первые случаи употребления которого относятся к 20-м гг. (впервые отмечено Энциклопедическим словарем братьев Гранат, 7-е изд., 1932, т. 36, 1), причем в качестве источника здесь неверно указан английский: «англ. *reporter*», тогда как на самом деле слово заимствовано из французского — франц. *reportage*; *специфический* (Н. В. Яновский. Новый словотолкователь) и *специфика* (первая словарная фиксация: Ушаков, 1940), и т. п.¹⁴

языка. Так, например, при анализе глагольно-именных пар типа *пилот* — *пилотировать* отсутствие генетической словопроизводственной связи между именем и глаголом может быть подсказано тем фактом, что для русского словообразования нехарактерно производство глаголов на *-ировать* от именных основ со значением лица. Обращение к словарям, а также к языку, могущему служить источником заимствования такого рода слов (в данном случае — к французскому), убеждает нас, что перед нами два самостоятельных заимствования (франц. *pilote* ‘лоцман’, ‘пилот’; *piloter* — ‘пилотировать’; вероятнее всего, глагол попал в русский язык через посредство немецкого — ср. нем. *pilotieren*).

¹⁴ При сопоставлении приведенных слов учитывались не только данные словарей, но и наиболее ранние примеры употребления слов в речи, поскольку не исключена

Вопросы частотности употребления иноязычных слов, состава и характера новых заимствований — не единственные, стоящие перед исследователем лексики русского языка конца 10-х — первой половины 20-х гг. Крайне любопытны и характерны именно для этого времени факты лексической и грамматической вариативности иноязычных слов.

Сама по себе вариативность, формальная неустойчивость языковой единицы или ее семантическая нечеткость свидетельствуют об известном расшатывании традиционного литературного стандарта, его нормы (если понимать норму как «систему обязательных реализаций, принятых в данном обществе и данной культурой; норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что уже сказано и что по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе» [Косериу 1963: 175]). А расшатывание традиционной нормы, обилие инноваций и перестройка внутри системы языка характерны, как известно, для периодов, насыщенных крупными общественно-политическими событиями, отмеченных определенными сдвигами и перемещениями в структуре общества. Кроме того, лексико-семантическая вариантность иноязычного слова может быть следствием того, что его значение еще не вполне стабилизировалось, что слово недостаточно четко выделяется в ряду семантически близких исконных слов или более ранних заимствований. Обособление слова, автономизация его семантики, связанная с освоением его в системе языка, влечет за собой сужение возможностей для вариантного употребления его в речи; лексические связи данного слова с другими единицами языка становятся более отчетливыми и постоянными.

По отношению к иноязычным словам вариативность связана как с освоением в общелитературном языке ранее заимствованной, но ограниченной в употреблении лексики, так и с акклиматизацией в нем новых заимствований.

Вероятно, можно говорить о вариативности в двух планах. С одной стороны — накопление и более или менее одновременное существование в языке набора лексических или лексико-синтаксических единиц, обслуживающих одно

вероятность того, что слово бытовало в речи, но по каким-то случайным причинам более или менее долгое время не попадало в словари (ср., например, слово *преьера*, впервые отмеченное «Словарем иностранных слов» 1933 г., хотя его можно встретить в газетах, театральных рецензиях, статьях театральных критиков и т. п. конца XIX в.; слово *планер* впервые отмечено в Энциклопедическом словаре братьев Гранат (7-е изд.); ср.:

...На Рейнских состязаниях безмоторных аэропланов (или *планеров*) были достигнуты следующие результаты (Гудок. 1922. 21 янв.);

функционировать — первая фиксация в «Словаре иностранных слов» под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ (1911) — ср. примеры из произведений Салтыкова-Щедрина, Ключевского, приведенные в Большом академическом словаре, и т. п.).

значение. При этом некоторые из накапливаемых единиц соотносятся между собой как дублиеты, т. е. семантически тождественные единицы¹⁵; другие же находятся между собой в отношениях, которые можно назвать частично синонимическими (совпадают не все семантические дифференциальные признаки, а только их часть). Ср., например, с одной стороны, ряд *кинематограф* (*синематограф*), *синема*, *кино*¹⁶, где налицо дублетность единиц, и, с другой стороны, ряды *аэроплан*, *аппарат*, *самолет*; *летун*, *авиатор*, *пилот*, *летчик*; *автомобиль*, *мотор*, *авто*, где каждое из выделенных слов совпадает с остальными словами ряда (по значению) лишь частично.

Второй план — это взаимодействие рассматриваемых вариативных единиц в речи друг с другом, «безразличие» в выборе варианта, могущее приводить к возможности одновременного присутствия в тексте более чем одной такой единицы.

Как показывают наблюдения, в 20-е гг. могли быть следующие виды вариантов, точнее — варьирования, иноязычной лексики:

1. Лексическая вариативность.

а) Синонимия старого и нового заимствований (часто — однокоренных, причем новое представляет собой «усечение» более раннего). Например:

Кинематограф — кино:

...В *кинематографах* продемонстрирована картина наркомздрава «Дети — цветы нашей жизни» (Правда. 1921. 4 янв.);

...У нас много *кинематографов*... Раз в неделю каждое кино должно устраивать бесплатный сеанс... (Правда. 1921. 11 янв.);

Кинематограф вошел в «плоть и кровь» жизни всего культурного человечества... Всякое выдающееся событие должно быть запечатлено на кинематографической фильме, и эта погоня за сенсацией — характерна для кино (Красная панорама. 1923. № 3);

В кино — отвратительная лента «Папиросница из Моссельпрома» (М. Шагинян. Дневники, запись 1924 г.);

¹⁵ Ср.: «...Революция частью вводит заново, частью воскрешает и популяризирует множество иностранных слов, существенно изменяя их значение... Характерно при этом дублирование уже существующих в языке слов (*брутальный* вместо *грубый*, *дискуссия* вместо *обсуждение*, *ультра* вместо *крайне*)...» [Шор 1926: 111].

¹⁶ «На послереволюционные годы приходится широкое развитие кинематографии. Французская форма *синематограф* была вытеснена немецкою: *кинематограф* (более близкой к древнегреческому); с немецкого же были заимствованы сокращенные *кино* и *кинемат*» [Карцевский 1923: 27].

Вообще этот месяц был не из приятных. Вечером Маня Шмарова, и с ней в кинематографе на плохой ленте «Манящие огни»... (там же, запись 1925 г.)¹⁷.

Радиотелеграф — радио. Если верить словарям, в 20-е гг. слова *радио* и *радиотелеграф* не были дублетами: «Радио — лат. телеграмма, посланная по беспроволочному телеграфу. Радиотелеграф — беспроволочный телеграф» [Вайсблит 1926]. Однако примеры из текстов тех лет показывают, что *радио* могло употребляться и в современном значении (т. е. как синоним радиотелеграфа):

Это распоряжение было приведено в исполнение. Затем *по радио* был послан ультиматум румынскому правительству (Декреты Советской власти. 1917—1918. Т. 1);

Было *по радио* получено распоряжение задержаться в море... Эсминцы, *получив радио*, стали в указанном месте на якорь (Вс. Вишневский. Между смертями. Л., 1925);

...День труда, тумана, очередей, приемных... телефонных звонков, звонков у подъездов, плача *радио* — день машины города... (Б. Пильняк. Повесть непогашенной луны).

Вариативность *радио* — *радиотелеграф* проявлялась и в словообразовании. Ср., например:

...*Радист* поворачивает ручку... (Известия. 1922. 9 июня);

Для приема этого материала достаточно иметь трех *радиотелеграфистов* (Известия. 1922. 2 нояб.);

...В ясную погоду *радиотелеграфист* слышит странные потрескивания в телефон, мешающие приему... (С. Вавилов. Глаз и Солнце. М., 1927);

Встречаются *радиоволны* в эфире, Сшибаются ветры и, злобствуя, воют. И только под утро — ровно в четыре — Заключается временное перемирие. *Радисты* готовятся к новому бою (Комсомольская правда. 1929. 9 марта);

...От красной границы спектра можно непрерывно идти до практической бесконечности длинных *радиотелеграфных* волн; Для *радиолучей* с очень малой (относительно) частотой ν квант ничтожно мал... (С. Вавилов. Глаз и Солнце. М., 1927).

Таксомотор — такси:

...Ждут, бешено ворча моторами, остановленные в своем беге своры *такси*; Его [Парижа] главные улицы превратились в сплошные бурные потоки *таксомоторов* (30 дней. 1925. № 9);

¹⁷ Кино впервые зафиксировано в Словаре М. Е. Левберг (1923), затем в Словаре И. Вайсблита (1926) с пометой *фр.* (французское). Заимствовано, по-видимому, из немецкого языка (нем. *Kino*). Французская форма *ciné* значительно отличается в звуковом отношении от усвоенной в русском формы *кино*; помета *фр.* в словаре И. Вайсблита, вероятно, ошибочна.

Подарки. Возможность ужинать в ресторанах, ездить на *такси*, ходить в театр (Е. Лундберг. «Записки писателя». Т. II)¹⁸.

По поводу возникновения слов-«усечений» (типа *кино, радио, авто, метро*) А. Мартине писал: «Если частотность... единицы возрастает, то ее форма подвергается редукции. Редукция лексических форм, частотность которых возрастает, — явление, представленное достаточно хорошо». Как иллюстрацию этого явления, Мартине приводит пример замены четырехлексемного сочетания, которое было сначала во французском для обозначения подземной железной дороги, словом *métro*, возникшим как результат редукции первоначального сочетания в процессе возросшей частоты его употребления [Мартине 1963: 544—545].

Явление усечения лексических форм — процесс, свойственный в наше время многим языкам, в том числе русскому. С формами *кино, радио, авто, метро*, заимствованными из других языков, можно сравнить некоторые слова, возникшие путем усечения иноязычных лексем уже в русском языке. Например:

гидро — из более регулярного *гидроплан*:

Было бы удобно лететь на *гидро* (Вс. Вишневикий. Между смертями. Л., 1925);
...Авиация не знала случая таких полетов на *гидро* над землей (Б. Пильняк. Россия в полете. М., 1926);

текстиль в значении и вместо «текстильщик»:

...Библиограф революционного движения *текстилей*. (М. Шагинян. Дневники, запись 1925 г.);

Газета «Голос *текстилей*»... деловито указывает... (Правда. 1928. 1 апр.);

профессионал (< профессиональный)¹⁹, наряду с *профессионалист*:

¹⁸ *Такси* впервые отмечено в словаре И. Вайсблита («сокр. вм. таксомотор»). Заимствовано из французского языка на рубеже 10—20-х гг. Ср. сообщение о первом такси в Москве, которое еще не имело никакого определенного (однословного) названия:

Вчера в Москве появился первый извозчик на автомобиле. Какой-то шофер привесил к своему небольшому «ольдсмобилю» плакат: «извозчик, такса по соглашению». Он разъезжал по улицам, останавливаясь на углах, и, по-видимому, не мог жаловаться на отсутствие седоков (Голос Москвы. 1907. 22 сент.).

¹⁹ В современной живой речи процесс образования подобных слов путем усечения прилагательных (точнее, путем «сжатия») двучленного словосочетания, в котором роль определяющего члена исполняет иноязычное по происхождению прилагательное) весьма активен. Ср. зафиксированные в словарях *универсал, нейтрал, национал* и др. и окказиональные образования типа *тривиал* (То, что ты говоришь, это же такой *тривиал*, это всем давно известно! — запись живой речи; март 1964), *интеллектуал* и *эмоционал* (Критики делятся на *интеллектуалов* и *эмоционалов*... Вот как бы написал о твор-

Сегодня мы отдаем Красной площади урну с прахом одного из лучших организаторов и профессионалов нашего славного подполья (Правда. 1925. 5 апр.);

...В настоящий момент революция требует активной работы не только от активных работников-профессионалистов, а и от всей рабочей массы (М. И. Калинин. Сб. «За эти годы». Т. 3) и т. п.

б) Синонимия русского и иноязычного слов, иногда совершенно тождественных семантически (дублеты). Известно, что в периоды, когда язык претерпевает более или менее значительные изменения, в той или иной степени обусловленные внешними факторами, главным образом изменениями в социальной структуре общества, когда речь полна инноваций, конкурирующих и между собою, и с традиционно существующими единицами, столкновение, сосуществование и «соупотребление» дублетных форм, в частности лексических, неизбежно. Эта избыточность временна; в дальнейшем (и история русского литературного языка советского времени подтверждает это) либо один из дублетов вытесняется из речи, «не принимается» языком и делается в лучшем случае вспомогательным средством, играющим роль спорадически употребляемого варианта (иногда стилистически «отмеченного») к регулярной лексической единице (ср. такие слова, как *голкитеп*, *аэроплан*, *авиатор* и т. п.), либо происходит семантическая и стилистическая дифференциация тождественных единиц.

Речь начала 20-х гг. дает обильные примеры вариативности русского и иноязычного слов.

Вот некоторые из них:

...Следовало бы напрячь все экономические силы страны, чтобы усилить *вывоз*, который для Австрии выражается главным образом в дровах, магнезите и железной руде (Правда. 1921. 21 янв.);

...Безработица... особенно остро дает себя чувствовать в отраслях промышленности, работающих для *вывоза*... Это увеличение *экспорта* вызвало увеличение цен... Оказать всяческое содействие *экспортной* промышленности (Правда. 1921. 28 янв.);

Благодаря этому наш *экспорт* составляет... (Вечерняя Москва. 1924. 17 нояб.).

(К середине 20-х гг., по-видимому, устанавливается «монопольное» употребление термина *экспорт* и его производных: ср., например, статью Б. Шумяцкого «Про экспорт» — 30 дней. 1925. № 9, — в которой ни разу не встречается слово *вывоз*.)

Французские *авиаторы*, прилетевшие на *аэроплане* «Кодрон», посетили ряд достопримечательностей Москвы. *Летчики* поражены прекрасным состоянием города (Вечерняя Москва. 1924. 19 нояб.);

честве Корнея Ивановича *критик-эмоционал*... — З. Паперный. Вступительное слово на творческом вечере К. И. Чуковского в МГУ. 19.III. 1964) и т. п.

Самолет из Парижа сегодня прилетает в Москву (Вечерняя Москва. 1924. 14 нояб.); Назначенный на 8 сентября авиадень на Всесоюзной выставке по существу явится днем наибольшего напряжения в деле реализации жетона на постройку *аэроплана* имени Ильича. Наряду с постройкой *самолета*... (Правда. 1923. 2 нояб.).

Работы дали сильный толчок кооперированию населения вокруг мелиоративных сооружений. Так, например, в Самарской губернии мелиоративные *товарищества* с 198 возросли до 326... Взятый курс на максимальную децентрализацию, на полное доверие к низовым крестьянским организациям (сельсоветам, кресткомам и *кооперативам*) полностью себя оправдал (Правда. 1925. 3 апр.).

Особенно характерно для исследуемого периода совместное употребление иноязычного и русского слов, причем русское выступает в качестве перевода, пояснения (точного или приблизительного) к иностранному. Такое соседство двух синонимических единиц наблюдается главным образом в текстах, адресованных массовому читателю: в газете, стенограмме публичной речи, политической статье и т. п.

«...многие из политических терминов и выражений, — говорил А. В. Луначарский (см. “Журналист”, 1925, № 1), — должны быть усвоены массами, и тут, конечно... вся пресса должна уметь приучить к этому публику, давая каждый раз объяснения. Нельзя не употреблять многих слов, которые нужны, нельзя не употреблять слов *коммунизм*, *марксизм*. Нужно не отрезаться от них... а надо такие слова объяснить читателю».

Ср. следующие примеры:

Справедливым или демократическим миром... Правительство считает немедленный мир без *аннексий* (т. е. без захвата чужих земель)... (Декрет о мире, 1917);

Вложенная в землю стоимость удобрения и *мелиорации* (*коренные улучшения*)... (Декрет о земле, 1917);

В предстоящую *навигацию* (*судоходство*) по Волге и Каме речной флот может быть использован... (Беднота. 1920. 7 марта);

Не находится ли эта практическая *концессия* (*уступка*) Мануильского в вопиющем противоречии с его теоретической непримиримостью? (Известия. 1922. 4 нояб.);

Профилактическое, т. е. *предупреждающее*, влияние тех же средств еще более разительно (Комсомольская правда. 1926. 29 янв.) и т. п.

Характерны примеры из речей и статей М. И. Калинина²⁰.

²⁰ См. Калинин М. И. За эти годы: Сб. статей, речей и выступлений. М.; Л., 1929. Т. 3.

Короленко в «Слепому музыканте» ясно показал, как *проблематично, непрочно* это отдельное человеческое счастье... Разве это не является действительным укреплением *народовластия, демократии*? Я хотел на собрании вызвать по этому поводу *спор, дискуссию* (Ср.: Третьим новым методом производственной пропаганды *является диспут (спор)*... (Правда. 1921. 15 янв.)).

2. Грамматическая вариативность.

а) Неустойчивость рода иноязычных существительных: *фильма* и *фильм*²¹, *автор, кино, радио* — мужского и среднего родов, и некоторых других. Родовая неустойчивость наблюдается главным образом у новых заимствований. При этом в таких словах, как *авто, кино, радио*, она обусловлена двумя факторами: формальным сходством этих слов со словами среднего рода на *-о* и, с другой стороны, «давлением» полных вариантов, принадлежащих к мужскому роду: *автомобиль, кинематограф, радиотелеграф*:

Проволочный радио для всех (Комсомольская правда. 1926. 12 февр.).

Ср. любопытный пример аналитической формы множественного числа: *Последние радио* (отдел в «Вечерней Москве» за 1924 г., где помещались последние зарубежные новости), который свидетельствует не столько о грамматической неустойчивости этого слова, сколько о его большой смысловой емкости.

За последние два-три года *кино приобрел* в Западной Европе необыкновенно мощное значение (Вестник искусств. 1922. № 3—4);

...*Ярко-желтый авто разбит*... когда *авто было сломано* (Е. Лундберг. Записки писателя. Т 2);

Внизу — *«красный» авто* с серпом и молотом... (30 дней. 1925. № 6) — ср.: Неожиданно *немецкий гидро* (согласование по аналогии с *гидроплан*) налетел (Вс. Вишневский. Между смертями).

Неустойчивость рода иногда затрагивала и ранее заимствованные слова, грамматические характеристики которых идентичны во всех словарях²².

²¹ «В связи с кинематографией стало известно английское слово *фильм* (говорят также *фильма*) и *зафильмовать*, т. е. снять при помощи кинематографа...» [Карцевский 1923: 27].

²² Ср., например:

На кубрике, на палубе матросы моются из *шланг* морской водой (Б. Пильняк. Английские рассказы); Что уж тут говорить о воздухе для пневматики, который вырывается из неисправного трубопровода и рваных *шланг* (Правда. 1928. 5 апр.).

Нулевое окончание в форме род. пад. множ. числа свойственно, как известно, существительным женского рода на *-а* (*шланга* — *шланг*, но *шланг* — м. р. — *шлангов*).

б) Отсутствие семантической дифференциации единственного и множественного числа слов *аппарат* — *аппараты*, *кадр* — *кадры*.

Это, казалось бы, частное явление, наблюдающееся в отдельных словах, весьма интересно. В конце 10-х — начале 20-х гг. слова *аппарат(-ы)* и *кадр(-ы)* регулярно употребляются в таких сочетаниях, как *государственный аппарат*, *советские аппараты*, *кадр хозяйственников*, *новые партийные кадры* и т. п. При этом в текстах тех лет параллельно встречаются формы единственного и множественного числа без каких-либо заметных семантических различий между этими формами, появившихся позднее и приведших к закреплению в значении 'совокупность работников, штат какого-нибудь учреждения' формы единственного числа слова *аппарат*, а в значении 'дисциплинированный и вполне пригодный для активной работы состав той или иной социальной, профессиональной группы' — формы множественного числа слова *кадр*²³.

...Нужно ясно понимать, что мы теперь должны предъявлять и особо повышенные требования ко всем нашим *аппаратам*, к нашему *кадру* (Правда. 1923. 23 сент.);

Работа ревизионная должна быть частью *аппарата* ЦК (Стенографический отчет об XI съезде РКП(б). Киев, 1922);

Мы замечаем весьма много фактов и явлений, когда на практике линия советских *аппаратов* совсем иная, нежели та линия, которую дает наша партия (там же);

Необходимость же иметь *кадр* «своих» ученых... подчеркивает правильность взятой линии; мы должны иметь в высшей школе достаточно большие *кадры* пролетарского и крестьянского студенчества (Правда. 1923. 30 сент.);

...Необходимо отметить особо продуктивную работу, проявленную основным *кадром* технического персонала (Правда. 1925. 3 апр.);

В Петрограде *кадр* революционного трибунала состоит из людей, работавших все время в военной обстановке (Красная газета. Пг., 1920. 15 янв.).

3. Вариативность формы иноязычного слова. При этом имеется в виду и звуковой облик слова, и его значащие части, например аффиксы. Ср.:

Как не надо *дискуссировать* (заголовок в «Правде», 22 янв. 1921);

Телеграммы печатаются, читаются, *дискутируются*... (Правда. 1921. 28 янв.);

...Правительство С.-А.С.Ш. с громадным интересом относится к следствию по делу арестованных *фабрикаторов* фальшивок... (Комсомольская правда. 1929. 8 марта);

...В отношении *фабрикантов* фальшивок Орлова и Сумарокова не будет начато уголовное дело (Комсомольская правда. 1929. 15 марта);

²³ См.: «Толковый словарь» под редакцией Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935.

...Одни едут к морю и будут там сидеть неподвижно на *лонг-шезе* на пляже, жуя апельсины, тысячи людей рядом, *лонг-шэз* в *лонг-шэз*, в молчании любуются морем... (Б. Пильняк. Английские рассказы)²⁴.

Примером вариативности звуковой формы нового заимствования может служить слово *фашизм* (и однокоренные с ним), появившееся на страницах русских газет в начале 20-х гг. Известно, что фашизм как политическое течение возник в Италии в конце 10-х гг., а затем распространился и в другие капиталистические страны. Итальянское слово *fascismo* (от *fascio* 'пучок прутьев, символический знак фашистской организации') было первоначально передано по-русски в форме *фачизм*:

Являются ли *фачисты* политической партией? Такой вопрос задает в Аванти от 27 января Джино Бальдези и отвечает на него отрицательно. *Фачизм* — это покорная буржуазии толпа вооруженных хулиганов... (Правда. 1921. 25 февр.)

Позднее укрепилась более правильная (итальянское сочетание *sc* перед *i* и *e* соответствует русскому *ш*) форма *фашизм*.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о функционировании иноязычной лексики в русской литературной речи 20-х гг.

Преобладающим в этот период был процесс освоения говорящими массами иноязычной лексики, заимствованной в дореволюционное время (главным образом — в самом конце XIX — в первое десятилетие XX в.), употреблявшейся в социально или профессионально замкнутых сферах. Заимствование новых слов было незначительным.

Функционирование иноязычной лексики в речи 20-х гг. характеризовалось двумя существенными чертами: 1) повышением частотности иноязычных слов в речи и 2) их вариативностью.

Вариативность лексическая заключается в функциональном и семантическом взаимодействии русского и иноязычного синонимов, а также старого и нового синонимичных заимствований.

Формально-грамматическая вариативность связана как с приспособлением к русской почве новой иноязычной лексики (ср. *авто*, *фачизм* — *фашизм*, *фильма* — *фильм* и др.), так и с освоением в речи иностранных слов, ранее локализованных в социальных и профессиональных сферах²⁵.

²⁴ Эта форма слова — *лонгшез* — встречается и в речи последующих лет, например: — Не дерзи, мальчик, — спокойно проговорил Арнольд, садясь рядом с *лонгшезом* отца (А. Карцев. Магистраль // Новый мир. 1934. № 8).

В дальнейшем она была вытеснена формой *шезлонг*, которая сохраняет структуру французского прототипа (*chaise longue*).

²⁵ Здесь не рассматриваются вопросы ложной (народной) этимологии, характерной для речи 20-х гг., поскольку они касаются в основном некодифицированных подсистем

ЗАЙМСТВОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х — 30-е ГОДЫ

Приблизительно со второй половины 20-х гг. намечается постепенная стабилизация норм русского литературного языка, в том числе и лексических²⁶. В связи с этим вариативность как характерная черта, свойственная употреблению иноязычной лексики в первое десятилетие после революции, утрачивает свою актуальность: дублетность русского и иноязычного слов устраняется путем их семантической и стилистической дифференциации, формальные варианты одного слова унифицируются и т. д.

Правда, надо сказать, что этот процесс был весьма медленным и имел, если можно так выразиться, свои рецидивы. Так, слово *фильм*, к концу 20-х гг. употреблявшееся уже преимущественно в форме мужского рода, иногда еще и в начале 30-х гг. встречалось в форме женского. Ср., например:

Сегодня и ежедневно художественно-исторический *фильм* «Обреченные» (Правда. 1930. 7 мая, объявление);

Скоро фильмсбыт Союзкино выпускает новый художественный говорящий *фильм* «Дела и люди» (Советское искусство. 1932. 21 авг.);

На вооружении — *фильм* (заголовок статьи, в тексте которой встречаются фразы): ...Произведено свыше 60 *фильм* (склонение по женскому роду), при постановке военно-технической *фильмы*, *фильма* консультировалась одним консультантом, сценарий *этой фильмы* написан... и т. п. (Советское искусство. 1932. 21 февр.).

В дублетных парах «старое — новое заимствования» и «русское — иноязычное слова» происходит процесс вытеснения одним словом другого, а также намечается семантическое размежевание внутри некоторых пар. Так, к началу 30-х гг. выходят из употребления слова *радиотелеграф*, *таксомотор* (вытесненные формами *радио* и *такси*). Слово *кинематограф* приобретает более узкий смысл, чем *кино*, и начинает употребляться исключительно в значении 'вид искусства'. О семантической дифференциации этих слов, только еще начинавшейся в рассматриваемый период, дает некоторое представление сочетаемость каждого из них с другими словами в тексте. Ср. примеры употребления слов *кинематограф* и *кино* в книге В. Пудовкина «Актер в фильме» (Л., 1934):

языка (просторечие, диалекты, профессиональные аргю). Интересный материал, иллюстрирующий это явление, содержится в книге [Шпильрейн и др. 1928].

²⁶ Ср.: «В 30-е годы, когда уже сложилась новая советская интеллигенция, происходит известная стабилизация лексических норм» (Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1961. С. 13).

Споры о взаимоотношении *кинематографа* и театра, о необходимости всестороннего освоения *кинематографом* театральной культуры, о проблеме актера в театре и кино — большей частью разрешались неправильно потому, что в основу этих споров не ставилось единственно правильное понимание возникновения *кинематографа* как момента развития театра («безразличное» употребление обоих слов). Этот последний пример не относится непосредственно к актерской работе, но он показывает всю важность и значительность трактовки звука и изображения не в их примитивной натуралистической связи, а в более глубокой, я бы сказал, реалистической связи, которая помогает творческому *работнику кинематографа* раскрывать любое явление не только в прямом его показе, но и в глубочайшей его обобщенности. Утверждение необходимости дробления игры актера на монтажные куски началось с узкотехнической режиссерской трактовки приемов, которые *режиссер кино* использовал для создания картины вообще. В *немом кино* мы могли удалять все постороннее, требовавшееся актеру только для помощи в его игре... В *звуковом кино* дело обстоит как будто труднее.

В лексической паре *аэроплан* — *самолет* более регулярным становится *самолет*; слово *аэроплан* употребляется реже, а ко второй половине 30-х гг. оно переходит на положение спорадически употребляемого синонима к слову *самолет*, находящегося на периферии лексической системы²⁷.

Правда, следует заметить, что активизация употребления одного слова (*самолет*) и постепенное вытеснение его синонима (*аэроплан*) из общелитературной и специальной речи происходили не совсем стихийно. О стремлении внести ясность в применение этих терминов, дифференцировать их в зависимости от того содержания, которое они имеют в речи летчиков и самолетостроителей, свидетельствуют такие, например, высказывания специалистов:

«*Самолет* — это родовое понятие, а *аэроплан*, *планер*, *геликоптер* и др. — отдельные виды самолета. Такой формулировке несколько не должно противоречить то обстоятельство, что ныне все аэропланы именуется в эксплуатации самолетами, наоборот, надо полностью проводить последний термин везде: и в общей литературе, и в быту, применяя термин *аэроплан* лишь для тех случаев, когда надо указать именно на технический тип машины. Другое решение

---

²⁷ Устойчивости слова *аэроплан* способствовало наличие в языке и употребительность других образований с элементом *-план*: *биплан*, *моноплан* и т. п. После того, как в самолетостроении возобладал тип моноплана, необходимость в разграничении других типов стала историей, историей сделались и все перечисленные выше названия. Любопытно, что употребление слова *аэроплан* сохранилось в речи людей старшего поколения; ср.:

Молодец! Вы, кажется, и на *аэроплане* летали?.. Мне тоже хочется на *аэроплане* пролететь (запись беседы с ткачихой 62 лет; 1961 г.; материалы фонотеки Института русского языка АН СССР, ед. хранения № 101).

(т. е. признание полной тождественности в значениях *самолета* и *аэроплана*) менее удовлетворительно, потому что: 1) тогда пришлось бы выдумать новый термин для родового понятия; 2) слово *самолет* не имеет в себе абсолютно никаких признаков, характеризующих именно аэроплан; наоборот, этим словом в равной мере можно назвать и планер, и вертолет, и другие машины»²⁸.

Слова *экспорт* и *импорт*, как уже отмечалось, к середине 20-х гг. терминологизировались, вытеснив из употребления (в тех же значениях) русские *вывоз* и *ввоз*, которые, в силу своей многозначности, не смогли противостоять семантически «простым» иноязычным терминам.

В речи конца 20-х — начала 30-х гг. уже не встречаются (или почти не встречаются) случаи семантически недифференцированного употребления форм единственного и множественного числа слов *кадры* и *аппарат*. Первое употребляется во множественном числе (*хозяйственные, партийные кадры*), второе — в единственном (*советский, государственный аппарат*).

Происходила семантическая, лексическая и формальная стабилизация и в других иноязычных словах, употребление которых в предшествующий период характеризовалось вариантностью (в том или ином отношении).

Наряду с процессами устранения вариативности, размежевания лексических дублетов и стабилизации иноязычной лексики в семантическом и формальном планах в русском языке второй половины 20—30-х гг. происходил и процесс заимствования новой иноязычной лексики.

Этот период отмечен появлением в русском языке новых технических и научных терминов, которые из специальных и профессиональных сфер проникают в общее употребление.

Если в предшествующий период происходило освоение общелитературным языком и массами, приобщавшимися к литературно-нормированной речи, иноязычной общественно-политической, экономической и философской лексики, то теперь такому освоению подвергаются иные группы иноязычных слов, главным образом научно-техническая и производственная терминология²⁹.

²⁸ Вейгелин К. О воздушной терминологии // Вестник воздушного флота. 1935. № 2. С. 27. — Ср. с этим замечание С. О. Карцевского, сделанное им в начале 20-х гг.: «... *Самолет* в значении *аэроплан* (по типу *самокат*, т. е. *велосипед*) не привилось» [Карцевский 1923: 26].

²⁹ «Терминология наук, связанная с отражением действительности, с развитием общей культуры, выходит именно с 30-х годов далеко за пределы словоупотребления специалистов. Языковой базой этой лексики являются заимствования, словообразования разных типов (вплоть до аббревиатур) и реже метафорические преобразования и местные слова» (Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1961. С. 7).

Это в известной мере было связано с изменениями, происходившими в общественной жизни страны: реконструкция народного хозяйства, индустриализация, появление новых отраслей науки и промышленности, научные изобретения и открытия — все это обуславливало появление новых слов — обозначений новых объектов и отношений.

Другую группу иноязычных слов составляет лексика, не связанная с появлением новых реалий; это слова, заимствование которых и освоение в языке сопровождается процессом их семантического и стилистического размежевания с близкими по смыслу и употреблению исконными или ранее заимствованными словами.

Слова — обозначения новых предметов и явлений

Большую часть этой группы слов составляет лексика конкретная: названия всевозможных машин, механизмов, приспособлений, а также слова, обозначающие новые способы в производстве чего-либо, усовершенствования и т. п.

Численность рассматриваемых заимствованных слов сравнительно невелика. Однако в процессе иноязычного заимствования в 20—60-е гг. рассматриваемый отрезок времени (конец 20-х — 30-е гг.) занимает заметное место, так как именно в этот период русский язык пополнился техническими и — в меньшей степени — спортивными и бытовыми терминами, которые затем укрепились в языке, а многие из них стали общеупотребительными. Ср., например, такие слова (в разной степени распространенные в речи 30-х гг.), как *глицсер*, *детектор*, *зуммер*, *комбайн*, *конвертер*, *контейнер*, *лейка* (фотоаппарат), *нейтрон*, *пандус*, *пикап*, *планетарий*, *протектор*, *рентген*, *репродуктор*, *ротатор*, *ротор*, *рубероид*, *сleding*, *слябинг*, *стенд*, *танкер*, *танкетка*, *телевидение*, *телевизор*, *телевизия*, *телетайп*, *траулер*, *триер*, *троллейбус*, *тюбинг*; *пексы*, *регби*, *слалом*, *спиннинг*; *джаз*, *скетч*; *джемпер*, *маникюр*, *пижама*, *пуловер* и др.

Многие из этих слов (в особенности технические и научные термины) в настоящее время являются интернациональными. Однако, поскольку известны источник и время их появления в русском языке, целесообразно рассматривать эти слова как заимствованные из живых языков, а не как «не имеющие родины» интернационализмы.

Лексика, анализируемая в настоящем разделе, в меньшей степени, чем слова, не связанные с обозначением новых реалий, нуждается в иллюстрациях, показывающих ее употребление в русском языке, так как сама конкретность, «вещность» каждого слова, связанность его с тем или иным предметом определяют терминологическую стабильность его значения. Однако в некоторых случаях интересны примеры, свидетельствующие о вхождении слова в употребле-

ние, содержащие объяснение его смысла и т. п. Поэтому при конкретном анализе слов, который дается ниже, иногда приводятся примеры, иллюстрирующие употребление того или иного неологизма.

Некоторые слова рассматриваемой группы были употребительны довольно короткое время; это объяснялось в основном неязыковыми причинами: устаревание технического изобретения, обозначаемого соответствующим иноязычным словом, сужение сферы его применения и т. п. В особенности это касается наименований американских машин типа «фордзон»³⁰, «катерпиллер», «повер» и т. п. Ср.:

Прошло 10 дней после «крайнего срока», а пятая часть «фордзонов» все еще стоит на «кладбище» МТС (Известия. 1931. 5 апр.);

Этой весной на полях «Гиганта» работают гусеничные тракторы фирмы «Cater-Pilar»... Какие же части и детали изготовляли для «большого катерпиллера»? (Комсомольская правда. 1931. 4 апр.);

...Свежей воды подлить в радиатор. Вместо овса — в бак горючего. И машина, работе рада, знай себе гусеницы накручивает... Тут не только нашему брату, тоже и им нелегко достается... «Катерпиллер» — по-нашему катер, интер значит «Интернационал»³¹ (М. Зенкевич. Машинная страда // Новый мир. 1931. № 6);

В публике, с интересом наблюдающей американский способ мощения, постоянное движение, сочувственные возгласы, одобрительные реплики.

— Слышь, товарищ, как зовется машина?

— Повер, говорят. Американская.

— Так-с. Повар, так повар. Ловко жарит, — цельная кухня, можно выразить-ся... Оно, конечно, пора.

— Что пора?

— Да этого, повара. Разве тут руками управишься? Сто лет камень вбивали, а теперь дергай его, как зубы с рота, в пятилетку-то... Ни в жизнь бы не управиться без машины... (Правда. 1930. 21 мая).

Подавляющее большинство слов, связанных с обозначением новых объектов и явлений, группируется в первый тип заимствованных слов, т. е. в разряд слов, структурно не отличающихся от их иноязычных прототипов (слова без морфологической субституции и без грамматических формативов, свидетельствующих о приспособлении слова к грамматической системе заимствующего языка).

³⁰ Слово *фордзон* находим в СИС-1933. С пометой *нов. с.-х.* оно зафиксировано в словаре Ушакова (Т. 4. 1940); однако в конце 30-х гг. оно уже, по-видимому, выходило из употребления.

³¹ «Интернационал» — также марка трактора. Ср.:

...Мимо Новосреднего [села] проходили шесть «интернационалов», запахивая новосредненские делянки (С. Третьяков. Бабий бунт).

При рассмотрении заимствованных слов в настоящей работе указывается первая фиксация слова в толковых словарях и словарях иностранных слов. Такое указание необходимо, так как в большинстве случаев первая лексикографическая регистрация слова есть своего рода сигнал о начале его функционирования в речи. Однако к данным словарей следует подходить с достаточной осторожностью, так как они нередко отстают в фиксации неологизмов.

Кроме того, по-видимому, нельзя использовать различного рода специальные словари и справочники и энциклопедии в качестве источников, указывающих на время вхождения слова в литературный язык. Ср. справедливое замечание Ю. С. Сорокина: «...Не служит достаточным указанием на время истинного заимствования слова и его фиксация в специальных справочных изданиях... Такое слово мы можем скорее называть иностранным, чем собственно заимствованным» [Сорокин 1965: 62].

Наиболее достоверные данные о времени появления иноязычного слова в языке и укреплении его в лексической системе литературного языка можно получить, учитывая самые разнообразные источники: словари, речевое употребление слова (иногда с содержащимися в самом тексте указаниями на новизну, начало употребления); сведения об истории самого обозначаемого явления или предмета, рассмотрение данного слова в связи с другими словами, образующими определенную тематическую или семантическую группу, и т. д. Правда, собрать все подобные сведения о каждом слове — чрезвычайно сложная задача ³²; в ряде случаев мы можем располагать лишь некоторыми данными. В соответствии с этим и степень достоверности утверждений о времени появления того или иного иноязычного слова в русском языке — различна. Перехожу к анализу слов рассматриваемой группы.

Автожёр (автожёр) — летательный аппарат с вращающимися на вертикальной оси крыльями и спускающийся по вертикальному направлению (ср. современное *вертолет* ³³). Заимствовано из французского языка (*autogyre* или *autogire* — от греч. αὐτός, αὐτό ‘сам’ и γύρος ‘круг’). Впервые лексикографически зафиксировано в СИС-1933 и в СУ ³⁴ (Т. 1. 1935) без пометы *нов.* Лю-

---

³² Ср. в связи с этим замечание Ф. Е. Корша: «...Для исследования словарных заимствований нет таких специалистов, которые по той или другой группе языков или по той или другой части истории культуры не оказались бы дилетантами, хотя, может быть, и очень сведущими и способными для отдельного случая пополнить свои знания в чуждой им области науки...» [Корш 1907].

³³ Слово *вертолет* укрепились в языке не сразу (по-видимому, во второй половине 40-х гг.). В 30-х гг. специалисты возражали против введения этого слова в оборот в качестве термина (см.: *Вейгелин К.* О воздушной терминологии...).

³⁴ См. «Список сокращений».

бопытно, что в БАК (Т. 1. 1950) это слово снабжено пометой *нов.* Ср. с этим его употребление в начале 30-х гг.:

В САСШ построен самый большой в мире *автожир* (Знание — сила. 1933. № 3—4).

В настоящее время вышло из употребления.

Автостра́да — автомобильная дорога со специально оборудованными въездами и съездами, не пересекаемая поперечными дорогами и переездами. Заимствовано из итальянского языка (итал. *autostrada* от *auto-mòbile* + *strada* ‘дорога’). Это слово вошло в употребление с 30-х гг. как название нового для России типа дорог, которые начали строиться в связи с развитием автомобилестроения и интенсификацией автомобильного движения. Ср.:

Мы поехали по Чуйскому тракту, который был уже (в 1936 г.) разработан в прекрасную *автостраду* (В. А. Обручев. Мои путешествия по Сибири. М.; Л., 1948).

Впервые слово *автострада* отмечено в СУ (Т. 4, дополнения).

Глиссер — плоскодонное быстроходное судно с пропеллером. В этой форме заимствовано, по-видимому, из английского (*glisser*), однако существовало и в форме *глиссёр* как заимствование из французского (*glisseur* — букв. ‘скользящий’ — от *glisser* ‘скользить’). Впервые зафиксировано в СИС-1933 в форме *глисер* и *гидроглисер*, а затем в СУ (Т. 1) в обеих формах. Ср. пример, отражающий начало употребления этого слова:

ЦАГИ создал и внедрил в производство легкий тип торпедных катеров, состоящих на снабжении нашего военного морского флота, — так называемые *глисеры*... (Наука и жизнь. 1934. № 1).

Демпинг — продажа товаров на иностранном рынке по искусственно заниженным ценам при повышенных ценах на внутреннем рынке с целью вытеснения конкурентов. Заимствовано из английского (*dumping* — от *to dump* ‘сбрасывать’). Носовая фонема <г>, обозначаемая графически сочетанием согласных букв *ng*, произносится в русском как сочетание звуков *н* и *г* (в слабой позиции как *нк*). См. ниже аналогичные по структуре слова на *-инг*.

Впервые слово *демпинг* зафиксировано в «Литературной речи» В. З. Овсяникова (1933). Ср.:

Борьба за рынки сырья, сбыта, *демпинг*, высокие, подчас непереходимые таможенные барьеры — все это приняло более острую форму (В. В. Куйбышев. Статьи и речи. Т. 5. М., 1937);

Шплит повторил известную клевету врагов Советского Союза о «красном *демпинге*» и сказал, что Советский Союз строит свое хозяйство для того, чтобы

при помощи красного *демпинга* уничтожить цивилизованный мир (Труд. 1931. 3 сент.).

Детектор — прибор для преобразования поступающих в приемник колебаний высокой частоты в колебания низкой частоты, часть радиоприемника. Заимствовано из английского (англ. *detector* от лат. *detector* 'открыватель'). Впервые отмечено в СИС-1928, а затем в СИС-1933 и в СУ (Т. 1) с пометой *радио*. Впоследствии (30-е и особенно конец 40-х — начало 50-х гг.) расширило сферу своего употребления. Появившееся в конце 40-х гг. слово *детектор* в значении 'детекторный приемник' (употребляется преимущественно в разговорной речи) является не семантическим развитием заимствования, а самостоятельным образованием, получившимся в результате процесса «включения», которому подверглось словосочетание *детекторный приемник*. Ср.: *детектив* в значении 'детективный роман, фильм и т. п.', *транзистор* в значении 'транзисторный радиоприемник', 'приемник на транзисторах' и под.

Джаз и *джаз-бэнд* — оркестр, составленный из особо подобранных инструментов, преимущественно ударных и шумовых. Заимствованы из английского языка (*jazz* и *jazz band*). Впервые зафиксированы в СИС-1933, а затем в СУ (Т. 1). Первоначально в русском языке оба слова воспринимались как экзотические, поскольку у нас не было самих реалий, ими обозначаемых. Затем первое из них укрепилось в языке, дав производные *джазовый*, *джазист*, *джазировать* — ср.:

Крохотный, на батарейках приемничек тихо, хрипловато *джазировал* (Юность. 1963. № 11), —

а второе стало малоупотребительным и в настоящее время почти не встречается. Ср. нарочитую «ложную этимологизацию» второй части этого слова в повести Е. Ржевской «От дома до фронта»:

Так вот всегда: приходит Петька Гречко со своей «*джаз-бандой*», мы поем, что-то выделяем ногами, читаем стихи (Новый мир. 1965. № 11).

Джемпер — вязаная шерстяная кофта без застежек, надеваемая через голову и плотно облегающая корпус. Заимствовано из английского (англ. *jumper*). Впервые отмечено в СИС-1933, а затем в СУ (Т. 1). Первоначально была употребительна и форма *джермпр*. Ср.:

За 20 дней августа артель дала стране 22 тыс. метров ткани, 1500 *джермперов* (Известия. 1932. 13 сент.);

Она вошла в комнату, переделась в будничное платье: серенькая юбчонка, голубой *джермпер*, мягкие туфли (Ф. Гладков. Энергия, ч. IV);

Оранжевый *джермпр*, еж на вершине, Красный ботинок, обшитый шиной (И. Сельвинский. Пушторг, III);

Не в чулках джерси, подпирая *джемпр*, ты гуляй в шерсти кангуров и зебр...
(С. Кирсанов. На шот шубы).

Кафетерий — кафе с автоматическими и полуавтоматическими приспособлениями для получения кушаний³⁵. Заимствовано из английского языка как название американского новшества, быстро распространившегося в разные страны (англ. *cafeteria* — по-видимому, от испанского *cafetero* ‘хозяин кафе’³⁶). Первоначально это слово имело форму женского рода *кафетерия*, которая ближе к оригиналу, чем укрепившаяся позднее форма мужского рода. Для освоения слова *кафетерия* — *кафетерий* в русском языке характерен путь от экзотизма к заимствованному слову, который часто проходят иноязычные слова — обозначения новых реалий. Ср. такие примеры:

Там [в Америке] почти все здания включают ресторан или кафе, которые устроены или на принципе обычно ресторанном, с подачей пищи на стол, или на принципе *кафетерии* (американское новшество, столовая с самообслуживанием, где все кушанья и питье выставлены на тарелочках и в стаканах, и каждый берет себе сам, что ему нужно) (Труд. 1929. 23 марта);

По всем авеню расположены коробки так называемых *кафетерий*, механических столовых... (Б. Пильняк. О’кей. М., 1933);

От капиталистической *кафетерии* навряд ли можно что-либо заимствовать для социалистического города (Революция и культура. 1930. № 13);

В распоряжение Главнарпита прибыла группа американских рабочих и специалистов. Они привезли... оборудование для *кафетерия* (кафе с механической подачей кушаний) (Правда. 1932. 5 дек.);

В первом квартале (1936 года) в Ленинграде откроется первый *кафетерий* по типу западноевропейских (Ленинградская правда. 1936. 1 янв.).

Впервые слово *кафетерий* отмечено в СУ (Т. 4, дополнения).

Ковбой — в западных районах США — конный пастух, пасущий стада в степях. Англ. *cowboy* — от *cow* ‘корова’ и *boy* ‘мальчик, парень’; буквально — ‘коровий парень’. Ср.:

...На перевале видели ковбоев. Оказывается, это очень прозаично: *ков-бой* — коровий бой, коровий мальчик — пастух. Пастух, который охраняет коров вер-

³⁵ В современной торговой практике, а отсюда и в общем (непрофессиональном) употреблении кафетерием часто называют небольшое кафе, где можно быстро «перекусить». При этом признак «с автоматической или полуавтоматической подачей кушаний» не играет существенной роли.

³⁶ Семантическое развитие от испанского к английскому не совсем ясно. В БАК указано «исп.[анское] *cafeteria*» как источник слова *кафетерий* в русском. Однако в испанском нет исконного слова *cafeteria*; оно заимствовано вместе с соответствующей реальией из American English.

хом на лошади, в старину ловивший одичавшую скотину со своих мустангов при помощи лассо и подстреливавший соседей-индейцев, а теперь оставивший себе от старины широчайшие панталоны, зонтикообразную шляпу да двустволку для зайцев (Б. Пильняк. О'кэй. Американский роман. М., 1933).

Впервые зафиксировано в СИС-1933. Для русского языка это слово — экзотизм. Однако оно послужило базой для образования слова *ковбойка*, прочно вошедшего в словарь русского языка.

Коктейль — напиток, приготовленный путем смешивания разных спиртных изделий с сахаром и пряностями (англ. *cocktail*). Первая словарная фиксация — СИС-1933. Первоначально это слово ощущалось как экзотическое. Ср.:

Американские молодые люди часов в пять брались за *коктейли*, за обедом уничтожали все столовое вино (В. Маяковский. Америка);

Американцы любят пить смеси из различных крепких напитков — *коктейли* (И. Эренбург. В Америке).

В настоящее время употребляется в русском языке в качестве заимствованного слова; возможны даже случаи переносного употребления слова *коктейль*. Например:

«Женщина-змея» — *коктейль* из истерии, ужасов и раздеваний (Комсомольская правда. 1963. 24 февр.).

Комбайн — сложная машина, одновременно выполняющая работу нескольких машин (сельскохозяйственный комбайн, угольный комбайн). Заимствовано, вероятно, из английского (англ. *combine*). Из толковых словарей это слово впервые зафиксировано в СУ (Т. 1); однако несколько раньше оно было включено в словник «Русско-армянского словаря» (Т. 1. 1933)³⁷, а также отмечено в СИС-1933 (только в «сельскохозяйственном» значении). В речи конца 20 — начала 30-х гг. было распространено употребление этого слова главным образом в значении 'сельскохозяйственная уборочная машина' (*угольный комбайн* был принадлежностью сугубо технической области). Слово быстро укрепилось в языке, стало общеизвестным; возникла даже возможность употреблять его переносно³⁸. Ср.:

Начав с культфургона, мы кончим *культкамбайном*, т. е. формой всесторонней культработы на колесах (Правда. 1930. 17 мая).

³⁷ Этот словарь любопытен тем, что русский словник его составлен без влияния словаря Ушакова, тогда как все последующие двуязычные словари, издававшиеся у нас, ориентировались в этом отношении на словник ушаковского словаря.

³⁸ Систематическое рассмотрение фактов переносного употребления и переосмысления заимствованных научных и технических терминов в настоящей работе не дается; см. об этом: [Капанадзе 1966].

Впоследствии слово *комбайн* стало употребляться и в более широком значении: 'техническое устройство, в котором объединены приспособления, выполняющие разные функции': ср. *радиокомбайн*, *кухонный комбайн* и т. п. (подробнее об истории употребления слова *комбайн* см. в работе [Оразова 1966]).

Комбинезон — костюм, представляющий собой соединение куртки и брюк. Заимствовано из французского языка (франц. *combinaison* 'сочетание, комбинация; комбинезон'). Впервые отмечено в СУ (Т. 1).

Конвейер — устройство для непрерывного перемещения обрабатываемого изделия от одной операции к другой или для транспортировки грузов. Заимствовано из английского языка (англ. *conveyer* от *to convey* 'перевозить, транспортировать'). Впервые отмечено в СИС-1933, а затем в СУ (Т. 1).

Первые конвейеры начали применяться у нас в конце 20-х гг.³⁹ Слово быстро вошло не только в специальное употребление, но и в общелитературную речь, дав производные *конвейерщик*, *конвейерный*, *конвейеризация* и употребляясь в переносном значении 'непрерывный поток, непрерывное движение'. Ср. следующие примеры:

У конвейера за работой во время воскресника на ф-ке «Парижская коммуна» (подпись под фотографией) (Комсомольская правда. 1929. 10 окт.);

Обожжен газом конвейерщик Гладицын (Правда. 1930. 20 марта);

Действительно, из конвейера американских дорог никуда не вырвешься! (Б. Пильняк. О'кей).

Конвертер — 1) вращающаяся печь грушевидной формы для получения литой стали из расплавленного железа; 2) преобразователь тока. Заимствовано из английского (англ. *converter* — от лат. *convertere* 'изменять, превращать'). Впервые зафиксировано в СИС-1933 в форме *конвертер* и в СУ (Т. 1) в форме *конвертор*⁴⁰ (очевидно под влиянием слов на *-тор*, образующих в русском языке довольно обширную группу). Однако с самого начала слово употреблялось и в форме *конвертер*. Ср.:

И сразу: вырастет жара и, гордо подняв горловину, *конвертер* будет пожирать неудержимую лавину (П. Панченко. Конвертер // Комсомольская правда. 1929. 16 марта).

³⁹ Любопытен такой пример:

В Америке изобретена печь *Конвеер*, т. е. непрерывно движущаяся дорожка (Вечерняя Москва. 1924. 31 окт.). Передача типа печи как ее собственного названия объясняется здесь, видимо, не только тем, что был недостаточно понят соответствующий английский текст, но также и тем, что само слово *конвейер* еще совершенно незнакомо говорящим по-русски в начале и середине 20-х гг.

⁴⁰ Ср. БАК (Т. 5), где даны обе формы — *конвертер* и *конвертор*.

Контейнер — специальный ящик, приспособленный для перевозки грузов без упаковки. Заимствовано из английского (англ. *container* — от *to contain* ‘вместать’). Впервые отмечено в СУ (Т. 1). Ср. один из первых случаев употребления этого слова в общелитературной речи:

В Америке и Европе широко распространены перевозки грузов в так называемых *контейнерах*. *Контейнер* — стандартный металлический или деревянный ящик. Товары, предназначенные к перевозке, погружаются в этот ящик непосредственно в пунктах производства этих товаров... Конструкция советского *контейнера* уже разработана. Это однотонный *контейнер* системы инженера Оружейникова... (Комсомольская правда. 1932. 20 янв.).

Лейка — тип фотоаппарата. Заимствовано из немецкого языка, где это слово является аббревиатурой: *Leika* — от *Leitzkamera* — по названию фирмы «Leitz». Впервые зафиксировано в СУ (Т. 2. 1938). На русской почве элемент *-а*, принадлежащий основе немецкого *Leika*, был осмыслен как окончание именительного падежа слова женского рода. Ср.:

Мы пошли в фотомагазин и купили *лейку* (В. Каверин. Два капитана);

В школу и на квартиру приходили молодые люди — корреспонденты и фотографы с *лейками* (Ф. Гладков. Мать);

В то время на берегу стоял Ритсланд с *лейкой* в руках и жадно фотографировал эту забавную картинку (В. С. Молоков. Три полета. Л., 1939).

Маникюр — специальная чистка и полировка ногтей на руках. Заимствовано из французского (франц. *manicure* — от лат. *manus* ‘рука’ и *curare* ‘заботиться’). Впервые зафиксировано в СИС-1933, а затем в форме *маникур* — в СУ (Т. 2. 1938).

Метро — городская железная электрическая дорога, обычно подземная. Это слово было заимствовано из французского вслед за заимствованием слова того же значения *метрополитен* (франц. *métro* — сокращение слова *métropolitain*); вошло в широкое употребление и сделалось обиходным в связи со строительством в Москве первой очереди метрополитена (1932—1934). Первоначально употреблялось, согласуясь с определениями и сказуемыми не только в среднем, но и мужском роде (вероятно, под влиянием ранее заимствованного *метрополитен*). Ср., например:

Лозунг: «Построим лучший в мире *метро*», взывавший к сознанию каждого рабочего, — это было то, что организовало изготовление бетона — костей и мяса тоннеля (Рассказы строителей метро. М., 1935);

К этому празднику мы должны добиться таких успехов, которые позволят нам на своих плакатах написать: «*Метро будет построен* в срок» (Как мы строили метро. М., 1935).

Слово *метрополитен* в современном русском языке — книжный, «официальный» вариант общеупотребительного *метро* (о соотношении этих слов во французском языке см. [Rey-Debove 1964]).

Впервые оба слова зафиксированы в СИС-1933, а затем в СУ (Т. 2, 1938).

До заимствования слов *метро* и *метрополитен* в русском языке при описании лондонского, берлинского и др. метро употреблялся немецкий термин *Untergrund(bahn)* или слова *подземная* и *подземка*, образованные под влиянием немецкого образца — ср. их сходную морфологическую структуру. Например:

...Вся подпочва Лондона изрезана туннелями, по которым мчатся поезда электрической подземной дороги. Немало работников занято на этих *подземных* — «ундергрундах» (Труд. 1924. 19 авг.).

Ср. также употребление слова *подземка* по отношению к московскому метро, еще только проектировавшемуся в конце 20-х гг.:

...Какая-нибудь вековая сосна на берегу Волги и не подозревает, что на ней, горемычной, будет напечатан роман, который через десяток лет будет читать шустрая москвичка, сидя в вагоне *подземки* (Вокруг света. 1927. № 5).

Нейтрон — частица атомного ядра, электрически нейтральная. Нейтрон был открыт в 1932 г. английским физиком Дж. Чедвиком. Название происходит от лат. *neutrum* — букв. ‘ни то, ни другое’. Русским языком заимствовано из английского (англ. *neutron*). Первая лексикографическая фиксация — СУ (Т. 2. 1938) с пометой *нов.*

Педикюр — специальная чистка и полировка ногтей на ногах и срезывание мозолей. Заимствовано из французского (франц. *pédicure* — от лат. *pes, pedis* ‘нога’, *curare* ‘заботиться’). Впервые зафиксировано в СИС-1933, а затем в СУ (Т. 3. 1939).

Перманент — долго сохраняющаяся завивка волос. Заимствовано из французского языка, где слово *permanent*, помимо адъективного значения ‘постоянный, непрерывный’ имеет и субстантивное значение ‘специальная завивка волос’ и употребляется в качестве существительного женского рода. В русском языке это слово изменило родовую соотношенность (как и подавляющее большинство заимствований из французского с основой на согласную) и склоняется по парадигме мужского рода.

Любопытно, что в СУ (Т. 3. 1939), где это слово впервые зафиксировано, оно дано и как неизменяемое прилагательное, и как существительное. В настоящее время это слово употребляется только как существительное (ср. БАК. Т. 10).

Пикап — небольшой полугрузовой автомобиль для перевозки грузов и пассажиров. Заимствовано из английского языка (англ. *pick-up* от *to pick up* ‘под-

нимать') с перенесением ударения на второй слог; посредство какого-либо языка, повлиявшее на смену места ударения, не установлено (ср. франц. *pick-up*, заимствованное из английского с другим значением 'адаптер, звукозаписывающее устройство'). Впервые отмечено в СИС-1937. В СИС-1933 отмечено слово *пикап* в специальном значении, которое не получило распространения в общелитературном языке: 'приспособление, присоединяемое к комбайну (уборочной машине) с целью подбирать сжатый хлеб и передавать его в молотильный аппарат машины'.

Пинг-понг — настольный теннис. Заимствовано из английского языка (англ. *ping-pong*). Впервые отмечено СИС-1933. Начало употребляться у нас, по-видимому, с конца 20-х гг., когда стала известной и получила широкое распространение сама игра. Ср:

...пинг-понг является настоящим поветрием, эпидемией, своего рода помещательством, охватившим всю ту неорганизованную, межклассовую прослойку населения, которую мы привыкли называть мелкобуржуазной, мещанской средой (Труд. 1928. 21 февр.).

Пуло́вер — род свитера без воротника. Заимствовано из английского (англ. *pullover* — от *to pull over* 'натянуть поверх, сверху'). Впервые отмечено в СУ (Т. 3).

В нелитературной речи иногда употребляется в «ложно-этимологизированной» форме *полувер* (см. об этом: Б. Тимофеев. Правильно ли мы говорим? Л., 1962).

Рэгби — вид игры в мяч неправильной яйцеобразной формы. Заимствовано из английского языка (англ. *rugby* — от названия города, где родилась эта игра). Впервые отмечено в СИС-1937.

Первоначально это слово ощущалось как экзотизм, поскольку у нас не была принята сама игра. Регулярное употребление слова *регби* как заимствованного начинается приблизительно с 50-х гг., когда в СССР началось развитие этого вида спорта.

Сило́с — 1) сочный корм для скота, получаемый заквашиванием трав; 2) специальное помещение для хранения большого количества такого корма. Заимствовано из испанского (исп. *silo* 'подземное овощехранилище; подвал; силосная башня; силос'), причем в русский язык вошла форма множественного числа испанского слова *silos*, которая в нашем языке, конечно, не ощущается как грамматический дериват от *silo* (ср. заимствование этого слова другими языками: нем. *Silo*, англ. *silo* ['*sailou*], употребляющиеся в тех же значениях, что и в русском). Впервые отмечено в СИС-1933.

Скетч — небольшая пьеса шуточного содержания с острыми занимательными положениями. Заимствовано из английского (англ. *sketch* 'эскиз, набросок; беглый очерк, отрывок; скетч'). Впервые отмечено в СИС-1933.

Слалом — скоростной спуск с горы на лыжах с преодолением ряда искусственных препятствий. Заимствовано из норвежского (норв. *slalom* — от *sla* ‘склон’ и *lom* ‘след’). Хотя это слово впервые отмечено в СИС-1933, в 30-е гг. оно было малоупотребительным (вследствие слабого развития этого вида спорта ⁴¹). Начало активного употребления слова *слалом* относится к концу 40-х — началу 50-х гг., когда слово вышло за пределы узкоспециальной (спортивной) речи и вместе со своими производными *слаломист*, *слаломный* стало широкоупотребительным. Ср.:

Само название *слалом*, обозначающее по-норвежски «извилистый след», говорит о характере этих соревнований. Лыжник должен быстро съехать с горы, пройдя через все фигуры и не свалив флажков (Вечерняя Москва. 1953. 5 янв.);

На стр. 117 предлагается статья «Совершенствование мастерства преодоления *слаломных* трасс»... (Правда. 1953. 7 мая).

Слябинг — крупный прокатный стан. Заимствовано из английского языка вместе со словом *сляб* ‘стальная прямоугольная плита, получаемая из слитка путем прокатки на слябингах и блюмингах’ (англ. *slabing* — от *slab* ‘плита, пластина’). Оба слова специальные по своему употреблению.

Это один из редких случаев, когда в заимствующем языке оказывается возможным морфологическое членение одного заимствованного слова путем сопоставления его, с одной стороны, с его производящей основой, которая заимствована одновременно с производной и функционирует также в качестве самостоятельного слова, и, с другой, со словами аналогичного значения, структура которых включает общий звуковой комплекс (в данном случае *-ing*; ср. *блюминг*, *тюбинг*, *крекинг* и т. п.).

Впервые слово *слябинг* отмечено в СИС-1937. Слово *сляб* имеет более узкие специальные рамки употребления; поэтому в лингвистических словарях оно не фиксируется (ср. фиксацию его в «Большой советской энциклопедии», 2-е изд.).

Спіннинг — специальная рыболовная снасть, состоящая из удилица и укрепленной на нем вращающейся катушки с леской. Заимствовано из английского языка (англ. *spinning* — от *to spin* ‘вращать, -ся, вертеть, -ся’). Впервые отмечено в СИС-1933.

⁴¹ Ср.:

Первые правила соревнований по *слалому* были разработаны в 20-х годах нашего столетия тренером английского лыжного клуба А. Лаппом. Наибольшее распространение *слалом* получил вначале в Австрии, Франции, Италии (среди жителей гор), позднее он развился в других европейских государствах, а также на Американском континенте и в Японии... Впервые первенство СССР по *слалому* было проведено в 1934 г. в Свердловске... (Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. М., 1961—1963. Т. 3).

Стенд — 1) специально оборудованное место, установка для сборки машин; 2) щит, на котором выставляются для обозрения какие-либо экспонаты, вывешиваются диаграммы и т. п.; 3) специально оборудованное место для спортивных и учебных стрельб дробью по летящим мишеням-тарелочкам. Заимствовано из английского (англ. *stand*). Впервые отмечено в СУ (Т. 4. 1940) в первых двух значениях и в формах *стенд* (*стэнд*) и *станд*. Ср.:

Он [рабочий] получил ожог, находясь на испытательном *стенде* при выпуске турбины (Правда. 1930. 11 июня);

Слесарь Тимофеев вышел из тени и повел на испытательный *стенд* собираемые турбины (30 дней. 1931. № 1).

В третьем, «спортивном» значении слово *стенд* было заимствовано, по-видимому, позднее.

Тандём (англ. *tandem* ‘цугом, гуськом’). В двух своих значениях это слово является узкоспециальным: 1) порядок расположения в одном агрегате одинаковых машин или их частей последовательно друг за другом на одной геометрической оси; 2) паровая машина с таким расположением рабочих цилиндров. В третьем значении (‘велосипед с двумя ведущими механизмами и с двумя седлами, расположенными одно за другим’) слово *тандем* первоначально было также специальным и малоупотребительным, первая словарная фиксация — СИС-1928. Затем, с развитием соответствующего вида спорта — велосипедных гонок на тандемах, оно начинает употребляться довольно часто и, как это нередко случается со спортивными терминами, теряет узкоспециальную прикреплённость. В связи с этим у слова *тандем* появляется возможность расширительно-переносного употребления, правда в рамках спортивной же речи. Ср.:

Отборочный комитет объявил, что в тех весовых категориях, где американцы не имеют шансов попасть в зачетную олимпийскую шестерку, участники выставлены не будут. Взамен выступают *тандемы* в двух других категориях (очевидно, в полутяжелой и тяжелой) (Советский спорт. 1964. 25 авг.).

Танкер — грузовое нефтеналивное судно. Заимствовано из английского (англ. *tanker* — от *to tank* ‘наливать в бак’, ‘сохранять в баке’⁴²; ср. *tank* ‘цистерна, бак, резервуар’). Впервые отмечено в СИС-1933.

Телевизор — прибор для приема изображения на расстоянии и демонстрации этого изображения на экране. Заимствовано из английского (англ. *television*). Впервые отмечено СИС-1937. Ср.:

---

⁴² Суффикс *-er* в английском языке образует существительные со значением лица или предмета, производящего действие, присоединяясь к основам глаголов (см.: *Смирницкий А. И. Лексикология английского языка*. М., 1956. С. 107). Ср. неправильное указание на производящую основу в БАК (Т. 15): *танкер* — англ. *tanker* — от *tank* ‘бак, цистерна’.

Аппараты Белена носят название «*телестереографов*», чтобы указать, что в принципе прибора лежит использование рельефа изображения (Вестник знания. 1925. № 1).

Телетайп — буквопечатающий телеграфный аппарат. Заимствовано из английского (англ. *teletype*). Впервые отмечено в СУ (Т. 4. 1940).

Тонфильм. Уже словарь Ушакова отмечал это слово как «вышедшее из употребления название звукового фильма». Заимствовано из немецкого (нем. *Tonfilm*). Ср.:

В иных павильонах за заборами здравствует ледяная тишина, ибо там снимаются *тонфильмы*, когда записывается звук тиканья карманных часов (Б. Пильняк. О'кэй. Американский роман. М., 1933);

Вспоминается случай с Чаплином, долго и упорно противившимся введению *звукового фильма* в Америке (Советское искусство. 1932. 27 февр.);

Обычно музыка в наших *звуковых картинах* трактуется только как аккомпанемент, идущий в неизбежном монотонном параллелизме с изображением (В. Пудовкин. Актер в фильме. Л., 1934).

Траулер — морское рыболовное судно, предназначенное для ловли рыбы тралом и первичной ее обработки. Заимствовано из английского (англ. *trawler* — от *to trawl* 'тащить (сети) по дну'; 'ловить рыбу траловыми сетями' — ср. русский глагол *тралить*, образованный от заимствованного *трал* 'специальная сеть для ловли рыбы'). Впервые отмечено СИС-1933.

Триер — машина для сортировки и очистки семян. Заимствовано из французского (франц. *trieur*), по-видимому, через посредство немецкого (нем. *Trieur*), в котором это слово имеет ударение на первом слоге. Впервые отмечено СИС-1933. Ср. один из примеров наиболее раннего употребления этого слова в газете:

Дорогу советскому *триеру*! Воронежский завод «*Триер*» существует немногим более года... (Правда. 1930. 1 марта).

Троллейбус — заимствовано из английского языка (англ. *trolleybus* — от *trolley* 'контактный ролик' и *bus* 'автобус')⁴³. Впервые отмечено в СИС-1937. Ср. од-

⁴³ Первые в Советском Союзе троллейбусы начали рейсы в Москве 5 ноября 1933 г. (Вечерняя Москва. 1948. 3 нояб.). Ср. следующее описание этих машин, в котором слово *траллейбус* еще не употребляется:

...В Англии широкое распространение получили электрические омнибусы — *электробусы*. Электрические двигатели этих машин, снабженных роликом, укрепленным на крыше кузова, питаются от двухпроводной сети. Не будучи связаны с рельсовыми путями, такие *электробусы* в противоположность трамваю обладают благодаря длинному стержню, на котором укреплены токоприемные ролики, большой маневроспособностью... (30 дней. 1931. № 5—6).

нокоренные заимствования *троллей*, *троллейкара* и образованное на русской почве *троллейвоз*, имеющие узкоспециальное употребление.

Тюбинг — металлическая или железобетонная плита в форме сегмента, часть водонепроницаемого цилиндрического крепления шахт и тоннелей. Заимствовано из английского (англ. *tubing* — от *to tube* ‘заключать в трубу, придавать трубчатую форму’; ср. *tube* ‘труба, тюбик’). Впервые отмечено СИС-1933. В неспециальной речи появилось в употреблении, по-видимому, в связи со строительством метро в Москве в начале 30-х гг. Ср.:

Мы приступали к укладке в тоннель чугунной оболочки — *тюбингов*. Пассажир метро не видит теперь этих *тюбингов*, они спрятаны под штукатуркой, как ребра спрятаны у человека под кожей (Как мы строили метро. М., 1935).

Эскимó — мороженое в шоколаде. Заимствовано из французского языка (франц. *esquimaú* 1) ‘эскимос’; 2) ‘эксимосский’; 3) ‘сорт мороженого, эскимо’). Впервые отмечено в СУ (Т. 4).

Вторую группу слов, связанных с обозначением новых объектов и явлений, составляют слова, заимствование которых сопровождается изменениями в их морфологической структуре, в частности, «добавлением» к иноязычному слову русских грамматических элементов, которые оформляют слово по определенной модели, включая его в тот или иной грамматический класс слов, в ту или иную парадигму.

Во второй половине 20-х — 30-х гг. русским языком заимствованы такие, например, слова этого рода.

Авиётка — небольшой самолет с двигателем малой мощности. Заимствовано из французского (франц. *aviette*) и оформлено с помощью предметного суффикса *-к(а)* (см. ниже *танкетка*). Впервые зафиксировано в СИС-1933, а затем в СУ (Т. 1) с пометой *нов*. В настоящее время не употребляется в связи с устарением самой реалии.

Бутсы — специальные ботинки для игры в футбол. Заимствовано из английского: англ. *boots* — мн. ч. от *boot* — ‘ботинок, сапог’. Элемент *-s* в русском языке отнесен к основе; слово, употребляющееся у нас преимущественно во множественном числе, оформлено с помощью форматива *-ы* — окончания именительного падежа множественного числа имен существительных как мужского, так и женского рода с твердой основой.

Впервые слово зафиксировано в СИС-1933, а затем в СУ (Т. 1) в формах *бутсы* и *буцы*.

Первые случаи употребления в речи этого слова в неспециальном (спортивном) значении зафиксированы в текстах 20-х — начала 30-х гг. В приводимых ниже примерах *буцы* употребляются как обозначение грубых, тяжелых ботинок:

Я молод. Когда сниму *буцы*, рваную куртку, промысловую войлочную шляпу и надену утконосые ботинки и всю прочую амуницию... — получается европейский человек первого сорта! (Правда. 1927. 13 авг.);

— Может быть, я помешал? — спросил человек в *буцах*. — У нас летучка, — грубо заметил глава [учреждения]. — Тогда я могу уйти. — Хорошо. Идите (Человек в буцах: фельетон // Советское искусство. 1932. 21 февр.).

В настоящее время в качестве письменно-нормативной принята только форма *бутсы*, форма *буцы* в письменной речи не употребляется.

Спидометр — прибор, измеряющий скорость движения автомобиля и пройденное им расстояние. Заимствовано из английского: англ. *speedometer* — от *speed* ‘скорость’ и греческого по происхождению (μετρέω) элемента *-meter*, выступающего в английском в качестве словообразующего элемента при образовании слов аналогичной структуры (ср. *taximeter* и др.). При заимствовании вторая часть английского слова была передана как *-метр* — по аналогии со словами такого типа, существующими в русском, — ср. *амперметр*, *вольтметр* и т. п. Впервые отмечено в СИС-1933.

Танкетка — малый быстроходный танк. Заимствовано из французского (франц. *tankette*) и оформлено в русском с помощью суффикса *-к* и флексии *-а*. Это слово представляет собой типичный пример оформления в русском французских заимствований женского рода (ср. *авиетка*, *таблетка*, *сарделька* и т. п.; подробнее об этом см. [Громова 1956]). Впервые отмечено в СУ (Т. 4. 1940).

Телевизия, *телевидение*. В конце 20-х — начале 30-х гг. в русском языке появилось слово *телевизия*, представлявшее собой заимствованное и оформленное «на русский лад» (с заменой сочетания *-ion* сочетанием *-ия* — одна из моделей оформления заимствованных слов: ср. *резолуция* — *résolution*, *петиция* — *petition* и т. п.) английское слово *television*. Ср.:

Как человек стал великаном? Книга о том, как наука и техника удлиннили наше зрение (телескоп, *телевизия*), слух (телефон, радио)... (М. Горький. Литературе — детям! // Известия. 1933. 11 июня).

В СИС-1933 и СУ (Т. 4. 1940) отмечены обе формы. Слово *телевидение* было образовано путем субституции элемента *-vision* (*-визия*) более «понятным» для говорящих по-русски комплексом *-видение*⁴⁴; в самом начале 30-х гг.

⁴⁴ Этот комплекс превратился впоследствии в словообразующий элемент подобно тому, как это произошло и с иноязычным соответствием *-vision*. Ср. более поздние новообразования: *Intervision* — *интервидение*, *Eurovision* — *Евровидение* и, только русское, *космовидение*. «Этого слова нет еще ни в одном словаре. Но оно не вызывает лингвистических споров и не требует перевода на другие языки» (Советское космовидение. № 2, киножурнал).

телевидение стало вытеснять из употребления первоначальный вариант (*телевизия*). Ср. активное употребление слова *телевидение* в речи тех лет:

Закончилась всесоюзная конференция по *телевидению* (Правда. 1931. 26 дек.);

Принимают передачи советского *телевидения* не только в Англии, но и в других странах (Известия. 1933. 24 февр.);

Кого вы обслуживаете? — Звуковую кинематографию... радиофильм, *телевидение*... — Как — и *телевидение*? (Советское искусство. 1932. 15 июня).

Любопытно, что слова *телевидение* и *телевизия* появились у нас позднее, чем стало известно — по крайней мере в среде специалистов — само изобретение. Первоначально его называли *дальновидение*, а приемный аппарат — *дальнотелоскоп*, т. е. калькировали соответствующие английские названия. Ср.:

Так картинно описывает начало своего посещения лаборатории *дальновидения* проф. Ф. Дженкинса американский корреспондент... (Вестник знания. 1925. № 5);

Развитие радио вызвало усовершенствованную передачу изображений на расстоянии. Так как наибольшее распространение это изобретение получило в Англии и Соединенных Штатах, то международным словом стало название этого изобретения, данное на английском языке — *телевижен*. По-русски это слово неправильно переводят так: *телевидение*. Правильнее было бы перевести *дальновидение*, а аппарат — *дальнотелоскоп*. Постепенно эти два слова проникают в техническую и общую литературу (30 дней. 1931. № 2).

Разумеется, эти слова-кальки были обречены, подобно шишковским и далевским изобретениям типа *мокроступы*, *тихогромы*, *двоица*, *ловкосилие* и т. п. Тенденция к интернационализации лексики, в особенности научной и технической терминологии, интенсивно действующая в «новое время», сыграла свою роль и в том, что русским языком были усвоены международные термины *телевидение* и *телевизор*, а искусственные образования из исконных элементов не прижились.

Слова, не связанные с обозначением новых реалий

Большая часть слов этой группы — отвлеченная лексика; однако значительный процент составляет лексика конкретная.

Что представляют собой эти слова в семантическом отношении?

В отличие от лексики, относящейся к первой группе, слова рассматриваемой категории называют то, что уже имело в заимствующем языке какое-то обозначение. Но заимствованное слово либо заменяет исконное словосочетание, либо вступает в синонимические отношения с исконным (или ранее заимствованным) словом, специализируя одно из его значений или превращая в са-

мостоятельное значение семантический оттенок, присущий этому наименованию.

Так, например, вряд ли можно считать, что слово *джем* было заимствовано вместе с реалией. Вероятно, «варенье из протертых фруктов, ягод» было известно и раньше, но оно не имело специального однословного наименования, которое появилось с заимствованием из английского языка слова *jam*.

Точно так же слово *сейф* (первая словарная фиксация — СИС-1933) заменило описательное выражение *несгораемый шкаф* (англ. *safe* — конверсивное образование ⁴⁵ от *safe* ‘безопасный, надежный’); слово *снайпер* (первая словарная фиксация в СИС-1937) — словосочетание *меткий стрелок* и т. д.

Заимствование другого рода слов сопровождалось, как уже было отмечено выше, семантическим размежеванием с соответствующими исконными синонимами, специализацией тех или иных значений. Так, иноязычное *приоритет* (нем. *Priorität* ‘первенство’, первая словарная фиксация в СИС-1928) — это не просто первенство, но ‘первенство в каком-либо открытии’ и, кроме того, — ‘преобладающее, первенствующее значение чего-либо’ (значения приводятся по БАК); *путч* (из нем. *Putsch*, первая словарная фиксация в СИС-1933) — не (государственный) переворот вообще, но ‘авантюристическая попытка заговорщиков совершить государственный переворот’; начало регулярного употребления этого слова у нас связано с освещением событий, происходивших в 1932—1933 гг. в Германии.

Слово *сервис* (англ. *service*), появившееся в употреблении в 30-е гг. (первая словарная фиксация в СИС-1933), не было дублетом к русскому *обслуживание*. Оно утвердилось в нашем языке в значении ‘совокупность учреждений и мероприятий по обслуживанию населения в повседневных бытовых нуждах и созданию всевозможных удобств для него’ (СУ. Т. 4). Первоначально это слово ощущалось как экзотизм, и его употребляли преимущественно при описании зарубежной жизни; впоследствии оно стало заимствованным словом. Ср.:

Сервис по-польски (заголовок). В Польше магазины доставляют покупателю проданные вещи на дом, безжалостно эксплуатируя нищих стариков (Вокруг света. 1938. № 9);

...Вы берете трубку телефона, стоящего слева от двери, просите «сервис» и говорите, что в «сервидоре» (так называется такая дверь) висит ваше платье. Ночью филенку из коридора бесшумно открывают специальным ключом, платье уносят, а утром оно висит на месте вычищенное... Я так подробно остановился на *американском сервисе* потому, что в данном случае меня больше интересует то, что американцы делают хорошо, а не то, что они делают плохо (А. К. Буков. Об архитектуре. М., 1960, книга написана в 1943—1944 гг.).

⁴⁵ О словопроизводстве путем конверсии в английском языке см.: Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.

«С любовью к людям» — вот девиз *советского сервиса*. Советский сервис — это не только обслуживание, но прежде всего акт человеколюбия. Не только школа красоты, удобства в быту, но и школа воспитания высоких человеческих чувств (Известия. 1962. 3 марта);

...Они урвали время от своего отдыха, чтобы подумать сообща о том, как сделать *московский сервис* еще лучше (Жилищно-коммунальное хозяйство. 1963. № 11).

В структурном отношении слова, не связанные с обозначением новых реалий, также сравнительно однотипны. Большинство их принадлежит к разряду слов, совпадающих структурно с их иноязычными прототипами. К словам, оформленным грамматическими средствами заимствующего языка, относятся главным образом прилагательные и глаголы.

Слова, структурно совпадающие с их иноязычными прототипами

Кроме слов, приведенных выше (*джем, сейф, снайпер, приоритет, путч, сервис*), можно указать следующие:

Агрессор — нападающая сторона; захватчик; поджигатель войны. Заимствовано, по-видимому, из немецкого языка (нем. *Aggressor* — от лат. *aggredior* 'нападать'⁴⁶). Впервые отмечено в СИС-1933, а затем в СУ (Т. 1). Ср.:

Вслед за этим Советский Союз заключил с рядом стран конвенции об определении *агрессора* (нападающей стороны) (В. В. Куйбышев. Доклад «От VI к VII съезду Советов», 7.1. 1935 // В. В. Куйбышев. Статьи и речи. М., 1937);

И, как всегда, когда применяется провокация, *агрессор* старается действовать внезапно, не теряя времени (Правда. 1937. 1 июня).

Бизнес — дело, приносящее выгоду. Заимствовано из английского (англ. *business*). Впервые зафиксировано в «Литературной речи» В. З. Овсянникова (1933):

Бизнес — слово, заимствованное из лексикона американских коммерческих дельцов; означает вообще в широком смысле 'дело, дающее доход'. В современный литературный советский обиход вошло как символ голого практицизма, чисто деляческого, «американского» подхода к делу.

Первоначально это слово употреблялось как экзотизм; ср.:

...Потом англичанин идет на свой *бизнэс* (дело), каждый англичанин — «*бизнэс-мэн*»... (Б. Пильняк. Английские рассказы. М.; Л., 1924);

⁴⁶ Любопытно, что слова *агрессия* и *агрессивный* были заимствованы раньше (ср. фиксацию их в дореволюционных словарях иностранных слов).

Человек из России был уже немолод; английские туманы, *бизнэс* и стриты, где все дома, как один, — крепко отложились на нем... (там же);

Все *бизнес* — дело, — все, что растит доллар. Получил проценты — *бизнес*, обокрал, не поймали — тоже (В. Маяковский. Нью-Йорк)⁴⁷.

Благодаря своему значению слово *бизнес* получило в те годы в нашем языке отрицательный оттенок⁴⁸, который сохранился и даже усилился и тогда, когда слово стали применять не по отношению к заокеанским дельцам. Ср., например:

Общественность предъявляет счет и нашей промышленности, предприятиям, выпускающим культтовары. Даже мелкие неполадки здесь немедленно используются жуликами. Вот хотя бы названные выше «фабриканты» грампластинок. Вопреки распространенному мнению они делают *бизнес* не на выпуске рок-н-роллов... По своим взглядам они приближаются к духу частнокапиталистического предпринимательства — все эти спекулянты, мошенники и безусые *бизнесмены* у гостиниц (весьма примечательно лексическое окружение, в котором находятся здесь слова *бизнес* и *бизнесмен*) (Литературная газета. 1960. 27 сент.).

Слово *бизнесмен*, появившееся в употреблении в одно время со словом *бизнес* (впервые отмечено также «Литературной речью» В. З. Овсянникова: «Бизнесмен — делец американской складки»), было семантическим дублетом к исконно русскому *делец*. Однако его отличала от последнего «американизирован-

⁴⁷ О новизне слова *бизнес* (во всяком случае — о необычности его в бытовой речи) даже еще в 40-е гг. свидетельствует, например, следующий диалог, в котором малознакомый англицизм переводится с помощью немецкого (действие происходит в Германии в конце войны) слова *гешефт*:

— Оказывается, товарищ гвардии майор, те заводы разбомбили не немцы, а паны-американцы, — заговорил, наконец, Хома о том, что грызло его всю дорогу.— Налетели как будто в последний час и трахнули! Как по-вашему, это у них *бизнес* или не *бизнес*?

Воронцов удивленно посмотрел на Хому.

— Где вы это слово поймали?

— Оно давно при мне, — спокойно соврал подолянин.

— За плечами его не носить... Только до сих пор не понимаю, что оно значит.

Гешефт?

— Что-то вроде этого, — ответил Воронцов...

(А. Гончар. Знаменосцы, кн. III).

⁴⁸ Ср. случай намеренно нейтрального употребления этого слова в сборнике конструктористов «Бизнес»:

В издании Госиздата вышла книга под названием «Бизнес», что в переводе с английского значит «дело» (Комсомольская правда. 1929. 2 марта).

ность», экзотичность, иная сфера употребления (главным образом — публицистика; слово *делец* употребительно и в разговорной речи). Кроме того, в иноязычном слове, по-видимому, была ярче выражена отрицательная экспрессия⁴⁹.

Бум — шумиха, сенсация, искусственное оживление (в политике, торговле, промышленности и т. п.). Займствовано из английского языка (англ. *boom* 'шумиха, шумная сенсация'). Впервые отмечено в СИС-1933. Первые случаи употребления этого слова в русском языке относятся, по-видимому, к началу 30-х гг. Ср.:

Не так давно в Италии с огромным рекламным *бумом* прошла пьеса «Майское поле», написанная самим Бенито Муссолини (Советское искусство. 1932. 27 авг.);

По сравнению с апрелем и маем положение значительно ухудшилось. Наблюдавшийся в апреле и мае, по выражению одного экономического журнала, *бумчик* был вторым по счету... (Правда. 1934. 22 окт.).

Гарáнт — поручитель, дающий гарантию. Займствовано из французского языка, вероятно, через посредство немецкого (ср. сохранение конечного *t*, не произносимого во французском *garant*). Впервые отмечено в СИС-1933. Это термин политического словаря; употребителен в дипломатических текстах, а также в газете. Например:

...Пацифистские комбинации скрывают за собой стремления отдельных империалистических государств... упрочить свое положение при помощи дополнительной системы политических соглашений, которые обеспечили бы им роль *гарантов* всеобщего мира (Правда. 1930. Июнь).

Демáрш — действие, выступление (главным образом дипломатическое), имеющее целью добиться уступок у противной стороны. Займствовано из французского (франц. *démarche* 'выступление, действие, демарш'), возможно, через посредство немецкого языка. Впервые отмечено в СИС-1933.

Детектíв — сыщик, агент сыскальной полиции (в капиталистических странах). Впервые отмечено в СИС-1928. По-видимому, слово появилось в русском

---

⁴⁹ Это, однако, не исключает случаев, когда в эти годы было возможно нейтральное употребление слова *бизнесмен*. Правда, это ощущалось скорее как некоторое отклонение от нормы, как необычное для литературной речи использование стилистически окрашенной лексической единицы. Ср.:

За круглым столом — *бизнесмены* (заголовок); «Есть возможность для расширения советско-канадской торговли...» К этим выводам пришли участники конференции круглого стола — влиятельные представители деловых кругов Канады и видные советские экономисты, эксперты по внешней торговле и научным исследованиям (Известия. 1964. № 114).

языке в связи с переводной детективной литературой и заграничными детективными фильмами — т. е. произведениями, героями которых были сыщики, детективы. Ср., например:

До сих пор мы еще не изучили, что же делает рабочий подросток в свободное время, чем заполнены вечера, что привлекает его на пьяные домашние вечеринки, на *детективные картины*, на бульвар и в пивную (Комсомольская правда. 1926. 6 февр.).

В конце 20-х — начале 30-х гг. *детектив* употребляется преимущественно в описаниях зарубежной жизни (главным образом английской и американской). Затем в употребление входит слово *детектив* в значении 'детективное произведение', возникшее как результат процесса «включения», которому подверглось словосочетание «детективный роман (фильм и т. п.)»⁵⁰ и являющееся по существу омонимом иноязычного слова *детектив* (сыщик).

Ср., например:

Повесть о революции незаметно превращается в традиционный *детектив* с примесью идиллического детского романа (Правда. 1934. 15 авг.).

Пацифизм — проповедь мира, осуждение всяких войн (как захватнических, так и освободительных). Заимствовано из французского, по-видимому, одновременно со словом того же корня — *пацифист* (сторонник пацифизма) (франц. *pacifisme, pacifiste*). Впервые слово *пацифизм* отмечено в СИС-1928. Оба слова начинают употребляться в политической публицистике, по-видимому, с конца 20-х — начала 30-х гг. с отрицательным оттенком, обусловленным самим отношением у нас к обозначаемому этими словами явлению. Ср.:

Подготовка войны под флагом *пацифизма* (Правда. 1930. 8 июня);

Но наша эпоха не была бы эпохой *пацифизма*, если бы одновременно не столкнулись и две «пацифистские» системы. Англия и Америка вступают в спор не только по вопросу о том, как вести войны, но и о том, как организовать «мир» (Правда. 1928. 6 сент.);

Вне ленинского понимания войны легко скатиться в *пацифизм*, в ремаркизм, или игру в «солдатики» (Советское искусство. 1932. 21 февр.);

Снова показались *пацифисты* и троцкисты, требуя «мира во что бы то ни стало» (И. Эренбург. Десять дней, которые не изменили мира // Известия. 1939. 28 марта).

⁵⁰ В пользу предположения о том, что это самостоятельное образование, а не одно из значений слова, говорит и факт отсутствия во всех европейских языках слова *детектив* в значении 'детективное произведение' (подробнее см. об этом: Вопросы культуры речи. Вып. 6. М., 1965).

Пилотаж — искусство управления самолетом. Заимствовано из французского (франц. *pilotage*). Впервые отмечено СИС-1933. Ср.:

В эту цену входили трехмесячное обучение *пилотажу*, пилотская лицензия и страховка жизни (Известия. 1933. 9 февр.).

Пилот, от которого образовано это слово во французском, было заимствовано русским языком в XIX в. со значением 'лоцман'. Только в 10—20-х гг. XX в. *пилот* начинает употребляться в значении 'летчик', а в конце XX в. еще и в значении 'водитель спортивного автомобиля'. Изменяет свое значение и глагол *пилотировать*, который употреблялся в XIX в. в значении 'вести корабль (о лоцмане)'. Таким образом, в летной терминологии создается гнездо, состоящее из родственных слов, заимствованных в разное время и претерпевших изменения в своих значениях.

Призёр — участник состязания, получивший приз. Заимствовано из французского (франц. *priseur*). Впервые отмечено СУ (Т. 3. 1939). Употребляется преимущественно в «спортивных» жанрах речи (ср. типичные словосочетания *призер чемпионата Европы, третий призер первенства страны* и т. п.).

Рейд — 1) набег, налет подвижных военных сил в тыл противника; 2) внезапная проверка, производимая группой активистов. Слово заимствовано — с первым значением — из английского (англ. *raid*); второе значение развилось в русском языке. Впервые зафиксировано СИС-1933. Любопытно, что *рейд* 'водное пространство вблизи берега, предназначенное для якорной стоянки судов', вошедшее в русское употребление в XVIII в., заимствовано из голландского языка. Оно является омонимом заимствования из английского.

Рекордсмен — спортсмен, установивший рекорд в каком-либо виде спорта. Заимствовано из английского (англ. *recordsman*)⁵¹. Впервые отмечено СИС-1933⁵². Это слово специализировало одно из значений ранее заимство-

---

⁵¹ Английские слова на *-man* при заимствовании их русским языком изменяют место ударения: с первого слога ударение переходит на конечный; ср.: *sportsman* — *спортсмен*, *recordsman* — *рекордсмен*, *businessman* — *бизнесмен* и т. п. В связи с этим вызывает возражение то, что М. Олехнович поместил слово *лайнсмен* (англ. *linesman* — 'судья на линии') в ряд слов, у которых место ударения совпадает с местом ударения в прототипе (см. его статью «Теоретические основы разноместности и неподвижности русского ударения» // Русский язык в национальной школе. 1965. № 6). Несмотря на то, что *лайнсмен* не принадлежит к словам, прочно вошедшим в лексическую систему русского языка, в акцентно-произносительном отношении оно, по-видимому, не должно отличаться от аналогичных существительных с элементом *-мен*.

⁵² Спорадически оно могло встречаться и раньше, особенно в профессиональной среде. Ср., например:

С появлением лучших типов истребителей эти аппараты давали, конечно, *рекорд-*

ванного *чемпион*: *рекордсмен* — не просто победитель в каких-либо соревнованиях, но человек, добившийся лучшего результата в определенном виде этих соревнований (например, участвуя в соревнованиях по штанге, — в отдельном движении: жиме, толчке, рывке). *Рекордсмен* может не быть чемпионом и наоборот: с одной стороны, добившись рекорда в одном виде соревнований, спортсмен показывает не лучшие результаты в остальных, а, с другой, победителем (т. е. чемпионом) в состязании может выйти человек, не побивший ни одного прежде установленного рекорда.

Такое размежевание в значении и в употреблении слов *чемпион* и *рекордсмен* отчасти объясняет, почему последнее укрепилось в языке ⁵³.

Репортаж — информация, рассказ о текущих событиях, публикуемый в печати или передаваемый по радио. Заимствовано из французского языка (франц. *reportage* ⁵⁴). Впервые отмечено СИС-1933. Начало употребления этого слова относится к концу 20-х гг.

Роллер — то же, что детский самокат. Заимствовано из английского (англ. *roller* 'ролик'). Впервые отмечено в СУ (Т. 3. 1939). Характерно, что слово не сохранилось в нашем языке (сейчас оно существует, по-видимому, лишь словарно) — скорее всего из-за того, что оно было дублетом к уже существовавшему *самокат* ⁵⁵).

Спринт — бег на короткие дистанции; *спринтер* — спортсмен, специалист по спринту. Оба слова заимствованы из английского (англ. *sprint, sprinter*). Впервые отмечены в СИС-1933 и СУ (Т. 4. 1940). Ср.:

Десять *спринтеров* пробегут внутри колонны, финишируя у большого макета значка ГТО (Труд. 1938. 24 авг.).

Спурт — резкий рывок (в беге, велосипедной гонке и т. п.). Заимствовано из английского (англ. *spurt*). Впервые зафиксировано в СИС-1933, а затем в СУ (Т. 4).

сменам (Сведения и данные, сообщенные военными летчиками... Вып. 2. Пг., 1917).

Начало регулярного использования этого слова относится, по-видимому, к концу 20-х — 30-м гг.

⁵³ Как известно, А. П. Чехов возражал против слова *чемпион*. Он писал: «Я мирюсь в описаниях с “коллекским ассессором” и “капитаном второго ранга”, но “флирт” и “чемпион” возбуждают (когда они в описаниях) во мне отвращение» (Письмо к М. Горькому, 3.1. 1899 // А. П. Чехов. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 221).

⁵⁴ В Энциклопедическом словаре братьев Гранат, который из «нелингвистических» источников первым зафиксировал слово, дается неверное указание на прототип: англ. *reporter*.

⁵⁵ Ср. отношения слов *самокат* и *велосипед*, первоначально дублетов, из которых «устояло» иноязычное, а исконное изменило и сузило значение.

Следует заметить, что многие спортивные термины, в том числе и *спринт*, *спринтер*, *спурт*, заимствованные в 30-е гг., в то время оставались по преимуществу узкоспециальными, редко выходя за пределы спортивной терминологии на страницы газет, в публицистику и т. д. И лишь позднее, к середине 50-х гг., наблюдается заметная экспансия спортивной терминологии, активное использование ее в таких жанрах речи, как информация, очерк, статья в газете и т. п. не только в прямых, номинативных значениях, но также и переносно. Ср.:

«Динамо» отлично сыграло в Киеве, и можно рассчитывать, что на этом *спурт* чемпиона не закончится (Вечерняя Москва. 1960. 10 окт.);

Отлично *спуртует* на последних 200 метрах бельгийский спортсмен Хелеман (Правда. 1962. 4 мая);

Кальмаров, скорость движения которых достигает 70 км/час, можно поставить в первые ряды «*спринтеров* моря» (Наука и жизнь. 1963. № 11).

Тури́зм — 1) вид спорта — походы, имеющие целью физическую закалку организма; 2) вид путешествий, совершаемых для отдыха и с образовательными целями. Заимствовано из французского языка (франц. *tourisme* — от *tour* ‘обход; прогулка’) ⁵⁶; впервые отмечено в СИС-1933. Ср. один из ранних примеров употребления этого слова:

Товарищам, желающим заниматься *туризмом*, нужно организовать в группы (Труд. 1928. 14 февр.).

Слова, оформленные грамматическими средствами русского языка

Глаголы

В исследовании Н. С. Авиловой приводятся обширные списки глаголов с заимствованной основой, появившихся в русском языке в XX в. [Авилова 1967]. Однако лишь о немногих из них можно с достоверностью сказать, что это заимствования. Так, например, к глаголам, пришедшим в наш язык в конце 20-х—30-х гг., можно отнести следующие:

арми́ровать — скреплять железной арматурой (бетон); заимствовано из немецкого (нем. *armieren* ‘1) вооружать; 2) снабжать оборудованием; 3) армировать’); первая словарная фиксация — СИС-1933;

---

⁵⁶ В середине XIX в. было заимствовано однокоренное слово *турист* (франц. *touriste*), отмеченное в 3-м издании словаря В. И. Даля. В это же время окказионально — в связи со словом *турист* — могло употребляться и *туризм*, см. [Сорокин 1965: 137], однако регулярной лексической единицей последнее стало лишь в XX в.

дезориенти́ровать — ввести (вводить) в заблуждение, сообщая ложные сведения; ср. нем. *desorientieren*, франц. *désorienter*; первая фиксация — СУ (Т. 1);

дискримини́ровать — устанавливать стеснительный, неблагоприятный режим в отношении какого-либо государства или его граждан; заимствовано либо из немецкого (*diskriminieren*), либо из французского (*discriminer*); первая фиксация — СУ (Т. 1);

реконстру́ировать — перестраивать с целью улучшения, совершенствования; заимствовано из немецкого языка (нем. *rekonstruieren*); впервые отмечено в СИС-1933;

*стерилизова́ть*⁵⁷ — 1) уничтожать микроорганизмы кипячением, воздействием химических веществ и т. п.; 2) делать бесплодным; заимствовано, по-видимому, из немецкого языка (нем. *sterilisieren*); впервые отмечено в СИС-1933;

фальсифици́ровать — подделывать; заимствовано из немецкого языка (нем. *falsifizieren*); первая фиксация — СИС-1933.

В большинстве же случаев однозначный ответ на вопрос о том, что перед нами — заимствованное слово или результат образования на русской почве, — невозможен. Например, глагол *балластировать* можно соотнести и с нем. *ballastieren*, с франц. *ballaster*, и с существительным *балласт*, от которого, возможно, этот глагол был образован в русском языке (то же самое можно сказать в отношении слов *вакцинировать*, *брикетировать*, *гудронировать*, *декольтировать*, *нормировать*, *протоколировать*, *цементировать* и многих других, приводимых в указанной монографии Н. С. Авиловой); глагол *рационализировать*, появившийся в употреблении в конце 20-х — начале 30-х гг., можно сопоставить и с нем. *rationalisieren*, и со словами *рациональный*, *рационализм*, употреблявшимися в русском языке раньше, — ср. фиксацию их в дореволюционных словарях, например в СИС под редакцией И. А. Бодуэна де Куртене; слово *машинизировать* (первая фиксация — СИС-1933) могло быть и образовано от соответствующего существительного, и заимствовано из немецкого (нем. *maschinisieren*) и т. п.

Таким образом, поскольку в современном русском языке чрезвычайно развито образование глаголов от иноязычных имен с помощью суффиксов *-ировать*, *-изировать*, *-изовать*, а, с другой стороны, эти же суффиксы могут выс-

⁵⁷ Впрочем, и об этих глаголах как о заимствованных следует говорить с большой осторожностью. Они соотносительны с иноязычными именами того же корня (*арматура*, *дезориентация*, *дискриминация*, *реконструкция*, *стерилизация*, *стерильный*, *фальсификация*). На мысль же о том, что они заимствованы, а не получены словообразовательным путем, наталкивает наличие точных соответствий им в других языках, а также невыделяемость «в чистом виде» их производящих основ (ср. глаголы *бетонировать*, *асфальтировать*, *инвентаризировать* и т. п., где производящие основы могут быть выделены).

тупать в качестве оформляющих при заимствовании глагольных лексем из немецкого и французского языков, создаются довольно обширные группы глаголов, относительно которых нельзя с достаточной уверенностью говорить как о заимствованных или как об образованных на русской почве (см. об этом также выше — с. 67—71).

Прилагательные

Превентивный — предупреждающий что-либо; предохранительный. Заимствовано, по-видимому, из французского языка (франц. *préventif*) через посредство немецкого (нем. *preventiv*), оформлено в русском языке по модели оформления иноязычных (немецких и французских) прилагательных на *-tiv, -tif* (ср. *коллективный* из нем. *kollektiv*, франц. *collectif*, *активный* из нем. *aktiv*, франц. *actif* и т. п.). Впервые отмечено в СИС-1933; является специальным термином, употребляемым главным образом в дипломатических жанрах речи и в медицине. Позднее — в конце 50-х — 60-х гг. — начинает употребляться и в неспециальных текстах. Ср., с одной стороны:

К *превентивным* мероприятиям по существу следует отнести и первичную обработку ран (Н. Н. Бурденко. Собр. соч. Т. 7),

и, с другой:

По малейшему подозрению африканец может быть арестован без суда и следствия, так сказать, в *превентивном* порядке. А это *превентивное* заключение может длиться до 90 дней! (Неделя. 1963. № 38).

Рентабельный — оправдывающий расходы, целесообразный в хозяйственном отношении; выгодный. Заимствовано из немецкого (нем. *rentabel* 'доходный, выгодный'). Впервые зафиксировано в СИС-1933⁵⁸. Первые случаи его употребления относятся, по-видимому, к концу 20-х — началу 30-х гг. Ср. примеры только из одного номера газеты:

Сделать районную промышленность *рентабельной*... Предприятия этого комбината *нерентабельны*, *рентабельность* зависит от людей и постановки работы... (Известия. 1933. 9 февр.),

а также:

Детский театр *нерентабелен*... (там же. 1933. 18 марта).

Тотальный — всеобщий, всеобъемлющий. Заимствовано из французского (франц. *total* 'весь, полный'), по-видимому, через посредство немецкого, в ко-

⁵⁸ В СИС-1928 этого слова нет, но отмечено существительное *рентабельность*, являющееся производным от прилагательного.

тором это слово чрезвычайно активизировалось в начале 30-х годов в связи с подготовкой фашистской Германии к войне. В русском языке *тотальный* начинает употребляться с середины 30-х гг. как раз в связи с «германской тематикой». Ср.:

Определенные военные круги Германии мечтают о «нормальной» подготовке большой *тотальной* войны (Известия. 1936. 29 июля).

Транспортабельный — удобный или приспособленный для перевозки. Заимствовано из французского языка (франц. *transportable* — с тем же значением); впервые отмечено в СИС-1933.

Кроме рассмотренных слов, заимствованных во второй половине 20-х — 30-х гг. и в большинстве своем освоенных русским языком, в этот период были употребительны такие слова, которые либо характеризовали определенные стили речи⁵⁹, либо отражали индивидуальное и окказиональное словоупотребление (причем некоторые из этих окказионализмов активизировались в последующее время), либо были связаны с определенной, «заграничной» тематикой, актуальной в рассматриваемый период (экзотическая лексика).

Так, например, слова *анишлаг* (в значении ‘заголовок в газете’), *продюсер*, *эрзац* и некоторые другие, освоение которых русским языком происходит в последующие годы, окказионально употребляются уже в 30-е. Например:

...*Продюсер*⁶⁰, будучи прямым представителем хозяев, повседневно следит за ходом съемок (Известия. 1936. 12 июля);

Темные дома с высокими красными крышами. В магазинных витринах подделки, *эрзацы*⁶¹, хлам (А. Толстой. Черное золото // Новый мир. 1931. № 5).

⁵⁹ Интересны случаи употребления специальных терминов, свидетельствующие о вызванном теми или иными причинами кратковременном внимании общества или отдельных социальных групп к явлениям, вообще не представляющим собой жизненно важных или актуальных факторов. Ср., например:

По плану ЦРК сеть закрытых столовых должна постепенно охватить все рабочее население города. Для начала же открыли только две столовые. Они мало чем отличаются друг от друга... Обе они носят странную кличку — *гарманже*. Не подумайте, что это какое-нибудь ругательное слово. Вовсе нет. *Гарманже* — так называются специальные помещения для охлаждения пищи. Но это помещение при столовой железнодорожников настолько тесно, грязно и мало приспособлено для своих целей, что *гарманже* стало ругательным словом, тем словом, которое сейчас в Серпуховке является синонимом нечистоплотности, неуважения к своему труду, презрительного отношения к окружающим (Вечерняя Москва. 1930. № 253) [франц. *garde-manger* ‘кладовая, шкаф для провизии’].

⁶⁰ Англ. *producer* ‘постановщик, режиссер; хозяин или директор театра, киностудии’ (от *to produce* ‘производить, создавать’). *Продюсер* впервые отмечено в СИС-1954.

⁶¹ Нем. *Ersatz* ‘заменитель, суррогат’.

Ср. с этим более регулярное употребление *эрзац* в качестве самостоятельной лексической единицы (существительного), а не только в виде связанной морфемы (*эрзац-молоко*, *эрзац-товары*, *эрзац-валенки* и т. п.), наблюдавшееся в последующие, главным образом военные годы.

Слово *аншлаг*, заимствованное в значении 'афиша, объявление о том, что все билеты проданы'⁶² в конце XIX в., в речи 20-х — начала 30-х гг. встречается в «неправильном» значении 'заголовок, шапка в газете'. Например:

Помню, как в день выхода специального номера, посвященного итогам первого года пятилетки, группа работников редакции долго мучилась над *аншлагом* на первую страницу (Комсомольская правда. 1931. 14 апр.).

Предположение о том, что употребление слова *аншлаг* в этом значении объясняется влиянием семантики этого слова в современном немецком или каких-либо других европейских языках, не подтверждается данными соответствующих (двуязычных и толковых) словарей⁶³.

Об экспансии дипломатической, политической, финансовой и др. терминологий на страницы газет, в общем употреблении свидетельствуют следующие примеры:

Вашингтонское правительство нарочито *брюскировало*⁶⁴ (как говорят на благородном дипломатическом языке⁶⁵) британское правительство (Правда. 1928. 2 сент.; ср. там же: ...Дипломатические и политические круги Вашингтона сознательно «смущали» лондонское правительство);

Пресловутые трудности т. н. *трансфера*⁶⁶, т. е. перевода крупных сумм из государств-должников в страны-кредиторы, как-то внезапно оказались меньшими и даже просто «надуманными»... (там же. 1928. 18 сент.);

Утром заведующий экспортным отделом Союзнефти тов. Лотц сообщил министру Олафу:

⁶² Нем. *Anschlag* 'афиша, объявление' (одно из значений).

⁶³ Возможно, что значение 'заголовок' возникло в профессиональной среде газетчиков, печатников и т. п. как своего рода метафора: *аншлагом* называли не всякий заголовок, а крупный, основной, резко выделяющийся на газетном листе, а потому напоминающий объявление, афишу. Такое профессиональное употребление слова *аншлаг* распространилось и в литературной речи (однако толковые и другие нормативные словари не признали его).

⁶⁴ Нем. *bruskieren* 'обращаться резко, бесцеремонно'.

⁶⁵ Ср. также:

Осложняется вопрос об установлении окончательной цифры германской военной контрибуции, т. е. на современном лживом языке — *репараций* (Правда. 1928. 16 сент.).

⁶⁶ Нем. *Transfer* 'перевод (перечисление) в иностранной валюте'.

— 500 тонн авиабензина, имеющие быть погруженными на теплоход, поступят в самое ближайшее время, но сейчас погружены быть не могут.

...Капитан спокойно спросил:

— *Домредж?* (сноска: *Домредж* — уплата валютой за простой иностранных зафрахтованных пароходов)⁶⁷ (Комсомольская правда. 1931. 10 апр.);

Ареал книги (заголовок); В нашей стране ширится *ареал* — область распространения — земледелия, машин... Но всего быстрее раздвигается *ареал* книги (Известия. 1936. 27 дек.).

Некоторые из употребляемых в это время терминов явно окказиональны и отражают либо «активное двуязычие» говорящего (вернее — пишущего), либо влияние иноязычного оригинала. Ср.:

Основная проблема, которая интересует Шмидта, это — в какой мере можно, не нарушая «мирного» развития народного хозяйства страны [Германии], уже накануне войны достичь идеального *эффектива*⁶⁸ обеспечения внезапного уничтожающего удара... Перестройка с потенциала на *эффектив*, по расчетам Шмидта, должна занять не меньше месяца (Известия. 1936. 29 июля).

Экзотизмы, встречающиеся в текстах второй половины 20-х — 30-х гг., по своим значениям и употреблению связаны с событиями в капиталистических странах, с особенностями их политического устройства, обычаев и т. д. Примеры, которые приводятся ниже, свидетельствуют о том, что экзотическая лексика «привязана» не только к месту (т. е. связана с особенностями какого-либо народа), но и ко времени: те или иные слова, употребительные в данное время, могут бесследно исчезнуть из речи и в дальнейшем уступить место другим экзотическим элементам, характеризующим тот же период, ту же страну, но в иных отношениях и связях. Ср., например:

Полиция закрыла ряд пивных (*локалей*), где собираются гитлеровские штурмовики (Правда. 1935. 6 июня);

Генинг не знает, что он в засаде. Он... направляется в Голеншкипер. Там в маленьком *локале* он делает доклад для рабочих и крестьян-бедняков (Комсомольская правда. 1932. 12 мая);

В Берлине прошлой ночью произведена полицейская облава в коммунистических *локалах*. В одном клубе арестовано 24 человека (Вечерняя Москва. 1932. 8 авг.)⁶⁹;

⁶⁷ По-видимому, искажение английского *demurrage* [dɪmʌrɪdʒ] 'плата за простой судов, вагонов'. Ср. также:

Каждый человек в этом кабинете хорошо знал, что за простой пароходов платят *демураж* (по-книжному — *демеридж*) (К. Федин. Похищение Европы).

⁶⁸ Нем. *effektiv* 'эффективный, действенный' (субстантивное употребление этого слова в немецком языке словарями не отмечается).

⁶⁹ Нем. *Lokal* '1) помещение; 2) кафе, закусочная; трактир'.

В Италии, где искусство просто поставлено на службу фашистской политике, где всевозможные Чекки и Унтаретти создают поэмы, воспевающие дуче и *манганелло*⁷⁰ (резиновую дубинку)... (Советское искусство. 1932. 21 февр.);

Старые самурайские представления пьес на те же «маньчжурско-шанхайские» темы, систематическая эстрадная агитация *бенчи*⁷¹, этих японских киноконферансье... — все это говорит о гибком аппарате военной пропаганды в Японии (там же. 1932. 27 авг.).

Любопытно, что слово *конгресс*, воспринимаемое сейчас как вполне укрепившееся в русском языке, хорошо знакомое всем, в 30-е гг. ощущалось как экзотизм, требующий объяснения. Ср.:

Рузвельт предлагает *конгрессу* (парламенту) утвердить на срок до апреля 1936 г. небольшой штат НРА только для составления доклада... (Правда. 1935. 6 июня).

Чрезвычайно употребительным в конце 20-х — 30-х гг. было слово *просперити* (оно даже зафиксировано словарно — см. СИС-1933), фигурировавшее во многих статьях и книгах, посвященных Соединенным Штатам Америки. Ср., например:

Наши представления об Америке нередко создаются поверхностной литературой вульгаризаторов, рисующих Америку как страну непрерывного процветания (*prosperity*) (Комсомольская правда. 1929. 8 окт.);

...Усиливающийся в результате краха *просперити* напор Америки на Европу... заставляет европейских политиков метаться в поисках выхода (Правда. 1930. 8 июня);

Несмотря на *просперити* (процветание — противоположность кризиса), — в самые лучшие годы последнего *просперити* в Америке было от трех до трех с половиною миллионов безработных... (Б. Пильняк. О'кэй);

Больше всего успехов техника капитализма имеет в военном деле. Только в этой единственной области... царит прогресс, только в этой области существует так называемое *просперити* — благоденствие⁷² (В. В. Куйбышев. Статьи и речи. М., 1937).

Таким образом, во второй половине 20-х — 30-х гг. в связи со стабилизацией норм русского литературного языка, в частности лексических, лексическая и грамматическая вариативность постепенно перестает быть актуаль-

⁷⁰ Итал. *manganello* 'дубинка, палка'.

⁷¹ Японск. *бэнси* '1) оратор; 2) пояснитель фильмов (немых)'.

⁷² Обращает на себя внимание согласование определений с этим словом: форма среднего рода подсказана, безусловно, русскими словами, семантическими эквивалентами *просперити* (*благоденствие, процветание*).

ной чертой, характеризующей функционирование иноязычных слов в русском языке.

В этот период происходит освоение новых заимствований, которые относятся преимущественно к научной и технической терминологии. Среди новых заимствованных слов, составляющих две группы: слова — обозначения новых реалий и слова, не связанные с обозначением новых реалий, — преобладает лексика, осваиваемая русским языком без каких-либо существенных структурных изменений иноязычных образцов.

В текстах, относящихся (по времени) к рассматриваемому периоду, наблюдаются случаи употребления иноязычных слов, впоследствии не укрепившихся в языке. Одни из них связаны с обозначением ныне устаревших реалий (машин, изобретений и т. п.), другие отражают индивидуальное или окказиональное употребление лексики, относящейся преимущественно к политической и социально-экономической сферам.

В 30-е гг. отмечаются случаи употребления иноязычных слов, регулярное использование которых начинается в последующий период (ср. некоторые политические, военные термины). Такое случайное употребление иноязычной лексики не дает, по-видимому, достаточных оснований для того, чтобы считать эту лексику заимствованной русским языком 30-х гг. Освоение подобных слов, представляющих собой на первых порах иноязычные вкрапления, происходит лишь в результате установления более постоянных и прочных связей этих слов с лексикой использующего их языка, в связи с расширением сферы их употребления и т. п.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ЗАИМСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В 40-Е — НАЧАЛЕ 50-Х ГОДОВ

В намеченном периоде довольно четко не только в историческом, но и в языковом плане (см. об этом ниже) выделяются годы Великой Отечественной войны. Это, казалось бы, должно заставить рассматривать 40-е — начало 50-х гг. не как один, а как два различных периода.

Однако, как показывает анализ имеющегося материала, военные и послевоенные годы характеризуются общей тенденцией — отрицательным отношением общества ко всему иностранному и, в частности, к иноязычной лексике. Это неязыковое обстоятельство представляется чрезвычайно существенным для выяснения причин, которые повлияли на заметное ослабление процесса лексического заимствования в 40-е — начале 50-х гг. (по сравнению с предшествующим периодом).

Следствия указанной тенденции были разными в речи военных лет и в речи послевоенного времени: в первом случае наблюдается активное использование немецкой лексики как (в большинстве случаев) слов-экзотизмов и иноязычных вкраплений с резко сниженной, отрицательной экспрессивной и стилистической окраской; во втором случае — не только почти полное неприятие новых заимствований общелитературным языком и некоторыми техническими терминологиями, но и стремление заменить уже устоявшиеся и употребительные иноязычные слова их русскими эквивалентами (иногда специально для этой цели изобретаемыми).

Иноязычная лексика в русской речи периода Великой Отечественной войны

С первых дней войны на страницах газет, в радиопередачах, в публицистических и художественных произведениях наших писателей начинают употребляться немецкие слова, связанные с номинацией и характеристикой вражеской военной техники, структуры немецкой армии, особенностей политического строя гитлеровской Германии и т. п. В подавляющем большинстве случаев эти слова представляют собой экзотизмы или иноязычные вкрапления, часто используемые как отрицательное в экспрессивно-стилистическом отношении средство. Они не вошли в словарный состав русского языка, а остались историзмами, характеризующими речь определенного периода, тексты, связанные с описанием событий Великой Отечественной войны.

Лишь очень немногие из иноязычных слов, используемых в публицистике и художественной литературе военных лет, впоследствии закрепились в русском языке.

Так, например, слово *ас*⁷³ ‘выдающийся по летному и боевому мастерству летчик’ (первая словарная фиксация — СИС-1941), — первоначально упот-

---

⁷³ *Ас* заимствовано из французского языка через посредство немецкого. Во французском языке слово *ас* многозначно; в одном из своих значений оно употребляется в качестве названия одного очка на игральной карте. «В начале XX столетия в этом слове возникают фигуральные значения как следствие переносного употребления, основанного на ассоциации по сходству с ролью туза в карточной игре. *As, homme de valeur...* В годы Первой мировой войны слово *ас* обозначало мужественного солдата (*soldat de valeur*), а затем начинает употребляться в более широком смысле, ‘важный, ценный человек’ (*homme de valeur*). С развитием авиации, авиационного спорта слово *ас* укрепляется в жаргоне французских летчиков как нарицательное имя того, кто добился превосходства в летном деле... С тем же значением это слово проникает в немецкий язык, где получает значительное распространение в связи с тем вниманием, которое гитлеровское командование оказывало летчикам — мастерам воздушного боя» (см.

реблявшееся по отношению к немецким летчикам, начинает использоваться — с несколько приподнято-торжественным оттенком — применительно к советским мастерам воздушного боя. Ср.:

Сбитый мною немец оказался *асом* из группы Рихтгофена — он имел три железных креста (Красная звезда. 1943. 2 июля);

Он [Алексей] увидел, как Поздняков пошел в прямую атаку на немецкого *асса*⁷⁴ (К. Симонов. Русское сердце // В эти годы. М., 1951);

Советский ас — это летчик-истребитель, достигший в своем боевом мастерстве высокого уровня. *Аса* можно сразу определить по количеству лично сбитых самолетов и по характеру и методам ведения боя... Когда летчика-истребителя называют *асом*, это значит, что он достиг зрелости, завоевал почетное право быть в авангарде воздушных бойцов (Красная звезда. 1943. 1 июля; передовица «Выращивать кадры советских *асов!*»).

В последующие годы *ас* употребляется не только в указанном выше значении, но и более широко: вообще 'мастер, виртуоз своего дела'. Ср. такие примеры:

Главный персонаж романа лейтенант Боумен постепенно распознает в герое части, в своем командире летчике-*асе* Баззе Мэрроу солдата ландскнехта, солдата убийцу, воюющего из любви к войне (Иностранная литература. 1963. № 10);

В подразделении капитана Воронова офицером наведения служит старший лейтенант Эдуард Фельдблюм. Это молодой культурный офицер. Его называют «*асом наведения*» (Известия. 1960. № 167);

Решается судьба первого места среди лыжебежцев и двоеборцев, которые стартовали первыми. Знатоки старательно подсчитывали очки в прыжках и в беге. Но вот все оставили свои блокноты — стартовали *асы* (Советская Россия. 1957. 30 янв.).

Любопытно ироническое употребление этого слова в таком контексте:

После двух-трех поездок на областные соревнования в обществе районных спортивных *асов* юнец начинает заражаться «звездной болезнью». Его уже не устраивает компания сверстников, его тянет к «корифеям» (Комсомольская правда. 1962. 9 окт.).

[Кожин 1961: 196—197]).

В узкопрофессиональной среде слово *ас* бытовало задолго до появления его в речи общелитературной. Ср., например, отрывок из сообщения русского летчика о структуре военно-воздушных сил Франции во время Первой мировой войны:

Пока летчик не собьет пяти аппаратов, на него не обращают внимания, но после сбитого пятого аппарата летчик называется *асом*... (Сведения и данные, сообщенные военными летчиками... Вып. 2. Пг., 1917).

⁷⁴ О разное в написании этого слова см. [Гухман 1955].

Или:

А план для таких *асов* [речь идет о таксистах-«калымщиках». — Л. К.] любой по плечу. Представляете, если у него одна поездка дает сорок рублей. А дневной план двадцать. Так половину этой суммы можно положить на план, а половину — себе в карман... Я понимаю, что меня, наверно, будут ругать отдельные лица. Они мне будут говорить, что я «продал» интересы «асов». Но не сомневаюсь, что большинство таксистов меня поддержит (П. Лукьянов. В защиту таксиста (письмо в редакцию). Известия. 1963. 15 окт.).

В последнем примере *ас* употреблено в смысле 'ловкач, мастер зарабатывать деньги нечестным путем' и имеет явно неодобрительный эмоциональный оттенок.

К сохранившимся в русском языке следует отнести также некоторые технические термины, начавшие употребляться в военные годы — главным образом в специальной речи — и лишь в последующий период расширившие сферу своего употребления.

Так, появление в русском языке слова *бульдозер* (англ. *bulldozer* — от *to bulldoze, bulldose* 'разбивать крупные куски, расчищать, выравнивать') относится к военным годам. Значение, в котором употреблялось это слово первоначально, отличалось от того, в котором *бульдозер* употребляется сейчас: бульдозером называли не самую машину, а лишь приспособление, «нож», которым ровняют землю и которое смонтировано на передней части трактора. Ср.:

Ползли огромные тракторы с мощными *бульдозерами* — стальными острыми плугами (В. Ажгеев. Далеко от Москвы, кн. III, гл. 6).

К началу 40-х гг. относится, по-видимому, появление термина *грейдер*, заимствованного вместе с обозначаемым объектом (англ. *grader* — от *to grade* 'ровнять, нивелировать').

Однако не эти иноязычные слова характеризовали русскую речь военных лет. Как уже было сказано, в этот период употребляются немецкие слова — обозначения технических средств, должностных лиц фашистской армии и т. п., а также лексика, характеризующая врага в тех или иных отношениях.

а) Наиболее частотны слова — наименования номенклатурного характера: названия предметов военной техники — *мессершмитт*, *юнкерс*, *фоккер* и *фокке-вульф*; *фердинанд*; *фаустпатрон* и т. п.⁷⁵, лиц — *фюрер*, *группен-фюрер*,

⁷⁵ Большая часть этих слов — собственные имена по происхождению: названия танкам, самолетам и т. п. давались по фирмам, их выпускавшим, или по фамилиям изобретателей этих машин.

Употребляются в военные годы и английские названия аналогичного происхождения, обозначающие американские и английские машины, получаемые Советским Со-

оберштурмфюрер, зондерфюрер, гауптман, гебитскомиссар, гаулейтер⁷⁶; организаций — *гестапо*, *абвер*, *гитлерюгенд*, *вервольф* и др. Ср., например:

Прошлый раз наводчик развернулся как будто неплохо. Дал по *мессершмитту* выстрел, трасса прошла близко, но мимо (*Вс. Вишневский*. На «Охотнике»);

Каждый молча невольно подсказывал, что опасно затягивать схватку до вражеского берега, где можно нарваться на зенитный огонь и на *мессеров-охотников* (там же);

В воздухе, как выражаются летчики, была *мессеризация* — я насчитал около десяти немецких самолетов... (*Красная звезда*. 1943. 1 июля);

Июльское небо голубеет. В море идут тральщики. Над заливом жестокая карусель истребителей: балтийские «лаги» и «яки» схватились с *фокке-вульфами*, *фиатами* и *мессерами* (*Вс. Вишневский*. Рабочие Кронштадта);

Он уже не тот зеленый юнец, который первого июля сбил свой первый *юнкерс* и так разволновался, что прямо из самолета его повели в санчасть (*К. Симонов*. Русское сердце);

...Веселый потный Антоненко, сняв старый рыжий шлем, рассказывает, как он из облачка прихватил первого *юнкерса*⁷⁷, когда тот шел на Гельсингфорс (*Вс. Вишневский*. На «Охотнике»);

Капо — вспомогательная полиция, на вербованная из заключенных немцев-уголовников. *Капо* соревновались в усердии с эсэсовцами (*Б. Горбатов*. Лагерь на Майданеке // *Правда*. 1944. 12 авг.);

Гестапо — олицетворение всех ужасов германского фашистского режима... (*Известия*. 1941. 11 июля);

юзом по так называемому ленд-лизу (от англ. *to lend* 'давать взаймы, предоставлять' и *lease* 'аренда, наем'): *виллис*, *додж*, *студебеккер* и т. п. Ср.:

А то вдруг на *виллисе* майор какой-то в танкистском шлеме (*В. Некрасов*. В окопах Сталинграда); Здоровенный *додж* преградил нам дорогу (там же); *Форды*, *газика*, *зисы*, крытые громадные *студебеккеры*... (там же); ...Генерал вышел из машины приказать связисту ехать впереди, прокладывая путь его *виллису* (*Л. Леонов*. Взятие Великошумска).

⁷⁶ Ср. переносное употребление некоторых из этих терминов в послевоенной публицистике — в качестве метафорического средства:

Американские *гаулейтеры* (заголовок статьи А. Суркова в «Литературной газете» от 12 марта 1949); Недаром в этой стране [в Гондурасе] управляющий американскими банановыми плантациями, некий Земаррей, мановением руки смещает чиновников и диктует свою волю правительству. Сей *гаулейтер* Уолл-стрита нагло заявил во всеуслышание, что «здесь много проще купить депутата, чем вьючного мула» (*Правда*. 1950. 29 марта).

⁷⁷ Любопытна разница в форме прямого дополнения, выраженного словом *юнкерс*, у Симонова и у Вишневского.

В научно-исследовательские институты были назначены «для руководства» так называемые *зондерфюреры*, невежественные люди из ефрейторов-инвалидов (Правда. 1943. 27 авг.).

Слово *фюрер* (употребляемое не только по отношению к Гитлеру, но и применительно к главарям местных организаций национал-социалистской партии и, чаще, в составе сложных слов — *группенфюрер*, *штурмфюрер* и т. п.) первоначально могло выступать в несколько необычном лексическом окружении. Например:

Вся компания провожающих и сам «герой» расположились за столом, уставленном бутылками, закусками и... портретом *фюрера* и других *атаманов* фашистской партии головорезов (Известия. 1941. 2 июля)⁷⁸.

(Ср. отрицательный «ореол» слова *атаман* во время гражданской войны.)

Из слов, рассматриваемых в ряду наименований новых реалий, связанных с нашествием немецких оккупантов, в лингвистическом отношении любопытно слово *полицай*. В немецком языке слово *Polizei* 'полиция' не имеет личного значения (в этом значении там употребляется слово *Polizist*⁷⁹). Попав на русскую почву, оно несколько трансформировалось в народной речи и, получив резко отрицательную эмоциональную окраску, стало употребляться в значении 'полицейский, сотрудник полиции, учреждаемой немецким командованием на оккупированной территории'⁸⁰.

---

⁷⁸ Ср. с этим случаи употребления слова *вождь* как перевода немецкого *Führer* в 30-е гг.:

Отряд молитвенно склонил головы и, подняв правую руку кверху, ладонью вперед, выслушал полевой молебен за здоровье «великого *вождя*» Адольфа Гитлера (*Г. Киш*. Карьера Адольфа Гитлера // Комсомольская правда. 1932. 12 мая); У Геббельса — своя группа, и, хотя на собраниях он восхваляет *вождя*, он не прочь сам занять место Гитлера (там же).

⁷⁹ Ср.:

Они могут искать меня, эти *полицисты*, сколько угодно, я у себя дома, на родине [слова немецкого рабочего-коммуниста] (Комсомольская правда. 1932. 1 мая).

⁸⁰ «Преобразованию смысловой структуры иноязычного слова не могло не содействовать то, что полицейские подразделения обычно создавались из местных жителей, завербованных оккупантами из уголовных элементов и контрреволюционного сброда. Кровавые «деяния» новоявленных блюстителей «нового порядка» вызывали лютую ненависть в сердцах советских людей, временно подпавших под иго оккупации, поэтому полицейских — изменников родины стали называть «полицаями» — именем того учреждения, где проходила их служба. Это употребление иноязычного слова закрепляется как оценочное наименование за функционерами немецко-фашистской полиции и становится метким прозвищем, которое под влиянием ложной (народной) этимологии

К рассмотренной лексической группе примыкают слова, представляющие собой немецкие собственные имена, употребляемые в русском как презрительные клички немцев, фашистских солдат вообще: *фриц*, *ганс*, *гретхен* и др.⁸¹. Например:

— До Вязьмы дольше, — сказал шофер. — Хотя и близко, а идет [письмо] кругом, через Москву... Вязьма-то Смоленской области, а Смоленск у *фрицев*.

Синцов чуть не переспросил: «Что?» Слово «фрицы» он слышал в первый раз. Когда они остались в окружении, этого слова еще не было в армейском быту.

— Фашистов теперь так зовем — «фрицы», — заметив скользнувшее на лице Синцова недоумение, с охотой объяснил шофер. — Не слышали там, в окружении?

— Не слышали, — вместо Синцова отозвался Золотарев.

— Значит, совсем оторвались от мира, — рассмеялся шофер (К. Симонов. Живые и мертвые. М., 1961);

— Второй день наш автобат *фрицов* возит. — *Фрицов?*.. Это что же такое? — Да что... немцев пленных (Полевой Б. Глубокий тыл. М., 1959);

Боец, колхозник из Заволжья, говорит: «Я теперь это дело раскусил — как *фрицов* бить» (И. Эренбург. Весна в январе // Красная звезда. 1942. 14 янв.);

Характерным для битых *фрицев* является стремление улизнуть с фронта и не переживать больше ужасов войны с русскими (Правда. 1943. 2 авг.);

А девушки и женщины? Какой должна быть фашистская *Гретхен*? На полочках фашистской «науки» и им отведена соответствующая роль (Известия. 1941. 16 авг.);

Пока Геббельс с прыткостью блохи умыкал различных *гретхен*, мы могли только брезгливо морщиться (Красная звезда. 1942. 6 марта).

То, что в качестве нарицательных кличек фашистов взяты именно эти имена, объясняется тем, что как раз они являются «самыми немецкими», самыми распространенными среди немцев⁸². Ср.:

воспринимается как образование с суффиксом *-ай*, обладающее сильным зарядом отрицательной экспрессии и звучащее в устах народа уничижительно...» [Кожин 1961: 196].

⁸¹ Ср. норвежское *квислинг* — имя предателя, ставшее нарицательным и употреблявшееся как символическое обозначение человека, продавшего себя немецким фашистам (преимущественно — в странах Европы):

Квислинги знают, что синяками им не отделаться. И чем крепче бьет Красная Армия под Харьковом и Брянском немецко-фашистских разбойников, чем короче становятся сроки Гитлера — тем тревожнее настроение *квислингов* (Правда. 1943. 23 авг.); *Квислинг* проявил самостоятельность: скромно постучался в ворота тюрьмы и просил посадить его. Сидит Гаха, словацкий *квислинг*. Начался суд над датскими *квислингами*. Бежал в Испанию Дегрель, главный бельгийский *квислинг* (Правда. 1945. 25 мая).

⁸² Ср.: «Обычным, широко распространенным, действительно общенародным названием для «гитлеровских молодчиков» почти с первых дней войны стало *фрицы*.

Название «кафешантан» было явно чересчур благородным для указанного мне заведения, но это обстоятельство меня смутило куда меньше, чем английский часовой у дверей. Он был еще молод и строго посмотрел на меня, когда я подошел к нему. Он указал мне на дощечку с надписью «Немцам вход запрещен», но я сказал ему, что здесь работает моя сестра, что я только что вернулся на любимую родину, а ключ от дома у нее. Он спросил меня, как зовут мою сестру, и я решил, что вернее всего назвать самое немецкое из всех немецких женских имен, и я сказал: — *Гретхен* (*Г. Бёль*. Город привычных лиц: Пер. с нем. М., 1964).

б) Среди немецкой лексики, характеризующей армию гитлеровцев и — шире — фашистскую Германию, выделяются две группы слов: слова, характеризующие действия, поведение, быт и т. п. немецких оккупантов, и слова, характеризующие их речь. К первой группе относятся слова *блицкриг*, *эрзац*, *тотальный* и его производные (*тотальник*, *тотальщик*), *фольксдейч* и др., ко второй — такие слова, как *фатерланд*, *капут* и некоторые другие, более редкие и случайные по употреблению (см. приведенные ниже примеры).

Слово *блицкриг* появилось в нашей печати еще до войны, однако активное его употребление, случаи всевозможного обыгрывания первой части *блиц-* относятся именно к первым военным годам. При этом в речи употребляется как само слово *блицкриг*, так и его русский перевод (*молниеносная война*) — иногда самостоятельно, без немецкого оригинала, — чаще совместно с ним. Ср.:

Красная Армия научилась громить врага. Ставка фашистов на *блицкриг*, на *молниеносную войну* оказалась битой (Известия. 1941. 3 авг.);

Гитлер и его приспешники еще до начала войны с нами кричали о *блицкриге*, о *молниеносной войне*, но их расчеты и планы с треском провалились... (Вечерняя Москва. 1941. 13 дек.);

Правители Румынии и Венгрии, убедившись в окончательном провале *молниеносного похода* против СССР, также решили напомнить Гитлеру, что «своя рубашка ближе к телу» (Красная звезда. 1942. 13 янв.).

Само это слово приобрело в устах советских людей насмешливый, иронический оттенок. Образовывались многочисленные шуточные слова с первой частью *блиц-*⁸³: *блицдрап*, *блиц-удирала*, *блиц-фриц* и т. п. Ср. также:

Каким образом случилось, что именно это прозвище, а не другие, также восходящие к личным немецким именам: герман, ганс, макс, или фамилиям: шульц, оказалось самым распространенным и наиболее устойчивым? Может быть, известную роль сыграло при этом то обстоятельство, что имя Фриц — Фридрих является в Германии одним из наиболее популярных?...» (*П. Черных*. Русский язык в дни войны // Сибирские огни. 1946. № 4).

⁸³ В английском языке *блиц* во время войны стало употребляться даже как самостоятельное слово. Ср.:

...эта *блицстратегия* потому пользовалась такой всеобщей благосклонностью в среде крупнейших германских капиталистов, что она принесла и еще принесит им действительно *блицприбыли* (Известия. 1941. 31 авг.).

Слово *эрзац* (нем. *Ersatz* 'замена, возмещение; суррогат, заменитель') спордически появлялось и в речи 30-х гг.; однако оно характеризовало в основном индивидуальное или окказиональное словоупотребление⁸⁴. В речи военных лет это очень частое слово, употребляющееся как в составе сложных слов (типа *эрзац-молоко*, *эрзац-валенки* и т. п.)⁸⁵, так и в качестве самостоятельной лексемы. Ср.:

Гитлер ежедневно теряет десятки тысяч солдат и офицеров. Истощаются его ударные силы. *Эрзац-части* положения не спасут... (Вс. Вишневский. Дневники. Т. 4);

Меня не тянет на... просмотры спектаклей, я знаю, что это «военные *эрзацы*» (там же);

В стране *эрзаца* — заменителей, как называют сами немцы Третью империю, где все естественные продукты заменены *эрзацами*, где вместо масла — *эрзацмасло*, вместо муки — *эрзацмука*, вместо кожи — *эрзацкожа*, фашистские мракобесы долумались и до *эрзацмужей*⁸⁶ (Известия. 1941. 16 авг.);

Некоторые наиболее неудачные немецкие *эрзацы* (заменители): *эрзац валенок*, *эрзац колбасы*, *эрзац культуры* [речи Геббельса], *эрзац главнокомандующего* [Гитлер] (Красная звезда. 1942. 15 февр.; подпись под серией карикатур).

Любопытна разница в грамматических связях слова *эрзац* в приведенных примерах: в одних случаях *эрзац* — составная часть сложного слова, в других это самостоятельное слово, употребляемое с дополнением в родительном па-

Чего только мы не видели и не слышали в Лондоне за эти десять месяцев *блица*. *Блиц* — сокращенная форма немецкого *блицкриг* 'молниеносная война' — новое слово, вошедшее в английский народный язык и означающее воздушные бомбардировки (Известия. 1941. 10 июля, статья «Опыт Лондона» — интервью с английским журналистом А. Вертом).

⁸⁴ Ср. приведенный выше (с. 124) пример из «Черного золота» А. Толстого.

⁸⁵ В военной публицистике активизируются и другие немецкие по происхождению элементы, играющие роль словообразующих (префиксальных) морфем. Ср., например, такие слова, как *обер-бандит*, *обер-грабитель* и т. п.:

Так пишет *обер-венеролог* Германии (И. Эренбург. Фриц-блудодей // Красная звезда. 1942. 28 февр.).

⁸⁶ Речь идет о проводившейся фашистским правительством политике в области деторождения, заключавшейся в том, чтобы не допускать смешения арийцев с неарийцами, в то же время всемерно способствуя планомерному продолжению рода чистокровных арийцев (организация специальных пунктов, вербовка на эти пункты «полноценных» немецких женщин и девушек и т. д.).

деже — как было бы употреблено русское *заменитель*, синонимичное немецкому *эрзац* (*заменитель чего* > *эрзац чего*).

Прилагательное *тотальный* было заимствованно русским языком в 30-е гг. Однако в печати и публицистике военного времени оно получает особый стилистический оттенок и употребляется исключительно в связи с такими понятиями, как тотальная война и тотальная мобилизация. Например:

По Людендорфу — Гитлеру ведение *тотальной*, т. е. всеобъемлющей, войны означает применение... всех средств и способов (Известия. 1941. 31 авг.);

Объединенные народы добьются того, чтобы разбойничий германский империализм никогда больше на нашей планете не смог справлять свои кровавые оргии «*тотальной войны*» (Красная звезда. 1942. 3 янв.);

Уже летел дракон войны *тотальной*, Париж и Прага плакали навзрыд (П. Антокольский. Германия);

Мечты фашистов о скором и победоносном конце войны исчезли прахом. Гитлеровцы подняли шумиху о *тотальной мобилизации* (Н. Тихонов. Два военных мая).

Ср. субстантивное применение этого слова, а также личные образования от него с помощью суффиксов *-ник* и *-щик*:

На передовой сидели у них *тотальные* (т. е. попавшие на войну по тотальной мобилизации), теперь сменены отборными частями (А. Н. Толстой. Мать и дочь);

Он [немец] окончил Ленинградский университет... в 1922 году репатриировался. Мобилизован как *тотальник* — санитаром (Вс. Вишневский. Дневники. Т. 4. С. 767);

В ряды германской армии широкой волной влились *тотальщики* — солдаты, призванные в порядке тотальной мобилизации (Правда. 1943. 2 авг.).

Кроме слов, характеризующих устремления, режим, быт и т. п. фашистской Германии и употреблявшихся в годы войны регулярно как на страницах наших газет, так и в художественной и публицистической литературе, следует отметить случаи окказионального употребления немецкой лексики того же семантического (вернее — тематического) круга, а также слов, служащих своего рода маркировочными знаками речи немецкого захватчика. Некоторые из приводимых ниже примеров имплицитно указывают на отношение говорящего к элементам немецкой лексики, которые используются как своеобразное отрицательное стилистическое средство. Ср. прежде всего употребление таких слов, как *капут* — непременно атрибута речи всех пленных немцев, — *фатерланд*:

Даже уличенные в самом постыдном, самом убогом невежестве, франтовые офицеры гитлеровской армии... все еще лопотали что-то о своей «военной культуре», о том, что у них в *фатерланде*, мол, и дороги лучше, и порядки другие (Красная звезда. 1942. 13 февр.),

а также других слов; ср., например:

Немцы обожают слово *Kolossal*⁸⁷ — все у них «колоссальное» — и танки, и женщины, и шутки. Трубка? Два метра длины. Пивная кружка? Три литра вместимости. Статуя Германии? На мизинце этой «Германии» уместится шестипудовый Геринг (*И. Эренбург. С новым годом! // Красная звезда. 1942. 1 янв.*);

Это были *линксхенден* — леворучки и членовредители, совершившие то, что немцы называют специальным названием «выстрел на родину»⁸⁸ (*Правда. 1943. 13 авг.*);

Здесь, на юге, под Сталинградом, немцы называют их *Русс-фанер*. Сначала, придумав это название, немцы относились к *Русс-фанер* иронически. В самом деле, что это за деревянная авиация с полотняными плоскостями... К началу весны ночные бомбардировочные полки *Русс-фанер* стали обрушивать каждую ночь на головы немцев сотни тонн бомб, и самое слово *Русс-фанер*, оставшись тем же самым, сразу переменялось в своем значении: раньше немцы произносили его с иронией, теперь с ненавистью (*К. Симонов. Русс-фанер // В эти годы: Сб. М., 1951*);

С первых же дней своего вступления в Харьков немцы раскрыли свои карты и цинично дали понять, что русские и украинцы — это люди второго сорта, *остменшен* [нем. Ost 'восток', Menschen 'люди'], которым уготована роль сельскохозяйственных рабов Германии... В знаменитом Харьковском институте экспериментальной эндокринологии [немцы] стали выпускать дрянной кальцекс в бутылочках с надписью на этикетках: «Только для *остменшен*» (*Правда. 1943. 27 авг.*).

Особо следует рассматривать случаи намеренного введения в текст немецких слов — семантических дублетов соответствующих русских наименований. Обычно иноязычное слово используется в этих случаях как стилистически сниженный вариант, как средство, с помощью которого подчеркивается опреде-

⁸⁷ Вернее — *kolossal*, со строчной буквы, поскольку речь идет о прилагательном.

⁸⁸ Это, по-видимому, русский перевод немецкого выражения *Schuß nach der Heimat*. Ср. также:

В последнее время среди немецких солдат широко распространилось родившееся на этой войне выражение, которое в буквальном переводе на русский язык значит 'выстрел на родину'... Выстрел на родину — это значит тяжелое ранение, после которого немецкий солдат едет в Германию с надеждой больше никогда не вернуться на Восточный фронт (*К. Симонов. Русская душа // В эти годы: Сб. М., 1951*).

В публицистике военных лет рассеяно, вероятно, немало таких переводов и калек немецких слов и выражений (ср. *черная смерть* — буквальный перевод нем. *der schwarze Tod* 'чума' — так называли немцы советские самолеты-штурмовики; военно-терминологические *котел* — *Kessel*, *мешок* — *Sack*, *клещи* — *Zange*, *взять в клещи* — *in die Zange nehmen* и т. п.). Эти факты требуют тщательного изучения, что является задачей самостоятельного исследования. В настоящей работе они не рассматриваются.

ленное (пренебрежительное, ироническое и т. п.) эмоциональное отношение говорящего к описываемому явлению. Ср. например:

Видны две фигурки, бегающие вдоль лежащей цепи. Фигурки машут руками, неистовствуют. Ясно — это офицеры. И вот солдаты снова пошли вперед. Строчат песочинские пулеметы, и снова залегли немцы. *Инфантери* (нем. *Infanterie* 'пехота') не хочет идти вперед (Красная звезда. 1942. 5 февр.);

В избе у Семена Михеича поселился *врач*... *Арцт* кричал охрипшим голосом на приходивших к нему и каждую минуту вызывал денщика для разных поручений... (В. Гроссман. Старик // Красная звезда. 1942. 8 февр.);

Утром вся в слезах пришла соседка Галя Якименко. Шепотом, оглядываясь на дверь, за которой сидел страшный *арцт*, она стала рассказывать о своих постояльцах... А однажды вечером прибежал денщик *арцта* и стал поспешно укладывать вещи (там же).

Специфика использования иноязычной лексики во второй половине 40-х — начале 50-х годов

Послевоенные годы, в особенности конец 40-х — начало 50-х, представляют собой период, являющийся редким примером активного воздействия общества на словарь языка, на принятие или главным образом неприятие тех или иных иноязычных слов.

Процесс заимствования новой иноязычной лексики в это время выражен чрезвычайно слабо; этому способствует социальная тенденция к локализации употребления иноязычной терминологии, к устранению ее не только из общего употребления, но и из специальных сфер. Эта тенденция может быть понята в связи с общей идейной и идеологической борьбой в конце 40-х — начале 50-х гг. «против космополитизма», против «иностранины»⁸⁹. В ряде случаев выступления против иностранных слов «непосредственно связывались не только с борьбой за чистоту языка», но и с борьбой «против низкопоклонства перед Западом» и т. п. Ср., например:

Сейчас, когда борьба с позорными пережитками низкопоклонства перед иностранщиной стала в нашей стране всенародным движением, вопрос об очищении нашего технического языка от чужеродного языкового материала должен быть поставлен и решен во всем своем объеме (А. Добрянский. Сорняки низкопоклонства // Литературная газета. 1948. 24 нояб.);

---

⁸⁹ Ср. многочисленные газетные и журнальные статьи этих лет, выступления писателей, ученых, общественных деятелей и т. п., посвященные борьбе с «антипатриотическими», «космополитическими» тенденциями в науке, искусстве, литературе (см. газеты «Культура и жизнь», «Литературная газета», «Правда», «Известия» за 1948—1950 гг., журналы «Звезда», «Новый мир» этого же времени, а также специальные издания, например: «О советском патриотизме». Сб. статей. М., 1950 и др.).

см. также отклики на эту статью в той же газете — № 100, 15 дек. 1948 и № 25, 26 марта 1949;

Трудно усмотреть в бессмысленном и вредном тяготении авторов технических книг к чужим, чужеродным наименованиям что-либо иное, кроме вольного или невольного низкопоклонства перед иностранщиной (там же).

В большинстве случаев подобные выступления были лингвистически не квалифицированы и даже невежественны⁹⁰; однако результаты всей этой борьбы были весьма конкретными. Так, в некоторых терминологиях иноязычные термины, имеющие традицию употребления и образующие определенные терминологические поля, заменяются русскими словами и даже описательными оборотами. Например, в предисловии к одному из учебников для технических вузов авторы его писали:

В соответствии с принятой Дориздатом терминологией в данном учебном пособии вместо старых названий дорожно-строительных машин использованы следующие: тракторный отвал (бульдозер), элеваторный плут (грейдер-элеватор), струг и автоструг (грейдер и автогрейдер), тракторная лопата (скрепер), экскаватор канатно-ковшовой (драглайн), экскаватор с створчатым (самосхватным) ковшом (грейфер)⁹¹.

Приведенный пример любопытен тем, что он свидетельствует о тенденции избавиться не от всех иноязычных терминов, а от таких, которые появились сравнительно недавно и слишком «заметны» как иностранные элементы (слова же *трактор*, *экскаватор* остаются в составе новых наименований). При этом не учитывалось, что многие из заменяемых терминов успели «обрасти» производными, заменить которые было гораздо труднее (ср. *скреперист*, *грейдерные*

⁹⁰ Ср.:

Русский литературный язык так богат словами, гибок и живописен, что владеющий им может доступно изложить самые сложные вопросы науки, техники, литературы, искусства, не применяя иностранных слов (*А. Иванов*. Проф. Эйхенгольц искажает русский язык // *Культура и жизнь*. 1948. 30 мая); Часто приходится слышать, будто бы введение иностранных наименований и определений способствует международному пониманию, что это создает некое подобие научно-технического «эсперанто». Во-первых, непонятно, как можно построить язык, «интернационализируя» одни подлежащие без сказуемых?.. (*А. Добрянский*. Сорняки низкопоклонства // *Литературная газета*. 1948. 24 нояб.); Всегда лучше пользоваться несколько более расширенным описанием, чем иностранными терминами, с которыми у читателя не связаны никакие представления (там же); Уже несколько лет назад иноземное слово *лозунг* заменено в нашем языке хорошим русским словом *призыв*... (*Н. Родионов*. Об одном неудачном слове // *Культура и жизнь*. 1950. 11 июня).

⁹¹ *Пиковский Я. М. и др.* Эксплуатация дорожностроительных машин. М.: Дориздат, 1950. С. 2.

работы, бульдозерист и т. п.). Большая часть новых, главным образом описательных терминов, не привилась в употреблении; в настоящее время распространены старые иноязычные наименования (*грейдер, бульдозер* и т. п.).

Подобные изменения коснулись не только технической и научной терминологии, но и спортивной и даже кулинарной⁹². Многие футбольные термины английского происхождения⁹³, укоренившиеся не только в профессионально-спортивном, но и в общем употреблении, были заменены русскими словами: вместо *тайм* — (*первая, вторая*) *половина игры*, вместо *корнер* — *угловой удар*, *голкипер* — *вратарь*, *хавбек* — *полузащитник*, *офсайд* — *вне игры*⁹⁴ и т. д. Даже слово *репортаж* одно время исчезло из передач о футбольных матчах; вместо этого стали говорить *рассказ*:

Начинаем рассказ о встрече по футболу (не: «о футбольном матче!») между такими-то командами.

Однако неудачность такой замены была очевидна, и вскоре слово *репортаж* вновь обрело «права гражданства». Значительная же часть новых футбольных терминов-заменителей привилась и в специальном, и в общем употреблении; они стали использоваться вместо прежних иноязычных или наряду с ними, последние чаще в устной речи старшего поколения, а также в качестве «высоких» по стилистической окраске синонимов к регулярно употребляемым терминам — ср. употребление слова *голкипер*:

Яшин берет и этот мяч. Ничего не скажешь — блестящее мастерство демонстрирует сегодня наш прославленный *голкипер* (телекомментатор, 10 сент. 1963).

⁹² См., например, фельетон В. Карбовской «Эскалоп с гарниром», в котором высмеивается употребление французских по происхождению кулинарных терминов (*лангет, эскалоп, консоме, антрекот* и т. п.). Ср.:

...Зачем же язык ломать по-иностранному? Они там, на Западе, небось позабыли, что такое жирное мясо. Варя, как будет лошадь по-французски? — Шваль. — Да ну? Вот ловко! Значит, они там шваль а-ля Маршалл кушают. А вы тут зачем-то нашу честную баранину мусакой обзываете. Нехорошо!.. Главное, изготавливают-то все из хороших русских продуктов, а названия иноземные. Ну, я понимаю, когда дворяне раньше не знали русского языка, для них эти названия были вроде сродни. Но дворян уже тридцать лет нет. — Действительно: *эскалоп, лангет, антрекот*. Непонятно, неаппетитно, обидно! (Крокодил. 1949. № 11).

⁹³ О роли английского языка в формировании международной спортивной терминологии см. [Отг 1935].

⁹⁴ Характерно, что в переводах и в это время могли сохраняться английские футбольные термины, которые, как известно, приняты в международной практике. Ср.:

Из нападения, пожалуй, несколько выделялся правый *инсайд* Терентьев (норвежские газеты о матче «Спартак» — «Сагене»; Правда. 1950. 5 окт.).

Означало ли стремление «искоренить» многие иноязычные слова, заменить их русскими полное неприятие в употреблении «новых» иноязычных слов? В определенной степени означало: в описываемый период в русском языке появилось чрезвычайно мало новых заимствованных слов, а те, которые вошли в язык и сохранились в дальнейшем, в большинстве своем принадлежат к словам с «отрицательной» семантикой и, отчасти благодаря этому, маркированным и стилистически. Ср., например, такие слова:

*Глобальный*⁹⁵ — общий, всеобъемлющий. Заимствовано из французского (франц. *global* ‘общий, глобальный’), по-видимому, через посредство немецкого, где это слово употреблялось в специфически «военном» смысле: ср. *глобальная война*, а также:

Задание, которое получил Скорцени... гласило: как можно быстрее создать *тотально* и *глобально* действующую секретную службу. *Тотально* — значило взрывы, поджоги, похищения людей, убийства, отравления, все без исключения виды диверсий. *Глобально* — значило организовать подрывную деятельность, охватывающую весь земной шар... (Ю. Мадер. По следам человека со шрамами: Пер. с нем. М., 1964).

Первоначально (в конце 40-х — начале 50-х гг.) это слово и в русском языке употреблялось преимущественно в составе сочетания *глобальная война*; затем оно расширяет сферу своей сочетаемости с другими словами. Ср., например:

Глобальные ракеты; оборудование для *глобальных* телепередач (Советский спорт. 1963. 12 ноября);

...Будущая «звезда» отправляется в мировое турне, из которого привезет домой *глобальный* опыт... (Неделя. 1964. № 33)⁹⁶ и т. п.

В толковых словарях (Ушакова, академических) это прилагательное не зарегистрировано. В СИС-1954 оно дается со значением ‘общий, валовой’.

Диктат — политика навязывания своих условий, основанная на экономической, политической и т. п. силе. Заимствовано из немецкого языка (нем. *Diktat* ‘приказ, требование’). Впервые отмечено СИС-1949. Широко употребляется в публицистике конца 40-х — начала 50-х гг. Ср., например:

⁹⁵ Раньше, чем это слово стало распространяться в публицистических жанрах русской речи, оно употреблялось в качестве термина в финансово-экономической литературе; однако широкого применения этот термин не имел (ср.: Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 17. 1930, статья «Глобальный подоходный налог»).

⁹⁶ Вероятно, в таких случаях, как приведенные, расширение сочетаемости слова *глобальный* также объясняется иноязычным влиянием (ср. *global* в значении ‘всемирный, мировой’ в английском и французском, где оно имеет более широкую сферу применения, чем в русском).

Во имя войны заправили Вашингтона и Лондона... срывали и срывают мирное международное сотрудничество, подменив его политикой *диктатов*... (Н. С. Тихонов. Защита мира. М., 1949);

...Ошибки Версальского *диктата* должны быть исправлены (Фальсификаторы истории: Сб. М., 1952);

Батавское соглашение несет на себе явные следы англо-американского *диктата*... (Известия. 1949. 3 июня);

Книга «Иностранное участие в западногерманских предприятиях» рассказывает о некоторых излюбленных приемах империалистического *диктата* (Известия. 1952. 28 авг.).

Из слов, заимствованных в рассматриваемый период, которые нейтральны в семантическом и стилистическом отношениях, можно назвать некоторые технические и спортивные термины интернационального характера, такие, например, как:

адаптер — звукозаписывающее устройство, приспособление для воспроизведения звукозаписи через репродуктор радиоприемника (англ. *adapter* < лат. *adaptāre* 'приспосабливать, прилаживать'); первая фиксация — СИС-1954;

кросс — бег по пересеченной местности (англ. *to cross* 'пересекать'); впервые отмечено СИС-1949; до этого в СИС-1933 и СУ (Т. 1. 1935) было отмечено малоупотребительное *кросс-коунтри* (*крос-кантри*) от англ. *cross-country* 'пересеченная местность';

плексиглас — прозрачная бесцветная пластмасса, органическое «небьющееся стекло» (нем. *Plexiglas*⁹⁷ — от лат. *plexus* 'сплетение' и нем. *Glas* 'стекло'); первая фиксация — СИС-1949;

радар — устройство для обнаружения и определения местонахождения объектов в пространстве по отраженным от них радиоволнам; радиолокатор (англ. *radar* — сокращение словосочетания *radio detecting and ranging*); первая фиксация — СИС-1949, СО-1952; ср. начало употребления этого термина в текстах, рассчитанных не только на специалистов:

Задача предупреждения налетов бомбардировщиков привела к новому оружию техники — *радару*. *Радар* позволяет следить за движением любых предметов в воздухе, на воде и на земле (А. Иоффе. Пути развития современной физики // Известия. 1946. 3 апр.);

робот — автомат, своими действиями напоминающий действия человека (чеш. *robot*); впервые отмечено в СИС-1949. Любопытно, что употребление

⁹⁷ Англ. *plexiglass* является, по-видимому, заимствованным из немецкого [ср. «Fremdwörterbuch» (Leipzig, 1958), где указывается латинский источник первой части этого слова и ничего не говорится о связи всего слова с английским].

этого слова в конце 40-х — начале 50-х гг. несет на себе печать отрицательного отношения к вещам и явлениям, идущим с Запада, вследствие чего и само слово ощущается не как нейтральный термин. Ср., например:

Они [злодеи] совершают свои грабежи при помощи металлических *роботов*, управляемых приборами новейшей конструкции (Литературная газета. 1948. 22 сент.);

Некоторые любители *роботов* идут, так сказать, на компромиссы и милуют человечество. Но условием этого помилования является превращение в *роботов* самих людей (В. Голант. Литературные форрестолы // Звезда. 1950. № 3)⁹⁸;

сальто — прыжок, при котором тело переворачивается в воздухе (итал. *salto* ‘прыжок’); впервые отмечено в СО-1952; до этого в словарях отмечалось сложное слово *сальто-мортале* (итал. *salto-mortale* ‘смертельный прыжок’);

табло — схематический план железнодорожных путей с сигналами, на котором лампочками автоматически указывается занятость путей поездами и вагонами (СИС-1949); специальный щит для информации (о результатах состязаний на стадионе и т. п.) (СО-1960); сигнальный щит со световыми и электромагнитными указателями, показывающими состояние контролируемых объектов (БАК. Т. 15. 1964). Как видно из приведенных определений этого слова, оно толкуется по-разному. Это объясняется не недостатками словарей, а тем обстоятельством, что слово *табло* (франц. *tableau* буквально ‘картина, изображение’⁹⁹) было заимствовано сначала с узкоспециальным значением, которое и отмечает «Словарь иностранных слов» 1949 г. В Словаре С. И. Ожегова отмечено значение, с которым слово *табло* вошло в общее употребление и которое не сигнализирует о какой-то узкой специализации в его использовании. В Академическом словаре и специальное, и более употребительное значения *табло* объединены, однако без указания на сферы применения этого слова¹⁰⁰.

⁹⁸ Как видно по этим примерам, *робот* с самого начала имеет широкую область употребления, а вскоре получает возможность использоваться метафорически: так говорят о человеке, бездумно, механически выполняющем какую-либо работу. Ср.:

Если же писатель заставит героев действовать не по возникшей внутренней логике, если он силой вернет их в рамки плана, то герои начнут мертветь, превращаясь в ходячие схемы, в *роботов* (К. Паустовский. Золотая роза).

⁹⁹ Ср.:

Иду дальше — опять *tableau*: стоят часовые в женских прозрачных дождевых плащах. И смех, и грех... Ну что с этими героями делать? (Вс. Вишневский. Дневники, запись 1945 г.).

¹⁰⁰ Следует заметить, что узкоспециальное употребление слова *табло* встречается и раньше. Ср., например:

Несмотря на то, что процесс лексического заимствования в рассматриваемый период был ослаблен, вследствие чего и приток новых иноязычных слов — потенциальных заимствований — был незначителен, — в речи второй половины 40-х — начала 50-х гг. употребляются незнакомые русскому человеку иноязычные слова. Это главным образом так называемые американизмы и англицизмы, употребление их связано с такими жанрами, как путевой очерк, статьи об искусстве и литературе и др.

Семантические и стилистические особенности этих слов обусловлены отношением говорящего или пишущего (и — шире — советского общества) к явлениям и предметам, которые ими обозначаются. Поэтому у каждого из подобных слов имеется своеобразный эмоциональный ореол, как правило «отрицательный»; это слова-сигналы определенной темы — темы современных Англии и Америки (Соединенных Штатов), американского образа жизни, вообще современного буржуазного мира и его «прелестей».

Наиболее часто употребляемыми являются такие слова, как *гангстер* (и его производные на русской почве), *конгрессмен*¹⁰¹, *комикс* и др. Ср., например:

Рыцари грабежа и наживы, *гангстеры*, прожженные дельцы — вот герои буржуазного общества (И. Рябов. Годы и люди. М., 1949);

Американские *гангстеры* любят прикрывать низкие дела высокими словами (И. Эренбург. Закон природы // За мир: Сб. М., 1952);

Многочисленные малолетние *гангстеры*, подрастающие в Америке, чужды какой бы то ни было человеческой морали (Н. Васильев. Америка с черного хода. М., 1951);

Американский экран заполнен до отказа низкопробными «боевиками», пропагандирующими низменные чувства. Мистика, садизм, *гангстеризм* стали основным содержанием американских фильмов. Их героями делают *гангстеров*, бандитов¹⁰², сыщиков, проституток и окружают их ореолом увлекательной романтики (Культура и жизнь. 1949. 21 окт.);

Инж. Леонтьевым изобретены *табло*, на которых участковому диспетчеру и распорядительному центру наглядно видно состояние работ отдельного цеха, целого завода или участка железнодорожного транспорта (Техника. 1933. 9 янв.).

Однако лишь «спортивное» употребление этого слова способствовало его деспециализации, расширению сферы его применения и вхождению в общий оборот.

¹⁰¹ Слова *гангстер* и *конгрессмен* (англ. *gangster*, *congressman*) впервые отмечены в СИС-1949, однако они начали употребляться, по-видимому, раньше — ср. название памфлета И. Эренбурга «Гангстеры» (М., 1941).

¹⁰² Любопытно соседство синонимичных *гангстеры* и *бандиты*, которое свидетельствует о том, что говорящий различает эти слова по значению, не ощущает их как семантические дублеты, разнящиеся лишь по стилистической окраске и сфере применения.

Что это такое — *гангстерский* фильм, сфабрикованный в Голливуде? (Известия. 1952. 2 июля);

Отрабить весь мир, уничтожить его население — такой *гангстерской* фантастической широтой не отличался еще ни один из известных в мире истребителей народов (Н. Тихонов. Советский народ в борьбе за мир, против поджигателей новой войны // Известия. 1950. 17 окт.);

Казалось бы, беснующиеся *конгрессмены*, американские генералы, дипломаты и журналисты могут успокоиться. Но нет, они продолжают ту же скверную игру (Правда. 1950. 26 февр.);

Может быть, американским *конгрессменам* хотелось бы видеть Советский Союз раздавленным военной машиной фашистской Германии? (Красная звезда. 1951. 21 февр.);

На каждой улице, на каждом углу, у каждого газетчика, в каждом киоске... ребенку ежедневно навязываются эти кровавые книжки, которые по какой-то зловещей игре языка носят в Америке название *комикс*¹⁰³ (К. Чуковский. Раствление детских душ // Литературная газета. 1948. 22 сент.).

Характерно, что вначале это слово не склонялось и употреблялось во всех падежах в одной форме — *комикс*. Однако вскоре оно приобрело словоизменительные формы, употребляясь обычно во множественном числе — *комиксы*, *комиксов*, *комиксами* и т. д. (*c* < англ. -s, как это обычно и происходит в подобных иноязычных словах в русском языке, не ощущалось как форматив множественного числа и было отнесено к основе — ср. *кекс* — *кексы*, *клипс* — *клипсы*, а также *джинсы* и т. п.). Ср. такие примеры:

...литературная форма *всех комикс* очень ловко приноровлена к детскому возрасту... Конкуренция с *комикс* немыслима; Теперь уже невозможно представить себе американского ребенка без *комикс* (К. Чуковский. Раствление детских душ);

Американские издательства выбрасывают на книжный рынок серии десятицентовых «комических» книжек *комикс* тиражом до 700 миллионов в год. Эти книжонки содержат различные истории, которые излагаются в виде аляповатых и пошлых картинок... издатели *комикс* по-прежнему процветают (Культура и жизнь. 1949. 21 окт.);

В последнее время в английской палате общин был поставлен вопрос о запрещении ввоза и распространения детских иллюстрированных изданий, так называемых *комиксов* (Известия. 1952. 3 сент.);

В США с начала 30-х годов, на которые падает начало расцвета *комиксов*, был зарегистрирован рост преступности на почве сексуального садизма (там же).

Ко второй половине 40-х — началу 50-х гг. относится начало употребления таких американизмов и англицизмов, которые в последующие годы станут бо-

¹⁰³ Англ. *comics* — в Америке 'комикс, бульварный журнал или рассказ в картинках' (образовано от прилагательного *comic* 'смешной, юмористический').

лее частотными, сделаются словами, в меньшей степени привязанными к строго определенной тематике, к определенному литературному или речевому жанрам и, вследствие этого, могущими употребляться более свободно, иногда в переносном значении или метафорически (см. об этом ниже — с. 150 и след.). Ср., например, употребление таких слов, как *супермен*, *бестселлер*, *офис* и др.:

В тысячах американских газет можно увидеть картинки, прославляющие разбойные похождения *супермена*. Но ведь *супермен*, то есть сверхчеловек, был идеалом эсэсовцев (*И. Эренбург*. За мир! // Правда. 1950. 26 февр.);

Что же тогда представляют так называемые *бест-селлеры* (ходкие книги)¹⁰⁴? Американские *бест-селлеры* приносят много денег; но в большинстве случаев доход от книги определяется ее высокой ценой, а не массовостью тиража¹⁰⁵ (Литературная газета. 1948. 24 нояб.);

Войдите в служебный кабинет американца, в его *офис*. Стол, на столе ноги в ботинках; где-то сзади в кресле покоится все остальное, полагающееся человеку (Крокодил. 1949. № 7);

Драматург написал пьесу. У нас он несет ее в театр, читает ее художественному руководителю, коллективу актеров; она нравится или не нравится; ее ставят или не ставят. Драматург написал пьесу. Нью-Йоркский драматург. Он несет пьесу *продюсеру*. Иногда этот *продюсер* — человек, имеющий отношение к искусству, — известный режиссер или актер, располагающий некоторым капиталом, которым он может рискнуть, вложив его в постановку пьесы. Но это редко. Типичный *продюсер* — это человек, имеющий к искусству главным образом, так сказать, финансовое влечение (*К. Симонов*. Власть денег // В эти годы: Сб. М., 1951).

¹⁰⁴ Англ. *best seller* букв. 'ходкая книга', а также 'автор ходкой книги'.

¹⁰⁵ Ср. активное употребление этого слова в речи 60-х гг. не только в его собственном значении, но и переносно; это в известной мере свидетельствует о некоторой «акклиматизации» его в русской речи:

Позвольте спросить вас: будете ли вы читать «Мемуары Джека Руби», этот *бестселлер*, который создается сейчас в тюрьме города Далласа? (Литературная газета. 1963. 26 дек.); Это все равно, что усиленно хлопотать о качестве бумаги, заниматься подбором шрифтов... финансировать рекордные *бестселлеровские* тиражи и только самой малостью не поинтересоваться — как и о чем написана книга, стоит ли ее читать... (*Вл. Саввак*. Телевидение и мы. М., 1963).

Любопытно слово *суперселлер*, образованное в английском языке (англ. *super-seller*) — на базе слова *best-seller* — и уже попавшее в число специфических «американизмов», употребляемых в других языках. Ср., например:

Список последних *суперселлеров* заполняют такие книги, как «Совет и согласие» (о сенате США); «Приз» (об избрании лауреатов Нобелевской премии); «Предел безопасности»... (За рубежом. 1964. № 44).

Ср. также случаи употребления других слов, более редких с точки зрения появления их в текстах указанных выше жанров и поэтому как правило сопровождаемых пояснениями или буквальным переводом:

...Есть правило, по которому в приемном зале парламента, так называемом *лобби*¹⁰⁶, где избирателям предоставляется возможность встречаться со своими депутатами, не может находиться одновременно больше ста человек... (К. Си-монов. Лондон, 14 марта (1950 г.) // В эти годы: Сб. М., 1951);

...Благотельница спокойно проезжает по улицам и скверам Лондона мимо бесконечных фанерных ящиков. В этих ящиках по сей день ютятся тысячи *скваттеров*¹⁰⁷ — людей, лишившихся крова во время немецких воздушных налетов (Крокодил. 1948. № 4);

Жизнь безработных в стране, претендующей на мировое господство, известна... Им приходится жить в свертгущобах — *скид-роу* (ночлежные ряды) (И. Константиновский. Американцы в Европе // Звезда. 1950. № 11);

Более бедные направляются в *флон-хауз*¹⁰⁸, где они спят несколько часов сидя, облокотившись руками на веревку. Когда время истекает, веревку спускают, и люди падают (И. Эренбург. Своей дорогой // Культура и жизнь. 1948. 31 дек.);

...На последней странице появляется добродетельный *коп*¹⁰⁹ (полицейский) со своей резиновой дубинкой... (Литературная газета. 1938. 22 сент.);

Коммунисты на фабриках и заводах. И десятки тысяч агентов и шпииков из ФБР пишут доносы и сами же их проверяют, окутывают шпионско-предательской сетью десятки тысяч честных тружеников, заносят их в «черные списки». *Блэклистед*¹¹⁰ — вот «истинно-американское» понятие, несущее в себе угрозу лишения работы самым честным людям Америки (Звезда. 1950. № 11).

В первые послевоенные годы в связи с освещением событий, происходящих в Германии, особенно в английской и американской зонах оккупации, в публицистике употребляются слова, обозначающие специфические для немецкой жизни тех лет явления, или слова, актуализованные в силу каких-либо социальных причин. Ср., например:

Американцев в Германии прозвали *гешефт раухманами* ‘торговцами дымом’¹¹¹. Табачный дым стал отличным способом их легкого заработка (Крокодил. 1948. № 13);

¹⁰⁶ Англ. *lobby* ‘вестибюль, фойе; кулуары’.

¹⁰⁷ Англ. *squater* букв. ‘сидящий на корточках’; ‘незаконно вселившийся в дом’.

¹⁰⁸ Англ. (американский сленг) *flophouse* ‘ночлежка’.

¹⁰⁹ Англ. *cop* разг. ‘полицейский, «фараон»’.

¹¹⁰ Англ. *black* ‘черный’, *list* ‘список’, *блэклистед* букв. ‘занесенный в черный список’.

¹¹¹ Нем. *Geschäft* ‘дело, предприятие, (торговая) сделка’; *gauchen* ‘курить, дымить’.

Запах жареного кофе и клубы сигаретного дыма висят над Бизонией. Как мухи на мед, летят на эти запахи большие и малые *шиберы* — спекулянты¹¹² (там же);

Очень часто в ответ на наши вопросы мы слышали, что у немцев одна проблема: чем бы набить желудок. *Лебенсмиттель*, т. е. продовольствие¹¹³, — самое модное слово в Германии (Известия. 1946. 12 апр.);

В Германии очень популярно выражение: *Шварцмаркт* — черный рынок. Это — толкучка. Там идет обмен и обман (Известия. 1946. 17 мая).

В отличие от заимствованных слов, сфера употребления которых гораздо шире и в меньшей степени зависит (или даже совсем не зависит) от жанра речи, рассмотренные слова окказиональны по самой своей природе. Цель их употребления — показать специфику, колорит, индивидуальные особенности тех объектов, о которых идет речь. Русский же перевод не отражает этой специфики, поскольку он лишен формальных признаков «иностранности».

Из всего сказанного следует, что, во-первых, рассматриваемый период (40-е — начало 50-х гг.) характеризуется общей тенденцией — отрицательным отношением ко всему иностранному и, в частности, к иноязычным словам, следствием чего является резкое ослабление процесса заимствования и ограничение числа и состава самой заимствуемой лексики (в употреблении остаются заимствованные слова с «отрицательным знаком» — семантическим или стилистическим, а чаще семантико-стилистическим — и немногие термины интернационального характера);

во-вторых, внутри этого периода целесообразно выделение военных лет как особого отрезка времени, характеризующегося наряду со слабо выраженным процессом заимствования активным использованием немецких слов и словосочетаний в качестве экспрессивных элементов речи, а также в качестве номенклатурных наименований должностных лиц, вооружения, техники и т. п. гитлеровской армии; эта лексика не сохранилась в русском языке как активно употребляемый пласт, она используется лишь как историческая, связанная с событиями Великой Отечественной войны и отражением этих событий в литературе;

в-третьих, для конца 40-х — начала 50-х гг. характерно аналогичное использование иноязычных (преимущественно английских) слов также в качестве маркированных в семантическом и эмоциональном отношениях элементов, ограниченных по сфере употребления в основном публицистическими жанрами; эти элементы также не являются заимствованными для русского языка, поскольку

---

¹¹² Нем. *Schieber* букв. 'заслонка, задвижка; золотник'; переносное значение 'спекулянт'. Ср. употребление слова *шибер* в русском воровском аргю.

¹¹³ Нем. *Lebensmittel* 'продовольствие, съестные припасы'.

ку связи подобных слов с системой использующего их языка минимальны и явно недостаточны для того, чтобы считать эти слова заимствованными (см. выше о соотношении заимствованной и экзотической лексики).

АКТИВИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ЗАИМСТВОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 50-х — НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ

Известные перемены, произошедшие в советском государстве и обществе в первой половине 50-х гг., имели не только внутрисполитический, но и широкий международный резонанс. Это выразалось, в частности, в некотором изменении отношений со многими странами капиталистического мира, в налаживании более прочных экономических и культурных связей со странами демократического лагеря.

В середине 50-х гг. был подписан ряд торгово-экономических и культурных договоров с различными государствами, договоров об обмене специалистами, о развитии туристических связей и т. п. Все это, безусловно, означало, с одной стороны, увеличение и укрепление роли и влияния Советского Союза на международной арене, а с другой — ослабление, расшатывание тех экономических, торгово-промышленных и культурных «кордонов», которые в предшествующий период существенно препятствовали иностранному влиянию, в какой бы форме оно ни выражалось.

В языке, в его словаре (несмотря на общепринятое мнение о том, что словарь непосредственно и сразу реагирует на все сдвиги в социальной структуре общества) эти изменения нашли свое отражение не сразу. Нельзя, в частности, утверждать — это и не подтверждается фактами, — что с середины 50-х гг. в русском языке резко возросло число иноязычных заимствованных слов и сам процесс лексического заимствования испытал своего рода скачок в своем развитии.

Влияние изменений в международных связях нашей страны на словарь языка проявлялось в более сложных, опосредствованных формах. Если мы внимательно исследуем газетную публицистику середины (1954—1956) 50-х гг., то почти не обнаружим иноязычных неологизмов, появившихся именно в это время. Однако при этом нельзя не обратить внимание на то, что изменилось само отношение к иноязычной лексике. Оно не выражается прямо, декларативно (как мы видели это в конце 40-х — начале 50-х гг., когда речь шла о необходимости избавиться от иноязычных слов и главным образом от иноязычной терминологии), однако в употреблении иноязычных слов и терминов — подоб-

ных тем, с которыми велась борьба в предшествующий период, — нет особенно заметных сдерживающих, ограничивающих, запретительных начал. Разумеется, речь идет не о том, что иноязычная лексика начинает употребляться где угодно, к месту и не к месту, а о более свободном использовании ее там, где она необходима, — например, в газетной статье на научные, промышленно-технические темы, в научно-популярных жанрах и т. п. Ср., например:

После сушки плитки направляются в горновой цех — на обжиг. Здесь они укладываются в своеобразные контейнеры (*капселя*) и загружаются в горн (Вечерняя Москва. 1954. 10 февр.);

Большой школой для всего коллектива было освоение нового артикула — легкой летней костюмной ткани — *лаймдота* (Труд. 1954. 26 авг.);

На *деррик-кране*... отлично работает Аня Львова, донская казачка, комсомолка (А. Югов. Год свершений // Известия. 1955. 27 июля);

Для того, чтобы яростное здесь течение не сносило этот камень, — вперемежку с ним будут валить в воду бетонные пирамиды в 600 пудов каждая: *тетрайдеры*, как называют их здесь (там же);

Кроме того, предприятия Министерства тяжелого машиностроения должны наладить серийный выпуск мощных *пакетир-прессов* и обеспечить ими металлургические заводы (Известия. 1955. 2 апр.);

Она [пьезоэлектрическая пластинка] является основным элементом *адантеров*, или звукоснимателей, воспринимающих звуковую микрозапись... (Правда. 1956. 19 апр.);

Давно следовало бы организовать доставку в Березники известкового камня... и кокса в *думпкарах* — саморазгружающихся вагонах (Правда. 1956. 3 окт.) и т. п.

К концу 50-х гг., наряду с активным использованием специальной иноязычной терминологии в литературной речи последняя пополняется и новыми заимствованными словами, которые попадают в русский язык не только через специальные сферы (научная и техническая терминология), но и через такие жанры, как газета, публичное выступление, перевод публицистического или художественного произведения с иностранного языка на русский и т. п.

Процесс заимствования иноязычной лексики русским языком второй половины 50-х — начала 60-х гг. характеризуется расширением тематического и семантического круга заимствуемой лексики. Так, если для конца 20-х — 30-х гг. характерно освоение русским литературным языком преимущественно технической терминологии, а заимствование слов, принадлежащих к другим группам, не было определяющим и носило более или менее случайный характер, — то в рассматриваемый период русский язык пополняется иноязычной лексикой, связанной с различными сторонами жизни: научными и техническими терминами, словами, относящимися к политической, экономико-социальной, культурно-бытовой и т. п. сферам.

Правда, ошибочно было бы полагать, что в это время русский язык пополнился массой иноязычных слов, прочно вошедших в его лексическую систему. Трудность в описании иноязычного лексического материала, появление которого в русской речи относится к концу 50-х — началу 60-х гг., заключается в том, что этот материал в значительной своей части не вполне освоен системой русского языка. Судить же о том, насколько прочно иноязычное слово вошло в язык, стало ли оно действительно заимствованным или же представляет собой элемент случайный, можно лишь, имея в своем распоряжении данные о более или менее длительном во времени употреблении этого слова в речи, в различных ее жанрах (если имеется в виду не узкоспециальный термин). Это относится как к лексике, связанной с обозначением новых реалий, так и — в большей степени — к словам, не связанным с называнием новых понятий или предметов: исследователь должен постоянно иметь в виду, что освоение этого рода лексики происходит в постоянном столкновении и взаимодействии с синонимическими исконными (или ранее заимствованными) средствами, и результаты этого взаимодействия — семантическая и стилистическая дифференциация, локализация одного из сосуществующих и взаимодействующих элементов какими-либо специальными, профессиональными, жанровыми рамками, формирование таких отношений между членами синонимической пары, при которых один член выступает в качестве регулярного номинативного средства, а другой — в качестве стилистического варианта, «вспомогательного» элемента и т. д., — зависят от разнообразных причин как внутриязыкового, так и внешнего порядка. Так, например, если речь идет об освоении нового иноязычного термина, то его «стабильность» в заимствующем языке зависит не только от его семантической определенности и самостоятельности, но и от того, как он соотносится с другими терминами данного терминологического поля, каковы сами эти термины, насколько необходим в данной терминологической системе новый термин — либо как обозначение нового явления, либо как замена прежнего, в силу тех или иных причин неудовлетворительного названия.

Если заимствуется не специальный термин, а слово, предназначенное для более или менее широкого употребления (не связанное с обозначением новой реалии и потому «перекрещивающееся» по некоторым своим семантическим дифференциальным признакам с соответствующим словом, уже имеющимся в языке), то важно не только определить те новые семантические и стилистические оттенки, которые содержит иноязычный неологизм по сравнению с его исконным синонимом, при общности основного смысла обоих слов, но и учесть степень актуальности заимствуемого элемента, социальной потребности непременно дифференцировать то, что до сих пор обозначалось одним словом,

специализировать некоторые семантические оттенки, закрепив их за вновь появившимся иноязычным словом.

Иноязычная лексика, связанная с обозначением новых предметов и понятий

Если в конце 20-х — 30-х гг. среди этой группы лексики преобладали слова-термины, которые в ряде случаев сразу же широко употреблялись в речи, а иногда так и оставались сугубо специальными (ср., с одной стороны, *комбайн, контейнер, лейка, планетарий, телевидение, телевизор, троллейбус*, а с другой — *конвертер, протектор, слединг, слябинг, телетайп* и т. п.), то в рассматриваемый период русским языком воспринимаются слова — обозначения вещей и явлений, которые актуальны не только в специальных сферах, но и в быту, в повседневной жизни: ср., например, такие слова, как *мотороллер, транзистор, кемпинг, нейлон* и др. Заимствуются или по крайней мере используются в речи иноязычные слова, связанные со спортивной, с культурно-бытовой сферами, например: *акваланг, биатлон, джинсы, шорты, картинг, ралли, рокк-н-ролл, фибергласс, хула-хуп* и т. п. Подавляющее большинство этих слов представляет собой интернациональную лексику, заимствованную и употребляемую во многих языках. Они, за небольшими исключениями, принадлежат к разряду слов, структурно не отличающихся от их иноязычных прототипов. Лишь три слова (из рассматриваемых) — *джинсы, шорты* и *клипсы* — оформлены с помощью русского форматива множественного числа *-ы*.

Акваланг — аппарат, питающий воздухом пловца под водой. Заимствовано из английского (англ. *aqualung* от лат. *aqua* 'вода' и англ. *lung* 'легкое'). Впервые отмечено в «Этимологическом словаре» Н. М. Шанского (Т. 1. Вып. 1. М., 1963). Производное *аквалангист* — спортсмен, использующий акваланг для подводного плавания. В русском языке *акваланг* появилось, вероятно, в конце 50-х гг. Ср. примеры употребления слова *акваланг* и его производного в речи:

Аквалангисты подо льдом (Вечерняя Москва. 1960. 24 июля);

Я спускался в Бродвей, как идет под водой с *аквалангом* (*А. Вознесенский*. 40 отступлений от поэмы «Треугольная груша». М., 1962);

Аквалангисты — наши лучшие помощники — такой отзыв дали нам ученые... И это действительно так. Спортсмены-подводники в компактном, удобном снаряжении изучают повадки рыб, проводят ботанические и зоологические исследования... (Неделя. 1963. № 43).

Бойлер — прибор для нагревания воды. Слово заимствовано из английского (англ. *boiler* 'котел, кипятильник' — от *to boil* 'кипятить, варить') и используется преимущественно в специальной речи. Ср., впрочем:

В начале этого года руководители Управления электротехнической промышленности Мосгорсовнархоза обещали начать выпуск *бойлеров*. Эти нагревательные приборы с удовольствием установят тысячи москвичей в тех квартирах, куда не проведена еще горячая вода (Вечерняя Москва. 1964. 3 июля).

Бойлер зарегистрировано в СИС-1964.

Может вызвать сомнение, насколько необходимо это слово в русском языке: несмотря на то, что оно обозначает особый прибор для нагревания воды, его семантическая связь с такими словами, как *кипятильник*, *нагреватель*, «*титан*», очевидна. Возможно, что *бойлер* останется в специальном употреблении¹¹⁴.

Джинсы — особая разновидность брюк. Слово заимствовано из английского языка, где оно также не является исконным. Ср.: «Английский язык заимствовал из итальянского в Средних веках слово *jean* — название ткани, по городу Жапуа (Генуя), который славился этой тканью. В Америке это слово, употребленное во множественном числе, стало означать ‘брюки’ — *jeans* (джинсы)...» [Жданов 1963: 22]. У нас слово *джинсы* стало употребляться приблизительно с конца 50-х гг. При этом о новизне, недостаточной освоенности этого слова в языке свидетельствовала его формальная неустойчивость: наряду с *джинсы* (по аналогии с русскими *pluralia tantum*) встречалась и неизменяемая форма *джинс*, которая ближе к английскому оригиналу, но грамматически «трудна», необычна для русского языка. Ср. такие примеры:

...Теперь сестра присылала ему [Виталию] рисунки причесок, яркие рубашки и техасские штаны с заклепками и молниями. Рубашки Виталий запихивал в черные немецкие чемоданы, а *джинсы* носил. К *джинсам* полагались борода и проволочный ежик на голове (Вл. Орлов. Соленый арбуз // Юность. 1963. № 9);

Я глядел на него [Дино] — все в нем меня отталкивало. Кожаная куртка, узкие синие *джинсы*, теперь их носят только фашисты и малые ребята... (В. Пратолини. Постоянство разума: Пер. с итал. // Иностранная литература. 1964. № 6);

До сих пор на весь мир рекламировался «американский образ жизни»: жевательная резинка, небоскребы, комиксы, автомобили, кока-кола, конгресс, штаны *джинс*, голливудские кинобоевики (Правда. 1963. 15 нояб.).

В связи с этим словом следует рассмотреть и другое, сходное по значению, появившееся приблизительно в то же время, — *шорты* ‘короткие спортивные штаны выше колен’. Оно заимствовано также из английского (англ. *shorts* ‘тру-

¹¹⁴ *Бойлер* сейчас употребляется в качестве технического термина и имеет производное *бойлерный* (форма женского рода этого прилагательного субстантивировалась и служит для обозначения помещения, в котором находится бойлер). — Примечание 2003 года.

сики' от *short* 'короткий'), причем если в слове *джинсы* русское окончание *-ы* как бы «сдублировало» английский форматив множественного числа *-s*, то в этом слове при заимствовании *-s* утратилось, и окончание *-ы* присоединилось к производящей основе английского прототипа¹¹⁵. Впервые *шорты* отмечено в СО-1960.

Это одно из тех иноязычных слов, которые вызывают протесты у носителей языка, ссылающихся на ненужность подобных заимствований, так как они засоряют речь. Ср., например:

...*Шорты* — это спортивные, теннисные трусы. Но почему не сказать это по-русски, так, чтобы всем было ясно? Напечатанное слово лучше запоминается, и поэтому, употребляя подобные варваризмы, литераторы [речь идет о переводчиках художественной литературы. — Л. К.] вольно или невольно вводят их в широкий обиход, закрепляют в сознании (В. Г. Костомаров. Словесные сорняки // Литература и жизнь. 1959. 16 дек.).

С 60-х гг. слово *шорты* употребительно в речи (не только в переводах), точно называя тот предмет, который оно обозначает и который имеет довольно широкое распространение. Ср.:

Из туристского лагеря спустились женщины в брюках или хуже того — в *шортах*... (Э. Триоле. Розы в кредит, гл. V, пер. Т. В. Ивановой);

Всю эту компанию возглавлял бритый наголо, загорелый академик — кстати, тоже в *шортах*... он сделал неопределенный и несколько грустный жест в сторону *шортовой* компании, возглавляемой им (Е. Евтушенко. Куриный бог // Молодая гвардия. 1963. № 1);

На ней были *шорты* с изображением подмигивающей физиономии, тесная курточка-безрукавка... и огромный прозрачный шарф... (А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века. М., 1965).

Кемпинг — лагерь для автотуристов. Заимствовано из английского (англ. *camping* — от *to camp* 'стоять лагерем'). Появилось в русском языке на рубеже 50-х — 60-х гг.¹¹⁶. Ср. такие примеры:

...сооружается *кемпинг* (лагерь для автотуристов) (Московский комсомолец. 1960. 10 янв.);

¹¹⁵ Любопытно, что и французский язык заимствовал не *shorts*, а *short* (см.: F. de Grand Combe. De l'anglomanie en français // Le français moderne. 1954. № 4), хотя значением 'трусики, короткие штаны' в английском языке обладает только первое слово.

¹¹⁶ Ср. статью «На автомобильных трассах» (Труд. 1954. 31 марта), в которой говорится как раз об устройстве лагерей для автотуристов, но слово *кемпинг* еще не употребляется.

К началу летнего сезона здесь... откроется *кемпинг* — автотуристский лагерь (Вечерняя Москва. 1960. 1 марта);

В Советском Союзе успешно развивается *кемпинговый* туризм. Прошлым летом вблизи основных автомагистралей и в курортных районах Черноморского побережья уже действовало около 30 *кемпингов* — благоустроенных, комфортабельных палаточных лагерей. Каждый *кемпинг* рассчитан на прием 150—200 туристов и 50—60 автомобилей (Известия. 1960. № 151).

Любопытно, что это слово испытало при его вхождении в русский язык семантическую неустойчивость, которая, правда, была кратковременной и нехарактерной в целом для употребления этого слова в речи. Ср. в переводе с иностранного:

— Вот уже 50 лет, — рассказывает Вильям де Рехт, — я увлекаюсь *кемпингам* — путешествием без гостиниц — и считаю, что это самый прекрасный отдых (Вечерняя Москва. 1960. 24 июня).

Клипсы — вид серег, которые крепятся на мочке уха с помощью специального зажима. Заимствовано из английского языка (англ. *clip* 'зажим, скрепка, серьга', мн. ч. *clips*), по-видимому, в середине 50-х гг. Впервые отмечено в СО-1960.

Два технических термина — *ла́зер*¹¹⁷ и *ма́зер* — получили широкое распространение и в неспециальной речи благодаря чрезвычайной актуальности и эффективности самих приборов, которые названы этими словами. Оба термина заимствованы из английского языка (англ. *laser* — аббревиатура, образованная из словосочетания *light amplification by stimulated emission of radiation* 'усиление света путем вынужденного излучения'; *мазер* — также сокращение, образованное из *microwave amplification by stimulated emission of radiation* 'усиление микроволн путем вынужденного излучения').

Начало употребления этих терминов в русской литературной речи — обычно в научно-популярных газетных и журнальных статьях — относится к середине 60-х гг. При этом, по-видимому, вследствие того, что лазеры находят большее применение, чем микроволновые усилители, и само слово *лазер* употребляется чаще и разнообразнее, чем *мазер*. Ср., например:

Квантовые приборы [радиоспектроскопы с использованием молекулярных пучков], по предложению профессора Ч. Таунса, получили название *мазеров*... Но всеобщее признание квантовая электроника получила лишь после создания квантовых генераторов оптического диапазона — *лазеров*. Работы в этом направлении начались в 1957—1958 годах, а первый *лазер* был создан в 1960 году (Наука и жизнь. 1965. № 3);

¹¹⁷ В СИС-1964, где оба слова впервые отмечены, указывается также форма *ласер*.

Это чудо [передача изображения с помощью световых волн] стало возможным потому, что экспериментаторы использовали свет оптического квантового генератора, или, как его еще называют, *лазера*... Специалисты в области связи приняли самое деятельное участие в «лазерной лихорадке», охватившей научные организации мира (Известия. 1966. 23 янв.).

Мотель — гостиница для автомобилистов. Это слово образовано путем сокращения английского словосочетания *motorists' hotel*. Первые мотели появились в Америке, откуда и пришло в русский язык — вместе с обозначаемой реальией — само слово *мотель* [ср. помету *амер.* — американизм — при слове *motel* в «Англо-русском словаре» В. К. Мюллера (9 изд. М., 1962)]. Начало его употребления у нас относится примерно к тому же времени, что и появление слова *кемпинг*. Ср.:

Пройдет немного времени, — говорит М. Посохин, — и вся местность преобразится. На мысе возникнут гостиницы-пансионаты, *мотель* — гостиница для автомобилистов... (Вечерняя Москва. 1959. 17 окт.);

Вдоль шоссе появятся уютные здания — *мотели*, где водители смогут отдохнуть, а тем временем специалисты осмотрят машину, заправят ее и, если нужно, окажут необходимую «помощь» (Известия. 1960. 17 авг.);

Показалось ровное полотно кольцевой автострады, а рядом светлое здание. — Вот и *мотель*, — воскликнул шофер (Вечерняя Москва. 1962. 31 мая);

Мы останавливались на ночь то в больших гостиницах, то в *мотелях*, то в комнатах, которые жители городишек сдавали приезжим (И. Эренбург. В Южных штатах // Юность. 1963. № 2).

Слова *кемпинг* и *мотель* впервые зафиксированы в СИС-1964.

Мотороллер — разновидность мотоцикла. Заимствовано из немецкого языка (нем. *Motorroller* — сложное слово, образованное из двух самостоятельных *Motor* и *Roller* ‘роллер, самокат’¹¹⁸). При заимствовании двойное *rr* на стыке основ упростилось, дав в русском одно *r*. Слово *мотороллер*, таким образом, оказалось в ином структурном ряду слов, нежели его прототип в немецком языке, хотя оба ряда сходны семантически (ср. *мото-роллер*, *мото-када*, *мото-бот*, *мото-цикл*, *мото-воз*, *мото-спорт* и *Motor-roller*, *Motor-boot*, *Motor-rad* ‘мотоцикл’, *Motor-sport* и т. п.).

В русском языке слово *мотороллер* появилось в середине 50-х гг. Отмечено в СО-1960. Вот один из первых примеров его употребления:

Что за странная машина изображена на помещенном здесь снимке? Ее можно увидеть на улицах города и на подмосковных шоссе. Это *мотороллер*, иначе говоря мотоцикл, отличающийся от обычного компактностью, небольшим

¹¹⁸ В немецком языке *Roller* употребляется также в значении ‘мотороллер’.

диаметром колес и низким расположением всего оборудования (Вечерняя Москва. 1956. 11 июня)¹¹⁹.

Нейлон — похожее на шелк синтетическое волокно, а также ткань из этого волокна. Заимствовано из английского языка. Англ. *nylon* — искусственно образованное слово (от первых букв названий *New York* и *London*), которое было выбрано одной английской фирмой из 350 номинаций, предложенных на конкурс. *Nylon* было признано легко запоминающимся термином, созвучным с существующими названиями волокон (*cotton* ‘хлопок’, *rayon* ‘искусственный шелк’) и в то же время не вызывающим ложных ассоциаций ни с каким определенным материалом¹²⁰. В русской лексикографической практике слово *нейлон* впервые зафиксировал СО-1960. В последние годы к этому слову добавились новые заимствования аналогичной структуры (с общей частью *-лон*): *перлон*¹²¹, *ксилон*¹²², *поролон*¹²³ и др.

Транзистор — полупроводниковый прибор, служащий усилителем электрических сигналов. Заимствовано из английского языка (англ. *transistor* образовано путем объединения слов *to transfer* ‘переносить, перемещать’ и *resistor* ‘сопротивление’).

Главное свое применение транзисторы нашли в радиотехнике и электротехнике; с конца 50-х — начала 60-х гг. широко распространились транзисторные радиоприемники, которые в разговорной речи получили название *транзисторы*. Последнее образовано в результате процесса включения, которому подверглось словосочетание «транзисторные приемники» (ср. слова *детектив* — де-

¹¹⁹ В спортивной терминологии в 60-е гг. появилось слово *лыжероллеры*, образованное путем объединения основы русского слова и второй части немецкого заимствования. Лыжероллеры — специальные приспособления, «самокаты», предназначенные для тренировок лыжника летом (см.: Наука и жизнь. 1966. № 1).

¹²⁰ См.: Труевцева Т. И. Расширение словарного состава английского языка в связи с развитием текстильного производства: Автореф. ... канд. филолог. наук. Л., 1953. С. 11.

¹²¹ См. СИС-1964, где указан и иноязычный прототип этого слова: нем. *Perlon*.

¹²² Восходит, по-видимому, к греч. ζύλον ‘дерево’ (*ксилон* — материал, получаемый из целлюлозы, которая в свою очередь вырабатывается из древесины).

¹²³ Первая часть этого слова (*поро-*) — греческий по происхождению элемент: πόρος ‘отверстие, проход (в коже, поверхности)’. В современной русской речи *поролон* может восприниматься как образованное на русской почве (<*пора*, *пористый*), что, вообще говоря, не так уж и противоречит действительному положению вещей: русск. *пора* через др.-верх.-нем. *Pore* заимствовано из латинского (*porum*), куда оно попало из греческого (см.: [Фасмер 1964—1973. Т. 3: 328]).

О словах с элементом *-лон (-он)* см. заметку Е. И. Голановой (Вопросы культуры речи. Вып. 8. М., 1967).

тективное произведение, *детектор* — детекторный приемник, *кибер*¹²⁴ — кибернетическое устройство и т. п., полученные таким же путем). Слово *транзистор* во втором значении (радиоприемник) употребительно в различных жанрах современной литературной речи.

Впервые *транзистор* упоминается в «Большой советской энциклопедии» (т. 43. 1956); словарно оно отмечено впервые в СИС-1964. Ср. данные о начале распространения этого изобретения (первоначально главным образом в среде специалистов, а затем и более широко):

Немногим более пятнадцати лет тому назад в лабораториях радиоспециалистов появились первые образцы *транзисторов* — полупроводниковых приборов для усиления и генерирования электрических сигналов. Первые *транзисторы* открывали перед создателями радиоэлектронной аппаратуры весьма ограниченные возможности. К тому же процесс серийного изготовления *транзисторов* представлялся весьма сложным. Но для многих было ясно, что пройдет время, будут взяты трудные технологические барьеры, и *транзисторы*, проявив свои замечательные «таланты», выиграют соревнование с электронной лампой. Так оно в действительности и произошло. Но, конечно, не сразу... Процесс «*транзисторизации*» — широкого применения *транзисторов* в радиоэлектронной аппаратуре, — начавшийся с батарейных радиовещательных приемников, сейчас развивается лавинообразно. Уже созданы *транзисторные* телевизоры, магнитофоны, электронные медицинские приборы, вычислительные машины... (Наука и жизнь. 1965. № 7).

Помимо рассмотренных слов, которые можно отнести к более или менее регулярно употребляемым в русской речи иноязычным неологизмам, в период второй половины 50-х — начала 60-х гг. отмечены случаи использования в различных речевых жанрах таких слов (связанных с обозначением новых понятий), которые принадлежат к экзотической лексике или к словам, отнесение которых либо к заимствованиям, либо к экзотизмам, либо к иноязычным вкраплениям затруднено именно вследствие их окказиональности и зависимости их использования в речи от ряда внешних причин.

Расширяется тематический круг экзотизмов, а также круг тех языков, лексика которых используется в русском как экзотическая. В сферу газетной ин-

¹²⁴ Ср., например:

Все эти, а также многие другие сведения Кек нанес на магнитофонную ленту, засунул ленту в *кибер* и нажал кнопку. *Кибер* заурчал и принялся бодро прокручивать программу (Наука и жизнь. 1964. № 2);

Он висел у меня над головой среди заплесневелых проводов, этот давно устаревший *кибер*, предназначенный для работ на астероидах, жалкий и нелепый, весь в лохмотьях от карбонной коррозии и в кляксах черной подземной грязи (А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века. М., 1965).

формации, очерковой литературы и, шире, вообще публицистики и журналистики вовлекаются новые темы, связанные, в частности, с событиями в самых разных частях земного шара, в самых отдаленных странах и землях. Это влечет за собой неизбежное употребление слов, характеризующих эти страны с этнической, политической и т. п. точек зрения. Особенное увеличение удельного веса экзотизмов в публицистических текстах заметно в 60-е годы. Ср. следующие примеры:

Нельзя быть в Уругвае и не посетить основное промышленное предприятие *фригорифико*¹²⁵ — мясохладобойню (Литературная газета. 1963. 21 нояб.);

Сафра — самая страдная пора на Кубе. Это уборка сахарного тростника и переработка его на *сентралях* — сахарных заводах... В этом году на сахарные плантации в помощь *мачетеро* — рубщикам сахарного тростника — выйдут 500 советских сахароуборочных комбайнов (Известия. 1964. 17 нояб.);

Африканцы практически лишены возможности пользоваться медицинской помощью. Лечение стоит невероятно дорого. К тому же к врачу очень трудно попасть на прием. Ведь в так называемых *бантустанах* (резервациях для африканцев) один врач приходится на 20—40 тысяч человек (Литературная газета. 1964. 10 июля);

Бесплодные, лишенные воды земли *бантустанов*, выделенные для десяти миллионов коренного населения, составляют всего около 13 процентов площади страны [ЮАР] (Комсомольская правда. 1964. 22 сент.);

...Газета сокрушается не о том, что иностранные рабочие получают меньше швейцарцев, живут в *бидонвилях*¹²⁶, лишены элементарных гражданских прав... (Литературная газета. 1964. 29 авг.);

В Турции каждый, кто служит у иностранца, называется *кавасом* (Неделя. 1964. № 44);

Традиционное путешествие королевской лодки *литунги* (верховного правителя) Замбезии... (За рубежом. 1964. № 45);

Эта красочная церемония, называемая *куамбока*, передается из поколения в поколение (там же);

...Англичане захватят командные позиции, с которых можно контролировать на одной стороне бассейн Джамбы, а на другой — относительно населенную долину *вади* (то есть пересыхающей реки) Таим... (там же);

Канадское правительство... давало иммигрантам за десять долларов *хоумстэд*¹²⁷ — участок земли площадью в 64 гектара (Литературная газета. 1964. 12 нояб.);

¹²⁵ Исп. *frigorífico* 'холодильный, охлаждающий'; в латиноамериканских странах этим словом называют мясокомбинат (см. Испанско-русский словарь / Под ред. Ф. П. Кельина. М., 1953).

¹²⁶ Франц. *bidonville* 'хиларки из фанеры, жести и т. п. (в пригороде, где живет беднейшее население)' — см.: Французско-русский словарь / Сост. К. А. Ганшиной. М., 1962.

¹²⁷ Англ. *homestead* 'усадьба, ферма; участок поселенца'.

Мы искренне обрадовались, когда разыскали маленькую продовольственную лавку под громкой вывеской *супермаркет* (примечание редакции: обычно большой продовольственный магазин самообслуживания [в США]) (За рубежом. 1964. № 23) и т. п.

Иногда экзотические слова используются не только в номинативной функции, но и переносно, метафорически. Возможность употребления слова метафорически зависит как от его смысловой структуры, специфики его значения (некоторые из экзотизмов в этом смысле «бедны» и не служат материалом для метафор — ср. этнонимы и некоторые группы экзотической лексики), так и от степени употребительности экзотизма в языке, от того, насколько знакомо то или иное слово носителям языка.

Ср. примеры прямого и переносного употребления слов *смог* и *супермен*:

Но есть и еще одна причина считать традицию каминов [в лондонских домах] несчастьем. Определяется она гибридным словом *смог*, родившимся от двух разных слов: *смоук* 'дым' и *фог* 'туман'... По Лондону часто ползают туманы, но бывают дни, когда сплошной *фог* заполняет все улицы и площади столицы, и вот если это зима, то в плотную массу *фога* входит *смоук* — дым сотен тысяч семейных каминов (С. Образцов. Две поездки в Лондон // Новый мир. 1955. № 6);

Непредвзятым взглядом на жизнь, наблюдательностью, иронией привлек фильм Франко Росси «Смог»... Он [автор] говорит о нависшем над Америкой *смоге* — сыром ядовитом тумане, о *духовном смоге бизнеса*, отравляющем все: и жизнь, и любовь, и надежды (Л. Писаревский. Венеция. 1962 // Искусство кино. 1963. № 1);

Не менее колоритна фигура президента ЮАР Чарльза Сварта. До войны он жил в США: подвизался в качестве репортера в Нью-Йорке, был киноактером в Голливуде (играл *суперменов*)¹²⁸... (Новый мир. 1964. № 9);

Работа, выполняемая сейчас в «Корнелл эйрнотикл лаборатори» в городе Буффало, штат Нью-Йорк, в случае успешного завершения дает возможность превращать простого смертного в сверхчеловека... Бригада *суперменов*, оснащенных усилителями, может оказать помощь в любом труднодоступном месте, где невозможно использование машин (За рубежом. 1964. № 25)¹²⁹;

...Это такая секта наших простых советских *суперменов*. Вроде трясунов. Адвентисты выходного дня... (Л. Лиходеев. Адвентисты выходного дня: Фельетон / Комсомольская правда. 1964. 13 дек.).

¹²⁸ Англ. *superman* '1) сверхчеловек; 2) персонаж бульварной литературы, комиксов и т. п.' (см.: Англо-русский словарь / Под ред. В. К. Мюллера. 9-е изд. М., 1962).

¹²⁹ В данном случае речь идет об изобретении американских инженеров, позволяющем при помощи скафандра, оснащенного специальной гидравлической системой, увеличивать в несколько раз обычные мускульные усилия человека. Слово *супермен* употребляется здесь без какой-либо отрицательной эмоциональной окраски.

В зависимости от того, насколько ново то или иное слово, насколько оно непривычно для носителей русского языка, оно сопровождается более или менее подробными пояснениями. Естественно, что чем случайнее слово, чем оно реже, тем больших разъяснений требуется при его употреблении; и, напротив, экзотизм, употребляющийся часто, не сопровождается русскими параллелями, его экзотичность, «иностранность» менее заметна, и, если к тому есть необходимые условия, он может приобретать некоторые признаки, сближающие его с заимствованными словами.

Приведем некоторые примеры.

Среди экзотической лексики выделяются американизмы, которые включают как слова с отрицательным семантическим и эмоционально-стилистическим ореолом, так и слова — названия тех или иных фактов и явлений, отношение к которым не выражено непосредственно в слове и его контекстуальном окружении, а зависит от ситуации речи, от тех или иных намерений говорящего и т. д. (ср. употребление американизмов в конце 40-х — начале 50-х гг.).

Слово *битник* появилось в русской речи во второй половине 50-х гг. В Америке *битниками* называли молодых людей, которые стояли в своеобразной демонстративной оппозиции к обществу, выражавшейся главным образом во внешности битников, в манерах их поведения, образе жизни и т. д. Слово *beatnik* образовано от глагола *to beat* (основное значение которого ‘бить, ударять’; ср. также употребление слова *beat* в американском сленге в значении ‘бездельник’) с помощью суффикса *-nik*, заимствованного из русского языка в составе соответствующих имен (типа *спутник*)¹³⁰.

Употреблялось *битник* в 60-е гг. преимущественно в связи с «американской» темой. Слово стилистически маркировано, но это зависит не от его семантических или стилистических особенностей, а от того отношения, которое проявляет говорящий к явлению, обозначаемому словом. Поэтому и проявляться эта эмоционально-стилистическая окрашенность может в разной степени. Например:

Мы — *битники*. Среди хулы
Мы — как звереныши, волчата,
Скандалы, точно кандалы,
За нами с лязгом волочатся

(А. Вознесенский. Монолог битника);

¹³⁰ «В обиход это слово было пущено Джеком Керуаком в конце 40-х годов» (Митрохин Л. Американские миражи. М., 1965. С. 327). См. заметку об этом слове А. А. Брагиной (Вопросы культуры речи. Вып. 5. М., 1964).

И подобно, тому, как Ницше создал своего «сверхчеловека», Мейлер создает в своем хипстере ¹³¹ некоего мифического «сверхбитника» — американского экзистенциалиста (В. Неделин. В сумерках психоанализа // Иностранная литература. 1963. № 10).

Ср. случай любопытной интерпретации этого слова в речи персонажа художественного произведения:

— Вишь какой! — удивленно-грозно апеллирует отец к собравшимся. — Ты ему слово, он тебе десять!

— Наш совхозный битник, — степенно замечает толстый, с набрякшим лицом заведующий почтой.

— Ну да! От слова *бить*! — горячится отец. — Нужно бы, да некому! (О. Гончар. Тронка: Пер. с укр. М., 1964).

Ср. также:

Но вот словечко еще совсем с пылу, горячее:

— Тоже мне битник! До первой бани... (Г. Литинский. Время и стиль // Неделя. 1966. 22 окт.) ¹³².

Подобно битнику, международными стали и такие американизмы, как *стриптиз*, *рокк-н-ролл*, *хула-хуп*, *твист* и др. Любопытно, что и в английском языке

¹³¹ *Хипстер* ‘разболтанный’ — один из синонимов слова *битник* в «американском» английском языке: *Хипстер* — это человек с особой развинченной походкой, он вихляет бедрами [англ. *hip* ‘бедро’] и волочит ноги, имитируя движения танцующего рок-н-ролла... *Битники* — это, так сказать, «теоретики», философы этого течения; *хипстеры* — его вертлявые гонцы (Л. Митрохин. Американские миражи). Ср. сокращенную форму этого слова *хиппи*.

¹³² Ср. также специфические обозначения представителей определенных групп молодежи на Западе, появившиеся в употреблении: *мод* (из *модерн*), *рокер*, *тедди-бой*, *кросс-бой* и т. п.

В этом побойше участвовали более трех тысяч юношей, членов двух враждующих кланов: *модерны* и *рокеры*... Эта драка явилась поводом к тому, чтобы о проблеме *рокеров* и *модов* заговорили в печати, хотя она существует уже несколько лет (Советская культура. 1964. 18 июля);

...Эти материалы поражают рассказом о той страшной обстановке взаимной ненависти, полного презрения к духовной чистоте и человеческим чувствам, которая характерна для английских *модов* и *рокеров*, французских *черноблужников* (ср.: Французы называют их *блужон нуар*... — Курьер ЮНЕСКО. 1964. № 5), шведских *раггаров*, итальянских *гага* (Советская культура. 1964. 18 июля);

Здесь можно увидеть американизированных юношей и девушек, именуемых *кросс-бойз* (парни на перекрестках) (Комсомольская правда. 1964. 11 нояб.);

— Чем вы занимаетесь? — спрашивала я *тинейджеров* [англ. *teenager* ‘подросток’] — молодых людей возраста 15—20 лет — в вечерний час на одной из главных улиц Ковентри (Литературная газета. 1965. 12 янв.).

эти слова имеют небольшую традицию употребления; их экспансия в другие языки обусловлена быстро распространившейся известностью, которую приобрели соответствующие явления. Группы подобных слов постоянно обновляются, пополняясь новыми названиями. Некоторые из этих слов устаревают, что опять-таки связано с «нестойкостью», «модностью» и поэтому быстрой архаизацией обозначаемых явлений (ср. такие слова, как *буги-вуги*¹³³, *бутлег(е)р* — контрабандист, торговец спиртными напитками в США во время действовавшего там «сухого закона» — и т. п.). По сравнению с заимствованными словами эти слова представляются «однодневками», иноязычными элементами, присутствие которых в речи зависит от неязыковых и случайных по своей природе причин.

Однако некоторые из этих слов, поначалу воспринимавшиеся как экзотизмы, прижились в русском языке и даже послужили базой для производных. Таким, например, оказалось слово *стриптиз*. Ср.:

В ревью
танцовщица раздевается, дуря.
Реву? Или режут мне глаза прожектора?
Шарф срывает, шаль срывает, мишуру,
Как сдирают с апельсина кожуру.
А в глазах тоска такая, как у птиц.
Этот танец называется *стриптиз*

(А. Вознесенский. *Стриптиз*);

Самым распространенным ночным аттракционом американских городов стал *стриптиз*. «Боди-шоу» («Представление тел») — название одного из подобных заведений в Голливуде (За рубежом. 1964. № 23);

В Лондоне, сообщает «Ньюс оф уорлд», существует тщательно продуманная организация, принимающая заказы на частные *стриптиз-шоу* (Неделя. 1963. № 50);

На Кристин для нас свет клином не сошелся, — сказал один из владельцев *стриптизного* клуба в Сохо (там же)¹³⁴.

Слово *рокк-н-ролл* употребляется в различном написании: *рок-н-ролл*, *рок-энд-ролл* и т. п.¹³⁵, а также в сокращенной форме *рок(к)*. Ср., например:

¹³³ «Дези была артистка. Она сама иногда ходила сюда потанцевать и знала этих ребят.

— В ваши годы, — сказала ей одна из девочек, — в ваши годы танцевали *буги-вуги* и *рок*, а мы танцуем *стамп*, у нас свои танцы» (Д. Гранин. Месяц вверх ногами // Знамя. 1966. № 1).

¹³⁴ Англ. *strip-tease* происходит от двух слов: *to strip* 'снимать, обнажать, раздеваться' и *to tease* 'дразнить, поддразнивать'.

¹³⁵ См. заметку Н. А. Еськовой (Вопросы культуры речи. Вып. 5. М., 1964). В английском языке это слово также имеет полную и редуцированную формы: *rock-and-roll* и

Он выросстал, имея много денег... Каждый вечер в ресторане или на вечеринке с *рокк-н-роллам* (С. Морозов. У дамочки Салли нашелся друг // Известия. 1960. 27 дек.);

[Айтана]: *Рок-эн-ролл* после боя быков! (Ж. Сориа. Вторая неделя: Пер. с франц. К. Симонова // Театр. 1964. № 10);

Кончили *рокк* и начали медленный танец. В этот субботний вечер зал был переполнен (В. Пратолини. Постоянство разума: Пер. с итал. // Иностранная литература. 1964. № 6).

Несколько позднее слова *рокк-н-ролл* появились *твист*, *ватусси* и др. — также названия модных в 60-е гг. в Америке и на Западе танцев. Ср.:

А человек, где-то услышавший о *хула-хуп* [любопытна несклоняемость в данном случае этого слова, тогда как в дальнейшем стали употребительны формы *о хула-хупе*, *для хула-хупа* и т. п. — преимущественно в устной речи], заявляет себя страстным его любителем, хоть в глаза не видел обруча, с которым его танцуют (Комсомольская правда. 1959. 14 марта);

...Американцы захвачены новой лихорадкой, новым коллективным психозом, новым танцем под названием *твист* (примечание редакции: *Twist* (англ.) 'извиваться, изворачиваться, искривление, вывих')... Первооткрыватели *твиста* приглашены участвовать в съемках фильма «Настоящие вистеры» (Л. Визницер. Танец атомного психоза // За рубежом. 1961. № 48)¹³⁶;

Последним криком танцевальной моды в Америке стал танец *ватусси* — особый вариант твиста. В этом танце уже вообще не сходят с места. Лишь нижняя часть тела и грудь делают недвусмысленные ритмические движения под электрогитарные звуки и вопли танцующих (За рубежом. 1964. № 23).

Ср. также другие слова, обозначающие те или иные модные, характерные для современного западного мира явления, которые фигурируют в нашей речи (главным образом — в газетно-публицистической) как в «отрицательно-критическом» контексте, так и нейтрально, в качестве номинативного средства.

Скэпп — это фотография (или единственный в своем роде фоторепортаж) о событии, за которым с необычайной страстностью охотится так называемая большая иллюстрированная пресса: любовные похождения кинозвезд; снимки мо-

---

rock 'n' roll (от двух глаголов *to rock* 'трястись, качаться' и *to roll* 'вертеть(ся), вращать(ся)').

¹³⁶ Ср. также глагол *твистовать*, употребляемый в значении 'танцевать твист' или 'двигаться подобно танцующим твист':

За сорок! Градусники лопаются.
Твистует пьяно ртуть в пыли,
 Как будто крошечные глобусы,
 С которых страны оползли

(Евг. Евтушенко. Жара в Риме // Юность. 1966. № 1).

лоденьких принцесс, купающихся на частных пляжах в полуобнаженном виде; интимные подробности жизни известных деятелей артистического мира ¹³⁷ (Неделя. 1963. № 18);

Новая проблема волнует ныне «свободный мир». Буржуазные газеты заполнены статьями, фельетонами, фотографиями, посвященными одному и тому же «актуальному вопросу»: имеет ли право на существование *топлесс*? К сведению непосвященных *топлесс* (буквальный перевод «без верха») — это женский купальник... без верхней части. Подобное «величайшее открытие века» выбросил не так давно на рынок некий американский модельер, обуреваемый жаждой приумножить свои доходы (Литературная газета. 1964. 4 июля);

По подсчетам американского иллюстрированного журнала «Лук», ежегодный капиталоборот *гэмблинга* в США исчисляется гигантской суммой в 15 миллиардов долларов. *Гэмблинг* — это игра в рулетку и покер, в кости и бридж, это — пари и ставки на скачках, мотогонках, футболе, бейсболе, баскетболе, это другие азартные игры и пари ¹³⁸ (Известия. 1964. 2 окт.);

Киднэтинг, или похищение людей с целью получения выкупа, давно стал весьма доходным бизнесом в США ¹³⁹ (Вечерняя Москва. 1965. 29 июня);

Драматург Артур Лорентс воплотил этот замысел в форме *мьюзикл* (так называют американцы этот широко распространенный в США жанр; органическое сочетание драмы с пением и хореографией) (Искусство кино. 1964. № 10);

Предметное, популярное или, как его называют, *поп-искусство* ¹⁴⁰ проникло на сцены западных театров. Там оно породило новый жанр, так называемый *хэппенинг* ¹⁴¹ — спектакль, сценой которого является действительность, а зрители — в то же самое время и действующие лица (За рубежом. 1964. № 51).

¹³⁷ Форма *скэпп*, по-видимому, не совсем точна, поскольку это слово происходит от английского *scoop* [sku:p], обозначающего в сленговой речи сенсационную новость, опубликованную в какой-либо газете до ее появления в других газетах.

¹³⁸ От англ. *gamble* '1) азартная игра; 2) рискованное предприятие'.

¹³⁹ От англ. *to kidnap* '1) украсть ребенка; 2) насильно или обманом похитить кого-либо'.

¹⁴⁰ *Pop* — сокращение от прилагательного *popular*, употребляемое в современной английской публицистике как семантический эквивалент полной формы, а также в специализированном значении: *поп-искусство*, *поп-артисты* — обозначения, относящиеся к определенному направлению в современном эстрадном искусстве. Ср.:

Pop singer Adam Faith due to fly to South Africa... (Daily Worker. 1964. 23 дек.);

В главе, посвященной живописи, он [Ю. Жуков] ведет огонь по теоретикам и практикам *поп-арта*, считающим, что они, сменив абстракционистов, подняли живопись на новую высоту. Между тем, полотна *поп-артистов*, в особенности американских, находятся вне всяких пределов искусства (Литературная газета. 1965. 20 апр.).

¹⁴¹ Англ. *happening* 'случай, событие' от *to happen* 'случаться, происходить'.

Ср. употребление этого слова в иной, более русифицированной графической форме:

Со скрипучих чердаков, покинутых складов и пригородных свалок *хепениги* — эти «квази»-театральные представления — окончательно перебрались в концертные залы, расположенные на аристократической 57-й стрит. Появившиеся в порядке эксперимента в 1950-е гг., эти «действия» ныне окончательно утвердились как явление в культурной жизни США (Советская культура. 1964. 17 дек.).

Примеры употребления подобной лексики в речи 60-х годов XX в. можно было бы значительно умножить. Однако это не имеет существенного значения для характеристики словарного состава русского языка, поскольку такие слова в этот период не принадлежат его лексической системе, оставаясь элементами тех языков, которым они обязаны своим происхождением, и лишь используясь в русской речи при необходимости назвать или описать явления, характерные для «буржуазного мира».

Однако многочисленность и частота подобных слов в речи — свидетельство интенсификации процесса включения в речевую цепь иноязычных элементов, расширения круга этих включаемых элементов, что в конечном счете может приводить и приводит к закреплению в языке некоторых из вновь вводимых в употребление иноязычных слов в качестве заимствованных.

Иноязычная лексика, не связанная с обозначением новых предметов и понятий

При анализе слов, связанных с обозначением новых объектов или понятий, суждение о том, насколько необходимы эти слова, насколько они освоены языком, в каких жанрах речи употребляются и т. д., в известной мере зависит от неязыковых обстоятельств и, в частности, от того, насколько данная вещь или понятие вошли в материальную и интеллектуальную жизнь общества, в обиход носителей языка.

Главная отличительная черта рассматриваемых в настоящем разделе слов заключается в том, что их значения не обладают соотносимостью с такими понятиями, которые не были бы известны носителям русского языка до знакомства с соответствующим иноязычным словом. Другими словами, речь идет о лексике, обозначающей те же или, вернее, приблизительно те же понятия, которые уже обозначены соответствующими русскими словами или словосочетаниями.

Уже отмечавшаяся выше (см. с. 89 и след.) свойственная языку тенденция к устранению дублетных форм в лексике находит себе выражение в семантическом, стилистическом и узуальном размежевании словесных пар. Даже в тех

случаях, когда налицо абсолютно тождественные термины-наименования (ср. *правописание* — *орфография*, *лингвистика* — *языкознание*, *стачка* — *забастовка* и т. п.), сферы их распространения и степень употребительности обычно бывают различными.

Иноязычное слово, вводимое в речь как «конкурент» соответствующего исконного, на первых порах не имеет своего собственного, строго определившегося значения. Поэтому оно часто воспринимается как ненужный элемент, дублирующий то, что уже названо. Однако постепенно (а в некоторых случаях и довольно быстро) начинает ощущаться разница как в дистрибуции иноязычного и русского слов в речи, так и в выражаемых ими оттенках мысли.

Так формируются пары семантически близких, но не тождественных лексем, дифференцированное употребление которых диктуется коммуникативной функцией языка: при наличии соответствующих иноязычных слов старые наименования в ряде случаев оказываются недостаточно точными, лишь приблизительно передающими содержание мысли (ср. отношение слов *хобби* — *страсть*, *увлечение*, *конек*; *шоу* — *зрелище*, *представление*, *спектакль*; *модерн* — *новый*, *современный*, *модный* и т. п.) или отношение говорящего к предмету речи (ср. *сексапильность* — *физическая привлекательность*, *миловидность*):

Климаш пожал плечами.

— [О Вере] Мила. *Сексапильна*. Опять же художница ‘’. *Богуславская*. ...И завтра // Знамя. 1965. № 11).

На материале иноязычных слов, появившихся в русском языке в конце 50 — начале 60-х гг., попытаемся показать, как конкретно происходит взаимодействие иноязычной лексики с исконной. Правда, что касается слов — дублетов к исконным наименованиям, то судьба их в большинстве случаев прояснится лишь в будущем, когда их связи со словами заимствующего языка установятся окончательно. В этот же период можно говорить лишь о тех или иных тенденциях в их употреблении, позволяющих считать одни слова потенциальными заимствованиями, другие же — случайными элементами, не выдерживающими «конкуренции» с соответствующими русскими параллелями.

В указанный период на страницах наших газет появилось слово *апартейд*, означающее ‘расовая дискриминация’. Казалось бы, это слово в известной мере «повторяет» то, что уже обозначено ранее заимствованными словами *сегрегация* и *дискриминация*¹⁴². Однако оно утвердилось в языке как обозначение по-

¹⁴² Ср.:

Недавно стало известно, что студенты института в г. Хэддонфилд, которые отказались примириться с *сегрегацией* (отделением негров от белых) негритянских студентов... были принуждены провести две ночи на пароходе, потому что управляю-

литики, проводимой южноафриканскими правительствами (главным образом ЮАР) по отношению к цветному и негритянскому населению. Налицо — специализированное обозначение того, что до сих пор не имело специального названия.

В русском языке это слово приняло «неправильную» форму (причины этого не вполне ясны): английское *apartheid* читается как [э'ра:theid] с ударением на втором слоге и без слогового деления комплекса *heid*, русское же *апартеид* читается и произносится в большинстве случаев с ударением на конечном слоге. Иногда, впрочем, в речи встречаются случаи, свидетельствующие о желании восстановить форму, более близкую к иноязычному оригиналу. Ср., с одной стороны:

Апартеид — раковая опухоль. Совет Безопасности продолжает обсуждать вопрос о политике *апартеида*, проводимой правительством Южно-Африканской республики (Известия. 1963. 7 авг.);

Апартеид — это целая расистская теория, сводящаяся к проповеди раздельного существования рас в одной стране (Неделя. 1963. № 38);

В этой сцене — вся отвратительная, человеконенавистническая суть *апартеида*. Слово это с малознакомого нам языка — африкаанс (официальный язык ЮАР) можно перевести как 'разобщение', 'разделение' (В. Сиденко. В джунглях *апартеида* // Новый мир. 1964. № 9);

а с другой —

Лично я думал о Лондонском комитете борьбы против *апартхейда* (Ж. П. Сартр. Почему я отказался от премии: Пер. с франц. // За рубежом. 1964. № 45).

Слово *шоу* появилось в русской речи в начале 60-х гг. По своим основным значениям английское *show* синонимично русским *представление, спектакль, зрелище, показ*. Очевидно, в силу этой весьма сильной конкуренции *шоу* первоначально используется как «американизм», как своеобразное характеризующее средство, содержащее сниженную экспрессивную окраску. Ср., например:

Еще за несколько дней до начала этого телевизионного *шоу* министр юстиции Роберт Кеннеди поспешил объявить показания Валачи сенсационными (Правда. 1963. 1 окт.);

«Фламинго» [казино] завлекает «титанами *шоу-бизнеса*», которые увеселяют с рассвета до рассвета... (С. Кондрашов. Грязное золото в Неваде // Неделя. 1964. № 6);

шие отелей Вашингтона настаивали на *сегрегации* (Известия. 1949. 3 апр.);

Расовая *дискриминация* в Южной Африке вызывает негодование прогрессивной общественности Англии, выражающееся в многочисленных демонстрациях против *апартеида* (Правда. 1964. 25 дек.).

Битлы с их рок-н-роллом в британском издании возведены на престол «титанов» коммерческой музыки. Что-то около пятидесяти миллионов американцев — рекордная цифра — смотрели телевизионное шоу Эдда Селливана с их участием (Известия. 1964. 4 марта);

Армстронг в одном из своих шоу [подпись под фотографией] (Театр. 1965. № 10).

Апартеид и *шоу* при всей разнице в сферах их применения, в степени их лексико-семантической автономности, являются примерами использования в русском языке иноязычных слов, близких по значениям к уже функционирующим в нем словам.

Чаще же к иноязычному слову бывает трудно подыскать однословный синоним; только одновременно несколько слов или словосочетание, описательный оборот в достаточной мере раскрывают его содержание. Ср., например, такие слова, как *кроссмен* 'участник кросса', *круиз* 'морское путешествие', *хобби* 'страсть, увлечение, «конек»', *шлягер* 'модная эстрадная песенка' и т. п.

Слово *кроссмен* (англ. *crossman*) впервые отмечено в БАК (Т. 5). До заимствования этого слова в русской речи было употребительно словосочетание *участник кросса*; *кроссмен*, однако, употребляется в несколько расширенном значении: это не только участник бега по пересеченной местности (кросса), но и других видов подобных соревнований — велокросса, мотокросса и т. п. Ср., например:

Кроссмены восьми стран приняли участие в забеге... Первые пять километров лидировал советский *легкоатлет* Фаиз Хузин (Вечерняя Москва. 1962. 9 апр.);

В воскресенье в Лозанне начнутся всемирные соревнования *мотоциклистов*. Впервые в них примут участие советские *кроссмены* (Вечерняя Москва. 1962. 5 апр.).

Слово *круиз* заимствовано, вероятно, из английского языка¹⁴³ и своей формой указывает на письменный, «орфографический» способ заимствования: англ. *cruise* произносится как [kru:z]. Впервые *круиз* отмечено в СИС-1964. Слово начало входить в употребление со второй половины 50-х гг. и первоначально носило несколько специальный характер. Ср.:

Состоялись переговоры об организации *круизов* — туристских путешествий на кораблях (Советская Россия. 1957. 8 дек., беседа с зам. председателя правления «Интуриста»);

Мы попросили нашего корреспондента взять интервью у вернувшегося из зарубежного *круиза* поэта (Литературная газета. 1964. 1 янв.);

¹⁴³ Ср. франц. *voyage sur mer* 'морское путешествие'.

Маршрут *круиза мира* таков... (Вечерняя Москва. 1965. 30 авг.);

ср. распространенные в советской публицистике аналогичные по структуре сочетания: *форум мира, поезд дружбы, визит дружбы* и т. п.

В 60-е гг. в публицистических жанрах начинает широко употребляться слово *секс*. Иноязычным прототипом для этого слова послужило, по-видимому, не существительное *sex* (ср. англ. *sex*, франц. *sexe*), имеющее значение 'пол' и восходящее к латинскому *sexus*, а новообразование *sex*, полученное в результате усечения прилагательного *sexual* (в атрибутивно-именных словосочетаниях) и используемое в весьма широком значении 'то, что связано с половыми отношениями, с эротикой'. В этом широком смысле слово *секс* употребляется и в русской речи. Ср.:

...Кинопромышленность, испытывающая финансовые затруднения, демонстрирует фильмы, начиненные низкопробным *сексом*, в надежде сманить любопытных подростков от телевизоров (Кино, театр, музыка, живопись в США. М., 1964);

Заголовки книг подобраны так, чтобы они впивались в сознание американца: это различные варианты на тему *секса, насилий* (*Л. Митрохин. Американские миражи*. М., 1962);

Неужели они [американцы] считают свою духовную жизнь такой пресной, что ее нужно приправлять специями, вроде *секса* или садизма, при помощи книг с яркими корешками? (*Дж. Стейнбек. Путешествие с Чарли в поисках Америки*: Пер. с англ. // Звезда. 1963. № 5);

Подобного рода чуть ли не маниакальный интерес к *сексу* проявляется в Японии не только в кино, но и в других областях искусства, особенно в литературе (Советская культура. 1967. 14 янв.).

Слово *уик-энд* появилось в нашей речи в начале 60-х гг. и первоначально ощущалось как чужеродный языковой элемент, как иноязычное вкрапление. Этому в значительной степени способствовало и то, что это слово употреблялось преимущественно при описании зарубежной жизни. Сначала оно употреблялось как слово, характеризующее быт англичан; при этом и графическая форма его оставалась английской. Например:

Я видел отдых и радость в Англии. Воскресенье. С утра холод, туман. Потом дождь. Сотни тысяч лондонцев едут на *week-end* (примеч. ред.: время отдыха в конце недели) за город к морю... (*Вс. Вишневский. В Европе (1936) // Вишневский Вс. Сочинения. Т. 5*).

Ср. более поздние по времени случаи употребления этого слова:

— Туда приезжает Батиста?

— Батиста? — спросил я, в глубине души удивленный этим вопросом.

— Думаю, что он время от времени будет наезжать... но ненадолго, на *уик-энд*, на день или на два... (А. Моравиа. Презрение: Пер. с итал. // Иностранная литература. 1963. № 10);

И без того был самый напряженный за весь сезон *уикэндо* ('нерабочая часть субботнего дня и воскресенье'. — Примеч. ред.), — сказал он [владелец мотеля] (Наука и жизнь. 1964. № 2);

В отеле «Тироль», где «господствующая тысяча» Парагвая проводит свой *уик-энд*, общительный Монголе останавливается под своим настоящим именем (За рубежом. 1964. № 46);

Снова позади спортивная неделя и ее кульминация — *уик-энд*. Этот конец недели был насыщен спортивными событиями... (Советский спорт. 1964. 22 дек.);

Сегодняшним днем завершилась первая неделя олимпийских баталий. Не было в этой неделе ни единого дня отдыха и для спортсменов, и для зрителей... Где же провели они свой олимпийский *уикэнд*? (Комсомольская правда. 1964. 17 сент.).

В 1960-е гг. *уик-энд* употребляется в еще не совсем четко оформившемся значении 'нерабочая часть субботы и воскресенье', 'отдых в конце недели'.

Слово *хобби* (англ. *hobby* 'увлечение, любимое занятие, страсть') первоначально также употреблялось как экзотизм. Ср., например:

В работе у людей угрюмо-равнодушная сосредоточенность. Мир, смысл, красота жизни — всегда вне работы. Смысл, красота — в отдыхе, в *хобби* (примеч. ред.: любимое занятие) — забавах, причудах, глубоко личном, семейном (Вс. Вишневский. В Европе).

Со временем это слово стало употребляться не только при описании зарубежной жизни. Ср.:

Совмещение профессии и *хобби* (заголовок заметки в «Советской России» от 23.Х. 1964, где рассказывается о международном воре, который является в то же время и ярым болельщиком, присутствовавшим на всех Олимпиадах, начиная с 1948 г.);

Физик-теоретик, член-корреспондент Академии наук СССР Илья Михайлович Лифшиц рассказал о своем *хобби* — внеслужебном увлечении. Он продемонстрировал необыкновенную коллекцию марок (Литературная газета. 1964. 1 февр.).

Хобби оформляется как несклоняемое существительное среднего рода.

В 60-е годы слово *хобби* часто употребляется на страницах прессы, причем почти всегда оно как-то маркируется как неологизм — кавычками, специальными оговорками, комментариями и т. п. Появляются даже окказиональные образования от этого слова. Например:

У тысяч других есть свои, «одинокные» излюбленные занятия, страсти, *хобби*, как говорят англичане (Известия. 1964. 2 апр.);

«Вторая профессия» — это именно не профессия, это пристрастие человека, которому отдается свободное время. Можно его назвать очень распространенным в последнее время английским словом *хобби*. Или русским, литературным: «увлечение». Или менее литературным, но более метким: «конек» (Е. Полякова. Вторая профессия // Театр. 1965. № 5);

Дипломной его работой и был спектакль «Именем революции». Германа спрашивают: что это у него — модное сейчас *хобби*? Он относится к некоторым *хобби*стам со сложным чувством... У Германа *Хобби* — с большой буквы, смыкающееся с призванием и очень нужное людям (Комсомольская правда. 1965. 7 июля).

Слово *шлягер* (вариант *шлагер*)¹⁴⁴ заимствовано из немецкого языка, где оно имеет более широкое значение: *Schlager* ‘боевик, гвоздь сезона, модная песенка, книга, модный, ходкий товар’. В русском языке это слово употребительно главным образом в значении ‘модная песенка’¹⁴⁵.

Интересно, что оно встречалось в специальной (музыковедческой) литературе и раньше, но регулярное и сравнительно широкое его употребление начинается приблизительно с середины 50-х гг. При этом любопытно, что первоначально это слово не было столь отрицательным по стилистической окраске, как в речи 60-х гг., где оно имеет сниженный эмоциональный оттенок, связанный с строгим отношением к самому объекту номинации. Ср., например:

Эта новая практика вызывает к жизни появление так называемых *шлагеров*, т. е. наиболее удачных мелодий, которые становятся «боевиками» оперетты (М. Янковский. Оперетта. Л., 1937);

В звуковом кино этот *шлагер* обращается в песенку, подчас единственную, но повторяемую многократно и используемую в качестве концовки фильма (там же);

В фильм «Рим в 11 часов» она [песня] попала как случайная уличная мелодийка, а до этого была известна как *шлягер* (боевик) из голливудского порнографического фильма «Джильда»... (Советская культура. 1955. 3 марта);

Я вспоминаю, как мне приходилось слышать песню Блантера «Летят перелетные птицы» в исполнении разных певцов. У одних получался надрывный *шлягерок*, а у других — благородная по идее, мужественная пьеса (Известия. 1963. № 136);

Модные песенки с недолгой жизнью — *шлягеры* — потоками заливают западногерманский музыкальный рынок (За рубежом. 1962. № 25);

¹⁴⁴ Неустойчивость формы этого слова в русском — *шлягер* и *шлагер* — объясняется тем, что в первом случае прототипом служит произносительная форма немецкого слова (с мягким *l*), а во втором — его графическая форма (*Schlager*).

¹⁴⁵ К концу XX в. слово *шлягер* было вытеснено из употребления неологизмом *хит* (от англ. *hit* ‘гвоздь сезона’). — Примечание 2003 года.

Не люблю *шлягеров* — пустынные вездливые мотивчики (Известия. 1964. 5 февр.).

Об известной свободе, с которой это слово употребляется в некоторых речевых жанрах, свидетельствует образование от него производных, таких, например, как прилагательное *шлягерный*:

...Слова этой песни и морально чисты, и профессионально сделаны, а музыка — что ж, музыка *шлягерна*. И это не оскорбление (Советская культура. 1966. 19 нояб.).

Термин *эскалация* появился в русской печати в связи с освещением военных действий США во Вьетнаме. Он был взят, по-видимому, непосредственно из английской и американской прессы и оформлен на русской почве в соответствии с давно сложившейся моделью передачи отвлеченных иноязычных существительных типа *reaction, version, radiation* и т. п. (-ion = -ия).

Слово *эскалация* употреблялось в смысле, близком к значению слов *интенсификация, усиление*. Оно прочно связано с узким кругом текстов определенной тематики; употребление его подчас носит явные следы влияния иноязычного контекста — например, в характере сочетаемости с другими словами. Ср. такие примеры:

This is a further step in the extension and *escalation of aggression*... (Daily Worker. 1965. 10 июня);

The letter expresses concern about the American *escalation of the war*... (Daily Worker. 1965. 14 июня);

...the North Vietnamise statement also accused the U.S. of having used the bombing pause to prepare for an *escalation of the war*... (Daily Worker. 1966. 2 февр.)¹⁴⁶;

Вашингтон еще раз доверился показаниям своего министра-арифмометра... который показывает всегда одно и то же — необходимость наращивания военной мощи США в Южном Вьетнаме, ускорения «эскалации» агрессии против Севера (Комсомольская правда. 1965. 29 июля);

---

¹⁴⁶ В английском языке значение слова *escalation* соотносительно со значением нового глагола *to escalate* 'усиливать, поднимать, наращивать'. В двуязычных словарях 1960-х гг. этот глагол не зафиксирован, однако в политической публицистике этого времени он употребляется регулярно. Ср., например:

...The U. S. Government was quickening the pace of its military build-up in Vietnam and in all likelihood will *escalate* the war of aggression in Vietnam to a Korea-type, localised war (Daily Worker. 1965. 2 июня);

...It was clear that a calculated step in *escalating* the war had been taken (Daily Worker. 1965. 10 июня).

О происхождении слова *эскалация*, его употреблении в английском и русском языках см. заметку В. Г. Костомарова (Вопросы культуры речи. Вып. 8. М., 1967).

Велась широкая пропагандистская кампания, направленная на то, чтобы подготовить американцев к «неизбежности» дальнейшей эскалации войны (Литературная газета. 1966. 29 янв.);

Новый этап в эскалации агрессии... (там же);

Это пресловутая эскалация войны во Вьетнаме (радио, 24.I. 1966).

О том, что слово эскалация в начале 60-х гг. «вживается» в современную публицистическую речь, свидетельствуют попытки несколько расширительного употребления этого слова (ср. заголовки типа «Эскалация к Нюрнбергу» — Известия. 1965. 20 февр.; «Эскалация гнева» — там же, 4.II. 1966), а также факты осмысления его в связи с ранее заимствованным техническим термином эскалатор. Ср., например:

Газета «Нью-Йорк таймс» писала вчера: «В Вашингтоне почти не сомневаются, что президент Джонсон вскоре отдаст распоряжение о возобновлении налетов на Северный Вьетнам»;

Эскалатор войны снова запускается в ход (А. Дружинин. По ступенькам эскалатора войны // Литературная газета. 1966. 29 янв.).

Несколько особняком от рассмотренных слов стоит слово *стюардесса*, которое начало употребляться с середины 50-х гг. параллельно со словом *бортпроводница*¹⁴⁷, постепенно вытесняя его. *Стюардесса* — заимствование из английского (англ. *stewardess*). Возможно, это слово в определенной мере повлияло на активизацию в русском языке иноязычного суффикса *-есс(а)*, который отмечен Академической грамматикой 1960-го года как непродуктивный¹⁴⁸. Ср. слова *адвокатесса*, *гидесса*, *пилотесса* и др.:

Справа за роялем миссис Лунд, в прошлом одна из самых многообещающих лондонских *адвокатесс*, а ныне личный секретарь миллиардера (Комсомольская правда. 1964. 29 марта);

И вот последний день. С'est tout, как сказала наша *гидесса*, провожая нас на парижский аэродром «Бурже»... (И. Нович. Жизнь на стороне революции // Знамя. 1963. № 11);

Я вместе со второй своей *пилотессой* поднялась на большую высоту (радио, 15 авг. 1965).

С 60-х гг. начинается употребление в русской речи слов *буклет* (англ. *booklet* 'брошюра, книжечка'), *чипсы* (англ. *chips* 'жареный картофель' — от *chip* 'стружка, щепка'), *аутсайдер* (англ. *outsider* — букв. 'посторонний') и нек. др.

¹⁴⁷ Ср.:

[Евдокимов.] Я еще никогда не видел тебя в форме. (Усмехнулся.) *Стюардесса!*

[Наташа.] Не люблю этого слова. Я *бортпроводница*, понятно?.. (Э. Радзинский.

104 страницы про любовь, ч. 2).

¹⁴⁸ См.: Грамматика русского языка. М.: АН СССР, 1960. Т. 1. С. 234.

Аутсайдер употребляется как спортивный термин в значении 'игрок или команда, занявшие в соревнованиях одно из последних мест'. Ср. такие примеры:

Играть с *аутсайдерами* становится все тяжелее и тяжелее. Острая нехватка очков приводит к тому, что команды, находящиеся в опасной зоне, руководствуются принципом: отступить больше некуда (Советский спорт. 1963. 13 сент.);

Московские динамовцы встретились вчера с *аутсайдером* нынешнего чемпионата страны по футболу — кишиневской «Молдовой» (радио, последние известия. 1963. 13 сент.);

Совершенно очевидно, что интересы массового бокса требуют от федерации самого пристального внимания к *аутсайдерам* турнира (Советский спорт. 1963. 27 сент.).

Любопытно, что до того, как слово *аутсайдер* вошло в широкое употребление в качестве спортивного термина, оно использовалось в экономической и т. п. литературе как узкоспециальный термин со значением 'мелкое капиталистическое предприятие, не входящее в монополистические объединения':

Отсюда — пересмотр закона против трестов с тем, чтобы повернуть его острие против *аутсайдеров* — средних и малых капиталистов (Известия. 1933. 16 мая).

Ср. также пример переносного употребления этого слова:

Лисицы — известные *аутсайдеры* в собачьем роду (они не живут стаями), но и то зимой, когда голодно, собираются, бывает, вместе и атакуют сообща косуль (И. Акимушкин. И у крокодила есть друзья. М., 1964).

В это же время заимствуется еще ряд спортивных терминов: *биатлон*, *картинг*, *прессинг*, *ралли*, *стоплер*, *юниор* и др.

Биатлон — лыжная гонка, участники которой должны с остановки стрелять по мишеням (от лат. *bi-* 'дву(х)' < *bis* — 'дважды' и греч. *ἄθλος* 'игры, состязание'). Термин *биатлон* вошел в употребление во второй половине 50-х гг., в связи с включением этого вида спорта в программу международных и олимпийских соревнований. Ср., например:

В местечке Курмайер (Италия) вчера были проведены соревнования на первенство мира по *биатлону* (лыжная гонка на 20 км с четырехкратной стрельбой) (Комсомольская правда. 1959. 24 февр.);

Олимпийский чемпион по *биатлону* Ивар Лестандер по профессии плотник (Комсомольская правда. 1960. 23 февр.).

Впервые отмечено в СИС-1964.

Кáртинг — спортивный микроавтомобиль с двигателем небольшой мощности, а также соответствующий вид спорта (англ. *cart* 'телега, тележка, повозка'). Такая разнородность значений, объединяемых в одном слове, не закономерная с точки зрения обычной семантической структуры русских слов (ср. возможность совмещения в одном слове значений действия и результата, лица и предмета и т. п.), свидетельствует о недостаточном освоении этого слова лексической системой (в данном случае — спортивной терминологией) русского языка. Ср. примеры, иллюстрирующие возможность употребления слова *картинг* в обоих значениях, взятые из одной статьи:

В гонках *на картингах* мощностью до 175 кубических сантиметров интересной тактической борьбы никто из зрителей так и не увидел... В Лужниках прошла матчевая встреча шести городов *по картингу* (Комсомольская правда. 1962. 16 окт.).

Слово *картинг* является специальным по своему употреблению; впервые оно отмечено в «Кратком словаре иностранных слов» (Сост. С. М. Локшина. М., 1966).

Рáлли — особый вид многодневных автомобильных соревнований. Заимствовано из английского языка (англ. *rally* '1) объединение; собрание, съезд; 2) собирать(ся), сплачивать(ся) для совместных усилий; возобновлять борьбу'). Развитие значения в английском не совсем ясно. Возможно, в основе семантического развития лежит то, что в соревнованиях участвуют на одной машине двое, которые ведут машину попеременно, «возобновляя борьбу» после отдыха.

В русском языке *ралли* появилось во второй половине 50-х гг.; впервые отмечено в СИС-1964. Ср. следующие примеры, отражающие начало употребления этого слова:

Что такое *ралли*? Это многодневные автомобильные гонки. Машину ведут попеременно два шофера: пока один сидит за рулем, другой отдыхает (Советская Россия. 1957. 31 мая);

Слово *ралли* появилось у нас всего три года назад. Сущность этих соревнований, на первый взгляд, проста: рассчитать среднюю скорость и строго ее придерживаться (Советская Россия. 1960. 7 июня);

Они [машины «Волга»] предназначаются для больших международных соревнований — *ралли* «За мир и дружбу», которые состоятся в сентябре этого года (Вечерняя Москва. 1962. 12 мая).

Форма этого слова, а также то, что реальный или подразумеваемый перевод его осуществляется с помощью русских эквивалентов, выраженных существительными во множественном числе (*соревнования, гонки, состязания*), обусловили грамматическую характеристику слова *ралли*: оно употребляется в рус-

ском языке как несклоняемое существительное *pluralia tantum* (ср. рассмотренное выше *хобби*, относимое к разряду несклоняемых слов единственного числа среднего рода). Ср., например:

Авторалли «За мир и дружбу», являющиеся крупнейшими соревнованиями в Европе, проводятся в третий раз (Вечерняя Москва. 1962. 12 июня).

В приведенных примерах слово *ралли* иногда употребляется параллельно со словами *автосоревнования*, *автомобильные гонки*. Однако из этих же примеров очевидно, что ни одна из этих параллелей не обладает всем объемом того содержания, которое присуще слову *ралли*. Этот международный термин, по-видимому, прочно вошел и в русскую спортивную терминологию.

Слово *прéссинг* заимствовано также из английского языка (англ. *pressing* — от *to press* ‘нажимать’). Оно означает индивидуальную жесткую «опеку» игроков, главным образом в баскетболе. Например:

Попав с первой же минуты в пути жесткого *прессинга*, итальянцы даже не смогли пробиться к кольцу американской команды... (Комсомольская правда. 1960. 3 сент.);

Очень хорошо, что команды начинают сезон во всеоружии. Очень хорошо, что в арсенал тактических средств наших лучших коллективов входит новое оружие — *прессинг* (Советский спорт. 1963. 1 окт.);

Как вы видели, вначале наши игроки *прессинговали*, т. е. применяли очень жесткую персональную опеку французских игроков... (Телевидение. 25.IX. 1963).

Дри́блинг — термин, употребляемый в футболе. Он означает ‘искусное владение мячом, индивидуальное мастерство в обработке и ведении мяча’. Английский глагол *to dribble*, от которого образовано это слово (англ. *dribbling*), означает ‘вести мяч’. В русской речи термин *дриблинг* начал появляться приблизительно с конца 50-х гг.:

Что отличает советских футболистов? Это — мало *дриблинга* и стремление передать мяч в одно касание (Вечерняя Москва. 1960. 20 марта, беседа с тренером итальянской команды);

Их [нападающих] действия — это почти всегда фейерверк самых разнообразных приемов в сочетании с хитростью и быстротой. Тут и обводка, и обманные движения, и *дриблинг*, и спурт... (М. Пархомов. Игра начинается с центра... // Юность. 1962. № 3).

Слово *сто́ппер* (англ. *stopper* — от глагола *to stop* ‘останавливать, преграждать’), появившееся на страницах наших газет в 50-е гг., означает ‘центральный защитник (в футболе)’. Ср.:

Прежде всего следует разобраться в претендентах на роль *стопперов*, то есть двух центральных защитников, занимающих на поле важные стратегические по-

зиции прямо в центре перед своими воротами (*А. Старостин. Защитники // Наука и жизнь. 1965. № 7*).

Интересно, что этот иноязычный (интернациональный по своей природе — ср., например, употребление его в итальянской спортивной терминологии) термин является параллелью к русскому *защитник*, которое в свое время выполняло такие же функции по отношению к английскому *бек* (англ. *back*), вышедшему из употребления в конце 40-х — начале 50-х гг. вместе с рядом других английских футбольных терминов. Термин *стоппер* не получил значительного распространения, но употребляется он в 60-е гг. без каких бы то ни было комментариев даже в речи, рассчитанной не только на профессиональных спортсменов. Например:

Победа «Индепендьенте» в чемпионате Аргентины расценивается как признак упадка футбола, победы «брони над снарядом», «силы над техникой». Недаром капитан «Индепендьенте» и сборной *стоппер* Наварро считается в Аргентине костоломом № 1 (*Советский спорт. 1964. 16 авг.*);

Это один из лучших *стопперов* команды (телекомментатор, 12 мая 1963).

История слова *финт* в русском языке весьма любопытна. Оно происходит от итальянского *finta* 'притворство, выдумка' и попало в русский язык как спортивный термин, вероятно, через посредство немецкого, где *Finte* — это не только 'уловка, хитрость', но и 'обманное движение, финт' (в спортивной игре)¹⁴⁹.

Русским языком это слово заимствовано, по-видимому, дважды. *Финт* и его производное *финтить* (в значении 'хитрить, обманывать, увертываться') мы встречаем в литературе XVIII и XIX вв.; их употребление было характерно для разговорной речи. Ср., например:

Прошу однако ж не слишком закладывать назад руки и, как говорится, *финтить* перед вашими хоромами (*Н. В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки, ч. 1*);

— Ну, скажи мне на милость, к лицу ли эдакие *финты финтить* (*Вс. Крестовский. Петербургские трущобы, ч. IV*);

Этот оборот разговора Теркин начал принимать за *финты*, за желание отделаться от более обстоятельного обсуждения цены (*П. Д. Боборыкин. Василий Теркин, гл. 27*)¹⁵⁰.

¹⁴⁹ См. *Fremdwörterbuch* (Leipzig, 1958), где указан и источник немецкого *Finte*: lat., ital. В русский язык слово *финт* попало, вероятно, еще в середине XVIII в. (ср. употребление его у Андрея Болотова — 1771 г.), но лексикографически оно впервые отмечено Яновским (1806).

¹⁵⁰ Ср. употребление глагола *финтить* и в разговорной речи середины XX в.:

— Ну, чего ты смотришь на меня египетскими глазами? У тебя, наверно, нечес-

Употребляемые в современной спортивной терминологии слово *финт* и его производное *финтить* следует рассматривать, вероятно, как вторичное заимствование, а не как семантические варианты старых *финт* и *финтить* ¹⁵¹.

Интересно, что и новое заимствование — спортивный термин — может употребляться не только в прямом значении, но и переносно, метафорически. Ср.:

Под обманными движениями — *финтами* — следует понимать такие действия игрока с мячом, которые вызывают ответную реакцию противника в сторону ложного движения и тем самым создают игроку с мячом возможность беспрепятственно продвигаться в нужном для него направлении (*Б. Т. Апухтин. Техника футбола. М., 1956*);

Яшин начеку. Иванов *финтит*, окруженный тремя защитниками, улучшает момент и отдает мяч Гусарову... (*Советский спорт. 1963. 12 нояб.*);

Вдруг Диди делает ложное движение корпусом. Нетто поддался на *финт*, отступив в сторону (*Комсомольская правда. 1958. 17 июня*);

Поддался на этот *финт* и мой итальянский знакомый, как подавались до него миллионы. Они слепо верили в лозунг «Жизнь вне политики», верили и умирали (*Известия. 1963. 11 сент.*) ¹⁵².

Слово *юниор* — спортсмен юношеского возраста, заимствовано, вероятно, из французского языка ¹⁵³, где оно, помимо общего значения ‘младший’, имеет специальное спортивное значение ‘участник юношеских соревнований’. Оригиналом для заимствования послужила орфограмма французского слова, а не его произносительная форма (ср. передачу начального буквосочетания *ju* в соответствии с французским произношением в других заимствованных словах: *жюри* — *jury*; *жюльен* — *julienne* и т. п.).

тные мысли обо мне? Э, не *финти*, Глебушка (*Л. Леонов. Дорога на океан. М. 1954*);

О-о, говорят, *финтит* наша Паранька (*В. Овечкин. Прасковья Максимовна // Избранное. М., 1955*).

¹⁵¹ Если принять последнее предположение (спортивный термин *финт* — развитие значения ранее заимствованного *финт*, употребляющегося в разговорной русской речи), то придется объяснить интернациональный характер спортивного термина либо заимствованием этого термина другими языками из русского, что маловероятно, либо самостоятельным развитием в каждом языке значения *финт* ‘обманное движение’ из *финт* ‘хитрость’, что также лишено правдоподобия.

¹⁵² Любопытно, что статья Ю. Власова, из которой взят последний пример, названа «избыточно» — *Обманный финт*, что свидетельствует о некотором забвении первоначального, «этимологического» значения этого слова.

¹⁵³ Возможное предположение о заимствовании этого слова из английского не имеет под собой достаточных оснований. В английском среди значений слова *junior* нет того, в котором это слово употребляется в русском (ср. французское *junior*); кроме того, ударение, с которым произносится у нас слово *юниор*, предполагает обращение скорее к французскому, нежели к английскому источнику.

В русской речи слово *юниор* стало появляться, по-видимому, с начала 60-х гг. При этом характерно параллельное употребление иноязычного слова и русских семантических соответствий:

Вчера в Софии провела товарищеский матч со сборной *юношеской командой* Болгарии сборная *команда юниоров* Советского Союза (Вечерняя Москва. 1962. 16 апр., заметка «*Юноши* берут реванш»);

Два дня назад в Москву прибыла сборная *юношеская команда* Советского Союза... Наставники команды... не очень довольны тренировками в Ужгороде. Прежде всего тренеры и *юные футболисты* в большой обиде на погоду. В Ужгороде *юниоры* провели три контрольных матча — с местной командой «Верховина», с ее молодежным составом и футболистами Львовского СКА. Во всех случаях 18-летние парни покидали поле победителями (Вечерняя Москва. 1962. 5 апр., заметка «У *юниоров* — экзамен»).

Ср. также слово *юниорка*, употребляемое иногда по отношению к девушкам 16—18 лет, выступающим по особой (отличной от программы взрослых спортсменок) программе:

У *юниорок* тогда впереди была Наташа Кучинская (телекомментатор, 22 нояб. 1965).

Наряду с подобными словами, которые употребляются в речи более или менее регулярно, в спортивной прессе, а также в центральных и местных газетах иногда встречаются окказиональные иноязычные спортивные термины. Это бывает обычно во время освещения больших международных соревнований, Олимпийских игр и т. д. В этих случаях в печати появляются не только собственно спортивные иноязычные термины, но и слова, имеющие косвенное отношение к спорту (ср. приводимые ниже примеры). Раз появившись, такие слова затем исчезают из речи; однако фиксация такого случайного употребления важна для дальнейшего (по времени) исследования иноязычной лексики, поскольку факты показывают, что некоторые из окказионализмов после какого-то промежутка времени могут вновь появляться в речи, приобретая черты регулярно употребляемой лексической единицы.

Ср. такие примеры:

Кнут Юханнесен сказал:

— Антсон — один из самых блестящих *миттельштрекеров*¹⁵⁴, которых мне довелось видеть (Ленинское знамя. 1964. 8 февр.);

---

¹⁵⁴ Ср. нем. *Mittelstrecke* 'средняя дистанция (в беге, плавании, конькобежном спорте)'; *Mittelstreckler* и *Mittelstreckäufer* 'бегун на среднюю дистанцию'. В русской спортивной терминологии это значение выражается словом *средневик*, которое неоднозначно: *средневиками* называют также спортсменов — тяжелоатлета, борца, боксера — средней весовой категории.

Скоростной спуск на санях некоторые специалисты сравнивают и с прыжками парашютистов, и с полетами планеристов. Это вполне уместное сравнение. Авиационные виды спорта занимают в подготовке саночников, или *санечкаров*¹⁵⁵, как их тут [на Олимпиаде в Инсбруке] называют, особое место (Советский спорт. 1964. 6 февр.).

Любопытно употребление слова *скальпер* (означающего 'спекулянт билетами'). Впервые оно появилось в русской речи в описаниях, связанных с подготовкой к XVIII Олимпийским играм в Токио. Ср.:

За последнее время в международном спортивном словаре утвердилось (к сожалению) американское жаргонное словечко *скальпер*. Так принято называть спекулянтов билетами в театры, на стадионы и т. д. По сообщениям печати, японские *скальперы* не теряют времени зря и намерены, как говорится, содрать три шкуры с желающих попасть на самые интересные олимпийские состязания (Советский спорт. 1963. 12 нояб.).

Однако задолго до этого, а именно в 1956 г., во время XVI Олимпийских игр в Мельбурне, наши спортивные журналисты попытались передать это слово описательно как «охотники за скальпами»:

Мельбурн по-прежнему захвачен величайшими мировыми состязаниями, по-прежнему «охотники за скальпами» (так метко окрестили здесь спекулянтов билетами) греют руки на живом интересе к спорту (Комсомольская правда. 1956. 29 нояб.).

Такое «раскрытие» семантики слова *скальпер* не понятно русскому читателю (между тем журналисты назвали словосочетание «охотники за скальпами» метким прозвищем спекулянтов), в то время как для американца или англичанина, знакомого с американским сленгом, слово *скальпер* вполне понятно и мотивировано, но не буквальным значением слова *скальп* (*scalp*) — поэтому и неверен перевод *scalper* как «охотник за скальпами», — а жаргонным значением глагола *to scalp* — 'наживаться путем мелкой спекуляции', возникшим из метафорического употребления этого глагола (его основное значение 'обдирать' — ср. русское *обдирать* в значении 'брать непомерно большие деньги за что-либо', а также *обдирала*).

При анализе иноязычных неологизмов в спортивном словаре следует иметь в виду, что некоторые иноязычные термины, представляющие на первый взгляд новые заимствования, на самом деле существуют в языке давно, но из локаль-

¹⁵⁵ Это весьма любопытное по структуре слово: первая часть его — славянская (ср. русск. *сани*, польск. *sanie*, чеш. *saně*), а вторая — интернациональная (ср. англ. *car* 'тележка', франц. *car* 'автобус', русские заимствования *автокар*, *электрокар*). *Санечкар* образовано, по-видимому, по типу сложных слов *autocar*, *elektrocar* и т. п.

ных, употреблявшихся в каком-либо одном виде спорта, они только в последнее время превратились в широкоупотребительные спортивные термины. Так, например, некоторые термины конного спорта — *стиль-чез*, *фаворит* и др. — стали использоваться в других видах спорта ¹⁵⁶: *стиль-чезом* называется бег с препятствиями на 3000 метров; слово *фаворит*, в языке спортсмен-конников обозначающее лошадь, имеющую лучшие шансы на победу, теперь используется при характеристике лучших футбольных команд сезона, лучших спортсменов и т. д.

Такова характеристика иноязычной лексики и особенностей ее использования в русской речи второй половины 50-х — начала 60-х гг.

Какие же черты свойственны процессу заимствования иноязычной лексики и ее употреблению в этот период?

Это, во-первых, активизация процесса заимствования, выразившаяся как в пополнении русского языка новыми иноязычными словами, большая часть которых еще недостаточно укрепилась в нем, так и в более свободном и широком употреблении в речи иноязычных элементов; во-вторых, расширение семантического и тематического круга используемых в речи иноязычных неологизмов, частое и разнообразное введение в тексты экзотической лексики, а также слов, по-видимому, не имеющих шансов на укоренение в русском языке; в-третьих, неравномерное воздействие иноязычной лексики на различные подсистемы языка: некоторые из них, например терминологии техники и спорта, испытали наибольшее иноязычное влияние; в-четвертых, тенденция к наиболее адекватной передаче иноязычных слов средствами заимствующего языка, характерная вообще для современных отношений русского языка с другими языками, в рассматриваемый отрезок времени осуществляется наиболее последовательно: подавляющее большинство новых заимствований — это слова, структурно не отличающиеся от их иноязычных прототипов.

---

¹⁵⁶ Это относится и к таким общеупотребительным сейчас словам, как *старт* и *финиш*, которые были заимствованы русским языком как термины конного спорта (ср.: *Финишем* называются последние сто сажень перед верстовым столбом.— *А. Куприн*. Молох) и лишь затем, приблизительно с 20-х гг., начавшие использоваться в других видах спорта, а также переносно в общелитературном языке (ср. газетные заголовки типа «Посевная берет старт», «Финиш ударной стройки» и т. п.).

ИНОЯЗЫЧНОЕ СЛОВО В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КОНЦА XX ВЕКА*

Процесс активизации употребления иноязычных слов в русской речи конца XX в. — один из наиболее живых и социально значимых языковых процессов. Надо говорить именно об активизации употребления этих слов, а не только о новых заимствованиях, поскольку наряду с появлением заимствований-неологизмов наблюдается расширение сфер использования специальной иноязычной терминологии, относящейся к экономике, финансам, коммерческой деятельности и некоторым другим областям.

В этом разделе мы рассмотрим (1) условия, благоприятствующие вхождению иноязычного лексического элемента (нового для русского языка в целом или бывшего до сих пор в специальном употреблении) в общий оборот; (2) причины, по которым то или иное слово либо сохраняется в языке-реципиенте, либо, после некоторого периода активности, уходит на периферию языкового употребления; (3) особенности функционирования иноязычной лексики в современной письменной (преимущественно газетно-публицистической) и устно-разговорной речи.

Традиционные для исследований, посвященных иноязычной лексике, аспекты, касающиеся источников заимствованных слов, их этимологии, здесь специально не выделяются, поскольку, во-первых, речь идет преимущественно о «свежих» заимствованиях и поэтому их этимологизация не представляет больших трудностей, и, во-вторых, подавляющее большинство иноязычных слов заимствуется сейчас из английского языка, и вопрос о вероятности какого-либо другого языка — источника заимствования — в большей части случаев не возникает.

Условия активизации употребления иноязычной лексики

Главным условием заимствования иноязычных слов обычно считается наличие контакта языка-реципиента с языком-источником и, как следствие этого, двуязычие говорящих (см. [Weinreich 1963; Sulan 1963; Сорокин 1965; Крысин 1968] и др.).

Однако двуязычие — эту предпосылку, это условие заимствования — не следует понимать только как результат территориального контакта двух соседних (или живущих вперемешку друг с другом) народов, в особенности если

---

* Впервые опубликовано в книге «Русский язык конца XX столетия (1985—1995)». Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996.

иметь в виду современные процессы заимствования, когда основным путем перехода слов из одного языка в другие является путь письменный (через разного рода тексты). Такие виды речевой деятельности, как чтение, перевод и комментирование иностранной прессы, научной и публицистической литературы, участие в интернациональных конференциях, конгрессах, симпозиумах, общение в процессе разработки совместных межнациональных технических и научных проектов и т. п., создают благоприятную почву для заимствования иноязычной лексики и терминологии.

Но это лишь одна сторона дела. Другая заключается в том, чтобы общество, обслуживаемое языком, осуществляющим заимствование, было расположено к принятию иноязычных средств коммуникации. Если этого условия нет, то иноязычное слово — потенциальное заимствование — может какое-то (иногда весьма длительное) время оставаться уделом узкого круга лиц (например, дипломатов, ученых, переводчиков и др.). Более того: общество, в лице наиболее влиятельных его слоев, в силу тех или иных социальных, политических, идеологических и т. п. причин, может отнестись резко отрицательно к актам заимствования и путем сознательных, целенаправленных усилий попытаться освободить речевую практику от тех или иных иноязычных слов. Так, в конце 40-х гг., в связи с борьбой «против низкопоклонства перед Западом» не только не принимались новые лексические заимствования, но и изгонялись из употребления многие уже укоренившиеся в русском языке иноязычные слова. Иноязычное в данном случае ассоциировалось с идеологически чуждым, непатриотичным, даже враждебным (см. об этом выше — с. 139 и след.).

Начиная с 60-х гг. отношение к иноязычным словам стало более терпимым. В конце же 80-х — начале 90-х гг. возникли такие политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики.

Осознание своей страны как части всего цивилизованного мира; преобладание интегративных, объединительных тенденций над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества и советского образа жизни западным, буржуазным образцам; переоценка социальных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; наконец, открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства, в областях культуры, спорта, торговли, моды и др. — все эти процессы и тенденции, характерные для русского общества второй половины 80-х — 90-х гг., несомненно, послужили важным стимулом, облегчившим активизацию употребления иноязычной лексики.

Особенно наглядно это можно проиллюстрировать сменой названий в структурах власти: Верховный Совет стал устойчиво — а не в качестве журналист-

ской перифразы — именоваться *парламентом*, Совет Министров — *кабинетом министров*, его председатель — *премьер-министром* (или просто *премьером*), а заместители — *вице-преьерами*; в городах появились *мэры*, *префекты*, *супрефекты*, советы уступили место *администрациям*, главы администраций обзавелись своими *пресс-секретарями* и *пресс-атташе*, которые регулярно выступают на *пресс-конференциях*, рассылают *пресс-релизы*, дают *эксклюзивные интервью* и т. д. (Г. Н. Складаревская называет это явление «перенесением номинаций из чуждой лингвистической среды на русскую почву» [Складаревская 1991: 258]).

Распад Советского Союза означал, в частности, и разрушение большей части преград, стоявших на пути к общению с западным миром: активизировались деловые, научные, торговые, культурные связи, расцвел зарубежный туризм, в том числе и так называемые *шоп-туры*, то есть поездки за границу за товаром; обычным делом стала длительная работа наших специалистов в учреждениях других стран, функционирование на территории России совместных — русско-иностранных — предприятий. Очевидным образом это означает интенсификацию коммуникативных контактов носителей русского языка с носителями иных языков, что является важным условием не только для непосредственного заимствования лексики из этих языков, но и для приобщения носителей русского языка к интернациональным, а чаще — созданным на базе английского языка социолектам, принятым в той или иной социальной среде: ср., например, профессиональные «языки» специалистов по вычислительной технике, коммерсантов, спортсменов, специалистов в области моды, музыкантов, политиков, журналистов, деятелей кино, театра и др. (перечисление дано по убыванию степени насыщенности соответствующего «языка» иноязычными заимствованиями)¹. Чем больше вовлечена та или иная сфера деятельности

---

¹ В разные эпохи роль проводников новой иноязычной лексики в общее употребление могут играть разные социальные группы говорящих. Так, в XVIII в. первенство в этом отношении принадлежало дипломатам, и «язык дипломатии в этот период по степени насыщенности иноязычными заимствованиями не имел себе равных» [Биржакова и др. 1972: 296]; к концу XVIII — началу XIX в. возрастает роль разговорного языка ученых, писателей, журналистов как особой среды, «перерабатывающей» заимствования; в конце XIX — начале XX в. в процессе распространения новых заимствований несомненная заслуга принадлежит таким социальным группам, как политические и общественные деятели, члены политических кружков, профессиональные революционеры (представители этих групп нередко являлись и переводчиками на русский язык западных философских и экономических сочинений).

В XX в. на первое место в иерархии сфер, проводящих в язык новые заимствования, выходит пресса, а с середины столетия — еще и радио и телевидение. Соответственно, такие социальные группы носителей языка, как журналисты-международники

в международное сотрудничество, в более или менее длительные международные связи, тем более открыта лексика и терминология этой сферы иноязычным инновациям.

Так, специалисты в области компьютерной техники и работающие на ЭВМ используют для профессиональных коммуникативных нужд почти исключительно английскую терминологию: *компьютер, дисплей, файл, интерфейс, бит, байт, плоттер, дигитайзер, винчестер, принтер* и др. Многие из этих терминов широко используются и за пределами профессиональной среды, в специальных текстах.

В области спорта, где традиционно был высок процент английских по происхождению терминов, появились многочисленные названия новых видов спорта, также по большей части английские: *виндсёрфинг, скейтборд, фри-стайл, бобслей, ски-стрим* (спуск на лыжах с очень крутых, скалистых и местами не заснеженных гор), *армрестлинг* («борьба на руках») и др., да и в старых системах наименований англицизмы пробивают все новые бреши: добавочное время — в футболе, хоккее — теперь все чаще называется *овертайм*, повторная игра после ничьей — *плэй-офф*; даже традиционное боец заменяется *файтером* — потому что это слово пришло вместе с другими, составляющими терминологию нового вида спортивного единоборства — *кикбоксинга*; ср.:

Само собой, наши *файтеры* (так называют иначе *кикбоксеров*) постарались не ударить лицом в грязь перед именитым заокеанским гостем... Мэтр сказал, что не ожидал увидеть настолько хорошо подготовленных российских *файтеров* (Сегодня. 1993. 21 дек.).

Многочисленные финансовые и коммерческие термины: *бартер, брокер, ваучер, дилер, дистрибьютер, инвестор, клиринг* (система взаимных расчетов между банками), *лизинг* (сдача в долгосрочную аренду машин, оборудования, помещений и т. п.), *маркетинг, монетаризм, фьючерсные кредиты* и т. п. — заимствуются и входят в употребление также благодаря некоторым из отмеченных выше условий: ориентации на западную экономическую и банковскую системы и приобщению русских финансистов и коммерсантов к международной терминологии. А ввиду острой общественной актуальности обозначаемых этими терминами явлений и сами термины выходят за пределы профессионального словоупотребления и широко используются в печати, на радио и телевидении.

Активное освоение иноязычной лексики и терминологии характерно и для остальных из перечисленных выше сфер: ср., например, слова и термины типа

ки, радио- и телекомментаторы и репортеры, переводчики-синхронисты, своей речевой практикой способствуют проникновению в общий оборот новых иноязычных слов.

имидж, *консенсус*, *саммит* (встреча в верхах), *электорат* (совокупность избирателей), *спонсор* (первоначально — лицо или организация, финансирующее творческую деятельность артистов), *андеграунд* (нетрадиционное, «подпольное» искусство), *римейк* (новая версия известного фильма), *триллер* (остросюжетный фильм, остросюжетная книга, рассчитанные на то, чтобы захватить, взволновать зрителя, читателя, — от англ. *to thrill* ‘сильно волновать, возбуждать’), *видео*, *шоу* и многочисленные их производные: *видеоклип*, *видеотехника*, *видеокассета*, *видеоман*, *шоу-бизнес*, *шоумен*, *ток-шоу* и мн. др.; *топ-модель* (от англ. *top* ‘наивысший, самый главный’) — лучшая модель (о манекенщицах), *бутик* (франц. *boutique* ‘лавка, небольшой магазин’) — магазин модной одежды, *хит* (англ. *hit* ‘успех, удача; гвоздь программы’) — модное, наиболее популярное музыкальное произведение (ср. ранее заимствованное *шлягер* ‘модная песенка’), *гран-при*, *дискотека*, *диск-жокей*, *кантри* и *кантри-мьюзик* — фольклорный стиль в американской музыке, а также популярный стиль современной молодежной музыки (англ. *country* букв. ‘сельский, деревенский’), названия модных танцев типа *брейк*, *стен*, *ламбада*, *липси* и т. п. (примеры употребления некоторых из этих слов будут приведены ниже).

Еще раз о причинах иноязычного заимствования

Представив в разделе «Условия» своего рода экспозицию новой — во всяком случае, для литературного языка — иноязычной лексики, рассмотрим теперь причины и факторы, способствующие вхождению слова в употребление и последующему укоренению его в языке (или же, напротив, вытеснению его на периферию речевого употребления).

Общие причины заимствования иноязычной лексики достаточно хорошо известны. Это:

— потребность в наименовании (новой вещи, нового явления и т. п.); ср. слова типа *кино*, *радио*, *такси*, *магнитофон*, *транзистор*, *компьютер* и мн. др.;

— необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия; ср., например, пары слов типа *уют* — *комфорт*, *страх* — *паника*, *обслуживание* — *сервис*, *сообщение* — *информация* и под.;

— необходимость специализации понятий — в той или иной сфере, для тех или иных целей; ср., например, пары типа *предупредительный* — *превентивный*, *вывоз* — *экспорт*, *преобразователь* — *трансформатор* и под., эвфемистические, вуалирующие замены — например, в области анатомии, физиологии, медицины (*педикулез* вместо *вшивость*, *канцер* вместо *рак*, *гениталии* вместо *половые органы*, *анус* вместо *задний проход* и т. п. — подробнее об этом см. с. 26—33);

— тенденция к соответствию нерасчлененности, цельности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначающего: если объект наименования представляет собой одно целое (или, по крайней мере, он как целое мыслится носителями языка), то говорящие стремятся обозначить его одним словом, а не словосочетанием, или же заменить описательное наименование однословным; так появились в русском языке слова типа *снайпер* (по-русски: меткий стрелок), *стайер* (бегун на длинные дистанции), *спринтер* (бегун на короткие дистанции), *сейф* (несгораемый шкаф), *сервант* (шкаф для посуды) и мн. др.;

— наличие в заимствующем языке сложившихся систем терминов, обслуживающих ту или иную тематическую область, профессиональную среду и т. п. и более или менее единых по источнику заимствования этих терминов: если такие системы есть, то вхождение в язык и укрепление в узусе новых заимствований, относящихся к той же сфере и взятых из того же источника, облегчается; наглядный пример — система обозначений, обращающаяся в вычислительной технике: эта сфера обрастает все новыми иноязычными (английскими по происхождению) номинациями, в том числе и мало оправданными с точки зрения коммуникативных потребностей (ср., например, замену слова *пользователь* термином *юзер* (англ. *user*) — в профессиональном языке программистов);

— социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие — всем коллективом говорящих или его частью — иноязычного слова как более престижного (по сравнению с исконным), «ученого», «красиво звучащего» и т. п. Вообще, по-видимому, можно говорить о некоей отмеченности, выделенности иноязычного слова не только в языке (ср. признаки иноязычности типа начальной буквы «а», несклоняемости существительных и т. п.), но и в сознании говорящих: во-первых, иноязычное слово связано с книжностью — книжной культурой, книжным стилем языка, книжной стилистической окраской; во-вторых, вследствие иноязычности, «непрозрачности» формы смысл его для многих говорящих нередко оказывается как бы зашифрованным, непонятным; в то же время (в-третьих) эта непонятность служит символом недоступной учености, почему и речь, содержащая иноязычные слова, часто расценивается как социально престижная².

Другим, также социально-психологическим по своей природе, фактором заимствования и активного вхождения иноязычного слова в речевой оборот является коммуникативная актуальность обозначаемого им понятия. При этом на

---

² Впрочем, можно говорить о некоторой двойственности отношения носителей языка к иноязычным словам: в чужой речи они нередко раздражают, а в своей собственной кажутся уместными и нужными или же могут употребляться без ясного осознания того факта, что это — «иностраница».

разных этапах развития одного и того же социума такая актуальность может быть различной: ср. с этой точки зрения марксистскую терминологию типа *материализм, коммунизм, революция, диктатура* и т. п., которая в течение ряда десятилетий была в поле социального внимания (во всяком случае, официального), а теперь потеряла свою актуальность; с другой стороны, слова, до недавнего времени подозрительные или просто враждебные по своей идеологической сущности, типа *плюрализм*³, *приватизация, антикоммунизм* и т. п., стали коммуникативно актуальными и употребительными в нейтральных и даже положительных контекстах.

Перечисленные причины и факторы воздействуют (в разной степени) и на процесс освоения русским литературным языком новой иноязычной лексики в конце 80-х — начале 90-х гг.⁴

Это можно показать на ряде примеров.

1) Потребность в наименовании новой вещи, нового понятия: *автобáн* (нем. *Autobahn*) 'широкая магистраль с высококачественным дорожным покрытием для скоростного движения автомобилей'; слово применяется пока преимущественно по отношению к зарубежной действительности, поскольку в России таких магистралей нет или очень мало;

блэйзер (англ. *blazer*) 'особого покроя приталенный пиджак'; ср. также названия других модных видов одежды: *леггинсы* (англ. *leggings* < *leggy* 'длинно-

³ В «Словаре иностранных слов» 1964 года издания *плюрализм* толкуется как «ложное идеалистическое учение, утверждающее, будто в основе мира лежит множество самостоятельных, независимых духовных сущностей». В «Современном словаре иностранных слов» (1992 г.) в этом слове выделено три значения: из первого (только что процитированного) толкования убраны оценочные компоненты («ложное идеалистическое», «будто»); 2) один из фундаментальных принципов устройства правового общества, утверждающий необходимость многообразия субъектов экономической, политической и культурной жизни общества; 3) множественность, многообразие чего-л., напр. мнений, взглядов, форм собственности.

⁴ Выделяя роль периодической печати в популяризации новых иноязычных слов, А. Д. Швейцер справедливо считал эту роль универсальной для многих современных обществ и языков. Сопоставляя употребление иноязычной лексики в американской и в советской прессе, он писал: «...В характере заимствований, в их источниках и в их функциональном использовании проявляются различия... Так, если в англо-американской прессе подавляющее большинство заимствований связано с реалиями зарубежных стран, а их употребление часто мотивируется передачей местного колорита, то значительная часть заимствований в советской прессе отражает новые реалии и новые понятия и заполняет денотативные и сигнификативные лакуны» [Швейцер 1993: 64].

Однако, как показывают наблюдения, русский язык современности заимствует не только наименования новых реалий и новых понятий, но и другие типы иноязычных номинаций.

ногий' < *leg* 'нога (от бедра до ступни)' — 'облегающие ногу тонкие женские рейтузы', *слаксы* (англ. *slacks* 'широкие брюки') — вид мужских молодежных брюк, *бюстье* (франц. *bustier*) — 'бюстгальтер без бретелек' и др.;

гáмбургер (англ. *hamburger* — от названия одного из немецких городов — Гамбург, где впервые начали делать подобные бутерброды, а рецепт их приготовления был завезен гамбургскими матросами в США, где и возникло само слово) — 'мягкая, обычно теплая булочка, разрезанная надвое, с бифштексом и луком (или другими овощами) в середине' (ср. с ранее заимствованными *бутерброд* и *сендвич*);

грант (англ. *grant* 'дар; дотация, субсидия'; *grants* 'стипендия') — 'денежное пособие, выдаваемое специальными фондами и предназначенное для материального обеспечения научных исследований' (ср. с ранее заимствованными *пенсия*, *стипендия*, *дотация*, *субсидия*; *субвенция*);

да́йджест (англ. *digest* 'краткое изложение') — 'особый вид журнала, содержащий в сокращении наиболее интересные материалы из других изданий' (ср. другие иноязычные наименования, содержащие в своих значениях компонент 'краткое изложение': *абстракт*, *аннотация*, *конспект*, *реферат*, *резюме*, *тезисы*);

да́ртс (англ. *dart* 'метание дротика') — 'спортивная игра, состоящая в метании стрелок-дротиков в размеченную мишень';

диане́тика (англ. *dianetics* — от греч. *διανέω* 'преодолеваю') — разработанная американским ученым Л. Ронем Хаббардом наука о душевном здоровье;

зомби (из языков острова Гаити) — 'лишенный души, умерший, но затем воскресший человек, слепо подчиняющийся воле других';

ске́йтборд (англ. *skate-board* от *to skate* 'кататься, скользить' и *board* 'доска') — 'небольшая продолговатая доска на четырех роликах для спортивного катания и развлечения, а также соответствующий вид спорта';

ско́ч, *скотч* (< англ. *scotch* 'надрез') — 'прозрачная клейкая лента для упаковки в виде небольшого рулона, от которого отрезается необходимая часть' (ср. *лейкопластырь*);

транссексуа́л (< лат. *trāns* 'через' + *sexualis* 'связанный с полом') — 'человек, изменивший (путем хирургической операции) свой пол на противоположный';

телефа́кс, сокращенно *факс* (англ. *telephax* < *tele(phone)* + *fax(imile)* 'факсимиле, факсимильный') — 'особый — факсимильный — тип телефонной связи, а также аппарат с печатающим устройством, обеспечивающий такую связь' (ср. *телефон*, *телеграф*);

хо́спис (англ. *hospice* 'приют; богадельня') — 'больница для безнадежных больных, где создаются условия для того, чтобы человек перед смертью испытал как можно меньше страданий';

этаназия (греч. *εὐθανασία* < *eu* ‘хорошо, хороший’ и *θάνατος* ‘смерть’) — ‘облегчение агонии, умирания тому, кто обречен, кого нельзя вылечить’.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие из приведенных примеров могут быть интерпретированы в связи с иными причинами и факторами, обуславливающими иноязычное заимствование, — например, как отражающие тенденцию к дифференциации или специализации понятий (*автобан*, *блейзер*, *гамбургер*, *грант* и др.). Это объясняется тем, что указанные выше причины и факторы, способствующие освоению слова языком, действуют, как правило, комплексно, во взаимодействии друг с другом; однако при этом какой-либо один фактор является определяющим, ведущим — и это дает основание для выделения разных групп иноязычных слов (с точки зрения причин их заимствования).

2) Необходимость в разграничении понятий или в их специализации; заимствования, появление которых обусловлено этими факторами, особенно многочисленны в специальных терминологиях (но не только в них). Ср. следующие примеры:

визажист (от франц. *visage* ‘лицо’) — ‘дизайнер или художник по макияжу, мастер косметического и живописного украшения лица’ (ср. с ранее заимствованными *дизайнер*, которое в своем значении не содержит указания на какой-то определенный объект деятельности человека, обозначаемого этим словом, и *гример*, которое в своем значении содержит указание на иной объект: ‘лицо актера’ и иную цель: не для украшения, а для создания определенного внешнего облика);

гран-при (франц. *grand prix* ‘главный приз’) — ‘высшая награда на фестивале, конкурсе и т. п.’; необходимость в этом наименовании появилась в связи с тем, что помимо традиционных премий, различавшихся порядковым номером (первая, вторая, третья), с недавних пор стал учреждаться высший, главный приз (ср. похожую ситуацию с сортами: помимо первого, второго и третьего сорта существует сорт *экстра*, стоящий на вершине сортовой иерархии);

имидж (англ. *image* ‘образ’) — ‘целенаправленно создаваемый образ кого-либо, призванный выражать определенные свойства субъекта и тем самым оказывать психологическое, эмоциональное воздействие на зрителей, собеседников, слушателей’ (ср. *имидж актера*, *политика*, *телевизионного ведущего* и т. п.) — это значение явно более специфично, чем значение слов *образ*, *облик*;

инсталляция (англ. *installation*, франц. *installation* ‘установка, оборудование’) — слово, появившееся для обозначения нового типа произведений изобразительного искусства, и тем самым оно должно было бы попасть в первую группу иноязычной лексики; однако главной причиной его появления в языке по-

служила необходимость отличить этого рода произведения, с одной стороны, от плоскостных (картин, офортов, эстампов и т. п.), а с другой — от объемных, но имеющих принципиально иной характер (скульптур), поскольку инсталляция предполагает использование в качестве материала разного рода бытовых предметов, деталей машин, приборов и т. п.; *инсталляция* и глагол *инсталлировать* употребляется также в компьютерной терминологии, обозначая процесс установки какой-л. программы (ср.: *инсталлировать программу; инсталляция программы завершена* и т. п.);

киллер (англ. *killer* < *to kill* 'убивать') — слово, как будто бы в точности дублирующее семантику русского *убийца*, однако в русском языке *киллер* обозначает профессионального убийцу, убийцу-наемника, ср.:

Прессу захлестнула волна публикаций о *заказных убийствах и киллерах* (Российская газета. 1994. 2 марта);

плэйер (англ. *player* — от *to play* 'играть') также кажется полным синонимом русскому *проигрыватель*, однако эта синонимия — лишь «этимологическая»; в действительности это разные устройства: *проигрыватель* — аппарат для воспроизведения музыки и речи, записанных на пластинках, а *плэйер* — разновидность компактного аудиоманитофона с наушниками (в молодежном жаргоне это устройство имеет довольно выразительное обозначение — *дебильник*) или видеоманитофона (ср. термин *видеоплэйер*);

ремейк, в ином — фонетическом — написании *римейк* (англ. *retake* 'переделка') — 'новая кинематографическая интерпретация сюжета, мотивов уже снятого раньше и бывшего в прокате фильма', ср.:

«Палач из Касабланки» — *ремейк* знаменитой «Касабланки» Майкла Карти-са... (Сегодня. 1993. 21 дек.);

Василий Шукшин был бы приятно удивлен, что его фабула так понравилась героям «Пути Карлито»... Конечно, это не *римейк* «Калины красной», и Карлито далеко не шукшинский герой, но и здесь схожие мотивы (Вечерний клуб. 1994. № 41—42);

русский перевод *переделка* был бы в данном случае неточен.

Для того, что обозначается сейчас немецким по происхождению словом *полтергейст* (нем. *Poltergeist* 'грохочущий дух'), издавна существует исконно русское наименование *домовой*. Но это не синонимы: слово *полтергейст* более специфично по смыслу, так как обозначает не всякого домового, а лишь такого, который проявляет себя шумом, стуком, перемещением предметов и т. п.

Появившееся в середине 80-х гг. слово *спонсор* влилось в ряд иноязычных по происхождению наименований, имеющих сходное (но не тождественное) значение: *меценат* — *импресарио* — *антрепренер* — *продюсер*. Спонсором пер-

воначально обозначали лицо или организацию, которые оказывают финансовую поддержку творческой деятельности артистов, музыкантов, художников; затем объект спонсорской деятельности стал пониматься более широко (ср. *спонсор соревнований, телевизионной программы, конференции, издания книг* и т. п.), но компонент 'оказывает финансовую поддержку' сохранился. В других словах указанного ряда этот компонент не представлен в явном виде (как часть толкования): *меценат* в словарях толкуется как 'богатый покровитель наук и искусств; вообще тот, кто покровительствует какому-либо делу, начинанию', *импресарио* — 'предприниматель или агент — устроитель концертов, зрелищ', *антрепренер* — 'частный театральный предприниматель'⁵, — или же представлен иначе: *продюсер* — 'доверенное лицо кинокомпании, осуществляющее идейно-художественный и организационно-финансовый контроль за постановкой фильма'⁶ (ср. компоненты 'организационно-финансовый контроль' и 'финансовая поддержка').

В последнее время этот ряд пополнился еще одним словом — *промоутер*. *Промоутер* (англ. *promoter* — букв. 'тот, кто способствует чему-л.') — 'лицо, помогающее, способствующее созданию, организации промышленного или финансового предприятия путем подыскивания вкладчиков денежных средств'⁷.

Как видим, слова, образующие указанный квазисинонимический ряд, имеют достаточно легко выявляемые семантические различия.

3) Тенденция к установлению соответствия между нерасчлененностью объекта⁸ и одноэлементностью, однолексемностью его наименования, то есть, иначе говоря, тенденция к замене словосочетаний однословными наименованиями.

В этом случае происходит как бы заполнение пустой ячейки, которой соответствует определенный смысл, но означающее — в виде отдельного слова — отсутствует (вместо этого употребляется описательный оборот).

Например, слово *йти* заменяет словосочетание *снежный человек* (объект, который мыслится, конечно, как нечто единое). Спортивный термин *овертайм* (который в английском языке образован из сочетания двух слов: *over* 'сверх' и *time* 'время; тайм') заменяет оборот *добавочное время*, который имеет терми-

⁵ Толкования даны по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 1992).

⁶ Толкование дано по «Современному словарю иностранных слов» (М., 1992).

⁷ См.: Краткий словарь современных понятий и терминов / Сост. Н. Т. Бунимович и др. М., 1993.

⁸ Нерасчлененность объекта может пониматься как буквально (например, как материальная целостность предмета), так и в более широком смысле: можно говорить о целостности отрезков времени, целостности понятий, представлений и т. п.

нологический смысл: он обозначает определенный отрезок времени, предоставляемого командам для выявления победителя (заметим, что *овертайм* к тому же как бы дополняет собой пары обозначений со словом *тайм*: *первый тайм* — *второй тайм* — *овертайм*).

Слово *саммит* обозначает встречу в верхах, то есть на высшем правительственном уровне; *таблоидом* (англ. *tabloid*) журналисты иногда называют бульварную газету; вошедшее в спортивный обиход слово *армрестлинг* (от англ. *arm* 'рука' и *wrestling* 'борьба') обозначает вид единоборства, который издавна известен и в России: это «борьба на руках», когда садящиеся друг против друга соперники ставят согнутые в локте руки на стол, сцепляются пальцами и стараются прижать руку соперника к поверхности стола; *армрестлинг* — однословное наименование такой борьбы как вида спорта, до заимствования англицизма существовало лишь описательное ее обозначение.

Трудное для русской морфологии слово *ноу-хау* (англ. *know-how* букв. 'знать, как') обозначает 'новые, передовые технологии производства чего-либо'; словом *хайджекер* (англ. *hijacker*) обозначают 'угонщика самолета'; словом *электорат* — 'совокупность избирателей (данного кандидата или данного округа)'⁹ и т. д.

4) Наличие в языке сложившихся систем терминов, более или менее однородных по источнику их происхождения. Классический пример — уже упоминавшаяся терминология вычислительной техники, которая сложилась на базе английского языка; она легко пополняется новыми терминами английского происхождения. То же следует сказать о спортивной терминологии (примеры см. выше), а также о лексике некодифицированных подсистем языка — таких как жаргоны наркоманов, проституток, хиппи, музыкантов-лабухов и др.: здесь преобладают англицизмы или кальки с английского (см. материал, свидетельствующий об этом, в словарях [Грачев, Гуров 1989; Елистратов 1994; Рожанский 1992; Файн, Лурье 1991]).

Вообще влияние лексики английского языка (главным образом в его американском варианте) на русский язык наших дней является преобладающим в сравнении с влиянием других языков.

5) Социально-психологические причины.

5.1. Престижность иноязычного слова по сравнению с исконным или ранее заимствованным и обрусевшим. Как кажется, этот фактор оказал

⁹ Заметим, что появление этого слова обусловлено и социально: в современной России иная, по сравнению с СССР, система выборов — с несколькими кандидатами на одно депутатское место, с конкуренцией между ними, с различиями в статусе разных избирательных округов и т. п.; ничего этого не было в прежней избирательной системе — и было неактуально говорить о каком-либо электорате.

определенное влияние на активизацию употребления таких слов, как *презентация* (вместо *представление*), хотя здесь имеется и некая семантическая причина; *презентация* — это торжественное представление чего-либо (фильма, книги и т. п.); *эксклюзивный* (вместо *исключительный*), которое, правда, легче укладывается в некоторые контексты, чем его русский синоним: ср. *эксклюзивное интервью* при сомнительности *исключительное интервью*; и это обстоятельство, по-видимому, влияет на живучесть иноязычного слова; *консалтинг* — в контекстах типа *Фирма осуществляет консалтинг* — вместо более обычного, русифицированного, хотя и образованного от той же иноязычной основы слова *консультирование*, и нек. др.

Большая социальная престижность иноязычного слова по сравнению с исконным вызывает иногда явление, которое может быть названо *повышением в ранге*: слово, которое в языке-источнике именуется обычным объектом, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному и т. д.

Так, французское слово *boutique* значит 'лавочка, небольшой магазин'; будучи заимствовано русским языком, оно приобретает значение 'магазин модной одежды'; примерно то же происходит с английским *shop*: в русском языке название *шоп* приложимо не ко всякому магазину, а лишь к такому, который торгует престижными товарами (обыкновенный продмаг *шопом* никто не назовет); *слаксы* — это не просто 'широкие брюки' (как в английском), а 'модные широкие брюки особого покроя'. Английское *hospice* 'приют, богадельня' превращается в *хостис* — дорогостоящую больницу для безнадежных больных с максимумом комфортных условий, облегчающих процесс умирания.

5.2. Коммуникативная актуальность понятия и соответствующего ему слова. Очевидно, что если понятие затрагивает жизненно важные интересы многих людей, то и обозначающее его слово становится употребительным. Эта закономерность верна в отношении любых слов, но применительно к иноязычным словам она проявляется особенно рельефно, поскольку здесь добавляется еще фактор социальной престижности иноязычного наименования.

Иноязычные слова, обозначающие коммуникативно важные понятия, попадают в зону социального внимания: в определенные периоды — обычно довольно короткие — их частотность в речи становится необычайно высока, они легко образуют производные, а главное — делаются объектом сознательного употребления и связанных с этим обыгрываний, каламбуров, структурных переделок и т. п.

В этом можно убедиться на примере слов *приватизация*, *демократы*, *ваучер* и нек. др. В начале 90-х гг. эти слова чрезвычайно популярны, употребительны в самых разных жанрах (хотя, например, *приватизация* и *ваучер* в совсем недавнем прошлом — специальные коммерческие термины). Они дают

множество производных и употребляются «в связке» с однокоренными словами: *ваучерный, ваучеризация, приватизировать, приватизированный, приватизатор, деприватизация*; их намеренно искаженная форма используется для снижения социальной ценности обозначаемых ими объектов или просто для иронии, шутки:

дерьмократы, демокрады, дубинки-демократизаторы; прихватизация, прихватизаторы; полная ваучеризация всей страны (по прежнему образцу: полная индустриализация, полная коллективизация всей страны), Ваучера на хуторе близ Диканьки; Такая порода собак: ваучер; у тебя — пинчер, а у меня — ваучер (последние два примера — из передачи «Тема» — телевидение, 22 сент. 1992).

Вместе с другими коммуникативно актуальными словами *демократы, приватизация и ваучер* составили своего рода обойму слов (разных по семантике), явившуюся приметой времени: *реформы, реформировать, референдум, монетаризм, суверенитет, конверсия, экология, криминогенный, наркомания, наркобизнес, мафия, рэкет, рэкетеры* и др.

Со временем, однако, общественная актуальность понятия может утрачиваться и, соответственно, угасает коммуникативная активность обозначающего это понятие слова — как это случилось, например, с пресловутым *консенсусом*, словом, которое буквально не сходило со страниц газет и с уст политиков в самом конце 80-х гг. и в процессе этого широкого употребления потеряло свою терминологическую определенность (примеры семантических модификаций этого и других «модных» слов см. в работе [Скляревская 1991: 259]).

Особенности функционирования иноязычной лексики в русской речи 80 — 90-х годов

Для употребления иноязычных слов на страницах печати, в устной публичной речи характерны две противоположные тенденции: с одной стороны, новое заимствование или термин, до этого известный главным образом специалистам, употребляются без каких бы то ни было «переводов» на русский язык, комментариев, оговорок и т. п., как бы в расчете на достаточную осведомленность и квалификацию читательской (слушательской) аудитории, а с другой, такие же слова и даже давно функционирующие в русском языке заимствования могут становиться объектом комментариев и авторских рассуждений.

Пример первого рода — вхождение в широкий оборот ряда коммерческих и финансовых терминов: *бартер, брокер, инвестиция, клиринг, дилер, дистрибьютер*¹⁰, *монетаризм* и др., политических, дипломатических, медицинских

¹⁰ Как известно, на начальных этапах освоения иноязычных слов может наблюдаться вариативность их формы. Это отражается в написании и произношении заимст-

и т. п. терминов: *импичмент*, *уотергейт*, *ирангейт*, *лобби*, *инаугурация*, *денонсация* (договора), *спичрайтер* (автор речей какого-нибудь высокопоставленного лица), *акупунктура*, *дианетика*, *апитерапия* (лечение пчелиным ядом), *фобии* (страхи), *хилеры* (филиппинские лекари), *экстракорпоральное оплодотворение* (выращивание человеческого плода в пробирке) и т. п.

Пожалуй, никогда прежде так широко не вливалась в общий речевой оборот иноязычная лексика, обозначающая реалии, которые до недавних пор считались принадлежностью иного, «буржуазного» мира; теперь же эта лексика наполняется своим, «отечественным» содержанием: ср. такие слова, как *казино*, *крулье*, *кабаре*, *мафия*, *мафиози*, *проституция*, *проститутка*, *наркомания*, *порнография*, *порнобизнес* (плюс образования, созданные на русской языковой почве: *порнуха*, *порнушник*, *порнятина* и т. п.). Слово *гастарбайтер*, еще совсем недавно казавшееся несомненной принадлежностью «них» действительности, уже входит в нашу речь как обозначение понятия, свойственного российской реальности; ср.:

...Граждане пока предлагаемыми им суммами довольны: 300 тыс. российских рублей — это, как ни крути, несколько миллионов карбованцев. Как говорят жители Украины, за эти деньги шахтеры неделями из-под земли не вылезают. «*Гастарбайтеры*» с Украины, как их уже «любовно» прозвали в Москве, предпочитают российские рубли менять на доллары и отвозить их на родину... Российские работодатели (как те, что оформили свои отношения с гражданами Украины официально, так и те, кто этого не сделал) пока *гастарбайтерами* довольны. Один из руководителей подразделения Московской железной дороги так и сказал: «Буду брать на работу только хохлов. Они не пьют, на работу ходят как часы, морду от работы не воротят» (Сегодня. 1994. 29 марта).

Толерантное отношение к иноязычным лексическим элементам выражается в еще одном явлении, характерном, как кажется, именно для 90-х гг.: иноязычные слова и обороты становятся названиями газетных заголовков, постоянных (идущих из номера в номер) рубрик; иногда даже сохраняется иноязычное написание этих элементов. Ср., например, такие названия рубрик и заголовки в московских газетах («Сегодня», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Московские новости», «Вечерняя Москва», «Вечерний клуб» и нек. др.): *Бомонд*, *Ноу-хау*, *Брифинг*, *Эпицентр*, *Форс-мажор*, *Шоу*, *Презентации*, *Тинейджер*, *Хит-парад*, *Криминал*, *Резонанс*, *Триллер*, *Монитор*, *Эксклюзив*, *Хепенинг*, *Киднеппинг*, *Видеодайжест*, *Видеовью* (по аналогии с *интервью*), *Extra!* (о сенсационных криминальных случаях), *Underground* (о неформальном ис-

---

ний: ср. *дистрибутор* — *дистрибьютор* — *дистрибьютер*; *сканнер* — *сканер*; *леггинсы* — *леггенсы* — *легинсы* — *легенсы*; *киднеппинг* — *киднэппинг* — *киднепинг* и т. д. (подробнее см. об этом в работе [Тимофеева 1992]).

кусстве), названия телепередач Российского и Московского телевидения: *Бомонд*, *Пресс-экспресс*, *Пресс-клуб*, *Ретро-шлягер*, *Бизнес-кард*, *Экспресс-камера*, *Экспо-курьер*, *Fashion News* (новости моды) и др.

Вторую тенденцию можно проиллюстрировать разного рода авторскими комментариями к употребляемой иноязычной лексике, которые в силу их метатекстового характера можно рассматривать как своеобразное нарушение автоматизма речи: говорящий останавливает свое внимание на форме высказывания, на способе выражения, что для большинства «нормальных» речевых актов весьма необычно (если исключить некоторые виды речевого общения лингвистов, у которых автоматизм речи нарушен по чисто профессиональным причинам).

В период вхождения иноязычного элемента в речевой оборот довольно обычны случаи перевода слова или термина на русский язык, его разъяснения:

Каждый в Латвии сегодня знает значение слова «*апатрид*». Это человек, не имеющий гражданства (Российская газета. 1994. 3 марта);

«Рыбацкие новости» сообщают, что в моду входит *целибат*, то есть половое воздержание мужчин (Подмосковные известия. 1994. 17 марта);

В переводе с языка «бухгалтерского» *акцепт* означает подтверждение предприятия-потребителя о получении им заказанной продукции. Акцептовано — значит принято, принято — значит оплачено (Советская Россия. 1988. 21 февр.);

Что такое *иератизм*? На этот вопрос многим ответить затруднительно. А *иератизм* — это ... знакопоток. Так раскрывает значение этого слова художник Михаил Шварцман, который назвал свою выставку, открывшуюся в Третьяковской галерее на Крымском валу, «Иературы» (там же);

Профессиональный *киллер*. По-русски — убийца (Семь дней. 1993. № 30);

Это слово стало обиходным для народов десятков стран мира. Дословно «*зомби*» означает «живой мертвец». Понятие это пришло с острова Гаити, где существовал да, пожалуй, и поныне существует целый культ «зомби» (Советская Россия. 1988. 17 февр.);

Теперь что касается боевиков, или, как их называют [в Армении], — *фидаинов* (защитников народа)... (Аргументы и факты. 1990. № 31).

Иногда такой перевод осуществляется с помощью другого иноязычного слова, чуждость которого говорящими уже не ощущается. Ср. характерный пример:

Спонсоры, или, по-русски говоря, *меценаты*, видят свою задачу в том, чтобы... (телекомментатор, 16 марта, 1993).

Нередки также комментарии пишущего (говорящего) по поводу употребительности того или иного иноязычного слова, источников его происхождения, его статуса в русском языке и т. п. Например:

В последние годы, во времена величайших парадоксов и *катаклизмов* — одно из любимых ныне обиходных словечек — порой уже черное выглядит белым, безнравственное нравственным и наоборот (В. Астафьев. С карабином против прогресса // Известия. 1991. 1 мая);

Но он [писатель В. П. Некрасов] должен был сказать о бое капитана Абросимова и об этой, как теперь выражаются, *альтернативе* (В. Кардин. Явление капитана Абросимова // Независимая газета. 1991. 2 февр.);

Одно из самых модных словечек нашего времени — *«ретро»* (Российская газета. 1994. 2 февр.);

Профессора Стивена Хэнка, апостола «разгосударствления», бывшего экономическим советником у генерала Пиночета, а затем у президента Рейгана, принято считать и автором термина «приватизация». Но сам эксперт по части изживания государственного сектора в экономике полагает, что *приватизация* — слово французское... (Куранты. 1991. № 86);

...Термин «приватизация», появившийся, как утверждают, в 1972 году на страницах французского еженедельника «Нуэль обсерватор», никогда не был в таком ходу, как сейчас (там же).

Одним из свидетельств широкой употребительности и успешного вхождения в русский язык иноязычных слов, в том числе и специальных терминов, являются случаи переносного, метафорического использования их в необычных контекстах. Такого рода употребление иноязычной лексики характерно прежде всего для языка газеты. Ср. словосочетания типа: *телевизионный марафон, реанимация российской экономики, ангажированная пресса, политический бомонд, стагнация души, рейтинг вранья* (первоначально слово *рейтинг* употреблялось только применительно к лицу: *рейтинг шахматиста, рейтинг политика*), *пакет программ*¹¹, а затем и еще более широко: *пакеты предложений, пакеты дипломатических инициатив* и т. п.

Приведенные примеры могут создать впечатление перенасыщенности современной русской речи иноязычными словами. На первый взгляд это действительно так. Недаром носители языка нередко остро реагируют на появление в употреблении незнакомых им слов и терминов, протестуя против «засилья иностранщины» (что, кстати, было во все эпохи значительных социальных преобразований, начиная с времен Петра I и кончая нашими днями).

На самом деле надо говорить об известной распространенности иноязычных слов — по функциональным стилям и речевым жанрам. В наибольшей степени ими насыщены газетные и журнальные тексты, в особенности те, что касаются экономики, политики, спорта, искусства, моды (но, например, в ста-

---

¹¹ Калька с английского оборота *package programs*. Авторы одного из последних (1991 г.) изданий словаря «Brewer's Dictionary of 20th-Century Phrase and Fable» считают этот оборот новым и для английского языка.

тнях, посвященных бытовым проблемам, новые заимствования довольно редки). В устной публичной речи — например, в радио- и телеинтервью, выступлении в парламенте — употребление иноязычных слов-неологизмов (или недавних специальных терминов) чаще, чем в письменных текстах, сопровождается оговорками типа: так называемый *монетаризм*, как теперь принято выражаться, *презентация* и т. п., поскольку, ориентируясь на массового слушателя, говорящий ощущает эту связь с ним более остро и непосредственно, нежели автор газетной или журнальной статьи.

Обиходная речь не испытывает сколько-нибудь заметного наплыва иноязычных слов, и это понятно: будучи по большей части словами книжными, заимствования и употребляются главным образом в жанрах книжной речи¹².

Поскольку иноязычная лексика представляет собой такой лингвистический объект, на котором перекрещиваются самые различные социальные оценки как самого процесса заимствования, так и конкретных заимствованных слов, заслуживают внимания и изучения с социолингвистической точки зрения различия в отношении к иноязычным словам, особенно новым. Здесь имеют значение такие характеристики говорящих, как возраст, уровень образования, род профессиональных занятий. Наблюдения показывают, что имеется некоторая зависимость между разными значениями этих характеристик, с одной стороны, и оценками иноязычной лексики — с другой: 1) с возрастом уменьшается терпимое отношение к заимствованиям: чем старше носитель языка, тем менее вероятна его толерантность в этом отношении (и, напротив, возрастает вероятность резко отрицательной оценки иноязычных инноваций); 2) с повышением уровня образования речевая адаптация новых заимствований происходит легче; 3) представители гуманитарных профессий в целом более терпимы к иноязычной лексике, чем люди, профессионально не связанные с языком, с культурой, однако здесь возможно и более сложное отношение к заимствованиям: профессионал может не замечать иноязычности терминов, обслуживающих его собственную специальность, и негативно реагировать на иноязычную терминологию в других сферах деятельности и общения.

---

¹² Иное дело — кальки. Они могут употребляться и в обиходной речи, и их «иностранное происхождение» никому не ведомо: их облик ничуть не напоминает иноязычные слова, а внутренняя немотивированность значения может беспокоить разве что лингвистов. Подробнее о кальках см. ниже, с. 221—226.

НОВЫЕ ИНОЯЗЫЧНЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ЯВЛЕНИЕ ХИАТУСА*

Одной из разновидностей иноязычных элементов в современном русском языке являются так называемые аналитические прилагательные (термин М. В. Панова) — языковые единицы типа *аудио-, видео-, кардио-, моно-, радио-, теле-, этно-* и т. п.

В книге «Русская фонетика» Михаил Викторович Панов исчислил все возможности сочетания «гласный + гласный» в пределах слова [Панов 1967: 62—65]. Различная реализация гласного в соседстве с другим гласным — от звуков полного образования до тех или иных степеней редукции — зависит от ударения, а ударение может падать либо на первый гласный сочетания (*а́ист*), либо на второй (*наи́вный*), или же оба гласных безударны (*наибóлее*).

Как известно, сочетание двух и более гласных, возникающее внутри морфемы или на стыке морфем (слов), носит название *зияния*, или *хиа туса* (см. [Васильева и др. 1995: 39, 140]). В целом это явление не очень характерно для фонетической структуры русского слова. Чаще всего оно встречается на стыке морфем: *поочерёдно, заоблачный, приосаниться, переустройство, переименовать, наигрывать, поэтому, простаивать* и т. п. Некоторые из слов с такими последовательностями гласных пережили процесс опрощения, и соответствующие морфемы выделяются в них лишь исторически: *наитие, наотмашь, наутёк, неурядица* и др.

«...законы, по которым формируются эти сочетания [сочетания «гласный + гласный». — Л. К.], не так определены, как законы согласных сочетаний. Например, слово *радио* произносится: [ра́д'и́л], [ра́д'и́ь^о], [ра́д'и́ь], [ра́д'и́л], в книжном стиле: [ра́д'и́о]. Так же вариативно произношение слова *период* и многих других» [Панов 1967: 65].

Не случайно, что оба примера, которые приведены М. В. Пановым в только что процитированном отрывке из его книги, — слова заимствованные. Если в целом для русской лексики единицы, содержащие хиа тус, малохарактерны, то в словах иноязычного происхождения это фонетическое явление представлено достаточно широко, что служит лишним подтверждением мысли о существовании особой фонетической подсистемы — подсистемы, характерной для иноязычных слов: «Произношение этих слов ¹ таково, что требует для своего описания принципиально иных правил, нежели те, которые описывают произношение всех остальных» [Гловинская 1971: 54]; см. также [Гловинская 1967; 1976].

* Впервые опубликовано в книге «Жизнь языка» (к 80-летию М. В. Панова). М., 2001.

¹ Помимо заимствований, М. Я. Гловинская рассматривает в качестве особой (в фонетическом отношении) группы также топонимы, звукоподражания, аббревиатуры.

Наиболее часты в заимствованиях случаи с однократным хиатусом, то есть с сочетанием двух гласных, но встречаются и такие иноязычные слова (заимствованные или созданные в русском языке из иноязычных морфем), которые содержат последовательности из трех, четырех и даже из пяти (!) гласных подряд. Рассмотрим группы слов с каждой из этих разновидностей хиатуса.

1. Однократный хиатус. Он наблюдается как внутри иноязычных морфем, так и — особенно часто — на стыке иноязычной морфемы с другой иноязычной или с исконной морфемой. Этот вид хиатуса характерен для слов, относящихся к классу аналитических прилагательных² и оканчивающихся на последовательность из двух гласных.

Приведем примеры слов с однократным хиатусом. Они взяты из словаря [Крысин 1998] (так же, как и примеры, иллюстрирующие другие разновидности хиатуса). Гласные, между которыми наблюдается зияние, выделены жирным шрифтом. Списки приводимых слов, естественно, не могут быть исчерпывающими, но, чтобы сделанное выше утверждение о широкой распространенности хиатуса в фонетической подсистеме заимствований не казалось голословным, эти списки достаточно обширны и дают возможность судить о том, каковы разновидности сочетаний двух и более гласных в иноязычных словах:

аблаут, авиа- (и сочетания с этим словом: *авиадесант, авиапредприятие* и под.), *авиатор, авиация, авуары, агиограф, агиография, ададжио, ажиотаж, аквариум, аккордеон, аксессуары, актуальный, анабиоз, ангио-* (и сочетания с этим словом: *ангиоспазм, ангионевроз* и под.), *аорист, аорта, аортальный, апартейд, ареопаг, архео-* (и сочетания с этим словом), *археолог, археологический* (в аллегорической речи возможно устранение зияния: *ар[х'и']логический*), *археология, ассоциация, ассоциировать, аудио-* (и сочетания с этим словом: *аудиокассета, аудиотехника* и под.), *аудитор, аудитория, аут, аутизм, аэро-* (и сочетания с этим словом), *бактриан, бальнеология, библио-* (и сочетания с этим словом: *библиография, библиотека* — в норме произношение: *биб[л'н]тэка*, в просторечии возможно стяжение гласных, устранение хиатуса: *биб[л'л]тэка*), *био-* (и сочетания с этим словом: *биография, биология, бионика*), *боа, вакуум и вакуум-* (ср. *вакуум-насос* и под.), *вариант* (у некоторых представителей старшего поколения интеллигенции наблюдается произношение без хиатуса:

---

² О грамматическом статусе аналитических прилагательных типа *кино-, радио-* и их свойствах, позволяющих считать их именно словами (не частями слов), а образования типа *киноустановка, радиопередача* — словосочетаниями (не сложными словами), см. в работах М. В. Панова: [Панов 1956, 1971; РЯиСО, 3: 111 и след.]. На то, что подобные образования — «не сложные слова, а словосочетания», впервые указал А. А. Реформатский [Реформатский 1955: 226].

ва[р'ja]нт), *вариация*, *видео* и *видео-* (ср. *видеоклип*, *видеосигнал* и т. п.), *визуальный*, *виртуальный*, *вуайеризм*, *гаолян*, *гаубица*, *гаучо*, *гелио-* (плюс производные), *гениальный*, *гео-* (плюс производные), *гомеопатия*, *гривуазный*, *гуашь*, *гжур*, *диалог*, *диаспора*, *диета* («Орфоэпический словарь» рекомендует только безйотовое произношение сочетания гласных в этом слове: [д'иэ]та, а словарь М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной допускает два варианта — безйотовый и с йотом между гласными: [д'ијэ]та), *диод*, *доминион*, *дредноут*, *друиды*, *дуоденальный*, *есаул*, *живиальный*, *жуир*, *зоо-* (плюс производные), *зоология* (в аллегорической речи возможно стяжение гласных: [зл]лбгя), *зуав*, *игуана*, *идеал*, *идеология*, *идиома*, *идиот*, *иезуит*, *икосаздр*, *импресарио*, *инаугурация* (сочетание [ау] в этом слове отчетливо произносится, по-видимому, только дикторами радио и телевидения; в менее официальной речи обычен вариант со стяжением гласных: и[на]гурация), *ингредиент* (допустимы два варианта — с хиатусом и с вставкой йота перед вторым гласным: *ингре*[д'иэ]нт и *ингре*[д'ијэ]нт — см. [Каленчук, Касаткина 1997: 181]), *индуизм*, *инициалы*, *интернационал*³, *интуитивный*, *интуиция*, *ионизация* (слово, послужившее основой для образования этого слова, — *ион*, согласно орфоэпической норме произносится без хиатуса, с йотированным [о]: [јон]), *ионический*, *ипекакуана*, *иудей*, *иудаизм*, *ихтио-* (плюс производные), *ишиас*, *кааба*, *каатинга*, *кабриолет*, *казеин*, *казуистика*, *какао* (об особенностях произношения сочетания гласных в абсолютном конце слова см. ниже), *камбио*, *канкроид*, *каноз*, *каолин*, *кардио-* (плюс производные), *кариес*, *каудильо*, *каустик*, *каучук*, *клоака*, *клоун*, *коала*, *коагуляция*, *коалиция*, *коитус*, *компаунд*, *кондуит*, *конгруэнтный*, *коэффициент*, *крааль*, *креозот*, *креол*, *креолизация*, *крио-* (плюс производные: *криотерапия* и под.), *круиз*, *куафёр*, *кугуар*, *кулуары*, *лабиализация*, *лабиальный*, *ламаизм*, *лампион*, *лауреат*, *левиафан*, *легион*, *легионер*, *легуа*, *лигроин*, *линеаризация*, *линеарный*, *линолеум*, *лобио*, *локаут*, *люизит*, *люэс*, *мадемуазель*, *макао*, *макиавелизм*, *маниока*, *мануальный*, *мареограф*, *марионетка*, *марихуана*, *маседуан*, *материализация*, *материализм*, *материалист*⁴, *матримони-*

³ Р. Ф. Касаткина обратила мое внимание на то, что в произношении интеллигенции первой половины XX в. было возможно произношение с устранением зияния — путем йотации <о>, при этом согласный <ц> был мягким: *интерна*[ц'jл]нал; без зияния произносилось и слово *революционный*: *револю*[ц'jб]нный (ср. у А. Блока: «Революционный держите шаг, Неугомонный не дремлет враг»).

⁴ В некоторых, главным образом частотных, иноязычных словах хиатус в сочетаниях <иа>, <ио> может устраняться путем полной редукции <и>, как в словах *специальный* и *милиционер* (произносится: *спе*[цá]льный и — в разговорной речи — *мили*[цá]-нёр, наряду с нормативным *мили*[цы'а]нёр; см. [Каленчук, Касаткина 1997: 395, 244]; сюда же можно добавить слово *официальный*, которое в разговорном стиле может произноситься с редукцией <и>: *офи*[цá]льный). В позиции после мягкого сонорного мо-

альный, *матуар, маузер, махаон, маэстро, меандр, медиальный, медиана, медиатор, медиация, медиевистика, медиум, мелиорация, мельхиор, мемориал, менструация, менструировать, меридиан, меридиональный, метео-* (плюс производные), *метеор, метеорит, миелит, мио-* (плюс производные: *миоглобин, миография* и под.), *миома, миссионер, муар, муэдзин, мюид, мюон, наиб, наивный, нактоуз, неандерталец, нео-* (плюс производные), *неон, нокаут, нокдаун, ноу-хау, нуклеарный, нуклеин, нюанс, оазис, одиозный, оидиум, океан, океанавт, океанический, океанолог, океанология, олеография, оогамия, оолиты, оомицеты, ооцит, ориентация, ориентир, ориентировать(ся)* (возможное произношение последних трех слов с йотированным [э]: ...[р'и]э)..., по-видимому, противоречит орфоэпической норме), *оркестрион, остео-* (плюс производные: *остеотомия, остеохондроз* и под.), *отиатрия, официант, официозный, павиан, палео-* (плюс производные: *палеоботаника, палеомагнетизм* и под.), *паллиатив, панкреатит, пансион, пансионат, пантеизм, патриарх, патриархальный, патриархат, пауза, паупер, пауперизация, паушальный, педиатр, педиатрия, пелагиаль, пеон, период, периодизация* (в аллегровой речи возможно стяжение [ио] в [и]: *пе[р'и]диза́ция*), *пиала, пианино, пиано, пианиссимо*⁵, *пиастры, пиелит, пиетет, пион, пируэт, писсуар, пиурия, плагиат, плеоназм, подиум, поляроид, потенциальный, поэзия, поэма, поэт, поэтический, преамбула, приоритет, проект, проектировать, проекция, промоутер, протейны, псориаз, пуанты, радиальный, радиант, радиатор, радиация, радио, радио-* (плюс производные), *радиус, рангоут, раунд, раут, рацион, рациональный* (в аллегровой речи возможно стяжение гласных: [р'цлнл']льный), *реагент, реактивный, реакционер, реакция, реализм, реальный, реанимация, революционный, регион, рекамбио, реквием, рекреация, реостат, репатриант, репатриация, репертуар, реэвакуация, риелтор, ритуал, розеола, руины, сауна, силуэт, синтоизм, сольфеджио* (наряду с *сольфеджо*), *соус, социальный* (и однокоренные), *социо-* (плюс производные: *социолингвистика, социодинамика* и под.), *социум, спаниель, спартакиада, стадийный, стадион, статуарный, статуэтка, стационар, стерео-* (плюс производные), *стипендиат, страус, стюард, стюар-*

жет происходить йотация второго гласного: *мате[р'jа]л, мате[р'jа]льный*, разговорные варианты *ми[л'jо]н, ми[л'jа]рд*; в некоторых словах такое произношение закреплено и орфографически: *бильярд, брильянт* (наряду с *биллиард* и *бриллиант*).

⁵ А. А. Реформатский произносил эти слова без хиатуса: [п'jan']ино, [п'jan]о, [п'jan']иссимо, но более обычным является безйотовое произношение, с сохранением зияния: [п'иан']ино, [п'иан]о, [п'иан']иссимо (оно соответствует и современной орфоэпической норме), хотя для произносительной манеры старшего поколения интеллигенции устранение зияния в подобных позициях не такая уж редкость: некоторые представители этой социальной среды произносят *ва[р'jа]нт, спа[н'jэ]ль, мате[р'jа]лист* и т. п.

десса, сюита, таблоид, табуировать, тапиока, татуировка, тахеометр, театр, театральный (в аллегорической речи возможно стяжение гласных: [т'а́-тр], [т'л'тра]льный), теизм, теин, тенденциозный, теодолит, теория, теоретический, теософия, тетраэдр, тиара, тороидальный, трахеит, трахеотомия, триада, триангуляция, триатлон, трио, триумф, триумфальный, троакар, тротуар, трюизм, туалет, уанстеп, узувальный, уик-энд, униаты, унионизм, уотергейт, факториал, фараон, фауна, фазтон, фейхоа, фиакр, фиалка, фиаско, фидеизм, фиеста, физиономия, физиотерапия⁶, флюиды, флюорография, фолиант, фрау, фреон, фтизиатр, фтизиатрия, фуэте, хамелеон, хаос, хаотический, хариус, хиазм, хиатус, хилиазм, химио- (плюс производные: химиотерапия и под.), хореограф, хореография, христианин, христианство, целлулоид, циан, цианиды, цианистый, цианоз, циклоида, чау-чау, чемпион, чемпионат, шиизм, шииты, шоу, шоу- (ср.: шоу-бизнес, шоу-группа и под.), шоумен, шпангоут, эвакуация, эвакуировать, эвентуальный, эволюционизм, эволюционный, эвфуизм, эгоизм, эгоист, эксгаустер, эксгибиционизм, экспансионизм, эксплуатация, эксплуатировать, экспроприация, экспроприировать, энеолит, энтеробиоз, энуклеация, эозин, золит, зоцен, эпидемиолог, эпидемиология, эпиорнис, эссеист, эстуарий, этиология, этуаль, юань, юниор, ягуар.

2. Двукратный хиатус. Он встречается, как правило, на стыке иноязычных морфем: *аудиоаппаратура, аудиозффект, биоэнергетика, видеоанилаг, видеооптика, идиоадаптация, радиоэлектроника, радиоэхо, радиоактивный* (возможны два варианта произношения — с двойным и с однократным хиатусом: *ра[д'ил]ктивный* и *ра[д'ил]ктивный*), *маоизм, маоист*⁷ и т. п. Внутри мор-

⁶ Хотя *физио-* непродуктивно в образовании новых словосочетаний, оно вполне может быть интерпретировано как аналитическое прилагательное; ср. возможные контексты: [В регистратуре поликлиники]: — *Я не пойму: вам надо в физио- или просто в терапию?; Ему уже ни физио-, ни мануальная терапия не помогает; Там не только физио-, но даже термо- и криотерапия есть.*

⁷ На стыке корня и суффикса двойной хиатус может появляться, видимо, только в образованиях от собственных имен, оканчивающихся сочетанием двух гласных. Пока удалось обнаружить только два эти слова (они, кстати, не зафиксированы в «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка), но в принципе, разумеется, это ряд открытый. Следует отметить, что в словах *маоизм, маоист* наряду с произношением, сохраняющим первый хиатус: [мао́йзм], [мао́йст], — возможно стяжение [ао] в один долгий [ā]: [мāй́зм], [мāй́ст], что отличает эти слова от словосочетаний типа *аудиоаппаратура*: два фактора — наличие самостоятельного ударения в слове *аудио-* и морфемная граница, проходящая между <о> и <а>, — препятствуют реализации этих фонем в виде долгого безударного [ā] (о факторах, влияющих на появление в речи долгих гласных, см. [Пеньковский 1973]).

фемы: *пауэрлифтинг*⁸ (произносится с побочным ударением на [а]), название учения английского утописта Р. Оуэна — *оуэнизм*, собственные имена *Иоанн*, *Иоаким* и производное от *Иоанн* — *иоанниты* (члены рыцарского ордена). В отличие от возможного устранения хиатуса в позиции начала слова, когда второй гласный в сочетании <ио> находится под ударением — либо основным (как в слове *ион*: [jóн]), либо побочным (как в словах *ионосфера*, *ионотерапия*: [jóнл]сфэра, [jóнл]терапí(я)), — в словах *Иоанн*, *Иоаким*, *иоанниты* зияние сохраняется как между первым и вторым, так и между вторым и третьим гласными, при этом <о> может сохраняться как гласный полного образования или же ассимилироваться с последующим <а>, и на месте <оа> произносится сочетание [ла].

3. Трехкратный хиатус. Он наблюдается также на стыке двух иноязычных морфем, одна из которых оканчивается сочетанием двух гласных, а вторая таким сочетанием начинается. Случаи такого хиатуса единичны: *биоионизация*, *кардиоионотерапия*, *остеоауто трансплантация*, *неоиудаизм*. Образование таких словосочетаний непродуктивно, поскольку редки основы, начинающиеся с сочетания двух гласных.

4. Четырехкратный хиатус еще более экзотичен; его можно отнести скорее к теоретически возможным, чем к реально существующим явлениям⁹. Например, можно образовать такие слова, как *неоиоанниты* и *неооуэнизм*, в каждом из которых пять гласных подряд, и ни одна из них не может быть, по видимому, устранена при произношении этих слов (*нео*- в этих словах несет на себе ударение).

Необходимо отметить, что в современном русском языке наблюдается заметный количественный рост класса аналитических прилагательных — главным образом, за счет именно иноязычных элементов, вычленяемых из заимствованных слов. Эти элементы различны по своей фонетической структуре. В

⁸ Наличие двух ударений в подобных иноязычных словах, которые представляют собой сложение двух слов лишь в языке-источнике (но не в русском), отмечается и еще в некоторых случаях: *армрестлинг*, *бодибилдинг*, *виндсерфинг*, *маунтбайк*, *саундтрек*, *уотергейт*; это характерно главным образом для недавних и еще плохо освоенных заимствований.

⁹ Однако если выйти за пределы подобных словосочетаний, то можно наблюдать в современной речи и вполне реальные случаи четырехкратного хиатуса — на стыке слов:

В прокате — видео и аудиоаппаратура; Дайте мне не видео, а аудиокассету; В отличие от видео, у аудиоаппаратуры срок гарантии короче; Слушала, слушала радио, а уотергейт что такое, так и не поняла и т. п.

частности, среди них есть и такие, которые оканчиваются на согласный: *бизнес-* (*бизнес-класс, бизнес-план* и т. п.), *мед-* (*медперсонал, медвытрезвитель* и т. п.), *опер-* (*оперуполномоченный, оперчасть* и т. п.), *спец-* (*спецталон, спецполиклиника* и т. п.), *секс-* (*секс-бомба, секс-услуги* и т. п.), *эрзац-* (*эрзац-кожа, эрзац-товары* и т. п.) и др. Но в связи с проблемой хиатуса нас интересуют только такие аналитические прилагательные, в финальной части которых один или два гласных: соединение их с основами, начинающимися с гласного, дает сочетания, содержащие хиатус. Перечень этих аналитических прилагательных довольно внушителен (приведем список только тех слов, которые оканчиваются одним гласным, — слова с финалью из двух гласных были перечислены выше, среди слов с одинарным хиатусом):

авто-, аэро-, газо-, гало-, гальвано-, гамма-, гастро-, гемато-, гемо-, гетеро-, гипро-, гидро-, гисто-, гомо-, графо-, дактило-, дельта-, дермато-, динамо-, евро-, изо- (в сочетаниях типа *изоамплитуда, изоэнзимы* и под.), *иммуно-, инфра-, ионо-, иридо-, карбо-, кино-, комби-, космо-, крипто-, ксеро-, ксило-, лакто-, лейко-, лито-, макро-, макси-, мега-, мегало-, мезо-, мини-, моно-, мото-, нарко-, невро-, нейро-, нитро-, окси-, онко-, органо-, орнито-, орто-, ото-, петро-, пиро-, плазмо-, пневмо-, порно-, прото-, псевдо-, психо-, рентгено-, ретро-, сапро-, сейсмо-, селено-, склеро-, спектро-, термо-, техно-, фито-, фоно-, фото-, хемо-, хромо-, хроно-, цито-, экзо-, эко-, экто-, электро-, эндо-, энтеро-, энто-, эхо-*. Класс продолжает пополняться.

Поскольку аналитические прилагательные в современном русском языке характеризуются высокой активностью в соединении с другими словами, то это увеличивает возможность появления новообразований, содержащих хиатус. Если аналитическое прилагательное оканчивается одним гласным, то, соединяясь с другим словом, в начале которого гласный (либо два гласных), оно образует или может образовать новое словосочетание с одинарным либо с двойным хиатусом: *автоинспекция, киноустановка, телеанонс, электроизоляция, аэроионотерапия* и т. п. С помощью прилагательных типа *авиа-* (с финалью на два гласных) могут образовываться единицы с двойным и тройным хиатусом: *авиаотряд, аудиоанализ, радиоинженер, биоионизация, биоаэрация, социоаутсайдер* и т. п. Аналитическое прилагательное в таких образованиях имеет ударение: *аудиоана́лиз, биоаэра́ция* и т. п., и это обстоятельство способствует сохранению зияния между всеми гласными. В этом отношении приведенные словосочетания («мнимые сложные слова», по выражению А. А. Реформатского — см. [Реформатский 1967: 292]) похожи на пишущиеся раздельно последовательности слов в предложении, если одни из этих слов оканчиваются на гласный, а другие с гласного начинаются (или из гласного состоят, как некоторые первообразные предлоги и союзы: *у, а, и* и др.); ср.: *спросили у Ивана;*

повезло и Олегу; мои и аудитора Петрова документы; Дай мне алоэ, а у Алёши попроси градусник и т. п.

Можно отметить некоторые тенденции в произношении иноязычных слов, содержащих последовательности гласных. В общем случае гласные в составе этих последовательностей произносятся с большей отчетливостью, чем те же гласные в сходных позициях (относительно ударения), если они встречаются на стыке морфем исконного слова. Впрочем, дело здесь не столько в разграничении «иноязычное — исконное», сколько в том, что иноязычные слова в своей массе малочастотны по сравнению со словами исконными, а фактор малой частотности слов обуславливает специфические черты их фонетики [Гловинская 1967] и, в частности, меньшую, чем обычно, степень редукции неударных гласных. Ср., например, произношение неударного {o} в парах *боа* — *поахать*, *рококо* — *проколоть*, заударного <э> в паре *реквием* — *зданием*: [рэк-в'изм], [здán'иэм] и т. п. В таких словах, как *аортальный*, *троакар*, где сочетания гласных <oa>, каждый гласный сохраняет свои качества: [аортáл'ныи], [тро-ака́р] и т. п.

Неударный гласный в абсолютном конце слова, следующий за ударным или другим неударным, обычно также сохраняет свое качество, не редуцируется (или редуцируется незначительно): [кака́о] или [кака́о^а], [мака́о] или [мака́о^а], [ло́б'ио] или [ло́б'ио^а], [тр'и́о] и т. п. (на сохранение гласных в качестве гласных звуков полного образования в заударной позиции и на стыке морфем (не под ударением) в иноязычных словах указывал А. А. Реформатский, приводя такие примеры: «[кака́о], [м'ика́до] и даже [и^нэ́рго]ресурсы» [Реформатский 1966: 101]).

Разнообразные случаи хиатуса, описанные в этой статье, свидетельствуют о том, что «фонологическое сито» (термин Н. С. Трубецкого, использовавшийся А. А. Реформатским, — см. [Реформатский 1966: 98—99]), которое отсеивает всё, что фонетически чуждо данной языковой системе, в русском языке имеет довольно крупные ячейки. Они пропускают в язык то, что ему несвойственно: хотя хиатус не характерен для звуковой структуры русских морфем (он не част и на морфемном шве), в фонетической подсистеме заимствованной лексики это распространенное и даже весьма обычное явление ¹⁰.

¹⁰ Некоторые фрагменты этой статьи были обсуждены с доктором филологических наук Р. Ф. Касаткиной, которой автор выражает искреннюю благодарность за советы и замечания.

Представление иноязычного слова в толковом словаре: типы лексикографической информации об иноязычном слове*

В русской лексикографической традиции словари иностранных слов как жанр справочной литературы появились из необходимости объяснить русскому читателю те или иные слова, сохранявшиеся в переводах научных и художественных текстов. Сначала (XVIII век) это были прикнижные списки слов и небольшие словарики, а затем стали появляться (в конце XIX — начале XX в. — в изобилии) отдельные словарные издания, объяснявшие непонятные иностранные слова. Ориентация составителей этих словарей была на энциклопедическое описание предмета или понятия, информация же лингвистического характера сводилась к нормативному написанию слова (нередко с многочисленными вариантами) и к сведениям о его этимологии.

Парадоксально, что, хотя за последние десятилетия XX в. теоретическая лексикография шагнула далеко вперед (в частности, были разработаны и в значительной своей части осуществлены на практике принципы лингвистического толкования слова), словари иностранных слов сохраняют как своеобразное «наследие прошлого» толкования, представляющие собой по существу фрагменты энциклопедических описаний соответствующих понятий, описаний, которые по своей функции являются разъясняющими, знакомящими с чем-то, не известным читателю.

Таковы, например, хорошо известный «Словарь иностранных слов», выдержавший более двух десятков изданий и являющийся, несомненно, полезным и нужным справочником, и «Современный словарь иностранных слов» (М., 1992). Это словари по преимуществу энциклопедические: в них дается информация о понятиях, явлениях, вещах, именуемых иноязычными словами, и почти совсем отсутствуют сведения о лингвистических свойствах таких слов — грамматических характеристиках, особенностях произношения, словообразовательных дериватах, стилистических свойствах и др.

Между тем, создание чисто разъяснительных словарей иностранных слов, имеющих сугубо практическую цель, — по всей видимости, ушедший в прошлое этап развития лексикографии. Сейчас такие словари нецелесообразно разрабатывать не только потому, что неясен критерий отбора слов для их словников (то, что неизвестно и непонятно одним, может быть хорошо известно другим носителям языка, и наоборот), но и главным образом потому, что изменился — по сравнению, скажем, с началом XX в. — состав людей, пользующихся словарями иностранных слов, изменилось их «социальное лицо», возрос их

---

* Впервые опубликовано в журнале «Русистика сегодня», 1995, № 2.

культурный и образовательный уровень. Современный словарь иностранных слов адресуется в первую очередь культурному читателю, владеющему литературным языком. Он должен сообщать такому читателю не только информацию о реалии, стоящей за данным словом, но и целый комплекс сведений лингвистического, культурно-исторического и энциклопедического характера.

Тем самым словарь иностранных слов из толкователя непонятных иноязычных элементов, каким он был в прошлом, должен превратиться в издание, совмещающее в себе черты толкового и этимологического словарей, энциклопедии, нормативного справочника и отражающее определенный уровень культуры (общей и языковой) данного общества.

Цель этой работы — показать преимущества такого лексикографического представления иноязычного слова, которое давало бы максимум информации о слове и прежде всего информации лингвистической. Ведь те затруднения в использовании иноязычного слова, которые возникают у носителя языка, могут касаться не только понятия, обозначаемого данным словом, но и того, к какой сфере науки, техники, производства слово относится, как надо произносить его, какими грамматическими характеристиками оно обладает (например, какова грамматическая отнесенность слов *авокадо*, *альсекко*, *гель*, *колибри*, *шампунь*, *шимпанзе* и мн. др., имеют ли форму единственного числа — и какую — слова *каперсы*, *пъексы*, *шлицы*, к какой части речи относятся слова *ажитато*, *вибрато*, *кантабиле*) и т. д.

Это наталкивает на мысль о необходимости приблизить словарную статью, описывающую иноязычное слово, к словарной статье обычного толкового словаря. При этом, естественно, сохраняется информация об этимологии слова (и, по возможности, о путях, которыми оно проникло в русский язык), а также, в необходимых случаях, определенный минимум энциклопедических сведений о реалии, обозначаемой словом.

В соответствии с такой установкой словарная статья словаря иностранных слов должна приобрести вид лексикографического описания, которое состоит из зон, содержащих разные типы лингвистической и энциклопедической информации об иноязычном слове¹¹. Таких зон одиннадцать: (1) заглавие: слово в его исходной форме; (2) сведения о произношении слова; (3) грамматические характеристики; (4) зона этимологии; (5) помета о сфере преимущественного употребления слова (термина), стилистические пометы; (6) толкование; (7) примеры употребления слова; (8) словообразовательные производные; (9) устойчивые, в том числе терминологические, обороты с данным словом; (10) энциклопедические (историко-культурные, научные, технические и т. п.) сведения о

¹¹ Зонный принцип организации словарной статьи впервые был предложен авторами «Толково-комбинаторного словаря русского языка» — [Мельчук, Жолковский 1984].

реалии, обозначаемой данным словом; (11) зона аналогов — слов, близких к данному по смыслу (но не синонимичных ему).

Зоны (1), (3), (4), (6) — обязательные: они заполняются в словарных статьях всех без исключения иноязычных слов; остальные зоны — факультативные: они заполняются лишь при наличии соответствующей информации.

Некоторые из перечисленных зон по типу помещаемых в них сведений совпадают с той информацией, которая дается о словах в современных толковых словарях. Таковы зоны (1), (3), (5), (6), (7): хотя содержащиеся в них сведения отличаются кое-какой спецификой (поскольку эти сведения касаются иноязычного слова), в целом названные зоны не нуждаются в подробном комментарии. Поэтому в дальнейшем будет дана лишь беглая их характеристика.

(1) **Заглавие** представляет собой слово в его исходной форме, снабженное знаком ударения (или двумя знаками, если норма допускает стилистически равноправные акцентные варианты: ср. **БАЗИ́ЙКА**, **РА́КУРС**). Заглавие может отражать формальную (фонетическую, орфографическую или грамматическую) вариантность слова: **БАНИА́Н** — **БАНЫ́ЯН**, **БРИЛЛИА́НТ** — **БРИЛЬЯ́НТ**, **БАТУ́Т** — **БАТУ́Д**; **АБА́К**, -а, м. и **АБА́КА**, -и, ж.

(2) Сведения о произношении слова могут касаться произношения лексемы в целом или отдельных ее словоформ. По своему характеру эти сведения подразделяются на четыре типа: 1) указание на нормативное произношение слова (или словоформы), если оно отклоняется от стандартных правил произнесения того или иного звука или звукосочетания: **АБСЕНТЕЙ́ЗМ** [тэ́], **ДЕНДРА́РИЙ** [дэ́] (ср. смягчение [т] и [д] перед [э] в исконных словах и в других типах иноязычных); 2) указание на вариативное произношение, не связанное с семантическими или стилистическими различиями: **ЭНЕ́РГИЯ** [не́] и [нэ́]; 3) указание на стилистически или социально обусловленные различия в произношении: **АВАНПО́СТ**, -а (*разг.* аванпоста́); **КО́МПАС** (у моряков: компа́с); 4) запретительные пометы: **ПУЛО́ВЕР** (*не*: полуве́р), **ШИНЕ́ЛЬ** (*не* [нэ́]).

(3) **Грамматическая информация** о слове включает: 1) указание основных форм данного слова (флексий род. пад. ед. ч. и им. пад. мн. ч.) — для существительных, родовых окончаний — для прилагательных, а для качественных прилагательных — еще и кратких форм мужского и женского родов, для глаголов — финалей (конечный согласный глагольной основы + флексия) 1-го и 3-го лиц ед. ч.; 2) указание грамматических характеристик слова.

Для существительных это род, помета о несклоняемости, пометы об исключительном или преимущественном употреблении в ед. или мн. ч. Новой, сравнительно с имеющимися толковыми словарями, является помета о синтаксической одушевленности существительного («одуш.»), то есть о соответствии формы вин. пад. ед. и мн. ч. (у существительных мужского рода) и вин. пад. только мн. ч. (у существительных женского рода) форме род. пад. этих суще-

ствительных¹². Признак «одуш.» приписывается как склоняемым существительным, так и несклоняемым, которые в вин. пад. согласуются с определениями по типу одушевленных склоняемых существительных, например:

РЕФЕРИ, нескл., м., одуш. (Для судейства пригласили еще одного рефери; ср.: *Надо добавить ровно один [не: *одного] кюри*);

ЛЕДИ, нескл., ж., одуш. (Пригласили двух молодых [не: две молодые] леди; ср.: *Снимите эти жалюзи*).

В тех достаточно редких случаях, когда существительное в вин. пад. может вести себя и как одушевленное, и как неодушевленное, при нем ставятся два признака: «одуш.» и «неодуш.». Таковы, например, слова *бактерия* (*изучать бактерии — бактерий*), *персонаж* (*Лев Толстой любил все свои персонажи / всех своих персонажей*) и нек. др.¹³.

Кроме того, эта сдвоенная помета указывается при словах, в толковании которых имеется дизъюнкция 'животное или растение'. Таков, например, биологический термин *автохтон* 'представитель класса животных или растений, образовавшихся в процессе эволюции в данной местности или истари в ней обитавших и живущих в ней в настоящее время'; ср.:

Он изучал автохтонов (имеются в виду животные). — *Он изучал автохтоны* (растения).

При собственных именах существительных дается помета «с прописной буквы» (это необходимо, так как заголовочное слово обычно набирается в словарях прописными буквами, без выделения начальной буквы). Эта помета может относиться как ко всей лексеме, так и к отдельным ее значениям, если в других своих значениях она употребляется как нарицательное имя существительное. Например:

ДИАНА, -ы, ж., одуш., с прописной буквы;

ГЕРКУЛЕС, -а, м. 1. одуш., с прописной буквы. Герой древнеримской мифологии...; в двух других значениях ('человек, обладающий громадной физической силой' и 'сорт овсяной крупы') это существительное является нарицательным и пишется со строчной буквы (ср.: *Мне не сладить с таким геркулесом; По утрам он ел кашу из геркулеса*).

¹² О понятии синтаксического признака и о признаке «одуш.» см. [Апресян 1988]. Мысль о необходимости этого понятия в лингвистическом описании была впервые высказана И. А. Мельчуком в его совместных с Н. В. Перцовым работах по английскому поверхностному синтаксису.

¹³ Признак «одуш.» и его коррелят «неодуш.» используется в «Кратком словаре трудностей русского языка» Н. А. Еськовой (М., 1994).

Имена собственные не имеют при себе указания на отсутствие форм мн. ч. («мн. нет» — как при словах типа *аскетизм*), хотя, казалось бы, это необходимо: ведь они обозначают уникальные объекты. Отсутствие запрета на образование форм мн. ч. объясняется, во-первых, тем, что на уникальность лица или предмета указывает помета «с прописной буквы», а во-вторых, тем, что имена собственные, которые обозначают хотя и уникальные, но в принципе исчисляемые объекты, все же допускают образование форм мн. ч. Ср.: *В этом тексте речь идет о двух Геркулесах — о мифологическом герое и о современном греке по имени Геркулес.*

Неизменяемые прилагательные типа *хаки, эпонж* снабжаются признаком «неизм.».

При глаголах указывается вид (*несов. и сов.*) и управление (в форме местоимений, например: АККОМПАНИРОВАТЬ, -рую, -рует, *несов.*, кому—чему; АННУЛИРОВАТЬ, -рую, -рует, *несов. и сов.*, что).

(4) Зона этимологии содержит указание на язык (или языки) — источник заимствования — и слово этого языка, послужившее прототипом заимствования; при непрямом, опосредованном пути проникновения слов в русский язык указываются, по возможности, «промежуточные» языки и слова. Например:

ГЛЮКО́ЗА... (фр. *glucose* < *glycose* < греч. *glykys* 'сладкий');
СИРО́П... (фр. *sirop* патока < ит. *siropo* < араб. *šarāb* 'напиток').

В ряде случаев для прояснения истории слова необходимы более или менее пространственные записи; как правило, это касается слов, ведущих свое происхождение от имен собственных или связанных с древней мифологией, или слов, далеко отошедших от своих прототипов. Например:

АЛЬФО́НС... (по имени героя комедии А. Дюма-сына «Господин Альфонс»);
ПИТО́Н... (< греч. *Pythōn* Пифон — мифической змей, убитый Аполлоном);
АМАЗО́НКА... (исп. *amazone*, ит. *amazzone* < греч. *amazōn (amazōnes)* < а... без... + *mazōs* 'грудь'; по древним сказаниям, для удобства стрельбы из лука амазонкам еще в детстве выжигали правую грудь).

(5) Пометы, которыми могут снабжаться иноязычные слова, делятся на два класса: 1) пометы о сфере преимущественного употребления слова (термина): *мат., мед., хим., биол.* и т. п.; 2) стилистические пометы, которые (а) указывают на стиль или разновидность литературного языка, где это слово употребляется: *книжн., разг.*; (б) указывает на оценку говорящим данного факта, предмета, действия, свойства: *ирон., неодобр., шутл.* и нек. др.; (в) квалифицируют слово по параметру активности его использования в современной речи: *устар., ист.* (= историзм), *редк.*

(6) Толкование слова в общем случае дается так же, как в обычном толковом словаре. Возникающий в связи с лексикографическим представлением многозначных слов вопрос о порядке значений в словарных статьях таких иноязычных слов решается в соответствии с установившейся традицией: сначала описываются прямые значения, затем переносные (ср.: АС — 1) первоклассный летчик; 2) спортсмен высокого класса; 3) мастер своего дела, виртуоз). В тех случаях, когда разграничение прямых и переносных значений затруднительно или невозможно, меньшим порядковым номером обладают более общие и наиболее употребительные значения, а более частные и специализированные, ограниченные в употреблении какую-либо сферой, редкие и т. п. значения относятся во вторую часть словарной статьи. Например:

КАНАЛ... 1) искусственное русло, наполненное водой; 2) узкое длинное полое пространство внутри чего-либо в виде трубы, трубки; 3) *спец.* всякое устройство для передачи информации.

Устаревшие значения толкуются после значений, в которых слово активно употребляется в современном языке. В тех же случаях, когда первоначальное значение слова полностью утратилось или существует в виде историзма, а в живом употреблении — лишь переносное значение слова, в виде толкования дается только это переносное значение (или значения), сведения же об утраченном или попросту неактуальном для современного употребления смысле помещаются в зоне историко-культурных сведений (см. ниже). Так, значениями слова ГРАЦИЯ должны быть: 1) изящество тела в позах и движениях; 2) вид корсета — широкий эластичный пояс, охватывающий торс, а сведения о мифических существах — трех грациях — даются в историко-культурном комментарии (ср. «Современный словарь иностранных слов», где эти сведения даются в качестве первого значения слова *грация*).

Определенную трудность представляет собой описание специальных терминов. С одной стороны, необходимо указать все существенные признаки соответствующего понятия, а с другой, нельзя считаться с тем, что словарь иностранных слов рассчитан на массового потребителя (в отличие от соответствующих энциклопедических словарей по разным отраслям науки и техники). По всей видимости, целесообразно избегать излишнего углубления в специальные, энциклопедические по своему характеру сведения¹⁴ и в то же время стре-

---

¹⁴ Ср., например, определения ряда физических, химических, математических и др. терминов в «Словаре иностранных слов», содержащие такие сведения, которые не могут быть усвоены без специальной подготовки. Так, термин СПИН имеет следующее толкование: «собственный механический момент количества движения элементарной частицы (электрона, протона, нейтрона) или атомного ядра, всегда присущий данному

миться не опускать существенных компонентов содержания того или иного термина¹⁵.

Помета о сфере употребления, предшествующая толкованию, в определенной мере сигнализирует о типе этого толкования: в отличие от описания общеупотребительных слов, а также терминов, вышедших за рамки специального применения (ср. термины *апогей*, *орбита*, *вакуум* и т. п.), здесь уместна информация специального и энциклопедического характера — без этого соответствующий термин не будет понят неспециалистом. Так, при описании химической терминологии может даваться не только собственно дефиниция той или иной единицы, но и то, например, как получается данное соединение, где и как оно применяется, и т. п. Например:

АСАФЕТИДА... *хим., мед.* Смолистое вещество с резким чесночным запахом, добываемое из корней среднеазиатского растения — ферулы асафетиды; примен. в медицине.

К толкованиям как общеупотребительных слов, так и терминов предъявляются некоторые требования, способствующие единству, логической непротиворечивости и эксплицитности описания семантических свойств иноязычной лексики. Например, толкования слов, образующих компактную (в смысловом отношении) группу или ряд соотносительных друг с другом терминов, должны содержать общую часть, повторяющуюся в словарных статьях слов данной группы или данного терминологического ряда, и специфическую, отличающую каждое слово и каждый термин ряда от всех других.

Например, толкования слов *баскетбол*, *волейбол*, *гандбол*, *пушбол*, *регби*, *футбол* должны содержать компонент «спортивная командная игра в мяч», общий для значений этих слов и в то же время отличающий их от значений названий тех спортивных игр, которые не являются командными (*пинг-понг*, *теннис*), не используют мяч (*бадминтон*) или же не принадлежат ни к тем, ни к другим (*шахматы*). Еще один компонент, также общий для толкований названных слов, указывает на то, что в обозначаемых этими словами играх уча-

---

виду частиц, определяющий их свойства и обусловленный их квантовой природой; частицы с целочисленным значением спина (0, 1, 2, ...) в спец. единицах $h = 6.626 \cdot 10^{-34}$ Дж · с. называются *бозонами*, с полуцелым спином ($1/2, 3/2, \dots$) — *фермионами*.

¹⁵ Известное в лексикографии положение, согласно которому в словаре общего типа должно фиксироваться наивное представление говорящих о содержании того или иного специального понятия (и, соответственно, термина), к словарю иностранных слов трудноприменимо, так как отражение и соответствующее современной науке истолкование наиболее употребительных терминов — одна из задач этого словаря (в этом отношении словарь иностранных слов должен отличаться от обычного толкового словаря).

ствуют две противоборствующие команды (ср. *биатлон, кросс*, где могут соревноваться друг с другом несколько команд). Помимо общих частей, толкование каждого из слов содержит компоненты, указывающие на своеобразие данной спортивной игры:

БАСКЕТБОЛ... Спортивная командная игра в мяч: ведя мяч ударами о пол и перебрасывая мяч друг другу, игроки каждой из двух противоборствующих команд стремятся забросить мяч руками в «корзину» — металлическое кольцо с сеткой, прикрепленное на определенной высоте к щиту;

ВОЛЕЙБОЛ... Спортивная командная игра в мяч: ударя по мячу руками, игроки каждой из двух противоборствующих команд стремятся перебросить его через сетку с тем, чтобы он упал на площадке соперника и коснулся пола.

Другой пример. Термины, обозначающие различные отклонения от нормальной формы головы: *акрокефалия, брахикефалия, долихокефалия, макрокефалия, микрокефалия, скафокефалия* и др., — имеют дефиниции, начинающиеся с общей части «аномальная форма черепа», за которой следуют части, специфицирующие значение данного термина:

АКРОКЕФА́ЛИЯ... Аномальная форма черепа в виде башни;

БРАХИКЕФА́ЛИЯ... Аномальная форма черепа, при которой отношение ширины головы к ее длине в процентах больше 80; короткоголовость;

ДОЛИХОКЕФА́ЛИЯ... Аномальная форма черепа, при которой отношение ширины головы к ее длине в процентах меньше 75; длинноголовость.

(7) Иллюстрации употребления иноязычной лексики имеет смысл приводить не во всех словарных статьях, а лишь при описании таких слов, которые (а) многозначны (для того, чтобы различия между значениями были наглядны); (б) отличаются некоторой идиоматичностью своей сочетаемости с другими словами (например, *АМБРЕ́: От этого мяса такое а.! ВИЗЫ́Т: нанести в.*); (в) нуждаются в примере, иллюстрирующем проявление какой-либо грамматической характеристики слова (например: *АГУ́ТИ... м., одуш... Поймали маленького а.*); (г) нуждаются в примерах, иллюстрирующих синтаксическое управление (например: *МАНКИ́РОВАТЬ... чем... М. своими обязанностями*); (д) обозначают такую реалию (механизм, вещество, явление и т. п.), сведения о природе, структуре, свойствах, функционировании, разновидностях которой — то есть информацию энциклопедического характера — удобно дать в виде иллюстративных примеров (например: *ДИСПЕ́РСИЯ... Д. света. Звуковая д. Увеличение, уменьшение дисперсии; РЕЛЕ́... Электрическое р. Тепловое р. Р. времени; КОНВЕР́ТЕР... Горловина конвертера. Кислородный к.*)

(8) В зоне словообразовательных производных, которая имеет целью продемонстрировать словообразовательную активность иноязычного

слова (что, как известно, является одним из показателей его укоренения в языке), приводятся «одношаговые» производные, то есть слова, образованные непосредственно от данного. Так, в словарной статье СИСТЕМА должно быть указано прилагательное *системный*, но не существительные *системность*, *системник* (которые образованы от этого прилагательного).

(9) Устойчивые обороты с данным словом, в том числе терминологические сочетания, даются так же, как в обычном толковом словаре: в конце соответствующей словарной статьи (или в конце описания того или иного значения, если слово многозначно); они имеют толкования и снабжаются пометами о сферах преимущественного употребления и стилистическими пометами. Например:

АБСОЛЮТНЫЙ... ♦ **Абсолютная величина** (*мат.*) — число, взятое без учета знаков + или -; например, абсолютная величина чисел 10 и -10 равна 10. **Абсолютная высота** (*геод.*) — высота точки на земной поверхности над уровнем моря; то же, что *альтитууда*;

ТАБАК... ♦ Дело — **табак!** (*прост.*) — очень плохо, скверное положение. **(Пропасть) ни за понюшку табаку** (*разг.*) — совершенно напрасно, ни за что.

Как кажется, надо отказаться от проводимого в современных словарях иностранных слов принципа энциклопедического объяснения сочетаний с данным иноязычным словом, служащих наименованиями каких-либо специальных объектов. Ср., например, статью **МОЛЕКУЛЯРНЫЙ** в «Современном словаре иностранных слов» (М., 1992), где приводятся описания таких понятий, как молекулярная физика, молекулярная биология, молекулярная генетика, молекулярный генератор, молекулярные пучки. Дефиниции подобных понятий — дело энциклопедии или отраслевых энциклопедических словарей, и к проблеме описания иноязычного слова оно не имеет отношения.

(10) Энциклопедические сведения о данном явлении, предмете, понятии и т. д. могут как включаться в толкование, так и занимать отдельную зону. В первом случае имеются в виду такие сведения, как функции называемого словом объекта (машины, механизма, прибора и т. п.), особенности его предназначения, сфер применения, отличия от сходных объектов и т. п. Например:

АРНИКА... *бот.* Род многолетних травянистых растений сем. сложноцветных; примен. в медицине;

АЦЕТИЛЕН... *хим.* Органическое соединение — ненасыщенный углеводород алифатического ряда: бесцветный газ, получаемый действием воды на карбид кальция, а также крекингом и пиролизом метана; примен. для сварки металлов, получения синтетических полимеров и др.

Во втором случае речь идет о сведениях, касающихся происхождения данного явления, его истории, культурного значения и т. п.; эти сведения легче отделить от собственно толкования, нежели информацию первого рода, они не играют какой-либо существенной роли для толкования слова (и, соответственно, понимания его смысла). Поэтому они записываются в отдельной зоне. Например:

АВСТРАЛОПИТЕК... *антр.* Ископаемая человекообразная обезьяна, близкая к предковой форме человека. | А. жил в конце третичного — начале четвертичного периода; череп австралопитека впервые найден в Юж., Центр. и Вост. Африке;

ПАРТЕР... (фр. *parterre* < *par* по + *terre* земля, пол). 1. Места в зрительном зале, расположенные рядами параллельно сцене, экрану, эстраде. | Во французском театре 16—17 вв. партером называлось пространство перед сценой, предназначенное для зрителей низших социальных слоев; здесь можно было стоять или сидеть на полу (отсюда название).

В некоторых случаях информация энциклопедического характера необходима для того, чтобы прояснить происхождение слова (как в только что приведенном примере со словом *партер*), обстоятельства, оказавшие влияние на формирование его значения. Например:

БИКИНИ... (англ. *bikini* — по назв. атолла Бикини в Тихом океане, где в 1946 и 1954 гг. производили испытания атомного и водородного оружия). Женский купальник, состоящий из узкого бюстгалтера и маленьких плавков. | Название возникло на основе сравнения того впечатления, которое производит женщина в таком купальнике, со взрывом атомной бомбы;

КАРНАВАЛ... (фр. *carnaval* < ит. *carnevale* < *carne* мясо + *vale* прощай)... | Назв. возникло в Италии в конце 13 в., когда карнавалы стали сопровождать масленицу (после которой начинался пост, с его запретом на мясную пищу; отсюда название).

(11) Зона аналогов ¹⁶ содержит перечень иноязычных слов той же тематической группы или того же терминологического ряда, к которым принадле-

---

¹⁶ Необходимость дополнения обычного алфавитного словаря такой информацией, которая позволяла бы отыскивать слово по его смыслу (то есть идеографическим компонентом), осознана в лексикографии достаточно давно. Принципы алфавитного и идеографического словарей совмещаются в ряде современных лексикографических изданий (см., например, так называемые Большой Робер и Малый Робер во французской лексикографической традиции, словари Дуден — в немецкой, узбестеровские толковые словари — в английской и др.).

В отечественной лексикографии целесообразность указывать в словарной статье толкового словаря не только синонимы, антонимы и конверсивы данного слова, но и

жит и данное слово (термин). Такие лексические единицы имеют в своих толкованиях (дефинициях) повторяющиеся или соотносительные семантические компоненты. Каждое из указанных в зоне аналогов слово имеет в данном словаре собственную словарную статью, также содержащую зону аналогов. Так, слова *баскетбол, волейбол, гандбол, пушбол, регби, футбол*, образующие узкую тематическую группу¹⁷ аналогов по указанным выше компонентам значения (см. выше, с. 216—217), имеют в своих словарных статьях взаимные отсылки к остальным словам этого ряда.

Наиболее типичный случай указания аналогов в словарных статьях иноязычных терминов — перечисление терминов, обозначающих со-виды данного явления. Так, биологические термины *анафаза, метафаза, профаза, телофаза* обозначают стадии так называемого непрямого деления клетки — митоза. В словарной статье термина *митоз* эти стадии перечислены в энциклопедической зоне, а в словарных статьях каждого из четырех терминов, обозначающих соответствующие стадии митоза, зона аналогов содержит перечисление названий остальных трех стадий. Например:

МЕТАФАЗА... || Ср. анафаза, профаза, телофаза.

Аналоги позволяют соотносить друг с другом не только синонимы, но и слова, образующие одно смысловое поле, формирующие ту или иную узкую тематическую группу, терминологический ряд, увидеть различия в их значениях и в употреблении. Применительно к словам иноязычного происхождения

его аналоги была впервые обоснована в начале 70-х гг. XX в. Ю. Д. Апресяном (при работе над «Толково-комбинаторным словарем русского языка»); см. также его теоретическую статью в «Англо-русском словаре синонимов» (М., 1979), в котором идея о необходимости указывать аналоги слова в словарной статье толкового (в частности, синонимического) словаря была осуществлена практически. Зона аналогов имеется и в словарных статьях «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» под ред. Ю. Д. Апресяна (М., 1997, 2000. Вып. 1 и 2).

¹⁷ Под узкой тематической группой следует понимать группу таких слов, толкования которых имеют совпадающие компоненты. Однако этот формальный принцип в практической лексикографии выдержать крайне трудно из-за несовершенства языка толкований, а кроме того, в словаре, рассчитанном на массового читателя, толкования должны быть по возможности просты и понятны. Поэтому в зоне аналогов целесообразно фиксировать и такие слова, которые интуитивно ощущаются составителем как близкие по смыслу к данному, хотя толкования этих слов могут и не содержать буквально совпадающих компонентов: ср., например, семантическую близость слов *веранда* 'крытое, обычно застекленное помещение вокруг дома или вдоль одной его стены' и одного из значений слова *балкон* 'на верхних (начиная со второго) этажах здания: выступающая площадка с ограждением'.

это особенно важно, так как говорящие нередко не имеют четкого представления о смысле того или иного иноязычного слова (термина) и об условиях его использования в речи ¹⁸.

Калькирование в русском языке конца XX века

При изучении иноязычного влияния на русский язык теме «кальки» и процессам калькирования традиционно уделяется меньшее внимание, чем лексическим заимствованиям. Этому есть по крайней мере два объяснения: во-первых, калек в языке (не только современном, но и, например, русском языке XIX века) несравнимо меньше, чем заимствований. Во-вторых, кальки трудно выявить: неясны критерии, по которым то или иное слово или словосочетание следует признать результатом иноязычного влияния, а не продуктом процессов, происходящих в русском языке в соответствии с его собственными закономерностями развития.

Например, часто обсуждаемый сейчас в русистике жаргонизм *крутой*, *круто* (*крутой парень*, *это круто!*) обычно квалифицируется как калька английских *cool* или *tough* (см., например [Крысин 1996: 161; Ермакова, Земская, Розина 1999: 87]). Но что мешает нам считать это значение слов *крутой*, *круто* результатом саморазвития их семантики? Ср. сочетания типа *крутые меры*, *крутой характер* и т. п.: от того значения слова *крутой*, которое реализуется в подобных сочетаниях (оно формулируется в [СОШ-1997] как 'суровый, строгий'), — один и вполне органичный шаг к значению, которое в этом же словаре толкуется — впрочем, не совсем точно — как 'решительный и быстрый, а также вообще оставляющий сильное впечатление'. Выражение *зеленый свет* в контекстах типа *дать зеленый свет каким-либо начинаниям, новшествам* в точности соответствует переносному значению английского оборота *green light*. Стало быть, это калька? Но вполне возможно, что это — перенос значения «внутри» русского языка: от прямого, «автоторожного» значения словосочетания *зеленый свет* — к переносному.

О трудностях, которые ожидают исследователя калек при их выявлении и идентификации, пишут и другие авторы; см., например [Арапова 2000; Данн 1998; Зализняк 2001; Пфандль 2002]. Х. Пфандль, поддерживая мысль Дж. Данна о том, что часто бывает трудно разграничить англицизмы, интернационализмы и собственно русские образования, пишет: «Разумеется, точных крите-

---

¹⁸ В 1998 году опубликован составленный мною «Толковый словарь иноязычных слов», в котором представлены описанные здесь типы лингвистической и энциклопедической информации о заимствованных словах (в 2003 г. словарь вышел 5-м изданием). — Примечание 2003 года.

риев для решения вопроса о первоисточнике не существует, и отделить интернационализм от англицизма не всегда легко. Во многих случаях на помощь приходит или контекст, или внеязыковая действительность: если спорное выражение употребляется журналистом, находящимся в англоязычной среде или пользующимся англоязычными источниками (например, сообщениями агентства Рейтер), то вероятность английского заимствования выше, чем в случае употребления такого выражения в сугубо русском контексте» [Пфандль 2002: 421].

Однако во многих случаях, как кажется, кальки всё же поддаются идентификации — как по чисто лингвистическим, так и по эстралингвистическим основаниям. Тем самым задача выявления и изучения калькированных языковых единиц остается не только актуальной, но и вполне решаемой.

Каковы же эти основания?

Во-первых, кальки отличаются тем, что в них реализуются какие-то нехарактерные, неорганичные для данного языка черты — либо в формальной, либо в содержательной стороне слова, словосочетания. Например, для русского словообразования конца XIX — начала XX вв. было вполне нормально соединение приставки *сверх-* с прилагательными (*сверхъестественный*, *сверхскоростной* и т. п.) и нехарактерно соединение с существительными, как это имеет место в кальке *сверхчеловек* — с нем. *Übermensch*. В сочетании *синий чулок*, которое является калькой с английского оборота *bluestocking*, употребление прилагательного *синий* никак не мотивировано ни прямым, ни переносными значениями этого прилагательного.

Во-вторых, при определении кальки важно обращение к внеязыковой действительности: если само обозначаемое данным словом или словосочетанием явление пришло к нам извне, то можно с большой вероятностью предположить, что и его наименование — либо «материальная» иноязычная единица (то есть лексическое или фразеологическое заимствование), либо калька. Например, словосочетание *сезонный билет* — скорее всего, калька, поскольку эта реалья была заимствована нами из стран Западной Европы, и ее название в точности соответствует английскому обороту *season ticket* (по-русски то же самое обозначается как *месячный билет* или *проездной билет*). Слово *самообслуживание* (в словосочетании *магазин самообслуживания*) следует считать словообразовательной калькой английского *selfservice*, так как соответствующая реалья — магазины самообслуживания — была заимствована нами, по видимому, или непосредственно из США, или из стран европейского Запада (где она тоже — из США).

Если сравнивать современный этап развития русского языка с предшествующими этапами, то надо отметить различие в типах калек. В XIX — начале XX вв. преобладали кальки словообразовательные — типа: *сверх-человек* (нем.

Über-mensch), *себе-стоимость* (нем. *Selbst-kosten*), *скор-о-сшиватель* (нем. *Schnell-hefter*), *работ-о-датель* (нем. *Arbeits-geber*), *неб-о-скреб* (англ. *sky-scraper*) и т. п. (см. об этом: [Флекенштейн 1963; Грановская 1981: 226 и след.]); основным их источником был немецкий язык. Отмечены также сравнительно немногочисленные семантические кальки типа *гвоздь* (в сочетаниях *гвоздь выставки*, *гвоздь театрального сезона* и под. — под влиянием французского *clou*), *платформа* ‘программа, совокупность принципов политической партии’ — под влиянием нем. *Plathform* в том же значении, и нек. др. [Грановская 1981: 294—295].

В русском языке наших дней преобладают кальки семантические и сочетаемостные, а главным их источником является английский язык (преимущественно в его американском варианте). При этом основными сферами появления калек являются сферы дипломатии, политики, спорта, моды и нек. др., а распространяют их, внедряют в широкое употребление средства массовой информации.

Приведем примеры калек, появившихся в последние два-три десятилетия.

Семантические кальки:

— *высокий* в знач. ‘лучший, элитный’ (ср. франц. *haut*) — первоначально только в сочетании *высокая мода* (франц. *haute couture*), а затем появляются другие сочетания со словом *высокий* в этом значении: *высокие технологии* (ср. англ. *high technology*) и даже *высокая стоматология* (это словосочетание встретилось в тексте рекламы);

— *теневой* в значении ‘незаконный’, а также ‘не стоящий у власти’: *теневая экономика*, *теневой бизнес*, *теневой кабинет (министров)* (< англ. *shadow economy*, *shadow business*, *shadow cabinet*);

— *формат* в знач. ‘характер, вид, форма’ (*Встреча прошла в обновленном формате; Новый формат передачи телевизионных новостей*) — под влиянием англ. *format* в том же значении (в русских словарях слово *формат* толкуется только как ‘размер печатного издания, тетради, листа’ — см., напр. [СОШ-1997]);

— *конференция* в знач. ‘спортивный союз, спортивная ассоциация’ (*Хоккейная команда из западной конференции*) — под влиянием англ. *conference*, которое в американском варианте английского языка имеет именно такое значение (наряду с другими)¹⁹. Возможно иноязычное влияние также в возникновении спортивного термина *легионер* ‘игрок в составе футбольной, хоккейной и т. п. команды, приглашенный из команды другой страны’ — по-видимому, как «неза-

¹⁹ Здесь и далее при толковании значений английских прототипов используются данные «Нового большого англо-русского словаря» (НБАРС) и «Англо-русского словаря американского сленга» (АРСАС).

конное» производное от *leage* ‘лига’ (поскольку в словах *лига* и *легионер* — этимологически, семантически и фонетически разные корни), но возникло это производное значение у русского слова *легионер*, а не у англ. *legionary*, которое таким значением не обладает;

— *ястреб* в знач. ‘сторонник жесткой, обычно реакционной политики’ — под влиянием этого же значения у англ. *hawk*; у русского слова *ястреб* в его прямом значении отсутствуют коннотации, на основании которых могло бы возникнуть это переносное значение (ср. наличие отрицательной коннотации у слова той же тематической группы *стервятник*);

— *монстр* наряду с традиционным отрицательно-оценочным значением ‘чудовище, урод’ (в этом значении слово заимствовано из французского языка) приобрело значение положительно-оценочное ‘нечто чрезвычайно значительное, выдающееся’ (напр., *монстры кинобизнеса*), уже зафиксированное в словарях (см. [Крысин 1998]), — несомненное влияние семантики английского слова *monster*, которое в словарях, помимо значений ‘урод’ и ‘чудовище’, имеет значение ‘что-либо громадное’: *monster ship* ‘громадный корабль’, *monster cabbage* ‘громадный кочан капусты’ и т. п. [НБАРС. Т. 2: 470], а в сленге употребляется еще и в смысле ‘ходкий товар’ [АРСАС: 301]);

— *продвинутый* в значении ‘находящийся на более высоком уровне, чем раньше; более совершенный’ (*продвинутый этап работы, продвинутый курс обучения*) — калька с англ. *advanced*;

— по-видимому, под влиянием английского языка появился некий семантический сдвиг у глагола *шокировать*, который был заимствован в XIX в. из французского языка и традиционно употребляется в значении ‘приводить (привести) в смущение нарушением правил приличия, общепринятых норм’ [СОШ-1997]; теперь же нередко этот глагол употребляется как синоним глаголов *поражать, потрясать* (ср. соответствующее значение у англ. глагола *to shock*, также, по-видимому, заимствованного из французского);

— *зеленые* — о долларах (ср. англ. сленговое *green* в этом же значении); впрочем, возможен и самостоятельный метафорический перенос значения у прилагательного *зеленый* — по цвету американских долларов; ср. основанную на том же признаке русскую жаргонную метафору *капуста* — ‘деньги’, первоначально об американских долларах.

Сочетаемость кальки:

— *горячая линия* (в системах связи; калька с англ. *hot line*);

— *горячая точка* (о территории, где ведутся военные действия; калька с англ. *hot spot*);

— *утечка мозгов* (< англ. *brain drain*);

-- *промывание мозгов* (< англ. *brainwashing*);

— *отмывать деньги*²⁰ (< англ. *to launder money*);
— *шоковая терапия* (< англ. *shock therapy*);
— более ранние: *холодная война* (< англ. *cold war*), *денежный мешок* (< англ. *moneybag*), *делать деньги* (< англ. *to make money*), *заниматься любовью*²¹ (< англ. *to make love*) и т. п. (см. работу [Феоклистова 1999], где дан перечень и классификация лексико-фразеологических калек с английского, появившихся в последние десятилетия XX века).

Х. Пфандль обращает также внимание на то, что современные русские средства массовой информации, в том числе и главным образом тексты телевизионных передач и телерекламы, насыщены разного рода клишированными оборотами, которые во многих случаях оказываются результатом буквального перевода соответствующих клише с английского: *Оставайтесь с нами!* (англ. *Stay with us!*), *критические дни* (о менструации; ср. англ. *critical days*), *Почувствуйте разницу!* (англ. *feel/taste the difference!*), *Ощутите утренний запах кофе!* и т. п. [Пфандль 2002: 422, 425]. Разговорная речь также оказывается не свободной от влияния англоязычных оборотов, которые переводятся буквально; ср., например, весьма распространенные выражения *Без проблем! Это ваша проблема, Это не моя проблема* и др. [Пфандль 2002: 423—425].

Можно отметить также иноязычное (английское) влияние в употреблении форм множественного числа от некоторых существительных, которые традиционно употреблялись в единственном числе: *вооружения* (*гонка вооружений* — ср. англ. *arms race*), *мирные инициативы* (ср. англ. *peace initiatives*), в образовании и широком употреблении прилагательного *культовый* (*культовый герой, культовая фигура, культовый фильм, культовый режиссер* и т. п.; ср. англ.: *cult-hero, cult-figure* — НБАРС. Т. 1: 494) и нек. др.

Некоторые группы лексики особенно активны в формировании устойчивых сочетаний, которые по происхождению являются кальками. Одна из таких групп — прилагательные со значением цвета.

Почти все прилагательные цвета имеют переносные значения, и часть этих значений — результат иноязычного влияния. Так, словосочетание *черный рынок* — калька с немецкого *Schwarzmarkt*; *черный список, черный шар* (при го-

²⁰ Буквально: стирать деньги; по одной из версий, в американском английском это выражение возникло потому, что деньги, полученные незаконным путем, в США впервые начали легализовать через систему прачечных.

²¹ Ср. эмоциональную оценку этого словосочетания носителем русского языка: «... глухие к языку “озвучиватели” сериалов стали вкочивать кальку с английского “пойдем займемся любовью”, что для русской речи абсолютно невозможно. Любовь чувствуют, переживают, но ею нельзя заниматься» (А. Минкин. Звёзды дяди Вани / Московский комсомолец. 2002. 22 марта).

лосования)²², *черный юмор* — кальки с англ. *black list, black ball, black humour* (впрочем, в последнем случае возможно также влияние французского оборота *humour noir*). Ныне устаревший газетный штамп *черное золото* (= нефть) — тоже, скорее всего, журналистская калька с английского *black gold*. Устойчивые сочетания *белая книга* и *красная книга* — кальки соответственно английских оборотов *white book, red book* (откуда пришли и обозначаемые этими оборотами реалии). Словосочетанию *желтая пресса* соответствует английское *yellow press*, словосочетание *серый кардинал* — калька с англ. *grey eminence*; это же определение фигурирует в более специфическом и не часто употребляемом словосочетании *серый импорт* в значении 'полулегальный импорт' (ср. англ. *grey import*).

Весьма продуктивное при образовании словосочетаний с переносным смыслом английское прилагательное *blue* послужило основой для калек *голубая кровь, синий чулок* (ср. англ. *blue blood, bluestocking*). Однако другим сочетаниям с этим прилагательным в русском языке соответствуют словосочетания с прилагательным *белый* (напр., английскому *blue bear* соответствует русское *белый медведь, blue ticket* — *белый билет, blue devils* — *белая горячка*).

Таковы некоторые наблюдения над кальками последних десятилетий.

В заключение следует сказать, что иноязычное влияние на русский язык в последние десятилетия XX века более многообразно и интенсивно, чем в предшествующее время. Это влияние требует углубленного и детального изучения, учитывающего как сравнительно легко обнаруживаемые лексические заимствования, так и разные формы скрытого влияния других языков на русский — не только в лексике, но и, например, в морфологии, словообразовании, синтаксисе, в просодическом рисунке высказываний и в их коммуникативной организации.

---

²² Когда такая демократическая процедура, как голосование, получила распространение и в России, никаких шаров как инструментов голосования не было — голосовали бюллетенями.

Раздел II

СТИЛИСТИКА, КУЛЬТУРА РЕЧИ

К ТИПОЛОГИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ «НЕПРАВИЛЬНОСТЕЙ»*

1. Наиболее распространенные в современной русской речи отклонения от нормы (на уровне слова и словосочетания) сводятся к следующим типам:

1) смешение семантически различных слов вследствие сходства их формального облика (*привязь — перевязь: рука на привязи — вместо на перевязи*);

2) смешение формально различных слов вследствие сходства их семантики (*последний — крайний* в ситуации очереди);

3) смешение синтаксически различных конструкций вследствие их семантической тождественности (*указывать на что, говорить о чем → указывать о чем*);

4) смешение стилистически различных единиц вследствие их семантической тождественности (*жена — супруга*);

5) смешение слов вследствие формальной и смысловой их близости друг другу (*стать — встать: стать на вахту — встать на вахту, река стала — река встала*);

6) контаминация синтаксически тождественных и близких по смыслу конструкций, включающих семантически различающиеся лексемы (*играть роль, иметь значение → играть значение*);

7) смешение синтаксически различных конструкций вследствие формальной и смысловой близости управляющих слов (*обоснованный чем, основанный на чем → обоснованный на чем*).

Теоретически возможные типы смешений, получающиеся при других комбинациях формального, смыслового, сочетаемостного и стилистического признаков (например, смешение формально и сочетаемостно сходных, но семантически далеких слов или формально и семантически близких, но стилистически контрастных и т. п.) в речевой практике встречаются редко.

---

* Впервые опубликовано в журнале «Русский язык в национальной школе», 1971, № 5.

С лингвистической точки зрения речевые «неправильности» давно перестали рассматриваться лишь как помехи, характеризоваться только такими определениями, как искажение, грубое нарушение, нелепость, порча языка и т. п. Уже общим местом стало утверждение, что подлинная борьба за высокую речевую культуру немыслима без тщательного объективного анализа всевозможных отклонений от литературной нормы.

Что дает этот анализ? В частности, такие научные аргументы, которые позволяют нарушения нормы квалифицировать как неизбежное следствие эволюции языковой системы; при этом одни из них рассматривать как временное, преходящее «зло», затрагивающее периферийные участки языка и не мешающее его основной функции — коммуникативной; другие — «реабилитировать» и защитить от несправедливых нападков пуристов; в оценке третьих подчеркивать целевое назначение языковых средств, их ситуативно-контекстную целесообразность и уместность; четвертые четко и недвусмысленно характеризовать как недопустимые в пределах литературной, нормированной речи и т. д.

Анализируя речевые «неправильности», выясняя причины их возникновения, исследователь прежде всего обращает внимание на их языковую сущность и лишь затем дает им нормативную оценку.

2. В этой статье речь пойдет о фактах, которые уже не раз привлекали к себе внимание лингвистов и были описаны в работах по культуре речи; им уже вынесен «нормализаторский приговор». Однако, как кажется, языковая природа этих фактов выяснена не до конца. В частности, привлекает к себе внимание одна черта «неправильностей», которая условно может быть названа асимметрией.

В общем виде явление асимметрии выглядит так. Если элемент A по своим свойствам сходен с элементом B , вследствие чего при использовании этих элементов в речи может происходить их смешение, то реально либо A употребляется вместо B , либо B вместо A : одновременное использование A в функции B , а B в функции A не встречается. Обозначив стрелкой отношение, выражаемое словом «вместо», а вертикальной чертой $|$ — несовместимость явлений, получим такую схему: $A \rightarrow B|B \rightarrow A$; отношение $A \leftrightarrow B$ обычно не имеет места¹.

Если A употребляется вместо B , то элемент A должен обладать (хотя бы ситуативно) свойствами B и приобретать его значение. Это возможно при таком

¹ Слово «обычно» употреблено здесь не случайно. В действительности можно найти такие пары единиц, у которых смешение значений или сочетаемостных связей происходит «в обе стороны»; ср. *одолжить* и *занять* (равно неправильно: **Он одолжил у меня денег* и **Я занял ему денег* — вместо правильных конструкций *одолжить что кому* и *занять что у кого*). Однако таких случаев мало, и их надо рассматривать скорее как исключение, подтверждающее общее «правило асимметрии».

отношении *A* и *B*, когда (1) *A* шире *B* по значению, или, что то же самое, *A* включает *B* (например, *бежать* — *мчаться* (о живом существе)); (2) значение *A* пересекается со значением *B*, то есть некоторая часть семантических признаков, образующих смысловую структуру единиц *A* и *B*, общая, а по другим признакам эти единицы различаются (например, *закон* — *постановление*: не всякий закон имеет форму постановления и не всякое постановление обладает силой закона); (3) *A=B* (например, *лингвистика* = *языкознание*). Дальше будут рассмотрены лишь отношения включения и пересечения.

Схемы «*A* включает *B*» и «*A* пересекается с *B*» широко представлены в языке безотносительно к аспекту правильности (см. об этом ниже). Функциональное (в речи) и историческое взаимодействие пар таких единиц иногда приводит к употреблению первой из них в функции второй.

3. В грамматике примером такой эволюции изменения отношения «*A* пересекается с *B*» в отношении «*A* включает *B*» может служить корреляция слов типа *сотрудник* — *сотрудница*, *кондуктор* — *кондукторша*. В XIX в. левые члены этих оппозиций (имеющие с правыми общее значение лица) обозначали лиц мужского пола, а правые — лиц женского пола. В современном языке в словах *сотрудник*, *кондуктор* значение пола не выражено, так как эти слова могут употребляться и по отношению к мужчине, и по отношению к женщине; ср.:

Он сотрудник редакции — *Она сотрудник редакции*; *Кондуктор Иванов не вышел на работу* — *Кондуктор Иванова не вышла на работу*.

Следовательно, значение правых членов оппозиции, выраженное в их структуре (суффиксы *-иц(a)*, *-ш(a)*), в морфологически не выраженном виде присутствует в значении левых членов, то есть *A* включает *B*. При этом член, в котором формально не выражено значение пола, называется немаркированным, а член, выражающий значение пола, — маркированным (подробнее об этом см. РЯиСО, кн. 2, § 128 и след., кн. 3, § 9 и след.)².

Числительные *оба* — *обе* в отличие от приведенных примеров не образуют привативной оппозиции. При общем значении 'и тот, и другой' они имеют разную грамматическую сочетаемость: *оба* употребляется с существительными мужского и среднего родов, *обе* — с существительными женского рода (*оба*

² Ср. понятие маркированности в фонологии (откуда оно и распространилось в другие области языкознания): «Член [привативной] оппозиции, который характеризуется наличием признака, называется «маркированным», а член оппозиции, у которого признак отсутствует, — «немаркированным»» [Трубецкой 1960: 83]. Там же см. определение эквиополентной оппозиции: «Эквиополентными (равнозначными) называются такие оппозиции, оба члена которых логически равноправны».

сына, оба окна). Однако такое разграничение последовательно соблюдается говорящими лишь в именительном (и в винительном, если речь идет о неодушевленных существительных) падежах: ср. невозможность сочетаний типа **оба ноги*, **обе стола*. В остальных падежах наблюдается отступление от нормы, а именно числительное мужского рода ошибочно сочетается с существительными женского рода: **с обеих сторон*, **обоими руками*. То есть проявляется тенденция к превращению эквиполентной оппозиции, где оба члена «равноправны», в привативную: «*A* шире *B*», где правый член маркирован (выражает значение 'женский род'), а левый — немаркирован, так как перестает выражать значение рода.

Случаев обратного характера, когда бы числительное женского рода употреблялось в функции числительного мужского рода (**с обеих флангов*, **обеими глазами*), практически не наблюдается.

Если учесть, что тенденция к превращению эквиполентных оппозиций в привативные — одна из ярко проявляющихся черт современного русского языка, то можно прийти к выводу, что сделаться фактом нормативной речи указанной ошибке мешает (и, видимо, еще долго будет мешать) лишь четкое различие числительных *оба* — *обе* в именительном и отчасти винительном падежах.

Эти примеры иллюстрируют один из путей развития языка — изменение отношений «пересечения» (значение *A* пересекается со значением *B*) в отношении «включения» (значение *B* включается в значение *A*), что делает возможным вытеснение единицы *B* на периферию языка, приводит к ее стилистической локализации³. При этом функциональная корреляция единиц *A* и *B* начинает выражаться в виде *A* → *B* (то есть «*A* вместо *B*»); тем самым у них устанавливаются асимметричные отношения: *A* может употребляться вместо *B*, а *B* вместо *A* невозможно.

4. Все отмеченные типы отношений между противопоставленными друг другу единицами имеют место в лексике: *A* = *B* (ср. так называемые полные синонимы); *A* пересекается с *B* (ср. квазисинонимы, то есть слова, имеющие общую часть значений, но различающиеся по одному или нескольким семантическим признакам); *A* шире *B*, где *A* — более широкая по смыслу единица, чем *B* (ср. родовидовые отношения между значениями слов одной тематической группы: *рыба* — *щука*, *карась*, *окунь*...; *дерево* — *осина*, *сосна*, *пальма*...;

³ Именно это мы наблюдаем в современных отношениях некоторых типов существительных со значением лица: имена *контролер*, *кондуктор*, *диктор* и под. употребляются и в значении мужского, и в значении женского рода в большинстве стилей языка, а имена с суффиксом *-ш(а)* — лишь в сниженном стиле литературного языка и в просторечии.

водоем — пруд, река, озеро...; передвигаться — идти, бежать, ползти...; грязный — испачканный, вымазанный, засаленный... и т. п.).

Как же отличаются от случаев нормальных (признанных нормой) функциональных отношений между словами случаи аномального (нарушающего норму) их употребления?

Рассмотрим те же два типа отношений слов: «*A* пересекается с *B*» и «*A* включает *B*» (или, что то же самое, «*A* шире *B*»).

5. Значение единицы *A* пересекается со значением единицы *B*. В речи это соотношение может превращаться в соотношение «*A* включает *B*», то есть объем значения *A* становится шире, чем объем значения *B*, и поэтому *A* может употребляться в функции *B*.

С точки зрения системы языка это вполне закономерное явление (ср. приведенные выше примеры). Норма же как средство стабилизации языка, охраняющее его целостность, может и не принимать, по крайней мере сразу, новшества, может запрещать словоупотребление, возникающее в результате расширения значения и функций одного из членов оппозиции.

Однако, как мы видели это на примере числительных *оба* — *обе*, такого рода отклонения от нормы перспективны, они могут стать фактами языка, так как согласуются с тенденцией к превращению эквиполентных оппозиций в привативные.

Приведем несколько примеров того, как неоправданное с точки зрения нормы расширение значения одного из соотносительных друг с другом слов приводит к «неправильности» (все примеры здесь и дальше взяты из словаря-справочника [Правильность... 1965]).

Подтек — *потек*. Эти слова имеют следующие толкования: *подтек* — ‘результат (в виде скопления) стекавшей жидкости’; *потек* — ‘результат (в виде следа) стекавшей жидкости’:

На земле возле дома — подтеки извести, которою белили стены; Под глазом — багровый подтек; На стенах видны потеки масляной краски.

В разговорной речи первое слово, *подтек*, сохраняя собственное значение, часто употребляется и в значении второго: *подтеки на стенах* и т. п. В этом случае слову *подтек* должно быть дано такое толкование: ‘результат (в виде скопления или следа) стекавшей жидкости’ (то есть налицо изменение схемы «*A* пересекается с *B*» в схему «*A* включает *B*»). Слово *потек* функционально слабо и, вполне вероятно, может быть вытеснено своим паронимическим конкурентом.

Целый — *полный*. В сочетаниях *целый стакан*, *целый зал народу* и *полный стакан*, *полный зал народу* эти прилагательные имеют следующие толкования:

полный — ‘занимающий полный объем чего-либо’, *целый* — ‘занимающий весь или почти весь объем чего-либо, причем говорящий считает, что того, что служит наполнителем, много’.

В значении первого слова — *полный* — доминирует характеристика вместимости (а именно утверждается, что оно содержит столько, сколько в нем может поместиться); в значении слова *целый* доминирует характеристика количества вещества или числа объектов, входящих в этоместилище, причем говорящий выражает свое отношение: он считает, что этого вещества или этих объектов (воды, зерна, людей...) много. Таким образом, прилагательное *целый*, в отличие от *полный*, — модальное⁴. Модальность, присутствующая в значении слова *целый* (в виде одного из компонентов лексического значения), делает прилагательное *целый* более богатым (и, следовательно, более узким) по смыслу, чем прилагательное *полный*. Распространенная в просторечии ошибка типа **Полный месяц мы работали без выходных*; **Полный день ждали начальника* состоит в том, что немаркированная по модальности единица употребляется вместо маркированной.

Ремонт и починка. Эти два слова имеют одинаковое значение ‘исправление чего-либо с целью сделать вновь пригодным’. Они различаются семантической сочетаемостью, причем это различие осуществляется не жестко, а через вероятностную характеристику «преимущественно»: *ремонт* употребляется в сочетании преимущественно с названиями промышленных и технических объектов, а также в устойчивых оборотах *капитальный ремонт*, *ставить на ремонт*, *быть (находиться) в ремонте*, *выйти из ремонта* (в профессиональной речи); *починка* — в сочетании преимущественно с названиями бытовых предметов (*починка рубашек, кастрюль* и т. п.). Слово *ремонт* в русском языке второй половины XX в. ведет себя очень экспансивно: оно активно сочетается и со словами, обозначающими бытовые предметы, отгесняя синонимичное *починка*: *ремонт обуви, мелкий ремонт одежды* и т. п.⁵. Отношение «*A* пересекается с *B*» эволюционирует к отношению «*A* шире *B*», точнее (если учесть, что различие между этими словами не в их значениях, а в семантической сочетаемости с другими словами) — к *A* → *B*.

⁴ Традиционно модальные слова выделяются как особый класс слов, с помощью которых говорящий дает «оценку высказываемой мысли или способа ее выражения» [Виноградов 1947: 725]; сама категория модальности рассматривается при этом в рамках грамматических отношений. Анализ семантики слова с учетом его модальности впервые теоретически обоснован и практически осуществлен (в виде толкований) Анной Вежбицкой см. [Wierzbicka 1969].

⁵ Правда, характерно, что в сочетание со словом *ремонт* вступают большей частью обозначения родовых понятий (*обувь, одежда, головные уборы* и др.) и реже — наименования конкретных предметов (*ботинки, брюки, шапка* и др.).

6. Значение единицы *B* вкладывается в значение единицы *A*. В этом случае *A* может быть употреблено в функции *B*, причем подобное употребление обычно не встречает стойких нормативных запретов.

Таковыми словами являются, например, прилагательные *объемный* и *объемистый*. Первое значит 'имеющий три измерения, трехмерный', второе — 'имеющий большой объем'. В речи широко распространены случаи употребления слова *объемный* вместо *объемистый*, особенно тогда, когда нужно не только обозначить размер предмета, но и охарактеризовать его качественную природу:

Объемная статья о творчестве Цветаевой; Нашим дням посвящен объемный по размеру и по замыслу роман... (из газет).

Это употребление слова *объемный* послужило основанием для составителей Большого академического словаря приписать слову значения: 1) имеющий три измерения; связанный с трехмерностью изображения; 2) большой по объему⁶.

Закурить — *прикурить*. Значение второго глагола уже значения первого, то есть является его частным случаем: *закурить* = 'зажечь папиросу и начать курить', *прикурить* = 'закурить папиросу от другой, уже зажженной'. Ошибочно такое употребление *прикурить*, встречающееся в современной речи:

Он зажег спичку и прикурил (вместо закурил).

Сказать — *подсказать*. Типичный для устной речи людей, не вполне овладевших литературными нормами, вопрос:

— *Вы не подскажете, где улица Дурова (Разина, Герцена...)?*

Между этими глаголами в литературном языке существуют семантические отношения, характерные для большинства бесприставочно-приставочных пар: бесприставочный глагол шире по значению, чем приставочный (*A* шире *B*), поэтому он может употребляться как видовой коррелят приставочного (ср. *менять деньги* — *разменять деньги*, *мести пол* — *подмести пол* и т. п. — подробнее см. об этом [Апресян 1967: 77, 87]). В приведенном же вопросе — обратное: приставочный глагол (*подсказать*) употреблен в функции бесприставочного (*сказать*), то есть *B* → *A*.

⁶ В семантическом отношении слово *объемный* сходно с такими параметрическими словами, как *высота*, *температура* и т. п., которые обозначают не только некоторую шкалу единиц, но и определенные отрезки этой шкалы, указывающие на отклонение от нормы в сторону увеличения, ср.: *Высота этой трубы 19 метров* — *Ну и высота!* (= большая высота); *Температура воды 23 градуса* — *У него температура* (= повышенная температура).

В лексической паре *последний* — *крайний* значение второго прилагательно-го уже, чем значение первого: *крайним* называется предмет (или лицо), который является левым или правым в ряду других, однородных с ним предметов или лиц: *крайняя изба* (в ряду других изб), *крайнее кресло* (в ряду кресел), *крайний солдат* (в шеренге — то есть в ряду других солдат) и т. д. В этих словосочетаниях возможно употребление и слова *последний* (ср.:

Остановились у последней избы; Последнее кресло в восьмом ряду было свободно; Проверяющий шел вдоль шеренги и задержался возле последнего солдата),

хотя в его значении нет указаний на то, что предмет или лицо, определяемые этим прилагательным, должны находиться обязательно в ряду: это может быть колонна, группа и, в частности, ряд.

Таким образом, *последний* — немаркированный член противопоставления (в его значении нет признака «рядности», который есть в значении слова *крайний*); его употребление вместо слова *крайний* согласуется с общеязыковой тенденцией и не ведет к ошибке, тогда как обратное — использование маркированного члена оппозиции (*крайний*) — нарушает эту тенденцию и создает асимметрию, не характерную для литературного языка ($B \rightarrow A$).

7. Рассмотрим в этом же аспекте некоторые лексико-стилистические «неправильности». Обычно из двух стилистически противопоставленных друг другу единиц маркированной считается та, которая окрашена стилистически, а немаркированной — нейтральная. Такую пару составляют, например, слова *жена* и *супруга* (тождественные по значению). Немаркированный член этой пары в принципе может быть употреблен вместо маркированного (хотя реально говорящий, естественно, должен стремиться следовать стилистическим нормам, предписывающим в торжественной речи употреблять высокое *супруга*): *Его превосходительство генерал NN с женой* — это нарушение лишь принятого этикета, но не языковой нормы. «Мещанское» же нейтральное употребление слова *супруга* во всех случаях, в том числе и применительно к жене говорящего, нарушает нормальные для литературного языка отношения $A|B$ (где A — немаркированный член оппозиции), превращая их в такие, при которых оба члена не маркированы, и, следовательно, нет основы для противопоставления (поэтому оппозиция разрушается).

В лексической паре *рассказать* — *поведать*, состоящей из семантически тождественных слов, первый глагол стилистически нейтрален, а второй стилистически маркирован: в словарях он имеет помету «устар.» и поэтому употребляется преимущественно в книжно-поэтической речи. В современных газетно-публицистических текстах *поведать* иногда используется без всякого стилистического «задания», как полный синоним глагола *рассказать*:

Сегодня я смогу поведать лишь о частностях своей работы; Поведать радиослушателям об этом событии мы попросили главного инженера... (из радиопередач).

В этом случае также разрушается противопоставление двух единиц, одна из которых в литературном языке маркирована стилистически ⁷.

8. Резюмируя сказанное о двух основных типах лексических «неправильностей», можно сделать такие выводы:

1) Если два слова находятся друг с другом в эквиополентной оппозиции, то эти отношения могут изменяться в речи таким образом, что одна из единиц расширяет свое значение и начинает употребляться в функции другой: эквиополентная оппозиция превращается в привативную (с отношением единиц «немаркированная — маркированная»).

Результаты этого превращения могут расцениваться с нормативной точки зрения как нарушение правильности. Однако этот процесс не противоречит одной из основных тенденций современного русского литературного языка — изменению эквиополентных оппозиций в привативные, и поэтому при благоприятных условиях (в их число входят не только собственно языковые, но и социально-психологические, этические и т. п.) такого рода нарушения могут стать и становятся фактами языка (ср., например, слово *соратник*, которое в «военном» своем значении находится в эквиополентной оппозиции с такими словами, как *сотрудник*, *сослуживец*; употребляясь же в современном литературном языке в смысле «сподвижник, товарищ по борьбе», оно приобрело черты немаркированного члена противопоставления, так как в его значении в этом случае отсутствует семантический признак «товарищ по битвам, «по рати»»).

2) Если два слова противопоставлены друг другу как единицы, первая из которых не маркирована, а вторая маркирована, то допускается функциональная замена этих единиц только «в одну сторону»: $A \rightarrow B$. Наблюдаемые в речи случаи обратных функциональных отношений ($B \rightarrow A$) имеют деструктивный характер, так как при этом «перевертывается» нормальная для языка корреляция немаркированного и маркированного элементов, находящихся друг с другом в привативной оппозиции.

---

⁷ Как показал в своих работах Ю. Д. Апресян (см., например [Апресян 1974]), стилистический контраст двух лексических единиц обычно сопровождается их семантическими различиями (ср. его примеры *лоб — чело*, *глаза — очи*: нельзя назвать *челом* низкий или прыщавый лоб, *очи* — это не всякие глаза, а большие и красивые, и т. д.).

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВЫХ «НЕПРАВИЛЬНОСТЕЙ»*

Возникающие в речи «неправильности» обычно анализируются с точки зрения нормы, существующей в данное время в данном литературном языке.

Собственно нормативный взгляд на разного рода речевые ошибки и отклонения от языковой правильности может быть дополнен их *социолингвистическим* анализом. Суть его в том, чтобы квалифицировать (естественно, там, где это возможно) нарушения литературной нормы как возникающие в определенной **социальной среде**.

Ниже мы рассмотрим ряд фактов, относящихся к современной русской речи (и к недавнему прошлому русского языка), под углом их «социального происхождения». При этом сами языковые явления привлекаются к анализу в более или менее свободном порядке — главное внимание обращается на среду, которая порождает эти явления.

Такой подход, как кажется, полезен для осмысления механизма и перспектив развития литературного языка: общеизвестно, что многие факты литературной речи, вполне одобряемые современной нормой, в прошлом могли оцениваться как чуждые языковой традиции или просто как «неправильности». «*Поезда* вместо *поезды* ныне во всеобщем употреблении, но совершенно неправильно и неизвестно, на каком основании», — писал в заметке «Неправильности в современном разговорном, письменном и книжном русском языке» неизвестный автор, скрывшийся за инициалами «Н. Г.» (СПб., 1890. С. 18).

По свидетельству Корнея Чуковского, знаменитый юрист, академик Анатолий Федорович Кони возмущался употреблением наречия *обязательно* вместо *непременно*. «— Представьте себе, — говорил он, хватаясь за сердце, — иду я сегодня по Спасской и слышу: “Он *обязательно* набьет тебе морду!”». Как вам это нравится? Человек сообщает другому, что кто-то любезно поко-

---

* Впервые опубликовано в книге «Культурно-речевая ситуация в современной России» / Отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург, 2000.

лотит его!» [Чуковский 1982: 14]. Сам Чуковский признавался, что его коробит пришедшее из актерской среды прилагательное *волнительный* (и наречие *волнительно*) [там же: 21—22].

Еще в начале XX в. ревнителей чистоты и правильности русского языка выводил из себя глагол *выглядеть* (*Вы сегодня прекрасно выглядите!*), в котором они видели «незаконную» словообразовательную кальку с немецкого *aussehen* (см., например: [Огиенко 1915]). А. Блок писал: «Нам кажется недопустимым, чтобы в пьесе, под которой подписано имя такого стилиста, как Сологуб, хотя бы и в ремарке встречалось выражение “выглядит хорошо”» (цит. по [Грановская 1996: 13]).

Примеры такого рода можно многократно умножить.

Некоторые из фактов, квалифицировавшихся на определенном этапе развития литературного языка лингвистами как «неправильности», первоначально были характерны для определенной социальной или профессиональной среды и лишь спустя какое-то время распространялись среди других групп носителей языка. Это же характерно и для современного этапа развития русского языка.

Например, формы родительного падежа множественного числа существительных, обозначающих единицы различных физических величин (веса, мощности, напряжения и т. п.), не имеющие флексий: *сто грамм, двести двадцать семь ватт, семьдесят пять вольт* (вместо «положенных» по традиционной норме форм с флексией *-ов*), — возникли в технической среде и первоначально были признаком «технического» стиля, но не допускались литературной нормой. Например, Б. Н. Головин в книге «Как говорить правильно» [Головин 1966: 61] запрещал форму (*сто*) *грамм*. Д. Э. Розенталь отмечает формы *граммов* и *грамм* как свидетельство кол е б а н и я нормы [Розенталь 1965: 103], а К. С. Горбачевич в книге 1971 года пишет: «Форма с нулевым окончанием в родительном падеже множественного числа слова *грамм* прочно завоевала право на существование» и приводит многочисленные примеры, подтверждающие это мнение [Горбачевич 1971: 186]. Современный «Орфоэпический словарь русского языка» вводит понятие счетной формы (впервые счетная форма как особый падеж рассматривается в работе [Бидер и др. 1978: 38]), которое актуально для названий единиц измерения — существительных мужского рода с основами на твердый согласный. При указании количества какой-либо энергии или физической величины формы типа *5 вольт, 10 ампер, 100 ватт* являются нормативными; наряду с ними возможны и формы с флексией *-ов*. В иных же контекстах, где речь не идет о количестве, правильны только формы на *-ов*: «отмена, введение [как единиц измерения] *вольтов, амперов, ваттов...*» [Орфоэпический словарь 1989: 670—671].

«Незаконное» причастие *несгораемый*, образованное, вопреки правилу, от непереходного глагола *сгорать*, возникло, по-видимому, в профессиональной

среде пожарных, но впоследствии стало настолько распространенным в других слоях носителей языка, что сейчас было бы явным анахронизмом призывать к запрету этого слова и замене его причастием *несгорающий*.

Некоторые языковые факты не несут в своей структуре никаких особенностей, характеризующих ту или иную социальную среду, и лишь специальные лингвистические исследования могут указать на их происхождение, как это имеет место, например, в истории слов *животрепеющий*, *двурушник*, *промокашка*. Хотя по отношению к такого рода языковым фактам термин «неправильность» едва ли применим, в языке прошлого они воспринимались как новшества, шедшие вразрез с литературной традицией.

Как известно, слово *животрепеющий* первоначально было принадлежностью профессионального языка торговцев рыбой (*животрепеющая рыба*), «но уже в критике и публицистике 30—40-х гг. [XIX в.] выступает употребление слова в расширительном смысле»: *животрепеющая новость дня*, *животрепеющий опыт* [Сорокин 1965: 497]. *Двурушником* в языке нищих называли того, кто собирал милостыню обеими руками. В. В. Виноградов отмечает, что впервые в художественной литературе слова *двурушник* и *двурушничать* были употреблены В. В. Крестовским в «Петербургских труппах» — при описании быта нищих, и приводит обширную цитату из этого произведения, иллюстрирующую употребление существительного и глагола [Виноградов 1994: 130].

Слово *промокашка* попало в общее употребление из школьного аргота, и в словаре В. Долопчева оно отмечается как неправильность — вместо правильного словосочетания *промокательная бумага* [Долопчев 1909].

Естественно, далеко не всякий факт, характерный для словоупотребления той или иной социальной среды, может расширить сферу своего использования и проникнуть в общий речевой обиход. Например, многочисленные случаи нарушения современной акцентной нормы остаются локализованными в определенных группах носителей языка. К. С. Горбачевич отмечает акцентные профессионализмы типа *алкоголь*, *агония* (в речи врачей), *астроном*, *атомный* (в речи физиков) и др. [Горбачевич 1978: 59]. Сюда можно добавить *прикус* — у стоматологов, *привод* — в речи милицейских работников, *прогиб* — в речи строителей, *наркомания* — в речи врачей, *каучук* — в речи химиков, *созыв* — в речи парламентариев и политиков и мн. др.

Акцентные явления — одна из характерных примет, по которым опознается социально или профессионально специфичная речь. Например, яркой приметой речи милицейских работников, прокуроров, следователей служат два акцентных варианта: *осужденный* и *возбужденное (дело)*. Интересно, что известный в прошлом юрист П. Сергеич (псевдоним П. С. Пороховщикова) отмечал накоренное ударение в глагольной форме *возбудил* как характерное для речи юристов конца XIX века [Сергеич 1960: 38].

В этой же профессиональной среде распространены такие формы, как *срока́*, *сроко́в*:

Незаконно увеличиваются срока́ пребывания подследственных в СИЗО; Постановление предусматривает сокращение сроко́в предварительного заключения. — телевидение, 11 июня 1999, выступление заместителя министра юстиции России;

эта же словоформа встречается и в речи заключенных, ср. в стилизованной песне Ю. Визбора:

Идут на север *срока́* огромные, Кого ни встретишь — у всех Указ...

обыско́в:

Прокуратура дала санкцию на проведение обыско́в в помещениях обеих фирм (телевидение, май 1999, в речи милицейского начальника).

Формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода с основой на согласный, имеющие ударную флексию *-а́ (-я́)*, как известно, широко распространены в речи представителей разных профессий. Систему ударных флексий в формах множественного числа обычно приобретают наиболее употребительные в данной профессии слова и термины: если юристы могут говорить о *срока́х* и *обыско́ах*, то работники скорой помощи сетуют на то, что в иную ночь у них бывает по несколько *вызово́в*, военные укомплектовывают личный состав *взводо́в*, кулинары варят *супа́* и изготавливают *торта́*, строители закрепляют такелажные *троса́*, старатели недовольны задержкой зарплаты на *прииско́ах* и т. п. (краткую справку об истории развития тенденции к распространению форм на *-а́ (-я́)*, данные массового социолингвистического обследования использования этих форм говорящими, а также перечень работ, посвященных этому языковому явлению, см. в [Русский язык 1974: 179—187]).

Профессионально ограниченными являются и некоторые другие особенности ударения, характерные для слов или словоформ. Так, накоренное ударение в словоформах *све́рлишь*, *све́рлит*, *све́рлят*, *рассве́рлишь*, *рассве́рлит*, *рассве́рлят* и др. характерно для речи рабочих, имеющих дело со слесарной и токарной обработкой металла. На текстильных фабриках работают *мотальщицы* — именно так называют эту профессию и сами мотальщицы, и те, кто близок к текстильному производству. А в цехах механических заводов стоят *строго́альные станки*, на которых работают *строго́альщики*, и такое ударение является единственно возможным в этой профессиональной среде (сказать здесь *строго́альный станок*, *строго́альщик* — значит обнаружить себя как «чужака»).

Помимо акцентных явлений, социально маркированными могут быть и некоторые факты словоупотребления и синтаксиса. При этом явления, характерные для той или иной социальной или профессиональной среды, находятся в разных отношениях с литературной нормой: одни резко контрастны ей (и принятым в литературном языке образцам), другие более или менее «эластично» входят в речевой обиход носителей литературного языка.

Так, источником языковых «неправильностей» (которые, однако, все шире распространяются в речи) часто становятся чиновничья среда и среда военных. Отмечаемая современными словарями трудностей и неправильностей русской речи как яркая черта канцелярского стиля конструкция *согласно* + род. пад. существительного (*согласно заявления*) в военном языке употребляется как единственно возможная: *согласно приказа, согласно указания вышестоящего начальника* и т. п. Этот же профессиональный язык, как известно, стал источником распространения тенденции к несклонению топонимов на *-о*: *под Нахабино, из Быково, до Переделкино* и т. п., что уже стало почти нормой (во всяком случае, средства массовой информации, освещая события в Югославии в марте—июне 1999 г., писали о ситуации *в Косово*, о последних известиях *из Косово*, о том, что *к Косово* приковано внимание всех людей мира и т. д.).

Из языка военных распространился в общее употребление глагол *задействовать* (первоначально, по-видимому, он употреблялся применительно к новым подразделениям, вводимым в военную операцию: *задействовать все резервы, задействовать дивизию* и т. п.), особенно активно используемый сейчас в языке административных документов и вообще характерный для речи чиновников.

Чиновничий язык порождает такие непривычные для традиционного литературного словоупотребления образования, как *проговорить* в значении ‘обсудить’ (*Необходимо проговорить этот вопрос на совещании*), *обговорить* как синоним все того же общеупотребительного глагола *обсудить* (*Обговорим это позднее*), *озадачить* — в значении ‘поставить перед кем-нибудь какую-либо задачу’ (*Главное — озадачить подчиненных, чтобы не болтались без дела*), *подвижка* (*Произошли подвижки по Югославии* — из выступления В. С. Черномырдина), *наработки* (*По этой проблеме у нас уже есть некоторые наработки*), *конкретика* (*Документ важный, но надо наполнить его конкретной, применить к реальным ситуациям в разных префектурах Москвы* — телевидение, июнь 1999, из выступления сотрудника Московской мэрии) и нек. др.

Не все из перечисленных фактов представляют собой прямое нарушение литературной нормы, тем не менее все они находятся (пока?) вне «нормативного поля» и осознаются как характерные для узуса людей из определенной социальной среды.

Несколько иначе обстоит дело с многочисленными жаргонизмами, проникающими в литературный оборот. Хотя источник их распространения весьма

определен — это уголовная или полууголовная среда, представители теневого бизнеса и т. п., едва ли можно утверждать, что такие слова, как *крутой (парень)*, *разборка*, *наехать (на кого-либо)*, *тусовка*, *баксы*, *беспредел* и т. п. ограничены в своем употреблении именно указанными социальными группами. Напротив, такого рода лексика весьма активно используется в устно-разговорной разновидности литературного языка, в языке средств массовой информации. Она формирует так называемый общий жаргон — языковое образование, составляющее, по-видимому, часть словаря, используемого носителями современного литературного языка (о сущности общего жаргона, его функциях и лингвистическом статусе см. в работе [Ермакова, Земская, Розина 1999]; понятие общего жаргона (общего сленга) используется также при описании современного состояния других национальных языков, например американского варианта английского языка, французского языка, — см. об этом [Швейцер 1983; Хорошева 1998]).

Современная социальная и языковая ситуация в российском обществе такова, что жаргонные лексические элементы, подобные перечисленным выше, не только не осуждаются носителями литературного языка, но и активно вовлекаются в речевой оборот. Их вхождение в литературный обиход, несомненно, нарушает культурную традицию, но, по-видимому, не нарушает языковую норму, даже если иметь в виду норму стилистическую: слова общего жаргона, как правило, имеют стилистическую отмеченность и употребляются носителями литературного языка лишь в определенных ситуациях (обычно — при непринужденном общении в «своем» кругу).

В заключение заметим, что более или менее последовательное и полное описание «неправильностей», встречающихся в современной русской речи, под социальным углом зрения — задача самостоятельного исследования (а возможно, и специального словаря, который содержал бы «социальную паспортизацию» речевых ошибок).

ГИПЕРБОЛА В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ*

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1.1. Задача настоящей работы заключается в том, чтобы на материале современной русской разговорной речи показать явление гиперболы как в высшей степени характерное для непринужденного неподготовленного устного общения.

1.2. В литературе, посвященной разговорной речи (как русской, так и некоторых других языков), явление гиперболы в целом не исследовано, хотя в ряде работ есть указания на повышенную эмоциональность, экспрессивность разговорной речи (РР) и, как следствие этого, усилительный или преувеличительный смысл некоторых высказываний.

Так, В. Д. Девкин перечисляет разные средства для выражения высшей степени признака (внутрисловные: аффиксы, аффиксоподобные элементы и основы — и внешние: «всевозможные “распространяющие” элементы синтаксического уровня — определения, обстоятельства, обособленные обороты, придаточные предложения, синтаксические фразеологизмы» [Девкин 1973: 203]). Автор отмечает, что «на преувеличении строятся характеристики, приписывающие абсолютные качества временным их проявлениям. Примеры: *слепой* — не заметивший что-н., а не лишенный зрения; *дурак* — поступивший глупо человек, который по своим умственным способностям глупцом не считается» [там же: 207].

В книге Е. А. Земской (1979) есть примеры гиперболических и усилительный выражений типа:

Аппаратуры там навалом! Мне безумно хочется на воздух! Надоело мне это, сил нету; Я тебе этих яблоч привезу вагон; Я эти помои пить не буду (о холодном и жидком чае); Ни пылинки! Вот это пылесос!

---

* Впервые опубликовано в сборнике «Проблемы структурной лингвистики. 1984» (М.: Наука, 1988).

Несколько примеров гиперболических выражений (однако без такой их квалификации: они исследуются в связи с синтаксической позицией определенных слов в высказывании) находим в книге О. А. Лаптевой:

Уникальный был салат; Мы там массу наделали ляпов и др. [Лаптева 1976: 224, 239].

В качестве особого средства, передающего усиление, отмечаются формы множественного числа существительного, когда они «в определенном контекстном окружении обозначают не множество, а один предмет:

...Какие-то *экспедиции* с буддами (Вс. Иванов);

— Вы тут обедали, а нас *по милициям* водили (А. С. Макаренко)» [РЯиСО, кн. 3: 156].

Е. А. Земская различает среди таких форм «множественное экспрессивное»:

Вы будете *по выставкам* ходить, а я занимайся; Это у вас *собаки* лают? — об одной собаке, и под., «с ярко выраженным генерализующим, обобщающим значением» — и «множественное привычное»: *У сына экзамены; Ключи* не забудь, — независимо от того, один или несколько объектов имеется в виду [РРР-1983: 136—137].

Употребление множественного числа, не мотивированное действительной множественностью объектов, рассматривается в работе [Арбатский 1972]:

телеса, мясá (применительно к одному человеку), гонять (распивать) *чай*; У меня *гости* — дочка приехала; не устраивай *истерик*, не рассказывай *сказки*, не лезь со своими *советами*; какие тут *угощения (тосты, разговоры)*! Разные там *этруски (акселераторы, сепараторы)*; ездить *по Парижам* и т. п.

Следует, однако, заметить, что не всякое употребление множественного числа при реальной единичности предмета является гиперболой. Подобное расхождение между действительностью и ее языковым обозначением может быть следствием того, что формам множественного числа свойственно значение неопределенности; ср.:

В вагоне у нас новые *пассажиры* — молодая женщина с чемоданом; — У тебя новая ручка? — Да. Мне *подарили*. Володя подарил [Красильникова 1983: 11].

Языковые средства, служащие для выражения идеи усиления и преувеличения, рассматриваются и в некоторых работах, не ориентированных специально на описание разговорной речи. Так, еще В. В. Виноградов отмечал «наречия из творительного усиления: *ходуном ходить, бегом бежать, есть поедом* и т. п. Ср. также *давным-давно, полным-полно* и т. д.»; «идиоматические нареч-

ные выражения, состоящие из повторения одного и того же существительного в разных синтаксических комбинациях. Например: 1) *нос к носу, лицо к лицу, носом к носу, лицом к лицу*; 2) *рука об руку, бок о бок, рука с рукой, голова с головой*; 3) *нога в ногу, душа в душу; капелька в капельку*; ср. *точь-в-точь, слово в слово...*; «...существительные, обозначающие неопределенно-большое количество чего-нибудь: *бездна, гибель, уйма, масса, пропасть, тьма*» [Виноградов 1972: 291, 253].

В Грамматике-80 отмечен ряд конструкций, выражающих меру или количество (*ни звука, скупать что-н. пудами, Народу — черно! целую вечность, видимо-невидимо, без конца, через край, хоть пруд пруди* и ряд других), однако безотносительно к идее гиперболизации и без специального внимания к использованию подобных оборотов в РР (оборот *целую вечность*, например, рассматривается в одном ряду с сочетаниями *каждую минуту, целую ночь*, и вместе с этими сочетаниями он квалифицируется как «называющий отрезок времени, единицу меры», а в выражении *ждать целую вечность* не усматривается никакой специфики по сравнению с выражениями *жить неделю, ждать месяц (пять дней)* [Грамматика-80, 2: 44].

Отмечены в Грамматике-80 также конструкции типа S (им) за S' (твор) (S и S' совпадают лексически):

И вот пошла комиссия за комиссией, проверка за проверкой;

S (род) + *быть* + A (квант):

Народу — черно!

или S (колич):

Народу — пропасть!;

S (род) + предложно-падежное сочетание типа *без конца, сверх головы, по горло, через край* и тому подобные фразеологизованные обороты:

Работы — сверх головы (через край, по горло) и под.

Указано, что выражения, обозначающие количество или меру чего-либо, помещаются в реме высказывания и не бывают в теме:

Чаек было полным-полно (видимо-невидимо), Птиц — множество [Грамматика-80, 2: 241, 330, 335].

При анализе конструкций типа *масса цветов (гостей)* авторы Грамматики-80 указывают: «В непринужденной, разговорной речи и в просторечии часты реализации (этих конструкций. — Л. К.) с замещением места количествен-

ного слова целым предложением, обычно однокомпонентным, нераспространенным, часто (но не обязательно) — фразеологизмом:

Разрушений — не сосчитать; Вас таких хоть пруд пруди; Специалистов — раз, два и обчелся; Народу — яблоку негде упасть; Работы — только поворачивайся; Денег — куры не клюют; Земляники там — горстями гребь; Фруктов — завались; Штабов — нет числа (Булгаков)» и т. п. [Грамматика-80, 2: 333].

В просторечии возможны реализации с замещением места количественного компонента междометием: *Работы — во! Дел — ой-ой-ой!* [там же]. Заметим, что высказывания последнего вида обычно сопровождаются соответствующими жестами — без жестов они могут быть непонятны.

2. ГИПЕРБОЛА И ПРИЧИНЫ ЕЕ ПОЯВЛЕНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

2.1. Гипербола — это прием выразительности, применяемый говорящим с целью, во-первых, обратить внимание слушающего на данную ситуацию или ее свойства и, во-вторых, создать у слушающего преувеличенное представление об этой ситуации или о ее свойствах.

Гипербола имеет место только в высказывании. Более того: высказывание должно быть соотнесено с ситуацией — само по себе оно часто не является гиперболическим. Например, предложение *Хлеба в доме — ни крошки!* может вполне соответствовать реальному положению вещей, то есть описывать некоторую ситуацию буквально. Однако обычно оно указывает лишь на отсутствие в доме хлеба, а не хлебных крошек. При этом говорящий хочет создать у слушающего представление об абсолютном, полном его отсутствии (хотя, может быть, какие-то черствые куски и корки хлеба в доме все-таки есть).

Вообще позиция говорящего, оценка им сообщаемых фактов чрезвычайно существенны при порождении гиперболических высказываний. Преувеличенная оценка — наличия или отсутствия чего-либо, различных свойств, действий, расстояний и т. п. — является одной из самых распространенных в РР.

Соотнесение высказывания с ситуацией и оценка говорящим ситуации — два решающих фактора в порождении гиперболических высказываний. Как мы увидим ниже, отсутствие контраста между действительной ситуацией и смыслом описывающего ее высказывания или же отсутствие преувеличивающей оценки говорящим сообщаемых фактов делают невозможным употребление языковых средств для создания именно гиперболического (а не какого-либо иного) эффекта.

2.2. Разговорная гипербола сродни художественной¹: и та и другая строятся на сравнении, на создании определенного образа. Однако в разговорной речи гиперболизирующие высказывания основаны, как правило, на использовании готовых имеющихся в языке средств или моделей, тогда как автор художественного текста стремится к неповторимости создаваемой им гиперболы. Ср.:

Сто раз повторять тебе надо! — В сто сорок солнц закат пылал... (В. Маяковский);

Петя храпит, как трактор. — Во сне дворник сделался тяжелым, как комод (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Это принципиальное различие не исключает, однако, случаев, когда, с одной стороны, в художественном тексте используются расхожие гиперболизирующие выражения:

Мело, мело по всей земле, Во все пределы... (Б. Пастернак),

и, с другой, в разговорной речи говорящий употребляет нестандартную гиперболу, неосознанно или намеренно претендуя на определенную «художественность»: многие сравнительные гиперболизирующие обороты, сделавшиеся сейчас штампами, родились именно из стремления говорящих выразиться не-трафаретно (ср.: *глухой, как пень; жарко, как в бане* и под.).

2.3. Необходимо различать преувеличение и усиление. При усилении говорящий лишь эмоционально оценивает сообщаемый факт, а при преувеличении, гиперболе он дает этому факту некоторую «количественную меру»: либо сравнивает его с другим фактом — и тогда возникает образная характеристика первого, либо указывает явно преувеличенные, неправдоподобные размеры предмета, выходящие за рамки реальности действия и т. п.; ср.: *Такой ветер был, просто ужас!* — эмоциональное усиление; *Такой ветер был, просто с ног валил!* — гипербола (на самом деле, в буквальном смысле, — не валил); *До того он стал худой, прямо страсть!* — усиление; *До того он стал худой, прямо скелет!* — гипербола; *У них клубника невероятно крупная* — усиление; *У них клубника — с кулак* — гипербола.

2.4. Причины гиперболизации лежат в области психологии речи, и здесь мы можем указать лишь самые общие и очевидные из них.

Во многих случаях говорящему выгодно представить ситуацию как обладающую некоторым признаком Р в максимальной степени — для того, например,

¹ Как известно, наряду с гиперболой в поэтике принято выделять литоту — преуменьшение. В данной статье это явление рассматривается как частный случай гиперболы, как «гипербола наоборот»: преуменьшение предмета — это не что иное, как преувеличенное представление малых размеров предмета (*мужичок с ноготок* и под.).

чтобы подчеркнуть некоторые собственные свойства или свойства других людей: *Я в этом ни аза не смыслю* (например, в ситуации, когда говорящий хочет уклониться от какого-либо дела и этим высказыванием подчеркивает свою полную в нем неосведомленность); *Да он до трех сосчитать не может!* (например, в ситуации, когда говорящий хочет выразить скептическое отношение к избранию некоего лица казначеем профкома); *У него не волосы, а проволока: ножницы не берут* и т. п.

Стремление создать у окружающих преувеличенное представление о собственных слабостях или, напротив, достоинствах (это, очевидно, зависит как от характера человека, так и от ситуации), о свойствах собеседника, третьих лиц, предметов, событий и т. п. вообще в природе человека, и даже не человека как такового, а говорящего. Рассказчик и в особенности участник диалога постоянно усиливает и «расцветчивает» свою речь с помощью разнообразных приемов: употребляя эмоциональные слова и выражения, метафоры, прибегая к сравнениям, жестикулируя и т. д. Средства гиперболизации играют в этом далеко не последнюю роль.

Такие речевые акты, как клятва, обещание, осуждение, угроза, просьба, заверение и др., бывают часто связаны с гиперболизацией, что вполне понятно: говорящий стремится к тому, чтобы слушающий поверил, скажем, заверениям или обещаниям и чтобы у него при этом не осталось и тени сомнения в их искренности. Ср.:

до смерти не забуду; чтоб мне провалиться на этом месте! я мигом сбегая; в лепешку расшибусь, а достану и т. п.

Гипербола, таким образом, направлена на максимальное увеличение иллюкативной силы речевого акта, и одновременно она способствует выполнению некоторых условий, лежащих в основе любого речевого акта, в частности условия искренности: ср. выражения типа *Чтоб мне провалиться на этом месте!* в речевом акте заверения или *Я никогда тебе этого не забуду* — в речевом акте угрозы. С другой стороны, гиперболические высказывания нарушают так называемый постулат истинности, обычно также рассматриваемый как необходимое условие успешности речевой деятельности (ср.: «Старайся, чтобы твое высказывание было истинным» — [Грайс 1985: 222]). Такое нарушение, однако, не препятствует общению, но накладывает на слушающего дополнительную «декодирующую» функцию: очевидная ложность прямого, буквального смысла высказываний заставляет слушающего искать в них скрытый смысл и интерпретировать их как содержащие субъективную оценку говорящим некоего действия, состояния или свойства².

² Подробнее об условиях успешности («максимах») речевого акта см. в работах Дж. Сирля, Г. Грайса, а также в работе [Падучева 1982].

3. УСЛОВИЯ ГИПЕРБОЛИЗАЦИИ

3.1. Главным условием являются интенции говорящего: если он намеревается обещать что-либо, побудить кого-либо к действию, просить, убеждать в чем-либо и т. д., то для успешного осуществления каждого из подобных речевых актов говорящий может использовать средства гиперболизации. Например: *Ну напиши ему, очень тебя прошу, век тебе буду благодарна* (просьба); *Чтоб мне лопнуть, если я вру!* (уверение); *Да я тебе этих камешков тонну привезу* (обещание) и т. п.

3.2. Другим условием гиперболизации некоторого свойства (или предмета) Р является объективное наличие этого Р. Если в ситуации, когда Р не имеет места, говорящий делает высказывание, содержащее какое-либо из средств гиперболизации, то такое высказывание должно быть признано ложным, а не гиперболическим. Иначе говоря, преувеличиваться не может нуль — нужна некоторая исходная величина.

Так, высказывания типа: а) *Марина вечно опаздывает*; б) *Петя храпит, как трактор*; в) *Там очередина — тыща человек!* могут интерпретироваться как гиперболические лишь при условии, что (а) Марина в самом деле опаздывает (может быть, редко, но говорящему кажется, что это происходит очень часто), (б) Петя хотя бы в малой степени отличается указанным свойством (храпит во сне), (в) имеет место очередь, длина которой может оцениваться разными людьми по-разному (говорящий оценивает ее как очень длинную).

3.3. С другой стороны, высказывание может содержать средства гиперболизации, но при этом описывать действительную ситуацию с максимальным проявлением данного свойства. В этом случае мы также не можем квалифицировать высказывание как гиперболическое. Например, в предложении *Коля никогда не был на Памире* — наречие *никогда* употреблено для точного обозначения одного из свойств Коли, а именно того, что за свою жизнь он ни разу не побывал на Памире (в отличие от ситуаций: часто бывал, каждое лето бывает, два раза был и т. д.). В высказываниях же типа: *Мы никогда не забудем этой поездки* или *Она никогда не приходит вовремя* — налицо преувеличение. Ср. также:

Я ничего не слышал об этой истории (отсутствие гиперболы). — *Он ничего не читает* (гипербола);

Вот уже три месяца, как она тяжело болеет и поэтому никуда не выходит (отсутствие гиперболы). — *Мы с мужем давно уж никуда не ходим* (гипербола).

Обратим внимание на то, что слушающий часто и не воспринимает подобные высказывания как гиперболические: вследствие того, что у собеседников

обычно имеется общее представление о том, какая часть действительности имеется в виду, когда употребляются слова типа *ничего* (не читает), *никуда* (не ходим): не читает ничего интересного, не ходим в места культурного отдыха — театр, кино и т. п.

4. СРЕДСТВА ГИПЕРБОЛИЗАЦИИ

4.1. В качестве замечания, предваряющего перечень средств гиперболизации, необходимо сказать, что, как правило, гиперболические высказывания концентрируются в области оценок человека и человеческой деятельности или же тех событий во внешнем мире, которые так или иначе затрагивают интересы человека. Это свойства и состояния говорящего, слушающего и третьих лиц, различные характеристики работы (по объему, интенсивности, времени), перемещения в пространстве, взаимоотношения и взаимодействия людей друг с другом, явления природы (например, дождь, снег, ветер, жара, мороз), так или иначе влияющие на физическое и эмоциональное состояние людей, и т. п. Словом, мир человека оказывается основным объектом гиперболизации.

При этом гипербола возможна благодаря тому, что в языковом сознании говорящих имеется представление о некоей норме тех или иных свойств, состояний, действий и т. п. Если, по мнению говорящего, данное событие, свойство или состояние значительно отличается от нормального, он может прибегнуть к гиперболе.

Среди смыслов и идей, выражаемых гиперболически, наиболее типичны такие:

- наличие в избытке: *завались, залейся, выше головы, через край, навалом, уйма, пропасть, бездна, куча, вагон, гора, сплошь, один, одни (одни идиты)*;
- полное отсутствие: *совсем пусто, шаром покати, ни крошки, ни души, ни капли*;
- очень долго: *сто лет (не виделась), целую вечность (прождал), (будем стоять) до скончания века*;
- величина расстояний и размеров: *школа — за тыщу километров; клубника — с кулак; голова — с котел*;
- повторяемость событий: *сто раз тебе говорил; вечно ты опаздываешь; она постоянно болеет*;
- чувства (например, усталость, радость, удивление, горе и т. п.): *руки отваливаются (от усталости), прямо прыгал (от радости), рот разинул (от удивления), почернела (от горя)*;

- плохое состояние здоровья: *кожа да кости; как скелет; за стены держится; (его) ветром качает;*
- сильное опьянение: *не мог сказать «мама»; приполз домой на бровях* и т. п.

Как видим, для выражения этих смыслов в русском языке имеются готовые гиперболизирующие средства — в основном, фразеологически связанные обороты или же конструктивно обусловленные значения слов (ср. *вагон, куча, гора, вечно* и др.).

Помимо этого, гипербола может создаваться и в контексте высказывания — путем смыслового сдвига слов и выражений: от значения единичности к значению регулярности или постоянности действия, от конкретности к обобщенности и т. д.

Как готовые, так и в особенности контекстно обусловленные средства гиперболизации настолько разнообразны и многочисленны, что в данной работе делается попытка лишь обозреть их виды, с краткими комментариями каждого вида; в некоторых случаях будут предложены толкования наиболее интересных (и лингвистически малоизученных) языковых средств, используемых для целей гиперболизации.

4.2. Морфологические средства

Среди морфологических средств традиционно выделяются:

а) формы множественного числа, образованные от существительных вещественного значения: *чай, молоки* и под.: *Некогда чай (молоки) распивать* — имеется в виду ситуация с обычным питьем чая или молока, а не, скажем, разных сортов чая и молока; употреблением форм множественного числа говорящий подчеркивает, преувеличивает идею отсутствия времени для всех посторонних, мешающих чему-то более важному действию;

б) формы множественного числа, которые образованы от существительных, обозначающих исчисляемые объекты, но которые употребляются в ситуациях, когда имеется только один такой объект: *Ты что это клумбы топчешь? Я тут со статьями своими возжусь, а она там (собака) с голодухи воет* (имеется в виду одна клумба, одна статья). Ср. также примеры из статьи Д. И. Арбатского (1972): *шататься по магазинам (по выставкам), ездит по Парижам (по заграницам)* и под.;

в) *пол-* в комбинации с существительным: *У нас пол-отдела гриппует; Я этим ножом твоим полпальца себе отхватил; Вчера за босоножками полдня простояла* (на самом деле меньше) и т. п.

4.3. Лексические средства

Из самой идеи гиперболы, преувеличения следует, что чаще других целям гиперболизации служат слова, обозначающие меру, количество, разного рода

«шкальные», подвергающиеся количественному измерению свойства, а также модальные слова, кванторы и некоторые другие разряды лексики.

4.3.1. Кванторные слова: *все, каждый, любой, всякий, никто, ничто, совсем, совершенно* и др. Например:

Все говорят, что он женился; Ребенок оборался, а всем на это наплевать! Все мне советы дают, прямо замучили совсем³; Каждому известно, что в магазине эту книгу не достать; И почему это всякий считает своим долгом давать мне замечания! —

в ситуации, когда кто-либо один — из членов семьи, из сотрудников отдела и т. п. — делает говорящему замечание или дает совет; говорящий отрицательно относится к самой возможности выслушивать чьи-либо советы и представляет единичный речевой акт как некий нежелательный для него порядок, узус.

(Студентка, входя в аудиторию): *А чей-то? Никого нет.* В аудитории сидят несколько человек, но говорящий ожидал, что их должно быть гораздо больше; *Картошка совсем сырая, суп совершенно несоленый* (о недоваренной картошке и недосоленном супе; для того, чтобы усилить осуждение, говорящий использует преувеличивающие слова *совсем, совершенно*).

4.3.2. Усилительно-модальные частицы наречного характера: *просто, прямо, просто-таки, прямо-таки, форменным образом.* Например:

Ты меня этим сообщением просто зарезал⁴! Ну и загорел! Прямо негритос какой-то; Она прямо-таки в душу ко мне лезла со своим сочувствием; Соседи форменным образом выживают его из квартиры (скорее всего, как раз не «форменным»: незаконно, подло и т. д.); *После пожара он буквально голый остался; Да это и стоит-то буквально копейки* (о стоимости экскурсии; в действительности — несколько десятков рублей).

Одна из особенностей употребления частиц этой группы состоит в том, что смысл сочетания, содержащего такую частицу, как бы противоречит буквально-

³ Как это вполне очевидно, слово *все* говорящий может относить к разным по объему множествам: например, вообще к человечеству (*Все хотят мира*), к взрослому населению страны (*Сегодня все идут голосовать*), к друзьям или членам семьи (*А у нас уже все встали!*) и т. д. Гиперболическим является такое употребление квантора *все*, при котором действие или свойство, характеризующее некоторые элементы данного множества, говорящий обобщает и приписывает — вопреки действительному положению вещей — всем элементам множества.

⁴ Обратим внимание на то, что частица *просто* (так же, как и многие другие из перечисленных здесь частиц) неоднозначна. Наряду с рассматриваемым усилительным значением у нее имеется еще одно, близкое к значению 'только': *просто Р = 'Р, и ничего больше'* (*Он просто дурак; — Ты что здесь делаешь? — Ничего. Просто сижу*).

ному значению этих наречий: *просто зарезал* — это совсем не зарезал (в прямом значении этого глагола), а как бы зарезал ⁵, *прямо негритос* — это похожий на негритоса, как негритос; *буквально копейки стоит* — говорящий считает, что очень дешево ⁶.

Из синтаксических особенностей слов этой группы отметим такие:

1) они не могут составлять переспрос, поскольку с точки зрения актуального членения предложения переспрос — это рема высказывания, а усилительно-модальные частицы типа *просто, прямо, буквально* не могут находиться в реме. Нельзя переспросить: — *Ты меня просто убил (зарезал)! * — Просто?; — Я остался буквально без копейки! * — Буквально?; — Ты прямо денди в этом костюме! * — Прямо? ⁷;*

2) перед ними не может ставиться отрицание *не* ⁸:

*Я остался не буквально без копейки; *Ты не прямо денди в этом костюме!

3) к ним не могут присоединяться в качестве синтаксически зависимых наречия со значением степени признака или действия и усилительные частицы:

*Экскурсия стоит очень буквально копейки; *Ты меня даже просто убил!

Ср. возможность таких контекстов для других значений слов *буквально* и *просто*:

Вы слишком (очень) буквально толкуете это правило; Даже просто стоять и смотреть на происходящее было невыносимо.

Неспособность рассматриваемых слов сочетаться с отрицанием и со словами усилительной семантики объясняется тем, что обычно смыслы таких единиц взаимодействуют с ассертивной (утвердительной) частью лексического

⁵ Ср. разграничение прямых и переносных значений этого глагола и коннотативное соотнесение вторых с первыми в работе [Крысин 1976а].

⁶ На «небуквальный» смысл частицы *буквально* в подобных сочетаниях впервые обратил мое внимание И. М. Богуславский. О значении и употреблении этого слова см. также [Шмелева 1986].

⁷ Ср. возможность такой синтаксической позиции у *буквально* — наречия образа действия: *Этот текст надо толковать буквально. — Буквально?*

⁸ На первый взгляд кажется, что и в обыкновенном вопросе использование этих слов невозможно. Однако это не так. Хотя типичным для них является контекст утвердительных и восклицательных предложений, вполне возможны и вопросительные конструкции, содержащие какую-либо из рассматриваемых частиц. Ср.:

Ты, говорят, просто убил ее этим известием? Неужели не надоело вам буквально сутками сидеть перед этим ящиком (= телевизором); Правда, она прямо леди в этом наряде?

значения; значения же усилительно-модальных частиц типа *буквально* не содержат ассертивной части.

4.3.3. Временные и пространственные наречия (преимущественно местоименного характера): *всегда, никогда, везде, всюду, никуда, нигде, вечно*, а также *постоянно, непрерывно, непрерывно, беспрестанно* и др. Примеры: *Он никогда не смотрит телевизор* — описывается некий узус: не любит смотреть телевизор; ср. с этим буквальное осмысление наречия *никогда* в высказываниях типа *Он никогда не был во Франции* (см. выше); — *Ты не знаешь, почему Маши нет?* — *А она всегда опаздывает* — описывается некое свойство Маши, обычное для нее поведение.

В подобных высказываниях наречия не содержат оценки говорящим действий и свойств объектов речи. В случае же употребления наречия *вечно* такая оценка присутствует: *Маша вечно опаздывает* — означает примерно следующее: 'Маше свойственно опаздывать, и говорящий оценивает такое ее поведение отрицательно'.

В более общем виде *вечно* может быть истолковано следующим образом: *вечно X P* = 'имеет место P — действие или свойство X-а; говорящий считает, что P имеет место очень часто, и осуждает X за P'. В высказывании *вечно* всегда под логическим ударением. Если это условие не соблюдается, то выражение с *вечно* является цитатой (в смысле А. Вежицкой — см. [Вежицка 1982]); ср.:

— Вечно ты со своими советами лезешь! — Я вечно лезу?!

Невозможен переспрос, состоящий из одного *вечно*:

— *Вечно вы пичкаете мальчика конфетами!* * — *Вечно?*

Ср. вполне возможное:

— *Она всегда (никогда не) опаздывает.* — *Всегда? (Никогда?)*

Невозможно употребление *вечно* с отрицанием (по тем же причинам, что и употребление усилительно-модальных частиц, см. выше): **Не вечно она опаздывает*. В высказываниях инфинитивного типа: *Не вечно же тебе в девках (в младших научных сотрудниках) сидеть; Не вечно же ему подчиняться!* реализуется другое (буквальное) значение наречия *вечно* = 'всегда'.

Как видим, разговорное *вечно* по значению отличается от буквально понимаемого *вечно* (ср.: *Хранить вечно*); это разговорное, «сдвинутое» значение фиксируется в толковых словарях.

Но подобный сдвиг в значении (с добавлением оценки) в разговорной речи претерпевают и некоторые другие временные наречия: *постоянно, непрерывно*

но, непрерывно, беспрестанно, оборот *все время* (ср. также просторечно-жаргонное *всю дорогу* в значении 'постоянно'). В словарях такой сдвиг в значениях этих наречий не зафиксирован. Ср. следующие примеры:

Она постоянно болеет = 'она болеет, и говорящий считает, что это имеет место очень часто';

Петя непрерывно острит = 'Петя острит, и говорящий считает, что это происходит очень часто, и осуждает Петю за это';

Вы беспрерывно отвлекаете меня от дела своими просьбами! = 'Кто-то обращается к говорящему с просьбами; говорящий считает, что это происходит очень часто, и отрицательно оценивает это'.

4.3.4. Прилагательные *целый, весь, сплошной, один*.

Целый: *целый Т Р* = 'имеет место действие Р, протекающее во времени Т; говорящий сообщает слушающему, что время, затраченное на Р, по мнению говорящего, слишком велико'. Например: *Целый день простояла в очереди* (в действительности меньше, чем все светлое время суток — день, но говорящий хочет создать у слушающего впечатление, что стояние в очереди длилось чересчур долго). Другие употребления этого прилагательного гиперболическими, по-видимому, не являются, хотя оценка ситуации говорящим присутствует и в них. Ср.:

Выпил целый стакан водки; На столе — целая кипа бумаг; У нас целый отдел этой проблемой занимается.

Весь: *весь Х Р* = 'имеет место действие Р, направленное на Х; говорящий хочет убедить слушающего, что действию Р подвержен Х в целом, и отрицательно оценивает Р'. Ср.:

Вы мне весь костюм испачкали! Ребятишки все тротуары мелом исписали!

Отрицательная оценка действия Р отчасти заложена в самом значении глагола (*исписать, испачкать* и под.). Однако вне контекста с сочетанием *весь Х* она может и не проявляться; ср.: *Я исписал две тетради*. Высказывания же, включающие это сочетание, содержат отрицательную оценку говорящим действия Р, при этом гиперболическое *весь Х* усиливает эту оценку.

В связи с этим обратим внимание на тот факт, что использование прилагательного *весь* как средства гиперболизации зависит от характера речевого акта: гиперболическое значение имеет место обычно в речевых актах осуждения, обвинения, возмущения, жалобы (*Всю ночь не спала!*) и т. п. и гораздо реже — в «констатирующих» высказываниях, то есть в речевых актах, преследующих чисто информативные цели (ср. наблюдения психолингвистов над связью гиперболы с эмоциональной напряженностью речи — см. [Леонтьев, Носенко 1973]).

Сплошной: *сплошной X* = 'говорящий сообщает, что имеет место X, при этом он хочет убедить слушающего, что в описываемой ситуации X не имеет исключений'. Например:

У них там сплошные идиоты, не с кем слова сказать! На улице так скользко — сплошной лед! Не экзамен, а сплошное удовольствие (истязание); Эту его книгу читать невозможно: сплошные сноски и примечания!

Если определяемое при слове *сплошной* — существительное со значением лица, то это существительное приобретает оценочный характер (если «изначально», по своему лексическому значению таковым не является: ср. *идиоты, подонки* и т. п.):

У них в группе — сплошные мастера спорта; В зале — сплошные академики и лауреаты.

При этом соединяться сочинительной связью могут лишь такие существительные, которые обозначают лиц примерно одного «ранга»: *мастера и первокурсники; академики и лауреаты* и т. п. Невозможно:

*В зале — сплошные академики и студенты.

Один: *один X* = 'имеет место X — свойство лица или ситуации Y, и говорящий хочет убедить слушающего, что X характеризует Y в максимальной степени'. Ср.:

У нее в голове — одни мальчики; Бедный, он так похудел, один нос остался; Не сено, а одна труха; У меня что-то в последнее время на работе — одни неприятности.

Само по себе это значение слова *один* (= 'только, исключительно') не является гиперболическим; ср.: *В классе одни мальчики; Он стоял за портьерой, и был виден один его нос*. Гипербола появляется лишь при условии, что говорящий хочет представить данную ситуацию как содержащую X и больше ничего (тогда как в действительности имеют место и другие свойства этой ситуации).

4.4. Фразеологические средства

4.4.1. Самые ходовые средства гиперболизации — устойчивые выражения типа *не покладая рук, падать от усталости, на ходу спит* (о вялом человеке), *весь в мыле, руки отваливаются* (от усталости), *ходят на головах, в упор не вижу, лезть на стену* (от боли), *глаза на лоб полезли, корову через «ять» пишет* (о малограмотном), *до трех сосчитать не может, это и ежу понятно* и под. Они носят пословичный характер, и их преувеличительный, гиперболический смысл давно не ощущается говорящими: все они употребляются переносно, метафорически.

Круг подобных оборотов может пополняться — например, путем метафоризации и переносно-гиперболического употребления выражений, имеющих специальное значение:

Мы все были в глубоком обмороке от этого их проекта; Я просто в шоке от твоего рассказа! (обороты в глубоком обмороке, быть в шоке — из речи медиков).

4.4.2. Сравнительные обороты с союзом *как*.

У говорящих имеются стереотипные представления о многих объектах и свойствах окружающего мира как об эталонных по какому-либо признаку — например, трусости (*труслив, как заяц*), неуклюжести (*неуклюжий, как медведь*), нечистоплотности (*грязный, как свинья*) и т. п. Соответствующие выражения также стереотипны и используются как готовые штампы. Многие из таких штампов имеют гиперболическое значение: глагольные — *храпит, как трактор; пыхтит, как паровоз; ржет, как лошадь; ползет, как черепаха* (о поезде, автобусе и т. п.); *работает, как вол* и др.; адъективные — *худой, как скелет; тонкий, как глиста; толстый, как бочка; высокий, как каланча; здоровый, как бык; голодный, как собака (как волк)* и др.; адverbиальные — *темно, как ночью; светло, как днем; жарко, как в бане* и др.

Среди подобных сравнительных оборотов встречаются немотивированные: *глухой, как пень; глуп, как пробка*, однако значение максимальной степени признака, называемого прилагательным, здесь налицо, поэтому такие обороты употребляются с целью гиперболизации.

4.4.3. Фразеологические выражения со структурой V + ОТ + S (род), обозначающие эмоциональную реакцию человека в виде определенного физического состояния: *остолбенел от ужаса; валялись от хохота; покотился со смеху* и под.; с препозицией оборота *чуть не*: *чуть не умерли со (от) страха; чуть не задохнулся от возмущения; чуть не лопнул от злости* и т. п.

4.5. Синтаксические средства

А. Выражение гиперболы именными конструкциями

4.5.1. Количественные группы: Num + S (род) — типа *сто раз, три часа*, или S (колич) + S (род) — типа *тыща человек, миллион бумаг, куча денег*.

В качестве числительных (и количественных существительных), участвующих в подобных оборотах, которые передают идею гиперболизации, используются не любые названия чисел и количеств, а названия чисел «круглых» и количеств неопределенно больших: *десять, сто, сотня, тысяча, миллион; куча, гора, прорва* и т. п.

4.5.2. Близки по смыслу к такому употреблению количественных групп конструкции с дистантным расположением в высказывании членов количественной группы; правда, в качестве синтаксического хозяина группы здесь выступают другие лексемы со значением неопределенно большого количества: *вагон, мешок, тонна, пуд* и др. Например:

Да я тебе этих солдатиков мешок принесу! Он одних джинсов вагон привез — пар двадцать, не меньше! Мы этих бананов вчера целый пуд съели!

4.5.3. Конструкция с творительным количественным, который выражается теми же лексическими средствами, что и в п. 4.5.2:

К нему фрукты вагонами везут; Совсем свихнулась: лекарства глушит флаконами! Я ему бумагу тоннами таскаю; Он ей розы охапками дарил.

4.5.4. Конструкция с винительным и с дательным сравнения: *У них клубника — с кулак; Орехи — по кулаку* (ср.: *А вот тут стояло дерево — азовские орехи по кулаку на нем росли.* — Б. Можаяев).

В качестве существительного, обозначающего то, с чем сравнивается данный предмет, обычно фигурирует такое, которое называет предмет, хорошо известный слушающему и воспринимаемый как бытовой «эталон» величины: *кулак, голова, блюдце* (*У нее глаза — с блюдце*) и под. Иногда в эту конструкцию добавляется «прокладка» — словоформа *величиной* (*величиной с голову, величиной по кулаку*), однако такие обороты менее разговорны.

4.5.5. Конструкция ДО + S (род), обозначающая: а) размеры предмета: *коса до пят; нос до подбородка; борода до пояса*; б) полную исчерпанность вещества или предмета; в качестве S здесь выступает название «кванта» вещества или предмета: *до капли (выпили), всё до крошки (съел), всё до крупинки (собрали)* и т. п.

4.5.6. Конструкция ПО + S (дат); S — обозначение «кванта» предмета или вещества: *собирали по капле (по крошке, по крохам, по зернышку, по крупнице)*. Часто в сочетании с усилительными *буквально, просто, прямо*:

Мы эту технику буквально по винтику собирали отовсюду, кто что даст; Наш фонд накапливался страшно медленно, прямо по зернышку, по капельке!

4.5.7. Конструкция НИ + S (род): *ни крошки, ни капли, ни души, ни шагу, ни пылинки, ни звука, ни деревца, ни кустика; ни черта, ни фига, ни шиша.*

В Грамматике-80 об этой конструкции сказано, что существительное в ней обозначает «единичный предмет, который может восприниматься зрительно или на слух» [Грамматика-80, 2: 341]. Однако кажется, что здесь действует ограничение иного рода: единичный предмет, обозначаемый существительным,

рассматривается говорящим как самая малая частица того объекта, о котором идет речь: *Хлеба — ни крошки! Денег — ни копейки; Вина — ни капли*, — и тем самым не только подчеркивается полное отсутствие этого объекта, но и делается более общее утверждение относительно некоторого положения вещей: *ни пылинки* = 'абсолютная чистота', *ни облачка* = 'абсолютно чистое, солнечное небо', *ни шагу назад* = 'полная невозможность отступить' и т. д.

Устойчивые выражения *ни черта* (*фига, шиша*) наряду с обозначением полного отсутствия чего-либо могут употребляться и в преувеличительном смысле: малое количество чего-либо выдается говорящим за полное отсутствие, обычно в ситуациях, когда мало — вопреки ожиданиям говорящего. Например, высказывания типа *NN ни черта не смыслит в Y* делаются в ситуациях, когда говорящий имеет в виду некое лицо, которое причастно к Y (*Начальник цеха ни черта не смыслит в своем деле*). Пресуппозиция говорящего: *NN* должен смыслить — по его служебному положению, профессии и т. п.

4.5.8. Конструкция *S* (им) + *ЗА* + *S'* (твор) (лексически $S = S'$) — типа *комиссия за комиссией, гости за гостями, командировка за командировкой: И вот пошла комиссия за комиссией, проверка за проверкой, всех измотали, издергали, просто житья нет* — в ситуации, когда было две-три комиссии, говорящий, отрицательно воспринимающий этот факт, хочет создать у слушающего преувеличенное представление о количестве комиссий и частоте проверок)⁹.

Б. Выражение гиперболы глагольными конструкциями

4.5.9. Конструкция *S* (род) — *V* (повелит, ед):

Фруктов — завались! Вина — залейся! Грибов — косою коси! Земляники — горстями греб!

С добавлением *только*:

Работы — только поворачивайся! Дел — только успевай вертеться!

4.5.10. Конструкция *S* (род) + *НЕ* + *V* (инф, сов)/*V* (2-е л, сов, наст, ед):

Людей — не сосчитать (не сосчитаешь); Подарков — не унести (не унесешь); Народу — не протолкнуться (не протолкнешься)!

Вариантом этой конструкции является конструкция с *S* (им) вместо *S* (род): в этом случае существительное обозначает свойство, состояние:

Ну и духотища — не продохнуть (не продохнешь); А просторы (в Сибири) — глазам не окинуть (не окинешь).

⁹ Безотносительно к разговорной речи и к идее гиперболизации эта и рассматриваемые ниже конструкции 4.5.9 и 4.5.10 отмечены в Грамматике-80. Т. 2.

В позиции S может быть также целое предложение:

Захламили комнату — не войти (не войдешь)!

Во всех этих случаях имеется в виду трудность исполнения действия, выражаемого глаголом (трудно сосчитать, трудно унести, трудно протолкнуться и т. д.), но не его полная невозможность, как можно заключить из буквального смысла сочетания *не* с глаголом.

4.6. Интонационное подчеркивание гиперболы

На слово или конструкцию, употребляющиеся в гиперболической функции, как правило, приходится особая подчеркивающая, выделяющая интонация: *Вечно ты опаздываешь! Она никому не верит! Вина — залейся!*

4.7. Гипербола и жест

В качестве средства, усиливающего гиперболу, часто используется жест: *Работы — во!* Жест: говорящий ладонью проводит на уровне своего горла (= 'по горло') или над головой (= 'выше головы'); *У него голова, как котел.* Оберучный жест, преувеличенно показывающий размеры головы.

Гиперболический жест может и замещать словесные средства, при этом в высказывании сохраняются лишь местоименные элементы, соотносительные с жестом: *Выходят двое — вот такого роста* (говорящий показывает, поднимая одну свою руку высоко над головой), *с такими вот плечищами* (показывает, широко разводя руки в стороны); *Она на меня вот такими* (говорящий показывает: обе ладони, каждая согнута в полукольцо, на уровне глаз) *глазищами тарачится, ничего понять не может.*

Иногда и этих местоименных элементов не бывает, и на высказывание или вопрос собеседника говорящий может ответить одним гиперболическим жестом (в ситуации обозначения размеров предмета): А.: — *Ну и крупная попала-лась* (о рыбе)? Б.: разводит руки на максимально возможную ширину (явно преувеличивая размеры пойманной рыбы).

5. Рассмотренный материал, как это очевидно, нуждается в более глубоком и детальном изучении, в частности с точки зрения условий появления гиперболы в речи. Однако даже беглый обзор разнообразных языковых средств, используемых в целях гиперболизации, позволяет сделать вывод о широкой распространенности гиперболических высказываний в ситуациях непринужденного устного общения. Вместе с другими приемами экспрессивного подчеркивания, выделения определенных фрагментов сообщаемого гипербола составляет специфику РР, отличающую ее от различных жанров кодифицированного литературного языка.

ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ*

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Обращаясь к теме «эвфемизмы», исследователь вынужден привлекать к анализу не только эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах. Для полноты картины приходится упоминать такие реалии и такую лексику, которые обычно находятся вне поля внимания лингвистов. Как у носителя литературного языка и просто человека, следующего определенным культурным нормам, это и у самого исследователя может вызывать внутреннее неприятие и протест, однако в качестве беспристрастного наблюдателя, фиксирующего все, что происходит в языке, он обязан изучать и такого рода «неприятные» факты.

Это замечание служит предупреждением читателя о том, с какого рода лексическим материалом ему придется столкнуться при чтении этого раздела, и, одновременно, извинением перед ним, если при знакомстве с этим материалом он ощутит некий нравственный дискомфорт.

В современной русской речи достаточно отчетливо проявляются две противоположенные тенденции: к огрубению речи и к ее эвфемизации. Укажу лишь некоторые штрихи, характеризующие первую тенденцию, поскольку подробный ее анализ не входит в нашу задачу.

На лексическом уровне огрубение выражается, в частности, в увеличении употребительности грубо-просторечных и жаргонных слов и выражений типа *сука, сволочь, падло, гад, подонок, подлец* и под., *отмазаться, вешать лапшу на уши*:

Президент *отмазался* от неприятного вопроса; Довольно *вешать нам лапшу на уши!* — из речи депутатов Верховного совета России (1989 г.)

---

* Впервые опубликовано в журнале «Русистика» № 1/2. Берлин, 1994.

и т. п., причем не только в устно-бытовой сфере, но и в некоторых жанрах письменной и публичной речи, в радио- и телепублицистике (ср. словоупотребление известного телерепортера А. Невзорова). Одним из проявлений свободы слова, наступившей на рубеже 80—90-х гг., стало снятие запрета на употребление обценной лексики как в художественных и полухудожественных текстах (ср., например, прозу Юза Алешковского, Венедикта Ерофеева, Э. Лимонова и нек. др.), так и в различных жанрах обиходно-бытовой и публичной речи, в том числе и рассчитанной на массового адресата: матерные слова нередки в современных фильмах, в телевизионных передачах, газетных и журнальных статьях. Как метко выразилась З. Кёстер-Тома, «непечатное слово стало печатным» [Кёстер-Тома 1993: 26].

Показательным также представляется уменьшение влияния половых различий между говорящими на использование подобной лексики: грубые выражения и слова, включая матерные (преимущественно в их экспрессивной, а не номинативной функции), употребляются и мужчинами, и женщинами. При этом социальные ограничения здесь не очень существенны: такое словоупотребление, по нашим наблюдениям, характерно не только для рабочей среды (где оно издавна является постоянным атрибутом речевой коммуникации), но и, например, для актерской, писательской, журналистской. Правда, сохраняются ограничения, связанные с типом адресата: обценная лексика употребляется более свободно в среде, однородной по полу и возрасту, чем в гетерогенной (то есть, например, женщины-ровесницы в общении друг с другом более свободно используют мат, нежели при общении в смешанных компаниях и тем более при обращении к мужчинам). Понижается и возрастной порог в употреблении мата: многие подростки и даже 10—12-летние школьники свободно используют матерные слова и выражения и в однородной, и разнородной по полу среде сверстников.

Происходят изменения в нормативном статусе ряда слов и лексических групп. Так, слова, обозначающие некоторые физиологические отправления, раньше имели чрезвычайно ограниченные рамки употребления (ср. глаголы *какать*, *писать* — в детской речи и при обращении взрослых к маленькому ребенку); теперь они могут фигурировать и в письменных текстах, рассчитанных на массового адресата (ср. заголовок заметки в газете «Московский комсомолец» (1992 г.): *Откакались...*). Если раньше все, что связано с отношениями полов, в неспециальной речи обозначалось обиняками, с помощью эвфемизмов (*связь*, *близкие*, *интимные отношения*, *жить с кем-либо* и — более прямой оборот — *спать с кем-либо* и т. п.), то теперь не только в обиходной речи, но и в средствах массовой информации употребляются слова *трахать*, *трахаться* (многим представителям молодого и среднего поколений говорящих по-русски эти слова представляются удачной эвфемистической заменой нелитературных гла-

голов коитальной семантики), *кончить, давать*¹ (ср. в реплике проститутки в фильме «За последней чертой» (1991 г.):

— Хочешь, я тебе прямо здесь дам бесплатно?

или глубокомысленное начало газетной статьи (в «Московском комсомольце»):

У наших девушек отсутствует культура давания).

Изменился и нормативный статус некоторых медицинских терминов: ряд терминов, связанных с половой сферой и ранее употреблявшихся в сугубо специальных текстах или в узкопрофессиональной среде (типа *коитус, оргазм, клитор, пенис, эрекция* и под.), сейчас достаточно свободно используется в неспециальной речи — в газетной статье, радио- или телепередаче, в бытовой речи.

Помимо лексических особенностей ряда жанров современной русской речи можно отметить некоторые интонационные свойства ее, свидетельствующие об огрубении привычных форм общения. Так, в определенных социально-профессиональных и возрастных группах (например, среди торговых работников, работников служб быта, гостиничного сервиса, медсестер, машинисток, в среде рабочей молодежи, учащихся профессионально-технических училищ, старшеклассников общеобразовательных школ) грубой, с традиционной точки зрения, является интонация обычного информационного диалога (как в «своей» среде, так и в разговорах с посторонними). Вообще, если пользоваться не строго лингвистическими терминами, а оценочными, в наши дни чрезвычайно высок уровень агрессивности в речевом поведении людей. Начиная с бытовых разговоров соседей по дому и перепалок в общественном транспорте и кончая митингами на площадях и дебатами в парламенте, звучащая речь характеризуется такими чертами, как жесткость в оценке поведения собеседников (обуславливающая выбор соответствующих оценочных средств), крайняя негативная экспрессивность при обсуждении того, с чем не согласен говорящий, возбужденный, нередко враждебный тон речи и т. п.

Необыкновенно активизировался жанр речевой инвективы, использующий многообразные средства негативной оценки поведения и личности адресата — от экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до грубо-просторечной и обсценной лексики (см. об этом, в частности, [Жельвис 1992]).

---

¹ По происхождению такие слова являются эвфемизмами. Однако, поскольку они обозначают действия и отношения, которые И. С. Кон назвал «принципиально невербализуемыми» [Кон 1988: 108], то, возникнув как эвфемистическая замена грубых номинаций, они тем не менее оцениваются большинством носителей языка как недопустимые в культурном общении.

Все эти особенности современной устной и, отчасти, книжно-письменной речи — следствие негативных процессов, происходящих во внеязыковой действительности; они тесно связаны с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности.

В определенной степени противоположным по характеру, целям и результатам используемых средств является процесс эвфемизации речи, также весьма характерный для современного ее состояния.

Рассмотрение этого процесса и его особенностей в русском языке конца XX столетия целесообразно начать с определения понятия эвфемизма.

2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЭВФЕМИЗМ»

Как известно, это понятие употребляется в лингвистике достаточно давно. Укажем некоторые работы, либо специально посвященные проблеме эвфемизма, либо затрагивающие ее в связи с другими языковыми явлениями: [Пауль 1960: 122—123; Шор 1926: 70—71; Ларин 1961; Видлак 1967; Crnek 1928; Benveniste 1946; Bruneau 1952; Havers 1946; Paratesi 1964; Leinfellner 1971; Zemtsov 1985]. Здесь мы рассматриваем проблему эвфемизма, естественно, не в полном ее объеме ², а лишь применительно к русскому языку современности.

В толкованиях понятия эвфемизма разными авторами имеются некоторые расхождения.

Так, наряду с распространенным пониманием эвфемизма как «слова или выражения, служащего в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [Шмелев 1979], как «эмоционально нейтрального слова или выражения, употребляемого вместо синонимичных слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными ³» [Арапова 1990], встречается и более узкое осмысление эвфемизма толь-

² Например, вне нашего анализа остается использование эвфемизма в качестве литературного тропа. Ср. обсуждение этого вопроса в книге [Гинзбург 1991: 208—210]: «Словоупотребление русских вольнодумцев 20-х годов [XIX в.] не исключает ценности; оно их прячет, маскирует просторечием, шуткой, даже сквернословием. Так возникают своего рода эвфемизмы высокого. (...) Что такое — “глупо влюблен”? [у Пушкина]. Это означает на самом деле — мучительно, безнадежно. Шуточное словоупотребление основано на несовпадении, оно достигает цели окольным путем. Слово не прилегает вплотную к реалии, между ними остается пространство, в котором рождаются колеблющиеся значения».

³ Г. Пауль называл в качестве причины возникновения эвфемизмов «чувство стыда», которое заставляет говорящего избегать обозначения вещей «их собственными именами» и пользоваться «косвенными обозначениями» [Пауль 1960: 123].

ко как «слова или выражения, заменяющего табуизированные слова» [Варбот 1979].

В дополнение к этим определениям можно сказать, что в отличие от обычной лексики эвфемизмы чрезвычайно чувствительны к общественным оценкам тех или иных явлений. С этим связана историческая изменчивость статуса эвфемизма в языке и речи: то, что представляется удачным эвфемистическим наименованием одному поколению, в следующем поколении может расцениваться как несомненная и недопустимая грубость, требующая эвфемистической замены.

«Эвфемизмы недолговечны, — писал по этому поводу Б. А. Ларин. — Существенным условием действительности эвфемизма является наличие “грубого”, “недопустимого” эквивалента. Как только это подразумеваемое неудобопроизносимое выражение выходит из употребления, эвфемизм теряет свои “облагораживающие” свойства, так как переходит в разряд “прямых” наименований, и тогда требует новой подмены» [Ларин 1961: 120].

В связи с этим можно указать на историю французских *garce* и *fille*: *garce* в древности — всего лишь соответствие женского рода к *gars* ‘парень, юноша’ [Le petit Robert: 768], затем — эвфемистическое обозначение шлюхи, проститутки, вскоре, однако, начавшее осознаваться как грубость и замененное в этой функции словом *fille*, которое в современном французском языке (в одном из его значений) перестало быть эвфемизмом и является элементом бранной лексики (см. [НФРС: 459]).

Сходная картина и в истории славянских обозначений этого понятия: рус. *курва* (ср. также укр., белор., болг. *курва*, чеш. *kurva*, польск. *kurwa*) — первоначально ‘курица’, затем — эвфемистическая замена грубых слов (типа *блядь*), обозначавших распутную женщину [Фасмер 1967, 2: 423]; ср. франц. *cocote* — первоначально ‘курочка’, затем — ‘женщина легкого поведения’.

Этимологически эвфемизмами являются и слова *потаскуха*, *шлюха* и под., которые в современном русском языке относятся к вулгаризмам; эвфемистическими же обозначениями этого разряда женщин можно признать, по-видимому, описательные обороты *женщина легкого поведения*, *падшая женщина*, *публичная женщина*, ироническое *жрицы любви* (степень эвфемистичности этих оборотов весьма относительна), а также недавно заимствованное (из итальянского языка) и ограниченное в своем употреблении рамками полужаргонной речи слово *путана* или также сравнительно новое шутовское словосочетание *ночные бабочки*.

Характерна также история так называемых *four-letter words* в английском языке, которые исторически были эвфемизмами, а сейчас являются грубыми, прямыми обозначениями соответствующих реалий и действий или ругательствами.

Эвфемизм как способ непрямого, перифрастического и при этом смягчающего обозначения предмета, свойства или действия соотносителен с другими речевыми приемами, прежде всего с литотой, понимаемой как прием выразительности, основанный на двойном отрицании (*небесспорный, не без умысла, неглупый*) или на смещении отрицания из утвердительной части высказывания в модусную (*Не думаю, что вы правы — ср.: Думаю, что вы не правы*), и с мейозисом, понимаемым как прием выразительности, основанный на намеренном преуменьшении интенсивности свойств предмета речи, действий, процессов и т. п. (*Он вполне прилично плавает — о хорошем пловце; Ее трудно назвать красавицей — об уродливой женщине; см. [Скребнев 1979]*).

Процесс эвфемизации тесно переплетается с процессом номинации — одним из трех фундаментальных процессов, формирующих речевую деятельность человека (два остальных — предикация и оценка). В самом деле, объекты, по этическим, культурным, психологическим или каким-либо иным причинам не называемые или называемые с трудом, нуждаются в эвфемистическом обозначении; обновление номинаций диктуется необходимостью вновь и вновь вуалировать или смягчать сущность того, название чего в культурном обществе считается неудобным, неприличным и т. д.

В отличие от обычной номинации и от речевых приемов, которые названы выше, эвфемизм обладает собственной спецификой.

Как кажется, для процесса эвфемизации существенны следующие моменты: 1) оценка говорящим предмета речи как такого, прямое обозначение которого может быть квалифицировано — в данной социальной среде или конкретным адресатом — как грубость, резкость, неприличие и т. п.; по всей видимости, лишь определенные объекты, реалии, сферы человеческой деятельности и человеческих отношений могут вызывать подобную оценку — другие с этой точки зрения «нейтральны»; поэтому эвфемизации подвергается не всякая речь, а речь, связанная с определенными темами и сферами деятельности (см. об этом ниже); 2) подбор говорящим таких обозначений, которые не просто смягчают те или иные кажущиеся грубыми слова и выражения, а маскируют, вуалируют суть явления; это особенно ясно видно на примере семантически расплывчатых медицинских терминов типа *новообразование* вместо пугающего *опухоль* или иноязычных — и потому не всем понятных — терминов типа *педикюлез* вместо *вшивость* и под., а также в использовании слов с «диффузной» семантикой: *известный, определенный, надлежащий, специальный* и т. п. (см. об этом ниже); 3) зависимость употребления эвфемизма от контекста и от условий речи: чем жестче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим собственной речи, тем более вероятно появление эвфемизмов; и, напротив, в слабо контролируемых речевых ситуациях и при высоком автоматизме речи (ср. общение в семье, с друзьями и т. п.) эвфемизмам могут пред-

почитаться «прямые» обозначения, или дисфемизмы ⁴ (о понятии социального контроля в процессах речевого общения см. [Крысин 1989: 139]); 4) социальная обусловленность представления о том, что может быть эвфемизмом: то, что в одной социальной среде расценивается как эвфемизм, в другой может получать иные оценки (см. об этом ниже).

3. ТЕМЫ И СФЕРЫ ЭВФЕМИЗАЦИИ

Оценка говорящим того или иного предмета с точки зрения приличия/неприличия, грубости/вежливости обычно бывает ориентирована на определенные темы и на сферы деятельности людей (или отношений между ними). Традиционно такими темами и сферами являются:

- некоторые физиологические процессы и состояния; ср.: *освободи нос!* вместо *высморкайся!*; *освободить кишечник*; *недомогание* (о менструации); *Она ждет ребенка* (вместо: *Она беременна*) и др.;
- определенные части тела, связанные с «телесным низом»; объекты этого рода таковы, что и не прямое, эвфемистическое их обозначение в бытовой речи воспринимается большинством как не вполне приличное — ср., например, просторечные и жаргонные обозначения мужского члена: *конец, палка, инструмент, аппарат, прибор, колбаса, балда, вафля, банан* и мн. др. или женского влагалища: *дырка, скважина, лоханка, лохмушка, мочалка, копилка* и мн. др. (см. [Балдаев и др. 1992: 314]); среди медиков, как известно, для этих целей используется латынь;
- отношения между полами; ср.: *находиться в близких, интимных отношениях, в интимной связи, физическая близость*; просторечное употребление глаголов *встречаться, дружить, гулять* (с кем-либо); *У нас с ним ничего не было* — имеется в виду физическая близость и т. п.;
- болезни и смерть: *недомогать, плохо себя чувствовать* вместо *болеть, хворать*; *Она совсем плохая* — о безнадежно больной; *ушел от нас, его не стало* — вместо *умер*; *кончина* вместо *смерть*; *летальный исход* — как медицинский эвфемизм, заменяющий «слишком прямое» *смерть*. Некоторые «стыдные» болезни издавна получали иносказательное, вуалирующее, эвфемистическое обозначение: *дурная болезнь* (о каком-либо венерическом заболевании), *французский насморк* (о сифилисе) и нек. др.

⁴ Дисфемизм — это «замена эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным и т. п., напр. «загреметь» вместо «упасть», «рассопливиться» вместо «заплакать», «сыграть в ящик» вместо «умереть», «осточертеть» вместо «надоеть» [Арапова 1990].

Темы смерти и похорон, если эти события актуальны (либо совпадают с моментом речи, либо отделены от него небольшим промежутком времени), вербализуются почти исключительно с помощью эвфемизмов. Ср.: *скончаться* и устар. и прост. *кончиться*, *усопший*, *X-а не стало*, *нет больше с нами*; *передать земле* (но не *закопать!*); действия учреждений, занимающихся организацией похорон, в официальном языке обозначаются расплывчатым и эвфемистическим по своей природе оборотом *ритуальные услуги*. Ср. также в речи медиков: *потерять больного*, т. е. допустить, чтобы больной умер, не справиться с болезнью; *дети уходят* (в значении 'умирают').

Эти сферы эвфемизации можно назвать личными: они касаются личной жизни и личности говорящего, адресата и третьих лиц.

Кроме того, явление эвфемизации наблюдается и в различных сферах социальной жизни человека и общества. Важно подчеркнуть, что в современных условиях наибольшее развитие получают как раз способы и средства эвфемизации, затрагивающие социально значимые темы, сферы деятельности человека, его отношений с другими людьми, с обществом, с властью.

4. ЭВФЕМИЗМЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Рассмотрим этого рода эвфемизмы, характеризуя (1) цели эвфемизации; (2) сферы социальной жизни, в которых чаще, чем в других, используются эвфемистические языковые средства; (3) языковые способы и приемы эвфемизации; (4) социальные различия между говорящими в создании и использовании эвфемизмов.

Цели эвфемизации речи

Верна ли традиционная интерпретация эвфемизма как смягчающего средства, как слова или выражения, заменяющего то, что кажется говорящему грубым или неприличным? Понимание эвфемизма только как смягчающего средства или как способа избежать грубости более или менее удовлетворительно в отношении личных сфер эвфемизации. Но как только мы начинаем касаться социальных сфер и разнообразных случаев эвфемизации той речи, которая обслуживает эти сферы, становится очевидной недостаточность представления об эвфемизме как о простой замене грубого или неприличного слова более приемлемым (и для говорящего, и для адресата).

1. Основная цель, которая преследуется говорящими при использовании эвфемизмов в социальных и межличностных отношениях, — стремление из-

бегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта⁵.

В эвфемизмах этого рода иначе, в более вежливой форме — по сравнению с иными способами номинации — называют объект, действие, свойство. Ср., например, употребляющиеся в функции своеобразных терминов слова *слабослышащий* (вместо *глухой*), *незрячий* (вместо *слепой*), а также высказывания типа *Она недослышит*, *Он прихрамывает* (о сильно хромящем человеке), *Да что то я приболел — температура под сорок* и т. п.

Канцелярский штамп *заслуженный отдых (покой)* в сочетаниях *уйти (проводить) на заслуженный отдых (покой)* ощущается многими говорящими как более вежливое выражение, чем слово *пенсия*, в особенности если оно употребляется в присутствии лица, о котором идет речь (по-видимому, потому, что слово *пенсия* может вызывать у адресата нежелательные ассоциации с социальной ущербностью).

Ср. также случаи более индивидуальных эвфемизмов подобного рода:

Присядьте, прошу вас, присядьте — вот те, на балконе, гости! (председательствующий на съезде народных депутатов, апрель 1992 г.) —

здесь словоформа *сядьте* расценивается говорящим, видимо, как недостаточно вежливая;

— Это платье вас... э-э... *взрослит* (говорящий избежал слова *старит*);

— Ты стал какой-то... — *Взрослый* — так сейчас говорят, чтобы не сказать: старый. — (Смех) Да-да (записи устной речи, 90-е г.).

2. Более специфической — в социальном смысле — является другая цель эвфемизации: вуалирование, камуфляж существа дела.

Эвфемистические средства, используемые для этой цели, весьма разнообразны и характерны, как кажется, именно для нашей языковой действительности. Причина этого — в общей лживости системы и обслуживающего ее идеологического аппарата, в боязни огласки неблаговидной или антигуманной деятельности. Недаром камуфлирующие наименования наиболее частотны при описании того, что надо скрывать: жизни лагеря или тюрьмы, работы оборонных предприятий, скрытой деятельности верхушки коммунистической партии, госаппарата, работы ЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ — ФСБ, которые получили эвфемистическое наименование *компетентные органы*.

⁵ Это соответствует одному из сформулированных Г. Грайсом постулатов — постулату вежливости [Грайс 1985: 223]: стремление с помощью эвфемизмов избежать коммуникативного дискомфорта является частным случаем реализации этого постулата.

Например, лагерь или тюрьма в административно-деловом жаргоне называется *учреждение*⁶:

В это время в *учреждение* поступило много новых людей (телевидение, 27 авг. 1991, интервью с работником МВД);

сочетанием *отдельно стоящее помещение* обозначается штрафной изолятор в лагере (см. в повести Л. Разгона «Непридуманное»); слово *надзиратель* в последнее время вытеснено более туманным и не столь однозным *контролер*; вместо слова *агент* или пейоративного *стукач* говорят *информатор* или *доброжелатель* (ср. в речи бывшего охранника И. В. Сталина — Рыбина:

Агент неудобно говорить, ну, *доброжелатель* можно сказать, *доброжелатель*. — телевидение, 12 сент. 1991);

ср. также:

В *обслуживание* (так на гэбистском жаргоне звали оперуполномоченные свою работу) дали огромную территорию (Комсомольская правда. 1991. 29 июня).

Весьма показательны также в качестве «камуфлирующих» многочисленные наименования с первой частью *спец*—: *спецконтингент* (о заключенных или ссыльных), *спецотдел* (а также *особый отдел* в воинских подразделениях, в гражданских — *первый отдел*, что также является эвфемистическим обозначением службы сыска и цензуры), *спецраспределение*, *спецсектор*, *спецзадание*, *спецполиклиника*, *спецхран* — как сокращенное название отдела специального хранения книг в библиотеке, т. е. книг, не выдаваемых читателям без особого на то разрешения, и т. п. (см. об этом в наст. кн., с. 503—509).

Спецакция и просто *акция* на этом жаргоне — «расстрел, приведение в исполнение смертного приговора», а словосочетание *высшая мера* (из *высшей меры наказания*), эвфемистически обозначающее приговор к смертной казни, стало официальным юридическим термином (который в просторечном и арготическом употреблении стянулся до *вышка* и *вышак*)⁷.

---

⁶ По-видимому, такое абсолютное употребление слова *учреждение* — результат отсечения номера подобного рода учреждений, который, как правило, ставится при слове *учреждение* в различных административных и юридических текстах: *учреждение № К/975-д* и т. п.

⁷ В 20-е гг. оборот *высшая мера* имел иносказательное обозначение *Вера Михайловна* (подобно тому, как сочетание *советская власть* в «опасных» ситуациях кодировалось невинным именем-отчеством *Софья Власьевна*). Ср. более позднее по времени иносказательное сочетание *Галина Борисовна* для обозначения ГБ (= государственной безопасности): ...Вольнодумство под опекой *Галины Борисовны*... (Сегодня. 1994. 12 мая).

Сюда же примыкает вуалирующее употребление глаголов *нейтрализовать* и *обезвредить* в контекстах типа *Надо было нейтрализовать охрану* (= 'перебить, уничтожить'), *После того, как часовой был обезврежен...* (= убит или приведен в состояние, когда он не может действовать), *физическое устранение* — вместо *убийство*:

В «Вечерней Москве» появилась провокационная статья о якобы готовящемся *физическом устранении* президента (телевидение, 20 апр. 1993) и нек. др.

В военном языке с давних пор употребляются обозначения, с помощью которых от противника скрывается подлинный смысл передаваемых сообщений: *хозяйство* в значении «воинская часть», *огурцы* в значении «снаряды» и т. п. Эта традиция была воспринята и при описании деятельности оборонных и всяких иных «закрытых» предприятий: *ящик* в значении 'завод, институт' (*Работают в ящике; Их распределили по ящикам* — о выпускниках института) — из сочетания *почтовый ящик номер такой-то*; *объект* — в значении 'военный объект' или 'промышленный объект оборонного характера':

...Выбрали место, где и появился «совершенно секретный» ядерный центр.

Во всех документах он теперь именовался «*Объектом*». И только в наше время мы знаем его «научное» название — Арзамас-16 (Российская газета. 1994. 26 февр.);

(ср. также многочисленные примеры употребления слова *объект* в таком смысле в «Воспоминаниях» А. Д. Сахарова), *изделие* — о бомбе, ракете и тому подобной продукции военного назначения:

Приехав на полигон для ядерных испытаний, мы узнали о неожиданно возникшей очень сложной ситуации. Испытание было намечено в наземном варианте. *Изделие* в момент взрыва должно было находиться на специальной башне, построенной в центре испытательного поля (А. Д. Сахаров. Воспоминания);

продукт:

Продуктом называли начинку для атомных бомб (телевидение, 18 нояб. 1991).

Камуфлирующими являются эвфемизмы, которые в недавнем прошлом использовались для обозначения действий и свойств представителей партийного и советского аппарата (любого уровня). Жизнь внутри партийной верхушки, внутри структур власти должна была скрываться от непосвященных, и поэтому сообщения о тех или иных событиях в этих сферах изобиловали весьма расплывчатыми оборотами типа: *для служебного пользования* — о секретных документах, *рассмотрен организационный вопрос* (это означало, что какой-либо партийный или советский начальник выведен из состава руководящего органа, понижен в должности и т. п.), *были сделаны оргвыводы* (обозначение репрес-

сивных мер, примененных к какому-нибудь функционеру или вообще работнику), *вести себя нескромно* (о партийном хапуге, коррупционере и т. п.); ср. также полущутливое — но от этого не меняющее своей эвфемистической сути — *жизнелюб* применительно к какому-нибудь чиновному пьянице или развратнику. Кое в чем такое словоупотребление сохраняется и в наши дни; ср.:

Была отмечена *нескромность* главы администрации, который использовал свое служебное положение в корыстных целях [то есть брал взятки, торговал государственным имуществом и т. п.] (радио, 15 марта 1993);

Руководители Белоруссии не приняли необходимых мер для борьбы с коррупцией и сами проявили *личную нескромность* (телевидение, 26 янв. 1994).

Камуфлирующие слова и обороты весьма распространены и вне той специфической среды, которая связана с репрессивной системой, военно-промышленным комплексом или с отношениями внутри партийных и властных структур. К ним прибегают в тех случаях, когда прямое обозначение объекта, действия, свойства, по мнению говорящего, может вызвать нежелательный общественный эффект, негативную реакцию массового адресата, осуждение и т. п.

Таковы, например, словосочетания *либерализация цен, освобождение цен, упорядочение цен, свободные цены* в языке современной прессы, в речевой практике экономистов, представителей власти и др. В буквальных своих значениях эти сочетания могут прилагаться к любым ценам и любым процессам, происходящим с ценами, — понижению, повышению, сохранению на том же уровне, приведению их в порядок, как это следует из смысла слов *освобождение, либерализация, свободный, упорядочение*. Однако в действительности они обозначают рост цен, более высокие, чем прежде, цены, но обозначают, так сказать, не впрямую, а вуалируя малоприятное для большинства людей явление. Ср.:

Последствия реформы обнаруживаются в виде инициируемой сверху гиперинфляции и беспрецедентного взвинчивания цен на продовольственные и промышленные товары первой необходимости, почему-то нежно названного здесь благозвучным именем «*либерализация*» (Московский комсомолец. 1992. 2 февр., интервью с экономистом Л. И. Пияшевой);

Под благозвучным названием *упорядочения* цен повышены цены на ряд товаров повседневного спроса (радио, 16 окт. 1991);

Указ, который кокетливо называется «*О регулировании цен на некоторые виды энергопродуктов*», на самом деле значительно повышает цены на все нефтепродукты и большую часть других видов топлива (телевидение, 20 сент. 1992).

Власть стремится смягчить удары, наносимые населению реформами в области экономики. Так, в конце 80-х гг. талоны на получение сахара, мыла и других товаров первой необходимости, ставших дефицитными (по торговой

терминологии такие товары называются эвфемистично *товарами повышенного спроса*), снабжались лицемерной надписью «*Приглашение*». Действия правительства, направленные на повышение цен, увеличение налогов и т. п., само же правительство называет весьма аморфным по смыслу и эвфемистическим по существу словосочетанием *непопулярные меры*.

Стремление скрыть истинный смысл явления просматривается и в таких обозначениях, как *воины-интернационалисты* (о советских солдатах в Афганистане в 1979—1990 гг.), *дружеская помощь* братскому афганскому народу, *ограниченный контингент войск* на территории того же Афганистана (ср. использование более прямых номинаций *агрессия*, *оккупация*, *оккупанты* — в радиопередачах Би-Би-Си, «Голоса Америки», радиостанции «Свобода»). Тенденция к использованию «камуфлирующих» выражений наблюдается и при официальном освещении событий в Чечне после ввода туда российских войск в декабре 1994 г.; ср.:

Первоначальные ежедневные попытки властей «успокаивать» общество с помощью обмана сменились пристрастием к эвфемизмам. Говорят, мы там не стремимся по чеченцам — мы «даем адекватный ответ». Говорят, это не война — это «*военная операция по разоружению*» (Известия. 1994. 12 дек.).

В связи с распадом Советского Союза и усилением вражды между некоторыми, прежде «братскими», его народами сообщения о кровавых событиях в тех или иных районах Кавказа, Средней Азии, Прибалтики, Молдавии и др. также нередко подаются в «вуалирующем», смягчающем тоне, для чего используются эвфемизмы типа:

сохраняется напряженность:

В Нагорном Карабахе *сохраняется напряженность* ... имеются убитые и раненые (радио, 1991);

пострадать:

В боях *пострадало* свыше сорока человек, из них восемь убиты (телевидение, 1991);

пойти на крайние меры:

В этой обстановке нежелательно было бы *пойти на крайние меры* и ввести туда войска (телевидение, 1991);

непредсказуемые последствия:

Этот шаг азербайджанского правительства может иметь *непредсказуемые последствия*: обозреватели сходятся во мнении, что военных действий в Нагорном Карабахе избежать не удастся (радио, 1990) и т. п.

Напряженность отношений между различными народами и национальными группами рождает у людей, выступающих публично (у журналистов, комментаторов, депутатов, политических деятелей и др.), боязнь неточным словом, неловким выражением усилить эту напряженность, невольно способствовать межэтническим раздорам. Отсюда — шаг к ложной интерпретации смысла некоторых единиц как слишком прямого, грубого, а самих этих единиц — как могущих нанести моральный ущерб адресату или тем, о ком идет речь.

Так, с недавних пор вместо однословного обозначения представителей народов Кавказа, Средней Азии и некоторых других регионов в прессе, по радио и телевидению стали употреблять описательные обороты: *лица армянской национальности* (вместо *армяне*), *лицо узбекской национальности* (вместо *узбек*) и даже *лица кавказской национальности*, хотя такой национальности, как кавказец, не существует, ср. следующее официальное уведомление:

Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ рекомендовала признать некорректным и незтичным употребление в газетах терминов типа «лица кавказской национальности» (Вечерняя Москва. 1994. 15 июля).

В некоторых случаях такого рода описательными оборотами стремятся скрыть более узкий смысл, более конкретный объект, прямое название которого представляется говорящему не совсем удобным, потому что раскрывает его подлинные взгляды, намерения или цели. Так, представители националистически настроенных литературных кругов под словосочетанием *русскоязычные писатели* иногда имеют в виду писателей-евреев; участники летних (1992 года) митингов у здания Останкинского телецентра вначале выдвигали требование — оно было начертано на плакатах — «Долой нерусское телевидение!», но вскоре перешли к более ясным лозунгам: «Еврейское телевидение — Израилью!», «Долой сионизм в эфире!» и т. п.

3. Третья цель, преследуемая говорящими при употреблении эвфемизмов, заключается в стремлении сообщить нечто адресату таким образом, чтобы это было понятно только ему. Разумеется, такого рода зашифрованность относительна, и очень скоро она становится мнимой, если подобные сообщения содержатся не в частной переписке, а публикуются и тем самым делаются доступными для интерпретации каждому читающему или слушающему.

С этой точки зрения весьма характерны разного рода объявления, публикуемые в печати или вывешиваемые, так сказать, в самодеятельном порядке на остановках, у станций метро, на заборах и столбах и т. д.

Меняю трехкомнатную квартиру на четырехкомнатную по солидной договоренности —

здесь за словами «солидная договоренность» скрыто обещание хорошо оплатить разницу в площади обмениваемых квартир. Ср. также еще более характерное:

Меняю однокомнатную квартиру на двухкомнатную *по очень хорошей договоренности*

и даже

Меняю Луганск на Москву *за очень хорошую договоренность*,

где в типе управления проглядывает модель управления того предиката, который заменен эвфемизмом: ср. *платить, плата за что-нибудь*.

В сфере, которая связана с обменом и получением жилья, немало и других эвфемизмов. Каждому, кто вплотную сталкивался с этой вызывающей тягостные ощущения сферой, хорошо известно, что, например, *перспективная семья* — это семья, в которой родители находятся в так называемом репродуктивном возрасте, то есть, проще говоря, семья, в которой могут родиться дети. *А перспективная квартира* — это нечто почти противоположное по смыслу и даже зловеще-бесчеловечное по сути: квартира, в которой живет престарелый (и, стало быть, неперспективный в только что рассмотренном смысле) человек и которая, следовательно, скоро освободится.

С вуалированием, сокрытием сути даваемого сообщения связан и еще один тип объявлений — касающийся отношений между мужчинами и женщинами. Ср. следующие примеры:

Молодая женщина *окажет услуги* состоятельному мужчине; Стройная, умная, молодая женщина *ищет личного спонсора*; Хочу *наказывать непослушную даму*; Юноша 20 лет *ищет наставницу* (объявления в газете «Частная жизнь», 1992).

Выделенные слова и обороты — явные эвфемизмы: они употреблены не в их словарных значениях, а в тех, которые хочет выразить адресант; при этом, правда, такие эвфемизмы плохо выполняют свое камуфлирующее предназначение, так как их «тайный» смысл прочитывается достаточно легко (ясно, о какого рода услугах идет речь, с какой целью ведутся поиски личного спонсора, чему именно должна обучать юношу 20 лет его наставница и чем вызвано желание наказывать непослушную даму). Оборот *интимные услуги* употребляется как эвфемистическое обозначение профессиональной деятельности проституток или вообще продажи женщинами своего тела, ср.:

Сотрудниками отдела по борьбе с притоносодержанием и вовлечением в проституцию несовершеннолетних были задержаны 16 человек, подозреваемых в оказании *интимных услуг* за вознаграждение (Сегодня. 1993. 21 дек.).

Ср. также специфическое понимание и употребление слова *комплексы* в таком объявлении:

На высокооплачиваемую работу требуются *девушки без комплексов*

(имеются в виду потенциальные проститутки), а также весьма конкретное осмысление слова *привычки* (точнее — словосочетания *вредные привычки*) в объявлении о найме на работу:

Предприятию требуются водители и экспедиторы. *Лиц с вредными привычками* и старше 35 лет просим не обращаться

(под лицами с вредными привычками подразумеваются любители выпить).

Сферы социальной жизни, в которых используются эвфемизмы

1. Традиционно сферой, в которой активно употребляются эвфемистические средства выражения, является дипломатия. Совершенно очевидно, что те коммуникативные задачи, с которыми приходится иметь дело дипломатам и политикам, невозможно решить, используя лишь прямые номинации, обходясь без обиняков, намеков, недоговоренностей, камуфляжа, то есть без всего того, для выражения чего и предназначены эвфемизмы.

Часто мелькающие сейчас на страницах печати и в эфире слова и обороты (некоторые из них уже упоминались) типа *пойти на крайние меры, непредсказуемые последствия, конфронтация* (применительно к ситуациям, когда идет война, хотя и, возможно, локальная), *определенные круги, соответствующие инстанции, миротворческие акции, принцип взаимности* (ср.:

Правило «око за око», на языке дипломатии именуемое *принципом взаимности*... — телевидение, 12 мая 1993)

и т. п. — родились именно в дипломатическом речевом обиходе.

2. Репрессивные действия власти: *задержать* вместо *арестовать* (ср. в интервью с начальником Главного управления внутренних дел г. Москвы:

— Скажите, кого-нибудь *арестовали* из участников этой акции?

— Мы *задержали* несколько человек, им будет предъявлено обвинение в умышленном нарушении общественного порядка и злостном хулиганстве. — телевидение, 1 мая 1993);

высшая мера вместо *смертная казнь*; *применить санкции* — этот оборот употребляется в весьма неопределенном смысле: он может означать привлечение к

уголовной ответственности, лишение свободы, экономическую или военную блокаду районов и целых государств (ср.:

Блокада — а все литовцы употребляют именно это слово, отвергая предложенные правительством СССР эвфемизмы, — не ожесточила и не озлобила жителей республики. Скорее, они говорят о «санкциях» с недоумением и обидой... — Демократическая Россия. 1990. № 3;

Санкции, применяемые ООН в отношении Ирака, оказываются малоэффективными. — телевидение, июль 1992).

Сюда же примыкают характерные для недавнего прошлого обозначения мер партийного и административного воздействия на людей: *предупредить*, *поставить на вид*, *указать* — как правило, без заполнения валентности содержания: Бюро *предупредило* Иванова (*поставило на вид, указало*); *поправить* (ср. превратившееся в расхожую шутку: *Если я не прав, старшие товарищи меня поправят*) и др.

3. Государственные и военные тайны и секреты, к числу которых относится производство оружия, определенных видов техники, социальный и численный состав учреждений (не только военных), профиль их работы и многое другое. Ср. приводившиеся выше примеры употребления слов *объект*, *продукт*, *изделие*, *ящик* и др., а также следующие примеры: *разработка необычных видов оружия* (имеется в виду бактериологическое оружие), *нетрадиционные формы ведения войны* (имеются в виду формы войны, направленные на полное уничтожение живой силы противника с сохранением его военной техники).

4. Деятельность армии, разведки, милиции, уголовного розыска и некоторых других органов власти, действия которых не должны быть «на виду». Здесь употребительны слова и обороты с достаточно общим смыслом, в то время как применяются они по отношению к конкретным действиям и явлениям: *задание*, *операция* (*идти на задание*, *провести операцию по задержанию преступника*), *объект* в значении ‘лицо, за которым ведется негласное наблюдение’:

Он уточнил, где находится «объект», то есть Солженицын... В этот момент я увидел «объекта» с приятелем, выходявших из дверей магазина (Совершенно секретно. 1992. № 4);

акция, специальная акция:

На встрече с резидентом КГБ Вадиа Хаддад изложил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности НФОП... Основной целью *специальных акций* НФОП является повышение эффективности борьбы Палестинского движения сопротивления против Израиля, сионизма и американского империализма, осуществление *акций* против американского и израильского пер-

сонала... (из постановления Политбюро ЦК КПСС; Московские новости. 1992. 14 февр.),

учреждение закрытого типа, жаргонно-профессиональное *иметь, получить допуск* (без указания объекта: *к секретной документации, к секретной работе*), *невыездной* — о человеке, связанном с секретной работой и потому не имеющем возможности ездить за границу (в дальнейшем было распространено и на политически неблагонадежных лиц).

5. Сфера распределения и обслуживания: товары *повышенного спроса, дефицитные* товары, *дефицит (дефицит выбросили)*⁸, слова с первой частью *спец-* (примеры см. выше); в бытовой речи и в просторечии распространены обороты *организовать, устроить что-нибудь* в значении 'содействовать в приобретении какого-нибудь товара': *Устрой мне холодильник за полторы цены; А кухонный гарнитур организовать можешь?*

6. Отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп: *некоренное население* — может быть употреблено применительно к русским, живущим в Прибалтике или в других бывших республиках СССР; *этническая чистка* — уничтожение в том или ином районе (городе, республике) лиц, не принадлежащих к господствующей в этом районе нации; впервые было употреблено применительно к ситуации в Югославии, где сербы уничтожают мусульман, хорваты — сербов на территории Хорватии, а затем стало использоваться по отношению к ситуациям в бывшем СССР (ср.:

В Горном Бадахшане хорошо помнят, что, взяв под контроль Душанбе, некоторые солдаты правительственных войск занялись *этническими чистками*, при этом в первую очередь уничтожались памирцы. — Независимая газета. 1993. 5 июля;

гастролеры из кавказского региона — о преступных группах в Москве и Петербурге, состоящих из «лиц кавказской национальности»; *группы повышенного риска* — о наркоманах, гомосексуалистах, проститутках, которые имеют более высокую (чем другие социальные группы) вероятность заразиться СПИ-Дом.

Вместо слова *бродяги* в административном языке употребляется смягчающий и вуалирующий оборот *лица без определенного места жительства*, который в просторечии превратился в склоняемую аббревиатуру *бамж*. Ср. также оборот *дом ночного пребывания* вместо *ночлежка*.

⁸ В последнее время в связи с изменением ситуации в российской торговле: хоть и дорого, но можно купить практически все — подобные выражения потеряли свою актуальность.

В Москве скоро откроется *дом ночного пребывания* или, проще говоря, *ноч-лежка* (телевидение, 14 дек. 1993).

7. Некоторые виды профессий, эвфемистическое обозначение которых имеет целью повысить престиж этих профессий или скрыть негативное впечатление от обозначаемого «прямым» наименованием рода занятий: *оператор машинного доения*, *оператор на бойне*, *оператор очистных работ* (ср. прежнее *ассенизатор*, переставшее выполнять свою эвфемистическую функцию), *контролер* вместо *надзиратель*, *исполнитель* — о человеке, приводящем в исполнение смертные приговоры (ср. *палач*) и др. Существенную роль в этой группе эвфемизмов играют иноязычные обозначения, ср.:

Профессия Олега гораздо более романтическая и жизненная: он инструктор по случке собак. Олег, правда, обижается, когда его называют «вязальщиком» [от профессионального значения глагола *вязать* — ‘случать (животных)’], но ничего не имеет против *киносексопатолога* (Московский комсомолец. 1992. 8 февр.) —

более подробно см. об этом в следующем разделе.

Языковые способы и средства эвфемизации

1. Слова-определители с «диффузной» семантикой: *некоторый*, *известный*, *определенный*, *соответствующий*, *надлежащий* и нек. др. Ср.:

Я имею к этому *некоторое* отношение —

может говориться, несколько иронически, в ситуации, когда говорящий прямо причастен к Р (например, он автор книги, о которой идет речь, участвовал в разработке данного проекта и т. п.);

Не советуясь с нами, он [президент] поддерживает правительство, которое своими действиями привело страну к *известным результатам* [= плохим, негативным] (радио, 8 апр. 1992, выступление депутата Верховного совета);

Стало совершенно явным, что — воспользуемся введенной в оборот Михаилом Горбачевым терминологией — «*определенные деструктивные силы*» делают все возможное, чтобы... (Российская газета. 1991. 29 авг.);

Как выразился заместитель начальника оперативного управления департамента Владимир Зайцев: «*Определенный контакт* между нашим подразделением и охраной “Чары” [банка] был, но все живы и здоровы. Просто освободили проход, но освободили так, что надолго им запомнится» (Известия. 1994. 29 марта);

Чемпион мира *не лучшим образом* распорядился своими фигурами в цейтноте [то есть плохо] (телевидение, 28 февр. 1992);

В «Мерседесах» едут не всегда люди с лицом интеллигента, часто — со... *своеобразными* лицами (телевидение, 6 авг. 1994).

2. Номинации с достаточно общим смыслом, используемые для называния вполне конкретных предметов и понятий: *акция, изделие, объект, продукт, учреждение* (примеры см. выше), *материал* в значении 'компрометирующие сведения о ком-либо' (*На Вас поступил материал*), *сигнал* в значении 'сообщение о чем-либо неблагоприятном в высшие инстанции' (*В свое время мы не прислушались к сигналам с мест*) и др. В качестве обозначений конкретных объектов и действий могут использоваться даже местоимения (то есть слова с наиболее общим смыслом):

[Диалог матери и 16-летней дочери]

— У тебя *что-нибудь* было с Толей?

— Ну, что ты, мам, — *ничего* не было (запись устной речи);

Друга Сюзанны зовут Джино. Сюзанна показывает Илоне, какое у Джино «это», и Илона говорит: «Надо же, кто знает, вошло бы в меня *такое!*» (Частная жизнь. 1991. № 1),

а также местоименные обороты типа *одно место, это дело*, которые, в зависимости от обстоятельств и коммуникативных целей, могут прилагаться к разным объектам; ср.:

— Мне надо *в одно место* сходить (= в уборную);

— Чем только они думают? Уж во всяком случае не головой, а... *одним местом* (записи устной речи);

Отстрелила «одно место» (заголовок заметки, в которой рассказано, как в схватке с хулиганами, ворвавшимися в зоомагазин, его заведующая, «устав от бульварного мата пришельцев, достала ружье и отстрелила одному из нахалов ... гениталии». — Российская газета. 1994. 1 февр.);

— Он же [муж] у меня парализованный.

— От *этого дела?*

— А от чего ж еще? Конечно, от этого (= от пристрастия к спиртному; запись живой речи, Москва, авг. 1994).

3. Иноязычные слова и термины, употребляемые как обозначения, более пригодные для вуалирования сути явления, чем исконная лексика: *либерализация* (цен), *канцер* (вместо *рак*), *педикулес* (вместо *вшивость*), *селадон* (вместо оскорбляющего слух слова *бабник*), *копулятивное общение* (вместо *совокупление*, — ср. в газетном объявлении: Любителям пикантных ощущений предлагаю *копулятивное* общение; по-видимому, от англ. *copulation* 'спаривание, случка' < лат. *copulatio* 'соединение, связь'), *деструктивный* 'разрушительный' (*деструктивные силы*), *конфронтация* 'противостояние' (иногда с применением оружия)⁹.

⁹ Об особой роли иноязычных слов в «советском языке» писали С. М. и А. М. Волконские в книге «В защиту русского языка» (Берлин, 1928); в частности, отмечали они,

4. Аббревиатуры, особенно характерные для репрессивной сферы и сфер, связанных с сокрытием государственных и военных тайн: *ВМ* = высшая мера (наказания), *ДСП* = для служебного пользования, *СС* = совершенно секретно (гриф на документах; в профессиональном обиходе такой гриф именовался «два Семена»), *зэк* (из *заклученный каналоармеец* — аббревиатура возникла во время строительства Беломоро-Балтийского канала ¹⁰), *ПКТ* = помещение камерного типа (на самом деле, попросту — камера) и др.

5. Некоторые слова, обозначающие неполноту действия или слабую степень свойства, употребляемые не в своем обычном значении, а в качестве смягчающего эвфемизма: *Он недослышит* (о глухом), *Он прихрамывает* (о хромом), *приостановить* (деятельность организации, членство в партии и т. п.) — может означать не только временное, но и полное прекращение действия, деятельности.

6. Некоторые глагольные формы с приставкой *под-*: *подъехать*, *подойти*, *подвезти* и нек. др., которые ощущаются частью говорящих (главным образом, носителями просторечия) как более вежливые, смягчающие прямое обращение к адресату и потому употребляются ими в качестве эвфемистических замен «прямых» обозначений *приехать*, *прийти*, *привезти*, *довезти* (в литературном языке, как известно, глаголы с приставками *под-*, *при-* и *до-* несинонимичны). Ср.:

— Можно к вам *подъехать*, чтобы обсудить это прямо сегодня? Я часам к шести *подойду*. Вы у себя будете? До метро *подвезите*, пожалуйста (записи устной речи).

Ср. также эвфемизм *подсказать* в контекстах типа:

— *Не подскажите*, как пройти к Военторгу?

Социальные различия между говорящими в создании и использовании эвфемизмов

Эвфемизмы в отличие от большей части лексических средств языка особенно чутки к изменениям в области культуры человеческих отношений и

иностранные слова используются для того, чтобы камуфлировать страшные понятия: *экспроприация* (грабеж), *иллюминация* (поджог), *ликвидация* (расстрел), *террор* и т. п. Вообще иноязычная лексика чаще, чем «своя», фигурирует в качестве эвфемизма, «поскольку иноязычные слова меньше шокируют и кажутся более благородными» [Видлак 1967: 275].

¹⁰ По другой версии, *зэк* — от сокращенной записи: вместо *заклученный* — *з/к* (произносилось «зэка»); см.: А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ, ч. 3, гл. 19.

нравственных оценок тех или иных явлений общественной жизни. То, что кажется эвфемизмом на одном этапе развития общества, перестает им быть на следующем, превращаясь в средство, которое, с точки зрения большинства носителей данного языка, именуется объектом слишком прямо (см. об этом выше). Ср. характерный пример: «В первые годы революции получает широкое применение термин “дефективный” со многими его производными. Этот научный эвфемизм должен был покрыть и закрыть целую группу очень различных слов: ненормальный, неполноценный, невменяемый, “недоделанный”, слабоумный, псих, дурной, иногда даже — идиот и сумасшедший, и еще многие другие... Некоторые из этих слов уже были когда-то эвфемизмами, а потом стали звучать как очень прямые и крепкие слова...» [Боровой 1963: 450]. Заметим, что и новейшие средства и способы обозначения психической ненормальности быстро утрачивают свойство эвфемистичности и расцениваются носителями языка как прямое (и потому оскорбительное для характеризуемого лица) обозначение: *шизик*, (он) *с приветом*, (У него) *крыша поехала* и т. п.

Кроме временного фактора существен и фактор социальный: в разной социальной среде — неодинаковое представление о том, что «прилично» и «неприлично» и, соответственно, о том, что может именоваться прямо, без обиняков, а что должно получаться «вуалирующие», эвфемистические обозначения.

В этом смысле весьма примечательны различия между носителями литературного языка, с одной стороны, и, с другой, людьми, использующими в качестве основного или единственного средства местный диалект, городское просторечие, социальный жаргон и какие-либо еще некодифицированные подсистемы национального языка¹¹.

Полевыми исследователями территориальных диалектов и просторечия давно замечено, что носители этих подсистем склонны прямо называть некоторые объекты и действия, относящиеся к анатомии и физиологии человека, к отношениям полов, употреблять обценную лексику как в ее экспрессивной, так и в номинативной функции. Однако неверно было бы считать, что в этой социальной среде нет потребности в эвфемизации речи.

Напротив, и в диалектах, и в просторечии имеются весьма развитые «микросистемы» лексических средств, которые служат для эвфемистического обозначения табуируемых объектов, процессов, свойств. Ср., например, глаголы *озорничать*, *озоровать*, *шалить*, *баловать*, *баловаться*, которые используются для называния некоторых негативно оцениваемых действий:

---

¹¹ Ср. разряды эвфемизмов, выделенные Б. А. Лариным: 1) общеупотребительные эвфемизмы национального литературного языка; 2) классовые и профессиональные эвфемизмы; 3) семейно-бытовые [Ларин 1961: 122].

Продавцы *озорничают*: хочу — открою в два, хочу — в три, а хочу и вовсе не приду; А на заводе-то *озоруют*: молоко водой разбавляют; На дорогах да в лесах тогда кого только не было: и белые, и красные, и зеленые, и все *шалши*, нашего брата обирали (записи устной речи);

— Они, старики, просты; для них это птичий грех — со снохой *баловаться* (М. Горький. Дело Артамоновых);

— Мальчику с девочкой дружить — это хорошее дело! Только *баловать* не надо... И простейшими словами объясняла нам, что значит «баловать» (М. Горький. В людях);

Белые казаки, мстя Андрею за уход в красные, люто *баловались* с его женой (М. Шолохов. Поднятая целина).

В зависимости от ситуативных условий речи — от типа собеседника, тональности общения, его цели, иллокутивных и перлокутивных свойств речевого акта и т. п. — и носители диалектов, и говорящие на просторечии, прибегают к эвфемистическим средствам, могут проявлять так называемую гиперкоррекцию: эвфемистической замене подвергаются даже те слова и обороты, которые в иной социальной среде (например, у носителей литературного языка) не оцениваются как «неприличные» или грубые. Например, по нашим наблюдениям, некоторые носители современного русского просторечия заменяют название *бабье лето* оборотом *женское лето*, избегают слов *сортир* (вследствие фонетической и смысловой ассоциации его с соответствующим ненормативным глаголом), *яйца* (употребляя в качестве названия продукта только слово *яички* и ложно оценивая его как более приличное, хотя, как известно, в качестве анатомического термина используется именно уменьшительная форма¹²) и нек. др.

Своеобразные функции выполняют эвфемизмы в социальных жаргонах. Повидимому, главная из них — сокрытие, вуалирование сущности обозначаемого понятия¹³, иногда с элементами словесной игры, шутки, каламбура. Ср.: *академия*, *дача*, *курорт* — о лагере, тюрьме, *браслеты* — ‘наручники’, *быть больным* — ‘находиться под арестом’, *облегчить*, *обмыть*, *помыть* — ‘обокрасть’, *поиметь*, *приходитьовать*, *поджениться*, *поставить пистон* и мн. др. — ‘совершить половой акт’ (воровское арг); *бемоль* — ‘живот (преимущественно у

¹² Впрочем, дело здесь несколько сложнее (чем простое смещение оценок). Для представителя малокультурной среды слово *яйца* — прежде всего элемент обценной лексики и только во вторую очередь — обозначение продукта. Уменьшительное же *яички*, не являясь обценным, не только ощущается как более приличное название этого продукта, но и входит в ряд уменьшительных образований, используемых в просторечии в функции вежливых обозначений соответствующих предметов (*колбаска*, *огурчики* и под.).

¹³ Ср. слова А. А. Реформатского о том, что в жаргонах «эвфемистика служит целям тайноречия (криптологии)» [Реформатский 1967: 101].

женщины)’, *забемолеть* — ‘забеременеть’, *жмурик* ‘покойник’, *камертон* ‘стакан, емкость для выпивки’, *синкопа* — ‘хромой человек’ (жаргон лабухов); *гонец* — ‘торговец наркотиками’, *колики* — ‘наркотики, вводимые при помощи шприца’, *машина, самосвал* — ‘шприц’, *трава, травка* — ‘наркотик’, *черняга* — ‘низкосортный морфий’ и др. — в жаргоне наркоманов (см. [Грачев, Гуров 1989; Балдаев и др. 1992]).

Эвфемистичны многие слова современного молодежного жаргона:

Если девушка странная или выпившая, то о ней могут сказать «*отъехавшая*» (Аргументы и факты. 1992. № 10);

ср. также слова *синеглазка, мелодия* — о милицейской машине, *в откате, в пожаре* — в состоянии сильного опьянения, *синусоида* — ‘нетрезвое состояние’, *тундра, тайга* — о глупом и недалеком человеке, *очко* — ‘анальное отверстие’, *резина* — ‘презерватив’, *залететь* — ‘заразиться венерической болезнью’, а также ‘получить нежелательную беременность’ и др. (см. [Стернин 1992; Файн, Лурье 1991]).

Маркирование эвфемизмов в тексте

В письменном тексте эвфемизм нередко выделяется с помощью кавычек (или других полиграфических средств — курсива, разрядки и т. п.). И в тексте, и в устной речи он может сопровождаться оговорками и комментариями типа: *мягко говоря, фигурально выражаясь, по более осторожному выражению* и под., а также прямым указанием на то, что употреблен эвфемизм.

В дополнение к тем примерам, которые были рассмотрены выше, приведем еще несколько иллюстраций из современной прессы, радио- и телепередач, из художественной и мемуарной литературы:

Именно тогда редактор впервые меня серьезно «*поправил*». Потом стычки стали носить регулярный характер (Московский комсомолец. 1991. 15 окт.);

Женщинам, предполагающим провести «активный» отдых, неплохо бы заранее поставить внутриматочную спираль (там же. 1993. 9 июля);

Под благозвучным названием *упорядочения* цен повышены цены на ряд товаров повседневного спроса (радио, 16.10.91);

Это самое страшное оружие — биологическое. Еще его скромно называют — *необычное* (телевидение, 17.2.93);

На одном из запорожских предприятий в этом году начнут выпускать *электровибратор* для женщин. За этим туманным названием скрывается необычное для отечественной промышленности изделие — искусственный половой член (Московские ведомости. 1992. № 10—12);

Что касается его намерений заняться «творческой работой», то под этим эвфемизмом подразумевается, вероятно, частный бизнес... (Сегодня. 1993. 18 сент.);

Местные [японские] уложения категорически запрещают публичную демонстрацию, как бы поэтичнее выразиться, волосяного покрова, укрывающего заветные части тела (там же. 1993. 25 нояб.);

Предполагаемый онкологический диагноз скрывается особенно тщательно. Даже латинское чересчур известное «канцер» заменяется каким-нибудь дежурным эвфемизмом (*И. Грекова*. Перелом);

Термин «миротворческие операции» все чаще становится смягченным синонимом слова «война» (радио «Свобода», 3 марта 1993);

Популярно разясняю им [работникам Главлита], что это о совсем другом, что мы умалчиваем ошибки прошлого и т. п. Невинно: «Какие ошибки?» «Да хотя бы 37-й год». И ехидно: «И коллективизацию?» «Может быть, и коллективизацию. Автор [Твардовский] пишет вообще о том, что не нужно замалчивать, потому что это и бесполезно, люди с памятью. Да и вредно». Но тут их ничем не стронешь: «Не подписываем [номер журнала в печать]». «Снимаете, значит?» — «Не подписываем». — «Что за эвфемизм, не подписываем это и значит — снимаем» (*А. Кондратович*. Последний год // *Новый мир*. 1990. № 2);

Давайте перестанем темнить: или открыто называйте всех теперешних выжиг, жаждущих крови, проверяющих, до каких пор может простираться терпение людей, или так же честно, без эвфемизмов — «определенные силы», «система», «аппарат», «антиперестроечные элементы» — ратуйте за пришествие нового пахана, который всем определит роли, чтобы уж мы чувствовали себя не фраерами, а ворами в законе (*Литературная газета*. 1990. 31 окт.).

РЕЛИГИОЗНО-ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЙ СТИЛЬ И ЕГО МЕСТО В ФУНКЦИОНАЛЬНО- СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА*

В описании стилистической дифференциации современного русского литературного языка разные авторы предлагают разные «наборы» функциональных стилей. Так, например, В. В. Виноградов, исходя из основных функций языка — общение, сообщение, воздействие, — выделял такие стили: «обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)» [Виноградов 1963: 6—7]. В учебном пособии М. Н. Кожиной описаны следующие стили: научный, официально-деловой, публицистический, художественный, разговорно-бытовой [Кожина 1977, гл. IV]. О. А. Крылова выделяет такие функциональные стили: научный, официально-деловой, газетно-публицистический, разговорно-обиходный [Крылова 1979].

Другие авторы рассматривают русский литературный язык как объединение двух достаточно самостоятельных функциональных разновидностей — книжного (кодифицированного) языка и языка разговорного (см., например [Панов 1962; Земская 1968; PPP-1973]), каждая из которых имеет свою жанрово-стилистическую дифференциацию (в книжной разновидности выделяются три основных стиля: научный, официально-деловой и публицистический — см., например [Бельчиков 1979]). При таком подходе язык художественной литературы выделяется в особое образование, не являющееся функциональным стилем в общепринятом понимании этого термина, поскольку в художественном тексте возможно использование языковых средств, принадлежащих любому (в том числе и некодифицированным) подсистемам национального языка.

---

* Впервые опубликовано в сборнике: Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур / Отв. ред. Н. Н. Розанова. М.: Наука, 1996.

Не вдаваясь в споры между разными авторами по поводу репертуара и лингвистической сущности различных функциональных стилей (см. об этом [Винокур 1980; Шмелев 1977]), обратим внимание на то, что в существующих стилистических классификациях отсутствует функциональная разновидность, которая обслуживает сферу религии.

Указывая на корреляцию стилей и сфер использования языка, В. А. Аврорин выделил (среди других сфер использования языка) «сферу религиозного культа» [Аврорин 1975], однако он имел в виду при этом язык вообще, а не современный русский и, кроме того, не дал какого-либо, даже фрагментарного, описания стиля, соответствующего сфере религиозного культа. В обстоятельной энциклопедической статье «Функциональный стиль» В. П. Мурат пишет, что «для многих современных литературных языков выделяются общедоступно-литературный, газетно-политический, производственно-технический, официально-деловой и научный», и лишь бегло упоминает «сферу культа», которая является социально значимой у многих народов (о функционально-стилистической разновидности языка, соответствующей этой сфере, она ничего не говорит) [Мурат 1990].

Отсутствие названной функциональной разновидности в имеющихся стилистических описаниях объясняется в значительной мере причинами «внешнего» порядка.

Как известно, при советской власти церковь была гонима, и деятельность священнослужителей и проповедников, то прямо запрещавшаяся официальными властями, то так или иначе ущемлявшаяся, находилась как бы на периферии социальной жизни и общественного сознания. В последнее десятилетие картина резко изменилась. Церковь получила поддержку государства и во многом благодаря этому значительно активизировала свою деятельность. Слово священника звучит теперь не только в церковном храме, перед прихожанами, но и по радио, по телевидению; представители духовенства выступают в парламенте, на митингах, на всевозможных презентациях, освящают вновь открывающиеся школы, больницы, дома культуры, памятники; в некоторых учебных заведениях слово Божие вводится как учебный предмет; в изобилии печатается и распространяется среди населения религиозная литература. Все эти виды речевой деятельности характеризуются своеобразием в отборе и использовании словесных и синтаксических средств русского языка, что дает основания для выделения особого религиозно-проповеднического стиля¹ (название условно).

---

¹ В устной реализации этот стиль, кроме того, отличается некоторыми особенностями в области фонетики интонации: например, меньшей (чем в обычной устно-разговорной речи) редуцией предударных и заударных гласных, различием {o} и {a}, {э}

Этот стиль близок к публицистическому, так как в нем значителен агитационный момент: проповедуя слово Божие, священники стремятся воздействовать на сознание слушателей и убедить их в существовании непреложных религиозных истин, которыми должен руководствоваться человек в повседневной жизни. Однако в отличие от публицистики здесь используются не просто экспрессивно окрашенные лексические и фразеологические средства, а слова и выражения, принадлежащие высокому стилю, нередко архаичные (и благодаря этому возвышенно-торжественные): *благодарение, благодать, благоденствие, боговдохновенный, богобоязненный, дарованный, ибо, дабы, призреть, пришествие, святой, тщета, уповать, явиться* (в значении 'появиться, прийти') и т. п., некоторые устарелые формы слов: *отче, сыне, Божие* (вместо *Божье*), *диакон, изыди, пред* (вместо *перед*), *древо* и др., формы, свидетельствующие о прямом обращении говорящего к слушающим: местоимения 2 л. *ты* (и *Ты*, если это обращение к Богу), *вы*, формы повелительного наклонения глагола и нек. др.

В синтаксисе характерными чертами являются, например, такие, как позиция определения, выраженного прилагательным: *слово Божие, род человеческий, Царь Небесный* и т. п., нанизывание однотипных конструкций, что усиливает эмоциональное воздействие высказывания; ср.:

Самые большие знамения, самые удивительные чудеса никогда не могли поколебать сердце, которое ожесточилось, которое замкнулось в себе, которое отказалось от веры, не желало верить (из проповеди), и нек. др.

Религиозно-проповеднический стиль жанрово многообразен: в нем достаточно легко выделяются такие речевые жанры, как поучение, молитва, притча, исповедь, проповедь; жанрово различаются и разнообразные виды текстов богослужения (акафист, ектеня, псалом и др.) и богословской литературы. Несомненным стилистическим своеобразием (даже в самых современных ее переводах) отличается главная книга христианства — Библия, совмещающая в своих текстах черты различных речевых жанров религиозно-проповеднического стиля.

В заключение приведем фрагменты из некоторых жанров этого стиля, которые, как кажется, достаточно убедительно иллюстрируют особенности обсуждаемой сферы речевой деятельности человека.

Поучение:

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда

и {и} в неударной позиции, более или менее последовательным [у] в формах слова *Бог*, в словах с *благо-* и нек. др. специфическими «интонационными штампами» в таких жанрах, как молитва, проповедь и др.

творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Евангелие от Матфея 6, 1—4.

Молитва:

<...> Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; Хлеб наш насущный дай нам на сей день; И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

Евангелие от Матфея 6, 9—13.

Проповедь:

Мы гости в этом мире. Мы гости на короткое, на очень короткое время, пришедшие из тайны и уходящие в тайну. Но Господь открывает нам, что эта короткая жизнь имеет для нас огромное значение, потому что она есть школа вечности. Здесь наша душа, наша личность, наша совесть — все, что есть в нас божественного, все это здесь растет и воспитывается.

И как страшно человеку, который промотал свое время, потратил его на пустяки, на вещи ничтожные и жалкие. Он оборачивается, и оказывается, жизнь уже прошла в мелочных заботах, в пустой, бесплодной болтовне, в каких-то ложных делах, о которых даже, может быть, не стоило бы думать, — время проходит.

Есть слова: убить время. Правильные слова, хоть и страшные. Потому что время — это наша жизнь. И если мы убиваем, напрасно тратим время, мы убиваем свою собственную жизнь. Проверяйте себя, думайте об этом. Старайтесь, чтобы ничто не проходило напрасно, в праздности, в бесполезности, в бездарности.

Из проповеди протоиерея Александра Меня.

Как кажется, религиозно-проповеднический стиль должен занять подобающее ему место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка и получить соответствующее описание в литературе по стилистике.

Раздел III

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большую часть этого раздела составляет републикация моей книги «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка» (М., 1989). Кроме того, в раздел включены другие работы, исследующие русский язык и речевое поведение его носителей с социолингвистической точки зрения.

Социолингвистический подход к изучению языка предполагает в качестве исходной теоретической посылки четкое разграничение внутренних, собственно языковых закономерностей, по которым происходит функционирование и развитие языка, и социальных факторов, в той или иной степени влияющих на ход обоих этих процессов.

Первые, как известно, определяют качественную сущность изменений в языке и отношений между элементами языковой системы, а вторые играют роль более или менее существенных условий, которые влияют на характер языковой эволюции, определяют природу социальной дифференциации языка и особенности использования его говорящими.

В предлагаемой работе делается попытка рассмотреть основные вопросы, связанные с социолингвистическим изучением современного¹ русского языка.

Вопросы эти разнообразны. Это, например, социальная и функциональная дифференциация языка и сопряженные с этим процессы взаимодействия и взаимовлияния различных языковых подсистем (таких, как литературный язык, территориальные и социальные диалекты, просторечие, профессиональные жаргоны); обусловленное социальными причинами варьирование средств русского языка и его подсистем; социальный аспект владения языком; социальные оценки фактов языка и связанные с этим различия в ценностной ориентации представителей разных общественных слоев; социальный и социолингвистический аспекты национально-русского двуязычия, а также обучения русскому языку как неродному и мн. др.

---

¹ Современным в нашей работе считается русский язык второй половины XX — начала XXI в.

Эти различные по своему характеру проблемы изучения русского языка в социолингвистическом плане могут быть сведены к двум общим: 1) изучение того, как социальные факторы влияют на использование языковых средств, т. е. на функционирование языка в обществе, и 2) изучение того, как социальные факторы влияют на структуру языка: на набор языковых средств, их внутреннее строение и взаимоотношения друг с другом.

Разумеется, предлагаемая работа не может претендовать на рассмотрение всех проблем, составляющих социолингвистический аспект функционирования современного русского языка. «Социальный контекст» русского языка наших дней настолько широк и многообразен, что пытаться представить его во всех деталях в одной работе невозможно. Поэтому в качестве объекта исследования избираются лишь некоторые — правда, как кажется, наиболее существенные — вопросы социальной обусловленности существования и функционирования русского языка. Это: 1) социальная и функциональная дифференциация современного русского языка; 2) взаимодействие и взаимовлияние социально обусловленных подсистем; 3) социальный аспект владения языком; 4) социальные компоненты в структуре языкового знака и социальные ограничения в сочетаемости лексических единиц. В начале работы дается краткий обзор изучения проблемы социальной обусловленности языка в современной лингвистике.

Задачи исследования заключаются в следующем:

- 1) опираясь на предшествующие и современные исследования, рассмотреть в теоретическом аспекте проблему социальной обусловленности языка;
- 2) дать социолингвистическое описание основных подсистем современного русского языка (литературного языка, территориальных диалектов, просторечия, профессиональных и групповых жаргонов), являющихся результатом его социальной дифференциации;
- 3) описать основные социально обусловленные процессы, происходящие в современном русском языке;
- 4) рассмотреть с социолингвистической точки зрения феномен владения языком;
- 5) выявить и проанализировать некоторые социальные компоненты в структуре языкового знака и условия его употребления в тексте.

Цель работы — дать представление о социальном контексте существования и функционирования современного русского языка, которое делало бы ясными отличия (а) от социального контекста, в котором русский язык существовал на предшествующих этапах его развития; (б) от социального контекста других современных языков.

Материалом работы служат результаты наблюдений автора над современной русской речью во всех ее функциональных и социальных разновидностях, а также данные, содержащиеся в работах других исследователей современного русского языка.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Проблема социальной обусловленности языка принадлежит к наиболее разработанным проблемам лингвистики. Уже древние ученые отмечали тесную связь языка с человеческим обществом, социальную природу языка, общественный характер его использования. То, что язык отражает изменения в жизни общества, очевидно не только для современной науки: эту мысль мы находим в языковедческих трудах значительно более раннего времени (начиная едва ли не с грамматики Панини).

Характер такого отражения, зависимость темпов развития языка от темпов социальных изменений, природа социального расслоения языка в соответствии с расслоением общества, социальная обусловленность функционального многообразия языка и процессов языкового общения и т. п. — все эти вопросы неоднократно становились объектом лингвистического изучения. Результатами подобного изучения явились определенные положения относительно социальной обусловленности языка, в большей или меньшей мере общепринятые в современной лингвистике. Они составляют своего рода аксиоматику современной социолингвистики — совокупность начальных, отправных утверждений, не нуждающихся в доказательствах.

В самом деле, никто сейчас не возьмется всерьез оспаривать утверждения, что язык возможен только в человеческом обществе, что он обслуживает нужды не отдельного индивида как такового, а человека социального, живущего среди ему подобных; что связь языка и общества проявляется главным образом во влиянии второго на первый (схема «общество → язык»), а обусловленность «видения мира» характером языка (т. е. схема «язык → общество»; гипотеза Сепира—Уорфа) если не целиком проблематична, то, во всяком случае, подтверждается значительно меньшим числом надежных фактов, чем схема «общество → язык»; что темп языковых изменений отстает от темпа измене-

ний социальных (и это благо для языка и для обслуживаемого им общества: если бы язык развивался слишком быстро, то сменяющие друг друга поколения членов одного языкового сообщества не могли бы понимать друг друга)²; что влияние общества на язык редко бывает деструктивным — напротив, оно обычно «катализирует» развитие и укрепление тех или иных черт в структуре языка³ и т. д.

Чем же объяснить, что, несмотря на разработанность в современной лингвистике общей проблемы «язык и общество» и частных проявлений социальной обусловленности языка, несмотря на доведение этой разработки до уровня бесспорных истин, языковеды не только не ослабляют, но даже усиливают интерес к этой проблематике⁴?

Во-первых, тем, что в меняющихся условиях языковой жизни общества закономерности, касающиеся взаимоотношений языка и общества, видоизменяются: то, что было характерно для этих взаимоотношений два-три столетия назад, сейчас оказывается неактуальным, а вместо этого наблюдаются иные формы отношений.

Так, для большинства современных индустриальных обществ нехарактерна «жесткая» дифференциация языка на более или менее замкнутые, самодостаточные подсистемы: социально и культурно обусловленные разновидности единого национального языка постоянно испытывают влияние друг друга, в связи с чем явления, присущие одной разновидности, могут «перетекать» в другую или другие разновидности (например, элементы диалектов заимствуются литературным языком, профессионально-жаргонные единицы осваиваются просторечием, специальная терминология переосмысливается и расширяет сферу своего употребления, используя в различных жанрах общелитературной речи, и т. д.; подробнее об этом применительно к современному русскому языку см. ниже — на с. 380—400 наст. кн.).

---

² Особенно консервативен, как известно, литературный язык — средство сохранения и передачи национальной культуры. «Если бы литературное наречие, — писал А. М. Пешковский, — изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествовавшего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам» [Пешковский 1959: 55].

³ См. об этом, например, [Панов 1962, 1963; РЯиСО, кн. 1: 35—37].

⁴ В том, что это так, можно убедиться хотя бы по громадному числу публикаций, посвященных обсуждаемому кругу вопросов, появившихся (и появляющихся) как у нас, так и за рубежом и находящихся в русле теперь уже сформировавшейся, определившей свое лицо языковедческой дисциплины — социолингвистики.

Подобную текучесть, нежесткость социальной дифференциации современных языков, обусловленную иным, чем раньше, характером социального расслоения общества, отмечают многие исследователи. Ср., например: «Тип и число языковых расслоений зависят от устойчивости социально стратифицированной системы. Когда социальная стратификация устойчива, языковые формы говорящих, принадлежащих к разным сословиям, классам и группам, обнаруживают значительные различия; эти различия устойчивы, и специфические формы не “перетекают” из одного социального слоя в другой.

С другой стороны, в развитых обществах, где легко получить среднее и даже высшее образование, где широко развита “вертикальная” мобильность, где развита массовая коммуникация, социальные различия в языке становятся все менее и менее резкими» [Hertzler 1965: 367].

Во-вторых, для современной социолингвистики, так же как и для ряда других отраслей языкознания наших дней, характерна тенденция ко все более глубокому проникновению в суть языковых явлений, к возможно более детальному анализу их лингвистической и социальной природы⁵. Указанные выше аксиоматические утверждения играют роль лишь исходных постулатов; механизм же действия описываемых этими утверждениями закономерностей нуждается в конкретном исследовании на материале реально существующих в данную эпоху языков.

В-третьих, вновь и вновь обращаясь к «вечной» теме — социальной обусловленности языка, ученые открывают новые стороны этой обусловленности, показывая, что проникновение социального в ткань языка гораздо более глубоко и разнообразно, чем это принято было считать прежде. Так, в последнее время исследователи обратили внимание на социальный характер некоторых типов пресуппозиций — благоприятствующих условий, которые должны быть соблюдены, чтобы данная языковая единица (слово или предложение) могла быть употреблена к месту, иначе говоря, такой информации о значении единицы, об условиях ее употребления и т. д., которая существенна для установления того, может ли вообще данное предложение быть утверждением [Fillmore 1969].

По мнению В. А. Звегинцева, пресуппозиции как «посредничающее звено между моделью лингвистической компетенции и моделью коммуникативной компетенции... создали предпосылки для адекватного понимания социальной обусловленности лингвистического поведения человека... В терминах пресуп-

---

⁵ Ср., например, семантику, в которой особенно отчетливо проявляется тенденция к «микро»-семантическому анализу значений языковых единиц с вычленением различных компонентов значения и установления между этими компонентами иерархических отношений (ср. понятия ассертивной и пресуппозиционной частей лексического значения по Филлмору, модальной рамки по Вежбицкой и т. п.).

позиций оказывается возможным наиболее исчерпывающим и строгим образом выразить взаимоотношения и взаимосвязанность лингвистических и социологических факторов» [Звегинцев 1976: 319].

«Пресуппозитивная» информация оказывается важной не только для понимания механизмов речевого общения, но и для правильного понимания и уместного использования некоторых классов языковых единиц. Так, например, Дж. Гордон и Дж. Лаков указывают на наличие «презумпции» различия в социальном статусе участников коммуникации при осмыслении и употреблении глаголов типа *велеть* и *приказывать* (точнее — о презумпции власти у субъекта действий, называемых такими глаголами; см. [Gordon, Lakoff 1975]). Эта презумпция может интерпретироваться как особый — социальный — компонент, присутствующий в пресуппозиционной части лексических значений достаточно больших групп слов — так называемой лексики межличностных отношений, обозначающей асимметричные ситуации типа *велеть*, *приказывать*, *командовать*, *ссылать* и под., с одной стороны, и типа *подчиняться*, *апеллировать*, *ослушаться*, *прошение* и под. — с другой (см. об этом [Крысин 1983]).

Другим примером новых явлений и закономерностей, открываемых исследователями в области социальной обусловленности языка, могут служить результаты изучения прагматики употребления языковых знаков. Оказывается, что многие из тех условий использования языковых единиц, которые начиная с Ч. Морриса [Morris 1947] обычно относят к прагматике, имеют ясно выраженный социальный характер. Таковы, например, сведения о типе отношений между коммуникантами (официальные — нейтральные — дружеские), о социальном статусе говорящего и слушающего и об исполняемых ими в данном речевом акте социальных ролях, об обстановке, в которой происходит общение, и др. (социолингвистическую интерпретацию такого рода условий общения см., например, в [Земская 1968, 1979; PPP-1973; Крысин 1973, 1976; Тарасов 1969; Вокс 1968; Labov 1970; Ervin-Tripp 1973] и мн. др.; содержательный обзор работ по лингвистической прагматике см. в [Языковая деятельность 1984]).

Современные исследования, посвященные проблеме социальной обусловленности языка, никак нельзя считать «повторением пройденного» (на это справедливо указывает А. Д. Швейцер: см. [Швейцер 1983: 5]): иной, чем раньше, стала методология изучения этой проблемы, неизмеримо более тонкой, даже изощренной — методика и техника конкретных социолингвистических исследований, результаты которых формируют надежную базу многих теоретических положений о социально-языковых связях и зависимостях; вместе с углублением анализа последних наблюдается и иная расстановка акцентов на тех или иных аспектах указанной проблемы.

Рассмотрим кратко два основных направления, по которым ведется в настоящее время изучение социальной обусловленности языка (каждое из них, как

будет показано, «ветвится» на более частные направления). Это: 1) социальная дифференциация языка в связи с социальным расслоением общества и 2) социальные условия языкового развития и функционирования.

2. СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА

Одна из наиболее отчетливых форм связи между языком и обществом — отражение в языке социальной структуры общества, или социальная дифференциация языка. В. М. Жирмунский считал задачу изучения социальной дифференциации языка одной из двух главных задач, стоящих перед социолингвистикой (вторая, органически связанная с первой, — изучение социальной обусловленности развития языка; см. [Жирмунский 1969: 14]; в последнее время высказывается мнение о том, что ограничение предмета социолингвистики двумя этими задачами неправомерно: см. [Звегинцев 1982]).

Проблема социальной дифференциации языка имеет давнюю традицию в мировой лингвистике. Она берет свое начало с известного тезиса И. А. Бодуэна де Куртенэ о «горизонтальном» (= территориальном) и «вертикальном» (собственно социальном) членении языка [Бодуэн де Куртенэ 1963]⁶. Этой проблеме уделяли внимание такие известные представители французской социологической школы в языкознании, как А. Мейе, Ш. Балли, Ж. Вандриес, А. Сешез, а также В. Матезиус, Б. Гавранек (Чехословакия), Э. Сепир (США), Дж. Фёрс (Англия) и др. Значителен вклад в изучение этой проблемы советских ученых — Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева, Р. О. Шор, Л. П. Якубинского, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, Н. М. Каринского, М. Н. Петерсона, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, М. М. Бахтина и других (обзор советских работ 20—30-х гг. по социологии языка см. в [Орлов 1969; Баранникова 1970; Гухман 1972]; специально о социолингвистических работах Е. Д. Поливанова и В. В. Виноградова см. [Крысин 1980, 1981]).

Для современного этапа разработки этой проблемы характерны следующие особенности.

2.1. Отказ от широко распространенного в прошлом прямолинейного взгляда на дифференциацию языка в связи с социальным расслоением общества: согласно этому взгляду, расслоение общества на классы прямо ведет к формированию классовых диалектов и «языков» (особенно отчетливо такая точка

---

⁶ Любопытно, что такого же понимания и употребления терминов-метафор «горизонтальное» и «вертикальное» членение языка придерживается американский социолог Дж. Хертцлер (см. [Hertzler 1965: 308 и след.]). Однако в тексте его книги, появившейся полвека спустя после указанной работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, имя последнего не упоминается.

зрения выражена в известной книге А. М. Иванова и Л. П. Якубинского «Очерки по языку» [Иванов, Якубинский 1932], а также в статьях Л. П. Якубинского «Язык пролетариата», «Язык крестьянства» и др., опубликованных в 30-е гг. в журнале «Литературная учеба»).

Более убедительной и в настоящее время разделяемой большинством лингвистов представляется точка зрения, согласно которой природа и характер отношений между структурой общества и социальной структурой языка весьма сложны. В социальной дифференциации языка получает отражение не только и, может быть, даже не столько современное состояние общества с различными его классами, слоями и группами, сколько предшествующие его состояния, характерные особенности его структуры и изменений этой структуры в прошлом, на разных этапах развития данного общества (ср. уже упоминавшийся тезис об отставании темпов развития языка от темпов, которыми развивается общество).

«Социальная дифференциация языка данного общественного коллектива, — писал по этому поводу В. М. Жирмунский, — не может рассматриваться статически, в плоскости синхронного среза, без учета динамики социального развития языка (и, добавим, общества. — Л. К.). Язык данной эпохи, рассматриваемый в его социальной дифференциации, всегда представляет систему в движении, разные элементы которой в разной мере продуктивны и движутся с разной скоростью. Механическое сопоставление последовательного ряда синхронных срезов также не в состоянии воспроизвести динамику этого движения. Описывая структуру языка с точки зрения ее социальной дифференциации, мы должны учитывать ее прошлое и будущее, т. е. всю потенциальную перспективу ее социального развития» [Жирмунский 1969: 14]⁷.

Надо сказать, что отказ от прямолинейности в трактовке проблемы социальной дифференциации языка иногда и до сих пор осуществляется чисто декларативно, в описании же конкретных социально-языковых связей нет-нет да и проявляется вульгарно-социологический подход к интерпретации этих связей.

Так, с рассматриваемой точки зрения явным анахронизмом представляется теория «языкового дефицита», разработанная современным английским психологом и педагогом Б. Бернстайном и получившая широкую популярность в

---

⁷ Заметим, однако, что если изучать динамику социальной дифференциации языка действительно немислимо без учета исторической перспективы, то взаимоотношения различных социально детерминированных подсистем того или иного национального языка, на наш взгляд, могут изучаться и в чисто синхронном аспекте, без ориентации на диахронию, как это и делается, например, при исследовании внутренней структуры языка.

странах Западной Европы и в США. Эта теория «напрямую» соотносит так называемый ограниченный языковой код с низшими слоями общества, а разработанный код — со средним и высшим классами. Как убедительно, с привлечением экспериментального материала, показал У. Лабов, в использовании более или менее разработанных языковых кодов существенную роль играют не только социальные различия между говорящими, разность их культурного уровня, образования и т. п., но и те условия, в которых происходит общение. Изучая группы подростков-негров, принадлежащих к низшим слоям современного американского общества, он установил, что в естественных коммуникативных условиях — главным образом, при внутригрупповом общении — речь подростков весьма гибка и разнообразна. С другой стороны, подростки из обеспеченных, культурных семей не всегда прибегают к разнообразным речевым средствам: например, в семейных ситуациях, в разговорах с родителями они пользуются однообразным словарем и ограниченным набором синтаксических конструкций [Labov 1972: 201—240]⁸.

Упрощенное понимание проблемы социальной дифференциации языка (и смежных с нею вопросов), к сожалению, встречается и в советской лингвистической литературе. Ср., например, следующий отрывок из статьи О. С. Ахмановой: «Как известно, в капиталистическом обществе языковая инновация, исходящая от “низкого” общественного класса, неизменно становится предметом порицания. В школьном обучении такая инновация последовательно “исправляется”, и распространяющееся “снизу” изменение встречает упорное сопротивление в первую очередь со стороны учителя и далее со стороны всех тех институтов, которые так или иначе тем или иным способом оказывают сознательное влияние на направление языкового изменения. Напротив, инновации, идущие из речи представителей правящего класса, легко распространяются и могут в сравнительно короткое время приобрести характер нормы, оказаться включенными в состав того образцового варианта языка, который имплицитно понимается как образец или модель всеобщего подражания и усвоения» [Ахманова 1968: 12].

Здесь речь идет, по существу, о пополнении литературного языка средствами, заимствуемыми из социально ограниченных языковых подсистем. Однако этой проблеме намеренно (но при этом без достаточных оснований) придана исключительно идеологическая, даже политическая окраска — без учета многих факторов, сопровождающих процесс проникновения в литературную речь

⁸ Критическая литература, посвященная теории Б. Бернстайна, весьма обширна; помимо работы У. Лабова укажем лишь еще немногие: [Hager, Haberland, Paris 1973; Швейцер 1976; Швейцер, Никольский 1978]. Интересное обсуждение теории Бернстайна см. в [Trudgill 1978: 51—56].

иносистемных элементов (среди этих факторов такие, например, как семантическая и экспрессивно-стилистическая характеристика инноваций, степень их функциональной активности, частотность в речи разных социальных групп носителей литературного языка, способность конкурировать с традиционными литературно-языковыми средствами и др.). Кроме того, полностью игнорируется культурный аспект рассматриваемой проблемы: то, что автор считает «идушим из речи представителей правящего класса», часто на самом деле оказывается элементом языка образованных и культурных слоев общества, которые, как известно, и составляют большинство в совокупности носителей литературного языка.

В результате сложный процесс усвоения литературным языком социально «отмеченных» инноваций получил в цитируемой работе излишне схематичное и неверное освещение, которое плохо согласуется с фактами реальной истории многих современных языков.

В большинстве современных социолингвистических исследований проблема социальной дифференциации языка изучается с преобладающим вниманием к таким языковым образованиям, существование которых определяется в конечном счете различиями в собственно социальных, профессиональных, культурных, образовательных и некоторых других «приобретенных» характеристиках говорящих.

В последнее время усилился интерес к изучению дифференциации языков в зависимости от пола говорящих. При этом одним из основных является тезис о том, что половые различия характерны не только для так называемых примитивных языков, но и для языков, обслуживающих современные цивилизованные общества.

Так, справедливо отмечая, что «контакты между полами столь постоянны и интенсивны, что значительные языковые различия не могут долго удерживаться», Дж. Хертцлер все же считает, что в нашем обществе (имеется в виду прежде всего современное американское общество. — Л. К.) мужчины и женщины все еще имеют речевые особенности, которые создают известные трудности в осуществлении процесса точной коммуникации» [Hertzler 1965: 320—321]. Кажется, что в этом утверждении есть некоторое преувеличение роли половых различий в современных языках. В действительности, как показывают конкретные исследования речевых различий между мужчинами и женщинами, эти различия касаются достаточно периферийных участков языка и вряд ли могут создавать трудности при коммуникации. Например, Р. Лаков обнаруживает любопытные несходства в наборе цветообозначений (у мужчин их значительно меньше, чем у женщин), этикетных и оценочных единиц, в использовании некоторых типов синтаксических конструкций английского языка [Lakoff 1973, 1975]; интересные данные содержатся также в [Smith 1979]. Различия проявля-

ются и в зависимости от пола адресата речи [Brauer et al. 1978]. Нередко, однако, настойчивое стремление обнаружить в языке различия, связанные с полом говорящих, приводят к излишне прямолинейным выводам⁹. По-видимому, здесь, как и во всяком другом направлении социоллингвистических поисков и исследований, нецелесообразна гипертрофия чисто социального подхода к языковым явлениям.

2.2. С отказом от прямолинейной трактовки проблемы социальной дифференциации языка и признанием сложности социально-языковых связей сопряжена другая особенность разработки указанной проблемы в современном языкознании: при общей тенденции к выявлению системных связей между языком и обществом социоллингвисты указывают на механистичность и априоризм такого подхода к изучению данной проблемы, который декларирует полную изоморфность структуры языка и структуры обслуживаемого им общества (критику теории изоморфизма см. в [Ярцева 1968: 41 и след.; Швейцер 1976: 27 и след.]).

Преувеличенное — и потому неправильное — представление об изоморфности языковой и социальной структур в определенной мере объясняется отсутствием до сравнительно недавнего времени (до середины 60-х гг.) конкретных социоллингвистических исследований: в трактовке социально-языковых связей преобладал умозрительный подход. С появлением исследований, опирающихся на значительный по объему языковой и социальной материал (из наиболее ранних публикаций этого рода см. прежде всего [Labov 1966 и РЯИСО]), шаткость теории изоморфизма стала более очевидной.

Как показывают эти исследования, социальное достаточно сложно трансформировано в языке, вследствие чего социальной структуре языка и структуре речевого поведения людей в обществе присущи специфические черты, которые хотя и обусловлены социальной природой языка, но не находят себе прямых аналогий в социальной структуре общества. Таковы, например, типы варьирования средств языка, зависящие от социальных характеристик говорящих и от условий речи (социальная и ситуативно-стилистическая вариативность, по Лавову: см. [Лавов 1975: 150—151]).

---

⁹ Так, в одной из работ, посвященных фонологической вариативности, связанной с половыми различиями, содержится такое утверждение: «Суженная и сжатая вокализация у женщин при произношении проявляется более часто в обществах, где карательные санкции, применяемые мужчинами, ограничивают добрачную сексуальную жизнь женщины. Широкая, свободная, низкая вокализация, напротив, характерна для культур, где добрачная сексуальная жизнь женщины свободна от такого мужского контроля и где женщина играет равную или преобладающую роль в производственной и общественно-политической деятельности» [Lomax 1973: 165].

«Нет простого и очевидного соответствия между характером социальных и экономических условий, с одной стороны, и языковыми особенностями — с другой, — пишет современный немецкий лингвист М. Бирвиш. — Иначе говоря, основные различия между экономически неоднородными социальными группами не имеют прямого отражения в системе языковых разновидностей, существующих в данном речевом обществе» [Bierwisch 1976: 420].

Даже в тех случаях, когда социальные факторы выступают в качестве детерминантов речевого поведения, между этими факторами, с одной стороны, и обусловливаемой ими языковой неоднородностью с другой, не наблюдается взаимно-однозначного соответствия. Например, структура ролевых отношений в значительной мере обусловливает выбор говорящими функциональных стилей языка; однако дифференциации социальных ролей нет полного соответствия в дифференциации языка на функциональные стили. Кроме того, механизм изменения стилистического рисунка речи неадекватен механизму изменения ролевой структуры речевого общения: ослабление социального контроля над ролевым поведением не ведет к снятию контроля нормативно-языкового (подробнее об этом см. [Крысин 1976а: 51—52]).

2.3. Для разработки проблемы социальной дифференциации языка в современной лингвистике характерен более широкий, чем прежде, взгляд на эту проблему. Она начинает рассматриваться в контексте общей проблемы варьирования средств языка (которое может обуславливаться как социальными, так и внутриязыковыми причинами) — в том числе и таких, которые принадлежат к гомогенным языковым образованиям, каким является, например, в общепринятом представлении литературный язык.

Некоторые исследователи говорят об уже сформировавшейся теории варьирования, которая описывает различного рода колебания в языке и его использовании; плодотворная разработка этой теории ставит вопрос о необходимости включения в лингвистические описания компонента, содержащего сведения о вариативности языковых единиц: см. об этом, например, [Trudgill 1978: 11—12]. Ср. также мнение М. Бирвиша, который считает, что лингвистическая теория, описывающая собственно язык, должна быть дополнена теорией языковой гетерогенности. Эта теория опирается на постулат, согласно которому реальное языковое поведение человека определяется не только его языковой компетенцией (в смысле Хомского), но и знанием социально обусловленных коннотаций, имеющихся у языковых знаков ([Bierwisch 1976: 410]; как видно из текста этой работы М. Бирвиша, под коннотациями он понимает разного рода условия употребления языкового знака в речи). Кроме того, поскольку разные люди усваивают язык в разных социальных условиях, они в результате, по мнению М. Бирвиша, овладевают «разными грамматиками язы-

ка», и описание этих различий должно осуществляться с помощью так называемых расширительных правил (*extension rules*), учитывающих сведения как о самих единицах, так и об их коннотациях (см. [Bierwisch 1976: 442 и след.]).

В непосредственную связь с таким аспектом изучения социальной дифференциации языка можно поставить и все более настойчивые попытки отказаться от слишком «жесткого», опирающегося исключительно на социальные критерии подхода к расслоению языка на различные подсистемы и привлечь для решения этой проблемы функционально-стилистическую варьированность языковых образований. В ряде работ последняя рассматривается именно как один из видов социальной дифференциации языка (см. [Labov 1966, 1970; Винокур 1974; Семенюк 1974; Швейцер 1983] и др.). Н. Н. Семенюк, например, пишет: «Наметившийся в последнее время отход от узкого понимания социальной дифференциации языка, при котором к числу социально обусловленных языковых единств относили лишь некоторые специфические образования типа жаргонов, позволяет трактовать функционально-стилистические разграничения как один из видов социального варьирования языка в его конкретном историческом бытии» [Семенюк 1974: 15].

Такие социальные категории, как статус, престиж, социальная роль, некоторые исследователи рассматривают в качестве факторов, влияющих на стилистическое варьирование языка. Например, И. Краус положил в основу предлагаемой им классификации именно эти категории при исследовании стилеобразующих факторов, среди которых он различает: (1) связанные с характером языковых сообщений и их функцией, (2) связанные с ориентацией говорящего на слушающего и (3) связанные с оценкой личности говорящего [Kraus 1971]. Внимание к фигуре говорящего как к одному из основных факторов, обуславливающих варьирование речи, выделение различных типов говорящего в зависимости от социальных и ситуативных признаков характерно для ряда современных исследований в области стилистики (см., например, [Doležel 1969; Долинин 1978; Labov 1966] и др.).

Отмечая сравнительную новизну «социально-стилистического» аспекта изучения социальной дифференциации языка, надо, однако, сказать, что предпосылки к социологической интерпретации стилистических различий в языке были заложены в работах советских языковедов старшего поколения, главным образом — в трудах В. В. Виноградова, для лингвистической концепции которого был весьма характерен социально-стилистический анализ языка (преимущественно на уровне лексики и синтаксиса).

Так, исследуя историю русского литературного языка XVII—XIX вв., В. В. Виноградов настаивал на конкретно-историческом характере описания различных его подсистем. Такие понятия, как просторечие, простонародный язык, чиновничий язык, солдатский жаргон и другие, трактовались им по-разному в

зависимости от того, к какому этапу развития русского языка они прилагались. Говоря, например, о различиях между просторечием и простонародным языком в конце XVIII — начале XIX в., В. В. Виноградов писал: «...понятие просторечия охватывало широкую, ненормированную, разнородную область фамильярно-бытовых стилей “не офранцузившегося” дворянства, духовенства, разночинной интеллигенции и даже мещанства. Просторечие претендовало на роль национального выразителя коренных русских бытовых начал — в отличие, с одной стороны, от ученного, книжного, “славянского” языка, а с другой — от чужих, заимствованных, по преимуществу французских форм речи русских европейцев... Просторечие представляло пеструю смесь “народных”, т. е. не имевших узкообластного значения, слов и идиом городского общеупотребительного говора... общеупотребительных профессионализмов и аргоизмов... и подвижного фонда выражений из разных социальных стилей буржуазно-дворянской и мещанско-крестьянской устной речи» ([Виноградов 1935: 387]; см. также [Виноградов 1938: 211 и след.]).

Простонародный язык, в отличие от просторечия, — это «обиходный язык крестьянства (независимо от областного деления на диалекты), дворни, городских ремесленников, мещанства, мелкого чиновничества, вообще мелкой буржуазии, не тронутой просвещением. Он вклинивался в просторечие, питался его формами и пополнял их... Вообще граница между просторечием и простонародным языком была очень подвижной, извилистой... В своих “низких”, наиболее далеких от сферы литературного повествования формах дворянское просторечие сливалось с простонародностью» [Виноградов 1935: 392].

При изучении русского литературного языка, его истории В. В. Виноградов за стилистическими разновидностями литературного языка стремился увидеть их «социальную подоплеку», а во взаимоотношениях литературного языка с просторечием, диалектами, жаргонами — взаимные связи коллективов носителей этих языковых подсистем.

Для понимания В. В. Виноградовым социального расслоения языка важно неоднократно выдвигавшееся им положение о социально-экспрессивной окраске, присущей языковым средствам ¹⁰. Указывая на гетерогенный характер язы-

¹⁰ Характерно, что социальную окраску слова В. В. Виноградов рассматривал в связи с социально-коммуникативной закрепленностью различных функциональных разновидностей речи. В этом он предвосхитил некоторые идеи современной социолингвистики о зависимости речи от ситуации и социальных ролей коммуникантов. Ср., например, то, что он писал о разновидностях диалога: «В общественном сознании закреплены шаблоны диалогов, дифференцированных по типичным категориям быта. Так, говорится: “официальный разговор”, “служебный”, “интимный”, “семейная беседа” и т. п. Даже с представлениями о разных формах социального взаимодействия, как-то, например, “судебный процесс”, “дискуссия”, “прения” и т. п., у нас соединяются определенные ассоциации о сопровождающих их формах речеведения. Как существуют разные виды социально-экспрессивной окраски слов, так есть и разные типы социально-экспрессивных разновидностей диалога» [Виноградов 1965: 161].

ковых образований, которые традиционно рассматривались как нечто целое (социальный диалект, профессиональный жаргон, крестьянский говор), на их чрезвычайно сложное и в разные эпохи различное дробление в зависимости от ряда факторов, он призывает учитывать социальную и стилистическую окраску, которую несут на себе слова, идущие в литературную речь из нелитературных разновидностей национального языка. Его собственные характеристики языковых средств с этой точки зрения представляют собой блестящий образец социоллингвистического анализа фактов русского языка.

Так, отмечая, что с 30-х гг. XIX в. в дворянский литературный язык начинают проникать профессионализмы, он точно «паспортизирует» каждое из перечисляемых им слов и выражений: из военной среды, из «приказно-канцелярских диалектов», из карточного аргю, языка охотников, плотников, каменщиков, портных, торговцев и др. [Виноградов 1938: 128]. Исследователь стремится по возможности более наглядно представить «многоступенчатый» характер влияния социальных факторов на изменения в лексике языка, в значениях слов и особенностях их употребления, сосуществование исторически и социально разных стихий в системе русского литературного языка.

Изучая взаимопроникновение книжной и разговорной форм речи, В. В. Виноградов отмечает поразительную живучесть церковно-книжных языковых традиций и находит общественно-бытовые и политические причины такой живучести: эти стилистические традиции еще и в начале XIX в. имели поддержку в среде духовенства, в бюрократических кругах, у консервативной части дворянства; напротив, новые веяния, шедшие от «европейцев», вызывали в этой среде протест [Виноградов 1938: 191—195].

За каждым фактом языка В. В. Виноградов видел социальное лицо его носителя, и его стилистические квалификации слов и оборотов русского языка являются одновременно и социальными их характеристиками; поэтому можно сказать, что В. В. Виноградов стоял у истоков «социостилистики» — социоллингвистической дисциплины, которая лишь в последнее время начинает получать систематическое развитие.

Если сравнивать современные «социостилистические» исследования с работами В. В. Виноградова, то, при всей преемственности первых по отношению ко вторым, надо отметить увеличивающуюся детальность анализа, стремление обнаружить социальные различия на все более мелких «участках» языковых образований.

Так, социально обусловленная вариативность средств обнаруживается даже в такой подсистеме национального языка, как литературный язык, единство и нормативность которого сознательно культивируются и охраняются научными и общественными институтами. Вопреки мнению некоторых авторитетов в области теории литературных языков, полагающих, что литературная норма — «единая и единственная», что мнение о наличии в литературном языке множественности норм, о динамичности последних несостоятельно [Филин 1981: 312],

современные литературные языки, в том числе и русский, не представляют собой абсолютно гомогенных языковых образований. Правы те исследователи, которые различают литературный язык как теоретический конструкт и как данность, как реальную коммуникативную систему, функционирующую в тех или иных конкретных национальных условиях. С их точки зрения, «единый литературный язык является скорее тенденцией или идеальным заданием, нежели реальностью» [Степанов 1969: 308]; см. также [Щур 1977: 282]¹¹. В действительности же «в синхронном срезе национального литературного языка может иметь место его функциональная дифференциация, объясняемая: а) существованием региональных вариантов или субстандартов литературного языка; б) социальной стратификацией литературного языка» [Ярцева 1977: 12].

Современный русский литературный язык не является в этом отношении исключением. Так, для всей его системы характерна вариативность средств, обусловленная не только функционально-коммуникативными факторами, но и факторами социальными — различиями говорящих по возрасту, роду занятий, уровню образования и некоторым другим признакам. При этом указанные социальные признаки влияют главным образом на частотность тех или иных языковых единиц: в речевой практике одних социальных групп некоторые единицы представлены с большей частотностью, чем в других (подробнее об этом см. [Крысин 1973; РЯДМО]).

Социально маркированы также оценки фактов языка его носителями: то, что воспринимается нейтрально представителями одних социальных групп, у представителей других вызывает протест, а третьими отстается как единственно возможный способ выражения (характерные примеры этого см. в [РЯиСО, кн. 3: 49—55, 83—84]). Те или иные языковые единицы могут восприниматься как символы принадлежности говорящего к определенной социальной группе: ср. произношение [шыʲ]зѣ, [жыʲ]рѣ, [шыʲ]лѣть и т. п., по которому можно безошибочно узнать представителя старшего поколения потомственных москвичей; употребление форм [чт]о конѣ[чн]о, характерное для речи ленинградцев (также потомственных); произношение полумягких [жʲ], [шʲ] в словах иноязычного происхождения типа *жюри*, *брошюра*, свойственное представителям гуманитарной интеллигенции старшего поколения (и обусловленное их знакомством с иноязычными произносительными образцами), и нек. др. (подробнее об этом см. [РЯиСО, кн. 4]).

¹¹ Представление о негомогенности подсистем единого национального языка было уже у лингвистов XIX в. (когда взаимная изолированность, «непроницаемость» подсистем была, безусловно, выше, чем сейчас). Так, известный немецкий диалектолог В. Генцен писал: «Не существует вполне чистого литературного языка, как и вполне чистого диалекта» (цит. по [Жирмунский 1956: 575]).

В целом для разработки проблемы социальной дифференциации языка характерен также интерес к изучению разного рода промежуточных образований — типа полудиалектов, интердиалектов, интержаргонов, — которые формируются во многих современных языках и связаны и интеграционными процессами, происходящими в обществе: сближением классов и социальных слоев, урбанизацией и вызванным ею объединением в условиях города разнодиалектных и разноязычных групп населения, увеличением социальной мобильности и т. п.

3. СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

В тесной связи с вопросами социальной дифференциации языка находится проблема социальных условий, в которых существует и развивается каждый конкретный язык. И теснота такой связи вполне понятна: социальная дифференциация языка на том или ином его синхронном срезе является результатом его развития, в котором немаловажную роль играют социальные факторы; и наоборот: характер развития языка, специфика его функционирования могут в той или иной степени обуславливаться его социальной структурой.

3.1. Социолингвистическая концепция Е. Д. Поливанова

Рассматривая вопрос о социальной обусловленности развития и функционирования языка, нельзя пройти мимо основополагающих идей в этой области, принадлежащих Евгению Дмитриевичу Поливанову¹².

Хотя проблемами эволюции языка интересовались многие советские лингвисты 20—30-х гг., Е. Д. Поливанов занимает особенно значительное место в

---

¹² Иногда, в особенности западными исследователями, выражается недоумение по поводу того, что в советских работах 60—80-х гг. по социолингвистике принято опираться на достижения ученых 1920—1930-х гг., т. е. на исследования более чем полувековой давности. В связи с этим следует сказать, что, несмотря на то что социолингвистика наших дней и по теоретическому уровню, и по достигнутым результатам ушла далеко вперед (по сравнению с социолингвистическими штудиями первой трети XX в.), многие идеи таких советских языковедов, как Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, В. М. Жирмунский, В. В. Виноградов и др., еще не устарели, не потеряли своего значения. Более того, некоторые мысли, высказываемые в наше время западноевропейскими и американскими учеными, фактически оказываются повторением того, что неоднократно обсуждалось в советской лингвистике 20-х гг.: ср., например, многие идеи, касающиеся языковой политики и языкового планирования (см. об этом, в частности, [Жирмунский 1969]).

разработке этих проблем — потому что они изучались им не только «изнутри», не с сугубо внутриязыковой точки зрения, а в плоскости социологической. Рассмотрим коротко те основные положения, касающиеся социологии языка, которые принадлежат Е. Д. Поливанову.

3.1.1. В ряде своих работ Е. Д. Поливанов неоднократно указывает, что в прошлом языковеды уделяли недостаточное внимание социальным причинам языковых изменений. В лучшем случае это делалось декларативно, а в конкретных лингвистических исследованиях «социальная сторона» языкового процесса «на деле оставалась почти без внимания» [Поливанов 1968: 52]. В действительности же наука о языке должна быть не только естественно-исторической, но и социологической наукой.

Важнейшим компонентом социологической лингвистики Е. Д. Поливанов считал теорию языковой эволюции, точнее — ту ее часть, которая должна иметь дело с выяснением социальных причин языковых изменений. Указывая на задачу изучения процессов, происходивших в русском языке после Октября, как на одну из самых актуальных задач советского языкознания, он подчеркивал, что для понимания этих процессов и для предвидения их развития в будущем необходимо «общее учение об эволюции языка (без него мы не сможем сделать шага от настоящего к будущему языковой жизни). Иначе говоря, мы нуждаемся в лингвистической историологии», т. е., пояснял Е. Д. Поливанов, в учении «о механизме языковой эволюции» [Поливанов 1931: 25].

Ратуя за создание социологической лингвистики и общего учения об эволюции языка, Е. Д. Поливанов вместе с тем предостерегал от фетишизации социальных факторов, от попыток все в языке объяснить воздействием экономических и политических сил (такой подход был характерен для марксизма). В языке действуют и его внутренние законы, «устанавливаемые для языка в не в р е м е н и и п р о с т р а н с т в а», социальными же факторами бывает «предопределена конечная цель языкового развития» [Поливанов 1928: 175]. «...Признание зависимости языка от жизни и эволюции общества (и, значит, от экономического развития прежде всего), — писал он в другой статье, — вовсе не отменяет и не отрицает значения естественноисторических “теорий эволюции” языка» [Поливанов 1928: 40].

3.1.2. Какого же рода закономерности вскрывает лингвист, исследующий язык под социальным углом зрения? Тщательный и непредвзятый анализ языковых явлений свидетельствует о том, что в развитии и функционировании языка сложно взаимодействуют внутренние, собственно языковые и внешние, социальные факторы. Характер этого взаимодействия и роль каждой группы факторов Е. Д. Поливанов подробно анализирует в ряде своих работ. Он приходит к выводу, что социальные факторы не могут изменять природу языковых процессов, но от них «зависит решение, 1) быть или не быть данного рода языковой эволюции вообще, и 2) видоизменение отправных пунктов развития» [Поливанов 1968: 211].

Ход языкового развития Е. Д. Поливанов сравнивал с работой поршня паровоза. Подобно тому как какой-либо общественный сдвиг не может заставить

поршни двигаться не параллельно, а перпендикулярно рельсам, какой-либо фактор экономического или политического характера не может изменить направление фонетических и других процессов, т. е. «чтобы, например, вместо *ц* или *ч* (из *к* смягченного) получился какой-нибудь другой звук — *ф*, *х*, *з* или т. п.» [там же: 226].

Влияние социальных факторов на язык происходит не непосредственно. Основной путь их воздействия, по мнению Е. Д. Поливанова, вот какой: «экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей (или так называемый социальный субстрат) данного языка или диалекта, а отсюда вытекает и видоизменение отправных точек его эволюции» [там же: 86]. Яркий пример такого рода видоизменений дает русский литературный (или, как называл его Е. Д. Поливанов, стандартный) язык послереволюционной эпохи. После Октября значительно изменился состав носителей литературного языка. Изменение состава носителей обуславливает новую цель языковой эволюции — создание языка, единого для всех объединяемых в новом составе слоев, «ибо потребность в перекрестном языковом общении обязывает к выработке единого общего языка (т. е. языковой системы) взамен разных языковых систем, каждая из которых не способна к обслуживанию нового коллектива полностью» [там же: 87].

В ходе этого процесса выясняется, язык какой из объединяемых социальных групп «будет “играть первую скрипку” в эволюции, направленной к установлению единообразной (для всех данных групп) системы речи» [Поливанов 1928: 212]. Эта мысль Е. Д. Поливанова замечательна тем, что она предвосхищает более поздние по времени разработки в области теории социальных групп. В современных социологических и социолингвистических исследованиях ориентацию говорящих на язык какой-либо одной общественной группы связывают, как известно, с понятием социального престижа: чем более престижен статус группы в глазах всех других членов данного социума, тем вероятнее, что именно ее язык способен служить образцом для подражания. Такой социально престижной языковой подсистемой обычно является язык наиболее культурной части общества.

Выработка единого общего языка, о которой говорит Е. Д. Поливанов, идет неравномерно на разных участках языковой системы. Это объясняется тем, что уровни структуры языка — лексика, фонетика, морфология, синтаксис — неодинаково восприимчивы к влиянию социальных факторов. В наибольшей степени подвержены такому влиянию лексика и фразеология: изменения в жизни общества отражаются в этих сферах языка в виде новых наименований и оборотов, в переосмыслении старых слов, в заимствованиях и т. п. «Лексика (с фразеологией) — единственная область языковых явлений, где само содержание культуры (данного коллектива в данную эпоху) отражается более или менее непосредственно. Вот почему здесь быстрее всего (даже в пределах языка одного и того же поколения) может обнаружиться результат социально-экономической мутации» [Поливанов 1968: 208].

В качестве наиболее наглядного примера непосредственного воздействия общественных изменений на развитие языка Е. Д. Поливанов рассматривает

сложносокращенные слова, разные типы которых возникли в лексике русского языка послереволюционного периода. Хотя отдельные случаи аббревиатур можно найти и в языке предшествующей эпохи, толчок к массовому образованию этих слов, к выделению их в особый лексико-словообразовательный класс произошел именно после Октября.

При обосновании тезиса о прямом и непосредственном воздействии социальных факторов на лексику и фразеологию Е. Д. Поливанов обращал внимание преимущественно на количественные изменения в словаре, на перемены в его составе (главным образом уход одних слов и появление других, новых). Накапливаясь, эти количественные изменения в дальнейшем привели и к качественным сдвигам в лексико-семантической системе русского языка: к изменению в смысловых (парадигматических и синтагматических) связях между словами различных классов и групп, в их стилистической прикрепленности и эмоциональной окраске, к новым видам взаимодействия общеупотребительной и терминологической лексики и т. п. (подробнее об этом см. [РЯиСО, кн. 1]).

Естественно, что на том незначительном временном отрезке, который рассматривал Е. Д. Поливанов, анализируя изменения в русском языке, таких качественных сдвигов произойти еще не могло. И Е. Д. Поливанов ничего о них не говорит, даже по отношению к будущему нашего языка.

Обращаясь к изменениям на других уровнях языковой структуры — в фонетике и морфологии, Е. Д. Поливанов выдвигает два тезиса: о том, что явления этих уровней в гораздо меньшей степени, чем лексика, подвергаются воздействию социальных факторов, и о том, что количественные накопления фонетических черт в индивидуальных «языках» говорящих лишь очень медленно, постепенно приводят к качественным изменениям в общей фонетической системе языка. Чтобы говорить о фонетико-морфологической специфике русского языка послереволюционной эпохи, нужно время, писал Е. Д. Поливанов, «лишь через два-три поколения мы будем иметь значительно преобразенный (в фонетическом, морфологическом и других отношениях) общерусский язык, который отразит те сдвиги, которые обуславливаются переливанием человеческого моря — носителей общерусского языка в революционную эпоху... А пока мы можем наблюдать целый ряд индивидуальных новшеств [одно из них, как замечал Е. Д. Поливанов, — замена [ʏ] фрикативного на [ɣ] взрывное в произношении слов *бога*, *благо*. — Л. К.], из которых еще не произведен коллективным мышлением отбор черт, способных... зафиксироваться в виде имеющих право гражданства языковых черт» [Поливанов 1968: 190].

Накопление обусловленных социальными сдвигами языковых новшеств происходит неравномерно не только на разных уровнях языковой структуры, но и в различной языковой среде: одни группы говорящих консервативны, последовательно держатся за старую норму (как, например, представители интеллигенции), в речи же других наблюдается смешение разнородных черт — литературных, диалектных, профессиональных. Это ставит вопрос о необходимости изучать «социально-групповые диалекты», и Е. Д. Поливанов не только отчетливо показал, для чего нужно такое изучение, но и сам дал интересные

примеры описания характерных признаков некоторых социально-языковых подсистем (см., например, его статьи «О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка» и «Фонетика интеллигентского языка» в [Поливанов 1968]).

Социолингвистическая концепция языковой эволюции, которую Е. Д. Поливанов последовательно отстаивал во многих своих работах, была не свободна от некоторых ошибок. Одни из них можно объяснить влиянием «духа времени» (таково, например, его мнение о классовом характере литературного языка: им владеет господствующий класс общества; см. об этом [Иванов 1957]); другие — преувеличением роли социальных факторов в развитии языка в эпохи коренных преобразований в обществе. Так, Е. Д. Поливанов считал, что в эпоху революционных катаклизмов темп языковой жизни убыстряется (см., например, [Поливанов 1968: 214]). Как показали дальнейшие исследования и русского, и других языков, в вопросе о темпе языковой эволюции многое зависит от уровня развития литературного языка: чем более он развит, тем медленнее темпы происходящих в нем изменений. В связи с этим гораздо более справедливым представляется знаменитый поливановский парадокс: развитие литературного языка заключается, в частности, в том, что он все меньше изменяется.

Влияние Е. Д. Поливанова на развитие теории языковой эволюции и на становление социолингвистики¹³ оказалось столь глубоким, что без ссылок на его идеи и труды до сих пор не обходится ни одно серьезное социолингвистическое исследование, касающееся проблем эволюции языка.

3.2. Некоторые современные социолингвистические концепции языкового развития и функционирования

Современная социолингвистика отличается чрезвычайно богатым разнообразием взглядов на социальные механизмы языковых изменений и функционирование языка в разных сферах действительности. Поскольку наша работа и не ставит себе такой задачи — дать обзор различных социолингвистических концепций, — мы ограничимся тем, что сравним с интересующей нас точки зрения две современные школы социолингвистики, советскую и американскую, причем сделаем это по необходимости сжато, на примере двух наиболее ярких представителей той и другой школы.

3.2.1. Концепция языкового развития, достаточно хорошо отражающая понимание механизмов языковой эволюции большинством советских социолингвистов, получила последовательное выражение в четырехтомной монографии

---

¹³ Уделяя внимание социолингвистическим взглядам Е. Д. Поливанова, мы ничуть не хотим умалить научную значимость работ таких ученых, как Л. П. Якубинский и Б. А. Ларин, также стоящих у истоков советской социолингвистики. Однако ни тот, ни другой, ни кто-либо еще из отечественных лингвистов старшего поколения не придавал столь большого значения социальной стороне языка, как это делал Е. Д. Поливанов.

«Русский язык и советское общество» (основной автор теоретической части — М. В. Панов).

Согласно этой концепции, исторически изменчивая система языка подчинена основному закону диалектики — закону единства и борьбы противоположностей. В языке указанный закон получает качественно своеобразное воплощение — в виде так называемых антонимий. Важнейшие из антиномий следующие: антиномия говорящего и слушающего, системы и нормы, кода и текста, регулярности и экспрессивности. На каждом конкретном этапе развития языка антиномии разрешаются в пользу то одного, то другого из противоборствующих начал, что ведет к возникновению новых противоречий и т. д., — окончательное разрешение антиномий невозможно (это означало бы, что язык остановился в своем развитии).

Так, конфликт говорящего и слушающего разрешается то в пользу первого, то в пользу второго: то в языке получают развитие «редуцированные» способы выражения — процесс, отражающий интересы говорящего, то, при других социальных условиях, начинают преобладать расчлененные формы и конструкции (что отвечает интересам слушающего). Например, в русском языке после октябрьского периода была сильна тенденция к сокращению наименований, к стяжению их в одно слово-аббревиатуру (этот процесс затронул и чисто бытовые формы речи: ср. отражение его в литературе 20-х гг., например в «Дневнике Кости Рябцева» Н. Огнева, «Республике ШКИД» А. Белых и Л. Пантелеева и др.)¹⁴. В современном языке наряду с аббревиатурами широко распространены расчлененные наименования типа *инженер по технике безопасности, заместитель директора по кадрам, шагающий экскаватор, патрульная машина* и т. п., не сокращаемые до слоговых или инициальных аббревиатур.

Антиномия системы и нормы разрешается то в пользу системы — и тогда в узус допускаются формы, соответствующие системным возможностям языка, но не предусмотренные нормой, — то в пользу нормы, и тогда формы, разрешаемые системой, норма «отфильтровывает», выводит за пределы литературного языка. Например, в современной просторечии двувидовые глаголы подвергаются процессу так называемой имперфективации: от глаголов *использовать, атаковать, мобилизовать, организовать* и под. образуются формы *использовывать, атаковать, мобилизовывать, организовывать*. Некоторые из этих форм (как, например, *атаковать, организовывать*) попадают в литературное употребление, однако в целом современная норма активно противо-

¹⁴ Ср.:

«— Ну, довам, — сказал я на прощанье. — Это как же понимать? — Доволен вами, это вместо “спасибо”. Спасибо — это ведь спаси бог и, значит, — религиозное» (Н. Огнев. «Дневник Кости Рябцева»).

действует подобным инновациям (о нормативной оценке таких глагольных образований см., в частности, [Обнорский 1935]). Не исключена возможность, что в будущем, на следующих этапах развития языка имперфектные формы двувидовых глаголов (само образование которых не противоречит возможностям русской морфологической системы и свидетельствует о действии в языке тенденции к установлению одно-однозначных соответствий между формой и содержанием языковой единицы) войдут в широкое употребление и сделаются нормативными (подробнее об этом см. [Мучник 1963; РЯиСО, кн. 3, § 68]).

Характерная для современной морфологии экспансия флексии *-á (-я)* в именительном падеже множественного числа все более широкого круга существительных мужского рода — пример разрешения конфликта между системой и нормой в пользу системы. Однако в разных сферах русского национального языка этот процесс реализуется с неодинаковой степенью полноты: для профессиональной речи формы на *-á (-я)* естественны и органичны (ср. *взвода́* в языке военных, *пеленга́* — у моряков, *супа́* и *торта́* — у поваров и кондитеров и т. п.), не менее частотны они в просторечии, где возможны даже *очередя́* вместо *очереди* (т. е. экспансии флексии *-á (-я)* подвержены и существительные женского рода), а литературный язык, во-первых, тщательно фильтрует эти формы, пропуская в употребление одни и отсеивая другие, и, во-вторых, значительную часть уже допущенных в оборот форм снабжает разного рода ограничительными пометами типа «разг.», «проф.», «прост.» и т. п., отдавая, таким образом, предпочтение традиционным формам с флексиями *-ы (-и)* для стилистически нейтральных контекстов.

Антиномией кода и текста М. В. Панов обозначил противоречие между набором языковых знаков (фонем, морфем, слов) и текстом, который строится из этих знаков. Чем меньше набор знаков, тем длиннее должен быть текст, и наоборот. В развитии языка действуют две противоборствующие тенденции: к сокращению — и, значит, упрощению — кода (набора знаков) и к сокращению, т. е. упрощению, текста. Разрешается это противоречие то в пользу кода, то в пользу текста.

Известный пример сокращения набора знаков в современной русской лексике — постепенное вытеснение из речевого оборота слов *шурин*, *деверь*, *золовка* и появление на их месте описательных наименований *брат жены*, *брат мужа*, *сестра мужа* (сейчас такому вытеснению стали подвергаться и некоторые другие термины непрямого родства: вместо *тесть* все чаще говорят *отец жены*, вместо *свекор* — *отец мужа*; заметим, однако, что слову *теща*, которое в русской культурно-речевой традиции осложнено множеством коннотативных связей, подобное вытеснение не грозит).

Пример увеличения кода: заимствование иноязычных слов для обозначения понятий, которые по-русски могут быть названы только описательно: *блю-*

минг — вид прокатного стана, *свитер* — вязаная фуфайка, надеваемая через голову, *круиз* — морское путешествие и т. п. (см. об этом [Крысин 1968: 26—30]). Можно было бы в подобных случаях обойтись и без заимствований, не увеличивая число знаков словарного кода. Но в таком случае пришлось бы пойти на удлинение текста — из-за употребления описательных оборотов, обозначающих указанные понятия. Характерно, что в русском языке 20-х гг. преобладали описательные, «разъясняющие» наименования, что было вполне понятно и оправданно в условиях демократизации литературного языка, приобщения к нему широких масс людей, которые раньше не владели литературной нормой (увеличение словаря путем новых иноязычных заимствований означало бы для них еще одну трудность в освоении литературного языка). Русский язык второй половины XX в. идет по пути заимствования иноязычных слов, однозначно прикрепляемых к соответствующим понятиям. Особенно последователен этот процесс в специальных терминологиях ¹⁵.

Действие антиномии кода и текста также небезразлично к тому, в какой языковой подсистеме, в какой речевой среде она проявляется. Как правило, эта антиномия разрешается в пользу кода (он увеличивается) в а с о ц и а л ь н о з а м к н у т ы х коллективах говорящих: ср. парадигматически детализированный и разветвленный словарь в профессиональных и социальных жаргонах, установление одно-однозначных соответствий между означаемым и означающим в специальных терминологиях и искусственных языках. Напротив, в социально не замкнутых, «текучих» коллективах, где языковые привычки говорящих постоянно испытывают воздействие речевых особенностей других групп,вливающихся в состав носителей данной языковой подсистемы, код сокращается, зато текст испытывает тенденцию к удлинению. Это естественно: в речи людей, составляющих подобные текучие коллективы, сохраняются лишь знаки, общие для всех членов коллектива. С помощью этого набора знаков (слов, аффиксов и т. д.) передается любое содержательное сообщение, причем объединение различных знаков, необходимое для выражения тех или иных смыслов (которым нет «однознакового» соответствия в коде), ведет к увеличению текста.

Антиномия к регулярности и к экспрессивности питается соответственно информационной и эмотивной функциями языка. Информационная функция наиболее последовательно выражается с помощью однотипных, стандартных, регулярно образуемых языковых средств (передача информации эффективна

---

¹⁵ Однако в конце 1940-х гг. положение было иным: уже заимствованные термины активно и целенаправленно заменялись русскими описательными названиями: *бульдозер* — *тракторный отвал*, *корнер* — *угловой удар* и т. п.; подробнее об этом см. в наст. кн., с. 139—141.

без наличия «шума», а в качестве такового может выступать неоднозначность или метафоричность языковой единицы, нестандартность ее структуры и т. п.). Эмотивная функция, напротив, в своем выражении опирается на экспрессивную окрашенность языковых единиц, их идиоматичность, т. е. на такие свойства, которые «противопоказаны» стандарту.

«В каждом ярусе языка есть единицы, подчиняющиеся какому-то общему правилу, и единицы, которые регулируются другим, менее сильным правилом. Постоянно действует тенденция уподобить слабую часть системы более сильной, подчиняющейся более общему правилу. Это — тенденция, стимулированная языком в его чисто информационной функции. Если в языке есть агглютинативные и фузионные единицы, то неизбежно возникает стремление обобщить их или в сторону последовательной, полной агглютинативности, или в сторону полной фузионности.

Но такие устремления сталкиваются с противоположными — с постоянной тенденцией сохранить для экспрессивных целей выделенность, “отчужденность” некоторых единиц. Каждая единица языка имеет и чисто информационное, и (в той или иной степени) экспрессивное назначение; следовательно, эта антиномия определяет жизнь каждой единицы языка» [РЯиСО, кн. 1: 27—28].

Пример противоборствующих тенденций к регулярности и к экспрессивности — создание, с одной стороны, упорядоченных систем специальных терминологий в соответствующих подъязыках со строго стандартными дефинициями и «прозрачными» отношениями между терминами внутри тематических групп¹⁶, и, с другой, метафоризация общеупотребительных слов с целью создания экспрессивных профессионально-жаргонных аналогов к официальным терминам.

И эта антиномия, как легко видеть, не асоциальна: при одних условиях развития и функционирования языка, в одних коллективах говорящих легче побеждает тенденция к регулярности, при иных социальных условиях и в иных социальных группах — тенденция к экспрессивности. Так, в развитых литературных языках, особенно в книжной их разновидности, рельефно проявляется тенденция к регулярности: это способствует стабильности литературной нормы, — а в групповых (профессиональных и социальных) жаргонах сильна тенденция к экспрессивности.

Антиномии — наиболее общие закономерности языкового развития. Они, разумеется, не отменяют действия конкретных социальных факторов, формирующих своеобразный контекст эволюции каждого языка. Однако они не явля-

---

¹⁶ Естественно, что каждая конкретная специальная терминология с разной степенью последовательности реализует эти принципы; однако несомненно, что они лежат в основе любой терминотворческой деятельности.

ются и чем-то отдельным от социальных факторов¹⁷: тесное взаимодействие тех и других, «наложение» определенных социальных условий на действие каждой из антиномий и составляет специфику развития и функционирования языка на разных этапах его истории.

В отличие от антиномий, охватывающих своим действием языковую систему в целом, социальные факторы неодинаковы по своему влиянию на язык. Они имеют разную лингвистическую значимость: одни из них, глобальные, действуют на все уровни языковой структуры, другие, частные, в той или иной мере обуславливают развитие лишь некоторых уровней. «Что же надо считать внешними, собственно социальными факторами развития языка? Изменение круга носителей языка, распространение просвещения, территориальные перемещения народных масс, создание новой государственности, по-новому влияющей на некоторые сферы языка, развитие науки и т. д. и т. п. — все это прямо или косвенно меняет условия бытования языка. Число этих социальных факторов, влияющих на язык, огромно» [РЯиСО, кн. 1: 34—35].

Примером глобального социального фактора является изменение состава носителей языка. Оно ведет к изменениям в фонетике, в лексико-семантической системе, в синтаксисе и, в меньшей степени, в морфологии языка¹⁸. Так, изменение состава носителей русского литературного языка повлияло на произношение (в сторону его буквализации), на лексико-семантическую систему (заимствование слов из диалектов и просторечия повлекло за собой перестройку парадигматических и синтагматических отношений внутри словаря), на синтаксис (в литературный оборот были вовлечены конструкции, до тех пор распространенные в просторечии и диалектах; кроме того, под влиянием профессионального речевого узуса ускорилось развитие и распространение ряда новых для литературного языка конструкций), на морфологию: например, увеличилась частотность форм им. пад. мн. ч. существительных м. р. на *-а* (*-я*), особенно характерных для просторечия и для профессиональных языков, т. е. тех языковых образований, носители которых влились в новый состав говорящих на литературном языке (подробнее об этом см. [РЯиСО]).

---

¹⁷ «Не следует думать, — писал академик В. В. Виноградов, — что законы развития языка, вытекающие из его общественной сущности, из его общественных функций, и законы, вытекающие из структуры языка, — это разные, взаимно не связанные закономерности как бы разных планов функционирования языка. На самом деле они взаимно обусловлены и неразрывны» [Виноградов 1952: 33].

¹⁸ Общеизвестно, что морфологическая система наиболее устойчива к внешним влияниям. Поэтому даже те социальные факторы, действие которых проявляется на всех других уровнях языковой структуры, в области морфологии имеют минимальные рефлекссы.

Пример частного социального фактора — изменение традиций усвоения литературного языка. Раньше преобладала устная традиция — во внутрисемейном общении. В новых социальных условиях, после революции, стала распространяться и даже преобладать форма приобщения к литературному языку через книгу. Этот фактор повлиял главным образом на нормы произношения: наряду с традиционными произносительными образцами стали распространяться новые, более близкие к орфографическому облику слова: например, произношение [шн] в словах типа *коричневый, сливочное* (масло), *гречневая* (каша) и подобных было вытеснено произношением [чн]; в словах *скучно, скучный, булочная, прачечная* и нек. др. процесс такого вытеснения наблюдается в наши дни.

Итак, в той социолингвистической концепции развития и функционирования языка, которую мы только что (по необходимости кратко) изложили, основной упор делается на тесное взаимодействие собственно языковых закономерностей (антиномий) и социальных факторов; последние понимаются как условия, способствующие (или, напротив, препятствующие) проявлению той или иной внутренней закономерности языка.

3.2.2. В современной американской социолингвистике наиболее популярной теорией языкового развития является теория У. Лабова. Отталкиваясь от «ахронического» подхода к языку, представленного в порождающей грамматике Н. Хомского, и достаточно основательно критикуя Хомского и его последователей за их пренебрежение к языковой реальности, У. Лабов предлагает концепцию языкового развития, основанную на тщательно проанализированных данных о действительной, живой речи современных американцев. Хотя У. Лабов рассматривает в основном изменения фонетические, их интерпретация представляет интерес и в более широком плане, с точки зрения эволюции языка вообще.

У. Лабов исходит из того, что изменения в структуре языка не могут быть правильно поняты без учета данных о языковом коллективе, пользующемся этим языком. Так, изменения в фонологической системе можно проследить, лишь наблюдая за речью изучаемого коллектива носителей в течение более или менее длительного времени, сравнивая произносительные характеристики этой речи на разных временных срезах. Исследуя полученный таким путем материал, социолингвист сталкивается с необходимостью решить три проблемы: (1) проблему перехода: как, каким путем один этап языкового изменения сменяется другим? (2) проблему контекста: надо найти «непрерывную матрицу социального и языкового поведения, в которую заключено языковое изменение», и (3) проблему оценки: как говорящие оценивают те языковые факты, которые наблюдает исследователь? [Лабов 1975: 201—202].

Решая эти проблемы на примере анализа речи небольшого коллектива говорящих на американском варианте английского языка, У. Лабов выделяет такие этапы, характеризующие механизм языкового изменения:

- 1) начало изменения — в ограниченной подгруппе языкового коллектива; данная языковая форма усваивается всеми членами подгруппы;
- 2) последующие поколения говорящих внутри той же подгруппы воспринимают данное изменение как признак речи старшего поколения;
- 3) в той мере, в какой ценности данной подгруппы воспринимаются другими подгруппами, данное языковое изменение распространяется в эти подгруппы;
- 4) затем сфера распространения новшества совпадает с границами языкового коллектива;
- 5) под влиянием новшества происходит перестройка в фонологической системе языка, обслуживающего данный коллектив;
- 6) структурные перегруппировки влекут за собой новые изменения, связанные с первым.

Однако на этом эволюционный процесс не заканчивается: важен социальный статус той подгруппы, внутри которой зародилось данное изменение. Если эта подгруппа не занимает господствующего положения, то члены привилегированных подгрупп подвергают измененную форму осуждению. Этим осуждением начинается процесс исправления измененных форм «в сторону образцов, которых придерживается группа с наивысшим социальным статусом, то есть образцов, пользующихся престижем» [Лабов 1975: 225]. Отсюда — путь к стилистическому разграничению: престижный образец используется в полных, официальных стилях речи, а новшество, одобряемое лишь частью говорящих (определенной их подгруппой), имеет распространение в непринужденной речи. Если изменение возникает в группе, имеющей высший социальный статус, то оно становится господствующим образцом для всех членов данного языкового коллектива.

Давая эту схему механизма языкового изменения, У. Лабов подчеркивает, что «внутренние (структурные) и социолингвистические факторы в процессе языкового изменения вступают в систематическое взаимодействие друг с другом» [там же: 228]. Эта мысль объединяет теорию У. Лабова с теорией «языковых антиномий», о которой шла речь выше. Однако сама по себе предложенная У. Лабовым схема вряд ли может претендовать на статус универсального представления всякого языкового изменения: новшества в фонетической системе (или на каком-либо другом уровне языковой структуры) могут проходить и через другие этапы, становясь достоянием коллектива говорящих. Но, конечно, — и У. Лабов здесь, бесспорно, прав — языковое изменение происходит в соци-

альном контексте, и «нельзя вначале произвести анализ структурных соотношений внутри языковой системы, а потом обратиться к внешним факторам» [там же].

С точки зрения функционирования языка в разных группах говорящих и сосуществования в одном языковом обществе различных норм и «систем ценностей» интересно исследование У. Лабова о влиянии социальной мобильности на речь носителей современного американского варианта английского языка (см. [Labov 1966a]). Согласно результатам этого исследования, та часть населения, которая социально движется «снизу вверх», «воспринимает нормы внешней референтной группы — как правило, нормы группы, более высокой по социальному уровню». Те говорящие, которые «социально стабильны», обнаруживают тенденцию к тому, чтобы придерживаться своих собственных языковых норм, «более точно — к достижению некоего баланса собственных и внешних норм, который находит себе отражение в речевой практике, лишенной значительных стилистических колебаний». Наконец, носители языка, для которых характерно социальное перемещение «сверху вниз» (т. е. в более низкие социальные слои), не воспринимают большую часть нормативных моделей, которые усвоены другими группами населения [там же: 202].

Из этих наблюдений У. Лабов делает вывод, что в условиях современного города «языковая стратификация является отражением скорее систем социальных ценностей, чем систем социального существования» [там же]. Иначе говоря, в языковых различиях, обусловленных социальными причинами, получают отражение не прямо различия в экономическом и социальном статусе групп говорящих, а различия в ценностной ориентации, присущей каждой такой группе.

3.2.3. Сравнение советской и американской концепций языкового развития и функционирования даже при том фрагментарном изложении, которое дано выше, выявляет некоторые сходства и различия этих концепций.

Основное сходство заключается в том, что и та и другая школа социолингвистики исходит из представления о сложном характере взаимоотношений языка и общества, об отсутствии прямых аналогий и жестких зависимостей между социальными и языковыми процессами и структурами, о многоступенчатости влияния изменений, происходящих в обществе в целом и в отдельных его группах, на изменения в языке.

При этом для советской социолингвистики, опирающейся на материалистический подход к интерпретации языковых фактов, характерно преимущественное внимание к макропроцессам, протекающим в языке и обществе, а многие представители американской социолингвистики (и в их числе У. Лабов) более склонны к анализу микропроцессов, которые характеризуют социальную и языковую жизнь сравнительно небольших человеческих групп.

СОЦИАЛЬНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ ПОДСИСТЕМ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА И ИХ ГРАНИЦ

Прежде чем приступить непосредственно к теме нашего описания, вынесенной в название главы, необходимо сказать несколько слов о термине «подсистема», которым мы будем пользоваться.

Под этим термином понимается такая разновидность языка, которая имеет своих носителей. Этим свойством подсистема отличается от стиля: стилевые различия наблюдаются в речи одних и тех же лиц. Например, у таких языковых образований, как литературный язык и просторечие, — разные коллективы носителей; с другой стороны, такими стилями русского литературного языка, как официально-деловой и публицистический, владеют одни и те же говорящие.

Надо сказать, однако, что не все языковые образования можно однозначно различить по указанному принципу. Так, профессиональные жаргоны обладают одновременно и признаком, по которому выделяются языковые подсистемы: они имеют своих носителей, — и признаком, характерным для стиля: лица, владеющие каким-либо профессиональным жаргоном, диглоссны, т. е. они владеют и еще каким-либо средством коммуникации, обычно литературным языком.

В современных условиях, когда все больше разрушаются жесткие границы между различными языковыми образованиями, формирование в языке таких «двуединых» функциональных сущностей, как профессиональные жаргоны, — весьма распространенное явление ¹.

---

¹ В связи с этим заметим, что предложенный М. А. Хэллидеем критерий разграничения социальной и стилистической варьированности языка, как кажется, слишком пря-

В большинстве работ, затрагивающих проблему социального и функционального членения русского национального языка, выделяются следующие подсистемы (или, как их еще иногда называют, формы существования) русского национального языка: литературный язык, территориальные диалекты, городское просторечие, социальные жаргоны. Это членение мы находим не только в специальных лингвистических и социолингвистических исследованиях, но и во всех учебниках и учебных пособиях по русскому языку для вузов.

Хотя выделение указанных подсистем в целом верно отражает картину социальной и функциональной дифференцированности русского языка, в таком членении недостает историзма, исторической перспективы: совершенно очевидно, что содержание таких понятий, как «литературный язык», «территориальный диалект», «просторечие», «социальный жаргон», различно, имеем ли мы в виду русский язык середины XIX в. или же современный русский язык. Между тем в ряде работ, посвященных социальной дифференциации современного русского языка, при рассмотрении, скажем, социальных жаргонов фигурирует материал из языка офеней, шаповалов, шерстобитов и др.; при анализе взаимоотношений между литературным языком и территориальными диалектами и тот и другие рассматриваются как жестко разграниченные языковые образования (при этом в качестве исходного принимается постулат о внутренней гомогенности каждого из этих образований); при описании городского просторечия также преобладает ретроспективный взгляд на эту подсистему русского языка как на коммуникативное средство, используемое той частью населения города, которая не имеет образования.

Очевидно, что в современных условиях указанные подсистемы изменили свою языковую и социальную природу. Так, литературный язык, относительно периода конца XIX — начала XX в. рассматривавшийся как единое образование, сейчас отчетливо подразделяется на две самостоятельные разновидности — книжную и разговорную. Территориальные диалекты, подвергшиеся сильнейшему расшатывающему и нивелирующему влиянию литературного языка, почти нигде не существуют в чистом виде — все большее распространение получают промежуточные образования, совмещающие черты диалекта, литературной речи и просторечия. Среди социальных жаргонов корпоративные «языки», вроде «языка» офеней, не имеют социальной базы для своего существования (хотя бы «реликтового»), зато получают развитие различные формы профессионального просторечия, и в социальном, и в функциональном отноше-

---

молинен: Хэллидей считает, что разновидности, образующиеся в соответствии с различиями между пользователями (users) языка, являются диалектами, а разновидности, обязанные своим существованием разным способам использования (uses) языка, — стилями (см. [Halliday et al. 1970: 141 и след.; Halliday 1978: 183]).

нии принципиально отличающиеся от корпоративных жаргонов. Наконец, социальный статус просторечия и его языковая сущность за последние полстолетия претерпели столь значительные изменения, что в русистике иногда ставится под сомнение само существование городского просторечия (подробнее см. ниже, с. 346—362).

Рассматривая ниже социальную дифференциацию современного русского языка ², мы будем характеризовать каждую из выделяемых подсистем в двух отношениях: 1) с точки зрения социального субстрата (кто, какие социальные слои и группы русскоязычного общества являются носителями данной подсистемы) и 2) с точки зрения различий в наборе коммуникативных средств и в характере их использования. Все другие вопросы, связанные как с дифференциальными свойствами различных подсистем, так и с их функционированием и имеющие в современной русистике громадную литературу, в данной работе не рассматриваются.

2. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Понятие литературного языка может определяться как на основе лингвистических свойств, присущих данной подсистеме национального языка, так и путем отграничения совокупности носителей этой подсистемы, выделения ее из общего состава людей, говорящих по-русски. Первый способ определения лингвистичен, второй социологичен.

Примером лингвистического подхода к выяснению сущности литературного языка может служить определение, данное М. В. Пановым: «...Если в одной из синхронных разновидностей языка данного народа преодолевается нефункциональное многообразие единиц (оно меньше, чем в других разновидностях), то эта разновидность служит литературным языком по отношению к другим» [Панов 1966: 56].

В этом определении имплицированы такие важные свойства литературного языка, как его последовательная нормированность (не просто наличие единой нормы, но и ее сознательное культивирование), общеобязательность его норм для всех говорящих на данном литературном языке, коммуникативно целесообразное использование средств (оно вытекает из тенденции к их функциональному разграничению) и нек. др. Определение обладает большой диффе-

---

² Изменения в функциональной и социальной дифференциации претерпевают и другие современные языки. Так, А. Д. Швейцер, исследуя систему форм существования английского языка в США, отмечает все большее размывание границ между этими формами [Швейцер 1983: 53]. См. также [Миронов 1981; Нецименко 1985; Серебрянников 1970] и др.

ренцирующей силой: оно четко отграничивает литературный язык от других социальных и функциональных подсистем национального языка.

С точки зрения целей социолингвистического исследования языка собственно лингвистический подход к определению языковых подсистем и, в частности, литературного языка, недостаточен: он не дает ответа на вопрос, кого же, какие слои населения надо считать носителями данной подсистемы, и в этом смысле определения, основанные на чисто лингвистических соображениях, неоперациональны. Поэтому при решении задач социолингвистического изучения современного русского языка был предложен иной, «внешний» критерий определения понятия «литературный язык» — через совокупность его носителей (см. [Крысин 1968а: 14; Земская 1968: 37]).

В соответствии с этим критерием современный русский литературный язык — это та подсистема русского национального языка, на которой говорят лица, обладающие следующими тремя признаками: 1) русский язык является для них родным; 2) они родились и/или длительное время (всю жизнь или большую ее часть) живут в городе; 3) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке.

Такое определение соответствует традиционному представлению о литературном языке как языке образованной, культурной части народа. Однако лингвисту, который привык иметь дело с достаточно абстрактными сущностями вроде нормы, кодификации и т. п., выделенные признаки могут показаться чересчур нелингвистичными и при этом огрубляющими, «заземляющими» понятие литературного языка, делающими это понятие излишне широким. Поэтому имеет смысл обсудить данное выше определение более подробно, обосновав (1) необходимость каждого из выделенных признаков, (2) их достаточность и (3) указав на лингвистические следствия, вытекающие из этого определения и касающиеся природы того, что мы называем литературным языком.

(1). Во-первых, наблюдения показывают, что лица, для которых русский язык не родной, даже в том случае, когда говорящий владеет им свободно, обнаруживают в своей речи черты, в той или иной степени обусловленные влиянием родного языка (см. об этом, например, [Махароблидзе 1963; Тулина 1966; Методы 1976; Взаимодействие 1969] и др.). Это лишает исследователя возможности считать таких людей однородными в языковом отношении с лицами, для которых русский язык родной.

Во-вторых, вполне очевидно, что город способствует столкновению и взаимному влиянию разноречивых речевых стихий, смешению диалектов. Влияние языка радио, телевидения, прессы, речи образованных слоев населения в городе проявляется гораздо интенсивнее, чем в деревне. Кроме того, в

деревне литературному языку противостоит организованная система одного диалекта (хотя и — в современных условиях — значительно расшатанная воздействием литературной речи), а в городе — своего рода интердиалект, составляющие которого находятся между собой в неустойчивых, меняющихся отношениях. Это приводит к нивелировке диалектных речевых черт или к их локализации (ср. «семейные языки») ³ либо к полному их вытеснению под давлением литературной речи. Поэтому люди, хотя и родившиеся в деревне, но всю свою сознательную жизнь живущие в городе, также должны быть включены — наряду с коренными горожанами — в понятие «жители городов» и, при прочих равных условиях, в понятие «носители литературного языка».

В-третьих, критерий «высшее или среднее образование» представляется необходимым потому, что годы учения в школе и вузе способствуют более полному, более совершенному овладению нормами литературного языка, устранению из речи человека черт, противоречащих этим нормам, отражающих диалектный или просторечный узус.

(2). Если необходимость трех указанных выше признаков в качестве совокупного критерия для выделения общности говорящих на литературном языке как будто не может вызвать сомнений, то их достаточность требует более детальных обоснований. И вот почему.

Интуитивно совершенно ясно, что внутри таким образом выделенной общности достаточно велики различия в степени владения литературной нормой. В самом деле, университетский профессор и рабочий со средним образованием, журналист и писатель, профессионально имеющие дело со словом, и заводской инженер или геолог, профессии которых не основываются на использовании языка, учитель-словесник и шофер такси, коренной москвич и выходец из костромской деревни, с детства живущий в Москве, — все эти и другие представители разнородных социальных, профессиональных и территориальных групп оказываются у нас объединенными в одну совокупность «носители литературного языка». А между тем очевидно, что владеют они этим языком по-разному и мера приближения их речи к идеально литературной весьма различна. Они располагаются как бы на разном расстоянии от «нормативного ядра» литературного языка: чем глубже языковая культура человека, чем прочнее его

---

³ Локализация диалектной речи происходит и в условиях говора, в особенности у молодых его носителей: под влиянием школьного образования, радио, телевидения диалектные речевые черты замещаются литературными. Однако последние выступают не в качестве постоянных, а в качестве ситуативно обусловленных элементов: в школе, в разговорах с приезжими, во время поездок в город и т. п. подросток стремится использовать именно эти, новые для него средства, но среди «своих», в семье особенно, он переходит с осваиваемого литературного языка на диалект.

профессиональная связь со словом, тем ближе его речь к этому ядру, тем совершеннее владение литературной нормой и, с другой стороны, тем обоснованнее сознательные отступления от нее в практической речевой деятельности.

Понятно, что далеко не все, кого мы причислили к кругу носителей литературного языка, отличаются этими качествами. Что же объединяет столь разнородные и в социальном, и в профессиональном, и в культурном отношении группы людей, помимо выдвинутых нами трех признаков? Все они в своей речевой практике следуют литературной языковой традиции (а не, скажем, диалектной или просторечной), ориентируются на литературную норму⁴. Разумеется, «следование» это различно и по характеру, и по тем результатам, которые можно наблюдать в речи тех или иных групп. Можно было бы, конечно, считать литературной речью лишь высокообразованных, высококультурных людей, как, например, это делают некоторые английские лингвисты (см. об этом [Земская 1968: 36]). Но в таком случае «за бортом» оказались бы многочисленные слои нашего общества, язык представителей которых — не территориальный диалект, не просторечие, не профессиональный или социальный жаргон, а... что? Образование, промежуточное между литературным языком и всеми названными подсистемами русского национального языка? Для ответа на такой вопрос, утвердительного или отрицательного, необходимо было бы провести специальные исследования.

В настоящее время мы располагаем некоторыми данными, свидетельствующими о том, что язык той совокупности, которая выделена по трем указанным выше признакам, — это русский литературный язык. Речь идет о принятом в начале 60-х гг. по инициативе и под руководством М. В. Панова и завершеном в начале 70-х гг. массовом обследовании говорящих по-русски. Результаты обследования отражены в четырехтомной монографии «Русский язык и советское общество», в ряде сборников, а также в книге «Русский язык по данным массового обследования».

Поскольку в специальной литературе отсутствовало (и отсутствует до сих пор) такое определение понятия «литературный язык» и понятия «носитель литературного языка», которое было бы пригодно для целей социолингвистического анализа, исследователи, осуществлявшие массовое изучение говорящих, предположили, что носитель литературного языка должен обладать по крайней мере тремя (названными выше) признаками. Предположение это

---

⁴ В прошлом ориентация на норму не была единственной тенденцией в языковой практике носителей литературного языка. Так, на рубеже XVIII—XIX вв., т. е. в эпоху формирования русского литературного языка, для такой авторитетной в культурном и языковом отношении группы деятелей русского общества, как карамзинисты, была характерна «принципиальная установка на узус, а не на стабильную норму» [Успенский 1985: 30].

полностью подтвердилось: речевые навыки обследованных людей оказались в целом нормативными, соответствующими современному литературному узусу.

При этом, однако, было выяснено одно важное свойство русского литературного языка наших дней: в отличие от таких языков, как, например, латинский, использовавшийся в качестве литературного в ряде стран средневековой Европы, а также от искусственных языков типа эсперанто, которые изначально литературны и не имеют ветвления на функциональные или социальные подсистемы, — русский литературный язык гетерогенен (по всей видимости, это свойство присуще многим современным литературным языкам, о чем свидетельствуют многочисленные исследования последнего времени⁵).

На первый взгляд кажется, что этот вывод противоречит главной аксиоме, связанной со статусом литературного языка, — аксиоме о единстве и общеобязательности нормы для всех говорящих на литературном языке, о его кодифицированности как об одном из основных свойств. Однако в действительности никакого противоречия здесь нет. Напротив, и названная аксиома, и свойство гетерогенности не только прекрасно уживаются вместе, но и дополняют, поддерживают друг друга.

В самом деле, рассмотренное с собственно языковой, коммуникативной и социальной точек зрения свойство гетерогенности литературного языка оборачивается такими характернейшими для него явлениями, как вариативные способы выражения одного и того же смысла (на этом покоится система перифразирования, без которой немислимо подлинное владение любым естественным языком), множественность реализации системных потенций, стилистическая и ситуативная градация средств литературного языка, использование некоторых разрядов языковых единиц как средств социального символизма (ср. социальные различия в способах прощания, предусматриваемых нормой современного русского литературного языка: от социально не маркированного *до свиданья* до разговорного *пока* и жаргонных *хоп* и *чао*) и т. п.

«Наличие вариантов и гетерогенных структур в уже изученных языковых коллективах есть, разумеется, твердо установленный факт, — пишет У. Лабов. — Можно сомневаться лишь в том, существуют ли языковые коллективы иного рода». И дальше: «...гетерогенность — это не только обычный, но и естественный результат действия основных языковых факторов... отсутствие стилевых сдвигов и многослойных систем общения является нарушением естественной жизни языкового организма» [Лабов 1975: 114, 115].

Норма литературного языка, обладая свойством единства и общеобязательности, не запрещает, а предполагает различные, вариативные способы речи. И

---

⁵ Из работ, посвященных функциональной дифференциации современных литературных языков см. [Функциональная стратификация 1985].

с этой точки зрения вариативность — как одно из проявлений более общего свойства гетерогенности — естественное, нормальное явление в литературном языке. «Допустимость исторически обусловленных вариантов, — писал А. Едличка, — вообще не может быть подвергнута сомнению, она связана с признанием динамического характера норм, с признанием эволюционных процессов, совершающихся в литературном языке. Включение исторически обусловленных вариантов в норму должно рассматриваться как средство снять противоречие между статичной по своей сущности кодификацией и динамичной нормой, как средство отразить внутреннюю динамику нормы. Развитие нормы совершается именно благодаря вариантам, они являются, как правило, переходными формами от одного качества к другому...» [Едличка 1967: 553].

(3). Гетерогенность литературного языка проявляется не только в функциональной его поливалентности, не только в хорошей приспособленности к целям перифразирования, к стилистическому варьированию и т. п., но и в локально и социально обусловленной вариативности его: при общем и едином наборе средств литературного языка (фонетических, лексических, грамматических) и правил их использования эти средства различаются частотностью употребления их разными группами говорящих.

Поскольку это достаточно наглядно показано в ряде предшествующих работ (см. [РЯДМО; СЛИ; Крысин 1973, 1980]), на этой особенности современного русского литературного языка мы останавливаться не будем. Подчеркнем лишь, что локальное и социальное варьирование литературного языка является результатом территориальной и социальной неоднородности коллектива говорящих на нем людей. Это одно из тех лингвистических следствий социолингвистического подхода к выяснению природы литературного языка, о которых мы упомянули выше.

Другое следствие — наличие в наборе средств, используемых выделенной нами совокупностью говорящих, наряду с традиционно литературными, таких, которые находятся на грани нормы и ненормативных форм речи (диалектов или просторечия). Доля этих средств невелика; однако важно в принципе оценить их совместимость с понятиями «норма», «литературный язык», их статус в речи носителей литературного языка.

Приведем несколько примеров.

В речи академика В. В. Виноградова наблюдалась одна фонетико-морфологическая особенность: в непринужденной обстановке, так сказать — при снятом контроле, он мог произнести *пáл[к'и]ми*, *вéт[к'и]ми* (вместо *пáл[кь]ми*, *вéт[кь]ми*), тем самым обнаруживая в своей речи следы влияния южнорусских диалектов (В. В. Виноградов был уроженцем Рязанской губернии). Вместе с тем во всех остальных отношениях это был носитель образцового литературного языка, в том числе и орфоэпической его нормы.

К. И. Чуковский, родившийся в Петербурге, но с раннего детства до двадцати лет живший в Одессе, на всю жизнь сохранил в своей речи, главным образом в произношении, некоторые черты, обычно квалифицируемые как результат южнорусского (и украинского) языкового влияния. Он, например, произносил мягкий [ц'] в словах типа *станция*, *порция*, говорил [ш'ч'] *ёдрый*, а не [ш'] *ёдрый*, *ко[ш'ч']унственный*, а не *ко[ш']унственный*⁶. Был ли он носителем литературного языка? Бесспорно.

А принадлежат ли к кругу лиц, владеющих литературным языком, оказавший В. Солоухин; широко пользующийся (в нейтральной устной речи и даже в выступлениях с трибуны) диалектной сибирской лексикой В. Астафьев; знающие только [γ] фрикативное поэт А. Жигулин, журналист В. Песков и другие уроженцы южнорусских областей, ставшие писателями, учеными, общественными деятелями? Вне всяких сомнений: ведь во всех остальных отношениях их речь последовательно литературна.

Что же получается? Мы говорим о строгой нормативности литературного языка и вместе с тем признаем носителями этого языка людей, в речи которых наблюдаются факты, отклоняющиеся от нормы.

Здесь самое время поговорить об изменении в статусе русского литературного языка — современного, в отличие от дореволюционного.

Носителями русского литературного языка до революции были образованные слои имущих классов, в основном — буржуазно-дворянская интеллигенция [Поливанов 1968: 213]. Круг говорящих на литературном языке был сравнительно невелик, ясно, что при таком условии легче сохранялось единство нормы. После революции происходит процесс демократизации состава носителей литературного языка. Е. Д. Поливанов указывает на расширение этого состава по двум линиям — социальной («красная интеллигенция», культурные верхи рабочего класса и крестьянства) и национальной (освоение русского литературного языка представителями многочисленных национальностей нашей страны) [там же: 213—214].

Новые слои населения, приобщавшиеся к литературному языку, одновременно привносили в литературный речевой оборот свои языковые навыки, которые имели корни в диалектах, просторечии, профессиональных жаргонах. Это, естественно, расшатывало традиционную литературную норму. И хотя к 30-м гг. наблюдается явная тенденция к ее стабилизации, изменения в контингенте носителей литературного языка не прошли бесследно: меняется состав средств, квалифицируемых как нормативные, меняются традиции усвоения

---

⁶ Современная орфоэпическая норма снисходительна к такому произношению лишь в случаях, когда [ш'ч'] произносится на стыке морфем, а не внутри корня, как в приведенных примерах (см. [Аванесов 1984; Орфоэпический словарь русского языка 1989]).

литературного языка (раньше преимущественно в семье, от старшего поколения к младшему, теперь, в новых условиях, — преимущественно через книгу, через образование; подробнее об этом см. [РЯиСО, т. 1; Крысин 1967]).

Перестав быть привилегией имущего класса, литературный язык начал обслуживать слои нового общества, различающиеся по своим социальным, географическим, профессиональным характеристикам, по уровню образования и культуры. Хотя основным носителем литературного языка продолжает оставаться интеллигенция, им пользуются и культурные слои рабочего класса, и значительные по численности группы учащейся молодежи ⁷.

Иначе говоря, состав носителей современного русского литературного языка и количественно, и качественно иной, чем состав литературно говорящих в начале XX в. Естественно, что неоднородность нового состава проявляется в том, как различные социальные и территориальные его группы используют литературный язык. Более того, речевая практика людей, пользующихся литературным языком, обгоняет нормативные рекомендации: в их речи могут появляться элементы, не предусмотренные ею, запрещаемые ею, отражающие тенденции развития современного просторечия или каких-либо иных разновидностей живой речи.

Одним из таких элементов является, например, [γ].

Пополнение контингента носителей литературного языка за счет выходцев из южнорусских областей сделало этот фонетический элемент необычайно распространенным в современном произношении. Как к нему относиться? Нормативная точка зрения не знает здесь колебаний: так же, как и его глухой позиционный вариант [x] (*сне[x]*, *пиро[x]*), [γ] находится за пределами литературного произношения. Стало быть, если пользоваться [γ] фрикативным как индикатором, то необходимо исключить из состава носителей литературного языка всех, чья речь содержит этот звук. Чистота произносительной нормы тем самым останется в неприкосновенности. Но заметим, чистота нормы как

---

⁷ Демократизация состава носителей и самих норм, которую переживают многие современные литературные языки, дает некоторым исследователям основание для утверждений о том, что литературные языки перестают быть литературными и превращаются в «общие» (см., например, [Вајегова 1972]). Однако такая точка зрения вряд ли верна: во-первых, даже при самых глубоких и интенсивных процессах демократизации сохраняются не только нормы литературного языка, но и сознательная установка общества на его нормативность, последовательная кодификация литературных норм; во-вторых, неясно, что такое «общий» язык, каковы его социальные и лингвистические признаки; в-третьих, и в этом «общем» языке мы неизбежно обнаружим различия, свидетельствующие о его социальной и функциональной неоднородности. Так что подмена термина «литературный язык» термином «общий язык» неправомерна ни содержательно, ни методологически.

идеала, как теоретического конструкта. Реальная же речевая практика с этим идеалом не совпадает и нередко весьма далека от него (как говорил Ж. Вандриес, правильный язык — идеал, к которому стремятся, но которого не достигают). А задача социолингвистического исследования состоит как раз в изучении языковой практики, действительной языковой жизни народа.

Поэтому наряду со строго нормативной точкой зрения на факты, подобные [γ] фрикативному, возможен — а для социолингвистики и наиболее плодотворен — иной подход: изучать литературную речь (точнее, речь носителей литературного языка) во всем ее многообразии, в различных социальных и локальных проявлениях, при этом, разумеется, не теряя из виду «точку отсчета» и соответствующим образом квалифицируя факты в их отношении к литературной традиции и норме.

Так и поступают некоторые современные исследователи⁸. Они отмечают и другие (помимо [γ]) элементы, которые свидетельствуют о локальном варьировании общерусского литературного языка. Например, ленинградские русисты, в течение ряда лет изучающие проблему варьирования фонетической системы русского языка, пришли к выводу, что «некоторые региональные особенности произношения являются распространенными и устойчивыми. Так, речь жителей городов, относящихся к северному региону, характеризуется в первую очередь своеобразием ударного и безударного вокализма (рецидивы оканья⁹. — Л. К.), произношение жителей городов, расположенных на территории южнорусского наречия, — наличием устойчивых консонантных черт»: [γ] вместо з, [в] перед глухими и в конце слова, ослабленность аффрикат: *при-вы[ш']но, дево[ш']ка* и т. п. [Вербицкая и др. 1984: 79—80].

Правда, здесь говорится о речи городских жителей вообще без выделения носителей литературного языка. Однако, по нашим наблюдениям и данным других исследователей, и речь интеллигенции таких городов, как Ярославль, Кострома, Вологда, содержит достаточно яркие рецидивы оканья, а в произно-

---

⁸ Например, Н. Б. Парикова отмечает [γ] и [х] (как корреляты [γ]) в произношении носителей литературного языка — жителей юга России [Парикова 1966: 129—130]. Более того, вообще для значительного круга носителей литературного языка использование [γ] оказывается «вполне обычной чертой, не нарушающей престиж культурности» [Земская и др. 1981: 24].

⁹ По мнению диалектологов, причины сохранения оканья в речи людей, которые овладели литературной нормой, состоит в том, что «кроме различия в физически произносимых звуках, оканье характеризуется по большей части также и особым распределением экспираторной силы между ударенным и безударными слогами и лишь весьма незначительным выделением ударенного слога по силе, создающим особую тесную связь гласных ударенных и безударных слогов, что является чертой, не осознаваемой говорящими...» [Орлова, Строганова 1961: 411].

шении интеллигентов-калужан, воронежцев, тамбовцев обнаруживаются следы влияния южнорусской диалектной речи — в виде тех фонетических примет, о которых пишут ленинградские ученые¹⁰.

Итак, предлагая социологическую по своей природе интерпретацию понятия «литературный язык» и очерчивая, с помощью трех социальных признаков, довольно широкий круг лиц, которых следует считать носителями литературного языка, мы тем самым постулируем принципиальную гетерогенность этой подсистемы русского национального языка.

Гетерогенность имеет как социальные, так и языковые проявления; она отражается по крайней мере в трех основных формах: 1) неоднородности состава носителей — субстратная гетерогенность; 2) в варьируемости языковых средств в зависимости от социальных характеристик говорящих (возраста, социальной принадлежности, профессии, уровня образования, территориальной характеристики и др.) — социальная, или стратификационная [Лабов 1975], гетерогенность; 3) в варьируемости языковых средств в зависимости от коммуникативных и стилистических факторов — функциональная гетерогенность (по другой терминологии — ситуативная вариативность: см. [Швейцер 1976: 78—79]).

О первой и второй формах мы уже достаточно говорили выше; кроме того, этому посвящены некоторые предыдущие наши работы (см. [РЯДМО; Крысин 1970, 1973]). Третья форма гетерогенности — функциональная — широко обсуждается в ряде работ в связи с социоллингвистическим подходом к вопросам функциональной стилистики (см. [Винокур 1974; Долинин 1978; Швейцер 1976; Функциональная стратификация 1985]) и с исследованием разговорной речи ([Земская 1968, 1979; РРР-1973] и др.). Мы коснемся ее здесь лишь в связи с нашей непосредственной задачей — характеристикой литературного языка как одной из социально обусловленных подсистем русского национального языка.

Не имея целью хотя бы в малой степени отразить все многообразие точек зрения на характер функциональной дифференциации литературного языка (за-

---

¹⁰ Наблюдения над современной литературной речью, свидетельствующие о некоторых локальных ее особенностях, содержатся также в [Чуркина 1969; Ерофеева 1979; Григорьева 1980; Игнаткина 1982; Жильцова 1986]. Ср. также: «...литературная речь очень многих представителей современной советской интеллигенции, подчас довольно искусная», обнаруживает «некоторые (чаще фонетические) особенности родного говора (например, следы еканья, диссимилиативного аканья, “г” фрикативного...)» [Коготкова 1970: 105—106]. Автор имеет в виду выходцев из диалектной среды, однако сюда надо прибавить и многих лиц, хотя и родившихся в городе, но постоянно живущих в близком соседстве с говорами: ср. диалектное окружение таких небольших, но старых городов, как Углич, Кологрив, Великий Устюг в регионе к северу от Москвы, и Тулы, Калуги, Ельца и др. — в регионе к югу и юго-востоку от Москвы.

метим только, что число исследований по этой проблематике чрезвычайно велико; обзор их см., например, в [Туманян 1985: 170—213]), да и не ставя себе такой задачи, укажем лишь на основные функциональные разновидности современного русского литературного языка.

Членение последнего в функционально-стилистическом отношении «ступенчато»: первое, наиболее очевидное, — это дихотомия книжно-письменного и разговорного языков. Называя это разделение литературного языка на две функциональные разновидности «самым общим и самым бесспорным», Д. Н. Шмелев пишет по этому поводу: «...на всех этапах развития литературного языка, даже при преодолении так или иначе проявлявшейся отчужденности языка письменности, при потускнении ореола просто грамотности и владения особым книжным языком, у говорящих в общем никогда не исчезает ощущение различия между тем, “как можно сказать”, и тем, “как следует написать”» [Шмелев 1977: 20].

Книжный язык — достижение и достояние культуры. Он основной носитель и передатчик культурной информации. Все виды непрямого, дистантного общения осуществляются средствами книжного языка. Научные труды, художественную литературу, деловую переписку, законодательство, газетно-журнальную продукцию и даже такие устные по форме, но в целом строго кодифицированные сферы использования литературного языка, как радио и телевидение, невозможно себе представить без книжного языка.

Современный книжно-литературный язык — это мощное средство коммуникации. В отличие от другой разновидности — разговорного литературного языка (и тем более в отличие от таких подсистем национального языка, как диалекты и просторечие), он пол и ф у н к ц и о н а л е н: он пригоден для использования в самых разных сферах общения, для разных целей и для выражения самого разнообразного содержания. Письменная форма как основная форма реализации книжного языка обуславливает еще одно важное его свойство: письмо «удлиняет время жизни каждого текста (устная традиция постепенно меняет текст); тем самым оно усиливает способность литературного языка быть связью между поколениями» [Панов 1972: 14].

Разговорная разновидность литературного языка достаточно давно в науке о русском языке отграничивалась от книжной. Однако лишь во второй половине XX в. она получает интерпретацию как самостоятельная и самодостаточная система — внутри общей системы литературного языка, — со своим набором единиц и правилами их сочетания друг с другом, используемая носителями литературного языка в условиях непосредственного, заранее не подготовленного общения при неофициальных отношениях между говорящими (см. [PPP-1973: 9; PPP-тексты 1978: 4]).

Добавим к этому, что, в отличие от книжного, разговорный литературный язык не является предметом кодификации: в нем, безусловно, действуют определенные нормы (благодаря чему, например, легко отличить устную речь носителя литературного языка от устной речи носителя диалекта или просторечия), но эти нормы сложились исторически и никем сознательно не регулируются и не закрепляются в виде каких-либо правил и рекомендаций. Тем самым кодифицированность/некодифицированность — еще один, причем весьма существенный, признак, различающий книжный и разговорный литературные языки.

Хотя взгляд на сущность и статус разговорного языка как самостоятельной системы не является общепринятым (некоторые исследователи рассматривают разговорную речь как функциональный стиль литературного языка или же просто не усматривают в этой разновидности самодостаточности — см., например, работы О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой и др.), многочисленные описания современного русского разговорно-литературного языка, насыщенные богатейшим материалом, убедительно свидетельствуют о его своеобразии сравнительно с книжным литературным языком (см., например, [PPP-1973; Лаптева 1976; PPP-тексты 1978; Земская и др. 1981; PPP-1983] и нек. др.).

С социолингвистической точки зрения важно подчеркнуть, что носителями и книжного, и разговорного литературного языков являются одни и те же лица (т. е. совокупность говорящих одна и та же), хотя между ними могут наблюдаться различия в степени владения той и другой разновидностями. Чем выше общая и речевая культура говорящего, тем естественнее сочетаются в его идиолекте обе разновидности и тем налаженнее механизм переключения с одной на другую в повседневной речевой деятельности¹¹. При этом характер владения книжным языком, с одной стороны, и разговорным, с другой, различен: первый находится, так сказать, в поле социального внимания, его использование осуществляется при сознательной ориентации на норму, в то время как использование разговорного языка — вне социального и нормативного контроля¹².

¹¹ Владение обеими разновидностями литературного языка, книжной и разговорной, и их уместное использование — нормальное, естественное явление: только таких людей и можно назвать носителями литературного языка. Напротив, владение только одной разновидностью и невладение другой воспринимается как аномалия, причем невладение разговорным языком особенно резко бросается в глаза. Ср. слова Ж. Вандриеса: «Человек, который говорит как пишет, производит впечатление ненормально» [Vendryés 1923: 326].

¹² Ср.: «...представление о нормах литературного языка связано главным образом с письменной формой его существования, свойства же разговорной речи... обычно попросту не замечаются говорящими» [Шмелев 1977: 7].

Следующая ступень членения литературного языка — деление каждой его разновидности — книжного и разговорного языков — на функциональные стили. По определению В. В. Виноградова, функциональный стиль — это «общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1955: 73]. Коротко говоря, варианты литературного языка, обусловленные различными сферами общения, и есть функциональные стили.

Традиционно принято выделять в современном русском книжном литературном языке такие функциональные стили: научный, официально-деловой, публицистический; кроме того, иногда выделяют еще производственно-технический стиль.

Представляется, однако, что по крайней мере одна из единиц этого членения — научный стиль — слабо отражает специфику языка науки в современных условиях. Ведь стиль — это, скорее, манера, способ использования определенных средств, нежели сами эти средства. Язык же современной науки весьма специфичен не только по характеру использования средств литературного языка, но и по самому их набору: достаточно указать на системы специальных терминов, обслуживающие различные отрасли знания и техники и насчитывающие каждая от нескольких десятков тысяч до нескольких миллионов терминов (ср., например, терминологию современной химии). Кроме того, язык науки отличается от общелитературного языка и по активно используемым моделям образования слов и терминов, и по набору синтаксических конструкций, и, наконец, по способам организации всех этих средств в текст (что и составляет собственно научный стиль).

Учитывая столь разноаспектные отличия языка науки от общелитературного языка, в последнее время стали говорить о подъязыках различных отраслей знания и техники: подъязыке электроники, подъязыке математики, подъязыке атомной физики, подъязыке медицины (или каких-либо ее отраслей) и т. п.

Так же как и книжный литературный язык в целом, специальные подъязыки представляют собой строго кодифицированные системы (степень кодификации здесь даже выше, чем в собственно литературном языке, поскольку создание терминологий в различных отраслях целиком находится под контролем специалистов, а не происходит спонтанно).

Помимо специальных подъязыков, в сфере науки и техники обращаются профессиональные жаргоны, которые находятся со специальными подъязыками примерно в тех же отношениях, в каких разговорная литературная речь на-

ходится с книжной: профессиональные жаргоны используются исключительно в устном виде коммуникации, при непринужденном общении людей одной профессии на специальные темы; в официальных ситуациях, связанных как с письменным, так и с устным — ср. научные доклады, симпозиумы и т. п. — видами общения, используется специальный подъязык. Подобно разговорной речи, профессиональные жаргоны не являются объектом кодификации. Люди, владеющие профессиональным жаргоном, диглоссны: кроме жаргона они владеют и специальным подъязыком.

Разговорный язык не членится столь же определенно на функциональные стили, что вполне понятно: книжный язык сознательно культивируется, общество в целом и различные его группы и институты заинтересованы в функциональной гибкости книжного языка (без этого невозможно эффективное развитие таких сфер общественной жизни, как наука, делопроизводство, массовая коммуникация и др.); разговорный же язык развивается спонтанно, без направляющих усилий со стороны общества. Однако и здесь можно наблюдать некоторые различия, определяемые (а) сферой применения разговорного языка, (б) коммуникативными целями речи, (в) социальными характеристиками говорящего и слушающего и психологическими отношениями между ними и некоторыми другими переменными.

Так, различаются семейные разговоры и диалоги сослуживцев, разговор с ребенком и общение взрослых, речевые акты осуждения или упрека и речевые акты просьбы или увещевания и т. д.

Функциональные стили членятся на речевые жанры. Речевой жанр представляет собой совокупность речевых произведений (текстов или высказываний), обладающую, с одной стороны, специфическими чертами, отличающими данный жанр от остальных, а с другой — определенной общностью, которая обусловлена принадлежностью некоторой группы жанров одному функциональному стилю¹³.

Так, в пределах научного стиля выделяются такие речевые жанры, как статья, монография, учебник, рецензия, обзор, аннотация, реферат, научный комментарий текста, лекция, доклад на специальную тему и нек. др. Официально-деловой стиль реализуется в текстах таких речевых жанров, как закон, постановление, указ, резолюция, дипломатическая нота, коммюнике, различные виды юридической документации: протокол допроса, обвинительное заключение, акт

---

¹³ «Ряд текстов может принадлежать к одному речевому жанру, т. е. может объединяться одинаковыми принципами использования стилистических средств языка» [Панов 1962а: 97]; см. здесь же выделение речевых жанров, изучение которых особенно важно для выявления внешних (т. е. социальных) и внутренних закономерностей в развитии русского языка советской эпохи.

экспертизы, кассационная жалоба и нек. др.; широкое распространение имеют такие жанры официально-делового стиля, как заявление, справка, объяснительная записка, отчет, объявление и т. п. Публицистический стиль имеет такие речевые жанры, как передовая статья в газете, корреспонденция, очерк, репортаж, обзор на международные темы, интервью, спортивный комментарий, выступление на собрании и т. п.

В функционально-стилистических разновидностях разговорного языка речевые жанры не столь четко противопоставляются друг другу, как речевые жанры языка книжного. «В отличие от кодифицированного языка, где границы между жанрами строго определены, в разговорной речи эти границы размыты, и один жанр естественно перетекает в другой. Это вполне объяснимо спонтанным характером устной речи» [PPP-тексты 1978: 12]. Кроме того, жанрово-стилистическое многообразие разговорной речи еще недостаточно изучено. Имеющиеся же в этой области результаты позволяют выделять такие речевые жанры разговорного языка. По числу говорящих и характеру их участия в общении выделяют рассказ, диалог и полилог [там же: 13], по целевой направленности, характеру ситуации и социальным ролям участников общения можно выделить такие разновидности, как семейный разговор за обеденным столом, диалог сослуживцев (а) на бытовые и (б) на профессиональные темы, выговор взрослого ребенку, разговор человека с животным (например, с собакой; так называемое одностороннее общение, обнаруживающее, однако, все характерные черты разговорного языка), перебранка и нек. др.

Особо выделяются стереотипные коммуникативные ситуации: разговор покупателя с продавцом, пассажира с кондуктором, парикмахера с клиентом и т. п., — которые содержат значительное число клишированных оборотов (см. раздел «Стереотипы» в [PPP-тексты 1978]).

В заключение подчеркнем, что, как ни многообразен литературный язык в функционально-стилистическом отношении, от других подсистем современного русского национального языка он отличается рядом присущих ему в целом лингвистических свойств, которые необходимо перечислить:

- 1) последовательная функциональная дифференцированность средств и связанная с этим постоянно действующая тенденция к функциональному разграничению вариантов (которые есть на каждом этапе развития литературного языка);
- 2) коммуникативная целесообразность нормы (это свойство естественным образом вытекает из членения литературного языка на функциональные стили и речевые жанры);
- 3) литературная норма является результатом не только традиции, но и целенаправленной кодификации; в связи с этим:

- 4) стабильность и известный консерватизм нормы, ее медленная изменчивость: норма должна отставать от развития живой речи (ср. известный афоризм А. М. Пешковского: «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет»).

В социальном и коммуникативном отношениях одним из важнейших свойств литературного языка является его высокая социальная престижность: будучи компонентом культуры, литературный язык представляет собой такую коммуникативную подсистему национального языка, на которую ориентируются все говорящие независимо от того, владеют они этой подсистемой или какой-либо другой. («Ориентация» в данном случае означает не столько стремление овладеть литературным языком, сколько понимание его более высокого социального статуса по сравнению со статусом территориальных диалектов, просторечия, социальных и профессиональных жаргонов.)

3. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТЫ

В этом разделе мы, разумеется, не собираемся давать обзор диалектологических исследований, посвященных состоянию и развитию современных русских говоров. Так же как и в предыдущем параграфе, нас будут интересовать два вопроса: о составе носителей данной подсистемы (точнее — подсистем, поскольку речь будет идти не об одном территориальном диалекте, а о разных, о диалекте как форме существования национального языка) и о ее языковой специфике на современном этапе развития.

Территориальный, или местный, диалект по своему названию свидетельствует скорее о географическом, нежели о социальном членении языка. Однако территориальная локализованность — лишь одна из характерных черт этой подсистемы национального языка; одновременно это и социальная языковая разновидность, поскольку местным диалектом владеет круг лиц, достаточно определенных в социальном отношении: в современных условиях это крестьяне старшего поколения¹⁴.

Вопрос о круге носителей современной диалектной речи заслуживает более подробного обсуждения. Он тесно связан с вопросом о характере современного говора, происходящих в нем процессах, меняющих его лицо.

---

¹⁴ Ср.: «...современные территориальные диалекты в социальном отношении ограничены — они по преимуществу являются достоянием крестьянства» [Русская диалектология 1964: 20]. В. М. Жирмунский подчеркивал, «что традиционное деление диалектов на территориальные и социальные является мнимым, что всякая территориальная диалектология в соответствии с самой языковой действительностью должна быть и диалектологией социальной» [Жирмунский 1969: 23].

Исследователи современных русских говоров единодушно признают, что более или менее чистый диалект сохраняется у сельских жителей старшего поколения, в основном у женщин, не связанных с современными, в значительной степени индустриализованными, формами ведения хозяйства. Остальные слои и группы сельского населения в той или иной степени подвержены влиянию других языковых подсистем, прежде всего литературного языка, а также просторечия и профессиональных жаргонов.

Отмечая гетерогенный характер современного говора, Р. И. Аванесов на основании исследований, проведенных в 30—40-е гг., выделял два основных типа диалектной речи: «язык той части населения, которая не испытала заметного воздействия общенационального языка или испытала его в наименьшей степени», говор «передовых сельских кругов — молодежи, комсомольцев, активистов, местной интеллигенции, — который более или менее приближается к нормам общенационального языка», и ряд переходных, промежуточных типов, «границы которых зыбки и трудно поддаются определению» [Аванесов 1949: 27]; см. также [Русская диалектология 1964: 23], где выделяются «традиционный тип говора» (носители — старшее поколение крестьян, преимущественно женщины), «говор передовых сельских кругов» (носители — молодежь, колхозные активисты, местная интеллигенция) и переходные формы. Ср. также [Каринский 1936], где в говоре обследованной автором деревни Ванилово выделялся «диалект архаический» и «диалект передовой, приближающийся к современному литературному языку» [там же: 34].

В ряде работ, появившихся в более позднее время (см., например, [Баранникова 1967; Коготкова 1970; Орлов 1969а; Соколова 1971] и др.), наблюдения Н. М. Каринского и Р. И. Аванесова подкрепляются множеством новых данных, свидетельствующих о все большем сужении круга носителей «чистого» говора и об увеличивающемся многообразии смешанных форм диалектной речи¹⁵.

Влияние литературного языка и других языковых подсистем особенно заметно в речи молодого и среднего поколений, представители которых воспринимают литературную речь через образование в школе и в специальных учебных заведениях (ПТУ, техникумы, курсы механизаторов, шоферов и т. п.), через общение с приезжающими из города в село специалистами.

---

¹⁵ Процесс сужения коммуникативных функций территориальных диалектов свойствен многим современным обществам: унифицирующее и интегрирующее воздействие литературного языка на все слои населения приводит к постоянному снижению коммуникативной роли диалектов. При этом, однако, важно учитывать возрастные различия, поскольку сфера употребления диалекта у лиц старшего поколения обычно значительно шире, а само употребление его более последовательно, чем у молодежи (излагается по [Виноградов 1976: 99]).

Узкий (и все более суживающийся) состав носителей диалекта сказывается и на характере его функционирования. Обычно говорят, что сфера употребления диалекта — устные формы общения. Однако для современного состояния диалектных систем такое указание недостаточно. Функции более или менее чистого диалекта постоянно уменьшаются, и сейчас наиболее типичными сферами его использования являются семья и разного рода ситуации неофициального, непринужденного общения односельчан друг с другом. Такие же формы устной коммуникации, как, например, выступление на колхозном собрании, обсуждение производственных вопросов, речевые контакты с посторонними (например, с приезжими) и т. п., обслуживаются смешанными типами речи, в которых диалект осложнен разного рода иносистемными элементами — словами и синтаксическими конструкциями литературного языка, городского просторечия (так называемая «полудиалектная речь» — см. [Баранникова 1967; Коготкова 1970; Орлов 1969а]).

Это означает, что речь жителей современной деревни, во-первых, расслоена социально, и, во-вторых, имеет ситуативную обусловленность; иначе говоря, она отличается свойствами, которые традиционно считаются специфическими для литературного языка. Социальная и ситуативная неоднородность современного диалекта — следствие происходящих в нем изменений, совершающихся под мощным влиянием литературного языка, а также следствие значительных социально-экономических преобразований в деревне, ведущих к переустройству хозяйства, быта, изменению социального состава деревни (агрономы, зоотехники, врачи, учителя, клубные работники играют роль проводников литературной речи), к усложнению коммуникативных связей современного сельского жителя.

В основе социальной дифференциации современного говора, пишет Л. М. Орлов, «лежит уровень образования говорящих, их возраст, профессия (квалификация), а главное — их отношение к общественному производству, характер участия в нем, степень активности в коллективно-трудовой, общественно-политической и культурной жизни» [Орлов 1968: 159].

Вследствие процессов смешения «разнородные элементы соединившихся в говоре языковых систем неодинаково реализуются в речи местного населения. Разные представители одного коллектива, одного села, как и одной семьи, говорят по-разному» [Орлов 1969а. Т. 1: 86]. Исследователь выделяет в современном говоре три типа речи: тип Д, содержащий «все сохраняющиеся черты территориального диалекта-основы», тип Л, близкий к литературному языку, и тип С, в котором «в наиболее полном виде обнаруживается соединение элементов диалекта и литературного языка» [Орлов 1968: 156—158]. Владелицы типом С — самая многочисленная по составу группа; типы Д и Л «обслуживают ограниченные группы местного населения». Носители типа Д — «старшее

поколение (крестьян), ограниченно грамотное и общественно не активное», носители типа С — «основная масса производителей, среднеграмотных, активно участвующих в трудовой и общественной жизни села», носители типа Л — «местная интеллигенция и передовая в культурном отношении часть населения» села [Орлов 1969а. Т. 1: 13]; на социальное расслоение современных говоров — на материале уральских диалектов — указывает также А. Н. Соколова; см. [Соколова 1971].

Следует указать также, что при постоянном воздействии на жителя современной деревни радио- и телеречи, языка печати во всем их жанровом многообразии у него создается некоторое представление о функционально-стилистических вариантах языка, о прикрепленности тех или иных форм речи к определенным ситуациям общения. И хотя это представление не перерастает в активный навык — носитель диалекта не может строить свою речь в повседневной практической деятельности в соответствии с нормами функционально-стилистических разновидностей литературного языка, — оно оказывает, конечно, известное влияние на речевое поведение сельского жителя в разнообразных коммуникативных ситуациях.

«...В говоре, — пишет Л. М. Орлов, — заметно выделяются средства выражения (слова и формы, фразеологические обороты, конструкции предложений, варианты произношения и ударения), которые постоянно или преимущественно употребляются в данных ситуациях, при одних (коммуникативных) заданиях и не используются в иных условиях» [Орлов 1969а. Т. 1: 196], что служит основанием для выделения функционально-стилистических разновидностей диалектной речи¹⁶.

В арсенале речевых средств, которыми пользуются жители современной деревни, диалектологи отмечают элементы публичного стиля, которые проявляются в ситуациях колхозных собраний, совещаний и т. п., официально-деловой речи, а в области словоупотребления — общественно-политическую и произ-

---

¹⁶ Хотя Л. М. Орлов считает эти разновидности принципиально теми же, что и в литературном языке (он выделяет в изученных им волжских и донских говорах общедно-разговорный стиль, профессионально-технический, официально-деловой, публицистический и народно-поэтический; см. [Орлов 1969а. Т. 1: 197 и след.]), правомее говорить все же об элементах таких стилей, о подобии стилистического членения говора стилистической дифференциации литературного языка (этот вывод, кстати говоря, прямо вытекает из проанализированного автором диалектного материала), а не о полном их тождестве. Как бы ни менялся современный говор под влиянием литературного языка, между ними остается коренное различие: нормы литературного языка, в том числе и стилистические, постоянно культивируются, «опекаются» обществом, а нормы диалектной речи стихийны и никакой кодификации не подлежат.

водственно-техническую терминологию (см. [Баранникова 1967; Оссовецкий 1968; Орлов 1969а]).

Конечно, диалект с такими «ингредиентами» представляет собой уже смешанное образование, отличающееся от чистого диалекта. Такого рода смешанные образования чрезвычайно характерны для диалектологической карты современной России. Это свидетельствует о том, что литературный язык в своем влиянии на диалекты не только нивелирует их своеобразие, но и оказывает более глубокое воздействие на систему диалектных выразительных средств, расслаивая их в зависимости от ситуативно-коммуникативных функций и обогащая эти средства «недостающими» стилистическими компонентами. Можно сказать, что уменьшение социальной и коммуникативной роли современных территориальных диалектов сопровождается качественной их перестройкой. Перестраивается не только сама система диалекта, типичные для нее модели и т. п. [Баранникова 1967: 75], но и лежащие в основе этой системы принципы и закономерности. Так, подобно литературному языку, диалект во все большей мере начинает характеризоваться тенденцией к преодолению нефункциональных различий между единицами, к их социальному, функционально-стилистическому или ситуативному разграничению. Эта черта присуща именно современному этапу развития диалектов; в прошлом они характеризовались как раз отсутствием такой тенденции, наличием многочисленных функционально не разграниченных дублетов как в области лексики и словообразования, так и в области синтаксических средств¹⁷.

Получается определенное противоречие между тем социально-коммуникативным статусом, который имеют местные говоры, и их современной структурой: с одной стороны, ими владеет все меньшее число людей, они играют все меньшую роль как средства общения, а с другой — они усложняются и структурно, и функционально. Изменения, ведущие к преобразованию диалекта в полудиалект, — это не только процессы смешения диалектной речи с литературной и просторечной, но и формирование таких отношений между компонентами системы, которые отсутствуют в «чистом» диалекте, в частности отношений функциональной дополнительности.

Еще одной, существенной в социоллингвистическом отношении особенностью современного функционирования диалектов является определенная специфика языкового сознания их носителей: отношение к диалекту как единственному и естественному средству общения замещается у большинства говоря-

---

¹⁷ Как кажется, именно прошлое состояние диалектных систем имел в виду М. В. Панов, когда противопоставлял литературный язык и говоры по принципу наличия/отсутствия тенденции к преодолению нефункциональных различий между единицами (см. [Панов 1966: 56]).

щих на диалекте отчетливо выраженной ориентацией на литературный язык, оценкой его как более престижной коммуникативной системы, а своего говора — как системы социально и функционально ущербной. Ср.: «...в самосознании носителей диалекта их собственная речь воспринимается “вторым сортом”³ по сравнению с “городской” речью: “Мы серо говорим” и т. п.» [Булатова и др. 1975: 37]; «Как показывают наши наблюдения, теперешний житель деревни признает образцовым для себя уже литературное словоупотребление. Поэтому для состояния языкового сознания его весьма показателен факт постоянного сравнения своего, местного, словоупотребления с возможным для данной речевой ситуации словоупотреблением литературным...» В присутствии постороннего, городского наблюдателя «один деревенский собеседник поправляет другого, указывая при этом, как надо, как правильно, как “культурно” говорить» [Жоготкова 1970: 115]. Сравнение собственной речи с речью литературной сочетается с «сознательным стремлением говорящего овладеть нормами литературного языка» [Орлова, Строганова 1961: 411].

В следующей главе, посвященной взаимовлиянию различных подсистем современного русского языка, будет более подробно рассмотрен вопрос о том, каковы реальные результаты такого сознательного стремления овладеть литературным языком. Здесь же важно подчеркнуть качественно иное, чем в прошлом, языковое сознание носителя диалекта (характерное в особенности для молодежи), — отталкивание от родного говора и приобщение к литературной речи.

Итак, состояние современных местных диалектов характеризуется рядом особенностей, присущих как самой диалектной системе, ее социальной базе, ее функционированию, так и языковому сознанию носителей диалекта:

- 1) социальная и возрастная ограниченность круга носителей «чистого» диалекта;
- 2) ограничение сферы использования диалекта семейными и бытовыми ситуациями;
- 3) образование полудиалектов как результат взаимодействия и взаимовлияния различных говоров и связанная с этим перестройка отношений между элементами диалектных систем;
- 4) социальное и ситуативно-стилистическое варьирование диалектных средств;
- 5) негативная оценка носителями диалекта их собственной речи и сознательная ориентация на литературную норму.

4. ПРОСТОРЕЧИЕ

Просторечие — наиболее своеобразная подсистема русского национально-го языка. Если территориальные диалекты и тем более литературный язык имеют прямые аналоги в других национальных языках, то у просторечия таких прямых аналогов нет. Ни французская подсистема *langue populaire*, ни то, что в англоязычной лингвистической литературе называется *nonstandard* или *illiterate speech* (не говоря уже о таких понятиях, как сленг), не являются подобием русского просторечия, отличаясь от последнего как в отношении социальной базы, так и в отношении структурных и функциональных свойств.

Так, *langue populaire* только приблизительно соответствует русскому просторечию: хотя эта разновидность речи стоит между арго и фамильярным стилем литературного французского языка [Степанов 1965: 224], она в сильной степени арготизована — в гораздо более сильной, чем русское просторечие (примеры арготизмов в *langue populaire* см. в [Guigaud 1965]); в последних работах, исследующих эту разновидность современного французского языка, она рассматривается не только в чисто лингвистическом аспекте, но и с точки зрения особенностей коммуникативного поведения лиц; пользующихся *langue populaire* — см. обзорную статью [Eloy 1985]. Кроме того, и это главное, *langue populaire* — это не только социальная, но и стилистическая разновидность французского языка: носители литературного языка в ситуациях непринужденного общения используют элементы *langue populaire*. В русской же литературной речи просторечные единицы могут употребляться только с целью иронии, шуток, сознательного стилистического контраста и т. п.¹⁸

То, что может быть сопоставлено с русским просторечием в английском языке, в частности в его американском варианте, — это, по-видимому, общий сленг (в отличие от специального; об их различии см. [Швейцер 1983]), который, однако, не имеет своих носителей, а является функционально-стилистической разновидностью английского языка (ср. широкое использование его элементов в прессе, что почти невозможно по отношению к русскому просторечию).

Еще более сложная картина в немецком языке, где промежуточные (между литературным языком и диалектами) формы *Umgangssprache* и *Halbmundart* содержат целый комплекс языковых, функциональных и социальных черт, не позволяющих однозначно квалифицировать эти языковые образования (см. об этом [Домашнев 1983]). Ср. замечание С. А. Миронова о том, что термин

---

¹⁸ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить профессора К. Робера (Гренобльский университет) за консультацию по вопросам соотношения *langue populaire* с другими разновидностями современного французского языка.

«просторечие», иногда используемый в советской германистике (по отношению к соответствующим явлениям немецкого языка), не может быть синонимом терминов «полудиалект» или «обиходно-разговорный язык» [Миронов 1981: 82].

В родственных славянских языках просторечию также нет точного соответствия.

Например, *oběsna čeština* — функционально-стилистическая разновидность современного чешского языка, наиболее близкая к русскому просторечию, — отличается от него одной (по крайней мере) существенной особенностью: ею могут пользоваться и люди вполне культурные (в бытовых ситуациях)¹⁹, в то время как носителям современного русского литературного языка просторечие несомненно «противопоказано» (оно воспринимается как признак низкой культуры).

В гораздо большей степени, чем русское просторечие, опираются на крестьянские диалекты польские городские говоры; кроме того, они имеют и значительно более широкий круг носителей²⁰. По-видимому, еще меньше оснований искать аналогии просторечию в болгарском, сербскохорватском и других славянских языках²¹.

«Проблема просторечия до сего времени остается малоисследованной», — пишет Д. Н. Шмелев в предисловии к сборнику «Городское просторечие». Д. Н. Шмелев указывает на нечеткость понятия «просторечие», на многозначность самого этого термина: «...с одной стороны, просторечием называют совокупность стилистических средств сниженной экспрессии, с другой — имманентно нейтральные с точки зрения стилистики и не закрепленные территориально особенности речи лиц, не владеющих в необходимой мере нормами ли-

---

¹⁹ В современной Чехии *oběsna čeština* является языком непринужденного повседневного общения [Нещименко 1985: 81] и тем самым функционально она сближается с русской разговорной речью. Однако если русская разговорная речь — одна из разновидностей литературного языка, то *oběsna čeština* присуща языковой практике гораздо более широкого круга носителей чешского языка.

²⁰ Как отмечают исследователи, хотя обиходная речь городского населения современной Польши отличается промежуточным характером, она испытывает влияние как литературного языка, так и сельских диалектов, — воздействие крестьянских говоров здесь весьма значительно вследствие массового наплыва в город выходцев из деревни, см. [Виноградов 1976].

²¹ Болгарский и в особенности сербскохорватский литературные языки близки (сравнительно с другими славянскими языками) к их диалектной основе; даже те городские койне, которые длительное время сохранялись в Болгарии, Сербии и Хорватии, были диалектными по своему характеру (см. [Толстой 1985: 19]), что отличает эти койне от языковых образований типа русского просторечия.

тературного языка. Дело осложняется еще и тем, что в исследованиях по истории русского языка существует и своя традиция употребления этого термина, под которым понимается живая языковая стихия, противопоставляемая как книжно-литературной стихии с заметным церковнославянским компонентом, так и стандартизованному языку древне- и старорусской деловой письменности. Ввиду уже этих обстоятельств понятна настоящая потребность в четком определении статуса и места в структуре современного русского языка такого явления, как просторечие» [Городское просторечие 1984: 3].

В цитируемом сборнике просторечие понимается как «ненормированная, социально ограниченная речь горожан, находящаяся за пределами литературного языка» [там же: 5].

В этом определении, которое, по-видимому, не претендует на строгость, не очерчен круг носителей просторечия (заметим, что литературно не нормированной может быть и речь тех горожан, которые пользуются социальными жаргонами). Кроме того, бросается в глаза «дифференциальность» указанного определения: просторечие описывается в с р а в н е н и и с литературным языком, в противопоставлении последнему, его же собственные структурные и функциональные свойства в определении не фигурируют²².

Между тем вопрос о носителях современного просторечия едва ли не самый сложный в общей проблеме изучения городской речи. Выявление специфических свойств этой подсистемы современного русского языка может осуществляться как в сопоставлении ее с другими подсистемами, в частности с литературным языком, так и без подобного сопоставления, «изнутри» (что, кстати говоря, и сделано в ряде статей названного сборника).

---

²² В [Земская 1983] русское просторечие характеризуется такими признаками: 1) несоответствием нормам литературного языка; 2) широким распространением в речи лиц, недостаточно образованных; 3) тем, что оно свойственно речи горожан (то же определение см. в [Земская, Китайгородская 1984: 66]).

Даже если пренебречь некоторой стилистической неловкостью в формулировании третьего признака (просторечие «свойственно речи горожан»), указанные характеристики недостаточно определены для выделения просторечия из состава национального русского языка. Так, первый признак может быть отнесен также и к местным диалектам, и к групповым жаргонам; кроме того, он самоочевиден (ясно, что нормы литературного языка действуют только в пределах литературного языка). Во втором признаке не совсем понятно, что такое недостаточная образованность: начальная школа? неполная средняя? относятся ли сюда и люди, не закончившие среднюю школу, но имеющие некоторую минимальную книжную культуру в результате самообразования? Третий признак существен, но он требует детализации: в речи каких горожан? Вот здесь и необходима характеристика носителей просторечия по уровню образования и по социальной принадлежности.

Традиционно под просторечием как социально обусловленной подсистемой национального языка²³ понимают «речь определенных социальных кругов носителей языка», речь «простых людей», не владеющих нормами литературного языка [Баранникова 1977: 60]; «...носители городского просторечия — это горожане по рождению или лица, долго живущие в городе, но не владеющие совсем или не овладевшие полностью литературными языковыми нормами» [Земская и др. 1981: 23].

Просторечие реализуется исключительно в устной форме; при этом, естественно, оно может получать отражение в художественной литературе и в частной переписке лиц — носителей просторечия²⁴. Наиболее типичные места реализации просторечия: семья (общение внутри семьи и с родственниками), очередь, «посиделки» во дворе коммунальных домов, суд (свидетельские показания, прием у судьи), кабинет врача (рассказ пациента о болезни) и немногие другие. В целом сфера функционирования просторечия весьма узка и вполне сопоставима с функциональными сферами местных говоров²⁵.

Отмечая наддиалектность и территориальную неприкрепленность как важнейшие отличительные признаки просторечия, исследователи указывают на большую неоднородность просторечия и по составу носителей, и в собственно лингвистическом отношении: «Носители просторечия представляют более резкие различия с точки зрения тех факторов, которые формируют язык, чем носители литературного языка и диалектов» [Земская, Китайгородская 1984: 67], — имеются в виду следующие факторы: место рождения и место, где прошло детство, уровень образования, профессия, образ жизни, регулярность общения

---

²³ Все другие значения и употребления термина «просторечие» здесь и дальше не рассматриваются.

²⁴ Иногда высказывается мнение, что просторечие существует не только в устной, но и в письменной форме — имеется в виду главным образом частная переписка, а также разного рода бытовые записи: кулинарные рецепты, записки и т. п. В связи с этим необходимо подчеркнуть существенное различие между ситуацией, когда к письменной форме речи обращается носитель литературного языка, и ситуацией, когда пишет носитель просторечия: в первом случае это, как правило, кодифицированная форма языка, во втором — все то же просторечие (некодифицированная языковая сфера), правда не звучащее, а перенесенное на бумагу, но при этом сохраняющее все присущие ему свойства.

²⁵ Л. И. Баранникова считает, что просторечие функционально более ограничено, чем диалектная речь [Баранникова 1974: 10—11]. Не располагая точными данными о коммуникативных формах, в которых существует современное русское просторечие, трудно судить, насколько верно это мнение. Важно, однако, как кажется, не преуменьшать роль просторечия, которое, несмотря на значительные изменения в его социальной базе, функционально еще достаточно активно.

с носителями литературного языка и др. Многие коренные жители города, несмотря на низкий образовательный уровень, овладели литературным языком, поэтому «носители просторечия — коренные жители больших городов в настоящее время представляют собой малочисленную группу лиц» [там же: 68].

Указывая на такие черты просторечия, как его анормативность, непрестижность, стихийность его функционирования (в отличие от таких кодифицированных сфер, как литературный язык), «монолингвизм» носителей просторечия, их неспособность варьировать свою речь в зависимости от характера ситуации, цели и адресата, исследователи особое внимание обращают на собственно лингвистическую «разношерстность» этой подсистемы русского языка: в ней сосуществуют элементы, пришедшие из территориальных диалектов, профессиональных и групповых жаргонов, заимствования из литературного языка и многое другое. При этом все эти разнородные элементы функционально не разграничены.

Еще одной — и при этом немаловажной — осью неоднородности просторечия²⁶ является его временная гетерогенность: в нем достаточно отчетливо выделяются два пласта — пласт старых, традиционных средств и пласт сравнительно новых коммуникативных средств.

Например, в области просторечной лексики, с одной стороны, обращают на себя внимание единицы типа *пуцай*, *страмить*, *ндравиться*, *ейный*, *скидавать* и под., обнаруживающие близость с соответствующими диалектными фактами, а с другой — слова и обороты типа *поправиться* (= 'прибавить в весе'), *оформить брак*, *организовать закуску* [Капанадзе 1984: 129], *деловой (Ишь ты, деловая какая! Сама прошла бы [в троллейбусе])*, *будь здоров (Девка тоже будь здоров)*, *костыли* в значении 'ноги' [Ермакова 1984: 131, 133, 136] и т. п. явно не диалектного происхождения. В связи с такого рода различиями делаются попытки «выделить среди носителей просторечия две возрастные группы, различающиеся по употреблению» тех или иных средств: до 60 лет и после. «В речи старшей возрастной группы встречаются некоторые слова, характерные для так называемого старого просторечия: *туды*, *отсюдова*, *охальник*, *хворый*, *кликать*, *дух* (в значении 'запах')... Эта категория людей, как правило, не употребляет современную просторечную фразеологию, очень характерную

²⁶ В прошлом неоднородность просторечия была еще больше, главным образом благодаря тому, что сохранялись более тесные связи его с местными диалектами, а также из-за социальной неоднородности лиц, владевших просторечием. Недаром, говоря о просторечии XVIII—XIX вв., исследователи выделяют дворянское, мещанское, купеческое и другие виды просторечия; см. об этом, например, [Виноградов 1982; Баранникова 1974]. В. В. Виноградов при этом отмечал «социальную разнородность и даже враждебность [друг другу] разных стилей просторечия» [Виноградов 1982: 232].

для речи молодежи и людей среднего поколения. Речь более молодых носителей просторечия сближается с современным молодежным жаргоном и не всегда отличается в употреблении некоторых фразеологизмов от речи носителей литературного языка: *рога обломать, выпасть в осадок, вешать кому-то лапшу на уши* ('обманывать кого-то')» и т. п. [Ермакова 1984: 139—140]; см. также [Винокур 1980: 212—213].

Таким образом, выделяются два круга носителей современного просторечия: горожане старшего возраста, не имеющие образования (или имеющие начальное образование), речь которых обнаруживает явные связи с диалектом и полудиалектом (далее мы будем обозначать эту разновидность как просторечие-1), и горожане среднего и молодого возраста, имеющие незаконченное среднее образование, не владеющие нормами литературного языка; их речь лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована (просторечие-2).

Возрастная дифференциация носителей просторечия дополняется различиями по полу: владеющие просторечием-1 — это преимущественно пожилые женщины, а среди пользующихся просторечием-2 значительный (если не преобладающий) процент составляют мужчины²⁷.

Опираясь на опубликованные работы, описывающие современное русское просторечие, и на собственные наблюдения, укажем наиболее характерные языковые признаки каждой из этих двух разновидностей просторечия.

Просторечие-1 отличается специфическими чертами на всех уровнях — фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса, а носители просторечия-1 характеризуются, кроме того, некоторыми паралингвистическими особенностями в их речевом поведении: оберучная жестикуляция, в среднем бо́льшая, чем у носителей литературного языка, громкость речи и др.

²⁷ В языковом сознании носителей литературного языка эти две разновидности просторечия, по-видимому, не расчленены ни социально, ни лингвистически (в то время как, скажем, просторечие и жаргон обычный носитель литературного языка — лингвист — различает). Ср., например, удачную имитацию просторечной манеры говорить в рассказе М. Рошина «Синдром Сушкина»:

[Дело происходит в больнице]. А подвешенный-то, который за ногу-то, опять жрет, ну, рожа несытая; гибимот, куда в его влазит! Ему вчера баба, дрянь, полную сумку притаранила... — все сожрал, хромоножина!.. Во, у их обход, а наши не чешутся, кофий молют, интеллигенты щипаные, кровососы.

Хотя в целом это просторечие-1: *вчера, полную сумку, у их, в его* (вместо *у них, в него*), *гибимот, кофий, молют* (см. ниже квалификацию подобных фактов), — в нем есть бесспорные вкрапления более молодого просторечия-2 (ср. *не чешутся*, а также полужаргонное *притаранила*); вложена же эта речь в уста сорокалетнего повара, т. е. человека относительно молодого.

Заслуживают изучения также особенности речевого этикета, свойственные носителям просторечия-1. Ср., например, отвергаемое культурной средой использование местоимений 3 л. ед. ч. по отношению к человеку, участвующему в речевом акте и присутствующему при нем²⁸; употребление апеллятивов типа *уважаемый* без добавления определяемого существительного (*Уважаемый, как пройти к ГУМу?*), *эй* и др.

В области фонетики²⁹ специфика просторечия-1 заключается не в наборе фонем — в основном он тот же, что и в литературном языке³⁰, а в их речевой реализации и особенно в их сочетаемости друг с другом. Особенно обращают на себя внимание следующие явления:

— устранение так называемого зияния путем вставки между двумя соседними гласными [j] или [в]: [п'и'жан'йна] (*пианино*), [кака'ва] (*какао*), [ра'д'ива] (*радио*) и под.;

— стяжение гласных (это явление свойственно и разговорной разновидности литературного языка, однако в просторечии-1 оно представлено гораздо более широко и последовательно): [пр'ибр'ила] (*приобрела*), [н'укаво] (*ни у кого*), [закно́м] (*за окном*), [арадро́м] (*аэродром*) и под.;

— ассимиляция гласных соседних слогов: [караси́н] (*керосин*), [п'ир'им'й'да] (*пирамида*), [в'ил'идо́л] (*валидол*) и под.;

— упрощение групп согласных путем вставки гласного: [жы'з'ин'] (*жизнь*), [ру'б'ел'] (*рубли*), [сма'ро'д'ина] (*смородина*) и под.;

— упрощение слоговой структуры слов, в особенности иноязычных: [в'ит'ина́р] (*ветеринар*), [м'ьгафо́н] (*магнитофон*), [м'ин'истра́тър] (*администратор*) и под.;

²⁸ Впрочем, это отвержение не абсолютно, оно имеет исключения. Так, при определенном социальном статусе человека или же при некоторых его физических состояниях носители литературного языка допускают в своей речи местоимения *он*, *она* в присутствии этого человека. Ср., например, ситуацию беседы с иностранцем, не знающим или плохо знающим русский язык: русские, участвующие в такой беседе, могут употреблять местоимение *он* между собой, комментируя высказывания или поведение иностранца. Врач в присутствии больного часто говорит о нем в третьем лице (— *Вы ему пенициллин уже делали?* — может сказать он, сидя у постели больного и обращаясь к медсестре). О маленьких детях, немощных стариках, людях, находящихся в состоянии сильного опьянения, также нередко говорят *он*, *она*, и такое словоупотребление не вызывает явного или скрытого осуждения со стороны окружающих — носителей литературного языка.

²⁹ Фонетические особенности просторечия-1 излагаются в основном по работам [Аванесов 1984; Розанова 1984] с некоторыми дополнениями в иллюстративной части.

³⁰ Ср. с территориальными диалектами, где немало специфики также и в наборе фонем: ср., например, такие фонемы, как <ч> твердое, <дз'>, <щ'> и др.

— отсечение части консонантных сочетаний в финалях слов: [инфáрк] (*инфаркт*), [сп'иктáк] (*спектакль*), [н'пáчтáм'е] (*на почтамте*) и под.;

— диссимилиция согласных по месту и способу образования: [къл'идóр] (*коридор*), [с'ькл'итáр'] (*секретарь*)³¹, [транвáй] (*трамвай*), [кънб'икóрм] (*комбикорм*) и под.;

— ассимиляция согласных по месту и способу образования, главным образом в окончаниях глагольных форм 2 л. ед. ч., сопровождающаяся межслого-вой ассимиляцией гласных: [байс'и] (*боишься*), [вóз'ис'и] (*возишься*), [кóт'ис'и] (*катишься*) и под.;

— сохранение некоторых типов ассимилятивного смягчения согласных, для современного литературного языка являющихся ненормативными: ко[н'ф']ётá, ко[н'в']ёрт, о [т'в']ёртить, ла[п'к']и, ка[р'т']йна и под.

В области морфологии и словообразования просторечие-1 отличается такими особенностями (см. [Земская, Китайгородская 1984]):

— для морфемной и морфонологической структуры слова при его изменении по падежам или лицам чрезвычайно характерно аналогическое выравнивание основ: рот — в роту (*в роте*), ротом, хочу — *хочем, хочете, хотят* или же *хотим, хотите, хотят* — *хотишь, хотит; пеку* — *пекёшь, пекёт, пекём, ездить* — *ездию, ездиишь, ездим, ездют; требовать* — *требовая, требоваешь, требует* и т. п.;

— иная, чем в литературном языке, родовая отнесенность некоторых существительных: *густая повидла, свежая мяса, кислый яблочко, этот полотенце* или иной тип склонения: *церква, простынь, мысля, болезнь* и т. д.;

— меньшая, чем в литературном языке, лексическая обусловленность форм местного падежа на -у: *на газу, в складу, на пляжу* и под., форм родительного партиципального (*дождю, хлебу*), форм именительного множественного: *торта, шофера, инженера* и под., в том числе от ряда существительных женского рода: *площадь, очередь, матеря, скатертя, местность* и др.;

— смешение форм родительного и дательного падежей: *у сестре* — *к сестры, от маме* — *к мамы* и под.;

— флексия -ов (-ев) в родительном падеже множественного числа у существительных среднего и мужского рода: *делов, местов, от соседев, пять рублёв* и под.;

— склонение несклоняемых иноязычных существительных: *без пальта, ехать на метре, или из кина, две бутылки ситра* и под.;

³¹ Ср. аналогичное явление во français populaire: как отмечает П. Гиро, *corridor* здесь трансформируется в *collidor, cérébral* — в *célébral* и т. д. (см. [Guiraud 1965: 104]).

— тенденция к «прозрачности» словообразовательной структуры слова: *обвернуть, об-городить, об-дурачить* и под. (ср. литературные *обернуть, огородить, одурачить*);

— взаимовлияние различных словообразовательных моделей, результатом чего являются окказиональные образования типа *мозговатый* (вместо более употребительного *мозговитый*), *хлебница* в значении 'продащица хлебного отдела' (*А у Шуры-то недостача была тридцать рублей, мне хлебница рассказывала*³²), *поддобрить* в значении 'поощрить': *Правильно, надо его поддобрить, а то мы их всё пугаем* (в ситуации, когда мать хвалит за что-то шестилетнего сына; реплика принадлежит посторонней пожилой женщине, слышащей похвалу), или иная, по сравнению с литературным языком, словообразовательная структура слова в его финальной (суффикс + флексия) части: *чувствие* (*упал без чувствиев*), *последствие* (*Говорят, эта болезнь по последствию передается*), *учительша, хулиганничать* и под.

Особенно своеобразным в фонетико-морфологическом и словообразовательном отношениях является функционирование в просторечии-1 иноязычной лексики: оно сопровождается ложной этимологизацией, упрощением морфемной и слоговой структуры слова, явлениями метатезы и гаплогии и т. п.: ср. факты типа *куператив* (*кооператив*), *полуклиника, флакон* вместо *плафон, лизарюция* (*резолюция*), *саше* (*шоссе*) и под., отмеченные в [Журавлев 1984].

В области лексики и лексической семантики характерным является наличие довольно значительного числа слов, преимущественно для обозначения обиходно-бытовых реалий и действий, отсутствующих в литературном языке. Исследователи относят сюда слова типа *серчать, пуцай, черёд* (очередь), *акурат* (точно), *шибко, намедни, шитво, харчи, давеча* и под. [Капаназде 1984: 125], многие из которых исторически являются диалектизмами. С другой стороны, в просторечии-1 отсутствуют многие разряды отвлеченной лексики, описывающей абстрактные понятия и отношения. Помимо этого, достаточно очевидного, внешнего своеобразия просторечие-1 отличается рядом специфических признаков в использовании лексики. Например:

— иное, чем в литературном языке, осмысление слова: *гулять* в значениях 'праздновать' и 'иметь интимные отношения' (*Она два месяца с ним гуляла*), *уважать* в значении 'любить' (о пище: *Я огурцы не уважаю*), *завесить* в значении 'взвесить', *признать* в значении 'узнать' (*А я тебя и не признала, думала, кто чужой*), *цвет* в значении 'цветок' [Городское просторечие 1984: 127—

³² Подобные факты свидетельствуют также о том, что просторечие не боится омонимии: ситуация позволяет слушающему однозначно понимать слова типа *хлебница* (ср. общеупотребительное *хлебница* 'емкость для хранения хлеба').

128, 131], *разнос* в значении 'поднос', *обставиться* 'обзавестись мебелью', *чумовой* в функции бранного эпитета — 'сумасшедший, взбалмошный и т. п.' (*Вот чумовой! Куда побѣг-то?*), *взойти* в значении 'войти' (ср. в реплике просторечного персонажа: «*Соседка не взойдет [в квартиру], ключи другие*» (Л. Петрушевская. «Лестничная клетка»); *кого* вместо *что* в функции вопросительного местоимения: — *Ты будешь обедать?* — *Кого?*; — *Кого ты говоришь?*³³ и т. п.

— размытость значения слова: *атом* (*Они без конца с этим атомом носятся* — могут иметься в виду и исследования в области атомной энергии, и испытания атомного оружия, и угроза атомной войны и т. п.), *космос* (*Ни зимы, ни лета путного теперь нет — а все космос!* — имеются в виду космические исследования, запуски спутников и т. п.) [Журавлев 1984: 120]; слово *лимит* применяется как в значении 'ограничение' (но с узкой лексической сочетаемостью: *получил комнату по лимиту, жилплощадь из лимита* и т. п.), так и для обозначения лица: *В соседней квартире лимит живет; У лимитов еще один ребенок родился*, — из принятых в канцелярско-деловой речи оборотов *прописать* (в Москве) *на площади, предоставляемой по лимиту, выделить жилплощадь из лимита* и т. п.; ср. также новообразование *лимитчик* 'лицо, приехавшее на работу в Москву из других районов страны и имеющее право на получение жилплощади из резерва, оставляемого для представителей дефицитных профессий'.

В связи с просторечным употреблением слова *лимит* заметим, что использование отвлеченной лексики, в особенности иноязычной, в личном значении — вообще одна из характерных черт просторечия-1. Ср. другие примеры: *рентген* = 'врач-рентгенолог' (*Она рентгеном работает; Это кто — рентген прошел?*), *диабет* 'больной диабетом' (*Это всё диабеты без очереди идут*) и т. п. Некоторые факты такого рода проникают и в речь носителей литературного языка, правда с известными социальными и профессиональными ограничениями. Ср. в речи врачей спецполиклиник: *контингент* — не только в значении 'совокупность пациентов, обслуживающихся в данной поликлинике', но и в значении 'один пациент из этой совокупности' (*Она вышла замуж за контингента* — обращает на себя внимание тот факт, что в этом значении слово попадает уже в разряд одушевленных существительных: *за контингента*);

— семантическая ущербность слова: отсутствие у него многих значений, присущих этому слову в литературном языке; так, слово *мотив*, при сохранении значения 'мелодия', не употребляется в смысле 'причина, повод чего-либо'

³³ Ср. в речи пожилого охотника из рассказа В. Шукшина «Охота жить»:

— Куда шли, он говорил? — *Кого* он наговорит! — едва рот разевал: замерзал. Спиртом напоил его — *щас* спит как мертвый.

(*побудительные мотивы*), *партия* не имеет значений 'одна игра (в шахматы и проч.)', 'определенное количество товара'; у слова *дисциплина* отсутствует значение 'учебный предмет' и т. п. [Журавлев 1984, 121].

Частным случаем семантических сдвигов в слове является специфическое употребление его вследствие чрезвычайно характерной для просторечия-1 тенденции к гиперкоррекции³⁴: ср. *отдыхать* в значении 'спать', *кушать* в значении 'есть', *супруга* по отношению к жене говорящего и т. п., а также более старое, но имеющее рецидивы и в современном просторечии употребление местоимения *они* и соответствующих глагольных форм множественного числа применительно к одному лицу, которое говорящий воспринимает как представителя иного, более высокого социального статуса: — *Где врач? — Они обедать ушедши; — Я вот за ними стою, который в шляпе.*

Попутно заметим, что гиперкоррекция отражается также и в некоторых фонетических и фонетико-морфологических чертах речи: ср. ситуативно обусловленное произношение носителями просторечия-1 [чт]о вместо [шт]о, *конё*-[чн]о вместо *конё*[шн]о, тщательное выговаривание финалей в инфинитивных формах типа *учиться*, *заниматься* (то есть произнесение этих форм как *учи*[т'с'а], *занима*[т'с'а], а не как *учи*[ць], *занима*[ць], в соответствии с литературной орфоэпической нормой) и т. п.

Механизм переключения на такого рода манеру речи может быть объяснен следующим образом. Так же как и большинство людей, носители просторечия чувствительны к изменению ситуативных условий общения, в частности к смене непринужденной обстановки, бытовой тональности на официальную. Однако, не владея литературным языком, они не могут переключаться на иные средства выражения, более подходящие к изменившимся условиям речи (ср. высказанное выше замечание о монолингвизме носителей просторечия: они не владеют никакой другой коммуникативной системой, кроме просторечия, а последнее функционально не дифференцировано, аморфно). Поэтому они прибегают к тем средствам, которые представляются им более культурными, правильными; культура же и правильность языка воплощаются для них чаще всего в книжном, письменном облике слова.

В области синтаксиса для просторечия-1 характерны такие черты (они отмечаются Т. С. Морозовой: см. [Морозова 1984]):

³⁴ При этом гиперкоррекция не является индивидуальной, специфической чертой русского просторечия. Она свойственна, например, и *français populaire* (см. [Guiraud 1965: 16]), и некоторым типам речи в *American English* (см. [Labov 1966: 88]). По всей видимости, это общая черта речи недостаточно культурных слоев населения, особенно рельефно появляющаяся при общении представителей этих слоев с носителями более престижных разновидностей языка.

— употребление полной формы страдательных причастий с перфектным значением и полных прилагательных в именной части сказуемого: *Обед уже приготовленный; Пол вымытый; Дверь была закрытая; Я согласная; А она чем больная?*

— употребление в той же функции деепричастий на *-вши* и *-вши* (последние — специфически просторечная форма): *Я не мывши* (т. е. *не мылся*) *вторую неделю; Все цветы поваливши* (т. е. *повалились, были поваленными*); *Он был вытимиши* и т. п.;

— употребление конструкции с *никто* (при местоимении может быть и существительное, но необязательно), в которой сказуемое имеет форму множественного числа, — своего рода согласование по смыслу: *Гости никто не приехали; А у нее из цеха никто не были?*

— употребление творительного падежа некоторых существительных для обозначения причины: *умер голодом* (= от голода), *ослеп катарактой* (= от катаракты);

— специфическое управление при словах, совпадающих (формально и по смыслу) с литературными: *никем не нуждаться* (ср. нормативное *ни в ком не нуждаться*); *Что тебе болит?* (вместо: *у тебя*); *Мне* (или *ко мне*) *это не касается* (вместо: *меня*); *Она хочет быть врач* (вместо: *врачом*) и т. п.;

— употребление предлога *с* вместо *из*: *пришел с магазина, вернулись с отпуска, стреляют с автоматов* и т. п.

Таков далеко не полный перечень наиболее характерных черт просторечия-1. Он достаточно ясно указывает на значительную диалектную окрашенность этой разновидности русского национального языка: хотя само по себе просторечие-1 наддиалектно и внетерриториально, хотя оно является речью известной части городского населения, в нем обнаруживаются явные следы влияния диалектов (особенно в области фонетики и морфологии, отчасти лексики и синтаксиса).

Та разновидность просторечия, которую выше мы назвали просторечие-2, представляет собой подсистему, менее яркую и менее определенную по набору типичных для нее языковых черт.

В значительной мере это объясняется тем, что просторечие-2 как своеобразная разновидность городской речи относительно молодо. При этом оно занимает промежуточное положение не столько между литературным языком и территориальными диалектами (это характерно для просторечия-1), сколько между групповыми и профессиональными жаргонами, с одной стороны, и литературным языком — с другой.

Занимая такое положение, просторечие-2 играет роль проводника, через который в литературную речь идут различные иносистемные элементы — про-

фессиональные, жаргонные, арготические. Такое посредничество вполне объяснимо — как собственно языковыми, так и социальными причинами. В социальном отношении совокупность носителей просторечия-2 чрезвычайно разнородна и текуча во времени: здесь и выходцы из сельской местности, приехавшие в город на учебу и на работу и осевшие в городе; и уроженцы городов, находящихся в тесном диалектном окружении; и жители крупных городов, не имеющие среднего образования и занятые физическим трудом; носителей просторечия-2 немало среди представителей таких несхожих профессий, как продавцы, грузчики, портные, парикмахеры, официанты, железнодорожные проводники, сапожники, уборщицы и др.

Поскольку, как мы уже выяснили, просторечие аномативно, и, стало быть, в нем нет фильтра, подобного литературной норме, который избирательно допускал бы в просторечное употребление средства, принадлежащие другим языковым подсистемам, — постольку языковые особенности, присущие уроженцам определенных мест, представителям определенных профессий или социально специфической среды, могут становиться достоянием просторечия.

И действительно, многие элементы, принадлежавшие ранее социально или профессионально ограниченному словоупотреблению, заимствуются литературным языком не прямо из групповых или профессиональных жаргонов, а через просторечие-2³⁵.

Просторечие-2 менее специфично, чем просторечие-1, в области фонетики и морфологии: фонетические и морфологические особенности имеют спорадический, случайный характер и нередко локализованы в отдельных словах и словоформах.

Так, если просторечию-1 присуща определенная последовательность в реализации указанных выше фонетических и морфо-фонетических явлений (ассимиляция и диссимиляция звуков в пределах слова, упрощение его слоговой структуры, метатеза и т. п.), то в просторечии-2 эти явления представлены непоследовательно, с лексическими ограничениями, а некоторые отсутствуют совсем. Это связано с общей тенденцией, свойственной, на наш взгляд, просторечию-2 как более молодой разновидности городской речи — к уменьшению контрастности средств выражения (сравнительно с литературным языком), к сближению их, по крайней мере в формальном отношении, со средствами выражения, присущими социально престижным разновиднос-

---

³⁵ Этим, кстати говоря, объясняется непоследовательность в стилистических пометах «просторечное, профессиональное, жаргонное», которыми снабжаются подобные заимствования в толковых словарях. Однако, в сущности, каждая из этих помет верна, только помета «прост.» отражает ближайший источник заимствования, а пометы «проф.» и «жарг.» указывают на источник более отдаленный.

тям национального языка — разговорной и кодифицированной литературной речи.

Например, диссимилиация согласных по месту и способу образования представлена в просторечии-2 фактами типа *транвай* в словах же типа *директор*, *коридор*, где расподобление согласных [p'—p] → [л'—p] более ярко, заметно, оно не происходит. Метатетические формы типа [сашэ] вместо [ша^чсэ] / [шо-сэ] также не характерны для просторечия-2. Устранение зияния, типа [какава] или [п'иан'ина] — наиболее яркая черта просторечия-1, — в просторечии-2 почти не встречается.

Отличия от литературного языка в родовой отнесенности некоторых существительных хотя и наблюдаются, но у значительно меньшего круга слов и в менее «бросающихся в глаза» случаях: так, *тюль*, *толь* склоняются как существительные женского рода, а *мозоль* — как мужского (*стояли в очереди за тюлью, покрыли крышу толью, замучился с этим мозолем*), но слова типа *село*, *кино*, *мясо* не употребляются как существительные женского рода (что свойственно просторечию-1).

Склоняемые формы от иноязычных существительных типа *метро* образуются весьма избирательно: они появляются в основном на тех участках речевой цепи, где возможно неоднозначное осмысление несклоняемой формы слушающим (*ехали метром, но вышел из метро, а не из метра*).

Для просторечия-2 характерно использование деминутивов типа *огурчик*, *номерок*, *документики*, *газировочка*, среди которых встречаются формы, образованные по специфической модели, не имеющей распространения в литературном языке (ср. *мяско* при разговорно-литературном *мясо*), как выражение своеобразно понимаемой вежливости.

Ср. в речи медсестры при обращении к взрослому пациенту: *Подбородочек вот сюда поставьте, а грудочкой прижмитесь к краю стола*, в речи официантки: *Вот ваш лангетик, а водичку я сейчас принесу*, в речи парикмахера: *Височки прямые или косые?*; покупатель — продавцу: *Мне, пожалуйста, колбаски батончик и сырку полкило* и т. п. Такие формы обычно употребляются при обращении к собеседнику и сравнительно редко — в речи, не имеющей индивидуального адресата (ср. рассказ, размышления вслух и т. п.).

В просторечии-2 употребительны некоторые фразеологизмы, которые служат своеобразными «лакмусовыми бумажками», указывающими на просторечность говорящего. Это, например, выражение *надо же!* — употребляемое в функции восклицания, передающего удивление (*У нас уже вторую неделю воды нет. — Надо же!*), сравнительный оборот *как этот (эта, эти)* с незаполненной семантической валентностью у местоимения: *Проходите вперед! Стала, как эта* (в троллейбусе); *Я ему говорю: выйди погуляй. Нет, сидит целый день, как этот* (см. [Ермакова 1984: 134]); *без разницы* (*Мне это без разницы*), *по*

нахалке в значении 'нахально' (*Приперлись по нахалке, я их не звала* — о неожиданных гостях); *типа того, что: А она мне типа того, что я, мол, и не была там никогда* и нек. др.

Наиболее характерной чертой просторечия-2 является наличие довольно большого пласта слов и оборотов жаргонного происхождения, которые получают все большее распространение: *балдеть* 'находиться в состоянии приятной расслабленности'; *закладывать* 'регулярно употреблять спиртное'; *подсуетиться* 'проявить инициативу и осуществить какие-либо оперативные действия для достижения некой цели'; *катить телегу (бочку)* 'необоснованно, с точки зрения говорящего, обвинять кого-либо в чем-либо'³⁶; *будь здоров (Квартирка у него — будь здоров!)* — см. об этом обороте [Городское просторечие 1984: 126—127, 133, 139], *мужик* в значении 'мужчина'; *доходяга* 'истощенный, измученный работой человек'; *ушлый* 'хитрый, ловкий'; *втихаря* 'тайно, незаметно'; наречия типа *по-быстрому, по-глупому, по-честному*³⁷ и т. п.

Среди лексических средств, присущих просторечию-2, выделяются различные формы обращения, использующие термины родства и наименования некоторых социальных ролей: *папаша, мамаша, отец, мать, дед, дедуля, бабуля*³⁸, *друг, парень, мужик, шеф, начальник, хозяин, командир*, в последнее время — *женщина, дама, женщина*. По мнению исследователей (см. [Ермакова 1984: 134—135]) и по нашим собственным наблюдениям, эти формы обращения распределены по полу и возрасту говорящих; некоторые из них ограничены профессионально.

Так, обращения *папаша, мамаша, мать, отец*³⁹, *дед, друг, парень, мужик, шеф, начальник*⁴⁰ свойственны исключительно речи мужчин молодого и сред-

³⁶ Ср. употребление этого оборота в речи героев фильма «Законный брак», события которого относятся к годам Великой Отечественной войны; это несомненный анахронизм — перенесение в прошлое языковых особенностей наших дней.

³⁷ Исследователи отмечают активность этих наречий и в устно-разговорной разновидности современного литературного языка (см., например, [Земская 1979: 120—121]).

³⁸ Ср. апеллятивы *дочка, сынок*, свойственные речи пожилых женщин — носительниц просторечия-1.

³⁹ Любопытно, что носители русского просторечия, живущие в иноязычном окружении (в национальных республиках), используют в качестве апеллятивов слова, заимствованные из языка коренного населения и по смыслу соответствующие русским терминам родства. Ср. *ана* 'мать' — при обращении к пожилой женщине, *ата* 'отец' — при обращении к старику в просторечии русских жителей среднеазиатских тюркоязычных республик. При этом, правда, в отличие от их русских эквивалентов эти обращения не ограничены полом адресанта: их могут употреблять и мужчины, и женщины молодого и среднего возраста.

Однако употребление в апеллятивной функции некоторых других аналогов русских

него возраста; обращения *дедуля*, *бабуля*, а также апеллятивы *женщина*, *дама*, *мужчина* более характерны для речи молодых женщин⁴¹; обращения *хозяин*, *хозяйка* фигурируют в речи мужчин (молодого и среднего возраста) в ситуации обслуживания того, к кому обращаются, — например, в речи сантехников, слесарей, грузчиков, полотеров и т. п.; апеллятив *командир*, в сильной степени жаргонизированный, употребляют некоторые водители такси при обращении к пассажиру-мужчине (— *Ну, командир, куда едем?*).

Поскольку в данной работе мы сознательно ограничились двумя аспектами рассмотрения выделяемых подсистем современного русского языка — их описанием с точки зрения состава носителей каждой подсистемы и с точки зрения набора присущих ей средств, — в стороне остаются многие другие характерные черты просторечия.

Так, весьма своеобразно реальное речевое поведение носителя просторечия (в особенности носителя просторечия-1): слабое владение монологической формой речи (речь от первого лица строится как диалог говорящего с ре-

---

просторечных обращений в инонациональной языковой среде может быть затруднено или невозможно; ср., например, невозможность использования для этих целей слова *бай* 'хозяин' вследствие пейоративности контекстов его неапеллятивного употребления.

⁴⁰ Обращения *шеф*, *начальник* адресуются совсем не тому, кто выше говорящего в служебной иерархии: первая лексема, *шеф*, — это, как известно, просторечное обращение к водителю автомобиля, автобуса (по-видимому, контаминация слова *шеф* в его литературном значении и слова *шофер*), а вторая, *начальник*, используется в ситуации реальной или мнимой зависимости говорящего от того, к кому он обращается, при желании говорящего грубо, «по-свойски» подольститься к собеседнику. Ср.:

Ни на что абсолютно не надеясь, он [Потапов] зашел в магазин. Спросил у толстого продавца с красными... глазами: — Чего там, фруктиков у тебя никаких нет, *начальник*? (С. Иванов. Из жизни Потапова // Новый мир. 1983. № 7).

⁴¹ Литературная норма, естественно, отвергает подобные способы обращения. Однако носители литературного языка, ощущая их неприемлемость, не находят эквивалентных замен, которые были бы в согласии с языковым вкусом. Ср.:

Она [француженка] обращается ко мне так: «мадам Наташа». Я к ней: «мадам». Как не хватает здесь нашего доброго русского обычая, имен-отчество! И уважительность в этой манере обращения, и тепло, и дружелюбие. Лишь у нас, в России... А впрочем, что я расхвасталась? Это-то у нас есть, а другого, тоже необходимого, другого нет. Я имею в виду французское «мсье-мадам», польское «пан-пани». А мы вот не знаем, как обращаться к людям незнакомым! «Улица корчилась безъязыкая» и, помучившись, выход нашла: «Женщина! У вас чулок порвался!», «Мужчина! Сдачу забыли!» Все чаще слышишь эти окрики, и, по-моему, они ужасны; но чем заменить их, чем?» (Н. Ильина. Уроки географии // Н. Ильина. Дороги и судьбы. М., 1985. С. 447).

альным или мнимым собеседником); обильные цитирования реплик собеседника или третьих лиц с целью выразить к ним свое отношение (типа: — Ну, однако, *итить надо...* — Да что ты всё «*итить*» да «*итить*»! *Обождет, небось не королева какая!*; — *Куды ты?* — «*Куды*», «*куды*» — *закудыкала!*; — *Не дакай, не дакай* (в смысле: не повторяй «да») и т. п.)⁴². Такое цитирование нередко, особенно в отсутствии лица, речь которого цитируется, перерастает в передразнивание, соответствующим образом интонируемое (обычно — в более высоком интонационном регистре); передразнивание как форма речевого действия в большей степени свойственна детям и женщинам⁴³.

Так как просторечие обслуживает узкобытовые сферы коммуникации, очевидно, что с наибольшей рельефностью оно реализуется в речевых актах, имеющих иллокутивную функцию порицания, обвинения, просьбы, заверения, внушения и т. п. (ср. такие речевые акты, как ссора, перебранка, божба, наушничество, «распекание» старшим младшего и др.); менее характерны для реализации просторечия «нейтральные» речевые акты, не содержащие оценок говорящими обсуждаемых фактов и событий.

Итак, современное русское просторечие неоднородно как по составу носителей, так и по собственно лингвистическим характеристикам. Несмотря на постоянное сужение круга лиц, пользующихся просторечием, последнее представляет собой одну из «действующих» подсистем современного русского языка.

5. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЖАРГОНЫ

По своему социальному и коммуникативному статусу профессиональные жаргоны отличаются от других подсистем русского национального языка одной существенной особенностью: носители этих жаргонов владеют также какой-либо другой подсистемой — специальным подъязыком, языком общелитературным, диалектом. Иначе говоря, они диглоссны (или полиглоссны): в профессиональной среде, для целей непринужденного профессионального общения они используют профессиональный жаргон, для целей официального, в особенности письменного, общения — специальный подъязык, а вне этих ситуаций, при общении на непрофессиональные темы и вне профес-

⁴² О разных видах диалогической цитации в устной речи (не только в просторечии) см. [Арутюнова 1986].

⁴³ Вообще роль речевых масок в просторечии значительно больше, чем в устно-разговорной разновидности литературного языка. Там, где носитель литературного языка ограничивается нейтральным пересказом чужого мнения, чужой речи, носитель просторечия часто прибегает к изображению (обычно — шаржированному) цитируемого лица — в произношении, интонации, выборе лексики, мимике, жестах и т. д.

сиональной среды они пользуются литературным языком, реже местным говором или просторечием ⁴⁴.

В этом отношении профессиональные жаргоны подобны стилям литературного языка: их использование зависит от условий общения (ситуации, цели, темы, адресата и т. п.). Однако в отличие от стилей каждый профессиональный жаргон имеет строго определенную, и притом ограниченную, среду, в которой он используется и за пределами которой он непонятен. Профессиональный жаргон, таким образом, как бы совмещает в себе коммуникативные признаки стиля и социальные признаки корпоративного (группового) жаргона ⁴⁵.

Выделение круга носителей того или иного профессионального жаргона не представляет трудности: это люди, владеющие данной профессией или специальностью и занимающиеся ею в течение более или менее длительного времени. Так, можно говорить о профессиональных жаргонах медиков, железнодорожников, горняков, металлургов, летчиков и др. Следует заметить, что в современных условиях профессиональные жаргоны развиваются и в таких высокоинтеллектуальных областях деятельности, как физика, химия, биология, космонавтика, обладающих к тому же высоким социальным престижем. В то же время сходят на нет профессиональные жаргоны, обслуживавшие в дореволюционной России такие ремесла, как портняжное дело, отходничество и др. ⁴⁶.

⁴⁴ Наличие подобной диглоссии отмечал еще полвека назад Д. С. Лихачев [Лихачев 1964: 333]; см. также [Жирмунский 1968: 32; Дешериев 1977: 218].

⁴⁵ Ср. следующее рассуждение о сущности социального жаргона, под которым автор понимает не только корпоративные, но и профессионально ограниченные языковые образования: «Под социальным жаргоном понимается вообще речевая норма, приобретаемая в сознательном возрасте и связанная с вхождением в некоторую социальную корпорацию, к которой, по условию, нельзя принадлежать с самого рождения (примером могут служить всякого рода профессиональные арго, блатная речь и т. п.); пользование такой нормой предполагает осмысление себя членом данного социума, причем сам социум негласно регламентирует право на соответствующее речевое поведение. Овладение жаргоном всегда носит более или менее искусственный характер и связано с осознанным стремлением к обособлению и противопоставлению некоторой социальной группы всему остальному обществу» [Успенский 1985: 55—56].

⁴⁶ Ср. характерные для этих жаргонов слова и обороты, сейчас вышедшие (или выходящие) из употребления в соответствующей профессиональной среде: *ветрогон* ‘не дающий на чай, скупой, но требовательный заказчик’; *весельчаки* ‘деньги’; *птица* ‘узкий, испорченный костюм’; *положить* ‘поутюжить’ и т. п. — жаргон портных; *картонка* или *ероплан* ‘клиент, не дающий на чай’; *городской бульвар* ‘редкие волосы’; *скворешник* ‘прыщ или родинка на носу’; *солонка* ‘губа’ и т. п. — жаргон парикмахеров; *рузбить* ‘разрозненное, рассыпанное издание’; *слон* или *козел* ‘толстая, не имеющая спроса книга’; *сбытчик* ‘бойкий продавец’; *сбив* ‘разные книги’; *вырезать книгу* ‘выбрать редкую книгу’ и т. д. — жаргон букинистов (см. [Иванов 1982: 96—98, 192—195, 261—264]).

В лингвистическом отношении современные профессиональные жаргоны неоднородны. В них можно выделить по крайней мере две группы коммуникативных средств: (1) средства, совпадающие с единицами общенационального языка и составляющие основу лексического и грамматического строя профессиональных жаргонов ⁴⁷; (2) арготические слова и обороты, отчасти дублирующие официально принятые в соответствующем специальном подъязыке термины, отчасти именующие то, что не имеет официально принятого терминологического обозначения.

Соотношение этих двух компонентов в жаргонах разных профессий неодинаково. Общая тенденция такова: чем глубже специализация в данной профессиональной области, тем больше удельный вес второго компонента, и, напротив, при незначительной специализации (например, во многих профессиях гуманитарного профиля: ср. профессии учителя-словесника, историка, психолога и нек. др.) ведущую роль играет первый компонент — средства общеупотребительные.

Традиционно принято считать, что специфика профессиональных жаргонов заключается в метафорическом переосмыслении ходовых слов и выражений, в придании им образного смысла ⁴⁸. Действительно, метафорически переосмысленные, ярко экспрессивные слова и фразеологизмы — характернейшая черта профессиональных жаргонов. Ср., например, многочисленные арготизмы наборщиков (типа *бык* или *козел* 'пропуск нескольких слов, строчек'; *муха* 'неразборчивое место в оригинале'; *покойник* 'два раза набранное место', *извозчик* 'корректирующее исправление, при котором нужная буква «вытягивается» чертой на поля» и др.; см. [Лихачев 1964: 332]), горняков (*коза* 'вагонетка для перевозки людей', *свадьба* 'груда перевернутых вагонов и крепежных материалов'; *чайник* 'пневматический насос'; *баран* 'машина для сверления шпуров' и т. п.; см. [Краснова, Марченко 1981: 338—339]), летчиков (*петля*, *бочка* — фигуры высшего пилотажа, *брюхо* 'нижняя часть фюзеляжа'; *вспухать* 'резко набирать высоту' (о самолете); *нога* 'опора шасси'; *морда* 'лобовая часть самолета' и т. п.; см., в частности, [Успенский 1936] ⁴⁹),

⁴⁷ Это одно из существенных отличий профессиональных жаргонов от территориальных диалектов: профессиональные жаргоны, как бы специфичны они ни были, опираются на общелитературный язык, а местные диалекты ему противостоят. Ср. [Dvořák 1957], где проводится подобное разграничение между чешскими территориальными и социальными наречиями.

⁴⁸ Ср. определение, которое дается жаргону в энциклопедии «Русский язык»: «Жаргон — социальная разновидность речи, характеризующаяся профессиональной (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией общенародного языка».

⁴⁹ Современный летный жаргон нуждается в исследовании: сравнительно с тем временем, когда этот жаргон изучал Л. В. Успенский (20-е гг.), здесь появилась масса ново-

медиков (*острый живот, тяжелый живот, свеча* ‘резкое изменение на температурной кривой’ и др.), таксистов (ехать *холостяком* или *конем*, т. е. без пассажира, *зеленка* ‘зеленый огонек такси’; *лиджак* ‘пассажир деревенского вида’; *меняла* ‘сменщик’ и т. п.) и представителей других профессий.

Некоторые из подобных метафор появляются в условиях нарушения нормального производственного процесса⁵⁰ и приобретают сходство с элементами групповых жаргонов, для которых характерна не просто метафоричность наименований, но и своеобразная «зашифрованность» в них передаваемого смысла. Ср. следующие выражения, называющие определенные «незаконные» операции в техническом обслуживании автомобилей и в их эксплуатации, бывшие в употреблении в 70—80-х гг. XX в.:

«Посадить капусту», “сделать примочку”, “снять бескозырку”. Слова вроде бы определенные и означают простые понятия. Но для шофера-ловкача они имеют совсем иное значение. Для него “капуста” — это мзда дежурному механику по возвращении с линии, чтобы был понисходительней, не заметил поцарапанного крыла машины, “забыл” поставить в путевом листе истинное время возвращения в парк. “Примочка” — это подачка мойщику, чтобы вымыл машину без очереди да получше...

Только это еще цветочки. Ягодки-то начинаются в ремонтной зоне. Ловкач и тут норовит обойти других: он снимает перед ремонтниками “бескозырку”, а это, проще говоря, подношение в виде бутылки водки... Почти в каждом парке есть свой “тигрятник”, то есть место у забора, где в ожидании ремонта сиротливо ржавеют машины» (В. Сыромятников. Подпольный «техснаб» // Труд. 1973. 1 марта).

Овладение какою-либо профессией неразрывно связано с овладением соответствующим профессиональным словарем. Некоторые профессиональные выражения служат как бы символом владения каким-либо ремеслом или профессией: употребление профессионализмов, по облику совпадающих с общераспространенными словами, отличает профессионала от «профана», от людей, не знакомых с данной профессиональной областью деятельности. Ср.: «Штукатур никогда не скажет, что карниз делают — карниз только *тянут* или *вытягивают*, так же точно плотник не строит [бревенчатый] дом, а *рубит*, не делает дверные и оконные коробки, а *вяжет* их» [Лихачев 1964: 358].

образований, связанных как с развитием авиационной техники, так и с изменениями в профессиональном быту летчиков.

⁵⁰ Ср. замечание Д. С. Лихачева о том, что «арготические слова сопутствуют явлениям более или менее постоянного нарушения динамического стереотипа профессиональной деятельности при условии существования достаточно тесной социальной среды» [Лихачев 1964: 349].

По такого рода особенностям словоупотребления профессионал легко опознает своего, собрата по профессии и, с другой стороны, безошибочно определяет речь «чужака», не владеющего профессиональными навыками использования слова. Ср.: «Гребу смело к пароходу. Вдруг оттуда голос: — Кто *едет*⁵¹? Ну, думаю, это береговой — флотский крикнул бы: кто гребет?» (Б. Житков. «Компас»).

Одним из видов такого профессионально-группового символизма является использование слов, имеющих родовое значение, применительно к видам, разновидностям данных предметов. Так, летчики называют самолет *машиной*, этим же словом пользуются водители автобусов и троллейбусов (*Машина идет в парк; Машина пойдет по тридцатому маршруту*), плотники и столяры именуют *инструментом* не совокупность всех применяемых ими орудий труда, а совершенно определенный топор, или рубанок, или стамеску (*Не тупи инструмент!*), жалуются на отсутствие *материала*, имея в виду, например, только доски, и притом определенного размера.

Некоторые средства профессиональных жаргонов основаны на словесной игре, шутке, каламбуре, на всякого рода обыгрывании ходовых слов и оборотов. Так, шоферы называют *сороконожкой* автобус увеличенной длины — с четырьмя осями (т. е. с восемью колесами) и четырьмя дверьми для пассажиров (в просторечии такой автобус именуется *кишкой, колбасой, двойным, длинным*); ср. также отмеченное выше *тигрятник* — с явной установкой на шутку; шахтеры в Кузбассе о гидродобыче говорят *хитродобыча* (свидетельство Г. Немченко — см. «Литературную газету» за 1 февраля 1984 г.), слесари называют дверной замок *дверняжкой*, каламбурно соединяя в одном слове *дверь* и *дворняжку*, и т. п.

Характерно также стилистическое снижение в обозначении реалий, по сравнению с книжно окрашенными официальными терминами: *кастрюля* вместо *синхрофазотрон*, *дырка* для обозначения отсутствия электрона в атомной структуре — в жаргоне физиков, *морда* — для обозначения лобовой части самолета или автомобиля — в жаргоне летчиков и автомобилистов и т. п.

Однако, хотя экспрессивные средства выражения, рождающиеся на основе метафорических переосмыслений, каламбуров и т. п., типичны для профессиональных жаргонов, было бы неверно сводить все своеобразие последних только к подобным словам и выражениям и, таким образом, видеть специфику профессиональных языковых образований исключительно в лексике и фразеоло-

⁵¹ Кстати говоря, глагол *ехать* применительно к передвижению судов по воде служит предметом насмешек моряков над «сухопутными» людьми: в «языке» моряков судно (пароход, теплоход, катер, лодка и т. п.) может только *идти* по воде, на судах *ходят*, а не *ездят*; использование же говорящим глаголов *ехать, ездить* мгновенно обличает в нем человека, далекого от морского дела.

гии. На самом деле эта специфика обнаруживается и на морфологическом, и на синтаксическом уровнях: например, в виде словообразовательных моделей, не известных литературному языку (ср.: *тощаковая моча* в жаргоне медиков; *бракаш* 'браконьер' в жаргоне егерей и охотоведов; *берегаиш* 'работник береговой службы' — у моряков и т. п.), в специфической родовой отнесенности существительных (*компонента* вместо *компонент* — в речи математиков, *путь* как существительное женского рода — в речевой практике железнодорожников), в иных, чем в литературном языке, показателях числа и падежа у существительных (ср. *тросá, пеленга́, сейнера́* и под. в жаргоне моряков), в использовании форм единственного числа существительных для обозначения совокупности предметов или вида товаров (*Имеется в продаже яйцо диетическое; Шука на червя плохо идет; Разрешена охота на оленя*), в своеобразных формах глагольного и именного управления (ср. *сопоставить что чему* — в речи математиков, вместо общепринятого *сопоставить что с чем; лидировать кого*⁵² — в речи моряков), в лексической сочетаемости слов (*налетать пенсию* в значении 'летая на самолете в качестве члена экипажа, достигнуть такого показателя отработанного времени, которое необходимо для назначения пенсии' — в жаргоне летчиков) и т. п.

Эти особенности проявляются не в единичных фактах, как можно было бы заключить по приведенным примерам, а более или менее последовательно и на разном лексическом материале. Подобные особенности характерны не только для жаргонов старых профессий, за много десятилетий или даже веков своего существования обособившихся от литературного языка, но и для жаргонов профессий относительно новых, которые, несмотря на свою молодость, успели выработать специфические способы выражения, трансформировав общепотребительные модели слова и предложения.

Такова, например, профессия программиста, насчитывающая всего полвека своего существования. Ср. такие особенности профессионального жаргона программистов: *сбой* (в работе компьютера) дает глагол *сбоить* (*машина сбоит*), возникновение нежелательных циклов в машинной реализации программы обозначается глаголом *заикнуться* (*машина заикнулась*); своеобразие в управлении: *ограничение на что* вместо *ограничение чего* (например, *ограничение на число позиций*), в лексической сочетаемости (*предикат истинен, стереть узел* вместо менее специфичного *устранить узел* — имеется в виду узел синтаксического *дерева*, — *принимать значения на множестве характеристик* и т. п.). Обращающую на себя внимание особенность жаргона программистов

⁵² Ср.:

В плавучих льдах «Марков» должен нас лидировать [т. е. вести за собой. — Л. К.] (В. Конецкий. Третий лишний. Л., 1983. С. 94).

составляют конструкции и обороты, в которых проявляется антропоморфичный подход к процессу машинной обработки информации и к самой электронно-вычислительной машине. Ср. прежде всего термин *память*, имеющий статус официально принятого в специальном подъязыке программистов, а также обороты типа *отказ машины*, *машина указала на ошибку*, *система переходит к рассмотрению другой альтернативы*, *система запоминает эту гипотезу и в дальнейшем к ней не обращается* и мн. др.⁵³

В связи с изучением профессиональных жаргонов нельзя не обратить внимание на одно любопытное явление. Люди, не владеющие данной конкретной профессией, но вынужденные сталкиваться с соответствующей областью человеческой деятельности (в силу определенных жизненных обстоятельств), преодолевают коммуникативные затруднения путем использования общеупотребительной лексики применительно к специальным понятиям. Так, пациенты современных клиник, не зная медицинской терминологии, сами придумывают названия тем или иным инструментам, процедурам, операциям и т. п. Ср.: *кишка* — для обозначения гибкого резинового зонда, *просвечивание* в значении 'рентгеноскопия', *стреляли в глаз лазером* — описание *лазерной коагуляции сетчатки*; *насечки (глаза)* вместо *кератотомия*; *заморозка зуба* вместо *анестезия* и др. Кое-что из этого околопрофессионального просторечия со временем попадает и в язык самих медиков — хотя и не в качестве официально принятого термина, но достаточно регулярно используемого профессионализма (ср. *заморозка*, *убить нерв* и т. п.).

Итак профессиональные жаргоны — одно из активно используемых коммуникативных средств современного общества. По мере углубления специализации науки, техники и производства происходит дальнейшая дифференциация этих жаргонов⁵⁴. Вместе с тем интегративные процессы, характерные для раз-

⁵³ Антропоморфизм свойствен многим жаргонам, обслуживающим те профессии, которые имеют дело с техникой, с машинами. Самолет для летчика, автомобиль для шофера, станок для токаря нередко оказывается *с норовом*, *капризным*, *непослушным*; мотор *кашляет*, *чихает*, *еле дышит* и т. д. Ср. наблюдение К. Г. Паустовского:

Каждый шофер находил по отношению к своей машине много ласковых и снисходительных слов. Были всякие машины: и «терпеливые до черта», и «послушные», и «обидчивые», и «работяги», и «мученицы», и даже «не машины, а просто малые дети» (цитируется по статье [Краснова, Марченко 1981: 332—333]).

Однако в отношении к ЭВМ антропоморфизм заходит особенно далеко, и многие глаголы и прилагательные, называющие действия и свойства человека, в жаргоне программистов и специалистов, обслуживающих электронно-вычислительные машины, свободно используются применительно к ЭВМ.

⁵⁴ Описывая социально-профессиональную дифференциацию языка, Ю. Д. Дешериев в числе признаков, характерных для современных профессиональных жаргонов,

вития современного русского языка в целом, способствуют взаимному сближению и взаимовлиянию разных профессиональных жаргонов и выходу профессионализмов за пределы узкопрофессиональной среды в просторечие и литературный язык.

6. ГРУППОВЫЕ ЖАРГОНЫ

Под групповыми жаргонами здесь понимаются языковые образования, основанные на социальном обособлении людей. Для того чтобы различить, с одной стороны, функционально активные профессиональные жаргоны и, с другой, функционально менее активные, а в некоторых случаях и просто угасающие языковые образования, существование которых обусловлено социальным обособлением людей, мы сознательно отказались от термина «социальные жаргоны (диалекты)», под которым обычно понимаются и профессионально, и социально ограниченные языковые подсистемы (см., например, [Бондалетов 1987: 66 и след.]) и который поэтому не обладает необходимой дифференцирующей силой.

В официальной советской лингвистике считалось, что коммуникативная роль групповых жаргонов в современном обществе ничтожна, — во всяком случае, она значительно меньше, чем коммуникативная роль литературного языка и профессиональных жаргонов. И объясняется это сужением или полным отсутствием социальной базы таких жаргонов.

В некоторых случаях, однако, надо говорить не только и, может быть, не столько о сужении социальной базы групповых жаргонов, сколько об изменении ее природы и характера, о новых социальных образованиях в структуре общества, иных видах членения его на группы и т. п. В связи с этим возникают две задачи: во-первых, характеризуя современное состояние этих языковых подсистем, отделить функционально активные жаргоны от функционально угасающих и от утративших свои функции; во-вторых, выделить новые типы групповых жаргонов, не характерные для состояния русского языка в прошлом, и соотнести их с теми социальными общностями, которые этими жаргонами пользуются.

Если аргументы нищих и аргументы беспризорников в советское время, возможно, следовало считать утратившими свои функции, то этого никак нельзя сказать о таком языковом образовании, которое в литературе принято обозначать терминами «жаргон деклассированных», или «воровское аргю». Надо отметить зна-

---

первым отмечает именно этот — функциональную активность этих языковых образований, их обновление и развитие (см. [Дешериев 1977: 217—218]).

чительные трансформации, происшедшие в этом арго в 30—50-е годы XX в.: это, во-первых, расширение и обновление его словаря и, во-вторых, приобщение к нему помимо уголовников политических заключенных, которыми были переполнены сталинские лагеря и тюрьмы. По сути дела, из арго, которое в дореволюционное время имело довольно узкий, и притом совершенно определенный, круг носителей, «жаргон деклассированных» превратился в тюремно-лагерный жаргон, получивший распространение в социально пестрой среде: с ним были знакомы, им активно пользовались не только «воры в законе», «домушники», «медвежатники» и прочие представители уголовного мира, но и недавние инженеры, совпартслужащие, военные, крестьяне, артисты, врачи, поэты, журналисты, студенты, составлявшие многомиллионное население лагерей.

Тюремно-лагерный жаргон нашел отражение и в литературе, особенно в начале 60-х и во второй половине 80-х гг.: см., например, многие публикации журналов «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь» и др., романы В. П. Гроссмана, А. Н. Рыбакова, рассказы В. Т. Шаламова, автобиографические повести и воспоминания Е. Гинзбург, Л. Разгона, А. Жигулина, поэтическое творчество В. Высоцкого, А. Галича и др. Поэт А. Жигулин, по его свидетельству, даже составил «большой словарь лагерной и блатной фени», где были «не просто сухие “переводы” слов, скажем “канать — идти”, а статьи к каждому слову с примерами из “классики” (чаще всего из лагерных песен, анекдотов, шуток и т. п. фольклора) и из разговорной речи с вариантами значений и т. п.» (Жигулин А. Черные камни // Знамя. 1988. № 7. С. 12; этот словарь был изъят у Жигулина лагерным начальством).

В современных условиях тюремно-лагерный жаргон находит себе новую «среду обитания»: им активно пользуются такие социальные группы, которые до недавнего времени не обращали на себя внимание исследователей: члены мафий, дельцы подпольного бизнеса, проститутки, фарцовщики и т. п. При этом жаргон не остается статичным: его словарь обновляется, многие слова получают новое осмысление и т. д. Ср. примеры из повести В. Кунина «Интердевочка», описывающей быт ленинградских проституток: *капуста* ‘деньги’; *напарить* ‘обмануть’; *таксярник* ‘машина такси’; *свалить за бугор* ‘уехать за границу’ и т. п. (Аврора. 1988. № 2, 3).

Кроме того, через просторечие, через молодежный жаргон элементы тюремно-лагерного «языка» проникают в устную интеллигентскую речь: ср. слова типа *туфта*, *доходяга*, *темнить* и т. п. (подробнее см. ниже, с. 398—400).

Разумеется, не следует и преувеличивать коммуникативную значимость лагерного жаргона: при том что в недавнем прошлом с ним были знакомы миллионы людей, да и сейчас пользуются им не столь уж малочисленные социальные группы, он всегда был и остается функционально вторичной комму-

никативной подсистемой; кроме того, он локализован во времени и в пространстве (им активно пользуются лишь в «своей» среде — заключенные, мафиози и т. п., — а вне этой среды известны лишь некоторые его лексические элементы).

Сравнивая функционирование современных групповых жаргонов с функциональными свойствами сходных подсистем в прошлом, надо подчеркнуть, что говорящих на арго, в буквальном смысле выделенного слова, сейчас, по-видимому, нет или почти нет. Есть люди и группы людей, которые при внутригрупповом общении используют элементы арго — лексические и фразеологические. Представление же о групповом жаргоне как о целостной системе со своими фонетическими и морфологическими (а не только лексическими) свойствами (ср. именно такое представление об арго у Б. А. Ларина; см. [Ларин 1928, 1931]) в современной языковой действительности не находит подтверждения.

В отличие от прошлого состояния русского языка (например, в конце XIX — начале XX в.), когда весьма характерно было существование тайных корпоративных арго — типа «языка» офеней, нищенского арго, — в социальной структуре современного русского языка существуют такие образования, которые определяются объединением людей «по интересам». Таковы, например, особенности речи болельщиков, любителей собак, коллекционеров, владельцев автомобилей и т. п., основанные на аргогическом переосмыслении, метафоризации расхожих слов и выражений. Ср., например, *банка* в значении ‘гол’ в жаргоне футбольных болельщиков; *лошадь* ‘одна лошадиная сила’ (*Мотор на тридцать лошадей*), *прикурить* ‘завести мотор своей машины от аккумулятора другого автомобиля’, *водило* ‘шофер’ в жаргоне автолюбителей; *плыть* в значении ‘скользить по скале, срываться с нее’, галоши *попысели* (*лысые*) ‘утратили насечку на подошве, стерлись’, *карман* ‘небольшое углубление в скале, за которое можно зацепиться’, и др. — в жаргоне «столбистов», любителей скалолазания, занимающихся этим на «Столбах» близ Красноярска⁵⁵, и т. п.

Представляют интерес в социолингвистическом отношении также различные «гешефтгруппы» типа браконьеров, книжных спекулянтов, клакеров и др., деятельность которых не санкционирована обществом и государством. В их речевом обиходе также употребительны специфические слова и обороты жаргонного характера. Ср., например, *фуфырь* ‘рубль’ (*Толкнул Эдика за двадцать фуфырей* = ‘Продал том сочинений Эдгара По за двадцать рублей’) — в речи книжных спекулянтов; *телевизор* ‘вид рыболовной снасти с подсветкой, привлекающей рыбу’; *кукла, сторожевая кукла* ‘подмена, лицо, помимо явной

⁵⁵ Автор благодарит сотрудницу Красноярского университета Л. З. Подберезкину за разрешение воспользоваться материалом ее работы «Номинации корпоративной лексики (“язык” столбистов)».

выполняющее тайную функцию'⁵⁶ — в речи браконьеров; *хамить* со своеобразным управлением: *хамить артиста* в значении 'криками и свистом, топанием ног намеренно мешать игре артиста на сцене' — из жаргона клакеров⁵⁷ и т. п.

Большая часть из отмеченных групповых жаргонов и особенностей жаргонной речи в современной русистике не изучена. Главная причина этой неизученности — в том, что вплоть до последнего времени такие негативные явления нашей жизни, как проституция, наркомания, коррупция, подпольный бизнес, считались несуществующими. Практически был закрыт для исследования и тюремно-лагерный жаргон: не случайно, что те немногочисленные работы, которые посвящены «жаргону деклассированных», или воровскому аргю, как правило, имеют в виду прошлое состояние русского языка⁵⁸, а отнюдь не современность.

7. МОЛОДЕЖНЫЙ ЖАРГОН

Из всех современных социально-групповых разновидностей языка молодежный жаргон наиболее значим социально: им пользуются достаточно многочисленные группы носителей языка, элементы его во множестве проникают в литературную речь. Современному русскому молодежному жаргону посвящен ряд исследований (см. [Серебренников 1970; Копыленко 1976] и др.). Специально изучается влияние на современный молодежный жаргон других языков, в основном английского [Борисова-Лукашанец 1982, 1983].

Носители молодежного жаргона — учащаяся и рабочая молодежь (студенты, школьники старших классов, молодые рабочие), отчасти молодая техни-

⁵⁶ Ср.:

У браконьеров выработалась даже особая тактика. Перед тем как запустить якоря и сети в «аквариум», от плотины посылаются несколько пробных машин в наиболее опасных направлениях. В кузове каждой лежат одна-две рыбины — запланированный минимум потерь на случай проверки. В кабину к шоферу садится «сторожевая кукла», порой женщина с ребенком. Пока на задержанного шофера с незаконно выловленной рыбой составляется протокол, «кукла» требует отпустить ее, поскольку она якобы не имеет к шоферу никакого отношения. Затем она возвращается на плотину и передает: «Засада!» (Правда. 1983. 30 сент.).

⁵⁷ Клакеры (от фр. *claque* 'шлепок, удар ладонью', *claqueur* буквально 'хлопающий') — подставные зрители, нанимаемые для создания искусственного успеха или провала артиста или целого спектакля (см.: Клакеры // Советская Россия. 1984. 8 янв.).

⁵⁸ Из последних по времени работ см., например, кандидатскую диссертацию М. А. Грачева [Грачев 1986].

ческая и гуманитарная интеллигенция в возрасте примерно от 22—23 до 33—35 лет. Столь неоднородный состав носителей отражается в неоднородности самого жаргона; в нем существуют разновидности: студенческий, школьный, рабочий жаргоны, которые имеют большую общую часть в лексике и фразеологии и отличаются друг от друга некоторыми специфическими оборотами, связанными с особенностями студенческой, школьной и рабочей жизни соответственно. Лингвистическая сущность всех этих разновидностей одна и та же: игра со словом и в слово, метафоризация словесных значений с целью создания экспрессивных, эмоционально окрашенных средств языкового выражения.

Подобно людям, владеющим профессиональными жаргонами, носители жаргона молодежного двуязычны: в своей среде они пользуются жаргонными средствами, в общении же с «посторонними», в официальных и нейтральных ситуациях переходят на литературный язык⁵⁹. Однако в отличие от профессиональных жаргонов молодежный жаргон предназначен в основном для обозначения не каких-либо специальных понятий или явлений, имеющих место, например, в учебном процессе⁶⁰ (в вузе и в школе), а таких понятий и явлений, которым соответствуют устойчивые и регулярные обозначения в литературном языке.

Противопоставляя студенческий жаргон профессионально-аргогической лексике, Б. А. Серебренников писал: «Слово студенческого сленга не вызывается особой необходимостью. Нет никакого смысла создавать особое название для студента индустриального института или техникума. Когда же появилось осо-

---

⁵⁹ Такова типичная картина жаргонно-литературной диглоссии. В некоторых же, менее типичных, случаях говорящий может не вполне владеть литературным языком, что связано с его неполной языковой социализацией: имеются в виду школьники, еще не освоившие все присущие данному обществу социальные роли, недостаточно овладевшие и самим литературным языком, и механизмом переключения с одного кода (жаргона) на другой (литературный язык) в зависимости от ситуации и социальных ролей коммуникантов.

⁶⁰ Жаргонизмы, обозначающие реалии, специфичные для школьной или студенческой жизни, немногочисленны. Ср. *шпора* 'шпаргалка'; *физра* 'урок физкультуры' (из написания слова физкультура в школьных расписаниях и дневниках: *физ-ра*), названия учителей по преподаваемым ими предметам: *химичка*, *физичка*, *историчка* и т. п.; *стипа*, *стипуха* 'стипендия', *хвост* 'не сданный вовремя экзамен'; шутливые названия некоторых высших учебных заведений: *Кирпичный* или просто *Кирпич* — Московский инженерно-строительный институт, *Керосинка* — Московский нефтяной институт и нек. др.

По наблюдениям Е. Г. Борисовой-Лукашанец, английские заимствования, особенно характерные для молодежного жаргона наших дней, не затрагивают «производственной сферы», т. е. учебного процесса [Борисова-Лукашанец 1983: 113].

бое название *индус*, то основным стимулом его создания явилось стремление создать что-то более выразительное, яркое, озорное, более обращающее на себя внимание» [Серебренников 1970: 483]. Тем самым номинативная функция жаргонных слов и оборотов оказывается вторичной — на первом месте стоит функция эмоционально-экспрессивная.

Правда, здесь необходимо сделать одну существенную оговорку: для фактов и понятий, особенно актуальных в молодежном быту и сознании, жаргон вырабатывает обозначения, детализирующие то, что не имеет отдельных обозначений в литературном языке ⁶¹. Отсюда — богатство родо-видовых и квазисинонимических отношений в жаргонной лексике при выражении ею некоторого, довольно ограниченного набора смыслов — таких как ‘человек’ (и разные его «ипостаси»), ‘девушка, женщина’, ‘молодой человек; мужчина’, ‘одежда’, ‘обувь’, ‘общение’, ‘танцы’, ‘вечеринка’, ‘деньги’, ‘шутка’, и нек. др., при обозначении отдельных социальных ролей — родителей, друзей и т. п.

Ср.: *чувак, мужик, фрайер, хмырь* ‘мужчина’, ‘молодой человек’; *чувиха, герла, кадра, кадршишка* ‘девушка’; *загнать, забодать, толкнуть* ‘продать’; *филонить, сачковать, вола вертеть* ‘бездельничать’; *бабки, башили, тугрики, монеты, мани* (от англ. *money*) ‘деньги’ и немногие другие ряды синонимических и квазисинонимических обозначений «актуальных» смыслов ⁶².

Множественность обозначений одного и того же смысла часто отражает временное обновление жаргона, смену его лексического состава: каждое поколение носителей молодежного жаргона стремится отличаться по языку не только от взрослых, но и от предшествующего поколения. Так, в парах *чувиха — герла, предки — пренты* (родители), *кореш — френд* (приятель), *шкары — трузера* (брюки) левые члены «старше» правых: слова *чувиха, предки, кореш, корочки, шкары* были характерны для жаргонной речи 50—60-х гг., а слова *герла, пренты, френд, колеса, трузера* были употребительны в молодежном жаргоне 70-х гг. XX в. Особенно неустойчива во времени оценочная лексика: прилагательные и наречия типа *железный, железно, потрясный, потрясно, дико* и т. п., бывшие в ходу в 50—60-е гг., в настоящее время ощущаются носителями жаргона как бесспорно устаревшие; на смену им пришли образования типа *гру-*

⁶¹ Ср.: «Чем больше человеку приходится сталкиваться с определенным участком или областью действительности, тем интенсивнее членится она в языке» [Серебренников 1970: 480].

⁶² По наблюдениям М. М. Копыленко, жаргон не отличается разнообразием означаемых: в составленном им идеографическом словаре современного молодежного жаргона всего 10—12 рубрик. Это в основном пейоративные действия со значениями типа ‘возиться, медлить’, ‘потерять рассудок, одуреть’, ‘скандалить’ и т. п., обозначения лиц, органы тела, еда, эмоциональные оценки предметов и действий [Копыленко 1976: 81 и след.].

зить 'навязывать какие-л. сведения', *рубить фишку* 'проявлять компетентность', *обалденный*, возродились некоторые давние и на короткое время вышедшие из употребления единицы (ср., например, *клёвый*, *клёво* 'отличный, отлично', употребительные в речи современной молодежи).

Постоянное обновление лексических средств, быстрая их сменяемость — одна из характерных черт молодежного жаргона (и не только русского: К. Хадсон отмечает эту же черту как характерную для молодежного сленга современной Англии; см. [Hudson 1983]), отличающая его от других подсистем русского языка, например от языка литературного, которому, напротив, свойствен консерватизм⁶³. При этом в разные периоды процесс обновления жаргона идет разными путями. Так, если в 20-е гг. словарь молодежного жаргона вобрал в себя многие элементы воровского арго, в 50-е заимствовал слова из лабушского арго, то обновление современного молодежного жаргона идет в значительной степени путем заимствования и намеренной русификации английской лексики: ср. уже упоминавшиеся слова *герла*, *френд*, *пренты* (из англ. *parents*), *трузера* (из англ. *trousers*), а также *дансить* (англ. *to dance* 'танцевать'), *ворковать* 'работать' (англ. *to work*), *мэн* 'мужчина' (англ. *man*), *шузы* 'ботинки' (англ. *shoes*), *вайтовый* 'белый' (англ. *white*) и т. п.⁶⁴.

Вследствие того что носители молодежного жаргона составляют многочисленный и социально активный слой в структуре современного общества, лексические и фразеологические жаргонизмы проникают в другие подсистемы языка, в частности в просторечие, в устную разновидность литературного языка (поэтому в последнее время лингвисты справедливо говорят о жаргонизации интеллигентской речи — см., например, [Земская 1979; Винокур 1980; PPP-1983] и др.) и даже в такие относительно строго нормированные стили книжно-литературного языка, как публицистический.

⁶³ По-видимому, текучесть — свойство любого искусственного и при этом социально замкнутого языкового образования: лишенный сознательно культивируемой нормы, жаргон подвержен воздействию случайных факторов, в частности моде. Имея в виду социальный жаргон вообще, Б. А. Успенский пишет, что ему свойственна «изменяемость, нестабильность, подчиненность моде» [Успенский 1985: 56].

⁶⁴ В качестве сравнения укажем, что для современного английского молодежного сленга процесс заимствования лексики из других языков нехарактерен. Основной тенденцией обновления лексических средств здесь является тенденция к массовому образованию усеченных наименований типа *hubby* из *husband*, *loo* — из *lavatory*, *tab* — из *tablet* (см. об этом [Hudson 1983]).

СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПОДСИСТЕМ

1. Взаимоотношения литературного языка и территориальных диалектов

Из характеристики, которую мы дали современному литературному языку и территориальным диалектам выше (см. с. 325—345), следует, что:

во-первых, социальная база литературного языка расширяется: все большее число людей, различающихся по своим социальным характеристикам, приобщается к литературному языку; в то же время социальная база территориального диалекта становится все более ограниченной: носители диалектов — в значительной степени деревенские жители старшего поколения, не связанные с современными формами ведения сельского хозяйства;

во-вторых, литературный язык полифункционален и по мере своего развития все увеличивает и усложняет систему коммуникативных функций, в то время как круг функций диалекта сужается, ограничиваясь бытовыми формами общения;

в-третьих, в литературном языке возрастает нормативность и последовательно устраняется свободная (функционально не нагруженная) вариативность языковых средств, между тем как диалектная норма подвергается расшатыванию (прежде всего из-за влияния на нее литературного языка), вследствие чего возрастает функционально не обусловленная вариативность средств и способов выражения.

Резко возросшее после Октябрьской революции влияние литературного языка на диалекты, нивелировка диалектного своеобразия под воздействием языка книг и прессы были отмечены советскими лингвистами уже в 20—30-е гг.

В работах Н. М. Каринского, А. М. Селищева, Л. П. Якубинского, В. Ф. Чистякова и других ученых исследуется материал, свидетельствующий о социальном расслоении говоров, об изменениях в них, происходящих под воздействием литературного языка (см. [Каринский 1936; Селищев 1939; Иванов, Якубинский 1932; Чистяков 1935]).

Однако не следует закрывать глаза на то, что в работах названных языковедов в известной мере сказался механистический, упрощенно-социологический подход к процессам, происходящим в русских говорах, стремление «напрямую связать эти процессы с изменениями в социальной жизни общества» [Баранникова 1967: 3—5].

Более убедительными и соответствующими реальному положению вещей оказались работы советских диалектологов, выполненные в 60—70-е гг. и показавшие, сколь сложными и нередко противоречивыми являются отношения русского литературного языка и местных говоров.

1.1. Изменение социальной базы литературного языка и диалектов

Носителями литературного языка в дореволюционной России были в основном представители буржуазно-дворянской интеллигенции, носителями диалектов — крестьяне (составлявшие большинство населения); купечество и развивавшийся с середины XIX в. рабочий класс пользовались городским просторечием и профессиональными жаргонами.

После революции круг носителей литературного языка расширяется за счет передовых слоев рабочего класса и крестьянства, новой советской интеллигенции (подробнее об этом см. [Поливанов 1928; РЯиСО, кн. I]). В 20—30-е гг. наблюдается значительный отток сельского населения, особенно среднего и младшего поколений, в города, так как ряды рабочего класса и интеллигенции пополняются выходцами из крестьян. Это не означало, конечно, что прибывавшие к городской жизни и, в частности, к городским формам речи крестьяне быстро овладевали новыми для себя средствами общения, избавляясь от привычной диалектной манеры речи. Однако для успешной ассимиляции в новых, городских социальных условиях «неофитам» важно было сознательно ориентироваться на принятые в этих условиях типы речи и отталкиваться от тех речевых черт, которые в городе имеют низкий социальный престиж (диалектные речевые черты как раз и являются такими).

Поэтому отток крестьян из деревни в город, обусловленный нуждами развития социалистической промышленности, культурного строительства и т. п., означал сужение круга носителей «чистого» диалекта. В дополнение к этому массовое обучение крестьянских детей в школах, затем их взаимодействие с

инодиалектными сверстниками на заводах, в армии, в средних специальных и высших учебных заведениях, безусловно, способствовало нивелировке их диалектных навыков, вытеснению этих навыков новыми, в значительной степени обусловленными литературной нормой: ведь и школа, и пресса, и книги, и кино, и радио являются проводниками литературной речи (а не, скажем, городского просторечия, которое, при отсутствии школьного образования и средств массовой информации, могло бы оказывать на речь выходцев из деревни гораздо более сильное воздействие, чем то, которое можно наблюдать в современных условиях).

В самой деревне увеличивается слой интеллигенции (агрономы, учителя, врачи, клубные работники и др.), которая является носителем литературного языка — правда, в той или иной степени диалектно окрашенного. Следовательно, литературную речь носитель диалекта слышит не только по радио, с кино- и телеэкрана, но и от людей, с которыми он общается в производственных и бытовых ситуациях.

Все это означает количественное сужение и качественное изменение социальной базы диалекта, изменения в его функционировании.

1.2. Изменения в коммуникативных сферах литературного языка и диалектов

Выше мы уже отмечали, что современный диалект используется во все более ограниченном наборе ситуаций; в основном он служит для бытового и внутрисемейного общения между носителями диалекта, в то время как функции литературного языка максимально широки.

Даже те жители деревни, которые с детства усвоили только местный говор, во многих общественных ситуациях — ср. обучение в школе, выступление на колхозном собрании, необходимость письменного обращения к официальному и даже просто незнакомому адресату и т. п. — обнаруживают в своей речи тенденцию к отталкиванию от привычной диалектной манеры, стремление говорить и писать «правильно», литературно (подчеркнем, что речь идет о тенденции, а не о полном овладении литературным языком). Использование же литературного языка не имеет ситуативных и социальных ограничений: он уместен в любых речевых условиях (разумеется, с необходимым стилистическим варьированием его средств), в общении с разными собеседниками.

Две противонаправленные тенденции — к возрастанию полифункциональности литературного языка и к уменьшению набора функций у диалекта — сопровождаются различными явлениями и процессами, механизм которых в конечном счете обусловлен социальными факторами.

Влияние литературного языка на диалект изменяет структуру последнего: на всех уровнях этой структуры — лексическом, морфологическом, синтаксическом и в меньшей степени фонетическом — происходят системные изменения. Появление новых элементов и утрата старых ведут к преобразованию парадигматических и синтагматических отношений между единицами диалекта. Многочисленные заимствования из литературного языка не только количественно пополняют диалектный словарь, но и видоизменяют сам диалект, приближая его по ряду черт к литературной речи.

Так, вследствие изменений самого быта деревни из него исчезают некоторые вещи и понятия — вместе с ними уходят из говора и их названия: *токовище* — место, где жгут уголь для продажи; *мастюшка* — глиняный горшок для хранения масла; *кочетыг* — небольшой плоский стержень для плетения лаптей и т. п. С другой стороны, появляется масса новых слов, называющих новые реалии, связанных с новыми формами ведения сельского хозяйства. Это касается в первую очередь лексики терминологического характера. Так, например, произошла перестройка старой сельскохозяйственной терминологии: на смену большинству диалектных наименований пришли термины из литературного языка (см. [Баранникова 1967; Оссовецкий 1968]).

В результате заимствования лексики из литературного языка происходят и качественные изменения в диалектном словаре: образуются синонимические и дублетные пары наименований, перераспределяются значения между диалектным и литературным соответствиями. Ср.: «В вологодских говорах вместо старого названия изогнутой железной палки, которой мешали и загребали угли в печи, *клюка* появилось новое — *кочерга*, вместо *векша* — *белка*; *баской*, *баско* сменилось [словами] *хороший*, *хорошо*, *красивый*, *красиво*; вместо *орать*, *свербеть* и подобных появились *пахать*, *чесаться* и т. п. ... Чаше новое слово отличается особенностями своего значения, занимая тем самым особое место в лексической системе говора. Так, новое слово *чердак*, пришедшее на смену старым *подволока*, *вышка*, *потолок* и т. п., в вологодских говорах отличается не только тем, что это новое слово, но и тем, что оно принципиально не различает разные типы чердака по месту расположения (над жилым помещением или над сенями), назначению, величине и т. п. *Грибы* не только вытесняет старое *зубы* в тех же говорах, но и выступает как слово более широкой семантики: это все грибы, любого вида, а не “все грибы, кроме белых”. То же явление со словами *ботва*, *жербенок* и т. п.» [Баранникова 1967: 94].

Некоторые диалектные слова расширяют свою семантику: сохраняя старые значения, они начинают употребляться в новых, заимствованных из литературного языка. Так, к диалектным значениям глагола *шуметь* ‘кричать’, ‘звать кого-либо’, ‘говорить, сообщать что-либо’ добавляется новое: ‘производить шум’; глагол *кричать* наряду со старым значением ‘плакать’ употребляется и в но-

вом, воспринятом из литературного языка — ‘издавать крик’. Отмечаются и другие семантические изменения в диалектной лексике, обусловленные влиянием литературного языка [Оссовецкий 1968; Оссовецкий 1969: 20 и след.].

1.3. Характер нормы в литературном языке и в диалекте

Появление в диалекте слов, морфем, синтаксических конструкций, обусловленное влиянием литературного языка, увеличивает вариантность диалектной нормы, так как заимствования из литературного языка конкурируют с традиционными диалектными средствами, иногда вытесняя их, а во многих случаях сосуществуя с ними. Тенденция к увеличению вариантности противоположна действующей в литературном языке тенденции к функциональной и стилистической дифференциации вариативных средств, к уменьшению свободной варьированности как свойства системы. Этому способствует и кодификаторская деятельность ученых, языковая политика, речевая практика прессы, радио, телевидения.

Следует подчеркнуть — и это делается во многих диалектологических исследованиях, — что при взаимодействии литературного языка и территориального диалекта изменения претерпевают обе эти подсистемы. В особенности это касается речевой практики «двуязычных» носителей говора: даже в бытовых и внутрисемейных ситуациях они говорят на не вполне том диалекте, которым пользуется (или пользовалось) старшее поколение, не знакомое с литературным языком; с другой стороны, и в официальных ситуациях они лишь приближаются к литературной норме, и в их речи сохраняются черты диалектного говора, в особенности такие, которые не поддаются сознательному контролю, — ср. фонетические и интонационные характеристики речи ¹.

1.4. Формы взаимодействия литературного языка и диалектов

Современные формы взаимодействия говора и литературной речи рожают особый вид языкового образования — полудиалект (или интердиалект ²). Под

¹ Еще Л. П. Якубинский [Якубинский 1923: 182] подчеркивал автоматизм именно произносительной стороны речи. При этом он имел в виду речь спонтанную, которая протекает «в порядке простого волевого действия с привычными элементами», когда речевые факты не входят в сознание, не подлежат вниманию — ни в момент, предшествующий началу речевой деятельности (так как нет отбора и борьбы мотивов), ни во время самой деятельности (так как они привычны)». См. об этом также [Fishman 1971a: 284; Крысин 1973: 47].

² «...Между диалектами и... литературным языком, — писал В. В. Виноградов, — сложная цепь взаимоотношений. Возможные переходные ступени — интердиалекты, полудиалекты, разговорное междиалектное койне...» [Виноградов 1967: 62].

этим термином диалектологи понимают результат объединения в одном типе речи диалектных и литературно-языковых черт, иногда с примесью просторечия. «...Полудиалекты являются привычным средством речевого общения с теми, кто не являются уроженцами данной местности или, как «образованные», говорят на литературном языке» [Жирмунский 1956: 28]³.

В современной русской языковой действительности своеобразные полудиалекты представлены устной речью населения небольших городов, расположенных на территории тех или иных диалектных групп (подробнее об этом см. [РЯиСО, кн. 4: 210; Коготкова 1970: 107—120]).

Через полудиалект и городское просторечие диалектные лексические элементы проникают в литературную речь. Этот процесс гораздо менее интенсивен и менее социально значим, нежели обратное влияние — литературного словаря на говоры, однако он дал и продолжает давать некоторые результаты: ср. такие «олитературенные» диалектные слова, как *глухомань*, *новосел*, (полевой) *стан*, *доярка*, *жатка*, *затемно*, *отзул*, *показуха*, *умелец* и нек. др., вошедшие в русский литературный язык в советское время, синонимические ряды типа *нехватка*, *недостача*, *дефицит*; *недочеты*, *недостатки*, *неполадки*, *дефекты*; *косьба*, *косовица* и т. п., включающие в себя освоенные литературным языком диалектизмы (они выделены разрядкой).

Процесс влияния говорков на литературный язык не ограничивается лексикой — он затрагивает и фонетику, и синтаксис речи той части интеллигенции, которая живет в диалектном окружении, и приводит к формированию специфических черт этой речи, отличающих ее от традиционно-нормативного литературного языка.

Это отмечал еще А. А. Шахматов: «Говоря литературным языком как своим родным, уроженцы местностей, более или менее удаленных от Москвы, а в особенности те, которые научились литературному языку преимущественно из книг и из школы, не употребляя его с малолетства, сохраняют в своем произношении ряд местных областных черт. Северноруссы с трудом привыкают к аканью, произнося по-старинному *о*, где того требует этимология, на месте московского *а*: *гора*, *нога*, *голова*. Южновеликоруссы упорно сохраняют *х* в конце слов на месте этимологического *г*...: *друх*, *сапох*» [Шахматов 1941: 95].

В подобных случаях говорят о региональных, или локальных, разновидностях литературного языка, о «литературном языке в географической про-

---

³ Термин «полудиалект» — калька с немецкого *Halbmundart*. Следует иметь в виду, что лингвистическая природа полудиалектов различна в разных языковых условиях. Так, немецкие полудиалекты объединяют более разнородные, контрастные элементы, чем русские, поскольку «расстояние» между литературным немецким языком и местными диалектами гораздо больше, чем между русским литературным языком и русскими говорами.

екции» (см. [Гельгардт 1959; Панов 1967: 294 и след.; Парикова 1966; РЯДМО] и др.).

Влияние, которое говоры оказывают на литературный язык (в условиях диалектного окружения), не всегда выражается в прямом проникновении диалектных элементов в литературную речь (как это происходит, например, с оканьем или с сохранением [х] вместо литературного [к] в слабой позиции фонемы [г]). Нередко это влияние более сложно. Так, исследователи отмечают, что если в некоторых говорах широко представлены формы местного падежа на -*у́* (*в погребу́, в складу́, в клубу́*), то в речи носителей литературного языка, живущих в окружении этих говоров, наблюдается более высокий — по сравнению с речью носителей литературного языка, живущих в других районах, — процент разрешаемых литературной нормой форм на -*у́* (*в снегу́, в меду́* и т. п.), но сами диалектные предложно-падежные сочетания типа *в погребу́* могут при этом и не употребляться (см. [РЯДМО, гл. III]).

В разнообразных формах влияния литературного языка на диалекты исследователи отмечают явления, свидетельствующие об отходе современных говоров от того, что наиболее «контрастно» с другими подсистемами русского национального языка, что вступает «в наибольшее противоречие с общерусскими тенденциями языкового развития» [Кузнецова 1975: 139].

Таково, например, явление изживания цоканья. Преодоление цоканья в диалектах, которым оно исстари присуще, происходит путем перестройки не только фонетической, но и морфологической и даже лексической системы диалекта (из литературного языка заимствуются слова с аффрикатой [ч']) и сопровождается явлением гиперкоррекции: звук [ч'] произносится не только на своем «законном» месте (например, в словах *часы, бочка*), но и там, где должно произноситься [ц]: [ч']*елый* вместо [ц]*елый* и т. п.

Хотя, как считают диалектологи, тенденция к употреблению подобных гиперкорректных форм «лишена перспектив дальнейшего развития, поскольку она противоречит общерусским языковым тенденциям в области фонологического распределения и фонетической реализации» некоторых консонантных элементов [Кузнецова 1975: 146], само явление диалектной гиперкоррекции чрезвычайно интересно с социоллингвистической точки зрения. Оно представляет собой один из тех путей, по которым происходит приобщение носителя диалекта к литературному языку. Во всяком случае, на начальном этапе такого приобщения случаи гиперкоррекции произношения или словоупотребления довольно часты и даже типичны. И только вполне усвоив систему норм литературного языка, говорящий избавляется от гиперизмов⁴.

⁴ Интересный материал, касающийся явления диалектной гиперкоррекции, содержится в работе [Касаткин 1999].

Отходя от явлений, контрастирующих с общерусскими тенденциями языкового развития, диалектная речь в то же время сохраняет такие черты, которые имеют общую перцептивную базу с соответствующими явлениями общерусской фонетики, в частности — литературной. В этом отношении характерна устойчивость такой диалектной черты, как дзеканье — произношение аффрикат [д'з'] и [т'с'] : по наблюдениям А. М. Кузнецовой, эта диалектная особенность не только не утрачивается, но и усваивается частью носителей русского литературного языка [Кузнецова 1975: 140].

Подобные факты свидетельствуют о том, что результаты взаимодействия литературного языка и территориального диалекта зависят не только от тесноты и интенсивности контактов этих двух языковых подсистем и их носителей, но и от качественного своеобразия явлений и процессов, присущих каждой подсистеме, и от соответствия/несоответствия тенденций развития этих подсистем основным закономерностям эволюции национального русского языка.

Таким образом, для современной русской языковой действительности характерно существование не только литературного языка и местных диалектов в их «чистом» виде, но и ряда переходных ступеней от диалекта к литературной речи, промежуточных образований типа полудиалекта, а также локальных вариантов литературного языка.

Коротко говоря, взаимоотношения современного русского литературного языка и территориальных диалектов характеризуются следующими чертами:

- 1) усилением влияния на диалекты литературного языка, что сказывается как в замене диалектных средств литературными, так и в нарушении целостности самой системы говора как совокупности коммуникативных средств;
- 2) усилением роли социальных факторов в процессе сохранения / нивелировки диалектных черт, а также в функционально-стилистической дифференциации говора;
- 3) влиянием диалектов на литературный язык, которое проявляется не только в виде лексических заимствований из говоров, но и в диалектном «окрашивании» речи носителей литературного языка.

2. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ПРОСТОРЕЧИЯ

Во взаимоотношениях литературного языка и просторечия наблюдаются процессы, аналогичные тем, которые имеют место при взаимодействии и взаимовлиянии литературного языка и территориальных диалектов: во-первых, это

расширение социальной базы литературного языка за счет сужения социальной базы просторечия; во-вторых, вытеснение литературным языком просторечия из большинства коммуникативных сфер (на долю просторечия остаются узкобытовые сферы общения); в-третьих, расшатывание просторечия как определенной подсистемы национального русского языка под влиянием литературной нормы. Иными словами, наступление литературного языка на просторечие осуществляется по всем направлениям — социальному, коммуникативному и собственно языковому.

Нельзя не учитывать и влияния противоположного — просторечия на литературный язык. Разумеется, это влияние меньшей значимости и меньшего масштаба. Однако оно несомненно существует. Просторечие — одна из форм живой, нормативно не регулируемой речи — выступает как источник, питающий литературный язык новыми выразительными средствами. Эти средства могут использоваться в литературном языке в качестве стилистически маркированных, с определенными коммуникативными целями (например, в иронических, шутливых, фамильярных и т. п. контекстах) — наиболее обычный способ использования элементов просторечия, — а также в качестве заимствований, либо заполняющих в литературном языке некие понятийные или коммуникативные лакуны, либо вступающих в синонимические отношения со словами литературного языка.

2.1. Влияние литературного языка на просторечие

Это влияние проявляется в различных формах. Одна из этих форм — использование носителями просторечия литературных средств в качестве *с и т у а т и в н о о б у с л о в л е н н ы х*. Так, при общении с носителями литературного языка лица, владеющие просторечием-1, и особенно те, кто говорит на просторечии-2, употребляют в своей речи лексические и синтаксические элементы, свойственные литературному языку. При этом, поскольку носитель просторечия не владеет литературной нормой, эти элементы, как правило, претерпевают морфо-фонетические и акцентные трансформации или же выступают в несвойственном им лексическом и стилистическом окружении.

В особенности это касается книжных лексических единиц — научной терминологии, слов и словосочетаний официально-делового языка и некоторых других элементов, которые осознаются носителями просторечия как социально престижные, связанные с более высокой культурой, чем их собственная.

Примеры такого использования литературно-языковых средств общеизвестны. В наиболее яркой и заостренной форме это явление отражено в произведениях М. М. Зощенко (о соединении в речи зощенковских персонажей разно-

родных языковых стихий, в частности просторечно-диалектной и канцелярской, см. [Виноградов 1928]).

Ср. некоторые примеры, иллюстрирующие формальные и смысловые «переделки»⁵ книжного слова в устах зощенковских персонажей:

Будто вдруг на меня *атмосферой* пахнуло; Чего, говорит, *агитировать*: становись вон к той березе, тут мы в тебя и штрельнем» (*агитировать* в данном случае употреблено в смысле 'разговаривать'); Подхожу *демонстративно* к мельнику. — Так и так, говорю, теперь, говорю, вам, старичок, *каюк-компания*; В театре она и *развернула* свою *идеологию* в полном объеме; А хозяин держится *индифферентно* — ваньку валяет; — Это, кричит, чья свинья? Будьте любезны ее *ликвидировать*; Это же *утопия*, гроб, если всех жильцов выселять (*утопия* осмысляется по ложной связи с глаголом *утопать*); Человек пропал *буквально и персонально*; А в кухне ихняя собачонка, *системы пудель*, набрасывается на потребителей и рвет ноги (из «Рассказов Назара Ильича господина Синябрюхова»).

Ср. также наблюдения над современным просторечным использованием книжной, преимущественно иноязычной, лексики:

Товарищ Иванов с *апогеем* рассказывал; Он говорил с *экспромтом*; Вы посмотрите на этот *эпизод*! Разве можно с этим мириться! (покупатель, показывая на очень плохо сшитый костюм); Что нужно сделать, чтобы был *правильный дефект* речи (из письма в газету) (см. [Винокур 1980: 95]); Сказали — надо обращаться *по дистанции* (вместо *по инстанции*); Врач *констатировал* ей лечиться в санатории (в смысле: советовал) (из устной речи) и т. п.

Другая форма влияния литературного языка на просторечие — это использование носителями просторечия за и м с т в а н и й из литературного языка. Употребление этого рода элементов отличается от первого вида использования литературно-языковых средств большей регулярностью и тем, что оно не зависит от ситуативных условий речи. Это как бы следующая (после ситуативно обусловленного использования) ступень освоения литературного языка носителями просторечия.

Поскольку просторечие (в обеих его разновидностях) является подсистемой национального русского языка, куда в качестве другой подсистемы входит литературный язык, в наборе коммуникативных средств эти две подсистемы пересекаются. Иными словами, многие фонетические, морфологические, лек-

⁵ «...Клише книжной речи ломаются в своей семантике, попадая в не свойственный им контекст, — писал по этому поводу В. В. Виноградов. — Чаще всего происходит разрушение тех семантических соотношений, которые существуют в системе литературной книжной лексики и фразеологии, — путем их внелитературных сцеплений или путем морфологического преобразования» [Виноградов 1928: 66].

сические и синтаксические единицы оказываются общими и для литературного языка, и для просторечия. Как при этом условия отличить заимствование в просторечии от искони присущей ему единицы? Главное отличие такое: если слово или оборот, соответствующие норме современного литературного языка, употребляются в просторечии вместо традиционного, издавна существующего здесь средства, то перед нами несомненное заимствование из литературного языка. О заимствовании надо говорить и в том случае, если литературно-языковая единица заполняет лакуну — именуется явление или понятие, которому в просторечии не было до тех пор наименования. Наконец, заимствование из литературного языка может сосуществовать с просторечной единицей либо в качестве дублета (просторечию, как известно, не свойственна тенденция к функциональной и семантической дифференциации единиц), либо в качестве близкого по смыслу и по употреблению средства⁶.

Примеры всех этих разновидностей заимствования достаточно очевидны. Поскольку просторечие может эффективно обслуживать лишь обиходно-бытовую сферу человеческой деятельности, то ясно, что, как только носители просторечия сталкиваются с необходимостью участвовать в коммуникации в других сферах — например, общественной, деловой и т. п., — они не могут обходиться исключительно средствами просторечия, а вынуждены прибегать к средствам литературного языка. Отсюда — освоение носителями просторечия, например, многих слов и словосочетаний официально-делового стиля литературного языка, «канцеляризмов»: *акт, договор* (с ударением на первом слоге: *дóговор*), *справка, жировка, квартплата, задолженность; встать (поставить) на учет, выдать справку, составить акт, погасить задолженность, подать заявление* и мн. др.

При этом официально-деловая лексика и фразеология могут соседствовать с просторечной, для которой, в частности, характерно использование слова в размытом, обобщенном, а иногда и просто в смещенном значении: наряду с *написать заявление — составить бумажку, со стать на учет — прикрепиться*, вместо *погасить задолженность (по квартплате) — потушить долг* или *долги* и т. п.

Разумеется, влияние литературного языка на просторечие осуществляется не только на лексико-семантическом, но и на других уровнях — фонетическом,

⁶ Ср. эксперимент Л. А. Грузберг, выявивший неразличение носителями просторечия денотативных расхождений между словами *диван — софа — тахта; фуфайка — свитер — джемпер — пуловер* (см. [Грузберг 1966]); сходные наблюдения делает Т. С. Коготкова, которая называет действующую в просторечии тенденцию к стиранию «смысловых нюансов при освоении слов литературного языка» семантической нейтрализацией [Коготкова 1977: 62—63].

морфологическом, синтаксическом. Так, под влиянием нормативного произношения из речи носителей просторечия вытесняются наиболее яркие фонетические черты — типа произношения *какава, радио, пиянино, коидор, карасин* и т. п.; под воздействием литературной нормы уменьшается роль аналогического слово- и формообразования, и постепенно формы типа *хотит* или *хочем* вытесняются на периферию просторечия; синтаксис сближается с синтаксисом разговорной литературной речи.

Происходят изменения и в речевом поведении носителей просторечия и в их языковом сознании: просторечие начинает осознаваться многими из них как «некультурная», коммуникативно ущербная подсистема языка, пригодная лишь для бытового общения со «своими». Социальные и языковые условия современной действительности все настойчивее предъявляют к говорящим требование — овладеть литературным языком.

2.2. Влияние просторечия на литературный язык

Просторечие, наряду с диалектами, является питательной основой литературного языка. Роль его в качестве источника, из которого литературный русский язык в эпоху своего формирования черпал разнообразные выразительные средства, достаточно хорошо освещена в работах В. В. Виноградова, Ю. С. Сорокина, Л. И. Баранниковой, Г. П. Князьковой и других отечественных исследователей (см. [Виноградов 1938; Сорокин 1965; Баранникова 1974, 1977; Князькова 1974; Литературная норма и просторечие 1977] и др.).

В современных условиях, когда литературный язык является сформировавшейся и высокоразвитой коммуникативной подсистемой национального русского языка, а просторечие, напротив, утрачивает свое функциональное значение, роль его как питательной основы литературного языка значительно меньше. Вместе с тем формы, в которых проявляется влияние просторечия на литературную речь, разнообразнее, чем раньше. Если в XVIII—XIX вв. просторечные элементы проникали в литературный язык главным образом через художественную литературу, а между устной речью образованных людей и просторечием существовала четкая и определенная грань, переходить которую носитель литературного языка мог только с риском навлечь на себя осуждение общества, то теперь весьма гибки и разнообразны способы сознательного использования просторечных единиц в устной литературной речи (с целью словесной игры, шутки, каламбура и т. п.). Кроме того, просторечные средства, в особенности те, что обладают яркой экспрессивностью, достаточно широко употребляются в речи носителей литературного языка в непринужденных, неофициальных ситуациях, при проигрывании соответствующих социальных ролей.

Просторечное слово нередко встречается в письменных литературных текстах, и не только в художественных, но и в публицистических (особенно в газетной публицистике), иногда без какой-либо ориентации на создание стилистического эффекта.

Итак, можно говорить о нескольких формах влияния современного просторечия на литературный язык.

Одна из таких форм — использование просторечных элементов в литературной речи (в основном — устно-разговорной) в качестве стилистического средства.

Оставляя в стороне далеко выходящий за рамки настоящей работы вопрос об использовании просторечия в художественном произведении (как в речи персонажей, так и в авторском тексте), укажем характерные случаи употребления просторечных элементов в спонтанной, заранее не подготовленной речи носителей литературного языка:

Ты с нею поосторожней, уж больно она *ндравная*; Как вы там вчера, в колхозе-то? — Между прочим, было *чижало* — народу-то совсем мало поехало; Это чья сумка, ее? — Да как будто *ейная*; Ох ты, *обратно* в новом платье!; Смотри, они [цветы] уже завяли. — А *пуцай*, сегодня новых купим; Сплошные заседания: сейчас ученый совет, в три — местком, а в пять — какая-то лекция. *Цельный* день без продыху! (записи 80-х гг.; все информанты — с высшим гуманитарным образованием).

Обращает на себя внимание тот факт, что в качестве стилистически маркированного средства используются в основном единицы просторечия-1, а не просторечия-2, так как они больше контрастируют с литературно-нормативной речью. Просторечный элемент обычно интонационно выделяется говорящим — тем самым указывается на его инородность и на то, что говорящий сознательно пользуется этим инородным словом или оборотом.

Влияние просторечия-1, видимо, и ограничивается таким стилистически и ситуативно обусловленным использованием просторечной манеры произношения и некоторых лексических элементов, иногда в составе устойчивых оборотов или ходячих фраз (*не пимши не емши, польт не напасёсса, ходют тут всякие, наложи лизарюцию* и т. п.).

Употребляя подобные выражения, говорящий — носитель литературного языка — должен быть уверен, что собеседник понимает шутливость их использования и не допускает, чтобы словоформы типа *пуцай* или *польты* слушающий воспринял бы как нейтрально употребляемые средства общения (и тем самым отнес бы говорящего к носителям просторечия).

Низкий социальный престиж просторечия-1 не мешает, а, напротив, способствует использованию этой языковой подсистемы в качестве источника шут-

ливого, иронического употребления. Просторечные единицы, используемые с установкой на шутку, редко делаются нейтральными в литературном языке. И здесь дело уже не только в их яркой экспрессивности на фоне литературной речи, но и в осознании говорящими их социальной инородности и, стало быть, неприемлемости в качестве «нормального», неотмеченного коммуникативного средства ⁷.

Наряду со стилистическим использованием просторечных слов и выражений происходит и их заимствование. Как и всякий процесс языкового заимствования, переход просторечной лексики в литературное употребление может объясняться разными причинами: поисками новых выразительных средств, уточняющих или усиливающих существующие в литературном языке средства или даже замещающих некоторые из них, заполнением понятийных и коммуникативных лакун и нек. др.

Наиболее часты и обычны случаи заимствования из просторечия экспрессивных лексических и фразеологических единиц, в которых подчеркнута отрицательная или положительная оценка обозначаемого явления.

Так, просторечное (а в просторечие пришедшее из диалектов) слово *показуха*, начавшее активно использоваться в литературном языке с 60-х гг., обозначая явление отрицательное, сохраняет определенный экспрессивный заряд независимо от того, в какие контексты оно попадает (наоборот: оно само формирует стилистическую окраску контекста). Глагол *вкалывать* — ‘энергично работать’, заимствованный литературным языком из просторечия (куда он попал из профессионального жаргона горняков ⁸), также сохраняет яркую экспрессию, особенно в сравнении его с глаголами *работать* и *трудиться*.

С другой стороны, просторечные слова, не содержащие в своих значениях отрицательной или положительной оценки обозначаемых понятий, нередко входят в литературное употребление на правах нейтральных единиц, и их «низкое» происхождение никак не ощущается говорящими. Таковы, например, слова *учеба*, *напарник*, *зря* и нек. др.: хотя современные словари иногда снабжают подобные слова пометой «прост.», более точной, соответствующей их нынеш-

---

⁷ Разнообразные приемы использования носителями литературного русского языка просторечных и диалектных элементов для создания непринужденной обстановки общения, для языковой игры описаны в [PPP-1983: 181 и след.].

⁸ В том, что этот глагол прочно укоренился в литературном языке, особенно в разговорной его разновидности, видимо, нет никаких сомнений. Ср. интересный эксперимент, проведенный Т. Г. Винокур: при опросе ею 72 информантов среднего и пожилого возраста, имеющих высшее образование, оказалось, что 50 человек употребляют его регулярно, 20 — редко, один человек не использует сам, но ничего не имеет против его употребления в речи других, и только один отнесся к этому слову резко отрицательно (см. [Винокур 1980: 26]).

нему статусу в литературном языке была бы помета «разг.», в некоторых же случаях (ср., например, слово *учеба*) заимствование из просторечия является стилистически не отмеченным элементом литературного языка. Все более «нейтрализуется», т. е. теряет свою просторечную окраску, слово *парень*, тем самым заполняя некую «пустую клетку» в стилистической парадигме: в литературном языке есть книжное *юноша* и разговорно-просторечное *парень*, но нет нейтрально-стилистического соответствия этим словам.

В последние десятилетия литературный язык вобрал в себя новые просторечные элементы, как экспрессивного, так и чисто номинативного характера. Сфера их преимущественного употребления — устно-разговорная речь носителей литературного языка, условия употребления — непринужденные обиходно-бытовые ситуации. Главным образом, это лексика просторечия-2, несущая на себе печать некоторой жаргонности (просторечие-2, как мы уже отмечали, в значительной степени жаргонизировано и часто служит передаточной средой для слов, заимствуемых литературным языком из групповых жаргонов).

Ср., например, слова и обороты типа *туфта, гнать туфту*⁹ (= ‘лгать, говорить нечто, маскирующее истинные намерения или действия говорящего’): *пизжонить, подъялдыкивать* (‘подначивать’); *усекать* (= ‘понимать’): *отшить, зануда, работяга* в нейтральном значении ‘рабочий’ или ‘работник’¹⁰ (ранее в литературный язык это слово вошло из просторечия в значении ‘работящий, старательный человек’) и др.

⁹ Ср.:

— Мамочка, здравствуй! Пропаций сын... Да тут рыбалка, телефон за десять километров. Пришлось переплывать залив... Жутко холодная, ма! А чего не совершишь для родной матери! — Ну и так далее. Выражаясь языком наших юных современников, он [Потапов] «гнал туфту» (С. Иванов. Из жизни Потапова // Новый мир. 1983. № 6. С. 85).

Путь этого слова в современную разговорную речь, видимо, таков: воровской жаргон — молодежный жаргон — просторечие-2 — устно-разговорная разновидность литературного языка.

¹⁰ Ср. следующий пример такого его употребления:

А потом через двор засеменят в магазин старухи и уже за ними, дожевывая на ходу утреннюю пищу, промчатся *работяги* разного вида и пола. Одни с толстенными, как сундуки, портфелями, другие с тонюсенькими папочками, третьи безо всего, налегке. Народ всякого калибра: интеллигенты, рабочие, военные разного звания, молодые, старые... (Н. Евдокимов. Сказание о Ньюрке — городской жительнице // Избранные произведения. М., 1982. Т. 1. С. 251).

В недавнем прошлом такое употребление слова *работяга* расценивалось как противопоказанное литературному языку (см., например: Правильность русской речи: Словарь-справочник. М., 1965. С. 175).

Многие из подобных слов и оборотов попадают и в книжно-письменную речь. Так, словарь-справочник «Новые слова и значения» (М., 1973), составленный по материалам прессы и литературы 60-х гг. (и, кстати говоря, совершенно напрасно игнорирующий устную интеллигентскую речь в качестве источника неологизмов), указывает такие слова и значения слов, прежде свойственные просторечию и не попадавшие в литературный оборот ¹¹: *верняк* 'нечто не вызывающее сомнений, надежное' (*Верняк дело, как ты считаешь?* ¹²); *вкальывать*, *врѣзать* 'сильно ударить'; *втихаря* 'тайком, потихоньку'; *гробануть* 'испортить, сломать' (о технике); *гробиться* 'терять здоровье, силы; погибать'; *днями* 'на днях'; *доходяга* 'измученный работой, истощенный человек'; *без дураков* 'серьезно, всерьез'; *забегаловка* 'закусочная, пивная'; *калымить* 'подрабатывать незаконным путем'; *капать* 'доносить, ябедничать'; *левак*, *левачить* 'работать «налево», с целью получения незаконного заработка'; *махнуть* 'обменять'; *махнуться* 'обменяться'; *навалом* 'очень много'; *показуха*; *прошвырнуться* 'прогуляться, пройтись'; *распсиховаться* 'разнервничаться'; *светить* — в выражении *не светит кому* (об отсутствии возможности рассчитывать на успех в чем-либо); *стопарь* 'стопка, стакан для водки'; *таксёр* 'водитель такси'; *тягомотина*, *тягомотно* 'то, что тягостно, нудно'; *чокнутый* 'чудаковатый, странный'.

Добавим к этому списку некоторые другие слова и выражения, идущие из просторечия: *встречаться* 'иметь любовные отношения' (*Она встречалась с ним два месяца*), *дружить* — в том же значении, но скорее только о молодом человеке и девушке, а не вообще о мужчине и женщине; *прибарахлиться* 'одеться во что-либо новое или модное' ¹³; *обрыднуть* 'сильно надоесть', преимущественно в форме прошедшего времени (*Обрыдло всё, осточертело*); *стоячка* 'столовая или кафе, где едят стоя' ¹⁴, *фингал* 'синяк, опухоль (от удара)'; *цели-*

¹¹ В предисловии к этому словарю специально подчеркивается: «Составителями сделана попытка объективно отразить разные слои лексики (в том числе и просторечные слова), имеющей определенный лингвистический интерес и употребляемой в литературе, рассчитанной на самые широкие круги читателей» (с. 3).

¹² Ср. также производное *верняковый*:

Это даже особый разговор — их [бродячих собак] еда: всякий день выстроить очередность обхода, знать, куда идешь с надеждой почти *верняковой*, а где тебя может ждать лишь случай... (Знание — сила. 1985. № 10. С. 37).

¹³ Ср. этот глагол в речи персонажа — молодого парня из рабочей среды:

Двор. Нина стоит в той же куртке, но на голове у нее шапочка, а на ногах не валенки, а сапожки. В руках сумочка. Появляется Николай. Николай: Ну, пошли. Чего это ты *прибарахлилась* (*Л. Петрушевская. Уроки музыки*).

¹⁴ Ср.:

Здесь, как и в большинстве современных пивных, была американка», или, выражаясь проще, «стоячка» (*С. Иванов. Из жизни Потапова*).

ковый 'целый, не поделенный на части'¹⁵; просторечные названия денежных единиц: *трояк* 'три рубля'; *червонец* 'десять рублей'; *четвертная*, *четвертак* 'двадцать пять рублей'; *полста* 'пятьдесят рублей'; встречающиеся в непридуманной речи носителей литературного языка фразеологизмы типа *катить телегу* 'напрасно обвинять', *пудрить мозги*, *лапшу на уши вешать* 'намеренно вводить в заблуждение, дурачить'; *в упор не видеть* — о нежелании общаться с кем-либо и нек. др.

2.3. Образование промежуточных форм речи

Одним из наиболее своеобразных результатов взаимного влияния литературного языка и просторечия является образование таких форм речи, которые занимают промежуточное положение: это и не собственно литературный язык, и не чистое просторечие (в любой из двух его разновидностей).

В основе этого явления лежат социальные причины: сближение различных по образовательному и культурному уровню слоев и групп общества вследствие миграционных, урбанизационных и некоторых собственно социальных процессов, например изменения социального статуса говорящих в результате повышения образования, приобретения профессий, связанных с интеллектуальным трудом, и т. п.

Разумеется, речевые навыки, как одни из наиболее устойчивых, не сменяются вместе со сменой социального состояния индивида — в этом случае вчерашний носитель просторечия, получивший среднее или высшее образование, должен был бы немедленно изменить и свой лингвистический статус, сделавшись носителем литературного языка. В действительности изменения в речевых навыках, как известно, значительно отстают от социальной, психологической и интеллектуальной эволюции индивида. Однако тенденции таких изменений дают о себе знать в виде сознательной или неосознанной ориентации человека на более престижные образцы речи. Еще не владея литературной нормой, он уже отталкивается от просторечия как от «неправильной», «неграмотной» речи. Это-то и дает промежуточные речевые формы, где просторечная фонетика может соседствовать с литературной лексикой, просторечная интонация — накладываться на вполне «правильные», т. е. литературные синтаксические конструкции и где, более того, внутри каждого из уровней единицы просторечные перемежаются с единицами литературными.

¹⁵ Прилагательное *целиковый* не вполне точно соответствует смыслу литературного *целый*, что хорошо видно из таких контекстов:

Кладите прямо *целиковую картошку*, не режьте; Надо на маленьком огне, чтобы *помидоры* получились *целиковые* (это чистая транспозиция — переход в другую часть речи — наречия *целиком*).

Носители подобных промежуточных форм речи — городские жители с неполным средним или даже со специальным средним образованием, занятые по преимуществу физическим трудом: грузчики, шоферы, повара и т. п.

Вот некоторые образцы такой речи:

(1) [Шеф / ты ч'о / байс'а / што мы т'иб'а аб'йд'им? Н'и байс' / н'и пр'га-даиш / в оба канца т'иб'е заплот'им / а атудь ты кавон'т' (кого-нибудь) пасод'иш аб'изат'ыл'на] (= Шеф, ты что — боишься, что мы тебя обидим? Не бойся, не прогадаешь: в оба конца тебе заплатим, а оттуда ты кого-нибудь посадишь обязательно) — разговор с таксистом; говорящий — москвич 30 лет, по профессии повар; запись 80-х гг.;

(2) [Л'ут / ладнь ја к т'иб'е в'е'ч'ьр'ьм зайду? А то х тр'ом / как дьгвар'ил'ис' / ја н'и пасп'е'ю] (= Люда, ладно я к тебе вечером зайду? А то к трем, как договорились, я не поспею) — разговор двух подруг; говорящая — продавщица 30—32 лет, москвичка; запись 80-х гг.;

(3) (Ответ на вопрос: — Как ты на работу едешь?) [Снач'аль нъ м'итр'о / патом нъ транва'й ч'ут' л'и н'и цел'ьц'и ч'ас тр'ис'ос'а] (= Сначала на метро, потом на трамвае чуть ли не целый час трясешься) — учитель физкультуры, москвич, 50 лет; запись 80-х гг.

Комментарий: в записи (1) обращает на себя внимание просторечное произношение форм *боишься*, [ч'о] вместо [што], формы [заплот'им], [пасод'иш], а также аpellятив *шеф*, характерный для просторечия-2; в записи (2) — необычная синтаксическая позиция слова *ладно*, произнесение предлога *к* как [х]: [х тр'ом], использование глагола *поспеть* вместо литературного *успеть*; в записи (3) — диссимиляция губных: [мв] → [нв] в слове *трамвай*, произношение [с'] в глагольной форме *трясешься*, отчетливо икающее произнесение гласного в первом предударном слоге слова *метро* (в литературной норме сохраняется тенденция к э-образному — [э*] — произношению гласного на месте орфографического *e* в первом предударном слоге иноязычных слов).

Несмотря на эти достаточно яркие просторечные элементы, в целом речь указанных информантов — даже в тех небольших фрагментах, которые приведены, — нельзя отнести к чистому просторечию: произношение в основном литературно, словоизменение и синтаксис также подчинены литературной норме, выбор большей части лексики находится в пределах литературного словоупотребления.

Сознавая недостаточность приведенного материала для квалификации промежуточных форм речи, подчеркнем, что эти формы до сих пор не привлекали к себе внимание исследователей (в отличие от промежуточных форм, образующихся на стыке местного диалекта и литературного языка или местного диалекта и просторечия, — см., например, работы Т. С. Коготковой). По мере накопления материала наблюдений над живой современной речью можно будет

сделать более обстоятельные выводы о характере совмещения в одном идиоме просторечной и литературной манер и о специфике состава лиц, пользующихся такими промежуточными формами современного русского языка.

2.4. Особый случай использования в литературном тексте просторечных элементов

Особый случай использования в литературном тексте просторечных элементов представляет собой не оправданное ни контекстно, ни экспрессивно-стилистически употребление единиц, имеющих особенности в своем морфологическом строении. Ср. такие примеры:

В Москве светлеющею ранью // Еще не тронут край небес, // А здесь уже мы ложим камни // И третий делаем замес (Е. Исаев. В Сибири);

Женя приехала к Дусе, и они подружили (вместо: подружились) (Ф. Белохвостов. Поиски озокерита);

Этот сорт хорошо растет на полупустынных почвах, отлично чувствует (вместо: чувствует себя) на горных черноземах и наносных почвах (из сб. статей «Груша», М., 1960);

Четыре раунда Мухаммед Али игрался с «претендентом» на звание чемпиона мира бельгийцем Жаном-Пьером Купманом, как хотел (Комсомольская правда. 1976. 22 февр.);

Но Волошин обхитрил «преследователей» (речь идет о велогонке) (Правда. 1983. 29 июня) —

ср. литературные глаголы *играть*, *перехитрить*.

Несомненно, что такого рода факты должны рассматриваться как нарушение норм литературного языка, неоправданное засорение его иносистемными элементами.

3. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЖАРГОНОВ

С. И. Ожегов писал в 1951 г.: «Ныне профессиональная речь — один из каналов регулярного, последовательного обогащения словарного состава общенародного языка» [Ожегов 1951: 31]. Исследования 60—70-х гг., опиравшиеся на анализ конкретного языкового материала, полностью подтвердили это наблюдение известного советского лексикографа (см., например, [РЯиСО. Т. 1; Капанадзе 1965, 1966] и др.).

Как мы выяснили в предыдущей главе, профессиональные жаргоны отличаются от местных диалектов и просторечия своим социальным и коммуника-

тивным статусом: они находятся в отношениях функциональной дополнителности с какой-либо другой подсистемой русского языка. Это обстоятельство накладывает особый отпечаток на отношения между литературным языком и профессиональными жаргонами. Во-первых, поскольку лица, владеющие каким-либо профессиональным жаргоном, одновременно владеют еще и литературным языком (распределяя эти подсистемы по соответствующим сферам и ситуациям общения), постольку создаются благоприятные условия для взаимного влияния этих подсистем. Подобно тому как разные языки, совмещающиеся в идиолекте билингва, влияют друг на друга, приводя к интерференции, взаимопроникновению обеих языковых систем, профессионально обусловленная и литературная манеры речи также могут взаимодействовать в пределах одного идиолекта, вызывая рефлексыв такого взаимодействия в виде окказионального словоупотребления, заимствований, стилистического использования элементов профессионального жаргона в литературной речи.

Во-вторых, однако, поскольку литературный язык и профессиональные жаргоны не встречаются в одних и тех же коммуникативных условиях (они ситуативно распределены), постольку существует оппозиция «литературный язык — профессиональный жаргон» — как в реальном общении, так и в сознании говорящих. Это препятствует смешению обеих языковых подсистем и, напротив, способствует сохранению целостности каждой из них; согласно принципу ситуативной обусловленности употребления языковых средств, литературный язык и профессиональный жаргон используются говорящими в разных классах ситуаций («общие» ситуации в первом случае и «специальные» во втором).

Двумя этими противонаправленными тенденциями — к сближению литературного языка и профессиональных жаргонов, с одной стороны, и к их размежеванию и даже взаимному отталкиванию, с другой, — и характеризуются отношения этих двух подсистем современного русского языка. Первая тенденция способствует тому, что в литературном языке появляются заимствования из профессиональных жаргонов; вторая — мешает слиянию этих заимствований со средствами литературного языка: они употребляются в литературном тексте как отмеченные, связанные с определенной профессиональной средой. Нередко употребление такого рода профессионализмов сопровождается авторскими комментариями типа «как говорят специалисты», «на нашем языке», «по выражению медиков» и т. п. Ср., например:

— Вообще что означала вся эта петрушка? — *Накладка* вышла, — пояснил Бомбардов. — Что значит это слово? — *Накладкой* на нашем языке называется всякая путаница, которая происходит на сцене. Актер вдруг в тексте ошибается, или занавес не вовремя закроют, или... — Понял, понял... (М. А. Булгаков. Театральный роман);

Назимко работал на 25-тонном самосвале, *четвертаке*, как зовут их на строительстве (Б. Н. Полевой. Высшая точка);

Диспетчер передал: — На плавбазе — больной. Они вызвали спасатель «Бесстрашный», просят принять парня на берегу. — Диагноз? — спросил Юсупов [врач], словно разговаривал с коллегой. — *Тяжелый живот*, — ответил диспетчер, вполне владея жаргоном медиков (Комсомольская правда. 1974. 22 сент.);

На любом конькобежном стадионе есть специальное место, где собираются во время стартов тренеры скороходов и откуда корректируют бег своих воспитанников. В обиходе это место спортсмены называют «биржей». И не случайно. Там действительно царит такое же оживление, также шумно» (Советская Россия. 1984. 15 февр.).

Однако нередко профессионализм отрывается от породившей его среды и переходит либо в просторечие, либо в литературный язык; в последнем случае он начинает употребляться на правах нормативной (хотя и нередко стилистически окрашенной) единицы. Ср., например, *баранка* — ‘рулевое колесо (в автомобиле, автобусе и т. п.)’; *кирпич* — дорожный знак, запрещающий въезд (или проезд) транспорта — из «языка» шоферов, в современных словарях даются с пометой «разг.»; *напарник* — из профессионального оборота *работать на пару* (см. [Ожегов 1951: 31]) — в словарях имеет помету «разг.»; *открытым текстом* ‘без утайки, без обиняков; грубо’ (см. [Новые слова... 1984], где к этому выражению дана помета «в разг. речи») — из жаргона радистов; *химия* — вид прически — из жаргона парикмахеров¹⁶, сейчас имеет широкое употребление и в среде носителей (преимущественно — носительниц) литературного языка; *ящик* ‘учреждение, предприятие, обозначаемое номером почтового ящика’ (в [Новые слова... 1973] — с пометой «в разг. речи»); *задействовать* — ‘ввести в действие в соответствии с назначением, подготовкой и т. п.; ввести в эксплуатацию’ [Новые слова... 1984]; такое толкование несколько сужает действительный смысл этого глагола, вошедшего в литературное употребление из бюрократического «языка»; ср. следующий пример:

Павел Бортников понятия не имел о том, какие силы пришли в движение, какой *задействован* механизм, чтобы вывести дело из тупика (А. Ваксберг. Мастер вольной борьбы // Литературная газета. 1983. 6 июля) и т. п.

¹⁶ Ср. употребление слова *химия* и словосочетания *химическая завивка* в речи парикмахера и в речи интеллигентной клиентки парикмахерской (соответственно):

— Какую операцию желаете? — Остричь... И шестимесячную, если можно. — Все можно. Можно и шестимесячную. Только предупреждаю, для теперешнего времени эта завивка несовременна. Со своей стороны могу предложить химию. — То есть *химическую завивку*? — Именно. Самый современный вид прически. Имейте в виду, за рубежом совсем прекратили шестимесячную, целиком перешли на химию (И. Грекова. Дамский мастер).

Употребительны в современном литературном языке и такие профессионализмы, которые отличаются от слов литературных своеобразием словообразовательной структуры. Ср., например, прилагательные и глаголы с приставкой *за-* типа *заатмосферный* (*заатмосферные наблюдения*), *закритический* (*пар высоких и закритических параметров*), *замонолитить* («вделать, заделать, закрепить что-либо наглухо, объединив в одно целое» [Новые слова... 1973]), *законтрить* «снабдить, закрепить контргайкой»; *запараллелить* «сделать так, чтобы какие-либо устройства работали параллельно» и др.; существительные с суффиксами *-к(а)*, *-ик*, *-ник* и нек. др., а также безаффиксные, являющиеся результатом тенденции к стяжению словосочетаний в одно слово — тенденции, особенно характерной для профессиональной речи: ср. слова типа *аварийка* «аварийная машина, бригада»; *безнарядка* «работа, выполняемая без наряда»; *бытовка* «бытовое помещение» (у строителей); *горючка* «горючее»; *капиталка* «капитальный ремонт»; *карбидка* «карбидная лампа»; *нейтралка* «нейтральная территория, зона»; *раскадровка* «разбивка эпизодов фильма на отдельные кадры, а также результат такой работы» и т. п.; *колесник* «колесный трактор»; *космик* «ученый, занимающийся исследованием космоса»; *кибер* «кибернетическое устройство»; *негабарит* — из *негабаритный предмет*, *негабаритное изделие*, т. е. не соответствующее установленным габаритам; *нестандарт* «не соответствующий стандарту» и др. (многие из этих слов отмечены в [Новые слова... 1973; 1984])¹⁷.

Тенденция к сближению литературного языка и профессиональной речи проявляется и в том, что системы средств в профессиональных жаргонах становятся менее «жесткими»: наряду со специфическими, профессиональными способами речи оказываются возможными способы, идущие из литературного языка и успешно конкурирующие с «исконно» профессиональными. Таким образом, и в этом случае — так же как во взаимоотношениях с местными диалектами и с просторечием — литературный язык оказывает нивелирующее воздействие на функционально более слабую языковую подсистему.

Однако указанной интегративной тенденции противостоит другая, дифференцирующая. Важным стимулом сохранения профессиональными жаргонами лингвистической самобытности является постоянно происходящий процесс специализации труда, углубляющаяся профессионализация знаний и умений в

---

¹⁷ В результате подобных стяжений иногда возникают слова, омонимичные уже существующим; ср., например, идущие из жаргона спортсменов существительные *десятка* «дистанция в десять тысяч метров»; *перестрелка* «повторная стрельба»; *перебой* «повторная встреча спортсменов в фехтовании, боксе (для определения победителя)»; *сборник* «член сборной команды»; *тройник* «спортсмен, специализирующийся в тройном прыжке», и т. п.

большинстве отраслей современной науки и техники, современного производства. Этот стимул обеспечивает профессиональным жаргонам определенную перспективу обновления и развития. В молодых отраслях науки и техники появляются новые специальные подязыки и профессиональные жаргоны, в которых, как и в их старших собратьях, происходят процессы трансформации средств национального русского языка и иноязычных заимствований, идет выработка специфической, присущей данному профессиональному кругу людей манеры речи (ср., например, уже упоминавшийся выше жаргон программистов).

4. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ГРУППОВЫХ ЖАРГОНОВ

Взаимоотношения литературного языка и групповых жаргонов любопытны тем, что влияние их на литературный язык не только оставило заметные следы, но и продолжается в наши дни. Одно из свидетельств этого — жаргонизация устной интеллигентской речи, характерная для функционирования современного русского языка¹⁸. Роль «поставщика» жаргонной лексики играет главным образом молодежный жаргон¹⁹. Это объясняется, во-первых, тем, что круг его носителей достаточно широк, и, во-вторых, тем, что использующие молодежный жаргон владеют и литературным языком; тем самым создаются благоприятные условия для взаимопроникновения двух языковых подсистем — литературного языка и жаргона.

Исследователи говорят также о формировании в современных социальных условиях интержаргона — промежуточного языкового образования, впитывающего в себя лексику отмирающих корпоративных жаргонов и элементы жаргонов профессиональных (см., например [Серебренников 1970]). Через это

---

¹⁸ Этот процесс происходит и в других современных обществах, например, в США, Англии, во Франции, ФРГ, Италии. В ситуациях, требующих от языка особой экспрессии, эмоциональности, интеллигентный американец или англичанин, так же как итальянец, француз и немец, непринужденно и легко включают в свою речь элементы сленга, аргю, различных групповых жаргонов. Более того, жаргонные слова и обороты совсем не редкость и в письменном тексте — не только в художественной литературе, но и в публицистике, на страницах газет и журналов. См. об этом: [Швейцер 1983; Guiraud 1965; Eloy 1985; Berruto 1974].

¹⁹ В конце XX — начале XXI вв. влияние групповых жаргонов на литературный язык более многообразно. В качестве источников такого влияния следует назвать не только молодежный жаргон, но и жаргоны разного рода маргинальных групп — проституток, наркоманов, карточных «кидал», бомжей и др. — Примечание 2003 года.

промежуточное образование жаргонные слова и обороты проникают не только в просторечие, но и в литературный язык, где они используются в качестве экспрессивного, стилистически отмеченного средства. Ср., например, слова типа *офонареть* 'потерять рассудок'; *филонить*, *сачковать* 'бездельничать'; *сачок* 'бездельник'; *загнать* 'продать'; *капать* 'доносить'; *будка* 'лицо, физиономия'; *шуровать* 'энергично работать (физически)'; *купить* 'обмануть, разыграть'; *хохма* 'шутка'; *хохмить*, *хохмач* 'шутник, остряк, любитель розыгрышей и т. п.'; *ящик* 'телевизор'; и мн. др.; фразеологизмы *качать права* 'настаивать на чем-либо, отстаивать свои права'; *выходить боком* 'иметь плохие последствия для кого-либо' (*Как бы тебе это боком не вышло*); *копыта откинуть* 'умереть'; *пудрить мозги* 'вводить в заблуждение, сбивать с толку, увводя разговор в сторону от того, что интересуется слушающего'; *стоять на ушах* 'делать невозможные, с точки зрения говорящего, усилия, ухищрения для достижения какого-либо результата' и т. п., которые употребительны не только в просторечии (в [Новые слова... 1984] большая часть приведенных языковых единиц снабжается пометой «в просторечии»), но и в устно-разговорной речи носителей литературного языка и в письменных текстах.

Ср. следующие записи современной русской разговорной речи, приводимые в [PPP-1981] (все говорящие — носители литературного языка):

Сил нет писать эту *бадягу* (о научной работе); Какой там торт был! *Обалдемон!*; Думаю *отстреляться* с немецким в этой сессии; Бросила курить. А то ведь по две пачки в день *сажала* [PPP-1981, с. 46],

а также наши собственные записи, сделанные в середине 80-х годов:

В последней передаче — вы не видели? — *Виноградова*, которая вела, так ее [актрису] здорово *лажала* (инженер, 45 лет);

А что сегодня *по ящику* [т. е. по телевизору]? (инженер, 27 лет);

Я не успела *врубиться* — о чем идет речь? (женщина-филолог, 60 лет);

Такую *телегу* на них в министерство *накатали* — во всех грехах обвиняют! (филолог, 50 лет);

Ну, мужики, хватит *базлать* [т. е. кричать, базарить], пора за работу приниматься (женщина-программист, 40 лет);

Нам приходилось буквально *на ушах стоять*, чтобы все получилось хорошо и к сроку (художник, 35 лет).

В книжно-письменной речи жаргонизмы обычно отмечаются как элементы иной, не литературной языковой сферы кавычками, специальными комментариями и т. п.; однако иногда они вкрапливаются в текст без каких бы то ни было оговорок, не осознаваясь пишущим как стилистически маркированное средство. Ср.:

Ни днем, ни ночью не стихал телефон — это разъяренный папа в самых непечатных выражениях «качал права» (Правда. 1983. 26 мая);

Троеверов от подобной наглости совершенно растерялся, *офонарел*, как выразились механики (И. Ефимов. Лаборантка // Юность. 1972. № 2);

Старая дурная привычка «обмывать получку» *выходит боком* горняцкому коллективу — теряются сотни тонн угля, снижается трудовая дисциплина (Комсомольская правда. 1961. 30 сент.).

Некоторые жаргонные слова и обороты столь часто используются в речевых жанрах литературного языка, что начинают оцениваться говорящими как «исконно» принадлежащие этим жанрам; ср., например, следующий отрывок из письма в газету:

Помните, в 60—70-е годы молодежь рвалась в вузы, а стране нужны были рабочие руки. Тогда в газетах особенно доставалось матерям, якобы пытающимся любой ценой протолкнуть свое чадо в вуз. Хвалили юношей, пошедших на завод, стройку после ссор, крепких споров с родителями. С голубого экрана слетело слово «предки». Фильмы шли такого содержания: глупая мама, взрослый ребенок, поступающий вопреки ее советам... (Правда. 1984. 2 февр.).

Материал наблюдений над использованием жаргонизмов в современной русской литературной речи свидетельствует о том, что в среде носителей литературного языка меняется отношение к жаргону: он осознается, во всяком случае частью говорящих, не как социально чуждая языковая подсистема, средства которой недопустимы в культурном общении (что было характерно для общественно-языкового сознания еще в недавнем прошлом — в 50—60-е гг.), а как источник особо выразительных, экспрессивных слов и оборотов, которые могут использоваться в литературной речи в определенных ситуациях общения: при непринужденных отношениях между собеседниками, при установке на шутку, в случаях эмоционального подчеркивания, гиперболического усиления какой-либо мысли и т. п.

5. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НЕКОДИФИЦИРОВАННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ПОДСИСТЕМ

Изучение взаимоотношений литературного языка, с одной стороны, и диалектов, просторечия, жаргонов — с другой, представляет главный лингвистический интерес: оно позволяет выявить тенденции развития современного русского языка, выделить в этом развитии центральную коммуникативную роль языка литературного.

Вместе с тем и между неcodифицированными подсистемами языка, какими являются территориальные диалекты, просторечие, профессиональные и груп-

повые жаргоны, существуют определенные отношения, приводящие к их взаимному влиянию.

Выше мы уже говорили о влиянии диалектов на просторечие, о диалектной основе просторечия-1 и об образовании полудиалектов (см. с. 380—383). С другой стороны, «говоры в огромном количестве аккумулируют в своих лексико-семантических системах просторечные лексические единицы» [Коготкова 1977: 59].

Эти процессы чрезвычайно характерны именно для современных отношений местных говоров и просторечия. При этом говоры, подверженные влиянию «городских» форм речи (литературного языка и просторечия), разрушаются, а просторечие, впитывая в себя диалектные элементы, усложняется и по своим лингвистическим характеристикам, и по составу носителей.

Вообще просторечие, в отличие от иных языковых подсистем, в наибольшей степени открыто для вхождения в него элементов из других сфер языка. Наряду с диалектными влияниями в нем обнаруживается и влияние жаргонов, в чем мы уже убедились, рассматривая просторечие-2.

Влияние групповых жаргонов на современное просторечие — один из характерных социолингвистических процессов. Теряя свою социальную и коммуникативную значимость, умирая, групповые жаргоны как бы оставляют в наследство просторечию наиболее яркие, экспрессивные языковые средства²⁰. Если различать просторечие «старое» и «новое» (просторечие-1 и просторечие-2 соответственно), то можно достаточно определенно сказать, что питательной средой просторечия-1 являются преимущественно территориальные говоры, а питательной средой просторечия-2 — главным образом профессиональные и групповые жаргоны. Однако, поскольку просторечие-1 угасает, сам процесс питания его диалектными средствами слаб — здесь в основном сохраняются старые заимствования из диалектов, а обновления выразительных возможностей почти не происходит.

Совсем иная картина — в просторечии-2: оно постоянно пополняется новыми средствами, заимствуемыми из профессиональных и из групповых жаргонов. Ср., например, единицы типа *выдать* — ‘сказать что-либо оригинальное или неожиданное для слушателей’, часто без насыщения объектной валентности (— *Ну и выдал он, все прямо рты разинули*); *выпасть в осадок* ‘отклониться в своем поведении от нормы’²¹; *выступать* ‘говорить нечто, при этом слу-

---

²⁰ Ср. мнение В. Д. Бондалетова: «...арго умирает не сразу: некоторое время оно продолжает существовать, используя уже почти исключительно в роли особого средства экспрессии» [Бондалетов 1969: 411].

²¹ Ср.:

Новое выражение (для меня) употребляется в среде молодых штурманов: «выпал в

шающий оценивает как сам факт речи, так и ее содержание отрицательно'²²; *положить глаз на кого-либо* 'заинтересоваться кем-либо как представителем противоположного пола' (ср. иное толкование в [Новые слова... 1984: 170]); *всю дорогу* 'постоянно, все время'; *завязать с чем-либо* 'прекратить чем-либо заниматься' (— *Ты куришь?— Нет, я уж год, как с этим делом завязал*, глагол не может употребляться в актуальном смысле); *заделать* 'сделать, устроить, сотворить' (*Такой однажды костер заделали; Говорят, ты стишки хорошо рассказываешь. Заделай что-нибудь, а?*) [Новые слова и значения 1984: 222]²³; *контакчить* 'быть в «положительных» отношениях с кем-либо, общаться' — ср. употребление этого глагола в профессиональной речи электриков в прямом значении 'иметь контакт, быть способным проводить электричество'; *толкнуть* 'продать'; *усекать, сечь* 'понимать, усваивать, соображать' и нек. др.

С другой стороны, профессиональные жаргоны в известной мере подвержены влиянию просторечия-2 и групповых жаргонов. В разных профессиональных жаргонах это влияние проявляется в неодинаковой степени. Дело в том, что проницаемость профессионально ограниченных языковых образований зависит от многих факторов, в частности от характера труда, от уровня профессионализации в той или иной отрасли техники, производства или науки, от той меры, в которой она разграничена с другими профессиональными сферами, от необходимости при осуществлении данной профессиональной деятельности контактировать с людьми иных профессий и специальностей, с непрофессионалами и т. п. Здесь наблюдается такая закономерность: чем выше уровень профессионализации, тем специфичнее соответствующий профессиональный жаргон и тем меньше подвержен он каким-либо влияниям извне. Необходимость контактов с представителями иных профессий приводит к заимствованию иносистемных элементов, к стиранию специфики профессионального жаргона, а контакты с носителями таких подсистем, как просторечие, ведут к внедрению в профессиональный жаргон элементов этих подсистем. Ср., с одной стороны, профессиональные жаргоны математиков, химиков, физи-

---

осадок». Означает оно (на английский манер) кучу понятий: перепил и потерял сознание, сильно разозлился, сильно расстроился и т. д. (*В. Конецкий*. Третий лишний. Л., 1983. С. 25).

²² В словаре [Новые слова и значения 1984: 150], где слово *выступать* в этом значении впервые лексикографически зафиксировано, дано такое его толкование: «говорить резким тоном, выражая несогласие с кем-чем-л., возмущение кем-чем-л. (в просторечии, неодобр.)». В этом толковании, на наш взгляд, отсутствует существенный компонент: позиция говорящего (т. е. того, кто употребляет глагол *выступать*), оценка им речевых действий собеседника.

²³ Ср. оценку этого глагола как несомненно арготического (*заделать* 'оплодотворить женщину', воровское арготическое) в словаре А. В. Миртова [Миртов 1929: 410].

ков-ядерщиков и др., сохраняющие свою специфику и в слабой мере подверженные внешним воздействиям (и, напротив, сами влияющие на другие речевые сферы, в частности на литературную речь), и, с другой — профессиональные жаргоны работников торговли, грузчиков, слесарей-сантехников и других представителей подобных «бытовых» профессий, до такой степени насыщенные элементами просторечия, что границы их оказываются размытыми.

Взаимное влияние некодифицированных подсистем современного русского языка происходит в основном на уровне лексики и фразеологии, и этот факт чаще всего отмечается исследователями. Реже обращается внимание на то, что перемешивание социальных групп, использующих разные языковые подсистемы, ведет к взаимным влияниям в области речевого поведения, в частности в речевой этикете, речевых стереотипах, в разного рода «коммуникативных мелочах» вроде частиц, модальных слов, междометий, играющих немаловажную роль в устном диалогическом общении (о роли этих «мелочей» в устной речи см., например, [Николаева 1985]).

Так, помимо расширения круга просторечных апеллятивов за счет жаргонных обращений типа *кореш*, *шеф*, *командир*, *начальник* происходят изменения в стереотипах зачинов и окончаний диалогов, и в этих изменениях можно усмотреть влияние профессиональных или социально-групповых форм общения. Например, влияние военного «языка» прослеживается в оборотах *есть, так точно*, которые в просторечии-2 используются вместо обычных *ладно, хорошо* (или наряду с ними). Ср.:

— Часикам к восьми подойдите завтра, тогда и поговорим.— *Есть, завтра я у вас в восемь*; — Так ты с какой базы, с Сокольнической [имеется в виду овощная база]? — *Так точно*.

В употреблении реплик *лады, замётано* — в речевых актах договора, обсуждения, реплик *чао, хоп*²⁴, используемых при прощании и все больше расширяющихся в просторечии-2, междометия *ку-ку*, употребляющегося для усиления смыслов ‘отсутствие чего-либо’, ‘изменение состояния’ (Я к пяти, как договорились, пришел, а там уже всё — *ку-ку!* — никого нет; А яма-то наша — *ку-ку!* — замерзла!) и т. п. можно видеть влияние на просторечие жаргонной речи. Экспансия междометия *ну* в смысле ‘да’, частицы *дак* вместо *так* (Ты будешь ужинать? — *Ну*²⁵; *Дак* пускай он приходит!) — свидетельство освоения носителями просторечия диалектных форм ведения диалога.

²⁴ Заимствование из тюркских языков; ср. узб. *хул* — ‘хорошо, ладно’.

²⁵ Ср. интерпретацию этого междометия как диалектного элемента в следующем примере:

— Ты уходишь, папа? — Ну, — ответил он [генерал]. И я подумал, что он, очевидно, из сибиряков: «ну» в Сибири означает «да» (Н. Евдокимов. У памяти свои законы).

Интенсивное взаимовлияние неcodифицированных подсистем современного русского языка имеет направление к стиранию резких границ между ними, к образованию промежуточных языковых форм²⁶ (ср. формирование подобных промежуточных образований на границе литературного языка и территориальных диалектов, литературного языка и просторечия; см. об этом выше). Это вполне согласуется с характером происходящих в обществе интегральных социальных процессов. Разумеется, указанный языковой процесс не является прямым аналогом процессов социальных, однако несомненно, что изменения в социальной структуре общества лежат в основе интегративных тенденций, присутствующих развитию современного русского языка.

В основе же противоположных, дифференцирующих тенденций лежат причины как социальные, так и функциональные: усложнение в современных условиях человеческой деятельности в целом и, в частности, сферы коммуникации требует от языка все большей функциональной гибкости, максимального соответствия языковых средств и способов выражения разнообразным ситуациям и целям общения.

6. О ВАРЬИРОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНОНАЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Среди социально обусловленных процессов, характерных для развития и функционирования современного русского языка, особое место занимают процессы, связанные с использованием русского языка в иноязычной среде, с усвоением его нерусскими в качестве средства межнационального общения. Специфика этих процессов заключается в том, что изменения, происходящие в русском языке, существующем в иноязычном окружении, испытывают влияние сложного комплекса социальных и национальных факторов.

С тех пор как русский язык приобрел функции языка межнационального общения, возник вопрос о его региональном варьировании. И по мере того как эти функции расширяются и усложняются, указанный вопрос делается все более актуальным.

Однако сейчас этот элемент уже не имеет столь определенной локализации и должен рассматриваться как просторечный (см. именно такую его квалификацию в [Новые слова и значения 1984: 425—426]).

²⁶ «Границы между различными социальными вариантами речи, — писал Б. А. Серебренников, — становятся еще более трудноопределимыми, если принять во внимание, что почти каждый человек является носителем нескольких лексических систем, принадлежащих разным социальным вариантам речи» — таким, как профессиональные и групповые жаргоны [Серебренников 1970: 496].

Надо сказать, что проблема регионального варьирования²⁷ национальных языков давно привлекает к себе внимание лингвистов. В этой области ведутся интенсивные исследования, результаты которых свидетельствуют о зависимости такого варьирования от географического, этнических, социальных и других факторов: ср. варьирование английского языка (см. работы В. Н. Ярцевой, А. Д. Швейцера), немецкого (работы М. М. Гухман, А. И. Домашнева), испанского (работы Г. В. Степанова), французского (работы Е. А. Реферовской) и др. Сейчас уже не требует особых доказательств тот факт, что английский язык Великобритании и английский язык США, испанский язык Испании и испанский язык, распространенный в странах Южной и Центральной Америки, — это разные варианты одного языка, причем каждый из вариантов имеет своих собственных носителей. В самом деле, американские дети усваивают с самого раннего возраста тот английский язык, на котором говорят жители США, а не британский вариант этого языка; на Кубе используется кубинский вариант испанского языка, а не язык природных испанцев, и т. д.

Ситуация с русским языком коренным образом отличается от такого варьирования национальных английского, испанского, немецкого, французского и других языков. Нет никаких особых носителей тех форм русского языка, которые распространены в бывших республиках СССР; этим формам не обучают в школе и вузе — напротив, система образования ориентируется на нормативный, литературный русский язык. И тем не менее речевая практика, использование русского языка в иноязычном окружении обнаруживает более или менее значительные отклонения от русской литературной нормы, которые являются следствием интерферирующего влияния языка коренного населения.

Как относиться к этим отклонениям? Можно объявить их «вне закона», не обращать на них внимания, руководствуясь принципом «литературный язык един для всех говорящих». Однако в таком случае лингвистическая теория окажется в отрыве от речевой практики, между тем как языковеды не вправе проходить мимо тех проблем, которые являются актуальными не только в собственно лингвистическом, но и в социальном смысле (а в том, что овладение и владение русским языком как средством межнационального общения является насущной социальной задачей, сомневаться не приходится). Поэтому более реалистическим представляется иной подход: изучение функционирования современного русского языка в различных регионах нашей страны и выявление особенностей и закономерностей этого функционирования. Только на ос-

---

²⁷ Термин «региональное варьирование» употребляется здесь применительно к функционированию языка в инонациональной языковой среде. Для обозначения вариативности языка на территории его исконного распространения принят термин «локальное варьирование».

нове тщательного исследования фактического материала, характеризующего использование русского языка в различной этнической и социальной среде, возможна выработка методических рекомендаций, способствующих оптимизации процесса овладения русским языком как средством межнационального общения. Исходной посылкой при рассматриваемом подходе является признание факта варьированности русского языка в зависимости от территории его распространения, национального состава говорящих на нем людей, их социальных характеристик и т. п.

Не надо быть специалистом-русистом, чтобы понять, что русский язык, даже литературный (не говоря уж о территориальных диалектах и просторечии), не может быть одним и тем же на огромных просторах от Балтики до Чукотки, от Хибин до Памира. Очевидно, что та русская речь, которую мы слышим в основных культурных центрах России — Москве и Ленинграде, отличается от русской речи, звучащей в Таллине или Алма-Ате. А в этих городах и в соответствующих национальных республиках русский язык русского населения — не тот, что русский язык эстонцев и казахов, даже при условии, что они достаточно хорошо овладели этим языком.

Если идти дальше в сопоставлении разных языковых коллективов, то мы можем убедиться, что варьирование русского языка, его выразительных средств может быть обусловлено не только территориальным и национальным факторами, но и другими: например, уровнем образования говорящих (чем он выше, тем меньше отклонения в их речи от норм русского литературного языка), родом занятий, полом, возрастом и нек. др.

Нередко в той русской речи, которая распространена в национальных республиках, видят лишь искажение русского языка. Так ли это в действительности?

В свое время академик А. А. Шахматов считал, что задача лингвистов — в объективном изучении языковых фактов, без каких бы то ни было попыток оценивать эти факты, признавая одни правильными, а другие неправильными. «Странно было бы вообще, — писал он, — если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решилось указывать, как надо говорить» [Шахматов 1899: 33].

Современная лингвистическая наука далека от такой объективистской точки зрения на язык, которая отстаивает невмешательство ученых в языковую жизнь народа. И в русском, и в других языках народов бывшего СССР действуют более или менее строгие нормы, которые сознательно культивируются, распространяются через систему образования, через печать, радио, телевидение. Единство и общеобязательность норм — залог единства и целостности литературного языка — культурного достояния народа. Выработка же единых норм

невозможна без оценки языковых фактов с точки зрения большей или меньшей их выразительности, пригодности для целей общения.

Однако условием нормализаторской и кодификаторской деятельности лингвистов по сохранению (или же целесообразному обновлению) языковых норм является углубленное и детальное исследование языка, его развития и функционирования.

Поэтому, прежде чем объявлять те или иные явления искажением русского языка, необходимо объективно и непредвзято изучить эти явления, выявив все их особенности и выяснив их лингвистическую и социальную природу. Эта задача сложна и многопланова, и в данной работе даже не ставится вопрос о ее решении (этому должны быть посвящены самостоятельные исследования). Однако в связи с общей проблемой социально обусловленного варьирования современного русского языка, которой мы касаемся в этой книге, необходимо обратить внимание и на явление варьирования русского языка в инациональных условиях и, более конкретно, рассмотреть, хотя бы кратко, те формы, в которых подобное варьирование проявляется.

В качестве общего замечания о характере варьирования русского языка в иноязычном окружении следует указать на множественность факторов, которые обуславливают варьирование. Это факторы и собственно языковые, и внешние: социальные, культурные, этнические, психологические и др.

Если иметь в виду такую множественность и разнородность условий, в которых функционирует русский язык в национальных регионах страны, то можно выделить несколько осей, или параметров, варьирования русского языка.

Поуровневая ось: имеется в виду варьирование средств русского языка, принадлежащих разным уровням его структуры, — фонетике, морфологии, лексике, синтаксису.

Например, в условиях украинско-русского и русско-украинского двуязычия наблюдаются такие факты, характеризующие русскую речь жителей Украины:

- *г* фарингальное (щелевое) на месте нормативного для русского литературного произношения *з* взрывного: [γ]бды, [γ]брло, [γ]убы, но [γ]а́, по-[γ]бный и т. п.; [ǰ] вместо [в], [ф] или [ф'] : [ǰ]бок, [ǰ]бить, любо [ǰ] вместо [в]бок, [в]бить, любо [ф'] и т. п. (фонетический уровень ²⁸);
- *кура* вместо *курица*, *скоренько*, *быстренько* вместо *скоро*, *быстро*; *ходить*, *сплать* вместо *ходят*, *спят* и т. п. (морфологический уровень);
- *це* вместо *это*, *робить* вместо *делать*, *часом* вместо *иногда*, *дивиться* вместо *смотреть*, *глядеть* и т. п. (лексический уровень);

²⁸ Приводятся лишь некоторые факты, характерные для каждого языкового уровня.

— *пришел со школы; Где идешь?; Не имею времени* — вместо *пришел из школы; Куда идешь?; (У меня) нет времени* и т. п. (синтаксический уровень)²⁹.

В русской речи лиц, живущих в условиях такого иноязычного окружения, которое включает неродственные русскому языки (например, на Кавказе и в Средней Азии), также наблюдаются отклонения от норм русского языка, определяемые влиянием фонетической, грамматической и лексико-семантической систем соответствующих коренных языков. Так, одно из самых распространенных явлений в фонетике — неразличение мягких и твердых согласных под влиянием языков, в которых противопоставление этих согласных нефонематично, т. е. не играет смыслообразительной роли: [б']ил вместо [б]ыл, [ж']изнь вместо [ж]изнь и т. п., и наоборот: [хы]трый вместо [х'и]трый, [сы]ла вместо [с'и]ла и т. п.

Стилистическая ось: имеется в виду, во-первых, разная степень, в которой подвержены варьированию разные функциональные стили языка: в наибольшей степени отклонения от русских языковых норм представлены в обиходно-бытовом стиле речи, в наименьшей — в научном и официально-деловом стилях; во-вторых, неадекватное представление у говорящих об эмоционально-стилистической окраске языковых единиц, с чем связано коммуникативно и стилистически не оправданное использование стилистически окрашенных слов в нейтральной речи (и наоборот), смешение разных стилей: например, включение в обиходно-бытовой стиль элементов стиля официально-делового, книжных по своей окраске слов и оборотов — в речь разговорную, а разговорных и просторечных — в тексты книжно-письменной речи.

Ср., например: — *Ата, спички есть? — Нету таковых* (из диалога прохожих — молодого русского и пожилого казаха); *Площадь занимаемой квартиры — где-то около сорока метров* (из заявления в исполком); *Пришлите комиссию, пусть она вкрутит мозги ихнему начальнику* (из письма в редакцию газеты) и т. п.

Социальная ось: имеется в виду разная степень варьирования средств русского языка в группах людей, различающихся по возрасту, уровню образования, характеру профессии и т. п. Так, в наибольшей мере отклонения от норм русского языка наблюдаются у самого молодого поколения (дошкольники и младшие школьники) и у самого старшего (речь идет о лицах, для которых русский язык не является родным); профессия, связанная с использованием слова (учитель, журналист, воспитатель и др.), способствует меньшему варьированию русского языка, а профессии, не связанные с использованием слова, в

²⁹ Подробнее об этом см.: [Культура 1976; Ижакевич 1980; Функционирование 1981; Культура 1985; Кононенко 1985] и нек. др.

этом отношении более «нейтральны» (иначе говоря, отклонения от норм в речи шахтера, геолога, агронома и др. более часты, более обычны, чем в речи учителя или журналиста).

Ситуативная ось: имеется в виду разная степень варьирования языка в разных условиях общения. В социально важных, контролируемых ситуациях вариативность меньше, чем в ситуациях с ослабленным социальным контролем (о различии ситуаций общения по этому параметру см. ниже, с. 431): ср., например, письменное обращение в органы власти (с письмом, жалобой и т. п.) и непринужденный разговор с членами семьи.

Национально-культурная ось: отклонения от национально обусловленной специфики использования языковых средств. Таковы, например, случаи употребления некоторых названий животных без учета свойственных этим названиям коннотаций. В русском языке слова *осел*, *зверь*, *свинья* и нек. др. обладают негативными коннотациями, вследствие чего в переносных значениях они могут употребляться только для отрицательной характеристики лица: *Этому ослу бесполезно что-либо объяснять; Он смотрит на всех зверем; Я не знал, что ты такая свинья* и т. п.; ср. также слова и обороты типа *ослиное упрямство*, *вызвериться*, *поступать по-свински* и т. п. В других национальных культурах и языках соответствующие понятия и слова могут иметь иные коннотации (например, *осел* — не 'тупость и упрямство', а 'упорство и трудолюбие'), и, стало быть, переносные значения этих слов реализуются в контекстах, не имеющих отрицательной оценки со стороны говорящего лица или события, о которых идет речь. Перенесение же этих контекстных условий на почву русского языка приводит к необычному употреблению слова (*Он работает, как осел*)³⁰.

Варьирование языка может происходить по всем этим осям одновременно. При таком условии мы можем говорить о некоей шкале варьирования, на которой разные оси совмещаются. На этой шкале можно представить разные по «величине» отклонения от норм русского языка, а на крайних точках шкалы — максимальный и минимальный уровни таких отклонений. Максимальная степень варьирования наблюдается на фонетическом уровне (т. е. в произношении) в обиходно-бытовом стиле речи у лиц, не связанных профессионально с использованием слова, в ситуациях с ослабленным социальным контролем. Минимальная степень варьирования наблюдается на морфологическом уровне в научном и официально-деловом стилях речи у лиц, связанных про-

---

³⁰ В сущности, каждая из рассмотренных осей варьирования языка свидетельствует о недостаточном владении говорящими соответствующим компонентом социолингвистической, или коммуникативной, компетенции, о чем говорится ниже (см. с. 412 и след.).

фессионально с использованием слова, в социально контролируемых ситуациях.

Изучение варьирования русского языка по всем названным осям является одной из актуальных задач современной русистики. Оно должно послужить теоретической базой для разработки оптимальных методов и приемов обучения русскому языку в условиях тесных контактов его с другими языками.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ

1. ПОНЯТИЕ «ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКОМ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Понятие владения языком до недавнего времени не осознавалось лингвистами как термин; оно использовалось интуитивно, без каких бы то ни было попыток его формализации или хотя бы экспликации. Как-то само собой разумелось, что можно говорить о владении языком, если данный индивид умеет понимать высказывания на данном языке и строить на нем — по определенным правилам, общим для всех говорящих на этом языке, — тексты (устные и письменные).

Современный этап развития лингвистики знаменателен, в частности, тем, что понятия, ранее осмыслявшиеся чисто интуитивно или же не имевшие строгих толкований, начинают получать эксплицитные определения. Такова, например, судьба ряда традиционных грамматических понятий: «управление», «согласование», «грамматическое значение» и нек. др., — которые в последнее время подверглись пересмотру и существенным уточнениям (главным образом с позиций формального описания языка для целей, связанных с созданием действующих моделей языка, — см. работы Ю. Д. Апресяна, Л. Л. Йомдина, Н. В. Перцова, В. З. Санникова и др.).

Так случилось и с понятием «владение языком».

Поскольку в качестве основной задачи лингвистики в последние два десятилетия выдвигается задача моделирования речевой деятельности человека или, иначе, того, как человек владеет языком, постольку естественно и необходимо выяснить, что имеется в виду, когда говорят о владении языком.

Ю. Д. Апресян, одним из первых в отечественной лингвистике четко сформулировавший указанную выше задачу (см. [Апресян 1967: 8 и след.]), предпринял попытку «расчленил» понятие «владение языком» на составляющие. По его мнению, владеть языком значит: (а) уметь выражать заданный смысл

разными (в идеале — всеми возможными в данном языке) способами (способность к перифразированию), (б) уметь извлекать из сказанного на данном языке смысл, в частности — различать внешне сходные, но разные по смыслу высказывания (различение омонимии) и находить общий смысл у внешне различных высказываний (владение синонимией); (в) уметь отличать правильные в языковом отношении предложения от неправильных (см. [Апресян 1980: 2])¹.

В такой интерпретации понятия «владение языком» имеются в виду собственно языковые умения говорящего. Эта интерпретация является, по существу, более детальной разработкой того, что Н. Хомский назвал языковой компетенцией говорящего.

В связи с этим следует заметить, что предложенную Н. Хомским дихотомию «competence — performance» при интерпретации языковой способности и речевой деятельности человека [Chomsky 1965] также можно было бы рассматривать как одну из первых попыток более эксплицитного определения понятия «владение языком», если бы не крайний «грамматизм» хомскианского толкования понятия «competence», учет лишь собственно лингвистической стороны его и полное игнорирование каких бы то ни было социальных, ситуативных и тому подобных «прагматических» факторов.

Неудовлетворительность понятия языковой компетенции была отмечена Д. Хаймсом, который уже два года спустя после работы Н. Хомского (см. [Hymes 1967]) показал, что знание языка предполагает не только владение его грамматикой и словарем, но и ясное представление о том, в каких речевых условиях могут или должны употребляться те или иные слова и грамматические конструкции. Д. Хаймс ввел понятие коммуникативной компетенции; он настойчиво доказывает необходимость этого понятия в ряде своих работ (см. [Hymes 1971, 1972, 1973, 1974]).

Связывая формирование навыка свободного владения данным языком с процессом социализации ребенка, Д. Хаймс обращает внимание на актуальность изучения того, «какие сведения о речи, помимо правил грамматики и словаря, усваиваются ребенком в процессе его превращения в полноправного члена дан-

---

¹ В другой работе к этим трем умениям Ю. Д. Апресян добавляет «селективную способность», которая «проявляется в умении выбрать во множестве принципиально возможных средств выражения определенной мысли то, которое в наибольшей степени соответствует социальным, территориальным и другим особенностям ситуации общения и с наибольшей полнотой выражает личностные характеристики ее участников» [Апресян 1979: 503].

Как будет показано ниже, эту способность говорящих целесообразно рассматривать дифференцированно, в зависимости от того, какой аспект ситуации общения — национально-культурный, социальный, энциклопедический или какой-либо еще — имеется в виду.

ного языкового общества» [Hymes 1970: 102]. Он пишет: «Внутри социальной матрицы, в рамках которой ребенок овладевает грамматикой, он овладевает также системой ее использования в зависимости от отношений между говорящими, места, целей высказывания, другими способами коммуникации и т. д. — всеми компонентами коммуникативных событий... Существуют также развитые системы последовательности использования языка в беседе, обращениях, стандартных обычаях и т. д.». Все это составляет «социолингвистическую (или, более широко, коммуникативную) компетенцию, позволяющую человеку быть не просто говорящим, а членом социально обусловленной системы общения» [Hymes 1974: 75].

Модели языка, подчеркивает Д. Хаймс, должны описывать различные формы речи с учетом коммуникативного поведения и социальной жизни. Выделяя несколько разделов (sectors) коммуникативной компетенции (однако не давая сколько-нибудь эксплицитного описания ни одного из них), он отмечает, что каждое высказывание может быть рассмотрено с двух точек зрения: его грамматичности — «with respect to competence» — и его приемлемости в данных условиях общения, в данной социальной среде — with respect to performance [Hymes 1972: 278—281]; приемлемость в данном случае означает, видимо, то же, что имел в виду Дж. Остин, когда писал [Austin 1962] об успешности речевого акта; ср. в этом отношении также работы по теории речевых актов.

Для социолингвистического описания языковой способности человека и ее проявления в речевой деятельности, согласно Хаймсу, существенны три компонента: словесный репертуар (verbal repertoire), языковые обычаи, или шаблоны (linguistic routines), — представление о типах организации различных по жанру текстов, о правилах общения двух и более говорящих и т. п. и области языкового поведения (domains of language behavior) или, более широко, области коммуникативного поведения (Hymes 1972: 280)².

Вслед за Д. Хаймсом на необходимость изучения языковой способности человека в связи с процессом социализации, с широким социальным контекстом, в котором протекает речевая деятельность людей, указывали У. Лабов [Labov 1970], С. Эрвин-Трипп [Ervin-Tripp 1971, 1973], Ч. Филлмор [Fillmore 1973] и нек. др. В примечании к одной из своих работ С. Эрвин-Трипп настаивает на

---

² Бросается в глаза отсутствие среди этих компонентов грамматических правил; тем самым, отталкиваясь от чересчур «очищенного», сугубо грамматичного представления Н. Хомского о языковой способности человека, Д. Хаймс впадает в другую крайность — недостаток грамматической информации (возможно, что эта информация предусматривается компонентом «словесный репертуар», однако это автором не оговорено).

предпочтении термина «социолингвистическая компетенция», поскольку необходимо «исключить многие формы владения неязыковой коммуникацией» [Ervin-Tripp 1973: 293]³.

Не подвергая сомнению введенные Н. Хомским понятия «competence» и «performance» и, с другой стороны, открыто не солидаризируясь с теми учеными, которые отстаивают необходимость понятия коммуникативной компетенции, Ч. Филлмор в одной из своих работ делает попытку четко разграничить собственно языковые знания человека и владение им информацией о различных компонентах акта коммуникации. «Основные факторы коммуникативного события, — пишет он, — таковы: личность отправителя сообщения, личность предполагаемого получателя или адресата сообщения, осведомленность отправителя о посреднике или очевидце коммуникативного события, код, используемый собеседниками, тема и специфическое содержание сообщения, форма его, свойства канала, посредством которого передается сообщение, обстановка или социальная ситуация, в рамках которой имеет место сообщение, и функция, в которой выступает сообщение в данной ситуации» [Fillmore 1973: 277].

Несмотря на то что понятия «личность отправителя речи» (говорящего) и «личность получателя (адресата) речи» (слушающего) здесь фигурируют в нерасчлененном виде ⁴ (ср. выделение в более поздних по времени работах таких существенных характеристик говорящего и слушающего, как социальная позиция, их социальные роли в данном акте коммуникации и нек. др. — см. об этом ниже, с. 422—423), сам перечень релевантных для акта общения факторов делает очевидным вывод о том, что моделирование владения языком невозможно без учета этих факторов с опорой лишь на собственно языковые знания и навыки говорящего. Об этом пишет и Ч. Филлмор: «Есть ясные случаи грамматичных предложений (типа *I love you*) и ясные случаи неграмматичных наборов слов (типа *the a of of*); но кажется, что решение вопроса о том, как квалифицировать неясные случаи, должно основываться на понимании ситуации, а не просто на грамматике, которая порождает все явно грамматичные предложения и терпит неудачу при порождении всех явно неграмматичных фраз...» [Fillmore 1973: 283].

³ В литературе используется также термин «речевая компетенция» — в смысле, близком к значению термина «коммуникативная компетенция»; речевая компетенция противопоставляется языковой (см.: [Психолингвистика 1984: 321]).

⁴ Так же как и в некоторых других работах, рассматривающих структуру акта коммуникации; ср. выделение Р. Якобсоном и вслед за ним Д. Хаймсом следующих компонентов акта речи: (1) отправитель; (2) получатель; (3) форма сообщения; (4) канал связи; (5) код; (6) тема; (7) обстановка [Jakobson 1970; Hymes 1970].

Это указание на ограниченные возможности чисто грамматического подхода при анализе фактов живой речи перекликается с мыслью, которую настойчиво повторяет У. Лабов: грамматика описывает многие реально встречающиеся высказывания как ошибки, между тем как этими ошибками насыщена разговорная речь и они не ведут к непониманию; следовательно, лингвистическая теория должна быть перестроена таким образом, чтобы она была способна описывать и объяснять не только «чистые» случаи, но и якобы ошибочные — а на самом деле обусловленные ситуацией и иными факторами — высказывания (см. об этом [Labov 1966a, 1970]; см. также [Bierwisch 1976]), где обосновывается необходимость дополнить лингвистическую теорию компонентом, «отвечающим» за интерпретацию подобных ситуативно обусловленных отклонений от грамматической правильности.

Развивая этот взгляд на задачи лингвистического описания, Дж. Гамперц ввел понятие контекстуализации (contextualisation). Оно основано на том, что говорящий озабочен не только тем, чтобы доводить до слушателя правильно сформулированные утверждения, но и тем, чтобы эти утверждения были вписаны в соответствующий контекст, в котором они получили бы надлежащую интерпретацию [Gumperz 1982: 17]. Дж. Гамперц указывает такие виды контекстуализации: переключение кода (т. е., например, переход с одного стиля на другой), повышение или понижение тона, изменение скорости речи, изменение позы говорящего и т. п.; все они могут служить сигналами, указывающими на то, что одна тема разговора кончилась и начинается другая [ibid.: 18]. Поскольку говорящий в своем поведении постоянно использует подобные сигналы, они должны учитываться при описании языка и его употребления в различных коммуникативных ситуациях ⁵.

---

⁵ Заметим, что как в цитированных работах, так и в исследованиях основоположников теории речевых актов — Дж. Сирля и Г. Грайса — в качестве участников коммуникативного акта, свойства которых влияют на структуру и свойства последнего, рассматриваются лишь говорящий и слушающий. Между тем характер речевого акта и его собственно лингвистические свойства зависят также от того, присутствуют ли в данном акте коммуникации третьи лица, которые непосредственно не принимают в нем участия (не являются ни говорящими, ни слушающими). Так, неоднократно отмечалось (см., например, [Sherer, Giles 1979]), что присутствие третьих лиц при диалоге (без их непосредственного участия в общении) влияет на тембровые и громкостные характеристики речи (усиливает громкость и повышает тембр), на степень эллиптичности высказываний (уменьшает эллиптичность, делает высказывания более оформленными) и т. д. Кроме того, этот фактор накладывает некоторые ограничения на сами высказывания с точки зрения их возможности / невозможности в данной ситуации.

Например, по наблюдениям Е. В. Рахилиной, «употребление сочетания *моя родина* некорректно в присутствии соотечественника говорящего, так же как употребление

Можно сказать, что в настоящее время мнение, согласно которому лингвистическое описание должно ориентироваться не только на словарь и грамматику, но и на социальный контекст использования языка, стало общепринятым. Появилась даже опасность чересчур широкого понимания задач лингвистики, которое присуще, например, некоторым новейшим работам по прагматике (см. [Языковая деятельность 1984]): число факторов, влияющих на речевое поведение человека, оказывается настолько большим, а сами они — столь разнообразными, что попытки отнести изучение всех этих факторов к компетенции лингвистики делают очертания науки о языке весьма неопределенными и расплывчатыми.

Между тем многое остается неясным и в той проблематике, которая безоговорочно должна быть отнесена если не к собственно лингвистической, то к социо- или психолингвистической.

Одна из таких проблем — соотношение языкового и неязыкового в навыке, который принято называть «владение языком».

Квалифицируя этот навык как коммуникативную, или социолингвистическую, компетенцию и перечисляя факторы, существенные для процесса речевого общения (как это сделано в цитированных выше работах), мы лишь признаем, что навык этот сложен и чисто лингвистическая его интерпретация недостаточна для адекватного описания реальной языковой жизни. Но является ли владение языком неким аморфным навыком, или же в нем можно выделить некоторые компоненты или уровни, находящиеся в определенных отношениях друг с другом? Мы склонны положительно ответить на вторую часть поставленного вопроса: можно выделить несколько уровней владения языком в зависимости от того, какого рода информация о языке и его использовании имеется в виду.

2. Уровни владения языком

2.1. Собственно лингвистический уровень включает три указанных выше умения, или способности, говорящего и отражает свободное «манипулирование» языком безотносительно к характеру его использования в тех

сочетаний *мой отец* в присутствии брата говорящего...»; « — нельзя сказать: “Знакомьтесь — это Володин сын Митенька” в присутствии митиной матери. Эффект “невежливости” здесь возникает из-за того, что говорящий нарушил правила употребления притяжательных форм; сказав: “Митенька — Володин сын”, он тем самым сказал: “и никого другого из здесь присутствующих”, а значит, построил текст, не соответствующий заданному смыслу и презумпциям, имеющимся у участников диалога» [Рахилина 1983: 106].

или иных сферах человеческой деятельности. Хотя сущность этого уровня владения языком вполне ясна, проиллюстрируем каждое из умений несколькими примерами.

Способность к перифразированию проявляется в том, что одну и ту же мысль говорящий может выразить по-разному. И чем большее число перифраз он может использовать, тем выше (в этом отношении) степень его владения языком. Например: *Переходя улицу, будьте особенно внимательны.* ⇔ *При переходе улицы будьте особенно внимательны.* ⇔ *Когда вы переходите улицу, (то) будьте особенно внимательны.* ⇔ *Переход улицы требует (от пешехода) особой внимательности.* ⇔ *Особая внимательность — вот что требуется при переходе улицы (когда вы переходите улицу) и т. д.*

Понимание текстов на данном языке не нуждается в каких-либо иллюстрациях; распознавание же омонимии заключается в способности носителя языка осознавать неоднозначность таких словосочетаний и предложений, как, например: *люблю Чехова* = 1) 'люблю произведения А. П. Чехова' и 2) 'люблю человека по фамилии Чехов'; *посещение писателя* = 1) 'кто-то посетил писателя' и 2) 'писатель посетил кого-то'; *Школьники из Костромы поехали в Ярославль* (пример А. В. Гладкого) = 1) 'костромские школьники поехали в Ярославль' и 2) 'школьники (не сказано какие) поехали из Костромы в Ярославль' и т. п.

Речь, в особенности устная, насыщена подобными неоднозначными высказываниями, однако коммуниканты не испытывают от этого особых неудобств, так как омонимичность снимается контекстом и ситуацией общения.

Владение синонимией заключается, с одной стороны, в навыке перифразирования (примеры см. выше), а с другой — в умении находить общий смысл во внешне различных словосочетаниях и предложениях. Например, владеющий русским языком должен опознавать как тождественные по смыслу пары словосочетаний типа *деревянные ложки — ложки из дерева; оконное стекло — стекло для окон; продуктовый магазин — магазин, где продаются продукты* и т. п., варианты высказываний и вопросов типа: *Подвиньтесь, пожалуйста. — Можно попросить вас подвинуться? — Вы не могли бы подвинуться?*⁶ и т. п.

Наконец, человек, владеющий каким-либо языком, должен уметь определять, как можно, а как нельзя говорить на этом языке. Например, владеющий русским языком не колеблясь отнесет к неправильным фразы типа **Он сделал мне помощь* (вместо: *оказал помощь*), **Парк был посажен своими силами комсомольцев* (вместо: *Комсомольцы посадили парк своими силами*), **С минуту воцарилось молчание* (вместо: *На минуту воцарилось молчание* или *С минуту*

⁶ Здесь мы рассматриваем лишь собственно смысл высказываний, но не их коммуникативное предназначение, ситуативную обусловленность, различия в степени вежливости и т. д.

царило молчание), *Я имею шестьдесят килограмм веса (вместо: Я вешу шестьдесят килограммов или Во мне шестьдесят килограммов <кило>) и т. п.

Эти знания и умения составляют основу навыка, называемого «владение языком». Очевидно, однако, что для свободного общения на том или ином языке трех указанных умений недостаточно. Можно хорошо знать нормы произношения, правила грамматики, словоупотребления, уметь использовать разные языковые средства для выражения одной и той же мысли, обладать отменным чутьем на разного рода языковые неправильности, но при этом не иметь необходимых навыков нормального для данного речевого общества коммуникативного поведения, недостаточно умело применять лингвистические знания и способности в реальной речевой обстановке. Природный, «подлинный» носитель языка обычно способен варьировать речь в зависимости от своих отношений с адресатом, от социальных и психологических характеристик последнего, от цели речи и от многого другого (ср. то, что Ю. Д. Апресян называет селективной способностью говорящего)⁷. Поэтому помимо собственно лингвистического уровня владения языком целесообразно выделять еще и другие.

2.2. Национально-культурный уровень: владение национально обусловленной спецификой использования языковых средств. Носители того или иного языка, с детства овладевая словарем, грамматикой, системой произносительных и интонационных средств данного языка, незаметно для себя, чаще всего неосознанно, впитывают и национальные формы культуры, материальной и духовной. Нередко эти культурные обычаи и традиции бывают связаны со специфическим использованием языка, его выразительных средств.

Так в Венгрии чай варят, а в России заваривают (поэтому для русского человека выражение *варить чай* необычно, странно). Для русских типично *ходить в гости* и *приглашать гостей* к себе домой; французы же, как правило, встречаются вне дома и, соответственно, не употребляют оборотов, эквивалентных по смыслу выделенным русским словосочетаниям. В Финляндии яйца продают на вес, а не счетом на десятки, как это принято у нас; отсюда возможные высказывания в речи финнов, овладевающих русским языком, типа *Взвесьте мне килограмм яиц*, которые природному носителю русского языка, конечно же, кажутся странными (хотя в чисто языковом отношении они вполне правильны)⁸.

⁷ Разумеется, эта способность различна у носителя литературного языка и у носителя просторечия, она зависит от уровня культуры говорящего, степени его образованности и т. п. Однако в данном случае речь идет о принципиальной способности ситуативно варьировать речь, отличающей природного носителя языка от человека, для которого данный язык не является родным.

⁸ Примеры заимствованы из книги: [Верещагин, Костомаров 1976: 91—92].

Национально обусловлены многие речевые стереотипы, т. е. обороты и высказывания, «жестко» прикрепленные к той или иной ситуации и варьируемые в строго определенных пределах. Так, у русских приняты следующие стереотипы начала разговора по телефону: — *Алло!*; — *Да!*; — *Слушаю!* или — *Я слушаю!*; — *Слушаю вас* и немногие другие (при снятии трубки в ответ на телефонный звонок). Немец, даже достаточно хорошо владеющий русским языком, может в этом случае сказать: — *Пожалуйста!* (как бы предлагая звонящему начать говорить). Представляясь собеседнику по телефону, русский говорит: — *Это Петров (это Дмитрий Иванович, это Коля)*. Немец или француз, следуя принятым в их национальных традициях стереотипам, могут сказать: — *Здесь Гофман*; — *Здесь Польш*.

Существенным компонентом национально-культурного уровня владения языком является знание коннотаций слова — тех стандартных, общепринятых в данном социуме ассоциаций, которые возникают у говорящих при произнесении того или иного слова. Такие стандартные ассоциации очень часто бывают обусловлены национально.

Например, слово *сокол* в русском языковом сознании связано с такими свойствами, как бесстрашие, гордость; на этой основе родилось переносное употребление этого слова применительно к летчикам. Во французском языке у соответствующего слова (*faucon*) таких ассоциаций нет. Слово *корова* ассоциируется с такими свойствами, как толщина и неповоротливость; поэтому возможны бранные выражения с применением этого слова по отношению к человеку, преимущественно к женщине, что совершенно непонятно и невозможно для индусов, в национальных традициях которых — поклонение корове как священному животному.

Некоторые национально обусловленные коннотации не отмечены столь явно выраженной положительной или пейоративной окраской, и поэтому они меньше ощущаются говорящими.

Так, в русскоязычном обществе неправильно заваренный и потому невкусный чай ассоциируется с веником; плохой (невкусный, жидкий и т. д.) кофе не имеет такой ассоциации (скорее, его можно сравнить с помоями). В дублированном на русский язык французском фильме «Черная мантия для убийцы» героиня сравнивает сваренный ею кофе как раз с веником. Она предлагает собеседнику: — *Давай выпьем по чашке этого веника*. Налицо отклонение от национально обусловленной стандартной ассоциации (коннотации).

Черный цвет в русском обществе (так же как в большинстве других европейских социумов) — символ траура. Само прилагательное *черный* в прямом своем значении имеет соответствующую коннотацию, обусловленную указанным семиотическим фактом. Благодаря связи «черный — траур» в языковом сознании говорящих по-русски ироническое выражение *траур под ногтями*

легко понимается в русскоязычном обществе и может быть столь же легко переведено на языки, обслуживающие те общества, в национально-культурных традициях которых цветом траура является также черный цвет. Однако для перевода этого выражения на языки тех наций, которые имеют иные традиции символического обозначения траура (например, в некоторых культурах Востока для этого служит белый цвет), необходимы комментарии.

Коннотации могут быть обусловлены не только национальными, но и социальными различиями между говорящими; в этом случае по-разному коннотируются одни и те же факты данного национального языка.

Так, нередко многозначные слова имеют разные «поля ассоциаций» у представителей различных профессиональных групп. Например, слово *инструмент* в сознании музыканта в первую очередь ассоциируется с различными видами музыкальных инструментов, в сознании столяра или плотника — с топором, ножовкой, рубанком и т. п., в сознании врача-хирурга — со скальпелем, пинцетом, зажимом и т. п.; за словом *материал* портному и юристу, ученому и скульптору видится разная реальность и т. д.

Факты такого рода давно и хорошо известны⁹. Однако, как кажется, до сих пор не обращалось должного внимания на то что подобные различия имеют непосредственное отражение в синтагматике соответствующих языковых единиц: не только коннотации слова, но и его сочетаемость оказывается различной в разных социально-профессиональных группах, поскольку в речи представителей каждой такой группы активизируются те лексические, семантические и синтаксические связи слова, которые актуальны для соотнесения слова с данной реалией. Ср.: *настраивать инструмент, садиться за инструмент, инструмент не звучит и точить инструмент, тупой инструмент, собрать весь инструмент; сшить брюки из дорогого материала; На вас поступил компрометирующий материал; Ему удалось собрать богатый фольклорный материал; Из какого материала сделан памятник?* и т. п.

Таким образом, в речевой практике людей, принадлежащих к разным социально-профессиональным группам, активны различные фрагменты корпуса языковых средств: наиболее свободно и легко они владеют теми фрагментами, которые отражают их профессиональную деятельность.

2.3. Энциклопедический уровень: владение не только самим словом, но и «миром слова», т. е. теми реалиями, которые стоят за словом, и связями между этими реалиями.

⁹ Об этом писал, например, еще в конце XIX в. М. М. Покровский (ср. анализ им различий в осмыслении слов *бойкий* и др. в языковом сознании представителей разных социальных и профессиональных групп — (см. [Покровский 1959: 43 и след.]).

Так, владение русским словом *часы* предполагает знание не только собственного значения этого слова, его лексической и грамматической сочетаемости (ср.: *Часы идут, стоят, спешат, остановились, тикают, бьют; точные часы; на часах — половина первого* и т. п.), фразеологических сочетаний, содержащих это слово (*точен, как часы*), и другой чисто языковой информации, но и многочисленных разновидностей прибора для измерения времени: часы механические, электрические, электронные, солнечные, водяные, атомные; наручные, карманные, стенные (или настенные), будильник, ходики, часы с кукушкой, куранты (башенные часы с боем) и др. (ср. указание всех этих и других подобных сведений в словарной статье *Часы* «Толково-комбинаторного словаря русского языка». Вена, 1984. С. 953—957).

Знание «мира слова» проявляется, в частности, в правильном представлении о родо-видовых отношениях между вещами и понятиями. Так, носитель русского языка знает, что *мебель* — это общее название для дивана, шкафа, стола, стульев, кресел и других видов мебели, что *перебегать, переплывать, переползть* и другие подобные глаголы могут быть обобщены глаголом *перемещаться*. Такое знание имеет важные следствия как для речевого общения в целом, так и для построения логически правильных высказываний. Например, для образования цепочек однородных членов в предложении необходимо соблюдать условие, благодаря которому такие члены и называются однородными: они должны обозначаться словами, которые называют вещи или понятия одного логического уровня. Можно сказать: *В комнате стоял стол, стулья и еще кое-какая мебель*, но нельзя: **В комнате стоял стол, стулья и мебель* (см. об этом [Санников 1989]).

Помимо родо-видовых между вещами и понятиями, а также между действиями и событиями существуют и другие отношения: причинно-следственные, временные, пространственные. Знание этих отношений позволяет человеку отличать логически нормальные высказывания от аномальных, неправильных: *На улице сыро, так как идет дождь* (но не: **На улице сыро, поэтому идет дождь*); *Он встал, оделся и вышел на улицу*, (но не: **Он вышел на улицу, оделся и встал*, — во всяком случае, такое предложение описывает нестандартную ситуацию) (см. об этом [Апресян, Иомдин, Перцов 1978]); *Завтра я был в детском саду, а сегодня не пойду* (в речи ребенка; пример свидетельствует о том, что говорящий не только не овладел еще значением слова *завтра*, но и не имеет ясного представления о взаимном расположении смыслов ‘вчера’, ‘сегодня’ и ‘завтра’ на оси времени); *Мы долго поднимались по ступеням на самый верх башни* (но не: **Мы долго опускались по ступеням на самый верх башни*) и т. п. (о различии между языковыми неправильностями и логическими аномалиями см. [Апресян 1978]).

2.4. Ситуативный уровень: умение применять языковые знания и способности — как собственно лингвистические, так и относящиеся к национально-культурному и энциклопедическому уровням — сообразно с ситуацией.

2.4.1. Ситуация общения состоит из нескольких компонентов: (1) говорящий и его социальная роль; (2) слушающий и его социальная роль; (3) отношения между говорящим и слушающим и связанная с этим (4) тональность общения (официальная — нейтральная — дружеская); (5) цель; (6) средство общения (подсистема или стиль языка, параязыковые средства — мимика, жесты и т. п.); (7) способ общения (устный/письменный, контактный/дистантный); (8) место общения.

Это — ситуативные переменные: изменение каждого из этих факторов ведет к изменению речевой ситуации и, следовательно, к варьированию языковых средств, используемых говорящими, и их коммуникативного поведения в целом ¹⁰.

2.4.2. Так, общение судьи и свидетеля в зале суда отличается большей официальностью используемых обеими сторонами языковых средств, нежели общение этих же лиц не во время судебного заседания (меняется место, но социальные роли, как и все другие ситуативные переменные, сохраняются неизменными).

Обращение судьи к свидетелю с целью выяснения биографических данных с необходимостью предполагает вопросно-ответную форму общения с соответствующими синтаксическими свойствами диалога (эллиптичность высказываний, повтор отвечающим некоторых элементов вопроса и т. п.). Обращение судьи к свидетелю с целью воспроизвести показания последнего во время предварительного следствия предполагает преобладание монолога судьи и лишь подтверждающую или отрицающую реакцию свидетеля (меняется цель общения с сохранением тех же значений всех других ситуативных переменных).

Очевидным образом, выходя из своей служебной роли, судья перестает находиться со свидетелем в тех ролевых отношениях, которые предписывают им обоим определенное речевое поведение. Скажем, в «транспортной» ситуации —

---

¹⁰ Одним из первых в лингвистике обратил внимание на социальную обусловленность актов коммуникации Л. П. Якубинский. Среди социальных факторов, влияющих на характер речевого общения, он рассматривал, во-первых, «условия общения в привычной среде (или средах) и взаимодействия с непривычной средой (или средами); во-вторых, формы общения: непосредственные и посредственные, односторонние и перемежающиеся (имеются в виду монологическая и диалогическая формы речи. — Л. К.); в-третьих, цели общения (и высказывания): практические и художественные, безразличные и убеждающие (внушающие), причем в последнем случае интеллектуально и эмоционально убеждающие» [Якубинский 1923: 99].

если и тот и другой едут в автобусе — при социальных ролях «пассажир — пассажир» их речь (при условии, что они общаются друг с другом), разумеется, менее официальна.

Если судья и свидетель — приятели, то тем не менее обстановка судебного заседания и их роли в нем предписывают им обоим официальную тональность общения; вне этой обстановки, при «возврате» к приятельским их отношениям, тональность общения может меняться на фамильярную с использованием средств разговорного языка, жаргонов, просторечия.

Общение судьи и свидетеля на приеме у судьи (контактность и устность) допускает эллиптированные формы речи; собственноручные же письменные показания свидетеля (дистантность и «письменность») требуют эксплицитных, синтаксически законченных форм выражения.

Заметим, что в чисто иллюстративных целях — чтобы показать, как действует каждая ситуативная переменная, — мы в значительной мере упростили описанные ситуации, схематизировали их. В действительности в реальном общении ситуативные переменные взаимодействуют друг с другом, и каждая из них приобретает определенные значения вкупе с другими: например, если меняется место общения, то это часто означает одновременно и изменение цели его, а также социальных ролей коммуникантов и тональности общения; контактность взаимодействия говорящего и слушающего обычно связана с использованием устно-разговорных форм речи, а дистантность — с использованием речи письменной (ср., однако, общение по телефону) и т. д.

2.4.3. Приведем пример записи речи одного и того же лица, рассказывающего в разной обстановке об одном и том же — о научной командировке. При сохранении темы речи ¹¹ изменению подвергается весь спектр ситуативных переменных: цель, место, социальные роли участников коммуникативного акта, тональность, контактность/дистантность, устная/письменная формы общения. Соответственно меняется весь строй речи: выбор лексики, синтаксических конструкций, интонационная структура высказываний, логическая последовательность изложения и т. п.

1). *И вот эту протоплазму надо было / нет, не примеры даже или что / найти, а всю картотеку облазить. Причем черт их знает / может их и вообще нет там / этих слов (беседа с друзьями);*

2). *Неважно съездила: у меня ведь не было списка слов / надо было как-то исхитриться и разыскать в картотеке не отдельные слова, не отдельные приме-*

---

¹¹ Как кажется, тема не принадлежит к конституирующим признакам речевой ситуации (и тем самым она не является ситуативной переменной): на любую тему можно говорить (и писать) в какой угодно тональности, при проигрывании любых социальных ролей — все зависит от намерений говорящего и его взаимоотношений со слушающим.

ры, а всю группу терминов. Причем никто — ни завкартотекой, ни я сама — не знали, есть ли они там вообще (разговор с сослуживцами);

3). Очень трудно было отыскать в картотеке необходимые мне термины: я не имела точного списка, пришлось в значительной степени идти на ощупь (сообщение на заседании сектора);

4). Во время командировки я собирала материал об исследуемой мною группе терминов. Несмотря на трудности — отсутствие точного списка слов и недостаточность информации о наличии терминов интересующей меня тематики в картотеке, — мне удалось найти ряд лингвистически содержательных примеров (из официального письменного отчета о командировке).

2.4.4. Ситуативные переменные имеют разный «вес» с точки зрения силы влияния их на характер ситуации. Большим весом обладают те переменные, которые отражают некоторую лингвистическую или социальную *з а д а н н о с т ь* структуры общения; меньшим — переменные, отражающие многообразие реальных речевых ситуаций. Число значений первых конечно, значения вторых представляют собой незамкнутые множества.

Так, цель общения реализуется каким-либо конкретным речевым актом, типы которых исчислимы, с использованием определенной или, чаще, определенных функций языка. Например, сообщая что-либо, говорящий прибегает к речевому акту сообщения и использует при этом информационную функцию языка, возможно в сочетании с эмотивной (это зависит от намерений говорящего: хочет ли он просто информировать слушающего о чем-либо или же еще и прокомментировать сообщаемое, внося свои оценки). Просьба, угроза, клятва, извинение, приказ, оправдание и тому подобные интенции говорящего облакаются в форму соответствующих речевых актов, которые отличаются друг от друга как по целям, так и по характеру совмещения в них разных функций языка.

Структурой человеческой деятельности заданы способы общения: контактный — дистантный, устный — письменный; социальные роли также можно считать наперед заданными, так как в каждом обществе существует ролевая матрица, или матрица общения (термин Дж. Гамперца; см. [Gumperz 1962: 31]) — совокупность типичных социальных ролей, характерных для поведения членов данного общества.

Несмотря на то что тональность на первый взгляд кажется такой ситуативной переменной, которая имеет недискретные значения, в действительности говорящие не только отчетливо ощущают различия между официальным, нейтральным и фамильярным (дружеским) общением (остальные виды тональности являются промежуточными между этими тремя ¹²), но и знают заранее, какая тональность соответствует тем или иным ситуациям общения.

¹² Ср. шкалу тональностей, которую дает Е. Ф. Тарасов: возвышенная (торжественная), нейтральная, нейтрально-обиходная, фамильярная, вульгарная [Тарасов 1974: 273].

В отличие от всех перечисленных переменных, место общения не является, по всей видимости, наперед заданной переменной, и число значений этой переменной вряд ли можно признать конечным. В связи с этим заметим, что и вес этой переменной меньше, чем вес таких факторов общения, как цель, социальные роли коммуникантов и др. Изменение места общения само по себе далеко не всегда ведет к изменению характера речевого поведения общающихся: если ролевые отношения их остаются прежними, то изменение фактора «место» нередко оказывается нерелевантным (ср., например, общение учителя и ученика в классе и вне класса). Изменение места общения чаще всего значимо в сочетании с изменением каких-либо других условий общения. Так, если в результате изменения места усиливается зависимость одного из коммуникантов от другого, то меняется характер речевого поведения первого. Например, безбилетный пассажир, будучи задержан контролером в вагоне поезда, может позволить себе вербальный протест и несогласие с применяемыми к нему санкциями в большей степени, нежели в отделении милиции, куда, в случае необходимости, доставляет его контролер (зависимость пассажира от контролера, асимметрия их социальных ролей налицо и в том, и в другом случае, однако во второй ситуации — в отделении милиции — она, несомненно, увеличивается).

Из всех отмеченных выше ситуативных переменных наибольшим весом, на наш взгляд, обладают социальные роли: они накладывают ограничения как на характер коммуникативного акта, так и на действие других переменных. Для того чтобы убедиться в этом, рассмотрим несколько подробнее зависимость речевого поведения носителей современного русского языка от проигрываемых ими социальных ролей.

3. РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ КОММУНИКАНТОВ

Разные формы общественного поведения человека социологи и социопсихологи называют его социальными (или функциональными) ролями, тем самым расширяя обыденное понимание этого слова.

Социальная роль — это «нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию» ([Кон 1967: 23]; см. также [Шибутани 1969: 44; Щепаньский 1969: 71; Белл 1980: 135—137]), социальная позиция, или статус, — формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида в иерархии социальной группы [Белл 1980: 137].

Термином «социальный статус» обозначается соотносительная (по оси «выше—ниже») позиция в социальной системе, определяемая по ряду признаков, специфичных для данной системы. Статус отвечает на вопрос «кто он?»,

роль — на вопрос «что он делает?». Поэтому можно сказать, что роль — это динамический аспект статуса [Социальная психология 1975: 233]¹³.

Существенным компонентом социальной роли является ожидание: то, чего ожидают окружающие от поведения индивида, они вправе требовать от него; он же обязан в своем поведении соответствовать этим ожиданиям. Например, приходя в гости, вы обязаны поздороваться первым и имеете право на внимание к вам со стороны хозяев. Школьный учитель по своей профессиональной роли обязан передавать свои знания ученикам и вправе требовать от них внимания и прилежания (это их обязанность). Таким образом, роли — это своеобразные шаблоны взаимных прав и обязанностей.

Роли могут быть обусловлены как постоянными или долговременными характеристиками человека: его полом, возрастом, положением в семье и социальным положением, профессией (таковы, например, роли мужа, отца, начальника, сослуживца и др.), — так и переменными, которые определяются свойствами ситуации: таковы, например, роли пассажира, покупателя, пациента и др.

Роли, связанные с постоянными или долговременными характеристиками, накладывают отпечаток на поведение и даже на образ жизни данного человека, «оказывают заметное влияние на его личностные качества (его ценностные ориентации, мотивы его деятельности, его отношение к другим людям)» [Кон 1967: 24]; см. также [Кон 1969]. Сказываются они и в речи: ср. расхожие «квалифицирующие» определения вроде *говорит, как учитель; хорошо поставленным актерским голосом; начальственный окрик; оставь свой прокурорский тон; кричит, как базарная торговка* и т. п.

Исполнение одних и тех же ситуативных ролей (пациента, покупателя и т. п.), скажем, столяром и преподавателем математики, студентом и домохозяйкой — различно: хотя данная ситуация (например, купля-продажа) предъявляет к ее участникам определенные требования, ролевое поведение каждого из участников бывает обусловлено их постоянными или долговременными социальными характеристиками, их профессиональным или служебным статусом.

Социальные роли, типичные для данного общества, усваиваются (интернализуются) человеком в процессе его социализации. Несмотря на то что совокупность ожиданий, присущая той или иной роли, состоит из набора констант,

---

¹³ К сожалению, в современной социологии и социолингвистике отсутствуют более или менее формальные определения таких понятий, как роль и позиция (как, впрочем, и большинства других). Однако для наших целей достаточно интуитивного представления о соотношении ролей членов таких групп, как семья, класс, бригада и т. п., или участников таких ситуаций, как прием у врача, купля-продажа и т. п. Как кажется, приведенное определение социальной роли и дальнейшее разъяснение этого понятия на примерах может служить основанием для формирования такого представления.

предписывающих индивиду определенное поведение, интернализация ролей каждым человеком происходит через призму его личного опыта и под влиянием той социальной микро- и макросреды, к которой он принадлежит. Поэтому и исполнение ролей, как обусловленных постоянными и долговременными социальными характеристиками индивида, так и проигрываемыми в той или иной стандартной ситуации, варьирует от личности к личности, от одной социальной группы к другой. Важно, однако, что эта вариативность находится в определенных пределах — пока она не противоречит ожиданиям, присущим данной роли, пока не нарушает некоторых социальных норм¹⁴.

Многие роли, характерные для данного общества, имеют специальные обозначения в языке: *отец, жена, сын, одноклассник, сосед, учитель, покупатель, пациент, пассажир, председатель собрания, клиент* и т. п. Все взрослые члены общества более или менее хорошо знают, чего ожидать от поведения человека при исполнении им каждой из подобных ролей, так что даже простое произнесение имени роли обычно вызывает в сознании говорящего и слушающего представление о комплексе свойственных этой роли прав и обязанностей.

Представления о типичном исполнении той или иной роли складываются в стереотипы; они составляют неотъемлемую часть ролевого поведения. Стереотипы формируются на основе опыта, частой повторяемости ролевых признаков, характеризующих поведение, манеру говорить, двигаться, одеваться и т. п.

В рассказе А. И. Куприна «С улицы» опустившийся полуинтеллигент-попрошайка использует атрибуты различных профессий для успешного и при том вполне respectable попрошайничества. Вот как он сам об этом рассказывает:

Рассчитываешь всегда на психологию. Являюсь я, например, к инженеру — сейчас бью на техника по строительной части: высокие сапоги, из кармана торчит деревянный складной аршин; с купцом я — бывший приказчик; с покровителем искусства — актер; с издателем — литератор; среди офицеров мне, как бывшему офицеру, устраивают складчину. Энциклопедия!..

Надо стрелять быстро, чтобы не надоест, не задержать, да и фараоновых мышей опасаться, потому и стараешься совместить все сразу: и кротость, и убедительность, и цветы красноречия. Бьешь на актера, например: «Милостивый государь, минуту внимания! Драматический актер — в роли нищего! Контраст поистине ужасный! Злая ирония судьбы! Не одолжите ли несколько сантиметров на обед?» Студенту говорю так: «Коллега! Помогите бывшему рабочему,

---

¹⁴ Поведение людей, пишет Е. Ф. Тарасов, «определено социально кодифицированными и некодифицированными нормами. Знание этих норм характеризует личность как общественное существо, и следование этим нормам составляет одну из существенных сторон бытия личности» [Тарасов 1974: 272].

административно лишенному столицы. Три дня во рту маковой росинки не было!» Если идет веселая компания в подпитии, вали на оригинальность: «Господа, вы срываете розы жизни, мне же достаются тернии. Вы сыты, я — голоден. Вы пьете лафит и сотерн, а моя душа жаждет казенной водки. Помогите на сооружение полдиковинки бывшему профессору белой и черной магии, а ныне кавалеру зеленого змия!»

Герой рассказа гибко владеет не только формами социального поведения, но и различными манерами речи (правда, в несколько утрированном виде): сравните лексику и строй предложений в его обращениях к актеру (повышенная эмоциональность, мелодраматизм интонаций), студенту (дружески-почтительный и одновременно несколько фамильярный тон), к веселой компании (нотки обличения в сочетании с цветистостью: *розы жизни, тернии, душа жаждет*).

Резюмируя сказанное о понятии социальной роли, мы можем сделать вывод, что роль — это форма общественного поведения человека, обусловленная его положением (а) в некоторой социальной группе (например, в семье, в производственной, учебной, спортивной, военной группе — сравните роли отца и сына, начальника и подчиненного, учителя и ученика, тренера и спортсмена, командира и солдата) и (б) в некоторой ситуации общения — например, в ситуации купли-продажи, приема у врача, судебного заседания и т. п. (ср. роли покупателя и продавца, врача и пациента, судьи и подсудимого).

Как мы видим из приведенных примеров, пары социальных ролей — наиболее типичная форма ролевого взаимодействия людей. Соотношение ролей в таких парах может быть трояким:

1) роль первого участника ситуации (X) выше роли второго участника ситуации (Y): $P_x > P_y$;

2) роль первого участника ситуации ниже роли второго участника: $P_x < P_y$

3) роли обоих участников ситуации равны: $P_x = P_y$.

Социальная роль X-а выше социальной роли Y-а тогда, когда в некоторой группе или ситуации общения Y зависим от X-а; и наоборот: социальная роль X-а ниже социальной роли Y-а, если в некоторой группе или ситуации общения X зависим от Y-а¹⁵.

При отсутствии зависимости говорят о равенстве социальных ролей членов группы или участников ситуации.

В соответствии с типами ролевых отношений все ситуации общения можно подразделить на симметричные и асимметричные. Симметричными

¹⁵ Мы придерживаемся следующего истолкования понятия зависимости: «X зависит от B = 'B может каузировать изменения в свойствах, состояниях и поведении X-а'» [Апресян 1974: 108].

являются ситуации с соотношениями ролей по типу $P_x = P_y$, асимметричными — ситуации с соотношениями ролей по типам $P_x > P_y$ и $P_x < P_y$.

Такое разбиение ситуаций общения на два указанных класса ¹⁶ не только отражает разную структуру ролевых отношений при наличии/отсутствии зависимости между коммуникантами — оно важно и с чисто лингвистической точки зрения.

Во-первых, для асимметричных ситуаций характерна тенденция, выражающаяся в том, что речь лица, находящегося в зависимом положении, более эксплицитна, нежели речь его собеседника ¹⁷. Например, просьбы, жалобы, самооправдания и т. п. (тип ролевого отношения $P_x < P_y$) должны быть изложены максимально понятно для того, кому они адресованы, — это в интересах самого говорящего; для достижения этой цели говорящий избегает редукации языковых средств, которая может привести к потере сообщаемой им Y -у информации.

При ролевых отношениях $P_x > P_y$ требование эксплицитности речи также может быть настоящим. Например, в речевых актах приказа, выговора, наставления речь X -а максимально эксплицитна, хотя Y в этом далеко не всегда заинтересован; в речевых актах рекомендации, совета и нек. др. в эксплицитности речи X -а заинтересованы обе стороны.

В симметричных ситуациях степень эксплицитности зависит от отношений между участниками: чем более официальные они, тем выше степень эксплицитности, и, напротив, чем интимнее отношения, тем менее эксплицитна речь

---

¹⁶ Разумеется, возможны и иные подходы к классификации ситуаций общения в терминах ролевых отношений. Так, Е. Ф. Тарасов предлагает классифицировать ситуации по таким признакам: (1) по признаку определенности, фиксированности ролевой структуры — на нормативные и ненормативные (например, ситуации общения командира и подчиненного ему солдата нормативны, ситуации общения прохожих на улицах — ненормативны); (2) по признаку соблюдения/несоблюдения социальных (этических) норм — на санкционируемые / несанкционируемые (обществом); все нормативные и большая часть ненормативных ситуаций являются санкционируемыми (пример ненормативной несанкционируемой речевой ситуации — «беседа» грабителя с жертвой нападения); (3) по признаку типичности для данного общества ситуации подразделяются на стандартные — нестандартные; примеры стандартных ситуаций — общение врача и пациента, кондуктора и пассажира [Тарасов 1974: 272]. Примером нестандартной ситуации может быть ситуация поучения, исходящего из уст несовершеннолетнего подростка и адресованного взрослому человеку (что вполне возможно, например, при определенном состоянии адресата — болезни, умственной отсталости, опьянении и т. п.).

¹⁷ Под эксплицитностью понимается формальная выраженность элементов языка и связей между ними в речи.

каждого из участников, тем ярче проявляется тенденция к свертыванию высказываний и замене языковых единиц элементами ситуации и параязыковыми средствами (жестами, мимикой и т. п.).

Во-вторых, бóльшая часть асимметричных ситуаций обслуживается кодифицированными подсистемами языка — преимущественно разными стилями книжно-литературного языка, — в то время как симметричные ситуации в этом отношении не маркированы: они могут обслуживаться как кодифицированными подсистемами языка, так и некодифицированными (диалектами, просторечием, жаргонами).

Владея разными типами ролевого поведения, каждый взрослый член общества в повседневной жизни выступает в разных ипостасях, являясь то отцом, сыном или мужем, то сослуживцем, начальником или подчиненным, то покупателем, то пассажиром, то пациентом и т. д. Переходя от исполнения одной роли к исполнению другой, индивид переключается с одних стереотипов поведения на другие. Речевое переключение имеет в этом процессе первостепенное значение: поскольку ролевое взаимодействие людей в большинстве ситуаций вербально, постольку успех общения в значительной мере зависит от того, в достаточной ли степени владеют говорящий и слушающий формами языка, пригодными для данной ситуации¹⁸.

Исходным положением при таком взгляде на ролевое переключение человека в его повседневном поведении является тезис о том, что каждой роли (или «пучкам» ролей) соответствует определенная разновидность языка. Иначе говоря, ролевой матрице, или матрице общения, может быть поставлена в соответствие «кодовая матрица» — множество обслуживающих данное общество языковых образований (см. [Gumpertz 1962: 32]). Это могут быть как подсистемы одного языка или его стили, так и самостоятельные языки — в дву- или многоязычном обществе (о принципиальном сходстве механизма переключения с одной разновидности языка на другую с механизмом речевого переключения билингвов см. [Крысин 1976]).

Таким образом, члены общества диглоссы: они владеют разными коммуникативными кодами (подсистемами, стилями), обращающимися в данном обществе. Их социальный успех, в частности естественность и эффективность их ролевого поведения, зависит от того, насколько совершенно это владение, насколько легко может индивид переключаться с одного кода на другой при смене социальной роли.

---

¹⁸ В аспекте социализации усвоение тех или иных социальных ролей значит в первую очередь овладение теми стереотипами речевого поведения, которые характерны для данной роли. Когда нам приходится исполнять чуждые для себя (т. е. неосвоенные) роли, то мы чувствуем себя неуютно прежде всего оттого, что не знаем, что и как говорить при проигрывании этих ролей.

Так, лица, владеющие местным диалектом и в результате образования — литературным языком, используют эти подсистемы в разных классах ситуаций. Диалект используется при общении со старшими членами семьи, с односельчанами, литературный язык — в большинстве «городских» ситуаций, в особенности при официальной тональности этих ситуаций. Здесь действует тенденция: чем большего внимания к собственной речи требует от говорящего данная ситуация общения, тем вероятнее использование им литературного языка (или, при неполном владении последним, речевых форм, близких к литературным). Напротив, при свободном общении, при снятии или ослаблении социального контроля и речевого самоконтроля¹⁹ в той или иной ситуации вероятнее использование диалекта (заметим, что в точности таков же механизм использования родного и русского языков при национально-русском двуязычии).

В связи с этим показательно, что деление всех ситуаций общения в речевой практике диглосного говорящего (владеющего местным диалектом и литературным языком) на «сельские» и «городские» не жестко. Так, и в условиях села при общении с местными представителями официальной власти используются преимущественно не диалектные формы речи, а литературные или смешанные, промежуточные. С другой стороны, если говорящий общается с односельчанином, обладающим тем же самым или более низким социальным статусом, в условиях города, то в этом случае может преобладать диалектная речь.

При переключении с диалекта на литературный язык и обратно (так же как при переключении с одного стиля на другой) действуют так называемые «вертикальные» правила совместной встречаемости языковых элементов²⁰. Дей-

---

¹⁹ С точки зрения силы социального контроля все ситуации общения можно условно разделить на (1) находящиеся в зоне жесткого социального контроля: это в основном ситуации с официальными ролевыми отношениями между участниками — ср. ситуации дипломатического приема, воинской присяги, выступления оратора, заседания ученого совета и др.; (2) находящиеся в зоне умеренного социального контроля: имеются в виду ситуации, регламентируемые социальным узусом, а не какими-либо специальными правилами, инструкциями и т. п., — такова, например, большая часть служебных ситуаций с ролевыми отношениями «начальник — подчиненный», «сослуживец — сослуживец», а также ситуации общения незнакомых и малознакомых людей в общественных местах — в магазине, на транспорте, на приеме у врача и т. п.; (3) находящиеся в зоне ослабленного социального контроля: ср. ситуации дружеского и интимного общения людей.

²⁰ Понятие правил совместной встречаемости (или, иначе, правил сочетаемости) языковых единиц разных уровней в речевой цепи (со-occurrence rules) введено С. Эрвин-Трипп (см. [Ervin-Tripp 1971]). Эти правила подразделяются на «горизонтальные», определяющие отношения между единицами речи во времени (их временную последовательность), и «вертикальные», определяющие соотношение в данной ситуации общения единиц разных ярусов языковой структуры.

ствие этих правил заключается в том, что если используется лексика литературного языка, то должно использоваться и соответствующее произношение, и синтаксис, и интонация, т. е. средства всех ярусов структуры литературного языка (или диалекта, при обратном переключении с литературного языка на диалект). Такое переключение называется полным²¹. Когда же говорящий владеет другой подсистемой языка недостаточно, происходит неполное переключение, при котором вертикальные правила совместной встречаемости не выполняются: используя, скажем, литературную лексику, говорящий обнаруживает в своей речи фонетические и интонационные черты, свойственные диалекту.

Среди разных видов неполного переключения интересно явление ситуативно обусловленного использования некоторых, отдельных элементов диалектного кода лицами, которые владели диалектом лишь в детстве, а затем приобщились к литературному языку (что в социальном плане соответствует их перемещению в среду образованных горожан). В ситуациях, когда они выступают в роли сына (дочери), в их речи появляются фонетические, интонационные, синтаксические и лексические черты, характерные для речевых традиций данной семьи и отличающиеся от литературной нормы (см. об этом [Коготкова 1979]).

Сходные явления наблюдаются при других видах диглоссии — например, при одновременном владении говорящими литературным языком и профессиональным жаргоном. Явление диглоссии характеризует и функциональное соотношение двух основных разновидностей литературного языка — языка книжного, кодифицированного и разговорной речи.

Как показывают исследования [PPP-1973; Земская и др. 1981; PPP-1983], в современном русском языке две эти разновидности различаются набором единиц и их сочетаемостью в речи. Так, в разговорной речи меньше набор фонем (нет [ж'] полумягкого и [l] «среднеевропейского», свойственных книжному языку при произношении слов типа *жюри* и *леди*²², в парадигме склонения имен существительных есть особая звательная форма типа *дядь, Петь, Лен;* в разговорной речи неупотребительны причастия и деепричастия (в их предикативной функции); аналитические прилагательные типа *авиа-* могут занимать не

²¹ Эти правила могут быть распространены и на использование невербальных средств коммуникации — жестов, мимики, проксемики, — так как функционирование каждой более или менее специфической языковой подсистемы (литературного языка, диалекта, жаргона) характеризуется особенностями невербального поведения говорящих. Однако в этих случаях правильнее говорить не о чисто языковом (речевом), а о коммуникативном переключении (и о его полноте/неполноте).

²² Объективности ради надо заметить, что подобное произношение свойственно лишь небольшой части носителей современного литературного языка.

только препозитивное, но и постпозитивное место относительно определяемого (*Дайте два билета авиа; А какое собрание будет — парт или проф?*) и т. п.

Использование той и другой разновидностей носителями литературного языка находится в зависимости от ситуации речи, от социально-психологических отношений между участниками коммуникации: в непринужденных бытовых ситуациях при неофициальных и дружеских отношениях между говорящими обычно используется разговорный язык. При смене ситуации и изменении ролевых установок говорящих происходит переключение с разговорного языка на книжный.

Например, произношение [бу́иът], [то́къ], [када́] — *будет, только, когда*, — нормальное для русской разговорной произносительной нормы, при изменении ситуации или роли говорящего (например, роли друга, сослуживца — роль докладчика) замещается так называемым полным произношением: [бу́д'ьт] (или [бу́д'и'т]), [то́л'ка], [кагда́]; при этих же условиях, как вполне очевидно, происходит изменение лексического кода, хотя тема общения может сохраняться.

В качестве средств, на которые переключаются говорящие при изменении ролевой структуры ситуации общения, выступают также стили литературного языка. Изучение стилистической дифференциации последнего в связи с многообразием социальных ролей, проигрываемых человеком в повседневной жизни, по-новому освещает многие традиционные вопросы функциональной стилистики, ставя решение этих вопросов в зависимость от рассмотрения общей проблемы речевого поведения человека в социальной среде.

По мнению К. А. Долинина, функциональные стили — «это не что иное, как обобщенные речевые жанры, т. е. речевые нормы построения определенных, достаточно широких классов текстов, в которых воплощаются обобщенные социальные роли — такие, как ученый, администратор, поэт, политик, журналист и т. п. Эти нормы — как и всякие нормы ролевого поведения — определяются ролевыми ожиданиями и ролевыми предписаниями, которые общество предъявляет к говорящим (пишущим). Субъект речи (автор) знает, что тексты такого рода, преследующие такую цель, надо строить так, а не иначе, и знает, что другие (читатели, слушатели) ждут от него именно такого речевого поведения» [Долинин 1978: 60]. Функциональные стили отражают «традиционное представление о данного рода деятельности, сложившееся в данной культуре, ее (деятельности) социальный статус, — т. е. как на нее смотрят в обществе, какие требования предъявляют к тем, кто ею занимается, — опять-таки ролевые предписания и ролевые ожидания, которые, будучи приняты субъектом, определяют его отношение к себе как исполнителю роли, к адресату речи как ролевому партнеру и к предмету речи как объекту ролевой деятельности» [там же: 62]; см. также [Долинин 1976].

При всей привлекательности такой постановки вопроса о сущности функционального стиля, о его ролевой основе заметим, что вряд ли правомерно приравнивать функциональный стиль и социальную роль: это категории разного плана, разной природы. Кроме того, между стилем и ролью нет взаимнооднозначного соответствия: пучки социальных ролей могут обслуживаться одним функциональным стилем — ср., например, разные ипостаси, в которых выступает ученый: автор статьи, докладчик, рецензент и т. п. — и обслуживающий все эти роли научный стиль; в роли подчиненного человек использует официально-деловой стиль, но этот же стиль использует и начальник (ролей две, а стиль один). Исполнение таких ролей, как пациент, клиент, покупатель и др., находящихся в соотношении с ролью ситуативного партнера по типу $P_x < P_y$, имеет много общих стилистико-речевых черт.

С другой стороны, одна социальная роль может проигрываться в различных ситуациях с использованием средств разных функциональных стилей. Так, роль учителя может исполняться с использованием средств (а) учебного подстиля научного стиля речи (о правомерности выделения такого подстиля см. [Михальченко 1984: 68 и след.]) — при объяснении урока; (б) публицистического стиля — например, при выступлении на школьном собрании; (в) обиходно-бытового стиля — при разговоре с учениками не на учебные темы, точнее, на темы, обсуждение которых не преследует учебных целей (обратим внимание на тот факт, что во всех этих случаях говорящий не выходит за рамки социальной роли «учитель»).

Дело, как кажется, не просто в характере социальной роли, а в целевой установке при ее исполнении в той или иной коммуникативной ситуации. Поэтому К. А. Долинин, несомненно, прав в том, что традиционно выделяемые функциональные стили «чересчур обобщают, объединяют под одной рубрикой весьма разнородные речевые ситуации», и при анализе функционального разнообразия речи целесообразнее исходить не из «больших функциональных стилей, а из более дробных речевых жанров»²³ [Долинин 1978: 67].

²³ Понятие речевого жанра, впервые предложенное М. М. Бахтиным, до сих пор, как кажется, не оценено с достаточной глубиной. Хотя в современной лингвистике немало работ, использующих это понятие (см. прежде всего работы М. В. Панова), оно интерпретируется в чисто лингвистическом плане, как одна из стилистических категорий. Между тем представляет интерес и социальный аспект дробления речи на жанры. Именно на этот аспект указывал более полувека назад М. М. Бахтин, когда писал: «Общественная психология дана по преимуществу в разнообразнейших формах “высказывания”, в форме маленьких речевых жанров, внутренних и внешних, до сих пор совершенно не изученных. Все эти речевые выступления сопряжены, конечно, с другими типами знакового обнаружения и взаимодействия — с мимикой, жестиком, уловными действиями и т. п. Все эти формы речевого взаимодействия чрезвычайно тес-

Роль говорящего (или, шире, отправителя речи), как известно, находится в тесном взаимодействии с ролью адресата речи, который является партнером по ролевому взаимодействию в той или иной ситуации ²⁴. Для стилистического аспекта ролевых взаимодействий важна не только структура ситуации в терминах социальных ролей ($P_x > P_y$, $P_x < P_y$ или $P_x = P_y$), но и характер отношений между отправителем речи и ее адресатом. Эти отношения могут быть официальными, нейтральными, дружескими; они коррелируют с соответствующими типами тональности.

Однако между характером отношений ролевых партнеров, тональностью ситуации, с одной стороны, и различными подсистемами языка или его стилями (если используется литературный язык) — с другой, нет прямой и однозначной корреляции. При официальных отношениях и соответствующей тональности обычно используется официально-деловой стиль литературного языка, но может быть использован и научный стиль, и даже элементы устно-разговорной разновидности — ср., например, ситуацию приема у врача: отношения пациента и врача тяготеют к официальным (хотя они, несомненно, менее и «иначе» официальны, чем, скажем, ролевое отношение судьи и свидетеля).

Нейтральные отношения — например, при общении незнакомых и мало знакомых людей (ср. ролевое взаимодействие пассажира и кондуктора, покупателя и продавца, клиента ресторана и официанта и др.) — обслуживаются хотя и ограниченным набором языковых средств, в основном клишированных стереотипных, но значительная часть элементов этого набора принадлежит к устно-разговорной разновидности литературного языка, а некоторое их число — к просторечию и профессиональным жаргонам (ср. речь официантов, парикмахеров и др.).

Наконец, дружеские отношения между коммуникантами обычно облакаются в непринужденную, свободную языковую форму с преимущественным использованием разговорного языка, просторечия, профессиональных и групповых жаргонов. Однако, поскольку отношения между ролевыми партнерами непринужденны, здесь возможно употребление и средств стилей книжно-литературного языка, но только с сознательной установкой на шутку, иронию, каламбур и т. п. (использование книжных элементов без такой установки в дан-

---

но связаны с условиями данной социальной ситуации и чрезвычайно тонко реагируют на все колебания социальной атмосферы» ([Волошинов 1929: 27]; позднее М. М. Бахтин рассматривал проблему речевых жанров главным образом в контексте художественного творчества — см. [Бахтин 1979]).

²⁴ Во всяком социальном действии людей, подчеркивает Т. Шибутани, «роли находятся в обязательном взаимоотношении друг с другом, как в драме любая роль имеет смысл только тогда, когда она связана с поведением других действующих лиц» [Шибутани 1969: 45].

ном случае должно рассматриваться, естественно, как ситуативная неправильность).

В качестве общей закономерности, характерной для соотношения различных ситуаций общения, с одной стороны, и разных языковых подсистем и стилей — с другой, можно отметить следующее: чем определеннее и жестче санкционируемые обществом требования, предъявляемые к данной ситуации и к проигрываемым в этой ситуации ролям — ср. роли судьи, командира воинского подразделения, председателя собрания и нек. др., — тем уже стилистические рамки речи. Иными словами, выбор языковых средств оказывается ограниченным не просто некоторой стилистической сферой (например, официально-деловым стилем литературного языка), а определенным набором речевых шаблонов. В максимальной степени это свойственно разного рода ритуальным ролям и ситуациям, осуществление которых сопровождается употреблением одного и того же набора готовых — не порождаемых в процессе общения — речевых формул: ср. принятие воинской присяги, свадебные и похоронные обряды; из современных коммуникативных ситуаций все более ритуализованной становится процедура защиты диссертаций. При ослаблении социальных требований к ситуации и к исполнению тех или иных ролей стилистическая шкала используемых говорящими средств, естественно, изменяется. Однако это ведет не прямо к увеличению диапазона стилистических средств (хотя несомненно, что в социально слабо контролируемых ситуациях и ролях этот диапазон гораздо шире, чем в ситуациях и ролях с высоким уровнем социального контроля), а к изменению стилистической ориентации: с официальных, книжных стилей говорящий переключается на разговорные. Кроме того, по мере ослабления социального контроля над ролевым поведением человека функции вербальных средств в более или менее значительной мере берут на себя средства невербальные, параязыковые: жесты, мимика, телодвижения. Большее значение, чем в официальных ситуациях общения, при дружеских и интимных ролевых отношениях коммуникантов имеют и такие факторы, как характер пауз, громкость и высота голоса, положение собеседников друг относительно друга (при контактном общении; ср. реакции собеседников типа *Почему ты на меня не смотришь? Почему ты повернулся ко мне спиной?* и т. п.), их взаимная установка на речевой контакт и т. п., составляющие психологический климат общения.

До сих пор речь шла о социальной обусловленности использования языка, говорили ли мы о социальной и функциональной его дифференциации или же о различиях в речевом поведении людей. Однако, поскольку язык — общественное явление не только по своим функциям, но и по своей природе, естественно задаться вопросом: не проявляется ли социальное в структуре языковых единиц? Ответу на этот вопрос мы посвятим следующую главу.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ И СОЧЕТАЕМОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В лингвистике издавна — по-видимому, с работ Ф. де Соссюра — установилось представление о социальных факторах как о внешних условиях существования и развития языка. Кажется, что это представление учитывает лишь одну, и при этом наиболее «поверхностную», легко устанавливаемую форму влияния общества на язык. Оно даже находится в некотором противоречии с аксиомой, согласно которой язык — социальное явление и существовать он может только в обществе: как то, что, по этой аксиоме, составляет суть языка (социальность), может играть роль лишь внешнего «антуража» в языковых процессах и явлениях, но никак не роль их детерминанта?¹

В действительности социальное проявляется в отношении языка исключительно разнообразно, начиная с социальной дифференциации языка и социальной обусловленности его развития (что в лингвистике изучено достаточно хорошо) и кончая социальными по своей природе ограничениями, накладываемыми на семантику языковых единиц и на их употребление (эта сторона социальной обусловленности языка изучена в меньшей степени).

В данной главе рассматриваются некоторые факты современного русского языка, анализ которых позволяет, как кажется, сделать определенные утверждения относительно влияния социальных факторов на содержательную сторону слова², о необходимости при лингвистическом описании семантических и

---

¹ Ср. точку зрения Е. Куриловича, который писал: «Необходимо объяснять одни языковые факты другими... Объяснение, прибегающее к помощи социальных факторов, свидетельствует о крахе [лингвистической] методологии» (цитируется по [Weinreich et al. 1968: 177]).

² Отражение социальной неоднородности общества в формальном многообразии слова представляет собой явление весьма распространенное и хорошо изученное:

сочетаемости его свойств учитывать явления, кажущиеся внешними и не затрагивающими механизмов использования языка.

Прежде чем приступить к анализу указанных фактов, заметим, что в современной лингвистике существуют разнообразные и эффективные средства описания смысловых и грамматических свойств языковых единиц. Одно из них — семантические языки, во множестве создаваемые в последние десятилетия представителями тех лингвистических направлений, которые принимают в качестве основной задачи лингвистики задачу моделирования языкового поведения человека. В рамках осуществления этой задачи описание смысла слов и правил их сочетания друг с другом в составе предложения является важнейшим компонентом лингвистических моделей.

Не ставя себе целью какую бы то ни было характеристику семантики, ориентированной на моделирование языка (это выходит далеко за рамки настоящей работы), коснемся одного частного, но важного для дальнейшего изложения вопроса — вопроса о структуре лексического значения и, соответственно, структуре отражающего это значение толкования.

Как известно, в современной семантике весьма популярна идея о структурированности лексического значения, о его иерархической организации. В значении лексических единиц в принципе возможно выделение нескольких частей: ассертивной (утвердительной), составляющей как бы смысловой центр слова, пресуппозиционной, содержащей различные подразумеваемые смысловые компоненты и условия правильного употребления слова, и модальной рамки, которая передает оценку обозначаемого факта говорящими (см. работы Ч. Филлмора, Ю. Д. Апресяна, А. Вежицкой и др.; иногда модальная рамка понимается более широко: она включает и оценки, и пресуппозиции — см. [Арутюнова, Падучева 1985: 31]).

Априори очевидно, что социальное в слове может быть главным образом в пресуппозиционной части его лексического значения³: поскольку здесь поме-

ср., например, социально или профессионально ограниченные особенности ударения, словоизменения и т. п. типа *компáс*, *дббыча*, *супá*, *тортá*, *сейнерá* и т. п.

С социолингвистической точки зрения полезно обратить внимание на то, что подобные социальные маркеры формы языковых единиц играют двоякую роль: коммуникативную и символическую. Во-первых, языковые единицы, содержащие такие маркеры, употребляются в качестве регулярных средств общения в определенной социальной среде; во-вторых, эти единицы служат символами принадлежности говорящего к социальной или профессиональной группе.

В данном разделе факты социальной отмеченности формы языковых единиц подробно не рассматриваются.

³ Социальное может находиться и в ассертивной части значения — у тех слов, которые называют какой-либо вид общественных отношений, результат деления общества

щаются разнообразными условиями правильного осмысления и употребления слова, естественно предположить, что среди таких условий есть и социальные. Социальными по своему характеру могут быть и оценки, содержащиеся в модальной рамке лексического значения или в модальных операторах, имеющих в предложении (о социальном характере оценочных высказываний см., например, [Вольф 1985а]); однако в данной работе мы не будем касаться этого вопроса, а рассмотрим лишь факты, иллюстрирующие социальную природу некоторых пресуппозиций.

2. СОЦИАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

В качестве языкового объекта, на примере которого мы собираемся рассмотреть вопрос об отражении в семантике слова тех или иных социальных факторов, нами избрана лексика межличностных отношений.

Лексика этого рода многочисленна и разнообразна, как многолики и разнообразны сами человеческие отношения. Нас будут интересовать лишь те слова, которые обозначают ситуации с так называемой асимметрией социальных ролей участников ситуации — типа:

(1) *арестовать, аудиенция, благоволить, велеть, верховодить, взыскание, властвовать, власть, вменить, возглавить, воспретить, выговор, выселить, выслать, гневаться, головомойка, даровать (в отличие от дарить), диктат, диктатура, жучить, закаты (под арест), зачислить, зыкнуть, изгнать, инспектировать, кара, карать, кассация, кассировать, командировать, командовать, коноводить, консультировать, конфисковать, мирволить, мобилизовать, надзирать, надлежать, назначить, нахлобучка, нотация, обязать, окрик, опека, опекать, отозвать (посла), отстранить (от работы), подчинять, позволять, покровительствовать, помиловать, разрешать, распекать, ревизовать, руководить, смещать, снимать (с должности), ссылать, упечь, экзаменовать* и др. (эти слова обозначают ситуации, в которых роль первого участника, семантического субъекта (X-а), «выше» роли второго участника, адресата (Y-а), — схема ($P_x > P_y$);

(2) *апеллировать, апелляция, вымолить, выплакать (себе прощение), выхлопотать, гневить, грубить, дерзить, испросить, исхлопотать, консульти-*

на классы и группы и т. п. (ср., например, многие философские и, в частности, социологические термины типа *класс, базис, надстройка, буржуазия, эксплуатация* и т. п.). Однако это тривиальные случаи прямого отражения в языке социального — в виде номинаций тех или иных общественных явлений; в лингвистическом отношении эти случаи малоинтересны.

роваться, молить, непочтение, послушаться, отвергаться (от поручения), отпроситься, перечить, повиноваться, подпевала (в переносном смысле), подчиняться, прекословить, пререкаться, рапорт, рапортовать, резать (правду в глаза), слушаться и т. п. (роль первого участника ситуации, семантического субъекта, «ниже» роли второго участника, адресата: схема $P_x < P_y$).

Значения слов, называющих асимметричные ролевые отношения, будем называть социально ориентированными (соответственно, названия равных, или симметричных, ролевых отношений — *дружить, сотрудничать, сосед, сослуживец, напарник, однокурсник* и т. п. — составляют группу лексики социально не ориентированными значениями)⁴.

Приведенные списки слов, естественно, не претендуют на полноту, но достаточно представительны: по ним вполне можно судить о том, названия каких ситуаций имеются в виду, когда мы говорим об асимметрии социальных ролей. Специфическую (вследствие некоторой своей жаргонности) подгруппу этого рода лексики составляют слова и обороты, принадлежащие официально-деловому и разговорному стилям современного русского языка и обозначающие разного рода административные, служебные и т. п. наказания и поощрения: *дать, закатить, вклеить, снять выговор; дать нагоняй; дать строгача; наложить, снять взыскание; снять с работы, с должности; освободить от работы, от занимаемой должности; отклонить (ходатайство, просьбу); удовлетворить (просьбу, ходатайство); предупредить, указать, поставить на вид* — обычно без насыщения валентности содержания: *Бюро райкома предупредило коммуниста Сидорова* (не сказано — о чем), *Иванову и Петрову строго указано* (не выражено: на что), *а Козлову поставлено на вид* (опущено — что: например, неподобающее поведение и т. п.).

Некоторые из слов и оборотов, относящихся к административно-деловой сфере, обнаруживают весьма тонкие различия прагматического характера. Так, слова *распоряжение* и *распорядиться*, обозначающие деятельность лица, которое имеет власть и, следовательно, социальная роль которого выше социальных ролей тех, кому адресуется распоряжение, — в определенных контекстах описывают не только не одинаковые, но противоположные друг другу

⁴ Ср. разграничение Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1980: 245] симметричного и несимметричного типов значений имен. К первому относятся слова *собутельник, собеседник, однокашник, однополчанин, друг* и т. п., а ко второму — пары лексем *врач — пациент, учитель — ученик, родители — дети* и др. Соотносительность членов этих пар Н. Д. Арутюнова объясняет чисто лингвистически — наличием между ними опосредующего реляционного предиката типа *лечить, учить, родить*. Однако, как кажется, более существенным является фактор социальный: каждая такая пара — названия участников одной стандартной ситуации (*врач — пациент, учитель — ученик*) или одной социальной группы, например семьи (*родители — дети*).

ситуации. Фраза, начинающаяся со слов *Прошу Вашего распоряжения* (о предоставлении дополнительного отпуска, о выдаче денежного пособия и т. п.), уместна в ситуации, когда автор этой фразы исполняет подчиненную служебную роль по отношению к лицу, которому эта фраза адресована. С другой стороны, фраза, начинающаяся словами *Прошу Вас распорядиться* (о чем-либо), уместна в устах «начальствующего» лица и не может быть употреблена (без нарушения некоторых неписаных этических норм) подчиненным по отношению к начальнику (на этот пример обратил мое внимание А. С. Чехов).

Семантическая структура слов с социально ориентированными значениями содержит не менее двух актантов — агента (в другой терминологии — семантического субъекта) и адресата: кто командует кем, кто контролирует кого, кто подчиняется кому, кто выслуживается перед кем и т. д. Помимо актантов агента и адресата в значения рассматриваемых слов могут входить актанты содержания (*Командир приказал нам на а ступ а т ь*), мотивировки (*Его наказали за нерадивость*), начальной точки (*Их выселили из квартиры*), конечной точки (*Декабрист Лунин был сослан на каторгу*) и нек. др. (об актантах содержания, мотивировки, начальной и конечной точек и др. см. [Апресян 1974: 125 и след.]).

Актант адресата у некоторых слов синтаксически не выражается: ср. *диктат*, *диктатура*, *окрик* — при этих словах выразим лишь первый актант (*диктат крупного капитала*, *диктатура пролетариата*, *окрик генерала*), и невозможно построение сочетаний со словами, реализующими валентность адресата: *диктат против мелких предприятий*, *диктатура против буржуазии*, *окрик на подчиненного*.

Значительная часть слов, перечисленных в пункте (1), — это обозначения действий, которые связаны с выполнением данной социально-ролевой функции: командир должен командовать, подчиненный должен подчиняться, невзрослый сын должен слушаться родителей и не должен их слушаться и т. д. Компонент смысла, указывающий на неравенство ролей участников ситуации, здесь вполне очевиден.

Лингвистически более интересны слова, значение и употребление которых прямо не связаны с названием социально-ролевой функции. Социальная ориентированность значений таких слов не столь очевидна, как в словах *командовать*, *подчиняться* и т. п.: она может быть выявлена лишь в результате семантического анализа. Рассмотрим несколько примеров.

2.1. Слова, значения которых содержат указание на ролевое отношение $R_x > R_y$. В существующих словарях толкования этих слов не содержат социального компонента, т. е. указания на неравенство ролей участников обозначаемой словом ситуации. Лишь иногда этот компонент можно

«вычитать» из иллюстративных примеров или (см. ниже описание глагола *благоволить* в БАС)⁵ в комментариях к толкованию. Сравните:

Благоволить (устар.): проявлять расположение к кому-н., доброжелательствовать (СУ); проявлять благоволение (СО; *благоволение* в этом словаре определяется как «доброжелательство, благосклонность»); чувствовать, проявлять к кому-либо доброжелательство, расположение (обычно об отношении высшего к низшему) (БАС); испытывать, проявлять доброжелательство, расположение (МАС).

Гневаться (устар.): быть в состоянии гнева, испытывать гнев (СУ); испытывать гнев (СО); испытывать, проявлять чувство гнева, неудовольствия; сильно сердиться (БАС); испытывать гнев, предаваться гневу; сильно сердиться (МАС). *Гнев* определяется в этих словарях как «чувство сильного негодования, возмущения, раздражения».

Более детальное и глубокое толкование этого глагола находим в статье Л. Н. Иорданской [Иорданская 1970: 22].

«А *гневаётся* на С за В = А испытывает активно-отрицательное эмоциональное состояние, каузированное тем, что:

- 1) А уверен в осуществлении события В, субъект которого — лицо С;
- 2) В нежелательно для А;
- 3) А считает, что В противоречит основным принципам личной и общественной жизни;
- 4) С нежелателен для А из-за В;
- 5) А желает воздействовать на С с целью противодействовать событию В или повторению В».

Как видим, и в этом развернутом толковании нет указания на асимметрию ролей участников ситуации 'гневаться'.

Распекать — **распечь** (разг.): сделать кому-нибудь суровый, строгий выговор, разбранить (СУ); сделать кому-нибудь серьезный выговор, внушение (СО); делать кому-либо строгий выговор; отчитывать (БАС); сделать строгий выговор; разбранить (МАС). Слово *выговор*, с помощью которого толкуется глагол *распекать*, определяется как «порицание, выражение неудовольствия чем-нибудь, сделанное старшими или начальством» (СУ). Выделенные нами компоненты последнего толкования имплицитно указывают на неравенство положений участников ситуации 'распекать'. В толкованиях, которые даются слову *выговор* в других словарях, нет и такой импликации.

Окрик: обращенный к кому-нибудь резкий возглас, содержащий приказание, выговор, угрозу (СУ); резкий возглас с приказанием, выговором, угрозой (СО); возглас с приказанием, угрозой (БАС); возглас, содержащий приказание, предостережение, угрозу (МАС).

⁵ Используемые здесь сокращения см. в Списке сокращений (с. 843).

Принимать — **принять** (в одном из своих значений): впустить, допустить к себе для переговоров, для беседы (офиц.) (СУ); допустить, пустить к себе с какой-нибудь целью (для беседы, для осмотра, в качестве гостя, жильца и т. п.) (СО); пускать в дом, допускать к себе (гостя, посетителя и т. п.); допуская к себе, заниматься с посетителями, больными и т. п. (БАС); допустить к себе для переговоров, для беседы. Занять, угостить (гостя). Выслушать, осмотреть (пришедшего больного) (МАС).

Аудиенция (устар.). Это слово семантически коррелирует с глаголом *принимать* (в рассматриваемом значении), что отражено в имеющихся словарных толкованиях: оно считается квазисинонимом существительного *прием*, словообразовательно и семантически производного от глагола *принимать*. Ср. следующие толкования существительного *аудиенция*: официальный прием у главы государства, у лица, занимающего высокий государственный пост (БАС); официальный прием у лица, занимающего высокий государственный пост (МАС); официальный прием у высокопоставленного лица (СУ); последнее толкование и в СО. Ср. также толкование в «Словаре иностранных слов»: официальный прием у высокопоставленного лица; прием главой государства дипломатического представителя.

Обращает на себя внимание тот факт, что толкования в БАС и МАС содержат такие компоненты, которые неоправданно суживают значение слова *аудиенция*: «глава государства», «государственный пост» — ср. возможность высказываний типа *Он получил аудиенцию у папы (у патриарха)*.

Каждое из рассмотренных слов нормально употребляется только при условии, что между участниками соответствующей ситуации либо отношение $P_x > P_y$ (*благоволить, гневаться, окрик, принимать, аудиенция*), либо отношения $P_x \geq P_y$ (*распекать*). Если это условие не соблюдено, то получаются неправильные высказывания.

Это хорошо видно на примере глагола *благоволить*:

- (1) *Начальник давно благоволит к этому сотруднику* ($P_x > P_y$);
- (2) *Учитель математики благоволит к своим коллегам* ($P_x = P_y$);
- (3) **Молодой монах благоволит к настоятелю монастыря*⁶ ($P_x < P_y$).

Анализ употребления этого глагола в текстах русской художественной литературы подтверждает наше мнение о необходимости указанного условия. При этом в качестве субъекта действия *благоволить* могут выступать не только должностные лица старший по возрасту, старший в социальной иерархии и т. п.,

⁶ Мы рассматриваем здесь обычные, типовые отношения членов социальных групп или участников ситуаций общения, полностью соответствующие их социальным ролям, и не имеем в виду различные смещения и «осложнения» (например, такие, при которых молодой монах может оказаться сыном или родственником епископа и вследствие этого считать себя вправе смотреть на настоятеля «сверху вниз»).

но и такие понятия, как судьба, счастье, красавица (см. пример в БАС), женщина, жена и др., если они мыслятся (автором или говорящим) как нечто, от чего адресат благоволения находится в какой-либо зависимости (например, добивается расположения, внимания, оправдывается и т. п.). Сравните:

(4) *Я втайне сознавал, что она [Вера] ко мне благоволила* (И. С. Тургенев. Фауст);

(5) — *Даже жена моя обиделась, а уж на что, кажется, благоволит к вам* (А. П. Чехов. Неприятность);

(6) *Ко мне адмиральша благоволила, потому что считала меня моряком, скрывающим свое звание* (К. Г. Паустовский. Черное море; адмиральша — хозяйка дома, в котором помещалась школа для детей водников; с разрешения хозяйки Паустовский ночевал в этой школе.)⁷.

Существенным компонентом ситуации 'благоволить' (и соответственно глагола) является выделенность второго участника ситуации из некоторой совокупности лиц: благоволить к Y-у значит выделять его среди некоторого множества лиц. Вряд ли возможен такой диалог:

(7) ? — *А к кому ваш начальник особенно расположен? — Ни к кому: он благоволит ко всем (в равной степени).*

Ср. подчеркивание этого компонента смысла в следующем примере из рассказа И. С. Тургенева «Мой сосед Радиллов»: *От него так и веяло неразборчивым благоволеньем, радушьем и почти обидной готовностью сближения с каждым встречным и поперечным.*

Употребление глагола *благоволить* связано также с определенной оценкой говорящим отношений между X-ом и Y-ом: ведь о том, что X благоволит к Y-у, говорящий заключает на каком-то основании — а именно на основании уже имевших место фактов, свидетельствующих о повышенном внимании X-а к Y-у, о том, что X так или иначе выделяет Y-а среди остальных и проявляет к нему доброту.

Эти обстоятельства также должны быть учтены при семантическом описании глагола *благоволить*.

В ситуации 'гневаться' субъект мыслится обычно как лицо почитаемое, авторитетное, обладающее в данной социальной иерархии большой властью и т. п.⁸

⁷ Примеры (4)—(6), а также (10), (15), (16) заимствованы из БАС.

⁸ Любопытно, что авторы цитируемых словарей не обратили внимания на характер приведенных ими примеров: эти примеры в почти явном виде содержат указание на особый статус субъекта гнева — это царь, барин, начальник и т. п. Ср. иллюстрации, приведенные в СУ: *В карете барыня-с, и гневаться изволит* (А. С. Грибоедов); *Князь*

Сравните:

- (8) *И увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные...*

(М. Ю. Лермонтов. Песня про купца Калашникова);

(9) *Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый! Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего...*
(А. С. Пушкин. Капитанская дочка);

(10) — *После сами же будете гневаться, что не разбудил* [слуга Захар — Обломову] (И. А. Гончаров. Обломов).

Невозможно:

(11) **Лакей разгневался на барина (за выговор, который тот ему устроил);*

(12) **Мальчик гневается на учителя (который выгнал его из класса);*

(в примерах (11) и (12) описываются «перевернутые» ролевые отношения:

$P_x < P_y$);

и сомнительно:

(13) *Гневаться на товарища за столь незначительный проступок — дело недостойное* ($P_x = P_y$)⁹.

Высказывания типа (14), хотя и возможные, воспринимаются как сделанные с установкой на шутку:

(14) — *Ты уж не гневайся: мы тут без тебя хозяйничаем, — сказал мне приятель.*

В значении глагола *гневаться*, таким образом, присутствует элемент оценки говорящим субъекта гнева: прежде чем употребить этот глагол, говорящий должен решить, «достойно» ли по своему авторитету, весу, власти и т. п. лицо,

---

Курбский от царского гнева бежал (А. К. Толстой); в СО: *гневный начальник*; в БАС: — *Что? — сказала испуганная Наташа, — я бредила Валерианам? батюшка слышал, батюшка гневается!* (А. С. Пушкин); в МАС: [В письме] было прибавлено, что без сомнения Степан Михайлович не будет гневаться за нарушение его приказания (С. Т. Аксаков).

⁹ Может показаться, что фразы типа (11)—(13) неприемлемы или сомнительны просто потому, что в них использован устарелый глагол *гневаться*. Однако и в примерах (8), (9) этот глагол, бесспорно, ощущается как устарелый — тем не менее эти предложения вряд ли можно считать неправильными. Стало быть, дело не в архаичности глагола, а в соблюдении/несоблюдении условий об асимметричности ролей участников ситуации *гневаться*.

о котором идет речь, соответствующего почтения или же о нем можно сказать *сердиться, злиться* и т. п.

Кстати говоря, благодаря наличию этой оценки возможно шутивное употребление глагола, как в (14): оно обусловлено не столько устарелостью глагола (ср. стандартное указание в учебниках лексикологии: архаизмы могут использоваться в современном языке с целью иронии, шутки и т. п.), сколько тем, что говорящий проявляет мнимое почтение к лицу, относительно которого употребляется глагол *гневаться*.

Оценка, присутствующая в значении этого глагола, — иного рода, нежели оценка в ситуации 'благоволить': здесь она непосредственно связана со статусом субъекта гнева (объективным или приписываемым ему говорящими). Характерно, что она не указана в приведенном выше толковании Л. Иорданской: это было бы возможно лишь при специальном внимании к статусу субъекта гнева и к ролевым отношениям между субъектом и адресатом.

Употребление глагола *распекать* нормально при отношениях $P_x > P_y$ и $P_x = P_y$ и невозможно при отношении $P_x < P_y$. Сравните:

(15) *Вспомните сцену, где городничий распекает купцов за их донос ревизору* (В. Г. Белинский. Русская литература в 1843 году);

(16) [Становой] *был только что распечен исправником за пьянство и теперь был в припадке усердия* (Л. Н. Толстой. Поликушка);

(17) **Подросток распекал родителей за то, что они поздно пришли домой с работы;*

(18) **Подчиненные распекали начальника за грубость.*

Еще одним условием нормального употребления глагола *распекать* является наличие между X-ом и Y-ом некоторых долговременных отношений, при которых X считает своим долгом в какой-либо форме заботиться об Y-е. Поэтому чаще всего распекают младших в семье, непослушных учеников, нерадивых подчиненных, больных, не выполняющих режима лечения, и т. п. Этот глагол неуместен в ситуации общения малознакомых или совсем незнакомых людей.

Сравните:

(19) * *Продавищица распекала покупателя за пролитую сметану* (правильнее было бы: *ругала, бранила*).

Кроме указанных условий в значении глагола *распекать* существенны следующие компоненты:

1) X уверен, что Y совершил поступок Q или что Y непосредственно причастен к событию Q. Ср. (20):

(20) *Мама долго распекала меня за случившееся: ведь я был старшим и не должен был допустить, чтобы Саша испортил скатерть;*

- 2) X осуждает Q;
- 3) X пытается внушить Y-у, что Q — плохо и что в дальнейшем Q не должно иметь места;
- 4) речевое действие, обозначаемое глаголом *распекать*, более или менее продолжительно (ср. в этом отношении значение слова *окрик*);
- 5) X подробно перечисляет недостатки поведения Y-а (ср. *бранить*, *ругать*, для значений которых 4-й и 5-й признаки несущественны);
- 6) речь X-а высокоэмоциональна (ср. *порицать*, в значении которого этого компонента нет);
- 7) X непосредственно обращается к Y-у — нельзя распекать Y-а в общении с Z-ом и вообще заочно (ср. *осуждать*, *критиковать*, для значений которых этот признак необязателен).

При описании смысла слова *окрик*, помимо (1) указания на обязательную асимметрию ролей участников ситуации ($P_x > P_y$), необходимы следующие признаки:

- 2) X отрицательно оценивает поведение Y-а;
- 3) поведение Y-а актуально;
- 4) X стремится изменить поведение Y-а так, чтобы отрицательно оцениваемые X-ом факты этого поведения в дальнейшем не имели места;
- 5) X хочет, чтобы поведение Y-а изменилось немедленно;
- 6) X непосредственно обращается к Y-у (ср. *угроза*: в значении этого слова нет указанного признака). Сравните (21) — (25):

(21) *Вы этими окриками немногого добьетесь от сына (от учеников, от подчиненных);*

(22) — *Сядь на место! — послышался раздраженный окрик отца;*

(23) **Митины окрики, с которыми он обращался к начальнику, не возымели действия (ситуация «перевернутых» ролевых отношений: $P_x < P_y$ вместо $P_x > P_y$);*

(24) *Слышится окрик учительницы: — Завтра я вызову твоих родителей!* (налицо угроза, но нет стремления путем окрика изменить поведение адресата);

(25) * — *Перестаньте носить короткие юбки! — долетел из 10 «Б» окрик директора (налицо приказание, содержащее стремление изменить поведение адресата, но это поведение неактуально: оно не выражается в неких поступках адресата, совпадающих с моментом речи).*

Для глагола *принимать* — *принять* в интересующем нас значении существенны такие компоненты:

- 1) роль X-а выше роли Y-а;
- 2) X исполняет служебную роль: нельзя, например, об отце сказать, что он принял сына, если они оба исполняют семейные роли или их общение происходит не в служебной обстановке;

- 3) X является «хозяином» ситуации: действие *принимать* осуществляется в привычной для X-а обстановке — например, в его кабинете, в приемной и т. п. Ср. похожее замечание О. Н. Селиверстовой при анализе ею этого значения глагола *принимать*: «X осуществляет свои профессиональные или светские функции на своей “территории”» [Селиверстова 1975: 118];
- 4) инициатива контакта исходит от Y-а;
- 5) контакт X-а и Y-а осуществляется с целью коммуникации (ср. выражения типа *принимать жильцов на постой*, где нет этого смыслового компонента и где реализуется другое значение глагола *принимать*).

Сравните следующие примеры:

- (26) *Вчера президент Франции принял посла США и имел с ним продолжительную беседу;*
- (27) *Председатель исполкома принимает по вторникам с 12 до 19 часов;*
- (28) **Посол Франции принял президента США;*
- (29) **Директор завода принял министра.*

Интересно, что условие об асимметрии ролей является более сильным, нежели условие о наличии инициативы со стороны Y-а. Ср. некорректность предложений типа (30):

- (30) *Посол Франции принял президента США по его просьбе* (но добавление только одного слова: *принял бывшего президента США* — делает это предложение правильным: «действующий» посол и бывший президент находятся, конечно, в ролевых отношениях $P_x > P_y$).

Те же смысловые компоненты, которые мы отметили у глагола *принимать*, релевантны и для значения слова *аудиенция*. Сравните следующие примеры:

- (31) *Президент дал аудиенцию послу Норвегии* (эксплицировано условие о неравенстве ролей, остальные компоненты не выражены);
- (32) *Епископ долго добивался аудиенции у папы* (эксплицировано условие о неравенстве ролей и компонент, указывающий на инициативу Y-а: ср. глагол *добиваться*);
- (33) **Папа получил аудиенцию у епископа* (нарушены условия об асимметрии ролей и об инициативе контакта; *получил* в данном случае имплицитно означает смысл ‘разрешение’, т. е. выходит, что разрешило аудиенцию лицо, исполняющее более низкую социальную роль).

Кроме того, существенно еще одно условие: лицо, дающее аудиенцию, должно занимать не просто официальное, а очень высокое положение в социальной иерархии (поэтому слова, реализующие первый актант, возможно, следует задать списком: *папа, патриарх, кардинал, митрополит, президент, король*,

монарх, император, царь и, может быть, еще немногие). Относительно лиц, занимающих хотя и официальное, но недостаточно высокое положение, слово *аудиенция* применяется редко¹⁰.

2.2. Слова, значения которых содержат указание на отношение $P_x < P_y$. Среди лексики, составляющей эту подгруппу, также есть слова, которые обозначают действия, связанные с выполнением социально-ролевых функций: *подчиняться, рапортовать, услужение (быть в услужении)* и т. п. Их мы здесь рассматривать не будем ввиду полной очевидности наличия в их значениях компонента, указывающего на неравенство ролей участников ситуации (или членов социальной группы). Не столь очевидно присутствие этого компонента в значениях глаголов *грубить, дерзить, резать (правду в глаза)* и нек. др.

Приведем сначала имеющиеся словарные толкования этих глаголов. Как и в толкованиях слов предыдущей подгруппы, здесь не отражена ролевая асимметрия участников соответствующих ситуаций.

Сравните:

грубить = говорить грубости (во всех словарях), *грубость* — в одном из двух своих значений — толкуется как «грубое выражение, грубый поступок», *грубый* — как «недостаточно культурный, неучтивый, неделикатный»;

дерзить = говорить дерзости (во всех словарях), *дерзость* — «дерзкий поступок, дерзкое высказывание», *дерзкий* — «непочтительный, оскорбительно грубый».

Поскольку *дерзкий* определяется, как мы видим, через *грубый*, то эти прилагательные, так же как и их производные *грубость* — *дерзость*, *грубить* — *дерзить*, на основании словарных толкований следовало бы считать квазисинонимами, причем *дерзкий* уже по значению, чем *грубый*. Ниже мы попытаемся показать ошибочность такой трактовки.

Резать (в одном из своих значений) = говорить прямо, открыто, не стесняясь (СУ); говорить прямо, открыто (СО); говорить прямо, резко, с грубой откровенностью (БАС); говорить прямо, без обиняков, не стесняясь (МАС).

Рассмотрим каждый из глаголов более подробно.

¹⁰ Такое сужение круга слов, реализующих первую валентность слова *аудиенция*, произошло, по-видимому, вследствие устаревания самого этого существительного. В языке XIX в., когда оно употреблялось более свободно, этот круг был шире. Ср. следующие цитаты из произведений прошлого столетия: *После обеда Порфиша бил призван на аудиенцию к отцу* (М. Е. Салтыков-Щедрин); *Да вот нынче поеду к барону Воробьеву, вчера не мог добиться аудиенции* (Л. Н. Толстой). Примеры заимствованы из БАС и МАС.

Помимо общего для них компонента значения, указывающего на тип ролевых отношений между субъектом и адресатом действия, значения этих слов обладают специфическими свойствами, которые необходимо учитывать в семантическом описании.

В обычном своем употреблении глагол *грубить* предусматривает два типа ролевых отношений между участниками называемой им ситуации: $P_x < P_y$ и $P_x = P_y$. Ср. (34), (35) и (36):

(34) *Не груби отцу!*

(35) *Мальчик плохо учится, грубит учителям;*

(36) *Мы же с тобой друзья, а ты не хочешь говорить со мной нормально: все время злишься, грубишь.*

Некорректны высказывания типа (37) и (38), описывающие ролевое отношение $P_x > P_y$:

(37) **Отец грубит сыну;*

(38) **Учитель грубит ученикам.*

Есть, однако, некоторое различие в употреблении этого глагола в зависимости от того, какие отношения X-а и Y-а он описывает. Если эти отношения институциализованы, то есть находятся в рамках некоторой социальной иерархии (семьи, школы, воинского подразделения и т. п.), то обычным является применение *грубить* при описании действий младшего относительно старшего: грубят отцу, матери, учителю, командиру и т. п. Возможно в этом случае употребление глагола *грубить* и при ролевой симметрии, хотя это менее обычно (*Не груби друзьям*).

Если же отношения X-а и Y-а возникают в ситуациях общения, таких как купля-продажа, водитель и автоинспектор и т. п., то глаголом *грубить* можно описывать речевые действия и того лица, которое в данной ситуации является «хозяином», т. е. роль которого выше роли адресата действия.

Так, вполне возможны высказывания типа (39) и (40):

(39) — *Вы мне, товарищ лейтенант, не грубите, а объясните толком, в чем я виноват!* (разговор водителя с автоинспектором);

(40) *Эта продавщица постоянно грубит покупателям.*

Последний пример является иллюстрацией к сказанному выше лишь в том случае, если мы признаем, что в ситуации «магазин» покупатель зависит от продавца, а не наоборот.

Для значения глагола *грубить* существенно также то, что это — речевое действие: грубость выражается в словах, в интонации, в сопровождающих речь жестах и т. п. Нельзя описывать этим глаголом невербальное непочтение одно-

го человека к другому. По-видимому, неуместен этот глагол в следующем предложении:

(41) **Дочь часто грубит мне: молчит, поворачивается спиной, хлопает дверью* (ср. возможные здесь выражения: *ведет себя непочтительно, грубо, похамски* и т. п.).

В отличие от этого, содержанием действия, обозначаемого глаголом *дерзить*, является не «поверхностная», не чисто словесная грубость, а непочтение по существу: можно говорить дерзости (*дерзить*), не употребляя ни одного грубого слова. Глагол *дерзить* в большей степени, чем *грубить*, ориентирован социально: дерзят обычно младшие по возрасту старшим (часто на это накладывается также различие в социальном статусе). Например:

(42) *Коля, почему ты дерзишь маме?*

(43) *Мальчик надерзил директору и даже не извинился;*

(44) *Хотя молодой офицер говорил неграмотно и вежливо, все понимали, что он дерзит генералу.*

Во всех трех примерах имеется в виду отношение $P_x < P_y$.

Нельзя сказать:

(45) **Учитель постоянно дерзил ученикам* ($P_x > P_y$);

(46) **Мальчик дерзит товарищам* ($P_x > P_y$).

При этом возрастной фактор имеет больший вес, чем служебный: если между участниками ситуации имеется асимметрия лишь в служебных ролях (подчиненный — начальник), но заметной разницы в возрасте нет или же она «обратна» служебной, то употребление глагола *дерзить* (и оборота *быть дерзким* — см. ниже) сомнительно или неестественно. Сравните (45) и (46):

(45) ? *Хоть начальник и ровесник тебе, ты не должен дерзить ему;*

(46) ? *Ваш почтенный возраст еще не дает вам оснований для того, чтобы дерзить нашему заведующему (быть дерзким с заведующим).*

Предикативные сочетания *быть грубым* с кем-либо и *быть дерзким* с кем-либо на первый взгляд кажутся полностью синонимичными глаголам *грубить* и *дерзить* (соответственно). В действительности, однако, социально ориентированным является лишь значение оборота *быть дерзким*: его употребление нормально только при наличии возрастного (или служебного, но в сочетании с возрастным) контраста участников общения (младший — со старшим). Например:

(47) *Девочка дерзка с матерью;*

(48) *Молодая сотрудница недопустимо дерзка с начальником.*

Выражение *быть грубым* с кем-нибудь социально не ориентировано (и, стало быть, по смыслу оно шире, чем оборот *быть дерзким*). Ср. (49), (50) и (51):

(49) *Мальчик груб с учителями* (отношение $P_x < P_y$);

(50) *Начальник груб с подчиненными* (отношение $P_x > P_y$);

(51) *Почему ты был так груб с товарищами?* (отношение $P_x = P_y$).

Примером, «покрывающим» все три типа ролевых отношений, является следующее предложение из романа И. А. Гончарова «Обломов»:

(52) *Никогда не стеснялся он [Тарантьев] ничьим присутствием и в карман за словом не ходил, и вообще постоянно был груб в обращении со всеми, не исключая и приятелей.*

Глагол *резать* (в интересующем нас значении) описывает два типа ролевых отношений: $P_x < P_y$ и $P_x = P_y$. Ср. (53) и (54):

(53) *На работе он [герой повести] смел, инициативен, режет «правду-матку» начальству, а дома, в разговорах с женой — весь какой-то поникший и нерешительный* (Литературная газета. 1982. 15 сент.);

(54) *Мы с ним давние друзья, но, бывает, он нисколько не щадит моего самолюбия: режет мне в глаза все, что думает о моем поведении.*

Неестественно употребление этого глагола при соотношении ролей по типу $P_x > P_y$:

(55) * *Директор режет правду в глаза подчиненным;*

(56) * *Учитель резал правду ученикам.*

Подчеркнем, что неправильность подобных выражений не абсолютна, а относительно с теми ролевыми отношениями между X-ом и Y-ом, которые являются определяющими в парах «учитель — ученик», «начальник — подчиненный» и т. п. Можно представить себе ситуацию, когда директор завода и инженер, работающий на том же заводе, являются друзьями, и первый может резать правду в глаза второму по поводу, скажем, его не совсем этичного поведения; однако очевидно, что в этом случае оба участника ситуации выступают не в своих служебных ролях (директор — подчиненный), а в ролях неформальных и при этом симметричных (приятель — приятель).

Существенными компонентами рассматриваемого значения глагола *резать* (помимо ролевой асимметрии типа $P_x < P_y$ или равенства ролей) являются следующие:

1) X оценивает отрицательно некоторые факты;

- 2) X считает, что Y имеет к этим фактам непосредственное отношение;
- 3) X не скрывает и не смягчает никаких неприятных для Y-а деталей из того, что X знает о фактах;
- 4) X не заботится о последствиях своих речевых действий, обозначаемых этим глаголом, — ср. (57):

(57) *Шуре хорошо, она классный специалист, кому бы она там ни мешала, никто ее не тронет — иначе кто работать будет? Вот она и режет свою правду, не боится (М. Рошин. Шура и Просвирняк // Новый мир. 1982. № 3. С. 42);*

- 5) об указанных фактах X сообщает Y-у устно, при непосредственном общении (нельзя резать правду заочно — об этом свидетельствует и семантика оборота *резать в глаза*).

Относительно этого значения глагола резать, а также относительно ряда других слов, обозначающих ситуации с ролевой асимметрией типа $P_x < P_y$, следует отметить одну существенную особенность. Большая часть этих слов употребляется применительно к институционализированным отношениям между младшим и старшим (в семье, в служебной обстановке и т. п.); ср.: *перечить, прекословить отцу, пререкаться с бабушкой*, но не **перечить, прекословить незнакомому старику, *пререкаться с прохожими*. Для некоторых же других слов это условие необязательно — достаточен только возрастной контраст (ср. *непочтение к старшим*).

2.3. Социальный компонент в семантике частицы -ка. Рассмотренные выше социальные компоненты могут присутствовать в значениях не только лексически и грамматически самостоятельных единиц языка, но и таких, которые реализуют свое значение только при сочетании с другими словами. Такова, например, модальная частица *-ка*, присоединяемая к глагольным формам повелительного наклонения.

В словарях и грамматиках эта частица описывается следующим образом:

«[Частица *-ка*] ставится после повелительного наклонения и заменяющих его форм и выражений для придания оттенка увещания, для смягчения приказа. *Ступай-ка отсюда. Дайте-ка пройти. Ну-ка, дружок, спойте нам что-нибудь*» (СУ); «употребляется для смягчения просьбы, приказа. *Спой-ка. Ну-ка, покажи*» (СО); «употребляется после повелительного наклонения для выражения приказа, понуждения к действию, приглашения и т. п.» (БАС); «употребляется для смягчения приказа, для выражения просьбы, увещания, придавая оттенок непринужденности, простоты обращения» (МАС); «С формами повелительного наклонения сочетается... постпозитивная частица *-ка*, смягчающая императивность требования:

...моя хозяйка
 Была пригожа и добра,
 А муж-то помер, замечай-ка.
 (Пушкин. Гусар)»

[Виноградов 1947: 674]; «К частицам с несвободной позицией относится... частица *-ка*, вносящая в форму побудит. наклонения оттенок смягчения: *Иди-ка отсюда! Пусть-ка он сам попробует*» [Грамматика-70: 613]; «модальная частица, смягчающая просьбу, побуждение (*помолчи-ка*)» [Грамматика-80, ч. 1: 728].

В этих определениях не учтены по крайней мере два обстоятельства, необходимые для правильного понимания и употребления глагольных форм повелительного наклонения с частицей *-ка*¹¹:

- 1) говорящий и слушающий должны быть хорошо знакомы друг с другом (на это условие есть слабый намек в толковании, содержащемся в МАС: ср. компонент «непринужденность, простота обращения»);
- 2) роль говорящего не ниже роли слушающего ($P_x > P_y$ или $P_x = P_y$).

Нормальное общение с незнакомым человеком невозможно с помощью фраз типа (58) и (59), где нарушено первое условие:

- (58) *Дайте-ка мне газету!*
 (59) *Подвиньтесь-ка!*

Невозможно также обращение, скажем, ученика к учителю в форме (60), где нарушено второе условие:

- (60) **Повторите-ка задание.*

Сравните:

- (61) *Повторите, пожалуйста, задание.*

Нарушение второго условия особенно отчетливо ощущается в случае возрастного контраста коммуникантов: если, скажем, речь, содержащая *-ка*-формы, вполне естественна в устах бабушки или деда при их обращении к внукам, то обратная ситуация — когда внуки обращаются к своим дедушкам и бабушкам, используя формы с *-ка*, — воспринимается как явно ненормальная.

Употребляя глагольные формы повелительного наклонения с частицей *-ка*, говорящий не только выражает просьбу или побуждает адресата к действию, но и исходит из предположения, что адресат должен — по своей социальной

¹¹ Употребление частицы *-ка* с глагольными формами 1 л. (*скажу-ка я ему, пойдём-ка вместе*) отражает другое значение этой частицы (см. словари и грамматики) и здесь не рассматривается.

роли — эту просьбу выполнить. Кроме того, у него есть уверенность, что адресат понимает, что он по своей социальной роли обязан выполнить просьбу (или приказание) говорящего. Такое обоюдное понимание необходимо для того, чтобы процесс общения протекал нормально и не вызывал недоумения или протеста со стороны адресата, что вполне вероятно при нарушении указанных выше условий. Это нарушение, по-видимому, нельзя трактовать только как нарушение одного из постулатов коммуникации — постулата вежливости (см. [Грайс 1985: 223]), скорее, это отклонение от имеющегося у носителей русского языка представления о нормальном, «стандартном» употреблении частицы *-ка*.

Таким образом, частица *-ка* служит не для смягчения, а для усиления просьбы или побуждения. В пресуппозиции фраз, содержащих формы повелительного наклонения с частицей *-ка*, имеется нечто вроде следующего смысла: 'говорящий, будучи хорошо знаком с адресатом и исполняя роль, которая не ниже роли адресата, и считая, что адресат должен выполнить указания говорящего...'

2.4. Место социального компонента в толковании языковых единиц. Обсудим теперь вопрос о месте, которое должна занимать информация об асимметрии ролей участников ситуации в толковании языковых единиц, называющих эти ситуации. Из рассмотренного выше материала видно, что подобная информация является как бы фоном употребления данной единицы, условием правильного ее использования, ситуативной уместности предложений, содержащих такие единицы. Следовательно, место указанной информации — в пресуппозиционной части толкований¹².

Такое решение вопроса о месте социального компонента в толковании вполне согласуется и с поведением слов с социально ориентированными значениями в отрицательных предложениях (когда частица *не* стоит непосредственно слева от слова, обозначающего асимметричные ролевые отношения): значение частицы *не* присоединяется не ко всему значению слова, а лишь к той его части, которая остается за вычетом указания на асимметрию ролей (т. е. к ассертивной части). Например, говоря:

---

¹² О соотношении пресуппозиционной и ассертивной частей значения (толкования) см., в частности, [Fillmore 1969] и [Апресян 1980]. Термин «пресуппозиция» по-разному понимается разными исследователями; в значительной степени эти различия зависят от того, относительно каких единиц рассматривается это понятие — относительно слова, предложения, высказывания или целого текста. Для целей семантического анализа лексических значений наиболее плодотворным и наглядным представляется понимание пресуппозиции как такой части значения, которая не изменяется под отрицанием, т. е. когда слева от данного слова стоит частица *не* [Апресян 1980: 49]; другие точки зрения на понятие пресуппозиции обстоятельно изложены Е. В. Падучевой в [Арутюнова, Падучева 1985: 31—41].

(62) *Начальник вовсе и не благоволит к этому сотруднику,*

мы не отрицаем того факта, что роль начальника выше роли сотрудника, — мы отрицаем лишь наличие особого, «выделенного» отношения первого ко второму.

Точно так же взаимодействует отрицание и с значениями других рассмотренных слов. Сравните следующие примеры:

(63) *Барин не гневался на холопа (а был лишь слегка раздосадован его поступком);*

(64) *По утрам старый генерал уже не распекает своего денщика (а только вяло ворчит на него);*

(65) *Вы бы с сыном полегче: здесь нужен не окрик, а внушение;*

(66) *Сегодня председатель исполкома не принимает посетителей;*

(67) *Епископ добивался если не аудиенции, то хотя бы неофициальной встречи с кардиналом;*

(68) *Мальчишка исправился: стал лучше учиться, не грубит учителям;*

(69) *Постарайтесь не дерзить начальству, и все будет хорошо!*

(70) *Никакой правды он не резал (а просто мнение свое высказывал).*

2.5. Правильность/неправильность высказываний, содержащих слова с социально ориентированными значениями. Какова природа неправильностей, возникающих при игнорировании социального компонента лексических значений? Иначе говоря, как квалифицировать высказывания типа:

(71) **Молодой солдат благоволил к своему командиру;*

(72) **Мать постоянно дерзила своему малолетнему сыну, и т. п.?*

Д. Гордон и Дж. Лакофф обратили внимание на то, что в значениях глаголов типа *приказывать* имеется указание на презумпцию власти у субъекта этого действия [Gordon, Lakoff 1975]¹³. Е. В. Падучева, цитируя это замечание, высказывает мнение, что нарушение этой презумпции не ведет к языковой ошибке: фраза *Иван приказал Петру явиться, хотя и не имел над ним власти* «имеет смысл — за счет того, что реальное положение вещей может расходиться с мнением субъекта» [Падучева 1982: 45].

Несомненно, что интуиция носителей русского языка отмечает подобные высказывания, хотя очевидно, что такого рода аномальности отличаются от случаев нарушения идиоматики языка вроде **оказывал впечатление* вместо *производил впечатление* или **понижение здоровья* вместо *ухудшение здоро-*

¹³ Ранее условие власти в ситуации 'приказывать' (при анализе глагола *to order*), однако без обращения к понятию презумпции или пресуппозиции, отмечал Дж. Остин (см. [Austin 1962: 28]).

вья. Если о выражениях последнего типа говорящий вправе заметить: «Так не говорят», то, услышав высказывания типа (71), (72), он возразит: «Так не бывает».

В этих высказываниях странна сама ситуация, отчего и высказывание кажется аномальным. Но это не логическая аномалия (в смысле Ю. Д. Апресяна: см. [Апресян 1978]) типа *круглый квадрат*: ни при каких условиях нельзя, по видимому, представить себе квадрат в виде круга, в то время как приказ, исходящий от лица, не имеющего власти, вообще говоря, помыслить можно — при отчетливом понимании, что такое речевое действие противоречит обычному положению вещей, что оно аномально прагматически.

Если круглым квадрат не бывает никогда (хотя сказать *круглый квадрат* можно), то приказ подчиненного начальнику (или благоволение низшего к вышнему и т. д.) не бывает в нормальной ситуации, т. е. в тех общепринятых и одобряемых обществом отношениях людей, которые описываются глаголами типа *приказывать*.

Поэтому, в отличие от собственно языковых неправильностей (вроде **оказывать впечатление* или **понижение здоровья*) и логических аномалий (вроде *круглого квадрата*), высказывания, в которых нарушено представление о нормальных отношениях между субъектом и адресатом действия, обозначаемого глаголом, формирующим высказывание, мы называем пресуппозитивными и неправильностями, в полном согласии с тем, в какой части лексического значения происходит нарушение, если игнорируется или неправильно интерпретируется социальный компонент.

Пресуппозитивные — это характеристика неправильностей, так сказать, по месту, где происходит отклонение от нормы. По природе же такие неправильности являются прагматическими, если под прагматикой, или прагматическим контекстом, понимать «совокупность когнитивных и социальных факторов, релевантных для использования данного высказывания» [Языковая деятельность 1984: 18].

Как видно из рассмотренных выше примеров, сведения о характере ролевых отношений между участниками обозначаемой данным словом ситуации необходимы не только для правильного употребления слова, но и для представления о его значении. Иначе говоря, толкование глаголов типа *благоволить*, *гневаться*, *дерзить*, *резать* и т. п. с необходимостью должно включать сведения о виде ролевых отношений — в противном случае описание семантики этих глаголов оказывается неадекватным их осмыслению носителями языка ¹⁴.

---

¹⁴ Попытка подобного толкования некоторых значений глагола *резать* и его производных осуществлена в [Крысин 1976б].

Возможны и иные формы влияния социальных факторов на содержательную сторону языковых знаков. Одна из таких форм — социальные ограничения в семантической и лексической сочетаемости слов. В этом случае социальное фигурирует не в качестве компонента смысла слова, а в качестве тех или иных контекстных условий. Эти условия касаются участников речевого акта, включающего высказывание с данным словом.

Рассмотрим это явление на некоторых примерах.

3. СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СОЧЕТАЕМОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Ограничения в сочетаемости языковых единиц весьма разнообразны. Наиболее известны и достаточно хорошо изучены ограничения в семантической, лексической и синтаксической сочетаемости слов, обусловленные их структурными свойствами и поведением в предложении: характером значения, актантной структурой, особенностями поверхностного выражения актантов и т. п. В последнее время делаются успешные попытки описать прагматические факторы, влияющие на употребление некоторых классов слов — частиц, кванторных и модальных слов, некоторых групп наречий и местоимений — в составе высказывания (см., например, работы Е. В. Падучевой, Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюновой, Г. Е. Крейдлина, И. М. Богуславского, Е. В. Рахилиной и нек. др.).

Однако, как кажется, до сих пор не привлекали к себе внимание исследователей такие факты речи, которые свидетельствуют о социальных ограничениях в сочетаемости слов в пределах высказывания и — шире — в пределах данной ситуации общения.

Для того чтобы дать некоторое представление о характере подобных ограничений, рассмотрим ряд фактов современного русского языка.

3.1. Особенности сочетаемости некоторых симметричных предикатов. Данные предикаты обозначают взаимное действие или отношение двух участников ситуации, например: *дружить, ссориться, обниматься, целоваться, соответствовать, быть равным* и т. п. В логическом отношении симметричный предикат должен удовлетворять условию $P(X, Y) = P(Y, X)$, где P — предикат, а X и Y — его «симметричные» валентности; ср.: *Х борется с Y-ом = Y борется с X-ом* и т. п. [Июмдин 1981: 89].

Кроме того, оба «симметричных» актанта могут занимать одну синтаксическую позицию, образуя сочинительную группу: *Х и YP*; ср.: *Х и Y равны; Петя и Ваня дружат; Коля и Сережа поссорились; Мать и сын поцеловались* и т. п. (эти конструкции трансформируемые в XPY и YPX : *Х равен Y-у — Y*

равен X -у; Петя дружит с Ваней $\Leftrightarrow$ Ваня дружит с Петей; Коля поссорился с Сережей $\Leftrightarrow$ Сережа поссорился с Колей; Мать поцеловала сына $\Leftrightarrow$ Сын поцеловал мать ¹⁵ и т. д.).

Наряду с «чистыми» случаями симметричных предикатов, когда их употребление допускает все три вида указанных трансформаций, без каких-либо ограничений, есть — и довольно многочисленные ¹⁶ — случаи квазисимметрии: выражение актантов, соответствующих первому и второму участникам ситуации, сопровождается некоторыми условиями, в связи с чем ограничиваются и возможности перифразирования предложений с такими квазисимметричными предикатами.

Остановимся лишь на тех из названных условий, которые, как представляется, имеют социальную природу.

Употребление глагола *перекликаться* в значении 'быть похожим, близким по каким-либо свойствам' не безразлично к тому, как выражаются у него первый и второй актанты.

Во-первых, именная группа, выражающая первый актантный смысл, должна обозначать событие, более позднее по времени, чем то, которое выражается именной группой, соответствующей второму актанту. Сравните:

(1) *Содержащееся в статье предложение перекликается с идеей, высказанной нашими инженерами почти полвека назад.*

Видимо, нельзя сказать:

(1а) **Идея, высказанная нашими инженерами почти полвека назад, перекликается с предложением, содержащимся в статье.*

Во-вторых, в некоторых контекстах употребления этого глагола действует «фактор престижности»: семантическим хозяином существительного, запол-

¹⁵ Эти предложения могут быть синонимичны лишь как трансформы исходного X и $УР$ -ся, но вне этого условия каждое из них может иметь свой смысл (так, из утверждения *Мать поцеловала сына* вовсе не следует, что и *Сын поцеловал мать*).

В русском языке есть, по-видимому, только один глагол (нелитературный) с постфиксом *-ся*, который, обозначая взаимное сексуальное действие, допускает трансформацию лишь в одну сторону: из выражения X и $УР$ -ся следует $ХР У$, но не $*УР Х$; из известных автору толковых словарей этот глагол зафиксирован только в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (3-е изд., под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1912. Т. 1. С. 1304).

¹⁶ При исследовании симметричных предикатов обнаруживается, что некоторая (меньшая) часть их свойств носит достаточно общий характер и может быть вынесена из словаря в грамматику. В то же время большая часть информации о симметричных предикатах носит индивидуальный характер и должна фиксироваться непосредственно в словаре [Июмдин 1981: 90].

няющего второе актантное место, должна быть именная группа, обозначающая лицо, социально более престижное (реально или с точки зрения говорящего), чем лицо, соответствующее семантическому хозяину существительного, которое заполняет первое актантное место (этот фактор обычно действует в сочетании с первым). Сравните:

(2) *Поставленные на съезде задачи перекликаются с ленинскими мыслями о научном управлении экономикой.*

Сомнительно:

(2а) ?Ленинские мысли непосредственно перекликаются с поставленными на съезде задачами в области научного управления экономикой (Правда. 1976. 5 нояб.); нарушены первое и второе условия.

Действие факторов времени и престижности на употребление глагола *перекликаться* (в указанном значении ¹⁷) не обязательно, а обусловлено контекстом или всей ситуацией высказывания: очевидно, что факторы действуют лишь тогда, когда между референтами именных групп, выражающих первый и второй актанты, разница по времени и по престижности либо обозначена каким-либо элементом предложения (ср. в (1): *почти полвека назад*), либо имплицитруется общими для говорящего и слушающего сведениями о ситуации или о мире (например, о том, что социальный «вес» мыслей В. И. Ленина больше «веса» предложений какого-либо из партийных съездов).

Те же два условия актуальны и для употребления предикативного сочетания *быть созвучным* в значении, которое в словарях определяется как 'иметь соответствие, близкое сходство' (см., например, словарь Ожегова). Ср.:

(3) *Мотивы ранней лирики Блока созвучны с основными эстетическими установками* ¹⁸ *символистов* (сомнительно: (3а) ?*Основные эстетические установки символистов созвучны с мотивами ранней лирики Блока*);

¹⁷ Заметим, что в своем прямом значении этот глагол не имеет каких-либо ограничений в употреблении и является симметричным; ср.: *Ваня и Петя перекликались (в лесу) ⇒ Ваня перекликался с Петей = Петя перекликался с Ваней.*

¹⁸ Управление дательным падежом существительного (*быть созвучным чему*) отражает другое значение этого предиката; в словаре Ожегова оно помещено под номером 3 в словарной статье *созвучный*: «3. перен. Вполне соответствующий, отвечающий интересам, потребностям. *Произведение, созвучное эпохе*». В этом значении предикат *быть созвучным* несимметричен, так как его актанты семантически неоднородны (ср. *произведение* и *эпоха*; о наличии свойства семантической однородности актантов у типичных симметричных предикатов см. в [Иомдин 1981: 104], и поэтому они не могут выражаться сочинительной группой, играющей роль подлежащего (нельзя сказать: **Это произведение и эпоха созвучны*).

(4) Слова выступавших были созвучны с основными идеями, выраженными в проекте Программы партии (но не: (4а) *Идеи, выраженные в Программе партии, созвучны со словами выступавших).

Подобное употребление предиката *быть созвучным* подразумевает вероятность некоей каузальной связи между событиями, соответствующими первому и второму актантам: скорее всего, эстетические установки символистов каузировали определенные мотивы в ранней лирике Блока (а не наоборот); по всей видимости, идеи, выраженные в проекте Программы, каузировали определенные положения в словах выступавших (а не наоборот) и т. д.

Вероятность подобной связи тем выше, чем более явно события, соответствующие первому и второму актантам, различаются по факторам времени и престижности. Однако возможны и такие контексты, где эти факторы не проявляются; тогда не видна и каузальная связь между событиями. Например:

(5) Два эти поэта жили в одно время, но в разных странах и ничего не знали друг о друге. Тем удивительнее, что многое в лирике одного из них созвучно с поэтическим видением мира, характерным для другого.

Предикат *быть похожим* в общем случае является симметричным: предложение *X и Y похожи (друг на друга)* трансформируется как в предложение *X похож на Y*, так и в предложение *Y похож на X*, синонимичные друг другу. Но в реальном его употреблении действуют факторы, делающие этот предикат несимметричным. Так, можно сказать:

(6) Сын похож на отца, но не говорят:

(6а) *Отец похож на сына, хотя вполне правильно:

(7) Отец и сын похожи друг на друга.

Иначе говоря, первое актантное место у этого предиката должно заполняться существительным, обозначающим лицо более молодое, нежели то, которое обозначается существительным, выражающим второй актант. Подчеркнем, что это условие не абсолютно: оно действует в основном тогда, когда речь идет о родственниках. Если же имеются в виду два человека, не связанные друг с другом родственными узами, указанное условие может не соблюдаться; сравните:

(8) На этой фотографии его дед похож на нынешнего президента Франции.

По-видимому, нельзя сказать:

(8а) *На этой фотографии его дед похож на своего младшего сына.

Однако в этом случае действуют другие факторы: обычно сравнивают с лицом, общеизвестным в данном социуме, со своего рода эталоном:

(9) *Этот старик похож на Жана Габена* (но не наоборот: (9а) **Жан Габен похож на этого старика*)¹⁹.

Если лицо, с которым сравнивают (Y), не обладает свойством «эталонности», оно должно быть известно и говорящему, и слушающему, в то время как лицо, которое сравнивают (X), может быть известно лишь говорящему. Например:

(11) — *Ты знаешь Николаева (X)?* — *Нет. А кто это?* — *Ну, как же! Такой круглолицый, приземистый, в очках, похож на нашего управдома (Y).*

Ср. странность в этой ситуации — во всяком случае, для слушающего — следующего предложения:

(11а) ? *Управдом (Y) похож на Николаева (X).*

Вообще соотношение актантных смыслов X и Y предиката *быть похожим* (и в некоторой степени других симметричных и квазисимметричных предикатов) напоминает соотношение темы и ремы при актуальном членении предложения: Y — тот, на кого похож какой-либо человек, — это данное, известное участникам коммуникативного акта, а X — новое лицо, вводимое в поле внимания слушающего.

3.2. Особенности употребления местоимения *мой*. Вторая группа примеров связана с особой ролью говорящего в структуре речевого акта, в структуре высказывания. Об этом свидетельствует специфика сочетаемости притяжательного местоимения *мой* с некоторыми разрядами существительных.

Так, в сочетании с существительным *семья* употребление этого местоимения отличается следующей особенностью: сочетание *моя семья* естественно в устах отца или матери и невозможно в устах «рядового» члена семьи — сына или дочери, — в особенности невзрослого (вместо того они должны употреблять сочетание *наша семья*)²⁰.

Сходны, однако в некоторых случаях еще и ситуативно обусловлены, ограничения в употреблении и понимании сочетаний типа *мой отдел, мой цех, моя*

¹⁹ Случай, когда эталоном служит животное или предмет, осознаваемые говорящим в качестве носителей определенных свойств: (10) *Он похож на слона* (на жердь и т. п.), — естественно, не рассматриваются, так как здесь нарушено условие о семантической однородности актантов X и Y.

²⁰ В других языках такого ограничения может не быть. Ср., например, название книги Дж. Даррела «*My family and other animals*» — имеется в виду семья родителей Даррела. Даже если принять во внимание определенную ироничность этого названия, его перевод на русский язык в форме «*Моя семья и другие звери*» вряд ли правилен, так как игнорирует указанную особенность.

лаборатория, моя бригада и т. п.: сочетание *мой отдел (цех)* естественно в устах начальника отдела (цеха) в ситуации, когда он общается с представителями вышестоящих органов (например, отчитывается перед директором), и неестественно, когда начальник отдела (цеха) выступает перед сотрудниками или рабочими, составляющими этот отдел или цех, — в этом случае надо сказать *наш отдел (цех)*. С другой стороны, сочетание *мой отдел (цех)* неестественно в устах рядового сотрудника отдела (или рабочего цеха) независимо от ситуации²¹ (более нормально: *наш отдел, наш цех*).

Эта особенность в понимании и употреблении местоимения *мой* наблюдается в том случае, когда местоимение сочетается с существительным, обозначающим иерархизованный коллектив, т. е. такую группу людей, отношения между членами которой иерархизованы по принципу «глава — подчиненные». Это слова *семья, отдел, цех, завод, бригада, звено, колхоз, райком, взвод, рота, батальон*²², *полк, дивизия, корпус, армия* и нек. др. Глава такого коллектива обычно имеет в языке стандартное наименование: *семья — отец*; *отдел — заведующий* или *начальник*, *цех — начальник*, *завод — директор*, *бригада — бригадир*, *звено — звеньевой*, *колхоз — председатель*, *райком — секретарь*, *взвод (рота, батальон, полк, дивизия, корпус) — командир*, *армия — командующий*.

При сочетании с названиями неиерархизованных коллективов местоимение *мой* не обнаруживает указанной особенности: ср. выражения типа *моя деревня*:

(14) *Провожать нас вышла чуть ли не вся моя деревня.*

То же явление наблюдается и при сочетании местоимения *мой* с названиями некоторых социальных ролей. При этом имеются в виду не слова типа *помощник, ассистент* и т. п., которые уже в самих своих значениях имеют указание на ролевую асимметрию участников ситуации (*X — помощник (ассистент) Y*-а имплицитно ролевую асимметрию *X*-а и *Y*-а по типу $P_x < P_y$), а слова, значения которых не содержат признаков, указывающих на асимметрию ролей, — напротив, свидетельствуют о ролевом равенстве участников ситуации (*сослуживец, сотрудник*). Тем не менее выражение *мой сотрудник* понимается в том смысле, что говорящий занимает по отношению к лицу, обозначаемому словом

²¹ Исключение составляют, возможно, некоторые контексты, где говорящий специально подчеркивает свою принадлежность к тому или иному коллективу. Ср.: (12) *Ваш завод — это и мой завод*; (13) *Мой отдел я не променяю ни на какие другие* и т. п. (впрочем, во втором случае более естественно сказать *свой*; о несинонимичности высказываний с *мой* и *свой* и о неважностью этих местоимений см. [Падучева 1985: 204 и след.]).

²² Ср. название повести В. Быкова «Его батальон», где главный герой — командир батальона.

сотрудник, более высокий социальный или ролевой статус. Ср., однако, сочетание *мой сослуживец*, в котором выступает существительное, близкое по значению и аналогичное по актантной структуре со словом *сотрудник*: в рассматриваемом отношении это сочетание является неотмеченным — его может употребить любой член коллектива.

Третьим разрядом слов, употребление которых в контексте местоимения *мой* указывает на «главенствующую» роль говорящего, являются слова с общим значением 'место (постоянного) обитания'²³ типа *дом, квартира, комната, дворец, хижина, изба, хата* и т. п. Выражения *мой дом, моя квартира, моя изба* и т. д. должны пониматься в том смысле, что говорящий является владельцем — постоянным или в течение более или менее длительного времени — дома, квартиры, избы; они наиболее естественны в устах главы семьи и сомнительны в устах незрелого члена семьи²⁴.

Как видно из приведенных примеров, указанная особенность в употреблении атрибутивных сочетаний с местоимением *мой* появляется лишь в определенном контексте. Является ли эта особенность следствием воздействия на смысл всего сочетания некоторого компонента, наличие которого можно предположить в значениях слов типа *семья, сотрудник, дом*? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть другие контексты употребления этих слов, и прежде всего — их сочетаемость с прочими притяжательными местоимениями, указывающими на единичность посессора: *твой, Ваш, его, ее*, и с притяжательными прилагательными типа *отцов, мамин, дядин, Колин, Машин* и т. п.

Кажется, что все различие сочетаний *моя семья, мой отдел (цех)* и т. п., с одной стороны, и *твоя семья, его отдел, дядин цех, мамин сотрудник* и т. п. — с другой, состоит в том, что в первом случае имеется в виду говорящий, а во втором случае — слушающий (*твоя семья*) или какие-то третьи лица (*его отдел, дядин цех, мамин сотрудник*). Стало быть, и во второй группе сочетаний должна сохраняться отмеченная особенность: посессор, являющийся референтом слов *твой, Ваш, его, ее, дядин, мамин* и т. п., должен занимать «главенствующее» положение, исполнять роль более высокую, чем роли других (реальных или мыслимых) участников ситуации.

²³ Но не слова со значением 'место пребывания'! Ср. словосочетания типа *мой автобус*: (15) *Подождал мой автобус, которым я ежедневно езжу на работу, — мой поезд, моя библиотека* (=1) 'библиотека, в которой я служу' и 2) 'библиотека, постоянным читателем которой я являюсь') и т. п.

²⁴ Ср. также высказывания типа (16) *У меня дома не топят*; (17) *Пошли ко мне домой* и т. п., которые нормальны в устах взрослого человека; в устах ребенка и даже подростка более естественны обороты *у нас дома, к нам домой*.

В действительности, однако, этого нет. Выражения *твой отдел, дядин (отцов, Колин) цех, мамина лаборатория* и т. п. осознаются скорее как такие, где посессор (*ты, дядя, отец, Коля, мама*) является начальником отдела, цеха или лаборатории, но могут пониматься и без этого ограничения. Сравните:

(18) В дядином цеху вчера произошла авария —

скорее всего, в цеху, где дядя — начальник. Но возможно понимание этого высказывания и при ситуации 'дядя — рабочий цеха' хотя для этого случая больше подходит высказывание иной формы:

(18а) У дяди в цеху вчера произошла авария.

Вопрос (19) *Где находится Ваш институт?* может быть истолкован как в том смысле, что местоимение *Ваш* кореферентно именной группе *директор института*, так и вне такого ограничения (вопрос вполне может быть обращен к сотруднику института). Фразы типа (20) *А что происходит в твоей семье?*; (21) *Его отдел занял первое место*; (22) *Из отцова цеха никого не послали в колхоз* — скорее должны пониматься в том смысле, что речь идет о главе семьи или начальнике отдела (цеха), но возможно и такое их понимание, при котором имеется в виду рядовой член коллектива.

То же самое надо сказать и о сочетаниях типа *твой (его, ее) дом, мамин сотрудник* и т. п. Вполне можно обратиться к ребенку с вопросом:

(23) *Где твой дом?* или (24) *Это твоя квартира?*

Возможен и такой диалог:

(25) — *Кто это?* — *Мамин сотрудник.* — *А кем работает твоя мама?* — *Лабранткой.*

Таким образом, в контексте с притяжательными местоимениями, указывающими на единичность посессора (кроме местоимения *мой*), и с притяжательными прилагательными типа *дядин, отцов, мамин, Колин* названия иерархизованных коллективов, мест обитания и наименования некоторых социальных ролей ведут себя менее определенно с точки зрения указания на статус посессора, чем в контексте с местоимением *мой*. Ясно, что при этом условии не может идти речь о каком-либо компоненте в значениях указанных существительных, местоимений и прилагательных, влияющем на смысл сочетаний со значением посессивности: если бы этот компонент существовал, он должен был бы так или иначе проявляться при любом употреблении слова и уж, во всяком случае, в одинаковой мере был бы характерен для однородных семантико-синтаксических контекстов, какими являются конструкции вида $A_{\text{мест. притяж}} + S$ и $A_{\text{притяж}} + S$.

Отмеченная особенность выражений типа *моя семья, мой дом, мой отдел, мой сотрудник* должна быть интерпретирована как сочетаемостьная: указанные существительные образуют сочетания, которые могут нормально употребляться и пониматься при условии, что говорящий занимает главенствующую позицию в той или иной группе по отношению к другим ее членам, — только в контексте местоимения *мой*. Стало быть, решающим оказывается фактор говорящего, а не просто участника ситуации. С другой стороны, этот фактор проявляется лишь в том случае, когда затрагивается положение говорящего как члена определенной группы, как исполнителя определенной социальной роли — ср. немаркированность (в интересующем нас смысле) сочетаний *мой карандаш, моя голова, моя работа* и т. п. Поэтому данную сочетаемостьную особенность местоимения *мой* и слов типа *семья, отдел, дом, сотрудник* и т. п. можно квалифицировать как социальную, или социально обусловленную.

Рассмотренный материал может служить еще одним свидетельством того, что положение говорящего как «творца» речевого акта — особое. Все, что в высказывании относится к говорящему, его интенциям, оценкам и т. д., имеет в некотором смысле более высокий ранг, нежели то, что относится к личности слушающего или третьих лиц, к свойствам объекта речи или условий общения и т. д. Это может проявляться в предпочтении одних форм выражения перед другими или, напротив, в запрете некоторых форм выражения (ср. употребление местоимения 1 л. с глаголами некоторых классов, прежде всего перформативов и квазиэкспозитивов, отличающееся от употребления с этими же глаголами местоимений не первого лица, — примеры этого см. в [Апресян 1980; Падучева 1985; Вендлер 1985]) и в специфике понимания языковых единиц и их сочетаний друг с другом в определенных контекстах (как в рассмотренных нами примерах).

В заключение этой главы обратим внимание на следующее обстоятельство.

Обычно социальные факторы интерпретируются как нечто внешнее по отношению к языку. Они могут, например, ускорять или замедлять ход языковой эволюции, которая совершается по своим внутренним законам (диахронический аспект их влияния на язык), или обуславливать выбор средств в тех или иных условиях коммуникации (синхронический аспект).

Материал, проанализированный в этой главе, как кажется, позволяет говорить о более глубоком проникновении социального в ткань языка, в частности о существенной роли сведений, касающихся социальных взаимоотношений людей, в семантическом описании языковых единиц: либо толкования последних должны в явном виде содержать такие сведения, либо информация социального характера должна определять ограничения в сочетаемости одних единиц с другими.

Анализ социальных компонентов в семантике и прагматике слова и социальных ограничений в их сочетаемости наталкивает на вывод о необходимости экспликации подобных компонентов в лингвистическом описании (главным образом в словаре). Тем самым в этой области социолингвистика смыкается с такими собственно лингвистическими дисциплинами, как лексическая семантика, семантика синтаксиса и лексикография. Во всяком случае, выявление социальных компонентов в значении слова и социальных ограничений в его синтаксическом поведении требует применения методов анализа, используемых в этих научных дисциплинах.

ВЛАДЕНИЕ РАЗНЫМИ ПОДСИСТЕМАМИ ЯЗЫКА КАК ЯВЛЕНИЕ ДИГЛОССИИ *

1. Диглоссией мы вслед за Ч. Фергюсоном [Ferguson 1959] и Дж. Гамперцем [Gumperz 1964] называем явление, заключающееся в том, что члены одного и того же языкового сообщества, владея разными коммуникативными подсистемами — языками, диалектами, стилями, — пользуются то одной, то другой подсистемой в зависимости от социальных функций общения. Ср.: «Диглоссия — это характеристика социального распределения функций различных языков и языковых разновидностей» [Fishman 1971a: 295]. От билингвизма (двуязычия) она отличается в двух отношениях: 1) билингвизм — это характеристика индивидуальной языковой многосторонности; 2) понятием «билингвизм (двуязычие)» обозначают владение двумя самостоятельными языками, а не разновидностями одного и того же языка.

2. Задача настоящей работы заключается в том, чтобы показать принципиальное сходство между: а) билингвизмом как владением разными языками и б) «внутриязыковой» диглоссией как владением разными подсистемами одного языка. Для того, чтобы сделать это, мы должны найти признаки, в равной мере характеризующие механизмы языкового функционирования в том и в другом случае.

Существенными признаками активного двуязычия обычно считают следующие: 1) *различие языковых кодов*; 2) ситуативно обусловленное *переключение* с одного кода на другой; 3) *интерференцию* кодовых элементов в процессе коммуникации; 4) *заимствование*.

Эти признаки обнаруживаются и при владении разновидностями одного и того же национального языка. В качестве таких разновидностей, или подсистем, могут рассматриваться, например, литературный язык, местные диалекты, профессиональные аргы и нек. др.

---

* Впервые опубликовано в сборнике: Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л. П. Крысина, Д. Н. Шмелёва. М.: Наука, 1976.

2.1 Местный диалект и литературный язык, профессиональное арго и литературный язык различаются элементами кода и отношениями, которые существуют между этими элементами в каждом коде. Однако если по числу и характеру самих элементов сопоставляемые коды могут пересекаться (т. е. некоторая часть знаков оказывается общей и для литературного языка, и для диалекта), то по отношениям между элементами кода (= ценностным характеристикам знака) каждая из сравниваемых подсистем является самостоятельной: материально одинаковые языковые знаки входят в разные парадигматические ряды и синтагматические связи.

Примерами могут служить слова, имеющие разное смысловое содержание в диалектах и в литературном языке, но совпадающие по своим формальным характеристикам: *виски* 'волосы', *глушь* 'чувство одиночества, тоска', *курево* 'дымный костер из навоза, который разводят, чтобы отгонять комаров', *лелеять* 'широко разливаясь, затопляя большое пространство', *позвонок* 'колокольчик', *толкать* 'бодать' и т. п. (примеры взяты из словаря [Оссоветский 1969]). Ср. также междиалектные смысловые различия, когда одно и то же слово — скажем, *хлев*, — может обозначать разные постройки для скота и в соответствии с этим вступать в различные парадигматические отношения, обозначая другие типы помещений для скота (*хлев* — *двор*, *хлев* — *пуня*, *хлев* — *омшанник* и под.); см. об этом [Гольдин 1967; Шмелев 1973: 146—147].

Таковы же различия между терминами и словами общеупотребительными: ср., например, термины кибернетики и теории информации типа *шум*, *черный ящик*, *вход*, *выход*, *адрес*, *программа* и соответствующие значения этих слов в литературном языке; между терминами, принадлежащими разным терминологическим системам (ср. введенное А. А. Реформатским понятие терминологического поля — [Реформатский 1959: 9]): *монотип* — в полиграфии и в биологии, *релятивистский* — в физике и в философии, *конверсия* — в лингвистике, в генетике, в физике и в финансовом деле, *вилка* — у электриков и у шахматистов, *прогон* — у железнодорожников и у работников театра и т. п.

Наряду с этим каждый из сравниваемых кодов имеет свои специфические единицы, не представленные в других кодах: ср., с одной стороны, диал. *котух* 'хлев', *лактать* 'лакать', *лепник* 'болтун', *охряпка* 'грязнуля, неряха', *сербеть* 'зудеть, чесаться', *побочей* 'в сторону, не прямо' и т. п., не известные носителям литературного языка, а с другой стороны, разного рода книжно-литературную лексику, чуждую диалектному лексическому коду, специальные термины типа *аммофила* (вид осы), *пудлингование* (металлургический процесс: передел чугуна в мягкое железо), *спин* (в ядерной физике), *зациклиться*, *сбоить* (в профессиональном языке программистов и лиц, обслуживающих ЭВМ), *высед* (спортивный термин) и др.

Аналогичную картину можно наблюдать при сопоставлении разных языков, обслуживающих одно общество. Правда, пересечение кодов в этом случае будет гораздо меньшим, в особенности у неродственных и вообще генетически далеких друг от друга языков. Однако для рассмотрения интересующей нас проблемы такое отличие не принципиально, оно имеет количественный, а не качественный характер.

2.2. Лица, владеющие разными формами одного языка, например диалектом и (в результате образования) литературным языком, редко используют эти формы в одних и тех же ситуациях. Обычно наблюдается разделение функций между этими разновидностями в зависимости от социальных и ситуативных условий общения. Так, диалект используется в общении со (и между) старшими членами семьи, с односельчанами (также преимущественно старшего возраста, так как в современных условиях они являются основными носителями говора); однако даже в условиях села при общении с местными представителями официальной власти используются преимущественно не диалектные формы речи, а общеупотребительные. Ср. общение с односельчанином, обладающим тем же самым или более низким социальным статусом, в условиях города: в этом случае может преобладать диалектная речь¹. При переключении с диалекта на литературный язык (так же, как с одного стиля на другой) действуют так называемые «вертикальные» правила совместной встречаемости языковых элементов. Иными словами, если используется лексика литературного языка, то должно использоваться соответствующее произношение, и синтаксис, и интонация, т. е. средства всех ярусов структуры литературного языка (или диалекта, при обратном переключении с литературного языка на диалект, или стиля и т. д.) [Ervin-Tripp 1971]. Такое переключение называется полным. Когда же говорящий владеет другой подсистемой недостаточно, происходит неполное переключение, при котором «вертикальные» правила совместной встречаемости не выполняются.

---

¹ Определение типа речевой ситуации С. Эрвин-Трипп ставит в зависимость от социального статуса говорящего и от места речи: церковь и священник, школа и учитель, магазин и продавец, автобус и водитель и т. п.; см. [Ervin-Tripp 1971: 51]. Следует подчеркнуть, что особенно сильна зависимость типа речевой ситуации от тех социальных ролей, в которых выступают говорящие. Эти роли не всегда адекватны социальному положению: при сохранении присущего ему постоянного социального статуса и в условиях того же самого места беседы говорящий может выступать в роли, не являющейся прямой производной от его социального статуса (но ситуация речи при этом меняется) — ср., например, беседу в школе учителя не с учеником, а с отцом ученика, разговор в церкви священника не с любым, а со знакомым прихожанином (последний пример приводит С. Эрвин-Трипп) и т. п. Перемена роли влечет за собой переключение с одного кода на другой.

Среди разных типов такого неполного переключения особо следует рассматривать явление ситуативно обусловленного использования некоторых элементов диалектного кода лицами, которые владели диалектом лишь в детстве, а затем приобщились к литературному языку. В ситуациях, когда они выступают в роли сына (дочери) или, шире, в роли члена семьи, в их речи появляются фонетические, интонационно-синтаксические и лексические черты, характерные для речевых традиций данной семьи и отличающиеся от литературной нормы.

Если человек помимо литературного языка владеет какой-либо профессиональной речевой разновидностью (что вполне естественно при длительном исполнении той или иной профессии), то он пользуется этой разновидностью только в «производственных» ситуациях: при общении с собратьями по профессии, в разговорах на профессиональные темы и т. д. При отсутствии этого условия говорящий переключается на литературный язык, который служит ему средством общения во всех остальных (непрофессиональных) ситуациях².

Таким образом, и в диалектно-литературном, и в профессионально-литературном «двуязычии» сигналом к переключению кодов служит смена речевой ситуации и социальных ролей участников общения.

2.3. При общении друг с другом лица, владеющие разными (но общими для данных говорящих) подсистемами языка, могут использовать элементы как одного, так и другого кода в одной и той же речевой ситуации. Происходит интерференция средств — например, диалектных и литературных, профессиональных и литературных. При общении людей, один из которых владеет только одной подсистемой, такая интерференция, возможная в речи другого собеседника, мешает взаимопониманию; поэтому последний либо не допускает включения в свою речь элементов другого кода, либо акт общения затрудняется или прекращается вследствие непонимания.

В точности таков же механизм общения билингов, с одной стороны, между собой и, с другой, — с лицами, владеющими только одним из используемых языков. Ср.: «...существуют различные изменчивые обстоятельства конкретных ситуаций речевого общения, которые могут отражаться на поведении двуязычного носителя. Например, если его собеседник владеет только одним язы-

---

² Анализируя природу профессиональных арго, их особенности как коммуникативного средства, Д. С. Лихачев писал: «Каждый аргозирующий двуязычен, речь его варьирует в зависимости от обстоятельств: в одни случаях он употребляет арготические слова, в других — обычные. В языке чертежников, например, существует арготическое слово *балеринка*, весьма активное и часто употребляющееся. Особенность его заключается в том, что оно не вытесняет своего эквивалента — *циркуль*, а существует параллельно. В одних случаях (в своей среде) чертежник прибегает к слову *балеринка*, в других (в менее интимной обстановке) — говорит *циркуль*» [Лихачев 1964: 333].

ком, то двуязычному носителю приходится подавлять большую часть потенциальной интерференции и отказываться от свободы переключения с языка на язык, тогда как, имея дело с двуязычным собеседником, он может свободнее поддаться тенденции к интерференции и переключению» [Вайнрайх 1972: 53—54].

2.4. Наконец, при постоянном контакте и взаимодействии двух (или больше) языковых разновидностей в одном социуме может происходить не только локализованная в акте коммуникации интерференция кодовых элементов, но и их заимствование. При заимствовании знак не просто используется говорящим в качестве речевого вкрапления (часто индивидуального), как это происходит при интерференции, а вступает в парадигматические и синтагматические связи с элементами заимствующей его подсистемы.

Примерами заимствований из диалектов в современном русском литературном языке могут служить такие слова, как *учеба*, *глухомань*, *неполадки*, *косовица* и др.; из специальных терминологий заимствованы *контакт*, *орбита*, *квант*, *цепная реакция* и многие другие, хорошо известные носителю современного русского литературного языка (подробнее об этом см. [РЯиСО, кн. 1; Капанадзе 1966]). С другой стороны, усиливающееся влияние на диалекты литературного языка приводит к массовому проникновению в диалектный код литературной лексики, которая более или менее успешно осваивается говорящими на диалекте (примеры общеизвестны).

3. Явление диглоссии характеризует функционирование не только таких исторически и социально различных подсистем национального языка, как диалекты и литературный стандарт. Оно наблюдается также в случаях, когда говорящие используют, например, разные формы литературного языка — кодифицированную (книжную) и разговорную. Как показывают исследования русской разговорной речи (см. [PPP-1973]), в современном русском обществе эти две языковые подсистемы различаются набором кодовых единиц и их речевой реализацией. Использование той и другой подсистемы носителями литературного языка находится в зависимости от ситуации речи и от социально-психологических отношений между участниками коммуникации: в непринужденных бытовых ситуациях при неофициальных или дружеских отношениях между говорящими используется обычно разговорный литературный язык. При смелых ситуациях и изменении ролевых установок говорящих происходит переключение с разговорного кода на книжный или интерференция элементов того и другого; может происходить и заимствование.

Например, произношение [бу́ът], [то́къ], [ч'ьлэ́къ], [кда́] (*будет, только, человек, когда*), нормальное для русской разговорной речи, при изменении ситуации или роли говорящего (например, роль приятеля → роль докладчика)

замещается так называемым полным произношением: [б'уд'ѣт], [т'ол'кѣ], [ч'и-лав'ѣк], [кагда]; при этих же условиях, как это вполне очевидно, происходит изменение лексического кода, хотя тема общения может сохраняться.

Однако возможно и неполное переключение с одного кода на другой. В этом случае в речи, построенной в целом по нормам кодифицированного литературного языка, будут встречаться элементы разговорные, и наоборот — в неофициальной беседе могут фигурировать как более или менее случайные вкрапления средства кодифицированного языка (т. е. происходит интерференция). Ср. часто наблюдающееся в современной русской речи включение в разговорные жанры штампов книжного и канцелярско-делового языка:

— Раз человек был такой шишкой, то ему скучновато в нашей жизни... когда грани стираются еще в недостаточной степени (И. Зверев. Он и она);

Ивушкин не заставил себя долго просить и только осведомился, по какому поводу выпивка в будний день. — Внеплановое событие приключилось... — туманно объяснил Воскобойников (Б. Бедный. Комары);

— Ну, там вообще столько объектов, такая скученность, что даже выйти куда погулять (из устной речи),

а с другой стороны — включение в книжные тексты элементов разговорного характера, например:

Если многие ученые захотели *ввязаться* в эту дискуссию, то этот факт очень показателен (из выступления ученого на заседании); Он мне дал адрес, просил написать, но я *зашился* со своей торговлей (И. Голосовский. Хочу верить)

и т. п.; примеры заимствованы из работы [Винокур 1968].

Интерферирующие элементы иногда закрепляются в воспринимающей их системе как регулярно используемые знаки, т. е. как заимствования. Это происходит в условиях, когда система испытывает недостаток в выразительных средствах или ее собственные средства оказываются дефектными в функциональном отношении. Так, в современном книжно-литературном языке есть лексические и синтаксические единицы, характерные для разговорной речи, заимствованные из разговорного кода: *летучка*, *выходной*, *у него температура*, *плохо с дровами* и т. п. (подробнее об этом см. [РЯиСО, кн. 1 и 3]). И наоборот: разговорная речь заимствует средства, которые прежде были присущи исключительно книжно-литературному языку (ср. употребление в русской разговорной речи в целом не характерных для ее кода кратких форм прилагательных).

4. Изложенные соображения позволяют сделать вывод о принципиальном различии между а) владением разными языками и б) владением разновидностями (разными подсистемами) одного языка. По таким признакам, как раз-

личия в коде, переключение, интерференция и заимствование, эти явления аналогичны. Эта аналогия может быть объяснена следующим образом.

В каждом обществе, как одноязычном, так и многоязычном, существуют: 1) определенный набор типовых социальных ролей, свойственных индивидуальному и общественному поведению членов данного социума (матрица общения, по Дж. Гамперцу [Gumperz 1962]), и 2) определенный набор типовых (стандартных, стереотипных) коммуникативных ситуаций. В двуязычном обществе в одних ситуациях, при использовании его членами одних ролей используется преимущественно один язык, при проигрывании других ролей и в иных ситуациях — преимущественно другой язык (именно таково, например, соотношение официально принятого, государственного языка и местных языков во многих странах Африки и Юго-Восточной Азии). А в одноязычном обществе для «обслуживания» тех же самых ситуаций и реализации тех же самых ролей используются разные подсистемы одного языка.

О РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА В МАЛЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЯХ (постановка вопроса)*

В современной социалингвистике преобладают работы, объектом которых являются процессы и отношения крупного масштаба, присущие либо обществу в целом, либо большим социальным и этническим совокупностям людей — классу, слою, этносу, нации. Таковы, например, исследования, посвященные социальной и функциональной дифференциации современных языков, национально-русскому двуязычию, языковому строительству и языковой политике, и ряду других проблем. Языковые процессы и отношения, характеризующие взаимодействие людей в малых общностях, привлекают к себе меньшее внимание. Хотя некоторые социалингвисты высказывают мнение относительно важности изучения малых социальных групп¹, конкретные работы, исследующие особенности общения в тех или иных группах, весьма немногочисленны. В этом отношении социалингвистика почти не использует опыт социологии, психологии и социальной психологии, где в последние десятилетия предложен ряд эффективных методик изучения малых групп и получены интересные результаты (обзор наиболее значительных работ в этой области см. в [Миллз 1972]; итоги разработки указанной проблематики в отечественной социальной психологии см. в [Методологические проблемы 1975; Психология личности 1977; Обозов 1979; Психологические проблемы 1976; Проблемы общения 1981; Психологические исследования 1985].

---

* Впервые опубликовано в кн. «Язык и личность» / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989.

¹ Поскольку «членство в группе почти наверняка имеет языковые индикаторы — внутригрупповые признаки фонологического и лексического характера, которые сразу определяют данную группу и исключают “чужаков”, постольку... лингвистика должна расширить свою сферу, включив [в себя] описание употребления языка в малых группах», и при этом она не может игнорировать тот факт, что уже существует экспериментальная методика, принесшая результаты, которые можно переосмыслить в социалингвистических терминах» [Белл 1980: 145, 146].

Иногда высказывается мнение, что изучение малых групп почти ничего не дает для выяснения социолингвистической картины данного общества, так как закономерности, свойственные общению людей внутри малочисленных совокупностей, не могут быть распространены на весь социум.

Разумеется, механическое перенесение свойств с одного объекта на другой недопустимо. Однако эта аксиома всякого научного исследования вовсе не отрицает необходимость изучать каждый из объектов со всеми присущими ему характеристиками. Поэтому, нисколько не сомневаясь в полезности и нужности изучения под социальным углом зрения макропроцессов, происходящих в современных языках и обществах, нужно подчеркнуть важность исследования и процессов меньшего масштаба, имеющих место в таких социальных коллективах, как семья, игровые, учебные, производственные, спортивные и т. п. группы. Без такого исследования невозможно правильно судить о многих сторонах речевого поведения человека как существа социального. Кроме того, свойства индивида как говорящего, как «производителя» определенных высказываний обнаруживаются прежде всего в пределах подобных групп (а не в обществе в целом).

В данной работе обсуждается лишь общая постановка вопроса о речевом общении в малых социальных группах и в связи с этим ставятся некоторые социальные, лингвистические и социолингвистические проблемы, актуальные при изучении названной темы. Эти проблемы таковы:

1) виды малых групп; 2) структура малой группы; проблема лидера и социолингвистический аспект этой проблемы; 3) речевая гомогенность группы; факторы, способствующие ей; 4) групповые шаблоны речи; 5) диглосность членов малой группы; 6) некоторые особенности устной речи при внутригрупповом общении.

1. Виды малых групп. Под малой обычно понимают «малочисленную социальную группу, члены которой объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном личном контакте, что является основой для возникновения как эмоциональных отношений внутри группы (симпатии, неприязни и безразличия), так и особых групповых ценностей и норм поведения. К малым группам относят семью, производственный, научный, спортивный, воинский коллективы и нек. др.» [Философская энциклопедия 1975].

Среди социологов и психологов нет единого мнения относительно оптимальной численности малой группы. В зависимости от целей, ради которых формируется данная группа, и от характера ее деятельности она может состоять из трех-четырех, и из тридцати-сорока человек. Чаще всего, однако, объектом конкретных исследований служат группы, более точно соответствующие смыслу определения «малый» и насчитывающие от трех до десяти-пятнадцати человек.

Выделяется несколько видов малых групп. По характеру связей между их членами различают формальную и неформальную группы. В формальной положение и поведение отдельных членов более или менее строго регламентируются правилами — официально устанавливаемыми (ср., например, воинский устав) или сохраняемыми по традиции. Примеры формальных групп: бригада на производстве, отдел в научно-исследовательском учреждении, учебный класс в школе. Неформальная группа чаще всего возникает в рамках формальной на основе психологических симпатий между людьми (ср. группы друзей в структуре школьного класса).

С точки зрения социализации личности важную функцию выполняют первичные группы, члены которых находятся в близких взаимоотношениях. Первичная группа может быть как формальной (например, семья), так и неформальной (например, игровые группы детей и подростков). В первичных группах формируется отношение человека к жизни и к людям, происходит усвоение им основных нравственных норм. Оценки и ценности, характерные для той или иной первичной группы, обычно служат членам этой группы своеобразным ориентиром в их поведении и деятельности. Ср.: «За немногими исключениями, человек рассматривает мир с точки зрения, которая разделяется людьми, непосредственно его окружающими. Стандарты первичной группы ощущаются сильнее, если благодаря конъюнктивным (объединительным) чувствам социальная дистанция между членами группы сокращается... Трудно нарушить ожидания тех, с кем человек себя объединяет, ибо понимание их огорчения вызывает острое чувство вины. Чем привлекательнее группа для ее участников, тем выше давление, обеспечивающее единообразие поступков и мнений» членов группы [Шибутани 1969: 45].

Учебные, производственные, служебные, спортивные, воинские коллективы — это примеры вторичных малых групп, в которые индивиды входят, уже будучи членами групп первичных.

Для типологии группового поведения полезно также разграничение личной и деловой форм взаимодействия людей, предложенное Дж. Гамперцем [Гамперц 1975: 313]. Это разграничение имеет явную корреляцию, с одной стороны, с такими группами, как семья, компании друзей и сверстников, а с другой — с такими, как производственные, учебные и др. коллективы.

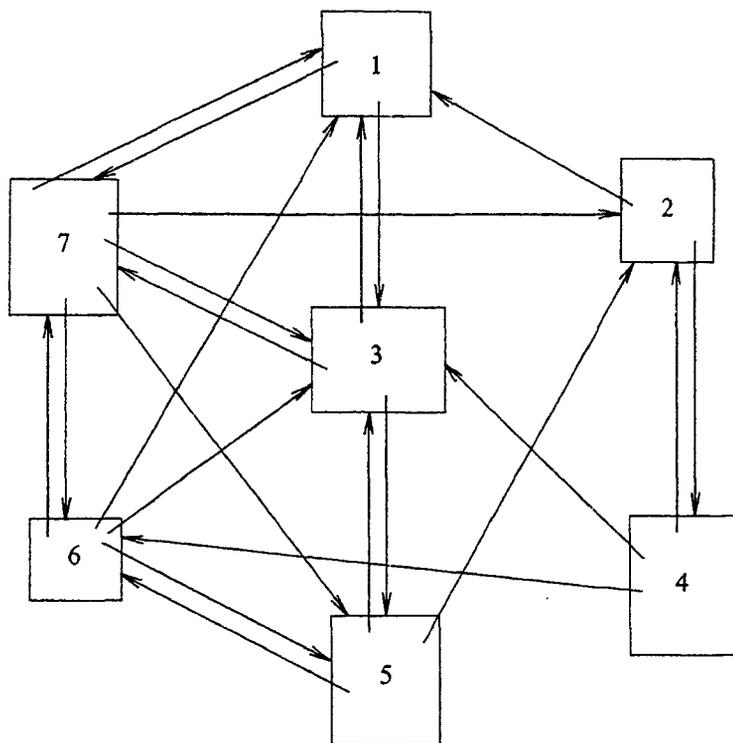
Как правило, человек является одновременно членом нескольких малых групп: например, он член семьи, сотрудник какого-либо учреждения, входит в компанию близких друзей и т. д. Нормы и ценности разных групп могут не совпадать, и, следовательно, в своем поведении индивид как бы приспосабливается к различным групповым требованиям. Это приспособление протекает более или менее безболезненно до тех пор, пока требования и ожидания разных групп, членом которых человек себя осознаёт, не вступают в конфликт

друг с другом и не ставят человека перед необходимостью выбора. В этом случае индивид часто отдает предпочтение нормам и ценностям той группы, с которой он чувствует себя связанным наиболее тесно и мнением членов которой особенно дорожит. Такая группа называется референтной.

С точки зрения речевого поведения понятия неформальной, первичной и референтной групп являются наиболее существенными, так как в рамках именно этих малых коллективов складываются такие формы речи, которые позволяют говорить о специфике речевого поведения человека при внутригрупповом общении, в отличие от его же поведения вне группы: общность языковых средств и сходство правил их использования, характеризующие разных членов данной группы, приверженность к определенным речевым шаблонам, известная конформность речевого поведения, то есть следование тем его нормам, которые приняты в данной группе и могут отвергаться иными социальными общностями (ср. речевое поведение подростка в референтной для него группе сверстников: использование жаргона, ненормативной лексики и т. п. — и его же поведение в семье, в школьном классе и т. п.). Ниже мы рассмотрим эти особенности внутригруппового речевого поведения более подробно.

2. Структура малой группы. Как известно, большая часть малых групп имеет отчетливо выраженную структуру, отношения членов в них иерархизованы по типу «глава — все остальные члены группы»; кроме того, разные члены группы находятся на неодинаковой «дистанции» от главы: одни ближе, другие дальше. В современной социальной психологии широко используется понятие лидера группы, причем это понятие применяется не столько к главе формальной группы (в семье это отец, в производственной бригаде — бригадир и т. д.), сколько к тем членам формальных и неформальных групп, которые чаще, чем остальные, служат объектом положительных эмоций других членов группы. Лидер как бы стоит в центре той сети межличностных связей, которая существует в группе.

Отношения между членами малой группы могут быть представлены в виде графа, в узлах которого — обозначения членов группы, а ребра указывают на связи между членами. Ребра ориентированы (они изображаются в виде стрелок), так как для характеристики внутригрупповой коммуникации существенны и односторонние, и двусторонние связи членов группы. Узел, в который входит максимальное число стрелок, соответствует лидеру группы; узел с наименьшим числом вхождений обозначает аутсайдера, то есть индивида, наименее связанного с другими членами группы, находящегося как бы на ее периферии (см. рисунок, на котором лидером является № 3: число вхождений равно шести, а аутсайдером — № 4: всего одно вхождение).

У. Лабов называет аутсайдеров «чужаками» (lames) и описывает важные социальные и языковые следствия такого периферийного их положения в группе (У. Лабов изучал игровые группы подростков): обычно они не усваивают культурные и языковые нормы и ценности группы, следуя в своем поведении, в частности — речевом, тем привычкам, которые они приобрели как члены других групп, например, семьи [Labov 1972: 255—292].

Попытки формализованного определения понятия лидера² привели к признанию важности аспекта, по которому выделяется лидер. В самом деле, связи между членами той или иной группы могут быть различными по своей природе. Так, в школьном классе это связи, обусловленные учебными целями, или общественными, или спортивными, или игровыми, или целями самозащиты

² Формальное выделение лидера возможно путем измерения регулярности межиндивидуальных связей в группе. Такое измерение опирается на фиксацию числа взаимодействий членов группы в единицу времени с учетом таких факторов, как инициатива коммуникативного контакта, его цель, результаты и т. п.

классного коллектива от других групп и т. д. В соответствии с этим могут выделяться разные лидеры для различных видов ситуаций: лидер в учебе, спортивный лидер, лидер в отстаивании групповых интересов и т. п.

Однако возможны и так называемые универсальные лидеры, главенствующее положение которых в группе не зависит от целей внутригрупповой деятельности и от вида ситуации. Влияние такого лидера на группу бывает обычно особенно велико, он служит объектом подражания со стороны членов группы, в том числе и в речевом поведении.

«Речевое давление» лидера на группу часто не осознаётся членами группы или осознаётся постфактум. Как правило, результаты такого давления проявляются при внутригрупповом общении, при исполнении индивидом ролей, предписываемых ему его положением в структуре группы. Но известны случаи, когда и в отсутствие лидера или членов группы, и в ситуациях, когда членство в данной группе перестает быть для индивида актуальным, речь его сохраняет черты, обусловленные влиянием речи группового лидера. Интенсивность, сила и глубина речевого влияния лидера на других членов группы обычно зависит от яркости личности лидера, от силы его характера, от умения влиять на умы и настроения окружающих и от других подобных личностных его свойств. Ср. следующее свидетельство влияния речи Н. В. Тимофеева-Ресовского на речевое поведение людей, составлявших профессиональную группу биологов, общепризнанным лидером которой он был:

Другие подражали ему с восторгом. Для меня же... Ведь я соприкасался с ним вплотную. Ближайший сотрудник. На меня давила его речь, интонация, словечки. Мы все повторяли за ним: «трёп», «душеспасительно», «душеласкательно», «это вам не жук накакал», «досихпорешние опыты», — прелесть, как он умел играть голосом, словами. «Кончай пря!» — в смысле пререкания. «Что касемо в рассуждении»...

— Сплошной бонжур! — добавил я.

— Заметили? И это тоже. А жесты, а манера говорить. Голосище — труба громовая, всё на пределе чувств. Темперамент. При нем нельзя оставаться вялым, спокойным. Все начинает резонировать. Самые упорядоченные, благонравные граждане возбуждаются. Тоже орут, ручками машут.

Сила влияния или обаяния его личности была такова, что люди, сами того не замечая, перенимали его выражения, его манеры:

— Годами я говорил, интонационно подражая Энвэ, — признался мне Молчанов. — Я даже не сопротивлялся, а активно вживался в эту роль, обезьянничал (Д. Гранин. Зубр).

3. Речевая гомогенность группы. Изучая деятельность человека в различных условиях, психологи приходят к выводу, что особенно заметна разница между формами индивидуального поведения, с одной стороны, и, с другой, —

тем, как ведет себя человек в присутствии «значимых других», то есть лиц, обществом которых он особенно дорожит и которые составляют ту или иную малую группу.

Дорожа мнением группы и своей репутацией в глазах ее членов, человек в присутствии группы строит свою речь с ориентацией на групповые ожидания, на то, как принято говорить в этом узком кругу. Членом группы в его речевом поведении руководят, как кажется, два взаимосвязанных мотива: с одной стороны, не отличаться по речевой манере от остальных членов группы, не выделяться (даже лидер, который может позволить себе многое, что непозволительно рядовому члену группы, обязан считаться с ожиданиями группы, в том числе и с речевыми ожиданиями), а с другой — показать, что он принадлежит к данной группе, что он «свой» (экспериментальное подтверждение этих постулатов см., например, в работе [Hammer, Polgar, Salzinger 1972]).

В последнем отношении особенно интересна символическая функция языковых знаков: определенные единицы (слова, обороты, конструкции) наряду с номинативной и оценочной функциями приобретают свойство символа принадлежности говорящего к данной группе. Более того, та или иная единица может сильно деформироваться по смыслу: важно не ее собственное значение, а то, что она — символ. Ср.:

Все остальные девочки давно уже остриглись и ходили с мальчишескими колючими затылками, Машка мечтала последовать за ними, но была связана честным словом. Еще когда движение «Долой косы!» только овладевало девичьими умами в шестых классах «А», «Б» и «В», мама взяла с нее слово, что она оставит косы. Только вчера она последний раз бунтовала дома, добиваясь отмены клятвы.

— Но почему ты хочешь остричь косички? — страдальчески спросила мама.
— Ну почему? — У нас все девочки до одной их срезали. Потому что так оригинальнее. — А что, по-твоему, означает это слово — оригинальнее? — Как у всех, как модно, — уверенно сказала Машка (И. Зверев. Второе апреля).

Слова, манера произношения, интонации, играющие роль символов принадлежности к той или иной группе, нередко служат индикаторами, по которым опознаётся «свой»; напротив, человек, не владеющий подобной манерой речи, определяется членами группы как «чужой».

Можно назвать ряд факторов, способствующих речевой гомогенности группы. Это: *фактор сплоченности* — чем сплоченнее группа, тем вероятнее ее речевая гомогенность; *фактор лидера* — чем больше сила речевого влияния лидера на группу, тем вероятнее «следы» такого влияния в речевой манере остальных членов группы; *фактор времени* — чем длительнее контакты членов группы друг с другом, тем вероятнее нивелировка их речевых индивидуально-

стей, выработка общей манеры общения; *фактор регулярности* — речевая гомогенность группы прямо пропорциональна частоте и регулярности внутригрупповых коммуникативных контактов; *фактор кода* — выработка общей манеры речевого поведения возможна лишь при условии, что все члены группы владеют одним и тем же языковым кодом (жаргоном, диалектом и т. п.). Во вполне возможной ситуации, когда члены группы владеют разными подсистемами национального языка (скажем, одни — литературным языком, другие — диалектом), вначале преодолеваются языковые контрасты — путем подавления большинством группы тех индивидуальных речевых особенностей, которые оцениваются этим большинством негативно, — и лишь затем может начаться процесс выработки какой-либо специфической манеры речевого поведения.

4. Групповые шаблоны речи. Они являются одним из ярких образцов речевой специфики той или иной группы, ее отличий от других социальных общностей. Подобно тому как в процессе совместной деятельности у людей вырабатываются определенные стереотипы поведения, регулярность коммуникативных контактов между членами группы ведет к формированию определенных речевых шаблонов. В качестве речевых шаблонов могут выступать отдельные языковые единицы, различные фрагменты высказываний и диалогов, имевших место в прошлом группы (или кого-либо из ее членов), своеобразные формы начал и концовок тех или иных речевых актов, также отражающие коммуникативный опыт данной группы, цитаты — как из литературных произведений, так и из устных высказываний какого-либо члена группы, в частности лидера, и т. п.

При этом шаблон (вопреки своему названию!), как правило, используется в эмоциональном контексте, специально — шутливо, иронически, с пародийными целями и т. п. — обыгрывается, тем самым к нему привлекается внимание окружающих. Ср. приведенные выше словечки и обороты речи Н. В. Тимофеева-Ресовского, воспринятые его сотрудниками: они представляют собой не что иное, как регулярно воспроизводимые во внутригрупповом общении речевые шаблоны, использовавшиеся и лидером, и остальными членами группы сознательно, с установкой на шутку.

Вообще роль языковой игры в жизни малых социальных групп гораздо более значительна, чем в деятельности больших человеческих совокупностей. Это характерно не только для таких групп, которые формируются на основе общности интеллектуальных интересов (ср. малые неформальные научные коллективы, кружки и клубы «по интересам» и т. п.), но и, например, для игровых групп детей и подростков, для учебных групп в школах, ПТУ, институтах, для спортивных команд и нек. др. Ср. в этом отношении прозвища, дразнилки,

любимые присловья (типа *Наше вам с кисточкой; бонжур-покедова; Здравсте, я ваша тетя* и т. п.), переделки слов и выражений (*большое пожалуйста* — по аналогии с *большое спасибо, обман опытом* — вместо *обмен опытом, калёной метлой* — как объединение двух сочетаний: *калёным железом* и *новая метла; Лучше быть богатым, но здоровым, чем бедным, но больным* вместо известной поговорки *Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым, но больным* и т. п.), бытующие как раз в устном речевом общении членов малых неформальных групп и понятные без комментариев лишь «посвященным».

5. Диглосность членов малой группы проявляется в том, что при внутригрупповом общении они используют одни языковые средства, привержены одной манере речевого поведения (в предельном случае это может быть особый групповой жаргон), а при общении вне группы переключаются на иные, общепотребительные коммуникативные средства. Поскольку, как уже отмечалось выше, человек одновременно является членом нескольких разных групп, постольку можно говорить о его «полиглосности» или хотя бы об элементах полиглоссии, т. е. о таких различиях в его речевом поведении, которые обусловлены принадлежностью говорящего к разным социальным общностям.

Разумеется, подобную полиглоссию не следует преувеличивать. В современном обществе, где контакты между различными слоями и группами регулярны и интенсивны, речевые различия между малыми группами не могут быть резкими. Скорее, можно наблюдать частотные различия в использовании тех или иных языковых средств, предпочтение той или иной группой определенных вариантов (из ряда «разрешаемых» системой данного языка) и т. д. Однако в принципе одновременное вхождение индивида в разные малые группы обуславливает совмещение в его идиолекте разных речевых манер, каждая из которых актуализуется при общении в пределах соответствующей группы — семьи, учебного класса, бригады, спортивной команды, компании приятелей и т. п.

Переключение с одной манеры на другую происходит под влиянием таких факторов, как социальная роль говорящего (например, в роли члена семьи он актуализует одни речевые навыки, в роли члена спортивной команды — иные), адресат (общение с членом одной группы — общение с членом другой группы), тема (обсуждение тем, связанных с производственной деятельностью говорящего, может «включать» манеру речи, свойственную ему как члену определенной производственной группы), наличие/отсутствие социального контроля (при наличии социального контроля или при самоконтроле — например, в официальных условиях общения — преобладает манера речи, «изобличающая» говорящего как члена формальных социальных групп; в отличие от этого, при снятии социального контроля или ослаблении самоконтроля — напри-

мер, в условиях непринужденного общения — активизируется манера речи, свойственная говорящему как члену неформальных объединений) и др.

6. Некоторые особенности устной речи при внутригрупповом общении.

Прежде всего необходимо отметить две тенденции: к свертыванию, элиминации таких средств, которые называют объект речи, и к детализации таких средств, которые характеризуют, оценивают его. Это происходит вследствие того, что общий опыт членов группы, приобретенный в процессе длительной совместной деятельности и взаимного общения, служит надежной опорой для полного взаимопонимания и без эксплицитного названия предмета речи; однако обмен характеристиками этого предмета речи, его оценками со стороны разных членов группы часто составляет самую суть внутригрупповой коммуникации.

Иначе говоря, для речи человека как члена определенной малой группы характерна предикативность и оценочность при слабой выраженности чисто номинативного аспекта. В этом отношении устное общение членов малой группы больше, чем какой-либо иной жанр разговорной речи, обнаруживает сходство с внутренней речью: постоянство общающихся и их опора на совместный опыт делают малую группу как бы единой «коллективной личностью», для которой многое в предмете речи является само собой разумеющимся и поэтому не нуждается в назывании.

Одной из особенностей устного внутригруппового общения является актуализация только некоторых смыслов языковых единиц, в то время как другие смыслы не вовлекаются в речевой оборот. Это связано с речевыми традициями группы, с профилем групповой деятельности, в особенности если это производственная, профессиональная, спортивная группа; соответствующая групповая деятельность может нуждаться в выражении только одного смыслового ряда и оставлять в тени все другие. Например, в семье могут быть актуальными такие лексические значения, которые в общем языке находятся на периферии или не встречаются совсем. В одной семье, например, глаголом *гарцевать* обозначается выражающееся в некоторых свойствах поведения стремление мужчины обратить на себя внимание женщины (или женщин); в другой *кутьками* называют не щенят, а маленьких детей, и т. д. (о «кружковых, семейных словах» как знаках «глубоких личностных связей» см. в [Красильникова 1982: 140]; специфические семейные словечки как одна из характерных примет непринужденной разговорной речи рассматриваются в работе [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 43—44]).

Специфика осмысления некоторых единиц внутри той или иной группы иногда служит причиной непонимания при общении члена данной группы с «посторонним». Ср. следующий диалог покупателя с уборщицей в магазине:

— А где продавец-то?

— *На перевес* ушла.

— *На перевес* с чем?

— Не с чем, а товар перевешивать, говорю, ушла.

Заслуживают изучения и другие особенности внутригруппового общения. Это предмет отдельного и при этом достаточно специального обсуждения.

СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ *

Социальная обусловленность языка, давно ставшая аксиомой лингвистики, выражается в разных формах — в социальной дифференциации национальных языков, в предпочтении разными социальными группами тех или иных выразительных средств, предоставляемых языковой системой (например, в неодинаковой употребительности вариантов представителями разных возрастных, профессиональных, образовательных и др. групп), в том, что определенные языковые средства приобретают функции социальных символов — маркеров принадлежности говорящего к той или иной социальной среде, и т. п.

Если говорить о социальной обусловленности использования языковых средств, то обращает на себя внимание то обстоятельство, что эта обусловленность проявляется не на всем пространстве языка, а лишь на некоторых участках его системы. Это утверждение можно рассматривать как перифразу известного положения о том, что не все уровни языковой структуры в равной степени проницаемы для социального воздействия: наиболее проницаема лексика и фразеология, в наименьшей степени — морфология, фонемный состав языка (об этом писал еще Е. Д. Поливанов; подробный анализ различий в социальном воздействии на разные уровни языковой структуры содержится в коллективной монографии «Русский язык и советское общество», 1968).

Однако и на каждом уровне языка социальное влияние избирательно: ему подвержены лишь определенные участки, те или иные группы единиц и даже отдельные единицы, в то время как другие участки и группы единиц остаются относительно устойчивы к социальному воздействию.

В данной работе делается попытка проиллюстрировать избирательный характер социальной обусловленности языка фактами, которые касаются (1) фонетических и (2) акцентных явлений, (3) словоизменительных форм, (4) слово-

---

* Впервые опубликовано в журнале «Вопросы языкознания», 2000, № 4.

образовательных моделей (и отдельных образований), (5) синтаксических конструкций.

Поскольку в центре внимания — социальная маркированность языковых единиц, характер их соотнесения с теми или иными социальными слоями и группами (а не, скажем, их лингвистические свойства), то выбор фактов, иллюстрирующих это соотнесение, более или менее произволен.

1. СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

1.1. В области консонантизма одной из ярких черт современного ненормативного (с точки зрения литературного языка) произношения являются [γ] фрикативный и его глухой позиционный коррелят [x]: *снѐ[γ]а — снѐ[x], но[γ]á — со всех но[x]* и т. п. Традиционно эта черта произношения рассматривается как результат влияния южнорусских говоров, однако она характеризует говорящих не только по территориальному признаку (так говорят многие выходцы из южных областей европейской части России), но и по социальным — например, по уровню образования, по принадлежности к тем или иным профессиональным группам, по возрасту и полу, по степени социальной мобильности и некоторым другим.

Так, с повышением уровня образования увеличивается вероятность вытеснения фрикативного его литературным вариантом [г] взрывным (среди выходцев с юга России, имеющих высшее образование, процент «экающих» меньше, чем среди тех, кто имеет среднее образование, хотя не последнюю роль здесь играют психологические факторы — самоконтроль говорящим своей речи, ее ситуативная приуроченность и т. п.). «Гуманитарии» успешнее избавляются от [γ] фрикативного, чем представители технической интеллигенции.

В политических кругах наблюдается эффект подражания лидеру: например, в то время, когда у власти находился М. С. Горбачев, речь которого характеризуется последовательным произношением фрикативного [γ], среди лиц, так или иначе приближённых к власти, было немало тех, кто не ощущал необходимости избавляться от этой ненормативной фонетической особенности, а, напротив, сохранял ее в своей речи (так же, как и другие характерные приметы речи лидера: *начать, принять, углубить* и т. п.). Во времена Н. С. Хрущева, произношение которого отличалось не только наличием [γ] фрикативного, но и мягкостью [з] в словах типа *социализм*, «изъмы» слышались и в устных выступлениях многих других политиков.

Возрастной фактор влияет на наличие [γ] следующим образом: если в относительно молодом возрасте говорящий не смог избавиться от этой произносительной особенности, то в зрелом возрасте сделать это ему будет труднее (что

отражает общую тенденцию к «консервации» речевых навыков с увеличением возраста).

Наличие [γ] обнаруживает некоторую зависимость и от пола говорящих: среди выходцев с юга России женщины дольше сохраняют в своей речи этот звук, чем мужчины, хотя на эту зависимость может накладываться действие других факторов: например, в среднем меньшая социальная мобильность женщин, чем мужчин, с одной стороны (что способствует сохранению [γ]), а с другой — в условиях семейной жизни влияние речи мужа, если для его речи характерен не [γ], а [г].

Фактор социальной мобильности — как вертикальной, так и горизонтальной, — как известно, способствует устранению из речи говорящего черт, противоречащих общепринятому узусу. Эта закономерность проявляется и на примере [γ] при условии, что социальные группы, с представителями которых общается данный носитель языка, характеризуются наличием в их речи [г] взрывного, а не [γ] фрикативного.

Разумеется, надо учитывать и разную способность говорящего к самоконтролю: в том, что касается произносительных и интонационных речевых навыков, которые в значительной степени автоматизированы, весьма большой процент говорящих не способен контролировать себя и как-либо корректировать свою речь даже в «социально ответственных» коммуникативных ситуациях.

Эта общая картина, которая демонстрирует зависимость сохранения [γ] от социальных факторов, в реальности не выглядит цельной, а, напротив, нарушается многочисленными исключениями, в основе которых — значительные изменения в составе носителей русского литературного языка, произошедшие в XX в.

Пополнение контингента носителей литературного языка за счет выходцев с юга России сделало этот фонетический элемент необычайно распространенным в современном произношении. Если пользоваться ([] фрикативным как маркером нелитературности речи, то из состава носителей современного литературного языка следует исключить всех тех, чья речь содержит этот звук, но в остальных свойствах вполне литературна. Чистота произносительной нормы тем самым останется в неприкосновенности. Но, заметим, чистота нормы как идеала, как теоретического конструкта. Реальная же речевая практика с этим идеалом не совпадает и нередко весьма далека от него (как говорил Ж. Вандриес, «правильный язык — идеал, к которому стремятся, но которого не достигают»). А задача социолингвистического исследования состоит как раз в том, чтобы получить представление о реальной языковой жизни людей.

Однако помимо нормы есть еще один параметр (связанный с нормой, но все же самостоятельный), по которому оценивается речь человека и ее свойства, — **социальный престиж**: очевидно, что социальный престиж литературного про-

изношения в современном русском обществе выше, чем социальный престиж произношения диалектного или просторечного.

В связи с этим кажется несомненным, что социальный престиж двух типов произношения — с [γ] фрикативным и с [г] взрывным — неодинаков: тип с [г] взрывным как соответствующий традиционной фонетической норме более престижен, чем тип с [γ] фрикативным. Для всех говорящих по-русски очевидно, что в «социально ответственных», культурно значимых коммуникативных сферах и ситуациях общения — в радио- и телевизионной речи, в театре, кино — нормативным является произношение [г] взрывного. А фрикативный либо используется как необходимая «речевая краска», либо с ним мирятся как с неустраняемой чертой речи лиц — выходцев с юга России, которые могут играть определенную роль в политической и культурной жизни страны, быть людьми публичными (что связано с необходимостью выступать перед массовой аудиторией, в том числе по радио и телевидению).

Отдельный вопрос — о произношении заднеязычного в словах типа *Бог*, *благо* и нек. др. До сравнительно недавнего времени [γ] и его позиционный вариант [х] были в произношении этих слов единственной орфоэпической нормой (о чем писал более семидесяти лет тому назад Д. Н. Ушаков: см. [Ушаков 1928]). Однако в современной речи всё большее распространение получает произношение *бо[г]а*, *бла[г]о* и запрещаемое нормой (см. [Орфоэпический словарь 1989: 46, 651]) *бо[к]*; это характерно главным образом для речи молодого и среднего поколений. В произношении священнослужителей [γ] — [х] в этих словах, кажется, не зависит от возрастных различий говорящих (говорю об этом осторожно, потому что нет материала массовых наблюдений над речью священников).

К социально маркированным чертам произношения в области консонантизма следует отнести так называемое [ж'] полумягкое и [l] среднеевропейское, возможные в иноязычных словах типа *жюри*, *блеф*, в названии ноты *ля* и в собственных именах типа *Сен-Жюст*, *Флобер*.

Та и другая особенности произношения характерны для некоторых представителей старшего поколения интеллигентов — носителей литературного языка, как правило, владеющих иностранными языками (и [ж'], и [l], несомненно, ближе к иноязычным фонетическим образцам, чем [ж] и [л]). Кроме того, [ж'] полумягкий может встречаться и в речи представителей других социальных групп как ситуативно обусловленный вариант [ж] твердого. Так, ведущий телевизионной передачи «КВН» А. Масляков произносит [жү]-*ри*, когда он выступает в роли именно телевизионного ведущего (то есть в публичной речи), а вне этой роли, в непринужденном разговоре допускает и твердый вариант: [жу]*ри*. Тенденция к ситуативно обусловленному произнесению именно [жү], а не его твердого коррелята наблюдается и в речи некоторых дру-

гих телевизионных ведущих. Так, во время ежегодной торжественной церемонии вручения приза ГЭФИ, транслируемой по телевидению, со сцены часто звучит полумягкий вариант фонемы ⟨ж⟩ в слове *жюри*.

1.2. Социально маркированными являются и некоторые виды позиционно обусловленного произношения согласных. Они были достаточно подробно описаны в предыдущих наших работах (см.: [РЯиСО; РЯДМО; Социально-лингвистические исследования 1976]), а также в исследованиях других авторов: см., например [Ганиев 1971, Григорьева 1980] и др.

Здесь обратим внимание на такие особенности произношения согласных, которые характерны не только для речи носителей литературного языка (что было объектом внимания в указанных работах), но и для речи носителей других языковых подсистем. Так, среди разных типов ассимилятивного смягчения согласного перед следующим мягким согласным выделяются такие, которые не свойственны (или почти не свойственны ¹) речи носителей литературного языка, а являются яркой приметой просторечия: *ко[н'ф']эта, ла[ф'к']и, ла[п'к']и, по[д'в']эсить, о[т'в']ёл* и т. п.

Социально отмеченными, характерными для малообразованной просторечной среды являются многие случаи расподобления согласных типа *директор, коллитор, свободно, транвай* и т. п., а также произношение *каж[н]ый, пи[н]жак* и т. п. В отличие от [g], который распространен широко, такого рода факты редко выходят за пределы просторечной среды, резко противопоставленной другим социальным группам по уровню образования и культуры.

Давно замечено, что социально обусловленные различия в фонетике часто лексикализованы: ср., например, произношение [ы'] в словах *шаги* и *лошадей*, ассимилятивное смягчение согласных и нек. др фонетические явления. Иногда произносительная специфика касается одного слова: таково, например, произношение слова *вообще* в среде подростков:

[ваш'э] — со стяжением ⟨oo⟩ в [a] и с полной утратой [п] на месте ⟨б⟩ (ср. нормативное произношение этого слова: [ваапш'э] или [вапш'э]).

1.3. В области **вокализма** к социально маркированным особенностям можно отнести различие ⟨o⟩ и ⟨a⟩ неударных (то есть сохранение [o] не под ударением) в словах типа *божественный, богохульство, милосердие, добродетель*

¹ В литературном произношении эта фонетическая черта еще встречается у потомственных москвичей старшего поколения. Однако в целом ее следует квалифицировать как малохарактерную для современной орфоэпической нормы и, напротив, как весьма распространенную в просторечии. Об условиях реализации в произношении сочетаний согласного с последующим мягким согласным и об эволюции нормы на этом участке см. в [Панов 1967: 325 — 327; Григорьева 1980].

и т. п., наблюдаемое в речи священнослужителей, хотя, по-видимому, эту особенность их речи нельзя считать «полноценным» оканьем, как в типичных окающих севернорусских говорах. Кроме того, эта фонетическая черта у названной группы говорящих ситуативно и жанрово обусловлена: наиболее отчетливо она проявляется в проповедях и вообще в публичной речи, в других же коммуникативных условиях произношение ⟨o⟩ неударного близко к обычному акающему, рекомендуемому современной орфоэпической нормой.

Звук [o] не под ударением сохраняется также при произношении некоторых иноязычных слов (типа *сонет*, *болеро*) в речевой практике представителей интеллигенции старшего поколения главным образом в жанрах публичной речи².

Социально отмеченной является редукция неударного ⟨y⟩ — явление, на которое впервые (на материале акающих говоров) обратил внимание Л. Л. Касаткин в работе [Касаткин 1971] и которое получает все большее распространение в современной речи. По-видимому, в наибольшей степени произношение типа [бъ]тербрѣд, [дъ]раки (дураки), [съ]ндуки, дѣ[дъ]шка, ма[ть]шка и т. п. характерно для носителей просторечия. Однако и у представителей других социальных слоев и групп в спонтанной, главным образом в аллегорической, речи наблюдается эта особенность. Несмотря на это, пока, на современном этапе развития русского языка, ее следует квалифицировать как ситуативно и отчасти социально обусловленную произносительную черту. Возможно, со временем она распространится во все слои носителей русского языка, но скорее всего сохранит ситуативную и жанрово-стилистическую обусловленность (сейчас трудно представить себе, чтобы со сцены или по радио произнесли: «Я памятник себе воздвиг [н'ирькатвѣрныи]).

2. СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ АКЦЕНТНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Хрестоматийными примерами социально и профессионально обусловленных акцентных форм являются такие факты, как *компа́с* — в речи моряков, *дѣбѣ́ча* — в речи горняков, *прѣвод* — в речи милицейских работников, *прѣкус* — в речи стоматологов, *прѣгиб* — в речи строителей, *ка́учук* — в речи химиков, *сѣзыв* — в речи парламентариев и политиков и нек. др.

² В работе [РЯиСО, кн. 3: 120] приведены статистические данные, свидетельствующие, что в речи старых москвичей эта черта произношения распространена достаточно широко. Однако эти же данные указывают на ее несомненную лексическую обусловленность: она сохраняется в малочастотных заимствованиях типа *боа*, *бомонд* и выглядит как претенциозное манерничанье в бытовых номинациях типа *костюм*, *бокал*, «чья заимствованность уже перестала ощущаться говорящими» [Панов 1967: 324].

В современной речи наблюдаются массовые случаи отклонения от акцентной нормы. Политики, депутаты, члены правительства, обычные носители языка то и дело произносят: *на́чать, углۇ́бить, обóстричь, прínять, материальные бла́га, средствá* и т. п. Многие из этих акцентных явлений «размыты» по разным социальным группам, не закреплены в речевой практике какой-либо одной из них. Кроме того, такие неправильности различаются по степени своего отклонения от литературной нормы: акцентные варианты типа *отпíл, нали́л, обня́лись, собра́лись* и т. п. рассматриваются как допустимые в литературном произношении (см.: [Воронцова 1979; РЯДМО; Орфоэпический словарь 1989]).

Наряду с подобными вариантами наблюдаются разнообразные акцентные явления, которые во многих случаях могут быть охарактеризованы как присущие речи той или иной социальной среды. Разумеется, и в этом случае литературная норма выступает мерилем акцентной правильности речи, однако квалификация «нормативно — ненормативно» здесь явно недостаточна: гораздо важнее «привязать» ненормативное явление к определенной социальной или профессиональной среде.

Не претендуя на систематичность в перечислении такого рода отклонений от акцентной нормы, укажем некоторые из них, наиболее яркие и определенные по своей социальной или профессиональной отнесенности.

Два причастия — *осужденный* и *возбужденное (дело)*, согласно орфоэпической норме имеющие ударение на гласном суффикса (*осуждённый, возбуждённое*), — в среде прокурорских работников, следователей, милиционеров произносятся с ударением на гласном корня: *осу́женный, возбу́жденное*. Эти акцентные формы могут служить своеобразными маркерами речи указанных профессиональных групп: если вы слышите произношение этих словоформ с накоренным ударением, то скорее всего говорящий — либо прокурор, либо следователь, либо милиционер. Можно предположить, что эта особенность ударения в указанных словоформах имеет длительную традицию в названной социальной среде: известный в прошлом адвокат П. С. Пороховщиков (П. Сергеич) еще в конце XIX века отмечал накоренное ударение в глагольной форме прошедшего времени: *возбу́дил* — как характерное для речи юристов [Сергеич 1960: 38]. Он осуждал также ударение на префиксе в слове *приговор*, считая его принадлежностью «речи чинов прокуратуры, присяжных поверенных и их помощников, секретарей судебных мест и кандидатов на судебные должности» [там же]. В современной речи такое произношение слова *приговор*, по-видимому, не столь жестко прикреплено к указанному профессиональному кругу говорящих — оно встречается и в других группах носителей языка.

Некоторые акцентные явления, обычно рассматриваемые лишь как отклонение от литературной нормы, приобретают черты социально локализованных языковых черт. Таково, например, произношение слова *квáртал* с ударением

на первом слоге: оно характерно главным образом для речи финансовых и административных работников, служащих домоуправлений и т. п. Ср.:

О, его величество квартал! Поседевшие в боях со штурмовщиной хозяйственники поклоняются его тысяче и одному показателю, как языческому божеству. (Кстати, не знаю ни одного из администраторов, кто бы произносил слово «квартал» правильно, и это тоже один из феноменов нашей действительности) («Литературная газета», 1987, беседа с главным редактором издательства «Московский рабочий»; пример заимствован из словаря [Еськова 1994: 133]).

Произношение слова *километр* с ударением на втором слоге в наибольшей степени характерно для речи водителей, диспетчеров автомобильного движения, автоинспекторов, хотя было бы неверно утверждать, с одной стороны, что в их речи встречается только этот вариант и отсутствует вариант с нормативным ударением, и, с другой, — что ненормативное произношение этого слова нельзя услышать в речи представителей других профессиональных групп. Кроме того, у одного и того же лица ударение может варьировать — в зависимости от ситуации или типа собеседника. Иногда говорящие вполне сознательно применяют разные акцентные варианты. Знаменитый металлург академик И. П. Бардин на вопрос о том, с каким ударением он произносит слово *километр*, ответил: «Когда как. На заседании Президиума Академии — *киломе́тр*, иначе академик Виноградов морщиться будет. Ну, а на Новотульском заводе, конечно, *кило́метр*, а то подумают, что зазнался Бардин» (цит. по: [Костома-ров, Леонтьев 1966: 5]).

Еще несколько примеров профессионально обусловленного ударения.

На текстильных фабриках работают *мотальщицы* — именно так называют эту профессию и сами мотальщицы, и те, кто близок к текстильному производству. А в цехах механических заводов есть *строгальные станки*, у которых стоят *строгальщики*, и такое ударение является единственным в этой профессиональной среде (сказать здесь *строга́льный станок*, *строга́льщик* — значит, обнаружить себя как «чужака»). В речи медиков преобладает произношение *а́лкоголь*, *наркомания́*, *рентге́нография́* и т. п.; литературная норма, как известно, рекомендует иные акцентные образцы: *алкого́ль*, *наркомáния*, *рентге́но- гра́фия* [Орфоэпический словарь 1989].

Некоторые акцентные явления распространены не в одной, а в разных социальных и профессиональных группах говорящих. Например, ударение на флексии *-ы(-и)* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода распространено как среди людей технических профессий, так и в «обычном» (не профессиональном) просторечии: *краны́*, *стаканы́*, *склады́* (естественно, ударны и флексии косвенных падежей множественного числа: *крано́в*, *кранáм*, *кранáми*, *о кранáх*, *стакано́в* и т. д.). Возможно, впрочем, что

разные лексемы, которые характеризуются этим ударением, встречаются в той и в другой среде с разной частотой: например, словоформа *краны́* более обычна в техническом «языке» (по нашим наблюдениям, крановщики и сантехники употребляют словоформы этого слова — как в значении ‘подъемный механизм’, так и в значении ‘запорное устройство на водопроводной или какой-либо иной трубе для выпуска жидкости или газа’ — исключительно с окончательным ударением), а словоформы лексемы *стакан* (*стаканы́, стакано́в* и т. д.) — в просторечной среде (вероятно, без какой-либо профессиональной локализации).

3. СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫХ ФОРМ

3.1. Формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода, имеющих в конце основы твердый или мягкий согласный, с флексией *-á* (*-я́*) весьма частотны в современной русской речи; при этом многие из них должны (или могут) быть охарактеризованы как профессионально или социально маркированные. Чаще других эту флексию и ударные флексии косвенных падежей получают существительные, обозначающие предметы и понятия, наиболее регулярно употребляемые в данной профессиональной или социальной среде.

Например, словоформы типа *соусá, супá, тортá, шампурá, шницеля́* и т. п. — примета речи поваров и других представителей «кулинарного цеха», словоформы типа *бункерá, взводá, госпиталя́, дембеля́* (от слова *дембель* во втором из двух значений: 1) ‘время демобилизации из армии’ и 2) ‘тот, кто демобилизуется’) и т. п. — обычны в речи военных, а *боцманá, мичманá, штурманá, тросá* и т. п. — в речи моряков; как явные техницизмы, т. е. факты, присущие преимущественно речи людей, имеющих технические профессии, воспринимаются словоформы *допусká, дюбеля́* (ед. *дюбель*), *кульманá, штангеля́, швеллера́* и т. п.; речи представителей сил правопорядка и правосудия — прокуроров, следователей, милиционеров — присущи такие формы, как *обыска́, привода́, срока́* (*Было проведено несколько обысков; Участились привода́ в милицию несовершеннолетних подростков; Необходимо сокращать срока́ пребывания подсудимых в местах предварительного заключения* — из выступлений по телевидению представителей органов милиции и прокуратуры, 1998—1999 гг.); в уголовном жаргоне ударные флексии в именных словоформах множественного числа приобретают наиболее употребительные и специфичные для этого жаргона имена существительные: *корешá* (от *кореш* в значении ‘друг, приятель’), *кошеля́* (от *кошель* в значении ‘карман’), *мусора́* (от *мусор* в значении ‘милиционер’), *фраера́, любера́* и т. п.

В просторечной среде в эту словоизменительную модель — с ударными флексиями в косвенных падежах множественного числа существительных — «затягиваются» и некоторые существительные женского рода: в просторечии частотны формы типа *матеря́, площа́дя, мозоля́* (от *мозоль*; впрочем, это слово — так же, как *канифоль, фасоль* и нек. др. — в просторечии нередко склоняется и согласуется с определениями и с глагольными формами как существительное мужского рода: *Замучилась с этим мозолем, Новый мозоль на ноге образовался* и т. п.) и нек. др.

3.2. Социально или профессионально маркированы некоторые глагольные словоформы. Так, накоренное ударение в словоформах *свёрлишь, свёрлит, свёрлим, свёрлите, свёрлят*, а также в личных формах префиксальных производных этого глагола: *просвёрлишь, просвёрлит, рассвёрлишь, рассвёрлит* и т. д. характерно для речи рабочих, имеющих дело с токарной и слесарной обработкой металла.

Накоренное ударение в личных формах глаголов *включить, подключить, исключить: включишь, включит, включим, включите, включают; подключат, исключат* и т. д. — распределено в зависимости не от собственно социальных или профессиональных характеристик говорящих, а от их возраста: оно более характерно для речи молодого и среднего поколений, старшее же поколение больше привержено традиционному варианту (с ударением на личном окончании), а некоторые представители интеллигенции старшего поколения к тому же и осуждают акцентное новшество — ударение на основе; в частности, Лидия Корнеевна Чуковская и устно, и печатно (но безуспешно) боролась с произношением *включишь, включит* и т. д. (см. ее статью в сборнике, посвященном 90-летию академика Д. С. Лихачева, — [Чуковская 1996]).

4. СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ И ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ

Начиная с пионерских работ Г. О. Винокура, обратившего внимание на определенную специфику словообразовательных процессов в области русской технической терминологии (см.: [Винокур 1939, 1946]), исследователи отмечают **специализацию** словообразовательных моделей и словообразовательных аффиксов как одну из основных тенденций развития системы русского словообразования (см. [РЯиСО, кн. 2, гл. 5]). При этом имеется в виду, во-первых, установление взаимно-однозначных отношений между аффиксом и выражаемым им значением: ср., например, вполне определившееся к концу нынешнего века отношение между значением 'житель города (местности)' и суффиксом

-чанин — вместо имевшей место в недавнем прошлом множественности суффиксов, «обслуживавших» это словообразовательное значение.

Во-вторых, тенденция к специализации словообразовательных моделей выражается в «распределенности» аффиксов и соответствующих моделей словообразования по тем или иным сферам языка. Например, в техническом «языке» высока — по сравнению с другими сферами речевой деятельности человека — продуктивность суффиксов *-щик/-чик* и *-атор*: с помощью *-щик/-чик* образуются названия профессий — *расклейщик*, *перекладчик* и т. п., — а суффикс *-атор* участвует в образовании и имен лица, и названий механизмов, иногда совмещая в одном слове оба значения: *азратор*, *дегазатор* и т. п.

Именное словообразование в области русской спортивной терминологии отличается иными особенностями: здесь исследователи отмечают типичность сложносоставных наименований нескольких разновидностей: *старт-финиш* (конъюнктивный тип), *легкоатлет* (видо-родовой тип), *копьеметатель* (прямо-дополнительный), *конькобежец* (косвенно-дополнительный), *внутриклубный* (обстоятельный тип), распространенность стяжений словосочетаний в одно слово с добавлением суффикса *-к(а)*: *стометровка*, *двадцатиминутка*, *пятисотка* и т. п. (см.: [Андреев, Замбрицкий 1963]).

В среде, специфической не по профессиональному, а по возрастному признаку, — студенческой и, соответственно, в студенческом жаргоне активна модель образования с помощью суффиксов *-як* и *-няк* экспрессивных существительных с общим значением состояния организма: *депрессняк* ‘депрессия’, *отпадняк* ‘состояние сильного удивления или восхищения’, *передозняк* ‘состояние, возникающее в результате передозировки наркотика’ и т. п. (примеры взяты из работы [Юганов, Юганова 1997]). В так называемом общем жаргоне (см. о нем [Ермакова, Земская, Розина 1999]), который наиболее распространен в речи представителей молодого и среднего поколений говорящих, весьма продуктивен тип существительных с суффиксом *-эх(а)*: *бытовуха*, *кликуха*, *порнуха*, *чернуха* и т. п.

С точки зрения социальной дифференциации языка и социальной маркированности его средств важен второй аспект специализации словообразовательных средств. При определенной общности словообразовательных моделей для всего «пространства» русского языка — от территориальных диалектов и социальных жаргонов до литературной его формы — эти модели известным образом распределены между подсистемами языка (а внутри литературной формы — и между стилями и сферами общения), однако это распределение не «жесткое» — по принципу «есть—нет» (такая-то словообразовательная модель, такой-то словообразовательный тип в данной подсистеме), а статистическое: слова, образующиеся по модели *X*, в подсистеме (сфере общения) *Y* более частотны, более обычны, более разнообразны (например, с точки зрения набора

основ, от которых они могут быть произведены), чем в подсистемах *Z*, *W* и др. (об этом свидетельствуют и примеры из технического «языка» и из спортивной терминологии, приведенные выше).

Наряду с этим в профессионально или социально ограниченных сферах общения возможно порождение и функционирование таких образований, которые отличаются от общезыковых как по словопроизводственной модели, так и по сопровождающим такую модель иным, не словообразовательным чертам — например, по акцентным характеристикам, по семантическим взаимоотношениям со словами литературного языка и т. п. Как правило, такие специфические образования возникают для обозначения актуальных в данной сфере общения понятий и действий; коммуникативная потребность в подобных образованиях столь велика, что говорящие либо пренебрегают запретами, которые налагает словообразовательная система языка на те или иные морфемные сочетания, либо производят такие лексические единицы, которые хотя и «разрешены» системой, но в которых другие сферы общения не испытывают нужды.

Например, в речи медиков отмечен глагол *раздышать*: ...*пытались его* [тяжело раненого] *раздышать с помощью этого аппарата, но все бесполезно* (телевидение, 1998 г., в речи врача скорой помощи); как известно, в литературном языке *дышать* соединяется с приставкой *раз-* только в сочетании с постфиксом *-ся*: *раздышаться*. Медики говорят: *пролечить больного, проколоть ему пенициллин* (ср. также активность этой глагольной модели в речи финансистов, коммерсантов: *проплатить все счета*). В профессиональной медицинской среде отмечены такие образования, как *сочетанные травмы, тощакóвая моча, скоропомощные мероприятия, вспышечные заболевания*. С точки зрения словообразовательной системы такие слова, как *сочетанный* и *тощакóвый* «незаконны»: от глагола *сочетать* не образуется страдательное причастие прошедшего времени, а прилагательное *тощакóвый* произведено от отсутствующего в языке существительного *тощак, которое было «извлечено» профессионалами-медиками из наречия *натощак* для того, чтобы оно послужило производящей основой указанного прилагательного.

Специфические образования отмечаются в официально-деловом стиле литературного языка, а говоря конкретнее — в «языке» чиновников (скорее устном, чем письменном): *подвижка* (*Произошли подвижки по Югославии*), *проговорить* и *обговорить* в значении ‘обсудить’ (*Нужно проговорить вопросы, связанные с установлением границы с Чечней; Этот налог надо обговорить в Думе*); *конкретика* (*Предложенные планы правильные, только надо наполнить их конкретикой*), *наработки* (*В этой сфере у нас уже есть определенные наработки*) и др. Глагол *задействовать* в значении ‘привести в действие’, из языка военных перекочевавший в чиновничий язык, сейчас уже почти потерял свою социальную маркированность (с пометой «спец.» он зафиксирован в сло-

варе Ожегова—Шведовой, но в данном случае эта помета, как кажется, не отражает узус: глагол употребляется достаточно широко и не только в речи специалистов).

Профессиональная речевая среда «не боится» омонимии возникающих в ней образований с уже имеющимися в языке словами: ср., например, бытующее в среде следователей и прокурорских работников слово *особняк* в значении ‘следователь по особо важным делам’ (в этом же значении употребляется профессионализм *важняк*, образованный от другого компонента приведенного словосочетания), употребляющееся в административно-чиновничьем «языке» слово *расшивка* в значении ‘решение’ (*Проводятся мероприятия по расшивке комплекса социальных проблем в регионе*), технический жаргонный термин *цветник* ‘специалист по цветным металлам’, спортивные термины *перестрелка* ‘повторные соревнования по стрельбе между спортсменами, набравшими одинаковое число очков, для выявления победителя’ и *перебой* ‘повторная встреча фехтовальщиков, набравших одинаковое число очков, для выявления победителя’ и т. п.

5. СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

5.1. В недавно опубликованной «Коммуникативной грамматике русского языка» Г. А. Золотова, вводя читателя в проблематику книги, останавливается на примерах конструкций, характерных для речи людей, «говорящих обедненным языком», речи, в которой автоматически и невпопад соединяются «клише и штампы среды обитания и притяжения; для одних — это разные молодежные группировки, для других — партийно-общественные круги, для третьих — профессионально-деловые, военные, спортивные» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 18].

Хотя пафос этого наблюдения — в том, что многие бездумно относятся к своему языку, не контролируя отбор средств и их правильное, соответствующее не только литературной норме, но и культурной традиции совмещение в пределах высказывания, здесь подмечена одна характерная черта многих речевых произведений, о которой и идет речь в данной главе, — их социальная маркированность.

В самом деле, приведенные в цитируемой книге фразы содержат фрагменты, которые могут быть квалифицированы как в большей или меньшей степени характерные для определенной социальной среды: *Когда он подъедет, мы попросим его подсесть к нам; ...расследуются преступления по*

убийству; ...ситуация по этому заводу; обговариваем вопрос организации работ и т. п. — это можно слышать из уст чиновника, работника прокуратуры, депутата Государственной думы.

Обычно такого рода речевые особенности интерпретируются либо с точки зрения их правильности — неправильности (т. е. соответствия норме, характеризующей данный этап развития литературного языка), либо с точки зрения принадлежности их к какой-либо подсистеме языка или функционально-стилистической его разновидности — например, просторечию, официально-деловому стилю и т. п. Но фактически за такой интерпретацией стоят те или иные сферы социальной жизни и, значит, определенные группы людей, составляющих данное общество. Они могут пользоваться той или иной подсистемой языка всегда, вне зависимости от условий общения (таковы, например, в своей массе носители русского просторечия), или же быть «полигlossными», переключаясь с одной подсистемы или функционально-стилистической разновидности на другие при изменении коммуникативной ситуации (например, с официально-делового стиля в ситуации судебного заседания на обычный разговорный язык в семейном или бытовом общении).

Но между полной «моногlossностью» (как у носителей просторечия) и умением легко осуществлять кодовое переключение (как у образцовых носителей литературного языка) есть масса промежуточных случаев, отражающих разрыв между осознанием необходимости подбирать подходящие языковые средства и неумением это делать (причин такого неумения много, но главная — неразвитость языкового вкуса). Значительная же часть говорящих попросту не озабочена проблемой выбора слова или синтаксической конструкции. Даже современная интеллигенция, по выражению Лидии Корнеевны Чуковской, «лишилась иммунитета»: «не совершает отбора» языковых средств [Чуковская 1996]. Как следствие этого — штампы милицейских протоколов в телевизионном интервью, «канцелярит» в обыденном разговоре, обороты, уместные в технических инструкциях, — в обращении водителя троллейбуса к пассажирам, и т. д. Все это свидетельствует о низком уровне владения языком, хотя в такого рода смещении разных речевых стихий может и не происходить прямого нарушения грамматических норм языка (о чем также пишет Г. А. Золотова: [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 17—18]).

В данном разделе речь пойдет о социальной маркированности лишь некоторых синтаксических конструкций, употребительных в современной русской речи. Одни из них давно покинули ту социальную среду, которой обязаны своим рождением, и весьма частотны как в средствах массовой информации, так и в устно-разговорных жанрах речи; другие сохраняют следы своей социальной прикрепленности. Применительно и к тем, и к другим можно говорить о социальной маркированности, поскольку налицо не только особая стилистическая

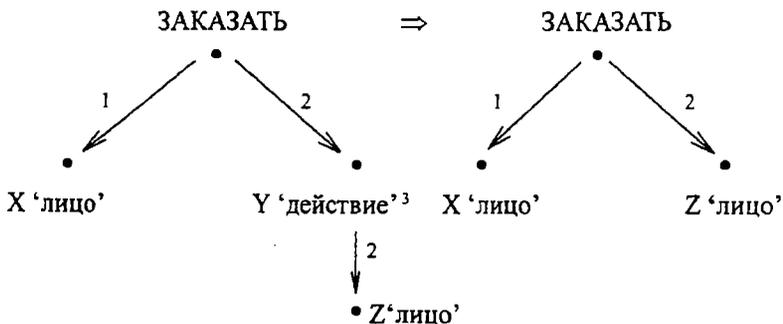
окрашенность синтаксической конструкции, но и специфика ее структуры, характерная для определенного круга говорящих.

5.2. Заказать + S_{один вин}

Эта конструкция употребляется в значении 'подготовить, организовать убийство кого-либо'.оборот родился в речи мафиозных, преступных групп в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. и быстро распространился, чему немало способствовали средства массовой информации, чуть ли не ежедневно сообщающие о заказных убийствах.

Своеобразие этой конструкции и ее отличие от нормативного употребления глагола *заказать* в литературном языке заключается в том, что второй актанта в семантической структуре глагола обозначает лицо, в то время как литературное *заказать* исключает такое выражение второго актанта: можно заказать какие-либо услуги, еду, питье, предметы одежды и обуви и т. п.; ср.: *заказали столик в ресторане, заказать ужин на двоих, заказала платье в ателье*. В ситуации подготовки убийства кого-либо этот актанта должен был бы выражаться каким-либо предикатом, чаще всего самым словом *убийство*, а также его синонимами и аналогами (*ликвидация, уничтожение* и др.), а синтаксическим зависимым этого предиката выступает именная группа, обозначающая лицо: *заказали убийство известного политического деятеля*.

В жаргонной конструкции убрано звено: вместо того, чтобы подчинять глаголу обозначение лица через посредство предиката, подчинение осуществлено непосредственно:

При этом значение глагола специфицировано: он обозначает только ситуацию подготовки и организации убийства, но, например, не ситуацию приготовления какого-либо блюда, шитья платья или костюма и т. п.

³ Возможность выражения второго актанта именами с предметным значением (*заказать борщ в ресторане, платье в ателье, номер в гостинице*) в данном случае не рассматривается.

5.3. S (V) + НА + S'_{вин}

Сходное стяжение актантной структуры предиката произошло в конструкции, имеющей совершенно иное «социальное происхождение». Речь идет о характерной для речевого обихода некоторых групп технической интеллигенции конструкции S (V) + НА + S'_{вин}, где в качестве S (V) выступает отглагольное существительное типа *бурение, разведка*, а в качестве S'_{вин} — обозначение объекта, который является результатом действия, называемого с помощью S (V): *Фирма осуществляет бурение на воду; В этом районе велась разведка на нефть*⁴. В развернутом виде эти предложения должны были бы включать компоненты, обозначающие объект (*бурение, разведка чего*) и цель (*бурение, разведка с целью обнаружения*), а результат действия в таком случае выражался бы синтаксическим зависимым предиката: *...с целью обнаружения воды (нефти)*⁵.

Формально та же конструкция — сочетание существительного, обозначающего действие, с предложно-падежным оборотом НА + S'_{вин}, однако с иными значениями как составляющих, так и всей конструкции отмечена в других социальных сферах: в речи спортивных журналистов и спортсменов (*соревнования на первенство, матч на кубок, велогонка на приз* — выражено значение цели), в речи военных (*приказ на прорыв из окружения, решение на проведение операции* — выражены значения 'содержание' и 'цель') — см.: [Золотова 1974: 155].

Такого рода синтаксические стяжения не редкость в техническом и других профессиональных «языках», в устной форме официально-деловой речи. Как показатель определенной тенденции в развитии русского синтаксиса они были отмечены Г. А. Золотовой и Н. Ю. Шведовой более тридцати лет тому назад; см. [Золотова 1966; Шведова 1966; РЯиСО, кн. 3: 250 и след.]. В конце XX в. эта тенденция проявляется в речи разных социальных групп и на различном языковом материале. Особенно характерна в этом отношении экспансия предлога ПО, неоднократно отмечавшаяся исследователями.

5.4. S (V) + ПО + S'_{дат} или V + ПО + S'_{дат}

⁴ Г. А. Золотова отметила случаи следующей стадии подобного стяжения, когда в качестве синтаксического хозяина в этой конструкции выступает не предикат, а предметное имя: *А между тем в России как будто нет руд на металлический алюминий* (В. Вернадский), — см.: [РЯиСО, кн. 3: 251]. По-видимому, этот тип синтаксического стяжения остается исключительной принадлежностью профессионального «языка» геологов и горняков.

⁵ Значение предлога ПО, реализующееся в этой конструкции, Л. Л. Иомдин определяет как выражающее «валентность темы»; ПО в таком употреблении автор снабжает пометами «офиц. прост.» — см.: [Иомдин 1991: 95, 109—110].

Возникшая в чиновничьей среде конструкция с предлогом *ПО* — типа: *переговоры по Югославии, голосование по кандидатуре NN, инициатива по Чечне, договоренность по Газпрому* и т. п. имеет исключительно широкое распространение в современной речи. Как правило, синтаксическим хозяином в этой конструкции является отглагольное существительное (как в приведенных примерах), в норме не управляющее предложно-падежной группой с предлогом *ПО* (ср.: *переговоры, договоренность о чем-либо, голосование за кого-либо, инициатива в чем-либо*). Встречаются и сочетания, где в качестве подчиняющего компонента употребляется не существительное, а глагол, в литературном языке также не способный управлять предлогом *ПО*: *Мы, кстати, встречались с Гайдаром и по банку, и по Парамоновой* (В. С. Черномырдин); *Необходимо договориться с МВФ по российскому долгу, по его реструктурированию* (М. М. Задорнов, министр финансов России)⁶.

Конструкции этого типа частотны в языке средств массовой информации, в устных выступлениях представителей власти, политиков, финансистов, бизнесменов, то есть наблюдается достаточно широкий «разброс» этих конструкций по разным функциональным разновидностям речи и разным социальным слоям и группам. Однако нельзя не отметить тот факт, что рассматриваемые конструкции мало характерны для устно-разговорной речи социальных групп, не связанных с названными выше сферами деятельности (власть, политика, финансы, бизнес), — например, для речи гуманитарной интеллигенции.

Далеко не все специфические, нарушающие языковую традицию явления, в том числе и в синтаксисе, могут быть квалифицированы как принадлежащие той или иной социальной среде. Некоторые инновации отражают общие тенденции развития языка (или каких-либо уровней его структуры) и возникают на пересечении нескольких функциональных разновидностей языка и разных социальных сфер его использования. Тем не менее изучение источников появления тех или иных новшеств, «социальная паспортизация» этих источников позволяют яснее представить себе пути, которыми в литературный оборот вовлекаются новые выразительные средства.

---

⁶ О различиях в нормативной оценке этих оборотов в середине XX в. и в 90-е гг., а также об ограничениях в использовании предлога *ПО* в такого рода конструкциях см. в работе: [Гловинская 1996: 249—252].

ИЗ ИСТОРИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВ *ОСОБЫЙ И СПЕЦИАЛЬНЫЙ* (социолингвистический анализ)*

1. В этой статье я хочу коснуться таких лексических фактов, которые еще не стали историей в привычном смысле этого слова. Речь пойдет об употреблении прилагательных *особый* и *специальный*, и хотя основной материал относится к 20—50-м гг. XX в., многие особенности и оттенки этого употребления еще живы для носителя современного русского литературного языка.

2. В главной своей книге «Русский язык» академик В. В. Виноградов писал: «Значения устойчивы и общи всем, кто владеет системой языка. Употребление — это лишь возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное. Употребление не равноценно со значением, и в нем скрыто много смысловых возможностей слова» [Виноградов 1947: 21; курсив мой. — Л. К.].

Смысловые возможности слова, о которых говорил В. В. Виноградов, нередко реализуются благодаря тем или иным социальным обстоятельствам. В работе самого В. В. Виноградова и в работах других исследователей (например, М. М. Покровского, В. М. Жирмунского, Б. А. Ларина, П. Я. Черных и др.) мы можем найти массу примеров того, как определенная социальная среда актуализует какие-то одни смыслы и оставляет «в пассиве» другие (ср. хорошо известный специалистам-лексикологам анализ М. М. Покровским осмысления слова *бойкий* в разной социальной среде: *бойкое место*, *бойкий товар*, *бойкий парень* и т. п. — [Покровский 1959: 53 и след.]).

Смысловые возможности слова могут актуализироваться не только, так сказать, в «социальном пространстве», но и во времени, и в этом отношении давно принято говорить о словах — символах определенной исторической эпохи.

3. Применительно к русскому языку советского периода примерами таких символов чаще всего служат слова «со знаком плюс» — с положительным смыс-

---

* Впервые опубликовано в журнале «Русистика», Берлин, 1990, № 2.

лом и соответствующими коннотациями: революционная *новь*, *зори* коммунизма, *борьба* за урожай, *командиры* производства, *великие* стройки, *ударный* труд и т. п. Но есть слова, смысл и употребление которых — иные: *уплотнение*, *продовольственные карточки*, *дефицит*, *достать*, *выбросить* (о товарах, поступающих в продажу), *взять*, *посадить*, *зона*, *лагерь*, *пайка* и др. Это — тоже символы советской эпохи. До недавнего времени они оставались преимущественно в бытовом и жаргонном употреблении и редко попадали в печатный текст: большая их часть и поныне остается вне поля исследовательского внимания лингвистов. Между тем, это огромный лексический пласт, и составляющие его — слова, обороты, фразеологизмы — отличаются своеобразием формы, семантики, узуса, богаты коннотативными смыслами и ассоциациями.

4. Слова *особый* и *специальный* (а также их сокращенные формы *особ(о)...*, *спец...*), имея общие для всех говорящих по-русски значения, в советское время приобрели такие особенности употребления, которые позволяют отнести эти слова к лексическим символам второго рода. Я имею в виду их употребление в составе словосочетаний типа *часть особого назначения*, *особый отдел*, *лагерь особого режима*, *специальный распределитель*, *спецконвой*, *спецполиклиника* и т. п.

В современных словарях даются следующие толкования этих слов:

ОСОБЫЙ

1) «необычный, исключительный; отличный от других по степени проявления; заметный, значительный» [БАС]; приводимые здесь примеры: *В выборе подруги на всю жизнь должно быть нечто особое.* — А. Островский; *...какую-то особую, незнакомую ноту.* — Чехов; *...на всех московских есть особый отпечаток.* — Грибоедов; *...никакой особой горячности.* — Достоевский; *...не выразила особой радости.* — Кочетов); «то же, что особенный» (т. е., как следует из толкования прилагательного *особенный*, — «не такой, как все, не обыкновенный») [СО-1989], приводимые здесь примеры: *Возникло особое затруднение; Совсем особый цвет;*

2) «отдельный, отличный от других» [БАС], пример: *...1200 душ, состоящих на особых правах.* — Пушкин; «отдельный, независимый от других» [СО-1989], примеры: *особая комната, особые права, особое мнение*¹.

Составители Малого академического словаря (= МАС) находят у слова *особый* три значения: (1) «не похожий на других, не такой, как все; необычный,

¹ Необходимо отметить, что синонимия *особый* — *отдельный*, отмечаемая указанными словарями, в наши дни, по-видимому, утрачивается, и употребление типа пушкинского «издать особою книгою», «была бы особая комната» (из писем) ощущается как архаичное. С другой стороны, происходит явное сближение по смыслу слов *особый* и *специальный*, что видно и по приводимым ниже толкованиям прилагательного *специальный*, которые содержат смысловой компонент 'особый'.

особенный» (*особое мнение; быть на особом положении*); (2) «большой, значительный» (*без особой охоты; без особого удивления*); (3) «отдельный, не общий» (...*поставили особый прибор на маленьком столике; ...дом с особым ходом для девочек*). Кроме того, у первого значения выделен оттенок «присущий только данному лицу, предмету, явлению; своеобразный» (*На всех московских есть особый отпечаток. — Грибоедов*), а у третьего — оттенок «имеющий специальное назначение» (*часть особого назначения, особый отряд*).

Из сложных слов с первой частью *особ(о)*... в БАС зафиксировано одно — *особоуполномоченный*. Отмечены устойчивые обороты (они даются в словарной статье за так называемым ромбом: ♦ *особое мнение, особые точки* (в математике), *особый счет* (в бухгалтерии), *особое производство* (право), *особая статья, особый отдел, чиновник особых поручений* (до революции), *особое присутствие* (до революции).

СПЕЦИАЛЬНЫЙ

1) «предназначенный исключительно для чего-либо; имеющий особое предназначение, особый» [БАС], примеры: *специальные станки; специальный выпуск газеты; по специальному заказу; ...меня командировали со специальной целью. — Мамин-Сибиряк; «особый, исключительно для чего-нибудь предназначенный» [СО-1989], примеры: специальная одежда, специальный корреспондент;*

2) «относящийся к какой-либо отдельной отрасли науки, техники, искусства, предназначенный для специалистов этой отрасли» [БАС], примеры: *специальные статьи; Книга скучна, специальна. — Чехов*; «относящийся к отдельной отрасли чего-нибудь, присущий той или иной специальности» [СО-1989], примеры: *специальное оборудование, специальный термин.*

Эти же два значения, с небольшими модификациями в толкованиях, отмечены и в МАС.

В дополнение к приведенным двум значениям слова *специальный* Большой академический словарь приводит еще одно, устаревшее: «своеобразный, особенный», с примером из произведений Мамина-Сибиряка: *...установилась специальная атмосфера*. В МАС и в СО-1989 это устаревшее значение не приводится.

В БАС зафиксированы три слова с первой частью *спец...*: *спецкор, спецкурс, спецодежда*, причем сокращение *спец...* в качестве самостоятельной словарной статьи здесь не фигурирует, — в отличие от СУ. СО-1989 и МАС, где такая словарная статья есть; в МАС при этой статье дается целый список сложных и сложносокращенных слов с начальной частью *спец...*: *спецдорога, спецкор, спецстроительство, спецфонд, спеццех*. В БАС отмечены устойчивые обороты со словом *специальный*: *специальное задание, специальный корреспондент, специальное оборудование, специальные учебные заведения.*

5. При достаточной подробности приведенных толкований и разнообразии сопровождающего их иллюстративного материала словарные описания все же не фиксируют, — а если фиксируют, то с явной неполнотой — некоторых существенных особенностей употребления рассматриваемых слов (правда, кое-что из этих особенностей, по-видимому, и не может быть описано в словарной форме — во всяком случае, той, которая предусматривается современными толковыми словарями).

Какие же это особенности?

1) Фразеологизация употребления слов *особый* и *специальный* — вхождение их во множество устойчивых наименований типа *особое совещание, часть особого назначения, особый уполномоченный, лагерь особого назначения, специальный корреспондент, войска специального назначения* и т. п., семантика которых в сильной степени идиоматизирована (т. е. не складывается из значений составляющих).

2) Выделение сокращенной формы слова *специальный* — *спец...* в функционально самостоятельную единицу (с сокращением *особ(о)...* этого, как кажется, не произошло): многие наименования с первой частью *спец...*, вероятно, никогда не существовали в «развернутом» виде — со словом *специальный*; ср. слова типа *спецчасть, спецконвой, спецвойска, спецпереселенец* и нек. др. *Спецмашина* — это не просто «специальная машина», а автомобиль органов КГБ, МВД или какого-либо иного правительственного органа с отличительными знаками в виде «мигалки», сирены или же автомобиль «скорой помощи», пожарной охраны.

Есть факты, свидетельствующие о том, что говорящие воспринимают словечко *спец...* как отличающееся от полного прилагательного *специальный* по своим узуальным качествам. Например, Лев Разгон пишет в своих воспоминаниях:

...новое слово, возникшее в нашей жизни, одно из самых мне ненавистных! Я говорю о слове «специальный», ставшем приставкой «спец». Казалось бы, самое обыкновенное, ну, не очень красиво звучащее, полуканцелярское слово. Но, ставшее приставкой, слово «спец» почти всегда имеет у нас самый страшный смысл. «Спецакция» — это расстрел, «спецкоридор» — режимные одиночки, «спецколлегия» — суд для рассмотрения политических дел. «Спецотдел» — не требует пояснений. И даже безобидный «спецбуфет» имеет отвратительный характер потому, что это буфет для привилегированных, и в «спецстрое» подозревается что-то малосимпатичное: строительство тюрьмы или особняка для сановного вельможи... (Л. Разгон. Непридуманное // Юность. 1989. № 1).

Ср. также примеры употребления сложных слов с первой частью *спец...* в современной прессе:

Причиной смерти большинства погибших [в Тбилиси 9 апреля 1989 г.] было совокупное действие давки и вдыхания *спецсредств* («Черемухи» и газа Си-Эс) (Огонек. 1990. № 2);

Во время подготовки к Олимпиаде в Москве (позднее и в других городах) на магистралях с 3—4-рядным движением левый крайний ряд стали отделять горизонтальной разметкой... «Для движения *спецтранспорта*» (пожарные и санитарные машины), однако полосы эти почтительно уступили черным «волжанкам» с МОСовскими номерами. Ведь «скорой помощи» и красным фургонам огнеборцев все водители обязаны и так уступать дорогу. Нигде в мире такие *спецполосы* не линуют бедные, словно афганские плоскогорья, дороги городов, поставленных по стойке смирно. Впрочем, если нежно культивируются *спецроддома* и *спецсауны*, то и без *спецшоссе* не обойтись любителям *спецжизни* (Московский комсомолец. 1990. 13 янв.).

3) Камуфлирование сути того, что обозначается наименованиями, включающими в свой состав слова *особый* и *специальный* (а также их сокращения *особ(о)...* и *спец...*): эти слова, как никакие другие, оказались удобными для целей подобного камуфлирования. Содержащие их наименования указывают лишь на таинственную обособленность, специфичность обозначаемых объектов, но не раскрывают их природы и предназначения.

В самом деле, кого обслуживает *спецотделение* в поликлинике? Чему учат в *спецшколах*? Кто учится в *спецПТУ* — одаренные или, напротив, умственно отсталые? (В действительности — ни то, ни другое, так как *спецПТУ* — это разновидность исправительно-трудовых учреждений). Чем занимаются студенты на занятиях по *спецподготовке*? Каковы функции *спецотдела*? О чем совещается *особое совещание*?²

Понимание и употребление подобных слов и оборотов требует достаточно обширных фоновых знаний; эти слова и обороты рассчитаны на «посвященных» и не предполагают буквальной их расшифровки.

Явление камуфлированности, зашифрованности содержания вообще свойственно некоторым функциональным разновидностям русского языка советского периода, прежде всего официально-деловому стилю в административно-бюрократической его ипостаси. Ср. другие аналогичные факты: *объект* — о

---

² Ср.: ОСО — это особое совещание при министре, наркоче ОГПУ, чьей подписью без суда были отправлены миллионы людей, чтобы найти свою смерть на Дальнем Севере. В каждое личное дело, картонную папочку, тоненькую, новенькую, было вложено два документа —выписка из постановления ОСО и *спецуказания* — о том, что заключенного имярек должно использовать только на тяжелых физических работах и имярек должен быть лишен возможности пользоваться почтово-телеграфной связью — без права переписки (В. Шаламов. Новая проза // Новый мир. 1989. № 12).

военном или вообще «закрытом», секретном учреждении, *изделие* — о продукции, выпускаемой на таком объекте; *организационный вопрос* (это когда снимают с работы какого-нибудь проштрафившегося крупного партийного или советского чиновника), *оргвыводы* (когда увольняют лицо рангом пониже); *товары повышенного спроса* (т. е. так называемый *дефицит*); *компетентные органы*; *контингент* — в различных употреблениях: *контингент лиц, обслуживаемых спецполиклиникой*; *спецконтингент* — как обозначение особой группы лиц, лишенных свободы, — ср. у А. И. Солженицына:

«Освобожденных», отправили их [заключенных, работавших на одной из атомных строек. — Л. К.] большую группу в сентябре 1950 года — на Колыму! Только там освободили от конвоя и объявили *особо опасным спецконтингентом* — за то опасным, что они помогли атомную бомбу сделать... Листайте конституцию! листайте кодексы! — что там написано про *спецконтингент*?? (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг, ч. 3, гл. 14).

4) Референтное распределение слов *особый* и *специальный* и их сокращенных форм по социальным сферам: названия со словами *специальный*, *спец...* прикреплялись (и прикрепляются) в основном к реалиям двух видов: (1) к тем, что связаны с лицами, лишенными свободы: *спецконвой*, *спецнаряд*, *спецпереселенец*, *спецкомендатура*, *спецконтингент* и т. п.; (2) к тем реалиям, которые связаны с обслуживанием социальной элиты, представителей высшей власти: *спецбольница*, *спецполиклиника*, *спецраспределитель*, *спецобслуживание*, *спецпропуск* и т. п.³

Названия, содержащие в своем составе прилагательное *особый* или его сокращение *особ(о)...*, относятся преимущественно к реалиям репрессивной сферы: *особая часть*, *часть особого назначения*, *особое совещание*, *особый отдел*, *особый режим*, *лагерь особого назначения*, *особлаг*, *особоуполномоченный* и др.

6. Большая часть наименований, подобных тем, что приведены в этой статье, возникла в контексте административных циркуляров, служебных рапортов, инструкций, протоколов допроса и прочих жанров канцелярско-делового стиля. «Освященные» словоупотреблением тех, кто имеет власть или причастен к власти, они распространились и в другие сферы языка. По их модели образуются новые наименования, успешно вуалирующие суть обозначаемых явлений: *специальное конструкторское бюро*, *особстрой*, *спецзаказ*, *спецредактор*, *спецталоны*, *спецуправление бытового обслуживания* (занимающее-

³ Иногда, правда, значения подобных образований диффузны в референтном отношении: так, *спецбольница* может обозначать и больницу для привилегированных лиц, и больницу, скажем, для алкоголиков; однако отмеченная тенденция к распределению таких образований по социальным сферам все же сохраняется.

ся организацией похорон) и т. п. Новые поколения носителей языка в большинстве своем не ощущают подобные образования как принадлежность специфичного, не общерусского словоупотребления, и это — один из горьких результатов многолетнего оказывания русской речи.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ: ПОПЫТКА РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА*

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Понятие речевого портрета группы носителей языка не ново в лингвистике. Подобие социально-речевых портретов можно найти в диалектологии, в особенности когда речь идет об описании не данного диалекта в целом (в этом случае границы социума более или менее размыты), а, например, говора группы деревень или одной деревни. Однако в диалектологических описаниях бывают хорошо представлены собственно языковые характеристики носителей говора и, как точно заметила Т. М. Николаева, «незатронутой остается модель коммуникативной селекции» [Николаева 1991: 69]. Между тем выбор языковых средств в зависимости от целей коммуникации — важнейший показатель групповых предпочтений и неприятий.

В середине и особенно во второй половине XX в. методы диалектологического описания активно переносятся с сельских диалектов на городскую речь; в связи с этим нельзя не вспомнить пионерские работы Б. А. Ларина [Ларин 1928, 1931], в известном смысле содержавшие программу изучения языка города. В США первые социолингвистические обследования, проводившиеся в городах, осуществлялись в тесном сотрудничестве с диалектологами (таковы, например, работы У. Лабова, Р. Мак-Дэвид, Дж. Гамперца, Л. Левина и К. Крокет, Р. Фэйсолда и др.). Опыт диалектологических исследований используется и в отечественной социолингвистике — при разработке анкет, методик устного опроса и т. п., хотя самими социолингвистами это не всегда признаётся в явном виде. Разумеется, при социолингвистическом изучении городского населения применяются и такие методы, которые не используются диалектологами в исследовании сельских диалектов, — например, метод включенного наблю-

---

* Впервые опубликовано в журнале «Русский язык в научном освещении», 2001, № 1.

дения (заимствованный из социологии), позволяющий изучать речь той или иной общности «изнутри». Диалектолог в большинстве случаев лишен этой возможности: как бы ни приспособлялся он, городской житель, к нормам поведения носителей диалекта, они воспринимают его как «чужака», как представителя иной культуры.

Саму по себе активизацию исследований городской речи едва ли, однако, можно считать шагом к созданию социально-речевых портретов: изучение языка города как определенной разновидности национального языка или даже речевых особенностей отдельного, конкретного города не дает представления о свойствах языка и речевого поведения достаточно четко очерченных групп городского населения, выделяемых, например, по общности профессии, уровню и характеру образования, по принадлежности к одному поколению, а также по совокупности подобных характеристик.

По всей видимости, непосредственным толчком к разработке понятия «социально-речевой портрет» явилась идея **фонетического портрета**, выдвинутая в середине 60-х гг. XX в. Михаилом Викторовичем Пановым и блестяще воплощенная им в ряде фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых XVIII — XX вв. [Панов 1990].

Хотя эти портреты индивидуальны: описывается манера произношения отдельного, данного человека, — их социальная и общекультурная ценность несомненна, поскольку каждый из портретов отражает особенности речи о определенной общественной среде (представителем которой является «портретируемый»). Выбирая «модель» для создания фонетического портрета, М. В. Панов обосновывает свой выбор именно социальными и социокультурными соображениями: принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, следование в речи определенной культурной традиции (театральной, поэтической, бытовой и т. п.), наличие локальных речевых особенностей — ср. противопоставление Москвы и Петербурга — и др. [Панов 1990: 14, 59, 159, 253, 418].

Идея фонетического и, шире, речевого портрета подхвачена другими исследователями: см., например [Язык и личность 1989; Винокур 1989; Ерофеева 1990; Земская 1990; Николаева 1991; Черняк 1994; Китайгородская, Розанова 1995] и др. Т. М. Николаева ставит вопрос о построении таких речевых, или, в ее терминологии, социолингвистических, портретов, в которых был бы компонент, характеризующий тактику речевого поведения: выбор одних элементов (из пар или ряда вариантов) и употребление их в речи в зависимости от условий общения и неупотребление, осознанное или подсознательное отвержение других. Исследовательница задается вопросом: «Используя социолингвистический портрет как метод описания речевых характеристик, нужно ли представлять эксплицитно все уровни и все факты языковой системы?» И отвечает

на этот вопрос отрицательно: ведь «многие языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. Напротив, важно фиксировать **яркие диагностирующие пятна**» [Николаева 1991: 73; выделено мной. — Л. К.].

Предлагаемый ниже фрагмент речевого портрета интеллигенции как одного из социальных слоев, которые составляют современное русское общество, содержит главным образом такого рода «диагностирующие пятна» — социально маркированные способы **выбора и употребления языковых средств и особенности речевого поведения**.

2. НЕОДНОРОДНОСТЬ ОБЪЕКТА

Что мы имеем в виду, когда употребляем словосочетания «современный русский интеллигент», «современная русская интеллигенция»? Едва ли найдутся хотя бы два человека, чьи интерпретации указанных словосочетаний совпадали бы полностью. Разногласия возможны (и, как показывают наши наблюдения, они реально существуют) и в понимании определения «современный» (конец XX в.? его вторая половина? весь этот век?)¹, и в понимании того, кто может быть назван «русским»: скорее всего, русский — это русский по культуре, по системе воспитания, а не только по месту рождения и уж, конечно, не только по крови, хотя последнее осмысление слова «русский» делается в современной публицистике все более актуальным, противопоставляясь термину «русскоязычный». Особенно же сложно, противоречиво и изменчиво как во времени, так и от одной социальной среды к другой понимание слов *интеллигент, интеллигенция*.

Даже если отвлечься от сугубо качественного осмысления этих понятий (ср.: «Интеллигент — это тот, чьи интересы и чья воля к духовной стороне жизни настойчивы и постоянны, не понуждаемы внешними обстоятельствами и [существуют] даже вопреки им. Интеллигент — это тот, чья мысль неподражательна» — А. Солженицын) и иметь в виду *социальные* характеристики интеллигента и интеллигенции, то остаются неясными многие вопросы, относящиеся к статусу этого общественного слоя.

Прежде всего, необходимо сделать существенную оговорку по поводу различий между понятиями «интеллигент» и «интеллигенция». Несмотря на общность основы, эти слова различны по смыслу. Интеллигенция — это слой лю-

---

¹ В качестве **современной** в данной статье рассматривается интеллигенция конца XX — начала XXI века.

дей, обладающих определенным уровнем образования и культуры и занятых умственным трудом. А интеллигент — это не просто, так сказать, один «квант» интеллигенции и даже не обязательно представитель этого социального слоя, а человек, обладающий большой внутренней культурой (высшее образование при этом может и отсутствовать); поэтому интеллигента можно встретить и в университетской аудитории, и в заводском цеху, и за штурвалом комбайна. В дальнейшем мы будем говорить в основном об интеллигенции как определенном социальном слое в структуре современного русского общества.

Но даже и с этим понятием, которое неоднократно становилось объектом анализа в работах социологов (см., например, [Русская интеллигенция 1999]), не все ясно. Например, несомненно, что характер образования — гуманитарное оно или техническое — накладывает отпечаток на человеческую личность, на систему его ценностей. В связи с этим возникает вопрос: гуманитарная и техническая интеллигенция — это один культурный и социальный слой или два разных? Интеллигенция старшего, среднего и молодого поколений — «одна и та же», или же речь может идти о каких-либо качественных различиях между этими поколениями, в том числе и такими, которые существенны с социолингвистической точки зрения (выбор разных языковых средств, различия в тактиках речевого поведения и т. п.)? Интеллигенция Москвы, Петербурга, Тулы, Костромы, Иркутска — это один социальный слой, или же надо говорить о локальных различиях, имеющих под собой не только чисто территориальные, но и некие качественные основания?

Ограничимся только этими вопросами, хотя очевидно, что ими не исчерпываются неясности по поводу «социального лица» интеллигенции.

Само собой разумеется, что прежде чем браться за создание речевого портрета представителя интеллигенции, нужно решить, каков же наш объект: чей портрет мы собираемся «рисовать»?

В связи со сказанным выше представляется разумным следовать принципу множественности, неоднородности описываемого объекта — интеллигенции и неединственности типичного представителя этого социального слоя. Вслед за работами [РЯиСО, РЯДМО, СЛИ-1976] мы различаем а) гуманитарную и техническую интеллигенцию; б) старшее, среднее и молодое ее поколения (соответственно, это люди, имеющие возраст: (1) от 60 лет и старше; (2) от 36 до 59 лет; (3) до 35 лет; в) территориально маркированные слои интеллигенции, располагающиеся по оси основного противопоставления: интеллигенция главных культурных центров (Москвы и Петербурга, с фиксацией языковых различий между москвичами и петербуржцами) vs. интеллигенция средних и малых городов России (с фиксацией речевых различий, обусловленных разным диалектным окружением; ср. введенное А. С. Гердом [1998] понятие *региолекта* —

смешанного типа речи, характерного для образованных жителей малых и средних городов, находящихся в диалектном окружении).

Не исключено, однако, что некоторые характерные черты языка и речевого поведения свойственны интеллигенции как социальному слою в целом в его противопоставлении иным социальным слоям. Естественно, что и такие черты — в качестве штрихов к речевому портрету типичного представителя современной русской интеллигенции — будут отмечены.

Ниже мы рассмотрим два класса лингвистических и социокультурных характеристик, специфичных для слоя интеллигенции (либо в целом, либо для той или иной из отмеченных выше групп, составляющих этот слой): 1) особенности в **наборе** языковых единиц (главным образом, фонетических и лексико-семантических) и 2) особенности в **речевом поведении** представителей интеллигенции.

3. ОСОБЕННОСТИ НАБОРА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Фиксация специфических фонетических и лексических единиц обычна для диалектологических исследований. Например, такие фонемы, как ⟨ô⟩ закрытое или мягкое ⟨ц'⟩, слова *кочет*, *чапельник*, *баской* и т. п. характерны для некоторых диалектов и тем самым отличают их от других диалектов и от литературного языка. Фиксация подобных различий **внутри** литературного языка менее обычна: ведь само понятие литературного языка предполагает единую, целенаправленно формируемую норму, а стало быть — единый набор выразительных средств.

И все же можно обнаружить некоторое своеобразие в фонетике и словоупотреблении, свойственное тем или иным группам носителей литературного языка и прежде всего — группам интеллигенции.

3.1. Фонетика

Консонантизм.

1. Для некоторых групп *гуманитарной* интеллигенции характерно так называемое [ж'] полумягкое, произносимое в иноязычных словах типа *жюри*. Такое произношение весьма избирательно и лексически обусловлено; кроме того, оно зависит и от ситуации: например, ведущий телепередачи «КВН» А. Масляков перед микрофоном произносит слово *жюри* с полумягким начальным согласным, а в менее официальной ситуации — с твердым. Но сама по себе эта (хотя и редкая) произносительная черта встречается только в речи интеллигенции.

2. Другой чертой, характеризующей те же группы интеллигенции, является [l] среднее, или европейское, по артикуляции промежуточное между [л] и [л']. Произношение этого звука свойственно некоторым представителям гуманитарной интеллигенции старшего поколения — в словах иноязычного происхождения и в иностранных собственных именах: *блеф*, *ля* (название музыкальной ноты), *лямбда* (название греческой буквы, используемой в качестве математической переменной), *Флобер* и нек. др. Е. Д. Поливанов писал, что «интересен не перечень слов, произносимых (всеми или не всеми интеллигентами) со средним *l*, а само наличие этой фонемы... как один из фонетических признаков данного социально-группового диалекта» [Поливанов 1968: 233].

Очевидно, что и [ж'], и [l] принадлежат к фонетическим архаизмам, раритетам: они характеризуют произносительную практику лишь небольшого числа представителей старшего поколения интеллигенции². Но в качестве «портретных» черт они должны быть отмечены, так как отличают слой интеллигенции от всех других социальных слоев.

3. В сравнении с этим звук [γ] фрикативный является для литературного произношения фонетической инновацией. В последние десятилетия наблюдается необычайная экспансия типа произношения с [γ] фрикативным — как территориальная (с европейского юга России в среднерусские и северные города), так и социальная (от носителей диалекта к носителям просторечия и носителям литературного языка). Споры орфоэпических ригористов и либералов ничего не меняют в динамике этого процесса, и [γ] звучит сейчас и из радиоприемника, и с телеэкрана, и с парламентской трибуны, и в различных типах чисто городских коммуникативных ситуаций. Он запрещен нормой, но живет реально — в речи носителей литературного языка.

По нашим наблюдениям, фрикативный заднеязычный звук распределен в интеллигентской среде, но не жестко, а по принципу «больше/меньше»: в речи интеллигенции южнорусских городов этот звук и его глухой коррелят [x] регулярны и, по-видимому, не варьируют с взрывными [г] и [к] (в зависимости от

---

² М. Я. Гловинская пишет, что, по данным проведенного в 60-е гг. XX в. социолингвистического обследования, [l] полностью исчезло из речи интеллигенции [Гловинская 1971: 69]. На мой взгляд, этот вывод излишне категоричен: во-первых, он сделан на основании результатов анкетирования, то есть прямого обращения к носителям языка по поводу свойств их произношения, что неизбежно приводит к некоторым отклонениям от реальной картины современного произносительного узуса; во-вторых, другие исследователи отмечают этот звук в речи реальных говорящих (ср. заметку Р. Ф. Пауфошима о произносительной манере А. А. Реформатского — [Пауфошима 1989]); в-третьих, нормативные рекомендации, содержащиеся в современных словарях, предусматривают произношение [l] в словах типа *легато*, *леди*, *ленто*, *сленг* (см. Орфоэпический словарь современного русского языка. 5-е изд. М., 1989).

параметров речевой ситуации). Фрикативный присутствует также в речи технической интеллигенции, происходящей с юга России, но длительное время живущей в Москве или Петербурге. Здесь он может варьировать со взрывным: при самоконтроле, в «ответственных» коммуникативных ситуациях вместо [γ] может появляться [г]. Фрикативный [γ] проникает и в среду гуманитарной интеллигенции, и решающим фактором в его конкуренции с [г] взрывным является место рождения и место наиболее длительного жительства данного говорящего: как правило, «южное» происхождение дает себя знать, и в ситуациях с ослабленным или снятым социальным контролем (эмоциональная речь, импульсивные реплики и т. п.) в речи такого лица может появляться [γ] фрикативный.

Разумеется, [γ] может использоваться представителями интеллигенции и намеренно, при экспрессивном выделении какого-либо слова (*Ишь ты, [γ]ушь какой выискался!*), однако это — часть более общего вопроса об употреблении инносистемных элементов для целей большей выразительности речи; см. об этом [Реформатский 1966].

4. В речи разных групп интеллигенции неодинаково качество звука, произносимого на месте буквы *щ* и звукосочетания *сч*: преобладающим является произношение долгого мягкого *ш*: [ш̄']*áстье*, [ш̄']*éдрый*, но в среде «южан» (по происхождению) обычным является произношение [ш̄'ч']: [ш̄'ч']*áстье*, [ш̄'ч']*éдрый* и даже [шч'] — с твердым [ш], — что отражает влияние украинского языка. Так говорили К. Чуковский, Л. О. Утёсов и другие представители старшего поколения интеллигенции — «южане» или одесситы по месту рождения, однако в речи более молодых носителей литературного языка, в том числе и уроженцев юга России, более обычно нормативное [ш̄'], а [ш̄'ч'] может появляться в определенных коммуникативных ситуациях, требующих экспрессивного выделения: ср. речь артиста Романа Карцева, который в выступлениях с эстрады педалирует [ш'ч'], а в обыденных ситуациях произносит [ш̄'].

Вокализм.

1. Наличие особого звука [ы[?]] в первом предударном слоге после твердых шипящих: *ж[ы[?]]рá*, *ш[ы[?]]гú* — типичная черта старомосковской произносительной нормы. Говорит ли так кто-нибудь из представителей интеллигенции сейчас, в наши дни? Исследования показывают: несмотря на почти полное возобладание новой нормы, «подравнивающей» произношение гласных непреднего ряда в указанной позиции под произношение их после всех остальных твердых согласных ([жл]рá, [шл]гú — так же, как [сл]рáй, [гл]рá и т. п.), — некоторые группы интеллигенции сохраняют в своем произношении старомосковскую норму. Это — потомственные москвичи старшего поколения. Звук [ы[?]] в словах типа *жара*, *шаги* — характерная черта их речи (подробную социолин-

гвистическую картину распределения этой черты в разных группах говорящих см. в [РЯиСО, кн. 3, гл.3]). Надо, однако, иметь в виду лексическую обусловленность рассматриваемого фонетического явления: в словоформах *жара, ужаснется, жожака, шаги, шалаш, шаблон, шатен* звук [ыʲ] встречается крайне редко (он характерен для речи лишь небольшой части потомственных москвичей), а в словоформах *жакет, ржаной, жалеть, лошадей* — достаточно частотен (см. [РЯДМО: 106]).

2. В 1971 г. Л. Л. Касаткин на диалектном материале отметил редукцию неударного [у] в словах типа *дедушка, бабушка, бутерброд*, т. е. произношение *де[дъ]шка, ба[бъ]шка, [бъ]тербрóд*. Это явление характерно также для просторечия; встречается оно и у носителей литературного языка [Касаткин 1971]. Однако в интеллигентской речи оно характерно главным образом для представителей *технической* интеллигенции молодого и среднего поколений (главным образом в так называемой аллегривной речи). У «гуманитариев» редукция неударного [г] случается реже. О том, имеются ли локальные особенности реализации этого звука в указанной позиции, — т. е. различаются ли этим, например, с одной стороны, представители московской интеллигенции, а с другой, — представители интеллигенции красноярской или калужской, — надежных данных нет.

3. Характерной чертой произношения некоторой части современной интеллигенции является сохранение [о] в неударной позиции в заимствованных словах: [во]ка́л, [со]не́т, [бо]ле́рб и т. п. Как распределена эта особенность по различным группам интеллигенции? Здесь оказываются важными не только те три параметра, которые мы выделили выше (гуманитарная или техническая интеллигенция, возраст ее представителей, место их рождения или длительного жительства), но и более конкретные, в частности профессиональные, характеристики говорящего. Например, в речи радио- и теледикторов старшего поколения сохранение [о] неударного в иноязычных словах — явление вполне обычное. Правда, значим и ситуативный фактор: в речи перед микрофоном сохранение [о] более вероятно, чем в иных, не столь официальных коммуникативных условиях. Однако в других группах интеллигенции — например, в среде «технарей» — [о] сохраняется реже, и замена его вариантами [ʌ] или [ъ] не зависит от характера коммуникативной ситуации.

3.2. Лексика, словоупотребление

Как известно, лексические факты менее частотны в речевой цепи, чем фонетические. Встречаемость слова в речи намного ниже, чем встречаемость звука. Поэтому наблюдения над лексическими особенностями речи той или иной социальной группы почти всегда содержат элементы случайности. Не являют-

ся исключением и те факты, которые будут приведены здесь: они также оставляют впечатление случайности, неупорядоченности. Но их вполне можно рассматривать в качестве *штрихов* к речевому портрету представителя интеллигенции. Вот эти штрихи.

Слова *волнительный*, *волнительно*, несомненно, интеллигентские. И даже не вообще интеллигентские, а свойственные словоупотреблению части этого социального слоя — актерам, театральным критикам, искусствоведам, филологам, отчасти врачам («Избегайте *волнительных* ситуаций», — советовал мне как-то участковый терапевт) и, возможно, некоторым другим группам преимущественно гуманитарной интеллигенции. Ср. у К. Федина в диалоге актера Цветухина и писателя Пастухова:

— У меня такое чувство, что мы идем садом, охваченным бурей, все гнется, ветер свистит, и так шумно на душе, так *волнительно*, что...

— Ах, черт! Вот оно! — ожесточился Пастухов. — Выскочило! *Волнительно!* Я ненавижу это слово! Актерское слово! Выдуманное, несуществующее. Противное языку... какая-то праздная рожа, а не человеческое слово...

Более свежий пример — употребление и восприятие носителями современного русского языка словечка *отнюдь*. Слово это книжное (помета «разг.», которой сопровождается это слово в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, скорее указывает на сферу его употребления — устно-разговорную разновидность речи, — чем на стилистическую окраску). Использование этого слова в указанной разновидности речи придает высказыванию оттенок книжности, и это чаще происходит именно с интеллигентской речью. При этом книжность с наибольшей яркостью проявляется в изолированном (абсолютивном или отделенном паузой от остальной части высказывания) употреблении этого слова в качестве ответа-возражения на слова собеседника:

— Вы согласны с этим? — *Отнюдь*;

— Он собирался выступить? — *Отнюдь*: он и на собрание-то не пошел.

Подобная форма ответов достаточно распространена в интеллигентской речи. Она характерна, например, для Е. Гайдара, и Михаил Жванецкий в одном из своих выступлений тонко уловил в этом словоупотреблении Гайдара такую примету интеллигентской манеры выражаться, которая может раздражать гайдаровских оппонентов левого толка и даже вызывать у них неприязнь.

Можно указать и другие примеры слов, употребление которых свойственно исключительно или преимущественно интеллигентской речи. Особенно характерен выбор разного рода оценочных и модальных слов и словосочетаний типа *жаль* (но не *жалко*: *Жаль, что вы не поехали с нами*), несомненно и оборот *вне*

всяких сомнений, *весьма* (ср. синоним этого наречия *очень*, социально не маркированный), *непреренно* и нек. др.

Не менее показательны факты **неупотребления**, сознательного или неосознанного отвержения каких-либо лексических средств, причем это касается не только слов, принадлежащих некодифицированным подсистемам языка, — просторечных, жаргонных или диалектных (во многих ситуациях они как раз могут включаться в речь с различными коммуникативными и стилистическими целями — см. об этом ниже), а слов вполне литературных. Это относится, например, к лексическим инновациям, которые могут достаточно широко употребляться в языке средств массовой информации или в устно-разговорной речи других социальных слоев и групп. Настороженность интеллигента по отношению к языковым новшествам объясняется определенным консерватизмом культурной речевой традиции. Ср. замечание Т. М. Николаевой о том, что «ментальная открытость» интеллигенции «обычно сочетается с речевой консервативностью и отрицательным отношением к языковым новшествам» [Николаева 1991: 72].

Такое отрицательное отношение наблюдается в среде интеллигенции, например, к идущим из чиновничьего речевого обихода, но широко распространившимся словам типа *подвижка* (*Произошла подвижка по Черному морю и Севастополю*), *конкретика* (*Наполним наши планы конкретикой повседневных дел*), *обговорить* (*Этот вопрос надо еще раз обговорить на президиуме*) и т. п. Как свидетельствуют данные наблюдений, интеллигентской речи подобное употребление «противопоказано»: оно отпугивает своей казенностью.

Во многих случаях, однако, имеет место не безусловное неприятие каких-либо лексических и фразеологических элементов, а, скорее, их распределение внутри слоя интеллигенции. Так, техническая интеллигенция оказывается более восприимчивой к новшествам, чем гуманитарная; выражения типа *Надо с этим определиться*; *Они переехали на новую квартиру и сейчас обустриваются*; *Придется задействовать все резервы* и т. п. довольно обычны в среде технической интеллигенции, особенно в речи молодого и среднего поколений (для большинства же «гуманитариев» это — неприемлемый «канцелярит»).

Есть слова и обороты, не отягощенные административно-чиновничьим происхождением и соответствующей окраской, однако в известном смысле все же «отмеченные» и потому употребляющиеся лишь в некоторых группах интеллигенции. Так, словоформа *пригласите*, используемая в общепринятых клише телефонного разговора: — *Пригласите, пожалуйста, Таню*, — осознаётся как провинциализм, и представитель интеллигенции — житель Москвы или Петербурга — едва ли употребит эту словоформу в данном контексте.

Исследователи отмечают, что устная речь современного русского интеллигента в достаточно сильной степени жаргонизирована (см., например: [Земс-

кая 1987: 29—30; Крысин 1989, гл. IV; Ермакова, Земская, Розина 1999 и др.]. Особенно характерно это для речи мужчин. Слова и обороты жаргонного происхождения — типа *беспредел*, *глухо* (*С этим делом у них глухо*), *в напряге* (*Мы все были в таком напряге!*), *врубиться* (*Никак не врублюсь: о чем речь-то?*), *вешать лапшу на уши*, *катить бочку* (на кого-либо), т. е. безосновательно обвинять кого-либо в чем-либо, и многие другие звучат и из уст интеллигента. Но вопрос: какого и в каких ситуациях?

По нашим наблюдениям, такое словоупотребление больше свойственно речи представителей технической интеллигенции молодого и среднего возраста в ситуациях фамиллярного или эмоционального речевого общения: в разговорах с друзьями, с сослуживцами в неофициальной обстановке, в речевых актах инвективы, предъявления претензий, обиды и т. п. В речи гуманитариев старшего поколения такая лексика почти не встречается (впрочем, Е. А. Земская отметила *тусовку* в телевизионном выступлении А. И. Солженицына [Земская 1997], однако нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что оно было произнесено в отрицательном контексте: Солженицын сказал, что он не участвует во всяких писательских и иных *тусовках*). Гуманитарии молодого и среднего поколений если и прибегают к подобного рода выразительным средствам, то в более узком круге ситуаций и с большим осознанием «иносистемности» таких элементов. Это выражается в интонационном выделении их, в «цитатном» характере их употребления, чему служат оговорки типа «как сейчас говорят», «говоря современным языком», «как принято выражаться у новых русских» и т. п.

4. ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

4.1. Формулы общения

Одна из характерных особенностей речевого поведения интеллигентных носителей языка (не только русского) — умение **переключаться** в процессе коммуникации с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий общения. Эта диглосность (точнее, полиглосность, поскольку переключаться приходится не на одну, а на множество разновидностей) отличает интеллигенцию, например, от носителей просторечия, которые моноглосны и не умеют варьировать свою речь в зависимости от ситуации.

Полиглосность обеспечивается механизмом **кодовых переключений**, который вырабатывается у человека в процессе его социализации в культурной речевой среде. Усвоение системы социальных ролей, свойственных данному обществу, идет в тесном взаимодействии с усвоением норм речевого поведения, обеспечивающих оптимальное исполнение той или иной роли. А варьиро-

вание этих норм в значительной мере возможно лишь потому, что язык представляет говорящему различные способы выражения одних и тех же коммуникативных интенций, одних и тех же смыслов. Различные способы языкового выражения оказываются как бы привязанными к различным условиям общения, к разным коммуникативным ситуациям, к исполнению тех или иных социальных ролей (см. об этом [Крысин 1976а]).

В ряде случаев распределение языковых средств по сферам и ситуациям общения бывает достаточно жестким и социально маркированным. Например, принятые в культурной среде нормы общения по телефону обязывают того, кому звонят, первым произносить междометие *алло* в микрофон снятой трубки³, и запрещают тому, кто звонит, начинать общение по телефону с вопроса: — *Кто это?* (черта, свойственная носителям просторечия).

Другие контактоустанавливающие реплики телефонного разговора также весьма жестко регламентированы. Рекомендуется, например, сначала представиться самому, а затем поинтересоваться собеседником (предпочтительно в форме: — *Простите, с кем я говорю?*); просьба о том, чтобы к телефону подошел именно тот, кому вы звоните, выражается относительно небольшим набором вариантов (— *Можно попросить Иванова* (Николая Ивановича, Колю...)? — *Не могли бы вы попросить* (не: *пригласить!* — см. выше)...; — *Можно попросить...*; — *Попросите, пожалуйста...* и нек. др., но не: — *Иванова, пожалуйста!* — *Мне нужен Иванов!* — *Иванова!* и тому подобные формулы, в интеллигентской среде оцениваемые как грубые и потому недопустимые в разговорах по телефону (подробнее см. об этом: [PPP-тексты 1978: 298—299; Формановская 1982; Крысин 1994: 72]).

Контактное речевое общение малознакомых и незнакомых представителей интеллигентской среды также регулируется определенными, хотя и «неписаными» правилами, действие которых особенно явно обнаруживается на начальных стадиях речевого акта.

В культурной среде всякого общества вырабатываются определенные формулы, которые обслуживают общение людей в часто повторяющихся, стереотипных ситуациях: в магазине, в автобусе, у железнодорожной кассы, на приеме у врача, при общении со случайным прохожим и т. п. Как показывают исследования современной русской разговорной речи, наборы этих формул сравнительно немногочисленны и устойчивы. «Стереотипы представляют собой готовые формулы не только с точки зрения их морфологической структуры, но и с точки зрения их лексической наполненности» [PPP-тексты 1978: 269—270].

---

³ Э.Щеглов называет это правило «правилом распределения начальных реплик» телефонного разговора и формулирует его так: «отвечающий (на звонок) говорит первым» [Schegloff 1972].

Например, обращение к продавцу, к прохожему и вообще к лицу, имени которого мы не знаем, начинается со слов: — *Скажите, пожалуйста...*; — *Простите...*; — *Не могли бы вы сказать...* и нек. др. В этих формулах, естественно, присутствует некая «безликость», невыраженность свойств адресата, да и сам он крайне редко фигурирует под именами *гражданин, товарищ, господин*. Чаще других употребляется апеллатив *девушка*, но он ограничен полом и возрастом адресата, а также социальными характеристиками адресанта (например, ребенок не может обратиться к женщине-продавцу, используя этот апеллатив). Обращения *мужчина, женщина, дама* — элементы просторечного, не принятого в интеллигентской среде общения. Апеллативы типа *Водитель! Кондуктор! Доктор!* жестко закреплены за ситуациями, в которых адресат исполняет свою служебную или профессиональную роль, другие же именованья адресата по его служебной или профессиональной роли невозможны, во всяком случае среди интеллигенции: нельзя начать свое обращение с апеллативов: **Продавец! *Врач! *Кассир! *Учитель!* и т. п.

Многие из апеллативов либо не принимаются интеллигентской средой (как в только что рассмотренном случае), либо внутри нее ограничены определенными группами говорящих. Например, обращение *коллега* принято — да и то в более или менее официальной обстановке — в среде медиков, ученых; *ваше преосвященство, ваше святейшество, владыка* — при обращении к иерарху церкви; апеллатив *профессор*, хотя и возможен при обращении студента к преподавателю, достаточно редок, поскольку предполагается, что студент должен знать имя и отчество своего преподавателя (однако иностранные студенты часто используют именно этот, удобный для них апеллатив, избавляющий от необходимости запоминать непривычные для иностранца русские сочетания имен и отчеств).

Многочисленные просторечные и жаргонные формы личного обращения, использующие в качестве апеллативов термины родства, наименования некоторых социальных ролей или слова, именующие человека по его принадлежности к лицам мужского или женского пола: *папаша, мамаша, дед, дедуля, бабуля, отец, мать, дочка, сынок, брат, браток, братан, сестренка, друг, кореш, земляк, шеф, начальник, хозяин, хозяйка, командир, мужик, парни, девки* и др., — как правило, не используются говорящими из культурной языковой среды, хотя к употреблению их в речи собеседника представители интеллигенции относятся более или менее терпимо (за исключением форм, несущих на себе печать низкой культуры или чуждой социальной среды, — типа *мужчина, женщина; братан, кореш; мужик, шеф, командир*)⁴.

⁴ Ср.: «...мы не знаем, как обращаться к людям незнакомым! «Улица корчилась безъязыкая» и, помучившись, выход наша. «Женщина! У вас чулок порвался! Мужчи-

4.2. Прецедентные феномены

Современный человек в процессе речевого общения часто использует разного рода «готовые», не создаваемые в данном акте коммуникации выразительные средства, начиная от фразеологизмов и кончая разного рода художественными текстами, при условии, что эти тексты известны и адресату. В работах Ю. Н. Караулова и его последователей (см., например [Караулов 1987; Прохоров 1996; Гудков 1999]) достаточно ясно показано, что в цивилизованном обществе велика роль разного рода прецедентных текстов, высказываний и имен, которые составляют определенный культурный фон данного социума. Совокупности таких прецедентных феноменов национально специфичны, хотя отдельные их составляющие могут быть интернациональны (например, цитаты из Библии, из произведений Шекспира, высказывания типа *И ты, Брут...*, такие имена, как *Магомед, Иуда, Гамлет*). В работе [Гудков 1999] убедительно показано, что прецедентные феномены имеют не только национальную (этническую), но и социальную обусловленность: в разной социальной среде могут существовать свои прецедентные феномены, отличные от тех, что характерны для иных социальных слоев и групп.

Развивая эту идею, надо сказать, что разные социальные группы и соответствующие им культуры могут различаться типом прецедентных феноменов. Так, есть основания полагать, что, поскольку в элитарной части общества значительный слой культуры составляют разного рода тексты (мифологические, художественные, публицистические и т. п.), то в речевой коммуникации представителей интеллигенции велика роль прецедентных *текстов, высказываний и имен* литературных персонажей. В среде же «простой», с иными, чем у интеллигенции, культурными традициями преобладают прецедентные *ситуации*: в ходе речевой коммуникации представители такой среды — семейного клана, производственной бригады и т. п. — чаще используют имена или более развернутые наименования ситуаций, которые имели место в прошлой жизни такой социальной группы.

Имена литературных героев или исторических лиц фигурируют в интеллигентской речи в качестве символов определенных человеческих свойств — скупости (*Плюшкин, Гобсек*), ума и разносторонних знаний (*Ломоносов*), смелости и самопожертвования (*Иван Сусанин*), самодурства (*Салтычиха*), беспочвенной мечтательности (*Манилов*) и т. п. При этом, поскольку такие имена служат своего рода эталонами указанных свойств, они часто употребляются в сочетании с квалификаторами типа *настоящий, вылитый, классический*, с мо-

---

на! Сдачу забыли!» Все чаще слышишь эти окрики, и, по-моему, они ужасны, но чем заменить их, чем?» (*Н. Ильина. Уроки географии*).

дальными наречиями и частицами *просто, прямо, прямо-таки* и нек. др.: *Он настоящий Плюшкин: у него зимой снега не допросишься; Ты всё мечтаешь, а ничего не делаешь, — просто Манилов какой-то; Свекровь у нее — прямо Салтычиха* и т. п.

Цитаты из литературных произведений также весьма характерны для речевого общения интеллигентных носителей языка. Формы и способы цитации зависят от степени социальной и психологической близости собеседников, от характера коммуникативной ситуации и ряда других факторов. Основным условием для реализации возможности процитировать какое-либо произведение (или намекнуть на то или иное место в его тексте) является общность некоего культурного фона и, более конкретно, знание и говорящим, и слушающим данного произведения и оценка его как такого, которое часто служит источником расхожих цитат. Это позволяет говорящему вводить в свою речь элементы, которые, как он уверен, должны быть известны и правильно интерпретированы адресатом. Ср. цитаты типа *быть или не быть* (и многообразные обыгрывания этой формулы: *бить или не бить, пить или не пить, шить или не шить* и т. п.); *Служить бы рад — прислуживаться тошно; А воз и ныне там; Позвольте вам выйти вон; Сижу, никого не трогаю, починяю примус; великий комбинатор* и т. п.

4.3. Языковая игра

Для интеллигентской среды, в особенности для «гуманитариев», характерны такие явления, как рефлексия над словом, намеренное его искажение, обыгрывание его звукового состава, внутренней формы, связей с другими словами, словесные каламбуры и т. п. — иначе говоря, **языковая игра** во всех ее обликах. Разумеется, разным людям это присуще в различной степени. Не исключено и полное отсутствие у того или иного человека чувства юмора, языкового вкуса, неумение вслушиваться в звучание слова и вдумываться в его настоящий или мнимый смысл. Но более или менее очевидно, что в массе своей именно образованные и культурные носители языка в наибольшей степени склонны к языковой игре. Недаром В. З. Санников, автор замечательного исследования «Русский язык в зеркале языковой игры», рассматривает языковую игру применительно только к литературному языку и подчеркивает, что она «основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» [Санников 1999: 13, 15], что «это всегда неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим» [Санников 1995: 67]. Почти весь богатейший иллюстративный материал, приведенный в книге В. З. Санникова: литературные цитаты, анекдоты, расхожие каламбуры и присловья, остроты и т. п., — рассчитан на твор-

ческое восприятие языка, на умение всматриваться и вслушиваться в слово, вдумываться в его смысл. А это как раз и характерно для речевого поведения типичного интеллигента.

Исследователи русской разговорной речи квалифицируют языковую игру, разнообразные способы обыгрывания ф о р м ы высказывания как одну из характерных черт непринужденного общения в интеллигентской среде и приводят многочисленные и разнообразные примеры такой игры, основанные на искажении фонетического облика слова, его морфо-словообразовательной структуры, на сознательном нарушении правил сочетаемости слов друг с другом, на совмещении в одном высказывании стилистически несовместимых слов и т. п. [Земская, Китайгородская, Розанова 1983: 172—214]: *тюлипанчики, кинижечки, ужасно, конкретно, румочки, мармалад; лясочек, мядаль, лямон; лизарюция, лисипед, брульянт; документ, процент; пуцай, сидю, хочете; У нее двое детей, а у меня один деть; — Вот наши апартаменты* (вводя собеседника в более чем скромное жилище); — *Завтра у них какое-то муроприятие; — Старухи на завалинке симпозиум устроили* и т. п.

Одним из наиболее распространенных видов языковой игры являются шутки, основанные на искажении или распространении известных фразеологизмов и литературных цитат: *работать не прикладая рук* (вместо: *не покладая*), *знать каленой метлой* (из: *каленным железом и новая метла*); *В этом деле он съел не одну собаку; Что-то я не в шутку занемог; Ну, что — бум меняться дежурствами?* (*бум меняться* — из эстрадной миниатюры в исполнении Аркадия Райкина); *А у нас с собой было* (с этими словами говорящий достает из портфеля чистую бумагу, сама же эта фраза — из рассказа М. Жванецкого и подразумевает наличие у собеседников спиртного); — *У них то и дело воду отключают. — Зато сухо* (вторая реплика — из известной телевизионной рекламы детских памперсов) и т. п.

Мы не ставим себе целью исчерпывающим образом описать виды языковой игры, распространенные в среде интеллигенции. Задача в другом: показать, что игра со словом и в слово — характерная черта речевого поведения представителей интеллигенции, отличающая их от носителей языка из иных социальных слоев и тем самым имеющая значение в качестве одного из штрихов в социально-речевом портрете интеллигента.

Раздел IV

ПЕРСОНАЛИИ

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ УШАКОВ *

Старшему поколению наших читателей Дмитрий Николаевич Ушаков больше всего известен как один из авторов и редакторов знаменитого «ушаковско-го» словаря — «Толкового словаря русского языка» в 4-х томах (1935—1940) и «Орфографического словаря русского языка» (более 30 изданий, с 7-го — в соавторстве с С. Е. Крючковым). Фамилия *Ушаков* в обиходной речи культурных людей и сейчас еще употребляется для краткого обозначения этого словаря: «Надо посмотреть, как у Ушакова», «А что по этому поводу сказано в Ушакове?» и т. п. Был даже в ходу такой анекдот:

«Как-то Дмитрий Николаевич шел по Сивцеву Вражку (это улица в Москве в районе Арбата). Его увидели два школьника. Один из них сказал другому:

— Смотри, Ушаков идет!

А тот ответил:

— Ты что! Ушаков — это словарь, как же он идти-то может?»

Словарь Ушакова долгое время служил и сейчас продолжает служить прекрасным справочником и по части значения слов и их употребления и произношения, и по части грамматики, и по многим другим вопросам повседневной речевой практики. Хотя кое в чем он, естественно, устарел: за те десятилетия, которые минули со времени выхода из печати последнего, четвертого тома словаря, в русском языке многое изменилось.

В научной и научно-популярной литературе не раз писалось и о самом «ушаковском» словаре, и о его составителях. Когда заходит речь о том, как создавался словарь и что этому предшествовало, обычно указывают на письмо Ленина Луначарскому, в котором Ленин хвалит словарь В. И. Даля, но отмечает, что он «областнический и устарел», и ставит перед наркомом просвещения задачу — «создать словарь настоящего русского языка... от Пушкина до Горького». «Что, если, — пишет В. И. Ленин, — посадить за сие 30 ученых, дав им красноар-

---

* Впервые опубликовано в кн.: Отечественные лексикографы XX в. Материалы для хрестоматии / Под ред. Г. А. Богатовой. М., 1999.

мейский паек?» Часто представляют историю ушаковского словаря так: вождь указал, и филологи, восхищенные его прозорливостью, туг же бросились выполнять предначертания вождя, отработывая «красноармейский паек». В действительности дело обстояло несколько иначе.

Ко времени, когда началась работа над словарем, русская лексикография уже имела ряд замечательных для своего времени изданий. Кроме знаменитого труда Владимира Ивановича Даля — «Толкового словаря живого великорусского языка», — это: «Словарь Академии Российской», созданный в конце XVIII века; «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (1806—1822); «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту» Н. Яновского (1803—1806); «Общий церковно-славяно-российский словарь» П. И. Соколова (1834); «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Академии наук» (1847); «Словарь русского языка» под редакцией Я. К. Грота (буквы А—Д, 1895), продолженный А. А. Шахматовым, В. И. Чернышевым, Л. В. Щербой, но, к сожалению, так и не законченный. Помимо этого, в конце XIX — начале XX в. был еще ряд толковых словарей (А. И. Орлова, А. Н. Чудинова, П. Е. Стояна и др.). Иными словами, русская лексикография к двадцатым годам нашего столетия имела достаточно богатую традицию в области создания толковых словарей.

Но, разумеется, все перечисленные словари плохо удовлетворяли новым условиям, в которых оказался русский язык после революции. Ломка старой социальной системы, переустройство общества, многочисленные нововведения получали отражение в лексике: появлялись новые слова, развивались новые значения, многие слова выходили из оборота, старели. Кроме того, в 20-е годы идут интенсивные процессы демократизации литературного языка: к нему приобщаются массы крестьян и рабочих, не владеющих (или не вполне владеющих) литературной нормой. Они привносят в язык собственные — диалектные и просторечные — навыки, и тем самым традиционная норма расшатывается, видоизменяется. Многие языковеды того времени ясно сознавали, что нужен новый толковый словарь, который отразил бы все эти новшества и в то же время упорядочил бы их в соответствии с требованиями литературной нормы. И в 1928 году под руководством Д. Н. Ушакова началась работа над таким словарем.

К этому времени Д. Н. Ушаков был уже известным ученым. Окончив в 1895 году Московский университет, где он был учеником Ф. Ф. Фортунатова, двадцатидвухлетний Д. Н. Ушаков начинает преподавать в московских учебных заведениях; с 1907 года и до конца жизни (1942 г.) он — профессор Московского университета. В течение почти трех десятилетий Ушаков работал в Московской диалектологической комиссии (с 1915 по 1931 гг. — её председателем), был инициатором и редактором «Опыта диалектологической карты

русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (1915) — работы, явившейся предтечей составленного в более позднее время под руководством Р. И. Аванесова «Атласа русских народных говоров». Ученый пишет и публикует работы по истории русского языка, диалектологии, орфографии, орфоэпии. В 1911 году вышла его книга «Русское правописание», в которой охарактеризовано соотношение между русским литературным произношением и существовавшей тогда орфографией, обоснована необходимость её реформы. Д. Н. Ушаков принимал участие в подготовке проекта орфографической реформы 1918 года. В статье «Русская орфоэпия и её задачи» (1928) впервые систематически описаны нормы московского произношения, которые лежали в основе произношения литературного.

И всё же главное дело жизни Д. Н. Ушакова — «Толковый словарь русского языка». Работа над ним велась более десяти лет. Результатом ее стали четыре тома, в которых описаны свыше 85 тысяч слов. Это был словарь новаторский во всех отношениях. Прежде всего по отбору лексики: в него вошли новые, иногда «сиюминутные», слова (например, *выдвиженец, нэпман, продрозверстка, уравниловка*) и слова, традиционно употребляющиеся в различных речевых жанрах, наиболее употребительные диалектные и просторечные (*зубошлѣп, гугнивый, гулёна, гужом, гундосить, гущина*), профессиональные и специальные термины, устаревшая лексика, еще не совсем выветрившаяся из языкового сознания говорящих (*городовой, губерния, дворянин, издольщина*) или же употребляющаяся в языке в качестве стилистически отмеченного средства (*воспарить, вотще, дочь, оный, отныне*).

Новаторство было в типах толкования слов, в системе стилистических помет, которые квалифицировали слово в соответствии с его стилевой принадлежностью или сферой преимущественного употребления: *разг., книжн., поэт., спец., церк., обл.* и др. Словарь — **нормативный**, и это его свойство проявляется не только в отборе лексики, но и в системе грамматических сведений о слове, в комментариях, которые предупреждают неправильное употребление. Так, при слове *брелок* указана форма родительного падежа: *брелока* и форма множественного числа: *брелоки* — и дальше, в скобках: «(брелка́, мн. брелки неправ.)»; приведенное здесь же французское *breloque*, послужившее источником заимствования в русском языке, служит объяснением того факта, что «о» в слове *брелок* — совсем не то беглое «о», которое, например, в словах *потолок, уголок* при их склонении чередуется с нулем звука (*потолка, уголка*).

Сам Д. Н. Ушаков о нормативной направленности Толкового словаря писал в Предисловии к первому тому так:

«Составители старались придать словарю характер образцового, в том смысле, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык, а именно, большое внимание обращено в нем на нормативную сторону: правописание, произ-

ношение, ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, имеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства; кроме того, самый анализ значений и оттенков значений слов, бывший предметом особой заботливости составителей и более детальный, чем в старых академических словарях и в словаре Даля, дает материал не только для теоретического изучения русской лексики, но и, главное, для практического — с целью сознательного употребления в речи того или другого слова».

Кажется, впервые в отечественной лексикографической практике составители словаря декларировали принципиальное отличие филологических словарей от энциклопедических, отмечая, что «словарь языка... не должен давать и не дает ни анализа, ни даже полного описания предметов и явлений; он «толкует» значение слова или различные его значения, если их несколько, и указывает случаи употребления слов, снабжая свои объяснения там, где нужно, примерами, в значительной степени взятыми из литературы. Новый «Толковый словарь» есть словарь **филологический**, и к нему нельзя предъявлять тех требований, которым должны удовлетворять энциклопедические словари» (там же).

Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова оказал огромное влияние на последующую русскую лексикографию. Выход его явился событием не только в филологическом мире, но и в культурной жизни страны.

К составлению словаря Дмитрий Николаевич привлек замечательных ученых. Это были: Виктор Владимирович Виноградов, будущий академик и признанный глава отечественного языкознания; Григорий Осипович Винокур, блестящий знаток стилистики и культуры русской речи, историк литературного языка, пушкинист; Борис Александрович Ларин, глубокий исследователь русского языка и его истории, первым начавший изучение городской речи как особой разновидностью национального языка, Борис Викторович Томашевский, теоретик стиха, текстолог, знаток Пушкина; Сергей Иванович Ожегов, впоследствии автор знаменитого однотомного «Словаря русского языка». Все они были молоды: в начале работы над словарем самому старшему, Б. В. Томашевскому, было 38 лет, а самому младшему, С. И. Ожегову, не исполнилось и двадцати восьми. В этой группе составителей словаря царил атмосфера творчества, интеллектуального блеска, словесной игры, каламбуров, острот. Работали над словарем и обсуждали готовые словарные статьи они обычно у кого-нибудь дома: иногда у Дмитрия Николаевича (он жил на углу Сивцева Вражка и Плотникова переулков в Москве), а чаще у Григория Осиповича Винокура, в его квартире на Арбате.

Помимо собственно составительской работы и руководства авторским коллективом, Д. Н. Ушаков должен был (как главный редактор словаря) иметь отношения с издательством, что в те годы — тридцатые — было делом далеко не

простым. Существовал институт политических редакторов, которые бдительно следили за идеологической выдержанностью издаваемых текстов, в том числе и словарей. И тут у Дмитрия Николаевича возникали трудности не только филологического порядка: шла постоянная, ежедневная борьба с невежественными, но всесильными цензорами. В ходе этой борьбы случались казусы. Один из них был связан с системой помет, обозначающих разного рода грамматические характеристики слова. В частности, глаголы имеют в словаре пометы «сов.» (совершенный вид) и «несов.» (несовершенный вид). Вызывает как-то политический редактор Д. Н. Ушакова и спрашивает:

— Дмитрий Николаевич, что это у вас в словаре одни слова — советские, а другие — несоветские?

— Как так?

— Да вот, смотрите: *взять* — сов., а *брать* — несов.

В другой раз политредактор настаивал на том, чтобы выражение «держать в ежовых рукавицах» было связано по происхождению и по смыслу с фамилией наркома внутренних дел Ежова. Несмотря на нелепость этой рекомендации, спорить с цензором было бесполезно и опасно. И все же Ушаков, идя на очередную встречу с редактором, подумал (он позже рассказывал об этом Сергею Ивановичу Ожегову):

— Когда словарь выйдет, никто не скажет, что такой-то (Д. Н. назвал фамилию политического редактора) — дурак; все будут говорить, что дурак — Ушаков ...

И твёрдо решил отказаться от того, чтобы связывать оборот «держать в ежовых рукавицах» с именем сталинского палача. Решение свое он отстоял; посмотрите, как трактуется этот оборот в 1-м томе словаря (= 'обходиться с кем-н. строго, сурово').

При чтении корректуры второго тома словаря политредактор обнаружил, что вслед за словом *ленивый* по алфавиту идет слово *ленинец*, а дальше *ленинизм*, *ленинка* (соответствие женского рода к слову *ленинец*), *ленинский*... Цензор усмотрел тут едва ли не идеологическую диверсию, оскорбление имени великого вождя. Он потребовал устранить кощунственное соседство прилагательного *ленивый* и «ленинских» слов, для чего надо было вставить между ними какое-нибудь нейтральное слово. Но для этого надо было выдумать слово, не существующее в русском языке, или, например, включить в словарь слово *ленинградец*, тем самым нарушив принцип, согласно которому названия жителей в данном толковом словаре не описываются. Ушаков остался тверд и ничего не изменил в этом месте словаря, хотя в то время подобная твердость могла стоить ему если не головы, то свободы.

Сейчас редко вспоминают о том, как встретила появление Толкового словаря официальная критика. Между тем, после выхода первого тома, в 1935 году

была опубликована разгромная статья известных в то время апологетов марризма В. А. Аптекаря и С. Н. Быковского, посвященная «анализу» словаря. В действительности никакого анализа в статье не было — авторы громили словарь за «буржуазность», за то, что казалось им нелепым и безграмотным (например, они возмущались тем, что при прилагательном *беременный* в словаре приведены окончания форм мужского и среднего рода, тогда как *беременной* может быть только женщина! При этом ни один из них не вспомнил широко известную фразу К. Маркса, которая в переводе содержит такие слова: «...старое общество может быть *беременно* новым»).

Однако в целом общественность и особенно интеллигенция приняли словарь под редакцией Д. Н. Ушакова с живейшим интересом и благодарностью, по достоинству оценив его лингвистическое и культурное значение.

Словарь был любимым детищем Д. Н. Ушакова. Ни одной из своих (к сожалению, немногочисленных) научных работ он не отдавал столько времени и души, сколько отдал составлению словаря и его редактированию. И это понятно: в науке Дмитрий Николаевич был человеком «одной страсти» — он беззаветно, преданно любил русский язык, прекрасно знал его, а словарь давал возможность выразить эти знания и любовь в осязаемой и практически полезной форме.

Всю жизнь Д. Н. Ушаков изучал, пропагандировал, защищал живое русское слово в разных его обличьях: и диалектное, и просторечное, и литературное. Он был замечателен и как педагог-практик, как преподаватель русского языка. Больше всего он занимался вопросами орфографии и произношения. А для речевой практики эти вопросы — самые насущные, животрепещущие, да еще в те годы, двадцатые и тридцатые, когда старая культура, в том числе культура устной и письменной речи, была в значительной степени разрушена, а новая еще только создавалась.

В течение многих лет Д. Н. Ушаков разрабатывал и практически внедрял — в лекциях, статьях, в выступлениях перед массовой аудиторией — нормы правильного русского произношения. Почему он придавал столь большое значение разработке именно произносительных норм? Потому, что для него было очевидно (и он убеждал в этом других), что единое, нормативное произношение — фундамент речевой культуры, без которой немислима и общая культура человека. Вообще Дмитрий Николаевич относился к языку, и в частности к живой, звучащей речи, не только как к объекту изучения: он был убежден в эстетической ценности литературного произношения как символа определенной культурной традиции, культурной среды.

Современники и ученики Ушакова свидетельствуют: он не только глубоко знал историю и современное состояние русского языка, не только мог увлеченно и в то же время просто и доходчиво рассказывать о сложных языковых явле-

ниях, — сама речь его была так изящна, колоритна, что доставляла слушателям истинное наслаждение.

Было у Дмитрия Николаевича одно увлечение: он любил и умел рисовать. Удивительным образом манера, в которой выполнены его картины, — точная, тщательная, — перекликалась с манерой, характерной для его лекций да и вообще для всей его научной работы, включая работу над Толковым словарем. «Две координаты, — писал об Ушакове А. А. Реформатский, — практическая направленность и ювелирная манера изложения и определили всё поведение Ушакова как лектора, педагога, учителя...».

Душевно щедрый, внимательный к коллегам и ученикам, умевший и твердо отстаивать свои научные принципы, и быть терпимым к иным мнениям и вкусам, — Дмитрий Николаевич Ушаков остался в истории нашей науки как образец большого ученого и подлинно интеллигентного русского человека.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ РЕФОРМАТСКИЙ *

Александр Александрович Реформатский вошел в историю отечественной лингвистики не только как автор широко известного учебника «Введение в языковедение», но и как глубокий и оригинальный исследователь языка, языковед-теоретик, своими трудами оставивший заметный след в таких областях лингвистической науки, как фонология, морфология, морфонология, орфоэпия, теория терминологии, топонимика и другие.

А. А. Реформатский родился 16 октября 1900 года в Москве, в семье знаменитого профессора химии А. Н. Реформатского. Мать Александра Александровича, Екатерина Адриановна (урожденная Головачева) имела гуманитарное образование, преподавала русский язык и литературу, и скорее всего от нее Реформатский унаследовал интерес и любовь к языку. После окончания в 1923 году историко-филологического факультета Московского университета Александр Александрович поступает в аспирантуру, где его научным руководителем становится Дмитрий Николаевич Ушаков, будущий редактор знаменитого «ушаковского» «Толкового словаря русского языка». Научное общение с Д. Н. Ушаковым оказало большое влияние на Реформатского, а разные эпизоды, связанные с этим общением, Александр Александрович с удовольствием и благодарностью вспоминал и много лет спустя, рассказывая о них своим ученикам.

В 20-е годы Реформатский работает в различных московских издательствах, позднее преподает в вузах Москвы — в МГУ, Московском городском пединституте, в Литературном институте. С 1958 по 1970 гг. он заведовал Сектором структурной и прикладной лингвистики в Институте языкознания АН СССР, а в последние годы, вплоть до своей кончины в мае 1978 г., был в этом институте научным консультантом. В 1962 году ему была присуждена степень доктора

---

* Впервые опубликовано в журнале «Русский язык в школе», 2000, № 4.

филологических наук и присвоено звание профессора. Он являлся членом многих научных комитетов и комиссий: Орфографической комиссии при Президиуме АН СССР, Комитета по терминологии, Комиссии по топонимике, секции машинного перевода Совета по кибернетике и других.

А. А. Реформатский – один из основателей (вместе с Р. И. Аванесовым, П. С. Кузнецовым, В. Н. Сидоровым, А. М. Сухотиным) Московской фонологической школы. Его перу принадлежат такие хорошо известные специалистам труды, как «Из истории отечественной фонологии» (1970), «Фонологические этюды» (1975), «Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии» (1979), «Лингвистика и поэтика» (1987) и др. Если обратиться к современным лингвистическим работам, то мы увидим, что на труды Реформатского ссылаются авторы исследований по фонологии и фонетике, по теории грамматики, ономастике, терминоведению...

Широта профессиональных интересов Реформатского не означала научной разбросанности. Разные проблемы, касающиеся языка, он рассматривал под углом определенной лингвистической концепции — концепции Московской фонологической школы, принципов и взглядов которой он твердо придерживался на протяжении всей своей научной деятельности. Это позволяло ему в, казалось бы, разрозненных и несопоставимых фактах языка видеть *систему*, проявлялась ли эта система в фонетике, в морфологии или в лексике.

Некоторые свои статьи Александр Александрович публиковал в журналах, основными читателями которых были (и остаются) учителя-словесники, — «Русский язык в школе» и «Русский язык в национальной школе» (второе из этих изданий некоторое время назад, к сожалению, прекратило свое существование). В журнале «Семья и школа» в 60-х годах он вел отдел «Поговорим о нашей речи», где публиковались научно-популярные статьи о языке, о культуре русской речи. Реформатский живо откликался на повседневные нужды и трудности речевой практики. Например, когда Корней Чуковский готовил второе издание своей книги «Живой как жизнь», он обсуждал с Александром Александровичем — и во время встреч в Переделкине, и в письмах к нему — некоторые из интересовавших его лингвистических вопросов. Реформатского задела пуристическая позиция известного писателя Бориса Тимофеева, выраженная им в книге о русском языке. Он отозвался на эту книгу рецензией, в которой отстаивал научный подход к анализу и оценке языковых фактов — в противовес вкусовому, субъективному.

Последовательно отстаивая свое лингвистическое кредо, А. А. Реформатский в то же время глубоко уважал научных оппонентов, а с некоторыми из них его связывала многолетняя дружба. Как ученый он был целен, не допускал малейшего эклектизма, а как человек — необычайно широк и терпим, и в этом заключалась одна из многих привлекательных черт его богатой природы.

Он был всецело погружен в науку и сам писал о своей «влюбленности в лингвистику». В его работах высокий уровень научной абстракции, конструктивная точность анализа органически сочетаются с вниманием к языковой реальности — к отдельному слову, к звуку, к оттенку звука. Замечателен сам стиль научных сочинений Александра Александровича, одновременно и свободный и строгий. Реформатский как автор научных работ представляет собой достаточно редкий — во всяком случае, для лингвистики — тип ученого, научный стиль которого органически сочетает в себе очень разное, часто контрастное друг другу: абстрактные схемы — и конкретные примеры из жизни реальных людей; заковыристый иноязычный термин — и просторечное словцо; глубокое теоретизирование — и ёрничанье, шутку, каламбур. Точность, даже сухость формулировок — и эмоциональность, а иногда и шутливость комментариев к ним; специальная терминология — и богатство интонаций русской разговорной речи. О фонемах, морфемах и прочих научных абстракциях он писал, как о живых людях. Он мог сравнить специальную область лингвистического знания — морфонологию — с отделом штучных товаров в магазине: хотя, по его мнению, морфонология не чужда системности, факты ее больше касаются нормы, того, как принято по традиции говорить и писать на данном языке, а не того, что «разрешает» языковая система. В этюде об интонации (книга «Фонологические этюды», 1975) это сугубо научное понятие — интонация — фигурирует в контексте ... капустной кочерыжки (которая «нанизывает» на себя капустные листья, подобно тому, как элементы синтаксической конструкции «нанизываются» на интонацию).

Во всё, что он делал — и в свои научные исследования в первую очередь — Реформатский вкладывал душу. А в душе его было место и шутке, и неожиданному сравнению, и каламбуру, и воспоминанию о вещах, казалось бы, весьма далеких от лингвистики. Кстати сказать, увлечения Александра Александровича этими «далекими вещами» — музыкой, шахматами, охотой, теннисом, поэзией (он был мастер стихотворного экспромта, пародии, дружеского послания и еще десятка поэтических жанров) помогали ему в основном деле его жизни — в исследовании языка. Слушая оперные арии, он вдруг замечал специфическое произношение или необычную форму слова, которые требовали лингвистического объяснения (такие объяснения читатель найдет в его статье 1955-го года «Речь и музыка в пении»); из теории шахматной игры он заимствовал принцип избыточной защиты и использовал его при изучении структуры письменного текста — как принцип избыточной информации (пример избыточности такого рода: точка в конце предложения и прописная буква в начале следующего; см. изданную в 1933 году книгу А. А. Реформатского «Техническая редакция книги»); размышления над охотничьими терминами помо-

гали ему в понимании лингвистической сущности терминологии вообще (его работа «Что такое термин и терминология?» давно стала классической).

А. А. Реформатский не только свободно владел языковым материалом (и русского, и десятков других языков), не только прекрасно ориентировался в теоретических концепциях разнообразных лингвистических направлений, школ, отдельных ученых, — он легко и при этом со знанием дела использовал в своих работах примеры из математики, музыковедения, истории, философии и ряда других наук. Это был не просто разносторонне талантливый, но и энциклопедически образованный, глубоко интеллигентный человек. И очень русский: во всём его облике, в характере, в его отношении к жизни и к людям, в его речи было много природно русского. Он любил и хорошо знал и русский язык, и быт и обычаи русского народа, и его историю, исходил и изъездил многие места России.

Александр Александрович был замечательным лектором, умевшим увлечь аудиторию предметом своих лекций, своим темпераментом, живым и сочным словом. В его лекциях в еще большей степени, чем в печатных трудах, «совмещалось несовместимое»: научная абстракция, мудреный термин, просторечное словцо, парадоксальное столкновение фактов, экскурс в далекие от языкознания области — и всё это освещенное душевным огнем, пронизанное страстностью, не оставлявшей в слушателях места равнодушию.

И еще одну черту Реформатского как ученого и человека надо отметить: он всегда радовался всему новому, что появлялось в науке, была ли это талантливая работа кого-либо из его учеников или же целое научное направление. Пример тому — машинный перевод. Когда в середине 50-х годов в нашей стране началось бурное развитие этого направления науки, А. А. Реформатский не только приветствовал его, но и был среди его инициаторов: в соавторстве с П. С. Кузнецовым и математиком А. А. Ляпуновым он написал и опубликовал программную статью «Основные проблемы машинного перевода» (Вопросы языкознания, 1956, № 5).

Яркая личность Александра Александровича Реформатского, индивидуальность и своеобразие его натуры проявлялись во всем — выступал ли он с кафедры, писал ли статью, разговаривал с друзьями или просто надевал свою бессменную кепку... Он прожил большую, полнокровную жизнь, и кажется, что сделал он в этой жизни всё, что хотел сделать, свято служа научной истине и ни в чем не поступаясь нравственной чистотой. Он воспитал не один десяток учеников, которые хранят благодарную память о своем необыкновенном учителе.

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ШМЕЛЁВ *

Главными объектами исследовательского внимания Дмитрия Николаевича Шмелёва были лексикология, семантика и синтаксис русского языка, но он оставил глубокий след и в других областях русистики — как синхронной, так и диахронической.

Д. Н. Шмелёв родился 10 января 1926 года в Москве, в семье врачей: отец его был известным фтизиатром, действительным членом Академии медицинских наук, директором Института туберкулеза, мать — врачом-невропатологом. После окончания школы Дмитрий Николаевич поступил в Московский институт международных отношений (МИМО, теперь — МГИМО), но ушел оттуда после третьего курса и продолжил обучение на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где прошел и аспирантуру. После аспирантуры Дмитрий Николаевич некоторое время работал в Орехово-Зуевском педагогическом институте, а в 1955 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском литературном языке». С 1958 года и до своей кончины 6 ноября 1993 года он работал в Институте русского языка (сначала — АН СССР, а с 1991 года — РАН), где в 1969 году защитил докторскую диссертацию «Проблемы семантического анализа лексики» (позднее она была издана в виде монографии под тем же названием). В течение последних двадцати с лишним лет своей жизни он руководил отделом современного русского языка этого института. В 1984 году Д. Н. Шмелёв был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1987-м — действительным членом Академии.

Д. Н. Шмелёв — автор более ста научных работ, из них — семь монографий, учебники и методические разработки по русскому языку для высших учебных заведений. Может показаться, что это не очень впечатляющий ре-

---

* Впервые опубликовано в кн.: *Д. Н. Шмелёв. Избранные труды по русскому языку*. М.: Языки славянской культуры, 2002, с. 8—13.

зультат научной деятельности в течение сорока с лишним лет. Однако дело, конечно, не в количестве научной продукции, а в ее качестве. Качество же работ Д. Н. Шмелёва говорит само за себя.

В шестидесятые годы необычайной популярностью среди специалистов пользовалась его книга «Очерки по семасиологии русского языка» (1964). Секрет ее успеха был не только в том, что автор в сжатой форме критически обозрел достижения современной лексической семантики, но и главным образом в том, что он предложил на суд читателя-русиста собственное видение объекта, задач и методов семасиологии (хотя, как человек необычайно скромный, в первых же строках этой книги заявлял: «Настоящие очерки не представляют собой сколько-нибудь полного или систематического освещения основных сторон русской семасиологии»). В «Очерках» тезис о сложности семантической структуры слова не просто декларирован: эта сложность наглядно продемонстрирована — путем анализа конкретного языкового материала. В этом исследовании показана тесная взаимосвязь лексико-семантических, грамматических и экспрессивно-стилистических свойств слова, выявлены характерные закономерности формирования переносных значений, выделены интегральные и дифференциальные компоненты лексического значения, которые обнаруживают себя при анализе парадигматических и синтагматических связей слов. Позднее автор добавит к этим двум измерениям связей слов еще одно — эпидигматическое, под которым он имел в виду ассоциативно-деривационные отношения между значениями слова.

Непосредственным и органичным продолжением «Очерков» явилась монография «Проблемы семантического анализа лексики» (1973). Читая эту книгу, обращаешь внимание прежде всего на самобытность лингвистического мышления ее автора, его несклонность следовать за мировыми авторитетами в области семантики. К этому времени были опубликованы и широко известны и работы Н. Хомского, и труды представителей структурной и порождающей семантики. Однако своей целью Д. Н. Шмелёв считал изложение собственного взгляда на проблемы, связанные с изучением лексических значений, замечая (в предисловии к книге), что «учет этих исследований [по генеративной семантике. — Л. К.], по-видимому, позволил бы уточнить отдельные формулировки, а также, может быть, изменил бы характер освещения отдельных фактов, однако, по-видимому, не повлиял бы сколько-нибудь существенно на основные положения предлагаемой работы».

Столь же целен был Д. Н. Шмелёв и в изложении проблем, связанных с историческими изменениями в семантике слова. Это можно видеть, например, в принадлежащих его перу главах коллективной монографии «Русский язык и советское общество» (1968, кн. 1), в исследованиях, посвященных изучению архаической лексики, самого механизма архаизации слова, а также социально

и стилистически обусловленного процесса «возрождения» архаизмов в речи, в статьях о семантических изменениях в лексике древнерусского языка.

Самобытность Д. Н. Шмелёва как ученого проявлялась и в других его работах. А он был исследователем необычайно широкого диапазона и редкостной эрудиции. Его труды в области теории языкознания, синтаксиса, стилистики русского языка, анализа художественного текста — такие, как «Слово и образ» (1964), «Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке» (1976), «Русский язык в его функциональных разновидностях» (1977) и другие, — отличаются глубиной и оригинальностью высказанных в них идей. Как один из основателей Московской школы функционально-стилистических исследований Д. Н. Шмелёв разработал всесторонне обоснованную и непротиворечивую классификацию функциональных разновидностей русского языка. Серия его работ, посвященная характеристике прямых и непрямых функций синтаксических конструкций, сыграла важную роль в развитии современной синтаксической теории.

Под научным руководством Д. Н. Шмелёва и при его непосредственном участии был создан ряд коллективных исследований по современному русскому языку, хорошо известных специалистам: *Развитие лексики современного русского языка* (1965), *Социально-лингвистические исследования* (1976), *Способы номинации в современном русском языке* (1982), *Городское просторечие* (1984), *Разновидности городской устной речи* (1988), два тома *Грамматических исследований (функционально-стилистический аспект)*, (1989 и 1991), *Русский язык в его функционировании* (1993) и др.

Д. Н. Шмелёв известен и как крупный специалист в области истории русского языка. Он был главным редактором *Словаря русского языка XI—XVII вв.*, а в последние годы жизни увлекся идеей *Исторического словаря современного русского языка* — словаря совершенно нового типа, неизвестного русской лексикографии, — и вместе с небольшой группой сотрудников начал работу над этим словарем.

Педагогическая деятельность Д. Н. Шмелёва была чрезвычайно разнообразной. Им были созданы учебник («Современный русский язык. Лексика», 1977) и программы по современному русскому языку, принятые в качестве базовых для филологических факультетов вузов, разработаны методические указания к преподаванию студентам лексикологии русского языка. В течение нескольких десятилетий он читал лекции по лексикологии и семантике в Московском педагогическом институте (ныне Московский педагогический государственный университет) и на факультетах повышения квалификации преподавателей русского языка. Его лекции отличались глубиной мысли, богатством и свежестью анализируемого языкового материала, ясностью изложения.

Д. Н. Шмелёв воспитал несколько поколений ученых, ныне активно работающих в науке.

Дмитрий Николаевич воплощал в себе лучшие черты русского интеллигента: неподражаемость мысли, глубокую культуру, внутреннюю свободу. Он был человек несуетный, знавший толк в истинных, а не мнимых ценностях. Никогда и ни в чем он не искал личной выгоды, не добивался привилегий и, умея отстаивать интересы коллектива, которым руководил, совершенно искренне, не рисуясь, забывал о себе.

Были у Дмитрия Николаевича и «внелингвистические» увлечения. Он прекрасно знал архитектуру, очень любил русский Север и в молодости вместе со своим другом Л. Ю. Максимовым (известным русистом и педагогом) немало походил пешком по старым северным городам. Был он и высококлассным, почти профессиональным фотографом, — об этом свидетельствуют сделанные им и сохранившиеся фотолейзажи и фотопортреты. Стихи, которые Дмитрий Николаевич писал как бы «для себя», не рассчитывая на их публикацию (небольшой сборничек избранных стихотворений вышел в 1998 году), свидетельствуют, что он был талантлив и как стихотворец:

Ощущаю всё явственней
Я присутствие близких,
Словно в грамоте дарственной
Были выданы списки.

Как же мало дослушано
От покинувших мир наш.
Столько вздора досужего,
Что провалов не минешь.

А теперь с безответными
К ним словами стремиться...
Но как облако светлое,
Проплывают их лица.

Его перу принадлежит и несколько прозаических произведений, два из которых — повесть «Трактат о вреде пьянства» и рассказ «Про дождь в апреле» — опубликованы в сборнике его избранных трудов. Публикация этого сборника издательством «Языки славянской культуры» — благое и полезное дело. Многие работы Дмитрия Николаевича давно стали библиографической редкостью, иные опубликованы в труднодоступных изданиях. Собранные в этой книге

под одной обложкой, они обретают новую жизнь, и поколения молодых филологов могут познакомиться с идеями и суждениями Д. Н. Шмелёва, которые, надо надеяться, еще долго будут радовать внимательных читателей своею свежестью и глубиной.

МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ ПАНОВ *

Михаил Викторович Панов — один из крупнейших современных филологов-русистов, автор многочисленных работ по русской фонетике, морфологии, стилистике, поэтике, по изучению русского языка под социальным углом зрения.

М. В. Панов родился в 1920 году в московской интеллигентной семье. Отец его был офицер-артиллерист, потом переводчик, мать получила образование на Высших художественных курсах. После окончания школы М. В. Панов учился в Московском городском педагогическом институте, закончил его и с первых дней Отечественной войны оказался на фронте. Он прошел всю войну, находясь на передовой, в составе расчета противотанкового орудия. Был неоднократно ранен, награжден несколькими орденами и медалью «За отвагу».

После войны Михаил Викторович был учителем в школе, потом поступил в аспирантуру Московского городского педагогического института и после ее окончания преподавал в этом институте, где в то время на кафедре русского языка работали такие уже в ту пору известные отечественные лингвисты, как Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров. В 1958 году академик В. В. Виноградов пригласил М. В. Панова в Институт русского языка АН СССР, где Панов проработал тринадцать лет, с 1963 года заведая сектором современного русского языка.

В 1971 году тогдашняя администрация института в лице директора Ф. П. Филина и секретаря парторганизации Л. И. Скворцова (ныне — проректор Литературного института в Москве), считавших М. В. Панова политически неблагонадежным — он написал письмо в ЦК КПСС о безобразиях, творившихся в институте, — вынудила его уволиться. В течение ряда лет он — научный сотрудник Института национальных школ Министерства просвещения РСФСР и, по существу, сосланный в это профессионально чуждое ему учреждение! — тем не менее *увлеченно* занимается проблемами обучения русскому языку не-

---

* Впервые опубликовано в журнале «Russian Linguistics», vol. 26 (1992).

русских. В соавторстве с Р. Б. Сабатковским он в 1982 — 1983 гг. издал двухтомный учебник русского языка для национальных педагогических училищ (в 1993 году вышло второе издание этого учебника), опубликовал множество статей, посвященных методике преподавания русского языка в национальной школе. В то же время он читает в МГУ лекции о языке русской поэзии, о фонологии, о позиционном синтаксисе. С начала 90-х годов и до последних дней жизни он — профессор кафедры русского языка Московского государственного открытого педагогического университета.

Основной областью научных интересов М. В. Панова была русская фонетика. Книгу под таким названием, опубликованную в 1967 году, он блестяще защитил в качестве докторской диссертации годом позже. Он был последовательным приверженцем Московской фонологической школы. Строгость научного мышления, выработанная в фонетических и фонологических студиях, проявилась у М. В. Панова и в других областях лингвистики, где им написано немало неординарных работ, — в морфологии, словообразовании, поэтике, стилистике, социолингвистике.

Вообще неординарность, новаторство, свежий, необычный взгляд на примелькавшиеся явления — одна из определяющих черт Панова-ученого. Он умел ставить нетривиальные задачи и предлагать нетривиальные их решения, касалось ли это теории частей речи (без ссылок на его давнюю, 1960-го года, статью о частях речи в русском языке до сих пор не обходится ни одно серьезное исследование в области грамматической теории) или лингвистического статуса разговорной речи (с его тезиса о самодостаточности русской разговорной речи как подсистемы литературного языка начался цикл работ, осуществленных под руководством Е. А. Земской). М. В. Панову принадлежат оригинальные исследования, касающиеся морфологической членности слова, частеречной принадлежности единиц типа *спец-, гос-, видео-* (он назвал их аналитическими прилагательными), возможностей реконструкции произношения и построения «фонетических портретов» не только наших современников, но и людей, живших в далеком прошлом.

М. В. Панов был генератор идей и воплощал свои идеи и в собственных исследованиях, и в работах, создававшихся под его руководством.

Например, в самом конце 50-х годов он начал работу по массовому социолингвистическому обследованию говорящих на русском литературном языке. С этой целью он придумал специальные вопросники с хитроумно построенными заданиями, ответы на которые позволяют делать статистически достоверные выводы о тех или иных пристрастиях носителей русского языка в произношении (*булоШНая* или *булоЧНая*? *тиХЫй* или *тиХИй*? *смеялСА* или *смеялСЯ*?), в употреблении тех или иных морфологических форм (*слесарИ* или *слесарЯ*? *прожекторЫ* или *прожекторА*? *кусок сырУ* или *кусок сырА*?), в

словоупотреблении и т. д. Оригинальна развитая М. В. Пановым теория антиномий — постоянно действующих противоречий, которые служат движущим началом в процессе языковой эволюции; эти антиномии сложно взаимодействуют с социальными факторами. Итогом социолингвистического изучения русского языка XX века явилась широко известная сейчас четырехтомная монография «Русский язык и советское общество» (1968), в которой получили отражение и результаты массовых обследований, и теория антиномий.

В 1970 году М.В.Панов закончил большое исследование «История русского литературного произношения XVIII — XX веков». Эта удивительная работа, из которой можно узнать, как говорили, например, Петр Первый и Сумароков, пролежала неизданной (не по вине автора!) двадцать лет и была напечатана, да и то усилиями учеников Михаила Викторовича, только в 1990 году. За два года до своей кончины (3 ноября 2001 года) он опубликовал монографию «Позиционная морфология русского языка», в которой применяет к морфологии некоторые понятия фонологии (и главное из них — понятие позиции, которое, как известно, играет ключевую роль в концепции Московской фонологической школы).

М. В. Панов был выдающимся организатором науки: он умел создавать научные коллективы, зажигать их участников своими идеями, и результатом творческой работы таких коллективов являлись не только проникнутые концептуальным единством книги, монографии, сборники ученых трудов, но и целые направления научных исследований. Конечно, это объяснялось тем, что и сам Михаил Викторович был человек увлеченный и увлекающийся. Но также и тем, что он умел сложное объяснять просто, воплощать в виде геометрически стройных теорий, не игнорируя, однако, в угоду стройности ни одного реального языкового факта.

Талант популяризатора науки — еще одна сторона замечательной личности М. В. Панова. В книгах, посвященных русской орфографии — «И всё-таки она хорошая!» (1964) и «Занимательная орфография» (1984), он рассказывает о такой скучной материи, как орфография, не просто доходчиво, а весело, с выдумкой. Эта черта проявилась и в «Энциклопедическом словаре юного филолога (языкознание)» (1984): идея этого издания принадлежит Михаилу Викторовичу, он же стал составителем, редактором и одним из основных авторов словаря.

Весьма значителен вклад М. В. Панова в просвещение — как в виде лекций, которые он блистательно читал в битком набитых аудиториях вузов Москвы, так и в виде учебников для филологических факультетов университетов («Современный русский язык. Фонетика», 1979 год; разделы «Введение» и «Фонетика» в учебнике «Современный русский язык» под ред. В. А. Белошапковой, 1981 год) и для школы. О школьных учебниках, созданных под руковод-

ством М. В. Панова, следует сказать особо. В них проявилось умение М. В. Панова рассказывать о серьезных вещах весело, без прямолинейной дидактики, с юмором. Он и других авторов из руководимого им коллектива заразил этим умением: стоит заглянуть в созданные ими учебники для 5, 6, 7 и 8—9-го классов (М., 1994—2000 гг.), чтобы убедиться в этом.

И еще он был поэт — и в прямом, и в переносном смысле этого слова. В 1999 году вышел небольшой сборник его оригинальных стихов «Тишина. Снег», получивший благожелательные отзывы литературных критиков, а в 2002-м — сборник «Олени навстречу». Поэтом он был и в науке, которой служил беззаветно и преданно в течение всей своей долгой и насыщенной творчеством жизни.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЯЗЫКА *

Для большинства современных читателей, маленьких и больших, Корней Чуковский — «сказочник», детский писатель. Между тем, стихи и сказки для детей он начал сочинять будучи уже известным критиком и переводчиком. Но слава сказочника стала так широка, так пришлись по душе и детям, и их родителям его «Крокодил», «Бармалей», «Айболит», что эта ипостась Корнея Ивановича сделалась для многих единственной.

А сам он считал себя прежде всего литературоведом и критиком и до последних своих дней продолжал заниматься исследованием творчества Некрасова и Уитмена, Чехова и Оскара Уайльда, Александра Блока, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака... Важное место в этих исследованиях занимало изучение языка художественного произведения. Внимательный к слову писателя, Чуковский никогда не оставался равнодушен и к речи окружающих людей, к живому русскому языку. В его книгах, письмах, воспоминаниях сохранилось немало интересных, глубоких наблюдений над развитием и судьбами нашей речи. И хотя Чуковский заявлял, что в лингвистике он — кустарь-самоучка (письмо к Л. Я. Боровому от 22.5.1958), хотя смиренно говорил о себе: «Я не лингвист, не ученый»¹, — он не был лингвистом лишь в том смысле, что не ходил на службу, скажем, в академический Институт языкознания, а ученым — разве только потому, что не заседал в ученых советах. Во всех остальных отношениях это был прекрасный, тонкий исследователь, замечательный знаток русского языка, его истории, его современной жизни.

Он был одним из немногих писателей, действительно понимавшим законы языкового развития. На факты языка он умел смотреть объективно, не выдвигая свое мнение в качестве единственного мерила при их оценке. Он мог пре-

---

* Впервые опубликовано в кн.: *К. Чуковский. Живой как жизнь*. М., Детгиз, 1982.

¹ *К. Чуковский. Высокое искусство*. М., 1964, с. 8.

одолеть неприязнь к слову, которое ему не нравилось, прислушаться к голосу молодежи. Он не спешил с окончательным приговором, понимая, как сложен и непрямолинейен путь нового в языке.

Свои наблюдения над языком К. Чуковский начал рано, с первых шагов на поприще литературного критика. Объектом его внимания была, естественно, прежде всего художественная речь, произведения литературы.

Молодой критик считал, что через анализ речевой манеры писателя можно проникнуть в тайны его творчества, раскрыть его художническое мировоззрение. Поэтому, например, Валерия Брюсова он называет в статье 1908 года «поэтом прилагательных» и объясняет этот свой тезис так: «Брюсов — певец качеств, свойств, пассивно пребывающих признаков»². Статью о Куприне Чуковский начинает с того, что находит любимые купринские слова: *всегда, как всегда, обычно, всегдашний, как это всегда бывало и раньше...* и др. Для чего он это делает? Для того, чтобы дальше показать, что Куприн изображает мир устоявшихся, привычных для него фактов. И в этом мире он чувствует себя настолько уверенно, что может категорически утверждать: «*все атлеты носят фуфайки*», «*все воры скупы*» и т. п.³

В поэзии И. Бунина Чуковский обнаруживает множество глаголов, «содержащих понятие цвета: *чернеть, алеть, синеть...*». Оказывается, что это лингвистическое наблюдение проливает свет на сущность поэтического мировоззрения Бунина⁴. «Поэт мыслил одними сказуемыми», — говорит Чуковский о раннем Блоке. И приводит многочисленные примеры⁵. Называя Блока «мастером смутной, неотчетливой речи», он видит в этой языковой неотчетливости отражение творческой позиции поэта: «Только таким сбивчивым и расплывчатым языком он мог повествовать о той тайне, которая долгие годы была его единственной темой. Этот язык был как бы создан для тайн. Недаром самое слово *таинственный* играет такую огромную роль в ранних стихотворениях Блока»⁶.

Изучая творчество поэтов-футуристов, Чуковский обратил внимание на такую особенность стихов одного из этих поэтов, Игоря Северянина: «Его любимые слова: *фешенебельный, комфортабельный, пикантный*. Не только темы и образы, но и все его вкусы, приемы, самый метод его мышления, самый стиль его творчества определяются веерами, шампанским, ресторанами, бриллиантами. Его стих, остроумный, кокетливо-пикантный, жеманный, жантиль-

² К. Чуковский. Сочинения. В 6 т. Т. 6. М., 1969, с. 52.

³ Там же, с. 78—81.

⁴ Там же, с. 92.

⁵ К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. Пг., 1924, с. 55.

⁶ К. Чуковский. Сочинения. В 6 т. Т. 6. М., 1969, с. 508.

ный, весь как бы пропитан этим воздухом бара, журфикса, кабаре, скетинг-ринга»⁷.

Слово как начало всех начал в творчестве писателя, как выразитель его вкусов, его взгляда на мир, его эстетических и художественных принципов — таково кредо Чуковского-критика. Об этом он прямо заявляет в одном из своих писем А. М. Горькому (1920):

«Я изучаю излюбленные приемы писателя, пристрастие его к тем или иным эпитетам, тропам, фигурам, ритмам, с л о в а м [разрядка моя.— Л. К.] и на основании этого чисто формального, технического, научного разбора делаю психологические выводы, воссоздаю духовную личность писателя»⁸.

Убеждение в том, что характер речи отражает внутренний мир человека, его взгляды и намерения, К. Чуковский последовательно отстаивает во всех своих критических статьях. Больше того, эту идею он попытался применить не только к сфере художественного творчества, но и к обиходному языку. Эта попытка блестяще удалась Корнею Ивановичу в первых его работах о языке детей⁹: уже здесь Чуковский не просто собрал удивившие его факты детской речи, но и задумался над причинами столь разительного отличия речи ребенка от языка взрослых. В дальнейшем эти заметки выросли во всемирно известную книгу «От двух до пяти», и мысль о том, что в языке ребенка, как в зеркале, отражается его восприятие мира, его размышления над окружающим, его фантазии, радости и огорчения,— получила здесь последовательное и убедительное выражение. Не для того, чтобы позабавить читателя неожиданностями детского словотворчества, не на потеху собрал Чуковский в этой книге богатейший лингвистический материал, а для того, чтобы показать: язык детей — народен, «ребенок учится языку у народа, его единственный учитель — народ»¹⁰. И показать это наглядно, при помощи точного анализа структуры и выразительной силы слов и оборотов детской речи:

«...сплошь и рядом оказывается, что дети сочиняют такие слова, которые уже существуют в народе (*людь, сольница, обутка, одетка* и т. д.). Это было бы невозможно, если бы самый дух народного словотворчества не был в значительной мере усвоен детьми еще раньше, чем они овладели первыми десятками слов»¹¹. Замечательно, что в речи р а з н ы х детей, в каком бы конце России они ни жили и кто бы ни были их родители, Чуковский подметил общие

⁷ К. Чуковский. Эго-футуристы и кубо-футуристы. СПб., 1914, с. 7.

⁸ См. публикацию этого письма в журнале «Вопросы литературы», 1972, № 1, с. 158.

⁹ К. Чуковский. Матерям о детских журналах. СПб., 1911; К. Чуковский. Маленькие дети. Детский язык. Экикики. Лепые нелепицы. Л., 1928.

¹⁰ К. Чуковский. От двух до пяти. 21-е изд. М., 1970, с. 90.

¹¹ Там же, с. 90—91.

закономерности: «все русские дети равно оглаголивают имена существительные, удваивают первые слоги, выбрасывают трудные согласные (...) Хотя, конечно, социальная среда не может не влиять в какой-то мере на лексику того или иного ребенка, но методы ее усвоения всегда одинаковы»¹².

Эти наблюдения и выводы не мог сделать просто дотошный собиратель языковых фактов, как бы старательно ни фиксировал он всё замечательное в речи ребенка, — в них заключены результаты вдумчивого лингвистического исследования. Таким лингвистом-исследователем и был Корней Чуковский. Интерес к слову, к его выразительности жил в нем постоянно, писал ли он собственные сказки для детей, пересказывал ли чужие, изучал ли творчество таких гигантов, как Чехов и Блок, или размышлял о сложностях художественного перевода.

Смолоду начал Чуковский заниматься переводом европейских и американских писателей. Он переводил Лонгфелло, Уолта Уитмена, Оскара Уайльда, Марка Твена, О'Генри, пересказывал Д. Дефо и Р. Киплинга. И в течение многих лет накапливал наблюдения над самим процессом перевода, над его языковыми трудностями. Результатом этих наблюдений явились его работы о мастерстве перевода, издававшиеся в разные годы под различными названиями¹³. Пафос этих работ — в пристальном внимании к слову, к интонации, правильный выбор которых обеспечивает переводческому труду успех. Малейшее же неверное истолкование переводимого автора, малозаметные на первый взгляд сдвиги в значениях слов, в ритмической организации текста ведут к непоправимым искажениям сути, содержания книги.

Особенно ненавистна была Чуковскому гладкопись в переводе, когда стилистически самобытный автор под пером переводчика превращался в художничью канцеляристу с бесцветным, плоским языком. «Если у Чехова, например, один персонаж говорит: «Сижу и каждую минуту околеванца жду!» — у переводчицы этот человек канителит: «Я должен сидеть здесь, готовый каждую минуту к тому, что смерть постучится в мою дверь» (...) Если кто-нибудь иронически скажет: «Помещики тоже, черт подери, землевладельцы!» — она переведет все тем же стилем дрянного самоучителя: «Неужели вы думаете, что вследствие вашего обладания усадьбой вы можете распорядиться целым миром?»¹⁴.

¹² Там же, с. 72.

¹³ Принципы художественного перевода. Пг., 1919; Искусство перевода. М.; Л.: Academia, 1930, 1936; Высокое искусство. М., 1941. Значительно переработанные и дополненные издания книги «Высокое искусство» вышли еще при жизни автора в 1964 и 1968 годах.

¹⁴ К. Чуковский. Высокое искусство. М., 1964, с. 16—17.

В творческом наследии К. Чуковского есть и специальные работы о языке. Статья «Старая книга и новые слова» (1911)¹⁵ была первой такой работой. Здесь критик восторженно пишет о Владимире Ивановиче Дале и его «Толковом словаре живого великорусского языка», защищает И. А. Бодуэна де Куртенэ — редактора вышедшего в эти годы третьего издания далевского словаря — от нападков журналистов, которые обвиняли знаменитого языковеда в том, что он «вывернул словарь наизнанку» (имелись в виду многочисленные добавления редактора к первоначальному тексту словаря). Но, протестуя против грубых и необоснованных обвинений по адресу Бодуэна де Куртенэ, Чуковский счёл необходимым указать и недостатки третьего издания, главный из которых — в отставании от жизни: в словаре нет многих новых слов, политических и технических терминов, вошедших в общее употребление, мало и случайно используются словотворческие опыты писателей-классиков.

Характерные для Чуковского-лингвиста взгляды на язык, манера рассуждений о слове, приемы и методы его анализа особенно рельефно проявились в книге «Живой как жизнь», главной, если можно так выразиться, работе Чуковского, посвященной языку.

Он написал эту книгу в 80 лет: первое издание вышло в 1962 году (в издательстве «Молодая гвардия»). Основу книги составили газетные и журнальные статьи, опубликованные им в 1960—1961 гг. (когда в печати разгорелась дискуссия о чистоте и правильности нашей речи): «Сыпь» («Известия», 26.11.1960), «Всей громадой» («Известия», 16.7.1961), «Нечто о лабуде» («Литературная газета», 12.8.1961), «От споров — к делу» («Известия», 24.8.1961), «Канцелярит» («Литературная газета», 9.9. и 16.9.1961), «О соразмерности и сообразности» («Новый мир», 1961, № 5) и др.

Работая над книгой, Чуковский много написал наново, а публиковавшиеся статьи изменил, дополнил, подчинил единому замыслу и композиционному ритму целого. Размышления над языком, энергичные поиски путей и средств очистить нашу речь от мусора захватили писателя. Он тщательно подбирает и обдумывает факты, сопоставляет нынешнее состояние русского языка с его прошлым, происходящие в языке изменения стремится истолковать объективно-научно, опираясь не только на личный вкус, но и на данные филологических разысканий. Поэтому в его книге немало цитат из специальных лингвистических работ, ссылок на труды таких известных ученых, как Я. К. Грот, А. А. Потебня, А. М. Пешковский, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Л. А. Булаховский, А. А. Реформатский и другие. Кстати сказать, со многими лингвистами Корней Иванович был знаком: хорошо знал профессора Винокура, встречался и переписывался с академиком Виноградовым, с профессорами Бархударовым, Оже-

¹⁵ Корней Чуковский. Лица и маски. СПб., 1914.

говым, Реформатским. Как раз в годы работы над книгой «Живой как жизнь» он подружился с группой молодых московских языковедов из Института русского языка АН СССР. Примечательно, что рукопись второго издания своей книги Чуковский попросил прорецензировать профессиональных лингвистов: так высока была его требовательность к собственно языковедческой, научной стороне книги.

Но «Живой как жизнь» — это не только популяризация науки о языке. Конечно, если бы автор поставил перед собой лишь эту задачу, то и тогда его книга представила бы интерес для читателя, далекого от лингвистики. Однако Чуковский, разумеется, не мог ограничиться столь простой задачей. Он горячо и убежденно отстаивает собственную точку зрения на состояние и развитие нашей речи. И анализ примеров действительной и мнимой порчи русского языка, подкрепляемый ссылками на авторитеты, служит как раз этой цели.

Научность в сочетании с публицистической страстностью — вот характерная черта книги Чуковского. Может быть, именно поэтому и, конечно же, благодаря имени автора книга, сразу по выходе, сделалась необычайно популярной и читаемой. На страницах нашей печати появляется несколько восторженных рецензий, причем среди рецензентов — и писатели, и лингвисты: Е. Брандис («В мире книг», 1962, № 7), Л. Успенский («В мире книг», 1962, № 9), Р. А. Будагов («Вопросы литературы», 1963, № 2), В. П. Григорьев («Вопросы культуры речи», 1963, вып. 4), П. Я. Черных («Русский язык в школе», 1962, № 4) и др. Издательство и автор буквально завалены письмами-откликами на книгу, в которых читатели поддерживают позицию Чуковского и сообщают ему новые факты искажения русской речи.

Словом, оценка рецензентов и читателей на редкость единодушна. Но автор, Корней Чуковский, не очень доволен своим опубликованным произведением. Первое издание книги появилось на прилавках магазинов в конце марта 1962 года, а 5 мая Чуковский записывает в своем дневнике, что он приступает к работе над новым изданием. Работу же эту он представлял себе не как подготовку п е р е издания книги, а как значительное обновление ее и переделку.

Так оно и получилось в действительности. В архиве К. И. Чуковского хранятся экземпляры «Живого как жизнь», распухшие от вклеек, вставок, добавлений; между страниц заложены письма читателей, особенно заинтересовавшие Чуковского, с его пометками и комментариями; вырезанные из газет заметки о языке; новые выписки из лингвистических работ... И так — при подготовке каждого нового издания.

Чем же замечательна эта книга К. Чуковского?

Писатель Лев Успенский, перу которого принадлежит несколько популярных работ о языке, считал, что книга Чуковского «прежде всего утверждает

закономерность непрерывного движения в нашем языке, естественность и неизбежность его постоянного изменения, без которого он просто не может оставаться языком. Она отмечает косное обывательское представление об этой изменчивости как о «беде» и «порче», причем большому знатоку русской классической литературы и ее истории, Чуковскому удается на ряде изящных сопоставлений с прошлым доказать свою точку зрения «модо геометрико» с убедительностью почти математической»¹⁶.

Книга «Живой как жизнь», писал другой рецензент, лингвист В. П. Григорьев, «это — самый живой, оперативный и своевременный отклик на современные потребности миллионов советских людей». Она «заняла видное место в постоянно пополняемом арсенале средств лингвистического всеобуча. Но ее значение, несмотря на ограниченные задачи, которые ставил перед собой автор, выходит далеко за рамки обычного просветительства»¹⁷.

Писатель и драматург А. А. Крон увидел достоинство книги в «полном отсутствии возрастного консерватизма, угрюмой нормативности и охранительского пафоса». «Вы не приходите в панику, столкнувшись с непривычным явлением в языке, — писал он Чуковскому, — а стремитесь увидеть за ним процесс — жизненные процессы, свойственные языку как живому организму. Они могут быть и болезненными, но они жизненные и не терпят механического подхода»¹⁸.

В письме одной из читательниц выражалась уверенность, что книга Чуковского окажется «полезнее и нужнее многих ученых сочинений, потому что она обращена не к специалистам, а к многочисленным просто интеллигентным людям». Книга «заставит учителей, журналистов, сотрудников издательств и даже ученых почаще задумываться над тем, как они пишут, и прислушиваться к тому, что они говорят».

А вот как определял направленность своей книги сам Чуковский: «Задача моего сочинения, — писал он в 1965 году директору Детгиза К. Ф. Пискунову, — заключается в том, чтобы приучить читателя философски думать о языке, о процессах его развития и роста. Я пытался утвердить в сознании читателей диалектический подход к языку. Эту задачу я считаю весьма плодотворной, так как всё современное научное мышление проникнуто историзмом, и нам необходимо приучать молодежь мыслить диалектически (...) Хотя правильность речи есть понятие изменчивое, но в каждую данную эпоху существуют

¹⁶ Л. Успенский. Живой о живом // В мире книг, 1962, № 9, с. 38.

¹⁷ В. П. Григорьев. Культура языка и языковая политика: (Вместо рецензии на книгу К. И. Чуковского) // Вопросы культуры речи. Вып. 4. М., 1963. с. 5, 6.

¹⁸ Письмо А. А. Крона, вместе с другими материалами архива К. И. Чуковского, хранится в Рукописном отделе Всероссийской государственной библиотеки.

очень стойкие нормы правильного литературного языка, обязательные для всех образованных, культурных людей»¹⁹.

Диалектический, а точнее — исторический принцип в оценке языковых фактов Чуковский неоднократно демонстрирует на страницах своей книги. То, что кажется нам сейчас безусловно правильным, могло оцениваться нашими предками как вопиющая безграмотность. В середине XIX века, например, невозможно было сказать *обязательно сделаю*, а только *непрерменно сделаю* или же вместо *напрасно* употребить наречие *зря*, которое рассматривалось как признак низкого слога.

Но не следует ли из подобных фактов, что и некоторые нынешние ошибки уже не будут вызывать возражений у наших детей и особенно у внуков и, может быть, получат «права гражданства»? Ведь ссылки на логику, на здравый смысл далеко не всегда помогают, когда мы имеем дело с развитием живого языка. В противном случае как же объяснить существование в нашем языке тавтологических оборотов вроде *делать дело*, *думал думушку*, *горе горькое*? Как примирить с нормальной логикой такие сочетания, как *красные чернила* (слово *чернила* — прямой потомок прилагательного *черный*, но разве черное может быть красным?!), *стрелять из пистолета*, *из орудия* (ведь *стрелять* буквально значит «выпускать стрелы»)??

От нападков ревностных пуристов и любителей прямолинейной логики защищает Чуковский и многие другие слова и обороты русского языка: удачные новообразования, выразительные диалектизмы (вроде слова *показуха*), соответствующие темпам развития нашей речи сокращения (*зав*, *зам*). Он высмеивает ханжеские наскоки на слова *штаны*, *мерин*, *балда*, *дрянь*, делает очевидным для читателя, что грубость таких просторечных слов, как *взахлёб* и *трудяга*, — мнимая.

Постепенно, исподволь, накапливая факты и наблюдения, Чуковский подводит нас к центральной мысли своей книги: надо радоваться всему живому в языке, оберегать это живое и беспощадно бороться с мертвечиной, с чиновничьим слогом, с безликим языковым стандартом. Как врач, озабоченно выслушивающий и выстукивающий больного, Чуковский внимательно исследует языковой организм и находит, что те недуги, от которых лечат наш язык самодеятельные лекари, — совсем не главные. Не они ослабляют языковой организм.

Одни ревнители чистоты русского языка считают, что всё зло — в иностранных словах, уродующих нашу речь, другие воюют с разного рода сокращениями, третьи — с диалектными и жаргонными словами, четвертым не дает покоя огрубение, вульгарность языка, особенно у молодежи. То спокойно и

¹⁹ Копия письма хранится в архиве Е. Ц. Чуковской.

рассудительно, то горячо и гневно К. Чуковский доказывает, что от этих болезней, конечно, надо лечить язык: изгонять мнимую ученость, заключенную в неуместном и неумеренном использовании иноязычных слов; воспитывать молодежь так, чтобы в ее лексиконе не было места грубым и вульгарным словам; путем филологической пропаганды делать очевидной неправомерность широкого употребления сокращений, диалектизмов, узкопрофессиональных терминов, не понятных большинству. «Никто не спорит: наша нынешняя русская речь действительно нуждается в лечении, — пишет Чуковский. — К ней уже с давнего времени привязалась одна довольно неприятная хворь, исподволь подтачивающая ее могучие силы. Но на эту хворь редко обращают внимание». Какая же это хворь?

Беда нашей речи, ее главная болезнь — к а н ц е л я р и т. Этим словом Чуковский называет неуместное и широкое употребление штампов канцелярского языка в повседневной речи. «Недуг этот в тысячу раз зловреднее всяких жаргонов, так как он может привести — и приводит! — нашу современную речь к худосочию, склерозу и хилости»²⁰.

Захвачанный многими руками штамп, боязнь свежего, полновесного слова вызывают в Чуковском бурное негодование. Он не может оставаться равнодушным, когда видит убогие канцелярские выражения, да еще с претензией на ученость, в литературной статье, в научном сочинении, в обыденной речи. Особенно огорчает его речевой шаблон у детей — например, в детских письмах к нему: «Желаем вам новых достижений в труде», «Желаем Вам творческих удач и успехов»... «*Новые достижения*», «*творческие успехи*» — горько видеть эти стертые трафаретные фразы, выведенные под руководством учителей и учительниц трогательно-неумелыми детскими пальцами. Горько сознавать, что в наших школах, если не во всех, то во многих, педагоги уже с первого класса начинают стремиться к тому, чтобы «канцеляризировать» речь детей»²¹. Что же удивляться бедности языка многих школьных сочинений? Она — прямое следствие неправильного, казенного преподавания литературы в школе.

Но где истоки болезни, проникающей во все поры нашего языка? Откуда берется неодолимая тяга к округлым, безлико-правильным фразам? Почему так живуча манера выражаться не просто, а с канцелярскими вывертами?

Причина, говорит Чуковский, — в равнодушии. Именно равнодушие рождает серый, нивелированный язык. Поэтому неслучайным было большое число шаблонов в старой бюрократической речи, «созданной специально затем, чтобы прикрывать наплевательское отношение к судьбам людей и вещей». Писатель называет этот язык бессовестным, воровским жаргоном, потому что о

²⁰ К. Чуковский. Живой как жизнь. М., 1982, с. 152.

²¹ Там же, с. 167.

самых мучительных для людей событиях и фактах он толкует гладко, с ледяным безразличием: «В том-то и заключается прямая задача бюрократического казенного слога: утопить живое дело в пустословии. Все эти закругленные фразы отлично баюкают совесть»²².

Указывая на столь глубокую, социальную и нравственную в своей сути причину канцелярита, Чуковский ничуть не сомневается, что излечить русский язык от этого тяжелого недуга и необходимо, и под силу нашей интеллигенции. И он призывает писателей, педагогов, лингвистов непримиримо и упорно бороться за очищение русской речи от канцелярской скверны. Этот призыв Чуковского — всеми силами бороться с мучающим язык недугом, а не просто констатировать его, — ничуть не потерял своей актуальности и остроты. Канцелярит далеко не сдал своих позиций, и поэтому слово К. Чуковского и сейчас бьет точно в цель.

Книга «Живой как жизнь», написанная писателем-исследователем, преданно любившим родной язык и прекрасно знавшим его, — образец филологического труда, в котором четкий и глубокий анализ речи сочетается с обоснованностью оценок и рекомендаций. И еще одним достоинством обладает эта книга: она учит читателя думать над языком, любить его. Борьба К. Чуковского с канцелярщиной, с бюрократизацией нашего языка, его неутомимые призывы оберегать язык от стертых пятак казенного шаблона были войной не только во имя чистоты русской речи. Это была борьба «против душевной пустоты, против попытки заткнуть словом прорехи мысли и совести», борьба за высокую нравственность и культуру человеческих отношений.

---

²² Там же, с. 171—172.

Раздел V

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

Необходимые пояснения

В этом разделе помещены две работы, написанные специально для старшеклассников и учителей-словесников. Цель этих работ — рассказать специалисту, но человеку, интересующемуся тем, как устроен язык и как он функционирует в обществе, об основных проблемах современной лингвистики, о новых аспектах изучения языка, показать, как знание языковых механизмов помогает при изучении русского языка на уроках в школе.

Поскольку эти работы (в отличие от содержащихся в первых трех разделах книги) не рассчитаны на профессиональных языковедов, в них излагаются начала, элементы лингвистической науки, в том числе и такие, которые профессионал сочтет тривиальными истинами. Однако эти «азы» науки, как это вполне очевидно, необходимы в жанре научно-популярной литературы. Кроме того, специфика этого жанра не требует скрупулезных ссылок на специальную литературу — такие ссылки даются лишь при цитатах, да и то лишь в тех случаях, когда имя цитируемого исследователя известно не очень широко или же когда соответствующая работа труднодоступна для чтения (например, опубликована давно, в специальном издании и т. д.).

ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ *

ДЛЯ ЧЕГО ЧЕЛОВЕКУ ЯЗЫК?

Из всех живых существ только человек одарен речью.

Аристотель

В названии этой главы слово *язык* употреблено, разумеется, не в анатомическом смысле, а в лингвистическом: язык как система словесных и других звуковых средств, которые служат для передачи мыслей и выражения чувств, для общения людей друг с другом.

Это разъяснение отчасти и отвечает на поставленный в заглавии вопрос: затем язык и нужен, чтобы общаться, чтобы обмениваться мыслями, вообще — информацией. Но ведь это очевидно, знакомо всем и каждому. Стоит ли в таком случае задавать вопрос (да еще посвящать ему целую главу), однозначный ответ на который известен заранее?

Не будем торопиться. Вдумаемся внимательно в наш заголовок, в каждый его компонент: *язык, человек, цель* («для чего»). Если определять язык как то, что служит средством общения, то возникает еще один вопрос: достаточно ли такое определение? Можем ли мы назвать языком азбуку Морзе, морскую флажковую сигнализацию? Отнесем ли мы к языку телефон, телеграф (средства общения!)? Наконец, является ли языком в интуитивно понимаемом нами смысле язык дельфинов, которые, как известно, общаются между собой, используя сигналы, находящиеся за порогом слышимости для человеческого уха?

Во всех этих случаях речь идет об очень разных вещах, объединение которых под одним определением: «средства общения» — ничего не проясняет в

---

* Впервые опубликовано в виде книги с тем же названием (М.: Просвещение, 1977).

их сущности. И главное, невозможно считать хотя бы одно из этих средств языком в том смысле, какой мы привыкли вкладывать в выражения «владеть языком», «человеческий язык», «на русском языке» и под.

Значит, привычная для нас еще со школьной скамьи формула «язык — средство общения» — недостаточна: она не раскрывает отличий языка от других средств общения.

Одно из основных отличий заключается в том, что это средство общения людей (сразу отпадает «язык» дельфинов). Второе отличие в том, что язык служит не только для общения, но и для мышления (отпадают азбука Морзе и морской код, которые, конечно же, не участвуют в процессе человеческого мышления). Третье — что это система, состоящая из определенным образом организованных звуковых (или отражаемых на письме) знаков (отпадают такие средства, а точнее — орудия общения людей, как телефон и телеграф: с их помощью только передаются языковые знаки).

Получается, что язык — не просто средство или орудие общения, а особая система звуковых знаков, служащая человеку для мышления и для передачи разнообразной информации и существующая только в человеческом обществе.

Позвольте, вправе возразить внимательный читатель, а то, что при общении друг с другом используют глухонемые — система их жестов, — разве это не язык?

Да, язык. Только форма знака здесь не звуковая, а двигательная. Значение же, которое имеет каждый знак-жест, в принципе не отличается от значения знака-слова — различия лишь в том, как членят неязыковую действительность жесты глухонемых и слова обычного языка: то, чему в языке глухонемых соответствует один жест, может быть названо двумя или несколькими словами.

И знаки-жесты, и знаки-слова служат средством мышления. С их помощью осуществляется так называемая внутренняя речь.

Что же такое внутренняя речь? Это речь «про себя», не слышная для окружающих. Вот что пишет о механизме внутренней речи видный психиатр, автор научно-популярных книг В. Леви: «Задумавшись, человек беззвучно шевелит губами. Особенно легко это заметить у детей, у стариков или у людей, очень напряженно, сосредоточенно думающих. Это и есть внутренняя речь, речь про себя, которая в таких случаях оказывается уже не совсем про себя, не совсем внутренней... Записи биотоков с помощью особых приборов показали, что при внутренней речи скрыто работают те же мышцы, что и при внешней: мышцы гортани, губ, языка, диафрагмы, нёба. Но звуков не получается, потому что эта мышечная работа предельно слабая, тонкая, филигранная. Скрыто произносятся не слова и даже не обрывки слов, а их мышечные “кусочки”... Глухонемые же координируют свою речь не слухом, а вибрационным и мышечным

чувством. Мышление глухонемых тоже, очевидно, использует внутреннюю речь, но не мышечно-слуховую, а мышечно-зрительную» (В. Леви. «Охота за мыслью»).

Иными словами, подобно тому, как у владеющего звуковым языком человека во время внутренней речи скрыто воспроизводятся мышечные кусочки слов, у глухонемых в той же ситуации воспроизводятся мышечные кусочки жестов. Именно поэтому погруженный в свои мысли глухонемой может делать руками произвольные движения, представляющие «свернутые» жесты его языка (сравните с бормотанием — «свертыванием» слов! — напряженно думающего человека).

Итак, язык — чисто человеческое явление, существующее только в человеческом обществе и обслуживающее истинно человеческие потребности: мышление и общение.

Но вот что удивительно: существуя лишь в человеческом обществе и только для его нужд, язык не есть сознательное «изобретение» человека. «По моему глубокому убеждению, — писал знаменитый немецкий лингвист В. Гумбольдт, — язык следует рассматривать как непосредственно заложенный в человеке, ибо сознательным творением человеческого разума язык объяснить невозможно».

Конечно, эти слова нельзя понимать в том смысле, что язык наследственная, биологическая функция человека, подобно врожденным рефлексам, инстинктам. Нет, В. Гумбольдт имел в виду человеческую — врожденную! — способность обучаться языку той социальной среды, в которой он родился и растет. И это действительно так.

Человек рождается с заложенной в нем способностью обучаться языку, и обучение это происходит с поразительным успехом: в первые же годы жизни ребенок усваивает все практически необходимые навыки думанья и говорения на языке окружающей среды.

Но мне могут возразить: за несколько лет можно научить языку и попугая; пусть в меньшем объеме, но он все же может имитировать человеческую речь. Вот именно — и м и т и р о в а т ь. Попугай способен лишь подражать звукам человеческого голоса, но он не порождает этих звуков и состоящих из них слов в том смысле, в каком это делает ребенок и вообще человек: этому не предшествует процесс мышления.

Рассмотрим теперь нашу проблему исторически. Возникновение и формирование языка происходило в человеческом обществе, пусть примитивном, но уже ощущающем две настоятельнейшие потребности: мыслить и общаться. Язык и возник как средство, удовлетворяющее эти потребности. Но можем ли мы сказать, что язык — продукт сознательного творчества отдельных людей? Конечно, нет. Язык сформировался как результат многовековой совмест-

ной трудовой деятельности наших далеких предков и связанной с ней постоянной необходимостью контакта, общения. Появление человеческой речи обусловило сложный комплекс биологических и социальных причин и обстоятельств. Но мы не будем останавливаться даже на краткой их характеристике, ибо это увело бы нас от рассмотрения вопроса о том, для чего человеку язык.

Для мышления и общения — это слишком общая формулировка. В реальной жизни язык служит самым разнообразным конкретным целям. Каковы же эти цели?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо рассказать о функциях языка.

В повседневной жизни каждый из нас пишет, читает и, больше всего, говорит. Например, по данным японских лингвистов, служащий в Японии тратит на разговоры больше семи часов (!), т. е. половину всего времени бодрствования, на чтение — полтора часа, на писание 47 минут.

Во всех этих случаях используется язык, но это использование — неодинаковое. Даже при выполнении одного вида языковой деятельности, например писания, человек употребляет не одни и те же языковые средства, а разные: школьное сочинение требует иных слов и конструкций, чем деловое заявление; выдавая официальную справку, юрист или делопроизводитель подберут такие выражения, которых мы не встретим в их частных письмах родным или друзьям; инструкция о том, как учить детей плавать, обычно бывает написана таким языком, который «противопоказан» лирическому стихотворению, а газетная передовица, как правило, не содержит слов и оборотов, свойственных художественной речи.

Научная статья, объявление, газетный фельетон, жалоба, текст закона, приключенческая повесть, заявление директору, школьное сочинение, отчет о футбольном матче, расписка должника, конспект лекции, поэма, ордер на квартиру, дневник, запись в трудовой книжке — во всех этих жанрах письменной речи используется один и тот же язык (скажем — русский). Один и тот же? Нет, разный русский язык.

То же и в устном общении.

На первый взгляд кажется, что устная речь, в отличие от письменной, не сдерживается регламентациями и правилами: говори как нравится, лишь бы собеседник понял тебя...

«Лишь бы собеседник понял тебя»... Но это и есть первое ограничение! Говорящий (как, впрочем, и пишущий) должен ориентироваться на слушателя, учитывать его интересы: если произносить слова неразборчиво, или слишком быстро, или не с той интонацией, или использовать незнакомые слушателю средства (скажем, слова неизвестного ему языка), то общение будет затруднено, а то и прекратится совсем.

Следовательно, в зависимости от того, с кѐм человек говорит, его речь варьируется: близкий друг поймет с полуслова, но «полуслова» явно недостаточно, когда отвечаешь урок учителю; в разговоре с незнакомым собеседником нужна речевая (словесная и особенно интонационная) настройка, более длительная и более сложная, чем в беседе с товарищем, хотя и здесь она нужна: вступая в контакт, люди как бы нащупывают настроение друг друга, расположенность или, напротив, нерасположенность к разговору, к шутке и т. д. — это предъявляет определенные требования к выбору слов и интонаций.

Наконец, рисунок речи каждого из нас достаточно сильно зависит от того, обращаемся ли мы к официальному лицу или вступаем в разговор с близким человеком. Да и наша собственная роль — тоже фактор немаловажный: если мы в роли воспитателей, то тип речи один, с преобладанием побудительных и «дидактических» средств, если в роли рассказчика — в ходу повествовательные интонации, эмоциональная лексика.

В зависимости от того, какую цель мы преследуем: сообщаем новость, констатируем факт, настаиваем, обещаемся, просим, побуждаем адресат к действию, возмущаемся несправедливостью, мы выбираем разные средства, прибегаем к разным оборотам и интонациям, используем различные функции слова.

Лингвисты всегда подчеркивают главное назначение языка, основную его функцию — информационную, или функцию сообщения. Она вытекает из необходимости «сообщать свои мысли другим и добиваться взаимопонимания в отношении самых насущных потребностей бытия», как писал известный французский лингвист начала XX в. Шарль Балли.

И в самом деле, постоянно взаимодействуя друг с другом в процессе производства и потребления, в повседневной бытовой и культурной жизни, люди все время что-то сообщают друг другу: свой жизненный опыт, новости, оценки событий, собственные мнения и т. п.

В языке есть средства, наиболее пригодные для осуществления функции сообщения. Это нейтральные в стилистическом отношении слова и конструкции, главная задача которых — называть те или иные явления, факты, действия, не внося никаких — ни положительных, ни отрицательных — оценок: *бежать, нападение, быстро, лошадь, стихи, говорить* и мн. др. Сравните слова, близкие по значениям, но содержащие в себе положительную или отрицательную оценку обозначаемого явления: *мчаться (нестись), агрессия* (тоже нападение, но «незаконное», с точки зрения говорящего), *сломя голову, кляча, вирши* (в значении 'плохие стихи'), *вещать* и *вякать* и др.

Подобные различия мы можем отметить и в морфологических формах. В газетной корреспонденции вряд ли встретятся слова *домище, высоченный, сказанул, тихонечко*. На их месте будут стоять соответствующие им чисто «информативные» слова и сочетания: *большой дом, очень высокий, сказал, тихо*.

Правда, если внимательно приглядеться к тем и другим словам, то можно заметить, что они не соответствуют, не равны друг другу по объему значения. И это действительно так: та эмоциональная окраска, которая характерна для слов и форм вроде *кляча* и *высоченный*, очень часто свидетельствует о некоей смысловой добавке в значении этих единиц — по сравнению с единицами нейтральными. И кроме того, многие из этих слов потому и эмоциональны, что выражают оценку факта говорящими. *Кляча* — не просто лошадь, а слабосильная, изможденная (работой или болезнью) лошадь; *домище* — не объективно большой дом, а большой, с точки зрения говорящего.

Сходные отношения — между информативными и эмоциональными синтаксическими конструкциями. Например: *Он его толкнул — А он как толкнет его, Как он его толканет, Он возьми да и толкни его; Твоя книга мне не нужна — Нужна мне твоя книга!* (в последнем случае говорящий с возмущением отвергает подозрение в том, что он взял чужую книгу) и т. п.

Там, где требуется только информация, передача сведений, почти не употребляются некоторые интонационные типы предложений, например большая часть вопросительных и восклицательных.

Информационная функция языка реализуется во многих жанрах современной литературной речи: радио- или газетной корреспонденции, научной статье, лекции, репортаже. Все это жанры сообщающие. В таких жанрах, как очерк, критическая статья, комментарий на международные темы, стихотворение, выступление на собрании, беседа врача — информативная функция присутствует и если не преобладает, то взаимодействует с другими функциями языка: выражения эмоций (ученые называют ее эмотивой), познавательной, агитационной, эстетической, поэтической.

В речевой деятельности человека обычно и естественно именно сочетание различных функций языка с преобладанием той или другой. «Чистое» выражение какой-либо одной функции встречается редко.

Иногда одна лишь фраза и даже одно слово (составляющее предложение) может объединять в себе несколько функций. Например, если больной произносит *Воды!* — это одновременно и сообщение (о том, что он хочет пить), и выражение эмоций (чувства жажды), и обращение, «агитация», побуждение другого лица к действию (напомним, что одно из значений латинского слова *агитацио* — ‘приведение в действие, побуждение’).

Особенно сложно сочетаются языковые функции в художественном тексте: здесь и сообщение, и создание — языковыми средствами — особой установки у читателя, и воздействие словом на его чувства, и элемент агитационный (как в стихах В. Маяковского) и познавательный (как, например, в прозе М. М. Пришвина, рассказах В. Бианки, в научно-художественных очерках акад. А. Ферсмана).

В жанрах нехудожественной письменной и устной речи легче выделить какое-либо одно, главное предназначение языка, соответствующее целям данного жанра. Так, в научно-популярной статье, докладе, объяснении урока преобладают информационная и познавательная функции, в речи на митинге — агитационная, а признание в любви использует язык в его эмотивной (т. е. служащей для выражения чувств, эмоций) функции.

Есть еще одна любопытная, и притом очень характерная для человеческого общества, «ипостась» языка.

Всем нам известны такие выражения бытовой речи, как *Что нового? Как дела? Как жизнь?* и даже просто *Ну, как?..* Есть подобные выражения и в других языках: американцы в качестве приветствия спрашивают друг друга *How do you do?*, французы — *Comment allez-vous?* или *Comment ça va?* (*≈ Как поживаете?*), немцы — *Wie geht es?* (*≈ Как идут дела?*), чехи — *Jak ta věc stojí?* (*≈ Как обстоят дела?*) и т. д. Обращаясь так друг к другу, люди редко имеют в виду буквальный смысл этих оборотов. Как раз напротив: тот, кто буквально понимает эти вопросы и начинает педантично рассказывать, как идут у него дела, или перечислять новости, воспринимается окружающими как чудак, человек без юмора. Таков, например, Женька, герой рассказа писательницы В. Токаревой «Зануда»: он «все понимал буквально. Если он чихал и ему говорили *Будь здоров*, он отвечал: *Ладно*. Если его спрашивали: *Как дела?*, начинал подробно рассказывать, как его дела... Слово *здравствуй* он понимал как обращение и понимал буквально: «будьте здоровы»».

Иногда говорящие обыгрывают все эти стандартные вопросы. Вот диалог подростков, встретившихся в коридоре школы:

- Ну, как ты?
- Двадцать семь.
- Что — двадцать семь?!
- А что — как?

(Обыгрывается «бессмысленность», т. е. неориентированность ни на какой конкретный смысл, местоименного наречия *как* в вопросе *Ну, как ты?*).

Подобные вопросы и реплики имеют двойное значение: первое, буквальное, которое в общении редко делается важным для говорящих, и второе, которое и значением-то не назовешь: это скорее их назначение — эти обороты употребляются для установления контакта между людьми, для речевой «настройки», а совсем не для передачи какой-либо информации. Таковую же роль играют некоторые шаблонные фразы о погоде и т. п., которые значимы не столько сами по себе, сколько как средство налаживания коммуникативной связи. А так как связь, социальный контакт — неотъемлемое свойство любого человеческого коллектива, то выходит, что и эта функция языка (ее называют

фатической — от латинского *фатум* ‘изречение’) наряду с другими очень существенна с точки зрения общественных отношений между людьми.

Подведем краткий итог.

При выяснении вопроса о том, каким целям служит язык, мы пришли к выводу, что язык нужен не просто человеку, индивиду, а социальному человеку, он необходим обществу людей. Он обслуживает две потребности: мыслить и общаться. Функции языка, которые удовлетворяют эти кардинальные человеческие потребности, являются социально наиболее важными.

МНОГООБРАЗНОЕ ЕДИНСТВО

Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж.

— По страсти, — отвечала старуха, — я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь.

А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург

Выяснив, для чего человеку — обществу человеку — язык, естественно задать вопросы: а как же используется язык человеком, как он употребляется в обществе людей — всеми одинаково или каждым по-своему? Есть ли разница в этом отношении между жителем села и жителем города, молодым и старым, образованным и полуграмотным? Или же все пользуются одним и тем же языком, общими для всех словами и конструкциями?

Ну, о том, чтобы все люди использовали один язык да еще при этом одинаково, не может быть и речи. Всякий знает, что страна от страны, народ от народа отличается языком: русский говорит по-русски, англичанин — по-английски, житель Танзании — на суахили и т. д. Да и внутри одной страны могут существовать многочисленные народности, каждая из которых имеет свой язык.

Самый яркий пример — наше отечество. Какую только речь ни услышишь на огромном пространстве от Белого моря до Охотского, от Мурманска до Чукотки: русскую, бурятскую, якутскую, калмыцкую, осетинскую, аварскую, лезгинскую, татарскую, мордовскую, башкирскую... — нет, перечислить все разнообразные языки и наречия, распространенные на территории нашей страны, трудно.

Но в полноте такого перечисления и нет необходимости. Мы хотели лишь упомянуть языковое многообразие, которое и так для всех очевидно. Основное же внимание мы уделим русскому языку: оказывается, что язык единой русской нации вовсе не един (как не едины и другие национальные языки, в осо-

бенности те, которыми пользуются многие миллионы людей). И не только по своим функциям, как мы только что в этом убедились (см. предыдущую главу), но и, так сказать, материально: по составу словаря, по правилам соединения слов во фразы, по нормам произношения, ударения, склонения, спряжения...

Эти различия обусловлены тем, что совокупность людей, говорящих по-русски, неоднородна в территориальном и социальном отношении.

Один живет в вологодской деревне, а другой — в Москве. Один всю жизнь рыбачит, ходит на карбасах и сейнерах, а другой преподает квантовую механику в столичном университете. Этот как родился, так никуда и не выезжал из родного села, пестуя землю и выращивая на ней хлеб, а тот исколесил всю страну в поисках железной руды или нефти...

Костромской крестьянин и столичный профессор, архангельский лесоруб и воронежский садовод, известный писатель и никому неизвестный метеоролог, токарь и стюардесса, железнодорожник и врач, пастух и штурман дальнего плавания, мужчины и женщины, старики и подростки — все это общество людей, говорящих на одном языке — русском.

И этот язык не может быть совершенно одинаковым у столь разных людей: в нем, в его средствах и правилах их использования отражаются все многообразные особенности людей — профессиональные, возрастные, различия по уровню образования и характеру воспитания, по особенностям той территории, на которой они живут.

Современные исследования показывают, как именно влияет территориальное и социальное дробление общества на дифференциацию языка. Факт его влияния бесспорен; важно, однако, установить его природу в каждом конкретном случае. Чем подвижнее границы членения коллектива на слои и группы, — а это и характерно для современного общества, — тем сложнее выявить социально обусловленные особенности языка.

Начнем с наиболее очевидного и обратимся к тому, что в лингвистике принято называть территориальным дроблением языка.

Язык и география

Хиггинс. По выговору нетрудно сразу отличить ирландца от йоркширца. Но я могу с точностью до шести миль определить место рождения любого англичанина.

Б. Шоу. Пигмалион

Знаменитый исследователь русской народной речи, писатель и языковед-самоучка Владимир Иванович Даль писал полтора столетия тому назад: «Кто не

узнает, при первой речи, уральского казака по резкой скороговорке его; донца — по особенной примеси южнорусского говора; курянина — по мягкому окончанию третьего лица; воронежца — у которого нет среднего рода, а *платье, яйцо и седло* — она и эта?.. Кто не узнает сибиряка, между прочим, по одному вопросу: *чьих вы?* вместо: *как вы прозываетесь?*; ярославца, особенно ростовца, по приставке *де, ди* и по словцу *родимый*; новгородца, который говорит: *хлиба ниту, сина ниту, совсим беда...*»

В. И. Даль первый выделил три основных наречия, распространенных на европейской части России: северновеликорусское («велико» — в отличие от «малорусского», или «малороссийского», как раньше называли украинский язык) — окающее; южновеликорусское — говорящие на нем акают, произносят особенное *з* (лингвисты называют такое *з* фрикативным), и средневеликорусское, в котором есть черты и от первого (например, *з* взрывное), и от второго (аканье). На севере: *головá*, а на юге: *у́глава́* или *улава́*, в Курской области *идеть, нясу*, а во Владимирской *идёт, нёсу* и т. п.

Но ведь В. И. Даль писал о том, что было полтора столетия назад, скажет читатель. Ничего удивительного нет в таком речевом разнообразии, если учесть, что Россия почти сплошь была неграмотная, что темнота была и в прямом и в переносном смысле: не было электричества, поезда только-только начинали ходить, почта доставлялась на лошадях, многие науки были еще в зачаточном состоянии, а на многие и намека не было. При отсутствии хороших средств связи и сообщения, при необразованности и темноте народа вполне естественно, что говор одних мест сильно отличался от говора других. Теперь-то ведь совсем иначе...

Да, действительно, теперь все иначе: всеобщая грамотность, доступность образования, кино и телевидение, скоростные поезда и самолеты, развитие наук и многое другое — это факторы, бесспорно влияющие на стирание речевых различий, подобных тем, о которых писал В. И. Даль.

И все же эти различия сохраняются и в наше время. Почему? Да потому, что язык изменяется гораздо медленнее, чем общество: за последнее столетие в России произошли две буржуазные и одна социалистическая революция, отгремело несколько войн, две из которых — Первая и Вторая мировые войны — изменили не только наше общество, но и весь мир, создались и достигли расцвета целые отрасли знания и производства, планета не раз изумлялась успехам, достигнутым советскими людьми... А русский язык — в сущности тот же, каким писали Лев Толстой и Чехов.

Конечно, в нем, как и в обществе, произошли перемены; социальный по самой своей природе, язык, разумеется, не мог оставаться не затронутым всей этой массой изменений и новшеств. Но языковое обновление не эквивалентно сдвигам в области социальной действительности. И это вполне естественно:

ведь устойчивость языка — одно из очень важных его достоинств, обеспечивающее взаимопонимание людей разных поколений, преемственность национальной культуры.

Медленно изменяется не только язык литературный, общеупотребительный, но и местные говоры. Правда, темп эволюции говоров в наше время выше, чем темп перемен, происходящих в литературном языке. Это понятно: ведь говоры испытывают сейчас сильнейшее воздействие языка книг, печати, радио, телевидения. Недаром специфическая местная манера речи больше свойственна старшему поколению жителей современной деревни, а деревенская молодежь все активнее и со все более раннего возраста приобщается к литературному языку.

Но не следует забывать, что местные речевые особенности — закономерное и исторически неизбежное явление языкового развития. Многовековое территориальное, хозяйственное и культурное разобщение русского крестьянства (а если обратиться к истории других народов, — то и не только русского), разбросанность сел и деревень по громадной территории — вот причины обособления отдельных областей национального языка, которые лингвисты называют местными диалектами, или говорами.

Крестьяне каждой местности имели свои привычки в хлебопашестве и уходе за скотом, свои обряды и традиции, даже особый склад души, характера — и свою речь, отличную от речи других мест. Все это составляло культуру в изначальном смысле этого слова. И человек, живший в определенной местности, не ведал, что где-то говорят иначе, что его речь может показаться кому-то странной и неправильной. А когда попадал в другие места — ехал в дальнюю деревню покупать лошадь или в город за «товаром», — то убеждался в неединственности своей речевой манеры.

До революции жители разных губерний даже пародировали особенности речи друг друга: — *С Масквы, с пасада, с калашнава ряда*, — высмеивали северяне-«окальщики» москвичей за их акающий выговор. А эти тоже не оставались в долгу и дразнили окающих владимирцев так: — *Болого* (т. е. благо, хорошо) *в Володимере стакан испить — голова болит*.

Те и другие вместе подшучивали над «мягкой» речью рязанцев и тамбовцев: — *Ён ходить, гуляить, батькю пaminaить*.

Специфические свойства речи всегда невольно привлекают к себе внимание слушателя, в особенности если слушатель — носитель одного диалекта, а говорящий — носитель другого, непохожего на первый. То же самое происходит при столкновении литературной манеры речи и диалектной или просторечной. «По-деревенски» говорящий человек может встречать ироническое или даже пренебрежительное отношение к себе среди горожан, в особенности среди тех, кто сам еще только начал переучиваться с деревенского говора на городской и осознать диалектную речь как «некультурную», «неграмотную».

Но заслуживает ли эта речь пренебрежения или хотя бы насмешки? Ни в коей мере. Ведь это не только «таперича», «чаво», «ентот», «свежая пива» и подобные слова и выражения, которые так резко отличают местные говоры от общеупотребительного языка. Это и богатство, разнообразие и яркость диалектного словаря, емкость смысла многих слов, точность наименований, живая образность крестьянских выражений и оборотов.

Именно отсюда, из народной речи черпали выразительные средства лучшие русские писатели, именно этот источник питал и питает речь образованных слоев общества — литературную.

Пушкин говорил о необходимости для писателя обращаться «к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному».

Кто не знает сейчас слов *колдобина*, *окладной дождь*, *пороша*? Когда-то они бытовали только в говорах. Писатели сделали их общим достоянием.

Немало диалектных слов ввел в литературное употребление И. С. Тургенев. В «Записках охотника» то и дело мелькают местные орловские слова и выражения с комментариями самого автора: *дощаник* — плоская лодка, сколоченная из старых барочных досок; *колдобина* — глубокое место, яма в пруду или реке; *сугибель* — крутой поворот в овраге; *бэчило* — глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не просыхает даже летом; *бирюк* — человек одинокий и угрюмый; *гляделки*: «я никогда не видывал более пронизательных и умных глаз, как его крошечные, лукавые “гляделки” (орловцы называют глаза *гляделками*, так же как рот *едалом*)».

Только за последние полвека в литературный обиход через художественные произведения или газетную публицистику попали такие выразительные слова, как *глухомань*, *новосел*, *баламут*, *ушанка*, *обеднять*, *морока*, *замшелый*, *отгул*, *показуха*, *умелец* и др.

А многие диалектные слова, знакомые нам по художественной литературе, еще не стали общеупотребительными, да, может, и не станут никогда: писатель мог использовать их для целей, обусловленных характером данного произведения, его стилистикой, эстетическими задачами.

Например, у Л. Толстого в «Казаках» читаем: «...дня два тому назад *прибегал* от полкового командира казак с *цыдулкой*». К каждому из выделенных слов Лев Николаевич сделал примечания: «*Прибегал* значит на казачьем наречьи “приезжал верхом”» и «*Цыдулкой* называется циркуляр, рассылаемый по постам». В этой повести о казаках встречаются и другие местные, казачьи слова и выражения: *сидеть* — «караулить», *лопнет* — «выстрелит» и др.

Многочисленные — и какие меткие, выразительные! — обороты народной речи найдем мы у таких известных писателей XIX в., как Лесков, Мельников-Печерский, Г. Успенский, Решетников, а из наших современников — у В. Астафьева, В. Белова, Ф. Абрамова, Б. Можаева и многих других русских писате-

лей. *Заточное место* — пустынное, глухое, *ослопная свеча* — толстая, похожая на *ослоп* — дубину, *сукнецо попрохувее* — т. е. порыхлее, помягче, *обмогнуться после болезни* — это из книг Н. Лескова. *Лед-тощак* — т. е. тощий, тонкий: заяц, собака бегут — не проваливаются, а охотник ломает лед и в воду; *зачекотала сорока, скололись* — т. е. спутались — *собаки, грудок* — небольшой костер, *засимок* — начало зимы... — эти слова и выражения встречаются на страницах книг замечательного русского писателя М. Пришвина.

То, для чего у горожан одно название, в говоре имеет десятки имен. В особенности разнообразны обозначения явлений природы. Вот, например, как называется в разных местах России снегопад с ветром: *бу́тора, кутíха, кутéль, кутерня́, кутéрька, хурта́, хурга́, кúжсьль, кúжелица, фию́з, рянда, завиру́ха, путерьга́, пúтьень, пургáн, сипу́га, пульга́, néпогодь, кура́, кúрево, курга́, закуру́ха...*

Пешеходную дорожку, бегущую через луг, лес или просто протоптанную в снегу, одни называют *тропа́, трóпка, тропи́на, трóпица, трóпник*, другие — *стега́, стёжка, стегови́на*, третьи — *узья́к*, четвертые — *сту́пень, ступня́, ступник, стопи́нка*, пятые — *путёк, запу́тник* и т. д.

Такое многообразие названий — даже в пределах одной местности — вполне объяснимо: ведь называют эти слова то, с чем житель деревни сталкивается по многу раз в день. А сколько слов для обозначения хозяйственных построек, способов обработки земли, видов пастбищ, лугов, леса, как сложны отношения по смыслу между этими разнообразными обозначениями: ведь именуют они то, что жизненно крайне важно, поэтому точность наименования имеет первостепенное значение. Одна деревня от другой может отличаться не разными словами, а неодинаковостью смысла одних и тех же слов: в одном месте, например, *жито* — это хлеб вообще, в другом так называют только яровые хлеба, в третьем — хлеб в зерне, в четвертом — хлеб на корню и т. д.

О богатстве и многообразии диалектного словаря мы говорим совсем не в укор словарю других языковых сфер, например лексике литературного языка. Важно подчеркнуть своеобразие этого богатства: необычайную детализацию конкретных наименований. Отвлеченные же, абстрактные понятия легче выражать на языке литературном, который имеет для этого средства не менее разнообразные, чем диалект, — средства для называния вещей.

Местные говоры как явление лингвистическое имеют определенные качественные отличия от речи городской, от языка, на котором пишут книги, «вещают» по радио, т. е. от языка литературного.

Ученые, исследующие современные народные говоры, находят у них несколько специфических черт.

Это, во-первых, территориальная ограниченность. Говор распространен обычно на сравнительно небольшой территории. В Вологодской обла-

сти говорят на *о*, а в Рязанской акают и смягчают глагольные окончания: *глядить, красють*, — чего вологодцы никогда не делают. В селах Белгородской и Липецкой областей говорят: *тыва́, выда́* (но *травой, в ваде́* — все зависит от того, какой звук произносится под ударением), а в соседних с ними местностях этого не услышишь, зато услышишь другое: *бядá, нясла́* и т. д.

В повести И. А. Бунина «Деревня» мужики говорят: *это дело особая; вышла распоряжение; прямая сообщение; може, место какая выйдет* — и, если знать особенности русских говоров, по одной этой языковой черте можно угадать, что действие происходит в средней полосе России, южнее Москвы, где-нибудь в Воронежской, Тамбовской или Орловской губернии.

Во-вторых, говоры имеют только устную форму существования (почему и называются они говоры, от слова говорить).

На диалекте не пишут, на нем только говорят.

— А как же сказки? — спросите вы. Ведь все мы в детстве слушаем сказки не только тогда, когда их нам «сказывают» бабушки, но и когда их читают вслух мамы и папы, а едва научившись разбирать буквы — сами начинаем читать их.

А былины? Ведь автор их — народ. Но пойдите в библиотеку да попросите сборник былин — вам сейчас же большой том предложат: вот и письменная форма народной речи.

А пословицы и поговорки? А частушки? А народные песни?

Выходит, что не только устно существует говор, диалект?

Нет. Книги, в которых вы можете прочитать сказки, былины, пословицы, песни, частушки, — это записи того, что имеет (или когда-то имело) хождение в народе. Записи эти сделали не сами сочинители, а исследователи-фольклористы во время поездок и экспедиций по глухим деревням. Это отражение — в букве, на бумаге — того, что по самой своей природе предназначено для слушания, а не для чтения, для передачи из уст в уста, а не для переписывания.

Да и сам язык былин, сказок, частушек — не совсем тот, каким крестьяне говорят друг с другом. А часто и совсем не тот. Так, в былинах сохранились древние языковые элементы (*орáтай* — т. е. пахарь, *дружина хоробрая, рáменные 'лес', кушати, крестьяновати* и т. п.), в сказках подчас используются слова и обороты, неупотребительные в обычной крестьянской речи: *жил-был в некоем царстве, в тридесятном государстве, путь-дороженька* и др.

Даже частушка — уж на что живой и «оперативный» жанр устного народного творчества, — и та отличается чисто языковым своеобразием:

*Давай, дроля, помиримся
Я бы помирилася,*

*Все бы старое забыла,
На чего сердилася.*

*Я залетку провожала,
Пролила я много слез,
На прощанье целовала
То его, то паровоз!*

Словами *дроля* или *залетка* ни одна современная живущая в деревне девушка в обычной речи не назовет своего милого, а если и назовет, то это явится своего рода заимствованием из «частушечного» стиля и получит ироническую окраску.

В народно-поэтическом творчестве — как и в творчестве писателя — языковые средства выступают не только и не столько для сообщения чего-либо, сколько для выражения разного рода чувств рассказчика или певца, для создания у слушателя особого настроения, для того чтобы нечто сказалось красиво и складно, как в обычной жизни не скажешь. «Язык фольклора — это диалект в его эстетической функции», — писал известный исследователь народно-поэтического творчества П. Г. Богатырев.

Подобно тому как в основе языка художественной литературы лежит общеупотребительный литературный язык, в основе языка фольклора лежит диалект. Однако в отличие от литературного языка, который бытует как в устной, так и в письменной форме, диалект, звучащий на деревенской улице и в частушке, в бытовой речи и в диалоге героев сказки, — это формы устной речи.

Третья характерная черта говоров заключается в том, что они обслуживают сравнительно узкую сферу общения — отношения людей в семье, в кругу односельчан. Поехал человек в город, и речь его меняется, так как он старается подделываться под городскую речь, а если остается жить в городе, то не только подделывается, но и усваивает ее.

Да и не выезжая из родного села, житель деревни не всегда пользуется говором. Например, в школе и учителя, и ученики стремятся говорить не на диалекте, даже если и те и другие родились и выросли в этой местности. Дело в том, что в школе обучают русскому литературному языку, но в речи и учителей, и особенно учеников встречаются диалектные элементы. То, что усвоено сызмальства в семье, что закреплено постоянным общением с близкими и родными, составляет очень стойкий языковой навык. И даже если человек переучился — начисто забыл родной говор, усвоил литературную речь, остатки прежних речевых навыков таятся в его мозгу и вдруг оживают при встрече с матерью, с односельчанином, в обстановке родной деревни и отцовского дома.

Это очень характерно с точки зрения функции диалекта: он оживает именно в тех ситуациях, для которых предназначен, и «молчит» в ситуациях, которым диалектная речь противопоказана.

Иногда в качестве отличия говора от общеупотребительного языка, от речи литературной называют отсутствие нормы: говори как хочешь, никакие правила и регламентации тебя не ограничивают.

В самом деле: никто ведь не создает диалектные грамматики, предписывающие крестьянам говорить в строгом соответствии с их диалектом, никто не составляет словари «правильного» говора и диалектных «неправильностей».

Но вот что интересно.

Если вы, москвич или воронежец, приедете во владимирскую деревню, то вашу речь местные жители тут же отличат: «не по-нашему говорит», «не так», «неправильно». То же случится и с любым другим человеком, если он не из этих мест и, следовательно, речь его непохожа на оканье владимирцев.

Значит, в сознании говорящих на диалекте все-таки есть представление о том, какая речь нормальна с их точки зрения, привычна им, а какая отклоняется от их собственной и, таким образом, является для них необычной, «неправильной».

Каждый носитель диалекта, так же как и носитель общеупотребительного языка (есть у лингвистов такой не очень поэтичный, но — что делать? — необходимый термин: носитель языка), с детства усваивает систему родного диалекта. Усваивает и пользуется им естественно и без усилий. В процессе речи не надо задумываться над каждым словом и выражением. Все другие носители этого диалекта, с небольшими индивидуальными вариациями, владеют теми же средствами и правилами. Это и есть норма говора: то, как говорят, как принято говорить в данном диалектном коллективе.

Норма незаметна до тех пор, пока ее не нарушают. Но как только носитель говора слышит «чужую» речь — жителя других мест или литературную, — он, часто неосознанно, замечает отклонение ее от родной для него манеры говорить. Это и есть нарушение диалектной нормы, которая, бесспорно, существует. Но в отличие от нормы литературной диалектная норма не испытывает сознательных усилий людей, которые — как это происходит в литературном языке — стремятся усовершенствовать, отшлифовать речевые средства.

Главная задача литературной нормы — максимально разграничить языковые средства в соответствии с теми потребностями общения, которые постепенно возникают у человека в процессе его деятельности. А у диалектной нормы ничего подобного нет: она не разграничивает средства в зависимости от цели и места сообщения, от стиля высказывания (стилистически диалект неизмеримо беднее, чем литературный язык), да и круг обслуживаемых диалектом сфер, как мы уже выяснили, узок.

Там, где литературная норма допускает гибкость выбора средств: для этой цели — одно, для другой — иное, в книжном стиле — высокое, в разговорном — что-нибудь «попроще» и т. д., — диалектная норма дает просто набор средств: слов, конструкций. Можно использовать это слово, а можно и другое, третье: *тропка, тропица, тропинка... кутель, кутерня, кутерьга...* (метель). Можно сказать и *При людей это было* (собственно диалектная конструкция), и *При людях это было* (заимствование из «грамотной» речи), и *об ту пору* — и *в ту пору*, и *воду принесено* — и *вода принесена* и т. п.

Различиям этих слов и конструкций в форме не соответствуют никакие другие: в значении, в стилистической окраске или в условиях употребления. Но набор этих средств всегда определен, и в этом (в частности) жесткость диалектной нормы: в одном и том же говоре не встречаются слова *навоз* и *назем*, *корец* и *кови*, *боронить* и *волочить*, одни и те же носители диалекта не говорят *уусь* и *гусь*, *молоко* и *мълако*, *чай* и *чай*, *идёт* и *идёт* и т. д.: эти слова и формы произношения принадлежат разным диалектным системам (окают на севере, акают — в южнорусских говорах, *уусь* говорят в Калужской или Тамбовской областях, а *гусь* — в Вологодской или Владимирской и т. д.).

Впрочем, в наши дни могут говорить. Эта оговорка только кажется противоречащей тому, что сказано выше. Весь смысл ее — в словах «в наши дни». Специфические диалектные формы речи сдают свои позиции под натиском литературных. Поэтому временно в одном и том же говоре могут сосуществовать и собственно диалектные, и новые, заимствованные из литературного языка черты. Обычно, однако, те и другие неодинаково распределены среди носителей диалекта. Это зависит от возраста, пола и социального положения носителей диалекта.

Верные хранительницы диалектной речи — женщины, а из них — самые пожилые. Конечно, и их речь испытывает воздействие языка телевидения и радио, но все же и сейчас еще из уст пожилых жительниц какой-нибудь глухой деревни можно услышать чистый народный говор без каких бы то ни было следов влияния речи городской.

Мужчины, в особенности молодые, не столь прочно привязанные к тому месту, где они родились, верны диалекту меньше. Черты собственного говора перемешаны у них с речью иных мест, и прежде всего с городской (не обязательно с «грамотной», литературной, но и — чаще — с просторечием), и успешно вытесняются ею.

Так происходит расслоение местного говора в зависимости от социальных и биологических различий его носителей.

По существу и раньше противопоставление языка деревни языку городскому было не только географическим, но и социальным: это было различие между языком крестьян и языком городских жителей — рабочих, интеллигенции,

чиновников. «Традиционное деление диалектов на территориальные и социальные, — говорил в связи с этим академик В. М. Жирмунский, — в сущности является мнимым, так как всякая территориальная диалектология в соответствии с самой языковой действительностью должна быть и диалектологией социальной».

Но в современном обществе к противопоставлению местных говоров как речи жителей деревни — различным формам речи жителей города прибавляется социальное дробление самого местного диалекта.

Современный территориальный говор не представляет собой однородного целого: это соединение нескольких речевых систем — от чистого диалекта (у пожилых людей) до более или менее сильных приближений к литературному языку или к городскому просторечию (у мужчин, особенно у молодежи).

Мы рассмотрели лишь часть языкового многообразия. Существование диалектов обусловлено территориальным дроблением общества и лишь отчасти — его социальной неоднородностью. Но есть и такие особенности языка, которые в большей степени определяются социальными различиями людей — их положением в обществе, родом занятий, уровнем образования и т. п.

КАЖДЫЙ НА СВОЙ ЛАД

— Вообще что означала вся эта петрушка?

— Накладка вышла, — пояснил Бомбардов.

— Что значит это слово?

— Накладкой на нашем языке называется всякая путаница, которая происходит на сцене. Актер вдруг в тексте ошибается, или занавес не вовремя закроют, или...

— Понял, понял...

М. Булгаков. Театральный роман

В 1836 г. русский критик Н. И. Надеждин писал: «У нас нет языка разговорного общего: у нас есть разговор мужика, разговор купца, разговор ученого, разговор подьячего, разговор военного, разговор степного помещика, разговор светского столичного человека... Одно и то же слово имеет совершенно разные, часто противоположные смыслы в этом вавилонском смешении разговоров...»

В эти годы зарождался единый литературный язык, у колыбели которого стоял Пушкин. Еще предстояли десятилетия упорной работы лучших писателей, публицистов, ораторов над формированием и совершенствованием этого языка, обогащением его сокровищами народной речи, заимствованиями из дру-

гих языков. Еще впереди был процесс стилистической детализации литературного языка. Еще не родились многие из тех, кто в конце девятнадцатого века и дальше, в двадцатом будут призывать учиться языку у народа и вводить в литературу подлинную, а не стилизованную народную речь, из тех, кто не сомневаясь поверит в возможность постепенного социального и духовного сближения «образованных» и мужиков, интеллигенции и народа, кто отдаст свои силы и жизни ради этого сближения...

Но вот перед нами рассказ А. П. Чехова «Новая дача». Он написан в 1899 г., т. е. спустя две трети столетия после сетований Н. И. Надеждина. Герои его — образованный барин, инженер Кучеров с женой и деревенские мужики. Живя бок о бок, на общей земле, они не понимают не только действий друг друга (крестьяне не могут взять в толк, для чего это под руководством инженера начали строить мост через реку, а инженер не в силах постичь логику их поступков), но и — языка. То, что говорит Кучеров мужикам, понимается ими превратно, а иногда в противоположном смысле.

Инженер спрашивает крестьян, зачем они пускают скотину в его огород и сад, рубят деревья в лесу, перекопали дорогу. Он говорит: «Вы же за добро платите нам злом. Вы несправедливы, братцы. Подумайте об этом. Убедительно прошу вас, подумайте. Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам тою же монетою».

Из всей его речи мужики уразумели только то, что надо платить: «Платить надо. Платите, говорит, братцы, монетой...»

В другой раз, встретив крестьян, Кучеров говорит раздраженно, возмущенный бессмысленностью их поступков по отношению к нему и его семье: «Инженер остановил свой негодующий взгляд на Родионе [старом кузнеце] и продолжал: — Я и жена относились к вам, как к людям, как к равным, а вы? Э, да что говорить! Кончится, вероятно, тем, что мы будем презирать вас. Больше ничего не остается!..

Придя домой, Родион помолился, разулся и сел на лавку рядом с женой.

— Да... — начал он, отдохнув, — Идем сейчас, а барин Кучеров навстречу... Да... глядит на меня и говорит: я, говорит, с женой тебя призирать буду. Хотел я ему в ноги поклониться, да оробел... Дай Бог здоровья... Пошли им, Господи...

Степанида перекрестилась и вздохнула.

— Господа добрые, простоватые... — продолжал Родион. — Призирать будем... — при всех обещал. На старости лет и... оно бы ничего... Вечно бы за них Бога молил... Пошли, Царица Небесная...»

Глаголы *презирать* и *призирать* звучат одинаково. Но Родион не спутал эти глаголы, а услышал в речи инженера близкий ему, обремененному многодетной семьей, живущему в ужасающей нищете крестьянину, глагол *призирать* — т. е. окружать заботами, попечением (обычно бедных, обездоленных).

Отвлеченно-книжное *презирать* просто неизвестно Родиону. Приняв же одно слово за другое, он истолковал гневную речь инженера в обратном, положительном смысле.

Как видим — полное непонимание. Случайность? Слишком забытые мужики или чересчур сложно выражающийся барин? Ни то ни другое. Напротив, ситуация, описанная А. П. Чеховым, типична для дореволюционной России. Да и как могло быть иначе в условиях глубоких различий между этими двумя классами — дворянско-буржуазной интеллигенцией и крестьянством? Разобшенность социальных слоев во всем, что касалось материальной и духовной жизни, замкнутость существования каждого из них порождали и специфические черты в их языке, определяли разное понимание одних и тех же слов.

Это был главный, но не единственный контраст в русском языке. Различие между речью литературной и крестьянскими говорами в определенной мере сохраняется и в наше время. Но, кроме него, была раньше и есть сейчас неоднородность языка, которая определяется разделением людей, составляющих общество, на профессиональные, возрастные, «образовательные» группы и даже... на мужчин и женщин, мальчиков и девочек.

И эта неоднородность порой столь велика, что говорят о «языке охотников» и «языке моряков», «языке актеров» и «языке плотников», особом жаргоне школьников, женском и мужском вариантах языка и т. д.

Языки ли это в обычном смысле? Нет, конечно. Ведь у них нет своей грамматики (т. е. своих, отличных от общих, правил изменения слов и соединения их друг с другом), да и собственный, специфический словарь незначителен по объему. Но, употребляя слово «язык» применительно к речи той или иной профессиональной, возрастной и т. п. группы, хотят подчеркнуть отличия этой речи от общеупотребительной, отличия, которые обусловлены социальной спецификой данной группы — тем, что это профессиональные моряки, или тем, что это школьники-подростки.

Профессия и речь

Гребу смело к пароходу. Вдруг оттуда голос:
— Кто едет?

Ну, думаю, это береговой — флотский крикнул
бы: кто гребет?

Б. Житков. *Компас*

Условимся называть сочетанием профессиональные «языки» (где слово «язык» — в кавычках) языковые особенности, которые связаны со спецификой профессий.

Если мы обратимся к любой специальной деятельности — к отрасли науки, к ремеслу, требующему знаний и навыков, то первое, что бросится в глаза, это особая терминология данной специальной сферы.

В токарном и слесарном деле встречаем слова *суппорт, станіна, патрѳн, кулачки, шѳбрить, центровать, метчик, лѳрка, шаг резьбы* и пр.; у физиков-ядерщиков — *протон, спин, нейтрино, мезоны, расщепление ядра, период полураспада*; у художников — *плѳнѳр, грунтовать холст, натура*; у бухгалтеров — *дѳбет, кредит, фонды, провести по такой-то статье расходов* и т. п.

Чем более автономна профессия или специальность, чем более глубоких специальных знаний и навыков она требует, тем разветвленное и сложнее ее терминология. И это вполне понятно: специальный предмет нуждается в специальном наименовании. Такое наименование и есть термин. От общеупотребительного слова он отличается тем, что термину приписывается строгое определение. Если неизвестно определение термина, то вы ни за что не догадаетесь, что он называет: что такое *линотип*? или *глубокая печать*? или *шпоны*? Без знакомства с соответствующими определениями, которые имеют эти полиграфические термины, трудно установить их содержание (о смысле общеупотребительного слова, если оно вам незнакомо; можно догадываться — по ассоциациям, по сходству с другими словами, по наличию в нем суффиксов с определенными значениями и т. д.).

Может быть и так, что в разных науках или отраслях техники употребляются одни и те же термины. Например, и в химии, и в лингвистике используется термин *синтез*, в физике и в медицине — *давление*, у космонавтов и у строителей метро — *стыковка*. Но это только кажется, что термины одни и те же: на самом деле они совпадают лишь по форме, а содержание у них различное. Да и в их употреблении, в сочетаемости с другими словами мало общего: *синтез белка* — и *синтез предложений, кровяное давление* — и *давление пара в котле, стыковка космических кораблей* — и *стыковка встречных тоннелей*.

Иногда специальные термины внешне совпадают с общеупотребительными словами. Это создает обманчивое впечатление «знакомости» терминов каждому. В кибернетике, например, говорят о *входе, выходе, адресе, программе, черном ящике, шуме*, но содержание этих слов существенно отличается от их обыденных значений. Просто кибернетики заимствовали их из общего языка и «приспособили» для своих целей.

Бывает и обратное заимствование — из терминологии в общий язык. В современных условиях, когда бурно развиваются наука и техника, когда они оказывают воздействие буквально на все стороны жизни, использование специальных терминов в повседневной речи — обычное дело. При этом термины часто изменяют свое содержание, употребляются как метафоры: *вышел на ор-*

биту славы, вирус равнодушия, духовный вакуум, настроился на шутивную волну, аккумулировать знания и т. п.

Сравните:

А все же
Есть небесный купол —
Из радиации футляр!
(Л. Мартынов)

Я сплю с окошками открытыми
А где-то свищет звездопад,
И небоскребы с т а л а к т и т а м и
На брюхе глобуса висят.
(А. Вознесенский)

Конечно, это — поэзия, а ведь известно, как склонны поэты к образному мышлению и ярким сравнениям. Но и в обыденной речи специальные термины употребляются широко, и мало кто замечает их былую узкую профессиональность. — *Дай мне свои координаты*, — говорит молодой человек девушке, и та сообщает свой телефон. — *Не доклад, а протоплазма*, — говорит один студент другому по поводу услышанного научного сообщения.

Термины, официально принятые и обязательные в отрасли науки, в технике, в каком-нибудь ремесле, — лишь одна, правда самая существенная, часть профессиональных «языков». Кроме них, каждой более или менее самостоятельной специальной сфере свойственно своеобразное использование слов и оборотов общеупотребительного языка.

Внимательно прочитайте рассказ Корнея Чуковского о том, как он и Житков оказались в бушующем море на утлой лодчонке, как ветер погнал их лодку на волнорез, и Житков

с изумительным присутствием духа прыгнул с лодки на мол, на его покатую, мокрую, скользкую стену и вскарабкался на самый гребень. Оттуда он закричал мне:

— *Конец!*

«Конец» — по-морскому канат. Житков требовал, чтобы я кинул ему веревку, что лежала свернутой в кольцо на носу, но так как в морском лексиконе я был еще очень нетверд, я понял слово «конец» в его общем значении и завопил от предсмертной тоски... (К. Чуковский. «Современники»).

Вместе с точностью наименования, которая выражается в терминах, профессиональной речи — главным образом устной — свойственно сочетание образности и выразительной краткости оборотов. Некоторые из этих оборотов в иной форме называют то, что имеет официальное терминологическое обо-

значение, другие — то, что можно выразить и средствами общеупотребительного языка, но более вяло или же длинно.

Например, в устно-профессиональном обиходе медиков есть слово *свеча*. Оно обозначает резкое изменение кривой на графике температуры: скажем, температура у больного была 36,9—37,2—37,4—37,1 и вдруг — 39,8! А затем снова упала до 36,9. Вот этот всплеск и есть свеча.

У железнодорожников в ходу выражения *сломать график* (нежелезнодорожник сказал бы *сознательно нарушить график*, и это было бы не вполне точной заменой), *выбиться из расписания*, *вытолкнуть поезд на главный путь*, *выдернуть его с главного пути и кинуть на запасной*.

Моряки называют *дедом* совсем не того, кто старше других на судне по возрасту, а — старшего механика; капитан у них обычно — *кэл*, моторист — *мотыль*, кок — *кандей*, а общежитие — *общага*. Тех же, кто с берега обслуживает отходящее в море судно, они несколько пренебрежительно именуют *берегашами*.

Не отстают от моряков и летчики — у них тоже немало специфических слов и оборотов: учебный самолет они называют *божьей коровкой*, низ фюзеляжа — *брюхом*, посторонний предмет, попавший в мотор, — *жильцом*... Если самолет увлекается вверх силой воздушного потока, то он *вспухает*, если его нос резко опускается вниз, то самолет *клюет*. Каждый, кто хоть немного знаком с летным делом, слышал о разнообразных фигурах высшего пилотажа, для названия которых использованы метафорически переосмысленные слова общего языка: *бочка*, *горка* и под. Заметим, что подобные метафорически-образные обозначения существуют и в других языках. Так, например, немецкие моряки называют капитана *de Olle* ('старик'), повара — *Doctor* ('доктор'), а вся команда называется *гостями*. Французский солдат (в годы Первой мировой войны) называл снаряд крупного калибра *marmite* ('сковородка'), штык — *cure-dent* ('зубочистка') или *fourchette* ('вилка'), пулемет — *tacyt* ('пишущая машинка') и т. п.

Сравните с этим современный американский военный сленг: *зебра* означает в нем сержанта, *винд мил* — 'вертолет' (буквально: ветряная мельница), словом *чicken* называют полковника (*чicken* по-английски — курица, цыпленок; сначала в насмешку стали называть *чickenом* орла на погонах полковника, а затем и его самого), *фиш* — это торпеда (буквально *фиш* 'рыба') и т. п.

Словом, каждая профессия имеет своеобразные средства выражения, известные людям только этой профессии и не употребляющиеся за ее пределами, причем это не только слова-обозначения специальных вещей и действий (т. е. термины), но и разнообразные способы речи, выработанные людьми общей профессии и служащие им в качестве своего языка, а точнее — своего профессионального жаргона.

Социальные жаргоны

Знаете ли вы, что такое школьный жаргон? Это когда вместо того чтобы сказать «превосходно» или «отлично», вы говорите «железно» или «потрясно». Когда вместо «мы смеялись» говорят «мы обожались» или вместо «три рубля» — «три ре». «Катить баллон» — что это, по-вашему, значит? Ухаживать, как это ни странно. Ну, и так далее.

В. Каверин. Школьный спектакль

Жаргоны бывают не только профессиональные. Условия для их возникновения коренятся в социальной обособленности, характеризующей деятельность той или иной общественной группы. Эта деятельность может быть связана как с профессией, так и с определенным образом жизни, социальным положением. Чем больше социальная обособленность группы или класса, тем благоприятнее условия для формирования особого языка, отличного от языка общепотребительного.

Одним из наиболее ярких примеров такого языкового обособления может быть речь русского дворянства первой половины XIX в. Дворяне в своем кругу использовали французский язык, который был не только символом образованности и хорошего тона, но и средством общения, недоступным слугам и крестьянам. Хотя обучение французскому языку в дворянских семьях велось с детства, не все овладевали им в совершенстве. Кроме того, всегда давало себя знать отсутствие «природной» французской языковой среды и, напротив, постоянное влияние среды русскоязычной. В результате французский в иных дворянских семьях оказывался весьма далек от языка парижан: в нем смешивались русские слова и французский синтаксис и т. д. Его роль сводилась в основном к роли сословного жаргона, понятного сравнительно узкому кругу людей одного класса.

В романе «Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» русский писатель начала XIX в. В. Т. Нарезный высмеивает этот уродливый жаргон:

Вместо того чтобы сказать, как и было прежде: «Матушка, мне пора накрывать на стол, уже батюшка пришел с гумна», она говорила: «*Ma chère maman! Я имею думать, что уже время ставить на стол куверты на пять персон; mon chèr rara изволил возвратиться из вояжа, во время которого изволил он осмотреть хозяйственные заведения касательно хлебопашества.*»

Л. Н. Толстой в реалистической, а не пародийной манере изобразил подобную смесь «французского с нижегородским» в гениальной эпопее «Война и мир»:

...князь Ипполит начал говорить по-русски таким выговором, каким говорят французы, побывавшие год в России:

— В Moscou есть одна барыня, une dame. И она очень скупа. Ей нужно было иметь два valets de pied [лакея] за карета. И очень большого ростом. Это было ее вкусу. И она имела une femme de chambre [девушка], еще большего роста. Она сказала...

В возникновении социальных жаргонов чрезвычайно важно следующее обстоятельство: если деятельность группы людей такова, что ее надо скрывать или защищать от общества, то разработка своего языка, непонятного чужим, диктуется жизненной необходимостью. Так, в прошлом возникли нищенский и воровской жаргоны, арг (жаргон) карточных шулеров — не только в России, но и во многих странах мира. В специфических русских условиях особые «языки» были у ремесленников: шерстобитов, шаповалов, портных и офеней, или коробейников (торговцев мелким товаром, которые кочевали из деревни в деревню).

Случалось, что на коробейников нападали, отбирали у них товар и деньги, их деятельность иногда преследовалась властями, крестьяне, подозревая обман и жульничество со стороны бойких офеней, порой тоже косо поглядывали на них. Поэтому коробейники вынуждены были всячески скрывать свои намерения и действия от посторонних, доверяясь лишь друг другу и поддерживая тесные связи только между собой. Отсюда и особое арг, непонятное окружающим: дом по-офенски — *рым*, молоко — *мѣлех*, деньги — *сáры*, говорил — *зѣтил*, строить — *мастьирить*, товар — *шивáр* и т. д.

Давно уже канула в небытие профессия коробейников. Забыт офенский «язык». Другие социальные жаргоны — например, нищенский, картежный — существенно изменились. Некоторые же слова из старых, исчезнувших арг и жаргонов вошли в общее употребление, например слова *жулик*, *липа* («фальшивка»), *заколodило*, *шустрый*, *двурушник* (в жаргоне: «нищий, собирающий милостыню обеими руками») и т. п.

Различия в языке могут быть обусловлены не только родом занятий, образом жизни (как это имело место в случае с коробейниками), но и, например, возрастом, уровнем культуры и образования и даже... полом людей. Например, в некоторых обществах различаются мужская и женская формы языка. В языке индейцев яна, которые живут в северной Калифорнии (США), одни и те же предметы и явления называются по-разному в зависимости от того, кто о них говорит — мужчина или женщина. Например:

Смысл	Как выражается в языке	Как выражается в языке
	мужчин	женщин
'огонь'	'aupa	'auh
'мой огонь'	'aupija	'au' nich'
'олень'	bana	ba'
'медведь'	t'en'na	t'et'

В луораветланском языке, по свидетельству исследователя этого языка В. Г. Богораза, существует «особое женское произношение. Женщины в отличие от мужчин произносят вместо *ч* и *р* только *ц*, в особенности после мягких согласных».

В Японии девушки владеют богатым и разнообразным в лексическом отношении языком (они специально этому обучаются), в то время как для юношей характерен более бедный и ограниченный словарь. Язык женщин различается в зависимости от пола, возраста, социального положения собеседника. В письменной форме этот «женский язык» имеет ряд синтаксических особенностей и специфичные выражения, не встречающиеся в языке мужчин.

В языке некоторых народностей на Малых Антильских островах — два словаря: один используется мужчинами (и женщинами, если они говорят с мужчинами), а второй — женщинами, если они говорят между собой.

Негритянские женщины в Америке более чувствительны к правильности и неправильности языка, чем мужчины, особенно в ситуациях, требующих повышенного внимания к собственной речи. В этих случаях они употребляют меньше «непринятых» форм, чем мужчины, и более восприимчивы к так называемым «престижным» языковым моделям — т. е. тем, которые распространены в культурной среде.

Отмечая подобные различия в языках, исследователи справедливо считают, что в большинстве случаев они характерны для обществ, в которых издавна проводится социальное разделение людей по полу. Положение мужчин и женщин в этих обществах резко различно, и расхождения в языке — естественное следствие этого социального неравенства. Однако даже и при этом условии сильные различия в языке между полами редки: речевое общение мужчин и женщин столь постоянно и интенсивно, что значительное своеобразие не может долго удерживаться.

С другой стороны, элементы различий языка в зависимости от пола говорящих есть и в цивилизованных обществах, в частности, даже в тех, где нет конституционного и всякого иного неравенства мужчины и женщины. Например, в современном русском обществе мужчины и женщины по-разному приветствуют друг друга: мужчины, в особенности молодые и хорошо знакомые друг с другом, могут употреблять наряду с формами *здравствуй(те)*, *добрый*

день, привет и др. и форму *здорово*, которая женщинам мало свойственна. Обращения также более разнообразны у мужчин:

— Садитесь, *мамаша!*

— *Друг*, дай книгу.

— Спокойно, *папаша!* (говорит в фильме «Берегись автомобиля!» Деточкин-Смоктуновский).

Такие фразы, содержащие формы обращения *мамаша, друг, папаша* (по отношению к незнакомому человеку), чаще произносят мужчины молодого и среднего возраста. В речи женщин подобные обращения почти не встречаются. Напротив, обращения *детка* (по отношению к ребенку), *милочка* и некоторые другие чаще употребляют женщины.

Вообще языковые различия между мужчинами и женщинами выражаются прежде всего в «этикетных» и ритуальных речевых ситуациях: в формах приветствий, прощания, благодарности, извинения и т. п. В других случаях, т. е. в обычной речи, эти различия носят скорее количественный, чем качественный характер: таких-то элементов в речи мужчин больше, а таких-то меньше, нежели в речи женщин, и наоборот. По некоторым наблюдениям, например, употребление оценочных слов *ужас!*, *противный* ('неприятный') свойственно главным образом женщинам. «Никогда не скажу — *противный: противный мальчишка, противная погода*», — говорил известный лингвист В. Н. Сидоров.

В основном же набор единиц языка (слов, морфем, конструкций) — общий и у мужчин, и у женщин. Одинаковы и правила использования этих единиц в подавляющем большинстве речевых ситуаций.

Приведем еще один пример социального расслоения современных языков. Во многих обществах издавна существуют школьные и студенческие жаргоны. В России XIX в. был еще бурсацкий жаргон. В замечательном произведении известного русского писателя-разночинца Н. Г. Помяловского «Очерки бурсы» приведены многочисленные образчики этого жаргона, который в силу особенностей, характеризовавших жизнь в бурсе (школе, которая совмещала в себе тупую зубрежку и палочную дисциплину), изобиловал словами и выражениями вроде *сбондили, сляпсили, сперли, стибрили, обьегорили, дать в рождество* ('ударить по лицу'), *жучить* ('строго взыскивать') и т. п.

Условия для сохранения и развития «молодежных» жаргонов есть и сейчас. Это связано с тем, что школьники и студенты образуют достаточно обособленные группы. Кроме того, некоторые психологические свойства людей молодого возраста — тяга к необычному, новому, стремление противопоставить себя взрослым — проявляются и в языке, в речевом поведении подростков, молодежи. Подчеркнутое утверждение своего «я» в этом мире может рождать у подростка намеренную грубость в речи, особое щеголеватое произношение (одни

слоги растягиваются, а другие, напротив, почти совсем «съедаются»), употребление в их кругу (и нигде больше!) специфических слов.

Лев Кассиль, автор многих любимых молодежью произведений, писал: «Замечал я, что иногда употребление грубых, жаргонных словечек вызывается скрытой застенчивостью, которая свойственна ребятам, из скромности чурающимся громких слов. И вот тогда, вместо того чтобы сообщить, скажем, о дружной и успешной работе бригады, вам бросят: “Да, уж вкалывали на всю железку!”».

Педагоги часто осуждают школьников за такую манеру речи, справедливо видя в ней искажение языка. Однако важно обратить внимание и на другую сторону: подросткам в употреблении языка свойственна игра, идущая еще из детства (помните *сухрики-кусарики* и *лопатки-копатки* из книги К. Чуковского «От двух до пяти»?). Подросток экспериментирует со словом, то намеренно искажая его, то переосмысливая, то вставляя в такие сочетания, в которых оно не употребляется. На этой игре и построено школьное аргю. В нем нет, как писал выдающийся французский лингвист XX в. Ж. Вандриес, «тирании правил». Поэтому говорящий на аргю часто пользуется сокращениями, отсекает части слов, упрощает слова и целые сочетания, максимально используя все возможности, предоставляемые системой данного национального языка.

В бурсе, например, был распространен «*ши-язык*»: «“ши-чего, ни-цы, шийся, не бо-цы”, то есть ничего не бойся... Слово делится на две половины, например: *роз-га*, к последней прибавляется *ши* и произносится она сначала, а к первой — *цы* и произносится она после; выходит *ши-зга, ро-цы*» (Н. Г. Помяловский. «Очерки бурсы»).

С такими же искажениями языка мы встречаемся и в аргю немецких, французских, английских подростков. Например, в Германии школьники, по свидетельству акад. В. М. Жирмунского, вставляют внутрь слова слоги *ду-, пи-, би-* и т. п., а сам такой прием называется у них *би-шпрахе*» (т. е. «*би-язык*»).

Другая особенность школьного аргю — сокращение собственных имен и фамилий и даже обычных оборотов речи.

Вот диалог между подростком Костей Рябцевым и преподавателем литературы, приведенный в повести советского писателя Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева»:

— Ну, *довам*, — сказал я на прощанье.

— Это как же понимать?

— *Доволен вами*, это вместо «спасибо». *Спасибо* это ведь — *спаси бог и*, значит, — религиозное.

— Ну, рано вы начали коверкать русский язык...

Еще одна характерная черта — заимствование слов из жаргона преступного мира, из просторечия и либо прямое их использование, либо переосмысление.

Переосмысление слов, создание выразительных, ярких метафор — характернейшая особенность профессиональных и социальных «языков» — свойственна и молодежному жаргону. Русские школьники, например, издавна называют отметку «1» — *колом*, а «2» в старину именовали *гусем*: *схватил гуся* значило ‘получил двойку’. Во французском школьном аргосе слово *jus* обозначает не сок, как в языке общепринятом, а... сочинение; такое переосмысление родилось из выражения *en méttre du jus* ‘потеть над чем-либо’.

Любопытно, что молодежный жаргон обновляется так же, как язык в целом, как другие его подсистемы. Это обновление заключается не только в смене одних жаргонных слов другими, но и в изменении «веса» каждого из способов образования жаргонизмов: в 20-е гг. XX столетия преобладали заимствования из аргоса преступного мира и сокращения (а какая масса сокращений была в общем употреблении!); в жаргоне 70-х гг., сокращения редки, зато очень сильна была тенденция к заимствованию и намеренному искажению иноязычных, главным образом английских, слов: *герла* — девушка (сравните англ. *girl*), *данситъ* — танцевать (англ. *to dance*), *френд* — мальчик, «дружок» (ср. англ. *friend*). Молодежный жаргон начала XXI в. не чурается англицизмов, но, кроме того, насыщен разного рода «переделками» (и по форме, и по смыслу) слов общеупотребительных: — Ты меня совсем *заколебал* (= ‘утомил чем-л.’); — не гони *пургу* (= ‘не воздействуй активно, настойчиво’) и т. п.

В речи школьников есть такие слова и обороты, которые характеризуют ее не как особый жаргон, а скорее как определенную возрастную разновидность языка.

— *Воображала, ставит из себя не знаю кого!* — восклицает тринадцатилетняя девочка по адресу поссорившейся с нею подруги.

— Мы вчера Нинку (знакомую) *доводили*, — сообщает один восьмиклассник другому.

Как правило, с возрастом подобные обороты исчезают из языка, заменяясь более «взрослыми». Сменяются и другие, собственно арготические средства: становясь студентом, бывший школьник знакомится с такими словами, как *зачетка*, *хвост* (несданный экзамен), *спихнуть сопрогат* (сдать экзамен по сопротивлению материалов), *стипа* (стипендия) и под.

Однако для речи современной молодежи в целом нехарактерно жесткое деление на разновидности жаргона — в зависимости от возраста, социального положения, уровня образования. Школьник-старшеклассник, студент, ученик токаря на заводе — все они владеют примерно одним и тем же жаргонным словарем. Различие только в активизации разных частей этого словаря: у од-

них употребительнее одни группы лексики, у других — другие. Поэтому, например, если судить по современной художественной литературе, вчерашнего школьника от окончившего вуз инженера по языку отличить довольно трудно.

В романе Д. Гранина «После свадьбы» герои выражаются так:

Молодой рабочий: *Это я в порядке трепя; Двигай ты сама в кино; По-ехал бы сам вместо Игоря, и кончики; Ну и сколопендра; Здорово ты ему выдал.*

Инженер: *Танцует она — блеск!; Пойдет совсем другая житуха; Что у вас тут, шарашка какая-нибудь?; вкальвает и т. п.*

А в повестях Василия Аксенова те же (или похожие) выражения звучат в устах молодых врачей, ребят, только что окончивших школу, рабочих:

Они сетовали друг другу, что в Гагре «слабовато с кадрами», а если и есть, то все уже склеенные и, как ни крути, а видно, придется ехать в Сочи, где — один малый говорил — этого добра навалом (В. Аксенов. Перемена образа жизни).

Отношение к молодежному жаргону различно. Одни непримиримо враждебны к этому «обезьяньему языку», считают его чуть ли не главным злом для современной русской речи и призывают вести беспощадную войну с жаргоном. Другие, напротив, видят в нем динамизм, выразительность, яркость словесных образов, чего порой не хватает обыденному языку.

Кто же прав? Как и во многих других подобных случаях — ни те ни другие. Истина, видимо, лежит посредине: нельзя жаргон искоренить декретом, но не стоит и особенно восхищаться им: выразительность его однобока, набор средств мал, а стремление одним словом выражать многие смыслы (*блеск!*, *дико*, *прикольный* вместо *хороший*, *прекрасный*, *замечательный*, *удивительный* служат оценками самых разнообразных событий и явлений) претит даже элементарному языковому вкусу. «Страшно не то, что молодежь изобретает особый жаргон, — писала одна из корреспонденток К. Чуковского, — страшно, когда, кроме жаргона, у нее нет ничего за душой».

Свойства всякого жаргона таковы, что он может использоваться лишь в очень ограниченном числе случаев. Это верно и относительно современного молодежного жаргона: школьники, студенты, молодые рабочие употребляют его в своем кругу и притом в более или менее непринужденной обстановке. В других ситуациях, при общении со взрослыми и друг с другом, но в более официальных условиях представители молодого поколения, как правило, переключаются на общеупотребительный язык. В этом проявляется действие «закона ситуации», который диктует говорящему использовать разные средства в зависимости от таких факторов, как цель речевого акта, тип собеседника, отношения с ним (официальные — нейтральные — дружеские), тема разговора и т. п.

Язык «ПРАВИЛЬНЫЙ» И «НЕПРАВИЛЬНЫЙ»

...Суть всякого литературного языка в его стабильности, в его традиционности.

Л. В. Щерба

Из того, о чем мы говорили до сих пор, следует один несомненный вывод: язык неоднороден. Более того, он настолько многообразен, так заметно варьируется в зависимости от территории, от социальных различий между говорящими, даже в зависимости от их возраста и пола, что можно лишь удивляться, как же понимают друг друга члены одного общества, если их речь столь непохожа.

Средством, общим для всех, является литературный язык: он общепонятен, он независим (хотя, как мы увидим, относительно) от социального и территориального дробления общества.

Если говорить коротко, в какой-то степени обобщенно, литературный язык — это язык культуры. А если расшифровать понятие культуры, то надо указать, что литературным является язык каждой отрасли культуры, любого ее проявления: науки, книг, прессы, радио, театра. Бытовой язык культурных людей также литературен.

Критерии единства и общепонятности для всех членов данного общества — основные требования, предъявляемые к литературному языку. Этими свойствами не обладают местные диалекты, социальные и профессиональные жаргоны: они обслуживают интересы ограниченных групп, а в качестве орудия межгруппового общения не годятся. В этом мы можем легко убедиться на примере некоторых стран современной Африки: при сильном разнообразии наречий и диалектов в них нет единого литературного языка. Поэтому, например, развитие всех видов массовой коммуникации затруднено: на каком языке «вещать» по радио? какой диалект выбрать для печатания общих для всей страны газет?

Рассказывая о диалектах и жаргонах, мы пытались указать носителей каждой из этих разновидностей языка — ту или иную социальную и территориальную общность говорящих.

Носителями литературного языка до революции признавали лишь буржуазно-дворянскую интеллигенцию, и в этом отражался горький факт: крестьяне и рабочие не были достаточно образованны, часто не были даже элементарно грамотны. Крестьяне пользовались диалектами, а рабочие, ремесленники говорили на просторечии, с примесью профессиональных речевых элементов.

После Октябрьской революции картина резко изменилась. Широкие слои рабочих и крестьян стали получать образование, начали приобщаться к культу-

ре, а вместе с этим и к литературной речи. Круг носителей литературного языка значительно расширился: к интеллигенции прибавились передовые в культурном отношении слои пролетариата и крестьянства. Все это люди образованные, а социальная сущность литературного языка именно такова: это язык образованной части населения, тех, кто живет культурными интересами. Это язык интеллигенции не в профессиональном значении этого слова («лица с высшим образованием» или «люди умственного труда»), а в его качественном смысле, характеризующем внутренний, духовный мир человека: интеллигентом может быть и маститый академик, и токарь, и колхозный конюх.

Литературный язык хорошо приспособлен для самых разнообразных задач общения. При этом чем сложнее и глубже культура данного общества, тем более развит и многогранен его литературный язык и тем медленнее темпы его изменения. Это и понятно: чем больше культурных ценностей накоплено на языке (рукописей, книг, магнитофонных записей и т. п.), тем сильнее действует тенденция сохранить эти ценности для последующих поколений.

На страже целостности и общепонятности литературного языка стоит норма.

Норма

Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет.

А. М. Пешковский

Норма определяет, что правильно и что неправильно, она рекомендует одни языковые средства и способы выражения как «законные» и отвергает другие как противоречащие языковому обычаю, традиции.

Языковые нормы не придуманы кем-то (скажем, лингвистами), а объективно сложились в результате многовековой речевой практики людей. Нормы исторически изменчивы, но меняются они чрезвычайно медленно. В развитых литературных языках норма остается неизменной на протяжении сравнительно больших отрезков времени.

Литературные языки складываются на основе народной речи во всем многообразии. Они отбирают из языка народа наиболее ценный и выразительный материал: слова, конструкции, отдельные обороты. Роль такого отбора, творческой переработки фактов повседневной речи хорошо понимал еще В. И. Даль, который был горячим поборником живого народного слова. В статье, которую Владимир Иванович предпослал изданию своего словаря, замечательный собиратель слов писал: «...вовсе не утверждаю, будто вся народная речь, ни даже все слова речи этой должны быть внесены в образованный рус-

ский язык; я утверждаю только, что мы должны изучить простую и прямую русскую речь народа и усвоить ее себе, как все живое усваивает себе добрую пищу и претворяет ее в кровь и плоть».

Уже сформировавшись и представляя собой целостную, самостоятельную систему, литературный язык продолжает черпать выразительные средства из диалектов, просторечия, профессиональных языков. Норма играет в этом процессе роль фильтра: она пропускает в литературное употребление все ценное, что есть в живой речи, и задерживает все случайное и временное.

В разные эпохи языковая норма неодинакова. В пушкинские времена говорили *дѣмы, корпусы*, теперь — *дамá, корпусá*; тогда была *музы́ка*, сейчас — *му́зыка*. В знаменитом пушкинском «Памятнике» мы читаем: *...и не оспори-вай глупца*, сейчас говорят только: *не оспаривай*. Ф. М. Достоевский писал: *Тут щеко тливый Ярослав Ильич... взглядом устремился на Мурина* — из современных писателей, пожалуй, никто не употребит слово *щеко тливый* применительно к человеку (обычно *щеко тливый вопрос, щеко тливое дело*). А. Н. Толстой (почти наш современник!) в одном из своих рассказов описывал действия героя, который стал *следить полет коршунов над лесом* (мы бы *сказали следить за полетом коршунов*).

Такая временная разность нормы — явление естественное: язык развивается, а вместе с ним развивается и норма. Но изменение литературной нормы происходит медленнее, чем изменение всего языка в целом: ведь она, как мы говорили, не берет все подряд из языкового потока, а отбирает только нужное и выразительное — с тем чтобы, обогащая литературный язык новыми средствами, не помешать его общепонятности, не разрушить его единство.

Связанный с диалектами и просторечием, литературный язык в то же время не равен им, не растворяет их в себе, а лишь питается их соками, вбирая в себя все живое и прекрасное, что в них есть. Упраздните нормы, снимите ограничения — и вы лишите литературный язык его основной функции, культурной; потоки разнородного речевого материала немедленно хлынут в него.

Представьте себе невозможное: газеты начинают печататься не на едином русском языке, а на разных диалектах: в Вологде — с особенностями северного говора, в Краснодаре — на кубанском диалекте, во Владикавказе — с чертами, обусловленными соседством осетинского языка. Эфир (радио и телевидение) также наполнен разнодиалектной речью. Книжки пишутся по-псковски, по-рязански... Это, конечно, фантастическая картина, но она ярко показывает роль литературного языка в жизни общества, значение нормы в литературном языке.

Но не только в сохранении целостности литературного языка, не только в тщательном отборе новых языковых средств заключены функции нормы. Это, так сказать, внешняя ее задача. А кроме того, есть и не менее важные внутренние.

Лингвисты справедливо подчеркивают, что литературный язык — организованная система: все средства в нем разграничены в соответствии с потребностями общения. Норма и служит регулятором этой дифференциации. Она не допускает в литературное употребление полностью дублетных единиц, т. е. таких, которые не различаются ничем, кроме формы. Если в литературном языке встречаются такие дублеты, то они — следствие развития языка: в них отражается сосуществование традиционной, старой — и новой, зарождающейся норм. Например, старые москвичи еще иногда говорят *горький, тихый, смеялся, шаги, жара*, а большинство носителей литературного языка предпочитают новые формы произношения: *горький, тихий, смеялся, шаги, жара*. Различаются по стажу употребления в литературном языке и такие пары, как *прожекторы* и *прожектора*, *тракторы* и *трактора*, *гаснул* и *гас*, *каплет* и *капа-ет*, *в Быкове* и *в Быково* и т. п.: все левые члены этих пар отражают традиционную норму, все правые появились позднее.

Норма, как сказано выше, стремится избавиться от таких дублетных средств: одни из подобных пар начинают различаться по смыслу или стилистически (мы говорим *учителя школы*, но *великие учителя человечества*, *рупора радио* и *рупора радио*, но только *рупора идей* и пр.); в других более употребительной становится одна форма, а вторая уходит на периферию языка: все сейчас говорят и пишут *дотрагиваться, приспособливать*, а глаголы *дотрагиваться, приспособливать* можно встретить лишь в литературе XVIII—XIX вв.

Тенденция к функциональному разграничению средств действует в литературном языке постоянно — и постоянно в нем есть еще не разграниченные, дублетные единицы, только состав их меняется: то, что было новым и вытесняло традиционные формы речи одно-два столетия назад, теперь в свою очередь отражает традицию и вытесняется новым. В этом — свойственное языку диалектическое противоречие: норма стремится закрепить что-то одно, сделать средства выражения стабильными, а живая речь, без которой развитие нормального языка просто невозможно, все время «поставляет» новые и новые ресурсы. Это противоречие — пружина существования и развития литературного языка: непрерывно разрешаясь на материале конкретных вариантов ударения, произношения, употребления слов и т. п., оно способствует пополнению выразительных средств языка, удовлетворяя нужды во все более тонкой дифференциации передаваемого языком содержания.

Конкуренция старых и новых форм речи, традиционного и свежего протекает подчас очень остро, и не только в самом языке, но и среди говорящих: одни горячо отстаивают привычные, всеми употребляемые слова и возмущаются нелепыми (как им кажется) новшествами, другие обосновывают естествен-

ность и неизбежность обновления языка, защищают наиболее удачные, благозвучные (также с их точки зрения) неологизмы.

Одна из особенностей литературной нормы (в отличие, например, от нормы диалектной) — ее гибкость, ее зависимость от условий, в которых осуществляется речь. Лингвисты называют это свойство нормы коммуникативной целесообразностью.

Коротко это свойство можно охарактеризовать следующим образом. Норма не делит средства языка на хорошие и плохие, не предписывает: первые надлежит употреблять всегда, а вторые — не употреблять никогда. Само деление на «правильное» и «неправильное» в языке условно: «...объективных критериев для суждения о том, что “правильно” и что “неправильно”, нет... в языке “все течет”, так что то, что вчера было “правильным”, сегодня может оказаться “неправильным” и наоборот», — писал в первой четверти XX в. А. М. Пешковский; «...сами понятия аномального, правильного или неясного весьма условны. Для любого явно аномального выражения можно придумать ситуацию, которая превратит его во вполне нормальное», — отмечает полвека спустя В. А. Звегинцев.

В речи литературно говорящих людей возможны сознательные отступления от принятой нормы, «языковая игра». Этим человек обращает внимание на предмет речи, или передает свое отношение к нему, или обнаруживает перед слушателем свое эмоциональное состояние и т. д. Если отступление от нормы оправдано какой-либо из подобных целей, то это не ошибка, а речевой прием, свидетельствующий о свободе, с которой говорящий обращается с языком, о языковом чутье и вкусе. (Ошибка возникает в случае неосознанного, автоматического употребления неправильной формы или слова.)

В «Отцах и детях» И. С. Тургенева Базаров в споре с Павлом Петровичем Кирсановым спрашивает:

— ...Но что вы *этим* хотите доказать?

И слышит ответ:

— Я *эфтим* хочу доказать, милостивый государь (Павел Петрович, когда сердился, с намерением говорил: *эфтим* и *эфто*, хотя очень хорошо знал, что подобных слов грамматика не допускает. В этой причуде сказывался остаток преданий александровского времени. Тогдашние тузы, в редких случаях, когда говорили на родном языке, употребляли одни — *эфто*, другие — *это*, мы, мол, коренные русаки, и в то же время мы вельможи, которым позволено пренебречь школьными правилами), я *эфтим* хочу доказать, что без чувства собственного достоинства, без уважения к самому себе... нет никакого прочного основания общественному зданию.

Литературная норма разграничивает средства языка, грубо говоря, на подходящие для данной цели и неподходящие. Потребности общения настолько сложны и многообразны, что для каждой из них нужны свои слова и конструкции, которые лучше других выполняют данную функцию. Поэтому литературный язык — это не просто набор хороших, правильных, годных для любого случая средств, а сложнейшая система словесных и конструктивных единиц, которые градуированы по различным шкалам: смысловой, стилистической, ситуативной.

Смысловая шкала предусматривает все виды отношений между значениями слов — от омонимии, когда два слова не имеют ничего общего, кроме формы (*косить косой* — и *заплетать косу*, *засаливать огурцы* — и *засаливать рукава*), до синонимии, когда у слов, напротив, тождественны значения, а форма различна (*встречать враждебно* — *встречать в штыки*; *фундамент теории* — *основание теории*).

Стилистическая шкала содержит указание на окраску слова в зависимости, во-первых, от его стилистических свойств (высокое, нейтральное, сниженное) и, во-вторых, от сферы его употребления: научный термин, канцелярский оборот, техническое выражение и т. д. Стилистические пометы обычны в толковых словарях, в справочниках по стилистике, в учебниках языка.

Загляните в одну из таких книг, например в словарь. Вы увидите там пометы: *разг.*, *высок.*, *техн.*, *проф.* и *под.*, которые стоят возле многих слов. Так, слова *гуртом*, *норовить*, *намарку*, *нытик*, *мастак*, *миндальничать*, *миловаться*, *куражиться*, *встряска*, *огорошить*, *глазастый* снабжены пометой «разг.» — т. е. разговорное. Слова *хаять*, *обалдеть*, *рожжа*, *хияк*, *хватить* (стулом об пол), *распатронить*, *лохмы*, *канючить*, *трудяга*, *шмякнуться* — пометой «прост.», т. е. просторечное.

С другой стороны, слова *година*, *грядущий*, *карать*, *свершиться*, *воссиять*, *восславить*, *встарь* характеризуются как торжественные, высокие (помета «высок.»), *воспрянуть*, *глупец*, *камарилья*, *коллега*, *комфорт*, *компонент*, *дифференцировать*, *единовластие* — как книжные.

Некоторые воспринимают словарные пометы как запретительные, считают их «дурным лексикографическим обычаем». Но это не так. Ведь пометы не придуманы лингвистами-лексикографами — они соответствуют реальному статусу слов в языке, их употреблению в речи. Никакого запрета, никакой хулы ни в словарных пометах «разг.» или «прост.», ни в каких-либо других не содержится: они лишь отражают объективно существующие в языке стилистические различия. Они помогают правильно использовать слово, согласуя его окраску с целями речи: высокое слово неуместно в бытовом разговоре, но вполне может подойти в торжественной речи. В научной статье как-то неудобно, ссы-

лаясь на работы NN, называть его *мастак*ом или *трудогай*, который *норовит распатронить* своих оппонентов за их *болтовню*, но мы нисколько не удивимся, услышав те же самые слова в диалоге двух друзей.

«Языковым мусором кажутся слова, — говорит писатель Владимир Солоухин, — забредшие из одной языковой сферы в другую. Один химик остроумно заметил, что грязь — это химические вещества не на своем месте». Словарные пометы, пишет в связи с этим видный отечественный лингвист М. В. Панов, «указывают: где такое-то слово не “грязь”, в какой речи оно жданный и прощенный гость, а в какой непрощенный. Если пометы нет — слово всюду, во всех видах литературного языка, прощенный гость».

Контекст и ситуация также подсказывают говорящему, какие слова выбирать. И хотя пока не создано ничего вроде «ситуативной грамматики», которая содержала бы правила выбора языковых средств в зависимости от типа ситуации, — в литературном языке и в сознании его носителей средства разграничены на «более подходящие» и «менее подходящие» к тем или иным условиям общения. В беседе друзей уместны и не режут слух фамильярные, грубоватые обороты речи, но никому и в голову не придет использовать подобные обороты в официальном разговоре, в объяснениях по телефону с малознакомым человеком (подробнее см. об этом в главе «Смотря по обстоятельствам»).

Краски слова и стили речи

...А она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать.

А. П. Чехов

Для изучения гидродинамики пленочной конденсации на вертикальных поверхностях в электрическом поле применены фото- и киносъемка с одновременным замером тепловых характеристик процесса конденсации.

Из статьи в научном журнале

Отказать ввиду отсутствия вышеозначенной тары.

Резолюция на заявлении

Посмотрите внимательно на приведенные отрывки. Они специально выбраны из таких далеких друг от друга жанров, как художественное произведение, научная статья и резолюция. Эти отрывки контрастны — по использованным в них словам, по структуре фраз, по интонации.

Как мы уже говорили, существует стилистическая шкала, на которой можно разместить все средства языка. Она состоит из трех зон: высокий (или строгий) стиль, нейтральный и сниженный. Основным является нейтральный. Это своеобразная точка отсчета: не будь нейтрального стиля, нечему было бы противопоставлять, с одной стороны, слова высокие, а с другой — сниженные. Нейтральное наименование у какой-либо вещи или у понятия есть всегда (или почти всегда), а высокие, торжественные и, с другой стороны, сниженные стилистические соответствия менее регулярны. Михаилу Викторовичу Панову принадлежит формулировка следующей закономерности: «...слова окрашенных стилей должны иметь синоним в нейтральном стиле; слово нейтрального стиля может иметь синоним в окрашенном стиле».

И действительно, если изобразить отношения между высоким, нейтральным и сниженным стилями, то они будут выглядеть как таблица с не полностью занятыми клетками:

Высокий стиль	Нейтральный стиль	Сниженный стиль
<i>почивать</i>	<i>спать</i>	<i>дряхнуть</i>
<i>вкушать</i>	<i>есть</i>	<i>жрать</i>
<i>лик</i>	<i>лицо</i>	<i>морда (о человеке)</i>
<i>скончаться</i>	<i>умереть</i>	<i>дать дуба, загнуться</i>
—	<i>лошадь</i>	<i>кляча</i>
—	<i>бить</i>	<i>лупить</i>
<i>грядущий</i>	<i>будущий</i>	—
<i>внимать</i>	<i>слушать</i>	—
—	<i>обмануть</i>	<i>надуть, объегорить</i>
—	<i>читать</i>	—
—	<i>глобус</i>	—

Помещая то или иное слово в один из трех столбцов, мы основываемся на его эмоциональном значении, или эмоциональной окраске: *почивать, вкушать, лик, скончаться, грядущий, внимать* — это слова с высоким эмоциональным значением; *дряхнуть, жрать, морда, дать дуба, загнуться, кляча, лупить, надуть, объегорить* — слова со сниженным эмоциональным значением, а у слов *спать, есть, лицо, умереть, лошадь, бить, будущий, слушать, обмануть, читать, глобус* эмоциональное значение равно нулю (но это не простой нуль, а значимый: ведь он входит в систему эмоционально-стилистических противопоставлений).

Эмоциональное значение большинства окрашенных единиц состоит из двух компонентов — смыслового и стилистического. Традиционно ряды слов типа

очи — *глаза* — *гяделки*; *лоб* — *чело* рассматривались как чисто стилистические синонимы. Но недавно исследователи языка обратили внимание на то, что стилистические различия этих слов являются производными от различий смысловых: ведь *очи* — это не всякие глаза, а красивые, а коли так, то *гяделками* их ни при каких условиях не назовешь; напротив, низкий или прыщавый лоб только в шутку можно назвать *челом*.

Эмоциональное значение присуще самому слову независимо от конкретных условий его употребления. Больше того, оно, это значение, в известной мере определяет контексты и ситуации, в которых слово может быть употреблено.

Так, слова *оболтус*, *верзила*, *канючить*, *норовить* содержат такой эмоциональный компонент, который не позволяет использовать их в «положительном» контексте. Никто всерьез не скажет: *Посмотрите на этого привлекательного верзилу — какой он красивый и стройный*. Или: *Симпатичный оболтус норовил первым выполнить контрольную работу, а когда сдавал ее, то начинал весело канючить у преподавателя дополнительное задание*.

Равным образом слово, в значении которого содержится элемент эмоциональной возвышенности, неуместно в ситуации «приземленной», бытовой, в соседстве со словами, эмоциональная окраска которых контрастирует с эмоциональной окраской высокого слова. Только в шутку можно, например, сказать: *Здоровенный синячище воссиял на его челе* или: *На грядущей неделе мне надо бы сходить постричься*.

Писатели иногда намеренно совмещают в одном контексте, в одной фразе эмоционально разные слова и тем самым добиваются комического эффекта. Например, высокая лексика нарочно вводится в сниженный текст, соседствует с бытовыми словами.

У М. Е. Салтыкова-Щедрина читаем: *Боткин свидетельствует, что у него в клинике один пациент-ревматик через четыре часа встал на ноги, взял одр свой и пошел в дом свой*. У А. П. Чехова: *Желаю наипаче всего здравствовать и иметь хлеб насущный в достаточном для такого обжоры, как ты, количестве*. У И. Ильфа и Е. Петрова: *Светлый брильянтовый пот орошал его жирное лицо*. Устарелое и высокое *одр* на фоне делового сообщения; *наипаче* — и *обжора*, *пот* — *орошал*...

Когда разностильные слова соединяются в предложения не намеренно (говорящий или пишущий считают такое соединение вполне нормальным), то возникают стилистические ошибки. В одной газетной заметке, например, сообщалось, что в таком-то колхозе строители досрочно *возвели коровник*, а другая газета в официальном тексте извещала своих читателей: *Вчера скончался главарь подпольной террористической организации*... Уж если *скончался*, то *глава* или *вождь*, а если *главарь*, то, скорее всего, надо было сказать нейтрально *умер*.

Эмоциональная окраска слова обуславливает его функционирование в речи: архаичные и поэтому высокие по своей окраске слова, а также сниженная лексика неупотребительны в научном сочинении, в деловом документе, официальном послании. Если известна эмоциональная окраска слова, то можно с большой вероятностью указать и языковую разновидность, в которой слово обычно употребляется. Но для этого нужно знать, что это за разновидности языка, чем обусловлено их выделение.

Как мы уже знаем, язык используется с разными целями, в различных функциях. Складывающиеся при таком употреблении языка отдельные его разновидности принято называть функциональными стилями. Каждый из стилей характеризуется свойственными только ему стилистическими закономерностями в выборе, употреблении и сочетании языковых средств. Как писал выдающийся русский языковед акад. В. В. Виноградов, функциональный стиль — это «общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа».

Как же выделяются функциональные стили речи? Критерием деления литературного языка на функциональные области, если говорить упрощенно, служит ответ на вопрос: для чего используется язык, для какой цели? Если мы ответим в данном случае: «Чтобы писать», а в другом — «Чтобы говорить», то получим дифференциацию языка на две большие, главные разновидности: книжно-письменную и устно-разговорную. (В действительности, правда, все не так просто: можно ведь записать диалог, отчего он не перестанет быть разговорной речью, и, наоборот, можно книжно говорить, например вслух читать заранее написанный доклад. Другими словами, не все, что произносится, обладает стилистическими качествами устно-разговорной речи и не все изображенное на письме соответствует книжному стилю.)

Книжный язык — достижение и достояние культуры. Он основной хранитель и передатчик культурной информации. Все виды непрямого, не непосредственного (дистантного) общения осуществляются средствами книжного языка. Научные труды, художественную литературу, дипломатическую переписку, законодательство, делопроизводство, газетно-журнальную продукцию и многое другое невозможно себе представить без книжно-литературного языка. Функции его огромны и с развитием цивилизации еще более усложняются. А это настоятельно требует обновления выразительных средств, их шлифовки, все более тонкой их стилистической градации.

Современный русский книжно-литературный язык — это мощное орудие коммуникации, общения. В нем есть все средства, необходимые для разнообразных целей общения и прежде всего — для выражения абстрактных понятий и отношений. Сложные связи, прослеживаемые учеными и писателями в материальном и духовном мире, описываются научным языком, который, в сравнении с языком бытовым, труден, непонятен читателю-неспециалисту. Устная речевая традиция для этого не годится: невозможно передавать из уст в уста синтаксически громоздкие тексты. На письме же, в книге человек может позволить себе и довольно сложные построения: если адресат не поймет написанного с первого раза, он может вернуться к началу текста, вчитаться в него еще раз. Это свойство книжно-письменной речи ученые отмечают как одно из самых важных. Главное же ее достоинство в том, что «письмо обеспечивает безупречную сохранность текстов, написанных сто и более лет назад; оно удлинит время каждого текста (устная традиция постепенно меняет текст); тем самым оно усиливает способность литературного языка быть связью между поколениями» (М. В. Панов).

Если продолжить два данных выше ответа («чтобы писать» и «чтобы говорить») и указать в каждом случае: что и кому писать или говорить, с какой целью и т. д., то мы получим дальнейшее членение книжно-письменной и устно-разговорной разновидностей на функциональные стили.

В современной стилистике выделяются научный, официально-деловой, публицистический стили книжно-письменной речи.

Существенной приметой научного стиля является специальная терминология, большое количество отвлеченных по своим значениям слов (таких как *явление, процесс, качество, совершаться, рассматривать, однородный, разнообразие, дифференцировать* и под.), сложный синтаксис, в котором преобладают конструкции, обеспечивающие логически безупречное построение текста. Некоторые сочетания слов употребляются здесь особенно часто и потому приобретают свойства оборотов-клише: *анализ данных показывает; рассмотреть проблему; на основании приведенных фактов; из сказанного следует* и т. п.

Элементы, из которых строится высказывание в официально-деловом стиле, иного рода: *вышеупомянутый, вменить в обязанность, принять меры в отношении Иванова, означенный, ввиду наличия затруднений* и под. Синтаксис деловых документов может быть также достаточно сложным, но природа этой сложности иная: ведь и предмет речи, и отношения между объектами здесь качественно иные, чем в области научной. Часто бывает необходимо указать связи и отношения между многочисленными объектами в пределах одного высказывания. Тогда появляются такие, например, длинные и запутанные (но при этом грамматически правильные) конструкции:

На ваше письмо от 14/1 за номером П-467/12, подписанное зам. директора завода тов. ... , сообщаем, что детали ГОСТ 4296—43 машин типа МШ-352, с приложенными к ним экземплярами инструкций по эксплуатации указанных машин, отгружены в ваш адрес... заводом стальной конструкций 23/ХІІ 1971 в двух товарных вагонах № 134000247 и 845 772 024, о чем администрация завода известила руководство вашего предприятия телеграммой от того же числа.

Конструктивная сложность этого отрывка из деловой переписки двух предприятий кажется достаточно оправданной в этом жанре (подобная фраза выглядела бы уродом, скажем, в газетном очерке, а в повести или критической статье была бы вообще невозможна).

В других видах деловых документов сложность языка не диктуется необходимостью. Поэтому, например, в заявлении, справке, записи в трудовой книжке преобладают относительно простые конструктивные формы, которые являются устойчивыми клише, нормой для данного вида документа.

Публицистический стиль менее специфичен, чем научный и деловой, по набору стилистических средств, но ярко своеобразен по их организации в тексте. Здесь используются главным образом средства общеупотребительного языка, но наряду с ними и научные термины, и конструкции делового стиля, и приемы художественной речи — сравнения, метафоры, эпитеты. Широко употребляются эмоционально окрашенные (высокие или сниженные) слова и обороты: *вояж, безыдейный, свершения, пособник, агрессия, военщина, чудовищные злодеяния, дать отпор, казенщина, головоотылы, охаивать* и т. п.

Такое разнообразие используемых средств объясняется функциями публицистического стиля: не только сообщать или логически доказывать нечто, но и призывать, побуждать к активности, вообще эмоционально воздействовать на людей. Поэтому сочетание в одном высказывании стилистически разных компонентов превращается здесь в важную задачу, от удачного решения которой зависит действенность публицистического текста.

Вот образец агитационной публицистики, т. е. публицистики, использующей в качестве стилистических приемов прямое обращение к читателю, риторические вопросы и восклицания, ритмические повторы слов и конструкций и т. п. Этот образец взят из статьи И. Эренбурга о Франции 1944 г., борющейся с оккупантами, о роли французских писателей в этой борьбе:

Пора вспомнить о долге писателя, французский народ ждет горячих слов. Нужно поддержать партизан. Нужно поддержать сопротивляющихся. Не рассуждениями, а человеческим дыханием. Слов великой ненависти ждет народ... Пришло время непримиримости. Франция истекает кровью в неравной борьбе. Пусть зазвонит рог Роланда! Велик французский народ, и бессмертны его музы. Когда падут стены темницы, мы услышим изумительные голоса новых писате-

лей, и они нам скажут про все, что пережил французский народ в эти неповторимые годы горя и славы.

Такие факторы, как тема сообщения, его цель, адресат, обуславливают неоднородность каждого функционального стиля. Эти факторы служат причиной дифференциации стилей на разные жанры.

В самом деле, пишет ли ученый для узкого круга специалистов, знакомит ли со своим исследованием представителей смежных наук, выступает на ту же тему в научно-популярном журнале или перед школьниками; описывает ли он проведенный им эксперимент или спорит с оппонентами, дает отзыв о чужом труде или показывает преимущества одних методов перед другими, подкрепляя аргументацию собственными оценками, — во всех этих случаях автор пользуется научным стилем, в большей или меньшей степени примешивая к нему элементы стилей других, например делового, публицистического, используя в разных пропорциях средства книжного языка и разговорного.

Ярким примером могут быть отрывки из работ известного русского кораблестроителя академика Алексея Николаевича Крылова. Эти отрывки взяты: а) из научной статьи, написанной для людей общей с ним специальности, б) из доклада о механике корабля Русскому физико-химическому обществу, в) из сообщения на заседании комитета обороны (где были не только ученые), г) из статьи «Рассказ о моей жизни», напечатанной в газете «Красный флот», д) из мемуаров «Мои воспоминания», адресованных самым широким кругам читателей, но также содержащих элементы научного стиля.

а) Чтобы подобрать требуемое сечение балки по данному наибольшему моменту изгибающих сил, надо задать допустимое предельное напряжение в наиболее удаленном от нейтральной оси слое и разделить изгибающий момент на это напряжение; получится момент инерции сечения. Иными словами, надо изгибающий момент разделить на отношение момента инерции к расстоянию наиболее удаленного от нейтральной оси слоя («Строительная механика корабля»).

б) Чтобы корабль не был валок или, говоря морским языком, был бы остойчив, выгодно его делать пошире, а чтобы он был «ходок», очевидно, что его надо делать подлиннее и поуже — требования противоположные. Мерию остойчивости корабля служит его метацентрическая высота, т. е. возвышение метacentра над центром тяжести корабля. Чем это возвышение больше, тем корабль остойчивее («Физика в морском деле». Доклад Русскому физико-химическому обществу 14 января 1914 г.).

в) Установка муфт Дженини повышает точность наводки, но это не все, надо еще систему «совмещения стрелок», чтобы наводчику у орудия не вводить постоянно поправок на изменение видимого расстояния, поправок целика и пр., а просто совмещать стрелки: одну прикрепленную к орудию, а другую — автоматически управляемую счетными приборами из центрального поста. Этим меткость огня значительно повышается, а корабль для того и строится, чтобы, стре-

ляя, попадать в противника, а не в воду и небо (Выступление на заседании комитета обороны).

г) Мне предложили разработать вопрос о килевой качке корабля и установить, насколько корабль качается носом и кормой и какой нужно учесть запас глубины под килем, чтобы обеспечить безопасность прохода [корабля] в любую погоду («Рассказ о моей жизни», газета «Красный флот», 16 марта 1939 г.).

д) (Рассказывая о подводной лодке): Лодка эта была совершенно дурацкая: профиль вроде этакого автомобиля («Мои воспоминания»).

Сопоставьте эти отрывки и внимательно проанализируйте лексические и стилистические особенности. Анализ покажет, как варьируются языковые средства в зависимости от адресата (читателя или слушателя).

Жанрово-речевое варьирование делового стиля определяется в меньшей степени адресатом, а в большей — сферой канцелярско-деловой деятельности. Сравните разные виды отношений: между государственной властью и населением (законы, указы, постановления; жалобы, предложения и т. п.), между начальством и подчиненными (директивы, приказы, выговоры, благодарности, с одной стороны, и заявления, отчеты, объяснительные записки — с другой), между предприятиями и ведомствами (все виды деловой переписки, договоры, обязательства), наконец, деловое общение отдельных людей.

Как видим, в разных функциональных стилях и речевых жанрах высокая, нейтральная и сниженная лексика представлена неодинаково. Больше того, пропорция, соотношение разных эмоциональных средств и приемы их сочетания друг с другом — важнейшая отличительная черта каждого функционального стиля, каждого жанра.

Разговорный язык не делится столь четко, как книжно-письменный, на функциональные стили. И это понятно: книжный язык специально разрабатывается, культивируется, поскольку сфера его «обслуживания» чрезвычайно широка, а функции невероятно многообразны. Постоянно осуществляется работа по нормированию книжно-письменного языка, усилиями многих миллионов пишущих он сознательно совершенствуется.

А разговорный язык, на первый взгляд — неуправляемая стихия: каждый говорит, как ему вздумается, что хочет, с кем хочет и т. д. Но в действительности и здесь есть нормы. Они не устанавливаются сознательно, специально никем не регулируются, а только обусловлены традицией и обычаем.

Разговорным языком мы называем устную форму литературного языка, а не вообще все то, что произносится, говорится (не пишется). А раз так, то естественно, что носители литературного языка и при устном общении друг с другом придерживаются определенных правил речи. Существуют нормы произношения, ударения, употребления слов, свойственные русскому разговорному литературному языку.

Больше того, есть и «неписанные» нормы громкости, тона, ритма устно-литературной речи. Почему мы оборачиваемся в автобусе или в трамвае на слишком громко разговаривающих подруг? Отчего кажется странной речь некоторых нервных больных — монотонная, почти не различающая вопросов, утверждений и восклицаний или же захлебывающаяся, комкающая слова и фразы?

Несомненно, все это происходит оттого, что в нашем мозгу, в механизме владения языком заложены некие образцы интонационной и темповой структуры речи, ее громкости и ритма, которые мы не осознаем, но которые сразу же обнаруживаются, как только возникает отклонение от привычных способов речи.

Подобно собственно языковым — словоупотребительным, произносительным и т. п. — эти нормы функционально разграничены: в разных условиях общения используются различные типы интонации, ритма, тембра, неодинаковый уровень громкости. Сравните выступление на собрании и разговор у ночного костра с друзьями, ответ ученика на уроке и его речевое поведение в игре, беседу с учителем и разговор с родителями и т. д.

У разговорного языка есть одно очень важное, даже, можно сказать, главное отличие от книжно-письменного и от других форм устного общения: его средства, его нормы реализуются в не подготовленной заранее, свободно льющейся речи. Лингвисты называют такую речь спонтанной.

Если вы напишете текст, вызубрите его и в нужный момент начнете произносить, это не будет, как мы отмечали ранее, разговорный язык, несмотря на то что форма его — устная: ведь вы подготовились, заранее создали речь по нормам книжно-литературного языка, а потом просто воспроизвели ее, как пластинка или магнитофон.

Разговорной считается произвольная речь, рождающаяся в момент ее произнесения. Потребность именно в таком произвольном, естественном говорении возникает на каждом шагу: в семье, в общении с друзьями, в обмене репликами с продавцом, врачом, кондуктором, гардеробщиком... Во всех этих случаях разговорный язык, как это вполне очевидно, бытует преимущественно в диалогической форме. Конечно, легко себе представить и спонтанный монолог: например, выступление (не подготовленное заранее!) на рабочем совещании, где обстановка деловая и дружеская; рассказ о летнем отдыхе и т. п. Но это менее типично для разговорного языка, в отличие от книжного, где преобладающей формой является монолог. В чистом виде разговорный монолог осуществляется редко: природа устного, визуального общения такова, что слушатели естественно перебивают рассказчика замечаниями, репликами, восклицаниями, реагируют на его слова мимикой и жестами (сочувствия, недоверия, изумления и пр.). Не то в книжном языке: вы, конечно, можете ахать, возму-

щаться или радоваться при чтении монологического текста — скажем, статьи, очерка, книги. Но это ведь не прервет авторского монолога, не нарушит его течения, потому что он уже дан, уже написан.

Это свойство устно-разговорного языка — постоянную ориентацию говорящего на реакцию слушателя, постоянную корректировку речи в зависимости от этой реакции — иногда называют обратной связью (термином, заимствованным лингвистами из теории информации).

Область применения разговорного языка уже, чем книжно-письменного: это в основном дружеские и нейтральные отношения между людьми при их непосредственном общении друг с другом. Чисто деловые отношения и в особенности официальная обстановка «противопоказаны» разговорному языку — в этих случаях используется книжно-письменный язык.

Рассмотрим, чем еще различаются эти две языковые сферы.

Во-первых, в разговорном языке менее жесткие, чем в книжном, нормы. В частности, допускаются дублеты, т. е. не разграниченные функционально слова и обороты. По этому признаку разговорная норма стоит как бы между книжно-письменной и диалектной.

Во-вторых, разговорному языку свойственны некоторые черты, которые отсутствуют в других языковых разновидностях. Вы можете часто услышать (и сами сказать): *Дай чем писать* (т. е. ручку, карандаш); *У вас есть чем накрыться?* (т. е. одеяло) и т. п. Такое расчлененное, описательное наименование объекта по его функции широко представлено в разговорной речи.

Называние вещи по ее предназначению вообще характерно для устного непринужденного общения: незнакомый с «официальным» обозначением предмета, но, зная, для чего этот предмет нужен, говорящий «с ходу» производит, например, такие слова: *открывалка, выбивалка, цедилка* и т. п.

Другое свойство — стремление к сжатию речи. Отсюда конструкции, в которых нет союзов, более того — сами слова как бы соплагаются друг другу, а не соединяются синтаксической связью: *Молоко развозит — еще не приходила* (В книжной речи мы написали бы или сказали: *та, которая молоко развозит...*); *Со мной вместе работает — вчера уехал в отпуск (тот, кто со мной работает...)*; *Щетка ботинки чистить в нижнем ящике лежит (щетка, которой чистят ботинки...)* и т. п.

Некоторые грамматические формы почти не употребляются в разговорном языке, например причастия и деепричастия. Обычно говорят *Он надел пальто и вышел из дому*, а не *Надев пальто, он вышел из дому*¹. Если и встречаются

---

¹ Гениальный Пушкин писал задолго до наблюдений современных лингвистов: «Не одни местоимения *сей* и *оний*, но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: *карета, скачущая по мосту*,

слова, по форме похожие на деепричастия, то они представляют собой наречия, качественно определяющие действие: *сидит съездившись, читает лежа* и т. п.

Напротив, роль других частей речи (глагола, указательных местоимений) особенно велика.

Своеобразие разговорной речи ярко и вместе с тем неощущаемо самими носителями языка. Попробуйте точно записать за приятелем то, что он вам говорит, а потом покажите ему эту запись: в девяти случаях из десяти он не поверит вам, усомнится в том, что именно так он выразился. А все оттого, что речь — то непринужденная, почти не контролируемая сознанием. Как только включается сознание, так порождается другая, не разговорная, а книжная речь, с правильностью, присущей ей и чуждой устно-разговорному языку.

При непосредственном общении людей коммуникативное значение имеют не только слова, но и интонация, мимика, жесты, пространственное положение собеседников друг относительно друга. Все эти элементы дополняют значения, передаваемые чисто языковыми средствами, сплавлены с этими средствами в одно целое. Поэтому, если искусственно раззять такое целое и выделить только слова да еще записать их (хотя бы и со скрупулезной точностью), неизбежно возникнет впечатление языковой странности, «неправильности». Это впечатление никак нельзя считать мерилем нормативности, ибо то, что правильно для книжного языка, неприменимо в языке разговорном, и наоборот: разговорные обороты и конструкции противоречат книжно-литературной норме².

«Немыслимы канцелярские обороты за обеденным столом, — писал великолепный знаток русского языка и его стилистики Г. О. Винокур, — но “начальство” со своей точки зрения вполне резонно находит иной раз неуместными обиходные выражения в казенном отношении. Когда судья пользуется формулой: “Суд признал, что иск Иванова к Петрову подлежит удовлетворению”, то два глагольных слова (*подлежит* и *удовлетворение*. — Л. К.) возникли здесь не потому, что люди “стыдятся говорить просто”, а только потому, что такова традиция, черпающая свои силы в некоторых основных законах всякой соци-

слуга, метущий комнату, мы говорим: *которая скачет, который метет* и пр., — заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом» — «Письмо к издателю», 1836.

² Тем, кто хочет больше узнать о специфике русского разговорно-литературного языка, советуем познакомиться с книгой «Русская разговорная речь». М., 1973 (при описании свойств разговорного языка мы опирались именно на это исследование), а также с учебным пособием «Современная разговорная речь и ее особенности», написанным О. Б. Сиротининой (М., 1975).

альной жизни, каждая сфера которой создает для себя оsrбые и специфические средства выражения. В предложении “До сих пор правительство не считало необходимым преследовать Кука” редактор поправил: “не считало необходимым возбудить преследование против Кука”, — и поступил, на мой взгляд, совершенно правильно. В первом варианте исчезал полицейско-судебный нюанс, который с точки зрения задания этой фразы необходимо было сохранить. Точно так же незаменимы на своем месте все эти расхожие штампы вроде *прийти к соглашению, прийти к убеждению, во избежание, налагать взыскание* и т. п. Все дело лишь в том, чтобы эти штампы действительно стояли там, где нужно, чтобы приятельская беседа не велась в штампах терминологических, а в научном сочинении — не фигурировали штампы застольной болтовни.

Человек, действительно владеющий литературным языком, его стилями и речевыми жанрами, «многоязычен». В различных условиях общения он использует средства разных стилей литературного языка, выбирая те из них, которые наиболее соответствуют целям речевого акта. Этим стиль отличается от диалекта: разными диалектами владеют разные говорящие, — нет людей, которые владели бы, скажем, и вологодским оканьем, и калужским аканьем. А разными стилями владеют одни и те же говорящие. Некоторые исследователи видят в этом главное различие диалектов и стилей и кладут указанный признак в основу определения этих понятий: диалект — это различия, соответствующие различию «использователей», носителей языка, а стиль — это различия, соответствующие различиям в его использовании говорящими.

Конечно, овладеть всеми разновидностями литературного языка — дело непростое. Редко кто с равным мастерством сочиняет научные статьи, деловые бумаги, газетные фельетоны и судебные протоколы, одинаково свободно рассказывает друзьям анекдот и произносит речь перед многотысячной аудиторией. Палитра функциональных стилей и речевых жанров, как мы видели, широка и разнообразна, и человек использует лишь те ее краски, которые лучше других знакомы ему и которые наиболее необходимы ему в трудовой деятельности и в общении с окружающими.

Однако бесспорно, что каждый носитель литературного языка употребляет обе его разновидности — книжную и разговорную, пусть не во всех функциональных проявлениях. «Одноязычные», т. е. те, кто владеет только книжным или только разговорным языком, — редкое исключение, скорее даже аномалия. Правда, есть даже такие люди, которые владеют только одним стилем, например официально-деловым. И в отношениях с близкими, с друзьями они используют штампы канцелярского жаргона: перед женой *ставят вопрос о недожаренном мясе*, обсуждая с приятелем футбольный матч, заявляют, что *в части игры вратаря* они довольны и т. д. Но ведь такого человека и не назовешь носителем литературного языка.

А как обстоит дело с художественной речью, с языком художественных произведений? Что это — тоже функциональный стиль литературного языка? Одно время так и считали. Но постепенно, по мере того как разрабатывались, с одной стороны, теория художественной речи (в трудах Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, М. М. Бахтина и других ученых), а с другой — понятие литературного языка, становилось очевидным, что художественное слово невозможно уложить в жесткие рамки литературной нормы. Да и не нужно этого делать.

Литературный язык составляет основу словесной ткани художественного произведения. А на эту основу писатель волен наносить какой угодно языковой узор.

Для тех целей, которые ставит перед собой автор произведения, он берет наиболее подходящие языковые средства, широко используя и диалектную речь, и просторечие, и профессионализмы, и другие известные ему элементы общенационального языка. Да и как может быть иначе? Если, описывая жизнь рабочих, прозаик заставит их говорить книжным языком, он погрешит против правды: ведь на самом деле рабочие так не говорят.

То, насколько органично сливаются разные языковые струи в художественной речи, зависит от таланта писателя, от его стилистического мастерства, от тех эстетических задач, которые он хочет решить в своем сочинении. Словесная ткань некоторых произведений состоит почти сплошь из нелитературного языкового материала — как, скажем, у Михаила Зощенко. Это художественно оправданный прием, и только: разоблачая мещанство, писатель заставляет говорить самого мещанина. Нелепо требовать от автора, чтобы он в своем творчестве неукоснительно следовал нормативному словарю, но столь же нелепо объявлять всякое слово, встретившееся в художественном тексте, бесспорно литературным.

«Ейный», «пущай», «цельный день», «полтъ не напасешься», «завсегда» — эти и подобные выражения так и мелькают в рассказах и повестях Зощенко. Это органические элементы его писательского языка, его творческой манеры, так говорят действующие лица его произведений, от имени которых, через восприятие которых ведется повествование. Но совершенно очевидно, что эти слова и обороты нелитературны.

Но не только для речевой характеристики персонажа использует писатель нелитературные средства. Часто просторечное или диалектное слово можно встретить и в авторской речи. Это диктуется или содержанием произведения, его темой (как это свойственно, например, современной «деревенской» прозе — повестям Ф. Абрамова, В. Белова и других), или художественно-эстетическими целями (а нередко тем и другим вместе).

Писатель или поэт свободен в выборе языковых средств, но это именно свобода, а не анархия: и слова, и конструкции, и интонацию своего произведения

он подчиняет той внутренней идее, которую хочет художественно воплотить. Взаимодействие языковых элементов, часто контрастных стилистически, должно создавать цельную эстетическую картину. Именно поэтому диалектизмы и просторечия, скажем, в поэмах русской поэтессы XX в. Марины Ивановны Цветаевой мы воспринимаем как необходимую точность, как единственно уместные языковые элементы:

Сидел, сидел царь наш — инда устал!
Ручкой-ножкой себе путь распростал.

(М. Цветаева. Царь-Деввица)

И ладит, и сладит
Долг девичий плотит,
Ресницами в самые веки ще котит.

(М. Цветаева. Царь-Деввица)

То же — в поэме А. Т. Твардовского «Василий Теркин», которая вся насыщена просторечной лексикой, разговорным синтаксисом:

Немец стукнул так, что челюсть
Будто вправо подалась.
И тогда боец, не целясь,
Хряснул немца промеж глаз.

Бьются двое в клубах пара,
Об ином уже не речь, —
Ладит Теркин от удара
Хоть бы зубы забережь.

Художественная речь — явление индивидуально-стилистическое. Поэтому здесь может быть употреблена даже явная ошибка, «неправильность».

Но и используя ошибку, «неправильность», писатель делает это сознательно, с определенной целью, как употребляет он и все другие языковые средства. В этом проявляется стремление к отбору выразительных элементов, а не безразличное их использование. Границы этого отбора неизмеримо шире, чем в нормативно-литературном языке, но они есть: не всякое слово, услышанное на деревенской улице или в заводском цеху, может быть безусловно вплетено в ткань произведения, не всякий оборот речи, «простонародный» по происхождению, годится для художественного изображения крестьянина или рабочего.

Таким образом, язык художественной литературы — очень своеобразное явление. Основу его составляют средства литературной речи, но вместе с тем

он вбирает в себя самые разнообразные элементы национального языка, сложное сочетание которых в художественном тексте диктуется внутренним его содержанием и эстетическими целями.

Художественная речь только внешне — книжная: она реализуется в книгах, в художественных произведениях. Но по сути она и книжная — и разговорная, и литературная (в основном) — и диалектно-просторечная (в частности), и письменная — и устная (сравните устные рассказы Ираклия Андроникова, которые по художественной силе не уступают иным написанным).

Подведем краткий итог.

Представляя собой национальное единство, принадлежа определенной нации или народности, каждый язык в то же время невероятно многолик, разнообразен. Он существует в местных диалектах, профессиональных «языках», социальных арго, а главной, в социальном и коммуникативном отношении, формой его является литературный язык. Продукт развития культуры и цивилизации, литературный язык, в отличие от говоров и социальных жаргонов, общепонятен для всех говорящих на данном национальном языке. Его нормы представляют собой сложную систему средств, детально дифференцированных в зависимости от целей и условий речи. Эти нормы едины и общеобязательны для всех владеющих литературным языком, они специально разрабатываются, их пропагандируют среди говорящих с помощью учебников, словарей, лекций, радиопередач...

Но и при всех этих условиях нормированный, литературный язык обнаруживает колебания, которые вызваны сосуществованием старых и новых форм выражения, постоянно происходящей функционально-стилистической дифференциацией языковых средств.

Все это еще раз подтверждает мысль о диалектичности языкового единства: единый и общепонятный, каждый язык существует в поистине неисчислимом многообразии речевых форм. А это многообразие — величина производная: она определяется многообразием и сложностью коммуникативных задач, которые характерны для данного общества.

Как же реально употребляется язык в человеческих коллективах? Каковы те факторы, которые влияют на выбор средств и их использование? Как происходит усвоение правил выбора и употребления? Что заставляет человека менять свою речь по форме, тону, окраске? Какими дополнительными средствами, кроме словесных, пользуются люди при общении друг с другом?

Выяснению этих вопросов мы посвятим следующие главы.

РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ

Смотря по обстоятельствам

Хиггинс. Что ж, по-вашему, я разговариваю не так, как принято в обществе?

Миссис Хиггинс. Нет, милый, отчего же; это смотря в каком обществе. На грузовой пристани, вероятно, так именно и принято, но на званом обеде в Челси обычно разговаривают иначе.

Б. Шоу. Пигмалион

В романе Ф. М. Достоевского «Подросток» есть такая сцена. Герой романа, от лица которого ведется повествование, читает записку, оставленную самоубийцей, и обсуждает эту записку с другими действующими лицами романа, Васиным и Версиловым. Вот эта сцена:

«Маменька, милая, простите меня за то, что я прекратила мой жизненный дебют. Огорчившая вас Оля».

⟨...⟩ — Какая странная записка! — воскликнул я в удивлении.

— Чем странная? — спросил Васин.

— Разве можно в такую минуту писать юмористическими выражениями?

Васин глядел вопросительно.

— Да и юмор странный, — продолжал я, — гимназический условный язык между товарищами... Ну, кто может в такую минуту и в такой записке к несчастной матери, — а мать она ведь, оказывается, любила же, — написать: «прекратила мой жизненный дебют»!

— Почему же нельзя написать? — все еще не понимал Васин.

— Тут ровно никакого и нет юмора, — заметил, наконец, Версилов, — выражение, конечно, неподходящее, совсем не того тона, и действительно могло зародиться в гимназическом или там каком-нибудь условно-товарищеском, как ты сказал, языке али из фельетонов каких-нибудь, но покойница, употребляя его, наверно, и не заметила, что оно не в тоне, и поверь, употребила его в этой ужасной записке совершенно простодушно и серьезно.

— Этого быть не может, она кончила курс и вышла с серебряной медалью.

— Серебряная медаль тут ничего не значит. Нынче многие так кончают курс (Ф. М. Достоевский. Подросток).

Как оценивать ту языковую особенность, которая характерна для предсмертной записки Оли? Является ли она стилистической ошибкой? Бесспорно, да. Но этого явно мало. Недаром герой подчеркивает неуместность в такую минуту и в такой записке к несчастной матери слов *прекратила мой жизненный дебют*. Язык записки неточен не только стилистически, но и ситу-

ативно: слишком трагическая минута, чтобы употреблять такие слова. Эти слова как-то не вяжутся и с тем, в качестве кого выступает в данном случае Оля, — с ее «ролью» дочери, которая обращается с прощальной запиской к матери.

На то, что употребление слова зависит от ситуации, знатоки и исследователи языка обратили внимание давно. Хорошо понимал и чувствовал ситуативную обусловленность речи еще А. С. Пушкин. В одной из своих статей он писал: «В [светском] обществе вы локтем задели соседа вашего, вы извиняетесь — очень хорошо. Но, гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника — вы не скажете ему: *mille pardons*. Вы зовете извозчика — и говорите ему: *пошел в Коломну*, а не — *сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну*».

Но до сравнительно недавнего времени подобные наблюдения были случайными. К сожалению, не делалось попыток как-то обобщить их и теоретически объяснить. В конце XIX в. учитель М. А. Караулов исследовал говор гребенских казаков и отметил при этом: «Лет шесть-семь назад школьники лишь в школе употребляли слово *здесь*, а дома говорили только *тут*, рискуя в противном случае подвергнуться насмешкам: до такой степени прочна была традиция». Подобное явление наблюдается и сейчас. Перед нами пример четкого разделения ситуаций — семейной и учебной.

Современная лингвистика накопила огромное количество таких наблюдений, с неоспоримостью указывающих на то, что одним из решающих факторов в использовании языка является ситуация, в которой происходит речевое общение.

Так, изучая взаимодействие языков в одном обществе, ученые установили, что одни и те же люди могут владеть двумя или несколькими языками, распространенными в данном обществе. Но владеют они ими не «безразлично»: хочу — говорю на одном языке, хочу — на другом, — а в сильной зависимости от вида общения, от обстановки, от типа отношений с партнером и т. п., т. е. от того, что в совокупности составляет ситуацию.

Новосибирские языковеды и этнографы в течение нескольких лет исследовали двуязычие у народов Сибири и Севера. Оказалось, что большой процент таких народностей, как эвенки, якуты, чукчи, алеуты, орочи и другие, составляют люди, владеющие и родным языком, и русским. Но пользуются они тем и другим в зависимости от условий. В семье, в бытовых разговорах с соплеменниками преобладает родной язык; в производственной и служебной обстановке и вообще при официально-деловых отношениях они употребляют русский язык как средство межнационального общения.

Сходная картина наблюдается и в других дву- и многоязычных обществах. Например, во многих странах Африки идет процесс консолидации, объединения в рамках одного государства разных наций и народностей, каждая из которых имеет свой язык или диалект. Важной задачей в этом процессе является

выработка или установление языка-посредника, с помощью которого осуществлялось бы общение между представителями разных национальностей. Таким языком в некоторых африканских странах стал суахили, на котором говорит около 50 миллионов человек.

При установлении языка-посредника другие языки и диалекты, естественно, продолжают существовать. Но происходит функциональное распределение сосуществующих языков. Язык-посредник используется во всех сферах, связанных с образованием, производством, официальными, служебными отношениями, и постепенно расширяет поле своего применения. А другие, местные языки употребляются обычно в повседневном общении.

Двуязычие может возникать не только в условиях многонационального государства, но и, например, при обучении человека, владеющего одним языком (родным), в учебных заведениях другой страны. И в этих случаях использование родного и нового языков функционально разграничивается. Так, иностранные студенты, обучающиеся в Университете дружбы народов в Москве, между собой общаются на родном языке (немцы — на немецком, арабы — на арабском и т. д.), а в учебных и «городских» (транспорт, магазины, кино и т. п.) ситуациях прибегают к помощи русского языка.

Итак, разные языки в пределах одного общества, в речевой практике одних и тех же людей (языковеды называют таких людей билингвами, или двуязычными) функционально различаются: употребление того или другого языка обусловлено ситуацией общения. Принципиально то же самое наблюдается и в одноязычном обществе.

Вспомните то, что мы говорили о функциональных разновидностях языка: каждая из них применяется в соответствии с целями общения. В некотором смысле — не со стороны их качественной лингвистической характеристики, а исключительно по их роли в речевой коммуникации, — функциональные разновидности языка представляют собой аналог разных языков в многоязычном обществе. Подобно тому как житель какого-нибудь африканского государства выбирает и использует язык в зависимости от ситуации, коренной москвич или лондонец, варшавянин или житель Рима выбирает и использует те функциональные разновидности русского, английского, польского или итальянского языков, которые больше всего соответствуют ситуации. Ситуативная обусловленность определяет использование как разных языков, которыми владеют одни и те же говорящие, так и функциональных разновидностей одного национального языка.

Так как в этой книге в качестве иллюстраций берется главным образом русский языковой материал, то и влияние ситуации мы рассмотрим на примерах, взятых из современной русской речевой практики и из русской художественной литературы.

Ситуация, понимаемая нами в значении «конкретные условия речевого общения», состоит из таких формирующих ее компонентов: 1) говорящий (или пишущий); 2) слушающий (читающий); 3) отношения между говорящим (пишущим) и слушающим (читающим); 4) средство связи (язык, диалект, стиль); 5) способ связи (контактный или дистантный — например, разговаривают ли двое за обеденным столом или по телефону, — устный или письменный); 6) место; 7) цель; 8) тема общения.

Число ситуаций очень велико — хотя бы потому, что, изменяясь, каждый из перечисленных компонентов принимает множество значений: говорящий (и слушающий) может быть молодым, стариком, рабочим, крестьянином, словоохотливым, молчаливым, давним жителем такого-то города, приезжим и т. д., отношения между участниками общения варьируют от официальных до интимно-дружеских; средствами связи могут служить многочисленные стили и диалекты языка, которыми говорящие пользуются либо устно, либо письменно; не поддаются учету все места, где может вестись общение, цели и темы.

Как же обычный носитель языка ориентируется в этом море ситуаций, чем он руководствуется при выборе и употреблении языковых средств? Он учитывает существенные различия между речевыми ситуациями.

Как и во многих других случаях, например, при изучении звукового состава языка или смысловых отношений между словами, при анализе разнообразных форм материального мира, исследовании психики человека и т. п., в результате наблюдений над ситуациями можно выделить существенные и несущественные признаки. Существенны такие признаки, которые отличают одну ситуацию от другой, причем так, что это сказывается на особенностях речевого общения. Если, например, *А* и *Б* разговаривают друг с другом (1) в служебных условиях и (2) на дружеской вечеринке, то речевое поведение их различно, и компонент «место» оказывается, таким образом, существенным. Если же они беседуют на тротуаре или во дворе дома, то это никак не отражается на их речи; компонент «место» в этих случаях не существен для речевой ситуации и не изменяет ее.

Представление о существенности тех или иных факторов, влияющих на изменение ситуации, есть у каждого взрослого говорящего. Оно составляет важный аспект умения правильно использовать язык. Лингвистика пытается лишь описать это представление, вскрыв механизм взаимодействия собственно языковых и ситуативных, «обстановочных» элементов человеческого общения.

Одним из самых существенных психологических факторов, влияющих на речевое поведение человека, является установка.

Для объяснения сути того, что такое установка, расскажем об одном эксперименте, проведенном учеными-психологами. Испытуемым давали в каждую руку по шару равного веса, но разного объема — один большой, другой по-

меньше. И так несколько раз. Затем им дали два одинаковых шара и попросили охарактеризовать их объем. Одни испытуемые признавали большим шар в той руке, в которую раньше вкладывали шар меньшего объема; другим же (их оказалось гораздо меньше) большим казался шар в руке, в которой перед этим были шары большего объема. И никто не заметил, что шары равного объема. Это произошло потому, что в результате серии предварительных испытаний, когда человеку последовательно предлагали шары неодинакового объема, у него возникла установка на различие объема. Эта установка продолжала действовать у одних по контрасту: по сравнению с маленькими шарами шар контрольного опыта казался даже большим, чем его пара, у других — по ассимиляции: большим считался шар в той руке, в которую и раньше вкладывали шары большего объема.

В другом эксперименте испытуемого, который знаком с латынью, попросили вслух прочитать текст на латинском языке. В этот текст на значительном расстоянии от его начала были вкраплены русские слова. Когда человек «вчитывался» в текст, привыкал к нему, то и русские слова он читал по-латински (т. е., например, слово *вор* читал как «боп», *челуха* как «реникса») и лишь некоторое время спустя спохватывался, замечая свою ошибку. И здесь действует установка на определенный язык, которая вызывает активизацию навыка чтения именно на этом языке, а не на другом.

Установка — это психологическое состояние человека, в которое он приходит для какого-либо целесообразного действия, для восприятия событий, для общения с другими людьми и т. п.

В речевом поведении установка проявляется в ориентации не только на определенный язык, как в описанном выше опыте, но и на те переменные, которые составляют акт общения: на контекст, на ситуацию, на социальное положение собеседников, их число (одно дело говорить с кем-нибудь с глазу на глаз и совсем другое — выступать в большой аудитории), на то, видит ли партнера говорящий или, скажем, обращается к нему по радио и т. п.

Установка в речевом поведении (так же как и в других видах человеческого поведения) основана на прошлом опыте: человек заранее знает, что в официальной ситуации надо говорить так, а в неофициальной иначе, что деловой разговор в учреждении отличается от приятельской беседы и т. д.

Об установочной роли контекста и ситуации свидетельствуют, например, случаи различного «доставания» недостающих частей высказывания или отдельного слова.

Так, в юридическом тексте слово с первой частью *противо-* с большой вероятностью будет угадано как *противозаконный* или *противоправный*, а в военном — как *противопехотный*, *противотанковый*, *противовоздушный* и т. п. Полупогасшее световое название «б...ная» над магазином, в витринах которого

видны батоны, крендели, сдобы, будет прочтено как *булочная*, а в других ситуациях расшифровка окажется иной: например, *Бронная* — название улицы, *уборочная* — в тексте газетного заголовка и т. п.

На знании ситуации, точнее — на владении ею основан механизм подсказки в разговоре: говорящий затрудняется в выборе подходящего слова, слушатель подсказывает, исходя из предыдущего контекста, ориентируясь на речевую манеру говорящего, выражение его лица, жестикуляцию, на его действия во время разговора и многое другое, что в совокупности составляет атмосферу конкретного речевого акта.

Установка на контекст, на ситуацию проявляется очень рано. Ребенок, воспитываемый двуязычно, — как это заметил психолог Д. Н. Узнадзе, впервые систематически исследовавший явление установки, — уже на втором году жизни пытается с матерью говорить на одном языке, а с няней, которая говорит на другом языке, — на этом другом. При этом он редко путает слова, принадлежащие разным языкам.

Ситуативная установка важна не только для говорящего, но и для слушателя, для того, кто воспринимает речь. Правильная «настройка» на высказывание помогает быстрому и лучшему его пониманию. Так, например, в военных условиях обычным является кодирование речи: оно необходимо, чтобы действия войск скрыть от противника. Поэтому слушатель свободно расшифровывает «эзопов язык» командирских распоряжений:

...командир полка уже вырвал трубку:— Кто на проводе? Андреев? Давай хозяина (т. е. командира). Ну, как двигаешь (= наступаешь)? Ага! Что? левый бочок болит (= на левом фланге не все в порядке)? Мы туда «танюшу» (танк) двинем. Так. Младший брат (= подчиненный говорящему командир артдивизиона) собачек (= орудия) выдвинет. Все? Продолжай смелее. За левый бок не опасайся. Действуй (Ю. Нагибин. Связист Васильев).

В другой, не боевой обстановке подобная речь вызвала бы у слушателя недоумение, так как он не был бы подготовлен к ней ситуацией.

Речевая установка меняется и в зависимости от социальных характеристик собеседника, от отношений между говорящими. Например, существенны социальный статус, образование, профессия, пол, возраст участников акта речевого общения: мужчина с женщиной или молодой человек со стариком разговаривают обычно более почтительно, чем мужчина с мужчиной или юноша со своими сверстниками. Беседа лиц, занимающих разное социальное положение (например, директора и подчиненного), имеет особенности, которые отличают ее от разговора лиц равного социального статуса (например, двух рабочих; подробнее об этом — в следующей главе).

Смена речевой установки осуществляется тем легче, чем свободнее владеет человек различными функциональными подсистемами языка и прежде всего — стилями литературной речи. Человеку, говорящему только на диалекте или только на просторечии, сложнее перестраивать свою речь с одной установки на другую, как того требуют условия общения, — для этого ему не всегда хватает языковых средств, той гибкости, которая характеризует речевую практику носителей литературного языка. Сама способность к ситуативному переключению с одних языковых средств на другие может служить критерием при отнесении говорящих к той или иной социальной общности.

Некоторые языковые средства бывают так прочно привязаны к ситуациям определенной тональности, определенной окраски, что сами по себе способствуют созданию речевой установки: употребление такого-то слова или оборота окрашивает акт общения в шуточный, иронический или, напротив, официально-серьезный, деловой «цвет». В связи с этим интересно замечание академика В. В. Виноградова о подобной роли расхожих литературных цитат (вроде *Карету мне, карету!*, *И жить торопится и чувствовать спешит* и др.). В книге «О языке художественной литературы» он писал: «...состав цитаты, ее экспрессия влияет на ее литературное использование, иногда даже предопределяет ситуацию и стилистические оттенки ее употребления. Так, ходячая цитата из рассказа Чехова “Брак по расчету”: *Позвольте вам выйти вон* — уже в силу галантно-комической вульгарности своего построения может вместиться лишь в стиль фамильярно-шуточного или иронического изображения».

Перечисляя факторы, которые обуславливают особенности разнообразных речевых ситуаций, никак нельзя упускать из виду и то, как, каким способом общаются между собой люди: видят ли они при этом друг друга или беседуют по телефону, переписываются по почте или же один читает произведения другого, никак не ставя его в известность о своей реакции (ситуация «книга — читатель») и т. д.

Устное речевое общение, в особенности контактное, т. е. такое, при котором говорящие вступают друг с другом в визуальный контакт (сравните беседу за столом и разговор по телефону), сильно отличается от письменного. То, что в случае письменного общения должно обязательно выражаться с помощью слов, в разговоре бывает ясно из обстановки и не требует словесного обозначения. Устная речь, по справедливому замечанию В. А. Звегинцева, это не просто ориентированный на ситуацию язык. Ситуация есть «обязательный компонент самой речи...».

Из-за того, что элементы ситуации при устном общении могут нести ту же информацию, что и слова в письменной речи, в разговорных конструкциях так часты и даже обычны пропуски того, что неважно для понимания, что и так ясно из обстановки.

Главные причины сокращений и пропусков — во-первых, частая повторяемость ситуации, ее привычность для говорящих и, во-вторых, непринужденные или нейтральные отношения между участниками общения. Эти стимулы действуют как в совокупности, так и отдельно. Если ситуация привычна, то это само по себе уже хорошее условие для сжатия речи. Если к тому же и отношения между партнерами дружеские, то сжатие может быть максимальным. При не очень частой и потому менее привычной для говорящих ситуации второй стимул — непринужденность отношений — может оказаться единственным условием для сокращения речи.

Рассмотрим, какие элементы высказывания говорящий чаще всего опускает как необязательные.

Особенно легко опускается название самого предмета, о котором идет речь: называются его признаки, действия, с ним связанные, но не он сам. Это и понятно: предмет речи известен обоим собеседникам, а то и просто виден им и поэтому не нуждается в назывании. — *Идет!* — произносит один из стоящих на автобусной остановке. И всем сразу ясно: идет автобус. В другой ситуации тот же самый глагол будет понятен иначе: ученик, после звонка вбегающий в класс, где все уже сидят на своих местах, восклицает: — *Идет!*, имея в виду идущего в класс учителя. Третья ситуация: несколько прохожих укрылось от дождя под крышей подъезда. Дождь постепенно слабеет, превращается в мелкий, едва различимый на глаз. Один из стоящих вытягивает руку ладонью кверху и сообщает остальным: — *Идет...*

— *Дайте мне вот эти коричневые,* — говорит продавцу обувного магазина молодая женщина и показывает на коричневые туфли. Хотя слово *туфли* не произнесено, но по самой ситуации и по жесту ясно, что имеет в виду покупательница. Ее речь была бы крайне неестественна, если бы она сказала: — *Дайте мне коричневые туфли 35-го размера на среднем каблуке, которые стоят третьими справа на второй полке...*

Иногда для взаимного понимания не нужно вообще никаких слов. Если в вагоне пригородной электрички контролер протягивает к вам руку с зажатым в ней компостером, то это означает требование (не выражаемое словесно!) предъявить билет или какой-либо иной проездной документ.

Сравнивая визуальное общение людей и их внутреннюю речь, выдающийся психолог Л. С. Выготский писал: «...в устной речи возникают элизии и сокращения тогда, когда подлежащее высказываемого суждения наперед известно обоим собеседникам. Но такое положение вещей является абсолютным и постоянным законом для внутренней речи. Мы всегда в курсе нашей внутренней ситуации. Тема нашего внутреннего диалога всегда известна нам. Мы знаем, о чем мы думаем. Подлежащее нашего внутреннего суждения всегда наличествует в наших мыслях». Поэтому тенденция называть только действия, но не сам

предмет, относительно которого они совершаются, характеризует внутреннюю речь всегда, устную речь — часто, письменную — крайне редко.

Отсюда можно сделать вывод: чем интимнее, неформальнее отношения между собеседниками, тем благоприятнее условия для свертывания высказываний (понимание «с полуслова»); и, напротив, — чем формальнее отношения, тем больше приближается устная речь к письменной по развертываемости высказываний.

В каждом языковом обществе существует определенный набор ежедневно повторяющихся ситуаций. Особенно характерно это для условий общения в современном городе. В троллейбусе, магазине, парикмахерской, поликлинике люди находятся в постоянно одних и тех же стереотипных ситуациях: едут, покупают, стригутся, лечатся. И словесные, и синтаксические средства, которые при этом используются, тоже стереотипны, т. е. наблюдается, как писал еще в начале 20-х гг. XX в. Л. П. Якубинский, «обрастание шаблонных бытовых взаимодействий шаблонными речевыми взаимодействиями».

Группа московских лингвистов, изучавшая русскую разговорную речь, провела в 60—70-х гг. XX в. массовое обследование наиболее типичных городских ситуаций. Оказалось, что число словесных и синтаксических единиц, используемых в них, сравнительно невелико, но они обладают очень большой повторяемостью. Например:

У кассы кинотеатра:

- *Один на девять.*
- *Два на пять, ряд восьмой-девятый, пожалуйста.*
- *Два на семнадцать тридцать, подальше.*

У ларька с мороженым:

- *Два по одиннадцать.*
- *За двадцать восемь одно.*
- *Мне эскимо, пожалуйста.*

В продовольственном магазине:

- *Полкило докторской.*
- *Двести российского.*
- *Два двадцать в мясной.*
- *Два молока (= два пакета молока).*
- *Две кефира (= две бутылки кефира).*

У железнодорожной кассы:

- *Один до Клина.*
- *Взрослый и детский до Куровской.*
- *Кратово — обратно, два.*

Эти стереотипные фразы произносят все независимо от возраста, социального положения, пола, характера и т. п. признаков — настолько велика власть ситуативного шаблона.

В подобных фразах опускаются обычно неинформативные элементы, те, которые не отличают один предмет от другого, и, напротив, сохраняются информативные. Ведь если сказать, подавая чек продавцу молочного отдела: — *Два пакета*, — он неизбежно задаст вам уточняющий вопрос: — *Чего?* — потому что в пакетах продается и молоко, и кефир, и сливки.

Точно так же при покупке газет опускается само слово *газета*, а у двусловных наименований сохраняется только одно слово — именно то, которым название этой газеты отличается от других: «*Новая*» (вместо «*Новая газета*»), «*Вечерняя*» или «*Вечорка*» (вместо «*Вечерняя Москва*»).

В некоторых ситуациях употребляются только строго определенные средства. Возможности варьировать их или минимальны, или равны нулю. Поэтому информативность произносимого знака практически также нулевая: всегда одно и то же употребляется в одних и тех же условиях. Слушатели заранее знают, что будет произнесено. При таком положении замена традиционно употребляемого знака другим не воспринимается (по крайней мере первоначально) слушающими: им слышится то же, что всегда, т. е. действует обычная для этой ситуации установка.

В связи с этим интересен такой пример. В троллейбус входит молодой человек и деловым, будничным тоном произносит:

— *Без билета.*

В точно такой же ситуации, тем же тоном обычно произносят:

— *Проездной.*

Ситуация настолько привычна и незначаща для пассажиров, что никто не обращает внимания на замену слов, хотя многие слышали реплику (слышали, но не вслушивались).

С явлением пропуска, эллипсиса, в разговорных конструкциях связан и тот факт, характерный для некоторых стереотипных ситуаций, что в слове актуализуется, усиливается какая-то сторона его значения. Употребление его оказывается обусловленным конкретной обстановкой, а вне ее высказывание может быть понято неправильно.

Примером может служить такой диалог у книжного киоска.

Продавец обращается к юноше, который смотрит на витрину:

— *Что вас интересует?*

Тот: — *Ничего* (отходит).

И вопрос и ответ правильно можно понять только о учете условий речи: *Что вас интересует из книг, которые здесь есть*; и ответ *Ничего* относится также к книгам. Он, конечно же, не равен утверждению «Меня вообще ничего не интересует».

В сбербанке служащий говорит клиенту, который подал ему заполненный бланк ордера на получение денег:

— *Вы плохо расписались*, — и возвращает ордер клиенту с просьбой расписаться еще раз.

Клиент (расписавшись): — *Теперь хорошо?*

— *Теперь хорошо.*

В этом диалоге слова *плохо* и *хорошо* употреблены не в «абсолютных», не в словарных своих значениях, а в относительных, ситуативных: плохо и хорошо относительно того образца подписи, который имеется на регистрационной карточке и с которым служащий сопоставляет свежую подпись клиента. Это обстоятельство известно им обоим, оно и обеспечивает ситуативное понимание названных слов. В действительности образец подписи может быть ужасным: неразборчивым, корявым и т. д., т. е. плохим, но в другом, «эстетическом» смысле, а «плохая», с точки зрения служащего, свежая подпись может казаться красивой, четкой и т. д., т. е. быть хорошей каллиграфически.

Среди стереотипных ситуаций выделяются такие, которые связаны с отправлением какого-либо обряда, освящены устойчивой традицией, ритуалом, «санкционированы» обществом. В этих устойчивых ситуациях речь представляет собой сочетание готовых формул, а состав и порядок подобных формул достаточно строг и почти не допускает колебаний и вариантов. Таковы, например, ситуации приведения солдат к воинской присяге, свадебные и некоторые другие обряды. Речевое поведение непосредственных участников этих ситуаций (солдата, приносящего присягу, жениха и невесты) жестко регламентировано.

С другой стороны, есть «свободные» ситуации, допускающие значительную речевую вариативность. Как правило, между участниками таких ситуаций существуют непринужденные отношения, а условия общения должны исключать какую бы то ни было официальность. Этим требованиям отвечают, например, ситуации совместной игры детей, подростков, все виды внешкольного общения одноклассников, дружеские вечеринки. В отличие от часто повторяющихся городских ситуаций, о которых мы говорили выше, здесь стереотипность речи нежелательна — она допускается лишь в приветствиях и прощаниях и в игровых формулах (считалках, устойчивых названиях действий, фаз детской игры и пр.). Во всем же остальном шкала речевых средств, используемых в подобных ситуациях, велика и разнообразна.

Гораздо большее значение, чем сами слова и фразы, несущие определенную информацию или же вовсе «пустые», имеют в свободных ситуациях тон речи, громкость голоса, положение собеседников друг относительно друга, их взаимная установка на речевой контакт, т. е. все то, что может быть названо психологическим климатом общения.

Поведение, дисгармонирующее с климатом общения, обычно вызывает осуждение у другого или других участников ситуации. Оно выражается, в частности, в замечаниях: *Перемени тон; Почему ты на меня не смотришь?; Повернулся спиной; Надул губы; Не команду и т. п.*

Значительная часть речевых ситуаций в современном цивилизованном обществе приходится на разного рода официальные и полуофициальные отношения людей друг с другом. Это не только те городские ситуации, о которых мы говорили, но и такие, которые менее стереотипны и потому требуют большего развертывания речи.

В ситуациях «урок в школе», «судебное разбирательство», «прием посетителей в исполкоме», «конференция», «экзамен», «заседание ученого совета в научном институте» и под., где преобладают официальные отношения между участниками общения, диалогические формы речи заметно подавляются монологическими. Сравните объяснение урока, речь адвоката или обвинителя, изложение просьбы посетителем в исполкоме, выступление докладчиков и т. п. А монологическая речь очень часто использует выразительные средства книжно-письменного языка, если не словесные, то синтаксические: когда говорящего никто не прерывает (а такое прерывание — обычное дело в непринужденной обстановке), то ничто не мешает ему завершить фразу, построить ее «по всем правилам».

Конечно, и в официальной обстановке человек ориентируется на реакцию собеседника или аудитории, перебивает себя и повторяет мысль в более ясных, с его точки зрения, словах. Можно наблюдать и другие черты, свойственные всякому устному общению, но проявляются эти черты слабее. Это объясняется тем, что официальность отношений между сторонами общения, осознаваемая говорящим важность ситуации не позволяют особенно «вольничать» словом, сокращать высказывание, считать что-то само собой разумеющимся и т. д. Да и, кроме того, сам предмет разговора в подобных ситуациях не всегда очевиден для участников: одно дело, когда свидетель в суде может жестом указать на сидящего тут же подсудимого, и совсем другое, когда он по требованию судьи излагает обстоятельства совершённого при нем преступления: он видел, как все произошло, и в его задачу входит максимально полно рассказать сидящим в зале, что же он видел. Ясно, что в его сообщении должно быть мало общего с манерой его речевого поведения, скажем, у табачного киоска или в столовой.

Примеры, приведенные в этой главе, показывают, что речевые ситуации чрезвычайно разнообразны, а речевое поведение человека многогранно и зависит от большого числа переменных величин.

Можно ли это разнообразие свести к некоторым типам речи, т. е. создать типологию речевого поведения? Бесспорно, можно. В интересной статье, которая так и называется — «О типологии речи»³, профессор А. А. Холодович перечислил пять основных факторов, формирующих разные типы речи:

1) средство выражения: звук, письменный знак, жест. В устном общении люди используют звуковой язык и жесты; если же нужно написать книгу, статью или просто записку приятелю, то пользуются письменными знаками — буквами, точками, кавычками, чертежами, схемами и т. п.;

2) наличие/отсутствие партнера: в большинстве видов речи собеседник есть или подразумевается, но иногда пишут для себя, не предполагая, что кто-то другой прочтет написанное, — сравните жанры дневника или записных книжек;

3) ориентированность речевого акта: высказывание или даже целый документ может иметь одно направление — от пишущего (говорящего) к читающему (слушающему); таковы, например, жанры устава, закона, рекламы, устного и письменного объявления. Другие же виды речевой деятельности двунаправленны, например диалогическая речь: ведущие беседу люди произносят реплики, вопросы, получают на них ответы, сами в свою очередь выслушивают то, что говорит им собеседник, и т. д.;

4) число воспринимающих речь: для лингвистических характеристик речи, оказывается, важно, адресовано ли ваше высказывание одному слушателю (скажем, вашему другу) или же многим (сравните ситуации «лектор — аудитория», «писатель — читатели»);

5) контактность речевого акта (выше мы уже говорили о беседе за столом и разговоре по телефону).

Комбинация этих факторов дает $2^5 = 32$ типа речи.

Некоторые лингвисты, исследующие языковое общение, отмечают, что не все перечисленные факторы влияют на лингвистические признаки речи. С другой стороны, если рассматривать речевую ситуацию и речевой акт как сочетание собственно языковых и неязыковых компонентов, то можно говорить об отсутствии в этом перечне некоторых необходимых переменных.

Наблюдения над разными формами устной и письменной речи с очевидностью показывают, что для речевого общения людей важны социальные отно-

³ Историко-филологические исследования: Сборник статей к 75-летию академика Н. И. Конрада. М., 1967.

шения между ними, а если говорить более точно — их социальные роли. Рассмотрим этот фактор подробнее.

Как в театре

Весь мир — театр.
 В нем женщины, мужчины — все актеры.
 У них свои есть выходы, уходы,
 И каждый не одну играет роль.

В. Шекспир

Мы привыкли употреблять слово *роль* по отношению к актерам. Играть, исполнять чью-то роль — значит не быть самим собой, а на время принимать образ другого человека, вести себя, подражая ему. Тарасова в роли Анны Карениной, Юрий Яковлев в роли Мышкина, роль Гамлета в исполнении Смоктуновского...

Но оказывается, что роли исполняют не только в театре, но и в жизни.

Вглядитесь в поведение людей, и вы увидите, что даже в течение одного дня человек выступает в разных ипостасях. В семье он *сын*, или *отец*, или *муж*, на службе — *подчиненный*, *начальник* или *сотрудник*, в магазине — *покупатель*, в парикмахерской или в ресторане — *клиент*, на улице — *прохожий*, в аудитории — *слушатель* а на трибуне — *оратор* или *лектор*. В чужом доме он *гость*, а в своем — *хозяин*, на приеме у врача — *пациент*, на суде — *свидетель*, *потерпевший* или *подсудимый* и т. д. Один во множестве лиц, совсем как в известном детском стихотворении:

— Кто по улице идет?
 — Необычный пешеход.
 У него пятьсот имен:
 На заводе мастер он,
 В яслях он — родитель,
 В кинотеатре —
 Зритель.
 А пришел на стадион —
 И уже болельщик он,
 Он кому-то сын и внук,
 Для кого-то
 Близкий друг.

(Роман Сеф. Необычный пешеход)

Социальная психология (т. е. наука о поведении человека в социальной среде) называет разные формы общественного поведения человека его ролями, тем самым расширяя и углубляя обыденное понимание этого слова.

Мы не осознаем разность своих ролей. Обратитесь к человеку, стоящему в очереди за газетой, с вопросом: «Какую роль вы сейчас исполняете?» Он просто не поймет, о чем его спрашивают. «Большинство людей осознает роли, которые они играют, только в необычных обстоятельствах, — пишет известный американский психолог Т. Шибутани. — Если знакомый намеренно уклонился от приветствия, человек возмущается нанесенным ему оскорблением. Мать начинает осознавать свои прерогативы, когда ребенок отказывается ей повиноваться и таким образом бросает вызов ее авторитету»⁴.

Исполнение различных ролей естественно для поведения человека потому, что оно обусловлено удовлетворением жизненных потребностей. Ведь это только ученые связывают формы общественного поведения с разнообразными ролями, а человек просто работает, лечится, воспитывает детей, покупает, стрижется, обедает в столовой, встречается с друзьями, смотрит театральный спектакль. Он жив ет. Но так как жизнь эта сложна и многопланова и общается человек с разными людьми, каждый из которых индивидуален — по характеру, привычкам, социальному положению, возрасту, полу и т. п., то повседневное поведение его представляет собой сложное сочетание форм, способов, приемов общения.

Человек в не общества никаких ролей не играет. Робинзон Крузо, герой всем известного произведения Д. Дефо, на необитаемом острове долгое время оставался наедине с собой, строил ли он жилище, долбил лодку или охотился. И только с появлением Пятницы он начинает играть роли — спасителя, а затем господина, воспитателя, учителя и друга, которого Пятница боготворит и беспрекословно слушается. Роль потому и называется с о ц и а л ь н о й, что она мыслима только в обществе людей, в социальном коллективе. Все виды общественного взаимодействия подчинены определенным социальным нормам, в большинстве случаев неписаным, но достаточно строгим и общеобязательным.

Если вам вздумается на уроке насвистывать или потягиваться, громко зевая, т. е. делать то, что вы, может быть, делаете у себя дома, когда никого нет, ваше поведение тут же будет расценено присутствующими как ненормальное, а учитель обоснованно сделает вам замечание. Непочтительный, грубый разговор со старшими, громкие реплики и возня в общественных местах (в троллейбусе, магазине, библиотеке) привлекают к себе внимание, встречают порицание, осуждение.

Если начальник разговаривает с подчиненным в служебной обстановке просительным, заискивающим тоном, — он отклоняется от нормы своего ролевого поведения; если же он в своем кабинете начинает кричать на посетителя и

⁴ Шибутани Т. Социальная психология: Пер. с англ. М., 1969. С. 47.

стучать кулаком по столу, то это тоже отклонение, но в другую сторону: из начальника, должностного лица он превращается в самодура. В разгаре веселой пирушки странное впечатление производит человек, углубившийся в чтение газеты, но, с другой стороны, если в тишине читального зала он стал бы отплясывать шейк, то выглядел бы еще более странно.

Все это разные случаи нарушения норм общественного поведения. Недаром к людям, которые ведут себя не так, как принято, в просторечии часто применяют словечко *ненормальный* — не такой, как все, действующий не так, как надо, как ожидают члены данного коллектива. На ожиданиях и от человека определенных действий в определенной ситуации и на соответствии его действий этим ожиданиям и строится роль. Это тонко подметил еще Л. Толстой. Описывая жизненный уклад и поведение Анны Павловны Шерер (в романе «Война и мир»), он замечает: «Быть энтузиасткой сделалось ее общественным положением, и иногда, когда ей даже этого не хотелось, она, чтобы не обмануть ожиданий людей, знавших ее, делалась энтузиасткой».

На ожиданиях и соответствиях ожиданиям основано всякое человеческое общение: от ребенка ждут послушания, от взрослого мужчины — инициативы, а к старику обращаются за советом, потому что ожидают почерпнуть необходимое в его жизненном опыте. От руководителя ждут не столько логически аргументированного, сколько авторитетного мнения, но если то же самое высказывает кто-либо другой, то ожидание меняется: мнение должно быть в первую очередь обоснованным.

Рассказывая, как слушали крестьяне речи Чапаева, как восторженно вздыхали после его выступлений, Дм. Фурманов пишет, что дело было не в том, что он говорил, а в том, что это говорил он, Чапаев. При этом Фурманов делится с читателями следующим наблюдением: «Это очень удивительное свойство человеческое, но уж всегда так: случайному и подчас чужому слову известного и славного человека всегда придается больше весу, чем бесспорно умному замечанию какого-нибудь бледненького, незаметного “средняка”».

Описывая поведение человека в терминах социальных ролей, ученые особое внимание обращают на то, что в процессе общения, более того — во всяком организованном действии роли находятся в обязательном взаимоотношении друг с другом, подобно тому как в спектакле любая роль имеет смысл только тогда, когда она связана с поведением других действующих лиц.

Следовательно, роли можно понимать как определенные шаблоны взаимных прав и обязанностей. Приходя в гости, я обязан поздороваться и я имею право на внимание ко мне со стороны хозяев. Учитель по своей профессиональной роли обязан передавать знания ученикам и вправе требовать от них внимания и прилежания (это их обязанность).

В ролевом взаимодействии то, что составляет право для одного партнера, является обязанностью для другого. Права и обязанности тесно связаны с ожиданиями, о которых мы говорили чуть выше. Я имею право на что-то, значит, я ожидаю от других некоторых действий и поступков, которые соответствуют их роли, входят в структуру этих ролей как обязанности. Вполне естественно, что эти ожидания меняются от одной роли к другой: от учителя, скажем, ждут совсем не того, чего ждут от шофера такси.

Каждая роль состоит из специфического набора прав и обязанностей. Своеобразна также система ожиданий, которые предъявляются людьми к конкретной роли. Почти каждая роль имеет специальное обозначение в языке: *покупатель, клиент, пассажир, посетитель, отец, одноклассник* и т. д. Все мы более или менее хорошо знаем, чего ожидать от поведения человека в этих ролях, так что даже простое произнесение наименования роли обычно вызывает представление о комплексе свойственных этой роли прав и обязанностей.

Однако сама по себе социальная роль, взятая отвлеченно от личности, еще не определяет поведения: надо, чтобы она была усвоена личностью (или, как выражаются социологи, интернализирована — от латинского *internus* 'внутренний'). Это усвоение состоит в том, что человек внутренне оценивает свою социальную позицию и вытекающие из нее обязанности. В процессе деятельности каждый из нас занимает обычно множество позиций, так как общается с разными социальными группами людей: *сын* — семейная позиция, *ученик* — школьная и т. д. Занимая ту или иную позицию, человек и исполняет определенную роль.

Сама роль независима от индивидуальных черт личности, но понимание роли и, следовательно, ее усвоение и исполнение — индивидуальные. Это проявляется и в речи. Играя, например, роль председателя собрания, один считает нужным насыщать свою речь штампованными оборотами и конструкциями, соответствующими в его понимании данной роли; другой продолжает пользоваться «человеческим» языком и лишь в необходимых (опять-таки с его точки зрения) случаях прибегать к формулировкам, положенным по этой роли (*слово предоставляется, подвести черту, принять за основу* и т. д.).

Социологи и лингвисты обычно отвлекаются от конкретного исполнения какой-либо роли Ивановым или Сидоровым — для них важно описать типичное проявление роли, а это невозможно сделать, если не обобщить индивидуальные особенности ролевого поведения.

Проанализируем для примера роль пациента. Какие права и обязанности ей свойственны, чего мы ожидаем от этой роли?

Обязательный признак этой роли — необходимость обратиться к врачу. Это может быть ощущение недомогания, боли или желание посоветоваться с врачом относительно своего здоровья, пройти профилактический осмотр и т. п.

Этим признаком, выступающим в качестве условия роли пациента, определяются основные формы дальнейшего поведения: жалобы (на боли, недомогание и т. п.), просьбы и, с другой стороны, подчинение требованиям врача, действия в строгом соответствии с его указаниями (*разденьтесь, лягте на спину, вдохните, задержите дыхание, покажите язык, наклонитесь* и под.).

Свойства поведения обуславливают некоторые речевые особенности: естественно, что жалобы и просьбы должны выражаться соответствующими лексическими и синтаксическими средствами. Кроме того, в отношениях врача и пациента инициатива принадлежит врачу: он расспрашивает пациента, выясняя картину болезни, слушает, заставляет его производить необходимые движения и т. д. А это обстоятельство — асимметрия ролей (более подробно мы поговорим об асимметрии ниже) — оказывает влияние на структуру диалога: врач в любой момент может прервать рассказ пациента о болезни — и это не будет выглядеть невежливым, — попросить его уточнить некоторые детали или замолчать, когда это необходимо (например, во время выслушивания с помощью стетоскопа).

Отсюда преобладание в речи пациента повествовательной и ответной форм, причем часты незаконченные, «рваные» фразы, короткие предложения — ответы на конкретные вопросы врача, нередко состоящие из одного-двух слов: *Хорошо* (на вопрос: — *Как спите?*), *В прошлом году* (на вопрос: — *Когда проходили диспансеризацию?*) и даже *До* или *После* (на вопрос: — *Когда вы ощущаете боли — до еды или после?*).

Признаки, формирующие социальную роль, могут характеризовать не только поведение, но и одежду, внешний облик человека. Простейшие примеры: военная или школьная форма, судейская мантия (в некоторых странах).

Выступая в роли школьника, мальчик или девочка во многих странах мира надевают специальную форму: так положено по этой социальной роли. А дома, переставая играть роль школьника, они снимают форму, переодеваясь в более непринужденную одежду. То же и у военных: в семейной обстановке, вне служебной своей роли, лейтенант или генерал вправе расхаживать в ковбойке или в тренировочном костюме, но невозможно представить себе военного, который появился бы перед строем солдат в пижаме.

Да и другие социальные роли требуют для своего исполнения особой одежды: сравните роли рабочего у станка или у доменной печи, шахтера, спортсмена, космонавта, балерины — каждой из них свойственны специальные требования к одежде. Как правило, это такие роли, которые связаны с профессией человека, они наиболее важны для него, и их исполнение занимает большую, существенную часть его жизни. Подобные роли повторяются изо дня в день, и потому все, что связано с их исполнением: одежда, поведение, речь (даже кон-

кретные вопросы и реплики: *Приступаем к уроку; Кто сегодня дежурный?; Откройте тетради* и т. п.), — привычны до мелочей.

Если же человек исполняет какую-либо роль в течение длительного времени и сама роль для него существенна, то она оказывает влияние на его свойства как личности: на его поведение, мировоззрение, мотивы его деятельности, на его отношение к другим людям, даже на внешний облик.

Представления о ролевых свойствах и формируют ожидания, которые специфичны для каждой роли. Диссонанс между ожиданиями и реальным осуществлением роли может быть различным по характеру.

Можно привести в качестве примера случай, который произошел со Львом Николаевичем Толстым.

В тульском дворянском собрании любители из местной аристократии ставили пьесу Л. Н. Толстого «Плоды просвещения». На одну из репетиций ждали автора. На улице у подъезда томился городской, которому режиссер поручил встретить графа Толстого — сочинителя комедии. Городовой вглядывался в подъезжавших господ, силясь узнать в ком-либо из них графа. Вдруг перед ним появился старик в нагольном полушубке.

Замшелый старичишка — и прет на подъезд.

— Куда? — рявкнул городской. — Проходи мимо.

— А ежели мне сюда нужно? — ехидно ответил старичишка и еще улыбнулся.

— Проходи, проходи... Живо!

— Я же тебе говорю, что мне нужно... Прийти просили.

— Кто еще просил? Проходи, говорю!

Но старичишка упрямо лез напролом. Городовой разозлился окончательно.

— Тебе что сказано?! — он схватил его левой рукой за шиворот, повернул, встряхнул и оттолкнул прочь.

Но старичишка оказался жилистым и стойким. Не упал, не побежал, а только переступил шага два и обернулся к городовому.

— А все-таки мне туда надо. Там разучивают комедию, и прокурор Давыдов просил зайти помочь, потому что эту комедию написал я — Толстой (*Л. Зилев. Новеллы о Толстом*).

Городовой не пускал Толстого потому, что тот не соответствовал его представлению о внешности и манере поведения графа.

Это пример расхождения между стереотипом и реальностью. Стереотипы составляют неотъемлемую часть ролевого поведения. В сознании членов общества формируется определенное представление о том, как им должно быть исполнение той или иной роли. Это представление складывается на основе опыта, частой повторяемости ролевых признаков, характеризующих поведение, манеру говорить, двигаться, одеваться.

Различия в языке, обусловленные различиями социальных ролей, часто осознаются людьми. Представление о том, как должен говорить и обыкновенно говорит человек такой-то профессии, такого-то положения, занимающий такую-то должность и т. д., также имеет форму стереотипа. Недаром в языке существуют обороты: *Оставь свой прокурорский тон; Кричит, как базарная баба; Говорит, как учитель; командирским голосом; тоном провинившегося школьника* и т. п.

Исполняя ту или иную конкретную роль, человек сознательно или неосознанно придерживается определенной манеры говорить, которая «предписана» ролевыми ожиданиями и ощущается им самим как наиболее соответствующая данной роли. Сознательное подчеркивание своей роли выражается в особенностях речевого поведения. Сравните примеры:

Кирсанов [батальонный командир] заметил меня, юнкера, и потому, чтобы дать почувствовать мне свое значение, как будто не слушая ответа Болхова и глядя на барабан, спросил [у Болхова]:

— Что, устали, Николай Федорыч?

— Нет, ведь мы... — начал было Болхов.

Но опять, должно быть, достоинство батальонного командира требовало перебить и сделать новый вопрос:

— А ведь славное дело было нынче? (*Л. Толстой. Рубка леса*);

Он [лакей Петр] совсем ооченел от глупости и важности произносит все е как ю: *тюпюрь, обюспючюн* (*И. С. Тургенев. Отцы и дети*).

Характерно, что, даже выходя из роли, говорящий иногда продолжает пользоваться теми же речевыми средствами, которые он употребляет при исполнении этой роли.

Таков, например, Макар Девушкин в известной повести Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Он мелкий служащий, чиновник, и речь его пестрит канцелярскими оборотами и словами. Даже в письмах к Вареньке Доброселовой он использует выражения *Не полагайте чего-нибудь предосудительного; Книжку вашу, полученную мною 6-го сего месяца, спешу возвратить вам...; В нарушении общественного спокойствия никогда не замечен* и т. п.

Герой Аркадия Райкина, который требовал, чтобы признание в любви было оформлено в виде заявления, с приложением двух фотокарточек, был смешон тем, что в интимную жизнь он вносил формы служебных отношений, что и в исполнении «приватных» ролей он придерживался речевых оборотов, которые уместны только в рамках ролей «начальник — подчиненный».

Конечно, подобные ситуации не выдуманы, а взяты из жизни и заострены, гиперболизированы. В том, что это вполне реальное явление, убеждают нас социологические исследования, в которых приводятся многочисленные факты

влияния основной, обычно профессиональной, роли на все поведение человека. Художники слова всегда стремились показать профессиональное «лицо» героя через его речь, причем не только в служебной, но и в бытовой обстановке. Такой прием используется, например, Л. Толстым в характеристике Каренина: безжизненность и выпренность его монологов говорит многое о внутреннем мире этого сановника.

Если роль чужда личности, неорганична для нее, если человек слишком сознает себя в этой роли, то его речевое поведение бывает неестественным, напряженным:

Она [киноактриса Таня] выступала там, в этом институте, вроде рассказывала что-то о себе и, так сказать, «делилась творческими планами». Выступать она не умела, сильно путалась, говорила какие-то шаблонные, свойственные «людям искусства» слова: «где-то по большому счету» и «волнительно» вместо «волнующе» — и произносила прилагательные мхатовским говорком, то есть так, как ни в жизни, ни на экране никогда не говорила... (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора).

Особенно неуютно чувствует себя человек, если несвойственная ему, навязанная извне роль плохо согласуется с его профессиональной ролью. Человек, привыкший распоряжаться и командовать, часто не может смириться с ролью просителя; работник бухгалтерии сталкивается с непреодолимыми затруднениями, исполняя чуждую ему роль докладчика; учитель, привыкший к уважению со стороны учеников, выступая в роли пассажира или покупателя, особенно болезненно переживает бестактность кондуктора или продавца и т. д.

Часто определенная, и притом постоянная, роль бывает связана не с профессией или должностью, а с тем неофициальным, но признаваемым другими местом, которое человек занимает в коллективе: в классе, в бригаде, в кружке друзей — или в регулярно повторяющихся ситуациях с более или менее стабильным составом участников. «В дружеской компании, собравшейся приятно провести вечер, нет никакой формальной регламентации и в принципе люди могут вести себя как угодно. Но, если внимательно присмотреться (и особенно если эти люди собираются не впервые), в ней можно заметить определенное разделение функций: кто-то командует, кто-то блещет остроумием, кто-то создает фон. И тому, за кем закрепились роль весельчака, уже не так-то просто от нее отказаться. На него “дают” ожидания окружающих, сложившиеся на основе прошлого опыта» (И. Кон. Люди и роли // Новый мир. 1970. № 12).

В очерке М. Горького «Мужик» описана компания городских интеллигентов, которые регулярно собираются вместе и обсуждают разные темы. Среди них выделяется один юноша, Сурков, остро слов и спорщик, который «играл в кружке роль дрожжей. Маленький, тонкий человечек, быстрый в движениях, с круглой головкой, на которой коротко остриженные и жесткие волосы стояли

щеткой, — он был такой живой, задорный, дерзкий и даже немножко злой... Ему, очевидно, ужасно нравилось раздражать людей, и он ради этого положительно не щадил себя... И каждый раз, когда спор кончался, все чувствовали, что в головах как будто посвежело, как будто с мозга пыль стерли этим нелепым, но всегда острым, даже блестящим спором». В том, что это именно социально обусловленная роль Суркова, пусть нравящаяся ему и исполняемая им с блеском, а не его импульсивное поведение, становится совершенно очевидно, когда автор показывает Суркова в других обстоятельствах, например дома. Сравните:

— Это хорошо, если вы серьезно решили, — сказал Шебуев, с удовольствием замечая, что юноша [Сурков] у себя дома держится лучше, чем при людях, и гораздо меньше остроумничает.

Роль может быть и вполне «добровольной», не навязываемой прямо ожиданиями других людей. Но в результате многократных повторений она становится как бы постоянной маской человека и нередко реализуется в сопровождении одних и тех же слов, жестов и т. п. Так, Иван Петрович Туркин, персонаж рассказа А. П. Чехова «Ионыч», «все говорил на своем необыкновенном языке, выработанном долгими упражнениями в остроумии и, очевидно, давно уже вошедшем у него в привычку: *большинский, недурственно, покорчило вас благодарю...*».

Социальная роль находится во взаимодействии с другой переменной, обуславливающей речевое поведение, — с ситуацией.

Эта взаимосвязь проявляется двояко. Во-первых, человек в одной и той же ситуации может исполнять разные роли: в магазине он может быть или покупателем, или продавцом, на стадионе — или игроком, или болельщиком, или судьей и т. д. Во-вторых, один и тот же человек в отношениях с одними и теми же людьми играет разные роли в зависимости от ситуации. Например, два близких приятеля, которые давно привыкли обращаться друг к другу на «ты», в официальной обстановке — например, на заседании ученого совета — скорее всего, перейдут на «вы»: к этому их обязывают неписанные правила речевого общения в официальных ситуациях.

Бывает так, что ситуация и роль приходят во взаимное противоречие. В этих случаях человек испытывает трудности при общении, он как бы выбивается из колеи стандартного ролевого поведения. Происходит наложение определенной социальной роли, которую человек привык исполнять по отношению к другому лицу, и ситуации, не соответствующей исполнению этой роли.

Герой повести Достоевского «Двойник» Яков Петрович Голядкин встречается в ресторане двух своих сослуживцев, «ребят еще молодых и по летам и по чину. Герой наш был с ними ни то ни се, ни в дружбе, ни в открытой вражде.

Разумеется, соблюдалось приличие с обеих сторон; дальнейшего же сближения не было, да и быть не могло», т. е. мы бы сказали, что Голядкин и молодые чиновники находились в нейтрально-деловых отношениях, при которых вполне естественным было чувство некоторой дистанции.

Встретившись же с «ребятами» не на службе, а в неофициальной обстановке, Голядкин ощущает двойственность своего положения: с одной стороны, он должен сохранить дистанцию, свойственную его служебным отношениям с молодыми людьми (а только этими отношениями он с ними и связан), с другой же, ему хочется быть неофициальным, проявить к сослуживцам дружеское внимание (он же — старший по возрасту и опыту!).

Совместить эти две роли оказывается трудным. Вот как это проявляется в поведении и речи Якова Петровича:

Встреча в настоящее время была крайне неприятна Голядкину. Он немного поморщился и на минуту смешался.

— Яков Петрович, Яков Петрович! — защебетали оба регистратора, — вы здесь? по какому...

— А! это вы, господа! — перебил поспешно господин Голядкин, немного сконфузясь и скандализируясь изумлением чиновников и вместе с тем короткостию их обращения, но, впрочем, и делая развязного молодца поневоле. — Дерзгировали, господа, хе-хе-хе!.. [Голядкин имеет в виду, что юнцы сбежали со службы в ресторан.] Тут даже, чтоб не уронить себя и снизить до канцелярского юношества, с которым всегда был в должных границах, он попробовал было потрепать одного юношу по плечу; но популярность в этом случае не удалась господину Голядкину, и, вместо прилично-короткого жеста, вышло что-то совершенно другое.

— Ну, а что, медведь наш, сидит?

— Кто это, Яков Петрович?

— Ну, медведь-то, будто не знаете, кого медведем зовут?.. Я говорю про Андрея Филипповича [начальника], господа...

Каждое общество имеет определенный набор социальных ролей, своеобразие которого обусловлено видами и формами взаимодействия людей, составляющих общество, спецификой данной национальной культуры. Роли и отношения между ними накладывают ограничения на язык, используемый при исполнении ролей. Обычно эти ограничения не касаются «проигрывания» какой-то конкретной роли, а отражают некоторые типологические их несходства.

Например, в японском обществе выбор той или иной глагольной формы зависит не от конкретной роли, которую исполняет говорящий, а от того, с кем он говорит — со «своим» или с «чужим», с человеком, занимающим более высокое или более низкое, чем он сам, положение. Различие по признакам «свой —

чужой», «высший — низший» делит все свойственные японскому обществу роли на четыре группы. Каждая из них характеризуется использованием глагольных форм только одного типа.

Нечто подобное можно наблюдать и в русском языковом обществе: при обращении к старшему (по возрасту, должности, званию и т. п.) или к постороннему принято употреблять глаголы в форме множественного числа (*видите, говорите*), а при обращении к детям, к членам семьи, к друзьям — формы единственного числа (*говоришь, видишь*).

Эти различия отражают деление всех ситуаций общения на симметричные и асимметричные.

Об асимметрии мы уже вскользь упоминали, когда анализировали роль пациента. Теперь же попытаемся составить более четкое представление о симметричности и асимметричности ролей.

Эти понятия характеризуют все виды человеческих контактов. Симметричны такие отношения, участники которых имеют одинаковые социальные признаки: равное социальное положение, образование, примерно одинаковый возраст, один и тот же пол и т. д. Напротив, асимметричны отношения, участники которых различаются хотя бы одним из этих признаков.

Отношения одноклассников, партнеров по спортивным соревнованиям (если они до этого ничего не знали друг о друге, — могут быть ведь и такие случаи, когда звания и слава одного «дают» на другого), соседей по больничной палате — симметричны. Школьник — учитель, спортсмен — тренер, больной — врач — примеры асимметричных отношений.

Характер ситуации может быть обусловлен не только социальным положением, возрастом и полом говорящих, т. е. их постоянными или «долговременными» признаками, но и их ролями в данной ситуации, т. е. признаками меняющимися. Например, в случае просьбы, одолжения и т. п. между участниками коммуникативного акта (т. е. акта общения) устанавливаются асимметричные отношения.

Я уже жду недоуменного вопроса читателя: — Все это, может быть, и важно для социологии. Но ведь мы должны говорить о языке. Какое дело языку до симметрии и асимметрии ролей?!

А вот какое. Если ты учащийся, школьник, ты не скажешь учителю:

— Борис, что ты нам сегодня по истории задал? Я не успел записать.

Или, свистнув под окном директорского кабинета, не крикнешь: — *Саня, выходи, в хоккей погоняем!*

Если твоих родителей вызвали в школу побеседовать о твоём поведении и успеваемости, то ты во время разговора вряд ли позволишь сделать родителям два-три таких замечания, какие они, может быть, делают тебе: — *Опять руки в карманы засунул (отцу) или: — Вытри ноги, не в сарай входись!* (матери).

Подобная фантастическая ситуация описана в известном рассказе Виктора Драгунского «Бы». Герой этого рассказа, первоклассник Денис Кораблев, представляет себе, как было бы здорово, если бы в их семье поменялись роли и не бабушка и родители «воспитывали» бы его, а он их. Вот как он говорил бы с ними (в точности такими словами, с какими обычно они обращаются к нему):

Например, мама сидела бы за обедом, а я бы ей сказал:

— Ты почему это завела моду без хлеба есть? Вот еще новости! Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа? Вылитый Кощей. Ешь сейчас же, тебе говорят! — И она бы стала есть, опустив голову, а я бы только подавал команду:

— Быстрее! Не держи за щекой! Опять задумалась? Все решаешь мировые проблемы? Жуй как следует! И не раскачивайся на стуле!

И тут вошел бы папа после работы, и не успел бы он даже раздеться, а я бы уже закричал:

— Ага, явился! Вечно тебя надо ждать! Мой руки сейчас же! Как следует, как следует мой, нечего грязь размазывать. После тебя на полотенце страшно смотреть. Щеткой три и не жалея мыла. Ну-ка покажи ногти! Это ужас, а не ногти! Это просто когти! Где ножницы? Не дергайся! Ни с каким мясом я не режу, а стрижу очень осторожно. Не хлюпай носом, ты не девчонка... Вот так. Теперь садись к столу.

Он бы сел и потихоньку сказал маме:

— Ну как поживаешь?

А она бы сказала тоже тихонько:

— Ничего, спасибо.

А я бы немедленно:

— Разговорчики за столом! Когда я ем, то глух и нем! Запомните это на всю жизнь. Золотое правило. Папа! Положи сейчас же газету, наказание ты мое!

И они сидели бы у меня как шелковые, а уж когда бы пришла бабушка, я бы прищурился, всплеснул бы руками и заголосил:

— Папа! Мама! Полюбуйтесь-ка на нашу бабуленьку!

Каков вид! Грудь распахнута, шапка на затылке! Щеки красные, вся шея мокрая! Хороша, нечего сказать. Признавайся, опять в хоккей гоняла? А это что за грязная палка? Ты зачем ее в дом приволокла? Что? Это клюшка? Убери ее сейчас же с моих глаз...

Можно себе представить и такую ситуацию, в которой направление ролевой асимметрии изменяется следующим образом: тот, кому по роли надлежит командовать, требовать, приказывать, крайне нерешителен, надоедает подчиненным своими сомнениями, без конца обращается к ним с просьбами, жалобами. Его речь будет в этом случае и по лексике, и по тону сильно отличаться от того, как следует говорить при нормальном исполнении его роли.

Меняется строй речи и в том случае, если нарушается симметрия ролей. Скажем, встречаются старые школьные товарищи, долгое время не видевшие

друг друга и ничего друг о друге не знающие. Как правило, то, что они узнают в ходе разговора, не влияет на их отношения: ну, подумаешь, один стал профессором, а второй — обыкновенный инженер! Ведь друг для друга они все те же Колька и Эдик.

Но так бывает не всегда. Иной раз роли из симметричных — в процессе общения, по мере поступления новой информации — превращаются в асимметричные: один смотрит на другого как на лицо более уважаемое, достигшее социальных высот.

Именно с такой ситуацией сталкиваемся мы в рассказе Чехова «Толстый и тонкий». Помните, с какими словами бросаются друг к другу два приятеля — толстый, который только что пообедал в ресторане, и тонкий, сошедший с поезда, навьюченный чемоданами?

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидав тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Речь тонкого оживлена, он так и сыплет подробностями общей их гимназической жизни, вспоминает прозвища, которыми их наделяли в гимназии, представляет толстому жену и детей. И все это непринужденно, по-свойски. Но... только до тех пор, пока тонкий не узнает, кем же стал толстый: тайным советником! Две звезды имеет!

И всё. Мгновенно меняется весь облик тонкого, а речь приобретает подобострастный, лакейский оттенок:

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой: казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съезжился, сторбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съезжились, поморщились...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства, и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание?

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, еще более съезжившись. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги...

Эти примеры наглядно показывают, что речь человека в сильной мере обусловлена тем, какую социальную роль он играет — равную роли партнера, более высокую или более низкую. В языке есть и средства, которые обозначают разные типы ролевых отношений и которые используются в зависимости от того, каковы отношения между собеседниками.

В русском языке, например (как, впрочем, и во всех других), существуют слова и обороты, обозначающие действия «высшего» по отношению к «нижнему»

му» (эти термины употребляются здесь условно, обозначая различия между людьми в их положении на общественной, служебной, возрастной и т. п. шкалах): *командовать, приказывать, диктатура, изгнать; читать мораль, нравоучения; нагоняй, обязать, принуждать, протекция, отозвать* (например, *отозвать посла*), *разрешить, сместить, утвердить, экзаменовать* и мн. др., — и действия «низших» по отношению к «высшим»: *подчиняться, жаловаться, преклоняться, боготворить, выслуживаться, изживание, послушаться, отчитываться, рапортовать, умилоствивить* и т. п.

Есть и такие слова, в которых указанные отношения («высший → низший» или «низший → высший») не составляют центра значения, а как бы сопутствуют основному смыслу слова и потому не сразу могут быть замечены.

Например, близкие друг другу по смыслу глаголы *грубить* и *дерзить* обозначают асимметричные отношения между участниками ситуации: грубят и дерзят старшим — по возрасту, чину, положению и т. п. *Мальчик плохо учится, грубит учителям; Сын дерзит отцу*. Нельзя сказать: *Учитель грубит ученикам; Отец дерзит сыну*.

Любопытно, что выражения *груб с кем-либо* и *дерзок с кем-либо*, внешне соотносительные с глаголами, не синонимичны друг другу. *Груб с кем-либо* социально не ориентировано. Можно сказать: *Начальник груб с подчиненными; Мальчик груб с родителями; Ты вчера был так груб со мной* (в разговоре друзей), а выражение *дерзок с кем-либо* употребляется так же, как и глагол *дерзить*: *Сын дерзок с матерью; Подросток дерзок с учителями*. Явно невозможно: *Мать дерзка с сыном; Учитель дерзок с учениками*.

Слово *окрик* нормально употребляется при отношениях «высший → низший»: *начальственный окрик, окрик генерала; Вы этими окриками немногого добьетесь от сына (от подчиненных)*.

Глагол *гневаться* применим только в отношении лица, занимающего высокое социальное положение (в сказках *царь гневается*, а не просто выходит из себя или злится). *Гневить* могут лица, занимающие «низшее» социальное положение, лицо, занимающее по отношению к ним положение более высокое; например: *Не гневи Бога* (говаривали в старину); *Зачем ты гневишь отца?* В литературе мы не встретим фразы вроде таких: *Крестьяне разгневались на царя за его жестокость; Сколько раз барину говорили: не гневи лакеев!*

Слова *прошу* и *попрошу* различаются приставкой *по-*. Кажется бы, ничтожное различие: приставка сообщает глаголу значение будущего времени. Сравните: *Прошу у него книгу — Завтра попрошу у него книгу*. Но не только временем различаются две эти формы. В некоторых стилях речи глагол *попрошу* (именно в 1-м лице единственного числа) употребляется со значением большей категоричности, чем его бесприставочная пара, как близкий к *требую, предписываю*.

Если кто-то говорит: *Попрошу (оставаться на местах, предъявить билеты, посторониться...)*, — он только одной этой формой заявляет о себе как об имеющем право на императивное (повелительное) обращение. В ситуации проверки билетов роли пассажиров и ревизора асимметричны: он может контролировать их, а они обязаны подчиняться его «попрошу» и предъявлять билеты. Если же эту глагольную форму произнесет кто-либо из пассажиров (например, в случае грубости ревизора пассажир скажет: *Попрошу не кричать на меня!*), то он тем самым заявляет о своем праве на уважительное к себе отношение, он как бы выходит из роли подконтрольного и ставит себя в равное с ревизором гражданское положение.

Заметно обусловлена типом ролевых отношений интонация речи. Ср. у Достоевского: «Новоприбывший поклонился Андрею Филипповичу, и вслед за тем послышался голос форменно-ласковый, такой, каким говорят начальники во всех служебных местах с новопоступившими подчиненными» («Двойник»).

Значение интонации в проигрывании различных социальных ролей легко показать на отрицательных примерах.

Во дворе дома ребяташки играют в войну. Кричат, бегают, «стреляют», спорят, кто «убит», — словом, обычная, всем знакомая картина. Один из мальчиков пытается указывать другим, что надо делать в таком-то случае, куда бежать, где прятаться, в какой момент нападать на «противника»... Ребята не слушают его, а самый независимый по виду парнишка недовольно кричит:

— Ты чего командуешь? Подумаешь, раскомандовался! Без тебя знаем, как надо!

Мальчик взял на себя роль, не «санкционированную» другими, и, пытаясь исполнять ее, применил речевые средства — главным образом интонационные, — которые соответствуют этой роли. Именно тон речи явился тем знаком, по которому товарищи осудили самовольно взятую им на себя роль командира и отвергли эту роль в его «исполнении» как не соответствующую их ожиданиям.

Другой пример — иллюстрирующий контраст между тоном речи и исполняемой ролью.

В пьесе Евгения Шварца «Дракон» Бургомистр, обманом захвативший президентскую власть, разговаривает со своими подчиненными приторно-ласковым голосом. Тон речи и ее содержание диссонируют: зло, насилие, жестокость совершаются под прикрытием словесного благообразия и показной приветливости. Особенно рельефно проявляется эта черта в диалоге Бургомистра с его сыном Генрихом. Они беседуют не просто как отец и сын, а как президент, одного взгляда которого достаточно, чтобы заточить в тюрьму сотни невинных, и свежиспеченный глава города, подкапывающийся под власть папа-

ши. Тем замечательнее интонации их разговора, особенно речи президента-отца:

[Бургомистр:] Ну, сыночек, ну, мой крошечный, а теперь поговорим о наших делишках. За тобой должок, мое солнышко.

[Генрих:] Какой, папочка?

[Бургомистр:] Ты подкупил трех моих лакеев, чтобы они следили за мной, читали мои бумаги и так далее. Верно?

[Генрих:] Ну что ты, папочка!

[Бургомистр:] погоди, сынок, не перебивай. Я прибавил им пятьсот талеров из личных своих средств, чтобы они передавали тебе только то, что я разрешу. Следовательно, ты должен мне пятьсот талеров, мальчугашка.

[Генрих:] Нет, папа. Узнав об этом, я прибавил им шестьсот.

[Бургомистр:] А я, догадавшись, тысячу, поросеночек. Следовательно, сальдо получается в мою пользу. И не прибавляй им, голубчик, больше... Ах ты мой сыночек! Ах ты мой славенький! На папино место ему захотелось!

[Генрих:] Ну что ты, папа!

[Бургомистр:] Ничего, мой малюсенький!..

Евг. Шварц гиперболизирует несоответствие роли и речи, заостряя это несоответствие и тем самым добиваясь художественной выразительности.

Как мы видим, та роль, которую человек играет в определенной ситуации, диктует ему выбор и употребление наиболее подходящих для этой роли языковых средств. Несоответствие роли и речи воспринимается как диссонанс в поведении человека, как нарушение некоей социально-речевой нормы.

Набор социальных ролей неодинаков в разных культурах, у разных народов. Этим набором различаются и отдельные люди: чем шире круг общения, с чем большим числом социально неоднородных индивидов и групп взаимодействует человек, тем богаче используемый им набор социальных ролей, или, иначе, ролевой диапазон. Большое значение имеет и культурный уровень личности, ее интеллектуальное развитие: диапазон ролей широк у образованных, социально активных людей и, напротив, беден у людей низкой культуры, у социальных «отшельников», ведущих замкнутый образ жизни. Соответственно и шкала речевых средств, «обслуживающих» ту или иную роль, выглядит в двух этих крайних случаях резко неодинаково, контрастно: гибкость и разнообразие средств у первых и скудость их у вторых.

Ролевой диапазон подвижен, он не дан человеку раз и навсегда, а развивается вместе с развитием личности, вместе с ее социализацией.

Что же такое социализация? Как влияет она на расширение контактов данного человека с другими? Как происходит усвоение ролей и связанных с их исполнением способов речевого поведения? Выяснению этих вопросов посвятим следующую главу.

«Путь в общество» и усвоение языка

Создает человека природа, но развивает и образует его общество.

В. Г. Белинский

Рождаясь, ребенок еще не вполне человек в социальном смысле этого слова. Он представитель рода человеческого только биологически. Социальные свойства и функции человек приобретает в процессе воспитания и общения с другими людьми. По выражению известного психолога А. Н. Леонтьева, «каждый отдельный человек учится быть человеком. Чтобы жить в обществе, ему недостаточно того, что дает ему природа при его рождении. Он должен еще овладеть тем, что было достигнуто в процессе исторического развития человеческого общества»⁵. Люди учатся чувствовать, общаться друг с другом, мыслить и играть различные социальные роли не в результате биологического созревания, а в процессе социального взаимодействия.

По наследству может передаваться, например, особенность строения черепа, цвет глаз, даже тембр голоса, но все формы поведения не наследуются биологически — они усваиваются с развитием человека. Это относится и к речевому поведению, и к самой способности говорить.

Произносить звуки и слова и понимать то, что говорят окружающие, ребенок учится в человеческом обществе. Если же в самом раннем возрасте изолировать его от людей, то речь у него не развивается. Больше того, по своему поведению и формам движений этот ребенок ничем не будет напоминать человека. В том, что это так, ученые убедились на примерах детей, которые совсем маленькими попали к животным и росли в их обществе.

Однажды — это было в 1920 г. — индийский миссионер нашел в джунглях, в волчьем логове, двух девочек разного возраста: восьми и полутора лет (так определили ученые после тщательного обследования детей). Каждая из девочек была похищена волчицей, по-видимому, почти сразу после своего рождения. Хотя оба ребенка обладали физическими свойствами человеческих существ, они вели себя во многом подобно волкам: передвигались на четырех ногах, могли есть только молоко и сырое мясо, прежде чем взять в рот пищу, тщательно ее обнюхивали. Дети хорошо видели в темноте, боялись огня и способны были чутко запах свежего мяса на расстоянии до 70 метров.

Единственный звук, который каждая из девочек могла издавать, был волчий вой, во всем разнообразии его модуляций. Девочки не умели смеяться, у них не были развиты жесты и мимика, обычные для детей их возраста.

⁵ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972. С. 408.

Младшая, которую называли Амала, вскоре умерла, так и не приспособившись к новым условиям существования. А старшая, Камала, прожила до 1929 г., находясь постоянно под наблюдением врачей и психологов. За все это время она выучила немногим больше тридцати слов, научилась понимать простые команды и отвечать *да* и *нет*. Совокупность этих навыков настолько элементарна, что ни о каком усвоении норм речевого поведения (как и всех других видов общественного поведения) здесь говорить не приходится.

Этот случай свидетельствует о том, что приобщение человека к себе подобным начинается с очень раннего возраста. Если время упущено и ребенок первые годы жизни находится в изоляции, то у него трудно — а в полной мере и невозможно — развить свойства, присущие человеку как члену общества, как социальной единице.

При этом оказывается, что уровень культуры и цивилизация той среды, в которой первоначально воспитывается ребенок, малосуществен, важно лишь, чтобы это были люди, а не животные. Примером, доказывающим это положение, может быть история двухлетней гуайякильской девочки, которую нашел французский этнограф Велляр в Парагвае на стоянке, покинутой племенем гуайякилей (одно из самых отсталых племен Южной Америки). Он взял ее с собой и поручил воспитывать своей матери. По прошествии 20 лет девочка по своему развитию ничем не отличалась от интеллигентных европейских женщин. Сейчас она занимается этнографией, говорит на французском, испанском и португальском языках.

Маугли, герой известной каждому школьнику необыкновенной истории, которую рассказал английский писатель Р. Киплинг, оказался в джунглях не в самом раннем возрасте: хотя автор прямо не говорит нам, какое время прожил Маугли среди людей, одно то, что мальчик сам ушел из дома и попал к зверям, свидетельствует о том, что по крайней мере до года Маугли воспитывался людьми. Это обстоятельство должно объяснить нам, почему ребенок по своему поведению в значительной мере оставался человеком, хотя долгое время находился среди животных и общался исключительно с ними.

Таким образом, первые шаги в человеческом обществе ребенок делает еще до того, как он в состоянии стать на ноги и научиться ходить. Процесс социализации — так ученые называют приобретение человеком свойств социальной личности — начинается буквально с момента рождения.

Л. С. Выготский неоднократно подчеркивал, что общение ребенка с окружающим миром уже в первые месяцы его жизни является основной формой его «деятельности», что отношение его к вещам с самого раннего возраста опосредствуется общением со взрослыми и что все формирование его психического «я» происходит в процессе этого общения. Выготский отмечал, что психическое развитие человека протекает путем усвоения им общечеловечес-

кого опыта, передаваемого через предметную деятельность и прежде всего через язык.

В течение всей жизни человека — а особенно интенсивно в первые годы — происходит непрерывный процесс его адаптации, приспособления к окружающим людям. Ребенок усваивает нормы поведения, с возрастом расширяется круг социальных ролей, которые он умеет «играть», и типов ситуаций, в которых он чувствует себя естественно и непринужденно. При этом путем многократных повторений он отбирает то, что принято в данной социальной среде, и отвергает чуждое, не характерное для той группы (или групп), членом которой он является.

По мнению ученых, процесс социализации состоит из трех основных этапов: (1) первичная социализация, или социализация ребенка; (2) промежуточная, или псевдоустойчивая, социализация — социализация подростков; (3) устойчивая, целостная социализация, которая знаменует собой переход от юности к зрелости.

По мере дифференциации и усложнения отношений растущего человека с окружающим миром умножается число социальных общностей, к которым одновременно принадлежит один и тот же индивид. В самом деле, до определенного возраста ребенок просто дитя своих родителей, и это одна из немногих его социальных ролей. Если папа с мамой работают, а бабушки нет, то его отдают в детский сад, и, таким образом, он входит в еще одну (кроме семьи) социальную общность. А дальше — группы сверстников во дворе и в детском саду, школьный класс, летний детский лагерь, кружки, спортивные секции. После окончания школы он становится членом таких социальных коллективов, как завод, армия, студенческая группа. Он не только участвует в совместной деятельности людей, составляющих данную конкретную группу, но и наблюдает, как исполняют они различные роли. Поэтому, становясь взрослым, человек имеет представление о разнообразных социальных ролях, включая и такие, которых он сам ни разу не исполнял.

Все это имеет прямое отношение к усвоению языка. Процесс социализации человека включает в себя овладение речью, и не вообще, а речью данной социальной среды, нормами речевого поведения, свойственными этой среде. С другой стороны, и сама социализация происходит во многом благодаря языку, его средствами.

Механизм того, как ребенок усваивает язык и как он начинает его использовать, очень сложен и не вполне доступен прямому наблюдению. Ведь мы только слышим речь (или видим текст), а то, как она возникает, как мысль воплощается в слово, мы даже с помощью средств современной науки увидеть пока не можем. И сам говорящий не может проанализировать, как рождаются в нем

слова и звуки, — он делает это неосознанно, подчиняясь выработанному в раннем детстве механизму порождения речи.

В том, что процесс порождения речи обычно неосознан (конечно, он подвластен сознанию в том смысле, что можно говорить, взвешивая каждое слово, тщательно вслушиваясь в него, но, во-первых, это совсем не одно и то же, что сознательный контроль над порождением речи, а во-вторых, для нормального говорения такая ситуация необычна), легко убедиться на примерах бреда: человек потерял сознание, но может говорить, и в некоторых случаях достаточно связно. Сравните также говорение во сне, под гипнозом и т. п.

Получается как будто противоречие: язык неразрывно связан с мышлением, он воплощает в словах, в высказываниях то, что рождается в мозгу, — и он же, оказывается, независим от сознания. Да, от сознания — но не от мышления: и во сне, и под гипнозом, и в беспмятстве человек не утрачивает способности мыслить (пусть в слабой, «угасающей» степени), он теряет только способность сознательно контролировать свою деятельность.

Именно потому, что две эти человеческие способности — мыслить и говорить — теснейшим образом взаимосвязаны, и трудно постичь механизм языка. И хотя за последние десятилетия наука о мозге обогатилась рядом открытий, которые приподняли завесу таинственности над некоторыми явлениями человеческой психики, казавшимися раньше непостижимо загадочными, — глубинные процессы, и в частности процессы усвоения языка и автоматического владения им, еще ждут своих исследователей.

Но, лишенные возможности проникнуть внутрь мозга для того, чтобы инструментально исследовать лингвистическое знание и процесс порождения речи, языковеды научились моделировать структуру языка и речевое поведение человека на основе тех многочисленных фактов, которые получены при наблюдении. Такие факты начинают появляться с первых криков ребенка, на самой начальной стадии его социализации.

Уже в раннем возрасте дитя познает действительность с помощью языка: хотя оно само еще не умеет говорить, но понимает, когда взрослые указывают ему: *Вот кукла; Это кошка*. Слово, и даже не отдельное слово, а высказывание в целом, на этой стадии очень тесно связано с действительностью. «На начальных этапах, — писал один из исследователей, проф. А. Р. Лурия, — связная речь понимается ребенком только в пределах определенной действенной ситуации, и пусковое значение обращенной к нему речи определяется не столько связью между собой слов, сколько упомянутого во фразе с определенной наглядно-действенной ситуацией, возникающей при восприятии того или иного предмета».

О тесной связи высказывания с конкретной ситуацией (в сознании маленького ребенка) свидетельствуют и специальные эксперименты. Ребенок пони-

мает фразу в целом, а не пословно. Например, вместо часто повторяемой фразы *Положи мячик на стол* малышу говорят: *Положи мячик под кровать*, но он все равно кладет его на стол, как и раньше.

Лишь в два-три года этот ситуационный характер понимания связной речи начинает отступать на задний план. Формируется собственная речь ребенка, обладающая определенной структурой. Теперь он не только слушает, но и говорит, т. е. от пассивного восприятия речи переходит к активному ее освоению. Этот переход протекает в полном согласии с психическим развитием маленького человека: как указывал Л. С. Выготский, в раннем возрасте (до двух лет) преобладает восприятие, а все другие психические процессы — память, внимание, мышление, эмоции — осуществляются через восприятие. У детей-дошкольников преобладает память, а активное овладение языком невозможно без ее развития. В школьном возрасте на первое место выдвигается мышление.

Л. С. Выготский теоретически обосновал и подтвердил экспериментами, что значения слов не одни и те же у детей разного возраста, что они меняются с развитием ребенка. Скажем, в раннем возрасте слово *завод* еще не вызывает никаких ассоциаций, оно лишь звук для младенца; у мальчика лет 3—4, отец которого работает на заводе, оно связывается с образами труб, станков и т. п.; учащийся начальной школы имеет уже более четкое представление о содержании слова.

В овладении языком проявляются не только возрастные различия детей, но и особенности той социальной среды, в которой воспитываются, скажем, сын полярного летчика и сын рабочего, крестьянская девочка и дочь горожанина. Уже на самой ранней стадии развития, когда ребенок, по словам известного психолога В. Штерна, «делает величайшее открытие в своей жизни», а именно «открывает, что каждая вещь имеет свое имя», есть условия к социально различному усвоению языка. В разных по своей профессиональной ориентации и культурному уровню семьях неодинакова употребительность некоторых (одних и тех же) слов, понимание их смысла, их эмоциональная оценка. Одна и та же вещь имеет подчас разное наименование в семье токаря — и геолога, музыканта — и строителя.

Когда у пятилетней дочери слесаря, заявившей, что она не любит слушать игру на скрипке, спросили, какой инструмент нравится ей больше всего, она, чуть подумав, ответила: — *Пассатижи*.

В языковом сознании ребенка, растущего в семье музыканта, «техническое» значение слова *инструмент* вряд ли будет на первом месте: скорее всего, инструмент для него — это рояль, скрипка и т. д.

В своей знаменитой книге «От двух до пяти» К. Чуковский приводит такие примеры социально обусловленного употребления и осмысления слов детьми:

«Дима, сын продавца готового платья, использовал терминологию отцовской профессии для излияния родственных чувств: — *Я всех люблю одинаково, а мамочку на один номер больше.*

А сын одного писателя, глядя на вертящуюся карусель, проговорил с нетерпением: — *Папа, скажи редактору этой карусели — нельзя ли мне наконец покататься!»*

У детей, пришедших в школу из разных в социальном и культурном отношении семей, часто обнаруживается неодинаковое владение языком, неравная способность к речевому общению. Различия касаются и активного запаса слов, умения связно говорить, и речевого приспособления к условиям общения.

Эти различия сохраняются и в школьные годы. Однако характерно, что совместное обучение детей разного социального происхождения обычно в равной мере их речь, значительно уменьшает разницу во владении языком.

Английский психолог Б. Бернстайн сравнил речь двух групп подростков. В первой группе были дети из низших социальных слоев, не получившие систематического образования и работавшие рассыльными; во второй — учащиеся и выпускники так называемых высших частных школ (*high public schools*). В обеих группах — равное число подростков одного возраста. Их интеллектуальный уровень тоже примерно одинаковый (это устанавливалось специальными тестами — т. е. упражнениями, с помощью которых можно выяснять сообразительность, быстроту реакций и т. п.).

Каждый из членов этих групп дал короткое интервью на одну и ту же тему (о том, как он относится к возможной отмене пенальти в футболе), которое было записано на магнитофон. Анализ полученного материала подтвердил заранее выдвинутую Б. Бернстайном гипотезу о том, что представители первой группы (низший социальный слой) используют менее богатый и разнообразный словарь, чем представители второй.

Однако значит ли это, что речь выходцев из неимущих слоев общества всегда, при любых условиях более бедна и статична, чем речь представителей культурных слоев общества? Ясно, что не всегда: многое зависит от условий и характера социализации детей из разных социальных групп.

Как показали дальнейшие исследования, в использовании более и менее богатого словаря решающую роль играет ситуация, те условия, в которых происходит общение. Изучая группы подростков-негров, американский лингвист Уильям Лабов обнаружил, что их речь при рассказывании различных историй друзьям, в словесных шутках и перепалках — словом, в привычных для них условиях — весьма гибка и разнообразна. Если они кажутся необщительными в официальных интервью с незнакомым исследователем, то это должно

свидетельствовать скорее о непривычности для них обстановки интервью, чем об их языковой неразвитости.

С другой стороны, подростки из обеспеченных, культурных американских семей не всегда прибегают к разнообразным языковым средствам: в семейных ситуациях, в разговорах с родителями они пользуются небогатым словарем и ограниченным набором синтаксических конструкций.

Между подростками той и другой групп различие заключается в том, что дети из культурных семей более успешно осваивают различные социальные роли, овладевают теми знаниями, которые необходимы для правильного приспособления своей речи к обстановке. При смене ситуации, изменении условий речи они лучше умеют переключаться с одних средств на другие, подгоняя свою речь по стилю, окраске, тональности к условиям общения.

База языковых и ситуативно-ролевых знаний и навыков закладывается в семье — школа лишь укрепляет и «достраивает» эту базу. Совместное обучение в школе ребят из разных по своим культурным традициям семей во многом выравнивает их языковое развитие. Однако это не означает, что школа исправляет все огрехи и недостатки семейного речевого воспитания. Конечно, школа — мощное средство социализации, но начинается-то этот процесс все же в семье.

Здесь возможна такая аналогия. Допустим, ты, читатель, задумал сконструировать радиоприемник. Чтобы осуществить это, тебе необходимо прежде всего овладеть основами радиотехники. Это — фундамент, без которого невозможно научиться правильному и успешному конструированию радиоприборов. Если такого фундамента у тебя нет, то, как ни изошряйся в подборе и соединении деталей, как ни стремись к компактности приемника, к его красоте, у тебя, скорее всего, ничего не получится.

Воспитание в семье — фундамент социализации ребенка. От того, как будет заложен этот фундамент, зависит последующее общественное развитие человека. И речевое — тоже. Ведь навыки речи, приобретенные в семье, могут способствовать дальнейшей речевой социализации, но могут и приходиться с ней в противоречие. Во втором случае неизбежно «переучивание» — с одних речевых навыков на другие.

Если с раннего возраста ребенок погружен в атмосферу культурной речи, если с самого начала он слышит правильное, литературное слово в устах отца, матери, старших братьев и сестер — процесс его речевого воспитания проходит успешно. Конечно, ребенок и не подозревает, что это речь литературная, что есть еще и другие разновидности языка. Для него то, как говорят родители, единственный и несомненный способ выражать свои побуждения и мысли. И когда малыш начинает говорить сам, то пытается строить свою речь по тем словесным, грамматическим, произносительным и интонационным образцам, к которым уже привыкло его ухо.

В дальнейшем, особенно в школе, ребенку не понадобится переучиваться: ведь та речь, которую он усваивает в семье, и санкционируется обществом как культурная, правильная.

Не то — у детей, растущих в условиях диалектной речи, или же тех, чьи воспитатели «разноязычны»: например, бабушка говорит просторечно, а отец и мать — литературно. От бабушки Коля или Таня слышат: «проздравляю», «цельный день», «каструля», «покаместь» — и некоторые из этих речевых форм усваивают. Но стоит употребить их при родителях, те указывают: — Так не говори, это неправильно.

Если такие указания регулярны, то ребенок постепенно освобождается от просторечных элементов в своей речи. Но иногда происходит другое — он становится как бы двуязычным: в разговоре с родителями он стремится (часто неосознанно, важна лишь установка, сложившаяся в процессе предшествовавших указаний родителей на ошибки) избегать просторечных форм, а в общении с бабушкой может их употреблять, так как в этом случае его не только не поправляют, но и используют в речи те же формы.

Детям, воспитанным в лингвистически неоднородной или же просто нелитературно говорящей среде, с возрастом приходится избавляться от черт диалектного и просторечного произношения. А произносительные и грамматические навыки, приобретенные в детстве, очень устойчивы: при необходимости их трудно переделать, заменить другими. Поэтому если в детстве человек усвоил нелитературное произношение, то процесс переучивания в последующие годы очень длителен, непросто. Бывает, что и у взрослого человека, который родился в деревне, сохраняются элементы диалектного произношения, несмотря на то что всю сознательную жизнь он провел в городе.

На всех, особенно на ранних этапах овладения речью важно отношение старших к слову ребенка — и отношение не только родителей, но и старших братьев, сестер.

Как только в маленьком ребенке проявляется способность к произнесению осмысленных звуков и высказываний, родители обычно всячески поощряют его попытки говорить. Однако некоторым это быстро надоедает, в особенности к тому времени, когда двух-, трехлетний человек начинает без усталости работать языком, засыпая взрослых вопросами, делясь с ними своими впечатлениями и т. п. Часто родители пресекают это «словоизвержение» или просто не слушают, что говорит им дочь или сын.

Как показывают наблюдения психологов и лингвистов, в семье, где царит атмосфера внимательного отношения к детскому слову, где ребенок чувствует свободу своей речевой деятельности, где поощряются его речевые перевоплощения (малыш говорит за себя, за лошадку, за куклу), — усвоение языка и развитие речи идет более успешно, чем в семьях, в которых взрослые часто

отмахиваются от назойливых расспросов детей, без особых оснований запрещают им «болтать».

С самого начала и вплоть до школьного возраста у ребенка развивается диалогическая форма речи. И это естественно: ведь обучение языку проходит в процессе непрерывного общения с окружающими. Вопросы, ответы, реплики, замечания — вот обычные речевые формы в дошкольном возрасте. И в первых классах школы дети еще не справляются с монологической речью: они плохо пересказывают, стараются буквально повторить прочитанное. Как писал известный лингвист и психолог Николай Иванович Жинкин, в этом возрасте ребенок «понимает в окружающем больше, чем умеет передать словами».

Чем старше становится вчерашний «детсадовец», с чем более широким кругом людей он вступает в общение, тем очевидней становится (если не для него самого, то, во всяком случае, для наблюдателя), как важно не только владеть языком, но и уметь использовать его в разных ситуациях. Мальчик или девочка учатся приспособливать свою речь к целям общения, к социальным и психологическим условиям речи, к тем ролям, которые они играют по отношению к окружающим их людям. По-видимому, можно сказать, что с довольно раннего возраста язык усваивается не в «чистом» виде, а в разнообразных коммуникативных формах, включающих ситуативные и ролевые моменты. Недаром даже маленькие дети могут хорошо понимать, с кем как говорить — ласково, небрежно, капризно, грубо, повелительно и т. д.

Наблюдения показывают, что в возрасте трех-четырёх лет ребенок уже овладевает элементами ролевого поведения: он начинает использовать языковые средства дифференцированно — в зависимости от того, с кем он говорит (например, с отцом, бабушкой или сверстниками) и в каких условиях: например, строй речи в разговоре наедине с кем-либо из членов семьи отличается от строя его речи в беседах с тем же лицом, но в присутствии постороннего.

Однако в целом освоение правил ситуативно-ролевого речевого поведения происходит труднее и в более длительные сроки, чем освоение правил собственно языковых.

Первоначально речь ребенка не всегда ориентирована вовне, она может не быть направленной на собеседника. Это как бы речь для себя. Швейцарский психолог Жан Пиаже показал, что многие трудности в общении между детьми младшего возраста возникают как раз по этой причине: говорящий не заботится о том, чтобы сообщить другим нечто, он просто говорит сам с собой (любопытно, что это явление повторяется в глубокой старости). Такую речь Пиаже назвал эгоцентрической, в отличие от социализированной речи, произносимой для других, т. е. ориентированной на собеседника. Под влиянием социального окружения у человека развивается именно этот, второй тип речи, и в дальнейшем он-то и составляет костяк его речевой деятельности. Эгоцентрическая же

речь постепенно перестает выражаться вовне, перестает звучать; но это не значит, что она исчезает: она «перерастает» в речь внутреннюю, произносимую.

Толчком и необходимым условием к овладению социализированной речью служит игра. Участвуя в игре, дети могут переходить из одной роли в другую, не учитывая каноны и логику взрослых, пишет психолог Т. Сарбин. Однако именно в игре ребенок начинает усваивать элементы тех ролей, которые играют на его глазах взрослые, прежде всего отец и мать. Поэтому с точки зрения социального и психологического развития игра — такой же важный вид деятельности для ребенка, как работа и другие виды общественного поведения — для взрослых.

Взаимодействуя в игре, дети воспринимают и усваивают то, что психологи называют шаблонами поведения, т. е. наиболее типичные и часто встречающиеся формы человеческого общения. «Игры важны в социализации, поскольку роли участников специфичны; ясно установлено, что каждый играющий может или не может делать, определены цели взаимодействия и ограничена область личного выбора. Следует отметить, что многие дети научаются дисциплине и ответственности в группах равных... значительно больше, чем дома», — это мнение Т. Шибутани разделяют и многие другие психологи.

Огромно значение, которое имеет в детских играх подражание.

Подражание, как мы выяснили несколькими страницами раньше, вообще является основным способом, посредством которого ребенок учится звуковому языку: слыша речь окружающих, он пытается воспроизводить те же самые звуки и слова, которые произносят общающиеся с ним и между собой люди.

В игре же особенно ярко проявляется не только собственно лингвистическая сторона подражания (воспроизведение звуков, слов, предложений), но и, так сказать, поведенческая: ребенок подражает тону, манерам, привычкам взрослых. Так, играя в дочки-матери, в войну, в школу, дети воспроизводят не столько конкретные слова и обороты матери, командира, учительницы, сколько общий стиль поведения каждой из этих фигур. Особенно отчетливо наблюдается подражание интонационному рисунку речи.

Объектом подражания обычно служит лицо, авторитетное для ребенка в том или ином отношении. В раннем возрасте это отец, мать, старший брат, позже — кто-либо из сверстников, играющий в группе роль лидера, школьный учитель, тренер, любимый киноперсонаж.

Герой повести Валентина Катаева «Сын полка» Ваня Солнцев, скитаясь в прифронтовой полосе, встретился с мальчиком своих лет. Но какой это был мальчик! В военной форме — шинели, кубанке, в погонах и при медали, он держался с Ваней чинно и покровительственно. Из разговора выясняется, что этот мальчик уже второй год — сын казачьего полка. Отвечая на вопросы Вани,

он говорит с большим достоинством и в его речи явно проскальзывает подражание манерам кого-то из взрослых, окружающих его в полку. Он обращается к Ване: *братец мой, употребляет обороты вроде таких, как поскольку я являюсь круглый сирота, не положено, сейчас называюсь гвардии ефрейтор Вознесенский* и т. п. А рядом — обычные мальчишеские обороты и выражения: *как выскочат, а они как ворвутся, не вместо нет* и др.

Вовка Ряшенцев из рассказа Ильи Зверева «Второе апреля» подражает не взрослым, а своему товарищу Колё, видя в нем образец поведения. Вот как это выражается:

И тут как раз пришел Ряша, то есть Вовка Ряшенцев.

— Ну, что там нести? — грубо, как Челкаш из произведения Максима Горького, спросил он. — Это, что ль?

Вовка старался быть таким же грубым соленым парнем, как Коля. Он тоже говорил «во даешь!» и сплевывал, не разжимая губ. Но все это плохо ему удавалось, потому что он был хилый очкарик, кроме того, сильно испорченный интеллигентным воспитанием...

В заостренной, гиперболической форме эта черта — подражание чужим манерам, мыслям, чужой речи — изображена А. П. Чеховым в его знаменитом рассказе «Душечка». Героиня этого рассказа, Ольга Семеновна, которую за милость и доброту все звали Душечка, настолько прониклась интересами и образом мыслей своего первого мужа, антрепренера Кукина, что начинает говорить в точности как он:

И она уже говорила своим знакомым, что самое замечательное, самое важное и нужное на свете — это театр и что получить истинное наслаждение и стать образованным и гуманным можно только в театре.

— Но разве публика понимает это? — говорила она. — Ей нужен балаган! Вчера у нас шел «Фауст наизнанку», и почти все ложи были пустые, а если бы мы с Ванечкой поставили какую-нибудь пошлость, то, поверьте, театр был бы битком набит. Завтра мы с Ванечкой ставим «Орфея в аду», приходите.

И что говорил о театре и об актерах Кукин, то повторяла и она... Актеры любили ее и называли «мы с Ванечкой» и «душечкой»...

Но вот Кукин заболел и умер. Погоревав некоторое время, Душечка вышла замуж за управляющего лесным складом Пустовалова. Так же искренне и горячо проникается она заботами нового мужа, усваивает обороты его речи:

— Теперь лес с каждым годом дорожает на двадцать процентов, — говорила она покупателям и знакомым. — Помилуйте, прежде мы торговали местным лесом, теперь же Васечка должен каждый год ездить за лесом в Могилевскую губернию. А какой тариф! — говорила она, в ужасе закрывая обе щеки руками. — Какой тариф!

Ей казалось, что она торгует лесом уже давно-давно, что в жизни самое важное и нужное это лес, и что-то родное, трогательное слышалось ей в словах: балка, кругляк, тес, шелёвка, решотник, лафет, горбыль...

Конечно, столь слепое, бездумное подражание другому человеку не так уж часто встречается в действительности. Однако в большей или меньшей степени подражание свойственно поведению каждого из нас. «Без подражания, — замечает психиатр В. Леви, — не обходится ни одно прямое влияние одного человека на другого». Подражание — это инструмент, с помощью которого человек осваивает социальные роли и диктуемые каждой ролью правила речевого поведения. Это освоение протекает у разных людей неодинаково: ведь мир социальных и межличностных связей у каждого очень своеобразен.

Есть определенные общие психологические закономерности, обусловленные возрастом. Так, например, подросткам 13—15 лет трудно вживаться в общественные роли. Они могут непринужденно и много говорить с ровесниками, но при общении со старшими, особенно в официальной обстановке, обнаруживают скованность или же нарочитую грубость в поведении и речи. Недаром учителя говорят о том, что, мол, Потапов или Сидоров не умеют себя вести: они действительно еще не умеют естественно и свободно «проигрывать» многие социальные роли, еще только учатся этому.

Навыки речи, усвоенные в общении со сверстниками, подросток нередко переносит и в отношения со взрослыми.

Вот в школьном коридоре учитель встречает восьмиклассника, родителей которого вчера вызывал в школу: плохо стал учиться мальчишка, хулиганит и других с толку сбивает.

— Смирнов, почему родители ко мне не пришли?

Некоторое молчание. Смирнов стоит вполборота к учителю и смотрит в сторону. Наконец не очень приветливо буркает:

— Откуда я знаю?

— Ты как разговариваешь!? — возмущается учитель.

— Как разговариваю... Нормально!..

Не исключено, что подросток грубит нарочно. Но вполне возможно, что он и впрямь считает, что говорит нормально, не осознает непочтительности своего поведения в разговоре с учителем: он привык так отвечать сверстникам и, кто знает, — может, и родителям... Только постоянная корректировка его речи окружающими научит его дифференцированно использовать словесные и интонационно-синтаксические средства языка, в результате чего подросток поймет: тон и лексика, которые обычны в общении с одноклассниками, не всегда уместны в разговорах со взрослыми, со старшими по возрасту или положению.

Конечно, не с каждым происходят истории, подобные только что описанной, — многие умеют правильно ориентировать тон и лексику своей речи на тип ситуации, на собеседника. И все же большинство школьников еще не может свободно использовать средства разных функциональных стилей — делового, научного, публицистического. Правда, они осваивают их п а с с и в н о: читая учебники, статьи в научно-популярных журналах, газетные фельетоны и очерки, слыша книжно-литературную речь по телевидению и радио. Но переход от пассивного знания языка к активному использованию разнообразных его стилистических средств — дело нелегкое. Учение в школе облегчает этот переход. Сначала вы учитесь монологической речи: ответы на уроках, пересказы, сочинения — ведь это все виды монолога. Но нетрудно заметить, что жанрово такие монологи очень однообразны: сочинение подчас сильно смахивает на вызубренный урок, а устный ответ по литературе или истории иногда интонационно безжизнен и повторяет синтаксическую структуру и лексику фраз из учебника.

Освоение разных стилей и жанров литературной речи — задача особенно актуальная для старшеклассников, которые стоят на пороге самостоятельной жизни. Учителя осознают важность этой задачи: они развивают речевые навыки в учащихся не только с помощью сочинений по литературе и контроля их речи на уроках, но и такими формами, как литературный диспут (диалог, но требующий умения логически связно излагать мысли, не теряя в то же время нити рассуждений оппонента), самостоятельное описание какого-либо физического процесса или таинственного явления природы, свободное письменное изложение своих впечатлений от прочитанной книги, просмотренного кинофильма, поездки и т. п.

В одной школе, например, на уроке физики в восьмом классе разгорелся спор о природе скорости света: почему это предел мыслимых скоростей? Могут ли частицы вещества или какая-либо энергия двигаться быстрее, чем 300000 км/с? С какой скоростью двигался бы луч света от прожектора, установленного на поезде, который мчится в ту же сторону со световой скоростью?

Учитель предложил каждому, кто захочет, дома подумать и письменно изложить свои соображения обо всех этих вопросах. Но именно свои, ниоткуда не списанные.

Через неделю полкласса сдали «физику» свои первые научные статьи. Читая их, учитель и сам увлекся ребячьими рассуждениями, живой фантазией, заменяющей им знание. А преподавательницу литературы, которой он показал некоторые из этих «трактатов», больше всего поразила живость интонации — как раз то, чего она тщетно искала в их же сочинениях по литературе.

Преподавательница литературы и русского языка увидела и другое: что мысль ребят обгоняет слово, что они больше знают, чем могут выразить (тем более —

средствами научного описания). Желая по возможности точно изложить свои гипотезы и доказательства, они путаются в придаточных предложениях, причастных оборотах, в их согласовании друг с другом. Но при этом показательно, что ни один из писавших не «сполз» на привычную разговорно-бытовую манеру и не стал рассказывать о скорости света тем же языком, каким он беседует с ребятами на перемене. Значит, представление о том, что научная тема требует обсуждения с помощью соответствующих (а не каких попало) средств, у школьников уже было. Беда заключалась лишь в том, что они не владели этими средствами. Рассуждения о скорости света и явились первым шагом к овладению ими.

Могут возразить: а зачем это нужно? Ведь далеко не все из этих ребят станут учеными. А те, кто станет, тогда и научатся...

Нет, важно именно в этом возрасте, когда речь человека еще не сформировалась окончательно, активно прививать ему разнообразные языковые умения. Как показывают наблюдения психологов, в этом случае они более устойчивы, чем навыки, усваиваемые взрослым. Да и, как говорится, лишнее ремесло за плечами не виснет: и простому инженеру иногда приходится писать научные работы. А разве не нужно фрезеровщику грамотно излагать придуманное им усовершенствование обработки металла?

То же и с деловой речью.

В современной школьной программе предусмотрено обучение ребят элементам официально-делового стиля. Только немногие из них станут дипломами, референтами, делопроизводителями, секретарями — т. е. людьми тех профессий, исполнение которых немыслимо без владения этим стилем. Остальные будут инженерами, учителями, рабочими, бухгалтерами и т. д. Но ведь грамотно написать заявление или деловое письмо должен уметь каждый. И привить этот навык всем — важная задача школьного обучения.

К сожалению, в действительности многие из кончающих школу не владеют даже азами делового языка. Приходит шестнадцатилетний юноша в отдел кадров завода или в приемную комиссию вуза и под диктовку секретаря пишет заявление, не потому, что он не знает, о чем писать, а главным образом потому, что не ведает — как.

Деловая речь, особенно в канцелярском ее варианте, часто подвергается осмеянию: за то, что полна штампов, что безжизненна, суха, худосочна. Но скудость и худосочие канцелярских штампов проявляются в основном тогда, когда они стоят не на своем месте — скажем, в научном сочинении или бытовом разговоре (помните, что писал об этом Г. О. Винокур? См. с. 608).

Есть сферы деятельности, которые требуют использования именно этих канцелярских штампов, готовых формул. Для дела, деловых отношений лучше, если форма — переписки, соглашения, договора, отчета, заявлений — будет

устойчивой, всеми принятой. Тогда за почти автоматически воспринимаемой формой легко разглядеть суть. «В деловых письмах, — наставлял своего сына более двухсот лет назад знаменитый английский писатель и философ-моралист Честерфилд, — превыше всего ясность и прозрачность. Каждая фраза в них должна быть настолько четко выражена и недвусмысленна, чтобы самый большой тупица на свете не мог ее неверно истолковать и не должен был перечитывать, чтобы понять ее смысл».

Итак, научиться пользоваться средствами разных функциональных стилей — одна из трудных задач, которую подросток решает при активном содействии школы. По правде говоря, до конца решить эту задачу и невозможно: постижение богатств языка, овладение ими продолжается всю жизнь.

Другая задача — усвоить нормы речевого поведения, принятые в данной социальной среде. А коли основным, как говорят социологи, агентом, социализации является первичная группа — семья, класс, бригада на производстве, — то очевидно, что в первую очередь человек усваивает формы поведения, свойственные членам этих групп, и лишь через их посредство воспринимает более общие правила и нормы, характеризующие общество в целом.

Выясним, как взаимодействует индивид с группой, сколь одинаково его речевое поведение в присутствии членов группы и вне группы, в общении с «посторонними». Попытаемся разобраться, в чем сказывается «давление» группы, принятых в ней речевых особенностей на речи каждого из ее членов, попробуем ответить на вопрос: не может ли быть конфликта между групповыми речевыми нормами и нормами, принятыми во всем обществе?

Чтобы разобраться во всех этих проблемах, надо понаблюдать за речевым поведением человека в группе.

Общение в социальной группе

И вновь вокруг товарищи мои.
Их мысли понимаю с полуслова.

Из японской поэзии

В повести «Юность» Л. Н. Толстой так характеризовал понимание, которое существует между членами одного кружка или одной семьи:

Сущность этой способности состоит в условленном чувстве меры и в условленном одностороннем взгляде на предметы. Два человека одного кружка или одного семейства, имеющие эту способность, всегда, до одной и той же точки допускают выражение чувства, далее которой они оба вместе уже видят фразу; в одну и ту же минуту они видят, где кончается похвала и начинается ирония, где кончается увлечение и начинается притворство, — что для людей с другим по-

ниманием может казаться совершенно иначе. Для людей с одним пониманием каждый предмет одинаково для обоих бросается в глаза преимущественно своей смешной, или красивой, или грязной стороной. Для облегчения этого одинакового понимания между людьми одного кружка или семейства устанавливается свой язык, свои обороты речи, даже слова, определяющие те оттенки понятий, которые для других не существуют. ...Ни с кем, как с Володей, с которым мы развивались в одинаковых условиях, не довели мы эту способность до такой тонкости. Например, у нас с Володей установились, Бог знает как, следующие слова с соответствующими понятиями: *изюм* означало тщеславное желание показать, что у меня есть деньги, *шишка* (причем надо было соединить пальцы и сделать особенное ударение на оба *ш*) означало что-то свежее, здоровое, изящное, но не щегольское; существительное, употребленное во множественном числе, означало несправедливое пристрастие к этому предмету и т. д., и т. д. Но, впрочем, значение зависело больше от выражения лица, от общего смысла разговора, так что, какое бы новое выражение для нового оттенка ни придумал один из нас, другой по одному намеку уже понимал его точно так же.

Такое тонкое взаимопонимание существует обычно между членами небольшой группы — недаром Толстой приводит как пример семью, — контакты которых друг с другом постоянны и очень тесны.

Не надо обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить: на людях человек ведет себя иначе, чем наедине с собой, а среди близких и друзей — не так, как в общении с посторонними, незнакомыми людьми. «Не подлежит никакому сомнению, — писал выдающийся русский психиатр В. М. Бехтерев, — что в проявлениях нервно-психической деятельности социальных или общественных групп имеются известные особенности, проистекающие из того, что эта деятельность проявляется не в индивидах, взятых отдельно друг от друга, а в группах и собраниях лиц, спаянных определенными интересами и действующими и работающими поэтому сообща, как одно собирательное целое.

Можно определенно сказать, что даже личности, входящие в состав того или другого собрания, нередко обнаруживают такие стороны своей нервно-психической деятельности, которые обычно не проявляются в индивидуальной жизни».

Изучая деятельность человека в разных условиях, психологи пришли к выводу, что особенно заметно различие между формами индивидуального поведения, с одной стороны, и с другой — тем, как ведет себя человек в присутствии других, но не просто других, а значимых для него, с которыми он связан определенными отношениями, например в присутствии отца, сестры, друзей, сослуживцев. Общение со «значимыми другими» происходит в рамках определенных, относительно небольших групп: семьи, дружеской компании, класса, производственного отдела, бригады.

Поведение человека в этих группах интересно и для лингвистики. Теснота и регулярность связей общения может наложить отпечаток на речь человека, производя своего рода эффект группы. Под влиянием группы человек может усваивать несвойственные ему обороты речи. Крайний случай такого «давления» приводит в своем дневнике Л. Н. Толстой: он признается, что, постоянно живя в своем доме среди женщин, общаясь с ними больше, чем с мужчинами, он иногда о себе самом говорит в женском роде: *я пошла...*

Социальная группа может отвергать того, кто резко отличается от ее членов своим поведением, манерами, речью. Так произошло, например, с Онегиным, когда он поселился у себя в деревне: соседи-помещики

...дружбу прекратили с ним.
 «Сосед наш неуч; сумасбродит;
 Он фармазон; он пьет одно
 Стаканом красное вино;
 Он дамам к ручке не подходит;
 Все да, да нет; не скажет да-с
 Иль нет-с». Таков был общий глас.

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. 2, V)

Каждая небольшая, более или менее сплоченная группа стремится развить такие речевые особенности, которые выделяли бы эту группу, ее членов из среды всех остальных людей. При этом даже мелкие языковые различия играют роль символов, указывающих на принадлежность человека к такой-то группе.

В современной социологии существует понятие так называемой малой группы. Вот как определяется это понятие в «Философской энциклопедии»: «Под малой группой обычно понимают малочисленную социальную группу, члены которой объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном личном контакте, что является основой для возникновения как эмоциональных отношений в группе (симпатии, неприязни и безразличия), так и особых групповых ценностей и норм поведения. К малым группам относят семью, производственный, научный, спортивный, воинский коллективы и нек. др.».

Какова численность малой группы? В разных случаях она, естественно, различна, но все-таки какова, так сказать, оптимальная величина? Нижний предел определить легко: не меньше двух (меньше — это уже не группа, а индивид). А верхний? Социологи не имеют на этот счет единого мнения. Одни называют цифры 7—9, другие считают, что малая группа может состоять из нескольких десятков человек. По-видимому, размер группы — величина относительная. Если интенсивность связей между членами группы высока, то малой может быть признана общность и в 30—40 человек. Однако чаще объектами исследо-

вания служат коллективы, более точно соответствующие смыслу прилагательного *малая*, т. е. включающие от 2 до 10 человек.

Малая — это главным образом количественная характеристика группы. Но сами такие группы могут быть разными по типу взаимоотношений членов.

Выделяют формальную группу: положение и поведение отдельных членов в ней строго регламентируется официальными правилами — и неформальную, которая возникает в рамках формальной на основе психологических симпатий между людьми. Есть еще понятие *первичной* группы, о которой мы упоминали в предыдущей главе; она отличается близкими взаимоотношениями ее членов и имеет первостепенное значение в процессе социализации личности.

При дальнейшем изложении мы будем иметь в виду первичные и неформальные группы, так как именно в этих типах групп взаимное общение людей максимально часто и интенсивно. Частота же и интенсивность связей членов группы очень важны для изучения особенностей их речи.

Типичные малые группы на ранних стадиях социализации — семья и игровые группы.

На разных стадиях развития человека значение для него этих групп различно. В раннем детстве ребенок в своем поведении целиком руководствуется установками, приобретенными в семье. Затем все более существенными для него оказываются ожидания, исходящие от игровых групп.

При этом могут возникать конфликты: требования родителей часто расходятся с нормами, принятыми в детских группах. Это проявляется и в речи: родители обычно строго осуждают «уличные» слова и обороты, которые ребенок приносит со двора, из детского сада, а в коллективах его сверстников именно эти языковые средства считаются нормальными и даже «престижными».

Кое с кем из вас, возможно, происходили случаи, подобные приведенным ниже:

— Мама, у нас сегодня *пéши* не было, а на *физрú* надо было лыжи принести, — говорит пятиклассница матери.

— Что это за *пéша* и *физра*?! — изумляется мать.

— А! Это у нас так уроки пения и физкультуры называются.

— У кого это у вас?

— Ну, у нас, в школе.

— И учителя так говорят?

— Нет, что ты! Только мы, ученики...

Другой случай.

Подросток приходит из школы и рассказывает отцу:

— Сегодня на труде [т. е. на уроке труда] *фирмóвую* деталь выточил.

— Какую-какую?

— Фирмóвую.

— А что это значит?

— Ну, значит, хорошую, красивую.

— Зачем же ты говоришь фирмóвую? Мусор какой-то, а не слово. И непонятно.

— Тебе непонятно, а у нас ребята только так и говорят: фирмóвый, хиппóвый...

— Ну, в разговорах со мной, пожалуйста, оставь этот тарабарский язык, — решительно прекращает спор отец.

Сравните диалог воспитателя и воспитанника детдома из повести советского писателя Виктора Астафьева «Кража»:

— Да мы в нотах этих ни бум-бум! — почесал затылок Толя и тут же обнадежил воспитательницу: — Мы и без нот сыграем — будь спок!

— Что такое?

— Будь спок - то? Будьте спокойны. Понятно?

— Понятно. Словечки эти ваши сведут меня с ума... Надо говорить нормальным языком, Толя.

— Нормальным неинтересно.

С возрастом число групп, к которым одновременно принадлежит человек, увеличивается. Казалось бы, должно расти и число конфликтных ситуаций, вызванных неодинаковостью групповых требований, предъявляемых к одному и тому же лицу. Однако этого не происходит. Становясь взрослыми, мы постепенно вырабатываем в себе особый механизм согласования своих действий и поступков в зависимости от обстановки, условий общения и т. п., а также от требований групп, членами которых мы одновременно являемся.

Получается как будто, что в одних случаях человек действует, приспособляясь к ожиданиям одной группы, а в других — иначе, ориентируясь на вкусы другой группы, в третьих — к третьей и т. д. В известной мере поведение большинства людей отмечено таким «приспособленчеством», часто даже и неосознаваемым. Но действует этот механизм не абсолютно и до определенного предела. У каждого человека есть группа, с которой он чувствует себя связанным наиболее тесно и мнением членов которой он особенно дорожит. В случае конфликтной ситуации он избирает нормы и ценности именно этой (социологи называют ее референтной) группы, тем самым отвергая нормы и ценности групп, членство в которых менее существенно для индивида.

Очень часто референтными у ребят бывают группы сверстников, друзей, одноклассников. «Не только для подростка, — пишет И. С. Кон, — но и для юноши фраза: *Все ребята (девушки) так поступают* — не только оправдывает и обосновывает тот или иной поступок, но и перевешивает любые аргументы морального или логического порядка».

Ярким примером может служить такая сцена из рассказа И. Зверева «Второе апреля»:

Все остальные девочки давно уже остриглись и ходили с мальчишескими колючими затылками, Машка мечтала последовать за ними, но была связана честным словом. Еще когда движение «Долой косы» только овладевало девичьими умами в шестых классах «А», «Б» и «В», мама взяла с нее слово, что она оставит косы. Только вчера она последний раз бунтовала дома, добиваясь отмены клятвы.

— Но почему ты хочешь остричь косички? — страдальчески спросила мама. — Ну почему?

— У нас все девочки до одной их срезали. Потому что так оригинальнее.

— А что, по-твоему, означает это слово — оригинальнее?

— Как у всех, как модно, — уверенно сказала Машка.

Как видим, неукоснительное следование групповым нормам и требованиям может привести даже к извращению смысла слов (*оригинальнее* = как у всех).

Каждый человек имеет не одну, а несколько референтных групп, но не сразу, а на разных стадиях своего социального развития. В детском и юношеском возрасте система нравственных и культурных ценностей только формируется, претерпевая непрерывные изменения. Поэтому естественно, что в этот период происходит частая смена «главных» для человека малых групп.

По мере стабилизации системы основных ценностей растет тенденция к сохранению одного и того же круга людей (семьи, друзей, сослуживцев и т. д.) в качестве группы, мнения и действия членов которой особенно значимы для индивида. Но жизнь меняется, возникают новые обстоятельства, человек входит в новые коллективы. Под влиянием этих внешних изменений может происходить его социальная и психологическая переориентация, и свойства референтной иногда приобретает группа, пребывание в которой раньше оценивалось человеком более низко или вообще не рассматривалось как возможное.

«Когда я пришел в ваш класс, — рассказывал моему знакомому, школьному учителю, один из его воспитанников, переехавший в Москву из другого города, — я и не думал, что смогу подружиться с ребятами. Они смеялись надо мной, над тем, как я говорю (на о), и у меня долго не было товарищей. Но вот произошла эта история с Мишей: он провалился на реке под лед, еле выбрался и надолго заболел. Мне он и раньше немного нравился; я решил навещать его и вместе с ним готовить уроки... Миша стал моим первым товарищем в новом классе — да еще каким! А потом и другие ребята изменились ко мне. У нас теперь дружная компания, водой не разольешь. И никто уже не замечает, что я говорю не так, как все...»

Вхождение в новую для человека группу людей, отличающихся специфическим образом жизни, и длительное общение с этой группой меняет взгляды этого человека, его привычки, даже речь.

Один из героев повести Василия Аксенова «Апельсины из Марокко» рассказывает:

С нами тоже плавал месяц один писатель... Он был неплохой парень, и мы все быстро к нему привыкли... Потом даже забыли, что он писатель, потому что он вставал на вахту вместе с нами и вместе ложился... И он, как все, говорил: *Здоров, Гера! Талант; Рубай компот* и так далее.

Мы видим, что писатель, по возрасту, видимо, не отличавшийся от матросов, настолько органично вошел в новую для себя социальную группу, что стал и действовать, и говорить как все в этой группе, усвоил групповые нормы поведения и специфические обороты речи.

Между людьми, составляющими малую группу, могут быть разные отношения: симпатии, безразличия и антипатии. Чем больше преобладают отношения симпатии, тем сплоченнее группа. А сплоченность, по данным социальных психологов, — важнейшее условие взаимного влияния членов группы: в привычках, поведении, в речи. В сплоченной группе легко вырабатывается механизм такого поведения, которое продиктовано стремлением приспособиться к требованиям, нормам и ценностям группы, с тем чтобы избежать отрицательного отношения к себе со стороны других членов (психологи называют такое поведение конформным, от английского *glagola to conform* 'соответствовать, приспособляться'). И чем выше оценивает человек свою принадлежность к данной группе, тем сильнее проявляется в его поведении стремление соответствовать требованиям группы, тем глубже переживает он свои действительные или мнимые конфликты с другими членами группы, отрицательную оценку ими его поступков.

Нередко для того чтобы сохранить верность групповым интересам, человек изменяет собственное мнение.

Вспомните майского жука из сказки Андерсена «Дюймовочка», того самого жука, который похитил Дюймовочку:

Он уселся с Дюймовочкой на самый большой лист, угостил ее сладким цветочным соком и сказал, что она очаровательна, хоть и ничуть не похожа на майского жука. Потом к ним прилетели гости — другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, и барышни шевелили усиками и говорили:

— У нее только две ножки! Какое убожество!

— У нее даже нет усиков!

— Какая у нее тонкая галия! Фи, она похожа на человека! Как она некрасива! — твердили в один голос все дамы.

На самом деле Дюймовочка была прелестна. Это находил и майский жук, который принес ее на дерево; но когда все остальные сказали, что она безобразна, он под конец сам поверил этому и не стал держать ее у себя: пусть идет куда знает, решил он.

Под влиянием своей «группы» майский жук поверил, что Дюймовочка безобразна. А в другой сказке Андерсена — «Новое платье короля» — каждый из действующих лиц только делает вид, что соглашается с окружающими в оценке королевского платья (которого в действительности нет), но высказать собственное мнение никто не решается, боясь прослыть глупым и нерадивым: ведь портные-обманщики заявили, что новое платье короля превращается в невидимку для тех, кто не справляется со своими служебными обязанностями или просто глуп.

Конформность поведения в особенности свойственна детям, причем младшим по возрасту больше, чем подросткам. Это проявляется и в речи, и в ее оценках: речевые шаблоны, усвоенные в малой группе, подчас вытесняют (правда, по большей части — на короткое время) языковые привычки, которые привиты ребенку в семье.

Интересен в этом отношении такой случай. В одной семье родители говорят чистым, правильным литературным языком. Этот язык они постарались привить и своему маленькому сыну Коле. До определенного возраста Коля не испытывал никаких психологических затруднений в общении со сверстниками, хотя речь его несколько отличалась от их речевых навыков тщательностью произношения, известной книжностью лексики и т. п. Но вот во дворе появился еще один мальчик того же возраста, захотевший, естественно, влиться в группу сверстников. Ребята встретили его неприязненно. И виной тому была его речь: он говорил книжно, тщательно выговаривая слова, но при этом очень похоже на то, как говорил Коля! Коля первым понял, в чем тут дело. И начал стараться, чтобы его собственная речь ничем не походила на речевую манеру новенького: намеренно огрублял произношение, выговор отдельных слов и вместе со всеми смеялся над произношением новичка. Всем своим поведением он показывал (может быть, неосознанно), что верен тем шаблонам речи, которые свойственны его группе.

Можно представить себя на месте новичка в подобной группе. Какова наиболее вероятная реакция его на неприятие, на насмешки? Он может обидеться и не делать попыток к дальнейшему сближению с ребятами. Но вполне возможно, что он постарается каким-либо образом сойтись с одним-двумя из детей, а затем попытаться изменить отношение к себе и остальных. Успех этих попыток зависит в значительной степени от того, сможет ли новичок усвоить, говоря языком психологов, групповые нормы и ценности. Чтобы вполне освоиться среди ребят, надо воспринять манеру группового поведения, в частности

и образцы поведения речевого. Пока ты отличаешься в этом отношении от других членов группы, они могут не признавать тебя за своего.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как вырабатываются групповые шаблоны речи и, шире, шаблоны поведения. Главным условием их выработки служит совместная деятельность членов группы — игровая, учебная, производственная, спортивная и т. д. В процессе ее складываются групповые ценности и интересы, формируются образцы нормального для данного коллектива поведения. Это происходит при регулярном общении членов группы друг с другом, а поскольку общаются люди посредством языка, то постепенно вырабатываются и общие для группы (и отличающие ее от других групп) образцы речевого поведения. Принадлежа к определенному «малому коллективу», человек обнаруживает большее сходство в речи с членами этого коллектива, чем с людьми, не состоящими в нем.

Американские социологи провели такое исследование. В течение длительного времени они наблюдали за группой людей — постоянных посетителей пончиковой. Эти люди регулярно, по пути на работу и с работы изо дня в день встречались друг с другом во время завтрака, обеда и вечернего кофе. Двое из исследователей сами ежедневно посещали эту пончиковую в течение двух лет, осуществляя так называемое включенное наблюдение (не извне, а изнутри группы, находясь в ней в качестве членов). Наблюдение дополнялось и специальными исследовательскими приемами. Путем перекрестных опросов и сложной системы оценок была выяснена теснота связей между членами этой группы. А материалом для собственно лингвистического анализа послужили магнитофонные записи интервью, в ходе которого каждый из обследуемых в течение десяти минут высказывал свою точку зрения на жизнь в городе.

Перенеся такое интервью на бумагу, исследователи затем показывали текст кому-либо из членов группы, но не весь текст, а только вторую сотню слов, на месте же первой был пробел. Испытуемый, не зная, кто автор этого интервью, должен был восстановить по предъявленному тексту то, что, по его представлению, могло быть в первой части. При этом ученых интересовали ответы на два вопроса: 1) верно ли, что наиболее предсказуема (т. е. восстанавливаема) речь тех лиц, которые занимают в группе центральное положение по частоте и интенсивности общения с другими членами группы?; 2) верно ли, что люди лучше предсказывают речь тех, кого они лучше знают?

На первый вопрос был получен положительный ответ: да, чем больше человек говорит с группой, чем регулярнее его связи с другими членами группы, с тем большим успехом предсказывают они его речь: слова, синтаксические обороты, отдельные выражения.

С ответом на второй вопрос дело обстояло сложнее: здесь использовались не объективные показатели тесноты знакомства, а субъективные оценки каж-

дым из членов группы того, насколько хорошо знает он других, а другие — его. Поэтому вопреки ожиданиям результаты анализа не показали связи между речевой предсказуемостью и степенью близости членов группы друг с другом.

Косвенным подтверждением той гипотезы, которая содержалась во втором вопросе, послужило следующее. Те же самые препарированные тексты — со стертой первой сотней слов — с тем же заданием восстановить опущенное были предъявлены группе студентов, не входивших в число посетителей пончиковой. Как и следовало ожидать, студенты сконструировали тексты, очень далекие от того, что было действительно произнесено испытуемыми. Их ответы сильно отличались от тех, которые были получены от членов изучаемой группы.

Таким образом, эксперимент американских ученых подтверждает предположение об органической связи психологических и речевых моментов в социальном поведении человека. Материалы этого эксперимента свидетельствуют о том, что группа людей, хорошо знающих друг друга, более однородна в речевом отношении, чем случайные человеческие совокупности. Теснота индивидуальных контактов в группе является условием для хорошей предсказуемости речи одних членов группы другими, а также для взаимного языкового влияния.

Речевое сходство членов одной группы часто бывает не абсолютным, а относительным: оно обусловлено ролью говорящего и ситуацией. На этом, кстати говоря, построено владение различными групповыми языками — жаргонами. В ситуациях общения с членами группы человек свободно использует принятый в данной группе жаргон, но за пределами группы он прибегает к другим речевым средствам (см. об этом в главе «Как в театре»).

Дорожа мнением группы и своей репутацией в глазах ее членов, человек в присутствии группы строит свою речь с ориентировкой на ожидания группы, на то, как принято говорить в этом узком кругу. Стремление не выделяться, говорить, как все в группе, преобладает в речевом поведении человека, когда он выступает в роли члена группы.

В повести «На переломе» А. И. Куприн описывает группу военно-гимназической молодежи — так называемых солидных.

Принадлежа большей частью к порядочным и зажиточным семействам, солидные были настолько сильны и настолько самоуверенны, что умели ограждать себя от насильственных действий «отчаянных», «форсил» и «забывал» [другие группы гимназистов]. Солидные очень заботились о своей наружности, танцевали на гимназических балах и создавали господствующую в возрасте моду... Даже язык и походку солидные выдумали для себя совсем нечеловеческие. Ходили они на прямых ногах, подрагивая всем телом при каждом шаге, а говорили, картавя и ломаясь и заменяя *а* и *о* оборотным *э*, что придавало их разговору

оттенок какой-то карикатурной гвардейской расслабленности: — *Этэ мэльчшество! Я вам, мэлэдой чээк, все ушонки эбэрву!*

Интересен в речевом отношении процесс вхождения в группу. Если человек рассматривает свое пребывание в группе как престижное или жизненно важное, первые шаги его на пути сближения с новой социальной средой отличаются большим или меньшим психологическим напряжением. Он стремится понять групповые ценности, усвоить и максимально ориентировать свои взгляды, манеру поведения, речь на эти ценности. Для того чтобы приспособиться ко вкусам группы, он иногда сознательно пытается изменить некоторые свойства своей личности — например, избавиться от таких речевых черт, которые отрицательно оцениваются (в действительности или в его представлении) новой для него группой.

Вхождение в группу может не зависеть от субъективных желаний индивида, а вынуждаться обстоятельствами. Например, попав в больницу, человек принужден более или менее длительный срок общаться с людьми, которые находятся с ним в одной палате. Вступая с ними в контакты, он постепенно адаптируется в этой «группе», приспосабливается к необычным для себя условиям общения. Степень такого приспособления зависит от психологической гибкости новичка, от его культурного и интеллектуального уровня, от того, умеет ли он расположить к себе окружающих.

И в этом случае действует тот же механизм: стремление не выделяться, «вписаться» в общую атмосферу, царящую в группе. Если интеллектуальный и образовательный уровень новичка выше, чем у остальных, то он, часто инстинктивно, стремится не обнаруживать этого: не употребляет слов и конструкций, которые, по его представлениям, чужды большинству или оцениваются ими как слишком «ученые» и т. п. Любопытно, что, уже войдя в группу, человек может позволить себе речевое поведение, не согласующееся с групповыми ожиданиями и нормами. Он как бы возвращается к свойственной ему, органичной манере речи, не опасаясь, что она будет оценена отрицательно: его положение как члена группы уже достаточно прочно, и в этих условиях ему легче проявить свою индивидуальность, чем на стадии вхождения в группу.

При этом, чем ярче индивидуальность, чем более цельны взгляды, система духовных ценностей, манера поведения и речь человека, тем труднее дается ему эта начальная стадия, но зато тем интенсивней обнаруживает он свое «я» в дальнейшем. Бывший новичок может даже выдвинуться в групповые лидеры, т. е. в некоторых отношениях стать авторитетом для остальных членов.

Понятие лидера широко используется в современной социологии малых групп. Ученые, исследующие структуру взаимодействия людей в таких группах, установили, что взаимные влияния членов группы неравномерны: симпа-

тии и антипатии распределяются неодинаково. Одни или, чаще, один в большей мере, чем другие, служит объектом положительных эмоций остальной группы; он стоит как бы в центре той сети межличидудальных связей, которая существует в группе. Таких людей и называют л и д е р а м и.

В одной и той же группе могут быть разные лидеры для разных ситуаций, для каждой из сторон деятельности группы. Например, в школьном классе Иванов признается лидером во всем, что касается учебы, Петров — как хороший товарищ, а Сидоров высоко ценится всеми как первый спортсмен.

Но есть и так называемые универсальные лидеры: их лидерское положение в группе независимо от ситуации, от аспекта групповой деятельности. Такой лидер обычно обладает свойствами, которые качественно превосходят индивидуальные свойства каждого из остальных членов группы.

Лидер служит объектом подражания для людей, составляющих группу. Они могут перенимать и усваивать его привычки, особенности внешнего вида, поведения и — что для нас особенно интересно — манеру речи.

Типичный лидер мальчишеской группы — Тимур Гараев из повести А. Гайдара «Тимур и его команда». Отношения в его команде по-военному четкие, но ребята подчиняются ему не только потому, что он командир, но и потому, что признали его самым толковым, смелым и справедливым. И Тимур оправдывает это доверие своим поведением. Девочка Женя, новичок в ребячьей «команде», быстро прониклась уважением к Тимуру, даже стала подражать его манерам, его речи. Сравните две сцены из этой повести. В первой ребята видят, как по дороге мчится конно-артиллерийский дивизион:

— Это они на вокзал, на погрузку поехали, — важно объяснил Коля Колокольчиков. — Я по их обмундированию вижу...

— Видишь — и молчи! — остановил его Гейка. — Мы и сами с глазами. Вы знаете, ребята, этот болтун хочет убежать в Красную Армию!

— Нельзя, — вмешался Тимур. — Это затея совсем пустая.

— Как нельзя? — покраснев, спросил Коля. — А почему же раньше мальчишки всегда на фронт бегали?

— То раньше! А теперь крепко-накрепко всем начальникам и командирам приказано гнать оттуда нашего брата по шее.

В конце повести, когда ребята идут провожать уходящего в армию Георгия, дядю Тимура, Женя повторяет эти слова, голосом и интонацией подражая Тимуру:

— Эге, — отдергивая занавеску, удивился Георгий. — Да у вас команда большая. Ее можно погрузить в эшелон и отправить на фронт.

— Нельзя! — вздохнула, повторяя слова Тимура, Женя. — Крепко-накрепко всем начальникам и командирам приказано гнать оттуда нашего брата по шее...

В последнее время социологи и лингвисты стали употреблять понятие «речевой лидер». Так называют они члена группы, который служит образцом для речевого подражания. Обычно речевое лидерство бывает связано с лидерством психологическим: речь того, кто не имеет в группе авторитета, кто пользуется симпатиями членов группы меньше, чем кто бы то ни было другой, редко становится моделью для подражания. И напротив: человек, которого большинство группы признает интеллектуальным и психологическим лидером, как правило, оказывает влияние своей манерой говорить на речь других членов.

Важно подчеркнуть, что как чисто психологическое, так и речевое влияние лидера на группу часто не осознается ни той, ни другой стороной. Лишь посторонний наблюдатель (или исследователь, специально «вжившийся» в группу) может заметить черты речевого сходства, обусловленные таким влиянием.

Подражание речевому лидеру отчетливо проявляется, как это было показано в предыдущей главе, у детей и подростков. Но и в группах взрослых, особенно в таких, которые существуют длительное время и имеют постоянного лидера, наблюдается ориентация речи членов группы на речевые особенности, присущие этому человеку. Правда, у взрослых такая ориентация в большей мере обусловлена индивидуальными свойствами каждого (есть люди «податливые» в речевом отношении, а есть такие, чья речь, напротив, устойчива к внешним влияниям) и ситуацией: сходство в речевой манере членов группы и лидера обнаруживается преимущественно в ситуациях внутригруппового общения. При этом элементы подражания могут появляться как в речи, адресованной лидеру, так и в общении членов группы между собой в присутствии лидера или же в его отсутствие, но в явной или неявной связи с ним.

В одном небольшом научном коллективе, члены которого в течение продолжительного времени связаны общими интересами, с самого начала выдвинулся лидер, который стал и руководителем коллектива (таким образом, неофициальное, одобренное группой лидерство совпало здесь с официальным, а в этом случае сплоченность группы возрастает). Речевой манере лидера свойственны некоторые индивидуальные черты: большая, чем у других, книжность и тщательность речи как в произношении, так и в интонационно-синтаксическом рисунке речи, любимые слова и обороты типа *так сказать*, произносимые в индивидуальной манере, и т. п. Эти же самые черты появились постепенно и в речи членов группы (у каждого в разной степени), но не в качестве признаков, органично им свойственных, а в виде ситуативно обусловленных особенностей.

Другой пример.

Главный редактор одного из журналов, властная, энергичная женщина, в течение многих лет работает в контакте с сотрудниками редакции. Не все относятся к ней одинаково: одни любят, другие побаиваются, третьи скрывают не-

приянь. Но все считаются с ее мнением — ведь она начальствующее лицо, формальный лидер. В ее речи есть одна очень яркая черта: она *окает*, т. е. произносит *вода*, а не *вада*, *воспитание*, а не *въспитание* и отчетливо различает *е* и *и* в первом предударном слоге: говорит *весна*, *тепло*, а не *ви́сна*, *ти́пло* (как все носители литературного языка). Любопытно, что члены редакции — преимущественно те, кто любит главного редактора, и те, кто боится, — в ее присутствии тоже начинают *ока*ть и «екать», каждый в разной степени, но все же более или менее заметно. А у тех, кто недолюбливает главного редактора, слушаев такого подражания почти не наблюдается. Это хорошо согласуется с закономерностью, которую вывели психологи: лидер должен быть не навязан извне, а признан самими членами группы; только в этом случае происходит подражание его личностным свойствам.

Итак, в группе люди влияют друг на друга не только психологически, но и лингвистически. Речь лиц, составляющих группу, более однородна, чем речь людей, не образующих группы, взятых случайно. Можно указать несколько факторов, которые способствуют речевой однородности группы:

1) время: чем длительнее контакты членов группы друг с другом, тем вероятнее речевая однородность;

2) регулярность общения: чем чаще общаются между собой члены группы, тем больше следов взаимного влияния можно обнаружить в их речи;

3) сплоченность группы и наличие в ней (неформального) лидера;

4) владение одной общей для всех в группе подсистемой языка, например литературным языком, или профессиональным жаргоном, или местным диалектом. Если одни члены группы владеют одной разновидностью языка, а остальные другой, то затрудняется не только выработка специфичной для данной группы речевой манеры, но и просто общение. С преодоления контрастных различий в речи людей, образующих группу, собственно, и начинается процесс создания особых, свойственных данной группе шаблонов речевого поведения. Поэтому четвертый, языковой фактор — главный: от него в большей мере, чем от других, зависит речевое своеобразие группы.

Однако взрослый человек является членом не одной, а одновременно нескольких групп, каждая из которых может обладать своей системой норм, в частности норм языкового общения. Отсюда следует вывод о множественности свойственных каждому человеку образцов речевого поведения и об их дифференцированном использовании — в зависимости от тех социально-групповых ролей, которые исполняет индивид в процессе общения.

Влияние групповой манеры речи сказывается наиболее сильно при выполнении человеком ролей, предписываемых ему его местом в структуре данной группы. Однако чем дороже ему то, что он является членом данной группы, чем значимее для него групповые взгляды и ценности, тем дальше распростра-

няют свое влияние групповые шаблоны речевого поведения. В таких случаях и вне группы, «играя» другие социальные роли, человек может строить свою речь более или менее сходно с той речевой манерой, которая характерна для него при внутригрупповом общении.

Речевое поведение человека в группе — сравнительно новая область социально-психологических и лингвистических исследований. Неясного и неизученного здесь куда больше, чем окончательно установленного. Одно несомненно: коль скоро значительная часть социальной деятельности людей протекает в малых группах, то речевая сторона этой деятельности должна обратить — и уже обращает — на себя внимание ученых.

Необходимая вежливость

Пойми, читатель, силу этикета:
Король и мещанин, мудрец и плут
Его законы знают и блюдут!

Дж. Г. Байрон. Дон Жуан

Вы едете в автобусе. К вам обращается незнакомая женщина:

— Простите, вы не скажете, как доехать до Центрального рынка?

Вы объясняете. И вряд ли при этом задумываетесь над формулировкой вопроса: почему женщина сказала *простите*? За что просила прощения?..

А если бы она начала со слов *будьте добры*, то и в этом случае вам, по-видимому, не пришлось бы в голову буквально понимать это обращение: быть добрым именно сейчас, на минутку.

Никто, естественно, не станет рассуждать подобным образом. Дело в том, что перед нами обычные, каждодневные и потому примелькавшиеся «формулы вежливости».

В нашем языке, как и в любом другом, существует определенный набор таких формул. Они являются как бы сопроводительными знаками таких речевых актов, как просьба, благодарность, предложение, извинение и др. Обращаясь с просьбой — к знакомому, а тем более к незнакомому человеку, мы непременно добавляем какую-либо из формул вежливости (а иногда и несколько сразу): *пожалуйста, будьте добры, не откажите в любезности*, благодаря за оказанную услугу, произносим: *спасибо, я вам очень признателен, благодарю*.

Социальное взаимодействие людей в процессе трудовой деятельности, обмена информацией, при культурном сотрудничестве, просто в быту осуществляется в разнообразных речевых формах. Как мы выяснили в предыдущих главах, значительную долю этих форм составляют так называемые ш а б л о н ы

речевого поведения, т. е. регулярно повторяющиеся и одобренные обществом (или группой) нормы общения.

Эти нормы различаются по своему характеру, по строгости и обязательности — в зависимости от сферы общения, от ситуации и социальных ролей говорящего.

В одних случаях они задают направление выбора языковых средств: так, при обращении младшего (по возрасту или по положению в семье) к старшему выбор слов и других языковых средств более тщателен, чем при общении равных в указанном отношении. Сравните такой характерный пример из киноповести Ю. Трифонова «Бесконечные игры»:

— Мамочка, если хочешь мне помочь — помогай, но, ради бога, не влезай в мои дела!

— Не влезай! Очень вежливо. Художник по костюму, культурный человек, отвечает матери!

В других случаях нормы речевого общения регламентируют уже выбранные средства, указывая, какие из них можно употреблять в данной ситуации, а какие нельзя, и детально разграничивают слова и конструкции в соответствии с условиями общения. Именно такими являются правила языкового этикета.

В каждом обществе вырабатываются особые речевые формы, которые помогают человеку вести себя так, как этого требуют культурные и нравственные традиции данного коллектива. Бесцеремонность, грубость, излишняя фамильярность никогда не считались в цивилизованном обществе признаком хорошего тона. И напротив, предупредительность, вежливость — качества, за которые люди благодарны друг другу.

Поэтому естественно обратиться к человеку с предупредительным *простите*: простите, что беспокою вас своей просьбой, что отрываю от работы, что отнимаю у вас время и т. д. Часто и не раскрывается, за что мы просим простить нас, остается лишь одно слово *простите*, с которого мы начинаем обращение. Такую же апеллятивную (от латинского слова *appellō* 'обращаюсь') функцию выполняют и другие языковые средства: *будьте добры*, *пожалуйста* и т. п.

У всех по-разному

Каждый язык отражает культуру того народа, который на нем говорит.

Л. В. Щерба

Французское слово *étiquette* означает 'обхождение, учтивость'. Этимология слова показывает, что этикет — это такие правила обхождения, учтивости, ко-

торые освящены обычаями, традициями данного общества, специфичны для него. Это соответствует тому, что есть в действительности. Но следует помнить: что нормально в одном обществе, в другом оценивается негативно; одни и те же формы этикета могут иметь разное содержание в разных человеческих коллективах.

На первый взгляд может показаться, что формы обхождения важны лишь в некоторых видах общения, в особо торжественных и официальных случаях: скажем, на дипломатическом приеме, в обстановке переговоров между главами правительств, во всякого рода церемониях — при принятии присяги, вручении знамени и т. п. Действительно, во всех подобных ситуациях участники достаточно строго придерживаются определенных правил этикета как в речи, так и в неречевых формах поведения.

Но и в обычной жизни, общаясь друг с другом, люди используют общепринятые способы приветствий, обращений, прощания, благодарности и т. д.

Русские приветствуют друг друга словами: *здравствуйте, добрый день (вечер, утро), привет, здорово, салют, как дела?*; французы: *bon jour* (= добрый день), *bon soir* (= добрый вечер), *comment ça va?* (= как дела?); американцы: *good day (morning, evening), How do you do? Hallo!* (что-в переводе, видимо, не нуждается: так прочно слиты эти приветствия со стереотипным представлением об американцах или англичанах); сомалийцы: — *Ma nabad baa?* — *Waa nabad* (буквально: — Мир ли? — Да, мир), *Is ka warran* (буквально: расскажи о себе) и т. п.

Столь же регулярны и устойчивы способы прощания, извинения, приглашения, просьбы и некоторых других часто повторяющихся актов человеческого общения. Сравните обороты, принятые при прощании. У русских: *до свидания, всего доброго, до завтра, прощай(те), пока*; у французов: *au revoir* (до свидания), *à ce soir* (= до вечера), *à demain* (= до завтра); у англичан и американцев: *good-bye* (= до свидания), *so long* (= пока); у сомалийцев: *Nabad gelyo, nabad* (буквально: Да будет тебе мир, покой), *Naas arkeyno* (= до свидания) и т. д.

Эти способы привычны, не осознаваемы членами каждого общества как условные, но они являются как раз таковыми — условными, принятыми в данном коллективе приемами установления или прекращения коммуникативного контакта. Если вы начинаете общение с вашим знакомым без обычного *здравствуй(те)* или *добрый день*, то он может либо оскорбиться, либо предположить, что у вас случилось нечто, выбившее вас из обычной колеи и заставившее пренебречь нормами этикета.

Обращение по имени в соответствии с русскими обычаями возможно лишь к близкому или хорошо знакомому человеку (при этом обычно используется не полное, паспортное имя, а уменьшительное: не *Вячеслав*, а *Слава*, не *Екатери-*

на, а Катя). У американцев принято более свободное употребление личного (и часто тоже уменьшительного) имени: скажем, коллеги по научной работе — не обязательно друзья или близкие знакомые! — могут называть друг друга *Билл*, *Джон*, *Боб*. При подобных отношениях русские используют имя и отчество.

На Юге США в прошлом существовали очень строгие различия между обращениями белых к черным, с одной стороны, и черных к белым — с другой. От рабов всегда требовалось обращаться к каждому из правящей группы, добавляя вежливое *мистер*, *сэр*, *мадам*. К ним же обращались *бой* или только по имени; старые рабы назывались *мэмми* (обращение к женщине) или *дядя*.

Среди некоторых национальностей современной Индии о лице, занимающем высокое социальное положение, принято говорить, употребляя местоимение и глагольные формы множественного числа. В буквальном переводе это звучит так: *Учительница начали рассказывать; Доктор заняли место председателя*; такое лицо и о себе говорит в столь же почтительной форме: *мы пошли*, а не *я пошел*. (Сравните обороты, существовавшие в старом русском просторечии, типа *барин кушают*, а также клише, начинавшее царские постановления: «Мы, милостию Божьей государь и император всея Руси Николай Второй...».) Местоимение 2-го лица единственного числа, соответствующее нашему *ты*, используется в языке раджастхани (Индия) при интимном общении и при обращении вышестоящего к нижестоящему или старшего по возрасту к младшему. Такое обращение возможно также в случае большого интеллектуального или морального превосходства говорящего над слушающим: например, деревенский мудрец, к которому односельчане обращаются за советом и помощью, всем без исключения говорит *ты*, в том числе и сильным мира — богатому торговцу, землевладельцу.

В Венгрии, по наблюдению венгерского лингвиста Ф. Паппа, обращение на *ты* (*te*) широко распространено в среде интеллигенции и мало встречается у крестьян: крестьяне обращаются друг к другу на *вы*, даже жена мужа называет на *вы* (а он ее — на *ты*). Среди интеллигентных людей одной профессии принято обращение на *ты*, даже если между собеседниками значительная разница в возрасте и они мало знакомы друг с другом (на *ты*, например, может происходить общение людей, впервые встретившихся на профессиональной конференции). Если жёны на *ты*, то и их мужья, несмотря на возможную разницу в возрасте, тоже должны обращаться друг к другу на *ты*.

У некоторых народов речевой этикет очень своеобразен и сложен. Например, в сельских районах Мексики в обращениях к другим лицам используется два местоимения 2-го лица: литературное испанское *usted* и разговорное (менее вежливое) *tú* (сравните наши *вы* и *ты*). Но любопытно, что *usted* используется не только в официальных ситуациях и при обращении к старшим по возрасту, но и к... собакам и кошкам — ко всем остальным животным обращаются

на *тi*. Это связано со спецификой культурно-бытовых традиций, в которых собакам и кошкам отводится особое место: в отличие от других животных собака и кошка постоянно находятся в доме (или при доме), они как бы члены семьи; но в отличие от подлинных членов семьи это не люди, а животные. Местоимение-обращение *usted* и служит своеобразным отличительным признаком такого особого положения этих животных.

Чрезвычайно разработанная система этикета сохраняется по традиции в Японии и других странах Востока. У японцев существуют целые системы приветствий, рекомендаций, просьб, форм благодарности и т. п. При расставании на длительное время употребляются одни обороты, при обычном прощании — другие. Диалоги с приветствиями различаются в зависимости не только от времени суток, но и от времени года и места (в русском речевом этикете ничего подобного нет).

Такая детализированная система речевого этикета соответствует своеобразным, идущим из глубокой древности этическим традициям, которые и до сих пор сохраняют незыблемыми многие условности обращения людей (в особенности — старшего поколения) друг к другу.

В книге «Японские записи» известный ученый и дипломат Н. Т. Федоренко так описывает, например, разные виды поклонов, которые приняты в Японии: «Кланяются японцы особенно, весьма чинно, с тактом и достоинством. Встречаясь, они останавливаются на довольно значительном расстоянии, сгибаются в поясе и некоторое время остаются в такой позе. Головные уборы при этом снимаются... Существует три разновидности поклона. Самый почтительный поклон — «сайкэйрэй» — делается в знак глубокого уважения и признательности. Такой поклон совершается обычно перед алтарем в синтоистском храме, буддийском монастыре, перед национальным флагом или весьма высокой персоной. Второй вид приветствия — ординарный поклон, при котором корпус наклоняется на двадцать — тридцать градусов и сохраняется в таком положении около двух-трех секунд. Наконец, простой поклон, который совершается каждодневно. В этом случае делается легкий наклон корпуса и головы, продолжающийся лишь одну секунду. Кланяются японцы стоя, если встречаются на улице, в общественных зданиях, в европейском помещении или в любом помещении с деревянным полом. Поклоны сидя делаются обычно в национальном японском доме, в комнате с циновочным настилом, где, как правило, все сидят на циновке... Поклоны часто делаются для выражения благодарности, приглашения и извинения. Некоторые японцы и японки, особенно старшего поколения, делают многократные поклоны при встрече друзей и гостей. Это рассматривается как проявление вежливости и такта» (Н. Т. Федоренко. Японские записи. М., 1966. С. 42—44).

Европейцу подобные церемонии нередко кажутся странными. Французский писатель Ж.-П. Шаброль рассказывает о поклонах японцев с большим юмором: «Единственное поучительное в вестибюлях токийской гостиницы — это поведение японцев, которые назначили там свидание. Оба сгибаются пополам, застывают на месте и опускают головы настолько синхронно, что похоже, будто один человек репетирует поклоны перед зеркалом. Они выдерживают паузу, стоя под прямым углом, — хоть проверь с угольником в руке! — и не шелохнутся... Потом, как бы невзначай приподняв веко, украдкой бросают взгляд, чтобы обоим выпрямиться одновременно. При малейшем несовпадении они снова сгибаются пополам. Выдох! Вдох! — ничего себе работенка для брюшного пресса!...» (Ж.-П. Шаброль. Миллионы, миллионы японцев. М., 1971. С. 73).

Многообразные языковые средства используют японцы в различного рода рекомендациях и просьбах: одни в случаях, когда некто представляет кому-либо лицо вышестоящее, другие — когда рекомендуется лицо нижестоящее, третьи — при рекомендации знакомого знакомому; имеет значение также и то, где происходит знакомство или представление — в официальных условиях или в частном доме.

Просьба выражается по-разному в зависимости от того, к кому обращаются с ней: к вышестоящему или к нижестоящему, к знакомому или незнакомому, в учреждении или в дружеской компании и т. д.

Для японца имеет большое значение, извиняется ли он за расспросы, или за то, что обременяет кого-то своей просьбой, или же за беспокойство, вызванное его посещением, или за опоздание, или за невольную бестактность. Столь же тонко различаются виды приказаний, приглашений, поздравлений, соболезнований и т. п.

«Несмотря на свою модернизацию, — пишет в увлекательной книге очерков «Ветка сакуры» журналист Всеволод Овчинников, — Япония до сих пор в немалой степени остается иерархическим обществом. Каждый контакт, в который вступают между собой люди, тут же указывает на род и степень социальной дистанции между ними. Не только обращения, но и местоимения *я*, *ты*, *он* и даже глаголы, обозначающие простейшие житейские действия, в разных случаях звучат по-разному». Тонкие различия в речевом этикете характеризуют взаимоотношения даже членов одной семьи: «Каждый человек имеет в домашней иерархии четко определенное место и даже звание — как бы свой титул. Почести воздаются не только главе семьи, но и всякому, кто стоит хоть ступенькой выше. Когда сестры обращаются к братьям, они обязаны употреблять иные, более учтивые выражения, чем те, с которыми братья обращаются к сестрам» (В. Овчинников. Ветка сакуры. М., 1971. С. 60, 61).

Как сообщает исследователь японского языка В. М. Алпатов, традиции японского общества таковы, что они диктуют женщине разговаривать подчеркнуто вежливо (это считается атрибутом женственности). Опрос информантов, проведенный в 1964 г., показал стойкость этой традиции: свыше 60 % высказались за то, что женщины должны говорить более вежливо, чем мужчины.

Еще сложнее и дифференцированнее формы вежливости в таких языках, как корейский, тибетский, яванский. Корейцы, например, различают шесть рядов морфологических форм, каждая из которых связана с определенными отношениями между собеседниками: если социальное положение говорящего ниже, чем социальное положение слушателя, употребляются одни формы, если выше — другие, при равенстве — третьи; различаются по использованию этих форм виды речевого общения младшего по возрасту со старшим, женщины с мужчиной, мужчины с мужчиной и т. д. Кроме того, еще два ряда форм служат для обозначения разных отношений между говорящим и тем, о ком (или о чем) идет речь.

В тибетском языке одно и то же значение выражается по-разному в том случае, если говорящий имеет в виду себя или кого-то, к кому он относится с почтением. Например, слова *u* и *go* значат 'голова', но *u* — почтительная форма, а *go* — обыкновенная (о своей голове говорящий не скажет *u*, а только *go*). Так же различаются слова *gongpa* и *sampa* — 'мысль', *chhab* и *chhu* — 'вода' и др.

«В яванском языке, — пишет исследователь этого языка К. Гирц, — почти невозможно что-либо сказать без указания на различия в социальном положении говорящего и слушателя. Эти различия сильнее, чем те, которые символизируются местоимениями *du* и *Sie* в немецком языке (или *ты* и *вы* в русском). Приветствуя человека, занимающего более низкое социальное положение, чем говорящий, последний использует выражение *Apa pada slamet* (= Как дела?); встречаясь же с лицом, которое выше его на социальной лестнице, он говорит нечто совсем иное, более вежливое, но имеющее тот же самый смысл: *Menapa sami sugeng*. Точно так же различаются и другие формы обращений и приветствий.

Более того, многие слова и аффиксы, помимо их собственных значений, несут еще дополнительную нагрузку в условиях живой речи: они указывают на социальный статус собеседников и на степень близости их отношений. Так, слова *otah*, *grija*, *dalem* обозначают 'дом' но употребляются различно: *otah* можно сказать при разговоре с человеком более низкого социального статуса, *grija* — при разговоре с равным, третье же слово, *dalem* — самое "уважительное", оно используется в общении с лицом более высокого социального положения».

Большинству европейских языков столь глубокие различия «вежливых» и «обыкновенных» форм неизвестны⁶. Основные различия этикетного характера группируются в них вокруг местоимений единственного и множественного числа (см. следующий раздел), а в некоторых языках, как, например, в английском, не выражается даже и это противопоставление: английское *you* по-русски может быть переведено как *ты* и как *вы*.

Мы видим, что формы речевого этикета отличаются не только национальным, но и социальным своеобразием. Способ обращения, приветствия, благодарности зависит от социального положения, возраста и пола собеседников, от их взаимоотношений.

Русский речевой этикет

От учтивых слов язык не отсохнет.

Русская пословица

Рассмотрим характерные особенности русского речевого этикета. Попробуем определить различия в этикетных формах и объяснить, чем они обусловлены.

Основу системы речевого этикета в русском обществе (да и в других, как мы видели это по приведенным выше примерам) составляют способы обращения людей друг к другу. В русском языке таких способов два: «на ты» с использованием глаголов в единственном числе и «на вы» (к одному лицу) с использованием глагольных форм множественного числа.

Могущество местоимений

Каждое из двух местоимений — *вы* и *ты* — является сигналом типа отношений между людьми.

На *вы* обращаются друг к другу незнакомые или малознакомые взрослые люди. Этот способ принят и при общении в условиях службы, производства, в официальной обстановке. *Вы* говорит младший по возрасту старшему.

На письме при почтительном обращении к человеку местоимение 2-го лица множественного числа пишется с большой буквы: *Вы, Вам, Вас*. Например: *Дорогой Иван Петрович! Поздравляю Вас с праздником. Желаю Вам здоровья и долгих лет жизни.*

---

⁶ Слабой аналогией такого рода различий в русском может служить противопоставление стилистически сниженных и нейтральных (реже — высоких) слов: о себе в непринужденной обстановке можно сказать: — *Я так здорово башкой ударился!*, но по отношению к лицу, занимающему более высокое социальное положение, или старшему по возрасту слово *башка* не может быть употреблено.

Если же поздравление адресовано не только Ивану Петровичу, но и его жене, то местоимение пишется со строчной, маленькой буквы: *Дорогие Иван Петрович и Мария Васильевна! Поздравляю вас с праздником. Желаю вам здоровья и долгих лет жизни.*

Иными словами, *Вы* пишется при почтительном обращении к одному человеку, *вы* — при обращении к более чем одному (двоим, троим и т. д.).

Прописная, заглавная буква в местоимении *Вы* употребляется обычно только в письмах (деловых и личных), т. е. при непосредственном обращении к человеку, а в других жанрах письменной речи принято писать *вы*.

Ты — символ более близких, сердечных отношений. Это дало основание одному из лингвистов высказать мысль, что обращение друг к другу на *ты* связано с использованием терминов родства: т. е. отец — *ты*, мама — *ты*, сестра, брат, дедушка и т. д. — *ты*. Однако в действительности это совсем не так: на *ты* обращаются друг к другу не только члены одной семьи или родственники, но и друзья, влюбленные. В одном из рассказов популярного в конце XIX — начале XX в. писателя П. Д. Боборыкина читаем:

В дверь постучали.— Войдите, — откликнулась она, точно постороннему, на *вы*. Они были на *ты* только с глазу на глаз: даже при горничной или хозяйке воздерживались они от *ты* (П. Д. Боборыкин. Труп).

Ты может использоваться и как особая, «демократическая» манера обращения. Вспомните разговор Базарова с Ситниковым в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»:

А это заведение *твоего* отца тоже нравственное заведение?— промолвил Базаров, ткнув пальцем на кабак, мимо которого они в это мгновение проходили. Ситников опять засмеялся с визгом. Он очень стыдился своего происхождения и не знал, чувствовать ли ему себя польщенным или обиженным от неожиданного тыканья Базарова.

С другой стороны, люди, находящиеся в родстве, но сильно различающиеся по возрасту или редко общающиеся, могут говорить друг другу *вы*.

Обращение на *ты* к незнакомому взрослому человеку расценивается как отклонение от этических норм, как грубость или отсутствие элементарной культуры. Оно может свидетельствовать также о незнании говорящим норм этикета, принятых в данном обществе.

Старик Хоттабыч, герой всем известной повести Л. Лагина, чудесным образом переместившийся из древности в современное русское общество, на каждом шагу попадает впросак именно в связи с тем, что не знаком с современными нормами этикета. По праву старшего он считает возможным ко всем обращаться на *ты*, а это вызывает протест окружающих:

— Как *ты* ответила на приказание моего юного друга?— повторил Хоттабыч, снова обращаясь к официантке.

— Я *вас* не понимаю, гражданин, — вежливо ответила ему девушка. — Приказания никакого не было. Была просьба, и я пошла ее выполнять. Это во-первых. А во-вторых, у нас не принято «тыкать». У нас принято обращаться к незнакомым людям на *вы*. И меня удивляет, что *вам* это неизвестно, хотя это известно любому культурному советскому человеку.

Как знак неуважения к личности воспринимается и «тыканье» руководителя лицу подчиненному. Писатель В. Канторович назвал такое *ты* неравноправным и рассказал о нем в очерке «Ты и вы».

Иногда в группе или в более широкой общности людей существует подчеркнуто почтительное отношение к человеку, который по возрасту, знаниям, социальному опыту и особой житейской мудрости как бы возвышается над другими. Такой человек приобретает право всем, даже начальству, говорить *ты*. Но даже и в этом случае «тыканье» ощущается другими не как норма, а как особая привилегия данного лица. Так, например, в повести современного писателя Ф. Абрамова «Вокруг да около» пожилой колхозник обращается на *ты* к председателю колхоза, и автор считает необходимым специально прокомментировать такое обращение:

— Далеко правишь? — осведомился он [Петр Гаврилович] и подал руку. Петр Гаврилович с начальством разговаривал свободно, на *ты*, хотя и без оскорбительной фамильярности.

Обращение на *ты* и на *вы* изменчиво исторически и социально. *Ты* — более древняя форма. В старину она использовалась «в обе стороны» даже при явной асимметрии ролей: так обращался царь или боярин к своему холопу, но так и подвластные называли царя или боярина.

Вот как обращается к царю купец Калашников, герой поэмы М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»:

Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе,
Скажу только Богу единому...

Так же — на *ты* — называют царя и опричник Кирибеевич, и гусяры, поющие песню Ивану Грозному:

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,

Про твое любимого опричника
Да про смелого купца, про Калашникова.

Только на *ты* обращаются друг к другу и персонажи русских былин. Илья Муромец говорит всемогущему князю Владимиру Красное Солнышко:

Ты, Владимир-князь да стольнокиевский.
Соловей-разбойник на твоём дворе...

В том, что это не стилистический прием, а отражение языковой реальности того времени, убеждают нас и примеры из древнерусских текстов и произведений более позднего времени — XVI—XVII вв. Вот, например, обращение к князю в «Псковской летописи»: *Тебе, княже кланяемся не ходи к нам* — и в знаменитой повести XVII в. «Слово Даниила Заточника»: *Тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра*.

Вежливое *вы* появилось на Руси позднее и связано с просвещением, с внедрением сначала в высших, а затем и в средних социальных слоях форм этикета. В начале XIX в. даже в семейных отношениях — младших со старшими — было принято обращение на *вы*, правда, довольно быстро эта манера сменилась другою, более демократической — на *ты*. Вот что писал об этом выдающийся русский философ и публицист середины XIX в. Н. В. Шелгунов: «Вообще недоразумения между отцами и детьми разрешались в шестидесятых годах легко, и прежняя форма семейного управления уступила сама собой свое место новой форме, основанной на большем равенстве и свободе. Когда я был маленьким, нас учили говорить: *папенька, маменька и вы*, потом стали говорить: *папа, мама и тоже вы*; в шестидесятых годах резкая реакция ниспровергла эти мягкие формы и сами отцы учили детей говорить: *отец, мать и ты*. Теперь говорят: *папа, мама и тоже ты*. Вот простая и наглядная история вопроса об отцах и детях за шестьдесят лет».

Социально *ты* и *вы* в XIX в. были распределены следующим образом: крестьяне, «простой народ» в своей среде употребляли только *ты* (в том числе и при обращении к старшим по возрасту и к незнакомым). А к человеку городского, «из господ» обращались на *вы*. Господа же отвечали им «тыканьем». «Самый мелкий чиновник или приказчик, — с негодованием и горечью писал А. П. Чехов, — обходится с мужиками, как с бродягами, и даже старикам и церковным старостам говорит *ты* и думает, что имеет на это право».

В современном обществе назвать незнакомого взрослого человека на *ты* или «тыкать» старшему может лишь человек малокультурный, не владеющий нормами литературного языка. Иногда такой человек обнаруживает в своей речи лишь стремление следовать общепринятому этикету, но осуществляется это стремление непоследовательно, отчего в речи рядом с *вы* может быть

ты или же глаголы во множественном числе сочетаются с местоимением единственного числа, и наоборот. Эта черта иногда используется в художественной литературе как средство, характеризующее речевую манеру малокультурного персонажа. Например, персонаж рассказа М. Зощенко «Гиблое место» выражается так:

— Нет, говорю, милый ты мой приятель. Мне с тобой не по пути. Курс у нас с тобой разный. Я, говорю, не согласен идти на уголовно-политическое дело, имейте это в виду. И прошу — оставьте меня в покое продолжать мой путь.

Вообще же виды употребления местоимения *ты* в художественной литературе более многообразны, чем в бытовой речи. Автор произведения может, например (отвлекаясь от повествования), обратиться к читателю и назвать его при этом на *ты* — это не считается нарушением этикета, грубостью.

В поэтической речи на *ты* принято обращаться к неодушевленным предметам — разумеется, неодушевленным с точки зрения здравого смысла, но не с точки зрения поэта, который обнаруживает несомненные черты живого в море, в родине, в летней грозе... вспомните, например, замечательное стихотворение А. С. Пушкина «К морю»:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой, —

или слова Н. В. Гоголя, который в поэме «Мертвые души» сравнивал Русь с птицей-тройкой: *Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, не сешься?*, или, наконец, строки Б. Пастернака о приближении грозы:

Ты близко. Ты идешь пешком
Из города, и тем же шагом
Займешь обрыв, взмахнешь мешком
И гром прокатишь по оврагам.

В обиходной речи, в повседневном общении людей местоимение *ты* и соответствующие ему глагольные формы единственного числа находятся в определенных (и иногда достаточно сложных) отношениях с *вы* и формами глагола во множественном числе.

В некоторых случаях выбор глагольной формы сопровождается тонкими различиями. Например, пригласительная форма множественного числа *пойдем* грубовата, даже если при этом обратиться к собеседнику на *вы*. Сравните: (1) *Пойдем поговорим* и (2) *Пойдемте поговорим*. Очевидно, что второй вари-

ант предпочтителен; первый обычен при близких, приятельских отношениях между говорящими.

Два способа обращения — на *ты* и на *вы* — не разделены непреходимой гранью, а подвижны, так же как подвижны взаимоотношения людей. Недавно познакомившиеся люди могут сблизиться и перейти на *ты*. Этот переход может сопровождаться сложным комплексом сомнений, переживаний, глубоких чувств. Прекрасно выразил это Пушкин:

Пустое вы сердечным ты
Она, обмолвись, заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: «как вы милы!»
И мыслью: «как тебя люблю!»

Татьяна, признаваясь Онегину в любви, естественно, незаметно для себя переходит с *вы* на *ты*:

То воля неба: я твоя...

Но часто от *вы* к *ты* люди переходят по обоюдному согласию, по более или менее явному договору. Происходит это обычно в условиях, когда один из общающихся или оба чувствуют потребность в более интимном обращении, их сковывает официальность «выканья». Вспомните такую сцену из повести Л. Н. Толстого «Отрочество»:

— Знаете что? — сказала вдруг Сонечка. — Я с одними мальчиками, которые к нам ездят, всегда говорю ты; давайте и с вами говорить ты. Хочешь? — прибавила она, встряхнув головкой и взглянув мне прямо в глаза.

— Давай... те, — сказал я в то время, когда музыка и шум могли заглушить мои слова.

— Давай ты, а не давайте, — поправила Сонечка и засмеялась.

Но и перейдя на *ты*, люди могут сбиваться на прежнее *вы*. Это целиком обусловлено особенностями их взаимного общения,

В романе «Воскресение» Л. Н. Толстой с помощью этих двух словечек и соответствующих им глагольных форм передает сложность отношений между Нехлюдовым и Катюшей Масловой в тот момент, когда испытывающий глубокое чувство вины князь приходит в тюрьму, чтобы увидеться с осужденной на каторжные работы Масловой.

Маслова... удивленно-вопросительно уставилась на Нехлюдова, не узнавая его.

— Вы ко мне?— сказала она, приближая к решетке свое улыбающееся, с косящими глазами лицо.

— Я хотел видеть...— Нехлюдов не знал как сказать: «вас» или «тебя» и решил сказать «вас». Он говорил не громче обыкновенного. — Я хотел видеть вас... я...

...Он решил сейчас сказать ей все.

— Катюша! Я пришел к тебе просить прощения, а ты не ответила мне, простила ли ты меня, простишь ли ты меня когда-нибудь — сказал он, вдруг переходя на ты.

А в конце этого трудного свидания — снова переход на *вы*:

— Прощайте, мне еще многое нужно сказать вам, но, как видите, теперь нельзя, — сказал Нехлюдов и протянул руку.— Я приду еще.

Обращение на *вы* и на *ты* нередко бывает обусловлено психическим состоянием человека: в злобе, гневе, отчаянии, когда теряется контроль над чувствами и речью, вместо вежливого *вы* может вдруг зазвучать грубое *ты*. В такие минуты человек нередко мало заботится о выборе лексики, прибегая к бранным словам, обидным прозвищам и т. п. *Ты* вполне согласуется с таким словопотреблением: ведь и в самом деле нелепо, называя кого-либо ослом или идиотом, продолжать обращаться к нему почтительно, т. е. на *вы*: ведь осел или идиот гораздо большее оскорбление, чем *ты*.

Переход на *ты* возможен и без употребления подобной лексики, а просто при сильном возбуждении.

В рассказе М. Булгакова «Тьма египетская» на прием к врачу приходит вежливый и толковый мельник, у которого оказывается лихорадка. Больной понравился врачу своей интеллигентностью. Разговор на «вы» с обеих сторон. Врач кладет больного в палату, делает указание, чтобы ему давали хинин по одному порошку. Мельник принял сразу десять порошков. После того как его «откачали», доктор, раздосадованный и раздраженный этим нелепым поступком, обращается к мельнику:

— Объясни мне только одно, дядя: зачем ты это сделал?!

У других людей наблюдается обратное: в состоянии раздражительности они переходят от *ты* к *вы*. Так, например, Дм. Фурманов рассказывает о том, как Василий Иванович Чапаев через две недели знакомства с комиссаром Клычковым был с ним на *ты*, а в минуту обиды говорит:

Вот почитайте, — передал он Федору отпечатанную на машинке крошечную писульку. Когда Чапаев был взволнован, обижен или ожидал обиды, он часто переходил на *вы* (Дм. Фурманов. Чапаев).

В качестве форм языкового этикета выступают не только местоимения 2-го лица *ты* и *вы*, но и местоимение *он* (*она*, *они*). На первый взгляд кажется, что раз это местоимение не употребляется в функции обращения, то оно как будто и не задевает человеческих отношений. Однако в использовании и этого короткого слова есть одна особенность этикетного характера: не принято говорить *он*, *она* о присутствующем человеке — надо называть его по имени, или по имени-отчеству, или «господин такой-то». Только в некоторых ситуациях о присутствующем человеке принято говорить *он*: например, при слушании дела в суде обвинитель и защитник употребляют это местоимение по отношению к подсудимому. Врач у постели больного может спросить у медсестры: — Вы ему укол сделали?

С другой стороны, и в житейских ситуациях могут возникать моменты, когда человек намеренно говорит о присутствующем *он*, *его* и т. д., вкладывая в это слово то или иное индивидуальное отношение. Однако тот, кого именуют *он*, может отрицательно оценивать такое с ним обращение. Л. Н. Толстой ярко подчеркнул это в романе «Воскресение»:

Нехлюдов, рискуя быть неучтивым, ничего не ответил Колосову и, сев за поданный дымящийся суп, продолжал жевать.

— Дайте же ему поесть, — улыбаясь, сказала Мисси, этим местоимением ему напоминая свою с ним близость.... Нехлюдову особенно неприятно было местоимение *ему*, сказанное о нем... Нехлюдов всегда колебался между двумя отношениями к Мисси: то он, как бы прищуриваясь или как бы при лунном свете, видел в ней все прекрасное: она казалась ему и свежа, и красива, и умна, и естественна... А то вдруг он, как бы при ярком солнечном свете, видел, не мог не видеть всего того, чего недоставало ей. Нынче был для него именно такой день.

На этих примерах мы убеждаемся в могущественной силе коротких слов *ты* и *вы*: они могут сблизить людей, но могут и отдалить, могут свидетельствовать о дружеских, добросердечных отношениях, но они же способны передавать и «отрицательные» эмоции — отчуждение, обиду или грубость. При употреблении этих местоимений надо быть особенно внимательным: точное, уместное их использование помогает взаимоотношениям людей, делает их нормальными с точки зрения принятых в нашем обществе форм этикета.

Гражданин, господин и другие

При обращении к человеку или упоминании о нем в разговоре, в письме, документе местоимения используются как заместители имени, имени и отчества, фамилии, названий человека по должности, профессии и т. д. Эти-то формы часто и служат собственно обращениями. Ведь не говорят, так как это не-

вежливо: *Ты, подойди-ка сюда* или *Вы, не слышите, что ли?*, а называют человека *Коля, Николай Иванович, господин Петров, профессор, гражданин*.

Люди примерно одного возраста, находящиеся друг с другом в близких или дружеских отношениях, используют для обращения имя в сочетании как с *ты* (обычно), так и с *вы*: *Галя, ты закончила работу?*; *Боря, я к тебе завтра приеду*; *Юра, вас вызывают к директору*.

По имени и на *ты* обращаются взрослые к детям. Однако уже к подросткам 14—15 лет в некоторых ситуациях принято обращаться по фамилии и на *вы*: во время урока так поступает, например, большинство учителей, преподающих в IX—X классах школы, и преподаватели техникумов.

При нейтральных отношениях между взрослыми принято обращение по имени и отчеству. Оно сочетается с местоимением *вы*: *Галина Николаевна, вы закончили работу?*; *Юрий Владимирович, вас вызывают к директору*.

По имени и отчеству обращаются дети и подростки к учителю или воспитателю и к знакомым взрослым (не родственникам!).

Официальные отношения — например, директора и подчиненных, сослуживцев (преимущественно в производственной ситуации, например на совещании) и т. д. — допускают как обращение по имени-отчеству, так и другие формы: *господин Иванов, господин директор*. Вышестоящее лицо может обратиться к нижестоящему просто по фамилии; например, начальник цеха может сказать рабочему (если тот моложе его, или примерно одних с ним лет, или же ненамного старше): *Степанов, зайдите ко мне после смены*. К пожилым и в этих случаях принято обращаться по имени и отчеству.

Форма обращения часто зависит от ситуации, от ролей, в которых выступают общающиеся, от психологических особенностей данного речевого акта.

Перемена в формах обращения, вызванная психологическими причинами, описана М. Ю. Лермонтовым в «Герое нашего времени». Узнав, что Печорин похитил Бэлу, Максим Максимыч, штабс-капитан, надел эполеты, шпагу и пошел к Печорину, который был прапорщиком.

— Господин прапорщик! — сказал я как можно строже. — Разве вы не видите, что я к вам пришел?

— Ах, здравствуйте, Максим Максимыч! Не хотите ли трубочку? — отвечал он, не приподнимаясь.

— Извините! Я не Максим Максимыч: я штабс-капитан.

— Все равно. Не хотите ли чаю? Если б вы знали, какая мучит меня забота!

— Я все знаю, — отвечал я, подошел к кровати... — Господин прапорщик, вы сделали проступок, за который и я могу отвечать...

— И, полноте! что ж за беда? Ведь у нас давно все пополам.

— Что за шутки? Пожалуйста вашу шпагу!..

— Митька, шпагу!

Митька принес шпагу. Исполнив долг свой, сел я к нему на кровать и сказал:
— Послушай, Григорий Александрович, признайся, что нехорошо.

— Что нехорошо?

— Да то, что ты увез Бэлу... Ну, признайся, — сказал я ему.

В этом замечательном диалоге характерны многочисленные примеры различного отношения Максима Максимыча к поступку Печорина — в зависимости от того, в какой роли он выступает: в роли старшего по званию, начальника, Максим Максимыч употребляет официальные формы обращения: *господин прапорщик, вы, к вам* и т. д., исполнив же служебный долг, он переходит на другой тон, увещательный-дружеский, и использует при этом совсем другие средства: обращение на *ты* и по имени-отчеству.

В современном русском языке есть и другие формы обращения. Так, врача в личном общении называют *доктор*: *Доктор, у меня опять боли в сердце*. Среди медиков, а также в среде ученых принято обращение *коллега*, особенно в более или менее официальных ситуациях: на консилиумах, конференциях, при (обычно письменном) обращении к иностранному ученому и т. п.: *уважаемый коллега, дорогой коллега*.

Сравните несколько ироническое употребление этого слова в уже цитированном рассказе М. Булгакова «Тьма египетская»:

Пелагея Иванна [акушерка] прикрыла заслонку и заговорила, потупившись:

— Приезжаю я в то же Дульцево...

— Это Дульцево — знаменитое место, — не удержался фельдшер и добавил: — Виноват! Продолжайте, коллега!

— Ну, понятное дело, исследую, — продолжала коллега Пелагея Иванна...

Специфическими чертами характеризуется этикет обращения друг к другу членов небольших групп — производственных, учебных и т. п. Интересно, например, что люди одного возраста, связанные общей деятельностью, могут называть друг друга *девчонки, девчата, ребята*, несмотря на то что «ребятам» по 50—60 лет. Помню, как я, еще школьник, недоумевал, каких ребят имеет в виду отец, рассказывая мне о своем заводе. А теперь мой собственный внук удивляется, что своих сослуживцев, шестидесятилетних мужчин, я называю ребятами.

У военных принято строго единообразное обращение друг к другу: *товарищ* + звание = *товарищ лейтенант, товарищ гвардии майор, товарищ генерал*.

Слово *гражданин* (*гражданка*) иногда используется при обращении к незнакомому человеку: *Гражданин, вы не скажете, как пройти к универмагу?*; *Гражданка, вы зонтик оставили*.

Но оказывается, что этих слов — *гражданин, гражданка* — недостаточно при многообразных контактах незнакомых и малознакомых людей. Иногда они не могут быть использованы, и говорящий испытывает затруднения. Например, называя женщину, стоящую за прилавком, *гражданин продавец*, вы невольно чувствуете, что звучит такое обращение нелепо. Но и *девушкой* как-то неловко называть тридцати-сорокалетнюю женщину...

Как обратиться к пожилому человеку на улице? *Папаша? Гражданин?* Как назвать пожилую домохозяйку? *Гражданка? Мамаша? Тетя?*

Не всегда годятся *гражданин, гражданка* и при обращении друг к другу незнакомых людей примерно одного возраста, в особенности если ситуация и характер вопроса не располагают к официальному общению.

Во второй половине XX в. в речевой обиход литературно говорящих людей стали проникать такие формы обращения, которые традиционно были чужды культурной языковой среде: *папаша, друг* (преимущественно в устах мужчин молодого и среднего возраста), *девушка* и др. Родина их — просторечие, которое издавна активно использует в функции обращения термины родства (*мамаша, отец, браток, сестренка, сынок, дочка*) и слова-обозначения определенных ролей (*друг, приятель* и др.).

Любопытно, что некоторые из этих слов, попадая в литературно-речевой обиход, тянут за собой и особенности их употребления: к отцу, к приятелю, к другу обращаются ведь на *ты*, поэтому и в качестве обращения эти слова естественно требуют единственного числа местоимений и глаголов: *Послушай, приятель; Садись, папаша* и т. п. А такое словоупотребление оказывается в вой не чуждым принятому в культурной среде этикету: *папаша* и *ты* — незнакомому человеку! В просторечной же среде это не вызывает отрицательных оценок.

В связи с этим заметим, что просторечие ненормативно, в том смысле, что никто не регламентирует манеру говорить, никто не указывает, как правильно, «просторечно», а как ошибочно. Но и здесь, в этой неуправляемой речевой стихии складываются свои традиции словоупотребления. Такова, в частности, традиция использования перечисленных слов для обращения к незнакомому человеку. Для просторечия это привычный, регулярно употребляемый набор средств, и, как видим, набор, достаточно хорошо учитывающий различия адресата по возрасту и полу (но игнорирующий самые элементарные правила вежливости!).

В литературном обиходе такой разветвленной «сетки» обращений нет. Это слабый участок литературного языка. А всякое влияние легче пробивает себе дорогу как раз на слабых участках. В данном случае слабой оказывается ткань литературно-нормативных средств. И ничего удивительного, что на этом месте появляется заплатка из другого материала.

Конечно, очень многие носители литературного языка не принимают просторечных форм обращения. Но нехватка средств дает себя знать. Писатель Владимир Солоухин предлагал даже возродить старые обращения *сударь, сударыня*, но его призыв не имел успеха. Между тем очевидно, что *товарищ* и *гражданин*, которые раньше были в ходу в качестве обращения к незнакомым людям, недостаточно универсальны⁷. Нужны были другие, менее официальные формы. Не исключена вероятность, что если литературный язык не вырабатывает таких форм, то идущие из просторечия способы обращения смогут укрепиться в нем.

В современном же речевом обиходе при очевидной недостаточности системы литературных средств обращения вместо них нередко используются обороты типа *будьте добры, простите, скажите, пожалуйста, не скажете* и др. — с них начинается вопрос или просьба, обращенные к продавцу, официанту, случайному прохожему, пассажиру и т. д.: — *Скажите, хлеб свежий?* — *Пожалуйста, примите заказ;* — *Простите, вы не скажете, как пройти к музею Достоевского?*; — *Будьте добры, оторвите два билета;* — *Скажите, пожалуйста, который час?*

В подобных фразах эти обороты выступают сразу в двух ролях — роли обращения и как средство, смягчающее просьбу или вопрос, делающее их вежливыми.

Формулы вежливости

Эти формулы, с которых мы начали главу (*будьте добры, скажите, пожалуйста* и т. п.) используются для придания вежливого оттенка разнообразным высказываниям, непосредственно адресованным слушателю, — просьбе, благодарности, приглашению, извинению и т. п. Набор формул, как мы уже выяснили, относительно невелик, а употребление их регулируется правилами, общими для всех носителей литературного языка.

Надо сказать, что этот набор в современном языке меньше, чем в языке XIX в. Точнее, в нем есть и такие единицы, которые раньше использовались часто, а теперь или совсем не употребляются, или встречаются крайне редко, в основном у людей старшего поколения. В сокращении числа оборотов, принадлежащих к «формулам вежливости», так или иначе сказались различные причины социального и лингвистического характера. Кое-какие из формул носили явный отпечаток старого дворянского этикета, поэтому они были отвергнуты в советское время. Другие содержат в своем составе архаические языковые эле-

⁷ Это объясняется тем, что они стилистически не нейтральны: и *товарищ*, и в особенности *гражданин* соотносились прежде всего с официальными сферами и видами общения.

менты: *благодарствуйте, низжайше, покорнейше, поелику (возможно)* и т. п. Но сокращение «этикетного» словаря, по-видимому, не означает, что уменьшилась необходимость в различного рода формах вежливого обращения. В современном русском обществе действует достаточно сложная система этикета. Она обслуживается меньшим, чем в XIX в., числом языковых «формул вежливости», однако это значит лишь то, что каждая из них выполняет большее число функций, чем прежде. Так, слова и обороты *извините, простите, будьте добры, пожалуйста* и некоторые другие используются при выражении и просьбы, и извинения, и просто в качестве обращения.

В русской культурной среде про сьба выражается с неперменным добавлением этикетно-речевых элементов *пожалуйста, будьте добры, будьте любезны, прошу вас, не откажите в любезности, можно попросить вас, позвольте, нельзя ли, не будете ли вы так добры* и др.: — *Будьте добры, запишите меня к терапевту*: — *Передайте, пожалуйста, соль*; — *Можно попросить вас закрыть окно?*; — *Простите, вы не могли бы помочь мне заполнить бланк? Я забыла дома очки*.

Некоторые из этих формул архаичны: — *Не будете ли столь любезны...*; — *Не откажите в любезности сообщить мне номер телефона консерватории*.

Такие же несколько архаические обороты есть и среди «формул вежливости», используемых для других целей. Так, для выражения благодарности сейчас употребляются главным образом нейтральные *спасибо* и *благодарю* (впрочем, во втором слове заметен книжный оттенок, однако он не мешает этой глагольной форме использоваться довольно широко), реже — *весьма признателен*; еще реже, скорее как стилизация, нежели как живое словоупотребление, — *покорнейше благодарю*. В языке XIX в. оборот *покорно (покорнейше) благодарю* был вполне обычен и, по всей видимости, стилистически нейтрален:

Хозяйка очень часто обращалась к Чичикову с словами:

— Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли.

— Покорнейше благодарю, я сыт (*Н. В. Гоголь. Мертвые души*)

— Как здоровье вашей сестры? — спросил каким-то особенно ласковым голосом Рудин у Волынцева.

— Покорно благодарю. Она здорова. (*И. С. Тургенев. Рудин*)

Приглашение в современном обиходе сопровождается употреблением этикетных формул *пожалуйста, прошу (вас, тебя)*, устаревших *милости прошу, не соблаговолите ли... (не) угодно ли...*: — *Пожалуйста, проходите в комнату*; — *Прошу вас, садитесь вот здесь*; — *Кому угодно высказать-*

ся? (так обращался к членам ученого совета в Институте русского языка профессор С. И. Ожегов, автор известного «Словаря русского языка»).

В просторечии иногда вместо *спасибо* говорят *мерси*, однако чаще это словечко, заимствованное из французского языка, используется с шутливым оттенком (в частности, и носителями литературного языка).

Извинение — за оплошность, за беспокойство, за опоздание и т. д. — не обходится без слов *простите, извините, извиняюсь, виноват* (последнее имеет некоторый галантно-просторечный оттенок, но вполне литературно): — *Извините, я толкнул вас нечаянно*; — *Простите за беспокойство, который час?*; — *Извините, я занят*; — *Виноват, я ошибся дверью*.

Как видим, эти слова используются не только в тех случаях, когда человек действительно просит извинить его за что-то. Больше того: если мы чувствуем, что вина наша перед кем-либо велика, то мы вряд ли прибегнем к этим стандартным, избитым оборотам, а поищем более весомые слова. Перечисленные обороты годятся как раз в качестве выполняющих чисто этикетную функцию средств. В собственное значение их никто уже не вдумывается. Иначе... Иначе пришлось бы признать, что говорить *извиняюсь* — бессмыслица: извиняю себя! И до недавнего времени знатоки русского слова именно по этой причине отрицательно оценивали возможность употребления этой глагольной формы в литературной речи. «...Наш язык портится, — писал в 1931 г. А. И. Куприн. — Наступившему на мозоль нельзя говорить *извиняюсь* (т. е. извиняю себя). Надо сказать: *извините меня* или *простите*, ведь пострадавшему не будет легче или приятнее, что вы сами себя извиняете в неуклюжестве».

Выясним, как зависит форма просьбы, благодарности, приглашения и т. п. от отношений между собеседниками, от их положения в данной ситуации. Наблюдается такая закономерность: чем более различны, контрастны социальные роли и такие признаки говорящих, как возраст, социальное положение и некоторые другие, тем более вежливо обращение «низшего» к «высшему». Сильные различия в социальных признаках, которыми характеризуются участники общения, обычно вызывают большую или меньшую официальность отношений говорящего и слушателя (по крайней мере в данной речевой ситуации). Отсюда вывод: чем официальнее отношения, тем большая необходимость в использовании этикетных форм; и наоборот, при интимных, дружеских взаимоотношениях надобность в этих формах минимальна.

Формы речевого этикета используются не только в устной речи. Так как это средства личного общения, то их употребление необходимо и в некоторых жанрах письменной речи — прежде всего в личной и деловой переписке. И здесь, как при устном общении, действует закономерность: чем более официальны отношения между участниками коммуникативного акта, тем более официальны формы их обращения друг к другу.

Если вы хотите выразить высокую степень почтительности и уважения к лицу, занимающему официальное положение и при этом вам малоизвестному, то вы обратитесь к нему при помощи слова *глубокоуважаемый* (или, реже, *многоуважаемый*): *Глубокоуважаемый Федор Иванович!* При более или менее нейтральном отношении к малоизвестному или вовсе неизвестному адресату используется сочетание «*уважаемый + имя-отчество* или *господин + фамилия*». Эта формула обычна и в деловых письмах. Если человек, к которому вы обращаетесь, чем-то близок вам — это ваш друг, приятель, любимый учитель и т. д., то естественно начать письмо к нему со слова *дорогой* (Миша, Николай Петрович).

При обращении в письме важны не только постоянные отношения между пишущим и его адресатом, но и то, в каких ролях они выступают в данном случае, какова цель письма: скажем, официальное приглашение может начинаться со слов *глубоко-* или *многоуважаемый*, хотя в обычном письме к тому же лицу используется более «теплая» форма — *дорогой*.

Разнообразны этикетные формы, употребляемые в конце письма: *до свидания, всего доброго, с глубоким (искренним, неизменным...) уважением, искренне ваш* (+ фамилия), *искренне преданный вам* (сравните обычное для англичан *yours sincerely* 'сердечно ваш'), *жду вашу руку, целую* и т. п. Это в личных и лично-деловых письмах. А официально-деловые (сравните, например, переписку учреждений) оканчиваются либо просто подписью должностного лица: *Директор завода Л. В. Кочетков*, либо формулой «*с уважением + фамилия и должность*»: *С уважением М. Захаров, редактор отдела критики*. Такая скупость в этикетных средствах вполне понятна: ведь они служат говорящему для того, чтобы выразить свое отношение к собеседнику или к тому, о чем идет речь. В деловых же письмах первостепенную роль играет информация, а не отношение пишущего к ней или к адресату.

Речевой этикет составляет важную часть поведения человека. Без знания принятых в обществе форм этикета, не владея словесными средствами, которые выражают разные степени вежливости, уважения, почтительности и т. д., мы не можем правильно использовать язык для установления разнообразных контактов с окружающими нас людьми.

Иными словами, владение формами речевого этикета необходимо человеку для удовлетворения насущной потребности — общаться с себе подобными.

Слово и жест

...Кроме слов можно было бы мысли изображать через разные движения очей, лица, рук и прочих частей тела, как пантомимы на театрах представляют.

М. В. Ломоносов

Вообразим себе такую картину.

Встречаются два приятеля, давно не видевшие друг друга.

— О-о, кого я вижу! — восклицает один.

— Алеша, дорогой, ты ли это? Вот уж встреча так встреча! — кричит другой.

При этом оба стоят на некотором расстоянии друг от друга неподвижно, руки опущены вдоль тела, выражения лиц бесстрастные. Реальная картина? Нет, конечно — фантастическая: в жизни ничего подобного вы не увидите. Читая реплики, которые выписаны выше, мы невольно представляем себе эту сценку в динамике: первый из приятелей, возможно, приветственно взмахнул рукой, улыбнулся, второй, заметив первого, скорее всего, радостно бросился ему навстречу; друзья пожали друг другу руки или даже обнялись и т. д., т. е. речь их сопровождалась какими-то действиями, имевшими то же назначение, что и слова: пожатие рук или объятие, улыбки, приятное изумление на лицах и т. д., так же как и произнесенные ими восклицания, выражают приветствия и радость от неожиданной встречи.

Я привел этот пример, чтобы показать: жест и мимика естественны, необходимы в устном общении людей, они во многом создают то своеобразие звучащей речи, которое отличает ее от речи письменной. Именно звучащей, а не обязательно обращенной к видимому собеседнику: посмотрите на говорящих по телефону — собеседник не виден, он иногда за тысячи километров, но слышен его голос, и, реагируя на него, на доносящиеся издали слова, смех, дыхание, человек здесь, на этом конце провода взмахивает рукой, отрицательно качает головой, в задумчивости трет лоб, пожимает плечами и т. д.

Условимся называть жестами такие несущие информацию движения, которые человек в процессе речи делает руками и головой. (Кроме них есть еще звуковые жесты, которые также выражают определенный смысл; например, *зм* — сомнение, *фюить* [так непохоже обычно изображают свист] — жест разочарования, однократное *ха!* — жест недоверия и др.)

Жестикуляция особенно интенсивна в минуты эмоционального возбуждения, т. е. тогда, когда контроль над собственным поведением ослабевает. Чем свободнее чувствует себя говорящий, чем эмоциональнее его речь, тем более часты и отчетливы его жесты. Разумеется, здесь есть индивидуальные разли-

чия: одни люди сдержанны, они и в непринужденной обстановке жестикулируют скупой; другие, напротив, сопровождают жестами свою речь и в официальных ситуациях. Однако отмеченная закономерность проявляется и у тех и у других, только в разной мере: если человек и в условиях непринужденного общения жестикулирует мало, то в официальной обстановке жестов в его речи будет еще меньше!

Жест чаще всего появляется в такие моменты речи, когда говорящий эмоционально выделяет слово или оборот. Жест либо сопровождает слово, дополняя или подчеркивая его смысл, либо замещает какой-то элемент высказывания. Он служит выразителем недоумения, утверждения, вопроса, намека, огорчения, радости, насмешки и других человеческих чувств.

Вот несколько примеров, взятых из художественной литературы.

Вдруг слабым манием руки На русских двинул он полки (А. С. Пушкин. «Полтава»); — Так вы в Персию? ...а когда вернетесь? — кричал вслед Максим Максимыч... Коляска была уже далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! да и зачем? (М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»); В это время товарищ прокурора приподнялся наполовину, неестественно опираясь на один локоть. — Вы желаете сделать вопрос, — сказал председатель и, на утвердительный ответ товарища прокурора, жестом показал ему, что он может спрашивать (Л. Н. Толстой. «Воскресение»); [Приказчик Яков]: — Не угодно ли вам будет самим с ним [мельником] поговорить? — Что же он говорит? — спросил папа, делая головой знак, что не хочет говорить с мельником (Л. Н. Толстой. «Детство, отрочество, юность»); Саша обрадовался, как ребенок. Он взмахнул руками и начал притопывать туфлями, как бы танцуя от радости. — Великолепно! — говорил он, потирая руки. — Боже как хорошо! (А. П. Чехов. «Невеста»); Доктор захохотал басом и махнул рукой, как бы желая показать, что от смеха он не может вымолвить ни одного слова (А. П. Чехов. Княгиня).

Иногда жест бывает двусмыслен: его можно понимать и так и этак:

[В доме умирающего графа Безухова] Княжна со своею несообразно-длинною по ногам, сухою и прямою талией прямо и бесстрастно смотрела на князя выпуклыми серыми глазами. Она покачала головой и, вздохнув, посмотрела на образа. Жест ее можно было объяснить и как выражение печали и преданности, и как выражение усталости и надежды на скорый отдых. Князь Василий объяснил этот жест как выражение усталости (Л. Н. Толстой. Война и мир);

иногда контрастен тому смыслу, который выражается словами:

— Вот как!.. И ты в большом свете! — сказал он [Андрей Болконский] Пьеру. — Я знал, что вы будете, — отвечал Пьер. — Я приеду к вам ужинать, — прибавил он тихо, чтобы не мешать виконту, который продолжал свой рассказ.—

Можно? — Нет, нельзя, — сказал князь Андрей смеясь пожатием руки давая знать Пьеру, что этого не нужно спрашивать (*Л. Н. Толстой. Война и мир*).

Но всегда жест соединен со словом, выступает в тесном взаимодействии с ним. Даже в тех случаях, когда жест заменяет целое выражение, он ориентирован на определенный смысл, на сообщение чего-то такого, что актуально для собеседника. Этим речевые жесты отличаются от жестов действия: например, приложил ладонь к уху (вслушиваясь), протянул руку к лежащему на столе яблоку, вскинул локоть, защищаясь от удара, инстинктивно пригнулся, слышав свист снаряда, — в этих и подобных им жестах не содержится никакого сообщения, т. е. они не выражают ни смысла, ни эмоций, которые могли бы быть переданы словесно.

Для наиболее распространенных, типичных речевых жестов в языке существуют устойчивые обозначения: *развел руками* в знак удивления, *пожал плечами* (= 'не знаю'), *покачал головой* (знак отрицания), *вытаращил глаза* (от изумления) и т. п.

У животных (например, у обезьян) тоже есть жесты, которые выражают достаточно сложные эмоциональные состояния. Однако, как писал об этом еще Л. С. Выготский, жесты животных «непосредственно связаны с самим действием»: самка шимпанзе подталкивает детеныша к еде или жестом заставляет его идти или достать плод и т. д. У человека жест связан с речью, он дополняет и подчеркивает то, что передается словами.

И тут различия

...говорят, у эскимосов
есть поцелуй посредством носа...
Но это нам не привилось.

А. Вознесенский

Как правило, речевые жесты национально и социально обусловлены: у разных народов разные жесты служат для выражения одного чувства (например, удивления), а одно и то же движение рук может обозначать разное — от гнева до изумления; жест, принятый в определенной социальной среде, может вызывать осуждение или непонимание в других коллективах и т. д.

Например, у итальянцев приняты жесты, совсем неизвестные многим другим народам: руки над головой обозначают недоуменно-возмущенный вопрос *Что вы хотите?!*; движение вытянутого большого пальца ко рту значит 'здорово!', ногти под подбородок = 'а мне плевать на это'.

У американских индейцев очень выразительны жесты, связанные с обозначением жизненно важных для них ситуаций: удар кулаком по ладони означает

выстрел, два пальца изображают идущего человека, а четыре — бегущую лошадь. Если индеец хочет показать, что один человек следит за другим (или охотник следит за дичью), он поднимает на уровень своих глаз руку, ладонью к себе, с большим пальцем, поднятым кверху.

Японцы, говоря о себе, показывают не на грудь (как русские), а на нос. Китайцы хлопают руками от горя или разочарования, а от радости царапают себе щеки и уши. Высунутый язык для европейца — это знак поддразнивания, в древнем Китае он означал угрозу, в Индии — гнев, у народов майя — мудрость. Для выражения смысла 'сыт по горло' (чем-нибудь, не обязательно едой) русский проводит ладонью по горлу, тогда как француз тоже проводит ладонью, но на уровне губ или чуть выше. Вот так:

Многие жесты кажутся членам данного общества столь естественными, что никому и в голову не приходит мысль об их национальной обусловленности. Подчас даже искушенные и наблюдательные исследователи могут попасть впросак и не увидеть национальной особенности того или иного жеста. Так, Т. Шибутани, рассказывая о специфике жестов, принятых в каждом обществе, и об их отличиях от жестов общечеловеческих, пишет: «Существует ряд общепринятых телодвижений — так, достаточно поднять большой палец, чтобы остановить автомобиль». Но это не общепринятое движение! В русском обществе, например, бытует другой жест для той же цели — поднятая рука.

Национальную окраску имеют жесты, употребляемые при счете, перечислении чего-либо, при изображении числа. Американец показывает число, поворачивая руку ладонью наружу, француз и русский поворачивают ее ладонью к себе.

Считая *раз, два, три* (или *во-первых, во-вторых* и т. д.), русский загибает пальцы на открытой левой или правой руке, начиная с мизинца, при помощи указательного пальца другой руки, венгр в такой ситуации, произнося соответствующие венгерские числительные, предварительно сжимает правую руку в кулак и на каждый счет распрямляет по одному пальцу, начиная с большого и делая чуть заметные движения этой рукой (другая рука в счете не участвует).

Видимо, не только отдельные жесты, но и все двигательное поведение человека во время речи имеет национальные особенности, постичь которые, кстати сказать, труднее, чем сам язык. Можно вполне овладеть языковыми средствами, но при этом отличаться от природных носителей этого языка жестами, мимикой и другими компонентами речевого поведения.

В том, что это так, мы можем убедиться, читая, например, повесть Л. Н. Толстого «Рубка леса». Великолепно зная и чувствуя не только русский язык, но и мельчайшие нюансы русского речевого поведения, Л. Н. Толстой отмечает такую черту у одного из персонажей этой повести — Крафта, немца русского происхождения: свободно владея русским языком, Крафт в реальном речевом общении неточен именно в жестикуляции:

— Извольте видеть... — начал Крафт, чрезвычайно одушевленно, делая руками неуместные жесты и обращаясь к майору.

Известен случай с европейским ученым, который настолько хорошо изучил язык дервишей (странствующих монахов-мусульман), что в течение года жил среди них неузнанным. Разоблачен же он был по жесту, характерному для европейцев и не принятому на Востоке: слушая музыку, он отбивал такт ногами. Это, впрочем, случай не уникальный: провалы некоторых разведчиков порой имели только одну причину — невладение системой жестов, характерной для речевого общения в данном социальном коллективе.

Некоторые народы имеют весьма разработанные и достаточно самостоятельные языки жестов. Они существуют наряду со звуковым языком и используются нередко вместо него. Необходимость такого отдельного использования жестов связана с определенными обычаями. Например, женщины одного из племен, населяющих Австралию, в течение года после смерти мужа не имеют права произносить какие-либо слова. Чтобы общаться со своими соплеменниками, они и прибегают к языку жестов. В другом австралийском племени общение посредством одних только жестов используется во время охоты: с помощью рук охотники умеют рассказать своим товарищам, какие животные ими обнаружены, в каком они находятся положении (лежат, стоят, спрятались в нору и т. д.), сколько самцов и самок, сколько детенышей и т. п. По сообщению одного из исследователей, изучавших австралийские племена, племя дэйри «кроме звукового языка имеет еще богатый язык жестов. Для всех животных, для

всех туземцев, мужчин и женщин, для неба, земли, ходьбы, верховой езды, прыганья, летания, плавания, еды, питья, для сотен других предметов и действий имеются свои особенные жесты, так что эти туземцы могут разговаривать, не произнося ни одного слова».

У культурных народов мы не найдем подобных детально разработанных жестовых систем (поскольку в них нет и необходимости). Однако, с другой стороны, по-видимому, нет ни одного национального коллектива, члены которого не использовали бы при общении друг с другом какие-либо жесты, пусть менее разнообразные, чем у австралийских и индейских племен, и не столь самостоятельные, но все же совершенно необходимые для живого обмена мыслями и впечатлениями.

Более того, если мы начнем изучать жесты, применяемые в общении, скажем, русскими, то увидим, что жесты характеризуются не только национальным своеобразием, — они еще дифференцированы социально и даже «стилистически», т. е. так же как и словесные, собственно языковые средства.

В военной среде, например, в качестве обязательного принят жест отдания чести: вытянутая ладонь (или несколько пальцев — в армиях разных государств по-разному) согнутой в локте правой руки приставляется к виску. Советские пионеры приветствовали друг друга — на торжественной линейке, на сборе, отдавая и принимая рапорт и т. д., — также особым жестом: полусогнутая правая рука (ладонь вытянута, пальцы сжаты) над головой. Ни в какой другой социальной среде «военный» и «пионерский» жесты приветствия не используются.

Примеры «стилистического» различия жестов: каждый культурный человеческий коллектив обычно принимает и использует одни жестовые движения и отвергает другие как несущие печать грубости, «простонародности», как символы иного стиля поведения и потому чуждой социальной среды. Подобно неприличным словам, существуют и неприличные жесты, употреблять которые значит грубо нарушать этические нормы, принятые в обществе. По наблюдениям исследователей, лица, не владеющие русским литературным языком, а говорящие на диалекте или просторечии, и в своем жестовом поведении отличаются от носителей литературного языка. В среде русского дворянства, например, не был принят жест, который оценивался как простонародный: поднятый большой палец как высокая оценка чего-нибудь ('во!').

Часто отличия касаются не самих жестов, а их интенсивности: в русском просторечии (и не только русском, но и, например, в нелитературной речи французов, итальянцев и некоторых других народов) жест более интенсивен, нередко жестикуляция обеими руками (в культурной среде более обычен одноручный жест). Кроме того, «просторечный» жест гораздо чаще, чем «литературный», употребляется вместо слова, т. е. замещает собой слова и выражения,

ясные для собеседника из условий ситуации. В просторечии как бы усиливается и доводится до предела то, что можно наблюдать и в разговорной речи носителей литературного языка.

Мы уже отмечали, что ведущей в разговорной речи является тенденция к сокращению, редукции словесных средств и к их замене элементами ситуации: вместо того чтобы называть предмет, на него просто показывают, вместо выражения намерения дать что-либо другому дают это что-то и т. д. (см. с. 620—621):

— *Дайте мне вот эту тетрадь.*

— *Эту?*

— *Нет, рядом.*

Это типичный диалог покупателя с продавцом, и каждый из говорящих сопровождает произнесение слов *вот эту, эту, рядом* указательными жестами.

Другой пример:

— *Какой ширины там проход? Такой?*

— *Нет, поменьше, такой вот примерно.*

Этот диалог непонятен в написанном виде: неясно, какой же ширины проход, о котором идет речь. Но говорящим все понятно: один из них показал руками предполагаемую ширину, а другой скорректировал его жест, сам расположив руки на более близком расстоянии друг от друга. Интересно, что если бы общение происходило не между двумя людьми в непринужденной обстановке, а скажем, один из них должен был бы в лекции дать представление слушателям о ширине прохода, скорее всего, он не употребил бы этот жест, а назвал ширину в сантиметрах или изобразил проход на доске и т. п., при необходимости используя другие, не «измерительные», как в бытовом разговоре, жесты.

Так мы приходим к выводу, что жест, уместный в одной ситуации общения, не используется в других: по своей непринужденности жест контрастирует с атмосферой большей или меньшей официальности, которая характеризует ситуацию «лектор — аудитория». Жест «чесания в затылке» как символ недоумения, поиска решения, загадки и т. п., допустимый в общении друзей, воспринимается как признак невоспитанности или чудачества в поведении оратора. Напротив, некоторые жесты, обычные в профессиональном поведении лектора, актера, уличного регулировщика, выглядят неуместными в домашней обстановке. Вспомните выражение «театральные жесты» для обозначения подчеркнутых, преувеличенно акцентированных жестов, используемых в бытовых ситуациях.

Профессионально обусловленные жесты бывают совершенно необходимы в определенных ситуациях. Например, рабочие шумных цехов — кузнечного,

штамповочного, сталевары, крановщики и люди некоторых других специальностей, работающие либо в условиях шума, либо в обстановке, когда партнер по работе находится вне досягаемости человеческого голоса, — учатся понимать друг друга по жестам. Стоящий внизу, под краном, рабочий рукой показывает машинисту, поднять или опустить груз и на сколько, подать его влево или вправо, вперед или назад. После окончания работы, по дороге домой, в автобусе или в метро, эти рабочие будут пользоваться обычным языком и употреблять совсем иные, не профессиональные жесты.

Таким образом, подобно словесным средствам жесты более или менее определенно привязаны к типу ситуации и тину социальных ролей, выполняемых говорящими. Они находятся в соответствии с теми коммуникативными задачами, которые человек выполняет в данной роли и в данной ситуации, и характером языковых средств, «обслуживающих» эту роль и эту ситуацию. Различные виды книжной речи плохо сочетаются со сниженными, просторечными жестами, и наоборот. Выполнение профессиональной роли водителем такси или продавцом несовместимо с жестами, заимствованными со сцены, и т. д.

Это еще раз подтверждает ту мысль, что коммуникативное поведение человека — целостное, системное явление, все компоненты которого находятся в гармонии, во взаимном соответствии друг с другом.

Выясним, можно ли различать в жестах некую структуру или же движения рук и головы, играющие роль речевых жестов, столь хаотичны, что в них нельзя выделить некоторые постоянные, типичные фазы, направления, плоскости. Оказывается, структурное описание жестов возможно и оно осуществляется современными исследователями, анализирующими различные национальные системы жестов.

Если приглядеться к ручным жестам, скажем русским, то можно распределить их по таким признакам: одной или двумя руками производится жест; какая часть руки участвует — палец (пальцы), ладонь, кисть, предплечье...; какова форма той части руки, которая участвует в жесте: сравните вытянутый палец — и согнутый, ладонь с поджатыми или с растопыренными пальцами, кулак и т. д.; пространственная характеристика жеста: в какой плоскости он совершается — в вертикальной или горизонтальной, каково его направление — от тела или к телу (или от головы — к голове), вниз или вверх, влево или вправо; динамическая характеристика жеста: какое это движение — однократное, как, скажем, при произнесении глагольного междометия *на!* *name!*, или же многократное, как, например, в случае, когда взрослый грозит указательным пальцем расшалившемуся малышу: «Нельзя!», «Смотри у меня!».

Жесты головы, главным образом по чисто анатомическим причинам (человек не может двигать головой так же свободно, как рукой), менее разнообразны, чем ручные. При их характеристике важны два признака: пространственный (голова движется влево-вправо, как при отрицании, или вниз-вверх, как

при согласии) и динамический (однократность — сравните наклон головы при приветствии — и многократность, как, скажем, при молчаливом поддакивании или же при категорическом отрицании). Зато голова, различные части ее поверхности (лоб, висок, затылок, подбородок) взаимодействуют с руками для осуществления некоторых жестов: покрутить пальцем у виска (намек на глупость), ударить себя по лбу (= 'эврика!', 'открытие!'), почесать в затылке.

Сочетание перечисленных выше признаков, казалось бы, должно дать чрезвычайно многочисленный (несколько тысяч!) набор жестов. Однако в действительности дело обстоит не совсем так. Каждая нация обходится сравнительно небольшим «словарем» устойчивых, общепринятых жестов, выражающих, например, согласие/несогласие, удивление, отказ, усиление (подчеркивание), радость и др. Это, так сказать, «уровень языка». А на уровне речи, т. е. в реальном повседневном общении, жестов неизмеримо больше: это разнообразные варианты общепринятых жестов, а кроме того, такие движения, которые «привязаны» к конкретной ситуации, к данному высказыванию, обусловлены индивидуальными особенностями говорящего и т. п. При внимательном анализе этих жестов обнаруживается, что они сводимы к тем типичным движениям, которые составляют упомянутый выше «словарь»: это можно сделать, устранив все случайное, определяемое ситуацией, личностью говорящего и т. д., и выделив так называемые инварианты — т. е. неварьируемые признаки, не зависящие от указанных факторов общения.

Рассмотрим типичные жесты, принятые в русскоязычной среде и употребляемые в сочетании со словом (или вместо него).

Жесты — помощники слов

...Выразительные движения лица и тела весьма содействуют силе языка.

Ч. Дарвин

Все жесты в речевом общении играют разную роль. Одни служат для и з о б р а ж е н и я предмета, с помощью других говорящие указывают на предмет, без третьих не обойтись при выражении чувств (эмоциональные же-

сты), четвертые представляют собой устойчивые обозначения ритуальных или вообще этикетных действий.

Изобразительные жесты передают представление о форме, размерах, местоположении предмета: — *Вот такой арбузище купил вчера, килограмм на 10!* — При этом говорящий как бы обнимает руками нечто круглое и большое. — *Малюсенький такой пузырек* — жест указательным и большим пальцами на уровне лица: расстояние между ними обозначает высоту пузырька. — *Сначала берешь примерно такой вот толщины бревно...* — жест ладонями двух рук, как бы охватывающими нечто круглое и одновременно указывающими толщину. — *Вот на столько там выпало снега!* — жест: две горизонтально и параллельно друг другу расположенные ладони — изображает толщину снежного покрова. Сравните любопытную передачу жеста в тексте художественного произведения — с помощью указательных слов: — *Он [Пьер] один тогда законный наследник всего, а вы не получите ни вот этого* (Л. Н. Толстой. «Война и мир»). Чтобы понять реплику, читатель должен вообразить себе жест, которым князь Василий сопроводил выделенные слова.

— *А по стенам все книги, книги,* — неоднократное взмахивание вытянутой кистью руки в вертикальном направлении при одновременном движении руки слева направо (или справа налево).

— *Ох и лед на пруду! Ровный-ровный!* — горизонтальное медленное движение ладонью (повернутой вниз) от себя. — *Там течение! Вот так все крутится,* — круговое движение кистью согнутой в локте руки (обычно в горизонтальной плоскости).

Изобразительные жесты не только служат для сообщения о форме предмета, его движении и т. д., но и могут передавать отношения между людьми, взаимные чувства, интеллектуальные действия. В этом случае жест выступает как метафора: он как бы сравнивает изображаемое им понятие с конкретным физическим действием: — *Они вот так друг с другом* (= во вражде), — произнося эту фразу, говорящий делает жест, который изображен на рисунке.

Студент, выходящий из аудитории, где происходит сдача экзаменов, на вопросы товарищей: — *Ну как — сдал?* — отвечает лаконичным жестом: скрещенные кисти рук — т. е., буквально, «зарубил» (а на обычном русском языке это выглядело бы примерно так: преподаватель спрашивал меня, выяснил, что я ничего не знаю, и поставил мне двойку).

Исследователи современной русской разговорной речи выделяют еще типы жестов, сочетающихся с абстрактными значениями:

— жест предельности или категоричности: сабельная отмашка кистью руки в сочетании со словами *никто, никогда, не* и т. п.: — *Не буду я этого де-*

лать; — *Никогда он этого не говорил.* Жест приходится как раз на «отрицательную» часть высказывания, она выделяется логическим ударением;

— жест объединения: плавное горизонтальное движение рукой от себя: — *Всем-всем читателям раздай этот листок;* — *Наверно, Москву-то всю-у-у объездил?*;

— жест отчуждения, неприятия чего-либо: рука резко движется от груди в сторону: — *Не нужно мне лекарства;* — *Не давайте мне этого;* — *А он пусть как хочет;*

— жест неопределенности: возвратно-вращательное движение кистью руки с разведенными пальцами: — *Что-то не вполне ясное тут у него* (пересказывая чужую теорию); — *Так, кое-что нацарапал...*

Это — более или менее общепринятые изобразительные жесты. Но в процессе речи могут возникать такие движения рук, которые обусловлены только данным высказыванием, связаны с конкретной ситуацией; они либо уточняют сказанное, либо подкрепляют созданный словесными средствами образ.

Например, отец и сын-восьмиклассник обсуждают, как самому сделать телескоп. Сын: — *Надо лупы купить.* Отец, не расслышав, вопросительно смотрит на сына. Сын: — *Лупы,* — одновременно поднимает руку, делая кольцо из большого и указательного пальцев.

Указательные жесты, как видно из их названия, указывают на предмет и тем самым часто заменяют собой имя предмета, описание его свойств, положения в пространстве и т. п. Указательные жесты широко используются в устной речи. Обычно они сопровождаются местоимениями и указательными словами *вот, этот, тот, туда* и др.

— *Покажите вот эту шляпу,* — говорит покупательница продавцу и при этом ладонью вытянутой руки делает движение в сторону понравившейся ей шляпы. Тот же самый жест расценивается этикетом как некультурный, невежливый, когда он направлен на человека: — *Я вот за этим гражданином стою,* — незачем показывать на «гражданина» рукой или пальцем.

Указательным пальцем или мизинцем можно показывать нужный элемент текста (например, в книге) — строку, букву, рисунок и т. п.

Говоря о себе, человек нередко, произнося местоимение *я*, концом большого пальца касается своей груди, как бы подчеркивая: *именно я* и никто другой. На *я* при этом делается логическое ударение: — *Я вам скажу, что это такое;* — *Это я сделал.*

В ситуациях расспросов о том, как пройти на такую-то улицу, где находится такое-то учреждение и т. п., в указательном жесте участвует не только палец, но и вся рука: вы можете вытягивать ее в нужном направлении, показывать, что

в таком-то месте надо вернуться или спуститься вниз. Очень часто здесь для наглядности разъяснений наряду с указательными используются и изобразительные жесты.

Указательные жесты делают и головой. Например, однократное движение головой снизу вверх (вариант: снизу вверх в сторону) и возврат в обычное положение означает указание на то, что находится рядом с говорящими, у них на виду: — *Вот э т о т стол придется убрать*; — *Вот, полюбуйтесь, что о н тут натворил*.

Если таким образом указывают на человека, который находится тут же, рядом с беседующими, то делается это незаметно для него: кивать на присутствующего (как и показывать пальцем) неэтично.

Очень многообразны эмоциональные жесты. В коммуникативных системах культурных народов они преобладают над изобразительными и указательными. Приведем некоторые примеры жестов, которые приняты у русских.

При удивлении обычно разводят руками; в случае предвкушения чего-то приятного — потирают ладони друг о дружку.

Изумление или сомнение выражаются поднятием плеч; сравните жест незнания, неопределенности:

Проговорив эти слова, она [Анна Михайловна] подошла к доктору.

— *Cher docteur*, — сказала она ему, — *ce jeune homme est le fils du comte... у а-t-il de l'espoir?* [Дорогой доктор, этот молодой человек — сын графа... есть ли надежда?]

Доктор молча, быстрым движением возвел кверху глаза и плечи. Анна Михайловна точно таким же движением возвела плечи и глаза, почти закрыв их, вздохнула и отошла от доктора к Пьеру (*Л. Н. Толстой. Война и мир*);

— и жест, выражающий недоуменное изумление:

— У меня отвращение к людям! — улыбнулась княгиня, пожимая в изумлении плечами. — У меня! (*А. П. Чехов. Княгиня*).

Еще примеры: *Что я наделал?!* — с этими словами говорящий хватается за голову.

При обращении к собеседнику с настойчивым вопросом часто подчеркивают настойчивость вопроса жестом: ладонь полусогнутой в локте руки обращена вверх и к собеседнику (на уровне груди). Однократный мах ладонью сверху вниз в сторону с одновременным резким сгибанием ее посередине означает примерно: 'А, да ладно'. Фраза *Вот где он у меня сидит* обычно сопровождается энергичным указанием на шею или место между лопатками. Сравните:

Но начальнику механической мастерской при автобазе Петру Филипповичу Цареву этот завод был «вот где» (говоря это, он обычно показывал гаечным ключом назад, между лопаток). Дело в том, что теперь рядом с мастерской появился опасный конкурент (*В. Дудинцев*. На своем месте).

Особую — и очень важную — роль в системе средств общения играют жесты, выражающие согласие и несогласие, и жесты, принятые в качестве символов при приветствии, прощании, обращении и других коммуникативных актах, обусловленных этикетом.

В русском обществе, так же как у большинства европейских народов, согласие или подтверждение выражаются кивком головы ('да'), а несогласие или отрицание — вращением головы влево-вправо ('нет'). У болгар, напротив, отрицание выражается жестом, похожим на наш утвердительный кивок, а согласие — качанием головы влево-вправо. Поэтому, например, русские солдаты, побывавшие в Болгарии во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., поразились противоположности между своими и болгарскими движениями головы, обозначавшими 'да' и 'нет'. «Обратное распределение знаков и значений, — писал в связи с этим известный лингвист Р. О. Якобсон, — сбивало с толку собеседников и порой вело к досадным недоразумениям. Хотя собственная мимика поддается контролю в меньшей степени, чем речь, русские могли бы без особых усилий переключить знаки утверждения и отрицания на болгарский лад, но главная трудность заключалась в неуверенности болгар, к какому из двух мимических кодов, своему собственному или же местному, прибегает в каждом отдельном случае их русский собеседник».

Приветствуя друг друга, люди вместе с произнесением *здравствуйте, добрый день* и других формул приветствия наклоняют голову — «кланяются» (но не в том значении этого слова, которое бытовало в старину: кланялись в пояс и даже в ноги, — а в современном, когда наклон головы лишь символизирует приветствие). Мужчины в русском и некоторых других обществах, если они хорошо знают друг друга, а также при знакомстве, в знак приветствия пожимают друг другу ладони. С помощью рукопожатия могут приветствовать друг друга и мужчина и женщина, только в этом случае женщина первой протягивает руку для приветствия. Судя по художественной литературе, в XIX в. обычай

пожимать друг другу руки при встрече еще не был так органичен для русских, как сейчас. Сравните пример из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»:

Павел Петрович вынул из кармана панталон свою красивую руку с длинными розовыми ногтями... и подал ее племяннику. Совершив предварительно европейское shake hands [рукопожатие], он три раза, по-русски, поцеловался с ним, то есть три раза прикоснулся своими душистыми усами до его щек, и проговорил: «Добро пожаловать».

Как известно, Павел Петрович Кирсанов отличался английскими манерами; кроме того, нерусскость жеста автор подчеркивает и тем, что называет его по-английски (по всей видимости, и сам этот обычай пришел к нам из Англии).

В странах Востока, даже в такой европеизированной стране, как Япония, рукопожатие (в знак приветствия) до сих пор воспринимается как странность, как типично западный (и притом дикий) обычай.

Жест прощания — поднятая рука и движение кистью либо вперед-назад («старый» жест, сейчас используемый преимущественно детьми и при общении с детьми), либо влево-вправо — новый жест, появившийся, как полагают авторы книги «Русская разговорная речь», под влиянием западноевропейской манеры прощания.

Как мы видим по приведенным примерам, жест чаще всего накладывает ся на слово, подчеркивая, усиливая смысл, передаваемый им, или же замещает слово, выступает вместо него и в его функции (сравните: *Льеру он* [князь Василий] *ничего не сказал, только пожал с чувством его руку пониже плеча* (Л. Н. Толстой. Война и мир). Но и в том и в другом случае жест — дополнительное, а не основное средство общения. Понять человека, который говорит не жестикулируя, можно, хотя при этом надо будет преодолевать некоторое ощущение неестественности, которое возникает от его речи. Понять же того, кто только жестикулирует, невозможно (при этом, конечно, имеются в виду обычные носители звукового языка, а не те, кто владеет специальной системой жестов, сравните, например, жестовый язык глухонемых). Тем не менее жест — важный компонент речевого акта: он сообщает речи динамизм, усиливая главное и отсекая само собой разумеющееся, придает ей естественность с точки зрения принятых в данном обществе традиций человеческого общения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык — настолько неотъемлемый компонент всякого человеческого коллектива, что люди часто не замечают его особенностей, не задумываются над тем, как он устроен, как используется в разных жизненных ситуациях. Отсюда иллюзия, что ничего сложного в языке нет и поэтому, стало быть, изучение языка практически ненужное, досужее занятие.

Однако даже небольшой очерк речевого общения убеждает нас в том, что роль языка в современном обществе необычайно велика, что процесс речевой коммуникации сложен и обусловлен многими факторами.

Хотя наука о языке существует давно (одна из первых грамматик была создана древнеиндийским ученым Панини в IV в. до нашей эры!), в этой науке еще много неоткрытого. Середина XX столетия явилась временем, когда в лингвистике были сделаны новые шаги вперед, привлекшие к себе внимание представителей других научных дисциплин. Для современного языкознания чрезвычайно характерно последовательное стремление к точному и непротиворечивому описанию языковых фактов, к математически строгому истолкованию свойственных языку закономерностей. К особенно значительным и интересным результатам это стремление привело в таких областях лингвистической науки, как семантика (теория значения) и синтаксис.

Вместе с тем все очевиднее становится, что чисто лингвистический анализ языка и его различных применений недостаточен для того, чтобы до конца понять его природу. Нужно, оказывается, гораздо больше и систематичное, чем это делалось до сих пор, привлекать к анализу данные о явлениях самой действительности, которая отражается в языке, о социальных и психологических отношениях между людьми, о возрастных особенностях речевого развития и еще о многом другом.

Без изучения социальных факторов не могут быть удовлетворительным образом объяснены многие явления как в речевой практике, так и в развитии языка. Несмотря на то, что слова Ж. Вандриеса, известного французского лингвиста XX в.: «Только изучая социальную роль языка, можно составить себе представление о том, что такое язык», — были сказаны почти столетие тому назад, подлинно научное исследование языка в тесной связи с социальными условиями его существования началось сравнительно недавно.

Нами сделана попытка познакомить читателей с некоторыми проблемами, которые принято относить к особой языковедческой дисциплине социолингвистике.

Здесь затронуты, разумеется, не все темы, обычно относимые к области этой научной дисциплины. Ни слова не сказано, например, о взаимодействии и раз-

витии языков народов России (а социальные факторы играют в этих процессах значительную роль), о языковой политике, под которой ученые подразумевают деятельность различных организаций и научных учреждений по регулированию языковых процессов и явлений: например, выбор так называемых языков-посредников в условиях многонационального государства (в современной Африке языки суахили, сомали и некоторые другие являются как раз такими языками-посредниками, с помощью которых разные племена и народы общаются друг с другом). Не говорится также о нормировании различных нововведений в языке — новых слов, оборотов и т. п.; о пропаганде лингвистических знаний по радио, телевидению, в печати; об упорядочении технической терминологии, орфографии, создании и совершенствовании алфавитов и т. п.

Однако то, о чем рассказано, может создать у читателя некоторое представление о роли языка в современном обществе, о тех задачах, которые решают ученые, исследуя социальные функции языка и его использование в человеческом общении.

ЖИЗНЬ СЛОВА*

ЧИТАТЕЛЯМ О КНИГЕ

Слово *жизнь* в нашем сознании связано с двумя измерениями — временным и пространственным. Можно представить себе, например, жизнь, биографию писателя, политического деятеля или просто любого из окружающих нас людей как последовательное развитие его личности от рождения до старости. Это — измерение жизни «во времени».

На каждом этапе жизни, в каждый отдельный момент ее человек участвует в какой-либо определенной деятельности, общается с другими людьми — независимо от того, сидит ли он в своем рабочем кабинете, стоит у станка или, подобно геологу и летчику, непрерывно меняет свои «географические координаты». В этом смысле мы можем говорить о «пространственном» понимании слова *жизнь*, хотя надо отметить, что применение здесь термина «пространственный» несколько условно.

Этими двумя аспектами характеризуется и такое употребление слова *жизнь*, которое мы встречаем в названиях книг, научных трудов, посвященных исследованию природы. «Жизнь животных», «Жизнь растений», «Жизнь леса»... В подобных книгах прослеживается и развитие дерева или млекопитающего от ранних этапов до созревания и смерти, и их взаимоотношения с окружающей средой, с другими деревьями, другими млекопитающими в течение всей жизни и каждого отдельного ее момента.

Авторы таких книг описывают изученные ими объекты не во всем многообразии (нельзя объять необъятное), а выбирают лишь одно измерение — временное или пространственное; они исследуют группы животных, растений и т. п. или же подробно останавливаются лишь на одной какой-либо разновидности и даже на одном животном и растении. И все же подобное ограничение предмета исследования порой кажется недостаточным: ведь чем дальше раз-

---

* Опубликовано в виде отдельной книги с тем же названием (М.: Просвещение, 1980).

вивается наука, чем больше сведений накапливается в данной области знаний, тем настоятельнее необходимость специализации. Одно и то же дерево, один и тот же вид птиц могут изучаться с разных точек зрения (даже в пределах одного, временного или пространственного, измерения!): каково его строение, каковы особенности приспособления к окружающей среде, какими закономерностями характеризуются разные этапы его развития, как сложился этот вид в процессе эволюции и т. п.

Одному человеку просто не под силу изучение живого организма со всех сторон: ведь каждая сторона — это отдельная специальная наука со своими методами и терминологией, со своими традициями. Так и получается, что современный ученый чаще всего возделывает лишь небольшой участок поля, на котором трудятся его коллеги. Только совместными усилиями достигаются результаты, из которых складывается общая картина жизни данного растения или животного.

Так обстоит дело и в лингвистике — науке о языке.

Временным аспектом изучения языка «ведает» одни дисциплины, которые и между собой делят области исследования: этимология (наука о происхождении слов), историческая лексикология, историческая фонетика, историческая морфология, исторический синтаксис. Современное состояние языка, его функционирование изучают современная фонетика, современная лексикология и семантика (семантикой называют науку о значениях слов), современный синтаксис и т. д.

В одном исследовании бывает трудно объединить историю слова и его сегодняшнее употребление. Это сложно из-за существенных различий самих задач, стоящих перед указанными лингвистическими дисциплинами, методов, с помощью которых эти задачи решаются.

Поэтому чаще всего, принимаясь за исследование какого-нибудь языкового явления, лингвист выбирает один из двух подходов — либо исторический (временной), либо функциональный («пространственный»).

Так поступим и мы. Под жизнью слова будем понимать в этой книге не его историю, от древних истоков до современности, а иногда и до «смерти» (ведь многие слова уходят из языка, заменяясь другими), иначе говоря, не временной цикл, подобный циклу биологическому, — а главным образом «поведение» слова в языковом пространстве, его функционирование в речи, его взаимодействие с другими словами в процессе человеческого общения. Лишь в первой главе мы коснемся и исторического, и современного аспектов — для того чтобы читатель составил себе представление об их различии. В последующих же главах речь пойдет о второй стороне жизни слова.

Нетрудно увидеть, что изучение одной функциональной стороны жизни слова наталкивается на чрезвычайно широкий круг разнообразных вопросов. Разве

можно в одной книге всех их хотя бы коснуться? Нет, конечно. Мы и не будем стремиться к «всеохватности». Выберем лишь некоторые из фактов, характеризующих жизнь слова в языке, наиболее интересные и в то же время малознакомые школьнику, и с разной степенью подробности расскажем о них.

Если читатель почувствует интерес к слову, разглядит за его обыденностью и привычностью мир, управляемый своими законами и правилами, и сможет удивиться своеобразию этого мира, то автор сочтет свою задачу выполненной.

В книге использованы материалы современных лингвистических исследований, собственные наблюдения автора, а также устные сообщения коллег, занимающихся изучением русского языка. Всем, кто своими советами, дружеской критикой помогал при написании этой книги, автор приносит глубокую благодарность.

КАК ЖИВЕТ СЛОВО В ЯЗЫКЕ

Название этой главы (и всей книги) в известном смысле — метафора. Ведь в подлинном, логическом понимании никакой ж и з н и у слова быть не может!

Во-первых, каждому ясно, что это предмет не живой. Во-вторых, какая может быть у него отдельная жизнь, если оно «в руках» человека и целиком зависит от его желаний и прихотей: одно слово он вставил в письмо, другое небрежно бросил приятелю, с этим обратился к начальнику, а с тем — к маленькому сынишке. В-третьих... В-седьмых... Можно привести немало доводов в пользу того, что слово нельзя причислить к миру живого. И все-таки оно — живое!

Если пристально взглядеться в течение нашей речи, присмотреться к тому, как ведет себя слово в ее потоке, если, наконец, проследить путь того или иного слова «во времени и в пространстве», то, пожалуй, сама собой придет на ум аналогия с живой жизнью: и в речи, и в истории слово живет, движется, рождается, играет красками и звучанием, брызжет радостью или сверкает гневом, в нем бьется человеческая мысль и чувство. А многочисленные свидетельства о том, что слово бывает неподвластно человеку? Что оно «вырывается само по себе», оказывается «не к месту» или что, напротив, никак не дается в руки, не отыскивается в памяти, ускользает? «Нет на свете мук сильнее муки слова!» — воскликнул поэт, и, хотя, как все поэты, он немного преувеличивал, к восклицанию его нельзя не прислушаться.

Поневоле начинаешь думать о некоей «магии» слова, о тайнах словесного воздействия, о непростоте языка и сложных переливах в оттенках значения каждого слова, в его употреблении и еще о многом, что уместно назвать емким, давним русским существительным «жизнь».

Язык — одно из древнейших явлений социальной действительности: человек говорит уже в течение многих сотен веков, а несколько тысячелетий тому назад он научился писать. Очевидно, что многие слова в языке уходят корнями в глубокую древность, и для того чтобы проследить их путь, необходимы тщательные, требующие многих знаний исследования. Эти исследования обнаруживают подчас причудливую картину происхождения слова, развития его формы и значения, его связей со словами других языков.

Конечно, не каждый подготовлен настолько, чтобы читать специальные лингвистические работы. Однако есть и популярные книги, в которых просто, доступным языком и, главное, увлекательно рассказывается об истории слов. Это такие, например, книги, как «В мире слов» Б. В. Казанского, «Слово о словах» Л. В. Успенского, «Из жизни слов» Эд. Вартапяна и др. Здесь можно найти интересные сведения об одной из двух названных выше сторон жизни слова — временной, исторической, сведения о пути слова из глубокой древности до наших дней.

Так, например, наиболее древними являются слова самые обыденные: *вода*, *идти*, *белый*, *гора*, *хорошо*... Но они и самые трудные для истории языка: ведь для того чтобы докопаться до их первоисточков, надо заглянуть во времена, о которых осталось очень мало свидетельств! Первоначальная судьба этих слов, их «детство» до сих пор неизвестны нам доподлинно — существуют лишь более или менее вероятные догадки ученых о происхождении слова или указания на родство его с другими словами.

Так, оказывается, что слово *вода* — родня не только русским *выдра* ('живущая в воде') и *ведро* ('то, в чем вода'), так мало на него похожим, но и соответствующим словам в литовском, древнеиндийском, латинском, а также во всех славянских языках. То же самое можно сказать и о глаголе *идти*, настолько древнем, что корни его отыскиваются в давно вымерших, исчезнувших с лица земли языках. Прилагательное *белый*, также очень старое, родственно древнеиндийскому глаголу *бхати* 'светит, сияет', древнеисландскому *баль* 'огонь' и литовскому *бала* 'болото'. Некоторые слова, происшедшие из одного корня, разошлись друг от друга настолько далеко, что сейчас не имеют ничего общего ни в строении, ни в смысле.

Слово *дети*, например, связано по происхождению с древнейшим корнем, обозначавшим 'кормить грудью, сосать'. Буквально *дитя* — тот, кто вскормлен молоком матери. Этот же древний корень присутствует и в слове... *доить*! Слово *ребенок* ученые связывают с основой, которая в древних языках обозначала сироту, а также наследника, и сближают со словом *раб*, *рабство* (значение 'раб' могло развиваться из значения 'сирота': ведь сироты обычно выполняли наиболее тяжелую работу). В слове *ясли* тот же корень, что и в слове *есть*, и смысловая связь двух этих слов находит себе подтверждение в одном из значений су-

ществительного: *ясли*, как известно, это кормушка для скота. Но во втором значении эта связь отсутствует (*ясли* — детское учреждение для самых маленьких), и только внимательный исследователь и здесь уловит родство: место, где едят, питаются, — и место, где воспитывают (сравните такое же родство между значениями глаголов *питать* и *воспитывать*).

Более простым делом для этимолога (так называют ученого, занятого исследованием истории слов) является выяснение судьбы слов, родившихся два, три, даже пять веков назад: ведь в этом случае он может опираться на многочисленные письменные источники — летописи, памятники религиозной и светской литературы (а для XVII—XIX вв. и на художественную литературу в нашем понимании этого термина), частную переписку и т. п., прослеживая тем самым особенности первоначального употребления слова. Однако и здесь должно быть начеку, не обольщаться видимой простотой исследовательской задачи. Дело в том, что и за сравнительно короткий отрезок времени (одно-два столетия для языка срок небольшой) слово может претерпеть такие изменения, которые затемнят его происхождение, разорвут связи с его истоками.

Например, слово *щепетильный* в XVIII и начале XIX в. означало совсем не то, что сейчас. Мы говорим: *Уж очень он щепетилен!*, — имея в виду педантичную строгость, исключительную корректность того, о ком идет речь, в отношениях с людьми, в обращении, в выполнении обязанностей и т. п. В старое же время существовали *щепетильные лавки*, где торговали *щепетильным товаром* — то есть мелким, разным по ассортименту (мы бы сейчас назвали этот товар *галантереей* и *парфюмерией*).

В строках Пушкина: «Все, чем для прихоти обильной Торгует Лондон *щепетильный*» — присутствует именно это, старинное значение, а не современное (*Лондон щепетильный* — то есть речь идет о Лондоне и лондонцах, торгующих галантереей и парфюмерией). Уже в пушкинские времена появилось и переносное (но еще не наше, не современное) значение прилагательного *щепетильный*. Говорили: *щепетильно одетый господин, молодой человек* — значит модный, франтоватый. Лишь к концу XIX столетия это слово начинает употребляться в том смысле, который привычен для нас.

Слово *обыденный* лет полтора века назад значило 'построенный или совершенный за один день': *обыденный дом, обыденный путь* (то есть путь, пройденный за день). Когда с середины XIX века это слово начало менять свое значение и стало употребляться в смысле 'обычный, обиходный' (этот смысл уже близок к современному употреблению слова: сейчас оно значит 'обыкновенный, заурядный'), некоторые поборники правильности русской речи горячо возражали против такого, как им казалось, искажения.

Писатель и автор знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль сетовал: «В последнее время многие с чьей-то легкой руки

стали писать *обыденный* вместо *обиходный*, искажение крайне ошибочное... Два русских профессора озаглавили книгу свою: *Обыденная жизнь* вместо *обиходная*; *обыденная* значит: суточная, однодневная».

В наше время слово *обыденный* в старом значении (на котором Даль настаивал как на единственном) сохранилось лишь в некоторых диалектах.

Любопытна история слова *разношерстный*. Мы привыкли употреблять его в таких сочетаниях, как *разношерстная компания*, *разношерстная публика*, — т. е. состоящая из разных, ни в чем не похожих друг на друга людей. В рассказе В. Г. Короленко «Марусина заимка» читаем: «...Население слободы было самое *разношерстное*. Тут были и киргизы, и ачинские татары из азиатской степи, и старинные поселенцы Иркутской губернии». Но еще полтора века тому назад это определение применялось только по отношению к животным: *разношерстные* значит 'имеющие разную по окраске шерсть'. У писателей того времени мы можем встретить слово *разношерстный* именно в этом значении:

Поднялся собачий лай, но *разношерстная стая* скоро побежала, помахивая хвостами, назад, увидевши, что это было знакомое лицо (Н. В. Гоголь);

Двор был полон всякой домашней птицы, *разношерстных собак* (И. А. Гончаров).

Сейчас буквальное значение этого прилагательного вспоминают редко, хотя в произведениях и писателей XX в. на него можно наткнуться:

На общественные базы двое суток гнали и тянули *разношерстных овец и коз* (М. А. Шолохов).

Изучение истории слов открывает такие стороны в их прошлой жизни, о которых почти невозможно догадаться. Так, например, слово *интеллигенция*, по внешнему облику воспринимаемое нами как иностранное, в действительности создано в русском языке, в России середины XIX в. Конечно, основа его иноязычная (от французского *intelligence* 'ум, разум'), но образовано оно на русской языковой почве, а затем было заимствовано другими языками.

Фамилией в старину называли семью (так используется это слово и в других языках, например в немецком и французском, откуда оно пришло к нам): говорили *отец фамилии*, *большая фамилия*. *Профессором* в XVIII в. считался любой учитель, и это соответствовало буквальному значению латинского существительного *professor* 'тот, кто преподает, преподаватель'.

Слово *олимпиада*, которое может показаться новейшим заимствованием, на самом деле сравнительно давнее: русским оно известно с XVIII столетия. Но употреблялось оно совсем не в том смысле, который вкладываем мы в него сейчас: *олимпиадой* называли период в четыре года, четырехлетие (таков буквальный смысл этого слова в древнегреческом языке, откуда оно попало в современные европейские).

С другой стороны, слова, настолько привычные для нашего слуха и глаза, что думаешь о них как об употребляющихся испокон веку, — оказываются не столь уж древними. Например, еще в первой половине XIX в. образованный русский человек не знал таких слов, как *неудачник*, *нудный*, *несуразный*, *измываться*, *завсегдатай*, *самодур*, *шуршать* и мн. др. Источник их — народные говоры. Литературную жизнь им дали писатели: они нашли эти слова в гуще народной речи, ввели их в свои книги, а читатели переняли их и стали употреблять широко и повсеместно.

Иное слово «живет» в глухом углу, вдали от цивилизации. Но приходит время, и вездесущий журналист или чуткий к деревенскому говору писатель извлекает слово из глуши, из безвестности, выталкивает его на всеобщее обозрение, как бы говоря: смотрите, какая прелесть, какая сила и волшебство выразительности заключены в этом простом слове! Как ярко оно, как резко отличается от своих литературных собратьев!..

Вот только один пример, взятый из повести Виктора Астафьева «Последний поклон»:

Мы проходили середину реки, самую стремнину. Называют ее стрежнем, селезнем, зерлом, стрелой, струной и еще как-то — не вспомню, но слова-то, слова все какие — одно другого звучней!

И бывает, дело не ограничивается одними восторгами — слово вовлекается в общий речевой оборот, делается литературным. Многие диалектные слова ввели в литературный язык Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров, В. И. Даль, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, И. А. Бунин и другие русские писатели. (Это также одна из форм жизни слова — перемещение его из одной сферы употребления в другую, расширение поля его «деятельности».)

Так, слово *неудачник* впервые употребил И. А. Гончаров в романе «Обрыв». Яркое и образное *головотяп* ввел в употребление М. Е. Салтыков-Щедрин, нашедший это существительное в народных присловьях. Слова *самодур*, *самодурство*, также диалектного происхождения, стали известны благодаря пьесам А. Н. Островского и статье Н. А. Добролюбова «Темное царство». Из орловских говоров позаимствовал И. С. Тургенев глагол *шуршать*; в его рассказе «Бежин луг», который хорошо знают наши читатели, находим такую фразу: *Камыши, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас* [то есть на Орловщине]. С легкой руки писателя это выразительное словечко вошло в литературный язык и прижилось в нем.

Некоторые слова, в отличие от тех, о которых речь шла выше, имеют индивидуальных «родителей», т. е. нам известно, кто создал такое-то слово и когда.

Так, Н. М. Карамзин в 1791 г. в «Письмах русского путешественника» употребил слово *промышленность*, до той поры не существовавшее. И хотя, как и

во многих других случаях, то значение слова, которое живо сейчас (*промышленность* 'отрасль народного хозяйства: предприятия, перерабатывающие сырье или разрабатывающие недра'), сформировалось не сразу и уже без помощи Карамзина, заслуга этого знаменитого русского писателя в «изобретении» слова *промышленность* несомненна. Сейчас даже и представить себе трудно, как бы мы обходились без этого существительного. Пришлось бы употреблять только иностранное *индустрия*.

Слово *народность*, такое привычное в современной литературной критике, литературоведении, философии, родилось под пером русского писателя П. А. Вяземского. В 1819 г. в одной из своих статей Вяземский именно этим существительным перевел французское *nationalité*. Известны авторы таких слов, как *злыхательство* (Салтыков-Щедрин), *хлыщ* и *приживалка* (оба ввел в употребление литератор Иван Панаев, современник и друг Некрасова) и др.

Не всякое найденное в народной речи или придуманное писателем слово прививается литературному языку. Одни, такие, как *промышленность* или *народность*, прочно укрепились в русском языке. Другие оказались менее долговечными и не смогли войти в общий речевой обиход, а остались приметам индивидуальной языковой манеры писателя или поэта. Это, например, многие из поэтических неологизмов В. Маяковского; таковы же в большинстве своем слова, изобретенные и употреблявшиеся популярным в начале XX в. поэтом Игорем Северянином, хотя некоторые из выдуманных им слов, особенно удачные по выразительности, прижились в общелитературном языке, как, например, слово *бездарь*.

Как мы видим, возраст слов неодинаков: кое-каким из них уже не по одной тысяче лет, а другие сравнительно молоды. Есть и слова-подростки, и слова-младенцы, только появившиеся на свет, но уже заявившие о себе как о полноправных членах языковой семьи.

Судьба таких новых слов (или неологизмов) в жизни языка неодинакова. Одни вскоре после своего рождения или заимствования (из народных говоров или из других языков) используются очень широко и разносторонне: в русском языке XX в. это такие слова, как *учеба*, *глухомань*, *косовица*, *неполадки*, *нехватка*, *напарник*, *комбайн*, *конвейер*, *такси*, *радио*, *кино* и др. Жизнь иных подобна короткой вспышке: явившись яркими приметам определенного времени или этапа в развитии общества, они затем выходят из употребления. Таковы, например, слова, связанные с революционными и послереволюционными годами: *нэп*, *соглашатель*, *фабзяц*, *отсталый элемент*, *смычка города и деревни* и т. п. Третьи, едва родившись, тихо «умирают», не вызвав этим ни в ком особого сожаления: им не хватило точности, или выразительности, или каких-либо других качеств, обеспечивающих слову его жизнестойкость.

В отличие от живых организмов, слово может «воскресать», возвращаться к жизни после того, как оно, казалось бы, навсегда ушло из языка, умерло, после долгих лет забвения. Воскресая, оно начинает новую жизнь, которая часто мало напоминает жизнь первую.

Для комсомольца двадцатых годов, например, слово *династия* было накрепко связано со свергнутым строем. В его голове это слово могло соединяться с такими прилагательными, как *царская, монархическая*, и уж никак не со словом *рабочая*. Но вот журналисты 50—60-х гг. XX в. решились именно на такое невозможное сочетание, тем самым переведя слово *династия* из разряда забытых, отринутых революцией в разряд почетных и современных. *Рабочая династия, шахтерская династия, династия сталеваров* — эти сочетания можно было встретить на газетной полосе при описании семей с «наследуемой» профессией, в которых и отец, и дети, и их дети — рабочие (шахтеры, сталевары).

Вельможей в старину называли знатного и богатого сановника (*вельможа* происходит от двух слов: *великий*, то есть великий, большой, и *могу*; буквально: это тот, кто многое может). Существительное не содержало в себе никакой отрицательной оценки. После же революции оно эту оценку приобрело и сделалось словом-характеристикой: *вельможа* говорят о человеке, барственно-пребрежительно относящемся к окружающим.

Нередко устаревшие слова употребляют в шутку, чтобы придать своей речи иронический оттенок. — *Кто сей отрок?* — спрашивает отец у сына, который впервые привел в дом своего нового товарища. Подобное воскрешение слов и употребление их для создания комического эффекта в особенности характерно для литературной практики писателей-сатириков, фельетонистов; нередко оно и в газетной публицистике.

Вторая сторона жизни слова, как мы сказали вначале, — это его взаимоотношения с соседями, со словами, которые сосуществуют с ним в языке в данное время. Если в первом случае, при выяснении истоков слова, обстоятельств его рождения и употребления, мы обращаемся к истории языка, то здесь главную роль играет знание законов использования слова в речи.

— Какие еще законы?! — изумится иной скептически настроенный читатель. — Никаких законов в языке, в речи нет — это вам не физика. Говори, как хочешь, и всё, лишь бы тебя понимали. Просто лингвисты выдумывают какие-то законы, чтобы необходимостью изучать эти мнимые законы оправдать свое существование...

Тем не менее и в выборе слов (в процессе речи), и в сочетании их друг с другом, и в конструировании фраз и более сложных речевых «кусков» проявляются закономерности, возможно менее жесткие, чем в физике или в химии, но все же достаточно определенные.

На это указывает хотя бы такой простой факт: мы не можем говорить «как хотим», а должны руководствоваться тем, как принято говорить в данном обществе. А это значит, что, сами того не замечая, мы придерживаемся законов, правил, требований, запретов, которыми богаты грамматика и словарь любого языка. Постоянная и, подчеркиваю, не контролируемая сознанием ориентировка на общественно принятую, нормальную манеру речи создает иллюзию, что говорим мы именно «как хотим».

Самые общеизвестные законы языка или, точнее, правила — это правила грамматического согласования слов в предложении. Нельзя по-русски говорить *спелая яблоко, много бумагов, молодых людям* и т. п. Необходимо, чтобы соединяемые друг с другом слова были в «согласии» (отсюда и грамматический термин «согласование») по своим характеристикам — падежу, роду, числу и др.

Знание грамматических правил составляет необходимую часть школьного образования. Но употребление слова в речи регулируется не только этого рода правилами. Есть и другие, не менее обязательные, о которых, однако, знает далеко не каждый.

Как, например, соединяются в предложении существительное и его определение, подлежащее и сказуемое? Чего проще, скажет читатель, это известно любому пятикласснику! И будет прав только отчасти: пятикласснику известно о грамматическом согласовании слов в предложении, но он ничего не знает о так называемом согласовании смыслов.

Возьмем в качестве иллюстрации слово *мальчик*. Его значение содержит такие элементы, или «кусочки», смысла: ‘человек’ (сравните названия детенышей животных: *щенок, утенок* и т. п.), ‘мужской пол’ (сравните: *девочка* — в этом слове соответствующий кусочек смысла другой — ‘женский пол’), ‘невозрослость’ (сравните: *мужчина*).

Слова, которые сочетаются в речи со словом *мальчик*, должны иметь в своих значениях такие элементы, которые легко соединялись бы, «сцеплялись» с элементами значения слова *мальчик*. Например, мы говорим: *Мальчик читает*. В значении глагола *читать* есть элемент, указывающий, что выполнять действие, обозначаемое этим глаголом, может только человек* (вернитесь на несколько строк назад, и вы увидите этот элемент в значении слова *мальчик*). В сочетаниях *избалованный мальчик, капризный мальчик* согласование происходит сразу по двум элементам: ‘человек’ и ‘невозрослость’ — ведь балуют чаще всего дети.

---

* Здесь мы можем отвлечься от таких технических оборотов, употребляемых в современной кибернетике и теории информации, как *машина читает, читающее устройство* и др.

Если какое-либо слово не содержит в своем значении ни одного из перечисленных элементов, характеризующих значение слова *мальчик*, то, строя сочетание или фразу, мы получим нечто необычное. Например: *бодливый мальчик. Так сказать нельзя: в значении слова *бодливый* отсутствует элемент 'человек', зато есть элемент 'рогатое животное'. Если же кто-то все же хочет охарактеризовать некоего мальчика именно этим прилагательным, то он тем самым сравнивает человека с животным и, таким образом, как бы вводит в значение слова *мальчик* компонент 'рогатое животное' (я говорю «как бы вводит», подчеркивая условность этого действия: на самом деле значение слова существует объективно, и ничего прибавить к нему, так же как и отнять от него, нельзя).

По этой же причине невозможно сочетать слово *мальчик* и со многими другими прилагательными, существительными и глаголами, значения которых не содержат указанных выше элементов. Очевидно, что нельзя сказать: *мальчик буксует (ср.: *колеса буксуют, паровоз буксует*), **шестиламповый мальчик* (ср.: *шестиламповый радиоприемник*), *дверь в мальчика (ср.: *дверь в дом, в комнату*) и т. п. Невозможно соединять его и с такими словами, в значениях которых есть элементы, противоречащие соответствующим элементам значения слова *мальчик*. Так, странно звучит сочетание *старый мальчик, потому что в значении прилагательного *старый* (применительно к человеку) содержится элемент 'взрослость' (ведь человек сначала достигает определенного возраста, становится взрослым, а уж только потом старится).

Очень причудливы, а для иностранца, изучающего русский язык, подчас просто непостижимы правила употребления глаголов разных видов — совершенного и несовершенного. Подробнее вы прочтете об этом в главе «Загадки глагольного вида», здесь же мы ограничимся одним-двумя примерами.

Сочетаясь друг с другом в речи, глаголы совершенного и несовершенного вида ведут себя неодинаково. И это зависит не только от того, каков вид данного глагола, но и от его лексического значения, от его смысла. Одни глаголы как будто безразличны к тому, какой вид имеет соединяемая с ними глагольная форма — совершенный или несовершенный: можно сказать *хотел делать уроки, хотел сделать уроки, захотел делать уроки, захотел сделать уроки*. Смысл у этих высказываний, конечно, разный — эта разница обусловлена видовыми различиями глагольных форм: *хотел* — *захотел*, *делать* — *сделать*, — но все они правильны.

Но вот в газете я читаю начало такой фразы: «Тот, кто *осмеливается воспротивиться* законным требованиям...» Глаз невольно останавливается на обороте *осмеливается воспротивиться* — он неправилен, ненормален. Надо сказать либо *осмеливается противиться*, либо *осмелился (осмелится) воспротивиться*, т. е. у обоих глаголов должен быть либо несовершенный вид, либо совершенный.

Еще более прихотливы сочетания глаголов разных видов и разного (прошедшего — настоящего — будущего) времени с обстоятельствами — со словами и оборотами, которые указывают, в каких условиях, когда, где, с какой длительностью и т. п. протекает действие. Сравните сочетания: *никогда не писал, никогда не напишу* — **никогда не написал; При встрече с ним они всегда разбегаются* — **При встрече с ним они всегда разбежались; часто встречал* — *часто встретил и т. п.

Вопросительное местоимение *зачем* не уживается рядом с глаголом совершенного вида, если этот глагол в неопределенной форме или в форме будущего времени. Ни один человек, владеющий русским языком, не скажет: **зачем ты спросишь?* или **зачем написать?*, а только: *зачем спрашивать, зачем спрашиваешь, зачем пишешь*. Если же глагол в прошедшем времени, то таких ограничений нет: *Зачем ты написал эту формулу?; Зачем сказали ему об этом?*

На этих и других примерах мы подробно остановимся в дальнейших главах нашей книги, имея целью показать, что в языке действуют определенные закономерности, которым подчиняется употребление слова в речи. Эти закономерности касаются согласования не только внешних характеристик слов (грамматических), но и их внутренних свойств, их значений. Такое согласование называется смысловым, и регулирующие его законы — одни из основных в языке.

Мы владеем этими законами интуитивно, т. е. не задумываемся над ними и даже не подозреваем об их существовании, а говорим и пишем так, как принято говорить и писать по-русски. Действие же закона проявляется при его нарушении, тогда, когда человек в своей речи допускает ошибку. Изучая эти нарушения и ошибки, лингвисты обнаруживают и в явном виде формулируют управляющие нашей речью правила и запреты. Такие исследования показывают, что жизнь слова в языке, при поверхностном взгляде не представляющая собой какой-либо загадки и даже интереса, в действительности глубоко разнообразна и причудлива.

ЗВУК И СМЫСЛ

Слова состоят из звуков — это известно каждому. Определенное сочетание звуков выражает определенный смысл. Такое единство звучания и значения и является словом.

Но давайте задумаемся над тем, почему именно это звуко сочетание — например *лес, книга, гулять, ребенок, хороший* — выражает смысл? Иными словами, есть ли причинная связь между звуковой оболочкой и тем значением, которое в нее вложено? Оказывается, такой связи нет. Главное доказательство тому — национальные различия в форме, во внешнем облике слов,

обозначающих одно и то же. По-русски *лес*, а по-немецки *Wald*, по-русски *книга*, а по-английски *book*; русское *гулять* совсем не похоже на немецкое *spazieren*, французское *se promener*, английское *to walk*. Нет никакого сходства в русском *ребенок*, английском *child*, французском *enfant*. Ведь если бы между звуковым образом слова и его значением была какая-либо зависимость — например, определенные сочетания звуков выражали бы строго определенные типы значений или же, напротив, тип значения обуславливал форму словесного знака, — то различий между языками не существовало бы.

А вот еще одно доказательство отсутствия связи между звучанием и смыслом. В ходе исторического развития слова меняют внешний облик, утрачивают одни значения и приобретают другие. Но эти два процесса — изменение формы и изменение содержания — идут как бы независимо друг от друга: слово может принять новый внешний вид, но по значению остаться тем же, что и раньше, и, наоборот, оно часто изменяет свое значение без перемены в звуковом облике. Например, слово *сон* в старину было двусложным; первым его гласным был не *о*, а более короткий (редуцированный) *ь*, такой же звук произносился и в конце: *сьнь*. Затем первый гласный «прояснился» в *о*, а второй утратился — стали говорить и писать *сон*. Но значение этого слова осталось тем же самым.

Противоположный пример: существительное *пиво* в древности обозначало все, что можно пить (сравните современное *питье*). Затем значение сузилось: этим словом стали называть только определенный напиток. Перед нами изменение значения без изменения звучания.

Да и не обращаясь к истории, мы можем обнаружить, что, меняя в слове всего один звук, можно получить совершенно иной смысл: *доклад* — *оклад* — *клад* — *лад* — *ад*; с другой стороны, сильные звуковые несходства не сопровождаются столь же сильными несходствами в значениях: *забастовка* — *стачка*, *кровать* — *койка*, *главный* — *основной*, *жадный* — *скупой*, *умереть* — *скончаться* и т. п.

Подобных примеров можно привести сотни, но и этих достаточно, чтобы составить себе представление об относительной независимости звуковой оболочки слова и его значения.

Но что же значит — форма и смысл слова не связаны? Ведь мы можем определить, что от чего образовано: *воспитатель* потому так называется, что он *воспитывает*; *игровая* комната потому именуется игровой, что в ней дети *игрывают* в разные *игры*; прилагательное *детский* образовано от слова *дети*; *прогулка* — от *прогуливать(ся)* и т. д. Какое же тут разобщение? Прямая связь!

Верно, связь есть, но не звука и смысла, а одного слова с другим, точнее — формы и значения одного слова с формой и значением другого. Сам же вопрос о зависимости звукового облика слова от его смысла (или наоборот) этими примерами несколько не разрешается. И даже если начать выяснять происхождение

ние слов *воспитывать, игра, дети, гулять* и сделать это вполне успешно, отыскав древние корни и вскрыв закономерности звуковых изменений, — нашего утверждения об отсутствии обуславливающей связи между звуком и смыслом мы все равно не опровергнем. Всегда можно будет задать тот же вопрос: а почему именно этот корень, это сочетание звуков выражает данный смысл? Никто не объяснит нам этого соответствия, не докажет его логической необходимости.

А все оттого, что языковой знак (слово) по самой своей природе условен: люди как бы приняли соглашение, чтобы стол назывался *столом*, лето — *летом*, соль — *солью* и т. д. При этом в разных языках, у разных народов это соглашение касается одних и тех же смыслов, но совершенно не похожих друг на друга по форме слов (примеры см. выше).

Удивительно, что даже звукоподражательные слова — т. е. такие, которые обозначают, скажем, крик совы или кукушки, звон разбитого стекла, удар и т. п., — в разных языках звучат по-разному, хотя, казалось бы, и сова кричит, и стекло разбивается во всех странах одинаково. Все дело в различии фонетических (звуковых) систем, «обслуживающих» разные народы; отсюда и национальная специфика относительно наименования разных естественных, физических звуков. «Русский и француз, — писал по этому поводу известный лингвист Н. В. Юшманов, — привыкли слышать *куку́* [с ударением на втором слоге]; немец и англичанин привыкли к *ку́ку* [с ударением на первом слоге; по-немецки пишется *kuckuck*, в английском *cuckoo*], а кукушка кукует одинаково во всех странах и для всех народов».

Кряканье утки у русских обозначается *кря-кря*, у французов — *can-can, coin-coin*, у румын — *таc-таc*, а в Дании — как *rab-rab*. Собачий лай, мяуканье кошки, мычанье коров, блеяние овец, крик гусей — все это, оказывается, имеет своеобразное по форме национально-языковое обозначение. Таким образом, даже в выражении столь простых и единообразных «смыслов» требуется перевод с одного языка на другие. А что же говорить о словах, называющих более сложные вещи и отношения!

Следует оговориться, что, когда мы ссылаемся на некое «соглашение» о звуковом выражении данного смысла, не надо понимать это слишком буквально. Никакого соглашения в явном виде, наподобие договоров, на самом деле нет и никогда не было. Речь идет лишь о национальной языковой традиции — приписывать данному слову данный смысл и употреблять его в речи в соответствии с этой традицией.

Человек рождается в определенном национальном коллективе и усваивает именно те слова и с теми значениями, которые используют его соплеменники — родители, друзья, сверстники. Лишь в детстве ему приходится задумываться над вопросом: почему так называется? Но очень скоро этот вопрос, в

большинстве случаев не получающий удовлетворительного ответа, перестает быть для ребенка актуальным: он начинает, как и вообще все люди, пользоваться языком автоматически, — для того чтобы с его помощью понять мир, людей, вещи. «Как действительно объяснить то, что не держит никакого объяснения, что само по себе означает ответ? — восклицает современный писатель. — Это только ребятишки спрашивают: почему хлеб называется хлебом, а дом домом? Потому, что у хлеба и дома есть свои собственные, стародавние имена, от которых пошли другие слова, и что изменится от того, если кто-то знает, откуда они взялись? — был бы хлеб, был бы дом...» (В. Распутин. «Прощание с Матёрой»).

Большинство людей относится к языку как к необходимому и единственному средству общения и мало размышляет над тем, как он устроен — это дело специалистов, филологов. (И во всем так: купив телевизор, я хочу им пользоваться — включить вилку в розетку, повернуть рычажок, увидеть изображение на экране, услышать речь или музыку, и для этого мне совсем не обязательно знать, как телевизор устроен, какие в нем лампы, каковы технические параметры кинескопа и т. п.) Из неспециалистов в основном лишь дети и поэты удивляются звучанию слова, ищут в этом звучании особый (не видный всем!) смысл, особую выразительность.

Вот поэты-то, обостренно воспринимая оттенки смыслов, подчас находят связь между звучанием слова и его содержанием. «Море настолько чарует человека, — писал в своей книге «Поэзия как волшебство» поэт первой половины XX в. К. Бальмонт, — что, едва заговорив о нем, лишь его назвав, он уже становится поэтом... Разве в русском *море*, латинском *mare*, в полинезийском *моана*, в перепетом разными народами слове *океан* не слышится весь шум, весь протяжный шум этих водных громад, размерный объем великого гуда, и дымы туманов, и великость морского безмолвия? От немого безмолвия до органичного гула прилива и отлива, от безгласной тиши, в себе затаившейся, до пенного бега взмыленных коней Посейдона вся полносложная гамма оттенков включена в три эти магические слова — *море, моана, океан*».

Не правда ли, как мастерски подобраны слова, характеризующие море: в них так и слышится шум, гул, грохот шторма, шелест прибора...

Еще более выпуклое «звукоизображение» явлений природы и действий мы найдем в стиховом творчестве, например, В. Маяковского, Б. Пастернака, М. Цветаевой. Усиление смысла, выражаемого в стихах звуками, их искусным чередованием и сочетанием называют звукописью. Вспомните, например, как замечательно передал с помощью звукописи грохот и мощь горного обвала гениальный Пушкин:

*Оттоль сорвался раз обвал
И с тяжким грохотом упал,*

*И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил...*

Или его же:

*Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой!*

Вы видите обвал, слышите его гул, вы живо представляете себе картину дружеской пирушки — и поэт достигает этих эффектов употреблением не только слов с соответствующими значениями, но и, главное, слов, звучанием подчеркивающих необходимые смыслы.

Мы внутренне готовы согласиться с тем, что и море недаром зовется морем, раз в самом его звуке слышится движение волн, и обвал — обвалом. А такие, кажется, и без перевода понятные слова, как *колокол*, *громадный*, *вдребезги*, *писк*, *шуршанье*, *вздыбиться* и др.! Что-то, несомненно, есть в облике, в звучании этих и подобных им слов. Это «что-то» лингвисты называют внутренней формой слова. Точнее: внутренняя форма — это способ соответствия между звучанием слова и его значением. Когда слово прозрачно по структуре, то его внутренняя форма проста: *бумажный* — сделанный из бумаги, *червоточина* — отверстие, «выточенное» червем, *отсрочить* — передвинуть на другой, более далекий срок и т. п. В этом — и только в этом, словообразовательном! — смысле говорят о связи формы и значения. Если же слово просто по строению и в нем трудно или невозможно выделить составные части, которые что-либо значили бы, или же это слово чужого языка, то люди могут (подобно Бальмонту), опираясь на свои ощущения, на свое восприятие формы данного слова, говорить об особой ее выразительности.

Вот два примера.

В «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого один из героев радостно удивляется по поводу звучания некоторых немецких слов:

А знаете, хлопцы, как по-немецки цыпленок? *Кюхельхен*. Здорово! Кюхельхен, что-то эдакое маленькое, пушистое, нежное. А колокольчик, знаете, как? *Глэклинг*. Звонкое слово, верно?

И действительно, эти немецкие слова звучат столь выразительно, что мы полностью разделяем мнение литературного персонажа об их внутренней форме.

Труднее согласиться нам с поручиком Ромашовым и Шурочкой, героями повести А. И. Куприна «Поединок»:

В немецком слове *унзер* Ромашову видится «что-то высокое-высокое, что-то худощавое и с жалом. Вроде как какое-то длинное, тонкое насекомое, и очень злое. — *Унзер?* — Шурочка подняла голову и, прищурясь, старалась представить себе то, о чем говорил Ромашов. — Нет, погодите: это что-то зеленое, острое. Ну да, ну да, конечно же, — насекомое! Вроде кузнечика, только противнее и злее.

Не останавливаясь сейчас на индивидуальных особенностях восприятия слов, попытаемся понять, как формируются коллективные или групповые представления о внутренней форме незнакомых или простых (непроизводных) слов. Почему мы согласны с оценкой поэта выразительной силы слов *море* и *океан*, с героем Полевого, определенным образом воспринимающим слова *кюхельхен* и *глёклинг*?

Прежде всего надо отметить, что ассоциации, связываемые со звучанием незнакомых слов, весьма расплывчаты, неопределенны: что-то нежное, нечто маленькое, какое-то высокое и тонкое.. Это не значение слова — в том интуитивном понимании этого термина, которым мы все владеем, — а скорее ощущения, неясные образы. Они рождаются не на пустом месте, а на представлении об одних звуках и звукосочетаниях родного языка как выражающих нечто светлое, круглое, веселое и т. п., а о других — как о выражающих что-то темное, неприятное, угрожающее. «В русском языке, как кажется, — писал М. В. Ломоносов, — частое повторение письмени (т. е. буквы) *а* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; учащение письмен *е, и, ъ, ю* — к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей; чрез *я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность; чрез *о, у, ы* — страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боязнь и печаль».

Эти представления также очень неопределенны, размыты, их часто нелегко сформулировать словесно, но они, бесспорно, существуют в языковом сознании говорящих. Об этом свидетельствуют многочисленные эксперименты с восприятием звуков языка.

Например, различия в высоте тона, которым сопровождается произнесение гласных звуков, воспринимаются многими людьми как различия... цветовые! Низкий тон «окрашивается» в темный цвет, а высокий — в светлый. Связывают с цветовыми различиями и звучание согласных. Но при этом любопытно, что согласные вызывают менее разнообразные цветовые ассоциации, чем гласные, которые могут ассоциироваться и с желтым, и с красным, и с другими цветами спектра. Так, *а*, самый свободный и широкий из гласных по артикуляции, большинством людей (которые участвовали в описываемых опытах) оценивался как красный, *о* — как белый или желтый, *у* и *и* — как синие, *е* — как

желтый или зеленый; согласный *n* воспринимался как серый или коричневый, *m* — как коричневый, *v* — как синий или серый и т. п.

В других опытах ученые задались целью выяснить, не оцениваются ли звуки речи и по иным, кроме цвета, признакам — например, по величине, силе, красоте и др. Оказалось, что оцениваются, и весьма любопытно. Звуки *v*, *a*, *p*, *o* воспринимаются как сильные, в противоположность *y*, *n*'; звук *x*' оценивается как «плохой», «маленький», «хилый», «пассивный», а звук *a*, напротив, как «большой», «хороший», «активный»; *к*, *ш*, *ж*, *с*, *ф*, *щ* кажутся говорящим «ше-роховатыми», а *o*, *щ* *м*, *л*, *у* — «гладкими». Даже такие свойства, как храбрость, печаль, доброту, обнаруживают люди, владеющие русским языком, в различных звуках родной речи: *a* и *я* — «храбрые», а *с* и *х*' — «трусливые»; *a*, *p*' и *я* — «радостные», а *с*', *к*, *т*' — «печальные»; *д*', *н*', *л*', *м*' — «добрые», а *ж*, *с*, *з*, *ф* — «злые»...

Естественно возникает вопрос: а как в других языках? Так ли оценивают, скажем, немцы, англичане и представители других народов звуки своих языков, соответствующие нашим *a*, *o*, *n*, *p* и т. д.? Если окажется, что восприятие звуков такое же (или во многом сходное), то поневоле придется признать, что языковым звукам, как бы их ни варьировали представители разных народностей, присущи изначальные значения. Но это же противоречит основному постулату лингвистики: звук не имеет значения, «бессмыслен»!

Эксперименты, проведенные советскими и зарубежными исследователями, показали, что в некоторых случаях возможно «универсальное» восприятие звуков представителями разных национальностей: например, высокие звуки воспринимаются как «слабые» или «светлые», а низкие — как «сильные» или «темные».

По всей вероятности, эти результаты должны быть объяснены некоторыми основными акустическими и артикуляционными свойствами звуков языка (независимо от их национального своеобразия). Так, открытость артикуляции, как в *a*, *o*, звонкость, как в *д*, *б*, устойчиво связывается с признаками «большой», «многочисленный», «медленный», «массивный», а закрытость и глухость, напротив, с признаками «маленький», «слабый», «топкий». Любопытно, что во многих языках для обозначения чего-либо маленького используются слова, содержащие высокий звук *и*, а для обозначения чего-то большого — слова, содержащие низкий гласный *у*. (Есть и противоречащие этой закономерности факты: например, английское слово *big*, содержащее звук, близкий к русскому *и*, означает тем не менее 'большой'; сравните также русское *великий*.)

Значит, следует признать (с некоторыми оговорками) существование фонетического значения (этот термин и используется в описанных экспериментах) — весьма общего представления о «смысле» данного звука.

Однако так ли уж универсально фонетическое значение, как это видно из проведенных опытов? Не возникает ли оно под влиянием значений тех слов, в которых тот или иной звук чаще всего встречается? Фактам, доказывающим универсальность звуковых ассоциаций, можно противопоставить факты, которые заставляют усомниться в правомерности этой гипотезы.

В другой группе экспериментов ученые исходили из предположения, что восприятие звуков национально окрашено, что оценки одного и того же звука неодинаковы у немца и венгра, англичанина и араба, у русского и вьетнамца. Это предположение подтвердилось, но не полностью. Оказалось, что общие оценки представителями разных национальностей одних звуков как «светлых» или «больших», а других — как «темных» или «маленьких» хорошо согласуются друг с другом. Причем у носителей близкородственных языков (скажем, русского и польского) это согласие лучше, чем у людей, владеющих, например, такими языками, как русский и вьетнамский. Однако в более конкретных, частных оценках наблюдаются значительные расхождения, которые говорят в пользу гипотезы о национальной специфике фонетического значения. Те звуки, которые русским кажутся «теплыми», или «сильными», или «веселыми», вьетнамцы воспринимают в связи с совершенно другими признаками, и наоборот.

Так кто же из ученых прав? Те ли, которые говорят об изначальности и универсальности фонетического значения, или же те, кто склонен видеть в звуковом символизме национально обусловленное явление?

Как это нередко бывает в науке, доля истины есть в результатах и той и другой групп экспериментов. Самые общие смысловые ассоциации — с величиной, с цветом — обусловлены общими (для разных языков) артикуляционными и акустическими свойствами звуков. Поэтому представления об одних звуках как о «больших» или «темных», а о других — как о «маленьких» или «светлых» свойственны людям разных национальностей. Более же конкретные «образы», связываемые с различными звуками (например, по признакам «красивый — некрасивый», «жесткий — мягкий», «длинный — короткий» и т. п.), по всей видимости, своеобразны не только для каждого национально-языкового коллектива, но и для различных социальных групп.

Кроме того, на восприятие звука в связи с какими-либо смыслами влияет то, в каких словах он обычно встречается.

Если, по чисто случайным причинам, звук встречается в словах некоторого определенного смысла чаще, чем в других лексических группах, то этот смысл в обобщенном виде как бы проецируется на повторяющийся в словах звук, и этот звук, даже будучи изолированным, может вызывать у говорящих подознавательные смысловые ассоциации. Поясним сказанное на примерах. Звуки *p* и *p'* часто встречаются в словах со значением «шум»: *гром, грохот, греметь,*

взрыв, крик, скрежет, треск и т. п. Поэтому и сами звуки *p* и *p'* связываются (в сознании говорящих по-русски) с общим значением шума¹. Недаром, оценивая звуки языка по специальной шкале качественных признаков, испытуемые часто высший, отрицательный или положительный, балл ставили, среди прочих, и тому звуку, который встречается в слове, называющем данный признак. Вернувшись к тому месту этой главы, где перечислены звуки с их качественными оценками, вы сами можете в этом убедиться: с признаком «большой» ассоциируется звук *б*, с синим цветом — звук *и*, с признаком «хилый» — звук *х*, с гладкостью — *л*, с шероховатостью — *ш*, *щ*...

Некоторые звуко сочетания возможны (в русском языке) не во всех, а только в заимствованных словах: «мю» — *мюрид, мюзик-холл, Камю* и т. п.; «фё» — *Фёдор, Фёкла, Фефёла* (эти имена пришли к нам из древнегреческого языка). В первом случае — при восприятии сочетания «мю» — возникают неясные ассоциации с «чем-то иностранным» (в самом деле, ни одного русского слова с этим сочетанием нет). Во втором случае ассоциации совсем иного рода: названные личные имена издавна распространены в среде крестьянства, как говорили в дореволюционной России, «простонародья», поэтому и сочетание «фё» связывается с чем-то простонародным, просторечным.

Сознание не отделяет в слове звуковую оболочку от содержания. Слово воспринимается целостно, как некий «звуко-смысл». Именно поэтому определенные сочетания звуков (не слова, а их кусочки) запечатлеваются у нас в мозгу как связанные с чем-то хорошим, а другие — как связанные с чем-то плохим.

По-видимому, этой особенностью нашего языкового сознания следует объяснить результаты эксперимента, о котором мы сейчас расскажем.

Нескольким испытуемым, хорошо владеющим русским языком, дают список, который состоит из выдуманных, несуществующих слов, и просят оценить каждое из них двумя знаками: «+», если слово вызывает положительные эмоции, или «-», если слово воспринимается как нечто неприятное, отталкивающее. Вот некоторые из этих слов; *терилья, агабак, чунбих, луцеч, тибеш, гёркип, хазбуц, кулдом, кесуфа, яждец, рыдумер, щёшп, басарак, тизлина, чёшпурт*.

Как вы думаете, какие из них были оценены положительно, а какие отрицательно? Прежде чем читать следующий абзац, попробуйте сами расставить над словами знаки плюс и минус.

¹ О случайности причин, по которым в составе слов со значением «шум» обычно содержится *p* или *p'*, свидетельствуют два рода фактов: во-первых, есть слова с тем же общим значением, но не содержащие ни *p*, ни *p'* (*шум, свист, вой, вопль* и др.); во-вторых, эти звуки не менее часто встречаются и в словах с другим смыслом: сравните, например, *рак, рыба, карась, креветка, пескарь, треска; друг, приятель, товарищ, родственник* и т. п.

Расставили? А теперь сравните свои результаты с данными эксперимента: знак «+» получили слова *терилья*, *луеч*, *тибеш*, *тизлина*, *агабак*, *гёркип*, знак «-» — слова *рыдумер*, *щёшп*, *кесуфа*, *яждец*, *кулдам*; слова *чунбих*, *хазбуц*, *чёшпурт*, *басарак* одни испытуемые оценили знаком плюс, другие — знаком минус, причем тех и других оказалось примерно поровну.

Некоторые из опрошенных людей не только разнесли слова по двум группам (+ и -), но и выразили свои представления о том, что бы могло значить то или иное слово. Эти представления весьма любопытны и на удивление конкретны.

Терилья, например, для одного из испытуемых — это «героиня романа, хорошенькая молоденькая девушка, очень добрая и отзывчивая»; для другого — «название страны, очень красивой и большой, в которой люди поют чудесные песни»; для третьего — «музыкальный инструмент, необыкновенно мелодичный». *Яждец* одни воспринимают как ядовитое растение, другие — как имя лживого и хитрого героя романа, третьи — как слово, обозначающее ябеду или скверного старикашку, жадного и эгоистичного. *Агабак* — это «юноша 20 лет, высокий, красивый, хорошо сложен; очень волевой, сильный, великолепный человек, сама доброта». *Басарак* — «средневековый город, укрепленный толстыми стенами, глубокими рвами», а *Кесуфа* — «царь Басарака, жестокий, воинственный, злой», при дворе которого служат *Хазбуц* — «учитель математики, начитанный, высокообразованный, мягкосердечный, но требовательный», — и его ученик *Чёшпурт*, «большой лентяй, хотя и одаренный»...

Вот как разыгрывается наша фантазия при виде (и звучании) необыкновенных, никогда дотоле не виданных слов! Так что же мы говорим о каких-то общих, неясных звуко-смысловых ассоциациях?! Эти-то совсем конкретны! Как же они возникают, чем их объяснить?

Надо прежде всего сказать, что в только что описанном эксперименте материалом испытания служили не отдельные звуки, а их сочетания, и м е ю щ и е в и д с л о в а. Это очень важно помнить: каждый из перечисленных звуковых комплексов построен как слово, очень похож на слово (хотя и незнакомое). Поэтому у людей, участвовавших в эксперименте, «включались» не чисто звуко-смысловые ассоциации, а с л о в е с н о-смысловые: подсознательно человек искал подобия этим незнакомым словам среди тех слов русского языка, которые ему хорошо знакомы. И совсем не случайно при этом, что *яждец*, например, связывается с ябедой, с жадностью, а очень музыкальное по своему звучанию *терилья* — с красивой девушкой, прекрасной страной или же с необыкновенным по мелодичности музыкальным инструментом.

Разумеется, нельзя подобным образом объяснить все «толкования» экспериментальных слов — для этого пришлось бы проникнуть в самые тонкие механизмы психики человека (и не вообще человека, а каждого из тех, кто

принимал участие в опыте). А это пока что не под силу современной (очень могущественной!) науке.

Однако для целей, которые мы поставили в этом разделе книги, достаточно и полученных результатов. Они проливают ясный свет на характер звуко-смысловых ассоциаций, свидетельствуя о существовании по крайней мере трех типов таких ассоциаций.

Во-первых, это ассоциации между отдельным, изолированным звуком и неким абстрактным смыслом — чаще всего это какой-нибудь признак: «большой», «низкий», «красивый» и т. п. Во-вторых, ассоциации между звуко-сочетанием, которое часто встречается в словах, однородных по значению, по происхождению или по стилистической окраске, и теми, также достаточно отвлеченными, смыслами, которые выражаются этими словами. В-третьих, наше сознание способно устанавливать связи между звуковыми комплексами, оформленными, как слова, похожими на реальные слова, и некоторыми значениями, иногда весьма конкретными, которые возникают в нашем мозгу на основе сопоставления, часто подсознательного, данных неизвестных нам слов со словами знакомыми.

Имея в виду только такого рода ассоциации, мы можем говорить о связи звучания и значения слов. Объективно же в языке (а не в сознании говорящих) звуковой облик слова и его содержание причинно не связаны, и в этом состоит условность языкового знака, немотивированность значения слова его звуковой формой.

Однако легко заметить, что до сих пор мы оперировали либо отдельными звуками, либо выдуманными словами, либо словами «простыми», производными (*море, океан* и т. п.). Но ведь тысячи слов в любом языке связаны друг с другом и по смыслу, и по форме, так как одни образованы от других и сами, в свою очередь, служат материалом для образования третьих.

В этом-то случае мы можем говорить о связи значения и звучания? Или же это связь иного характера? Здесь мы подходим к очень важному вопросу — вопросу о словообразовательной структуре слова, о том, как «укладывается» в эту структуру присущее слову значение.

Слово и его производные

Из школьного учебника вам известно, что все слова языка можно разделить на производные и непроизводные. О первых мы не можем сказать (не обращаясь к истории языка), от чего, от каких других слов они образованы: *отец, сын, стол, город, время, пить, белый, равно* и т. п. Вторые, производные — это слова, по форме и значению соотносительные с другими, более простыми *отц-ов-*

ский, у-сын-овить, стол-ик, город-ской, времен-ный (основа времен- представлена в косвенных падежах существительного: сравните *времени, временем* и т. д.), *на-пить-ся, бел-еет, у-равн-ение*. О таких словах говорят, что они мотивированы теми словами, от которых образованы. Заметьте, здесь речь идет не просто об ассоциациях между звучанием и смыслом (о чем мы говорили в предыдущей главе), а о связи между формой (морфемным строением) и значением одного слова и формой и значением другого.

Эта связь имеет направление: от того слова, которое мотивирует, к тому, которое мотивируется. Или, в другой терминологии — от производящего слова к производному. Схематически такая направленная связь может быть изображена стрелкой от *А* к *Б* (где *А* — производящее, а *Б* — производное): $A \rightarrow B$.

Вот примеры: *писать* → *исписать* (а также: *писанина, писатель* и под.), *гора* → *горка, гористый, пригорок, нагорный*; *новый* → *новизна, новенький, по-новому*; *иначе* → *переиначить*; *два* → *вдвоем, двойка, удваивать* и т. п. Даже «нелингвистическим» глазом хорошо видно, что правые члены этих пар по форме сложнее, чем левые: в их составе есть суффиксы, приставки, которых не содержат слова *писать, гора, новый, иначе, два*. В то же время бесспорна смысловая общность слов внутри каждого ряда, а это является важным условием определения производности какого-либо слова. Ведь если не требовать, чтобы производные и производящие слова имели общность в своих значениях, то легко впасть в ошибку и увидеть отношение производности там, где его нет (опираясь единственно на случайное сходство формы). Словообразовательными родственниками при таком ошибочном подходе окажутся, например, слова *растение* и *контраст, кино* и *кинуть, белый, белка* и *беладонна, бритва, бригада, брикет* и *колибри* и т. п.

Поэтому, говоря об отношениях формальной производности, надо подчеркнуть: из двух слов *x* и *y*, имеющих общность в значениях, производным по форме считается то, которое формально сложнее, т. е. содержит в своем составе суффиксы и приставки, отсутствующие в другом слове.

Говоря же о производности по смыслу, мы можем не упоминать формального критерия: если слова *x* и *y* связаны по смыслу и при этом так, что, во-первых, подобное смысловое соотношение встречается в парах слов, различающихся по форме, и, во-вторых, одно из них сложнее по значению, чем второе, то производным по смыслу является как раз это более сложное.

Приведенная формулировка нуждается в разъяснении.

Когда мы говорим, что такие-то слова связаны по смыслу, то мы можем иметь в виду разные типы этой связи.

Один из наиболее часто встречающихся типов смысловых отношений между словами — родо-видовые. Примерами его служат группы слов, среди которых одно слово обозначает общее действие или качество либо служит обобща-

ющим названием каких-либо однородных (надо было бы говорить: *одновидных, но такого слова в русском языке нет*) предметов, а все остальные называют более частные, конкретные действия, качества или предметы. Например: *животные — медведи, лошади, собаки, жирафы...*; *мебель — шкафы, столы, стулья...*; *дети — мальчики и девочки; приближаться — подходить, подбегать, подползать, подъезжать...*; *сообщать — рассказывать, писать, передавать по радио...*; *старый — ветхий, древний, изношенный...*

Достаточно очевидно и отношение «целое — часть»: *механизм — деталь, винтик; книга — лист, обложка, переплет; школа — класс (помещение); класс (школьная группа) — ученик и т. п.*

Родо-видовые отношения, а также отношения части и целого устанавливаются путем логического анализа действительности — вещей, которые нас окружают, и связей между ними. Заметим, что эти отношения одинаковы во всех языках, только обозначаются они в каждом языке, естественно, своими собственными лексическими средствами.

Есть и такие отношения между словами, которые, так сказать, «лингвистичны», т. е. определяются языковыми факторами.

Взять, например, два хорошо знакомых вам глагола *срезаться* и *провалиться* (на экзамене). Они обозначают одно и то же действие. Фраза *Петя срезался (провалился) на экзамене* значит: 'из-за того, что Петя не знал учебного предмета или по каким-либо другим причинам, он не сдал экзамена по этому предмету'. Анализируемые нами слова — синонимы.

Чтобы доказать смысловое тождество подобных слов (или, в других случаях, их смысловую близость), нам не надо каждый раз обращаться к действительности. Мы делаем это с помощью чисто языковых операций: строим предложения и заменяем то или иное слово его предполагаемым синонимом. Если смысл предложений не изменится, значит эти слова тождественны по значению (хотя бы по одному этому, которое реализуется в данном предложении). Правда, это лишь один способ установления синонимии, но и он, и все другие, о которых здесь нам нет надобности упоминать, является языковым, опирается на языковой опыт говорящих.

Эти способы позволяют нам считать синонимами, например, такие пары слов, как *увеличивать* и *повысить* (скажем, производительность труда), *осуществлять* и *производить*, *холод* и *стужа*, *отвлеченный* и *абстрактный*, *починка* и *ремонт*, *ломать* и *выводить из строя* (механизм, машину) и т. п. С теми или иными «тонкими» различиями слова каждой пары обозначают одно и то же, т. е. выражают один и тот же смысл.

Рассмотрим другого рода отношения — между такими словами, как *холодный* и *горячий*, *высокий* и *низкий*, *большой* и *маленький*, *всегда* и *никогда*, *спать* и *бодрствовать*, *хвалить* и *бранить*, *усиливать* и *ослаблять* и т. п. Это — а н-

то и мы. О них мы тоже можем сказать, что они связаны по смыслу, но эта связь иная, чем у синонимов: слова каждой пары обозначают нечто противоположное, как бы крайние точки некой шкалы: температурной, шкалы размера, времени (*всегда — никогда*) — или «противоположные» состояния (*спать — бодрствовать*). В отличие от синонимов антонимы ориентированы не на один, а на разные смыслы, но не просто разные, а на соотносительные: противопоставление значений возможно лишь на некоторой общей основе (сравните прилагательные *горячий* и *высокий*: они обозначают разные свойства, но антонимами не являются, так как их значения не противопоставлены друг другу). Противоположные по смыслу слова должны иметь общий компонент значения: например, для пары *горячий* и *холодный* таким компонентом является ‘температура’, для *большой* и *маленький* — ‘размер’, для *всегда* и *никогда* — ‘время’, а для *везде* и *нигде* — ‘пространство’.

Еще один тип соотношений слов по смыслу представлен в таких парах, как *вмещать* и *входить* (*Банка вмещает три литра — В банку входит три литра*), *одолжить* и *занять* (*Он одолжил мне денег — Я занял у него денег*), *продавать* и *покупать* и под. Мы остановимся на них чуть более подробно, чем на синонимических и антонимических. Сделать это необходимо еще и потому, что именно такого рода смысловые соотношения могут существовать между словами, связанными по форме: *выполнять* — *выполняться* (*Ученики выполняют контрольную работу — Контрольная работа выполняется учениками*), *рассматривать* и *рассматриваться* (*Комитет рассматривает вопрос о присуждении премий — Вопрос о присуждении премий рассматривается комитетом*), *испытывать* — *испытываться*, *лечить* — *лечиться* и т. п. Как мы выяснили выше, наличие формальной и смысловой связи между словами часто свидетельствует о том, что одно из этих слов производное, а другое производящее.

Чем же интересны смысловые отношения рассматриваемого типа? На первый взгляд кажется, что и *вмещать*, и *входить* обозначают одно и то же, и тем самым это... синонимы? *Продавать* и *покупать* тоже называют как будто одну ситуацию. *Выполнять* и *выполняться*, *рассматривать* и *рассматриваться* — тоже... Но что-то мешает вам приравнять эти слова к подлинным синонимам, чем-то они специфичны. Чем же? А вот чем: называя одну и ту же ситуацию, каждое из этих слов характеризует действия или свойства только одного «участника» ситуации, будь то человек или предмет. *Вмещать* — это свойство сосуда, а *входить* — это, так сказать, свойство жидкости; *покупать* называет действие одного участника купли-продажи (покупателя), а *продавать* — действие другого участника той же ситуации (продавца).

Нагляднее всего подобные различия видны в парах глаголов действительного и страдательного залога. Здесь смысловая разница поддержана различиями в

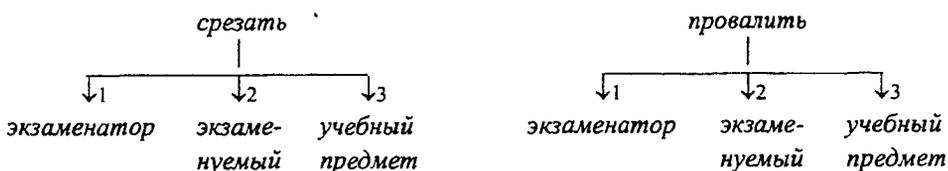
структуре глаголов (без *-ся* и с *-ся*) и в строении предложения: подлежащее предложения с действительным глаголом (*Ученики выполняют контрольную работу*) становится дополнением в предложении с глаголом страдательного залога (*Контрольная работа выполняется учениками*), и наоборот.

Подобные смысловые соотношения между словами (однокоренными, как глаголы разных залогов, или же никак не связанными по форме) называются конверсными, а сами слова — конверсивами (от латинского глагола *convērtēre* ‘обращать, поворачивать’). Название указывает, что конверсивы, обозначая одну и ту же ситуацию, как бы поворачивают и даже переворачивают ее, характеризуя с разных точек зрения.

Для того чтобы отличие конверсивов от синонимов сделалось до конца ясным, изобразим каждую ситуацию (которую можно обозначить либо синонимами, либо конверсивами) в виде набора ее «участников» (слово «участники» мы берем в кавычки потому, что в этой роли, как это было видно по примерам, могут выступать не только люди и даже не только живые существа, но и предметы).

Каковы «участники» ситуации экзамен? Тот, кто экзаменует (экзаменатор), тот, кого экзаменуют (экзаменуемый), и учебный предмет, по которому экзаменуют (скажем, физика, химия и т. п.), или его часть (теоремы, графики, электричество и т. д.). Легко построить предложения, в которых будут названы либо все «участники», либо некоторые: *Вчера я (= второй «участник» ситуации экзамен) сдавал Ивану Михайловичу (= первый «участник») экзамен по физике (третий «участник»); На экзамене по истории он срезал меня на датах; Наш учитель экзаменует так строго, что все ребята трясутся от страха*, и т. п.

Срезать кого-либо на экзамене и *провалить* кого-либо на экзамене обозначают действие одного участника — экзаменатора (точно так же, как *срезаться* и *провалиться* — действия другого участника, экзаменуемого). Каждый из глаголов — *срезать* и *провалить* — соединим стрелками с «именами» участников ситуации так, чтобы на конце стрелок оказалось по одному «имени». Вот так:

Условимся считать, что стрелка, которая связывает название действия с «именем» его исполнителя, имеет номер 1; стрелка, связывающая название действия с «именем» объекта — т. е. тем, на кого или на что направлено действие, —

номер 2 и т. д. (Более подробную содержательную характеристику различных «участников» ситуации см. в разделе «Хитрости управления».) Мы видим, что на нашей схеме стрелки с одним и тем же номером связывают каждый из глаголов с одним и тем же участником ситуации: у стрелки с номером 1 это *экзаменатор*, а у стрелки с номером 2 — *экзаменуемый*.

Сравним теперь таким же образом глаголы *принимать* (экзамен) и *сдавать* (экзамен):

Первый из них характеризует действия экзаменатора (*Преподаватель Иванов* (1) *принимает у студентов* (3) *экзамен* (2) *по химии*), второй — действия экзаменуемых (*Студенты* (1) *сдают экзамен* (2) *по химии преподавателю Иванову* (3)). Это — типичные конверсивы. И на схеме мы отчетливо видим, чем они различаются, — «содержанием» 1-й и 3-й стрелок: то, что на 1-й стрелке у глагола *принимать*, оказывается на 3-й-стрелке у *сдавать*, и наоборот.

Этим обращением стрелок (по-латыни — *conversum*), точнее — их «содержания» и отличаются конверсивы от синонимов.

Таким же путем можно доказать, что у глаголов *продавать* и *покупать* меняется «содержание» также 1-й и 3-й стрелок:

Случаи, когда местами меняются тот, кто производит действие (далее мы будем называть его субъект действия), и тот, с кем субъект действия входит в контакт, — одни из самых частых среди конверсных соотношений. Недаром каждый из этих участников действия (чаще — субъект) имеет специальное, регулярно используемое в языке название, образованное от данного глагола: *продавец* (от *продавать*), *покупатель* (от *покупать*), *ткач* (от *ткать*), *косарь* (от *косить*), *пильщик* (от *пилить*), *читатель* (от *читать*; сравните также разговорное *читиво* — название 2-го «участника» ситуации *читать* — ‘то, что читают’) и т. п.

Специальное наименование, образованное от глагола, обозначающего какое-либо действие, могут иметь и другие «участники» действия (кроме субъекта и объекта), например инструмент (*тесать* — *тесак*, *колоть* — *колун*, *паять* — *паяльник*), средство (*клеить* — *клей*, *красить* — *краска*, *топить* — *топливо*) и др. Важно отметить, что отношения между глаголом — названием действия и обозначениями «участников» действия регулярны: они характеризуют целые группы слов, они повторяются (а не являются уникальными, свойственными какой-нибудь одной лексической паре).

Как раз такие регулярные семантические (смысловые) отношения между словами и интересно рассматривать в словообразовании: смысловая регулярность, повторяемость в разных группах слов обычно сопровождается их структурной общностью (*читать* — *читатель*, *клеить* — *клей*, *есть* — *еда*, *точить* — *точило* и т. п.)². Регулярные семантические отношения выражаются в языке с помощью определенных словообразовательных средств. Например, отношение 'действие + субъект действия' выражается путем объединения в одно слово глагольной основы и суффикса *-щик* (*пилить* + *-щик* = *пильщик*) или *-тель* (*учи-ть* + *-тель* = *учитель*).

Если отношения между значениями слов регулярны, но эти слова не обнаруживают формальной общности, то мы тем не менее можем считать одно из этих слов производным по смыслу от другого. Как же это установить?

Допустим, перед нами пара слов: глагол *лечить* и существительное *врач*. Они соотносительны по смыслу, причем соотносительны по одному из регулярных типов, отмеченных нами выше: действие — субъект действия. Отношения между *врач* и *лечить* в точности таковы, как и между *ткач* и *ткать*, *читатель* и *читать*, *косарь* и *косить*, *вычислитель* и *вычислять* и т. п. Все правые члены этих пар обозначают некое действие, а левые — того, кто выполняет эти действия: *ткач* — тот, кто ткет, *читатель* — тот, кто читает, и т. д.; ну, а *врач* — это тот, кто лечит. Так же соотносятся пары *портной* — *шить*, *прачка* — *стирать*, *маляр* — *красить* и нек. др. Первые члены этих пар, т. е. существительные, следует признать производными от соответствующих глаголов.

Впрочем, последнее утверждение несколько поспешно. Ведь в начале этой главы, говоря о понятии производности, мы упомянули большую или меньшую сложность значения как критерий, необходимый для определения производности по смыслу. Следовательно, к только что рассмотренным

² О регулярности семантических отношений можно говорить и, например, в родовых группах слов, и применительно к синонимам и антонимам. Однако в этих случаях они не связаны с различиями в словообразовательной структуре слова.

примерам (*врач* — *лечить*, *прачка* — *стирать* и под.) мы должны применить этот критерий и только потом делать вывод о производности имени от глагола.

Правда, мы вправе этого и не делать, целиком положившись на аналогию: раз *ткач* считается производным от *ткать* (а это ни у кого сомнений не вызывает), *читатель* — от *читать* и т. д., то и слово *врач* следует считать производным по смыслу от *лечить*, *портной* — от *шить*, *прачка* — от *стирать*. В данном случае (и во всех подобных) эта аналогия вполне правомерна (раз мы доказали однотипность во всех этих случаях смыслового соотношения существительного и глагола). Ну, а если бы все-таки пришлось применить критерий о большей или меньшей сложности значений? Как это сделать?

Прежде всего необходимо выяснить, в каком смысле лингвисты (выдвигающие этот критерий производности) говорят о большей или меньшей сложности значения. Чем и как измеряется эта сложность?

Поскольку каждое слово языка (за исключением собственных имен) имеет значение, то естественно ожидать, что это значение может быть как-то сформулировано, записано. И это действительно так: значения слов сформулированы и записаны в толковых словарях. Подробнее и о словарях, и о способах описания значений слов (или толкованиях) мы поговорим в специальной главе (см. с. 768—780). Здесь же лишь укажем, что толкование слова — это сочетание слов или предложение, которое и выражает (описывает) значение данного слова. Чем сложнее — длиннее — это предложение, чем большее количество разнообразных признаков (предмета или явления) в нем надо упомянуть, чем многообразнее отношения между этими признаками, — тем сложнее значение слова. Более простому же значению слова, естественно, соответствующее и более простое описание (толкование).

Для того чтобы определить, какое из двух «подозреваемых» слов является производным, а какое производящим, мы должны сравнить их толкования: производным по смыслу надо будет признать то, толкование которого сложнее.

Например, если мы сопоставим значения двух слов: *стол* и *столик*, то должны будем признать, что *столик* — производное (сейчас мы говорим только о производности по смыслу): в его толковании присутствует компонент ‘маленький’, которого нет в толковании слова *стол*. Иначе говоря: толкование слова *столик* = толкованию слова *стол* + ‘маленький’ (или, как очевидно это каждому говорящему по-русски: *столик* = ‘маленький стол’).

Читатель может выразить недоумение: зачем так подробно говорить о самой собой разумеющихся вещах? Ведь в составе слова *столик* есть суффикс *-ик*, имеющий значение уменьшительности; значит, это производное от *стол*. Точно так же соотносятся слова *ключ* — *ключик*, *человек* — *человечек*, *майка* — *маечка*. В принципе, таково же соотношение и слов, одни из которых содержат суффикс со значением большой величины: *дом* — *домище*, *жара* — *жарища*

(= большая жара), *холод* — *холодина* (= сильный холод) и т. п. Направление производности в подобных парах совершенно ясно: и по форме и по смыслу правые их члены сложнее, чем левые, следовательно, они и являются производными.

Но давайте попробуем проанализировать подобным образом другие словесные пары, например *катать* и *кататься*, *разбить* и *разбиться*, *свалить* и *свалиться*, *зажечь* и *зажечься*. Что можно сказать о них при первом взгляде? Правые члены этих пар длиннее левых: в них есть суффикс *-ся*. Значит, по определению, правые члены — производные слова. Правда, необходимо добавить: по ф о р м е — ведь мы применили пока что только критерий ф о р м а л ь н о й производности. А как обстоит дело с соотношением по смыслу? Не будем выписывать здесь достаточно сложных толкований каждого из приведенных глаголов: это сильно затруднило бы изложение (а стало быть, и чтение). Обратим внимание лишь на то, что в указанных парах один глагол, а именно левый, отличается от другого на некоторый элемент значения, который в грубом приближении имеет вид: '(с)делать так, чтобы...'. *Катать мальчика* — это делать так, чтобы мальчик катался, *разбить вазу* — сделать так, чтобы она разбилась, *зажечь спичку* — сделать так, чтобы она зажглась, и т. д.

Получается, что формально более простой глагол сложнее по значению (= содержит дополнительный компонент толкования), чем формально более сложный. Согласно нашему критерию именно он и должен быть признан производным по смыслу. Но ведь это противоречит нашему выводу о направлении формальной производности в перечисленных глагольных парах!

Да, противоречит. Только ничего страшного в этом нет. Исследуя закономерности словообразования в русском и других языках, лингвисты пришли к выводу, что случаи несовпадения формальной и смысловой производности не так уж редки, что это обычное для языка явление. По форме *x* более сложен, чем *y*, и, следовательно, *y* → произв. → *x*, но при этом по значению может быть сложнее *x*-а, и следовательно, *x* → произв. → *y*.

Четкое различие двух этих аспектов производности — формального и смыслового — явилось новым шагом в развитии теории словообразования. И раньше высказывались соображения о том, что формальная структура слова часто не отражает структуры смысловой, т. е., иначе, «кусочки», из которых состоит слово — корень, суффиксы, приставки, — почти никогда не соответствуют «кусочкам», из которых складывается словесное значение.

Теперь же эта мысль получила новое подтверждение: оказывается, формальные отношения между словами (или между частями слова) могут п р и н ц и п и а л ь н о не совпадать с отношениями смысловыми.

А этот вывод, в свою очередь, очень важен как одно из доказательств положения о специфичности, «особости» каждого слова. В более развернутом виде

тезис выглядит так: значение слова не равно простой сумме значений составляющих его частей. Поскольку это положение представляет собой один из основных постулатов современной лингвистики, рассмотрим его подробнее, посвятив этому следующую главу.

КОГДА СЛАГАЕМЫЕ НЕ РАВНЫ СУММЕ

В мире чисел, как вы знаете, существует незыблемое правило: если вы складываете два (три, четыре...) числа, то получаемое новое число всегда в точности равно их сумме: $1 + 2 = 3$, $n + 2n + 3n = 6n$ и т. д.

Допустим на минуту, что и в языке действует то же правило: значение производного слова равно сумме значений составляющих его «слагаемых». Тогда на вопрос о том, что значит такое-то слово, мы можем получать безошибочный ответ при единственном условии: что нам известны значения составляющих слово частей. Например, что значит слово *ледокол*? Рассуждаем так. В слове две значащие части: *лед-* и *-кол* (плюс соединительная гласная *-о-*); первая по смыслу, несомненно, связана со словом *лед*, а вторая — это корень глагола *колоть*. Соединение этих частей должно дать слово с примерно таким значением: ‘то, чем колют лед’. А *ледоруб* — это ‘то, чем рубят лед’. Но наше интуитивное представление о смысле двух этих русских слов протестует против подобных истолкований. Мы-то прекрасно знаем, что *ледокол* — это судно, оснащенное необходимыми приспособлениями для того, чтобы прокладывать путь во льдах (в океане, в море), а *ледоруб* — специальный альпинистский инструмент, применяемый для колки льда при восхождении на горные вершины. В одном случае — судно, в другом — инструмент, там — плавучий лед, покрывающий поверхность моря или океана, здесь — лед ледников, покрывающих горы. Таким образом, значения слов достаточно далеки друг от друга, во всяком случае, «расстояние» между ними гораздо больше, чем «расстояние» между значениями глаголов *колоть* и *рубить*.

А ведь если бы смысл целого (слова) складывался из значений его составляющих (морфем), то такого сильного расхождения слов *ледокол* и *ледоруб* не должно было бы быть. Но может, это слова такие необычные? А в других случаях ничего подобного не наблюдается? Проверим, так ли это.

Перечислим несколько наугад взятых слов русского языка (разумеется, производных, так как нам важно проследить, как складывается значение слова из значений его частей). Для того чтобы иметь некоторую общую базу для сравнения слов друг с другом, выберем слова с одним и тем же суффиксом, скажем *-тель*: *писатель*, *выключатель*, *истребитель*, *водитель*, *двигатель*, *испытатель*, *выпрямитель*, *зритель*.

Первое, что бросается в глаза, это неоднородность слов этого ряда по смыслу: одни обозначают человека (*писатель, водитель, испытатель, зритель*), а другие — приспособления или механизмы (*выключатель, истребитель, двигатель, выпрямитель*). Значит, суффикс *-тель* имеет по крайней мере два значения и используется для образования как названий человека — по тому или иному виду его деятельности, — так и названий предметов (машин, механизмов, инструментов и т. п.). Это вполне закономерное явление в словообразовании: суффиксы и приставки могут иметь не одно, а два и больше значений — сравните слова *подоконник — конник, разведчик — стульчик, заречный — запеть* и др.

Однако сейчас нас интересует не многозначность словообразовательных элементов, а другое: что могли бы значить перечисленные слова — если опираться на значения корня и суффикса, — и что они действительно значат в русском языке. Исходя из нашего допущения — о том, что смысл слова складывается из значений его частей, — мы, даже и учитывая неоднозначность суффикса *-тель*, получим такие значения, которые не соответствуют реальности.

Писатель — ведь это не ‘тот, кто пишет’, а ‘человек, профессионально занимающийся созданием художественных произведений’. Если кто-то сидит за столом и что-то пишет (скажем, делает уроки), писателем его никак не назовешь. У научного сочинения есть автор, но этот автор — не писатель: труд-то его — не художественное произведение. Специфичность слова *писатель* отчетливо видна при сопоставлении его со значениями эквивалентных слов в других языках. Так, английское *writer*, которое на русский язык переводится обычно словом *писатель* (*the great American writer Hemingway — великий американский писатель Хемингуэй*), по смыслу меньше удалено от глагола *to write*, нежели русское *писатель* от глагола *писать*. *Writer* ’ом англичане и американцы называют не только того, кто профессионально занимается созданием художественных произведений, но и вообще автора любой книги — например, посвященной научной проблематике или анализу произведений искусства, политическим вопросам или экономике. Более того, любого пишущего (например, письмо) можно назвать *writer* ’ом: *Who is a writer? (Кто это пишет?)* буквально: *Кто этот писатель?* — но так перевести эту фразу на русский язык мы не можем, ибо русское *писатель* не имеет значения ‘пишущий’).

Водителем называют не вообще того, кто что-нибудь водит (например, хоровод или пером по бумаге), а только человека, управляющего каким-нибудь видом самодвижущегося транспорта: *водитель автобуса, автомобиля, троллейбуса* (но нельзя сказать: «водитель велосипеда; велосипед — вид не самодвижущегося транспорта).

Существительное *испытатель* гораздо уже по значению, чем глагол, послуживший основой для его образования. Во-первых, испытателем называют только человека, а не механизм (сравните: *Автомат испытывает изделия на прочность*). Во-вторых, *испытатель* — это тот, кто испытывает свойства предметов, чаще всего механизмов (ср.: *испытатель самолетов*), но не людей! У глагола же прямым дополнением может быть существительное со значением лица: *испытывать солдат на меткость стрельбы, испытывать спортсменов на выносливость*. В-третьих, обращает на себя внимание вот какое несоответствие: формально это существительное (и другие подобные) образовано от основы глагола совершенного вида (*испыта-ть* → *испыта-тель*), по смыслу же оно соотносится с видом несовершенным: ведь испытатель — это тот, кто и с п ы т ы в а е т (машины, механизмы и под.), но не тот, кто их и с п ы т а л (или испытает).

Такое же несоответствие формы и смысла в парах *издатель* — *издать* (*издавать*), *накопитель* — *накопить* (*накапливать*), *распылитель* — *распылить* (*распылять*), *предохранитель* — *предохранить* (*предохранять*), *усилитель* — *усилить* (*усиливать*) и т. п. В других случаях подобного несоответствия между формальными и смысловыми отношениями производного и производящего слов нет. Сравните: *поджигатель, преподаватель, избиратель, открыватель* и т. п. — и по форме и по смыслу эти существительные соотносительны с глаголами несовершенного вида (*поджигать, преподавать, избирать, открывать*).

Слово *зритель*, образованное от ныне устаревшего глагола *зрети* ‘смотреть’, ‘видеть’ (вспомните поучение Козьмы Пруtkова: *Зри в корень!*), применяется для обозначения не вообще того, кто видит что-либо или на что-нибудь смотрит, а человека, наблюдающего за действием на театральной сцене, на киноили телеэкране: *Зрители остались недовольны спектаклем; Разговор со зрителем* (рубрика в киножурнале). *Зрителем* нельзя назвать не только того, кто, скажем, «зрит» в книгу или в окно, но и, например, свидетеля уличного происшествия, катастрофы — т. е. событий, в каком-то смысле близких к тому, что происходит на сцене или на экране.

Каждое из слов второй группы (механизмы, приспособления) столь же специфично по значению и не сводимо к сумме значений корня и суффикса.

Выключатель — это не вообще нечто выключающее, а специальное приспособление для выключения (и включения!) электрического света. С электричеством связано и значение слова *выпрямитель*: это устройство, преобразующее переменный ток в постоянный, хотя, если иметь в виду лишь значения глагола и суффикса, мы могли бы подумать, что это человек, который что-то выпрямляет (например, проволоку), или инструмент, предназначенный для той же цели. *Истребителем* мы могли бы назвать, например, человека, профессия

которого — уничтожать грызунов, а *двигателем* — вообще все то (или всех тех), что (и кто) что-либо двигает.

Могли бы... Но не можем! Потому что, владея русским языком, мы знаем реальные значения всех этих слов и употребляем слова в соответствии с их действительным смыслом. «Словообразовательные значения являются лишь наметкой возможного содержания слова, — подчеркивал замечательный советский лингвист Л. А. Булаховский. — Что слово значит на самом деле — определяет закрепившееся в языке фактическое его употребление».

То, что слово по значению не равно сумме значений составляющих его частей, — не исключение, не свойство отдельных лексических единиц, а общее правило. Напротив, в языке достаточно редко встречаются слова, противоречащие этому правилу, т. е. такие, значение которых представляет собой простую сумму значений корня и аффиксов: например, *стол* — значение основы *стол* + значение уменьшительности, свойственное суффиксу *-ик*: *ткачиха* — значение основы *ткач*- + значение 'женский пол', свойственное суффиксу *-иха*; *безбородый* = 'не имеющий бороды'; *запеть* = 'начать (значение «начинательности» присуще глагольной приставке *за-*) петь' и т. п.

Любопытно, что, глядя на эти слова, мы не можем сделать никаких выводов относительно характера значения других слов сходной структуры: возможно, что они также представляют собой простую сумму значений составных элементов, а возможно (и это скорее всего) — нет. *Ткачиха* — это женщина-ткач, а *полковничиха* — жена полковника; *стол* — маленький стол, а *часик*, *полчасика* (в таких выражениях, как *Зайдите через часик*; *С полчасика придется подождать*) — совсем не маленький час или маленькие полчаса! *Запеть* — это 'начать петь', а *зачитать* означает либо 'прочитать вслух перед собравшимися' — в официальном языке, либо 'взять книгу и не вернуть' (но никак не 'начать читать').

Слово *отрезок* кажется простым производным от глагола *отрезать*: *отрезать хлеба, кусок колбасы, сыра*. Но нельзя ведь сказать: *отрезок хлеба, *отрезок колбасы, **отрезок сыра*³. В действительности слово *отрезок* обозначает нечто такое, что является результатом действия, обозначаемого не глаголом *отрезать*, а иными, или же не имеет отношения ни к *отрезать*, ни к обозначе-

³ В раннем возрасте человек нередко усваивает слово «словообразовательно», почленно и потому — не в подлинном, а иногда и просто не в том его значении. Смысл незнакомого слова ребенок «выводит» из значения составляющих слово частей. Так, дети могут назвать *писателем* всякого, кто пишет, — не обязательно книги и не обязательно художественные, *всадником* — садовника ('тот, кто работает в саду'), *прихлебателем* — того, кто пьет, прихлебывая, *грабителями* — тех, кто сгребает сено граблями, и т. п. Подробнее об этом в замечательной книге К. И. Чуковского «От двух до пяти».

ниям других физических действий: *отрезок доски* (= та часть доски, которая отпилена), *отрезок пути*, *отрезок прямой*, *отрезок времени* (это то, что как бы отрезается). Обращает на себя внимание и тот факт, что в русском языке нет слов, подобных существительному *отрезок*, но образованных от других глаголов с общим значением 'отделять с помощью инструмента'; *отрубок (но есть *обрубок* — сравните *обрезки*, употребляющиеся преимущественно во множественном числе), *отпилок (но есть *опилки*), *отколок.

Слово *прорезь* обозначает не просто отверстие, сделанное путем прорезания, а 'узкое сквозное отверстие или желобок, специально предназначенные для какой-либо цели', — например, *прорезь прицела*. Сходное с ним по строению слово *прорубь* значит нечто совсем иное: 'отверстие, прорубленное во льду реки, озера' и т. п.

Рассматривая эти слова и принимая во внимание значения только их частей, мы никак не смогли бы догадаться, что они имеют именно такое содержание. Это надо знать, это дано в языке, и человек постигает указанные значения по мере того, как он овладевает языком.

Так мы приходим к подтверждению тезиса, которым закончили предыдущую главу: значение слова не равно простой сумме значений составляющих его частей. «...Каждое слово — особь, отдельное, нестандартное, особо организованное, исключительное», — писал известный лингвист М. В. Панов. Это свойство слова, эту его «особость» называют фразеологичностью.

Предвижу, что у читателя, не искушенного в языковедческой терминологии, здесь может возникнуть недоумение. Ведь из школьного учебника известно, что фразеологизмы — это сочетания слов. А тут вдруг отдельное слово сопоставляется с фразеологизмом.

Для того чтобы недоумение рассеялось, надо взять в расчет следующее: основная особенность фразеологизмов не в том, что это сочетания слов, а в том, что значение каждого такого сочетания не складывается из значений составляющих его слов. Если я говорю: *Он в этом деле собаку съел*, никто из говорящих по-русски не поймет меня так, что тот, о ком идет речь, употреблял в пищу мясо собаки. *Съел собаку* — значит 'имеет богатый опыт в каком-либо деле, знает его, обладает необходимыми навыками или мастерством'. Историки языка спорят о том, каково происхождение этого оборота; но для человека, пользующегося русским языком, вопрос о происхождении идиомы *съесть собаку* несуществен: главное, чтобы он и те, с кем он общается, правильно понимали смысл оборота, никоим образом не «складывая» этот смысл из значений составляющих — *съесть* и *собака*. (Говоря о структуре фразеологизмов, академик В. В. Виноградов подчеркивал, что «связь их компонентов может быть объяснена с исторической точки зрения, но она непонятна,

немотивирована с точки зрения живой системы современных грамматических отношений».)

Мы говорим: *работает спустя рукава, бежит сломя голову, комар носа не подточит, оставить с носом, водить за нос, не в своей тарелке* (о чувстве неловкости) — и никому не приходит в голову понимать эти фразеологизмы буквально, «почленно»: они имеют совсем иной (часто образный) смысл, нежели слова, их составляющие.

Сходное свойство присуще, как мы видели, и слову, поэтому и названо это свойство фразеологичностью.

И еще одним похоже слово на фразеологический оборот: подобно фразеологизму, слово в речи не *п р о з в о д и т с я*, а воспроизводится. Что это значит? Если вам нужно выразить какую-либо мысль, то вы употребляете уже готовые, уже существующие в языке слова, а не создаете новые. В процессе же длительного использования многими людьми, говорящими на данном языке, слово входит во все более разнообразные контексты, в нем развиваются новые значения, оно приобретает экспрессивную окраску, отсутствовавшую в его производящей основе.

Иначе говоря: чем дольше существует слово в языке, чем шире и многообразнее его употребление, тем выше становится степень его фразеологичности. И напротив, «свежее», только что образованное слово может лучше сохранять нетронутыми значения частей, из которых оно создано; его смысл чаще равен простой сумме значений компонентов.

Такие создаваемые «по случаю» слова называют *п о т е н ц и а л ь н ы м и*. Например, того, кто ни с чем не соглашается, могут в разговоре назвать *возражателем*; того, кто постоянно о чем-нибудь спрашивает, — *спрашивальщиком* и т. д. В словаре языка, в регулярном употреблении этих слов нет — они образуются по ходовым, продуктивным словообразовательным моделям для данного случая. Главное отличие их от обычных слов как раз и состоит в том, что они производятся, образуются в конкретной речевой ситуации, а не воспроизводятся. Для того чтобы употребить общеизвестное, всеми используемое слово, человек должен как бы извлечь его из своей языковой памяти, из своего словарного запаса; если же он хочет употребить *и н д и в и д у а л ь н о е*, прямо сейчас создаваемое им слово, то он как бы «включает» механизм своего знания словообразовательных закономерностей (а в «словарной памяти» в этом случае рыться бесполезно — там потенциальных слов нет).

Некоторые ученые видят основное отличие потенциальных слов от реальных в том, что значения первых всегда целиком мотивируются значениями составляющих частей, т. е. лишены фразеологичности (в то время как значения реальных слов всегда фразеологичны). Надо сказать, однако, что потенциальные слова очень часто бывают «привязаны» к конкретной ситуации и по-

этому их значение оказывается понятным в пределах только этой ситуации, а вовсе не вытекает целиком из значения производящей основы и аффиксов.

Вот пример. Трехлетний ребенок бегаёт по квартире и закрывает двери (в комнаты, в ванную и т. д.). Мать, поощряя его игру, называет его ласково: — Ах ты, *закрыватель*, ах ты, *закрывалка*. Хотя данные слова произведены в речи (а не воспроизведены, как обычные слова) и поэтому являются потенциальными, — смысл их, разумеется, не равен сумме значений их составляющих — глагольной основы и суффиксов (вне указанной ситуации *закрывателем* можно назвать какой-либо механизм, а *закрывалкой* — скажем, приспособление для закрывания стеклянных банок крышками).

Некоторые создаваемые «по случаю» слова действительно можно истолковать, «складывая» значения образующих слово частей. Например, слова *забиватель*, *ковырятель*, *ломатель* и под. могут быть поняты и как названия лица, и как названия инструмента — в зависимости от того, какое из значений многозначного суффикса *-тель* мы примем во внимание (сравните личное его значение в словах *писатель*, *водитель* и т. п. и инструментальное — в словах *выключатель*, *выпрямитель* и др.). Но такие потенциальные существительные, как *стучатель*, *варитель*, *пришиватель*, мы воспримем, скорее всего, как названия лиц (а не инструментов или механизмов). Между тем и те и другие глаголы являются по своим значениям инструментальными; ср.: *забивать молотком*, *ковырять гвоздем*, *ломать киркой* — *стучать молотком*, *варить на плите*, *пришивать иголкой*. Стало быть, от любого из них с помощью суффикса *-тель* можно образовать существительное, обозначающее либо человека, либо инструмент. Однако, как мы в этом только что убедились, этого не происходит. Почему? Очевидно, потому, что даже и в значениях потенциальных слов действует тенденция к фразеологичности: слово либо оказывается привязанным к конкретной ситуации (как в первом нашем примере — со словами *закрыватель*, *закрывалка*), либо его смысл «ориентируется» на одно из значений составляющих слово элементов (например, только на «личное» или только на «инструментальное» значение суффикса *-тель*).

Отчего так происходит? Ведь язык был бы гораздо проще и им было бы куда легче пользоваться, если бы в нем существовало большее согласие с математикой: сложение двух (или нескольких) элементов даёт величину, в точности равную сумме слагаемых. «Логический идеал всякой грамматики, — писал Ж. Вандриес, — это иметь одно выражение для каждой отдельной функции и только одну функцию для каждого выражения. Если бы этот идеал был осуществим (выделено нами. — Л. К.), язык имел бы такие же точные очертания, как алгебра...»

Но в таком случае язык, его словарь от подобного «упрощения» бесспорно проиграл бы: вместо богатства лексических значений, их своеобразия, их при-

чудливости — легко вычисляемые, скучные «простые суммы» значений словообразовательных. К счастью, в действительной жизни языка все иначе. Создаваясь из различных словообразовательных элементов — корней, суффиксов, приставок, — слово вбирает в свое значение не только то, что содержат эти элементы, но и кое-что еще: например, функцию называемой вещи (для чего она?), ситуацию, в которой данное слово наиболее применимо, оценку события или понятия, называемого этим словом, эмоционально-стилистическую окраску.

Возвращаясь к упомянутым выше словам *прорезь*, *прорубь* и под., подчеркнем в их значениях функциональный момент: прорезь обычно делается для того, чтобы смотреть сквозь (или через) нее; прорубь — для того, чтобы брать воду, ловить рыбу и т. п. В значениях глаголов *резать*, *рубить*, а тем более приставки *про-* компонент 'предназначение', разумеется, отсутствует.

К сходному выводу придем, анализируя значения других слов, даже таких, смысл которых на первый взгляд представляется «простой суммой» смыслов составляющих. Так, кажется, что значение существительного *хранилище* равно значению глагольной основы *храни-* плюс значение суффикса *-лиц(е)*, который служит для образования слов — наименований места (сравните *жилище*, *вместилище* и т. п.). *Хранилище*, таким образом — это место, где что-либо хранят — книги, овощи, оружие, деньги... Стоп! Что-то здесь не так: место, где хранят оружие, имеет в русском языке специальное название. Но разве это *хранилище*? Нет — *арсенал*. А деньги хранят тоже не в хранилище, а в *банке*. Получается, что смысл слова *хранилище* функционально ориентирован: не вообще 'место, где хранят что-либо', а 'место для хранения овощей', 'место для хранения книг'. Причем следует отметить, что «образы» хранилищ, возникающие в каждом из этих двух случаев, настолько различны, сколь различна природа самого хранения (книг — и овощей). Даже не хочется объединять обе функции в одно значение. Впрочем, и язык пошел по пути разделения, создав специальные слова для каждого вида хранения: *книгохранилище* и *овощехранилище*.

Казалось бы, по аналогии с двумя последними словами существительное *водохранилище* должно обозначать 'место для хранения воды' — скорее всего, сосуд: ведь воду наливают в сосуды. Но это не так! Бутылку, термос или цистерну, наполненные водой, *водохранилищем* назвать нельзя. *Водоохранилище* — это искусственный водоем, причем в нем не только хранят воду (для питья, для промышленных нужд), но и купаются, катаются на лодках, на водных лыжах, ловят рыбу...

Если взять другие слова с тем же суффиксом *-лиц(е)* или его вариантом *-бищ(е)* (*лежбище*, *стойбище*, *стрельбище*, *пастбище*), то мы увидим, что и

их значения фразеологичны. *Жилище* — это место (и даже не простое место, а специально построенное или приспособленное сооружение, ср.: *дом, шалаш, пещера*), где живет человек. Лисью нору, волчье логово или воронье гнездо *жилищем* можно назвать только в метафорическом смысле. *Лежбищем* обозначают место «лежания» диких, чаще всего морских, животных — моржей, тюленей, котиков. Специальное же место для лежания человека, например в деревенской избе, называют *лежанкой* или *лежаком*.

Любопытно, что слово *стойбище*, которое в словообразовательном отношении отличается от слова *лежбище* только тем, что произведено от другого глагола — *стоять*, значит совсем не «место, где животные стоят» (!). Говорят: *стойбище эвенков-оленеводов, в стойбищах ненецких охотников* — и по этим примерам мы ясно видим, что существительное *стойбище* обладает весьма специфическим смыслом: это не просто «место, где стоят» (сравните другое существительное с тем же корнем: *стоянка* — 1) место, где ставят автомобили, 2) место со следами длительного пребывания на нем первобытных людей) и не «место, где стоят люди» и даже не «место, где живут люди», а — «место (временного) обитания кочевых групп (охотников, промысловиков, оленеводов и пр.) северного населения» (места, где останавливаются, например, цыгане — южный кочевой народ, — никогда *стойбищами* не назывались).

На что уж, кажется, прозрачное слово *стрельбище*! Но значит ли оно «место, где стреляют»? Нет: им обозначают специально оборудованное — окопами для стрелков, неподвижными и передвижными мишенями, сигнальной вышкой и т. д. — поле для тренировочной, военной или спортивной стрельбы из стрелкового оружия. Закрытое помещение, предназначенное для тех же целей, называют *тиром*, а в условиях, когда ведется огонь по настоящему противнику, ни то, ни другое слово неприменимо.

Для выражения говорящими оценки обозначаемых вещей и явлений в языке существуют суффиксы, которые в лингвистике так и называются — суффиксы субъективной оценки: «уменьшительные» (*-ик, -ек*: *комарик, сверточек; -очка*: *тетрабочка; -еньк/-оньк*: *тепленький, тихонько*), «увеличительные» (*-щ(е)*: *домище; -ин(а)*: *холодина; -уц*: *большуций*), «уничижительные» (*-ишк-*: *мужичишка, рублишко; -онк-*: *бороденка, одежонка*) и др.

Но нередко оценка присутствует в слове, однако неясно, какая часть слова, является, так сказать, «материальным носителем» этой оценки. В производных словах таким «материальным носителем» естественно считать всю основу: ведь она не делится на составные значащие части (т. е. на морфемы)! Сравните слова *негодяй, харя, дрыхнуть*, с одной стороны, и *герой, лик, почивать* — с другой: оценка (отрицательная в первой группе и положительная во второй) соответствующих понятий и действий, обозначаемых этими словами, заключена в самих значениях слов; «приписана» всему слову целиком.

Таким же образом обстоит дело и во многих производных словах, хотя, казалось бы, раз слово членится на морфемы, то среди этих составляющих и надо искать «виновника» той эмоциональной окраски, которая присуща слову. Так, например, в существительном *указчик* (*А это еще что за указчик выискался?!*) явственно слышится неодобрение, пренебрежительность. Но ни глагольный корень (ср.: *указ-ывать*), ни имеющий значение лица суффикс *-чик* (ср.: *приказчик, советчик*) этой неодобрительной оценки не содержат. Она появилась в существительном независимо от глагольного значения и возникла из необходимости обозначить того, кто, вопреки ожиданиям окружающих, ведет себя как лицо, имеющее право «командовать», указывать другим, что и как надо делать. Стало быть, *указчик* — это не тот, кто дает указания (как можно было бы заключить, опираясь только на значения составляющих), а ‘тот, кто дает не прошенные указания, кто берет на себя роль, не «санкционированную» другими’.

Таким же образом обстоит дело в слове *законник*. Суффикс *-ник* имеет значение лица без какого бы то ни было указания на оценку лица говорящими (сравните такие наименования людей по роду занятий: *ремонтник, садовник, проводник* и под.), производящая основа *закон-* также нейтральна в эмоциональном отношении. Тем не менее все слово явно окрашено, оно употребляется преимущественно в «осудительных» контекстах: *Ишь, законник нашелся! С этим законником спорить бесполезно* и т. п.

Эти примеры наталкивают нас на следующую мысль: значение производного слова не может быть понято без знания контекста, в котором оно возникло. Слово лишь формально образуется от данной основы; семантически же, по смыслу, оно производится от конкретного значения этой основы и, более того — от специфического употребления ее в сочетании с другими лексическими элементами. В таких глагольных производных, как *отснять, засветить* (пленку), *отщелкать* (несколько кадров), отражены не прямые (основные по своему характеру) значения глаголов *снять, светить* и *щелкать*, а специальные, связанные с необходимостью обозначить при помощи этих глаголов специфические действия фотографирующего.

А раз значение производного слова мотивирует не сама по себе производящая основа, а отдельное ее значение, конкретное ее употребление, то очевидно, что разным значениям одной основы соответствуют разные производные. Иначе: многозначность слова, формально не проявляющаяся в нем самом, отчетливо видна в его производных (а также в сочетаниях с другими словами — об этом мы будем говорить дальше).

Например, *конь* в значении ‘семец лошади’ образует такие производные, как *конский* (*конский топот, конская грива*), *конный* (*конный завод*), *конник, конница* (*красные конники*), *коневод* (тот, кто профессионально занимается раз-

ведением лошадей). У слова *конь* в значении 'шахматная фигура с изображением головы лошади' всех этих производных нет, есть только прилагательное *коневое* (*коневая пешка, коневое окончание партии*), которого не имеет существительное в прямом своем смысле. Когда же мы следим за упражнениями гимнаста на специальном гимнастическом снаряде, который называется также *конь*, то, как бы ни старались мы напрячь свою языковую память, ни одного производного нам вспомнить, по-видимому, не удастся.

Слово *стол* в его прямом значении имеет такие производные: *столик, настольный* (*настольный календарь*), *столовый* и нек. др. Но у *стол* в значении «учреждение» (ср.: *паспортный стол, стол заказов, стол находок*) этих производных нет (не говорят ведь: **паспортный столик* или **столик заказов!*).

У глагола *бежать* немало родственных слов, мотивированных глагольной основой: *бег, побег, беготня, бегун, беглец, беглый*; многочисленны приставочные производные вроде *выбежать, забежать, отбежать, прибежать, убежать* и т. п. Но когда мы используем этот глагол в других значениях, ряды его «родственников» сильно редуют. Можно сказать о кипящем молоке, что оно *бежит, сбежало, убежало, но беглецом* или *бегуном*, несмотря на способность бежать и убегать, мы назвать его не можем (так же как и сам этот процесс нельзя обозначить словами *бег, побег* или *беготня*). О быстром течении времени говорят: *время бежит, недели, дни, часы бегут*; «*Бег времени*» назвала один из своих поэтических сборников Анна Ахматова. Но каждое из остальных приведенных выше слов с корнем *беж-/бег-* не сочетается ни со словом *время*, ни с названиями его единиц (*год, месяц, неделя* и т. д.).

Из *яблок* варят *яблочное варенье*; но, говоря о человеческом глазе, не используют прилагательное *яблочный* применительно к главному яблоку. Косточки, которые мы находим, откусывая грушу, можно назвать *грушевыми*, но нельзя тем же словом определить материал, из которого делают *боксерские груши*.

Прилагательным *тонкий* характеризуют и физический предмет: *тонкая палочка, тонкая рука, тонкий лед*, и запах: *тонкий аромат духов*, и некоторые виды интеллектуальной деятельности человека или его свойства: *тонкое исследование, тонкий анализ, тонкий ум, тонкий слух, тонкий ценитель искусства* и т. п. Но только в прямом значении употребляется уменьшительно-ласкательное *тоненький*, а сказать *тоненький запах, или *тоненький анализ, или *тоненький ценитель искусства* нельзя. *Пятак* может быть и *новым*, и, если мы хотим особенно подчеркнуть это его качество, — *новеньким, новехоньким*, а *время* — только *новым*, но никак не *новеньким* и, тем более, не *новехоньким*.

Этим свойством обладают и другие качественные прилагательные: уменьшительные образования от них возможны главным образом при их прямом, а не переносном употреблении; не говорят: *мягонький вагон (а только: *мягкий*

вагон), *реденькие металлы (а только: редкие металлы), *легонький танк, *черненький день и т. п. (Но есть и исключения из этой закономерности: сравните жиденькие аплодисменты, сладенькая улыбочка.)

Если ребенок громко и долго плачет, то мать может сказать ему в сердцах: — Ну, что ты разревелся?! Но если имеют в виду рев медведя или рев мотора, то не говорят: *медведь разревелся, *мотор трактора разревелся во всю мощь.

Относительные прилагательные часто приводят в качестве примера слов, значения которых действительно «складываются» из значений составляющих, то есть слов, выпадающих из общего правила о фразеологичности смысла каждой лексической единицы. Действительно, кажется, что суффиксы в таких словах, как *деревянный*, *заводской*, *транзисторный*, просто «переводят» единицу из класса существительных в класс прилагательных, ничего не добавляя к ее значению и ничего «не отсекая»: *деревянный* 'сделанный из дерева', *заводской* = 'имеющий отношение к заводу', *транзисторный* = 'с транзисторами' или 'на транзисторах'. Это свойство относительных прилагательных позволяет приравнивать их по смыслу к сочетаниям «предлог + существительное»: *деревянные ложки* = *ложки из дерева*, *детские книги* = *книги для детей*, *транзисторный радиоприемник* = *радиоприемник на транзисторах* и т. п.

Однако это возможно не всегда: иногда прилагательное оказывается более узким по смыслу, чем существительное, от которого оно образовано. Например, вашим *товарищем по школе* вы можете назвать того, кто учился с вами в одной школе — безразлично, какой: средней, спортивной, офицерской и т. п. Сказать же *мой школьный товарищ* можно, скорее всего, только о том, кто учился вместе со мной в средней школе, а не в какой-либо другой, скажем в летной или офицерской.

Сравните: *мой институтский товарищ* — *мой товарищ по институту*; в этом случае прилагательное не обладает никаким специфическим смыслом по сравнению с существительным ⁴.

⁴ Вообще надо сказать, что относительное прилагательное не так самостоятельно по смыслу, как, скажем, глагол или имя существительное. Нередко оно «впитывает» часть того значения, которым обладает определяемое им слово. Внешне одно и то же прилагательное может иметь разные смыслы в зависимости от того, с каким существительным оно связано, насколько случайна или, напротив, насколько стабильна эта связь.

Вместе с тем существительным, которое они определяют, некоторые относительные прилагательные образуют более или менее устойчивые сочетания. Смысл прилагательного в таком сочетании бывает весьма специфичен, он «невывислим» из словообразовательной структуры слова.

Например, оборот *голодная смерть* означает 'смерть от голода', а в принятом у астрономов выражении *тепловая смерть* (вселенной, планеты и т. п.) никак нельзя увидеть смысл 'смерть от тепла' — это (приблизительно) 'гибель живой материи

Эти примеры, число которых можно было бы без труда умножить, показывают, что «особость» слова, его индивидуальность проявляется не только в специфике лексических значений, но и в словообразовательных различиях. По существу, значение слова обростает в языке своими производными, круг которых единствен, неповторим. Эта уникальность лексического значения обнаруживается в еще большей степени в сочетаниях с другими словами.

Ведь до сих пор мы рассматривали словообразовательные отношения между словами и взаимодействие частей слова (морфем), их роль в формировании значения слова как целого. Давайте теперь посмотрим, как соединяются слова друг с другом, каковы закономерности и особенности такого соединения.

В ГЛУБИНЕ И НА ПОВЕРХНОСТИ

В речи каждое слово соединяется с другими при помощи многообразных связей. Одни из этих связей обнаруживают себя в различных внешних показателях: например, в падежных и личных окончаниях, в предлогах и союзах.

Подобные показатели выражают определенные грамматические значения: таковы значения падежа (*голова, головой*), числа (*голова — головы*), рода (*писал — писала*), лица (*пишу, пишешь...*), глагольного вида (*писать — написать*) и др. Грамматические значения обладают одним интересным свойством — они обязательны: мы не можем употребить слово, не выразив при этом хотя бы некоторые из его грамматических значений. Так, произнося слово *стол*, мы не только называем известный предмет, но и выражаем такие свойства этого существительного, как род (мужской), число (единственное), падеж (именительный или винительный — сравните: *В углу стоит стол — Я вижу стол*).

Помимо грамматических связей, слова в предложении имеют и связи смысловые. В отличие от грамматических связей, которые обязательны и часто обнаруживают себя во внешних показателях, смысловые отношения слов редко выражаются в их облике, в их внешней форме. Тем не менее, употребляя слово в речи, во фразе, мы обязаны согласовывать его по смыслу с другими словами. Наряду с грамматическими правилами в языке существуют и действуют весьма разнообразные и сложные правила «подгонки» значений слов друг к другу.

вследствие недостатка или отсутствия тепла'. Медики говорят *кислородное голодание*, разумея под этим совсем не голодание и уж никак не от кислорода, — так они обозначают острый недостаток кислорода в организме; сравните менее фразеологичный смысл прилагательного в сочетаниях *кислородная маска, кислородная подушка*.

Обычное сочетание слов или предложение часто оказывается похожим на айсберг: на поверхности, доступной непосредственному наблюдению, лежат лишь некоторые, наиболее очевидные признаки межсловной связи. Другие же признаки такой связи, обеспечивающие словосочетанию или фразе понятность, правильность и естественность, находятся на «глубине». От того, каков айсберг под водой, зависит его поверхностное строение. Подобно этому внешняя структура высказывания обусловлена определенными «глубинными» его свойствами.

Чтобы понять ошибочность того или иного предложения или, напротив, доказать его нормальность, часто недостаточно сведений о грамматических свойствах составляющих предложение слов — надо пытаться проникнуть в тонкости лексического значения, в механизм согласования смыслов различных слов. А эти смыслы как раз и находятся «на глубине», они не представлены в слове непосредственно (в виде каких-либо элементов его структуры). В отличие, скажем, от таких грамматических значений, как падеж (он выражается в окончании существительного: *книге, книгой* — или одновременно и окончанием и предлогом: *к лесу, о лесе*) и лицо (выражаемое глагольными окончаниями: *еду, едешь, едут*), — смыслы ‘создавать’, ‘быть’, ‘очень’, ‘в высшей степени’ и др. (подробнее о них читай в главе «Параметры “слова”») не имеют единообразного внешнего оформления. Выражая первый из этих смыслов (‘создавать’), говорят: *строить дом, ткать полотно, шить рубашку, печь хлеб* и т. д. Столь же неодинаково, неединообразно, как мы увидим это дальше, языковое воплощение и других смыслов.

Поскольку «глубина» — т. е. содержательная сторона слов, их значения — определяет свойства «поверхности» — конкретных словосочетаний и предложений, то мы и обратимся вначале к рассказу о семантических (смысловых) качествах слов и об особенностях соединения в высказывании различных смыслов.

СЛОВЕСНЫЕ БЛОКИ

В популярной лингвистической литературе часто встречается такой образ-метафора: слова — это строительный материал, это кирпичи, из которых складывается здание фразы. И подобно тому как при постройке здания кирпичи и всякий иной строительный материал (железная арматура, доски и т. п.) тщательно подгоняются друг к другу, — слова не механически объединяются в высказывание, а подгоняются, приспособляются одно к другому в зависимости от их конкретных свойств и по определенным действующим в языке правилам.

Самое поверхностное знакомство со строительным делом показывает нам, что, возводя дома, промышленные сооружения, люди используют не только разрозненные элементы — отдельные кирпичи, доски, балки, — но и их «связки», готовые блоки.

Выгляните в окно: вон тяжелый МАЗ с прицепом, натужно гудя, везет панели — целые стены квартир будущего дома с вмонтированными в них рамами окон; вон кран поднимает железобетонную плиту (железо + бетон = блок), составляющую чуть ли не четверть междуэтажного перекрытия. Строители используют не материал сам по себе, а уже готовые соединения этого материала, более или менее крупные, и это, конечно же, облегчает строительство, делает его более экономичным.

Нечто похожее можно обнаружить и в языке. В нем также существуют готовые блоки — «заранее» созданные сочетания слов. Это, прежде всего, фразеологические обороты, или фразеологизмы, которые очень часто имеют образный смысл. Строя предложение, говорящий берет при необходимости готовый блок-фразеологизм и ставит его на нужное место. Сравните: *Парень совсем отбился от рук — это новые товарищи сбивают его с панталыку. Они-то выйдут сухими из воды, а он останется с носом.* Выделенные обороты и являются фразеологическими.

Ну, а слова, не составляющие никакого фразеологизма? Они, стало быть, используются подобно отдельным кирпичам, в любых сочетаниях и в произвольном порядке? Если бы это было так, то оставалось бы непонятным, откуда же берутся все те сложные правила, регулирующие построение словосочетаний и предложений, которыми богаты грамматика и словарь каждого языка.

Но на самом деле даже такие соединения слов друг с другом, которые ни в одном лингвистическом пособии не будут причислены к фразеологизмам, обладают большей или меньшей связанностью, согласованностью составляющих их слов. Иначе говоря, те реальные и мыслимые сочетания слов данного языка (а число их бесконечно!)⁵, которые остаются за вычетом фразеологизмов, отнюдь не представляют собой в равной степени свободных комбинаций лексических единиц. Если и называть такие сочетания, как *белый снег, мальчик идет, нехотя ответил* и т. п., свободными, то делать это необходимо лишь для того, чтобы отличить их от фразеологических оборотов. В них же самих свобода

⁵ Пушкин писал: «...разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе (т. е. в словаре. — Л. К.); но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности».

соединения элементов относительна. Впрочем... Впрочем, сначала выясним, что мы понимаем под свободой сочетаемости слов.

Возможно широкое и узкое понимание этого термина. Широкому пониманию соответствует следующая формулировка: если никакое из свойств данного слова не обуславливает ни одно из свойств сочетающегося с ним элемента и, с другой стороны, не обусловлено ни одним из этих свойств, — такое соединение двух (или больше) слов называется свободным. Но в языке подобное встречается крайне редко. В подавляющем большинстве случаев наблюдается иное: характеристики одного слова — элемента сочетания — зависят от характеристик другого (или наоборот).

Примеров тому множество: прилагательное согласуется с существительным (при котором оно выступает в роли определения) в роде, числе и падеже, существительное с глаголом-сказуемым — в числе и лице (а если глагол в прошедшем времени, то и в роде: *учитель вошел — учительница вошла*); наречия «охотнее» соединяются с глаголами (*хорошо выглядит, весело смеялись, работать вечерами*), чем с существительными (*яйцо всмятку, душа нараспашку*). Одни глаголы по своим смысловым свойствам не могут сочетаться с одушевленными существительными (нельзя сказать: **собака стекает; *ребенок крошится*, ср. правильные: *вода, капля стекает; хлеб, камень крошится*), другие, напротив — с неодушевленными: *стол — бежать, а блюда — смеяться* могут только в сказке — вспомните «Федорино горе» Корнея Чуковского. Часто слово сочетается не с любой из единиц определенного класса, а только с некоторыми или даже с одной: *суций вздор, пустык, суцая правда, безделица...* но не **суцая истина; потупить взор, взгляд, глаза*, но не **потупить ресницы, подбородок; прищурить* можно только *глаза* и т. п.

Следовательно, надо говорить не вообще о свободе сочетаемости данного слова с другими, а о «степенях свободы»: сколько характеристик слова, грамматических и смысловых, и какие именно «сцепляются» друг с другом при сочетании слов. Чем меньше число таких характеристик, тем выше «степень свободы», и, наоборот, чем большее число свойств слова находится в односторонней (или взаимной) зависимости от свойств другого, сочетающегося с ним слова, тем менее свободно данное сочетание.

Важное значение имеет и то, какова природа взаимодействующих свойств: если это характеристики, присущие большим классам слов (таковы, например, грамматические категории рода, числа, лица, падежа и др.), то естественно, что и круг элементов, которые могут соединяться друг с другом при взаимодействии этих характеристик, очень велик — следовательно, велика и «степень свободы». Достаточно, скажем, существительному иметь то же число, что и у глагола, чтобы получилось правильное сочетание (*время идет — дни идут*). Если же при соединении слов друг с другом взаимодействуют не регулярные

признаки, каковыми являются признаки грамматические, а индивидуальные — например, особенности значения именно этого слова, — то «степень свободы» сочетаемости низка и получаемый в результате такого соединения оборот сильно напоминает фразеологический (где «степень свободы» равна нулю!).

Это — узкое понимание термина «свобода сочетаемости слов».

Таким образом, словесные «блоки», представляющие собой сочетания слов, различаются по степени спаянности составляющих. Одни, как фразеологизмы, — это монолиты, которые невозможно разъять на части, не разрушив их. Другие подобны строительным блокам и панелям, в которых отчетливо видны части и ясна роль, исполняемая каждой из частей. Третьи похожи на механические соединения деталей, например, труб или брусков: вместо данной трубы можно использовать другую, даже большего диаметра и с более крупной резьбой, но нельзя использовать брусок или иной предмет и т. д.

Если оставить в стороне фразеологизмы, которые имеют значение только как целое (поэтому и уподобили их монолитам), и рассмотреть другие типы словосочетаний, то первое, на что мы должны обратить внимание, — определенная, более или менее самостоятельная функция каждого компонента. Соединяясь с существительным, прилагательное называет некоторый признак предмета, обозначаемого существительным (*зеленая трава, спелая дыня, старый сапог*). В сочетании существительного и глагола последний указывает на действие, а первое — либо на производителя действия, либо на объект, либо на средство, инструмент и т. д. (*поезд идет, пишу письмо, обрабатывать кислотой, строгать рубанком*). Наречие, соединяясь с глаголом, указывает место, способ или время обозначаемого глаголом действия или состояния (*висит сбоку, скакать верхом, принесу вечером*) и т. д.

— Но все это очевидные вещи! — воскликнет читатель. — Свойства глаголов, наречий, прилагательных и других классов слов описаны в любом учебнике русского языка.

Это действительно так. И не стоило бы, как говорится, огород городить, если бы особенности сочетания слов друг с другом исчерпывались их категориальными свойствами (то есть теми, которые присущи соответственно глаголу, прилагательному, наречию и т. д. как грамматическим категориям — частям речи). Однако указание на такие категориальные особенности — лишь необходимое начало в лингвистическом анализе конкретных словосочетаний. В полной же мере специфические черты каждого словесного блока (и, с другой стороны, некоторые общие свойства разных блоков) выявляются при более глубоком и всестороннем его рассмотрении. Как только спускаемся с достаточно отвлеченного уровня категориальных характеристик на уровень анализа живых, реальных словосочетаний, мы наталкиваемся на множество вопросов и загадок. Попробуем найти решение некоторых из них.

«ПАРАМЕТРЫ» СЛОВА

Почему, говоря о множестве различных животных, мы используем разные существительные: *табун лошадей, стадо коров, отара овец, свора собак, стая ворон, косяк рыбы, рой пчел*? Смысл один ('множество'), а выражение его при разных словах неодинаковое.

Почему пишут: *совершить нападение, произвести осмотр, оказывать сопротивление, давать совет*, а не обходятся во всех случаях каким-либо одним словом, например *произвести* или *совершить*? Ведь очевидно, что, хотя в этих сочетаниях употребляются разные слова, роль они играют одну и ту же — «оглаголивают» существительное, которое при необходимости легко превратить в глагол, равный по смыслу всему словосочетанию: *напасть, осмотреть, сопротивляться, советовать*.

Почему *намерение осуществляется, а мечты — сбываются*? Чем объяснить, что кого-то можно *привести в ярость, в гнев, в уныние*, но, по-видимому, нельзя **привести в ликование*?

Исследуя подобные словосочетания, лингвисты сделали важное открытие: многообразие и причудливость словесных соединений можно описать с помощью относительно небольшого набора типичных смыслов, или смысловых «параметров». До этого открытия область лексики, словарного запаса языка представлялась во многом бессистемной — по сравнению, например, с морфологией или синтаксисом, где существуют определенные, пусть кое в чем сложные, закономерности и правила. Мысль же о наборе элементарных смыслов, каждый из которых получает в языке своеобразное выражение (в зависимости от того, при каком слове данный смысл выражается), открыла пути к системному анализу лексики, к представлению ее в виде определенным образом организованной совокупности слов и словосочетаний.

Сама собой напрашивается здесь аналогия из области физики. До тех пор пока не были найдены элементарные частицы, разнообразие материального мира казалось бесконечным и, главное, непредсказуемым. В действительности, как теперь хорошо известно каждому школьнику, мир представляет собой различные комбинации элементарных частиц, число которых вполне определено и относительно невелико (по сравнению с бесконечностью материи).

Посмотрим же, каковы те типичные «смыслы», с помощью которых описывается значительная часть лексической сочетаемости.

Кроме смысла 'множество', различные языковые выражения которого мы привели выше, часто встречается в языке смысл 'очень, в высокой степени', причем он выражается как при глаголах, так и при именах — прилагательных

(главным образом качественных) и существительных. Как, например, сказать по-русски о сне, что он — «очень»? Ясно, что и **очень сон*, и **очень спит* — недопустимые обороты, не русские; этот смысл выражается иными, привычными для русского уха способами: *крепкий сон*, *спит крепко*, в разговорной речи — *спит без задних ног*, *спит как урок*. При других словах этот же смысл 'очень' выражается иначе: *дождь — проливной*, *нож — острый*, *глаза — зоркие*, *веселье — безудержное*, *нужда — беспросветная*, *преступление — тяжкое*. Вместо *ослепительно белый* можно сказать *очень белый*, но, наверное, никто не станет спорить, что сочетание прилагательного с наречием *ослепительно* более живо, более выразительно, чем сочетание *очень белый*. Таковы же по характеру обороты типа *иссиня-черный*, *блестящая* (а также: *убедительная*, *полная*, *окончательная*) *победа*, *острое зрение*, *веские доказательства*, *тяжелая болезнь*, *строго соблюдать* (например, *правила*), *бурно аплодировать*, *оглушительно кричать* и т. п. В них по-разному реализуется один и тот же смысл — 'очень, в высокой степени'.

Родственный ему смысл 'самый' может выражаться посредством этого местоименного прилагательного (*самый быстрый*, *самый умный*) или же с помощью аффиксов — либо приставки *наи-*, либо суффикса *-айш/-ейш* (ср.: *наибольший*, *быстрейший*, *умнейший*, *тишайший*). Кроме того, он передается особой синтаксической конструкцией «нет + прилагательное сравнительной степени». Например, фраза. *Нет ничего лучше солнца и воды*, что означает 'солнце и вода — самое лучшее'. Сравните в стихах М. Исаковского:

Лучше нету
Того цвету,
Когда яблоня цветет!..

Если мы хотим похвалить кого-либо или что-либо, то никто, конечно, не мешает нам сделать это с помощью прилагательного *хороший* или наречия *хорошо*. Но в большинстве случаев люди предпочитают обороты, в которых используются более разнообразные эпитеты, передающие смысл 'хороший' или 'хорошо', каждый из которых как бы подогнан, приложен к своему соседу. *Ученика* можно назвать *старательным* (а также *прилежным*, *примерным* и т. п.), *специалиста* — *первоклассным* или *отличным*, *влияние* — *благотворным*, *дружбу* — *крепкой* или *прочной*, *совет* — *добрым*, *характер* — *легким* и т. д. «Менять местами» эти эпитеты нельзя — получатся неправильные, не принятые в русском языке сочетания (не говорят: **крепкое влияние*, **благотворный специалист* или **старательный совет*).

Так обстоит дело и в выражении других типичных смыслов: общее — скажем, общие смыслы единичности, порционности, возможности и т. п. — «рас-

щепляется» на множество конкретных слов, сочетание которых с другими словами весьма избирательно.

Например, смысл 'единичности' («одна штука», «один раз», «один квант действия или признака») при глаголе *стрелять* выражается другой глагольной формой — *стрельнуть*, а при существительном *стрельба* — словом *выстрел*; «одна штука» капусты называется по-русски *кочан* или *вилок* (*капусты*), а по-французски буквально «голова капусты» (*tête de chou*), «одна штука» картофеля — *картофелина*, *картошина*, а «один экземпляр» гороха — *горошина*. Сравните также следующие обороты, в которых выражен смысл 'штука', 'квант': *капля дождя*, *маковое зернышко*, *импульс тока*, *приступ* (или *вспышка*) *гнева* и др.

Обращают на себя внимание некоторые особенности выражения в русском языке стандартного количества продукта (не обязательно съедобного). Каждый продукт имеет, естественно, свои собственные физические свойства, поэтому он и используется особым образом: хлеб — пекут и едят, воду — пьют, табак — курят, пастой — чистят зубы и т. д. Это влияет и на характер словесного обозначения «порции»: мы говорим *тарелка щей*, *супу*, *батон* или *буханка хлеба*, *стакан воды*, *пачка сигарет*, *пачка* или *коробка печенья*, *тюбик пасты*, *коробка конфет*, *палочка дрожжей*, *рулон бумаги*, *вязанка дров*, *хворосту*, *банка варенья*, *майонеза*, *пакет молока*, *плитка шоколада*. Сравните также: *щепотка соли*, *горсть орехов*, *понюшка табаку*.

Имеет значение и то, как используется продукт. Морковь или зеленый лук продают *пучками*, а выращивают — *на грядках*; огородники так и говорят: — *У меня в этом году три грядки луку да две — моркови*. Грибы или щавель на рынке лежат *кучками*, но если грибы собирают, то измеряют их количество *корзинками* или *ведрами*.

Подобную зависимость словесных сочетаний от функции предмета лингвисты заметили давно. Однако лишь в последнее время были сделаны наблюдения, свидетельствующие о чрезвычайной чуткости механизма, управляющего сочетаемостью. Так, например, выбор глаголов *поест* и *попить* (или *выпить*) зависит не только от того, каков продукт — твердый он или жидкий (ср.: *поел хлеба* — *попил молока*), но и от его «функции»: если он насыщает, то о нем скажут *поел*, если утоляет жажду, то — *попил* (*выпил*). Поэтому говорят: *поел супа*, *бульона*, *поели молока с хлебом*, но *выпил компота*, *сока*. Влияет также и способ еды или питья: если ложкой, то — *поел бульона*, если из чашки, то — *выпил бульона*. При этом любопытно, что обозначения «чистых» напитков, т. е. жидкостей, которые ни при каких условиях не могут служить для насыщения, для утоления голода, — никогда не соединяются с глаголами *есть*, *поест*, *съест* (невозможно: *ем пиво, *надо поест чаю, *съешьте воды).

С другой стороны, одна и та же функция разных предметов может получать в языке различное обозначение даже в тех случаях, когда сами предметы образуют группу, однородную в том или ином отношении. Например, *поезд*, предназначенный для перевозки грузов, в русском языке называется *товарным*, используемый для той же цели *самолет* — *транспортным*, а *пароход* или *автомобиль* — *грузовым*. Если на этих видах транспорта возят людей, то слова, служащие для обозначения разновидностей, — тоже неодинаковые: *самолет*, *поезд* и *пароход* — *пассажирские*, а *автомобиль* — *легковой*.

Учтя и другие средства передвижения и их типичное использование, мы можем составить таблицу, в клетках которой разместим слова, по-разному называющие одну и ту же функцию вида транспорта:

Вид средства передвижения	Функция средств передвижения		
	Для перевозки (езды) людей	Для перевозки грузов	Для спортивных целей
<i>Автомобиль</i>	<i>легковой</i>	<i>грузовой (грузовик)</i>	<i>спортивный гоночный</i>
<i>Велосипед</i>	<i>дорожный</i>	—*	<i>гоночный</i>
<i>Конь, лошадь</i>	<i>верховая упряжная**</i>	<i>вьючная ломовая</i>	<i>скаковая</i>
<i>Поезд</i>	<i>пассажирский</i>	<i>товарный</i>	—*
<i>Самолет</i>	<i>пассажирский</i>	<i>транспортный</i>	<i>спортивный</i>
<i>Судно</i>	<i>пассажирское</i>	<i>грузовое</i>	<i>спортивное</i>

Примечания к таблице.

* В данной функции не используется.

** В слове *упряжная* «главный» смысл заключается в том, что лошадь ходит в упряжке; в совокупности со словом *верховая* это то, что она (лошадь) служит для выполнения указанной функции.

Чрезвычайно многообразны глагольные словосочетания. И это вполне понятно: ведь одну и ту же вещь можно использовать по-разному, характеризовать с разных сторон. Пуговицу можно изготовить, пришить, оторвать, найти, положить в карман...; подошву — прибить или приклеить, оторвать, износить, разрезать...; гвоздь — забить, выдернуть, погнуть, выправить, расплющить, накалить на огне и т. п. Но значительная часть и этих сочетаний может быть расклассифицирована в зависимости от того, какие элементарные смыслы они выражают.

С примером одного из таких классов мы уже познакомились, когда рассматривали обороты типа *совершить нападение* или *произвести осмотр*. Другой

класс составляют глаголы, выражающие в сочетании с существительными смысл, который приблизительно можно сформулировать как ‘иметь место, быть’: *дождь — идет, ветер — дует, погода — стоит* (в этом случае существительное обычно употребляется с определением: *Стоит солнечная безветренная погода*), *тишина — царит, опасность — существует*.

Очень широко и разнородно представлен в реальных словосочетаниях смысл ‘делать так, чтобы *x* (под *x*-ом мы имеем в виду любой предмет или понятие) существовал’: *построить дом, выточить деталь, испечь пирог, сварить суп, вскипятить чай, чеканить монеты, разбивать сквер, издавать книги, основать общество, выдвинуть идею, тезис, открыть закон, правило* и т. п. Не меньше сочетаний и с обратным смыслом, т. е. таких, в которых глагол значит ‘уничтожить, ликвидировать, сделать так, чтобы *x* перестал существовать’: *разрушить дом, уничтожить противника, стереть надпись, вывести (или вытравить) пятно, заткнуть дыру, отверстие, отменить спектакль, сжечь книги, аннулировать договор, устранить противоречие, закрыть школу, снять обвинение (с кого-либо), выключить свет*.

Любопытно — хотя мы никогда над этим не задумываемся, — что природа создаваемого или уничтожаемого предмета больше влияет на многообразие глаголов «созидания» и «уничтожения», чем природа того, кто (или что) производит соответствующее действие. *Строить дом* может и человек, и животное (вспомните трех поросят из всем известной сказки: каждый из них строил себе жилище), *рыть яму* — и люди, и, скажем, собака, и экскаватор, *убивать* — и солдат, и зверь, и пуля, и голод. Но очень редки сочетания, в которых один и тот же глагол соединялся бы с названиями разных объектов: можно *строить дом, жилище, вить гнездо, рыть нору*, но нельзя **строить яму, *вить дом или нору*; можно *убить волка, срубить лес, выдернуть или удалить зуб*, но нельзя **убить зуб, *срубить волка, *удалить дерево*.

Смысл ‘приготовить к использованию’ выражается такими глаголами и глагольными оборотами, как *кушанье — подать на стол, товар — выложить на прилавок, шашку — обнажить, выхватить из ножен, орудие — зарядить, очки — надеть, телевизор — включить*. Слегка отличающийся от него смысл ‘сделать пригодным к функционированию’ получает следующее лексическое воплощение: *нож — наточить (а шашку — наострить), скрипку — настроить, горло — прочистить, очки — протереть, карандаш — очинить, шину — накачать*.

Каждая вещь, в особенности такая, которая специально изготовлена для какой-либо определенной цели, выполняет свое предназначение. Но именно — свое, специфическое. Поэтому и выражения, обозначающие этот общий смысл ‘выполнять действие, для которого предмет предназначен’, — различны: *лам-*

на — светит, нож — режет, авторучка — пишет, топор — рубит, печь — согревает, ружье — стреляет, мотор — работает, мыло — моет и т. д.

Имеют достаточно специфическое выражение в языке даже такие, казалось бы, простые и стандартные смыслы, как 'начинать', 'продолжать' и 'кончать'. Разумеется, они могут обозначаться и самими этими словами: например, *урок начинается, продолжается, кончается*. Но нередко используются слова, имеющие ограниченную сочетаемость, т. е. употребляющиеся в соседстве не со всяким словом, а с определенными. Например, *дружба — завязывается, ссора — вспыхивает, ветер — поднимается и утихает, боль — возникает и проходит* или *отпускает, зубы у ребенка — режутся или прорезаются* и т. д.

Из того, что один и тот же смысл может иметь разное словесное выражение, вытекает вот какое интересное следствие: смысловые отношения между компонентами словосочетаний мы можем представлять в виде пропорций: десять относится к пяти, как сорок к двадцати, как сто к пятидесяти и т. д. (или в более корректном с математической точки зрения виде: $10 : 5 = 40 : 20 = 100 : 50$).

Конечно, отношения между словами нельзя полностью уподобить отношениям между числами: как бы ни были похожи некоторые значения, в каждом слове (или в каждой из сравниваемых словесных пар) сохраняется изрядная доля своеобразия. Однако если иметь в виду исключительно общие смысловые отношения — по тем параметрам, примеры которых мы привели, — то можно обнаружить любопытные «пропорциональные» законы мерности. Например, если соотнести слова по семантическим признакам 'действие' и 'инструмент' этого действия, то легко построить такие пропорции: *резать : нож = рубить : топор = красить : кисть = копать : лопата = прибивать : молоток = шить : игла = вязать : спицы = паять : паяльник = кроить : ножницы* и т. д. Читать эти смысловые пропорции надо так же, как числовые, то есть: *врезать* так относится к *нож*, как *рубить* относится к *топор* и т. д.

Пропорции по смысловым признакам 'действие' — 'средство' этого действия выглядят так:

красить : краска = шить : нитки = прибивать : гвозди = паять : олово = клеить : клей = протравливать : кислота = стрелять : патроны (или *пули*) и т. д.

Подобным образом можно обнаружить повторяющиеся и, следовательно, не случайные смысловые различия и в других группах слов. Например, отношение «действие — результат действия» характеризует глагольные пропорции вроде *ловить : поймать = искать : найти* и глагольно-именные типа *разрезать : разрез = прокалывать : прокол = вырубать (деревья) : вырубка = снимать (в значении 'фотографировать') : снимок = варить : варево = крошить : крошево* и т. п. (с исторической точки зрения таковы же отношения между сло-

вами *волоочь* : *волокно* = *печь* : *печенье* = *варить* : *варенье* и нек. др., но в современном языке слова этих пар семантически более или менее значительно разобщились: *волокно* для человека XX в. — это совсем не обязательно то, что *волокут*, в каком бы то ни было значении этого глагола; *пекут* не только *печенье*, а *варят* не только *варенье*).

Однако заметьте: внешне как будто такие же самые пропорции *есть* : *еда* = *пить* : *питье* = *курить* : *курево* в действительности являются иными. Если *разрез* — это отверстие или щель, получаемая в результате *разрезания*, а *вырубка* — место, на котором *вырублены* деревья, то *питье* — это никакой не результат действия *пить*, а его объект: *питье* — то, что пьют, точно так же как *еда* — то, что едят, а *курево* — то, что курят. Значит, только что приведенная пропорция характеризуется смысловым отношением 'действие — объект действия'.

Хотя во всех приведенных примерах участвуют пары однокоренных слов, «пропорциональность» отношений между ними является именно смысловой, а не словообразовательной. В этом легко убедиться, обратившись к другим видам подобных пропорций.

По параметру 'множество' рассмотренные выше (с. 755) слова, а также другие, при которых возможно выражение этого смысла, — составляют такие пропорции: *табун* : *лошадь* = *стадо* : *корова* = *отара* : *овца* = *свора* : *собака* = *стая* : *ворона* = *косяк* : *рыба* = *рой* : *пчела* = *батарея* : *бутылка* (ср. *батарея* *бутылок*) = *пучок* : *прут* (ср. *пучок* *прутьев*) = *связка* : *ключ* = *ряд* : *кресло* = *обойма* : *патрон* и т. п.

Так как слова *крепкий*, *проливной*, *острый*, *зоркий*, *безудержное*, *беспросветная*, *тяжкое* в приведенных на с. 756 словосочетаниях выражают один и тот же смысл 'очень, в высокой степени', то отношения между каждым из них и соответствующим словом (определяемым) можно уподобить, приравнять, т. е. представить в виде пропорции: *крепкий* : *сон* = *проливной* : *дождь* = *острый* : *нож* = *зоркий* : *глаза* = *безудержный* : *веселье* = *беспросветный* : *нужда* = *тяжкий* : *преступление*.

Пропорции типа *нападение* : *совершать* = *осмотр* : *производить*... или *пирог* : *печь* = *книга* : *издавать*... вы легко построите сами, если возвратитесь на несколько абзацев назад и еще раз обратите внимание на то, как выражаются в русском языке некоторые смысловые «параметры».

Природный носитель языка редко ошибается в лексическом выражении разных смыслов. Стало быть, в его языковом сознании существуют правильные смысловые пропорции. Человек, с детства владеющий русским языком, никогда не соотнесет *дождь* с глаголом *стоять*, а *туман*, напротив, с глаголом *идти*, не назовет *здоровье* — *тяжелым*, а *болезнь* — *крепкой* (сравните правильные обороты: *тяжелая болезнь*, *крепкое здоровье*).

Однако в сочетаемости некоторых слов, передающих те или иные «элементарные смыслы», есть тонкие различия. Если эти различия не учитывать, могут возникать ошибки — в одних случаях грубые, видные «невооруженным глазом», в других — выявляемые только в результате лингвистического анализа. Рассмотрим несколько таких случаев.

В сочетании с существительным *обвинение* глаголы *выдвигать* и *поддерживать* имеют одну и ту же функцию: они «оглаголивают» существительное. По смыслу обороты *выдвигать обвинение* и *поддерживать обвинение* равны глаголу *обвинять*. Однако между этими оборотами есть различие: *поддерживать обвинение* может только профессиональный юрист, выступающий на суде в роли официального обвинителя (сравните: *Обвинение поддерживает советник юстиции 2-го класса Иванов*). Сочетание же *выдвигать обвинение* такого ограничения в смысле не содержит.

Выражения *принести победу* (кому-либо) и *обеспечить победу* кажутся абсолютно равнозначными. Но на самом деле их различает некоторая смысловая тонкость. Для правильного употребления первого оборота должно выполняться такое условие: то, что приносит победу, — это обычно действия или свойства лица, которому победа достается. Поясним примером. Можно сказать: *Мастерство и упорство шахматиста принесли ему победу в прошедшем матче*. И нельзя: **Мастерство и упорство Петрова принесли победу Сидорову*. У оборота же с глаголом *обеспечить* такое условие необязательно. Сравните фразы: *Деловитость, принципиальность нового кандидата обеспечили ему победу на выборах* (указанное условие соблюдено: ведь *деловитость, принципиальность* — свойства кандидата, ему же и досталась победа на выборах) — и: *Усилия многочисленных сторонников нового кандидата обеспечили ему победу на выборах* (условие не соблюдено: усилие делали сторонники, а победил кандидат).

Слово *сон* легко сочетается с однокоренными глаголами *спать, засыпать*; но при этом оно обязательно должно иметь при себе определение: *спать беспробудным сном, сном праведника, заснул тяжелым сном*. С другой стороны, *сон* в значении ‘способность спать’ при сочетании с глаголами невозможно употребить с зависимыми определениями: *потерять сон, лишиться сна, сон пропал* (нельзя сказать: **Он потерял свой сон; *Сон отца пропал*).

Слова, обозначающие процесс или некоторую шкалу, которой измеряется какое-либо явление, могут сочетаться с глаголами, передающими два противоположных смысла — ‘увеличение’ и ‘уменьшение’. Сравните такие выражения: *Температура воды в котле возрастает (или увеличивается)* — *Температура воды падает (или понижается)*; *Напряжение тока в сети увеличивается (или усиливается)* — *Напряжение тока в сети уменьшается (или ослабевает)*. Казалось бы, раз необходимо выразить противоположные смыслы, то во всех слу-

чаях (как и в только что приведенных) должны использоваться антонимы: с одной стороны, *увеличиваться, возрастать, расти, повышаться, усиливаться* — для обозначения смысла ‘увеличиваться’, а с другой, *уменьшаться, падать, понижаться, ослабевать, ослабляться* — для выражения смысла ‘уменьшаться’.

Однако в действительности употребление этих антонимов не соотносительно. Можно сказать *влияние падает*, но нельзя: **влияние поднимается* (а только *растет, усиливается, возрастает*). Одинаково правильны сочетания *температура повышается — температура понижается (снижается), температура возрастает — температура падает*, но не очень хорошо звучит *температура усиливается* или *ослабевает* (а о жаре или морозе так сказать вполне можно). Напротив, об электрическом токе говорят, что он *усиливается* (или *ослабевает*), но не *растет, не возрастает, не повышается* и не *падает* (но можно сказать: *сила тока возрастает, падает — не усиливается!*). Уж на что, кажется, просты смысловые отношения между антонимами *высокий* и *низкий*! Ведь эти слова как будто вполне симметрично располагаются по обе стороны от воображаемой точки, обозначающей нечто «среднее»: *высокое дерево — низкое дерево, высокое здание — низкое здание; высокий забор — низкий забор*.

Однако попробуйте употребить каждое из этих прилагательных со словами, обозначающими человека. Вы убедитесь, что *низкий* не может использоваться как антоним прилагательного *высокий*. Можно сказать: *высокий старик, высокая девушка, высокий парень*, но не говорят: **низкий старик, *низкая девушка, *низкий парень*. Сравните употребление других форм этого прилагательного: *Вошел низенький старичок; Он ниже меня* и т. п.

Некоторые человеческие чувства — радость, надежда, жалость, страдание и др. — по природе своей могут иметь различные степени, от слабой до сильной. Мы говорим (выражая тот самый смысл ‘очень’, о котором уже шла речь выше): *бурная радость, светлые надежды, безмерная жалость, невыносимое страдание*. Можно сочетать с этими словами и глаголы, обозначающие степень чувства: *Казалось, радость ее достигла предела; В нем крепла надежда еще раз увидеть этот край; От слов старика жалость к нему только усилилась; Не увеличайте и без того невыносимые ее страдания!* Но далеко не любой из глаголов, обозначающих идею увеличения или уменьшения, может быть здесь употреблен; нельзя сказать: **его радость увеличилась, *надежда повышается, *жалость падает, *страдание понизилось*.

Мнение можно *высказать, выразить, сообщить, изложить*, им *делятся* с другими, но его нельзя *рассказать*, хотя все эти глаголы весьма близки по значению. *Согласие выражают* или *высказывают*, но не *сообщают*, не *излагают*, не *рассказывают*, не *делятся* им с собеседником. Говорят: *выразил* или

высказал сомнение, намерение, надежду, сообщил или изложил план, но не *сообщил сомнение, *изложил надежду, *выразил план.

Поистине поразительна та избирательная сила, которой наделено языковое сознание человека, говорящего на родном для него языке: он не ошибется, не скажет вместо *светлые чувства* — *белые чувства, не спутает обороты *потерять терпение* и *утратить спокойствие*. Но как же должно быть сложно то «устройство» в мозгу, которое управляет лексической сочетаемостью!

Ведь общие смыслы, смысловые «параметры», примеры которых мы приводили, существуют независимо от языка: и у русского, и у немца, и у узбека постоянно есть потребность что-то похвалить, обозначить множество предметов или высшую степень какого-либо свойства, указать, как получается данный продукт, как используется такая-то вещь и т. д. Но выражаются эти смыслы в каждом языке специфично.

Сравним только два языка — русский и французский.

Выражая положительную или отрицательную оценку какого-либо действия или поступка, русский может сказать соответственно *очень хорошо*, *очень плохо*, а французы часто говорят *fort bien*, *fort mal* — буквально: *сильно хорошо*, *сильно плохо*. По-русски говорят: *выносить*, *объявлять выговор*, а по-французски *adresser un blâme* — буквально: *обращать*, *адресовать выговор кому-либо*. *Method* по-русски *разрабатывают*, а по-французски *развивают* (*développer une méthode*). Русским выражениям *испытывать голод* и *нести ответственность*, несколько не схожим по составу элементов, во французском языке соответствуют обороты, содержащие один и тот же глагол *avoir*: *avoir faim* и *avoir une charge* — т. е., буквально: *иметь голод*, *иметь ответственность*.

Тощий желудок переводится на французский язык как *плоский желудок* (*ventre plat*), *клочок земли* — как *угол земли* (*coin de terre*), *виновник пожара* — как *автор пожара* (*l'auteur de l'incendie*) и т. д.

Те смыслы, которые по-французски могут выражаться сочетанием слов, в русском обозначаются одним словом, и наоборот. Сравните, с одной стороны: *forte pluie* — *ливень*, *prendre de l'age* (буквально: 'прибавлять в возрасте') — *стареть*, *prendre place* (буквальное 'взять место'; таков же буквальный перевод и немецкого оборота *nehmen Platz*) — *сесть*, *садиться*; и, с другой стороны: *осыпать оскорблениями* — *fouaïtler* (буквально: 'хлестать, стегать кнутом'), *достичь предела*, «*потолка*» — *plafonner*, *подъемные механизмы* — *les appareils* (в одном из значений), *приборы ночного видения* — *les infrarouges* и т. п.

Человек, хорошо владеющий языком, могущий изъясняться на нем свободно, обладает (сам не подозревая об этом!) колоссальным количеством сведений об условиях сочетаемости слов. Разумеется, эти сведения не существуют в виде правил, «записанных» в нашем мозгу, — они формируют то, что мы называем «чутьем языка». Языковое чутье позволяет нам не только строить пра-

вильные высказывания, но и безошибочно отделять правильные обороты от неправильных.

Следует иметь в виду, что нормы сочетаемости слов (так же как и вообще языковые нормы) исторически изменчивы: сочетания, которые сейчас представляются нам странными или даже невозможными, каких-нибудь сто-полтораста лет назад были вполне обычны.

Наши предки *нанимали* не только *извозчиков* или *прислугу*, но и *квартиры*, сравните: *Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города* (М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»). Мы сейчас говорим только *снимать, снять квартиру* (*дачу, дом*).

Сделать можно было не только *замечание* (как в современном языке), но и, например, *вопрос*: в повести Пушкина «Выстрел» офицеры *сделали ему* [Сильвио] *этот вопрос* (мы бы сказали: *задали ему вопрос*). Вообще глаголы *сделать, сделаться* и некоторые другие в своих переносных значениях сочетались с существительными гораздо более широко, чем теперь. Вспомните знаменитое описание метели в повести Пушкина «Капитанская дочка»: *Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель*. Сравните: *Тревога междутем сделалась ужасная* (М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

Гоголь находил совершенно нормальным сочетание *привести в стыд*: *Это привело в стыд наших храбрецов и заставило их ободриться*.

В стихотворении Н. А. Некрасова «На улице» читаем:

*Пришел городской, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгий,
И вора повели торжественно в квартал.*

Сейчас даже юристы самого старшего поколения не скажут: *отобрать допрос*, — *произвести* или *снять допрос* (или еще: *учинить*, но этот глагол отличается одновременно и некоторой архаичностью, и разговорностью в стилистической его окраске).

Раньше писали: *произвести влияние* (см., например, у Герцена в его работе «Дилетантизм в науке»), *производить панику* (у А. И. Куприна в очерке «Мой полет»). Сейчас те же мысли выразят иначе: *оказать влияние, сеять* или *поднимать панику*.

В современном речевом обиходе нормально выражение *со мной* (*с ним, с Колей*) *случилась беда*, а в XIX в. говорили и *случилась радость*: *...с этого момента я почувствовал, что со мною случилась большая радость* (Г. И. Успенский. Выпрямила).

Знакомясь с критическими и литературоведческими статьями, современный читатель не задерживает своего внимания на таких расхожих оборотах, как *мысль вызвала полемику, широта мировоззрения*: они вполне обычны, даже несколько шаблонны. Но если возьмем в руки сочинения блестящего критика-разночинца Д. И. Писарева, жив-

шего полтора столетия тому назад, и станем всматриваться в язык этих сочинений, глаза поневоле остановятся на сочетаниях *возбудили желанную полемику* (статья «Посмотрим!»), *выработать в себе ширину понимания* («Промахи незрелой мысли»), которые для русского человека того времени были абсолютно нормальны.

В начале XX в. говорили: *взять ванну* — в том же самом смысле, в каком мы сейчас говорим *принять ванну*. Один из случаев такого словоупотребления находим в письме А. Блока к матери (13 мая 1909 г.). Этот оборот является калькой французского выражения *prendre un bain*, но поскольку глагол *prendre* переводится на русский и как *брать/взять*, и как *принимать*, то первые случаи использования оборота в русском языке допускали непостоянство составляющих его компонентов: то *брать ванну*, то *взять ванну*, то *принять ванну*. И лишь с течением времени в речевой практике (и в словарях) закрепился последний вариант.

Слова *очень, совершенно, слишком*, усиливающие смысл того слова, к которому они относятся, в языке XX в. (да даже и в начале нынешнего) могли сочетаться и с такими глаголами, которые не обозначают степени, «градуированность» действия или состояния (см. ниже). И это не было чертой индивидуального стиля какого-либо одного писателя, а характеризовало общеупотребительный язык.

Я очень помню вас, Лидия Алексеевна, и ваши хорошие рассказы, — писал Л. Толстой одной из своих корреспонденток. А Глеб Успенский считал, что он *совершенно понимал* своего приятеля («Письма с дороги»). Не казались странными подобные обороты и А. Блоку, который писал: *Я читаю «Новую жизнь» потому, что слышу точки зрения «буржуазные» и хочу войти в курс противоположных* (письмо матери от 8 мая 1917 г.). Мы сейчас, вероятно, предпочли бы сказать иначе: *очень хорошо (отчетливо) помню, хорошо (вполне) понимал, слишком хорошо знаю*.

В сочетаемости и других слов, выражающих иные смысловые «параметры», также можно наблюдать особенности, отличающие русский язык сравнительно недавнего прошлого от современной речи. Сравните такие примеры: *Коридорный принес целую пачку ключей всевозможного рода: маленьких, длинных, больших, коротких* (Г. И. Успенский. Письма с дороги) — сейчас говорят *связка ключей; Природный ум этих молодых людей... приходит к полнейшему банкротству, то есть к самому безвыходному унынию* [сравните современные обороты: *безысходное уныние, безысходная тоска и безвыходное положение*] и *к самой тупой апатии* (Д. И. Писарев. Промахи незрелой мысли).

Раздумывая над этими и другими примерами словосочетаний, обычных в языке XIX в. и замененных другими в нашей речи, можно прийти к такому выводу.

Развитие норм лексической сочетаемости совершается не просто по принципу: вместо одного, устаревшего оборота — другой, новый. Новое от старого отличается и качественно. В чем же это отличие? В том, что увеличивается избирательность слова в его сочетании с другими, тем самым усиливается фразеологичность самих словосо-

четаний: раньше можно было сказать и *сделать вопрос*, и *сделать замечание* — теперь же говорят *сделать замечание*, но *вопрос* — *задать*; раньше глагол *производить* мог присоединять к себе очень широкий круг существительных, обозначающих действие, — теперь же этот круг сузился, и нельзя, как прежде, говорить *произвел влияние*, *произвел панику*; раньше слова типа *очень*, *совершенно* могли усиливать смысл более разнообразных в семантическом отношении единиц, в современном же языке они соединяются только с теми словами, которые обозначают степени действия или качества.

Таким образом, механизм лексической сочетаемости стал тоньше, а словесные средства, обеспечивающие работу этого механизма, — разнообразнее. Разнообразие же языковых средств находится в прямой связи с выразительностью языка.

Сочетаемость слов — лишь одна сторона взаимодействия лексических значений. В живой речи важно правильное соседство не только конкретных слов, выражающих те или иные смыслы, но и самих этих смыслов.

Почему нам кажутся неправильными или, во всяком случае, необычными такие сочетания, как *круглый квадрат*, *опускаться вверх*, *уныло обрадовался*? Не потому, что в них неточно подобраны слова: обороты *овальный квадрат*, *падать вверх*, *грустно обрадовался* производят не менее странное впечатление. Дело здесь в том, что в одно сочетание сведены противоречащие друг другу смыслы. Не слово *квадрат* плохо сочетается со словом *круглый*, а значения, смыслы 'квадратность' и 'круглость' не соединяются, так как между ними есть явное логическое противоречие. Противоречат друг другу, как это вполне очевидно, и смыслы 'вниз' (содержащийся в значении глагола *опускаться*) и 'вверх'; 'уныло', исключаящий даже намек на радость, и 'радоваться'. (Ср.: *тяжело здоров* и *абсолютно болен* — в этих сочетаниях неправильно соединены именно слова; смысл же, выражаемый здесь наречиями *тяжело* и *абсолютно*, — один и тот же: 'очень'.)

Эти примеры приведены для того, чтобы в самом общем виде и в то же время достаточно наглядно проиллюстрировать ранее уже упоминавшееся явление согласования смыслов в словосочетании и в предложении. Это явление существует в языке наряду (и в сложном взаимодействии) с правилами лексической сочетаемости, т. е. сочетаемости слов.

Требование не соединять логически противоречивые значения — лишь одно из требований смыслового (или, иначе, семантического) согласования, причем, как мы увидим, не универсальное. В особых случаях, для специальных целей — обычно в художественном произведении — контрастные смыслы объединяются намеренно (писатель В. Катаев, например, назвал одно из своих ранних произведений «*Квадратура круга*»). Помимо этого требования, есть и другие. Мы не будем формулировать их в виде перечня правил — это было бы скучно и утомительно. Лучше рассмотреть конкретные

факты русского языка и попытаться понять, какие смыслы охотно соединяются друг с другом, какие — менее охотно, а какие совсем не могут находиться рядом.

Однако пока мы не можем приступить непосредственно к такому анализу. И вот почему. Мы хотим выяснить, как взаимодействуют значения слов, но еще не знаем, как выражается значение в слове! Вы скажете: а что тут мудреного? Ведь если мы владеем русским языком, то и значение каждого слова (или, во всяком случае, многих) этого языка не представляет для нас загадки. А какое слово и окажется непонятным — возьмем словарь, посмотрим, что оно значит.

В таком рассуждении есть резон. Природный носитель языка не ведаёт о том, какова «конструкция» слова, как оно выражает тот или иной смысл, не знает он и всяких премудростей вроде «условий лексической сочетаемости» или «согласования смыслов». Он просто пользуется языком, который усвоил с детства. Но коль скоро мы задались целью изучить, как живет слово в языке, как оно используется людьми, мы должны постараться, насколько это возможно, проникнуть в механизм владения словом, сделать явным, назвать, описать то, что заложено в языковом сознании человека и что он применяет интуитивно. И одна из задач такого изучения — исследовать значение слова, понять, как оно «устроено».

Выясним, как формулируется значение того или иного слова. Для этого откроем толковый словарь — толковым он называется потому, что в нем толкуются, разъясняются значения слов языка.

«ВСЕЛЕННАЯ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ»

Выражение, выбранное нами для названия этой главы, принадлежит выдающемуся французскому писателю Анатолью Франсу. Филологически прекрасно образованный, тонкий знаток языка и блестящий стилист, Франс очень любил изучать словари и говорил о них: «Словарь — это вся вселенная, расположенная в алфавитном порядке». В одной из своих статей Франс рассказывал о таком случае с поэтом Шарлем Бодлером.

Когда Бодлер, будучи еще молодым и неизвестным, пришел к другому французскому поэту, маститому Теофилю Готье, тот спросил его: — Читаете ли вы словари?

Бодлер ответил, что да, читает охотно. И Готье стал говорить ему, как необходимо это занятие писателю, сколько полезного может почерпнуть он из чтения словарей.

Читать словари?! Что за странность! Ведь это не роман, не детективная повесть. Как же можно их читать? Да вот и Пушкин — даже Пушкин! — по его собственному признанию, не читал, а «заглядывал... встарь в академический словарь»... Такова, я думаю, естественная реакция на рассказ о Готье.

Действительно, без чтения словарей, без систематической, регулярной работы с ними не может обойтись человек, профессионально связанный со словом: писатель, журналист, языковед, диктор радио, учитель-словесник, лектор. Для большинства же людей словарь — это справочник, в котором при необходимости можно найти те или иные сведения: как пишется слово, что оно значит, как употребляется и т. д. При этом человек, конечно, читает словарь, но не весь подряд, а нужное ему место.

Хотя словари издаются у нас большими тиражами, на прилавках книжных магазинов словарь не задерживается. В нем нуждается не только литератор и университетский профессор, переводчик и школьный учитель, но и врач, инженер, рабочий, художник, агроном и люди сотен других профессий. Словари нужны всем — может быть, не для того чтобы читать их, но уж во всяком случае — чтоб в них «заглядывать».

В отличие от других книг, которые можно взять почитать в библиотеке или у приятеля, — словарь надо иметь: ведь это справочник, и хорошо, когда он постоянно под рукой.

Какого же рода сведения содержатся в словарях?

Начнем с того, что существует великое разнообразие словарей. Большинству людей известны двуязычные — те, что мы используем при изучении иностранных языков: англо-русский, немецко-русский, русско-французский и т. п. В этих словарях слова одного языка переводятся на другой: с английского на русский (в англо-русском) и, наоборот, с русского на английский (в русско-английском). Среди двуязычных масса так называемых отраслевых словарей — по той или иной отрасли знания, техники: французско-русский словарь по электронике, англо-русский словарь по космонавтике, физический немецко-русский словарь и т. п.

Одноязычные словари еще более разнообразны: толковые, орфографические, орфоэпические, или словари правильного произношения и ударения, словообразовательные, этимологические (здесь содержатся сведения о происхождении слов), частотные (где указана частота употребления слов в речи), терминологические, словари иностранных слов и др. О каждом из них можно рассказать много интересного. Но это отвлекло бы нас от нашей темы: ведь мы начали говорить о словарях только в их. Поэтому дальше речь пойдет только о них.

Люди, для которых русский язык является родным, обычно умеют выбрать нужное русское слово, употребить его так, как предписывают это правила и языковая традиция, умеют и легко понять сказанное другими. Это «коллектив-

ное знание» о смысле слова и его употреблении отражает толковый словарь. При этом авторы и составители словарей стремятся к наиболее полному и правильному, адекватному воплощению в словарном толковании именно тех значений, которые присущи данному языку в данное время.

Вот как, например, толкуется глагол *воспитать* в широко известном «Словаре русского языка», который составил С. И. Ожегов:

Воспита́ть. 1. Вырастить, дав образование, обучив правилам поведения. *В. ребенка.* 2. Путем систематического воздействия, влияния сформировать чей-нибудь характер. *В. хорошего бойца.* 3. Привить, внушить что-нибудь кому-нибудь. *В. в детях любовь к родине.* || *несов.* воспитывать; || *сущ.* **воспита́ние**, ср. *Политическое в. масс; прил.* **воспита́тельный.** *Воспитательная работа.*

В словаре слово вместе с его толкованием и примерами употребления составляет словарную статью; сколько заглавных слов в словаре, столько и словарных статей.

Но *воспитать* — глагол, хорошо знакомый каждому. Редко кто обратится к толковому словарю, чтобы выяснить, что этот глагол значит. Но вот что любопытно: и в этом, казалось бы, таком очевидном случае словарь сообщает нам некоторую информацию — он четко формулирует, что значит слово (а сформулировать значение — дело далеко не простое: чтобы убедиться в этом, попробуйте, не заглядывая в словарь, истолковать, скажем, слова *ехать*, *гора*, *хороший*), и, кроме того, указывает, что значений у него не одно, а целых три.

Многие же другие слова еще сложнее по смыслу — в них выделяются десять, двадцать и больше значений! Мы говорим: *По дороге идет мальчик; Поезд идет быстро; Иду гулять; Мы идем к намеченной цели; Трудно идти против воли большинства; В своих исследованиях он идет за своим учителем; Письма идут долго; Часы идут; Идет дождь; Дорога идет полем; Из трубы идет дым; Идут экзамены; На костюме идет три метра материи; Платье идет ей* и т. п. — и во всех этих фразах глагол *идти* выступает в разных своих значениях.

Существует закономерность: чем употребительнее слово, чем чаще у говорящих возникает потребность его использовать, тем оно многозначнее. Раскройте словарь, и вы увидите, что такие общеупотребительные слова, как *стол*, *рука*, *жить*, *белый*, *большой*, *говорить*, *делать*, *расти* и др., имеют не по одному, не по два, а по несколько разных значений.

Человек, хорошо владеющий русским языком, конечно, владеет и разнообразными значениями таких слов, он умеет использовать их применительно к условиям речи, к ситуации. Но представление о четком их различии или, напротив, об их близости он сможет получить только с помощью словаря. В сомнительных случаях — можно ли так сказать? есть ли такое-то значение у сло-

ва? — тоже обращаются к словарю, лучшему судье в подобных спорах и сомнениях.

В особенности это касается слов иностранного происхождения и профессиональных терминов. Иностранное слово можно отыскать и в обычном толковом словаре, но есть и специальные справочники, в которых указывается источник и значение заимствованного слова. Это — словари иностранных слов, которые, по характеру содержащихся в них сведений и по форме подачи этих сведений, также можно отнести к толковым.

Читаете вы, скажем, газету. Встречается фраза: «Вчера состоялась *ратификация* этого договора». Что такое *ратификация*? Берем «Словарь иностранных слов» под редакцией И. В. Лехина и других (М., 1964) и на с. 543 находим:

Ратифика́ция [<лат. ratificatio < ratus 'решенный, утвержденный' + facere 'делать'] — утверждение органами верховной государственной власти международного договора, заключенного уполномоченными договаривающихся государств.

В словарь иностранных слов включены и многие научные и технические термины, имеющие более или менее широкое распространение в нашей речи. Но слова узкого круга употребления, сугубо специальные, а также термины не иноязычного происхождения надо искать в специальных терминологических словарях.

Вот, например, в рассказе об охоте вы то и дело натываетесь на незнакомые слова: *вабить утку*; *манок* — или встречаетесь с необычными значениями слов: «волки *сделаны* отлично», «загонщики пошли без *ерша*» и т. п. В большинстве случаев писатель, понимая, что среди его читателей не все охотники, разъясняет значение специальных охотничьих слов и оборотов, как это делал, например, М. Пришвин (из произведений которого взяты эти примеры). А если такого разъяснения нет? На помощь придет словарь — толковый или специальный.

Берем большой академический словарь и открываем на букве «В», ищем нужное нам слово. Вот оно: *Вабить*, -блю, -бишь; *несов. Охотн.* Подманивать, манить птицу или зверя подражанием их голосу. — И тут же пример из «Рассказов и воспоминаний охотника» знаменитого русского писателя середины XIX в. С. Т. Аксакова, прекрасно иллюстрирующий употребление этого достаточно редкого в обычной речи глагола: «Ястреба надобно на что-нибудь посадить... и куском мяса поматывать, а самому почмокивать и посвистывать (что называется *вабить*, то есть звать, манить)».

Найдем мы в толковом словаре и слово *манок* — приспособление для подманивания птиц или животных. Но что значит «сделаны волки» и кто такой «ерш» («Волки сделаны» означает: загнаны в зону, огражденную красными флажками, и направлены загонщиками в сторону стрелков, а «ерш» — это ру-

ководитель загонщиков») — из обычного словаря мы не узнаем: ведь специальные термины встречаются в нем случайно (в основном это те, которые употребляются в обиходной речи или в художественной литературе). Систематическое описание охотничьей лексики надо искать в охотничьем словаре. Подобно ему, существуют терминологические словари других ремесел, наук, отраслей техники — садоводства, лесного хозяйства, авиации и космонавтики, металлургии и т. п. Есть политехнический словарь, в котором собрана терминология, свойственная не одной, а нескольким, многим областям техники и науки.

Каждый из специальных словарей необходим людям соответствующей профессии, для большинства же он — книга за семью печатями, которая может понадобиться лишь в исключительных случаях. Ведь не владея профессией садовода, металлурга или авиационного конструктора, не испытываешь и нужды употреблять те или иные специальные термины. Говорить же, не используя лексику общеупотребительную, нельзя, а ее-то как раз и фиксируют общие, не профессиональные толковые словари.

Толкуя слово, словарь сопровождает это толкование не только примерами — из примеров часто особенно отчетливо вырисовывается смысл слова, становятся очевидными особенности его употребления, — но и указанием на его стилистическую окраску, стилевую принадлежность: *разг.* (= разговорное), *книжн.* (= книжное), *проф.* (= профессиональное), *устар.* (= устаревшее) и др. Эти указания — не выдумка лингвистов, составивших словарь, а лишь отражение того, как употребляются слова в речи.

«Стилистическое знание», то есть правильное представление о стилистической окраске слова и условиях его использования, — неотъемлемая часть того, что мы называем «владение языком». В самом деле, далеко не безразлично, как сказать: *нерешительный человек* или *размазня*, *перебранка* или *свара*, *нудное дело* или *канитель*, *ругать* или *хаять*. При тождестве значений или небольших смысловых различиях слова этих пар существенно разнятся стилистически: слева — нейтральные, справа — разговорные или просторечные.

Слово, уместное, скажем, в научной работе, часто оказывается не применимым в быту, в разговоре; обороты, привычные в газетном очерке, воспринимаются как дурной штамп в лирическом стихотворении. Словарные пометы как раз и предназначены для того, чтобы правильно ориентировать читателя на стилистическую окраску слова, указать ту область человеческой деятельности и тот стиль, где данное слово обычно, естественно, предостеречь читателя от стилистически ошибочного использования слова или оборота.

И все-таки сведений о значении и стилистической окраске слова оказывается недостаточно для правильного употребления его в речи. Чего же не хватает? Обычные толковые словари (а также словари иностранных слов и термиоло-

гические) не дают систематической информации о сочетаемости слов. А это, как могли мы убедиться, читая предыдущую главу, — важная составная часть владения языком.

Только в последние полтора-два десятилетия лингвисты всерьез взялись за тщательное изучение лексической и семантической сочетаемости и даже перешли от теоретических изысканий к практическому составлению словарей нового типа — толково-комбинаторных (*комбинаторный* — от латинского слова *combinātum* 'сочетание, соединение', сравните другие слова с тем же корнем: *комбинат*, *комбинировать*, *комбинация*). Наряду с толкованием значений в словарях этого рода указаны все типичные сочетания каждого слова с другими (или, иначе, лексические «параметры» слова — см. выше), а также даются сведения о синтаксических связях слов (об управлении).

Толково-комбинаторный словарь в сравнении с другими, известными нам типами словарей, необычен. Необычность проявляется уже в толковании: оно не такое, как в «нормальном» толковом словаре. В чем же состоят отличия?

Традиционно единицей, которая нуждается в толковании, считается отдельное слово. Например: *резать*, *режу*, *режешь*, *несов.* 1. *что*. Разделять на части, отделять от целого чем-нибудь острым. *Р. сыр*. 2. *что*. Делая надрез, вскрывать. *Р. нарыв*. 3. (1 и 2 л. не употр.). Действовать при употреблении (об острых орудиях). *Ножницы не режут*. (И так далее — всего 10 значений.) — Такую словарную статью мы найдем в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова.

Даже по этим толкованиям, описывающим один отдельно взятый глагол, легко увидеть, что значение глагола — например, 1-е — состоит из определенных компонентов: 'тот, кто (или: то, что) режет' (лицо или механизм — например: *мальчик*, *станок* и т. п.), 'то, что режут' (например: *сыр*, *хлеб*, *огурец*, *мясо* и т. п. — т. е. предмет или нежидкое вещество) и 'то, чем режут' (например: *нож*, *ножницы*, *бритва* и т. п. — т. е. инструмент).

Это значит, что всякое употребление глагола *резать* должно содержать явное или подразумеваемое указание на эти компоненты: *Миша режет бумагу ножницами*; *Мама резала огурцы* (инструмент — нож или что-либо другое — подразумевается: ведь невозможно резать огурцы, не используя никакого режущего инструмента); *Таким тупым ножом резать веревку очень трудно* (в предложении не выражено лицо — тот, кто режет, — но оно подразумевается).

Если же пренебречь каким-либо из этих компонентов значения (а тем более — всеми) или же заменить его другим, то могут получиться неправильные фразы, противоречащие смыслу глагола *резать*: **Лампа резала мясо ножницами*; **Уравнение резало духоту снегом*. В этих предложениях вместо компонента 'лицо' введены компоненты 'неодушевленный предмет' (*лампа*) и 'математический объект' (*уравнение*), вместо компонента 'предмет или вещество' (то, что режут) — существительное, имеющее отвлеченный смысл, — назва-

ние признака (*духота*), а в значении инструмента выступает слово *снег*. Вот поэтому и получились столь нелепые высказывания. Следовательно, чтобы избежать этого и, напротив, обеспечить построение правильных по смыслу предложений, в которых фигурирует глагол *резать*, надо постоянно следить за согласованием компонентов его значения со значениями других слов, входящих в предложение и синтаксически связанных с глаголом.

— Да, хорошенькое дело — следить! — вправе возразить читатель. — А откуда их взять, эти компоненты? Ведь в случае со словом *резать* автор намеренно вычленил составные части значения глагола из того толкования, которое дано в словаре. Но в других-то случаях кто поможет пользующемуся словарем расчленять толкования на компоненты? И всегда ли это можно сделать?

Разумеется, все эти вопросы и недоумения справедливы. Виданное ли дело, чтобы человек занимался изучением словарных толкований, вместо того чтобы использовать словарь в качестве справочника?! Мало того, что это занятие невозможно без профессиональной лингвистической подготовки, — словарь, требующий такой работы с ним, попросту не отвечает своему назначению — быть справочником.

В действительности к обычному толковому словарю и нельзя предъявлять такие требования — чтобы смысл слова представлялся в нем расчлененно: ведь каждое слово толкуется в нем отдельно, а не в составе высказывания.

— Так надо толковать его в составе высказывания! — слышу я догадку читателя.

Правильно. Некоторое время назад лингвисты, занимающиеся изучением семантики слова и его сочетаемости, пришли к убеждению, что смысл слова может быть правильно описан только в том случае, если слово будет браться во фразе, в типичных сочетаниях с другими словами. Но как это сделать? Описывать отдельно каждую фразу с данным словом, например с глаголом *резать*? Нелепое и неосуществимое занятие: таких фраз бесконечное множество. Да и есть ли разница в значении глагола *резать*, употребленного, скажем, в таких предложениях, как: *Мальчик режет колбасу*, *Старик резал хлеб*, *Девочка режет лист бумаги ножницами* и т. п.? Нет, значение одно и то же, только различны слова, обозначающие лицо, предмет и инструмент. Это своего рода переменные в математическом смысле этого слова. Значит, существенно сохранить смысл каждого компонента ('лицо', 'предмет или нежидкое вещество', 'инструмент'), а как выразить этот смысл — несущественно, ну хотя бы символами переменных — *x*, *y*, *z*. Тогда предложения, подобные приведенным выше, можно представить в общем виде — в виде искусственной фразы, в которой вместо конкретных имен лица, предмета и инструмента будут фигурировать эти символы: *x режет y z-ом*. Эту фразу и надо взять в качестве единицы толкования.

Именно такой принцип принят в толково-комбинаторном словаре. Толкование глагола *резать* выглядит в нем примерно так: *x режет у z-ом* = 'лицо *x* каузирует инструмент *z* двигаться острым краем по предмету или неждкому веществу *у* (или давить на *у* острым краем), тем самым деформируя *у*'.

Здесь надо остановиться — у читателя наверняка возникнет сразу несколько вопросов и недоумений: почему так громоздко толкование? Есть ли в этом необходимость? Почему обязательно «острым краем», а не просто «z-ом»? Почему «деформируя», а не «деля» (на части)? И что это за слово «каузирует», на каком оно языке?

Попробуем разобраться в этих вопросах и недоумениях. Начнем с последнего: что за слово «каузировать»? Ведь ни в одном словаре русского языка, даже самом полном, такого слова не сыскать! Слово *каузировать* выдуманно лингвистами для того, чтобы выразить смысл '(с)делать так, чтобы...'. Оно произведено от латинского корня *кауз-*, который значит 'причина'. О смысле 'сделать так, чтобы...' мы уже говорили в связи с лексическими параметрами (см. с. 759). Мы выяснили, что смысл этот присутствует (в качестве компонента) в значении многих слов: например, *построить дом* (= 'сделать так, чтобы дом существовал'), *выстирать рубашку* (= 'сделать так, чтобы рубашка стала чистой'), *включить свет* (= 'сделать так, чтобы свет горел') и т. п. Если для обозначения этого смысла выбрать какое-либо русское слово — например, *заставить*, — то, во-первых, оно не будет годиться для всех случаев (*выстирать рубашку* = заставить ее быть чистой?!), а во-вторых, оно обладает собственным значением, отличающимся от значения 'сделать так, чтобы...'. Другие глаголы русского языка пригодны для выражения указанного смысла еще меньше.

Вот и изобрели специальный термин *каузировать*, который нужен только для толкований, для описания значений, но в русском языке, разумеется, реально не существует.

Правомерна ли такая операция? Ничуть не менее, чем, например, замена в математике конкретных чисел буквенными обозначениями (*a, b, c, ... , n, ...*) — и в том и в другом случае вместо многих однородных объектов берется их обобщенное наименование, тем самым достигается удобство и экономность описания.

Выдуманное слово *каузировать* является элементом специального языка толкований, который состоит из единиц, обладающих весьма общими значениями: *лицо, предмет, множество, быть, иметь, очень, инструмент, начинать, реализоваться, деформировать, больше, меньше* и др. — и поэтому очень удобных в качестве средств описания значений слов конкретного языка (например, русского). Всего единиц в таком специальном языке несколько сотен — это совсем немного по сравнению с десятками тысяч слов живого языка! Но оказывается, что, комбинируя эти специальные средства, сочетая их друг с дру-

гом, можно точно описать значение любого слова. И это возможно благодаря обобщенности, «элементарности» значений каждой из единиц специального языка толкований.

Таким образом, толкование слова дается в толково-комбинаторном словаре не на обычном русском языке, а на специальном, средства которого только внешне совпадают со словами русского языка и который, кроме того, использует математические символы x , y , z и др. для обозначения смысловых переменных. Предложение на таком специальном языке выглядит, конечно, странно, непривычно для читателя: вроде бы русский язык, но какой-то неживой, громоздкий. А объясняется это тем, во-первых, что используются самые общие по смыслу и специально придуманные (для выражения других общих смыслов) слова, и, во-вторых, необходимостью назвать все максимально точно.

Поэтому: *резать* — это двигать по предмету или давить на предмет острым краем инструмента (скажем, ножа, ножниц), а не просто инструментом: если, например, двигать по предмету рукояткой ножа или давить острым концом, то это значит не *резать*, а *водить* (например, по доске) ножом или *колоть*; если острым краем не двигать и не давить, а ударять (с размаху), то это значит *рубить*, и т. д. И наконец, слово *деформировать* употреблено в толковании тоже не случайно — *делить* было бы менее точным: ведь в результате действия, называемого глаголом *резать*, предмет не обязательно делится на части — сравните: *резать ножом по столу* (оставляя на нем царапины и тем самым деформируя, но не разделяя его на части).

Надо сказать, что те средства, которые используются в толково-комбинаторном словаре, — гораздо более гибкие и разнообразные, чем средства обычных толковых словарей, — не всегда оказываются достаточными для описания смысла слов и их «поведения» в речи.

Значение и употребление иного слова оказываются столь сложными, что их бывает трудно уложить в жесткую форму словарной статьи, даже словарной статьи в толково-комбинаторном словаре. В то же время такую информацию не с руки давать и в грамматиках: речь-то идет о смысле, о содержании слова, а не о его грамматических характеристиках!

Такими «неудобными» для описания словами являются, в частности, прилагательные и существительные, обозначающие размеры предметов или их положение в пространстве: *высокий, широкий, глубокий, длина, ширина, левый, правый* и др. Сравнительно недавно ученые обнаружили, что реальное употребление этих слов в речи сопряжено с большим числом разнообразных условий. Одновременно несколько авторов опубликовали свои наблюдения в этой области. Результаты их наблюдений еще не попали в толковые словари, и пока неясно, в какой форме словарь должен учесть все факторы, влияющие на использование указанных слов. Однако несомненно, что форма будет найдена, —

иначе толкование этих слов останется неполным или просто неверным. Мы же здесь коротко расскажем о результатах наблюдений лингвистов над смыслом и употреблением пространственных прилагательных и существительных.

Сделать это необходимо по трем причинам: во-первых (и в главных), наблюдения эти необыкновенно интересны; во-вторых, жаль, если такой интересный материал останется известным узкому кругу специалистов (а опубликованы указанные выше исследования в труднодоступных для массового читателя специальных изданиях); в-третьих, познакомившись с особенностями употребления этих слов, мы расширим наше представление о том, чем, какими факторами регулируется использование языка.

Итак, начнем. И начнем с несколько неожиданных вопросов. Как вы назовете водосточную трубу, «спускающуюся» по стене пятиэтажного дома, — *длинной* или *высокой*? А такую же трубу, прикрепленную нижним концом к земле и стоящую отдельно от дома? Почему про вагон можно сказать: *длинный*, а о шкафе, имея в виду то же измерение, говорят *широкий*? Если прямо перед вами стоит вытянутый в высоту ящик, то вы определите его, скорее всего, как *высокий*. Но сохранится ли это определение, если вы попробуете через край заглянуть внутрь ящика и оценить то же (вертикальное) его измерение?

В этих вопросах фигурируют столь простые, обыденные ситуации, что кажется невероятным, чтобы по одному и тому же размеру предмет характеризовался разными словами: то *высокий*, то *длинный*, то *широкий*, то *глубокий*... Но это несомненно так.

Если труба прикреплена к стене дома, то ее называют *длинной*; если же речь идет об отдельно стоящей (например, заводской) трубе, то о ней можно сказать, что она *высокая*, но никак не *длинная*. То же самое с шестом: если он висит, прикреплен верхним концом к перекладине, он может казаться *длинным* (но не *высоким*); однако снимите этот шест с крючка и вкопайте его в землю — он тут же «превратится» в *высокий*. Растущее дерево можно назвать *высоким*, но срубленное и лежащее на земле естественнее определить как *длинное*.

Вертикальный размер ящика может быть оценен как *высота*, если наблюдатель находится снаружи. Заглянув же внутрь ящика, вы скажете: — *Ох, какой глубокий!* (но никак не **высокий*). Теперь вообразим себе почтовый ящик, необыкновенно вытянутый по вертикали и прикрепленный задней своей стенкой к двери квартиры. Как вы скажете о нем: *высокий*? *глубокий*? Вряд ли. Вероятнее всего, *длинный* (или *узкий*).

Основное измерение колодца все привыкли считать *глубиной*. Но представьте себе незадачливого прохожего, который случайно свалился в колодец: вертикальное измерение колодца может показаться ему *высотой* (и *немалой*).

Значит, для характеристики размера предмета или помещения важны по крайней мере три фактора: положение предмета (вертикальное или горизонтальное), его связанность с другими предметами (вытянутый в одном измерении предмет, прикрепленный к чему-нибудь одним концом и висящий, высоким назвать нельзя) и положение наблюдателя (то, что снаружи определяется как *высота*, изнутри может быть оценено как *глубина*, и наоборот, ср. примеры с ящиком и с колодцем).

Существенность этих факторов, в особенности последнего, подтверждается и другими примерами. Если стоишь перед зданием, фасад которого далеко тянется от тебя и налево и направо, то такое здание можно назвать *широким*; но если мимо того же здания идешь, оно покажется тебе *длинным*; *широкая волна* — если она накатывается на тебя, *длинная* — если смотреть вдоль волны, например с кормы судна.

Если пляж тянется вдоль моря на много сот метров, то о нем можно сказать *длинный*; если при этом полоса пляжа велика — внешняя кромка его достаточно удалена от моря, — то о нем говорят *широкий*. Но когда человек с моря, например с лодки или с корабля, смотрит на пляж, находясь приблизительно в его центре, то он может назвать его *широким* (а не *длинным*) и при этом не оценить правильно второе его измерение (от моря до внешней кромки).

Исследователи отмечают, что иногда нельзя понять, чем объясняется различие в употреблении некоторых пространственных слов. Так, говорят *высокий сугроб*, но *толстый слой снега*. Возможно, что здесь также немало важно положение наблюдателя. Когда мы оцениваем сугроб как высокий, мы обычно находимся перед ним. Если же вы станете на сугроб да при этом еще провалитесь в снег, то, скорее всего, назовете сугроб *глубоким* (но не *толстым*!). Кроме того, сугроб — это, по определению словарей, «наметенная ветром большая куча снега» — стало быть, нечто возвышающееся над поверхностью остального снега. В значении же слова *слой* такого указания нет; напротив, слой — это «плоская масса вещества...» (словарь С. И. Ожегова), поэтому поперечное измерение слоя естественно назвать *толщиной* (отсюда — *толстый слой снега*).

Имеет значение также то, как обычно используется предмет. Кровать назовут *широкой*, а о диване такой же ширины скажут скорее *глубокий*: на нем сидят, и чтобы сесть на такой диван, надо как бы вдвинуться в его глубину. Левым ящиком письменного стола для вас будет тот, который находится *налево* от вас, когда вы сидите за столом (т. е. располагаетесь к столу лицом); у дивана же левый валик тот, на котором лежит локоть вашей левой руки, когда вы сидите на диване, — стало быть, тот, который окажется *направо* от вас, если вы станете к дивану лицом. Здесь, таким образом, существенно *типичное* положение человека при контакте с характеризуемым предметом.

И это еще не все.

Употребляя некоторые пространственные прилагательные, мы должны, оказывается, учитывать фактор пригодности предмета или вещи, о которых идет речь. Так, если мы говорим *тесная комната*, *просторный зал*, мы (не выражая это словесно) имеем в виду что-то, что должно в комнате или в зале помещаться: в тесной комнате людям неудобно жить, просторный же зал пригоден для многолюдных собраний, праздников, танцев и т. п. Если предмет или помещение не предназначены для того, чтобы в них что-то располагалось, то сочетание их названий с прилагательными *тесный* и *просторный* невозможно или комично: *тесная канава, *просторная лужа ⁶.

Даже такая мелочь, как структура физического тела — например, направление древесных волокон (в доске, бруске и т. п.), как это ни странно, влияет на употребление рассматриваемых слов. Можно говорить о длине доски в 10 см, хотя при этом ширина ее может быть 20 см или больше: длиной в этом случае признается измерение доски, которое совпадает с направлением волокон.

В употреблении прилагательных, обозначающих размер предмета, важную роль играет представление говорящих о норме длины, высоты, ширины и т. п. данной вещи (или ее части).

Если мальчик, глядя на слона в зоопарке, восклицает: — *Папа, смотри, какой маленький слон!* — то он тем самым как бы хочет сказать: маленький для слона, по сравнению с другими слонами (которых он видел) — «нормальный» слон, по его представлению, должен быть больше. Точно так же, говоря о ком-нибудь *У нее длинная шея* или *У него большая голова*, мы не имеем в виду, что длина шеи и величина головы — наибольшие размеры тела людей, о которых идет речь. Просто длина шеи, объем головы кажутся больше тех, которые принимаются нами за некоторую норму.

Короткое пальто, *высокая шапка*, *широкие брюки*, *толстые подошвы*, *узкий галстук* — во всех этих сочетаниях незримо присутствует наше представление о стандартной, нормальной длине пальто, высоте шапки, ширине брюк и галстука, толщине подошв. Каждое из этих сочетаний можно переиначить, сохранив тот же смысл: *коротко для пальто*, *высока по сравнению с обычными шапками* и т. д., или же задать вопрос: *Насколько широки⁷ ваши*

⁶ В поэтической речи подобные слова сочетаются с другими более свободно. Это происходит потому, что поэт намеренно разрывает привычные связи слов, добиваясь тем самым большей выразительности. Сравните у Н. Заболоцкого:

Зима. Огромная просторная зима.

Деревьев громкий треск звучит, как канонада. («Урал»)

⁷ При этом интересно, что в подобных вопросах можно употребить названия лишь тех размеров, которые обозначают больший конец размерной шкалы, то есть: *Насколь-*

брюки? Для сочетаний с другими (не размерными) прилагательными такие переделки невозможны: нельзя сказать, например, *старое для пальто, *красная по сравнению с обычными шапками или спросить: *Насколько зелен ваш галстук? Нельзя это сделать потому, что не существует никаких стандартов, норм на цвет предмета: никто не может сказать, что такой-то цвет такого-то предмета нормален, а другие его оттенки — это отклонения от нормы...

Вот какое непростое это дело — толкование слов, описание их смысла и употребления. Если же вдуматься, ничего удивительного в этом нет: как мы уже выяснили в предыдущих главах, слово живого языка, существуя в нем многие века, употребляясь в разнообразных случаях, постепенно делается специфичным и по смыслу, и по сочетанию с другими словами. Задача лексикографов — так называют составителей словарей — вскрыть эту специфику и представить значение слова в максимально явном виде, не упуская никаких нюансов и непротиворечиво.

В таком описании должны быть видны компоненты лексического значения. А это важно как для сопоставления слов друг с другом и выявления среди них синонимов (слов, у которых толкования совпадают), антонимов (слов, у которых толкования содержат логически противоположные компоненты значений) и омонимов (слов, которые при общности формы сильно различаются по толкованиям), так и для анализа сочетаний различных смыслов. Именно эту вторую задачу мы поставили перед собой на с. 767. Теперь, вкратце познакомившись с тем, как устроено словесное значение, как описывается оно в словарях, мы можем приступить к выяснению того, как соединяются смыслы в высказывании.

СОГЛАСОВАНИЕ СМЫСЛОВ

Из нашего анализа семантической структуры глагола *резать* (с. 773—776) следует важный вывод: раз в значении этого глагола содержатся такие компоненты, как 'лицо', 'предмет или нежидкое вещество' и 'инструмент', то значения слов, которые могут сочетаться с *резать*, должны включать какой-либо из этих компонентов. Это и было показано на примерах: с одной стороны, правильны высказывания вроде *Мама режет острым ножом кусок сыра* (соблюдено только что указанное условие смыслового согласования: мама — 'лицо', кусок сыра — 'предмет', нож — 'инструмент'); с другой, такие сочетания и

ко широка там река? Как велик этот город? Насколько высоко ты прыгаешь? Нельзя сказать: *Насколько узка там река? *Как мал этот город? *Насколько низко ты прыгаешь?

фразы, как **резать теснотой*, **резал качество*, **уравнение резало духоту снегом*, неправильны, так как условие смыслового согласования слов в них не соблюдается: слова *теснота*, *качество*, *уравнение*, *духота*, *снег* не содержат в своих значениях ни одного из компонентов значения глагола *резать*.

Подобное согласование наблюдается и при употреблении других слов. Нарушение правил семантического согласования ведет к ошибкам. Причем иногда причина ошибки кажется неясной до тех пор, пока ее не удастся установить путем тщательного изучения.

Родственный только что рассмотренному глагол *зарезать* употребляется в нескольких значениях и, в частности, в таких фразах, как *Волк зарезал овцу*. Оказывается, можно построить совсем немного подобных предложений. И виной тому — сильные ограничения семантической сочетаемости этого глагола со словами, выступающими в ролях подлежащего и прямого дополнения. Дело в том, что значение глагола содержит два существенных «указания»: во-первых, тем, кто может зарезать (в этом смысле), должно быть хищное животное, и не просто хищное, а... волк! Не говорят: **Медведь* (или: *лев, тигр* и т. п.) *зарезал овцу*. Во-вторых, жертвой этого действия может быть травоядное животное — овца, коза, косуля, но, например, не собака, не рысь (и, тем более, не птица). Нельзя сказать: **Волк зарезал собаку*, **Медведь зарезал рысь*, **Лиса зарезала куропатку*. И еще один важный компонент «встроен» в значение глагола: «задушить зубами». Если хищник действует, скажем, когтями, то слово *зарезать* не годится — нужны другие: *задрать*, *разодрать*, *разорвать* и т. п. По этой же причине нельзя сказать: *зарезал зубами* — ведь *зубами* уже есть в качестве компонента в значении глагола, и, следовательно, сказать *зарезал зубами* — значит повторить, употребить дважды этот элемент (= *задушил зубами*).

Последнее явление встречается в языке не так уж редко. Суть его в том, что значения одного или нескольких слов, которые сочетаются с данным, могут входить в смысл этого слова (полностью или какими-либо из своих компонентов). В таком случае эти значения либо выражаются дважды, например во фразеологически связанных сочетаниях типа *разинуть рот* (хотя ничего другого, кроме рта, разинуть нельзя, этот глагол не употребляется без дополнения), либо не выражаются совсем, либо их выражение требует уточняющих слов (определений и т. п.).

Например, при глаголе *обедать* нельзя употребить прямое дополнение — «объект» *обеда*, слово, обозначающее то, что едят за обедом: **обедал суп*, **обедаю котлеты*. Глагол *промахнуться* в своем значении содержит компонент «цель», который не может быть повторен в конкретном высказывании; не говорят (это неправильно): **Он промахнулся мимо цели*; **промахнуться по мячу*.

Нельзя сказать: **смотрел глазами*, **целовал губами*, так как в значении глагола *смотреть* уже есть компонент *глаза* (*смотреть-то* ведь можно только гла-

зами!), а в значении *целовать* — компонент 'губы'. Однако вполне грамотны фразы с определениями при словах *глаза* и *губы*: *Лось смотрел на него своими большими печальными глазами; Бабушка поцеловала меня своими теплыми сухими губами.*

Иногда требования об определенных условиях семантического согласования касаются одного слова и не относятся к словам, близким ему по смыслу.

Почему, например, можно сказать: *Он осуждал Митю за нечестность* и *Он обвинял Митю в нечестности*, но только: *Он осуждал нечестность Мити*, но не: **Он обвинял нечестность Мити?* Казалось бы, глаголы *осуждать* и *обвинять*, при такой близости их значений, должны обладать и общими чертами в семантической сочетаемости. Однако в действительности между этими словами есть одно важное различие: *осуждать* можно и кого-либо (например, товарища, соседа, прохожего), и что-либо (поступок, нечестность и т. п.), а *обвинять* можно только кого, но не что. Иными словами: в значении глагола *осуждать* только один компонент обладает признаком 'лицо' (= тот, кто осуждает), а в значении *обвинять* — два (тот, кто обвиняет, и тот, кого обвиняют).

Еще ближе по значению однокоренные слова *виновный* и *виноватый*. Однако первое из них применимо только к человеку — сравните такое объявление госавтоинспекции: *Лица, виновные в нарушении правил уличного движения, будут привлекаться к ответственности.* Второе же прилагательное может сочетаться как с названиями людей и вообще живых существ, так и со словами, обозначающими свойства человека: *Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!* (И. А. Крылов); *виноватый вид, виноватый голос* (нельзя сказать: **виновный вид, *виновный голос*).

Слова *заставлять, пытаться, намереваться* и др. в качестве своего дополнения требуют неопределенной формы глагола, обозначающего действие: *заставили отступить* (или *отступать*), *пытался проникнуть, старалась узнать* (*выяснить*), *намереваюсь ехать* (*поехать*). Если же глагол обозначает не действие, а состояние, то обычно его инфинитив не может сочетаться с указанными словами. Нельзя сказать: **заставил знать* или **намереваюсь знать, *пытались находиться в городе.*

В то же время глагол *стремиться*, по смыслу очень близкий к *пытаться* и в особенности к *стараться*, не имеет такого ограничения в сочетаемости: можно сказать и *Он стремился узнать как можно больше*, и *Он стремился знать как можно больше.* Нет указанного условия сочетаемости и у глаголов *хотеть, желать* и др. Сравните: *хочу поехать* (*поехать* обозначает активное действие) — *хочу быть здесь долго* (*быть* — глагол со значением состояния).

Глагол *приглашать/пригласить* может употребляться как в сочетании с предложением + существительное (*приглашаем к столу, пригласила гостя в комнату*),

так и в соединении с неопределенной формой глагола (*приглашает погулять, пригласил переночевать*). В этом втором случае можно использовать, оказывается, не любой глагол в неопределенной форме, а только такие, значения которых содержат хотя бы один из следующих компонентов: 'вводить' (сравните: *пригласил войти в комнату*), 'садиться', 'есть', 'пить' (сравните: *Приглашаю вас пообедать*), 'остаться', 'смотреть', 'слушать' (сравните: *Приглашаю вас посмотреть новый фильм*) и др. При этом действие, которое выражается глаголом в инфинитиве, обычно мыслится как совместное — его выполняют и приглашающий, и приглашаемый. *Приглашаю вас пообедать* — это, скорее всего, значит, что и я буду обедать вместе с вами; *Учитель пригласил нас сесть* — скорее всего, и он сам сел (или уже сидел); *Он приглашает ее танцевать* — естественно, для того чтобы самому с нею танцевать, и т. п. Не говорят (это неправильно): **Его пригласили высказаться*; **Нас приглашают продлить срок командировки*.

Глагол же *предлагать*, употребляемый в сходных контекстах, этих особенностей при сочетании с неопределенной формой глагола не имеет. Сравните: *Предлагаю вам пообедать* (совсем необязательно, что и я буду обедать вместе с вами); *Ему предложили высказаться*; *Нам предложили продлить срок командировки*.

Некоторые интересные различия в смысловом согласовании с другими словами можно обнаружить у синонимов-предлогов.

Так, «инструментальные» предлоги *при помощи, посредством и путем* синонимичны. Однако в их сочетаемости есть одно примечательное различие: *при помощи* и *посредством* могут управлять как названиями действий, так и названиями предметов (*при помощи вычислений — при помощи топора, укреплять дисциплину посредством усиления контроля — научился есть посредством ножа и вилки*), предлог же *путем* требует после себя только названия действия, процесса: *путем вычислений, путем нагревания, путем анализа*. Нельзя сказать: *путем доски (но можно: *при помощи доски*).

Такое же различие в сочетаемости синонимичных предлогов *из-за* и *вследствие*. Можно сказать: *Дети поссорились из-за игрушки* (причина ссоры — предмет); *Он не мог поехать из-за сына* (лицо); *Неудача произошла из-за твоей оплошности* (действие, поступок), но *вследствие* нельзя сочетать с названиями лиц и предметов (*вследствие игрушки, вследствие сына*), а только — с названиями действий и состояний: *опоздал вследствие задержки, не пришел вследствие болезни*⁸.

⁸ Если вдуматься, то и в конструкциях с предлогом *из-за* (в причинном его значении) незримо присутствует некое действие и состояние. *Дети поссорились из-за игрушки* в действительности означает '...из-за того, что один другому не давал игрушку

Есть и другие пары и группы синонимичных или близких по смыслу предлогов, которые имеют заслуживающие внимания особенности в сочетаемости. Например, в газетах мы часто встречаем такие конструкции: *По случаю национального праздника; В честь высокого гостя был дан обед*. Вы уже заметили, в чем разница между предлогами *по случаю* и *в честь*? Первый управляет словами, обозначающими какое-либо событие, действие: *по случаю праздника, приезда, возвращения* и т. п.; второй же предлог, *в честь*, может, кроме того, присоединяться и к словам со значением лица. Сравните: *в честь праздника* (событие) — *в честь президента* (лицо). Сказать же: **обед по случаю президента* — т. е. сочетать предлог *по случаю* с названием лица — нельзя.

Предлоги *из* и *среди* синонимичны в таких оборотах: *кое-кто из нас — кое-кто среди нас, лучший из сортов — лучший среди сортов*. Но только в очень немногих случаях эти предлоги употребляются «безразлично» — или тот, или другой, как в приведенных примерах. В большинстве же конструкций преобладает предлог *из*, а *среди* может быть использован лишь при определенных условиях — например, если высказывание характеризует свойство или состояние предметов и людей: *Многие среди студентов (среди нас) любят живопись (умеют рисовать, хорошо развиты физически); Иван был старшим среди детей; Эта сосна — самая высокая среди всех деревьев* (как это очевидно, во всех этих предложениях возможен и предлог *из*). Но если речь идет о действии — например, о перемещении, работе и т. п., — то лучше использовать *из*, а не *среди*: *Многие из студентов уехали на стройку; Каждый из членов бригады потрудился на совесть* (сравните: *Каждый из присутствующих имел билет* — можно и: *...среди присутствующих*). Нельзя сказать: **Многие среди студентов уехали на стройку; *Каждый среди членов бригады потрудился на совесть*.

Эта особенность предлога *среди* объясняется, видимо, тем, что в нем еще живы смысловые связи с породившим его существительным (ср.: *среда, в среде*), которое охотнее соединяется с глаголами, обозначающими состояние, «местопребывание». Сравните: *В мальчишеской среде он чувствовал себя помолодевшим; Находясь в щелочной среде, бактерии изменяют свойства*. Поэтому в случае, когда значение глагола сильно контрастирует со значениями 'быть, находиться', 'иметь свойство' (такими «контрастными» являются, например, значения глаголов движения), предлог *среди* как бы сопротивляется такому сочетанию.

(или отнял ее, сломал и т. д.)'; *Он не мог поехать из-за сына '...из-за болезни (из-за отсутствия и т. п.) сына'*. Однако предлог *из-за* позволяет «свертывать» фразу и вместо названия действия может подчинять себе название субъекта или объекта этого действия, предлог же *вследствие* этого не допускает.

Предлог *между* во временном своем значении (*между обедом и ужином*) близок к сочетанию предлогов *с... до* (*с утра до вечера*). Однако здесь надо отметить любопытное различие. Если я говорю: *Обед в санатории бывает между двенадцатью и двумя часами*, то я тем самым сообщая: обед бывает в такой-то (указанный) промежуток времени, но он не обязательно занимает весь этот промежуток полностью. *Пообедали в половине первого, в час, в начале второго* — все это будет соответствовать смыслу конструкции *Обед бывает между двенадцатью и двумя часами*. Если же на дверях магазина мы видим табличку: *Обед с 13 до 14*, то мы поймем эту надпись только в одном смысле: время обеда заполняет весь промежуток времени — с часу до двух.

Весьма интересно семантическое согласование (с другими словами) слов, значения которых содержат оценку предмета, действия, свойства, лица и т. п. Это качественные прилагательные и наречия *хороший, плохой, отлично, превосходно, скверно* и под., а также слова-кванторы⁹ типа *очень, сильно, страшно* (в значении 'очень', ср.: *страшно устал*), *много, мало, немного, едва, чуть-чуть, совершенно, абсолютно, совсем* и др.

Рассмотрим два сочетания: **зоркое зрение* и **сильно вошел*. Оба они, как указывают звездочки, неправильны. Но — по разным причинам. И в том и в другом случае было намерение выразить смысл 'очень'. Конечно, **очень зрение* — это еще более неграмотный оборот (русское слово *очень* не может сочетаться с существительными), чем *зоркое зрение*. Но ведь речь идет о смысле 'очень', а не о слове *очень*. Этот смысл при существительном *зрение* может быть выражен с помощью прилагательного *острый*: *острое зрение*. Оборот же *зоркое зрение* плох тем, что в нем объединены однокоренные слова — получается так называемая тавтология (сравните другие тавтологические обороты: **глубокая глубина, *высокая высота* и под.).

А какое слово надо подобрать для того, чтобы выразить тот же смысл при глаголе *войти*? Сколько бы ни бились мы в поисках нужного определения, ничего из этих попыток не выйдет. Все дело в том, что со значением глагола *войти* невозможно сочетать смысл «очень».

Правило семантического согласования в этом случае выглядит так: смысл 'очень' может сочетаться со смыслами только таких слов, которые обозначают нечто градуируемое, имеющее разные степени. Зрение может быть плохим, средним, хорошим, очень хорошим, великолепным и т. д., т. е. оно имеет разные «уровни», как бы градуируется по качеству. В действии же *войти* ниче-

⁹ Кванторами в логике называют единицы, которые своим значением указывают на меру, степень качества или действия (латинское *quāntitas*, к которому восходит слово *квантор*, означает 'количество'; сравните также *quānto* 'несколько', *quāntūm* 'сколько, насколько').

го хотя бы отдаленно напоминающего градуируемость усмотреть нельзя: можно либо войти, либо не войти — и никаких промежуточных ступеней. Поэтому и не сочетается со значением этого глагола смысл 'очень', а с самим глаголом — все слова, обладающие указанным смыслом. Нельзя сказать: *очень вошел, *невероятно вошел, *страшно вошел и т. д. Известный языковед А. М. Пешковский обратил внимание на эту особенность сочетания слова *очень* (и других похожих на него наречий) со словами иных грамматических категорий. В книге «Русский синтаксис в научном освещении» он писал о том, что эти наречия «больше “любят” имена прилагательные, а не глаголы, и не со всяким глаголом всякое такое наречие можно соединить; нельзя сказать “очень читает”, “очень гуляет”, “очень спит”, “весьма лежит” и т. д. (говорится иногда в шутку)» (Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М., 1956. С. 101).

Рассмотренная нами закономерность характеризует сочетаемость и всех других слов: с одной стороны, тех, которые обозначают градуируемые действия и свойства, с другой — тех, значения которых не содержат никаких указаний на градуируемость действия или признака. Можно сказать (и говорят): *очень тяжелый, чрезвычайно важный, необыкновенно выносливый, большое самомнение, огромный вред, страшный беспорядок, пристальное внимание, сильно устать, бурно аплодировали, яростно сопротивляется, твердо верим* и т. п. (во всех этих сочетаниях по-разному выражается один и тот же смысл 'очень') и нельзя сказать: **очень деревянный, *чрезвычайно бумажный, *необыкновенно обеденный, *очень стоять, *яростно сидит* и т. д. В первом случае определяемые слова *тяжелый, важный, вред, аплодировать* и т. д. обозначают качества и действия, которые мыслятся как нечто измеряемое: предмет может быть легким, более тяжелым, менее тяжелым, вред — небольшим, значительным, огромным, аплодируют не всегда бурно — сравните выражение *жидкие, жиденькие аплодисменты*. Во втором же случае определяемые слова обозначают неизмеряемые признаки (*деревянный, бумажный, обеденный*) или такие действия, которые нельзя градуировать (*стоять, сидеть*).

Несколько иначе ведет себя при сочетаемости смысл 'предельно', выражаемый в русском языке такими словами, как *совсем, совершенно, абсолютно* и нек. др. Он может присоединяться не к любому смыслу с признаком 'градуируемость', а лишь к значениям тех слов, которые называют «малый полюс» шкалы измерений. Можно сказать: *совсем короткий, совершенно незначительный, абсолютно плоский* и нельзя: **совсем длинный, *совершенно значительный, *абсолютно выпуклый*. Как установили исследователи, это объясняется тем, что «малый полюс» измерительной шкалы имеет предельную точку: нельзя уменьшать высоту, длину и т. п. предмета до бесконечности. А «большой полюс» такого ограничения не имеет: как бы мы ни увеличивали, скажем,

длину бумажной ленты, мы никогда не сможем охарактеризовать ленту словами **совсем длинная* или **совершенно длинная* (но можно: *очень длинная, невероятно длинная* и т. п.).

Любопытно сочетание смысла 'предельно' с прилагательными, обозначающими цвет. Можно сказать: *совсем* или *совершенно белый, абсолютно черный*, но не говорят **совсем коричневый, *совершенно фиолетовый, *абсолютно розовый*. Черный и белый цвета мыслятся такими, которые могут иметь некоторый предел качества (сравните термин физики: *абсолютно черное тело — тело, поглощающее весь падающий на него свет*). А как представить себе предел «коричневости» или «розовости»?

Значение минимального предела «встроено» в смыслы таких глаголов, как *обессилеть, сникнуть, раскиснуть, раствориться, опустеть* и под. Поэтому с ними легко сочетаются слова, обозначающие «нижний» предел: *совсем обессилел* (= силы «на нуле», их просто нет); *Дороги совершенно раскисли; Площадь совсем опустела* (= не осталось ни одного человека) и т. п.

Надо иметь в виду, что слова, которые называют градуируемые свойства и действия, могут входить в состав устойчивых сочетаний. В этом случае они теряют эту свою черту — перестают обозначать нечто градуируемое. Таковы, например, сочетания *тяжелая атлетика, белый гриб, жалобная книга, отдельная колбаса*: значение каждого из них не равно сумме значений составляющих, по природе своей оно подобно значению слова, а не словосочетания (вспомните, что говорили мы о смысле фразеологических оборотов на с. 743). Кстати говоря, в других языках им могут соответствовать именно слова, а не сочетания слов: *белый гриб*, например, по-английски *boletus*, а по-французски *bolet* или *sêpe*. Слова *тяжелый, белый, жалобная, отдельная* только внешне такие же, как в сочетаниях *тяжелая штанга* или *тяжелая работа, белый платок, жалобная песня, отдельная комната*. Значение же их иное, оно тесно переплелось с семантикой определяемого существительного, образовав новый смысл, в котором отсутствует компонент степени, градуируемости. Поэтому нельзя сказать: **не очень тяжелая атлетика, *совсем отдельная колбаса, *совершенно белый гриб* (это выражение можно понять только как характеристику цвета какого-либо гриба, но не как обозначение вида грибов), **невероятно жалобная книга, *отмахал очень добрую половину пути* и т. д.

Не менее примечательны особенности сочетания других смыслов, обозначающих меру качества. Так, значение 'хороший' соединяется со смыслом определяемого существительного только при следующих условиях: если предмет или человек, называемый существительным, характеризуется 1) с точки зрения своей функции или деятельности: *хороший нож* (= хорошо режет), *прекрасный танцор* (= прекрасно танцует), *отличный специалист* (= отлично знает свою специальность); 2) с точки зрения своей пригодности для чего-либо:

хороший, удобный стул (= стул, на котором хорошо, удобно сидеть), *хорошая ручка* (= ручка, которой хорошо писать); 3) с точки зрения соответствия данного действия или качества некоторой норме: *хорошая фраза, правильный поступок*.

А как же сочетания вроде *хороший человек* или *хорошая собака*? Ведь слова *человек* и *собака* своими значениями как будто не указывают прямо ни на функцию, ни на пригодность, ни на соответствие некоей норме. Однако приведенные сочетания вполне грамотны. Дело в том, что смыслы таких слов, как *человек, собака* и нек. др., включают много компонентов. Смысл 'хороший' соединяется не со всем значением слова *человек*, а с некоторыми или даже с одним из этих компонентов. Хорошим мы называем человека, имеющего определенные, оцениваемые нами положительно (вот она — норма!) свойства характера: доброту, отзывчивость, честность и т. п. Нельзя сказать *хороший человек* о том, кто физически прекрасно сложен, имеет развитую мускулатуру, но при этом эгоистичен, или высокомерен, или подл.

Хорошей называют собаку, которая либо предана хозяину, либо очень сообразительна, либо бесстрашна и т. д. Можно охарактеризовать так и внешне привлекательного пса. Но во всех этих случаях незримо присутствует наша оценка качеств собаки с точки зрения некоторой функции (преданность, бесстрашие) или представления о «норме» — о «средней» собачьей сообразительности, о том, какие собаки являются привлекательными, а какие — нет, и т. п.

Эти примеры ярко иллюстрируют важное свойство смыслового согласования: значение одного слова может присоединяться не ко всему значению другого, а только к какому-либо из его компонентов.

Разные смыслы, даже такие, которые выражаются словами одной части речи (например, качественными прилагательными), присоединяются обычно к разным компонентам значения сочетающихся с ними слов. Так, в сочетаниях *хороший ученик, прилежный ученик, старательный ученик* смысл 'хороший' связывается с тем компонентом значения существительного, который называет функцию ('учиться'), и не затрагивает других компонентов ('человек', 'мужской пол'). Невозможно сказать: *хороший школьник*, так как непонятно, что, какой элемент значения слова *школьник* оценивается прилагательным. В сочетании же *самый высокий ученик (в классе)* значение определения характеризует компонент 'человек', а не тот, который обозначает функцию ('учиться').

Значение слова *преподаватель* можно приблизительно сформулировать как 'человек, который преподает какую-либо учебную дисциплину'. Тогда *опытный преподаватель* — это оценка профессиональной деятельности человека (следовательно, смысл прилагательного связывается с компонентом 'преподавать' в значении существительного), а *пожилой преподаватель* — характерис-

тика его возраста, и, стало быть, в этом случае смысл прилагательного сочетается с компонентом человек.

Может быть и так, что один и тот же смысл, выражаемый некоторым словом, согласуется с разными смысловыми компонентами слов-соседей. Это обусловлено как контекстом, так и природой значения слов, с которыми сочетается данное слово.

Рассмотрим такие примеры.

На с. 717—718 мы уже обратили внимание на то, что слово *мальчик* содержит в своем значении три следующих компонента: ‘человек’, ‘мужской пол’ и ‘незрелость’. Если сказать о ком-либо: *Он уже не мальчик*, то это будет означать, что человек, о котором идет речь, вырос, превратился из мальчика в мужчину. Таким образом, значение слова *мальчик* отрицается не во всем его объеме, а только по компоненту ‘незрелость’: *не* + ‘незрелый’ = ‘зрелый’ (два *не* — частица и приставка в компоненте ‘незрелость’ — взаимно уничтожаются, получается утверждение признака; это происходит и во всех других подобных случаях: *не* + *невысокий* = *высокий*, *не* + *несытый* = *сытый* и т. п.). Другие компоненты значения слова *мальчик* — ‘человек’ и ‘мужской пол’ — в приведенном высказывании не отрицаются.

Если же сказать: *Женя — не мальчик, а девочка*, то в этом случае смысл отрицания присоединяется к компоненту ‘мужской пол’: *не* + ‘мужской пол’ = ‘женский пол’ (именно этим признаком слово *девочка* отличается от слова *мальчик*). Компоненты же ‘человек’ и ‘незрелость’ остаются нетронутыми, они не попадают в сферу действия отрицания (ведь значение слова *девочка* включает оба эти компонента).

Во фразе: *Это не мальчик, а мышонок* (в сказке вполне может быть такая ситуация: колдун превращает людей в животных) — отрицается компонент ‘человек’, но не отрицаются компоненты ‘незрелость’ и ‘мужской пол’.

Наконец, возможно и полное отрицание значения слова. Представим себе такую ситуацию. В сгущающихся сумерках вы идете проселочной дорогой и видите: недалеко что-то темнеет — какой-то предмет, похожий по очертаниям то ли на человека небольшого роста (мальчик?), то ли на столб. Подходите ближе и убеждаетесь: *Это не мальчик, а столб*. Хотя в данном случае непосредственно отрицается только компонент ‘человек’, тем самым отрицаются и два остальных компонента — ‘мужской пол’ и ‘незрелость’. Почему? Потому что значение самого слова *человек* с необходимостью предполагает различие по таким признакам, как ‘зрелость’ и ‘пол’: ведь все люди различаются и по возрасту (ср.: *дети, подростки, взрослые, старики*), и по полу. Правда, этими же признаками характеризуются и животные. Поэтому при противопоставлении человека животному (вернитесь к примеру: *Это не мальчик, а мышонок*) эти признаки не затрагиваются. Если же слово *человек* попадает в

сравнительный контекст с названиями предметов, в значениях которых, естественно, нет указанных компонентов, то отрицание, присоединяемое к этому слову (и ко всякому другому, обозначающему человека: *мальчик, старик, девочка* и т. п.), действует на все смысловые признаки, отличающие названия живых существ от названий предметов.

Значения таких кванторных слов, как *много, мало, немного, чуть-чуть*, сочетаясь со значениями других слов, присоединяются то к одному, то к другому, то к третьему компоненту их значений.

Что означает, например, фраза *Саша много говорит*? Приблизительно вот что: 'Саша проводит значительное количество времени, разговаривая'. А если про того же Сашу сказать, что *он много ест*? Вряд ли можно понять так, что он 'проводит значительное количество времени за едой': иной ребенок подолгу сидит за обеденным столом, но, если при этом еда остается почти нетронутой, никто не скажет о нем: *Как много он ест!* (а скажут: *Как плохо он ест!*). *Много ест* — это, по смыслу, 'съедает большое количество пищи'. Таким образом, в первом случае значение 'много' характеризует время (говoreния), а во втором — объект (количество пищи). В сочетаниях же *много (мало) прочитал, много (мало) съел* смыслы 'много' и 'мало' присоединяются к компоненту 'объект'. Ведь в обоих случаях речь идет о количестве — прочитанного и съеденного, а не о времени: — *Ты много прочитал?* — *Да нет, страниц двадцать*. Здесь оборот *много прочитал* невозможно понять во временном смысле (то есть: 'провел много времени за чтением').

Сравним также сочетания *чуть-чуть откусил (от пирога)* и *чуть-чуть поработал*. В обоих случаях *чуть-чуть* означает 'малое количество', но согласуется с разными смысловыми компонентами глаголов: в первом случае речь идет о малом количестве *пищи* (пирога), а во втором — о малом количестве *времени*, в течение которого удалось поработать.

Немного устал — это приблизительно значит 'потерял небольшое количество сил (например, в результате работы, движения и т. п.)', а *немного поспал* = 'провел небольшое количество времени в состоянии сна'. *Немного проехал (и остановился)* — значит 'покрыл небольшое расстояние', а *немного покатался* 'провел небольшое количество времени, катаясь'.

Для рассматриваемых сочетаний характерна и еще одна особенность: значения слов *много, мало* и под. ведут себя избирательно в отношении вида сочетающегося с ними глагола: они неодинаково охотно присоединяются к формам совершенного и несовершенного вида. А если возможно сочетание и с теми и с другими, то наблюдаются смысловые различия, которые не всегда удастся приравнять к разнице в смысле между глаголами совершенного и несовершенного вида (сравните различия в значениях рассмотренных выше выражений *много читает* и *много прочитал*).

Надо сказать, что сочетаемость глаголов разного вида (совершенного и несовершенного) представляет собой особую область лингвистических исследований, весьма интересную и во многом загадочную. Некоторые из вопросов, относящихся к этой теме, мы затронем в следующей главе.

ЗАГАДКИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

В школьном учебнике русского языка достаточно ясно сказано: глаголы совершенного вида обозначают законченное, совершенное действие, а глаголы вида несовершенного — действие незавершенное, длящееся. Примеры вам, конечно, хорошо известны: *делать* (несов. вид) — *сделать* (сов. вид), *писать* — *написать*, *бросать* — *бросить*, *понимать* — *понять* и т. п.

Это основное, общее различие между глагольными видами. Более глубокий анализ смысловых особенностей глаголов обнаруживает, что каждому из двух видов присущи свои собственные значения: например, начала действия (*запел*, *двинулся*), некоторого его «количества» (*посидел*, *поиграл*), достижения результата (*насушить грибов*, *выкрасить стену*), иногда неблагоприятного (*допрыгался*, *добежался*), однократности (*махнуть*, *прыгнуть*), моторности (*бегать*, *снова*), повторяемости (*хаживал*; вспомните самую первую фразу пушкинского «Станционного смотрителя»: «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними *не бранивался?*») и др.

Все эти значения делают смысловое противопоставление глаголов совершенного и несовершенного вида сложным и многомерным. Изучению видовых различий вообще, определенных глагольных классов и групп и даже отдельных глаголов посвящены десятки лингвистических работ. В современной лингвистике существует даже отдельная самостоятельная область исследований, которая называется *аспектологией* (*aspectus* по-латыни — ‘вид’). Ученые-аспектологи выпускают сборники статей о глагольном виде в разных языках, съезжаются на конференции, чтобы обсудить актуальные вопросы изучения видов. И все-таки нельзя сказать, что вопрос о семантических различиях видов стал окончательно ясным.

Стоит только от общей характеристики видовых значений (тех самых, что указаны выше: завершенности, начинательности, моторности и т. п.) перейти к анализу конкретных глаголов, составляющих видовые пары, как обнаруживаются смысловые различия, «не предусмотренные» этой характеристикой.

Например, разница между глаголами *мешать* и *помешать* заключается не только в том, что первый обозначает длительное действие, а второй — достижение результата действия. Внимательно изучив разнообразные случаи упо-

требления каждого из этих двух слов, лингвисты обнаружили интересное различие между ними. Если сказать *Он мешал мне работать*, то это будет означать 'Я работал, хотя он и мешал мне'. Фраза же *Он помешал мне работать*, отличающаяся от первой только глаголом (сов. вида), значит нечто другое: 'Я не смог работать (так как он не дал мне такой возможности)'. В первом случае речь идет о том, что работать было трудно, а во втором — что работать было невозможно.

Таково же различие между глаголами *не давать* — *не дать*; сравните: *Брат не давал мне готовить уроки в его комнате* — *Брат не дал мне приготовить уроки в его комнате*. Правда, первое предложение двузначно. Один смысл такой: брат в о б щ е не давал мне готовить уроки в его комнате (следовательно, я и не готовил их там). А второй — тот, который нас в данном случае интересует: брат запрещал, мешал, препятствовал мне готовить уроки в его комнате, т. е. затруднял — при этом, возможно, несмотря на его действия, мне все-таки удалось посидеть в его комнате и сделать хотя бы часть уроков. Другая фраза (...не дал...) означает, что несмотря на все мои попытки мне так и не удалось приготовить уроки в комнате брата.

Из фразы *Я мог прийти на вечер* не следует, пришел ли я в действительности — ее можно продолжить: *Я мог прийти на вечер, но не пришел*. Предложение же, включающее глагол *смочь* (т. е. форму совершенного вида): *Я смог прийти на вечер*, — означает 'я пришел'. Невозможно сказать: **Я смог прийти на вечер, но не пришел*.

Глагол *мочь* обладает и рядом других интересных свойств. Одно из них заключается в следующем. Если форма несовершенного вида этого глагола употреблена с отрицанием *не* и при этом от нее зависит инфинитив другого глагола в несовершенном виде (*не могу вставать, не может выходить*), то такая конструкция указывает на некий установившийся порядок, на то, что обычно «так бывает» (такое значение называется узуальным — читай об этом на с. 799), — и не может означать действия, происходящего сейчас, на наших глазах. Часто в предложении, содержащем рассматриваемую конструкцию, употребляются обстоятельства типа *обычно, теперь, иногда, всегда, раньше* или несогласованные определения вроде *такого типа, этой серии* и т. п., подчеркивающие значение узуальности. Например: *Сестра не может заниматься в этой комнате — ей мешает шум с улицы* — вообще не может, а не в данный момент; *Он не может теперь, как раньше, вставать до свету и садиться за работу* (ср.: *Он не может встать*; помимо значения «однократности», присущего форме совершенного вида *встать*, эта вторая фраза означает действие, происходящее [вернее: не происходящее] «сейчас», «на наших глазах»); *Я не могу решать задачи такого типа* — вообще не могу, а не, скажем, эти две задачи (ср.: *Я не могу решить (эти) задачи*).

Приведенные примеры показывают, что в наибольшей мере смысловое различие между глаголами совершенного и несовершенного вида проявляется при их употреблении во фразе, при сочетании с другими словами. И это вполне понятно: ведь соединяясь в предложении, слова, как мы видели, соприкасаются различными гранями своих значений, и взаимное положение этих граней, их «согласие» — условие смысловой правильности предложения.

Каковы же особенности соединения глаголов разных видов и друг с другом, и со словами иных грамматических классов? Разумеется, мы не сможем описать эти особенности в форме системы правил — такой системы и в «большой» лингвистике пока что не существует. Кроме того, наша книга — не учебник, а всего лишь рассказ о некоторых явлениях в жизни слова. Поэтому, как и в других главах, рассмотрим примеры семантического согласования видов.

Наиболее очевидны такие правила согласования видов, которые предусматривают соединение в высказывании не противоречащих друг другу видовых значений и, напротив, запрещают сочетание значений противоположных. Например, смыслы 'начинать', 'продолжать' и 'прекращать' противоречат значениям законченности и однократности действия, которые свойственны многим глаголам совершенного вида. Поэтому неправильны сочетания глаголов *буду, стану, начать, приняться, продолжать, прекратить* с неопределенной формой глаголов совершенного вида; нельзя сказать: **буду сделать, *начнем написать, *продолжайте рассказать, *перестань свистнуть* (нелепо переставать делать то, что уже совершилось!). А обороты *буду делать, начну писать, продолжайте рассказывать, перестань свистеть* вполне нормальны: ведь смыслы 'начинать', 'продолжать', 'прекращать' совместимы со значением длительности, незаконченности действия, которое присуще большинству глаголов несовершенного вида.

Этого рода правилами — о несовместимости противоречивых значений — регулируется как видовое согласование самих глаголов, так и присоединение к глаголам различных наречий.

Например, если в предложении возникает необходимость употребить не одиночный глагол, а сочетание двух глагольных форм, то форма несовершенного вида легче соединяется с формой несовершенного, а форма совершенного... Стоп! Вот тут и начинаются сложности.

Можно сказать: *Мама заставляет нас мыть руки перед едой*; и *заставляет*, и *мыть* — глаголы несовершенного вида. Не говорят: **заставляет вымыть руки*, так как здесь сочетаются разновидовые глаголы: *заставляет* — несовершенного, а *вымыть* — совершенного. Но, видимо, одинаково возможно и *заставить* (или *заставила*) *вымыть* — оба глагола совершенного вида, — и *заставит* (*заставила*) *мыть* (совершенный вид сочетается с несовершенным). Значит, форме совершенного вида как будто безразлично, каков вид

того глагола, который к ней присоединяется? Не будем торопиться со столь ответственным выводом: ведь мы рассмотрели только один глагол — *заставлять*.

Возьмем какой-нибудь другой, например *пытаться*: *пытался двигать рукой, пытался двинуть рукой, попытался двигать рукой, попытался двинуть рукой*. Все прекрасно сочетается: несовершенный с несовершенным, несовершенный с совершенным, совершенный с несовершенным и, наконец, совершенный с совершенным. Но близкий по смыслу глагол *стараться* ведет себя иначе: для русского уха вполне привычны фразы типа *Он старался уклониться от ответа; Он старался уклоняться от ответа* — и кажется странным оборот **постарался уклоняться* (т. е. сочетание совершенного вида с несовершенным).

Можно сказать: *Федя помог мне сделать модель планера и Федя помогал мне делать модель планера*. Фразы же *Федя помогал мне сделать модель планера и Федя помог мне делать модель планера* звучат хуже. Ничто не помешает вам *отказаться есть* пищу, которая вам не нравится. Но, произнеся: *отказываюсь есть*, вы вряд ли сможете выразить ту же мысль с помощью совершенного вида неопределенной формы глагола (**отказываюсь съест*). *Он отказался помочь мне* столь же правильно, как и *Он отказывался помогать мне*, но в отличие от только что рассмотренного примера (**отказываюсь съест*) можно сказать и *отказывается помочь мне*, и *откажется (отказался) помогать мне* — т. е. возможно и «перекрестное» сочетание видов — несовершенного с совершенным, и наоборот.

Перебирая другие случаи подобных сочетаний личного глагола и неопределенной формы (а вы, как природные носители русского языка, вполне можете сделать это сами), убедитесь, что правило согласования видов «нежестко», для разных смысловых групп глаголов оно допускает различные возможности. В общем виде оно может быть сформулировано примерно так: если личный глагол — несовершенного вида, то, скорее всего, и подчиненный ему инфинитив другого глагола должен быть того же вида; если же личный глагол — в форме совершенного вида, то зависящий от него инфинитив может быть как совершенного, так и несовершенного вида.

Реализация этого правила в каждом конкретном случае может «обрастать» множеством условий, запрещающих или разрешающих то или иное сочетание. Почти всегда эти условия связаны со смыслом сочетающихся глагольных форм или же тех элементов предложения, которые с ними связаны.

Что же это за условия? Познакомимся с некоторыми из них.

Глагол *хотеть* в личной форме легко сочетается с инфинитивом как несовершенного, так и совершенного вида: *хочу есть — хочу съест, хотел гулять — хотел погулять, хотим видеть — хотим увидеть* и т. п. Но если к этому глаго-

лу присоединить отрицание *не*, то на его сочетаемость тут же накладывается ограничение: он соединяется с глаголами только несовершенного вида. Можно сказать: *не хочу есть, не хотел гулять, не хотим видеть* — и нельзя: **не хочу съесть, *не хотел погулять, *не хотим увидеть*. Но это ограничение, оказывается, не абсолютное: оно касается употребления глагола *не хотеть* только в повествовательных (и восклицательных) предложениях. В вопросительном же предложении возможны и эти обороты, приведенные выше со звездочкой: *Не хочешь ли погулять?; Не хотите чего-нибудь съесть?; А ты бы не хотел его увидеть?*

Вероятно, дело тут в том, что при вопросе *не* в значительной мере теряет свою отрицательную силу: ведь спрашивающий как бы предлагает собеседнику нечто (погулять, съесть чего-нибудь, увидеться с другом), а вовсе не констатирует, что собеседник этого не хочет — как было бы в повествовательном предложении. Отрицательная же форма глагола *хотеть* смягчает предложение-вопрос, делает его ненавязчиво-вежливым.

Похожая картина — в сочетаемости слова *должен*: *Я должен ехать — Я должен поехать*. При отрицании возможен только несовершенный вид подчиненной инфинитивной формы глагола: *Вы не должны забывать об этом; Они не должны уходить раньше времени* (не говорят: **вы не должны забыть, *не должны уйти*). В вопросительном предложении, при наличии в нем уточняющих обстоятельств — времени, места, цели, образа действия — и некоторых частиц, со словом *не должен* сочетается и совершенный вид инфинитива: *Не должны ли и мы пойти туда?; Уж не должен ли я съесть эту гадость?; Не должен ли он поступить так, как вы ему велели?*

Таким образом, вопросительная форма предложения позволяет больше, чем повествовательная: правило согласования видов действует в ней слабее.

Важным фактором, который влияет не только на сочетаемость самих глагольных форм, но и на вид одиночного глагола, является наличие во фразе обстоятельств — наречий, предложно-именных групп. Если хоть немного вдуматься в значения таких обстоятельств, как *всегда, никогда, долго, подолгу, весь день, упорно, обычно, по утрам, часто* и др., то станет ясным, что они не могут сочетаться с такими значениями, которые им противоречат, например со значением однократности или мгновенности действия, со значением завершенности: ведь смыслы этих обстоятельств содержат компонент 'длительно' или же предполагают длительность, повторяемость действия (как наречия *упорно, обычно, часто*, предложно-именные сочетания типа *по утрам*).

Нормально звучат такие обороты: *всегда опаздывает, никогда не сердится, долго собирался, подолгу сидел, с минуту молчал, весь день шел дождь, упорно настаивал, добивался, обычно я встаю в семь*. И невозможно сказать: **всегда опоздал, *долго собрался, *подолгу сел, *с минуту замолчал, *весь день про-*

шел дождь, *часто случилось, *упорно настоял, добился, *обычно встал и т. д.¹⁰.

Но, оказывается, можно сказать: *никогда не рассердится* (сравните — в стихотворении Анны Ахматовой: *И мнится — голос человека Здесь никогда не прозвучит...*), употребив глагол совершенного вида в будущем времени, — сказать же **никогда не рассердился*, *никогда не съел нельзя. И понятно почему: если действие уже совершилось, то нелепо высказывать суждение, что его никогда не было. Относительно же предстоящих действий каждый волен предполагать что угодно, в частности и то, что они никогда не осуществляются.

Стало быть, в сочетании с некоторыми обстоятельствами важен не только вид, но и время глагола: при изменении времени с прошедшего на будущее (или наоборот) сочетание обстоятельства с глаголом совершенного вида из неправильного превращается во вполне нормальное. Сравните: **никогда не сделал этого* (так сказать нельзя; надо: *никогда не делал этого*) — и *никогда не сделаю этого* (так сказать можно), но: *Он снова зачем-то спросил меня об этом* (правильно) — **Он снова зачем-то спросит меня об этом* (неправильно). В последней паре предложений мы видим нечто противоположное тому, что свойственно оборотам с наречием *никогда*: там нормальны сочетания с будущим временем глагола совершенного вида, здесь же они как раз ненормальны, неправильны (*зачем-то спросит), а сочетания с формами прошедшего времени вполне хороши (*зачем-то спросил, зачем-то написал* и т. п.).

Есть обстоятельства времени, которые в своих значениях содержат элемент 'однократность' и даже 'мгновенность' действия: *однажды, один раз, мгновенно, вдруг* и под. — Ну, ясно, — догадывается читатель. — Эти обстоятельства не употребляются при глаголах несовершенного вида: ведь в этом случае значения однократности, мгновенности будут противоречить значениям длительности, незаконченности действия, которые присущи формам несовершенного вида.

Однако эта догадка неверна.

¹⁰ Между тем подобные невозможные обороты, в которых глагол совершенного вида сочетается с обстоятельством длительности, иногда встречаются в печатных текстах. Так, в газетном обзоре читаем: «По этому поводу газета отмечает высокую художественную ценность работ старых армянских мастеров, произведения которых *сохранились в течение* многих веков». Или: «*В течение* двух месяцев в областной библиотеке имени М. Горького была организована выставка рисунков самодеятельного художника» (из газет 70-х гг. XX в.). Надо было написать: *сохранялись* (или *сохраняют*) *в течение* многих веков; *в течение* двух месяцев была открыта.

Даже у такого внимательного к языку современного писателя, как Б. Можяев, читаем: «*С минуту воцарилось* молчание — все шумно работали челюстями и сопели, как будто воз везли» (Б. Можяев. Мужики и бабы. М., 1976. С. 105).

Разумеется, говорят: *Однажды вышел из дому; Один раз произошло вот что; Мгновенно вспыхнул и погас свет; Весь стадион вдруг взорвался аплодисментами.* Но разве нельзя сказать: *Однажды выхожу я из дому; Один раз происходит вот что; Мгновенно вспыхивает и гаснет свет; Весь стадион вдруг взрывается аплодисментами?* Можно. В чем же дело?

Наречия *однажды* и *один раз* обычны в рассказе о чем-либо; их нельзя употребить в предложениях, указывающих на действие, которое происходит сейчас, на наших глазах. Даже и в том случае, когда рассказчик использует глагольные формы настоящего времени и несовершенного вида, он имеет в виду нечто, уже свершившееся, уже бывшее в прошлом (в грамматике такое время глаголов называется настоящим историческим). Наречия как бы привязывают событие или действие к определенному (только одному!) отрезку времени в прошлом — в таком случае и действия, обозначаемые глаголами, полностью укладываются в этот отрезок: не вообще, не обычно выхожу я из дому (ср.: *обычно встаю в семь*), а в «тот раз», в тот день, о котором я рассказываю.

Мгновенно и *вдруг* — наречия иного рода. При сочетании с глагольными формами несовершенного вида они также обычны в рассказе, в повествовании о чем-либо, происходившем в прошлом: *Помню все до мелочей: как мгновенно вспыхивает свет, как зал вдруг раздражается овациями...* (нельзя сказать: — **Смотри, как мгновенно вспыхивает свет*). Но их можно присоединить далеко не к любому глаголу, а лишь к такому, значение которого содержит компонент 'начинаться' или 'кончаться'. *Мгновенно вспыхивает, загорается, гаснет* сказать вполне можно, а *мгновенно горит или *мгновенно светит — нельзя; *Он вдруг замахивается, вскакивает, останавливается* и т. п. — можно, а *Он вдруг стоит или *Он вдруг читает — нельзя.

С употреблением глаголов несовершенного вида в форме настоящего времени связаны два любопытных явления, которые уместно рассмотреть в этой главе.

...Помните, как звучит начало пушкинских «Бесов»?

Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освещает снег летучий;
 Мутно небо, ночь мутна,
 Еду, еду в чистом поле;
 Колокольчик дин-дин-дин...
 Страшно, страшно поневоле
 Среди неведомых равнин!

Перед нами разворачивается картина зимней ночной дороги, безлюдной, тревожной. То, что описывает Пушкин, происходит как бы на наших глазах, и это впечатление в значительной мере создается при помощи глаголов *мчатся, вьются, освещает, едут...*

Такие действия, которые происходят «прямо сейчас», в данный момент, принято называть актуальными и (от латинского *actualis* ‘деятельный, практический’). В повседневной жизни подобные действия совершаются на каждом шагу. Поэтому почти любой глагол может быть употреблен в актуальном значении: *Идет дождь; Поезд отправляется от перрона; Запираю дверь; Он поднимает голову и смотрит на вошедших* и т. п. В поэтических описаниях природы использование глагольных форм настоящего времени несовершенного вида как раз и создает «эффект присутствия»: картины озаренной солнцем рощи, осеннего дождя, покоса живо встают перед нашими глазами:

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какую негой веет
От каждой ветки и листа!

(Ф. И. Тютчев)

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

(Н. А. Некрасов)

Снуют пунцовые стрекозы,
Летят шмели во все концы,
Колхозницы смеются с возу,
Проходят с косами косцы.

(Б. Л. Пастернак)

Но если те же глагольные формы употребить в сочетании с наречиями *всегда, обычно, обыкновенно, вечерами* и др., они обернутся к нам другой стороной своих смыслов. *Горнист всегда идет в голове колонны; Поезд до Симферополя отправляется обычно от 4-й платформы; Я никогда не запираю дверь* — не содержат ничего похожего на значение ‘сейчас’, ‘в данный момент’. Они сообщают о некотором порядке вещей, о том, что события происходят (или не происходят) с некоторой регулярностью. Это можно выразить и без употребления указанных обстоятельственных слов (*обычно, всегда* и т. п.), в особеннос-

ти если речь идет о явлениях, хорошо известных каждому. Глагол в этом случае обозначает скорее не действие, а свойство того, что выражено существительным: *Волга впадает в Каспийское море; Урожай собирают осенью; От нагревания тела расширяются, а от холода — сжимаются.*

Такое значение глаголов несовершенного вида в форме настоящего времени называется *узуальным* (от латинского *usus* 'употребление, опыт, практика'). Оно широко представлено, например, в народных пословицах и загадках: *Цыплят по осени считают; Семеро одного не ждут; Под лежачий камень вода не течет; Снявши голову, по волосам не плачут; Кланяется, кланяется, придет домой — растянется* (топор) и т. п. В наблюдениях — за тем, что происходит в природе, в формулировках естественных законов, «философских истин» также привычны глагольные формы с этим смыслом: *Осенью птицы улетают на юг; На зиму медведь забирается в берлогу; Вода замерзает при температуре ноль градусов; От сырости железо ржавеет; Летом светает рано; Количество, при его непрерывном накоплении, переходит в качество* и т. п.

Некоторые глаголы имеют только это, узуальное значение, а в актуальном смысле употребляться не могут. Это, например, глаголы *жить, водиться, обитать, находиться*, глаголы движения с приставкой *при-* и др. Нельзя сказать: — **Смотри, он живет* или **Я вижу, как он обитает*; не говорят: — **Смотри, он приходит* или — **Смотри, приносят почту!* (надо: — *Смотри, он идет* или *пришел*; — *Смотрите, почту несут* или *принесли*).

Если сравнить глаголы *есть* и *съесть* (оба они являются формами несовершенного вида), то мы обнаружим следующее различие в их употреблении. *Есть* употребляется и в актуальном и в узуальном смысле: — *Смотри, он ест твой бутерброд* (актуальное значение); *Она мало ест* (узуальное значение); глагол же *съесть* — только в узуальном: *За обедом Коля съедает два вторых и выпивает два-три стакана компота*. Употребление приставочной формы несовершенного вида в актуальном значении невозможно (— **Смотри, он съедает твой бутерброд*).

Наряду с актуальным и узуальным выделяют еще одно значение, в котором могут употребляться глаголы, — *потенциальное*: оно указывает на некоторую возможность или способность. *Он поднимает 80 кг* — эта фраза может быть понята и в актуальном смысле (сравните: *Он поднимает 80 кг и уходит с помоста*), и в потенциальном: он способен, в состоянии поднять вес, равный 80 кг.

Глаголы, обозначающие физические и умственные способности человека и животных, технические характеристики машин, чаще других употребляются в потенциальном смысле. Например: *Он переплывает эту реку туда и обратно без отдыха* (= может переплыть, так как не раз делал это); *Такие задачи она*

решает быстро; Слон съедает в день столько пищи, что ее хватило бы на несколько недель одному человеку; Машина тратит на одну операцию считанные доли секунды; Такой генератор обеспечивает энергией несколько цехов.

Некоторые высказывания могут быть неоднозначны: неясно, какой смысл выражает в них глагол — актуальный, узуальный или же речь идет о некоей возможности. Отчасти мы уже в этом убедились (так, двузначна фраза *Он поднимает 80 кг*). Еще примеры неоднозначных высказываний: *Он пьет кофе* — скорее всего, значение актуально: сидит и пьет, но возможно и другое осмысление: любит кофе, предпочитает его чаю. *Магнит притягивает железные булавки* — скорее всего, это значит, что магнит способен притягивать железные булавки, но возможно — мы покажем это в следующем абзаце — понимание этой фразы и в актуальном значении: сейчас притягивает.

Для того чтобы прояснить смысл предложения, достаточно несколько расширить его, введя определенные обстоятельства, частицы, деепричастные обороты или как-либо иначе дополнив его: *Несмотря на длительные и упорные тренировки, он поднимает всего-навсего 80 кг* — смысл только один, потенциальный (= 'может поднять'); *По утрам он пьет кофе; Он пьет только кофе* — в этих фразах глагол выражает узуальное значение (= имеет обыкновение); — *Видишь, я пью кофе маленькими глотками* — значение глагола (и всей фразы) актуально. Если учитель в классе говорит вам: — *Смотрите, я кладу магнит рядом с железными булавками, и он тут же притягивает их*, то вы поймете эти его слова только в одном смысле, актуальном: вы же видите, что делает учитель, и сами убеждаетесь в том, что магнит притягивает железо. Если же из последних трех слов предыдущей фразы построить предложение: *Магнит притягивает железо*, то оно явится формулировкой одного из свойств магнита, и, следовательно, смысл здесь будет выражен не актуальный, а потенциальный (= способен притягивать, вообще притягивает).

Второе из двух явлений, о которых мы начали говорить на с. 797, характеризует всего лишь несколько глаголов. Но оно в высшей степени интересно. И самое удивительное, что открыто это явление было каких-нибудь полвека назад. А открыть что-либо в языке, которым человечество пользуется в течение тысячелетий и в котором, вследствие этого, все кажется известным и привычным, не так-то просто!

Тем не менее и здесь бывают открытия. Одно из них принадлежит английскому философу и лингвисту Дж. Остину. Размышляя над значениями и употреблением слов обыденного языка, Остин обнаружил следующее интересное свойство глаголов *приглашать, предлагать, клясться, проклинать, просить, требовать, завещать, обещать, советовать, отказываться* и, может быть, немногих других (точнее — английских эквивалентов этих слов: Остин изучал

английскую лексику, но открытое им свойство характеризует соответствующие глаголы и в других языках).

Если эти глаголы употребить в 1-м лице (единственного или множественного числа) настоящего времени, то они будут означать само действие. Сказать в данном случае значит совершить поступок. Обращаясь к кому-либо: *Приглашаю тебя в кино*, — я самой этой фразой приглашаю человека в кино; *Предлагаем вам посмотреть этот спектакль* — это и есть предложение посмотреть спектакль. *Клянусь я первым днем творенья, Клянусь его последним днем!* — это не только слова клятвы, но и сама клятва. *Обещаю принести тебе книгу* — это и есть обещание; *Отказываемся от всех приглашений* — это и есть сам отказ и т. д.

Другие глаголы этим свойством не обладают. Если вы говорите: *Я режу хлеб*; *Я ем макароны* или *Мы любим играть в хоккей*, то это всего лишь высказывания, которые обозначают некоторые ваши действия и склонности, но не сами действия. Фразы с глагольными формами *обещаю, клянусь, советуем, предлагаем* и т. п. вы не можете сказать кому-либо «просто так»: одним их произнесением вы совершаете неязыковое действие: обещаете, клянетесь, советуете, предлагаете. Говоря же, например, *Я ем макароны*, вы вольны совершать какое угодно действие, и макарон перед вами вообще может не быть.

Будучи употребленными в других лицах, рассматриваемые глаголы утрачивают это любопытное свойство:

Лида советует мне поехать туда — это всего лишь высказывание о действиях Лиды, но само оно не является действием. Таковы же фразы: *Они клялись друг другу в верности; Его не раз приглашали выступить, но он отказывался; Разве вы не советуете ей принимать лекарство?* и т. п.

Правда, дальнейший анализ этих глаголов показал, что иногда свойство «говорю — значит делаю» может выражаться не только формой 1-го лица настоящего времени. Если в гостях к вам обращаются: — *Можно предложить вам чаю?*, то вы, вероятно, поймете этот вопрос так: хозяин предлагает вам чаю, а не просит вас разрешить («можно?») предложить вам чаю (как это следует из буквального понимания вопроса) — т. е. он не только говорит «можно предложить», но и тем самым предлагает. Такова же природа вопросительных фраз типа: *Могу ли я пригласить вас на танец?*; *Можно попросить вас закрыть окно?* — они сами суть действия: приглашение, просьба. Если к вам обратятся с подобным вопросом, вы вряд ли ответите: — *Можно* — и будете ждать, когда же вас действительно попросят или пригласят. Скорее всего, вы скажете: — *С удовольствием* — и возьмете предлагаемую вам чашку чаю — или: — *Пожалуйста* — и закроете окно.

Таким образом, мы убеждаемся, что и неопределенная форма некоторых из перечисленных выше глаголов реализует свойство «говорить = делать», но толь-

ко в особых конструкциях — вопросах-просьбах или вопросах-предложениях, начинающихся с оборотов *можно ли, могу ли...*

Читатель, должно быть, уже заметил, что, начав рассматривать «глубинные» явления, характерные для согласования смыслов, мы мало-помалу выбрались на «поверхность». Объясняя особенности значений, выражаемых теми или иными сочетаниями слов, мы касались таких грамматических характеристик, как вид глагола, его лицо, обращали внимание на то, как построено предложение, какое оно — повествовательное или вопросительное, есть ли в нем такие-то элементы (обстоятельства, частицы) и т. д.

Однако для того чтобы полнее представить себе, как взаимодействует слово с другими словами, как оно живет в реальной речи, надо попристальнее взглянуть на эту самую «поверхность», иначе говоря, специально (а не «постольку поскольку») изучить вопрос о строении фразы, предложения. И в этом случае мы будем иметь в виду слово, его поведение во фразе, должны будем учитывать смысловые особенности слов и их сочетаний, но логический акцент нашего рассказа сместится: явления глубоко-смысловые будут интересовать нас не сами по себе, а лишь как фактор, объясняющий природу конкретных высказываний.

СЛОВО И ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Умение строить предложения на данном языке, составляющее значительную часть того, что мы называем «владение языком», — настолько тонкое искусство, что сравнение его с любым профессиональным умением всегда приблизительно, грубо. Профессии каменщика или слесаря можно обучиться за несколько месяцев. Через пять-шесть лет работы способный и старательный человек может достичь высокого профессионального мастерства, стать подлинным знатоком своего дела. Родной же язык каждый из нас осваивает «с молодых ногтей» до глубокой старости и, что поразительно, никогда не достигает в этом освоении совершенства, не овладевает языком в полной мере. Людей, идеально владеющих языком, просто нет. Можно и нужно стремиться к идеальному уровню знания языковых тонкостей, но кто из нас решится сказать о себе, что он их все постиг?..

При построении фразы важны многочисленные факторы. Например, такие как выбор слова (а чтобы его правильно выбрать, надо знать точный смысл не только его самого, но и смежных с ним обозначений), его грамматические характеристики, особенности его сочетания с соседями в высказывании, место его в предложении, соотнесенность со словами предыдущих и последующих

фраз, с тем, как видит описываемые события говорящий (в частности, что он хочет подчеркнуть, на что обращает особое внимание), и мн. др. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим структуру некоторых предложений именно с этой стороны: как взаимодействуют, как соотносятся друг с другом составляющие их слова?

Основное различие между словом и предложением заключается в следующем: слово называет вещь, действие или свойство (*мальчик, коньки, кататься, хорошо*), предложение же говорит о том, что происходит с вещью, какое действие совершается и как: *Мальчик хорошо катается на коньках*.

И слово и предложение называются основными единицами языка. Надо сказать только, что основные они — в разных отношениях. Если рассматривать язык «в покое», статично, то основными его единицами следует признать слова, морфемы, фонемы. Но реальный, живой человеческий язык редко бывает неподвижен — он существует в динамике, в повседневном употреблении. В таком случае основной единицей языка оказывается не слово, не морфема или фонема, которые ничего не сообщают, а высказывание.

Каждое высказывание описывает определенную ситуацию, соотносится с этой ситуацией. При этом об одном и том же событии можно сказать по-разному в зависимости от того, на что хочет обратить внимание говорящий: на то, например, что, хотя мальчик и мал, он хорошо катается на коньках, или же на то, что на этих коньках он катается хорошо (а на других — хуже), или что на коньках он катается лучше, чем на лыжах, или лучше, чем его товарищи, и т. д.

Результатом этих разных намерений говорящего окажется множество фраз, различных по составу используемых в них слов, по месту каждого слова в высказывании, по интонации и т. п.:

Мальчик, хотя и мал, на коньках катается хорошо.

На этих коньках мальчик катается лучше, чем на других.

На коньках мальчик катается лучше, чем на лыжах (или: так же хорошо, как и на лыжах).

Мальчик катается на коньках лучше, чем его сверстники.

В соответствии с целями высказывания говорящий и строит предложения, выбирая нужные слова и ставя их на нужное место. Происходит, как пишут исследователи, процесс «взаимной подгонки слов и конструкций». В этом процессе недопустим произвол: и выбор слов, и их расположение во фразе, и та интонация, с которой произносится предложение, — все это подчинено определенным закономерностям. Мы легко убедимся в этом, если попытаемся заменить слова другими (хотя и близкими по смыслу), или же нарушить их порядок во фразе, или произнести утвердительное предложение с вопросительной интонацией: *Мальчик, хотя и невелик, но на коньках катается хорошо*; **Маль-*

чик и хотя мал, на коньках но катается хорошо; *Мальчик, хотя и мал, на коньках катается хорошо?

Первое из наших «экспериментальных» предложений правильно и по смыслу и грамматически, но оно значит не вполне то же, что исходное: когда о ребенке говорят *мал*, то имеют в виду не только его рост, но и возраст; *невелик* же — это характеристика физического роста или размера (если применять эти слова к предметам). Второе и третье предложения ошибочны, причем по разным причинам и, если можно так выразиться, в разной степени. По правилам русской грамматики нельзя менять порядок составляющих элементов в уступительном союзе *хотя* и тем более недопустимо союз *но* ставить на произвольное место, а не в начале той части высказывания, которая по смыслу противопоставляется предыдущей. Таким образом, во втором предложении допущены две грубые грамматические ошибки. Третье же предложение неестественно: в нем нет явных ошибок, но всякий говорящий по-русски признает, что фразы такой конструкции, как приведенная, должны произноситься с утвердительной интонацией, а не с вопросительной (так как в самом противопоставлении возраста мальчика и его «конькобежного мастерства» содержится логическое утверждение).

Анализ нашей повседневной речи выявляет порой неожиданные вещи. Так, например, оказывается, что слова различаются не только по значениям, по грамматическим признакам, по стилистической окраске — что вполне естественно, — но и по способности «играть» в предложении разные синтаксические «роли».

Возьмем, к примеру, слово *человек*. Самое обычное слово, скажете вы, самое распространенное, расхожее. Какие могут быть особенности в его употреблении? Не будем сейчас подробно говорить о том, сколь сложно это слово по смыслу: ведь в нем присутствуют разнообразные компоненты — физические характеристики (внешний облик, строение тела, рост и т. п.), психические, интеллектуальные, описание душевных особенностей, эмоций и т. д. Обратим внимание лишь на поведение этого слова в речи. И здесь вот что удивительно: несмотря на чрезвычайно богатую семантику (т. е. смысл), слово *человек* может исполнять в предложении далеко не все синтаксические роли. Чаще всего оно употребляется как сказуемое, причем всегда с оценочным определением: *Витя — хороший человек; Человек он был добрый и великодушный; Такой уж я человек*, или же в роли счетного слова: *В классе 25 человек; На спектакле присутствовало более тысячи человек*.

Если это слово выступает как подлежащее, то оно очень редко бывает одно — обычно при нем есть зависимое: *Вошел высокий человек с усами, в широкополой шляпе, с тростью в руке; Несколько человек сидели на скамейке*. Неестественно звучит предложение: *Вошел человек*. А фраза *Человек сидел на ска-*

мейке воспринимается как некоторое продолжение того, что было сказано раньше, например: *Вдруг я увидел человека в темном плаще и в очках. Человек сидел на скамейке и читал газету.*

Слишком общий смысл рассматриваемого слова «запрещает» ему употребляться в реальных фразах без конкретизирующих определений. Когда же таких определений нет, то слово *человек* либо теряет значительную часть своего богатого значения и уподобляется словам *штука, голова* (ср.: *50 человек — 50 штук, 200 голов скота*), либо передает некоторый обобщенный смысл — например, при описании свойств человека как представителя высших животных: *Человек, в отличие от рыб, дышит легкими; Человек рождается свободным* и т. п.

Иногда в обозначении числа людей слово *человек* кажется лишним — вместе с ним употребляется более конкретное по смыслу существительное со значением лица: *20 человек рабочих; В семье было пять человек детей.* При обозначении же приблизительного количества форма *человек* необходима. Сравните: *Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио* (А. С. Пушкин. «Выстрел»); *Впереди ехало человек пятьдесят казаков, предводительствуемых одним старым, седым наездником на серой борзой лошади. За ними шло человек десять мужиков с связанными назад руками, с пониженными головами, без шапок, в одних рубашках...* (М. Ю. Лермонтов. «Вадим»). Если попробовать обойтись здесь без слова *человек*, то смысл получится другой: исчезнет значение приблизительности и будет названо точное число людей: *десять наших офицеров, пятьдесят казаков, десять мужиков.* Обороты же *офицеров десять, казаков пятьдесят* звучат неестественно.

Сходными свойствами обладают и другие слова, обозначающие большие классы существ или предметов: *животное, инструмент, средство, судно* и др. Плохо звучат такие фразы: **Я увидел животное; *Инструмент висел на гвозде; *Средство рассыпалось по полу; *Туда мы добирались судном* (или: *на судне*) — сравните вполне правильные: *Туда мы добирались катером* (или: *на лодке*). Приведенные выше слова естественнее выглядят либо в столь же общих, как их значение, контекстах (например: *Каждое животное может быть отнесено к определенному классу*), либо в сочетании с зависимыми словами: *разъяренное животное, режущий инструмент, средство для удаления веснушек* и т. п. (Заметим в скобках, что указанные слова иногда все же используются для называния конкретных видов того, что они обозначают, без определений или других зависимых слов. Однако это присуще исключительно профессиональной речи, а не общелитературному языку. *Инструментом* плотники называют не совокупность всех применяемых ими орудий труда, а совершенно определенный топор — тот, которым плотник работает, — конкретный топор, рубанок и т. п.: — *Не тупи инструмент!* — может обратиться один сто-

ляр к другому, имея в виду не вообще инструмент, а вот этот топор или эту срамеску. Сравните похожее употребление слова *машина* в речи летчиков (для обозначения самолета) и водителей транспорта (для обозначения автомобиля, автобуса, троллейбуса), слова *судно* — в языке моряков и т. п.

Обозначения лица типа *прекрасный человек, отличный мастер, подлинный художник* не бывают подлежащими. Нельзя сказать: **Прекрасный человек ехал на велосипеде*; **Отличный мастер и подлинный художник живут на втором этаже*.

Чем это объясняется? Тем, что в приведенных сочетаниях содержится оценка: *прекрасный* — это не объективная характеристика какого-то человека (как, скажем, *высокий* или *одноглазый*), а мнение говорящего, его оценка качеств человека. Если я говорю о ком-то: *отличный мастер*, то тем самым я лишь высказываю о нем свое мнение. На самом же деле этот мастер может оказаться вполне заурядным, или же, во всяком случае, это мое мнение можно оспорить (характеристику же человека по виду деятельности, которою он занимается, — скажем, *мастер по ремонту телевизоров* — оспаривать, исходя из оценки, невозможно: либо этот человек является телевизионным мастером, либо нет). *Подлинный художник* — оценка, а *издательский художник* — указание на место работы художника.

Если же мы хотим дать оценку какому-либо лицу, охарактеризовать его качества, то естественнее всего выразить ее в сказуемом — недаром оно так называется; оно-то и скажет, сообщит окружающим нашу характеристику. Например: *Она прекрасный человек; Его отец — отличный мастер; Александр Иванов был подлинным художником*.

Изучая «синтаксическое поведение» рассматриваемых сочетаний (и им подобных), лингвисты обнаружили одну особенность, свойственную только русскому языку. Если мы хотим выразить отрицательную оценку человека, то, помимо сочетаний «прилагательное + существительное» (типа *скверный мальчишка, подлый кляззник*), мы можем использовать оценочные существительные: *Он негодяй; Вася — хвастун и подлиза*. Если же оценка наша положительная, то мы используем обычно только оценочные прилагательные: *Он умный; Вася — честный и добрый*. Разница в «знаке» оценки (плюс или минус), выражаемой прилагательными и существительными, отчетливо видна при сопоставлении таких пар, как *добрый* и *добряк, тихий* и *тихоня, простой* и *простак, скромный* и *скромняга*: прилагательные выражают одобрение, а существительные — оценку негативную, «осудительную» или, во всяком случае, ироническую¹¹.

¹¹ Правда, из этого правила есть некоторые (немногочисленные) исключения. Например, слова *храбрец, смельчак, молчун* и др., хотя и не содержат отрицательной

На этих примерах мы можем еще раз убедиться в том, что смысл слова влияет на его поведение во фразе. С наибольшей последовательностью это проявляется в сфере управления и согласования слов.

Некоторые ученые считают — и такая точка зрения находит все новые и новые подтверждения, — что по характеру грамматических связей слова в предложении можно судить о его семантике. Во всяком случае, различия в синтаксических связях слов очень часто свидетельствуют об их содержательных различиях, т. е. о разнице в значениях — причем настолько определенной, что ее можно «измерить». Часто оказывается верным и обратное: слова, однородные в смысловом отношении, обнаруживают известное сходство в их синтаксисе. Однако это случается далеко не всегда: порой весьма близкие по смыслу единицы сильно различаются по способам употребления их в речи, по грамматическим связям их с другими компонентами предложения.

Рассмотрим некоторые особенности синтаксического управления слов в русском языке.

ХИТРОСТИ УПРАВЛЕНИЯ

Вы, конечно, помните, что в грамматике называется управлением: это такая подчинительная связь слов в словосочетании или в предложении, при которой главное слово требует, чтобы зависимое стояло в определенной грамматической форме. Например, все переходные глаголы требуют дополнения в винительном падеже: *вижу гору, читаю книгу, покупает хлеб*. При глаголах с инструментальным значением существительное, обозначающее инструмент, обычно стоит в форме творительного падежа: *пишу карандашом, режу ножом, шьет иглой*.

Форма творительного инструментального употребляется для обозначения непосредственного воздействия на предмет путем прямого контакта с ним. При этом имеется в виду, что инструмент используется по своему назначению. Если же творительный падеж заменить оборотом *при помощи* или *с помощью* (*ножа, иглы* и т. п.), то такая конструкция тоже будет правильной, но несколько отличающейся по смыслу от конструкции с творительным. Это отличие может быть двоякого рода. Сравните: *Он прорезал мешок ножом* — *С помощью ножа он выдолбил ямку в твердом грунте*. В первом случае речь идет об использовании ножа по его прямому назначению (*прорезал*); во втором

характеристики (так же как и соответствующие им прилагательные *храбрый, смелый, молчаливый*), могут употребляться в роли сказуемого: *Он храбрец; Наш сосед молчун и работяга*.

инструмент применяется как нечто подсобное: не было ничего другого под руками, пришлось долбить ямку с помощью ножа (хотя нож — это не тот инструмент, который используется для подобной цели).

Другое отличие оборота *«при помощи (с помощью) + существительное»* от конструкции с творительным инструментальным заключается в том, что этот оборот не содержит указания на прямой, непосредственный контакт инструмента с предметом. Поэтому, в частности, в качестве существительного, подчиненного предлогу *при помощи*, могут фигурировать слова, которые не являются названиями инструментов в узком смысле: *машина, устройство, приспособление* и т. п. Сравните: *Убирать хлеб с помощью машин; Открывать контейнер при помощи специального устройства*. В этих случаях в прямой контакт с объектом вступают не сами машины или специальные устройства, а их рабочие части (ножи, захваты и т. п.). Слова *машина, устройство* и под. могут, конечно, употребляться и в творительном падеже; обычно это бывает при разного рода логических подчеркиваниях, противопоставлениях, например: — *Вы как убираете хлеб — вручную или машинами (комбайнами, косилками и т. п.)?*

Значение инструмента можно выразить и еще одним способом — сочетанием предлога *о* с существительным в винительном падеже: *порезался о стекло*. И опять-таки это формальное отличие свидетельствует об отличии содержательном: *Я порезал палец о стекло* — это значит, во-первых, что я сделал это нечаянно, помимо своей воли, и, во-вторых, что стекло находилось в неподвижном состоянии, а двигалась моя рука. Сравните такие же оттенки значения во фразах *Девочка укололась об иголку; Он ударился о стену; Ничего, я споткнулся о камень; Это к завтраму заживет* (С. Есенин). Обратите внимание: во всех примерах, приведенных в этом абзаце, значение инструмента оказывается более размытым, чем в конструкции с творительным, — ведь стекло, стена, камень не являются инструментами в прямом смысле.

На этих примерах мы убеждаемся, что различия в управлении слов не случайны, они отражают смысловые особенности синтаксических конструкций.

Каждый грамотный носитель языка хорошо знает, какими формами других слов управляет данное, умеет использовать формальные различия в управлении для выражения разницы (подчас очень тонкой) в смысле. Наметки того, какие слова и в каких значениях должны сочетаться с таким-то существительным или глаголом, содержатся в самом смысле существительного или глагола.

Вспомните наше описание значения глагола *резать* (с. 86): необходимыми являются по крайней мере три компонента — ‘лицо’, ‘предмет или нежданное вещество’ и ‘инструмент’. Это, правда, «глубинные» элементы, они не выражаются формально в самом слове. Но их наличие в значении слова указывает,

что глагол при его реальном употреблении должен сочетаться со словами, в значение которых входит какой-либо из названных компонентов. Но какова должна быть форма этих слов? Это определяет грамматика: правила синтаксического согласования и управления как раз и устанавливают, в каких падежах или предложно-падежных сочетаниях следует употреблять при глаголе *резать* существительные, обозначающие людей, предметы и инструменты.

Таким образом, значение слова как бы задает «места» для выражения при этом слове тех или иных смыслов, а грамматика предписывает, как именно заполняются эти «места», какими реальными языковыми конструкциями. Сочетание «глубинного» (смысл) и «поверхностного» (грамматика) аспектов дает возможность построить для каждого слова модель управления.

Вот как, например, выглядит модель управления в толково-комбинаторном словаре.

Резать

1 'лицо'	2 'предмет или нежидкое вещество'	3 'инструмент'	4 ('часть')
$S_{им}$	$S_{вин}$	1. $S_{тв}$ 2. с помощью, при помощи $S_{род}$	1. $S_{тв}$ 2. на $S_{вин}$

Здесь, конечно, нужны комментарии, объясняющие строение этой таблички.

В верхней ее части указаны номера «мест» глагола *резать* и смысловые компоненты, соответствующие каждому «месту». В четвертой колонке значится то, что не является для смысла этого глагола обязательным компонентом: 'часть' — можно резать что-либо, не получая в результате никаких частей (ср.: *резать ножом по столу*). Необязательность и показана скобками.

В нижней части таблицы стоят символы, обозначающие существительное (S) и падеж: *им* — именительный, *вин* — винительный, *тв* — творительный.

Пользуясь такой моделью управления, мы легко построим фразы, содержащие правильные для русского языка конструкции управления: *Мальчик* ('лицо', $S_{им}$) *режет огурец* ('предмет', $S_{вин}$) *острым ножом* ('инструмент', $S_{тв}$) *на мелкие кусочки* ('часть', на $S_{вин}$) и т. п. Правда, нельзя сказать: *резать ножом кусточками*. Специальный комментарий внизу, под моделью управления, запретит сочетание в одном предложении двух творительных падежей (чтобы не загромождать наш рассказ деталями, мы этого комментария не приводим).

Теперь, когда мы познакомились с моделью управления и выяснили, что одно смысловое «место» может заполняться различными падежными и пред-

ложно-падежными формами (ср.: *резать ножом* — *резать при помощи ножа* — *резать с помощью ножа*), — рассмотрим несколько примеров управления, отмечая особенности выражения «мест» в предложении, их совместимость и смысловые оттенки, передаваемые разными видами управления.

Самые «ходовые», присутствующие в значении очень многих глаголов, — это «места», соответствующие смыслам 'деятель', 'объект', 'инструмент', 'средство', 'цель', 'причина' и др.

Смысл 'деятель' выражается на «поверхности», т. е. в реальных предложениях, существительным или местоимением в именительном падеже: *Учитель пишет; Магазин работает; Собака спит; Он оглянулся*. Если глагол переходный и имеет форму несовершенного вида, то ему может соответствовать глагол страдательного залога с частицей *-ся*. У такого глагола смысл 'деятель' выражается существительным или местоимением в творительном падеже. Сравните: *Комиссия рассматривает жалобы трудящихся* (глагол действительного залога, смысл 'деятель' передан формой именительного падежа: *комиссия*) — *Жалобы трудящихся рассматриваются комиссией* (глагол страдательного залога, смысл 'деятель' передан формой творительного падежа: *комиссией*).

Надо заметить, что страдательный залог образуется далеко не от каждого переходного глагола. Во-первых, как мы уже сказали, он имеет только несовершенный вид: **Жалобы рассмотрелись комиссией* сказать нельзя — в этом случае используется краткое страдательное причастие: *рассмотрены*. Во-вторых, и среди глаголов несовершенного вида немало таких, которые неохотно меняют свой залог — с действительного на страдательный (это зависит от целого комплекса причин, на которых мы здесь останавливаться не будем — это отвлекло бы нас от темы). Сравните: *Ребята лепили снежную бабу* — можно ли сказать **Снежная баба лепилась ребятами?* Конечно, нельзя. Точно так же: *Мужики косили траву* — **Трава косилась мужиками; Школьники писали сочинение* — **Сочинение писалось школьниками*.

Смысловое «место», обозначающее объект, т. е. нечто, на что направлено действие, выражается разнообразно. Ну, прежде всего, винительным падежом существительного — при переходных глаголах: *выполнял работу, читаю письмо, смотрел фильм* — или же родительным, если глагол имеет при себе отрицание *не*: *не читал письма, не видел фильма*. Правда, и в этом случае может сохраниться форма винительного падежа: *не выполнял работу* (а только готовился к ее выполнению), *не читаю письмо* (а просто держу его в руках).

Смысл 'объект' содержится в качестве компонента в значениях не только переходных глаголов, но и других. В высказываниях он выражается формами косвенных падежей, в том числе и в сочетании с предлогами. Например, *касаться плеча* (родительный падеж), *притронулся к плите* (дательный с пред-

логом), *наступали на позиции противника* (винительный с предлогом), *боролись с грызунами* (творительный с предлогом).

В последнем примере смысл 'объект' выступает в несколько ином обличье, нежели во всех других: ведь имеется в виду не что-то пассивное, неподвижное (как в случаях, когда объект выражается названием предмета, части тела и т. п.: *плечо, плита, позиции*), а живые существа, способные оказывать сопротивление. Во всех глаголах взаимного действия, подобных слову *бороться*, присутствует смысловой компонент 'противник' или '«противодейтель»' (лингвисты называют его иначе: *контрагент* от немецкого *Kontrahent* 'оппонент, противник', которое восходит к латинскому глаголу *contrahere* 'соединять, сближать'). Например: *Петя сначала поссорился с Сереей, но потом помирился с ним; Я договорился с друзьями о встрече*¹².

Любопытно, что смысл 'дейтель' и '«противодейтель»' могут сливаться в одной форме множественного числа существительного (или местоимения) или же в сочиненной группе, состоящей из двух или нескольких существительных: *Мальчики* (или: *Петя и Серееа*) *поссорились, но потом помирились* (*друг с другом*); *Мы договорились о встрече*.

Один и тот же глагол (или отглагольное существительное) иногда может управлять разными падежными формами со значением объекта (или контрагента). Сравните: *Москва боролась с татарами — Декабристы боролись против самодержавия; Отец рассказывал об одном случае — Отец рассказывал про один случай; указать на недостатки — указать недостатки; отзвывая на рукопись — отзвывая о рукописи*. Нередко эта внешняя разница свидетельствует о различиях смысловых.

Например, если мы говорим *стрелять в медведя, в чучело* (т. е. употребляем конструкцию «предлог *в* + существительное в винительном падеже»), то имеется в виду «точечный» объект: предмет или существо, в которое кто-то целится и стреляет. Если говорят: *стреляли по высоте, по толпе, по наступающей пехоте*, то имеют в виду объект иного рода, «неточечный». Если же употребляют оборот *стрелять кому во что*, то оба дополнения (*кому* и *во что*) должны иметь следующие признаки: 'существо' и 'часть тела этого существа' (нельзя **стрелять дереву в ствол* или *машине в кабину — эту мысль надо выразить иначе: *стрелять в ствол дерева, в кабину машины*).

У глаголов *надеяться, стыдиться, стесняться* второе (объектное) «место» может выражаться и предложно-падежными сочетаниями: *надеюсь на ус-*

¹² Конечно, не надо понимать термины «противодейтель» и *контрагент* слишком буквально: о каком же противнике можно говорить, употребляя такие глаголы взаимного действия, как *дружить, мириться, обмениваться, обниматься, целоваться* и т. п.?!

пех, стыдиться своего происхождения — стыдиться за свой поступок; Дети стеснялись взрослых (присутствия посторонних) — и неопределенной формой глагола: надеется успеть, стыдится просить, постеснялся напомнить. В последнем случае должно соблюдаться такое условие: у каждого из перечисленных глаголов и у зависящей от него неопределенной формы первое «место» — «место» со значением деятеля — общее, причем выражается оно только при спрягаемой форме (но не при инфинитиве). Иными словами: *стыжусь рассказывать* может быть «разложено» по смыслу на «я *стыжусь* + я *рассказываю*», но второе «я» не выражается. Если же имеются в виду действия какого-то другого лица — не того, кто стыдится или надеется, — то форму инфинитива употребить нельзя — необходимо иное управление: *стыжусь за твое поведение* (оборот *стыжусь вести себя так* значит совсем не то же самое), *надеемся на скорые перемены (на то, что все переменится)* и т. п.

У ряда глаголов, напротив, невозможно выполнение указанного условия — каждая из сочетающихся форм, личного глагола и инфинитива, имеет свое собственное «место» 'деятеля': *Я посоветовал ему подождать* (посоветовал я, а ждать будет он); *Он приказывает нам подчиниться* (он приказывает, а подчиниться должны мы). Это и понятно: никто ведь не станет советовать или приказывать самому себе, разве что в шутку.

Смысл 'объект', являющийся семантическим местом многих глаголов, получает различное «поверхностное» выражение в зависимости от того, что именно хочет сказать говорящий. Почти всегда уже в значении самого глагола этот смысл имеет конкретное ограничение: не вообще 'объект', а 'предмет', 'существо', 'человек', 'свойство' и т. п. Мы уже видели это на примере глагола *резать*: резать можно не какой-то абстрактный «объект», а предмет или нежидкое вещество. Похожее уточнение имеет обобщенное значение объектности в глаголах *рубить*, *колоть*, *разламывать* и под. И в глаголах нефизического воздействия, например, в словах, относящихся к сфере человеческих эмоций, смысл 'объект' присутствует в весьма специфическом виде.

Так, например, *досадовать* можно только на человека или на его свойства: *Я досадовал на друга за его опоздание; Все досадовали на ее забывчивость*. Не говорят **досадовал на автобус*, **досадовать на опоздание*, **досадовали на ее отсутствие*, потому что слова *автобус*, *опоздание*, *отсутствие* не содержат в своих значениях компонентов 'человек' или 'свойство человека'.

Ставить под сомнение можно действие или свойство какого-либо человека, но не его самого: *Это ставит под сомнение его честность (искренность ваших намерений)*.

Смыслы 'инструмент' и 'средство' мы уже рассматривали в предыдущих главах. Здесь мы укажем лишь на «стандартную», наиболее обычную форму выражения этих смысловых «мест» в предложении. Это форма творительного

падежа: *писать карандашом, рубить топором, протравливать кислотой, обертывать бумагой* и т. п. Иногда эти смыслы выражаются именительным падежом — в тех случаях, например, когда речь идет о свойствах инструмента или средства: *Этот нож совсем не режет; Краска плохо ложится на жесть.*

Смысловое место 'цель' выражается у глаголов в форме инфинитива: *сяду работать, вышел погулять, лег отдохнуть, выбежали посмотреть* (в разговорной речи в этом случае могут употребляться и две спрягаемые формы глаголов: *пойду погуляю, сяду поработаю, лягу отдохну*), а также с помощью предложно-падежных сочетаний и придаточных предложений: *прислали для оказания помощи; Я пришел к вам, чтобы обсудить случившееся.*

Есть и два специальных предлога для выражения смысла 'цель': *с целью* и *в целях*. Они синонимичны, однако управление у них разное. *С целью* может присоединять к себе либо существительное в родительном падеже (*Он совершил нападение с целью грабежа*), либо глагол в неопределенной форме (*Он совершил нападение на прохожего с целью ограбить его*). Предлог *в целях* невозможно сочетать с неопределенной формой глагола — он управляет только родительным падежом существительного. Употребляются такие конструкции главным образом в официально-деловой речи — в деловых документах, постановлениях, приказах, переписке между учреждениями и т. п.: *В целях скорейшего осуществления задач, поставленных в этой программе...* (нельзя сказать: **В целях осуществить задачи...*).

Свое синтаксическое оформление имеет и смысл 'причина'. В русском языке он выражается чаще всего конструкциями с предлогами *из-за*, *вследствие* и устаревшим *по причине*: *Они ссорились из-за книг; Вследствие этого суд постановляет...* — или же придаточными предложениями: *Я не пришел к вам потому (из-за того), что заболела моя сестра.*

Смысл 'место, точка в пространстве' регулярно выражается у таких слов, которые обозначают перемещение предметов и людей, расстояние между географическими объектами: *вышел из дому, переехали из Москвы на дачу, бежал от старта до финиша, расстояние между городами; Шар покотился от левого борта к правому.*

Каждое из рассмотренных смысловых «мест» может по-разному выражаться в разных языках. Например, то, что по-русски обозначается только родительным падежом существительного, по-французски передается только прилагательным: *источник звука* — *source sonore* (буквально: *звуковой источник*, но так русский человек не скажет) или же и прилагательным и существительным: русскому сочетанию *источник света* (не говорят: *световой источник*) во французском соответствуют два оборота — существительное с определением-прилагательным *source lumineuse* и сочетание двух существительных: *source de lumière*.

Некоторые «места», выражение которых по-русски обязательно, в других языках могут отсутствовать в тексте, подразумеваться. Так, русский глагол *зависеть* нельзя правильно употребить, не указав двух «мест»: что и от чего (или от кого) зависит: *Это зависит от вас*; *Величина напряжения зависит от силы тока* и т. п. Нельзя сказать: *Это зависит или *Величина зависит. Английский же глагол *to depend* может употребляться и без второго «места»: *it depends* — буквально: *это зависит*, но поскольку так выразиться нельзя, на русский язык этот оборот переводится выражениями *как сказать!*; *поживем — увидим* (см. «Англо-русский словарь» под редакцией В. К. Мюллера) или *смотря по обстоятельствам* («Англо-русский словарь», составленный А. С. Романовым).

Как мы видим, у многих слов может выражаться сразу несколько смысловых «мест»: например, деятеля, объекта и инструмента (*пилить, колоть, рубить*); деятеля, объекта и средства (*мыть, красить, клеить*); деятеля, объекта и места (*Он вез листовки из Петербурга в Гатчину*) и т. д. Возникает вопрос: всегда ли можно «беспрепятственно» выразить нужный смысл, не мешают ли управляемые формы друг другу в предложении? Или, напротив, не «тянет» ли за собой одна форма другую как некий обязательный компонент синтаксической структуры предложения?

Если при глаголе выражается одновременно несколько семантических «мест», то они располагаются во фразе в некотором естественном для данного языка порядке; скажем, сначала название деятеля, затем сам глагол в личной форме, за ним название объекта, потом слово со значением инструмента: *Малляр красит стены длинной кистью*. Здесь, однако, мы не будем подробно говорить о порядке управляемых форм в предложении (см. об этом в главе «Место слова в предложении»). Выясним другое: нет ли каких-либо условий одновременного выражения нескольких смысловых «мест». На предположение о том, что такие условия существуют, наталкивает только что приведенный пример: если в нашей фразе заполнить место 'инструмент' (*кистью*), то, оказывается, место 'средство' выразить нельзя: не говорят же *красить стены кистью белилами!*

Стало быть, одно из условий очевидно: в предложении в непосредственном соседстве или на близком расстоянии друг от друга невозможны два творительных падежа (обычно эти падежи и выражают значения инструмента и средства). Нельзя сказать: **прибил доску гвоздями молотком*, **скрепили концы проволокой пассатижами*. Один из творительных падежей может выражать значение лица: *построен плотниками, задержан милицией*. И в этом случае в предложении, содержащем эту форму, невозможен второй творительный: **Мост укреплен сваями плотниками* (то есть: *Плотники укрепили мост сваями*).

Значит, если хочешь употребить в предложении форму творительного падежа, то из смысловых «претендентов» на эту форму может быть выбран только один: либо инструмент, либо средство, либо деятель (в страдательных конструкциях). Впрочем, можно вообще не выражать ни один из этих смыслов — и фраза тем не менее будет синтаксически правильна: *Я режу мясо* (не сказано: чем); *Маляр красит пол*; *Мост был надежно укреплен* (не сказано: кем и с помощью чего). Если же в этих фразах обойтись без прямого дополнения, выражающего объектный смысл, или же без подлежащего, которое может выражать значения деятеля или объекта, то получаются синтаксически (и по смыслу) незаконченные высказывания: *Я режу (что?)*; *Маляр красит (что?)*; *(?) был надежно укреплен*. Выходит, что выражение этих смысловых «мест» — деятеля и объекта — обязательно?

Почти всегда. Для правильного употребления большинства переходных глаголов необходимо упоминание во фразе того, кто производит действие, и того, на что оно направлено (или того, кто это действие испытывает). И только иногда, главным образом в тех случаях, когда глаголы выражают потенциальный или узуальный (но не актуальный) смысл, можно обойтись без указания объекта и деятеля: *Маляр красит, а прачка стирает*; *Этот нож хорошо режет*; *Отметки выставляют* (не сказано: кто) *в конце четверти* ¹³.

Если переходный глагол превратить в существительное, — а это легко сделать с помощью суффиксов *-ени(е)*, *-ани(е)*, *-ти(е)*, *-к(а)* и т. п. (сравните такие слова, как *чтение*, *соборание*, *сжатие*, *ковка*) — имя деятеля при существительном может быть выражено формами родительного или же творительного падежа: *пение Шаляпина*; *защита подсудимого адвокатом*. Так вот, оказывается, что родительный падеж можно употребить «в одиночку», без выражения других мест (*пение Шаляпина*, *рассказ старика*), а творительный — только в сочетании с формой, обозначающей объект! Нельзя сказать: *нарушение водителем*, *обсуждение комитетом* — надо непременно добавить — чего: *нарушение водителем правил дорожного движения*; *обсуждение комитетом новых предложений*.

Некоторые группы слов и отдельные слова имеют свои собственные (помимо общих) ограничения на сочетаемость разных управляемых форм.

---

¹³ Мы не касаемся здесь случаев такого употребления переходных глаголов без прямого дополнения, которое свойственно исключительно разговорной русской речи и которое только лет 30 назад сделалось объектом лингвистического анализа. Сравните такие реплики, характерные для непринужденных бытовых диалогов: *Мне в библиотеку надо, я задержал* [опущено слово *книги*] *сильно*; *Я в пятницу получу* [опущено: *деньги, зарплату*], *тогда с вами рассчитаюсь* и т. п. См. об этом в сб.: Синтаксис и норма. М., 1974. С. 196—203.

Слова, обозначающие действия с обязательным участием двух или трех деятелей или объектов, при своем употреблении обычно имеют при себе подчиненные формы, выражающие эти смыслы. Классический тому пример — глаголы взаимного действия: *бороться, встречаться, дружить, драться, ссориться* и под. (о них мы уже упоминали выше). Употребляя их, надо указывать и первого, и второго участников действия: *Старик Крестьянин с Батраком Шел, под вечер, леском... И повстречали вдруг медведя носом к носу* (И. А. Крылов); *Серезжа и Миша дружат с детства* — нельзя сказать: **Серезжа дружит с детства*. Правда, некоторые из этих глаголов при их оценочном употреблении, в частности при сочетании с оценочными обстоятельствами, могут и не иметь при себе дополнения: *Петя часто дерется; Смотри, как здорово он борется!* Но другие в любых случаях требуют постановки при них всех необходимых форм. Так, глагол *привить* всегда употребляется с указанием первого и второго объектов (*привить яблоню к груше, привить ребенку любовь к труду*). Глагол *включить* (в одном из значений) невозможно употребить без того, чтобы не указать, *кого* или *что* и *куда* или *во что*. Нельзя сказать: **Редакция включила статью; *Он включил в список*. В первом случае надо указать, *куда* (например, *в сборник, в очередной номер журнала*), а во втором — *кого* или *что* (например, *меня*).

Похожая черта обнаруживается у глаголов *вывести* (*Он вывел нас из лесу; Вывести следствие из теоремы*), *напоминать* (*Напомни ему о книге*), *побуждать* (*побуждать кого к чему*), *наталкивать* (*Этот пример наталкивает нас на мысль о том, что...* — нельзя сказать: **Пример наталкивает нас* и на этом оборвать предложение, а фраза *Этот пример наталкивает на мысль о том, что...* без указания, *кого* наталкивает, — выглядит как стилистически недостаточно грамотная) и нек. др.

Любопытны особенности управления при так называемых параметрических («размерных») существительных типа *величина, объем, размер, вес, длина, высота, толщина* и др.

Если нам надо сказать о размере какого-нибудь предмета, то мы либо сравниваем его с другими, либо указываем число определенных единиц — метров, километров, килограммов, тонн и т. п., т. е. говорим: *такого-то веса* или *размера, объемом около пяти кубометров, длиной 10 метров, высотой с дом*. Формы косвенных падежей — родительного и творительного (*веса, объема, высоты — весом, объемом, высотой*) — выполняют, казалось бы, одну функцию: указание меры, количества — и, стало быть, должны иметь одинаковую или хотя бы сходную сочетаемость. Ничуть не бывало!

Употребляя форму родительного падежа (*величины, высоты...*), мы обязаны снабдить эту форму определением: *Кит ограмных размеров; Дерево невиданной высоты; Шары такого объема (не подходят для эксперимента); Слой*

снега небольшой толщины. При этом саму величину — веса, объема, высоты — в цифрах (или количественных оборотах) мы выразить не можем. Нельзя сказать *дерево высоты, *кит размеров, *шар объема, **слой снега толщины* (т. е. употребить параметрическое существительное в родительном падеже без определения), **дерево высоты 30 метров*, *шар объема 7 см³ — надо: *высотой 30 метров*, *объемом 7 см³*. Форма творительного падежа как раз требует выражения количества в цифрах и единицах (*весом 20 тонн*, *высотой свыше 70 метров*) или сравнительного оборота (*высотой с дом*) и не допускает при себе никаких определений: не говорят **дерево огромной высотой*, **шары таким объемом в двадцать пять кубических сантиметров*, **палка большой толщиной с палец*.

Кстати говоря, при слове *толщина* возможны сравнительные обороты с двумя предлогами — *с* и *в*: *с руку*, *в палец*. Эти обороты обладают значением приближенности (в отличие от выражений, указывающих толщину в единицах — метрах, сантиметрах и т. п.). При употреблении этих сравнительных оборотов наблюдается следующее довольно тонкое различие. Если употребляется предлог *с*, то порядок главного слова (*толщина*) и управляемой им формы друг относительно друга безразличен (*толщиной с бревно* — *с бревно толщиной*); если же употребляется предлог *в*, то предпочтительнее обратный порядок — сначала сравнительный оборот, а за ним главное слово: *в палец*, *в руку*, *в два объёма толщиной*.

Особую область лингвистических исследований составляет управление при словах, близких (не обязательно тождественных) по смыслу. Казалось бы, раз слова обладают общностью смысла, то и в синтаксическом их поведении не должно быть заметных различий. И во многих случаях такая зависимость находит себе подтверждение. Например, глаголы физического воздействия управляют обычно винительным и творительным падежом существительных (*пилил доску ножовкой*; *колол дрова топором*: *строгал брусок рубанком*; *проколол кожу шилом*). Глаголы, обозначающие «передачу» чего-либо одним человеком другому, управляют винительным падежом и дательным (*отдал книгу товарищу*, *дарит матери цветы*), слова со значением «быть во главе» — творительным падежом (*управлять государством*, *командовать дивизией*, *заведующий базой* и т. п.).

Но так бывает не всегда.

Среди тех же самых смысловых групп, которые мы выделили выше, можно найти такие слова, у которых управление иное. Сравните: *давить на кнопку пальцем*, *внес деньги в кассу* (а не *кассе), *директор завода* (а не *директор заводом).

Анализ различий в управлении слов, принадлежащих к общим смысловым классам, позволяет увидеть несходства и в семантике этих слов.

Так, например, если второй объект у глаголов со значением «передачи» обозначает не лицо, а учреждение, то возможен (а иногда и необходим) винительный падеж с предлогом *в* или *на*: *Переслали письмо в министерство* (сравните: *переслали письмо министр*); *Сдайте чемодан в камеру* (а не **камере хранения*); *Отдали ребенка в ясли*.

Группа глаголов со значением 'отделять часть от целого' характеризуется общими чертами в управлении: при глаголах этой группы обычно стоят два дополнения — одно в винительном падеже, а другое в родительном с предлогами *от* или *из*: *отрезать кусок от пирога, оторвать пуговицу от пальто, выпилить сучок из полена*. Однако в том случае, когда 'целое' — это живое существо, а 'часть' — часть его тела, то второе дополнение ставится в дательном падеже без предлога (к о м у) или же в родительном с предлогом *у*: *Больному (у больного) вырезали опухоль* (нельзя сказать: **От или из больного вырезали опухоль*); *Смотри, не отруби мне палец!*

Сопоставляя глаголы *сообщать* и *информировать*, очень близкие по смыслу, можно заметить такое различие в их управлении: *сообщать что кому* — *информировать кого о чем*. Это типичные конверсивы (вспомните, что мы говорили о конверсивах на с. 734). Внимательно присмотревшись к тому, что выражают дополнения этих глаголов, вы убедитесь, что у второго глагола, по сравнению с первым, дополнения как бы поменялись местами (*что кому* → *кого о чем*). В значении глагола *сообщать* логически более важен компонент 'содержание': *сообщать что*, а в значении *информировать* этот смысл выражается вторым (и, значит, логически подчиненным) дополнением (*о чем*), первым же является дополнение, обозначающее лицо, которое получает информацию. Таким образом, при всей своей семантической общности эти два глагола различаются логическими акцентами их смыслов, что и отражается в их управлении.

Смысловая близость слов, а тем более полное тождество их значений (синонимия) может влиять на их синтаксис, делать единообразным их управление. Хотя «по правилам» один из синонимов управляет, скажем, винительным падежом или родительным, а другой — предложным, «давление» семантического сходства этих слов столь велико, что говорящие пренебрегают грамматическими правилами и начинают употреблять оба слова в одинаковых сочетаниях. Так рождаются ошибки, которые иногда попадают даже в печать: *говорить, рассказывать о чем* → **указывать о чем* (правильно: *указывать что или на что*), *сведения о чем* → **факты о чем*; сравните в газетной корреспонденции: «Достоинством гласности стали *факты о недовольстве* правительства финансовой политикой этой нефтяной компании».

Глагол *осуждать*, в юридических текстах часто употребляющийся как синоним глагола *приговаривать*, заимствует у последнего и форму управления: *осудили, осужден к такому-то сроку* (надо: *на такой-то срок*).

В спортивной хронике я прочитал раз такое предложение: «*Протесты на пристрастное судейство арбитров сыпались после отборочных матчей со всех сторон*» (Спорт-экспресс. 2002. 7 мая). *Протесты на!* Автор заметки явно спутал управление двух слов: *жалоба на кого* или *на что* и *протест прот и в кого* или *чего*.

Разумеется, не надо представлять себе дело так, что взаимовлияние близких по смыслу слов в области управления дает конструкции, всегда оцениваемые грамматикой (и говорящими) как бесспорные ошибки. Если обратиться к истории нашего языка, то мы увидим, что в сравнительно недавнем прошлом в ходу были совсем иные конструкции, нежели те, которые употребляем мы сейчас.

Так, в языке XIX в. было распространено беспредложное управление винительным или родительным падежом у тех глаголов, которые в современном русском литературном языке управляют предложно-падежными сочетаниями: *бежать кого* или *чего* (ср. современное *бежать от кого, от чего*), *петь славу, любовь* (ср. *петь о чем*), *дожить старых лет* (ср. *дожить до старых лет*), *отвечать письма* (ср. *отвечать на письма*), *вдохнуть кому что* (вместо *вдохнуть в кого что*) и т. п. И наоборот, некоторые глаголы, которые сейчас сочетаются с существительными без предлога, в прошлом имели предложное управление: *касаться до кого, до чего, достичь до кого, до чего* и под. Многие слова управляли совсем не теми падежами существительных, какими они управляют в современном языке: *вторить что* (ср. *вторить чему*), *наследник кому* (ср. *наследник кого*), *погружаться в чем* (вместо *во что*), *приравнивать что с чем* (вместо *приравнивать что к чему*)...

Вот несколько иллюстраций.

Поэт начала XIX в. П. А. Вяземский писал:

*Но слава не вотще мне голос подала!
Она вдохнула мне свободную отвагу...—*

мы бы сказали: *вдохнула в меня*. «Но вас ли бегаю, друзья?» — восклицал он в другом стихотворении. Сравните в «Памятнике» Пушкина: *...душа в заветной лире Мой прах переживет и тленья убежит*. В современном языке такое управление сохранилось лишь у однокоренного *избежать* (*избежать чего*), а глаголы *бежать, убежать* управляют родительным падежом с предлогом *от*.

*Свобода! он одной тебя
Еще искал в пустынном мире, —*

читаем мы у Пушкина («Кавказский пленник»). Выделенный оборот не был, конечно, индивидуально «пушкинским» — его и сходные с ним конструкции можно обнаружить и у других авторов. Сравните: *Спасаясь от тягости настоящего, отыскивая везде выхода* [мы бы сказали: *отыскивая выход*], *Франция впервые иными глазами взглянула на прошедшее* (А. И. Герцен. «Дилетантизм в науке»). Еще примеры:

Ты, ревностный наследник Эпикуру...

(П. А. Вяземский. Послание к А. И. Тургеневу)

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен.*

(А. С. Пушкин. Поэт)

*Священное их пение
Вторит высокий храм, —*

читаем в балладе А. К. Толстого «Ночь перед приступом». В другом его стихотворении есть такие строки:

*Как достичь до нее — не ищи, не гадай,
Тут расчет никакой не поможет...¹⁴*

А вот начало известного стихотворения Н. А. Некрасова:

*Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день...*

В современном русском языке глагол *заслушаться* управляет творительным падежом неодушевленного существительного: *заслушался песней* (пением) (а одушевленное ставится обычно в родительном падеже: *заслушались тебя, певца* и т. п.).

Варенька Доброселова, героиня романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди», выражается так: *Я стала просить его [учителя] успокоиться и не обижаться на наши-ми глупыми шалостями* (мы сейчас скажем: *не обижаться на наши глупые шалости*).

¹⁴ Эта конструкция встречается и в литературе совсем недавнего прошлого — например, в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», написанном в 30-е гг. двадцатого столетия: *К десяти часам утра очередь жаждающих билетов до того взбухла, что о ней достигли слухи до милиции, и с удивительной быстротой были присланы как пешие, так и конные наряды...*

Только что покончил с кипой писем, которые надо было отвечать, — писал дочери Л. Толстой. Он же, в другом письме, сетовал, что обыкновенно искренность приравнивают с самоосуждением.

Характерные для сегодняшнего нашего языка конструкции, вытеснившие эти устаревшие обороты речи, современникам Пушкина и Толстого показались бы бесспорными ошибками. Однако в процессе развития языка вчерашние ошибки сделались фактами общеупотребительными, вошли в литературную норму. Разумеется, столь удачная судьба сложилась (и складывается) далеко не у всех отклонений от старых синтаксических образцов — многие так и остались ошибками, не принятыми в кругу образованных людей.

Но нам важно подчеркнуть примечательную черту языкового развития: новое часто оценивается как неправильное, и только путем борьбы со старым, путем все более широкого распространения в среде литературно говорящих людей оно может завоевать себе «права гражданства» в нормативном языке.

Вероятно, так будет и с некоторыми современными «неправильностями» в области управления. Да что «будет» — это уже происходит на наших глазах!

Так, исследователи русского синтаксиса дружно отмечают исключительную активность предлога *по* (с дательным падежом). Эта конструкция вытесняет все другие, синонимичные ей: *экзамен по математике* (вместо старого *экзамен из математики*), *учебник по физике* (вместо *учебник физики*), *совещание по животноводству* (а прежде употребляли только конструкцию *совещание о чем*), *соревнования по плаванию* (вместо устаревшего *соревнования в плавании*), *работа по материалам следствия* (вместо *работа с материалами* или *работа над материалами*), *пункт по приему посуды* (вместо *пункт для приема посуды*) и т. п.

Такие конструкции, как *контроль над деятельностью министерства* (сравните традиционное *контроль чего*), *наблюдать за событиями* (вместо *наблюдать события*; сравните оборот *следить за кем- или чем-нибудь*, бесспорно повлиявший на управление глагола *наблюдать*), *спросить что* (вместо *спросить о чем*), *разобраться с вопросом* (вместо *разобраться в вопросе*) и др., еще не так давно оценивавшиеся как синтаксические погрешности, как ошибки, сейчас стали, видимо, нормой.

Этим небольшим экскурсом в историю нашего языка мы закончим главу об управлении и перейдем к краткой характеристике другой разновидности синтаксической связи слов в предложении — согласованию.

«УВЯЗАТЬ И СОГЛАСОВАТЬ»

Помните формулу, которую повторяет Оптимистенко — персонаж пьесы В. Маяковского «Баня»? — «Увязать и согласовать». Его бюрократическое мыш-

ление озабочено главным образом именно этими двумя действиями: увязать все вопросы друг с другом и согласовать их между собой.

Если мы применим эту формулу к нашей речи, то она неожиданно приобретет вполне серьезный и очень важный смысл. Ведь все слова в высказывании должны быть хорошо «увязаны и согласованы» друг с другом — в противном случае предложение будет синтаксически неправильным. Отчасти мы уже убедились в этом на примере управления. Об этом же свидетельствуют и правила согласования слов. Основные из этих правил вы, конечно, хорошо знаете: подлежащее согласуется со сказуемым в лице, числе и (если глагол — в прошедшем времени) роде: *Я пишу — Вы пишете; Ребенок играет — Дети спят; Поезд отправился ровно в полночь — Машина пришла к вечеру*; прилагательное, выступающее в роли определения, согласуется с определяемым существительным в роде, числе и падеже: *спелому яблоку, о весенней роще, долгими ночами*.

Разумеется, нет надобности повторять то, что можно прочесть в учебнике. Рассмотрим лишь некоторые трудные и тонкие случаи грамматического согласования слов в предложении. Кое-какие из этих случаев, как мы увидим, представляют собой сложные лингвистические задачи, не имеющие однозначного решения.

...Редактор читал очередную статью. Да, автор пишет бойко, ничего не скажешь! Вот только с грамматикой он не всегда в ладах. Пишет, например: *Большинство молодежи были направлены на летние работы в село*. Так не годится! И редактор исправляет: *Большинство молодежи было направлено...* Но вот через две страницы снова встречается нечто подобное: *Большинство участников соревнований сдали все нормы*. Надо бы исправить: *большинство... сдало*. Но почему-то рука медлит: и так, как написано, — тоже как будто неплохо. А дальше — еще похожая конструкция: *Большинство ребят, приехавших в лагерь, на разные лады повторяли запомнившуюся каждому из них поговорку...* Тут множественное число сказуемого — *повторяли* — кажется даже более уместным, и заменять его единственным как-то не хочется.

В чем же дело? Как будто один и тот же случай согласования: подлежащее, выраженное сочетанием слова *большинство* с родительным падежом существительного плюс сказуемое, но языковое чутье редактора верно подметило некоторые тонкие различия между встретившимися ему тремя фразами. Попытаемся сформулировать эти различия.

В первой фразе говорится о некоторой совокупности людей (*большинство молодежи*), а управляемое слово при *большинство (молодежь)*, хотя и обозначает множество, стоит в единственном числе, — естественно и сказуемое поставить в этом же единственном числе. Во второй фразе управляемое слово

при слове *большинство* имеет форму множественного числа: *большинство участников*, причем подразумевается, что участники соревнований сдали все нормы не «скопом», а каждый в отдельности.

Третья фраза содержит прямые указания на то, что *большинство* не мыслится в этом случае как некая единая совокупность: сравните такие обороты, как *на разные лады повторяли, каждому из них*. А коли это не «монолит» (ср.: *Абсолютное большинство собравшихся проголосовало против*), а некое множество, то логично поставить сказуемое во множественном числе.

— Что-то уж очень мудрено, — вправе заметить читатель. — Это в каждом случае надо вникать в тонкости, учитывая монолитность или разрозненность «большинства», самостоятельность, отдельность или же, напротив, совместность действий тех, кто составляет это большинство, и т. п.?! Этак и единого правила согласования не выработаешь — каждый будет писать, как бог на душу положит...

Верно. Единого правила согласования указанного оборота со сказуемым нет. Загляните в учебники, в пособия по синтаксису и стилистике — вы убедитесь в том, что не существует общего решения о числе глагола, выражающего сказуемое в рассматриваемом нами случае: то единственное нужно употреблять, то множественное. И даже не «нужно», а можно — правила формулируются не в виде «жестких» рекомендаций, а в форме предпочтений: если налицо такие-то факторы, то лучше единственное число, если факторы другие, то следует предпочесть множественное.

Вот как, например, излагается вопрос о согласовании группы *большинство* + существительное в родительном падеже в «Словаре трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (М., 1984):

«Сказуемое в форме единственного числа обычно употребляется... б) если слово *большинство* [а также *меньшинство*, *ряд*, *часть* и т. п.] имеет управляемое слово в ед. числе. *Громадное большинство той интеллигенции, какую я знал, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно* (Чехов); в) при непосредственном соседстве подлежащего и сказуемого (хотя управляемое слово употреблено во множественном числе). *Большинство людей молчало, глядя на Ромая* (Горький).

Сказуемое в форме множественного числа (так называемое согласование по смыслу) обычно употребляется: а) если между подлежащим и сказуемым есть другие члены предложения (особенно причастный оборот или определительное придаточное предложение со словом *который*, причем причастие или слово *который* стоит во множественном числе). *Большинство участников совещания в ходе обсуждения стоявших на повестке дня вопросов поддержали точку зрения докладчика*; б) если при слове *большинство* есть несколько управляемых слов в форме множественного числа. *Большинство*

рабочих, инженеров, служащих нашего завода давно не получали причитающуюся им зарплату; в) если при подлежащем есть однородные сказуемые. Большинство студентов-заочников своевременно выполнили все контрольные работы, успешно сдали зачеты и хорошо подготовились к экзаменам; г) если подчеркивается активность и раздельность действия, совершаемого его производителями. Большинство детей разбежались в разные стороны; д) если связка сказуемого согласуется с его именной частью (часто выраженной именем прилагательным или причастием). Большинство людей, встретившихся мне здесь, были оборванные и полураздетые (Л. Толстой)».

Очевидно, что такие правила — иной природы, нежели, скажем, правила согласования формы определения-прилагательного и определяемого-существительного. Они предоставляют говорящим некоторую свободу выбора.

Подобное положение — не случайность, а вполне естественное, даже закономерное явление: в языке есть участки, которые описываются вариативными правилами, допускающими не одно, а несколько решений. Со временем может возобладать какое-то одно из решений, но период, когда действуют вариативные правила, бывает достаточно протяженным (например, несколько десятилетий).

Те правила, которые сейчас кажутся нам без всякого сомнения однозначными, не допускающими вариантов, в сравнительно недавнем прошлом испытывали колебания. И случаи таких колебаний встречаются в произведениях классической литературы.

Вот только один пример.

Известно, что местоимения *кто, что, кто-нибудь, что-либо* и т. п. не имеют морфологически выраженного рода (у них нет родовых окончаний). Однако синтаксически, при сочетании с глаголом-сказуемым и определениями, род выражается, причем по-разному. Местоимение *что* и его производные (*что-нибудь, что-либо, что-то*) согласуются со средним родом сказуемого и определения: *Что-то темное закрыло окно*. А местоимение *кто*, а также *кто-нибудь, кто-либо, кто-то* — с мужским: *Кто принес деньги?; Кто-то, неразличимый в темноте, громко вскрикнул. Это* правило обязательно даже в том случае, когда речь идет о женщине: нельзя спросить **Кто принесла деньги?* или сообщить **Кто-то положила книгу на стол*. Но вот Пушкин считал нормальным и такое, невозможное с нашей точки зрения, согласование местоимения *кто* со сказуемым:

«Печален ты, признайся, что с тобой»,

— Люблю, мой друг. — *«Но кто ж тебя пленила?» (А. С. Пушкин. Она).*

В некоторых случаях, однако, трудно предпочесть какой-нибудь один способ выражения: либо все они хороши, либо ни один из многих не является

удовлетворительным. Поэтому можно, видимо, говорить о принципиальной неединственности правил, описывающих одни и те же языковые объекты.

В области согласования такие правила возникают там, где смысл высказывания вступает в противоречие с грамматикой. Ведь когда мы употребляем слово *большинство*, а также *ряд*, *множество*, то по значению это — совокупности: не один предмет или человек, а много. По форме же это слова единственного числа, стало быть, это число должно лежать в основе согласования их с другими членами предложения — сказуемым и определениями. Смысл требует множественного числа, грамматика — единственного. Борьба двух этих тенденций порождает правила, подобные тем, которые мы привели выше: это грамматические, синтаксические правила, но в них учтены и факторы смысловые.

Другой пример подобных вариативных правил дает нам согласование сказуемого с подлежащим, которое выражается сочетанием форм именительного и творительного падежа: *Коля с Ваней*; *мальчик с собакой*. Заметим, что такое сочетание легко переделать в другое, синонимичное по значению — с союзом *и*: *Коля и Ваня*; *мальчик и собака* (сравните внешне похожие сочетания *пастух с кнутом*; *чайник с крышкой*, которые такой «переделке» не поддаются: нельзя ведь сказать **Пастух и кнут шли по дороге*, **Чайник и крышка стояли на плите!*).

Так вот, правила согласования в этом случае гласят: если слова, составляющие указанное сочетание, обозначают равно активных участников действия, то сказуемое имеет форму множественного числа: *Коля с Ваней сдали контрольные работы первыми*. Если же тот участник ситуации, который обозначен формой творительного падежа, мыслится как некий «дополнительный», менее активный, нежели тот, что выражен именительным падежом существительного или местоимения, то сказуемое ставится в единственном числе: *Вошел старик с собакой*. Вошли, конечно, два живых существа, но собака была «при человеке», она вошла не сама по себе — ее ввел старик.

Смысловой фактор может целиком обуславливать форму сказуемого.

Так, при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием: *семь листов бумаги*, *двадцать студентов*, *сорок восемь ударов*, *трое сирот*, *шестеро мотоциклистов*, — сказуемое бывает как в форме единственного, так и в форме множественного числа. Выбор числовой формы зависит от содержания фразы. Употребляя множественное число, вы подчеркиваете раздельность совершаемого действия или же самих участников ситуации, предметов, о которых идет речь: *Шесть десятиклассников отправились на поиски малыша* (= каждый самостоятельно); *К празднику в разных районах города открываются еще пять магазинов*. Если же имеется в виду общность, совместность действия или совокупность лиц или предметов, то обычно используется

форма единственного числа сказуемого: *С заданием уничтожить группу противника в деревню было послано двадцать автоматчиков* (= все вместе); *В прошлом году на стройку приехало еще шестьсот выпускников ПТУ* (но можно и: *приехали*).

В единственном числе сказуемое употребляется и тогда, когда количественно-именная группа обозначает меру веса, расстояние, время и т. п.: *Для ремонта квартиры потребуются* (а не: *потребуется*) *двадцать килограммов белил*; *До отпуска осталось* (а не: *остался*) *шестнадцать дней*. Сравните также: *Прошло сто лет, но: Эти два часа тянулись для меня, как два года*.

Следовательно, носитель языка может выбирать один из двух способов согласования сказуемого с количественно-именной группой подлежащего в зависимости от своих намерений, смотря по тому, что он хочет подчеркнуть. Каждый из этих способов правилен, грамматичен.

Нечто совсем иное наблюдается при согласовании сказуемого с подлежащим, которое выражено сочетанием составного числительного, оканчивающегося на *один*, и существительного в единственном числе (*двадцать одна парта, триста сорок один ученик* и т. п.). Здесь смысл вступает прямо-таки в кричащее противоречие с грамматикой. На стороне грамматики такой очевидный аргумент, как форма единственного числа и числительного и существительного, — значит, такой же должна быть форма сказуемого. Но на стороне смысла аргумент не менее веский: ведь речь идет не об одном, а о многих, о множестве. Что ж с того, что *двадцать один* оканчивается словом *один* — имеется в виду-то не один, а два с лишним десятка!

Грамматика диктует: согласуй по единственному числу! Смысл сопротивляется: по единственному нелепо, надо по множественному! Если следовать грамматике, то надо говорить и писать: *Двадцать один ученик окончил школу с золотыми и серебряными медалями*; если согласовывать по смыслу, то следует предпочесть иную форму: *Двадцать один ученик окончили школу с золотыми и серебряными медалями*. И так не вполне хорошо, и этак плохо.

В тех случаях, когда подлежащее (с такими числительными) обозначает некоторую совокупность, на которую направлено действие, единственное число сказуемого выглядит вполне нормально: *Тридцать один пакет был отправлен утренней почтой*; *Учениками нашего класса отремонтирована сто шестьдесят одна парта*. Но когда речь идет о отдельных и притом активных действиях каждого из множества, то чаще побеждает смысл: *Пятьдесят один участник похода отправились в разных направлениях*. Конечно, многое здесь зависит еще и от наличия во фразе определенных обстоятельств (сравните в только что приведенном предложении: *в разных направлениях*), от значения глагола-сказуемого. Такие глаголы, как *собраться, встретиться*, предполага-

ют по смыслу не одного, а нескольких участников действия — следовательно, более естественно согласовывать их с подлежащими рассматриваемого типа по множественному числу. Та же числовая форма свойственна и сказуемым, выраженным глаголами *распределить, разместить, рассредоточить* и под. Если и в этом случае говорящий вздумает неукоснительно соблюдать требования грамматики, то он получит фразы, звучащие по меньшей мере странно: **Двести сорок одна овца была отловлена чабанами и распределена по отарам*. Заметьте: хотя действие в этой фразе выражено страдательными причастиями: не овцы ловили, а их ловили и распределяли, — тем не менее форма единственного числа неестественна. Еще пример: **Сто двадцать один отдыхающий разместился в новом корпусе санатория*. Но и форма множественного числа в подобных случаях не спасает положения: *Двести сорок одна овца были отловлены и распределены по отарам?*; *Сто двадцать один отдыхающий разместились?* И эти фразы режут ухо.

Вывод напрашивается сам собой: в русском языке нет хорошего способа согласования сказуемого с подлежащим, которое выражено составным числительным, оканчивающимся на *один*, и существительным. Чтобы передать мысль вполне грамотно, лучше всего изменить структуру высказывания и сделать подлежащее дополнением: *Чабаны отловили двести сорок одну овцу и распределили их по отарам; В новом корпусе санатория разместили сто двадцать одного отдыхающего* (а еще лучше — выразиться менее точно, зато более грамотно: *В новом корпусе санатория разместилось свыше ста отдыхающих*).

Не проще обстоит дело и в случаях согласования числовых групп только что рассмотренного вида с определениями. Грамматика указывает, что согласование должно вестись по единственному числу: *сорок одна ученическая тетрадь, девяносто один демобилизованный солдат, триста семьдесят один боевой вылет*.

Но как быть, если при числовой группе надо употребить местоименное определение: *весь, этот, наш* и т. п.? Попробуйте использовать форму единственного числа: **Вся эта сорок одна тетрадь!* Так сказать явно нельзя. А как можно? *Все эти сорок одна тетрадь?* Тоже плохо!

И в этих случаях говорящие стремятся выразить мысль иначе: *Все эти сорок с лишним* (или: с *небольшим*) *тетрадей*. Разумеется, от этого страдает точность высказывания, но за ее счет выигрывает естественность речи.

По мнению исследователей, специально занимавшихся изучением сочетаемости русского числительного, эта область нашего языка является наименее единообразной (и потому наименее нормированной). Многое здесь не устоялось: можно сказать так, можно иначе, а лучше выбрать третий или четвертый способ выражения. Ни в какой другой ситуации человек, хорошо знающий русский язык, не становится в тупик так часто, как в ситуациях, где необходимо

использование числительных. Причины этого — в морфологической и синтаксической разнородности числительных: одни из них склоняются как существительные, другие — как прилагательные, одни требуют после себя единственного числа существительного в родительном падеже, другие — множественного: *два стула, три сестры, четыре ведра — пять стульев, шесть сестер, десять ведер*. А числительное *один* — некоторые ученые и числительным-то его не считают (это, по их мнению, существительное) — сочетается с формой единственного числа именительного падежа: *один стул, одна сестра, одно ведро*.

Однако согласование сказуемого и определений с числительными и вообще с количественными словами и оборотами (ср. *несколько, много, мало, большинство* и под.) — лишь небольшой «участок» синтаксического согласования. Немало трудностей возникает и при грамматическом связывании других частей речи.

Например, правило согласования определения с так называемыми словами общего рода: *сирота, плакса, растяпа* и под. — рекомендует употреблять мужской род прилагательного, если речь идет о мужчине, и женский, если имеется в виду женщина: *Миша круглый сирота — Маша большая плакса*. Но нередко, особенно в разговорной речи, отступления от этого правила — и, любопытно, отступления только «в одну сторону»: из-за того что рассматриваемые слова внешне похожи на существительные женского рода (у них — окончание *-а*), можно и говоря о мужчине употребить прилагательное женского рода: *Петр большая умница*. (Но о женщине нельзя сказать: **Она большой умница* — и в этом и состоит «односторонность» указанного отступления от правила.)

«Парные обозначения», т. е. названия типа *сестра-хозяйка, трактор-тягач*, не вызывают затруднений при их согласовании со сказуемыми и определениями, если оба члена такой пары — одного рода: *Вошла сестра-хозяйка; ... в окне тархтел огромный трактор-тягач*. А если это разнородные или даже «разночисленные» существительные, например *кресло-качалка, антенна-излучатель, аэросани-глизсер*? Тогда чаще всего сказуемое и определение согласуются с первым членом наименования, который обычно обозначает родовое понятие: *новое кресло-качалка, установленная в приборе антенна-излучатель; В углу стоял красный диван-кровать; Эти аэросани-глизсер развивают очень высокую скорость*.

Однако и здесь возможны отступления от правила.

Например, если подчеркиваются свойства, обозначаемые вторым членом парного наименования, то возможно согласование по роду и числу этого второго члена: *двухспальная диван-кровать. Вагон-весы были неисправны* (ср.: *Вагон-весы прицеплен к составу последним*). Играет роль также порядок слов. Если определение стоит после наименования, то на его род и

число может оказывать влияние последняя часть: *Морж-самка, расположенная на льдине вместе с детенышами; Томат-паста, расфасованная в банки.*

Вариативный характер имеют и правила синтаксического согласования однородных членов предложения с их определениями (а однородных подлежащих — еще и со сказуемым). Как правильно сказать: *С улицы доносились шум и говор толпы* или *С улицы доносился шум и говор толпы? В детский лагерь привезли новый мяч и волейбольную сетку* или *...новые мяч и волейбольную сетку?*

«При прямом порядке слов (сказуемое следует за однородными подлежащими) обычно употребляется форма множественного числа сказуемого, при обратном порядке (сказуемое предшествует подлежащим) — форма единственного числа», — читаем мы в «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя. Значит, в первой из наших фраз надо выбрать такой способ согласования: *С улицы доносился шум и говор толпы*, — но, при изменении порядка слов: *Шум и говор толпы доносились с улицы.*

Правда, это лишь один из многих случаев согласования сказуемого с однородными подлежащими, и притом не самый сложный. В других формулировка правила включает такие факторы, как подчеркивание слитности предметов или лиц, обозначаемых однородными подлежащими, или, напротив, их раздельность, разобщенность (ср.: *конь и всадник — человек и закон*), различие в союзах (ср.: *И он, и она видели это — То вой, то свист слышится в осеннем ветре*), употребление при однородных членах слов *каждый, любой, весь, никакой* и т. п. (ср.: *Каждый штрих, каждая деталь имеет значение — сказуемое согласуется только с ближайшим к нему из двух однородных подлежащих*).

А как быть с определениями при однородных существительных? И здесь правила согласования далеко не просты и зависят от многочисленных переменных. Не будем выписывать этих правил — так недолго превратить нашу книжку в справочник (а на эту роль она никак не претендует). Заметим только, что если подчеркивается наличие нескольких предметов или лиц, то определение лучше употребить во множественном числе; стало быть, надо сказать: *В детский лагерь привезли новые мяч и волейбольную сетку*, — если же употребить форму *новый*, то резонно предполагать, что новым был только мяч, но не сетка. Правда, живая речь часто использует более однозначные способы выражения: *...новый мяч и новую волейбольную сетку.*

На примере всех этих вариативных правил мы видим, что жизнь слова в предложении не всегда подчинена строгим и определенным закономерностям — кое в чем поведение слова весьма прихотливо, а иногда и капризно. Значит ли это, что в подобных случаях мы не должны придерживаться никаких правил,

что как ни скажи — все будет хорошо? Такой вывод был бы глубоко ошибочен.

Вариативность, подвижность некоторых правил синтаксического согласования не означают хаоса, грамматической «анархии», «свободы воли» каждого говорящего. Такие правила свидетельствуют о том, что при выборе способа согласования в каждом конкретном предложении надо учитывать многочисленные и разные по своей природе обстоятельства. Вариативное правило менее жестко, чем правило, однозначно рекомендуемое определенный способ выражения. Вследствие этого такое правило может показаться и более простым. В действительности же дело обстоит как раз наоборот: именно потому, что применение вариативного правила невозможно без учета многих разнородных факторов, оно сложнее, чем правило «однозначное».

Разумеется, не надо думать, что все правила грамматического согласования нежестки, вариативны. Главные из них — те, что управляют взаимодействием большинства слов языка и составляют как бы стержень согласовательной системы, — вполне определены: сравните основные правила согласования подлежащего и сказуемого, определения и определяемого, с которых мы начали эту главу.

В качестве еще одного примера «однозначного» правила приведем способ согласования сказуемого и обстоятельства, выраженного либо деепричастным оборотом, либо особым предложно-падежным сочетанием.

Помните знаменитую фразу из рассказа Антона Павловича Чехова «Жалобная книга»? «Подъезжая к сией станции, у меня слетела шляпа». Подъезжал я, а слетела *шляпа*, но, если судить по приведенной фразе, подъезжала только *шляпа*. Здесь допущено вопиющее нарушение правила, регулирующего употребление деепричастных оборотов в русском языке. У сказуемого главного предложения и у деепричастной формы глагола должен быть общий субъект действия. Поскольку из предыдущего изложения мы уже знаем, что такое «место» смысловой структуры слова (см. с. 809), это правило можно сформулировать по-другому: глагол-сказуемое и деепричастие должны иметь одно и то же первое (субъектное) «место». Или еще иначе: тот, кто исполняет основное действие, выражаемое сказуемым, исполняет и действие побочное, «сопроводительное», которое выражено в деепричастии: *Достав ручку, он начал писать* (он достал и он же начал писать); *Переходя улицу, будь внимателен* (= когда ты переходишь, то ты будь внимателен).

Оказывается, что этому же правилу подчиняется и употребление некоторых обстоятельственных оборотов — например, со значением времени: *по прибытии, после окончания* и т. п. Присмотревшись к этим обстоятельствам, вы убедитесь, что их легко переделать в деепричастия: *прибыв, окончив*. Поэтому и правило употребления у них одно: так же как и у деепричастий, их первое

«место» должно совпадать с первым «местом» глагола-сказуемого: *После окончания школы Саша поступил в институт* = Саша $\leftarrow^1$ окончил и Саша $\leftarrow^1$ поступил; *По прибытии в расположение полка генерал вызвал к себе подчиненных* = генерал $\leftarrow^1$ прибыл и генерал $\leftarrow^1$ вызвал подчиненных. Неправильно: **После окончания школы директор вручил нам аттестаты зрелости* — окончили школу мы, а вручил аттестаты директор (разные субъекты действия у сказуемого и у обстоятельства); **По прибытии в Стокгольм Вуда больше всего поразило то, что там не оказалось места, где бы можно было принять ванну* (В. Сибрук. «Роберт Вуд». Перевод с английского, — речь идет о знаменитом американском физике Р. Вуде) — у оборота *по прибытии* на первом, субъектном, «месте» находится смысл 'лицо', выражаемый собственным именем *Вуд* (*Вуд* $\leftarrow^1$ прибыл), у сказуемого же *поразило* этот смысл на втором «месте» (*поразило* $\xrightarrow{2}$ *Вуда*), а на первом — нечто другое (*поразило* $\xrightarrow{1}$ *то, что...*). Из-за «рассогласования» первых «мест» сказуемого и обстоятельства фраза получилась синтаксически ошибочной (правильный вариант: *По прибытии в Стокгольм Вуд поразился тому, что...*).

Такая же неточность и в предложении, взятом из газетной статьи: *После окончания университета вся дальнейшая жизнь этого ученого была связана с исследованиями в области радиофизики* (из газет).

На примере этого правила мы можем убедиться в том, что в речи согласованными должны быть не только «поверхностные» признаки слов — скажем, их родовые и падежные окончания, показатели числа, — но и «глубинные». Вот вам наглядное подтверждение органической связи «глубины» и «поверхности» — смысла и грамматики.

Эта связь проявляется даже в такой области, которая представляется чисто внешней характеристикой предложения. Речь идет о порядке слов. Посмотрим же, как отражается на смысловой и грамматической структуре высказывания место в нем отдельного слова.

МЕСТО СЛОВА В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Мы уже говорили выше об аналогии, которую часто используют в популярных книгах о языке: слова — «кирпичи», строительный материал, из которого создается здание предложения.

Как и всякая аналогия, сравнение слова с кирпичом весьма приблизительно, оно лишь наглядно иллюстрирует функцию слов в речи. По существу же оба члена сравнения (слова и кирпичи), как это очевидно, значительно отличаются друг от друга.

Обратим внимание вот на какое различие: если обычные кирпичи стандартны и нет большой разницы, этот ли взять или другой, то каждое слово-«кирпич» индивидуально. Важно не только выбрать нужное слово, не только правильно — грамматически и по смыслу — соединить его с другими, но и поставить его на нужное место — от этого зависит смысл высказывания. В отличие от математики, где действует правило: от перемены мест слагаемых сумма не меняется, — место языковых «слагаемых» чрезвычайно существенно для «суммы», т. е. для смысла предложения, получаемого в результате «сложения» слов.

Посмотрим, например, как зависит содержание фразы от места в ней отрицательной частицы *не*. Для этого в предложении, состоящем из определенных слов, будем последовательно менять место этой частицы (а место других слов и их связи друг с другом оставим теми же самыми).

Исходное предложение такое: *Я дал ему книгу*. Производные с отрицанием:

Я дал книгу не ему (, а кому-то другому);

Я дал ему не книгу (, а тетрадь);

Я не дал ему книгу (, хотя он и просил ее);

Не я дал ему книгу (, а Костя).

По тем «продолжениям» отрицательных фраз, которые даны в скобках, мы легко убеждаемся в неодинаковости смысла производных предложений.

Для правильного построения и верного понимания высказываний очень важно место в них таких слов, как *почти*, *только*, *лишь*, *очень*, *хоть* и др. под., указывающих на степень признака или характер действия. Обычно эти слова по смыслу относятся к тому элементу высказывания, который стоит непосредственно справа от них: *почти сто человек*, *только две книги*, *очень устал ждать*, *дай мне хоть рубль*.

Если между таким наречием или частицей и тем словом, к которому они по смыслу относятся, вставить другие слова, то фраза получится либо неправильной, либо приобретет иной смысл, либо ее надо будет отнести исключительно к жанру устной речи, в которой правила порядка слов не так строги, как в письменной, ибо недостатки в словорасположении компенсируются интонацией. Сравните такие примеры: **В этой работе почти участвовали сто человек*; *Только Витя принес две книги* (у предложения *Витя принес только две книги*, как это совершенно очевидно, другой смысл); *Хоть дай мне рубль* (такой порядок возможен, например, при противопоставлении: *Хоть дай мне рубль, хоть отними — мне все равно*); ?*Очень в переходе через Альпы солдаты от лишения и голода устали* (последнее если и возможно, то только в устной, да и то небрежной, речи).

Правила, регулирующие расстановку во фразе частиц и усилительных наречий (типа *очень, сильно* и т. п.), — лишь небольшой фрагмент той системы закономерностей, которая описывает вообще порядок слов в русском языке. Эта система сложна. Ее разработке посвящено много специальных исследований, и здесь мы не будем, конечно, стремиться хоть сколько-нибудь последовательно изложить ее. Мы обратим внимание только на наиболее характерные черты линейного порядка высказывания в современном русском литературном языке.

Еще не так давно в лингвистической литературе можно было встретить утверждение, что порядок слов в русском предложении — свободный. При этом ссылались на такие языки, как немецкий или французский, в которых действуют строгие правила словорасположения. Например, в немецком языке в повествовательном предложении подлежащее всегда предшествует сказуемому (а в русском оно может стоять и после сказуемого, ср.: *Дождь идет — Идет дождь*). Французское определение, выраженное прилагательным, обычно следует за определяемым существительным (а в русском оно может быть как перед существительным (обычно), так и после него: *вторая часть — часть вторая*)¹⁵ и т. д.

В действительности свобода порядка слов в русском предложении — мнимая. Это стало очевидно, как только лингвисты начали изучать место слова во фразе с учетом важнейшего средства речевой выразительности — интонации.

Разной интонации соответствуют различия в логическом подчеркивании, то есть, в конечном счете, в смысле, в том содержании, которое хочет передать говорящий.

Сравните предложения, одинаковые по составу входящих в них слов, но различающиеся их порядком: *В эти дни там стояла отличная погода — Погода в эти дни там стояла отличная*. Произнесите вслух каждое из них. Замечаете различие в интонации? В первом случае она ровная, с небольшими повышениями тона на словах *дни* и *отличная* и понижением его на слове *погода*. Во втором интонационно явно выделяются слова *погода* и *отличная*, причем на последнем слове делается особое логическое ударение: ведь говорящий хочет подчеркнуть именно это свойство погоды.

¹⁵ В русском языке есть разряд слов, которые никогда не употребляются с определениями-прилагательными, расположенными перед ними. Определение в таком случае всегда ставится после определяемого справа от него. Этими словами являются местоимения типа *кто-то, что-то, кое-что, всё* и нек. др. Сравните: *кто-то высокий, что-то непонятное, расскажу тебе кое-что интересное, принеси всё остальное* (не говорят: **высокий кто-то, *непонятное что-то, *интересное кое-что, *остальное всё*).

Мы видим, что разница в интонации, в логическом ударении обуславливает разный порядок слов: в первом случае он нейтральный, во втором — эмоциональный.

Логическое ударение свойственно не только предложениям с эмоционально обусловленным порядком слов, но и вообще всякому высказыванию: ведь ни одну фразу нельзя произнести совсем без интонации! Просто в предложениях с эмоционально значимым расположением слов логическое ударение более ярко, его легче обнаружить и выделить, чем в предложениях нейтральных. Однако произнося и самые обычные, нейтрально-«сообщающие» фразы, не стремясь что-либо специально подчеркнуть, мы по-разному интонируем части этих фраз — в зависимости от того, что хотим сообщить слушателю.

Сравним два высказывания: *Петров ушел со старта последним* — *Последним ушел со старта Петров*.

В первом предложении *Петров*, так сказать, предмет речи — это тот, о ком говорится; то же, что он ушел со старта *последним*, — само сообщение, то, что о Петрове говорится. Во втором предложении распределение логических акцентов обратное: *последний* — тема сообщения, то, о чем говорится, а *Петров* — то, что говорится о теме (содержание). Произнося первую фразу, вы сообщаете нечто о Петрове (а именно, что он был на старте последним), а произнося вторую, сообщаете нечто о последнем спортсмене на старте — что это был не кто иной, как Петров.

В каждой из рассматриваемых фраз логическое ударение приходится на конечный элемент, т. е. оно подчеркивает как раз то, что сообщается (а не то, о чем или о ком сообщается).

Деление предложения на тему и содержание (лингвисты говорят еще иначе: на тему и рему — термин «рема» происходит от греческого слова *rhēma* ‘высказывание’), отмеченное различиями в интонации, очень существенно. Оно свидетельствует о том, что изменение порядка слов почти всегда означает изменение смысла высказывания. О какой же свободе словорасположения тут можно говорить?

Если рассматривать нейтральные в стилистическом отношении повествовательные предложения русского языка, то можно выявить некоторые закономерности в следовании слов друг за другом. Так, подлежащее обычно предшествует сказуемому (*Маша вышивает*), прямое дополнение следует за глаголом-сказуемым (*Маша вышивает скатерть*), а косвенные дополнения чаще следуют за прямым (*Маша вышивает скатерть шелковыми нитками*). Согласованное определение обыкновенно располагается слева от определяемого, а несогласованное — справа. Сравните: *высокий дом* — *дом отца*, *куриный бульон* — *бульон с клецками*. Наречие, которое по своей функции является характеристикой действия — а действие выражается глаголом, — стремится быть

поближе к глаголу и стоит либо непосредственно слева от него: *крепко спал, хорошо выглядит*, либо справа: *приеду вечером, падает сверху*. Именная часть сказуемого обычно следует за связкой: *был болен, является распространенным, служила укрытием*.

Здесь недаром употреблены слова *обычно, обыкновенно, либо, чаще*: правила порядка слов не столь однозначны, как, скажем, правила согласования грамматических характеристик определения-прилагательного и определяемого-существительного. Сказать **зеленая кузничек* вместо *зеленый кузничек* нельзя ни при каких условиях, а поменять местами определение и определяемое в сочетании *зеленый кузничек* в принципе можно (такой порядок довольно часто встречается в стихотворной речи, а также в устном диалоге, в письмах), однако *чаще, обычно*, в нейтральной речи словопорядок именно такой: сначала прилагательное, а затем существительное.

Правда, есть и достаточно жесткие нормы линейного расположения слов. Так, например, если подлежащее или дополнение выражено не одиночным существительным, а сочетанием одного из слов *много, несколько, большинство, ряд, часть* с существительным множественного числа в родительном падеже, то в нейтральной речи порядок внутри группы подлежащего или дополнения может быть только один: *несколько человек, много цветов, большинство учащихся, ряд проблем, часть расходов* (невозможно: **Человек несколько вошли в приемную; *Нарвали цветов много; *Решили проблем ряд* и т. д.).

Дополнение, занимающее объектное или субъектное место при отглагольном существительном, ставится непосредственно справа от этого существительного: *прием посетителей, крики журавлей*. Не говорят: **посетителей прием, *журавлей крики*¹⁶.

Некоторые особенности порядка элементов в предложении зависят от характера значения составляющих его слов. Так, если сказуемое выражается глаголом со значением 'наличия' или 'появления', то подлежащее обычно ставится после сказуемого: *Вошел отец; Послышались крики; На дороге показалась*

¹⁶ Однако в стихотворной речи нередко избирается именно такой, обратный порядок слов (его именуют *инверсией* — от латинского *inversio* 'переворачивание, перемещение'). Сравните:

То ли бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена...
(А. С. Пушкин)

Глухая тоска без причины,
И дум неотвязный угар.
(А. А. Блок)

повозка; У меня было всего два рубля (гораздо реже: *Всего два рубля было у меня*). Сравните пушкинские строки:

На свете счастья нет,
Но есть покой и воля.

При помощи порядка слов можно различать согласованное определение и именную часть сказуемого: *Был солнечный день* — *День был солнечный*; несогласованное определение и дополнение: *построить лагерь для детей* (какой лагерь? — для детей) — *построить для детей лагерь* (построить для кого? — для детей); несогласованное определение и обстоятельство: *В морозную ночь хорошо видно кольцо вокруг Луны* (какое кольцо? — вокруг Луны) — *В морозную ночь вокруг Луны хорошо видно кольцо* (видно где? — вокруг Луны).

Исключительно с помощью порядка слов различаются по смыслу некоторые высказывания и отдельные словосочетания.

Так, если говорят: *сто человек*, то имеют в виду 'не больше и не меньше чем 100'. А если говорят: *человек сто*, то выражают смысл приблизительности — 'около ста, приблизительно сто человек'.

Гигантская черепаха — это указание на необыкновенные размеры черепахи, а *черепаха гигантская* — это зоологический термин, обозначающий вид черепах. Кстати говоря, в терминологии принят в основном обратный порядок определения и определяемого — по этому признаку термины легко отличить от оборотов бытового языка. Сравните: *Это обыкновенная поганка* (нетерминологическое сочетание) — *Это поганка обыкновенная* (термин, выделяющий данный вид поганок из всех других).

По месту слова во фразе мы иногда можем судить о том, в каком из своих значений оно употребляется, и даже определить разницу в его «грамматическом статусе». Сравните: *собираться начать (работу)* — *начать собираться (в дорогу)*; *прямо к озеру ехать* (здесь *прямо* = 'непосредственно') — *к озеру ехать — прямо* (здесь *прямо* — наречие, указывающее направление движения); *Он жил просто* (*просто* — обстоятельство образа действия) — *Он просто жил* (*просто* — усилительная частица).

Большая часть слов может использоваться как в теме, так и в реме высказывания — это зависит от намерений говорящего. Если он указывает на какой-либо предмет или на человека, то существительное, обозначающее предмет или человека, оказывается под логическим ударением (т. е. в реме): *Это был Пётя; Почтальон принес бандероль*. Если подчеркиваются действия или состояние того, о ком (или о чем) идет речь, то в конце высказывания логически выделенным будет глагол-сказуемое: *Он все время читает; Мать на них не нарядуется*. Если речь идет о свойствах, то интонационно подчеркнутым может быть прилагательное: *Росту он был огромного; Природа там замечатель-*

ная. Когда же говорящий основное внимание обращает на характер действия, его время, место и т. д., то в реме располагается обстоятельство — наречие или предложно-падежное сочетание: *Работал он вечерами; Свет вспыхнул неожиданно; Хлеб продают в булочной.*

Есть, однако, такие слова, которые не могут стоять под логическим ударением и, следовательно, быть ремой высказывания, его «содержанием». Это, например, частицы *уж, ведь, -то* и нек. др.

Сравните: *Он-то приехал — Приехал-то он* (невозможно: **Он приехал-то. *Приехал он-то*); *Ты бы уж поосторожней!* (невозможно: **Ты бы поосторожней уж* — с логическим ударением на частице); *Собака ведь кусается* — даже если в этом предложении изменить порядок слов, интонационно выделенным останется глагол или существительное: *Собака кусается ведь; Кусается ведь собака* (а не кошка) — произнесение любого варианта этой фразы с ударением на *ведь* немыслимо: **Собака кусается ведь.*

Объясняется такое свойство перечисленных частиц особенностью их значения и грамматической функцией: они не имеют самостоятельного лексического значения (подобного тому, какое присуще, скажем, существительным, глаголам и прилагательным, обозначающим предметы, действия и свойства), а служат для усиления смысла тех слов, которым они синтаксически подчинены. Следовательно, и логически выделить в предложении только частицу невозможно — она выделяется вместе с семантически самостоятельным словом.

Своеобразно ведут себя в высказывании и другие частицы, например отрицательная *не*, с которой мы начали эту главу. В чем же состоит своеобразие ее поведения?

Присоединение к какому-либо элементу частицы *не* иногда изменяет логический центр предложения: если раньше этот элемент стоял в теме, то теперь он может оказаться в реме, так как говорящему важно подчеркнуть, интонационно выделить полученный отрицательный смысл.

Сравните: *Приходится рассчитывать на вашу помощь — Рассчитывать на вашу помощь не приходится.* Если, присоединив частицу *не* к глаголу *приходится*, сохранить прежний порядок слов, то он будет выглядеть как не совсем нейтральный: *Не приходится рассчитывать на вашу помощь.* С другой стороны, почти неприемлем такой порядок слов, при котором в конце предложения стоит глагольная форма *приходится* (без отрицания): *?Рассчитывать на вашу помощь приходится.* То же самое можно продемонстрировать и на примере употребления других глаголов, скажем *понадобиться, повезти* и др.

Предпочтительность одного порядка слов перед другим при наличии отрицания (и наоборот — при его отсутствии) позволяет оценить некоторые выска-

звания, встречающиеся в речевой практике, как ошибочные. Сравните следующую фразу, взятую из русского перевода романа швейцарского писателя М. Фриша «Ното Фабер»: *Чтобы сообщить, что я оказался в пустыне, в шестидесяти милях от дорог и жилья, много времени потребовалось.* Перед нами либо небрежность переводчика, либо опечатка — пропуск частицы *не* перед глаголом *потребовалось*. Попробуйте прочитать эту фразу, присоединив к глаголу отрицание, и вы убедитесь, что она прозвучит гораздо естественней. Если же автор имел в виду противоположный (не отрицательный) смысл, то следовало избрать иной порядок: *...потребовалось много времени.*

Определенными закономерностями порядка элементов характеризуется не только целое высказывание (как в рассмотренных выше примерах), но и сочетание слов. Очасти мы уже касались этого, когда говорили о порядке определения и определяемого, сказуемого и прямого и косвенных дополнений. Однако мы упомянули случаи взаимного расположения *один* и *одного* определения и *одного* определяемого. А как правильно, естественным для русского языка образом расположить несколько определений при одном слове?

Если существительное употребляется во множественном числе, а прилагательные называют *разновидности* предметов, обозначаемых существительными, то никакой особой проблемы нет — определения почти всегда можно расставлять в любом порядке (друг относительно друга): *большие и маленькие стулья* (можно ведь сказать и: *маленькие и большие стулья*); *белый, красный и зеленый шарфы*; *повествовательные, вопросительные и восклицательные предложения* и т. п.

Но может быть и так, что один предмет, животное или человек описывается с помощью прилагательных с разных точек зрения, с разных сторон, например: характеризуется по величине, форме, цвету, «функции» и т. п.: *огромная прямоугольная плита; высокий рыжий старик; большая пегая охотничья собака; длинный острый чертежный карандаш.*

Хорош ли именно такой порядок слов, как в приведенных примерах, или же надо его изменить? Попробуем сделать это: *прямоугольная огромная плита; рыжий высокий старик* — такой порядок явно хуже, не правда ли? А как в других сочетаниях? *Пегая большая охотничья собака, охотничья пегая большая собака, острый чертежный длинный карандаш, чертежный длинный острый карандаш* и т. д. Сделав все возможные перестановки определений, мы приходим к выводу, что первоначальный порядок — самый приемлемый, а другие способы словорасположения хуже.

Значит, расстановка неоднородных определений при одном определяемом существительном регулируется каким-то правилом (или правилами). Ученые-лингвисты, специально изучавшие подобные сочетания, попытались выяснить, что это за правила, и сформулировать их. Вот к каким результатам они пришли.

Из нескольких прилагательных, сочетающихся с тем или иным существительным, ближе всего к нему, т. е. непосредственно слева, ставится то, которое имеет больше общих с ним смысловых черт, чем все другие определения; левее — прилагательное, смысл которого связан со смыслом определяемого меньше, и т. д. Таким образом, самым левым — или самым первым — в подобном сочетании оказывается определение, характеризующее очень широкий класс предметов и потому имеющее с данным существительным меньше общности, чем все другие определения.

Рассмотрим сочетание *маленькая быстрая буланая лошадь*. Очевидно, что у прилагательного *буланая* больше общности в смысле со словом *лошадь*, чем у прилагательных *быстрая* и тем более *маленькая*: *булаными* могут быть только лошади, а *быстрыми* — и другие животные (ср.: *быстрый олень*, *быстрая рыбка*), и действия, свойства (*быстрая езда*, *быстрая реакция*). Словом же *маленький* может характеризоваться еще более обширный класс предметов, явлений, свойств и т. п. — сравните: *маленькое расстояние*, *маленький пузырек*, *маленькое облако*, *маленькая удача*...

Прилагательные, разные по широте своего определяющего действия, можно различить и формально. Каким же образом?

Непосредственно слева от определяемого обычно находится такое прилагательное, сочетание которого с данным существительным можно преобразовать в оборот с глаголами-связками *являться*, *быть*: *буланая лошадь* = *лошадь, которая является (была) буланой*. Левее стоит прилагательное, сочетание которого с существительным преобразуется в такое выражение, которое содержит слова, повторяющие часть смысла определяемого существительного: *быстрая лошадь* = *лошадь, которая быстро бежит* (смысл глагола бегать «пересекается», имеет общую часть со смыслом слова *лошадь*: ведь в толковании этого существительного непременно указывается, что лошади могут использоваться для перевозки тяжестей, для полевых работ, для бега в спортивных состязаниях). Еще левее располагается прилагательное, сочетание которого с существительным можно переделать в оборот, содержащий глагольную связку и сочетание «для + это существительное в родительном падеже»: *маленькая лошадь* = *лошадь, которая является маленькой для лошади* (т. е. по сравнению с другими лошадьми, с нашим представлением о том, каков должен быть рост обычной лошади).

Если в ряду неоднородных определений одного существительного есть порядковое числительное, то оно ставится перед всеми прилагательными: *первый большой заключительный концерт*, *второй прямоугольный равнобедренный треугольник*. И это понятно: *первым*, *вторым* или *десятым* может быть что угодно — и предмет, и человек, и действие, и явление... Иными словами, числительное имеет более отвлеченное значение, может сочетаться с более

обширным классом имен существительных, чем любое, даже самое абстрактное по значению прилагательное.

Если же в числе определений есть местоимение типа *этот, весь, такой, всякий, никакой, какой-нибудь, какой-то, наш, ваш* и нек. др., то оно располагается самым первым (или самым левым) в цепочке определений: ведь местоимение употребляется вместо имени (любого!) и, значит, оно наиболее абстрактно по смыслу. Поэтому говорят: *эта тяжелая стальная плита, ваш прекрасный большой душистый букет цветов, всякое первое самостоятельное дело, какой-то маленький пожилой усталый небритый человек* (неестественно звучат сочетания с таким порядком определений: **тяжелая эта стальная плита, *большой прекрасный ваш душистый букет цветов, *первое всякое самостоятельное дело, *маленький пожилой усталый небритый какой-то человек*).

В самом общем виде правило порядка неоднородных определений-прилагательных при одном существительном выглядит так: первым ставится местоименное определение, затем порядковое числительное, за ним — оценочное прилагательное типа *хороший, прекрасный, великолепный, отвратительный* и под., потом — определение, характеризующее величину, затем — форму предмета, за ним — цвет и материал и, наконец, прилагательное, называющее функцию или состояние предмета (или существа).

Конечно, в одном сочетании все перечисленные определения едва ли могут встретиться — в нормальных условиях человеческого общения в этом просто нет необходимости. Однако нередки случаи, когда при одном существительном нужно употребить два-три, а то и четыре-пять разных определений.

Проверьте сами справедливость описанной закономерности в расположении неоднородных определений на следующих примерах: *тот молодой быстроногий олень, их прямоугольные старинные стенные часы, этот первый осенний холодный морозящий дождь, наше широкое ровное асфальтовое шоссе*.

А в следующих сочетаниях расположите определения в таком порядке, который кажется вам наиболее естественным: *рыжебородый высокий наш капитан, зеленый березовый первый лист, пеньковый прочный длинный канат, расстрескавшийся огромный такой серый валун, кожаный мой новый большой портфель*.

Любопытны (но при этом почти не исследованы!) особенности расположения в высказывании разнородных и так называемых уточняющих обстоятельств.

Сравните такую фразу: *Вчера утром, часов в десять, звонили из Москвы, с завода железобетонных конструкций, из бухгалтерии. Вчера, утром, часов в десять* — цепочка обстоятельств со значением времени, при этом каждое следующее уточняет предыдущее. Такие же отношения — между обстоятельствами места: *из Москвы, с завода, из бухгалтерии*. Детализирующее, уточняющее

обстоятельство всегда ставится правее обстоятельства с более общим смыслом (разумеется, того же типа: времени, места и т. д.):

В нашем доме, на втором этаже, в маленькой комнате на стене под часами висит портрет деда; В прошлом году, осенью, в октябре или ноябре, утром выхожу на улицу.. Сравните: — *А знаешь, есть такая фотография: стоит он в кабинете, у стены, возле шкафа...* (Ю. Казаков. Проклятый север).

Но равноправны ли в отношении порядка обстоятельства разного типа? Что ставится первым — слова, указывающие на время действия, или же обороты со значением места, или надо сначала определить образ действия, его характер, или?..

Если в предложении необходимо употребить обстоятельства с разными смыслами — например, времени, образа действия, места, — то при нейтральной интонации сначала ставится обстоятельство времени (*недавно, по утрам, осенью*), потом — места (*снизу, из города, в степи*), а затем — образа действия (*хорошо, долго, неожиданно*). Например: *По утрам над болотом долго висит туман; Вчера в степи неожиданно вспыхнул пожар*. Другой порядок обстоятельств: *Над болотом долго по утрам висит туман; Неожиданно вчера в степи вспыхнул пожар* — менее обычен. Он возможен лишь при разного рода логических подчеркиваниях.

Круг вопросов, с которыми сталкивается исследователь порядка слов в русском языке, чрезвычайно широк и разнообразен. Мы коснулись лишь некоторых из них. Если кто-либо из читателей захочет более глубоко вникнуть в эту проблему, он может обратиться к специальным лингвистическим работам¹⁷.

---

¹⁷ Излагая особенности жизни слова в языке, я использовал материалы и наблюдения, содержащиеся в ряде лингвистических работ. Назову основные: *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.; *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976; *Гак В. Г.* Русский язык в зеркале французского. М., 1976; *Журавлев А. П.* Фонетическое значение. М., 1976; *Земская Е. А.* Как делаются слова. М., 1964; *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1974; *Шмелев Д. Н.* Очерки по семантике русского языка. М., 1964.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АРСАС — Англо-русский словарь американского сленга. М., 1994
- БАС — Большой академический словарь (Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1950—1965)
- Грамматика-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970
- Грамматика-80 — Русская грамматика. Т. 1—2. М., 1980
- МАС — Малый академический словарь (Словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1957—1961. 2-е изд. М., 1981—1984)
- КЛЯ — кодифицированных литературный язык
- НБАРС — Новый большой англо-русский словарь. Т. 1 / Под общим руководством Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. Т. 2—3 / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 1993—1994
- НФРС — Новый французско-русский словарь / Сост. В. Г. Гак, К. А. Ганшина. М., 1994
- РР — разговорная речь
- РРР — русская разговорная речь
- РЯДМО — Русский язык по данным массового обследования / Под ред. Л. П. Крысина. М., 1974
- РЯиСО — Русский язык и советское общество. Кн. 1—4 / Под ред. М. В. Панова. М., 1968
- СИС — Словарь иностранных слов (разные годы издания)
- СЛИ — Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева. М., 1976
- СО — С. И. Ожегов. Словарь русского языка (разные годы издания)
- СОШ — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка (разные годы издания)
- СУ — Толковый словарь русского языка. Т. 1—4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940
- ТКС — И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984
- ТСИС — Л. П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998; 5-е изд. М., 2003

СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ

В указатель включены слова, которые в тексте этой книги или толкуются, или снабжаются примерами их употребления, или как-то комментируются. Слова, которые даются списками (см., например, с. 53—54, 203—207, 439—440), в указатель не включены.

абак 212	аккомпанировать 214	арцг 139
абака 212	акроцефалия 217	ас(с) 129—131
абсентеизм 212	akupunktura	асафетида 216
авангард 79	акция 48, 271, 278	атаман 133
аванпост 212	алименты 78—79	атом 355
авиатор 89	аллопатия 68	атомарный 67
авиетка 111	альтернатива 200	атомный 69
австралопитек 218	альфонс 214	аудиенция 443, 448
авто 28, 82, 91	амазонка 214	аудио- 56
автожир 99—100	амбре 217	аутсайдер 175—176
автомобиль 84	аммиак 68	аффектация 38, 39
авторалли 178	аммонияк 68	ацетилен 218
авторитарный 69	андеграунд 188	аэроплан 86, 89, 90, 95
автострада 100	аннексия 90	бадяга 399
автохтон 213	аннулировать 25, 214	базлать 399
агент 271	антрепренер 193	байт 187
агрессивный 115	анус 188	бактерия 213
агрессия 115	аншлаг 124, 125	балдахин 65
агрессор 115	апатрид 199	балдеть 360
агрикультура 70	апитерапия 198	балкон 65
агрокультура 70	аппарат, -ы 92, 96	баловать(ся) 284
агути 217	апартеид 169	бальса 63
адаптер 143	ареал 126	банка 371
адвокатесса 175	армировать 121	бангустан 63, 160
ажурный 39	армрестлинг 187, 195, 207	баранка 396
акваланг 153	арника 218	бармен 30
аквалангист 153	артезиан 28	бартер 197

- баскетбол 216, 217
батут (батуд) 212
беж 52
бежать 748
бежевый 52
бездарь 715
бек 179
белая горячка 226
белая книга 236
белый медведь 226
белый билет 226
бенчи 127
берегаш 367
беспрерывно 255, 256
беспрестанно 255, 256
бестселлер 27, 147
биатлон 176
бидонвиль 160
бизнес 115—116
бизнесмен 30, 116—117
бикини 218
биплан 95
бит 187
битник 162—163
бифштекс 38
благоволить 442, 443—444,
456
блейзер 190
блиц 135
блиц- 135, 136
блицкриг 135
блэкпистед 148
блуминг 48, 316—317
бобслей 187
бодибилдинг 207
бойлер 153—154
бойлерный 154
большинство 822—824
бомж 279
бордо 52
бордовый 52
бортпроводница 175
бракаш 367
брахикефалия 217
брокер 197
брюскировать 125
буги-вуги 163, 164
будка 399
буквально 254
буклет 27, 175
бульдозер 131, 317
бум 117
бутик 196
бутлеггер 63, 164
бутсы (буцы) 111
бюстье 191
вабить 771
вагусси 165
ваучер 55, 196, 197
ваучеризация 55, 197
ваучеризировать 55, 197
ваучерный 55, 197
вдруг 797
везде 255
велеть 299
вельможа 716
верняк 391
вертолет 99
весь 256
вечно 255
взрослить 270
взойти 355
взрослить 270
видео 56, 188
видео- 56, 188
видеоплейер 193
визажист 192
визировать 67, 71
визит 217
виллис 132
виндсёрфинг 187, 207
виноватый 782
виновный 782
винчестер 187
вирус 43
включить 816
вмещать 738
водило 371
водитель 43, 51, 739
водохранилище 745—746
войти 785
волейбол 216—217
волнительно 518
волнительный 518
ворковать 375
воспитать 770
врубиться 399, 520
все 253
всё время 256
всегда 255
всеобщий 43, 51
вследствие 783
вспышечный 497
встречаться 391
всюду
всякий
вульгарный
в-целях 813
вы 673—674, 677—684
вывоз 89
выглядеть 239
выдать 401
выключатель 740—741
высокий 233
выступать 401, 402
вышняя мера 271
вышка 271
гамбургер 191
гангстер 145
гарант 117
гастарбайтер 198
гаулейтер 132
гвоздь 223
гегемон 79
-гейт 56
геркулес 213—214
Геркулес 213—214
герла 42, 375
герлс 27, 63
гешефт 116
гидесса 175
гидро 88, 91

- гидроглицер 100
 гидроплан 88
 глицер 100
 глобальный 142
 глюкоза 214
 гневаться 442, 445
 голкипер 141
 головотяп 714
 гомеопатия 68
 горячая линия 224
 горячая точка 224
 гран-при 188, 192
 грант 191
 грация 215
 грейдер 131
 грегхен 134, 135
 грубить 449—451
 гулять 354
 гуманитар 28
 гэмблинг 166
 давать 264
 дайджест 191
 дальновидение 113
 дальнозор 113
 дансить 375
 дартс 191
 двурушник 240
 дебилизм 193
 дед 584
 дезориентировать 122
 декольте 52
 декольтированный 52
 декольтировать 52
 делать деньги 225
 демарш 117
 демократизм 29
 демократия 91
 демпинг 100
 денацификация 33
 дендрарий 212
 денежный мешок 225
 денонсация 198
 депо 39, 52
 деповский 52
 деповцы 52
 деприватизация 55, 197
 дерзить 449, 451, 456, 639
 деррик-кран 151
 дестабилизация 67, 71
 деструктивный 281
 детектив 66, 117—118
 детектор 101
 дефицит 279
 джаз 101
 джаз-банд 101
 джазировать 101
 джем 28
 джемпер 101, 102
 джентльмен 30
 джинс 154
 джинсы 154
 диабет 355
 Диана 213
 дианетика 191
 дигитайзер 187
 диктат 142—143
 дилер 197
 династия 716
 диск-жокей 188
 дискотека 188
 дискриминировать 122
 дискуссировать 92
 дискуссия 91
 дискутировать 92
 дисперсия 217
 дисплей 187
 диспут 91
 дистрибьютер 197—198
 доброжелатель 217
 додж 132
 доктор 686
 должен 795
 долихоцефалия 217
 домино 52
 доминошник 52
 доминошный 52
 досадовать 812
 доходяга 360, 391
 дриблинг 178
 дружить 391
 думпкар 151
 дырка 366
 Евровидение 112
 есть 799
 ехать 366
 жаль 518
 желтая пресса 226
 жена 236
 женщина 361
 животное 805
 животрепещущий 240
 жизнелюб 273
 жизнеутверждающий 75
 жилище 746
 зависеть 814
 завязать 402
 заграничный 43
 задействовать 396, 510
 заделать 402
 заказать 500—501
 закладывать 360
 законник 747
 закурить 235
 заметано 403
 заниматься любовью 225
 зарезать 781
 заикнуться 367
 зеленка 365
 зеленые 224
 зеленый свет 221
 злопыхательство 715
 зомби 191, 199
 зондерфюрер 133
 зритель 740
 зэк 282
 идти 770
 иератизм 199
 из 784
 изделие 272
 из-за 783—784
 имидж 188, 192
 импичмент 198

- импортный 43, 48
импресарио 62, 193—194
инаугурационный 55
инаугурация 55, 198
инвестировать 55
инвестиционный 55
инвестиция 55, 197
инвестор 55
инсталляция 192—193
инструмент 366, 805
интеллектуал 88
интеллигенция 41, 713
интервидение 112
интерфейс 187
инфантери 139
инфляция 43
информация 28
информировать 818
ирангейт 198
испытатель 740
йети 194
-ка 453—455
кавас 160
кадр, -ы 92, 96
каждый 253
какао 52
какаовый 52
канал 215
канале 52
кандей 584
кандидатура 67, 70
кантри 188
кантри-мьюзик 188
канцер 188, 286
капать 399
капо 132
капсель 151
капуста 224, 370
карман 371
карнавал 218
картинг 177
кастрюля 366
катаклизм 200
катерпиллер 98
каузировать 275
кафетерий 102
кафетерия 102
кашпо 52
квислинг 134
кемпинг 48, 155—156, 157
кеп 584
кибер 159
киднэпинг 166
кикбоксер 187
кикбоксинг 187
киллер 193, 199
кинематограф 86, 87, 94—
95
кино 82, 86, 87, 94—95
кирпич 396
клансмен 30
клево 375
клевый 375
клещи 138
клипсы 156
клиринг 197
клубмен 30
ковбой 102—103
коктейль 103
коллега 686
коллектив 83
коллективный 83—84
командир 361
комбайн 103, 104
комбинезон 104
комикс 27, 63, 145, 146
компас 212
компонента 367
компостер 83
компостировать 83
компьютер 187
комфорт 27, 48
конвейер 104
конвейеризация 104
конвейерный 104
конвейерщик 104
конвертер 104, 217
конгрессмен 30, 145—146
конец 584
конкретика 242, 498
консалтинг 196
консеквенции 40
консенсус 43, 188
конструировать 84
конструктивный 84
конструктор 84
конструкция 84
контактировать 402
контейнер 48, 105
контингент 355
конферансье 82
конференция 233
конфронтация 281
концерн 82
концессия 32, 90
конь 748
коп 148
копулятивный 281
корнер 141, 317
космовидение 112
косовица 381
котел 138
кофе 52
кофеек 52
кофейник 52
кофейный 52
кофейня 52
крайний 236
красная книга 226
кросс 143
кросс-бой 163
кросс-коунтри 143
кроссмен 30, 170
крузейро 63
круиз 170, 317
круто 221
крутой 221
ксылон 158
кукла 371, 372
культовый 225
купе 52
купейный 52

- купить 399
 лады 403
 лазер 156—157
 лаймдот 151
 лайнсмен 119
 лебенсмиттель 149
 леггинсы 190—191
 легионер 223—224
 леди 213
 ледокол 738
 ледоруб 738
 лежбище 746
 лейка 105
 ленд-лиз 132
 либерализация 273, 281
 лидировать 25
 ликвидировать 25
 лимит 355
 лимитировать 27
 лимитчик 355
 лобби 148, 198
 локал(ь) 126
 лонг-шэз 93
 лошадь 371
 лыжероллеры 158
 любой 253
 мазер 156
 мальчик 717—718, 789
 манганелло 127
 маникюр 105
 манкировать 217
 манок 771
 манто 52
 маренго 52
 материал 281, 366
 мауеибайк 207
 мачетеро 160
 машина 366, 806
 механизировать 122
 мгновенно 797
 между 785
 -мейкер 56
 мелиорация 90
 менеджер 54, 62
 менеджмент 54
 -мент 54
 меняла 365
 мессер 132
 мессеризация 132
 мессершмитт 132
 метафаза 218
 метро 28, 105—106
 метрополитен 105—106
 меценат 193—194, 199
 мешать 791—792
 мешок 138
 минимум 47
 минитмен 30
 миттельштрекер 181
 много 790
 мод 163
 модерн 163, 168
 мой 462—466
 молекулярный 69, 218
 монетаризм 197
 моноплан 95
 монстр 224
 морда 366
 мотель 157
 мотив 355
 мотороллер 157
 мотыль 587
 мочь 792
 мужик 360
 мюзикл 166
 мэн 375
 навигация 90
 накладка 395
 нанимать 765
 напарить 370
 напарник 396
 напряженность 274
 наработки 242
 народность 715
 натюрморт 62
 начальник 361
 небоскреб 75, 223
 недослышать 270, 292
 нейлон 158
 нейтрализовать 272
 нейтрон 106
 некторый 280
 необычный 278, 285
 неполадки 381
 непопулярный 274
 непредсказуемые послед-
 ствия 274
 непременно 238, 518
 непрерывно 256
 нескораемый 239—240
 нескромно 273
 нетрадиционный 278
 неудачник 714
 нехватка 381
 нигде 255
 никогда 255
 никто 253
 никуда 255
 ничто 253
 ноу-хау 195
 ну 403
 обвинять 782
 обговорить 242, 497, 519
 обедать 781
 обер- 136
 обставиться 355
 обрыднуть 391
 обслуживание 27
 обустроить 519
 общага 584
 обыденный 712—713
 объект 272, 278, 507—508
 обязательно 238
 овергайм 187, 194—195
 ограничивать 27
 один 257
 однажды 797
 озадачить 242
 озорничать 284
 озоровать 284
 оккупант 82
 окрик 442, 447

- олимпиада 713
оператор 280
определиться 519
определенный 280
оранжад 31
орбита 43, 44
ординарный 69
оригинал 28
особый 503—508
осуждать 782, 819
отдыхать 356
отличный 806
отмазаться 262
отмывать деньги 225
отнюдь 518
отрезок 741—742
отпроситься
отстранить
офонареть 399, 400
офсайд 141
пакет 200
пакетир-пресс 151
пальцецо 52
пальтишко 52
пальто 40, 52
пальтовый 52
панк- 56
парламент 64
партер 218
партия 356
патетика 84
патетический 84
пацифизм 118
пацифист 118
педикулёз 188, 281
педикюр 106
перебой 397
перекликаться 459—460
перестрелка 397
перлон 158
перманент 106
персонаж 213
пиджак 365
пикап 106—107
пилот 84, 118
пилотаж 119
пилотесса 175
пилотировать 84
пинг-понг 107
писатель 739
питон 215
планер 85
платформа 223
плейер 193
плексиглас 143
плотгер 187
плыть 371
плюрализм 190
плэй-офф 187
по 502, 821
поведать 236—237
повер 98
подвезти 282
подобрить 354
подойти 282
подвижки 242, 497, 519
подсказать 235, 282
подтёк 233
подъелдыкивать 390
подъехать 282
покупать 732, 734
пол- 252
полисмен 30
полицай 133
полицист 133
полный 233—234
половой 28
полста 392
полтергейст 193
полузащитник 141
полтергейст 193
попысеть 371
помешать 791—792
поп- 166
попросить 639—640
попс 55
попса 55
попсовик 55
попсовый 55
попсытина 55
порнобизнес 198
поролон 158
последний 236
посредством 783
портъе 27, 62
постоянно 256
потёк 233
потенциал 28
похожий 461—462
праймериз 63
превентивный 123
предлагать 783
презентация 196
презирать 580—581
прекрасный 806
преьера 85
прерии 64
прессинг 178
прессинговать 178
прет-а-порте 54
приболеть 270
приватизатор 55, 197
приватизационный 55, 197
приватизация 55, 196, 200
приватизировать 55, 197
пригласить 519
приглашать 783
приживалка 715
призер 119
призирать 580
признать 354
приказывать 299
прикурить 235, 371
принимать 443, 447—448,
734
принтер 187
приоритет 114
при помощи 783
присесть 270
прихрамывать 270, 282
провалить(ся) 783
проговорить 242, 497

- продавать 732, 734
 продвинутый 224
 продукт 272
 продюсер 124, 147, 193, 194
 проколоть 497
 пролечить 497
 пролонгировать 42
 промокашка 240
 промоутер 194
 промывание мозгов 224
 промышленность 714—715
 проплатить 497
 прорезь 742
 прорубь 742
 просить 740
 просперити 127
 просто 253, 254
 просто-таки 253
 профессионал 88—89
 профессионалист 88—89
 профессор 713
 пуловер 107, 212
 путана 266
 путем 783
 путч 114
 пылесос 75
 работодатель 223
 работяга 390
 радар 143
 радио 82, 87, 91, 94
 радиоактивный 68—69
 радиотелеграф 87, 94
 разнос 355
 разношерстный 713
 разреваться 749
 ралли 177, 178
 распекать 442, 446—447
 рассказ 28
 рассказать 236—237
 расшивка 498
 ратификация 771
 рационализировать 122
 регби 107
 регулирование 273
 резать 449, 452—453, 773—774, 776, 780, 809—810
 реинвестировать 55
 реинвестиция 55
 рейд 119
 рейтинг 200
 реконструировать 122
 рекордсмен 30, 119—120
 реле 217
 релевантный 27
 ремейк (римейк) 188, 193
 ремонт 234
 рентабельный 123
 рентген- 69, 355
 рентгенография 69
 рентгенология 69
 рентгеноскопия 69
 репортаж 28, 84, 120, 141
 репортер 84
 реприватизация 55
 ретро 200
 реферри 33, 213
 робот 143—144
 рок 56, 164
 рок- 56
 рокер 163
 рок-н-ролл 164, 165
 роллер 120
 ростбиф 38
 роялти 54
 сакуи 64
 сальто 144
 сальто-мортале 144
 саммит 195
 самодур 714
 самодурство 714
 самообслуживание 222
 санечкар 182
 саундтрек 207
 сафра 160
 сачковать 399
 сбой 367
 сбой 367
 сборник 367
 сверхчеловек 222
 свеча 365
 свитер 82, 317
 своеобразный 280
 сдавать 734
 сделать(ся) 765
 себестоимость 223
 сегрегация 168
 сезонный билет 222
 сейф 114, 189
 секс 171
 сексапильность 168
 сексапильный 168
 сексуальный 28
 селадон 281
 сервант 189
 сервис 27, 114—115
 серый импорт 226
 серый кардинал 226
 сигнал 281
 синема 86
 синий чулок 222, 226
 силос 107
 сироп 214
 система 218
 сказать 235
 скальпер 182
 скватер 148
 скейтборд 187, 191
 скетч 107
 скид-роу 148
 ски-стрим 187
 скончаться 269
 скоропомощной 497
 скоросшиватель 75, 223
 скотч (скок) 191
 слаксы 191, 196
 слалом 108
 слуга 27
 слябинг 108
 смог 63, 161

- снайпер 30, 189
 совершенно 253
 совсем 253
 солидарный 69
 сообщать 818
 сороконожка 366
 сортир 284
 сочтаный 497
 спец- 271, 503—508
 спецакция 271, 506
 спецбольница 508
 специальный 503—508
 специфика 84
 специфический 84
 спецконвой 506, 508
 спецконтингент 271, 508
 спецотдел 271, 507
 спецпереселенец 506, 508
 спецподготовка 507
 спецраспределение 271
 спецсектор 271
 спецхран 271
 спецчасть 506
 спецшкола 507
 спидометр 112
 спиннинг 108
 спичрайтер 198
 сплошной 257
 спонсор 188, 193—194, 199
 спортсмен 30
 спринт 30, 120, 121
 спринтер 120, 121, 189
 спурт 120, 121
 среди 784
 средство 805
 срезать(ся) 733
 стационарный 69
 стенд 65, 109
 стерилизовать 122
 стипа 373
 стипль-чез 183
 стипуха 373
 стойбище 746
 стол 748
 стоппер 178—179
 стрельбище 748
 стремиться 782
 стриптиз 27, 63, 164
 студебеккер 132
 стюардесса 175
 супермаркет 161
 супермен 30, 147, 161
 суперселлер 147
 супруга 236, 356
 существенный 27
 с целью 813
 съедать 799
 табак 218
 табло 144
 таблоид 195
 тайм 141
 такси 28, 82, 87, 88, 94
 таксомотор 87, 94
 таксярник 370
 тандем 109
 танкер 109
 танкетка 112
 твист 165
 твистовать 165
 тедди-бой 163
 текстиль 88
 телевидение 112—113
 телевизия 112
 телевизор 109, 372
 телестереограф 110
 телетайп 110
 телефакс 191
 теневой 223
 тинейджер 163
 толщина 817
 тонкий 748
 тонфильм 31, 110
 топлесс 166
 топ-модель 168
 тотальник 137
 тотальный 28, 43, 51, 123—
 124, 137
 тотальщик 137
 тощакковый 367, 497
 трал 110
 тралить 110
 транзистор 158—159
 транспортабельный 124
 транссексуал 191
 трансфер 125
 траулер 110
 трахать(ся) 263
 тривиал 88
 триер 110
 триллер 188
 тройник 397
 троллейбус 110—111
 трояк 392
 трузера 375
 трэйдсмен 30
 трюфель 37
 туризм 121
 турист 121
 тусовка 520
 туфта 390
 ты 673—674, 677—684
 тьюбинг 111
 уважать 354
 увлечение 28
 удобство 27
 уик-энд 42, 171—172
 указчик 747
 уоки-токи 54
 уотергейт 207
 упорядочение 273, 285
 усопший 269
 утечка мозгов 224
 уходить 269
 ушлый 360
 учреждение 271
 фабрикант 92
 фабрикатор 92
 фаворит 183
 файтер 187
 факс 191
 фальсифицировать 122
 фамилия 713

- фатерланд (фатерлянд) 137
 фачизм 93
 фачисты 93
 фашизм 82
 фашист 82
 фиат 132
 фиданьи 199
 филонить 399
 фильм, фильма 82, 91, 94
 фингал 391
 финт 179—180
 финтить 179—180
 флоп-хауз 148
 фокке-вульф 132
 фоккер 132
 фокстрот 82
 форд 132
 фордзон 98
 формат 223
 форменным образом 253
 френд 42
 фригорифико 160
 фриц 134
 фуфырь 372
 фюрер 133
 хавбек 141
 хайджекер 195
 хамить 372
 хвост 373
 хеппенинг (хэппенинг) 166,
 167
 хилеры 198
 химия 396
 хиппи 55
 хипстер 163
 хит 173, 188
 хобби 28, 168, 170, 172, 173
 холодная война 225
 хороший 788
 хоспис 191, 196
 хотеть 794—795
 хоумстэд 160
 хохма 399
 хохмить 399
 хранилище 745
 христих-социале 59
 хула-хуп 165
 цвет 354
 цветник 498
 целибат 199
 целиковый 391—392
 целый 233—234
 человек 804—805
 червонец 392
 четвертак 392, 396
 четвертная 392
 черное золото 226
 черный рынок 225
 черный список 225
 черный шар 225—226
 черный юмор 226
 чидаоба 64
 чипсы 175
 читать 717
 что-нибудь 281
 чумовой 355
 шварцмаркт 149
 шезлонг 82
 шеф 361
 шибер 149
 шимпанзе 39, 40
 шинель 212
 шлагер (шлягер) 170, 173,
 188
 шлягерный 174
 шокировать 224
 шоковая терапия 225
 шоп 196
 шортовый 155
 шорты 154—155
 шоу 168, 169, 170, 188
 шоу- 169, 188
 шофер 43, 51
 шпора 373
 шузы 42, 375
 шуршать 714
 щепетильный 712
 эвакуация 41
 эвтаназия 192
 экология 68
 эскюзе 61
 эксклюзивный 196
 экспорт 48, 89
 экстракорпоральный 198
 электорат 195
 электрик 52
 электробус 110
 эмоционал 88—89
 эрзац 124-125, 136
 эрзац- 125, 136—137
 эскалатор 175
 эскалация 174—175
 эскимо 111
 этническая чистка 279
 это 281
 эффектив 126
 юзер 189
 юниор 180—181
 юнкерс 132
 яички 284
 яйца 284
 ястреб 224
 ящик 272, 396

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов Р. И.* Очерк русской диалектологии. М., 1949.
- Аванесов Р. И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
- Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. 4-е изд. М., 1984.
- Авилова Н. С.* Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени: Глаголы с заимствованной основой. М., 1967.
- Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.
- Азнабаева Л. А.* Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении. Уфа, 1998.
- Акуленко В. В.* Две заметки об интернациональной лексике и терминологии // Учен. зап. Харьковского гос. ун-та, 1962. Т. 116. (Труды филологического факультета. Т. 10).
- Акуленко В. В.* Существует ли интернациональная лексика? // Вопр. языкознания. 1961. № 3.
- Андреев Н. Д., Замбрыцкий В. Л.* Именное словообразование в спортивной терминологии // Развитие современного русского языка / Под ред. С. И. Ожегова и М. В. Панова. М., 1963.
- Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян Ю. Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие // Tekst. Język. Poetyka. Wrocław, 1978.
- Апресян Ю. Д.* Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
- Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 1. Wien, 1980.
- Апресян Ю. Д.* Синтаксическая информация для толкового словаря // Советская лексикография. М., 1988.
- Апресян Ю. Д.* Коннотация как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л., Перцов Н. В.* Объекты и средства модели поверхностного синтаксиса русского языка // Македонски јазик. Т. 29. 1978.
- Арапова Н. С.* Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

- Арапова Н. С.* Кальки в русском языке послепетровского времени: Опыт словаря. М., 2000.
- Арбатский Д. И.* Множественное число гиперболическое // Рус. яз. в шк. 1972. № 5.
- Арутюнова Н. Д.* К функциональным типам лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Арутюнова Н. Д.* Диалогическая цитация // Вопр. языкознания. 1986. № 1.
- Арутюнова Н. Д.* Диалогическая модальность и явление цитации // Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
- Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Ахманова О. С.* Отличительные черты советского языкознания // Проблемы современной лингвистики. М., 1968.
- Баранников А. П.* Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы: Влияние войны и революции на развитие русского языка // Учен. зап. Самарского гос. ун-та. Вып. 2. Самара, 1919.
- Баранникова Л. И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.
- Баранникова Л. И.* Проблемы социальной лингвистики в развитии советского языкознания // Язык и общество. Вып. 2. Саратов, 1970.
- Баранникова Л. И.* Просторечие как особый компонент языка // Язык и общество. Вып. 3. Саратов, 1974.
- Баранникова Л. И.* Просторечие и литературная разговорная речь // Язык и общество. Вып. 4. Саратов, 1977.
- Баранов А. Н.* Языковые игры времен перестройки: (Феномен политического лозунга) // Русистика. 1993. № 2.
- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык. М., 1991.
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопр. языкознания. 1992. № 2.
- Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Белецкий А. А.* Об интернационализмах // Збірник філологічного факультету Київського держ. ун-ту. Вип. 8. Київ, 1955.
- Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. М., 2001.
- Белл Р. Т.* Социолингвистика: Пер. с англ. М., 1980.
- Белоусов В. Н., Григорян Э. А.* Русский язык в межнациональном общении в Российской Федерации и странах СНГ: (По данным социолингвистических опросов 1990 — 1995 гг.). М., 1996.
- Бельчиков Ю. А.* Интернациональная терминология в русском языке. М., 1959.
- Бельчиков Ю. А.* Стилль // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
- Берн Э.* Игры, в которые играют люди: Пер. с нем. М., 1992.
- Берн Э.* Лидер и группа: Пер. с нем. Екатеринбург, 2000.
- Бидер И. Г., Большаков И. А., Еськова Н. А.* Формальная модель русской морфологии. Ч. 1. М., 1978.

- Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
- Блумфилд Л.* Язык: Пер. с англ. М., 1968.
- Богданов В. В.* Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
- Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные работы по общему языкознанию. Т. 1—2. М., 1963.
- Бондалетов В. Д.* Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1966.
- Бондалетов В. Д.* Социально-экономические предпосылки отмирания условно-профессиональных языков и основные закономерности этого процесса // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
- Бондалетов В. Д.* Социальная лингвистика. М., 1987.
- Борисова-Лукашанец Е. Г.* Английские элементы в русском молодежном жаргоне. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Борисова-Лукашанец Е. Г.* О лексике современного молодежного жаргона (англоязычные заимствования в студенческом сленге 60—70-х гг.) // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.
- Боровой Л.* Путь слова. М., 1963.
- Бояркина В. Д.* Новая глагольная лексика в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993.
- Брандт Р. Ф.* Несколько замечаний об употреблении иностранных слов. Киев, 1882.
- Брейтер М. А.* Англицизмы в русском языке. М., 1997.
- Булатова Л. Н., Касаткин Л. Л., Строганова Т. Ю.* О русских народных говорах. М., 1975.
- Булич С. К.* Заимствованные слова и их значение для развития языка // Рус. филол. вестник. 1886. Т. XV.
- Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.
- Варбот Ж. Ж.* Табу // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
- Вежбицка А.* Дескрипция или цитация? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика. М., 1982.
- Вежбицка А.* Антитоталитарный язык в Польше: Механизмы языковой самообороны // Вopr. языкознания. 1994. № 3.
- Вежбицка А.* Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Вербицкая Л. А., Игнаткина Л. В., Литвачук Н. Ф., Сергеева Т. А., Цветкова Н. В., Щукин В. Г.* Региональные особенности реализации русской речи (на фонетическом уровне) // Вестник ЛГУ. 1984. Вып. 2. № 8.
- Верещагин Е. М.* Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и культуры // Доклады всесоюзной научной конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М., 1991.

- Верещагин Е. М., Костамаров В. Г.* Язык и культура. М., 1976.
- Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969.
- Видлак С.* Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // *Этимология* 1965. М., 1967.
- Виноградов В. А.* Социолингвистические исследования в Польше и Чехословакии // *Проблемы зарубежной социолингвистики*. М., 1976.
- Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхамовский В. Я.* Социолингвистическая типология: Западная Африка. М., 1984.
- Виноградов В. В.* Язык Зошенки (заметки о лексике) // *Михаил Зошенко. Статьи и материалы*. Л., 1928.
- Виноградов В. В.* Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935.
- Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938. (Главы и параграфы, посвященные заимствованию и освоению русским языком иноязычной лексики: гл. II, § 1—3; гл. IV, § 2—5; гл. VI, § 6; гл. X, § 4—6). 3-е изд. М., 1982.
- Виноградов В. В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения // *Научная сессия ЛГУ. Тезисы докладов на секции филол. наук*. Л., 1945.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947. 2-е изд. М., 1972.
- Виноградов В. В.* Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания // *Вопр. языкознания*. 1952. № 5.
- Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // *Вопр. языкознания*. 1955. № 1.
- Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
- Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1965.
- Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967.
- Виноградов В. В.* История слов. М., 1994.
- Винокур Г. О.* Культура языка. М., 1929.
- Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // *Труды МИФЛИ*. Т. 5. Сб. статей по языкознанию. М., 1939.
- Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию // *Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз.* Т. V. Вып. 4. М., 1946.
- Винокур Т. Г.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // *Развитие функциональных стилей современного русского языка*. М., 1968.
- Винокур Т. Г.* О социологическом аспекте функционально-стилистических исследований // *Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тез. докл.* М., 1974.
- Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
- Винокур Т. Г.* Речевой портрет современного человека // *Человек в системе наук*. М., 1989.

- Винокур Т. Г.* К характеристике говорящего: Интенция и реакция // Язык и личность. М., 1989а.
- Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / Отв. ред. Ю. Д. Дешериев, Л. П. Крысин. М., 1988.
- Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.
- Вольф Е. М.* Некоторые особенности языковой ситуации в Португалии XVI в. // Функциональная стратификация языка / Отв. ред. М. М. Гухман. М., 1985.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985а.
- Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
- Воронцова В. Л.* Русское литературное ударение XVIII—XX вв. М., 1979.
- Гак В. Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977.
- Гак В. Г.* «Гастрономический» диминутив в русском языке // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. междунар. конф. (IV Шмелевские чтения). М., 2000.
- Гальди Л.* Слова романского происхождения в русском языке. М., 1958.
- Гамперц Дж.* Об этнографическом аспекте языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социolingвистика. М., 1975.
- Ганиев Ж. В.* О произношении рабочих — уроженцев г. Москвы // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М., 1971.
- Гельгардт Р. Р.* Литературный язык в географической проекции // Вопр. языкознания. 1959. № 3.
- Гепнер Ю. Р.* О закономерностях изменений словарного состава русского языка в советскую эпоху // X звітно-наукова сесія Харківського держ. пед. ін-ту. Харків, 1955.
- Герд А. С.* Дialeкт — региолект — просторечие // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. междунар. конф. (III Шмелевские чтения). М., 1998.
- Гинзбург Л.* Претворение опыта. Л., 1991.
- Гловинская М. Я.* Фонологическая подсистема малочастотных слов в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
- Гловинская М. Я.* Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М., 1971.
- Гловинская М. Я.* Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Гловинская М. Я.* Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- Голанова Е. И.* Устный публичный диалог: устное интервью // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- Головин Б. Н.* Как говорить правильно. Горький, 1966.
- Головин Б. Н.* Вопросы социальной дифференциации языка // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.

- Гольдин В. Е. К методике отграничения соответствующих лексико-семантических групп // Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967.
- Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.
- Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
- Гордон Д., Лаков Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Горнунг Б. В. К вопросу о типах и формах взаимовлияния языков // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. 2. М., 1952.
- Городское просторечие: проблемы изучения / Отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. М., 1984.
- Гостеева С. А. Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. Вып. 2. М., 1997.
- Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970 (Грамматика-70).
- Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия. М., 1990.
- Грановская Л. М. Развитие лексики русского литературного языка в 70-е годы XIX — начале XX века // Лексика русского литературного языка XIX — начала XX в. М., 1981.
- Грановская Л. М. Русский литературный язык в конце XIX—XX в. Ч. 1. Баку, 1996.
- Грачев М. А. Русское дореволюционное аргю: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1986.
- Грачев М. А. Язык из мрака: Блатная музыка и феня. Н. Новгород, 1992.
- Григорьева Т. М. О социолингвистической обусловленности произносительной нормы в условиях диалектного окружения (на материале ассимилятивного смягчения согласных в современном русском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Грамова Н. М. Роль предметного суффикса *-к(а)* в освоении иноязычных заимствований // Доповіді та повідомлення Львівського держ. пед. ін-ту. Серія філологічна. Вип. 2. Львів, 1956.
- Грузберг Л. А. К вопросу о взаимодействии литературного языка и народно-разговорной речи (о пределах влияния литературного языка на народные говоры) // Учен. зап. Пермского гос. ун-та. Пермь, 1966. № 162.
- Гудков Д. Б. Прецедентное имя и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М., 1996.
- Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
- Гулида В. Б. Современная англоязычная социолингвистика // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб., 1999.
- Гухман М. М. *Ас* или *асс*? // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955.
- Гухман М. М. У истоков советской социальной лингвистики // Иностр. языки в шк. 1972. № 4.

- Гухман М. М. Соотношение социальной дифференциации и других типов варьирования литературного языка // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.
- Гухман М. М. Введение // Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.
- Данилов В. В. Латинские слова и выражения, вошедшие в литературную речь без перевода // Рус. язык в шк. 1938. № 3.
- Данилов Г. К. Методика словарного заимствования // Учен. зап. Ин-та языка и литературы РАНИОН. Т. 4. М., 1931.
- Данн Дж. О функциях «английского» в современном русском языке // Русистика. 1998. № 1/2.
- Девкин В. Д. Немецкая разговорная лексика. М., 1973.
- Девкин В. Д. О видах нелитературности речи // Городское просторечие: проблемы изучения. М., 1984.
- Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. М., 1977.
- Диахроническая социолингвистика / Отв. ред. В. К. Журавлев. М., 1993.
- Долинин К. А. Ролевая структура коммуникации и разговорная речь // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Вып. 7. Часть 1. Горький, 1976.
- Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978.
- Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983.
- Домашнев А. И. Теория кодов Б. Бернстайна: цели и результаты // Вопр. языкознания. 1982. № 1.
- Дридзе Т. М. Лингвосociологические аспекты массовой информации (информационно-целевой подход к анализу текста и эффект языковых «ножниц» в процессе информирования) // Sociологические исследования. 1975. № 4.
- Дридзе Т. М. Семиотический уровень как существенная характеристика реципиента // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
- Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1980.
- Дубровина К. Н. Студенческий жаргон // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1980. № 1.
- Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX века. Мюнхен, 1994.
- Дьячок М. Т. Солдатский быт и солдатское аргю // Русистика. 1992. № 1.
- Еврешинова И. А. Заимствования в русском языке // Slavica. 1965. № 3.
- Едличка А. О пражской теории литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Елистратов В. С. Аргю и культура (на материале московского аргю): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Ермакова О. П. Номинация в просторечии // Городское просторечие: проблемы изучения. М., 1984.
- Ермакова О. П. Разговоры с животными (лингво-психологические заметки) // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Ермакова О. П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.

- Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
- Ерофеева Т. И.* Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979.
- Ерофеева Т. И.* Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990.
- Ерофеева Т. И.* Социолект: стратификационное исследование: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1994.
- Ефремов Л. П.* Освоение заимствованных слов русским языком // Учен. зап. Казахского гос. ун-та. Т. 25. Алма-Ата, 1957.
- Ефремов Л. П.* Сущность лексического заимствования // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1959. № 5.
- Ефремов Л. П.* Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1959а.
- Жанры речи. Вып. 1 / Отв. ред. В. Е. Гольдин. Саратов, 1997.
- Жанры речи. Вып. 2 / Отв. ред. В. Е. Гольдин. Саратов, 1999.
- Жданов О. К.* Метонимическое словообразование на основе имен собственных. Казань, 1963.
- Жельвис В. И.* Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1992.
- Жельвис В. И.* Поле брани. М., 1997.
- Жильцова Т. П.* Социолингвистическое исследование локальных особенностей русского литературного произношения (предударный вокализм в речи жителей г. Красноярска): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987.
- Жирмунский В. М.* Национальный язык и социальные диалекты. М.; Л., 1936.
- Жирмунский В. М.* Немецкая диалектология. М.; Л., 1956.
- Жирмунский В. М.* Проблемы социальной диалектологии // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Вып. 2. М., 1964.
- Жирмунский В. М.* К проблеме социальной обусловленности языка // Язык и общество. М., 1968.
- Жирмунский В. М.* Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
- Журавлёв А. Ф.* Иноязычные заимствования в русском просторечии // Городское просторечие: проблемы изучения. М., 1984.
- Журавлёв В. К.* Интегративные языковые процессы города // Socjolingwistyka. Kraków, 1987. № 6.
- Зайковская Т. В.* Пути пополнения лексического состава современного молодежного жаргона: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопр. языкознания. 2001. № 2.
- Занадворова А. В.* Замечание как пример диалогического жанра в семейном речевом общении // Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1998.
- Занадворова А. В.* Речевое общение в малой группе (на примере семьи): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.

- Занадворова А. В.* Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.
- Заславская Т. И.* Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2.
- Звегинцев В. А.* О предмете и методе социалингвистики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Вып. 4. М., 1976.
- Звегинцев В. А.* Социальное и лингвистическое в социалингвистике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Вып. 3. М., 1982.
- Зеленин А. В.* Рецензия на: Л. П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов // Вопр. языкознания. 2002. № 1.
- Земская Е. А.* Русская разговорная речь: Проспект. М., 1968.
- Земская Е. А.* Русское просторечие как лингвистический феномен // *Československa rusistika*. 1983. Т. 28. № 5.
- Земская Е. А.* Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. 2-е изд. М., 1987.
- Земская Е. А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Земская Е. А.* Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога // Разновидности городской устной речи. М., 1988а.
- Земская Е. А.* Речевой портрет ребенка // Язык: система и подсистемы: К 70-летию М. В. Панова. М., 1990.
- Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Земская Е. А.* У людей развязались языки // Известия. 26 сент. 1997 г.
- Земская Е. А., Гловинская М. Я.* Язык русского зарубежья. М., 2001.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В.* Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие: проблемы изучения. М., 1984.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Земская Е. А., Розина Р. И.* О словаре современного русского жаргона: Принципы составления и образцы словарных статей // Русистика. 1994. № 1/2.
- Золотова Г. А.* К развитию предложно-падежных конструкций (сочетания с существительным в творительном падеже с предлогом *с*) // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966.
- Золотова Г. А.* О характере нормы в синтаксисе // Синтаксис и норма / Отв. ред. Г. А. Золотова. М., 1974.
- Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Иванов А. М., Якубинский Л. П.* Очерки по языку. Л.; М., 1932.
- Иванов Вяч. Вс.* Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова // Вопр. языкознания. 1957. № 5.

- Иванов Е. П.* Меткое московское слово. М., 1982.
- Игнаткина Л. В.* Территориальное варьирование русского литературного произношения (на материале гласных в речи информантов городов Вологды и Перми): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982.
- Игнаткина Л. В., Литвачук Н. Ф.* Вариативность фонетических характеристик речи в зависимости от социальных факторов // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1989.
- Ижакевич Г. П.* Проблемы функционирования русского языка в близкородственном языковом окружении // Русское языкознание. Вып. 1. Киев, 1980.
- Иомдин Л. Л.* Симметричные предикаты в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1979. М., 1981.
- Иомдин Л. Л.* Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- Иомдин Л. Л.* Русский предлог ПО: Эюд к лексикографическому портрету // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich / Pod red. Z. Salonięgo.* Białystok, 1993.
- Иорданская Л. Н.* Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970.
- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* Коннотация в лингвистической семантике // *Wiener slawistischer Almanach.* В 6. Wien, 1980.
- Исаченко А. В.* К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков // *Slavia.* 1958. № 3.
- Какорина Е. В.* Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Какорина Е. В.* Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- Какорина Е. В.* Новизна и стандарт в языке современной газеты: (Особенности использования стереотипов) // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996а.
- Какорина Е. В.* Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия. М., 1996б.
- Каленчук М. Л.* О семейных орфоэпических традициях // Тез. докл. междунар. конф. «Русский язык в его функционировании» (III Шмелевские чтения). М., 1998.
- Капанадзе Л. А.* Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики // Развитие лексики русского литературного языка / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М., 1965.
- Капанадзе Л. А.* Взаимодействие терминологической лексики с общелитературной (на материале современного русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
- Капанадзе Л. А.* Номинации // PPP-1973.
- Капанадзе Л. А.* Лексика повседневного обихода (наименования электробытовых приборов и машин) // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
- Капанадзе Л. А.* Современная просторечная лексика (московское просторечие) // Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984.

- Капанадзе Л. А.* О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Капанадзе Л. А.* Семейный диалог и семейные номинации // Язык и личность. М., 1989.
- Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В.* Лексика города: (К постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
- Караулов Ю. Н.* О русском языке зарубежья // Вопр. языкознания. 1992. № 6.
- Караулов Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. М., 1994
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987
- Каринский Н. М.* Язык образованной части населения г. Вятки и вятские говоры // Учен. зап. Ин-та языка и мышления. Т. 3. М., 1929.
- Каринский Н. М.* Очерки языка русских крестьян. М., 1936.
- Карский Е. Ф.* К вопросу об употреблении иностранных слов в русском языке. Варшава, 1910.
- Карский Е. Ф.* О так называемых барбаризмах в русском языке // Краткий отчет Виленской 2-й гимназии. Вильно, 1886.
- Карцевский С. О.* Язык, война и революция. Берлин, 1923.
- Касаткин Л. Л.* Новая ступень в развитии системы гласных русского языка // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М., 1971.
- Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Кёстер-Тома З.* Сферы бытования русского социолекта // Русистика. 1994. № 1/2.
- Кёстер-Тома З.* Русское просторечие как объект лексикографии // Русистика. 1996. № 1/2.
- Китайгородская М. В.* Современная экономическая терминология // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М., 1995.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Современная городская коммуникация: тенденции развития // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- Климов Н. Д.* К вопросу о действии принципа функциональной экономии в речевой деятельности // Тез. докл. и сообщений на семинаре по психолингвистике. М., 1966.
- Князькова Г. С.* Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974.
- Коготкова Т. С.* Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
- Коготкова Т. С.* Роль просторечия в процессах освоения говорами лексики литературного языка // Литературная норма и просторечие. М., 1977.
- Коготкова Т. С.* Русская диалектная лексикология. М., 1979.

- Кожин А. Н.* Заметки об иноязычных элементах в русском языке периода Великой Отечественной войны // Учен. зап. Московского обл. пед. ин-та. Т. 100. Труды кафедры русского языка. Вып. 6. М., 1961.
- Кожина М. А.* Стилистика русского языка. М., 1977.
- Козлова Н. Н., Сандомирская И. И.* Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.
- Колесов В. В.* Язык города. М., 1991.
- Кон И. С.* Социология личности. М., 1967.
- Кон И. С.* Личность и ее социальные роли // Социология и идеология. М., 1969.
- Кон И. С.* Введение в сексологию. М., 1988.
- Кононенко В. И.* Функционирование русского языка на Украине // Вопр. языкознания. 1985. № 5.
- Копыленко М. М.* О семантической природе молодежного жаргона // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Копыленко М. М., Саина С. Т.* Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. Алма-Ата, 1982.
- Корш Ф. Е.* Попыты объяснения заимствованных слов в русском языке // Изв. Академии наук. Серия VI. СПб., 1907. Т. 1. № 17.
- Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971
- Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
- Костомаров В. Г.* Русский язык в иноязычном потоке // Рус. яз. за рубежом. 1996. № 2.
- Костомаров В. Г., Леонтьев А. А.* Некоторые актуальные проблемы культуры речи // Вопр. языкознания. 1966. № 5.
- Красильникова Е. В.* Инвентарь морфем // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
- Красильникова Е. В.* Некоторые проблемы изучения морфологии русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.
- Краснова И. Е., Марченко А. Н.* О некоторых проблемах профессиональной речи в социолингвистическом освещении // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
- Краус Й.* К пониманию социолингвистики в Чехословакии // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Крейн И.* Французские заимствования XIX века в английском литературном языке (опыт статистического исследования): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.
- Крылова О. А.* Основы функциональной стилистики русского языка. М., 1979.
- Крысин Л. П.* Иноязычная лексика в русской литературной речи 20-х годов. Развитие лексики русского литературного языка. М., 1965.
- Крысин Л. П.* К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» // Там же.
- Крысин Л. П.* О новых иноязычных заимствованиях в лексике современного русского литературного языка // Вопросы культуры речи. Вып. 5. М., 1964.
- Крысин Л. П.* О причинах лексического заимствования // Рус. яз. в шк. 1965. № 3.

- Крысин Л. П.* О типах иноязычных слов в современном русском языке // Рус. яз. в нац. шк. 1965а. № 5.
- Крысин Л. П.* Язык и социальная действительность // Рус. яз. в шк. 1967. № 5.
- Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
- Крысин Л. П.* Русский язык по данным массового опроса: Проспект. М., 1968а.
- Крысин Л. П.* К социальным различиям в использовании языковых вариантов // Вопр. языкознания. 1973. № 3.
- Крысин Л. П.* Ступени морфемной членимости иноязычных слов // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членимость слова / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1975.
- Крысин Л. П.* Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Крысин Л. П.* Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М., 1976а.
- Крысин Л. П.* Опыт описания группы однокоренных глаголов (РЕЗАТЬ и его производные): Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР. Вып. 85—86. М., 1976б.
- Крысин Л. П.* Вопросы социологии языка в трудах В. В. Виноградова // Рус. яз. в шк. 1980. № 1.
- Крысин Л. П.* Е. Д. Поливанов — социолог языка // Рус. яз. в шк. 1981. № 2.
- Крысин Л. П.* Социальный компонент в значении языковых единиц // Wiener slawistischer Almanach. Bd 6. Wien, 1983.
- Крысин Л. П.* Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц // Семантика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
- Крысин Л. П.* Региональное варьирование современного русского языка // Рус. яз. в нац. шк. 1986а. № 11.
- Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Крысин Л. П.* О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989а.
- Крысин Л. П.* Из истории употребления слов *особый* и *специальный* // Русистика. 1990. № 2.
- Крысин Л. П.* Параметрическое описание языковых состояний // Рус. яз. в СССР. 1991. № 5.
- Крысин Л. П.* Оценочный компонент семантики иноязычного слова // Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М., 1992.
- Крысин Л. П.* Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык — культура — этнос / Отв. ред. Г. П. Нещименко. М., 1994.
- Крысин Л. П.* Языковое заимствование: взаимодействие внутренних и внешних факторов (на материале русского языка современности) // Русистика сегодня. 1995. № 1.
- Крысин Л. П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.

- Крысин Л. П.* Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // *Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. памяти Т. Г. Винокур.* М., 1996а.
- Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // *Русский язык конца XX столетия (1985—1995).* М., 1996б.
- Крысин Л. П.* Социосемантика // *Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой.* М., 1997.
- Кузнецова А. М.* О гиперкорректных формах в области произношения согласных в русских говорах // *Русские говоры.* М., 1975.
- Кукушкина Е. Ю.* «Домашний язык» в семье // *Язык и личность.* М., 1989.
- Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия: Проблемы лексики.* М., 1985.
- Культура русской речи на Украине / Отв. ред. Г. П. Ижакевич.* Киев, 1976.
- Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
- Лабов У.* Исследование языка в его социальном контексте // *Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика.* М., 1975.
- Лабов У.* О механизме языковых изменений // *Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика.* М., 1975а.
- Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // *Рус. речь.* Вып. 3. Л., 1928.
- Ларин Б. А.* Об изучении языка города // *Язык и литература.* Т. 7. Л., 1931.
- Ларин Б. А.* Об эвфемизмах // *Проблемы языкознания.* Л., 1961.
- Левин В. Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. М., 1964.
- Ледеява С. Д.* Из области заимствований в русском языке // *Научная сессия профессорско-преподавательского состава и сотрудников Кишиневского университета.* Кишинев, 1965.
- Лексическое заимствования в языках Зарубежного Востока: (Социолингвистический аспект).* М., 1991.
- Леонтьев А. А.* Иноязычные вкрапления в русскую речь // *Вопросы культуры речи.* Вып. 7. М., 1966.
- Леонтьев А. А., Носенко Э. Л.* Некоторые психолингвистические характеристики спонтанной речи в состоянии эмоционального напряжения // *Общая и прикладная психолингвистика.* М., 1973.
- Литературная норма и просторечие.* М., 1977.
- Лихачев Д. С.* Арготические слова профессиональной речи // *Развитие лексики и грамматики современного русского языка.* М., 1964.
- Лихолитов П. В.* Жаргонная речь уличных торговцев // *Рус. речь.* 1994. № 4.
- Лопатин В. В.* К соотношению морфемного и словообразовательного анализа // *Актуальные проблемы русского словообразования.* Т. 1. Самарканд, 1972.
- Лурия А. Р.* Развитие речи и формирование психических процессов // *Психологические исследования в СССР.* М., 1959.
- Майоров М. П.* К вопросу о сущности лексического заимствования // *Учен. зап. 1-го МГПИИЯ.* Т. 37. М., 1967.

- Маковский М. М. К проблеме так называемой «интернациональной» лексики // *Вопр. языкознания*. 1960. № 1.
- Максимов В. И. и др. *Словарь перестройки*. СПб., 1992.
- Марочкин А. И. *Активные процессы в современном молодежном жаргоне: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Саратов, 1997.
- Мартине А. *Принцип экономии в фонетических изменениях: Пер. с франц.* М., 1960.
- Матвеева-Исаева Л. В. *О заимствованных словах // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена*. Т. 92. Л., 1953.
- Махароблидзе Г. А. *О некоторых особенностях русского произношения в Грузии // Вопр. культуры речи*. Вып. 4. М., 1963.
- Мельчук И. А. *К проблеме выбора описания при неединственности морфологических решений // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского*. М., 1971.
- Мерамский А. Г. *Язык селькора*. М., 1930.
- Методологические проблемы социальной психологии*. М., 1975.
- Методы билингвистических исследований*. М., 1976.
- Мечковская Н. Б. *Социальная лингвистика*. М., 1996.
- Мечковская Н. Б. *Язык и религия*. М., 1998.
- Милёхина Т. А. *Речь бизнесменов в разных условиях общения // Проблемы речевой коммуникации*. Саратов, 2000.
- Милёхина Т. А., Куликова Г. С. *Как говорят бизнесмены // Вопросы стилистики*. Вып. 25. Саратов, 1993.
- Миллз Т. М. *О социологии малых групп // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы: Пер. с англ.* М., 1972.
- Миронов С. А. *Полудиалект и обиходно-разговорный язык как разновидности наддиалектных форм речи // Типы наддиалектных форм языка*. М., 1981.
- Миртов А. В. *Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков*. Ростов н/Д., 1929.
- Миртов А. В. *Лексические заимствования в современном русском языке из национальных языков Средней Азии*. Ташкент; Самарканд, 1941.
- Миртов А. В. *К вопросу о грамматическом усвоении русским языком заимствованных слов // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та*. Вып. 26. Горький, 1954.
- Михальченко В. Ю. *Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков*. Вильнюс, 1984.
- Моль А. *Теория информации и эстетическое восприятие: Пер. с франц.* М., 1966.
- Морозова Т. С. *Некоторые особенности построения высказывания в просторечии // Городское просторечие: проблемы изучения*. М., 1984.
- Мурат В. П. *Функциональный стиль // Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990.
- Мучник И. П. *Двувидовые глаголы в русском языке // Вопросы культуры речи*. Вып. 1. М., 1963.
- Нещименко Г. П. *Функциональное членение чешского языка // Функциональная стратификация языка / Отв. ред. М. М. Гухман*. М., 1985.
- Никитина С. Е. *Устная народная культура и языковое сознание*. М., 1993.

- Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985.
- Николаева Т. М.* «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Докл. Всесоюзной науч. конф. Ч. 2. М., 1991.
- Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969.
- Норман Б. Ю.* Грамматические инновации в русском языке, связанные с социальными процессами // Русистика. 1998. № 1—2.
- Обнорский С. П.* Глагол *использовать* — *использовывать* в современном русском языке // Язык и мышление. Т. 3—4. М., 1935.
- Обозов Н. Н.* Межличностные отношения. Л., 1979.
- Озиев И. И.* Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.
- Ожегов С. И.* Основные черты развития русского языка в советскую эпоху // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Вып. 1. 1951.
- Ожегов С. И.* Об изменениях словарного состава русского языка // Вопр. языкознания. 1953. № 2.
- Оразова З. А.* Из истории слова *комбайн* (к вопросу о ретерминизации и деспециализации термина) // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. М., 1966. № 3.
- Орлов Л. М.* О социальных типах современного территориального говора // Язык и общество. М., 1968.
- Орлов Л. М.* Из истории советской социальной лингвистики 20—30-х годов // Учен. зап. Волгоградского пединститута. Вып. 2. Волгоград, 1969.
- Орлов Л. М.* Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах: Дис. ... докт. филол. наук. Т. 1—2. Волгоград, 1969а.
- Орлова В. Г., Стрганова Т. Ю.* Закономерности развития диалектов русского национального языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Вып. 5. 1961.
- Осетрова Е. В.* Слухи в речевой и языковой действительности // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. междунар. конф. (IV Шмелевские чтения). М., 2000.
- О состоянии русского языка. М., 1991.
- Оссовецкий И. А.* Народные говоры: лексика // Русский язык и советское общество. Кн. 4. М., 1968.
- Оссовецкий И. А.* Введение // Словарь современного русского народного говора / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Падучева Е. В.* Актуализация предложения в составе речевого акта // Формальное представление лингвистической информации. Новосибирск, 1982.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Панов М. В.* О слове как единице языка // Учен. зап. МГПИ. Т 51. М., 1956.
- Панов М. В.* Стилистика // Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1962.
- Панов М. В.* О развитии русского языка в советском обществе // Вопр. языкознания. 1962а. № 3.
- Панов М. В.* О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века // Вопр. языкознания. 1963. № 1.

- Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. М., 1966.
- Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.
- Панов М. В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. М., 1971.
- Панов М. В. О литературном языке // Рус. яз. в нац. шк. 1972. № 1.
- Панов М. В. Социофонетика // Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.
- Панов М. В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. М., 1988.
- Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.
- Парикова Н. Б. О южнорусском варианте литературной речи // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.
- Пауль Г. Принципы истории языка: Пер. с нем. М., 1960 (глава «О смещении языков»).
- Пауфощима Р. Ф. О произносительной манере [А. А. Реформатского] // Язык и личность. М., 1989.
- Пеньковский А. Б. Фонологическая интерпретация фонетических долгот гласных в русском языке // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. М., 1973.
- Пеньковский А. Б. О «категории чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1985—1987. М., 1989.
- Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные труды. М., 1959.
- Подберезкина Л. З. Язык столбистов // Язык и личность. М., 1989.
- Подберезкина Л. З. Современная городская среда и языковая политика // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. междунар. конф. (III Шмелевские чтения). М., 1998.
- Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
- Поливанов Е. Д. О литературном (стандартном) языке современности // Родной язык в школе. 1927. № 1.
- Поливанов Е. Д. Русский язык сегодняшнего дня // Литература и марксизм. Кн. 4. М., 1928.
- Поливанов Е. Д. Задачи социальной диалектологии русского языка // Родной язык и литература в трудовой школе. 1928а. № 2; 4—5.
- Поливанов Е. Д. Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса // Учен. зап. Ин-та яз. и лит. РАНИОН. Т. 3. М., 1928б.
- Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М., 1931.
- Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Потапов В. В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Вып. 3. М., 1997.
- Прозоров В. В. Молва как филологическая проблема // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.
- Проблемы общения в психологии. М., 1981.
- Прахов Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- Психолингвистика. М., 1984.

- Психологические исследования общения. М., 1985.
- Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.
- Психология личности и малых групп / Под ред. Е. С. Кузьмина. Л., 1977.
- Пфандль Х. О видимых, невидимых и скрытых англицизмах в русском и словенском языках // *Słowo. Text. Czas* — YI. Szczecin; Greifswald, 2002.
- Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Д. Н. Шмелев и Е. А. Земская. М., 1988.
- Рахилина Е. В. Некоторые замечания о посессивности // *Семиотика и информатика*. Вып. 22. М., 1983.
- Рекламный текст: Семиотика и лингвистика / Отв. ред. Ю. К. Пирогова, П. Б. Паршин. М., 2000.
- Реформатская М. А. Как говорили дома // *Язык и личность*. М., 1989.
- Реформатский А. А. Введение в языковедение. 2-е изд. М., 1955.
- Реформатский А. А. Что такое термин и терминология? М., 1959.
- Реформатский А. А. Принципы синхронного описания языка // *О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков*. М., 1960.
- Реформатский А. А. Неканоничная фонетика // *Развитие фонетики современного русского языка*. М., 1966.
- Реформатский А. А. «рус» // *Вопросы культуры речи*. Вып. 7. М., 1966а.
- Реформатский А. А. Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967.
- Речевое общение в условиях языковой неоднородности / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.
- Розанова Н. Н. Современное московское просторечие и литературный язык (на материале фонетики) // *Городское просторечие: проблемы изучения*. М., 1984.
- Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1965.
- Розенцвейг В. Ю. О языковых контактах // *Вопр. языковедения*. 1963. № 1.
- Розина Р. И. Социальная маркированность слова в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
- Романев Ю. А. К вопросу о морфологической адаптации заимствований // *Studia Slavica*. Т. XI. Budapest, 1965. Fasc. 1—2.
- Русинов Н. Д. Из чего складывается и как действует речевая норма // *Функционирование языка и норма*. Горький, 1986.
- Русская грамматика. Т. 1—2. М., 1980 (Грамматика-80).
- Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1964.
- Русская интеллигенция: История и судьба. М., 1999.
- Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1973 (PPP-1973).
- Русская разговорная речь как явление городской культуры / Отв. ред. Т. В. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
- Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978 (PPP-Тексты).
- Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983 (PPP-1983).
- Русский язык / *Red. naukowy* E. Shirjaev. Opole, 1997.
- Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект / Отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М., 1993.
- Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1962.

- Русский язык и советское общество. Кн. 1—4 / Под ред. М. В. Панова. М., 1968 (РЯиСО).
- Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996.
- Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крыгина. М., 1974 (РЯДМО).
- Садошенко Д.* Словарик компьютерного сленга. Днепропетровск, 1995.
- Саина С. Т.* Двужычие и многоязычие в семейной жизни и повседневном быту // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М., 2000.
- Санников В. З.* Русские синтаксические конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.
- Санников В. З.* Каламбур как семантический феномен // *Вопр. языкознания.* 1995. № 3.
- Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Седов К. Ф.* Риторика бытового общения и речевая субкультура // *Риторика.* 1996. № 1(3).
- Селиверстова О. Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
- Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. М., 1928.
- Селищев А. М.* О языке современной деревни // *Труды Московского ин-та истории, философии и литературы.* Т. 5. М., 1939.
- Семенов Н. Н.* Функционально-стилистическая дифференциация литературного языка как один из видов социолингвистического варьирования (синхрония и диахрония) // *Всероссийская конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тез. докл.* М., 1974.
- Семенов Н. Н.* О реконструкции функциональных парадигм в истории немецкого языка // *Функциональная стратификация языка / Отв. ред. М. М. Гухман.* М., 1985.
- Сепир Э.* Язык // *Избранные труды по языкознанию и культурологии.* М., 1993.
- Сергейч П.* Искусство речи на суде. М., 1960.
- Серебренников Б. А.* Социальная дифференциация языка // *Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка.* М., 1970.
- Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов.* М., 1986.
- Скляревская Г. Н.* Состояние современного русского языка: Взгляд лексикографа // *Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Докл. Всесоюзной науч. конф. Ч. 1.* М., 1991.
- Скробнев Ю. С.* Мейозис // *Русский язык: Энциклопедия.* М., 1979.
- Смелзер Н.* Социология: Пер. с англ. М., 1994.
- Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956.
- Соболевский А. И.* Русские заимствованные слова: Литогр. курс лекций. СПб., 1891.
- Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крыгин. М., 2003.
- Соколова А. Н.* Изменение территориального диалекта под влиянием социальных факторов // *Очерки по социолингвистике / Отв. ред. В. П. Тимофеев.* Шадринск, 1971.
- Сорокин Ю. А.* Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // *Национально-культурная специфика речевого поведения.* М., 1977.
- Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М., 1965.

- Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.
- Социальная психология. М., 1975.
- Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева. М., 1976 (СЛИ).
- Способы номинации в современном русском языке / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1982.
- Степанов Г. В. Социально-географическая дифференциация испанского языка Америки на уровне национальных вариантов // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
- Степанов Г. В. Социально-функциональная дифференциация литературного языка Испании и Латинской Америки // Социальная и функциональная дифференциация языков. М., 1977.
- Степанов Ю. С. Стилистика французского языка. М., 1965.
- Стернин И. А. Русский язык конца XX века: кризис или развитие? // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. 1. Воронеж, 1998. № 2.
- Судзиловский Г. А. Сленг — что это такое? М., 1973.
- Судьбы людей: Россия. XX век: Биографии семей как объект социологического исследования. М., 1996.
- Суперанская А. В. Заимствование слов и практическая транскрипция. М., 1962.
- Супрун А. Е. «Экзотическая» лексика // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1958. № 2.
- Сухотин А. М. Стилистика лингвистическая // Литературная энциклопедия. Т. 11. М., 1939.
- Тарасов Е. Ф. Социологические аспекты речевого общения // Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного. М., 1969.
- Тарасов Е. Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности / Отв. ред. А. А. Леонтьев. М., 1974.
- Телия В. Н. Русская фразеология. М., 1995.
- Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
- Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.
- Тимофеева Г. Г. Английские заимствования в русском языке (фонетико-орфографический аспект): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1992.
- Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси / Отв. ред. А. Н. Булыко и Л. П. Крысин. Мн., 1999.
- Типы наддиалектных форм языка / Отв. ред. М. М. Гухман. М., 1981.
- Толстой Н. И. Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам) // Функциональная стратификация языка. М., 1985.
- Толстой Н. И. Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Докл. всесоюзной науч. конф. «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М., 1991.
- Труб В. М. Явище «суржику» як форма просторіччя в ситуації двомовності // Мовознавство. Київ, 2000. № 1.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии: Пер. с франц. М., 1960.
- Тулина Т. А. Особенности произношения русских согласных у лиц, владеющих русским и украинским языками // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.

- Туманян Э. Г. Язык как система социолингвистических систем. М., 1985.
- Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в. М., 1985.
- Успенский Л. В. Материалы по языку русских летчиков // Язык и мышление. Т. 6—7. М., 1936.
- Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи // Рус. речь. Вып. 3. Л., 1928.
- Фалеев И. А. Об иностранных словах в русском языке и их этимологии // Рус. яз. в шк. 1941. № 3.
- Фасмер М. Р. Греко-славянские этюды. Ч. III. Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909.
- Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala, 1994.
- Геоклистова В. М. Иноязычные заимствования в русском литературном языке 70—90-х гг. XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999.
- Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
- Флекенштейн К. Кальки по немецкой модели в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.
- Формановская Н. И. Русский речевой этикет. М., 1982.
- Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989.
- Функциональная стратификация языка / Отв. ред. М. М. Гухман. М., 1985.
- Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении / Отв. ред. Г. П. Ижакевич. Киев, 1981.
- Хлоупек Я. О социальной и территориальной дифференциации чешского языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 20. М., 1988.
- Холодович А. А. О типологии речи // Историко-филологические исследования: Сб. статей к 75-летию академика Н. И. Конрада. М., 1967.
- Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса: Пер. с англ. М., 1972.
- Хомяков В. А. Вариативность норм и языковая коммуникация // Язык и общество. Отражение социальных процессов в обществе. Саратов, 1986.
- Хорошева Н. В. Общее арго как промежуточная форма существования современного французского языка // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Материалы междунар. конф. М., 1996.
- Хорошева Н. В. Промежуточные формы городской разговорной речи (на материале русского общего жаргона и французского общего арго): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1998.
- Цивьян Т. В. К описанию этикета как семиотической системы // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем (тезисы докладов). М., 1962.
- Чайковский Р. Р. Язык в семье как разновидность социолекта // Вариативность как свойство языковой системы: Тез. докл. Ч. 2. М., 1982.
- Черняк В. Д. наброски к портрету маргинальной языковой личности // Русский текст. 1994. № 2.
- Черняк В. Д. Лексические особенности речевого портрета носителя просторечия // Русистика. 1997. № 1/2.
- Чистяков В. Ф. К изучению языка колхозника. Смоленск, 1935.

- Чуковская Л. Куоккала — Переделкино // Русское подвижничество: Сб. в честь 90-летия академика Д. С. Лихачева. М., 1996.
- Чуковский К. И. От двух до пяти. М., 1970.
- Чуковский К. И. Живой как жизнь. М., 1982.
- Чуркина К. И. Эволюция произносительных норм в речи интеллигенции г. Красноярска: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1969.
- Шапошников В. Н. Новое в русском языке. Морфология. Словообразование. Шуя, 1996.
- Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом выражении. М., 1998.
- Шафир Я. Газета и деревня. 2-е изд. М., 1924.
- Шахматов А. А. Несколько замечаний по поводу записки И. Х. Пахмана // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. СПб., 1899. Т. 47. № 1.
- Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.
- Шахрай О. Б. К проблеме классификации заимствованной лексики // Вопр. языкознания. 1961. № 2.
- Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966.
- Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: Теория. Проблемы. Методы. М., 1976.
- Швейцер А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания. 1982. № 5.
- Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.
- Швейцер А. Д. Контрастивная стилистика: Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. М., 1993.
- Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978.
- Шейгал Е. И. Компьютерный жаргон как лингвокультурный феномен // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.
- Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса. Волгоград, 2000.
- Шибутани Т. Социальная психология: Пер. с англ. М., 1969.
- Ширяев Е. Н. Прагматический фактор и семантико-синтаксическая структура разговорного высказывания // Русистика. 1989. № 2.
- Ширяев Е. Н. Структура разговорного повествования // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М., 1982.
- Шмелев А. Д. Функциональная стилистика и моральные концепты // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999.
- Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
- Шмелев Д. Н. Эвфемизм // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
- Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. «Неисконная русская речь» в восприятии русских // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999.
- Шмелева Т. В. Средства выражения модусного смысла 'преувеличение' // Системный анализ значимых единиц языка. Красноярск, 1986.
- Шмелева Т. В. Многоязычие как черта речевого быта современного города // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998.

- Шор Р. О.* Язык и общество. М., 1926.
- Шор Р. О.* О неологизмах революционной эпохи // Рус. яз. в советской шк. 1929. № 1.
- Штильрейн И. Н. и др.* Язык красноармейца. М.; Л., 1928.
- Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии: Пер. с польск. М., 1969.
- Щерба Л. В.* О понятии смешения языков // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958.
- Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958.
- Шур Г. С.* О лингвистической ситуации в Шотландии // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.
- Эрвин-Трипп С.* Язык. Тема. Слушатель: Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.
- Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.
- Ядов В. А.* Методологические проблемы конкретных социологических исследований: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Л., 1967.
- Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989.
- Язык и общество. М., 1968.
- Языковая номинация (виды наименований). М., 1977.
- Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики (сб. рефератов). М., 1984.
- Языковая норма: Типология нормализационных процессов / Отв. ред. В. Я. Порхомаковский и Н. Н. Семенюк. М., 1996.
- Якобсон Р. О.* *Vliv revoluce na guský jazyk.* Praha, 1921.
- Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- Якобсон Р.* Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Избранные работы. М., 1985.
- Якубинский Л. П.* О диалогической речи // Рус. речь. Вып. 1. Пг., 1923.
- Якубинский Л. П.* Несколько замечаний о словарном заимствовании // Язык и литература. Т. 1. Вып. 1—2 / Ин-т сравнительного изучения литературы и языков Запада и Востока при ЛГУ. Л., 1926.
- Ярцева В. Н.* Проблема связи языка и общества в современном зарубежном языкознании // Язык и общество. М., 1968.
- Ярцева В. Н.* Соотносительность региональных и социальных вариантов языка в плане стиля и нормы // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.
- Ammon U.* School problems of regional dialect speakers: Ideology and reality. Results and methods of empirical investigations in Southern Germany // Journal of Pragmatics. 1977. № 1.
- Attwood L.* The new soviet man and woman: sex role socialization in the USSR. Bloomington: Indiana University Press, 1990.
- Auer J. C. P.* Bilingual conversation. Amsterdam—Philadelphia, 1984.
- Austin J.* How to do things with words. Oxford, 1962.
- Bajerova I.* Niektóre treści i metody socjolingwistyczne w historii języka // Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawstwa. 1972. Z. 30.

- Barden B., Großkopf B.* Sprachliche Akkomodation und sociale Integration. München: Max Niemeier Verlag, 1998.
- Baylon C.* Sociolinguistique. Nathan, 1991.
- Beck E.* Wesen und Wert der Lehnübersetzung // Giessener Beiträge zur Deutschen Philologie. 1935. № 40.
- Benveniste E.* Euphémismes anciens et modernes // Havers Festschrift. Wien, 1946.
- Bernstein B.* Elaborated and restricted codes // Sociological Inquiry. Vol. 36. 1966.
- Berruto G.* La sociolinguistica. Bologna, 1974.
- Bierwisch M.* Social differentiation of language structure // Language in Focus: Foundations, Methods and Systems / Ed. by A. Kasher. Dordrecht, 1976.
- Bloomfield L.* Language. N. Y., 1933.
- Bock Ph.* Social structure and language structure // Readings in the Sociology of Language / Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris, 1968.
- Brouwer et al.* Speech differences between women and men: on the wrong track? // Language in Society. 1978. № 8.
- Bruneau Ch.* Euphème et euphémisme // Festgabe E. Gamilscheg, 1952.
- Calvet L.-J.* Les voix de la ville: introduction à la sociolinguistique urbaine. Payot, 1994.
- Cazden C.R.* The situation: a neglected source of social class differences in language use // Sociolinguistics / Ed. by J. Pride, J. Holmes. Harmondsworth, 1978.
- Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. Massachusetts, 1965.
- Cienkowski W.* Ogólne założenia metodologiczne badania zapożyczeń leksykalnych // Poradnik językowy. 1964. № 10.
- Crnek F.* Ze studiów nad euphemizmem w językach słowiańskich // Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie. 1928.
- Comrie B., Stone G., Polinsky M.* The Russian language in the twentieth century. Oxford, 1996.
- Coupland N., Jaworski A.* (eds). Sociolinguistics. London, 1997.
- Currie H.* A Projection of sociolinguistics: the relationship of speech to social status // Southern Speech Journal. Vol. 18. 1952. № 1.
- Derooy L.* L'emprunt linguistique. Paris, 1956.
- Diamond J.* Status and power in verbal interaction. Amsterdam; Philadelphia, 1996.
- Diebold A.* Incipient biligualism // Language. Vol. 37. 1961. № 1.
- Dillon M.* Linguistic borrowing and historical evidence // Language. Vol. 39. 1963. № 1.
- Doležel L.* A framework for the statistical analysis of style // Statistics and Style. N. Y., 1969.
- Dvoňč L.* K otázce socialných «nářečí» // Slovo a slovesnost. Roč. 18. 1957. № 3.
- Ellis J.* Linguistic sociology and institutional linguistics // Linguistics. 1965. № 19.
- Eloy J.-M.* À la recherche du «français populaire» // Language et Société. Paris, 1985. № 31.
- Emenau M.* Bilingualism and structural borrowing // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 106. Philadelphia, 1962. № 5.
- Ervin-Tripp S.* Sociolinguistics // J. Fishman (ed.). Advances in the Sociology of Language. Vol. 1. The Hague; Paris: Mouton, 1971.
- Ervin-Tripp S.* Language acquisition and communicative choice. Stanford, 1973.
- Ferguson Ch.* Diglossia // Word. 1959. № 4.

- Fillmore Ch.* Types of lexical information // *Studies in Syntax and Semantics* / Ed. by F. Kiefer. Dordrecht, 1969.
- Fillmore Ch.* A Grammarian looks to sociolinguistics // *Monograph Series on Languages and Linguistics*. Washington, 1973. № 25.
- Fishman J.* Preface // *Advances in the Sociology of Language*. Vol. 1—2 / Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris: Mouton, 1971.
- Fishman J.* The Sociology of language: an interdisciplinary social science approach to language in society // *Fishman J. (ed.) Advances in the Sociology of Language*. Vol. 1. The Hague; Paris: Mouton, 1971a.
- Garfinkel H.* Studies of the routine grounds of everyday activities // *Sudnow D. (ed.) Studies in Social Interaction*. N. Y., 1972.
- Garros V.* *Intelligencija // Опыт словаря нового мышления* / Под ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. М., 1989.
- Geertz C.* Linguistic etiquette // *Readings in the Sociology of Language* / Ed. by J. Fishman. 2-nd ed. The Hague; Paris, 1970.
- Goodwin C.* Conversational organisation: interaction between speakers and hearers. N. Y., 1981.
- Gordon D, Lakoff G.* Conversational postulates // *Syntax and Semantics*. N. Y., 1975.
- Graf A. E.* Aus dem Gebiet der Lehnwortkunde // *Russischunterricht*. Bd 2. Hf. 4. 1949.
- Graf A. E.* Lehn- und Fremdwörter und ihre Wandlung im Russischen // *Russischunterricht*. T. 6. Hf. 5. 1953.
- Guiraud P.* *Le Français populaire*. Paris, 1965.
- Gumperz J.* Types of linguistic communities // *Anthropological Linguistics*. 1962. № 4.
- Gumperz J.* Linguistic and social interaction in two communities // *American Anthropologist*. Vol. 66. 1964. № 6.
- Gumperz J. J.* Conversational code switching // *Gumperz J. J. (ed.) Discourse Strategies*. Cambridge, 1982.
- Gumperz J.* Introduction: language and the communication of social identity // *Gumperz J. J. (ed.) Language and Social Identity*. Cambridge University Press, 1984.
- Hager F, Haberland H., Paris R.* *Soziologie + Linguistik*. Stuttgart, 1973.
- Halliday M. A.* *Language as a semiotic system*. London, 1978.
- Halliday M. A., McIntosh A., Stevens P.* The users and uses of language // *Readings in the Sociology of Language* / Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris, 1968.
- Hammer M., Polgar S., Salzinger K.* Speech predictability and social contact patterns in an informal group // *Fishman J. (ed.) Advances in the Sociology of Language*. Vol. 2. The Hague; Paris, 1972.
- Harding E., Riley Ph.* *The bilingual family*. Cambridge, 1987.
- Haugen E.* The analysis of linguistic borrowing // *Language*. Vol. 26. 1950. № 2.
- Havers W.* *Neuere Literatur zum Sprachtabu*. Wien, 1946.
- Heller K.* *Das Fremdwort in der deutschen Sprache der Gegenwart*. Leipzig, 1966.
- Hertzler J.* *The sociology of language*. N. Y., 1965.
- Hockett Ch.* *A course in modern linguistics*. N. Y., 1960.
- Hoenigswald H.* Bilingualism, presumable bilingualism and diachronie // *Anthropological Linguistics*. Vol. 4. Bloomington, 1962.

- Hope T. E.* Loan-words as cultural and lexical symbols // *Archivum Linguisticum*. Vol. 14. Fasc. 2. 1962; Vol. 15. Fasc. 1. 1963.
- Hudson K.* The language of teenage revolution. London, 1983.
- Hymes D.* Models of the interaction of language and social life // *Journal of Social Issues*. 1967. № 23.
- Hymes D.* The ethnography of speaking // *Readings in the Sociology of Language* / Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris, 1970.
- Hymes D.* Competence and performance in linguistic theory // *Acquisition of Language: Models and Methods* / Ed. by R. Huxley, E. Ingram. London, 1971.
- Hymes D.* On communicative competence // *Sociolinguistics* / Ed. by J. Pride and J. Holmes. Harmondsworth, 1972.
- Hymes D.* The scope of sociolinguistics // *Monograph Series on Languages and Linguistics* / Ed. by R. W. Shuy. Washington, 1973. № 25.
- Hymes D.* Foundations in sociolinguistics: an ethnographic approach. Philadelphia, 1974.
- Isačenko A. V.* O některých zákonitostech v oblasti pojmenování // *Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci* // *Jazyk a literatura*. III. 1956.
- Jakobson R.* Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues // *Trubetzkoy N.* Principes de phonologie. Paris, 1949.
- Jakobson R.* Linguistics and poetics // *Main Trends of Research in the Social and Human Sciences*. Part 1. Paris, 1970.
- Jakobson R.* Linguistics in its relation to other sciences // *Main Trends of Research in the Social and Human Sciences*. Paris, 1970a.
- Karsten J. E.* Mélanges des langues et emprunts // *Scientia*. 1935. № 58,
- Koester-Thoma S.* Standard, Substandard, Nonstandard // *Russistika*. 1993. № 2.
- Koester-Thoma S.* Die Lexik der russischen Umgangssprache. Berlin, 1996.
- Kraus J. K.* sociolinguistickým prvkům ve funkční stylistice // *Slovo a slovesnost*. 1971. № 3.
- Krysin L.* Sociolinguistics in the USSR // *Language in Society*. 1977. № 2.
- Krysin L.* Sociolinguistic problems in the USSR // *Sociolinguistics*. Tübingen, 1988.
- Kurylowicz E.* Le mécanisme différenciateur de la langue // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. Genève, 1963. № 20.
- Labov W.* The social stratification of English in New York City. Washington, 1966.
- Labov W.* The effect of social mobility on linguistic behavior // *Sociological Inquiry*. Vol. 36. 1966a. № 2.
- Labov W.* The study of language in its social context // *Studium Generale*. 1970. № 23.
- Labov W.* The Linguistic consequences of being a lame // *Language in the Inner City*. Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1972.
- Labov W., Fanshel D.* Therapeutic discourse. Psychotherapy as conversation. New York—San Francisco—London, 1977.
- Lakoff R.* Language and women's place // *Language in Society*. 1973. № 1.
- Lakoff R.* Language and women's place. N. Y., 1975.
- Leinfellner E.* Der Euphemismus in der politischen Sprache. Berlin; München, 1971.
- Lindenfeld J.* Étude des pratiques discursives sur les marches urbains // *Modèles linguistiques*. T. 4. Fasc. 1. 1982.

- Living in two cultures. The socio-cultural situation of migrant workers and their families. Paris: Unesco Press; London: Grover, 1982.
- Lomax A.* Cross-cultural factors in phonological change // *Language in Society*. 1973. № 2.
- Lommel H.* Das Fremdwort im Volksmund // *Bayerische Hefte für Volkskunde*. 1917. № 4.
- Lundquist J.* Fremde Wendungen in der russischen Geschäftssprache. Helsingfors, 1917.
- Lüdi G.* Le migrants comme minorité linguistique en Europe // *Sociolinguistica*. Vol. 4. Tübingen, 1990.
- Mazon A.* Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918). Paris, 1920.
- McRae K. D.* Conflict and compromise in multilingual societies. Vol. 1—2. Waterloo, Ontario, 1986.
- Meillet A.* Linguistique historique et linguistique général. Paris, 1926.
- Mills M.* (ed.). Slavic gender linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1999.
- Møller Chr.* Zur Methodik der Fremdwortkunde // *Acta Jutlandica*. V. Aarhus; København, 1933.
- Morris Ch.* Signs, language, and behavior. N. Y., 1947.
- Moscovici S.* (ed.). The psychosociology of language. Chicago, 1972 (part. 6: Language as an index in small group interactions).
- Niedermann M.* L'interpénétration des langues // *Scientia*. Vol. LXXXIII. Serie VI. 1948. Vol. LXXXIV. 1949.
- Oevermann U.* Sprache und soziale Herkunft. Frankfurt a/M, 1972.
- Öhmann E.* Zur Frage nach der Ursache der Entlehnung von Wörtern // *Mémoires de la Société Neo-philologique de Helsingfors*. Vol. 7. 1924.
- Ondrus P. K.* charakteristike a klasifikácii sociálnych nářečí // *Jazykovedné študie*. Bratislava, 1977. № 13.
- Orr J.* Les anglicismes du vocabulaire sportif // *Le Français Moderne*. 1935. № 3.
- Paratesi M. G., de.* Semantica dell' eufemismo. Torino, 1964.
- Pușcariu S.* Die Romanische Sprache. Leipzig, 1943.
- Reck H. E.* Deutsche Fremdwörter in der russischen Sprache // *Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Osten*. Hf. 1. 1957.
- Rey-Debove J.* Métropolitain et métro // *Cahiers de lexicologie*. 1964. № 1.
- Richter E.* Fremdwortkunde. Leipzig, 1919.
- Ries N.* Russian talk. Culture and conversation during perestroika. Ithaca; London: Cornell University Press, 1997.
- Roques M.* Sur l'insertitude sémantique des mots d'emprunt // *Miscellanea J. Gessler*. II. 1948.
- Rubin J.* Bilingualism in Paraguay // *Anthropological Linguistics*. 1962. № 4.
- Ryazanova-Clarke L., Wade T.* The Russian language today. London; N. Y., 1999.
- Salvedra de Grave J. J.* Quelques observations sur les mots d'emprunt // *Mélanges Chabaneau*. Erlangen, 1907.
- Schegloff E.* Sequencing in conversational openings // *Advances in the Sociology of Language* / Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris. Vol. 2. 1972.
- Seriot P.* Analyse du discours politique soviétique // *Culture et sociétés de l'Est*. 2. Paris, 1985.
- Sherer K. R., Giles H.* (eds). Social markers in speech. Cambridge University Press, 1979.

- Smith Ph. M.* Sexual markers in speech // *Sherer K. R., Giles H. (eds). Social Markers in Speech.* Cambridge University Press, 1979.
- Speier M.* Some conversational problems for international analysis // *Studies in Social Interaction / Ed. by D. Sudnow.* N. Y., 1972.
- Spitzer L.* Fremdwörterhatz und Fremdvölkerhab. Wien, 1918.
- Stender-Petersen A.* Slavische-Germanische Lehnwortkunde. Göteborg, 1927.
- Sulan B.* Zu einigen Fragen des Bilinguismus // *Slavica.* Bd 3. Debrecen, 1963.
- Tannen D. (ed.).* Gender and conversational interaction. Oxford University Press, 1994.
- Thorne B., Henley N. (eds).* Language and sex: differences and dominance. Rowley, 1975.
- Timroth W., von.* Russian and soviet sociolinguistics and taboo varieties of the Russian language (argot, jargon, slang and «mat»). München, 1986.
- Trudgill P.* Sociolinguistics: an introduction. London, 1974.
- Trudgill P. (ed.).* Sociolinguistic patterns in British English. London, 1979.
- Unbegaun B.* Le calque dans les langues slaves littéraires // *Revue des études Slaves.* T. 12. 1932.
- Vendryés J.* Le langage. Paris, 1923.
- Vočadlo O.* Slav linguistic purity and the use of foreign words // *The Slavonic Review.* 1926. № 5.
- Vogt H.* Language contacts // *Word.* Vol. 10. 1954. № 2—3.
- Wardough R.* An introduction to sociolinguistics. Oxford; Cambridge (Mass.), 1992.
- Weiman R. W.* Native and foreign elements in a language. Philadelphia, 1950.
- Weinreich U.* Languages in contact. Findings and problemes. 2-nd ed. The Hague: Mouton. 1963.
- Weinreich U., Labov W., Herzog M.* Empirical foundations for a theory of language change. Austin, 1968.
- Weise O.* Wortentlehnung und Wortschöpfung // *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft.* Bd XIII. 1881.
- Weisgerber L.* Das Fremdwort im Gesamtrahmen der Sprachpflege // *Muttersprache.* Hf. 1. 1960.
- Wierzbicka A.* O języku dla wszystkich. Warszawa, 1965.
- Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wrocław, 1969.
- Wierzbicka A.* Different cultures, different languages, different speech acts // *Journal of Pragmatics.* 1985. № 9.
- Wolfson N.* Speech events and natural speech: some implications for sociolinguistic methodology // *Language in Society.* 1976. № 5.
- Zemtsov I.* The lexicon of the soviet political language. Epping, 1985.
- Zipf G. K.* Human behavior and the principle of least effort. Cambridge, Mass., 1949.
- Zybatow L. N.* Russisch im Wandel. Die russische Sprache seit der Perestrojka. Wiesbaden, 1995.

СЛОВАРИ

- Алексеев С. Н.* Самый полный общедоступный словотолкователь. 150000 иностранных слов, вошедших в русский язык. 10-е изд. М., 1909.
- Англо-русский словарь / Сост. В. К. Мюллер. 9-е изд. М., 1962.
- Англо-русский словарь американского сленга: Пер. и сост. Т. Ротенберг и В. Иванова. М., 1994 (АРСАС).
- Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, с означением их корней. 12-е изд. М., 1917.
- Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы. М., 1992.
- Вайсблит И. В.* Полный иллюстрированный словарь иностранных слов с указанием их происхождения, ударений и научного значения. М.; Л., 1926.
- Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М.* Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.
- Виллиам Г. Я.* Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, содержащий более 30 000 слов, из которых многие лишь в самое последнее время проникли в русскую речь вместе с нововведениями научными и общественными. Пг., 1915.
- Виноградов А. М.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Одесса, 1907.
- Гавкин Н. Я.* Карманный словарь иностранных слов. 47-е изд. Киев, 1912.
- Головков Д.* Иллюстрированный словарь иностранных слов с указанием ударений. Одесса, 1914.
- Грачев М. А., Гуров А. И.* Словарь молодежных сленгов. Горький, 1989.
- Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
- Долотчев В.* Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Варшава, 1909.
- Дубровский Н. А.* Полный толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней. 21-е изд. М., 1914.
- Елистратов В. С.* Словарь московского арга. М., 1994.
- Елистратов В. С.* Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М., 1997.
- Еськова Н. А.* Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М., 1994.
- Ефремов Е.* Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртене. М., 1911.
- Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977; 4-е изд. М., 2003.
- Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В.* Новый словарь иностранных слов. М., 2003.
- Зелинский В. А.* Словарь иностранных слов. М., 1918.
- Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф.* Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.
- Краткий словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. 3-е изд. М., 1943; 6-е изд. М., 1951.
- Краткий словарь иностранных слов / Сост. С. М. Локшина. М., 1966.
- Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998; 5-е изд. М., 2003.

- Левберг М. Е.* Словарь иностранных слов. Л.; М., 1923.
- Левберг М. Е.* Словарь иностранных слов / Под ред. К. И. Шелавина. 6-е изд. Л., 1928.
- Майданов Д. Т., Рыбаков И. И.* Новый карманный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке (46000—50000). Одесса, 1916.
- Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
- Немецко-русский словарь / Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. 2-е изд. Т. 1—2. М., 1962.
- Новые слова и значения (по материалам прессы и литературы 60-х годов) / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971; 2-е изд. М., 1973.
- Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1984.
- Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е. А. Левашова. М., 1997.
- Новый большой англо-русский словарь. Т. 1 / Под общ. рук. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. Т. 2—3 / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 1993—1994 (НБАРС).
- Новый французско-русский словарь / Сост. В. Г. Гак, К. А. Ганшина. М., 1994 (НФРС).
- Овсянников В. З.* Литературная речь: Толковый словарь современной общелитературной фразеологии. Употребительнейшие иностранные и русские отвлеченные термины, образные слова и иносказания с указанием их происхождения и примерами фразеологического употребления. М., 1933.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1949; 6-е изд. М., 1964; 21-е изд. М., 1991.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997.
- Орфоэпический словарь русского языка. 5-е изд. М., 1989.
- Павленков Ф. Ф.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 3-е изд. СПб., 1911.
- Попов М.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. 3-е изд., с дополнением отдельных политических, экономических и общественных терминов, вошедших в употребление в русском языке в самое последнее время. М., 1907.
- Правильность русской речи / Под ред. С. И. Ожегова. 2-е изд. М., 1965.
- Рожанский Ф. И.* Сленг хиппи. СПб.; Париж, 1992.
- Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. 2-е изд. М., 1941; 3-е изд. М., 1949; 4-е изд. М., 1954; 6-е изд. М., 1964.
- Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / Коллектив авторов; С прилож. грамматики, сост. Н. В. Юшмановым. М., 1933.
- Словарь иностранных слов / Коллектив авторов; С прилож. табл. и грамматики, сост. проф. Н. В. Юшмановым. М., 1937.
- Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материал для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / Сост. под ред. А. Н. Чудинова. 3-е изд. СПб., 1910.
- Словарь молодежного жаргона / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 1992.
- Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов) / Под ред. Н. З. Котеловой. СПб., 1995.

- Словарь русского языка. Т. 1—4. М.—Л., АН СССР. 1957—1961; 2-е изд. М., 1981—1984.
- Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л.: АН СССР, 1949—1965.
- Словарь современного русского народного говора / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Словарь русского языка, составленный II отделением Императорской Академии наук. Т. 1—6, 8—9. СПб., 1891—1929.
- Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку АН СССР. 2-е изд. Л., 1930—1932. Т. 1, 3, 5. Вып. 1 и 2; Т. 8. Вып. 1.
- Смирнов В.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с общедоступным толкованием их значения и употребления. 2-е изд. М., 1913.
- Современный словарь иностранных слов. М., 1992.
- Спасский П. Х.* Словарь советских терминов и наиболее употребительных иностранных слов. Н. Новгород, 1924.
- Стоян П. Е.* Краткий толковый словарь русского языка. 3-е изд. Т. 1—2. Пг., 1916.
- Толкователь слов, наиболее употребляемых и малопонятных для начинающего читателя / Сост. ОСП. М., 1918.
- Толковый объяснительный словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке. 2-е изд. СПб., 1913.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1935—1940.
- Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Отв. ред. Г. Н. Склиаревская. СПб., 1998.
- Файн А., Лурье В.* Всё в кайф! Lena Production, 1991.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973.
- Французско-русский словарь / Сост. К. А. Ганшина. 5-е изд. М., 1962.
- Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга: Сленговые слова и выражения 60—90-х годов / Под ред. А. Н. Баранова. М., 1997.
- Яновский А. Е.* Словарь иностранных слов и научных терминов. Вып. 1—2. СПб., 1905.
- Brever's Dictionary of 20th-Century Phrase & Fable.* London, 1991.
- Fremdwörterbuch. Leipzig, 1958.
- Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue Française / Par P. Robert. Paris, 1973 (Le petit Robert).
- Vocabulaire de la Perestroïka. Paris, 1989.

Научное издание

Леонид Петрович Крысин

РУССКОЕ СЛОВО, СВОЕ И ЧУЖОЕ

Исследования по современному русскому языку и социолингвистике

Издатель А. Кошелев

Корректоры О. Заикина, М. Куренкова, Л. Липова

Художественное оформление переплета

С. Жигалкина и Ю. Саевича

Оригинал-макет подготовила Л. Кисличенко

Подписано в печать 10.03.2004. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Times».
Усл. п. л. 71,6. Заказ № 1130

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: lrc@comtv.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>

<http://www.lrc-mik.narod.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: (095) 247-17-57, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 17 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this edition

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

ГП Псковской области «Великолукская городская типография»

Комитета по средствам массовой информации

182100, Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12

Тел./факс: (811-53) 3-62-95

E-mail: VTL@MART.RU

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

- В. Айрапетян.** Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. 496 с. 2001.
- В. М. Алпатов.** История лингвистических учений. 368 с. 2001.
- В. С. Баевский.** Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. 336 с. 2001.
- А. В. Бондарко.** Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. 736 с. 2002.
- Е. А. Боратынский.** Полное собрание сочинений и писем: В 4 т.
Т. 1. Стихотворения 1818–1822 годов. 512 с. 2002.
Т. 2. Стихотворения 1823–1834 годов. 440 с. 2002.
- В. В. Вейдле.** Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. 456 с. 2002.
- М. М. Гиршман.** Литературное произведение: Теория художественной целостности. 528 с. 2002.
- С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин.** Словарь языка русских жестов. 256 с. 2001.
- Г. А. Гуковский.** Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. 352 с. 2001.
- Н. Н. Дурново.** Избранные работы по истории русского языка. 816 с. 2000.
- В. М. Живов.** Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. 760 с. 2002.
- А. К. Жолковский.** Зоценко: Поэтика недоверия. 392 с. 1999.
- В. А. Жуковский.** Полное собрание сочинений: В 20 т.
Т. I. Стихотворения 1797–1814 годов. 760 с. 1999.
Т. II. Стихотворения 1815–1852 годов. 840 с. 2000.
Т. XIII. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. 608 с. 2004.
- А. А. Зализняк.** «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. 2002. – I–VIII, 752 с. 2002.

- А. А. Зализняк.** Древненовгородский диалект – 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. 872 с. 2004.
- Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев.** Введение в русскую аспектологию. 226 с. 2000.
- Вяч. Вс. Иванов.** Избранные труды по семиотике и истории культуры.
Т. I. 912 с. 1998.
Т. II. 880 с. 2000.
Т. III. 880 с. 2004.
- С. А. Иванов.** Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» миссионера? 376 с. 2003.
- Из истории русской культуры.**
Т. I. Древняя Русь. 760 с. 2000.
Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. 944 с. 2002.
Т. III. XVII век. 768 с. 1995.
Т. IV. XVIII – начало XIX века. 832 с. 1996.
Т. V. XIX век. 848 с. 1996.
- А. В. Исаченко.** Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Части 1–2, 880 с. 2003.
- С. Д. Кацнельсон.** Категории языка и мышления: Из научного наследия. 864 с. 2001.
- Т. Ленингрэн.** Сборник Нила Сорского.
Ч. 1. 472 с. 2000.
Ч. 2. 512 с. 2002.
Ч. 3. 584 с. 2003.
- П. Е. Лукни.** Письмена и православие. 376 с. 2001.
- Н. А. Любимов.** Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. В 3 т.
Т. I. 416 с. 2000.
Т. II. 416 с. 2004.
- К. А. Максимович.** Пандекты Никона Черногорца. 296 с. 1998.
- А. В. Михайлов.** Обратный перевод. 856 с. 2000.
- А. В. Михайлов.** Языки культур. 912 с. 1997.
- Мир Велимира Хлебникова.** 880 с. 2000.

- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. акад. Ю. Д. Апресяна.
Вып. 1. 552 с. 1997.
Вып. 2. 488 с. 2000.
Вып. 3. 624 с. 2003.
- Ю. Г. Оксман – К. И. Чуковский.** Переписка. 1949–1969 / Предисл. и коммент. А. Л. Гришунина. 192 с. 2001.
- Н. В. Перцов.** Инварианты в русском словоизменении. 280 с. 2001.
- А. М. Пешковский.** Русский синтаксис в научном освещении. 544 с. 2001.
- Р. Пиккио.** Древнерусская литература. 352 с. 2002.
- Л. В. Пумпянский.** Классическая традиция. 864 с. 2000.
- А. С. Пушкин.** Тень Баркова. 496 с. 2002.
- Русский язык в научном освещении. № 1. 2001. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 2. 2001. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 1(3). 2002. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 2(3). 2002. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 1(5). 2003. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 2(6). 2003. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995): Сб. ст. 480 с. 2000.
- В. В. Седов.** Славяне: Историко-археологическое исследование. 624 с. 2002.
- А. М. Селищев.** Труды по русскому языку. Т. I. 632 с. 2003.
- Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т. М. Николаева. 560 с. 2002.
- Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. 648 с. 2001.
- Дж. Смит.** Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. 528 с. 2002.

- Ж. Старобинский.** Поэзия и знание: История литературы и культуры.
Т. I. 528 с. 2002.
Т. II. 600 с. 2002.
- В. Н. Топоров.** Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие.
Кн. I. 912 с. 2001.
Кн. II. 928 с. 2003.
- Я. Ульфельдт.** Путешествие в Россию. 616 с. 2002.
- Ф. Б. Успенский.** Имя и власть. 144 с. 2001.
- Ф. Б. Успенский.** Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. 456 с. 2002.
- А. А. Формозов.** Пушкин и древности: Записки археолога. 144 с. 2000.
- М. О. Чудакова.** Литература советского прошлого. Т. 1. 472 с. 2001.
- М. И. Шапир.** UNIVERSUM VERSUS: ЯЗЫК–СТИХ–СМЫСЛ в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 1. 544 с. 2000.
- А. Д. Шмелев.** Русская языковая модель мира. 224 с. 2002.
- Д. Н. Шмелев.** Избранные труды по русскому языку. 888 с. 2002.
- Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев.** Русский анекдот: Текст и речевой жанр. 144 с. 2002.
- Дж. Т. Шоу.** Конкорданс к стихам А. С. Пушкина. Т. 1–2.
Т. 1. 672 с. 2000.
Т. 2. 640 с. 2000.
- Дж. Т. Шоу.** Поэтика неожиданного у Пушкина. 456 с. 2002.
- Е. М. Юхименко.** Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература.
Т. I. 544 с. 2002.
Т. II. 480 с. 2002.
- Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова.** 600 с. 2001.
- Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты.** 496 с. 2001.
- Т. Е. Явко.** Коммуникативные стратегии русской речи. 384 с. 2001.